Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН ЕАЭС

VIII Уральский демографический форум

Международная научная конференция

Сборник статьей

Том II

Екатеринбург

2017

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)
Д31

Сборник подготовлен при поддержке гранта РФФИ 16-02-00164-а (ОГОН) «Научно-методический инструментарий измерения, оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России»

Ответственный редактор: д-р социол. наук, проф. А. И. Кузьмин
Рецензенты: д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова,
д-р социол. наук, Н. Г. Чевтаева

Организационная поддержка форума:
Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ
Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Уральский государственный медицинский университет Минздрава России
Ванадзорский государственный университет имени Ов. Туманяна
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза
РОО «Форум женщин Урала»

Статьи издаются в авторской редакции

Демографический потенциал стран ЕАЭС [Текст]: сб. ст. VIII Уральского демографического форума / отв. ред. д. социол. н. А.И. Кузьмин. Том II. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. – 556 с.

ISBN 978-5-94646-590-8

Сборник статей представляет интерес как для специалистов в области управления демографическими, социально-экономическими процессами воспроизводства населения и его трудового потенциала, так и для преподавателей, аспирантов, представителей общественных и некоммерческих организаций, интересующихся проблемами междисциплинарных исследований воспроизводственных аспектов количественных и качественных характеристик населения России и других стран ЕАЭС.

Во втором томе размещены материалы научных докладов дискуссионных площадок: «Миграционные факторы формирования демографического потенциала в пространстве ЕАЭС», «Социально-экономические факторы формирования качества населения», круглого стола «Междисциплинарные аспекты исследований демографического потенциала».

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)

ISBN 978-5-94646-590-8
© Институт экономики УрО РАН. 2017

Содержание

4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА НАСЕЛЕНИЯ 8
Акбердина В.В., Рудаков Р.Б. Изменение рынка труда в условиях высокой импортозависимости машиностроения 8
Акьюлов Р.И., Казанцева Д.Е. Анализ социально-экономических и демографических факторов, влияющих на качество населения Свердловской области 12
Акьюлов Р.И., Алферьев К.А. Сравнительный анализ экономико-демографических показателей стран - участников ЕАЭС 18
Андреева Е.Е., Морозов Г.Б. Социальная эффективность государственной поддержки семей, имеющих ребенка в возрасте до 3 лет 24
Анисимов С.А. Формирование опережающей профессиональной идентичности молодого человека в семье 29
Антонова Ю.В., Солдатова А.В. Реформы образования и качество населения: вызовы и угрозы 33
Барсуков В.Н., Короленко А.В. Возрастная дискриминация как социально-экономический барьер формирования качества жизни старшего поколения 37
Бедрина Е.Б., Ишуков А.А. Экономическое неравенство в Евразийском экономическом союзе и пути его преодоления 43
Белехова Г.В. Финансовое поведение населения и его роль в формировании качества жизни 49
Важенина И.С., Важенин С.Г. Социально-экономический суверенитет и удовлетворение потребностей населения России на современном этапе 54
Глухих П.Л., Шкурин Д.В., Воронина Л.В. Предпринимательский потенциал молодежи Свердловской области (по результатам социологического опроса) 60
Голева Е.Р., Каташинских В.С. Развитие малого и среднего предпринимательства как показатель уровня качества жизни населения 67
Гончарова К.С. Оценка влияния экономического роста на дифференциацию доходов населения в регионах УрФО 72
Гончарова Н.П., Еремин А.А., Тарасова Е.В. К вопросу о методике оценки результативности демографической политики 77
Данилова И.А., Дмитриев Р.В. Возрастные структуры населения в странах ЕАЭС 81
Злотникова Л.М. Здоровье человека как основа благосостояния общества 85
Козлова О.А., Казмалова О.Н. Роль образования в эффективности человеческого капитала 91
Козлова О.А., Селезенева Е.А. Вопросы становления института достойного труда в России 97
Камарова Т.А. Исследование удовлетворенности занятостью трудовых ресурсов г. Екатеринбурга как одного их социоэкономического фактора формирования качества населения 102
Кислицына О.А. Социально-экономическое неравенство как фактор ухудшения здоровья населения 108
Ковзиридзе М.А. Роль урбанизации в формировании профессиональных мотивационных компонент личности 112
Королев С.В. Проблемы государственной поддержки семьи в 90-е годы XX века (на примере детских пособий в Удмуртской Республике) 116
Кузьмин А.И., Ломовцева Т.В. Совершенствование органами местного самоуправления информирования жителей муниципалитетов по расширению их участия в мониторинге результатов деятельности органов местного самоуправления Свердловской области 121

Кузьмин А.И., Пермякова Н.С., Третьяк А.Н .Особенности демографической ситуации и демографических процессов в городском округе г. Нефтекамск 124
Кузьмицкая Т.В., Сергиевич Т.В. Демографические тенденции и занятость в Республике Беларусь 129
Макарова М.Н., Воронина Л.Н. Доступность объектов социальной инфраструктуры в микрорайонах города как фактор формирования экономического потенциала населения 134
Маковская Н.В. Прекаризированная занятость женщин пенсионного возраста в Беларуси 139
Максакова Л.П. Высшее образование как фактор качественного развития населения и экономики 143
Малыш Е.В . Факторы формирования современного класса Рантье 148
Мащенко Ю.А. Инфраструктурные ограничения формирования медико-демографического потенциала регионов юга России 153
Миронова А.А. Демографические изменения и система родственной поддержки 159
Морозов Г.Б. Об экономико-правовых возможностях обеспечения трудовой самозанятости населения на территориях депрессивных муниципальных образований 166
Мыслякова Ю.Г., Андреева Е.Л. О влиянии вузов на формирование социального портрета современного студента Уральского региона 172
Оглезнева О.В., Марьина З.А. Анализ уровня жизни Кировской области с помощью функционально связанных временных рядов 177
Пасовец Ю.М. Молодежь в возрастной структуре населения в общероссийском и региональном измерении 181
Петров Ю.А., Петрова Г.И. Демографическое прогнозирование контингента студентов в ВУЗах Российской Федерации 186
Пеша А.В. Показатели движения рабочих мест в межотраслевой дифференциации Российской Федерации в период 2011 - 2016 годы 190
Попова О.В. Динамика и тенденции экономической активности и занятости молодежи Республики Саха (Якутия) 196
Пыхов П.А., Кашина Т.О. Инфраструктурные факторы формирования благосостояния ... 201
Симагин Ю.А. Муниципальные образования России с быстрым сокращением демографического потенциала 205
Симакина М.А. Культура в оценке качества населения 210
Спанкулова Л.С. Социально-экономический статус и качество жизни, связанное со здоровьем населения проживающих в регионе экологического неблагополучия 215
Ташматов Р.Х. Обеспечение продовольственной безопасности - как фактор улучшения качества населения 218
Филиппова Е.С. Совершенствование корпоративной культуры предприятия на примере ООО «УГМК-Телеком» 223
Хакназаров С.Х. Проблемы социально-экономического развития Белоярского района Югры: социологический аспект 230
Чучкалова С.В. Метод отбора значимых факторов при оценивании качества жизни населения 235
Шамова Е.А. Наличие ресурсов для реализации проекта по новой индустриализации России: рынок труда 241
Шевелева О.Р. Молодая семья Уральского инженера как показатель демографического потенциала региона 244
Шишкина М.А. Оценка доступности жилья как фактора детерминации рождаемости 249
Щербина Н.М. Благосостояние населения и политика в области сокращения бедности в Беларуси 254
5. МИГРАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС 260

Бабаев А.А. Современные проблемы трудовой миграции в Республике Таджикистан и новые подходы к региональной интеграции 260
Гилева И.С. Миграционный аспект национальной политики 266
Гришанова А.Г., Красинец Е.С. Миграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: некоторые аспекты 270
Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И. Миграция в России в формате интеграционных процессов на евразийском пространстве 274
Гуляева Н.П. Влияние развития социальной сферы на миграцию из Сибирского федерального округа 278
Дукки А.С. Внешняя трудовая миграция в современной России 284
Злотников А. Г., Смалюга А. К. Белорусская миграция в евразийском отражении 288
Кованова Е.С. Актуальные тенденции внутренней трудовой миграции населения регионов России 294
Коровкин А.Г., Единак Е.А., Королев И.Б. Прогнозирование численности и структуры населения на базе балансового подхода 297
Красинец Е.С. О миграционном взаимодействии россии со странами евразийской интеграции 303
Куприна Т.В. Особенности миграционных потоков стран ЕАЭС: сравнительно-сопоставительный анализ 308
Литовский В.В. Трансформационные ожидания в сфере востребованности человеческого капитала и потенциал его пространственного перераспределения для Екатеринбурга 314
Лифшиц М.Л. Демографические перспективы России при различных экономических и миграционных сценариях 319
Масленников М.И. Внешнеэкономические выгоды и убытки от миграции высококвалифицированных специалистов 325
Мельникова А.С. Изучение факторов формирования национальных анклавов в условиях мегаполисов 329
Неклюдова Н.П., Лифшиц М.Л. Влияние международной трудовой миграции на распространение заболеваний, представляющих опасность для окружающих 334
Пациорковский В. В. Движение населения муниципальных образований Среднего Урала в 2010–2016 гг. 337
Петракова Ю.Н. Миграционный потенциал Республики Беларусь для стран ЕАЭС 343
Прохода В.А. Отношение к мигрантам в современной России 349
Сафиуллин Р.Г., Афанасьев А.К., Сафиуллина Р.М., Сафиуллин М.Р. Влияние миграционных процессов на развитие человеческого капитала Республики Башкортостан 352
Сергеева Л.В. Положительные аспекты академической миграции из стран ЕАЭС в контексте миграционных тенденций 359
Тимошенко М.В. Совершенствование регулирующих воздействий на миграционные процессы в Республике Беларусь 363
Трушкова Е.А. Библиометрический анализ научных публикаций по вопросам исследования анклавов 370
Тухтарова Е.Х. Конкуренция на рынке труда между местными жителями и иностранными трудовыми мигрантами в регионах России 375
Тухтарова Е.Х., Неклюдова Н.П. Миграционные потоки в субъектах Уральского федерального округа 380
Черезова О.Г. Сводки текущего статистичского учета как источник сведений о естественном движении и миграциях населения индустриального Урала второй половины XX века 384
Чернова К.В., Бедрина Е.Б. Миграционные потоки из Республики Казахстан: факторы «выталкивания» 388
6. МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ 395

Ануфриева Е.В., Татарева С.В., Малямова Л.Н., Казанцева А.В. Медико-социальные аспекты смертности детей от внешних причин.....395
Банникова Л.Н., Фирсова А.С. Реализация государственной политики профилактики суицидального поведения подростков на региональном уровне 401
Боброва А.Г., Пилютик А.А. Демографические потери, обусловленные потреблением алкоголя в Беларуси 406
Гузенко С.С. Духовно-нравственная основа физической культуры и спорта 411
Гурбан И.А. О концепции национальной системы мониторинга наркоситуации и противодействия функционированию наркорынка 413
*Клименков Г.В.*Унифицированный подход к качеству жизни, человеческому потенциалу и человеческому капиталу с позиции здоровьесберегающей жизнедеятельности (введение в культуру индивидуального и общественного здоровья и благополучия) 418
Костромин Р.А., Чевтаева Н.Г. Реализация государственной политики в сфере кадрового обеспечения системы здравоохранения как медико-демографический аспект здоровьясбережения населения 425
Мельников А.В. Медико-демографические вопросы коренного населения западных территорий ХМАО-Югры 429
Никулина М.А. Здоровый образ жизни современной студенческой молодежи (опыт социологического исследования) 433
Новоселова Е.Н. Социально-демографические факторы здоровья и самосохранительного поведения 435
Ножкина Н.В., Зарипова Т.В. Причины репродуктивных потерь в Свердловской области 441
Оборин М.С. Региональные курортно-рекреационные системы как эффективный инструмент повышения качества жизни населения 446
Оборин М.С., Кожушкина И.В. Системный анализ медико-демографических процессов региона 452
Оконечникова Л.В., Муртазина М.А. Особенности влияния мультфильмов на психическое здоровье детей 457
Поплавская И.А. Здоровье нации в контексте социального неравенства 460
Разварина И.Н., Нацун Л.Н. Медицинская активность родителей как фактор формирования здоровья детей 465
Русанова Н.Е. Демографические последствия «эпидемии неинфекционных заболеваний» в России 470
Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Динамика заболеваемости населения Сибирского федерального округа в 1995-2014 гг. 474
Февралева С.В. Вероятностные показатели в мониторинге здоровья населения Хабаровского края.....484
Чистова Е.В. Подход к определению стадии демографического старения населения на региональном уровне 489
Шабунова А.А., Короленко А.В. Современная модель здорового образа жизни: место профилактики в повседневных практиках населения региона 496
Шастин А.С., Газимова В.Г. Медико-демографические аспекты экономического развития промышленных предприятий России.....504
Шибалков И.П. Социоэкономические факторы состояния общественного здоровья и территориальная дифференциация в россии с позиции теории эпидемиологического перехода 509
Щукина А.С. Пространственные аспекты достижения целей развития тысячелетия – 2015 в России 514
КРУГЛЫЙ СТОЛ «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА».....518

Шубат О.М. Развитие аналитического инструментария исследования демографического потенциала 518
Саякбаева А.А. Социально-демографическая ситуация в Кыргызской Республике 522
Логинов В.Г. Российская Арктика: ретроспективный анализ демографических процессов 528
Рахимов А.Р. Исследование технологии оценки персонала..... 536
Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Влияние миграции на этническую структуру населения севера России..... 541
Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Родительство глазами студенческой молодежи..... 548

4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА НАСЕЛЕНИЯ

УДК: 316.444.54

В.В. Акбердина, Р.Б. Рудаков

ИЗМЕНЕНИЕ РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ ИМПОРТОЗАВИСИМОСТИ МАШИНОСТРОЕНИЯ

В настоящее время конкурентоспособность машиностроения снижается (в том числе из-за высокой импортозависимости) и на товарных рынках, и на рынке труда. Если предприятия не смогут провести техническое перевооружение и удержаться на внутреннем рынке, это приведет к их закрытию, снижению занятости населения, социальной напряженности

Ключевые слова зависимость от импорта, высвобождение трудовых ресурсов, социальная напряженность

За последнее двадцатилетие доля четвертого и пятого технологических укладов в составе продукции машиностроения уменьшилась на 20%. В располагаемых машиностроением технологиях преобладают базовые и устаревшие, а доля инновационных технологий составляет 16-17% [1, с. 38].

Численность занятых в машиностроении снизилась в 4 раза. Количество рабочих мест уменьшилось более чем на 5 млн ед. Технологические возможности отечественного машиностроения не смогли удовлетворить растущий спрос экономики на машины и оборудование в, это что привело к росту импорта техники (ежегодно на сумму до 100 млрд долл. США).

Недостаточные инвестиции в основной капитал смогли обеспечить обновление производственного аппарата машиностроения лишь на 4-5% в год, что привело к уменьшению производственных мощностей из-за выбытия физически и морально устаревшего оборудования. Например, средний возраст производственной базы машиностроительных предприятий Свердловской области превышает 15-20 лет. Степень износа основных фондов машиностроительного комплекса Свердловской области приведена в табл. 1.

Таблица 1.

Степень износа основных фондов машиностроительного комплекса Свердловской области [2, с. 22]

Вид деятельности	Степень износа основных фондов, %
Производство машин и оборудования	44
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	46
Производство транспортных средств и оборудования	28,1

Экономисты констатируют рост производственной зависимости российской экономики от импорта, значительное увеличение импорта товаров промежуточного спроса, увеличение доли импорта в затратах предприятий на сырье, материалы, комплектующие [3, с. 104].

Максимальная зависимость от импортных сырья, материалов, комплектующих в машиностроительном комплексе. Если по итогам 2008 г. она составляла 19,7%, то в 2013 г. увеличилась до 36,5%.

Сейчас, для обеспечения роста отечественного машиностроения в период до 2020 г., по мнению аналитиков, необходимо ликвидировать катастрофическую производственную зависимость от импорта, не просто использовав новейшие технологии, а с долей не менее 40% в составе всех технологий машиностроения. Необходимо обеспечить также рост производительности труда [4; 1, с. 47].

В настоящее время конкурентоспособность машиностроения снижается не только на товарных рынках, но и на рынке труда, в основном именно из-за низких темпов обновления производственной инфраструктуры. Выбытие экономически активного населения из реального сектора в отображено в табл. 2.

Таблица 2.

Численность занятых в экономике и в обрабатывающей промышленности по УрФО и Свердловской области[1]

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Численность занятых в экономике (тыс. чел./в % к предыдущему году)							
Уральский федеральный округ	6068,4	6025,3	6056,7	6062,3	6053,4	6037,1	6010,1
	100,4	100,1	100,5	100,1	99,9	99,7	99,6
Свердловская область	2093,7	2049,1	2047,4	2043,2	2033,0	2024,5	2021,1
	100,2	99,5	99,9	99,8	99,5	99,6	99,8
Численность занятых в обрабатывающей промышленности (тыс. чел./в % к общей численности занятых в экономике)							
Уральский федеральный округ	1267,7	1032,1	1042,8	1033,4	1028,8	1020,2	1003,9
	20,9	17,1	17,2	17,0	17,0	16,9	16,7
Свердловская область	586,6	459,4	463,3	459,7	454,6	443,8	434,0
	28,0	22,4	22,6	22,5	22,4	21,9	21,5

Из таблицы 2 видно, что численность занятых в экономике Свердловской области и УрФО в целом неуклонно уменьшается. За последнее десятилетие численность занятых в обрабатывающей промышленности снизилась по УрФО на 21%, а в Свердловской области на 26%.

Можно возразить, что в экономически развитых странах также наблюдается снижение доли занятых в реальном секторе экономики, однако этот процесс объясняется следующими причинами: высокими темпами роста производительности труда и перемещением трудоемких производств в страны с более низкой стоимостью рабочей силы. В Германии, например, за первое десятилетие XXI века численность занятых в тяжелом машиностроении сократилась на 8%, в США – на 17% [5, с. 308]. Снижение численности занятых в машиностроении в России за этот же период произошло на 28%, и это объясняют снижением объемов производства [6, с. 13]. По расчетам авторов работы [5, с. 308], реальный сектор экономики только на 74% обеспечен трудовыми ресурсами, и вообще для российской промышленности определенно существует проблема нехватки рабочей силы.

Заработная плата в отечественном машиностроительном комплексе невысока и не может быть другой из-за низкой рентабельности производства и низкой конкурентоспособности продукции, тем не менее, требования к уровню квалификации высоки. Работники же, согласные с предлагаемыми условиями труда, не отвечают требованиям работодателя из-за отсутствия необходимого уровня квалификации или опыта работы. Это противоречие и породило выше обозначенную ситуацию.

Считается, что при достаточном объеме инвестиций возможно быстро обновить производственный аппарат, а также увеличить производственные мощности. Но расширение

[1] Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – С. 109-166.

производственных мощностей и повышение интенсивности использования оборудования невозможно без квалифицированной рабочей силы. Даже сейчас, когда не наблюдается позитивной динамики производства в машиностроении, предприятия ощущают исчерпание трудовых кадров необходимой квалификации (тем более, что такие документы, как, Государственная программа Свердловской области «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 года», ориентирует на «модернизацию существующих рабочих мест в промышленности до уровня высокопроизводительных» (в настоящее время средняя производительность труда в промышленности области составляла в 2011 г. 2,9 млн руб./чел., а в машиностроении этот показатель был ниже в 1,8 раза) [2, с. 22]. Кроме высококвалифицированных рабочих (сварщиков, токарей, наладчиков станков с числовым управлением, лаборантов), в промышленном комплексе Свердловской области имеется дефицит инженеров металлообработки, инженеров промышленной электроники, конструкторов, инженеров-технологов, химиков-технологов, специалистов в области разработки и проектирования металлургических проектов. Доля специалистов высшей квалификации составляет 5% от потребности работодателей. Промышленный комплекс области обеспечен в настоящее время специалистами с высшим техническим образованием на 70%, со средним возрастом 53 года и старше [2, с. 27].

Развитие инновационно-технологической промышленности невозможно без специалистов, способных работать на высокотехнологичных наукоемких производствах. Одной из целей Государственной программы Свердловской области «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 года» является «обеспечение условий для подготовки квалифицированных работников инженерно-технических и рабочих специальностей в количестве и с качеством, полностью удовлетворяющим текущим и перспективным потребностям экономики региона, с учетом программ развития промышленного сектора экономики, обеспечения импортозамещения и возвращения отечественным предприятиям технологического лидерства» [2, с. 3].

Несмотря на это, возможно высвобождение работающих из-за предпосылок снижения потребности отраслей промышленности в трудовых ресурсах. Это объясняется все растущим импортом производственного оборудования, а, следовательно, и ростом в ближайшее время импорта запасных частей к этому оборудованию. Потребность в запасных частях и комплектующих к импортному оборудованию будет расти пропорционально увеличению его доли в производственном аппарате отраслей промышленности [5, с. 309]. Сейчас в объеме производства машиностроительных предприятий именно выпуск запасных частей к отечественному действующему оборудованию составляет значительную часть производства, однако многие ведущие предприятия более ориентированы на международную кооперацию, чем на межотраслевые связи с российскими предприятиями. В условиях необходимости расширения импорта запасных частей к импортному оборудованию, а также возможного роста импорта оборудования и увеличения его удельного веса на промышленных предприятиях (в случае простой замены импортера в условиях действующих санкций), потребность в запасных частях к отечественному оборудованию, выходящему из строя из-за изношенности, будет снижаться. А ведь продукция заготовительных производств (прежде всего литейных), которые являются объединяющими для металлургической и машиностроительной отраслей промышленности Свердловской области, поставляется как на металлургический и горнодобывающий комплекс в виде запасных частей для оборудования, так и в виде заготовок для выпуска готовой продукции в машиностроительный комплекс [2, с. 12]. Прекращение производства запасных частей и комплектующих повлечет снижение спроса на продукцию смежных отраслей промышленности, все это в итоге приведет к закрытию некоторых предприятий. Сокращение числа промышленных предприятий приведет, в свою очередь, к снижению спроса российского рынка на продукцию производственно-технического назначения, к высвобождению трудовых ресурсов и снижению социально-экономических показателей развития регионов и страны в целом (цепочка этих связей отображена на рис. 1).

Само собой, в периоды укрепления национальной валюты для предприятий выгоднее использовать импортное сырье, материалы, изделия. Но рост производственной зависимости российской экономики от импорта свидетельствует не столько о ее вовлеченности в мировые производственно-торговые цепочки, сколько о недостаточной инвестиционной активности, отказе от реализации модернизационных проектов, неэффективной реакции на возникающий спрос [3, с. 110].

Рис. Цепочка последствий недостаточной инвестиционной деятельности в машиностроении

Цепная реакция, отображенная на рис. 1, неизбежно произойдет в случае отсутствия в ближайшее время обновления производственного аппарата инновационно-насыщенными инвестициями и современными технологиями, что должно обеспечить конкурентоспособность промышленности. В машиностроении, по оценкам специалистов, как ни в одной другой отрасли промышленности, внедрение прогрессивных технологий и новой техники дает быстрые результаты (затраты на внедрение прогрессивных технологий окупаются за 1,5-2 года, затраты на новое оборудование – за 2-2,5 года). Стоит отметить, что в Свердловской области 55,7 % от общих инвестиций в основной капитал приходится на создание и приобретение машин и оборудования, что выше почти на 20% общероссийского показателя.

Низкая инвестиционная активность в машиностроении Свердловской области имеет следующие истоки:

- для крупных градообразующих машиностроительных предприятий характерен высокий уровень социальной нагрузки;
- неблагоприятная динамика индексов цен в металлургии, энергетике и других отраслях, продукция которых формирует себестоимость машиностроительной продукции;
- отсутствие свободных инвестиционных средств и трудности привлечения кредитных ресурсов на приемлемых условиях на долгосрочный период.

Без комплексной государственной поддержки предприятия среднего звена (даже в приоритетных отраслях промышленности) не смогут провести модернизацию и техническое перевооружение и, следовательно, удержаться на внутреннем рынке, а это повлечет, как было сказано выше, закрытие предприятий, снижение занятости населения, социальную напряженность.

© Акбердина В.В., Рудаков Р.Б. Текст. 2017

Список источников

1. Борисов В.Н., Почукаева О.В. Инновационное развитие машиностроения // Проблемы прогнозирования. 2013. №1. С. 38-51.
2. Государственная программа Свердловской области «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 года». Утв.24.10.2013 г. № 1293-ПП. 108 с.
3. Березинская О.Б., Ведев А.Л. Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения // Вопросы экономики. 2015. №1. С. 103-115.
4. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. 8 декабря 2011 г. № 2227-р. Эл. ресурс: http://minsvyaz.ru/common/upload/2227-pril.pdf.
5. Борисов В.Н., Почукаева О.В., Балагурова Е.А., Орлова Т.Г. Роль импортозамещения в развитии машиностроения // Научные труды: Институт народохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС Пресс, 2015. С. 300-323.
6. Кондратьев С. Модернизация человеческого капитала // Объединенное машиностроение. 2012. №1. С. 12-18.

Информация об авторах

1. Акбердина Виктория Викторовна, Россия, Екатеринбург, д.э.н., проф. РАН, заведующий отделом ИЭ УрО РАН, г. Екатеринбург, ул. Московская, 19. akb_vic@mail.ru.
2. Рудаков Роман Борисович, Россия, Екатеринбург, аспирант ИЭ УрО РАН, г. Екатеринбург, ул. Московская, 19. killingthrow@mail.ru.

Akberdina V.V., Rudakov R.B.

CHANGES OF THE LABOR MARKET IN THE CONDITIONS OF HIGH IMPORT-INDEPENDENCE OF MACHINE-BUILDING

At present, the competitiveness of machine building is declining (including due to high import dependence) and in commodity markets and the labor market. If enterprises can not carry out technical re-equipment and stay on the domestic market, this will lead to their closure, reduction of employment, social tension

Key words dependence on imports, release of labor resources, social tension

Information about authors

1. Akberdina Victoria Viktorovna, Russia, Ekaterinburg, Doctor of Economic Sciences, prof. RAS, Head of Department, IE UrB RAS, Ekaterinburg, ul. Moscow, 19. akb_vic@mail.ru.
2. Rudakov Roman Borisovich, Russia, Yekaterinburg, Post-Graduate Student, IE UrB RAS, Ekaterinburg, ul. Moscow, 19. killingthrow@mail.ru.

УДК: 314.93

Р.И. Акьюлов, Д.Е. Казанцева

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается проблема качества населения Свердловской области в контексте ряда основных социально-экономических и демографических факторов, которые влияют на характеристики населения. Проводится статистический анализ динамики основных индикаторов за период 2010-2016 гг., формулируются выводы, и предлагается ряд мер по созданию условий для последующего повышения качества населения региона.

Ключевые слова: качество жизни, качество населения, факторы, показатели естественного движения населения.

В настоящее время в регионах России наблюдается достаточно сложная социально-экономическая ситуация, обусловленная рядом причин, включая геополитические факторы, технологическую отсталость, низкую производительность труда в промышленном секторе, низкие показатели уровня и качества жизни населения, ухудшение демографической ситуации.

Одним из важнейших критериев эффективности государственного управления является качество населения, определяемым рядом факторов, из которых наиболее интегральным выступает качество жизни, которое предполагает степень чистоты окружающей среды, уровень личной и национальной безопасности, политические и экономические свободы и другие условия человеческого благополучия – от качества и доступности медицинских, образовательных, культурных и рекреационных услуг. В долгосрочных программах социально-экономического развития России основным приоритетом выдвигается обеспечение необходимых условий для благополучия населения, повышение уровня и качества жизни. Вместе с тем реальные статистические показатели зачастую свидетельствуют о том, что не все декларируемые целевые ориентиры в государственных программах достигаются эффективно и в срок.

В современной России необходимо, чтобы человек и семья стали в основе приоритета общества и государства не только на словах, в программах, но и на самом деле.

Для определения оценки уровня и качества жизни в целом и по отдельным субъектам России традиционно используются качественные и количественные показатели, которые можно рассматривать и в качестве факторов, влияющих на качество населения.

К количественным относятся – занятость, уровень заработной платы, средний доход на душу населения, средние нормы потребления на душу населения и так далее.

К качественным – условия труда, быта, досуга, отдыха, образования, медицинского обслуживания людей.

Интерес к качеству жизни населения, качеству самого населения обусловлен тем, что эти индикаторы являются наиболее интегральными при оценке социально-экономического развития государства и его эффективности как института. Взаимосвязь между социальным развитием и качеством населения заключается в том, что само социальное развитие выступает, одновременно, и условием, и следствием изменения качества жизни населения относительно прежнего состояния.

Качество жизни населения во многом зависит от полноты и качества услуг, предоставляемых не только учреждениями социальной сферы, уровня доходов, доступности товаров высокого качества, но и от результатов деятельности органов государственного управления, создающих условия для удовлетворения жизненных потребностей людей, от эффективности «обратной связи» общества и государства.

Важнейшим показателем качества населения является уровень его заболеваемости, поскольку она не позволяет человеку эффективно осуществлять все виды жизнедеятельности, трудиться, воспроизводить новые поколения. Статистические данные о заболеваемости населения Свердловской области свидетельствуют о волнообразном характере изменения данного показателя в последние годы, при котором максимальный уровень был зафиксирован в 2013 году (см. табл.1). Причем обращает на себя внимание тот факт, что в этом же году максимум заболеваемости был зафиксирован в Уральском федеральном округе и в целом по России, что может отражать некие общие для всех регионов причины роста данного показателя.

Таблица 1

Заболеваемость на 1000 человек населения в 2010-2015гг (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015

РФ	780	796,9	793,9	799,4	787,1	778,2
УрФО	813,3	823,2	814,6	834,4	816,8	806,2
Свердлов. область	727,8	739,7	734,1	766,8	747,8	728,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С.439-440

Еще одной важной характеристикой качества населения является его воспроизводственный потенциал, определяемый уровнем рождаемости и смертности. Судя по данным статистики до 2015 года рождаемость неуклонно росла, а смертность также неуклонно снижалась, как в Свердловской области, так и в целом по России, что привело сначала в 2012 году к простому режиму воспроизводства, а в 2013-2015гг. был достигнут расширенный режим воспроизводства населения, впервые с 1991 года (см. табл.2,3).

Таблица 2

Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	12,5	12,6	13,3	13,2	13,3	13,3
Уральский федеральный округ	14,1	14,2	15,1	15,0	15,1	14,8
Свердловская область	13,4	13,5	14,3	14,4	14,5	14,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С.59-60

Самый низкий общий коэффициент рождаемости приходился на 2010 год. По России максимальное увеличение коэффициента наблюдалось в 2012, 2014 и 2015 гг., тем не менее, не смотря на достижение расширенного режима воспроизводства, уровень рождаемости оставался достаточно низким и держался на уровне 13,3%0 по России. В УрФО максимальный рост показателя был зафиксирован на уровне 15,1%0 в 2012 и 2014 гг., а в 2015 году началось заметное снижение величины общего коэффициента рождаемости, что послужило предвестником нарастания неблагоприятной тенденции демографической динамики в 2016 году, когда вновь смертность превысила рождаемость, как в Свердловской области, так и по России в целом (см. табл. 4).

Таблица 3

Общие коэффициенты смертности (число умерших на 1000 человек населения)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	14,2	13,5	13,3	13,0	13,1	13,0
Уральский федеральный округ	13,0	12,7	12,6	12,3	12,4	12,5
Свердловская область	14,3	14,1	14,0	13,7	14,0	14,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С.61-62

В вышедшем Пресс-выпуске Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области, указывалось, что численность населения Свердловской области за 2016г. сократилась на 665 человек и на 1 января 2017 г. составила 4329341 человек. Основной причиной сокращения численности населения Свердловской области стала естественная убыль населения (991 человек). Миграционный прирост населения (326 человек) частично восполнил потери численности населения области (на 32,9%). По сравнению с 2015 годом, в 2016 г. миграционный прирост сократился в 4,7 раза.

Родилось в 2016 г. 59840 детей, 60831 человек умер в течение года. Число умерших превысило число родившихся на 1,7%. По сравнению с 2015 г., в 2016 г. число родившихся сократилось на 3,8% (на 2392 человека), число умерших – на 0,6% (на 391 человека). [1]

Таблица 4

Показатели естественного движения населения в Российской Федерации

	Тысяч			*На 1000 человек населения*	
	2016г.	*2015г.*	*прирост (+), снижение (-)*	*2016г.*	*2015г.*
Родившихся	1888,7	1940,6	-51,9	12,9	13,3
Умерших	1891,0	1908,5	-17,5	12,9	13,0
из них детей в возрасте до 1 года	11,4	12,7	-1,3	6,0[2]	6,5
Естественный прирост (+), убыль (-)	-2,3	+32,1		-0,0	+0,3
Браков	985,8	1161,1	-175,3	6,7	7,9
Разводов	607,6	611,6	-4,0	4,1	4,2

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/social/utoch-osn-12-2016.pdf

Следующей важной характеристикой качества населения является уровень образования, в первую очередь, занятого населения. Статистические данные показывают, что среди занятого населения в период с 2010 по 2015 годы по России максимальное значение доля занятого населения с высшим образованием достигала в 2015 году - 33%, по УрФО - 31,2%, а по Свердловской области в 2014 году – 28,8%. Максимального значения доля занятого населения со средним профессиональным образованием достигала в 2010 году, составив по России – 46,8%, УрФО – 49,5%, Свердловской области – 49,4%. При этом можно выявить благоприятную тенденцию неуклонного увеличения с 2010 по 2015гг доли занятого населения с высшим образованием. Доля занятого населения со средним профессиональным образованием остается достаточно стабильной, а вот доля занятого населения со средним общим образованием имеет небольшую тенденцию к снижению – пополняя предыдущие две группы.

Почти все характеристики жизнедеятельности социума связаны между собой, совокупность которых представляя сложную систему, обусловливающую взаимосвязь качества жизни и качества населения.

Характеризуя качество населения нельзя не отметить то, что важными, пусть и косвенными его признаками, являются материальные аспекты жизни населения – уровень дохода, занятость, обеспечивающая возможность получения дохода, жилищные условия, доля населения, имеющего очень низкие доходы, ниже прожиточного минимума.

Таблица 5

Состав занятого населения по уровню образования (по данным выборочных обследований рабочей силы; в процентах к итогу)

	Занятые всего	В том числе имеют образование				
		Высшее	Среднее профессиональное - всего	Среднее общее	Основное общее	Не имеют основного общего
2015						
РФ	100	33	45	18,4	3,4	0,2
УФО	100	31,2	47,8	16,6	4,1	0,3
Сверд. обл.	100	28,7	48,2	17,6	5,2	0,3
2014						
РФ	100	32,2	44,9	19,2	3,5	0,2
УФО	100	31,1	47,9	17,3	3,5	0,2
Сверд. обл.	100	28,8	47,9	19,1	4,2	0,1
2013						

РФ	100	31,7	44,3	20,2	3,5	0,3
УФО	100	29,1	47,5	19,1	3,9	0,4
Сверд. обл.	100	27,8	47,5	19,9	4,5	0,2
2012						
РФ	100	30,4	45,7	19,9	3,7	0,3
УФО	100	27,2	48,7	19,1	4,7	0,3
Сверд. обл.	100	25,4	48,2	20,3	5,8	0,3
2011						
РФ	100	29,5	46,4	19,7	3,9	0,3
УФО	100	26,3	48,9	19,8	4,7	0,4
Сверд. обл.	100	24,3	49,2	20,5	5,5	0,4
2010						
РФ	100	28,9	46,8	20	4	0,3
УФО	100	25,7	49,5	19,9	4,5	0,3
Сверд. обл.	100	23,1	49,4	21,5	5,5	0,4

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С.178-179

Для проводимого нами анализа уделим внимание таким индикаторам, как доля населения, имеющего доход ниже прожиточного минимума и обеспеченность жилыми помещениями населения. Что касается первого показателя, то изменения, произошедшие за 2015-2016гг. свидетельствуют о формировании неблагополучной тенденции развития, т.к. доля населения с доходом ниже прожиточного минимума в 2016 году пусть незначительно, но все же увеличилась по сравнению с 2015 годом с 13,3% до 13,5%, что в абсолютных числах выглядит, как увеличение на 300 тысяч человек – с 19,5 млн. до 19,8 млн. человек [2,с.255]

Несколько обнадеживает положительная динамика показателя общей площади жилых помещений в среднем на одного человека. За период с 2010 по 2015 год увеличение произошло почти на 10%, ка Свердловской области, так и в целом по России (см. табл. 6).

Таблица 6

Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года; квадратных метров)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	22,6	23,0	23,4	23,4	23,7	24,4
Уральский федеральный округ	22,3	22,6	22,9	23,2	23,7	24,2
Свердловская область	23,1	23,4	23,7	24,0	24,4	24,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С.302-303

Таким образом, проведенный достаточно общий и, одновременно, наглядный анализ основных факторов, определяющих качество жизни и индикаторов, отражающих качество населения, дает основания констатировать, что в последние годы складывается неблагоприятная ситуация, как в демографическом, так и в социально-экономическом плане. Требуются дальнейшие более углубленные исследования для выявления фундаментальных причин формирования неблагоприятных тенденций социально-демографического развития Свердловской области и России в целом с последующей выработкой комплекса мер тактического и стратегического характера по устранению причин такого положения и созданию условий для поступательного развития экономики, социальной, политической сферы, необходимых и взаимосвязанных с изменением качества населения. Можно

высказать ряд предположений относительно предпосылок, которые способствовали формированию данной ситуации. В частности, недостаточно эффективно работающие государственные и правовые институты, кризисные явления в отраслях социальной сферы, наличие «теневой экономики», серьезные масштабы коррупции, неблагоприятный инвестиционный климат, неэффективная занятость, низкий уровень технологического развития в отраслях промышленности, низкая производительность труда, отсутствие условий для развития малого бизнеса, самозанятости населения. Все это, наряду с осложнившейся геополитической ситуацией и ухудшением социально-экономических связей со странами с развитой экономикой не способствует и даже препятствует развитию таких тенденций в экономике и обществе, как становление правового государства, минимизация коррупции и теневой экономики, широкое внедрение инноваций, рост доверия инвесторов и последующих инвестиций, широкое внедрение принципов государственно-частного партнерства в неприбыльных секторах, включая социальную сферу, которые могли бы обеспечить стабильное повышение качества жизни населения и совершенствовать инструменты и механизм социального, делового и политического партнёрства между государством, предпринимательским сообществом и населением, являющегося залогом неотвратимости развития регионов и страны в целом.

© Акьюлов Р.И., Казанцева Д.Е. Текст. 2017

Список источников

1. Демографическая ситуация в Свердловской области в 2016 году [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/publications/ pubSverd/news_issues

2. Динамика величины прожиточного минимума /Социально-экономическое положение России 2016 год Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/social/utoch-osn-12-2016.pdf

Информация об авторах

1. Акьюлов Роберт Ишкалеевич, Российская Федерация, г. Екатеринбург, доктор экономических наук, профессор, Уральский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, akyulov_ri@mail.ru

2. Казанцева Дарья Евгеньевна, Российская Федерация, г. Екатеринбург, бакалавр, Уральский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, bek.daria@yandex.ru

Akyulov R. I., Kazantseva D. E.

ANALYSIS OF THE SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC FACTORS AFFECTING THE QUALITY OF THE POPULATION OF SVERDLOVSK REGION

The article discusses the problem of quality of population of Sverdlovsk region in the context of a number of key socio-economic and demographic factors that affect the characteristics of the population. Perform statistical analysis of dynamics of basic indicators for the period 2010-2016, formulated the conclusions, and proposes a number of measures to create conditions for further improving the quality of the region's population.

Keywords quality of life, population quality, factors, indices of natural movement of population.

Information about authors

1. Akyulov Robert Ishkaleevich, Russian Federation, Yekaterinburg, doctor of economic Sciences, Professor, Ural Institute-branch of Russian presidential Academy of national economy and public administration akyulov_ri@mail.ru

2. Kazantseva Daria Evgenyevna Russian Federation, Ekaterinburg, bachelor of science, Ural Institute-branch of Russian presidential Academy of national economy and public administration bek.daria@yandex.ru

УДК: 314.93

Р.И. Акьюлов, К.А. Алферьев

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СТРАН-УЧАСТНИКОВ ЕАЭС

В данной статье анализируются демографические различия в странах ЕАЭС и их воздействие на возможную экономическую интеграцию. Рассматривается влияние доли молодежи на образование, предлагаются совместные усилия стран ЕАЭС для решения проблемы качества рабочей силы. Показано значение трудовой миграции для двух групп стран ЕАЭС. Также предлагаются необходимые кардинальные изменения в деятельности Евразийского банка развития, вводит понятие легального поведения мигрантов и показывает его важность для общего рынка труда стран ЕАЭС. В заключении, констатация вывода о неблагополучном фоне показателей продолжительности жизни мужского населения России по сравнению со среднемировыми показателями, что не позволяет, по мнению автора, поднимать вопрос об увеличении в России пенсионного возраста для мужчин.

Ключевые слова: продолжительность жизни, пенсионный возраст, возрастная структура, суммарный коэффициент рождаемости, ВВП, доходы на душу населения, трудовая миграция, образование

Второй год действует договор об учреждении Евразийского экономического союза (ЕАС). Страны, вошедшие в состав ЕАЭС, рассчитывают на значительное ускорение экономического роста, обусловленное увеличением потребительского рынка, свободного движения капиталов, товаров и рабочей силы внутри этого нового интеграционного объединения. Несмотря на то, что страны ЕАЭС очень отличаются по уровню социального и экономического развития и другим характеристикам (демография, миграционная составляющая) для анализа их возможного прямого воздействия или косвенного влияния на интеграционные процессы, устойчивый экономический рост и, в конечном счете, на рост благосостояния их населения. В работе не будут рассматриваться все составляющие демографического развития стран ЕАЭС, а только представляющие наибольший интерес по своему влиянию на возможности интеграции. К ним отнесены также миграционные процессы, которые в данном случае можно рассматривать как часть демографической динамики.

Будет рационально начать с анализа динамики рождаемости в странах сообщества, в ходе которого мы будем сравнивать эти страны между собой, а также с первой пятеркой стран другого интеграционного объединения – Европейского союза (ЕС). Наиболее точно уровень рождаемости отражает суммарный коэффициент рождаемости (СКР) (см. табл. 1).

Таблица 1

Статистические данные суммарного коэффициента рождаемости в странах ЕАЭС и ЕС

Страна	**1990 г.**	**2000 г.**	**2015 г.**
Армения	2,538	1,688	1,517
Белоруссия	1,91	1,31	1,724
Казахстан	2,72	1,8	2,73
Киргизия	3,63	2,4	3,2
Россия	1,89	1,21	1,75
Италия	1,33	1,26	1,37

Германия	1,45	1,38	1,5
Франция	1,77	1,89	2,01
Испания	1,36	1,23	1,32
Великобритания	1,83	1,6	1,81

В таблице представлены данные для сравнения динамики рождаемости и в определенной мере стадии демографического перехода. Как можно заметить, еще в 1990 г. Россия и Белоруссия имели низкий показатель СКР, который не обеспечивал воспроизводства населения.

В сравнение, приводятся данные по странам Евросоюза, которые тоже отличаются между собой, но это отличие тех стран, где сохранить уменьшающееся население можно лишь за счет миграции.

Среди стран ЕАЭС выделяются два государства, в которых СКР обеспечивает естественное расширенное воспроизводство населения, и поэтому в этом отношении эти страны не нуждаются в притоке мигрантов, как Белоруссия или Россия. Но эти предположения не относятся к экономической миграции, т.к. любая страна нуждается в определенном контингенте трудовых мигрантов, которые занимают пустующую или неконкурентную нишу на национальных рынках труда. В условиях предстоящего усиления интеграционного взаимодействия стран ЕАЭС – это неизбежный процесс, и чем раньше страны интеграционное сообщество будут к нему готовы, тем лучше для самих иммигрантов, принимающих их локальных сообществ и экономики страны. Киргизия имеет самый высокий уровень рождаемости, и коэффициент Киргизии соответствует показателям таких стран, как Гватемала, Египет, Микронезия, Джибути. Для его естественного снижения до уровня, например, Казахстана в результате экономического развития, все большего вовлечения женщин в занятость вне дома и семьи, повышения уровня образования потребуется более 10 лет. Следовательно, прирост молодых поколений обеспечен еще на значительный срок, и соответствующая система их социализации, включая высокий уровень образования, соответствующий современным потребностям экономического развития, должна строиться уже сейчас. Ее создание невозможно без содействия других стран ЕАЭС, и они должны осознать сложность этой задачи, имеющей комплекс аспектов: институциональных, финансовых, материально-экономических, этнокультурных и политических. Прежде чем перейти к другой важнейшей характеристике демографической динамики – ожидаемой продолжительности жизни, рассмотрим основные экономические показатели стран ЕАЭС, т.к. необходимо подтвердить наш вывод о невозможности без объединенных усилий создать в Киргизии всеохватывающую систему профессионального образования.

Таблица 2

Показатели макроэкономического развития стран ЕАЭС

Страны	**ВВП на душу, долл. США с учетом ППС, 2015**	**ВНД на душу, долл. 2015**	**Экономически активное население, млн.чел.**	**Уровень безработицы, %**	**Число вакансий, тыс. мест**
Армения	3 499,8	8 720	1,6	17,1	1,8
Белоруссия	5 740,5	16 840	4,5	5,9	28,7
Казахстан	10 508,4	24 260	9,3	4,1	16,3
Киргизия	1 103,2	3 300	2,7	8,1	6,2
Россия	9 057,1	23 790	76,8	5,1	1 135,2
Таджикистан	925,9	3 320	3,7	10,9	7,3

По данным таблицы можно сделать вывод, что за 16 лет (с 2000 по 2015 г.) ВВП в странах ЕАЭС вырос в постоянных ценах в Киргизии и России менее чем в 2 раза, в Белоруссии и Армении в немногим более двух раз (2,2), в Казахстане – в 2,6 раза, в Таджикистане, не входящем пока в ЕАЭС, – более чем в 3 раза (3,1).

В целом по странам СНГ показатель был такой же низкий, как в России (183% в 2015 г. по отношению к 2000 г.). По этому макроэкономическому показателю российская экономика развивалась медленнее всех своих партнеров по ЕАЭС, хотя, как правило, крупнейший партнер экономической интеграции на любой стадии (торгового союза, таможенного союза, общего рынка) является «локомотивом».

В эти 16 лет росло и число вакансий – свободных рабочих мест, о которых заявили работодатели службам занятости. В 2015 г. произошло новое падение (см. табл. 2), но не такое сильное, как в годы предыдущего кризиса. Несмотря на то, что число вакансий, учитываемых по заявкам, меньше реальных потребностей рынка труда, оно показывает возможности национальных экономик привлекать для их замещения иностранную рабочую силу, особенно в случае создания единого рынка труда стран ЕАЭС. Но при этом надо помнить, что основной центр притяжения мигрантов – российский рынок труда: доля его вакансий во всех вакансиях стран ЕАЭС составляет 95,5%.

Посмотрим на аналогичные показатели стран ЕАЭС, которые как социодемоэкономические индикаторы отражают сумму достижений страны в экономике, социальной сфере, сфере услуг, в политике социальной защиты и минимальных государственных гарантий, т.е. во всем комплексе качества жизни в стране. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что по средней продолжительности жизни мужского населения только Армения превосходит среднемировой показатель на 2,5 года. Все остальные страны имеют более низкий показатель, а самый низкий – у России, которая отстает даже от Таджикистана, не входящего в ЕАЭС и имеющего подушевой ВНД в 7,2 раза ниже российского показателя1. К сожалению, Россия опять вышла на 1-е место (не только среди этих стран) по разнице в этом показателе между мужским и женским населением: 11,6 года (несколько лет в 2010-х гг. 1-е место занимала Белоруссия). Для наглядности всей глубины отставания стран ЕАЭС от стран ЕС мы взяли только крупнейшую экономику Европы – Германию. Но сразу же следует оговорить, что Германия отнюдь не является страной с лучшими показателями. Она не входит даже в двадцатку «лучших», занимая лишь 22-е место в мировом рейтинге по этому показателю. Лучшая по показателю в ЕАЭС Армения уступает Германии более 7 лет, а страна с самым низким среди стран ЕАЭС показателем – Россия – 14 лет, т.е. в 2 раза больше. Если задуматься над этими показателями продолжительности жизни мужского населения, то будущее человеческого капитала и настоящее трудоспособного населения представляются катастрофичными. И на этом неблагоприятном фоне некоторые представители исполнительной власти поднимают вопрос об увеличении в России пенсионного возраста для мужчин.

Обратимся к показателям женского населения. Здесь от среднемирового показателя отстает лишь Таджикистан – член ЕАБР, который, к сожалению, не занимается вопросами инвестирования в здравоохранение или социальную сферу. Может быть, надо пересмотреть его приоритеты. Гордится же Всемирный банк своим девизом: Working for a World Free of Poverty2. Россия отстает только от Армении и Белоруссии, опережая Казахстан и Киргизию. Если вновь обратиться к сравнению с показателем Германии, то лучший показатель среди стран ЕАЭС ниже на 5,4 года, худший – на 8,7. Россия отстает на 7,1 года. Поэтому не удивительно, что, отмечая в августе 2016 г. 110-летний юбилей самого известного российского демографа Б.Ц. Урланиса, все вспоминают его провидческую статью «Берегите мужчин», которая была написана в 1968 г. [Урланис 1968]. С тех пор гендерное соотношение показателей не улучшилось, а даже ухудшилось (раз-ница составляла, по Урланису, 8 лет).

Экономический рост обеспечивается в современной экономике, прежде всего, уровнем развития и качеством человеческого капитала и экономической актив-ностью его носителей. Его природная основа закладывается характеристиками воспроизводства человеческого потенциала, определяемого , в свою очередь, демографическим воспроизводством. Из основной возрастной структуры – деле-ния населения на молодые поколения, население в трудоспособном возрасте и пожилое население – следует, что страны ЕАЭС имеют слишком большие раз-личия, которые требуют от них решения различных основных целей. Это важный аспект экономической интеграции, и его должны понимать национальные и наднациональные органы ЕАЭС (см. табл. 3).

Таблица 3

Доля населения основных возрастных групп во всем населении

Страна	**Численность населения, млн.чел.**	**Возрастная структура, лет**			**Доля иждивенцев, %**
		0-14	**15-65**	**старше 65**	
Армения	2 998,6	18,38	70,79	10,83	41,3
Белоруссия	9 498,4	16,07	69,95	13,98	42,3
Казахстан	17 753,2	26,72	66,55	6,74	48,9
Киргизия	6 008,6	31,40	64,37	4,23	54,5
Россия	146 267,3*	16,75	69,88	13,36	42,0
Германия	82 162,0	12,89	65,87	21,24	51,8
Франция	64 513,2	18,48	62,40	19,12	60,3
Италия	60 655,6	13,71	63,88	22,41	56,5
Испания	46 423,1	14,88	66,33	18,79	50,8
Великобритания	65 341,2	17,77	64,47	17,76	55,1

Белоруссия, Россия и приближающаяся к ним по этому показателю Армения имеют выраженный характер демографического старения населения (доля лиц в возрасте старше 65 лет), которое, как и во всех странах с низкой рождаемостью, будет только нарастать. В то же время мера этого старения еще значительно ниже любой из пяти ведущих экономик ЕС, среди которых по доле пожилого населения лидирует Италия. Поэтому говорить об острой необходимости увеличения пенсионного возраста в России из-за увеличивающейся нагрузки пожилыми в ближайшее десятилетие по меньшей мере некорректно. По этому показателю среди стран ЕАЭС лидирует Белоруссия, где самое старое население. Если перейти к анализу населения в трудоспособном возрасте, то самая выгодная для экономического развития ситуация в середине 2010-х гг. наблюдалась в Армении, где доля этой части населения превышает 70% – такие показатели в демографической истории любой страны бывают очень редко и называются «демографическим окном»1. ООН говорит о «демографическом окне» при следующих пропорциях: менее 30% молодых (до 15 лет) и не более 15% пожилых. Как видно из табл. 4, Армения и Белоруссия находятся в значительно более выгодном для экономики положении, поэтому им надо обязательно воспользоваться благоприятной ситуацией в возрастной структуре населения, т.к. такой период продолжается не слишком долго – немногим более 10 лет. К такому же периоду целесообразно готовиться и Казахстану, где он еще впереди, и государственная макроэкономическая политика должна уже ориентироваться на это будущее, столь благоприятное для экономического роста. В Киргизии этот показатель почти такой же, как в Великобритании, и доля рабочего населения даже выше, чем в Италии и Франции. Поэтому в Киргизии насущнее, чем для других стран ЕАЭС, задача обеспечить значительный рост качества человеческого капитала и, соответственно, производительности и эффективности труда, хотя, разумеется, это важная задача любой современной экономики. Но для этой

страны из-за структуры населения она острее, тем более что Киргизия по другому показателю возрастной структуры – молодым поколениям – находится в «опасной» зоне: здесь доля детей и подростков выше «порогового» значения в 30%. Почему это порог? Это довольно наглядно показали события в арабских странах Средиземноморского бассейна, где молодежь, не имеющая работы и учебы, вышла на улицы. Киргизии необходим перспективный план не просто развития профессионального образования, а резкого наращивания сил (финансовых, материальных, общественных, политических, международных) на этом направлении (как в Индии). Обследование 2015 г., проведенное среди почти 42 тыс. работодателей в 42 странах мира, показало, что 58% индийских работодателей сталкиваются с нехваткой рабочей силы с профессиональными навыками для заполнения вакансий в большинстве секторов экономики. И так же, как индийское общество, киргизское должно осознать, что решить эту задачу можно только совместными усилиями государства, бизнеса, общества, семей и домохозяйств. Индийская система образования сделала ставку на внедрение инновационных форм образования3, и крупные IT-компании взяли на себя спонсорскую обязанность «цифрового обучения» школьников сельских и отдаленных районов. В Киргизии таких компаний нет, следовательно, их функции должны перейти к компаниям и помощи интеграционного сообщества в ускоренном развитии среднего профессионального образования, в массовой подготовке киргизских выпускников вузов в странах ЕАЭС. Пока же заметный миграционный поток такого характера имеет только одно направление «Киргизия → Казахстан». Еще более сложное положение в Таджикистане: доля молодых поколений составляет почти 35%, доля населения в трудоспособном возрасте – самая низкая среди 11 стран, представленных в табл. 4. Поэтому вступление этого государства в ЕАЭС более чем проблематично – вновь образованный экономический союз, находящийся на самой начальной стадии интеграционного развития, вряд ли способен взять на себя решение подобных проблем, хотя какая-то надежда остается на Евразийский банк развития, членом которого Таджикистан является с 2009 г. и который мог бы поддержать затратные проекты по увеличению доли обучающихся современным квалифицированным профессиям, в т.ч. необходимым на рынке труда ЕАЭС, инвестициями и технической поддержкой, что входит в цели ЕАБР.

Как видно из табл. 3, по доле иждивенцев все страны ЕАЭС, кроме Киргизии, находятся в значительно лучшем положении по сравнению с ведущими европейскими экономиками. Это связано с не так далеко зашедшим процессом старения населения и в то же время с низкой рождаемостью и, соответственно, менее многочисленным подрастающим поколением. Киргизия имеет такой неблагоприятный уровень показателя из-за высокой доли детей (как и Таджикистан). Особенно низка нагрузка в Армении, России, Белоруссии, и этим надо воспользоваться для улучшения качества образования молодых поколений и качества ухода за пожилыми. У нас экономисты предпочитают на эти данные не обращать внимания. У государств с такой нагрузкой иждивенцами просто не будет другой такой возможности перестроить соответствующую инфраструктуру, и если финансовые органы будут настаивать, что денег в бюджете нет, то это значит, что они направляются не туда, куда требует благоприятная для структурных изменений ситуация.

Таким образом, сравнительный анализ экономико-демографических характеристик стран - участников Евразийского экономического союза показал, что общества этих стран находятся на разных этапах демографического перехода. Уровень рождаемости, возрастная структура населения, доля молодежи, впервые выходящей на рынок труда, скорость старения населения, различия в доходах населения свидетельствуют о различной степени готовности заинтересованных стран к интеграции. Страны с излишком рабочей силы на рынке труда, и особенно с низким уровнем доходов, заинтересованы в трудовой эмиграции, которая, способствуя интеграции, не только приносит добавочный доход стране, но и ослабляет социально-экономическую напряженность, способствует при достаточно большом объеме росту уровня жизни населения и отдельных домохозяйств. Вместе с тем, экономика стран находится в разных технологических укладах, что не очень способствует

их экономической интеграции, поскольку, с одной стороны, социально-демографические факторы могут препятствовать формированию единообразного рынка труда, а различия в уровне информационно-технологического развития будут препятствовать эффективной экономической интеграции.

©Акьюлов Р.И., Алферьев К.А. Текст. 2017

Список источников

1. Алиев С.Б. 2016. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. М.: Евразийская экономическая комиссия. 120 с.
2. Государственная служба статистики Украины: www.ukrstat.gov.ua/ Source of data: State Statistics Service of Ukraine website: www.ukrstat.gov.ua
3. Урланис Б. 1968. Берегите мужчин. – Литературная газета. № 30. 24 июля.
4. Data from database: World Development Indicators. Last Updated: 01/05/2017.
5. OECD (2015). International Migration Outlook 2015. OECD Publishing. Paris.

Информация об авторах

1. Акьюлов Роберт Ишкалеевич, Российская Федерация, г. Екатеринбург, доктор экономических наук, профессор, Уральский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, akyulov_ri@mail.ru
2. Алферьев К.А. аспирант, Уральский институт управления РАНХиГС, г. Екатеринбург

Akyulov R.I., Alfer'ev K.A.

THE IMPACT OF DEMOGRAPHIC REPRODUCTION DIFFERENCES ON ECONOMIC INTEGRATION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES

The article describes the differences in the demographic situation in the EAEU countries, their impact on economic integration capabilities. The author analyzes the influence of young people share to education quality. It requires joint efforts of the EAEU countries for the growth of the labour quality. The article reveals the role of labour migration for two different groups of EAEU countries. the author proposes the necessary changes in the Eurasian Development Bank, and a new concept of legal behavior of migrants, which is important for the development of the common EAEU labor market. In the author's opinion, low life expectancy of the male population of Russia does not allow increasing the retirement age for men.

keywords: *life expectancy, retirement age, age structure of a population, total fertility rate, GDP, gross national income per capita, labour migration, education*

Information about authors

1. Akyulov Robert Ishkaleevich, Russian Federation, Yekaterinburg, doctor of economic Sciences, Professor, Ural Institute-branch of Russian presidential Academy of national economy and public administration akyulov_ri@mail.ru
2. Alfer'yev, K. A. postgraduate student, Ural Institute of managment, Ekaterinburg

УДК: 316.334:314.5

Е.Е. Андреева, Г.Б. Морозов

СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ, ИМЕЮЩИХ РЕБЕНКА В ВОЗРАСТЕ ДО 3 ЛЕТ

Оценивается эффективность двух основных видов материальной поддержки российских семей, имеющих ребенка в возрасте до 3 лет: пособие по уходу за ним до 1,5 лет и компенсационная выплата до достижения ребенком 3 лет. В ходе анализа порядка исчисления и размера выплат раскрывается их неэффективность, а в отношении компенсационной выплаты ставится вопрос о нецелесообразности назначения. Выдвигаются предложения законотворческого характера, реализация которых способна решить данную проблему.

Ключевые слова: отпуск по уходу за ребенком; пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет; минимальный размер оплаты труда; компенсационная выплата до достижения ребенком 3 лет.

Статья 38 Конституции Российской Федерации гласит: материнство и детство, семья находятся под защитой государства [1]. Однако зачастую «защищенные» мать и новорожденный ребенок остаются беспомощными перед финансовыми трудностями, связанными с временной нетрудоспособностью женщины. Поскольку в большинстве случаев пособия начисляются матерям, в настоящей статье мы будем указывать в качестве его получателя именно этого субъекта.

Хотя в российском законодательстве предусмотрено право выхода из отпуска по уходу за ребенком в любое время, а также и право отказа от отпуска вообще, такой путь не всегда является приемлемым с точки зрения психологии, педагогики, а также проводимой государственной политики. Основные направления «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы [2] предусматривают признание и поддержку определяющей роли семьи в воспитании детей. Испокон веков сложилось так, что вскармливанием, заботой и воспитанием малолетнего ребенка занималась мать. Но современная российская мама зачастую стоит перед выбором: лишить ребенка своего внимания и заботы, занимаясь полноценной трудовой деятельностью в целях создания ситуации финансовой стабильности для себя и ребенка, или посвятить себя ребенку и получать минимальную финансовую поддержку со стороны государства.

Пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет. Согласно российскому законодательству, гражданину, осуществляющему уход за ребенком до 1,5 лет, выплачивается ежемесячное пособие по уходу за ребенком в размере 40% среднего заработка. Правовое регулирование назначения данной выплаты осуществляется Федеральным законом N 81-ФЗ от 19.05.1995г. «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [3]. Процедура расчета пособия до 1,5 лет учитывает ряд факторов: факт трудоустройства, размер заработной платы до ухода в отпуск, количество предыдущих детей.

Пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет рассчитывается по **следующей формуле:**

$П = СЗ \times \mathbf{30{,}4} \times \mathbf{0{,}4}$, где:

П – размер ежемесячной выплаты до 1,5 лет;

СЗ – средний дневной заработок получателя за 2 предыдущих календарных года;

30,4 – среднее число дней в месяце в расчете на год (365 дней / 12 месяцев = 30,4 дня);

0,4 – 40% от средней заработной платы.

При расчете среднего дневного заработка за основу берутся два предыдущих календарных года. Так, если женщина уходит в отпуск по уходу за ребенком в 2016г., в расчет берут 2014 и 2015гг. Можно *заменить один или два года* на такие, когда заработок был выше, если это приведет к увеличению размера ежемесячной выплаты на ребенка.

Для примерного расчета конкретного пособия обозначим *ряд объективных показателей.*

1. *Среднедневной* заработок рассчитывается делением начисленной заработной платы за год на 365 (366) – количество дней в обычном или високосном году. То есть, при оформлении трудового договора, например, 1 декабря года, идущего в расчет, он будет учтен как полностью отработанный.

2. Средний возраст выпускников российских вузов – 25 лет [4].

3. Средний возраст рожениц в России – 27 лет [5].

4. Среднемесячная заработная плата одного работника по полному кругу организаций Свердловской области – 29 961,9 рублей [6].

Сопоставив статистические данные, можно сделать вывод: с момента получения женщиной высшего образования и до рождения ею ребенка в среднем проходит 2 года. Вычтем из этого срока время поиска работы, сделаем поправку на то, что эти два года не являются строго календарными, и получим 1 календарный год. *Следовательно, определенные законом два календарных года, принимаемых для расчета среднедневной заработной платы, не отвечают сложившейся практике в российском обществе.* Необходимо предоставить право выбора для лица, претендующего на получение пособия: исчислять среднедневную заработную плату за два предыдущих календарных года или за все время трудовой деятельности.

Кроме того, отметим, что средняя заработная плата молодых специалистов в среднем ниже указанной суммы на 20-30%.

Проведем примерный расчет пособия, исходя из следующей среднестатистической ситуации. В июне 2014г. женщина в возрасте 25 лет окончила вуз, в августе 2014г. она трудоустроилась (заработная плата составила 20 000 рублей), в июле 2016г. родила первого ребенка.

Для расчета возьмем два полных предыдущих календарных года:

- в 2014 году начисленная зарплата составила 100 000 рублей;
- в 2015 году – 240 000 рублей.

Количество расчетных дней – 730 (оба года невисокосные). Среднедневной заработок будет равен 465,75 рублей. Ежемесячное пособие в соответствии с приведенной ранее расчетной формулой будет равно:

П = 465,75 руб. × 30,4 дня × 0,4 = *5 663,52 рубля.*

Соотнесем вычисленную сумму пособия с минимальным размером оплаты труда (МРОТ). МРОТ с 1 июля 2016г. составляет 7 500 рублей [7]. Законодательством также закреплен размер минимального пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет – 2908,62руб. Таким образом, размер пособия по уходу за ребенком значительно меньше установленного законодательством «минимума», который в отличие от пособия регулярно повышается и индексируется. Кроме того, «минимум» исчислен в расчете на одного человека, а расход пособия включает в себя удовлетворение нужд ребенка и временно нетрудоспособной матери.

Из-за финансовых трудностей многие женщины откладывают рождение ребенка до момента, когда будут способны обеспечить себя и новорожденного. Следовательно, возраст первородящих женщин стремительно повышается. Государство, заинтересованное в повышении уровня рождаемости, должно в первую очередь создать условия финансовой стабильности и защищенности женщины детородного возраста. Гарантией такой защищенности может являться пособие по уходу за ребенком в размере равном одному МРОТ для первого ребенка и двум МРОТ на второго ребенка и последующих детей.

Компенсационная выплата до достижения ребенком 3 лет. Указом Президента Российской Федерации в целях усиления социальной защищенности отдельных категорий граждан установлены ежемесячные компенсационные выплаты *в размере 50 рублей* матерям (или другим родственникам, фактически осуществляющим уход за ребенком), состоящим в трудовых отношениях на условиях найма с предприятиями, учреждениями и организациями независимо от организационно-правовых форм, и женщинам - военнослужащим, находящимся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им 3-летнего возраста [8].

Эти выплаты осуществляются за счет средств, направляемых на оплату труда организациями независимо от их организационно-правовых форм. Отметим, что размер выплаты не менялся с 2001г. Денежные средства выплачиваются не на ребенка, а матери за то, что она «теряет» возможность работать. Потому выплата считается компенсационной. Тем самым женщина, имеющая ребенка в возрасте от 1,5 до 3 лет, является заложником ситуации. Она уже не получает пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет и еще не может выйти из отпуска по уходу за ребенком. С учетом масштабной нехватки ясельных групп отдать ребенка в дошкольную образовательную организацию (ДОО) зачастую можно только с 3 лет (особенно в крупных городах), при этом основная часть населения России не имеет возможности оплатить услуги няни для полуторагодовалого ребенка.

Объективно выплата в размере 50руб. абсолютно бессмысленна. Такая форма «социальной защиты» – отписка со стороны государства. Нецелесообразность выплаты объясняется и тем, что для ее получения матери нужно нести временны́е и финансовые затраты для поездок к работодателю и предоставления пакета документов. Для любой семьи 50 рублей в месяц не играют никакой роли. Поэтому логичнее сэкономить эти деньги для удовлетворения реальных потребностей граждан, имеющих детей дошкольного возраста. Отмена компенсационных выплат и перечисление работодателями аналогичных сумм в специально созданный государственный фонд обеспечит реальную пользу населению.

На 1 января 2016г. численность детей в возрасте от 1 до 3 лет в России составила 5763998 чел. [9]. Таким образом, за календарный год реально государственный бюджет тратит сумму в размере 3458398800 руб. Это минимально рассчитанная сумма, поскольку при подсчете мы не учитывали районные коэффициенты к компенсационной выплате.

Свыше 3,5млрд. руб. в год выплачиваются впустую! И это притом, что у граждан, имеющих детей до 3 лет, есть реальные нужды, на удовлетворение которых государство не может изыскать деньги. Как упоминалось, большинству детей место в ДОО предоставляется только к достижению 3 лет. Если ежегодно сохранять в бюджете 3,5 миллиардов рублей, можно повсеместно открывать новые ДОО или дополнительные ясельные группы.

Помимо этого, денежные средства нужны и для оплаты из федерального бюджета платных образовательных услуг в ДОО для нуждающихся семей. Согласно п. 4 Постановления Правительства РФ от 15.08.2013г. N 706 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» [10] организации, осуществляющие образовательную деятельность за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов, вправе осуществлять за счет средств физических и (или) юридических лиц платные образовательные услуги.

Эти услуги оказываются на договорной основе по желанию родителей. К ним относят дополнительные занятия различной направленности. Платным является все то, что не предусмотрено Федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования (ФГОС ДО) [11]. Услуги оказываются в течение дня на глазах у детей, чьи родители их не оплатили. Тем самым делается акцент на имущественном положении ребенка и его родителей, что абсолютно недопустимо в развитом правовом государстве. Сложившаяся ситуация противоречит п. 1.4 ФГОС ДО, где одним из принципов дошкольного образования выделяется признание ребенка полноценным участником (субъектом) образовательных отношений.

В отличие от общеобразовательных организаций, в ДОО не представляется возможным оказывать платные образовательные услуги после основного времени пребывания детей в организации. Поэтому целесообразно выделить из федерального бюджета квоту на платные образовательные услуги в ДОО.

Обобщим разработанные авторами законотворческие инициативы.

1. Часть 1 статьи 15 Федерального закона от 19.05.1995 N 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» необходимо изложить в следующей редакции.

«Ежемесячное пособие по уходу за ребенком выплачивается в следующих размерах:

- минимальный размер оплаты труда по уходу за первым ребенком и два минимальных размера оплаты труда по уходу за вторым ребенком и последующими детьми – лицам, указанным в абзацах шестом – восьмом части первой статьи 13 настоящего Федерального закона;

- 40% среднего заработка, на который начисляются страховые взносы на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, – лицам, указанным в абзаце втором части первой статьи 13 настоящего Федерального закона. При этом минимальный размер ежемесячного пособия по уходу за ребенком не может быть менее размера ежемесячного пособия по уходу за ребенком, выплачиваемого лицам, указанным в абзацах шестом – восьмом части первой статьи 13 настоящего Федерального закона;

- 40% среднего заработка (дохода, денежного довольствия) по месту работы (службы) за последние 12 календарных месяцев, предшествовавших месяцу наступления отпуска по уходу за ребенком (месяцу увольнения в период отпуска по беременности и родам), – лицам, указанным в абзацах третьем и пятом части первой статьи 13 настоящего Федерального закона. При этом минимальный размер пособия составляет минимальный размер оплаты труда по уходу за первым ребенком и два минимальных размера оплаты труда по уходу за вторым ребенком и последующими детьми».

2. Признать утратившим силу абз. 2 пункта 1 Указа Президента РФ от 30.05.1994 N 1110 «О размере компенсационных выплат отдельным категориям граждан».

3. Признать утратившей силу часть 2 Постановления Правительства РФ от 03.11.1994 N 1206 (ред. от 24.12.2014) «Об утверждении Порядка назначения и выплаты ежемесячных компенсационных выплат отдельным категориям граждан».

4. Необходимо создание «Государственного фонда развития дошкольного образования». Обязать организации независимо от их организационно-правовых форм ежемесячно отчислять в данный Фонд 50руб. (без учета районного коэффициента) за каждого состоящего в трудовых отношениях на условиях найма в данных организациях, находящегося в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет. Отчисления производить в порядке и на условиях, которые были предусмотрены для аналогичных отчислений лицам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет, состоящим в трудовых отношениях на условиях найма с этими организациями.

5. Деятельность вышеуказанного Фонда должна быть направлена на открытие ясельных групп в ДОО и строительство и открытие новых ДОО.

6. Установление Минобрнауки Российской Федерации квот на платные образовательные услуги в ДОО, не предусмотренные ФГОС ДО, за счет средств «Государственного фонда развития дошкольного образования».

Подводя итог, отметим, что наши предложения, конечно, требуют больших финансовых затрат. Но предложены и варианты изыскания требуемых денежных средств. Для реализации этих предложений нужны твердая политическая воля государственной власти Российской Федерации, ее субъектов и их огромное желание защитить материнство и детство в стране, создав элементарные условия финансовой стабильности и обеспеченности материнства и детства.

©Андреева Е.Е., Морозов Г.Б. Текст. 2017

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС КонсультантПлюс.

2. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы : Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 N 761 // СПС КонсультантПлюс.

3. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : Федеральный закон от 19.05.1995 N 81-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

4. Реестр вузов России: мониторинг трудоустройства выпускников : буклет Министерства образования и науки Российской Федерации.

5. «Астаховский возраст»: Минздрав России просит женщин не тянуть с рождением детей // Наша газета Екатеринбург.

6. Информация о величине среднемесячной заработной платы в Свердловской области в январе 2016 года // Министерство экономики Свердловской области.

7. О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» : Федеральный закон от 02.06.2016 N 164-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

8. О размере компенсационных выплат отдельным категориям граждан : Указ Президента РФ от 30.05.1994 N 1110 // СПС КонсультантПлюс.

9. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2016 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.

10. Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг : Постановление Правительства РФ от 15.08.2013 N 706 // СПС КонсультантПлюс.

11. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.11.2013 N 1155 // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации.

Информация об авторах

1. Андреева Екатерина Евгеньевна, аспирант кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 620151, Екатеринбург, ул. К.Либкнехта, 9а. Телефон 7.952.741.92.32. E-mail bulgackova@yandex.ru

2. Морозов Геннадий Борисович, кандидат экономических наук, профессор кафедры технологии экономики, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет». 620151, Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 9а. E-mail - mgb@inbox.ru, Телефон 7.902.268.63.14.

Andreyeva E. E., Morozov G. B.

SOCIAL EFFICIENCY OF THE STATE SUPPORT OF THE FAMILIES HAVING THE CHILD AGED UP TO 3 YEARS

Efficiency of two main types of material support of the Russian families having the child aged up to 3 years is estimated: a grant on care of him up to 1,5 years and compensation payment before achievement of 3 years by the child. During the analysis of an order of calculation and the amount of payments their inefficiency reveals, and concerning compensation payment the question of inexpediency of appointment is raised. Proposals of legislative character which implementation is capable to solve a dannuyunny problem are made.

Keywords: child care leave; a child care allowance up to 1,5 years; minimum wage; compensation payment before achievement of 3 years by the child.

Information about authors

1. Andreyeva Ekaterina Evgenyevna, graduate student of department of pedagogics FGBOOU WAUGH «The Ural state pedagogical university», 620151, Yekaterinburg, K. Liebknecht St., 9a. Phone 7.952.741.92.32. E-mail of bulgackova@yandex.ru

2. Morozov Gennady Borisovich, Candidate of Economic Sciences, professor of department of technology of economy, FGBOOU WAUGH «The Ural state pedagogical university». 620151, Yekaterinburg, K. Liebknecht St., 9a. E-mail is mgb@inbox.ru, Phone 7.902.268.63.14

УДК: 378.14

С.А. Анисимов

ФОРМИРОВАНИЕ ОПЕРЕЖАЮЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА В СЕМЬЕ

В статье предпринята попытка рассмотреть феномен опережающей личностно-профессиональной идентичности молодого человека. Автор провел анализ возможных теоретических моделей процесса идентификации личности в современной семье и попытался определить условия и реальные возможности становления опережающей профессиональной идентичности молодого человека. Выводы автора базируются на данных проведенного социологического исследования.Автор надеется, что феномен опережающей личностно-профессиональной идентичности будет интересен специалистам, ученым и практикам.

Ключевые слова: семья, формирование, идентичность, личность, возраст, пол, профессионализм.

Идентичность в узком понимании представляет собой отождествление человека с другим человеком, прежде всего, с родителями, другими членами семьи, друзьями, товарищами, известными людьми. Слово идентичность восходит к латинскому «idem» - такой же, равнозначный. В научный оборот это понятие, как эго-идентичность, ввел немецкий ученый Э. Эриксон [7], который рассматривал этот термин как глубинную внутреннюю структуру, обеспечивающую целостность и непрерывность «Я» на протяжении всего развития личности.

Рассмотрим динамично изменяющуюся личностно-профессиональную идентичность человека в полной российской семье в современных условиях. Более того, попытаемся определить, в какой мере можно влиять на процесс идентификации, чтобы сделать его ускоренным, опережающим привычный традиционный ход этого процесса.

Оговоримся сразу, что речь не идет об ускорении основного природного процесса производства (или воспроизводства) людей. Этот процесс ускорить невозможно. Условно этот процесс можно разделить на три основных этапа жизни любого человека, где основным критерием деления на этапы выступает способность или неспособность людей воспроизводить себе подобных.

В полном жизненном цикле человека выделим три основных этапа:

Первый этап по этому критерию начинается со дня рождения человека и длится до 12-14 летнего возраста и характеризуется физиологическим и социальным созреванием подростка, но пока еще и «неспособностью» к деторождению или невозможностью иметь своих детей.

Второй этап начинается с12-14 лет и продолжается до 45-50 летнего возраста человека. Это репродуктивный этап, когда каждая здоровый человек в полной семье или, как минимум, в семейной паре (женщина и мужчина), могут «производить» себе подобных. Еще К.Маркс называл основным общественным производством «производство человека».

Третий этап начинается с угасания репродуктивной функции человека, т.е., примерно с его 50-летнего возраста.

Не пытаясь изменить этапы природного цикла жизни человека, попробуем определить возможности включить социально-культурный механизм опережающей идентификации внутри каждого этапа общего жизненного цикла человека.

Первый этап по критерию полового созревания человека объективно заканчивается к 12-14 летнему возрасту и характеризуется по его завершению физиологическим созреванием подростка, появлением способности иметь своих детей и воспитывать. В данном случае феномен опережающей идентичности может проявиться в социально-профессиональной, в социально-культурной и в социально-бытовой сферах. Тогда молодые родители могли бы не только иметь детей, но и их содержать и воспитывать. Это бы исключило само понятие ранние браки.

Отметим, что уже в подростковом возрасте формируются, главным образом, те стороны “Я” молодого человека, которые связаны с осознанием своего сходства и различия с другими людьми и отношениями с окружающими [4]. При этом важной деятельностью подросткового возраста (до 11-12 лет) является формирование личностного общение - “деятельность общения, заключающаяся в построении отношений с товарищами на основе определенных морально-этических норм, которые опосредуют поступки подростков” [6].

Как правило, из множества абстрактных вариантов личностно-профессионального развития молодого человека вычленяется один или несколько более или менее реальных, из которых и предстоит выбирать. В большинстве случаев (52,3%) , по данным выборочных исследований Независимого социологического агентства в 2016 году этот выбор так и остается мечтой. Учтем, что жизненный план - широкое понятие, охватывающее и то, “каким я буду”, и “кем я буду”. Л.С.Выготский рассматривая жизненные планы как показатель овладения личностью своим внутренним миром и как систему приспособления к действительности, связывая с ним «целевую» регуляцию принципиально нового типа [1]. О жизненных планах в точном смысле слова можно говорить лишь тогда, когда, наряду с будущими целями, молодой человек представляет и способы их достижения, становится способным к объективной оценке своих собственных возможностей.

И.С.Кон считает, что «ядро личности мальчика-подростка больше всего зависит от его профессионального самоопределения и достижений в избранной сфере деятельности. Однако, в нормативном определении феминности, а, следовательно, и в женском самосознании семье придается большее значение, чем профессии. Соответственно различаются и критерии самооценок юношей и девушек. Если первые оценивают себя, главным образом, по своим предметным достижениям, для девушек важнее межличностные отношения. Отсюда несколько иное соотношение компонентов мужской и женской «эго-идентичности» [2].

Р.Хавигхерст выделяет следующие основные задачи, решаемые в юношеском возрасте [5]:

1. Усвоение мужской или женской роли: молодые люди должны индивидуально избрать структуру полового поведения и "образ" своей половой роли.
2. Установление новых и более зрелых отношений с ровесниками обоих полов.
3. Завоевание эмоциональной независимости от родителей и других взрослых.
4. Подготовка к профессиональной карьере: обучение в юношеском возрасте прямо (у работающей молодежи) или косвенно (обучение в ВУЗе) нацелено на освоение будущей профессии.
5. Подготовка к браку и семейной жизни: приобретение знаний и социальной готовности, необходимых для выполнения задач, связанных с партнерством и семьей. Удлинение времени учебы зачастую до третьего десятилетия жизни в связи с развитием общества вынуждает искать здесь новые решения.
6. Формирование социально-ответственного поведения: речь идет о подготовке к участию в деятельности на пользу общества и усвоении политической и социальной ответственности гражданина.

Целенаправленное формирование опережающей профессионально-личностной идентичности у молодежи до 12-14 обычно происходит при подавляющем участии родителей. Выделим идеальную, реальную, оптимальную, рациональную, эффективную, результативную и продуктивную модели формирования опережающей личностно-профессиональной идентичности у детей до 12-14 лет в современной российской семье.

Идеальной представляется модель, которая может рождаться на теоретическом уровне. Выявление идеальной модели опережающей личностно-профессиональной идентичности представляет собой не только серьезную теоретическую, научную, но и важную практическую задачу, важную для каждого члена семьи. Идеальная модель опережающей идентичности из научной категории может быть переведена или рассматриваться и как важный феномен, имеющий большое практическое значение. В любом случае идеальная модель может служить важнейшим осознанным ориентиром личностно-профессионального

развития в каждом конкретном случае. При этом нужно помнить, что, хотя к идеальной модели необходимо стремиться, но на практике в реальных условиях достичь ее невозможно. Поэтому она и называется идеальной.

Реальная модель формирования опережающей личностно-профессиональной идентичности - это модель действительного или реального осуществления или неосуществления ее на практике. Реальные или практические модели всегда конкретны и многообразнее воображаемых или представляемых моделей. В каждой реальной модели проявляются как закономерности, так и случайности формирования опережающей личностно-профессиональной идентичности человека.

Рациональная модель предстает моделью глубоко осмысленного, продуманного, разумного содержания и алгоритма формирования опережающей личностно-профессиональной идентичности членов семьи, в основе которой лежат возможности достигнутого уровня развития культуры межличностных отношений в семье.

Использование результативной модели формирования опережающей личностно-профессиональной идентичности членов семьи переносит ее оценку на конечный результат. В принципе это верный подход, но при условии, что планируется положительный результат и достигается он не любой ценой, что не все средства для достижения намечаемого результата хороши.

Продуктивная модель формирования опережающей личностно-профессиональной идентичности во многом схожа с результативной моделью, но этот результат предстает в виде определенного продукта. Т.е., в данном случае речь идет не просто о достижении результата, а о получении определенного осязаемого социального продукта. Термины продуктивность, продукт давно используются на практике. Например, продуктом называют результат работы по составлению программ для компьютерной деятельности.

Эффективная модель формирования опережающей личностно-профессиональной идентичности позволяет соотнести получаемый положительный эффект от использования данной модели с затратами на ее применение. Можно выделить абсолютную и относительную эффективность от использования опережающей личностно-профессиональной идентичности. Эффект обычно рассматривается как экономическая категория, причем в денежном выражении. В данном случае эффективность целесообразно рассматривать не только как экономическую категорию в чистом виде, но более широко - как социальную, в качестве социальной эффективности.

Оптимальная модель формирования опережающей личностно-профессиональной идентичности позволяет включить в себя наиболее полно полезные элементы при минимальном включении отрицательных компонентов. Оптимальную модель можно назвать «искусством возможного».

Для стабильных условий в обществе, а, тем более, при нестабильных социально-экономических условиях наилучшим вариантом формирования опережающей личностно-профессиональной идентичности членов семьи могла бы стать оптимальная модель. И максимальное приближение к оптимальной модели можно было бы квалифицировать в качестве наиболее успешного варианта формирования опережающей личностно-профессиональной идентичности членов российской семьи.

Более того, для времени реформ, перемен или изменений условий функционирования современного общества, в целом, и российской семьи, в частности, наиболее востребованными должны стать модели опережающей личностно-профессиональной идентификации человека.

Результатом необходимой и достаточной модели опережающей личностно-профессиональной идентичности во время реформ следует считать такую модель, которая бы не только соответствовала реальному состоянию общества, но и была бы направлена на «опережающую» адаптацию человека, т.е., адаптацию к настоящим изменениям и возможным изменений условий общественных отношений в будущем.

Оценку сформированности опережающей личностно-профессиональной идентичности попытаемся определить, анализируя участие молодежи на одном из основных направлений экономических реформ в России – участии в предпринимательской деятельности. Сделаем это на основании данных нашего опроса 370 бизнесменов и 360 представителей региональных и муниципальных органов власти из шести субъектов РФ, входящих в УрФО («Бизнес-УрФО-2004») [3][1]. Результаты распределения ответов на вопрос: «Каково, на Ваш взгляд, в настоящее время состояние малого предпринимательства в Вашем регионе?» - заданный респондентам двух социальных групп (в % от общего числа опрошенных по каждой группе: в числителе – чиновников, 360 чел.; в знаменателе – предпринимателей, бизнесменов, 370 человек) См. Таблицу 1:

Таблица 1.

Распределение оценок уровня развития предпринимательства чиновниками и самими предпринимателями (в % от общего числа опрошенных)

-развивается, преодолевая большие трудности	- 47 / 66
– находится в состоянии ожидания перемен	23 / 15
– создана устойчивая и надежная база для развития	5 / 12
– медленно погибает	**10 / 2**
– находится в катастрофическом состоянии	4 / 1
– затрудняюсь ответить	9 / 3

Как видим из полученных данных, оценки «крайне неудовлетворительно», «неудовлетворительно» дают более половины опрошенных. Это свидетельствует о низком уровне «экономического самочувствия» различных предпринимателей.

И это, несмотря на существование определенных форм поддержки и стимулирования развития предпринимательства на уровне государства, региона, города, муниципалитета таких, как нормативно-правовое регулирование; предоставление льгот по налогам и сборам; различные виды финансовой поддержки. Перечисленные направления можно, таким образом, рассматривать как определенные комбинации форм, ресурсов и средств социальной поддержки и управления специфическим социальным объектом – предпринимательством. Но при этом надо учитывать, что эффективность деятельности местной власти, как субъекта управления, определяется в значительной степени тем, насколько она успешна в формировании и использовании ресурсов опережающей профессионально-личностной идентичности молодежи. А это направление практически даже не обозначается в директивных документах.

Таким образом, на наш взгляд, самого пристального внимания заслуживает выделение понятия личностной идентичности, а в качестве актуальнейшей проблемы – формирование опережающей личностно-профессиональной идентичности молодого человека.

© Анисимов С.А. Текст. 2017

Список источников

1. Выготский.Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд-во Экомо, 2005. – 1136 С.

2. Кон И.С., Социализация детей в изменяющемся мире//Вопросы воспитания. Научно-практический журнал, 2010, №1(2), с.18-24.

3. Павлов Б.С., Анисимов С.А. Экономическое поведение молодежи на Урале: социально-психологический анализ // Институт экономики УрО РАН; Физико-технологический институт Уральского федерального университета. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – 603 с. – ISBN 978-5-94646-523-С.

[1] О сравнительной молодости наших респондентов можно судить по следующим характеристикам: стаж деятельности в сфере бизнеса и предпринимательства более чем 45 % респондентов-бизнесменов и около 70% чиновников на момент опроса не превышал 5 лет.

4. . Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования//Вестник практической психологии образования (2011, №4, с.3-12.

5. Хавигхерст Р. .Юность как психологический возраст. –М.,1953. – 115 С.

6. Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития//Вопросы психологии, 1992, №3, с.4-13.

7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.-344 с.

Информация об авторе.

Анисимов Сергей Алексеевич, Россия, Москва, доктор социологических наук., профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАНХ и ГС при Президенте РФ 119606 г. Москва, пр-т Вернадского, 84, e-mail anissimov@yandex.ru

Anisimov S.A.

MAKING OUTSTRIP PROFESSIONAL IDENTITY OF YOUNG MAN IN FAMILY

The article presents the results of the analysis of phenomenon outstrip professional formation young man. Author had conducted chances theoretical models of process identification of person in the modern family and tried to know conditions and real chances of making outstrip professional formation young man. Conclusions of author based on the facts sociological research. Author hopes that phenomenon outstrip professional formation will be interesting for specialists, scientific and practical man.

Keywords: family, formation, identity, person, age, sex, professionalism.

Information about author.

Anisimov Sergey Alekseevich, Russia. Moscow. Doctor of Sociology, Professor of the Chair of akmeology and psychology of professional activity Russian Academy of National Economy and Public Administration under the Russian President. 119606, Moscow. a. Vernadskogo, 84, E-mail: anissimov@yandex.ru

УДК: 37+331

Ю.В. Антонова, А.В. Солдатова

РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Статья посвящена проблеме уровня образования населения в России. В статье анализируются результаты реформ отечественной системы образования за последние десятилетия. Особое внимание уделяется анализу проблем, возникших в результате данных реформ. Авторами предложены рекомендации по их решению.

Ключевые слова: образование, качество населения, реформа образования, уровень образования

Качество населения – главный стратегический ресурс развития российского общества, а также результат повышения уровня и качества жизни населения [8, с. 101]. Понятие «качество населения» состоит из следующих элементов: уровень здоровья, уровень образования, культурный уровень [8, с. 102]. Подробнее в статье остановимся на уровне образования как основном факторе, влияющем на качество населения.

Уровень образования, во-первых, способствует развитию всего общества через развитие отдельного индивида. Во-вторых, от него зависит будущее государства, так как именно он определяет качественные характеристики населения. В-третьих, уровень образования сказывается и на развитии других составных элементов качества населения.

Таким образом, уровень образования – это показатель освоения отдельным индивидом или населением общеобразовательных программ, а также степень удовлетворенности ими собственных потребностей, в результате потребления материальных и духовных благ.

Стоить отметить, что Российская Федерация находится на 95 месте из 149 в международном индексе процветания, который включает в себя несколько базовых категорий, в том числе и образование. Так, с 2007 года по 2016 год позиции России в данной категории выросли на шесть пунктов, в результате чего страна стала занимать 25 место [7].

На протяжении последних десятилетий в России активными темпами шел процесс реформирования системы образования, который коснулся всех его видов и уровней. Во-первых, это переход на двухуровневую систему высшего образования в связи с присоединением к Болонскому процессу в 2003 году. Во-вторых, реформирование аспирантуры. В-третьих, введение новых федеральных образовательных стандартов. В-четвертых, изменение системы финансирования учебных заведений и другие [4, с. 123].

Существенные изменения привели к появлению негосударственных образовательных учреждений, что повлекло за собой коммерциализацию образования, то есть предоставление на договорной основе образовательных услуг. Распространенной тенденцией среди молодежи стало получение исключительно диплома [6, с. 89], а не самих знаний. К тому же, возникли проблемы с численностью мест в образовательных организациях по определенным направлениям подготовки, а также и с численностью вакантных мест в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Это свидетельствует об отсутствии действенного механизма координации. Тем самым, образовательные организации в основном ориентированы на привлечение абитуриентов, не взирая на отсутствие возможности обеспечить их соответствующими условиями для обучения – помещениями, методическими и учебными материалами, кадрами, оборудованием и т.д. Особенно остро стоит вопрос обеспечения возможности получать образование того или иного уровня, вида лицами с ограниченными возможностями здоровья и инвалидами [3, с. 107].

Известный американский социолог Р. Родс говорил, что коммерциализация образования, которая сегодня насаждается в американских вузах и определяет стратегию их развития, ведет к утрате как академического духа, так и изменяет цели образования, его культуру, превращая университеты в бизнес-организации [2, с. 65].

Остановимся подробнее на каждом уровне образования и произошедших изменениях. В настоящее время все образовательные организации имеют право оказывать платные образовательные услуги. Сеть дошкольных образовательных организаций сокращается, а «полноценные» программы дошкольного образования плавно переводятся в различного рода «фрагментарные» программы, при этом стоимость дошкольного образования с каждым годом существенно растет. Подобные тенденции наблюдаются и в сфере дополнительного образования детей (дворцы творчества, центры развития ребенка) [13].

Что касается основного общего образования, то школа расслаивается по двум направлениям. Во-первых, на узкую прослойку школ для «богатых» и массовую школу для «бедных». Во-вторых, на школы в мегаполисах и школы в других городах [14, с. 281] и дотационных регионах. Так, в городе Екатеринбурге в феврале 2017 года начальник Департамента образования Администрации города Екатеринбурга рассказала о «вопиющей ситуации с зачислением детей по временной регистрации» [12]. В некоторых школах города количество первоклассников с временной пропиской превысило 60%. В школе № 67 было принято 70% таких учеников. При этом временная регистрация заканчивается через пару дней после начала учебного года. Чаще всего она «покупается» для зачисления ребенка в нужную школу [12].

Кроме того, общее образование, являющееся основой воспроизводства, развития и базовой безопасности страны, стало привязанным к результатам ЕГЭ. В результате чего возникают проблемы в формировании таких способностей как мышление, понимание, воображение и других базовых для личности характеристик [13].

С 2007 года наблюдается сокращение количества учреждений среднего профессионального образования в результате их укрупнения [9; 11]. Объединение происходит в связи с недостаточной гибкостью организационной структуры, узкопрофильности подготовки специалистов и снижении качества подготовки выпускников [11]. Еще одной проблемой является старение педагогических кадров, так как большинство преподавателей (67,2%) находится в возрасте от 40 до 59 лет, а приток молодых преподавателей сдерживается невысокой заработной платой [10].

Что касается высшего образования, то оно испытывает ряд трудностей, связанных с противоречиями между теми, кто предоставляет образовательные услуги, и теми, кто их получает [5, с. 93]. Во-первых, новые кадры готовят по устаревшим специальностям или же не востребованным на рынке труда. Во-вторых, возникают преграды для получения образования молодежью из низших социальных слоев в связи с коммерциализацией данной сферы. В-третьих, материально-техническая база ВУЗа зачастую не соответствует современным технологиям и является устаревшей. В-четвертых, для большинства студентов не характерны установки на труд, научную деятельность, общественно-политическую активность [15, с. 28].

Усиливается деградация и научной среды. Происходит сокращение числа организаций и ученых. В аспирантуре идет сокращение бюджетных мест, в результате чего уменьшается численность профессорско-преподавательского состава в возрасте до 35 лет [13] в связи с тем, что лица, получившие ученую степень кандидата наук, не идут преподавать в ВУЗы.

Следует добавить, что сократилась и численность обучающихся в образовательных организациях. Так, в динамике численности обучающихся по образовательным программам дошкольного образования наблюдается постепенный рост показателя с 4,3 в 2000 году до 6,8 в 2014. Однако по всем остальным образовательным программам она отрицательна. По образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего обучения показатель сократился с 20,6 в 2000 году до 14,4 в 2014 году. По образовательным программам СПО – с 1,7 до 0,7 по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, с 2,4 до 2,1 по программам подготовки специалистов среднего звена. Стоит отметить, что по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета и магистратуры с 2000 по 2005 год произошел скачок на 2,4 и составил 7,1, но вплоть до 2014 года наблюдается спад, а показатель 2014 года составляет 5,2. При этом динамика численности обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре преимущественно держится на одном уровне – 0,1[1].

В результате сфера образования может стать окончательно привязанной к рынку, который не задумывается о будущем уровне образования и качестве населения. Образование мирового уровня уже на данный момент не доступно для большинства населения страны, так как российские дипломы не котируются за рубежом, в результате чего необходимо будет проходить обучение в зарубежных странах заново [13].

Для минимизации вышеуказанных негативных тенденций необходимо, во-первых, расширять сеть ДОУ с помощью строительства новых зданий или реконструкции имеющихся. Во-вторых, формировать базовые личностные характеристики и способности у учащихся общеобразовательных организаций так, как это было при традиционной форме выпускных экзаменов. В-третьих, создать механизм по привлечению молодых педагогических кадров в сферу СПО, а также продолжать процесс популяризации рабочих профессий и специалистов среднего звена. В-четвертых, поднять проходные баллы для поступления в образовательные организации высшего образования. В-пятых, устранить дублирование защиты на государственных экзаменах и в диссертационном совете в аспирантуре.

[1] Индикаторы образования [Электронный ресурс] : статистический сборник / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2016. URL: https://www.hse.ru/primarydata/io2016 (дата обращения: 20.04.2017).

В заключении хотелось бы отметить, что произошедшие реформы не только не способствуют повышению уровня образования, а стали причиной деградации российского населения, которая принимает ускоренные темпы [13]. Это напрямую связано с инфантилизацией подрастающего поколения, которое не желает нести ответственность и не имеет критического мышления, являющегося залогом успешности модернизации страны и повышения темпов социально-экономического развития [1, с. 125-128].

© Антонова Ю.В., Солдатова А.В. Текст. 2017

Список источников

1. Ахмедов Р.К. Влияние возрастающей инфантильности общества на гендерную дифференциацию / Р.К. Ахмедов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. № 2 (том 16). С. 125-130.

2. Борщевский А.А. Состояние системы образования на современном этапе как предпосылка интеграции национальных образовательных стандартов / А.А. Борщевский // Фундаментальные исследования. 2007. № 6. С. 64-66.

3. Власюк А.В. Проблемы трудоустройства и обучения инвалидов (на примере Свердловской области) / А.В. Власюк, Ю.А. Темникова, М.А. Задорина // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 6. С. 107. URL: http://www.eduherald.ru/pdf/2015/6/23.pdf (дата обращения: 28.04.2017).

4. Задорина М.А. К вопросу об итогах реформ в сфере образования в России в начале 1990-х годов / М.А. Задорина // Инновационный потенциал молодежи: формирование нового типа культуры. 2014. С. 123-126.

5. Задорина М.А. От права на образование к образовательному праву, от политехнизации к социальному партнерству / М.А. Задорина // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2014. № 2. С. 93-95.

6. Задорина М.А. Социальное партнерство в профессиональном образовании как залог достойного труда / М.А. Задорина // Достойный труд – основа стабильного общества: материалы VI Международной научно-практической конференции: в 2 т. Екатеринбург: УрГЭУ, 2014. Т. 1. С. 88-92.

7. Индекс процветания: рейтинг // Официальный сайт «The legatum prosperity index», 2016. URL: http://www.prosperity.com/rankings (дата обращения: 20.04.2017).

8. Локосов В.В. Качество населения как основной фактор системной модернизации российского общества / В.В. Локосов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6 (36). С. 100-109.

9. О реализации государственной политики в сфере образования [Электронный ресурс] : Доклад Правительства РФ // Официальный сайт Правительства РФ. 2016. URL: http://government.ru/media/files/D0L0A2euMj5mIrp60uOUXFBmS4wS77zD.pdf (дата обращения: 20.04.2017).

10. О результатах мониторинга системы образования [Электронный ресурс] : Отчет Министерства образования и науки РФ // Официальный сайт Министерства образования и науки РФ. 2015 URL: http://минобрнауки.рф/документы/7791/файл/6894/Prilozhenie_k_MON-P-549_ot_25.12.2015.pdf (дата обращения: 20.04.2017).

11. О ходе оптимизации сети подведомственных образовательных учреждений [Электронный ресурс] : Приказ Рособразования от 25 мая 2007 г. № 921. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Прием в первые классы: власти обратили внимание на фиктивную прописку детей [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Официальный портал Екатеринбург», 2017. URL: http://www.ekburg.ru/news/18/64716-priem-v-pervye-klassy-vlasti-obratili-vnimanie-na-fiktivnuyu-propisku-detey/ (дата обращения: 20.04.2017).

13. Стеценко О. Реформа образования в России: реальность и перспективы [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа

экономики», 2011. URL: https://www.hse.ru/news/34167660/36620576.html (дата обращения: 20.04.2017).

14. Томилова Е.Э., Задорина М.А. Проблема повышения доступности и качества образовательных услуг в сельской местности / Е.Э. Томилова, М.А. Задорина // Инновационный потенциал молодежи: формирование нового типа культуры. 2014. С. 280-284.

15. Яо Л.М. Проблемы высшего образования в современном российском обществе / Л.М. Яо // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 6 (часть 2). С. 28-31.

Информация об авторах

1. Антонова Юлия Витальевна (Россия, Екатеринбург) – студент 3 курса, бакалавриат, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства, e-mail: chron00s@yandex.ru, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19, +7(343)371-56-04.

2. Солдатова Александра Владимировна (Россия, Екатеринбург) – студент 3 курса, бакалавриат, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства, e-mail: soldatova_sasha@mail.ru, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19, +7(343)371-56-04.

Antonova U.V., Soldatova A.V.

EDUCATION REFORMS AND QUALITY OF POPULATION: CHALLENGES AND THREATS

The paper deals with the problem of the educational level of the population in Russia. The article analyzes the results of reforms of the national education system over the past decades. Particular attention is paid to the analysis of the problems that have arisen as a result of these reforms. The authors proposed recommendations for their solution.

Keywords: education, the quality of the population, the reform of education, the level of education

Information on the author (s)

1. Antonova Yulia Vitalyevna (Russia, Yekaterinburg) – 3rd year student, bachelor’s program, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of public administration and businesses, e-mail: chron00s@yandex.ru, 620002, Ekaterinburg, st. Mira, 19, +7(343)371-56-04.

2. Soldatova Alexandra Vladimirovna (Russia, Yekaterinburg) – 3rd year student, bachelor’s program, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of public administration and businesses, e-mail: soldatova_sasha@mail.ru, 620002, Ekaterinburg, st. Mira, 19, +7(343)371-56-04.

УДК: 314.17; 316.48

В.Н. Барсуков, А.В. Короленко

ВОЗРАСТНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАРЬЕР ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В докладе представлены результаты исследования по выявлению масштабов и особенностей возрастной дискриминации в отношении пожилых людей в странах мира, а также ее влияния на формирование качества жизни старшего поколения.

Ключевые слова. Возрастная дискриминация, старшее поколение, качество жизни.

Старение населения выступает одним из главных демографических вызовов современности, последствия которого ставят серьезные задачи перед «стареющими»

государствами. Одной из них является поддержание темпов экономического роста в условиях, когда доля и численность населения младшего и трудоспособного возрастов перманентно сокращаются. Большинство развитых и развивающихся стран реализовали свои демографические дивиденды, однако сегодня все чаще звучат идеи о возможности формирования второго дивиденда, основанного на ресурсном потенциале единственной увеличивающейся социально-демографической группы – пожилых людей [7]. Во многом это пересекается с другой важной задачей – поддержание достойного уровня и качества жизни старшего поколения [2]. Успешность и эффективность решения этих задач зависит от готовности общества принять изменения, вызванные последствиями демографического старения. Одним из институциональных барьеров, препятствующих реализации ресурсного потенциала старшего поколения, является возрастная дискриминация. С юридической точки зрения доказать наличие возрастной дискриминации по отношению к пожилым людям довольно сложно, однако существуют косвенные способы оценки масштабов ее распространенности, в частности, опирающиеся на социологические методы. Целью данного исследования стало выявление особенностей и закономерностей распространения дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям в странах мира, а также их влияния на формирование качества жизни данной социально-демографической группы населения.

На протяжении всей истории человечества отношение общества к «старости» и пожилым людям менялось. В разное время изучением проблемы эволюции отношения социума к представителям старшего поколения занимались такие ученые, как М. Блекнер, У. Генри, Э. Камминг, А. Роуз [1]. Главным же выводом, обобщающим идеи большинства исследований в данной области, является то, что место и роль пожилого человека определяется множеством факторов, к числу которых могут относиться исторические, географические, социальные, экономические и т.д. Например, согласно теории типов культур М. Мид [8], возникновение возрастной дискриминации – это социальное явление, вызванное трансформацией общественных ценностей, переходом к новому типу культуры, в которой происходят разрывы межпоколенческих коммуникаций. Однако оно имеет и другие грани, формирующиеся параллельно с трансформацией возрастной структуры населения – демографическим старением.

Как показывают исследования [3; 4; 5], старение населения характеризируется тремя важными признаками: глобальностью, необратимость и множественностью последствий. Глобальность и необратимость подтверждаются статистически: все регионы мира «стареют» (с разной интенсивностью), а с переходом к суженному воспроизводству населения вектор изменения возрастной структуры принимает направление к ее «старению». Увеличение доли и численности пожилых людей влечет за собой множество последствий, наиболее измеримые из которых выражаются в росте смертности населения, увеличение доли хронических заболеваний, возрастании нагрузки на систему здравоохранения, сокращении доли трудящегося населения. Безусловно, последствия старения требуют от правительств «стареющих» государств реакционных мер по поддержанию устойчивого социально-экономического развития. Одной из них стало введение систем социального страхования населения (в том числе пенсионного обеспечения), которая, с одной стороны, имела благоприятный эффект с точки зрения поддержания уровня потребления (через улучшение качества жизни социально уязвимых категорий), с другой – стало фактором формирования дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям. Социально-демографической группе пожилых людей, до этого рассматривавшийся только в качестве непроизводительной части населения, присваиваются ярлыки «бремени» или «обузы» для государства и его бюджета в условиях демографического старения. Старение населения и его последствия стали фактором возникновения предвзятого отношения к пожилым людям, не наблюдавшегося ранее: культурная и ценностная «пропасть» между поколениями дополнилась экономическим контекстом.

На рубеже XX-XXI веков в большинстве развитых стран проблема профицита предложения на рынке труда сменилась ее дефицитом. Учитывая необратимость глобального демографического старения актуальной стала проблема реализации второго демографического дивиденда [7], основанного на ресурсном потенциале старшего поколения, проще говоря – стимулирования занятости пожилых людей и внедрения политики продления периода трудовой активности граждан после достижения пенсионного возраста. Однако в этом случае необходимо было решить важную проблему дискриминации по отношению к пожилым людям со стороны работодателей. Мировая общественность отреагировала на это созданием нормативных документов (Венский международный план по проблемам старения (1982 год), Декларация по проблемам старения (1992 год), Мадридский международный план действий по проблемам старения (2002 год)), носящих рекомендательный характер, в то же время конкретные антидискриминационные законы принимались на уровне стран. Один из первых нормативно-правовых актов, регулирующих возрастную дискриминацию, был создан в США, предпосылкой чему послужил доклад В. Виртса «Пожилой американский работник» [11]. В своем докладе он представил несколько подтвержденных эмпирически выводов о возрастной дискриминации по отношению к пожилым людям в США, которые в обобщенном виде выглядят следующим образом:

– многие работодатели сознательно устанавливают негласные возрастные ограничения;

– формально об этих ограничениях никому неизвестно, а доказать их существования не представляется возможным;

– возрастная дискриминация становится в один ряд с явлениями сексизма, расизма, ксенофобии и основывается на стереотипных предположениях о зависимости возможностей человека от его возраста, неподкрепленные объективными фактами;

– эмпирически доказано, что производительность труда уволенных пожилых сотрудников не отличалась от более молодых работников;

– явление возрастной дискриминации лишает народное хозяйство возможности реализовать ресурсный потенциал миллионов граждан, что также негативно сказывается и на их психологическом состоянии, возникновении чувства ненужности и социально изолированности.

Представленные выводы в целом отражают сущность возрастной дискриминации. Формирование этого явления происходит под влиянием социальных, экономических и культурных «пластов», в связи чем, при оценке его распространенности необходимо учитывать множественность факторов и сфер проявления. Для решения проблемы возрастной дискриминации по отношению к пожилым людям необходимо знать ее масштабы и особенности, что актуализирует проведение исследований по данной тематике.

Информационной базой нашего исследования послужили данные шестой волны социологического обследования The World Values Survey («Обзор мировых ценностей», далее – WVS) [10]. Ассоциация WVS включает в себя большое количество авторитетных ученых социологов со всего мира, цель которых – сформировать обобщенное представление о ценностной структурах в разных регионах мира. В исследовании представлены результаты стандартизированных опросов в 56 странах, проводимых на протяжении 2010-2014 годов, общая выборка составила свыше 90 тыс. человек.

Инструментарий обследования WVS является очень обширным, но нас интересовали аспекты, отражающие восприятие обществом старшего поколения. В анкете опроса представлен блок суждений о пожилых людях, с которыми респондентам предлагалось согласиться/не согласиться. Вопрос звучал следующим образом: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями о пожилых людях?». Каждому из суждений нами был присвоен маркер дискриминационного восприятия обществом представителей старшего поколения:

1. Пожилых людей в наши дни не уважают (I_1).

Маркер: неуважительное отношение к пожилым людям.

2. Пожилые люди получают от правительства больше, чем заслуживают(I_2).

Маркер: восприятие пожилых людей как нагрузки для бюджета государства.

3. Пожилые люди – это бремя для общества(I_3).

Маркер: восприятие пожилых людей как бремени для общества в целом.

4. Компании, нанимающие молодых, добиваются больших успехов, чем использующие работников разного возраста(I_4).

Маркер: восприятие пожилых людей как ненадежных работников.

5. У пожилых людей слишком много политического влияния (I_5).

Маркер: восприятие пожилых людей как социальной группы, обладающей чрезмерным политическим влиянием.

Вариантам ответов нами были присвоены следующие балльные оценки: полностью согласен – 1 балл; скорее согласен – 2 балла; трудно сказать – 3 балла; скорее не согласен – 4 балла; солностью не согласен – 5 баллов.

По каждому из суждений рассчитывался средний балл для всех рассматриваемых стран, после чего строился сводный индекс толерантного отношения к пожилым людям ($I_{тол}$) по пяти показателям (чем выше балл – тем ниже проявление дискриминационных настроений).

Проведенные расчеты позволили сформировать классификацию стран мира на основе значений индекса толерантного отношения к пожилым людям (табл.1).

Таблица 1

Классификация стран мира по уровню толерантного отношения к пожилым людям

Уровень толерантности	Страны
Высокий $I_{тол} \geq 3{,}5$	Нидерланды, Австралия, Германия, Эстония, Новая Зеландия, Казахстан, Испания, Армения, Швеция, Грузия, Чили, США, Аргентина
Относительно высокий $3{,}3 \leq I_{тол} < 3{,}5$	Россия, Беларусь, Польша, Украина, Бразилия, Эквадор, Уругвай, Гаити, Азербайджан, Кипр, Словения, Мексика, Марокко
Средний $3{,}2 \leq I_{тол} < 3{,}3$	Колумбия, Сингапур, Тринидад и Тобаго, Перу, Япония, Катар, Китай, Кувейт, Иордания, Ирак.
Относительно низкий $3 \leq I_{тол} < 3{,}2$	Кыргызстан, Гонконг, Пакистан, Зимбабве, Южная Корея, Румыния, Руанда, Таиланд, Алжир, Ливия, Тунис.
Низкий $I_{тол} < 3$	Ливан, Турция, Филиппины, Египет, Бахрейн, Гана, Малайзия, ЮАР, Нигерия
Источник: The World Values Survey [Electronic resource]. – URL: http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp, расчеты авторов.	

Отметим, что составленная классификация ставит перед собой цель не определить конкретное место страны и дать характеристику распространенности дискриминационных настроений, а выявить определенные закономерности и особенности. Условно мы можем выстроить вертикаль возрастной дискриминации, на одном конце которой находятся

преимущественно развитые страны и регионы с переходной экономикой (высокий уровень толерантности), а на другом – развивающиеся и слаборазвитые страны (низкий уровень толерантности).

Следующий этап анализа заключался в выявлении связи индекса с отдельными экономическими и социальными характеристиками исследуемых стран. Для выявления взаимосвязей между результативным и факторными признаками использовался метод корреляционно-регрессионного анализа.

В качестве фактора, отражающего уровень экономического развития государства, использовался показатель ВВП на душу населения (в долларах США). Была выявлена умеренная положительная корреляционная связь с индексом толерантного отношения к пожилым людям (r=0,42). Дисбаланс в распределение вносят страны юго-восточной (Япония, Южная Корея, Сингапур) и юго-западной Азии (Катар, Кувейт): располагая очень высокими показателями ВВП на душу населения, в то же время имеют низкие показатели сводного индекса толерантности. Во многом это связано со слабой устойчивостью пенсионных систем в этих странах [3], что обостряет негативное влияние последствий старения населения.

Для выявления связи возрастной дискриминации с развитием демократических институтов, нами были использованы данные рейтинга стран мира The Democracy Index (2016 г.), рассчитанного британским исследовательским центром The Economist Intelligence Unit [9]. Проведенные расчеты свидетельствуют о наличии умеренной положительной корреляционной связи между индексом толерантности и развитием демократических институтов (r=0,44). Можно сделать вывод, что в общей совокупности всех факторов развитость демократических институтов оказывает положительное влияние на снижение возрастной дискриминации в обществе.

Социальная, экономическая и политическая ситуация в стране определяют качество жизни старшего поколения. Можно предположить, что возрастная дискриминация по отношению к пожилым людям выступает фактором снижения качества их жизни. Для подтверждения это гипотезы, использовались данные рейтинга качества жизни пожилых людей в мире (Global AgeWatch Index, 2015 г.), рассчитанного по методике международной неправительственной организации HelpAge International [6]. Расчеты показывают, что между индексом толерантности и Global AgeWatch Index наблюдается сильная положительная корреляционная связь (r=0,71). Это позволяет нам сделать один наиболее значимых выводов проведенного исследования: качество жизни пожилых людей определяется масштабом распространенности возрастной дискриминации.

Проведенное исследование позволило получить следующие важные результаты. Во-первых, возникновение возрастной дискриминации по отношению к пожилым людям – это следствие смены социально-экономических и культурных систем. Восприятие представителей старшего поколения менялось с переходом от традиционного общества, где место и роль пожилых людей оценивались достаточно высоко в силу их значимости в передаче культурных ценностей, к индустриальному обществу, в котором население «третьего» возраста рассматривалось уже через призму их вклада в экономическое развитие. Однако демографическая революция, естественным следствием которой явилось перманентное увеличение доли и численности населения старших возрастов, стала отправной точкой смены социокультурной парадигмы восприятия пожилых людей. Правительства «стареющих» государств, принимая во внимание важность реализации ресурсного потенциала старшего поколения для устойчивого социально-экономического развития, отреагировали на последствия старения населения вводом мер по искоренению стереотипизации образа пожилого человека. В «современной» парадигме возрастная дискриминация – социальный рудимент, препятствующий реализации ресурсного потенциала и инклюзии старшего поколения.

Во-вторых, распространенность дискриминационных настроений зависит от целой совокупности факторов. Проведенный анализ свидетельствует о наличии определенных закономерностей в формировании вертикали возрастной дискриминации. В странах,

характеризующихся высоким уровнем жизни и развитостью демократических институтов, дискриминация по отношению к пожилым людям распространена в гораздо меньшей степени. Увеличение численности пожилых людей в развитых странах воспринимается сегодня не как «вызов» или «проблема», а как «возможность» для развития, учитывая глобальность и необратимость демографического старения.

В-третьих, было выявлено, что качество жизни пожилых людей во многом определяется отсутствием возрастной дискриминации. Устранение данного социально-экономического барьера способствует реализации ресурсного потенциала пожилых людей во многих сферах жизнедеятельности общества.

© Барсуков В.Н., Короленко А.В. Текст. 2017

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 16-02-00301/16 «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы»

Список источников

1. Барсуков, В.Н. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт [Текст] / В.Н. Барсуков, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 88-107.

2. Развитие в условиях старения мира: доклад Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: чttp://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf

3. Реэр, Д. Экономические и социальные последствия демографического перехода (перевод с английского) [Электронный ресурс] / Д. Реэр // Демографическое обозрение. – 2014. – № 4. – Режим доступа : http://demreview.hse.ru/2014--4/150230090.html

4. Россет, Э. Процесс старения населения [Текст] / Э. Россет. – М.: Статистика, 1968. – 508 с.

5. Сови, А. Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населения [Текст] / А. Сови : пер. с фран. Ф.Р. Окуневой. – М.: Прогресс, 1977. – 520 с.

6. Global AgeWatch Index [Electronic resource]. – URL: www.helpage.org/global-agewatch/

7. Lee, R. Population aging, wealth and economic growth: demographic dividends and public policy [Text] / R. Lee, A. Mason. – WESS background paper, 2015. – 35 p.

8. Mead, M. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap [Text] / M. Mead. – The Bodley Head, 1970. – 128 p.

9. The Democracy Index [Electronic resource]. – URL: http://www.eiu.com/topic/democracy-index

10. The World Values Survey [Electronic resource]. – URL: http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp

11. U.S. Department of Labor. (1965). The older American worker, age discrimination in employment: Report of the Secretary of Labor to the Congress under section 715 of the Civil Rights Act of 1964. Washington, DC: Author.

Информация об авторах

1. Барсуков Виталий Николаевич, Россия, г. Вологда, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, common@vscc.ac.ru).

2. Короленко Александра Владимировна, Россия, г. Вологда, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, common@vscc.ac.ru).

Barsukov V.N., Korolenko A.V.

AGE DISCRIMINATION AS A SOCIO-ECONOMIC BARRIER TO THE FORMATION OF THE QUALITY OF LIFE OF THE OLDER GENERATION

The report presents the results of studies to determine the extent and characteristics of age discrimination against older people in countries around the world, and its influence on the formation of the quality of life of the older generation.

Key words: Age discrimination, the older generation, quality of life.

Information about authors

1. Barsukov Vitaly Nikolaevich, Russia, Vologda, Junior researcher, Institute of socio-economic development of territories of RAS (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo str., 56a, common@vscc.ac.ru).

2. Korolenko Alexandra Vladimirovna, Russia, Vologda, Junior researcher, Institute of socio-economic development of territories of RAS (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo str., 56a, common@vscc.ac.ru).

УДК: 339.92

Е.Б. Бедрина, А.А. Ишуков

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье анализируются интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Авторами проведен сравнительный анализ социально-экономических и демографических показателей стран Евразийского экономического союза, на основании которого сделан вывод о наличии значительного межстранового и регионального экономического неравенства. Рассмотрены финансовые рычаги для снижения территориальной сегрегации. Предложено создание перераспределительного фонда, формируемого из вносов стран-участниц Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: экономическое неравенство, интеграция, Евразийский экономический союз, финансовая поддержка, перераспределительный фонд.

Интеграция на постсоветском пространстве позволяет России сохранить сферу политических интересов и оказывать влияние на соседние регионы. В связи с чем, она инициирует интеграционные процессы в Евразии и активно в них участвует. Важнейшим результатом данной деятельности выступает Евразийский экономический союз – ЕАЭС. Однако предпосылки объединения стран в ЕАЭС диктуются не столько экономической практикой и наличием эффективного внутреннего рынка, сколько объективным ходом исторического развития, сблизившего народы, имеющие существенные ментальные и культурно-религиозные различия.

Одной из серьезных проблем развития ЕАЭС является экономическое неравенство, существующее, как между странами-участницами, так и между их регионами. Существенная экономическая дифференциация стран препятствует развитию интеграционных отношений и переходу на более высокую ступень интеграции, а региональное неравенство ведет к политической нестабильности, что, в свою очередь, также негативно сказывается на экономике стран.

Анализ экономических показателей стран ЕАЭС позволил выделить лидеров и аутсайдеров интеграционного объединения. В роли лидеров выступает Белоруссия, Казахстан и Россия. Эти страны имеют относительно близкий уровень экономического

развития, что позволило им в июле 2010 г. подписать соглашение о создании таможенного союза. Армения присоединилась к таможенному союзу в октябре 2014 г., Киргизия в мае 2015 г. Армения и Киргизия выступают в роли аутсайдеров интеграционного объединения, имея низкие показатели экономического развития. К примеру, по данным 2014 г. ВВП на душу населения в России был почти в 11 раз выше, чем в Киргизии, а уровень безработицы в Казахстане составлял 4,1 %, в то время как в Армении – 17,1 %, т.е. в Армении он превысил естественный уровень почти в 3 раза (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение максимальных и минимальных значений за 2014 г. по ЕАЭС

Показатель	ЕАЭС		
	Максимум	Минимум	Разница
ВВП на душу населения, долл.	14052 (Россия)	1280 (Киргизия)	10,9 раз
Объем экспорта, млрд. долл.	497,4 (Россия)	1,5 (Армения)	331,6 раз
Объем импорта, млрд. долл.	287,1 (Россия)	4,4 (Армения)	65,25 раз
Заработная плата, долл.	858,81 (Россия)	228,98 (Киргизия)	3,8 раз
Уровень безработицы, %	17,1 (Армения)	4,1 (Казахстан)	13 %

Источник: составлено по: Росстат [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/; Международный статистический комитет содружества независимых государств [Электронный ресурс]. URL: http://cisstat.com/

В ЕАЭС положительный платежный баланс в 2014 г. был только у Казахстана и России. При этом Россия, имея масштабную экономику и высокий уровень экономического потенциала, значительно опередила другие страны интеграционного объединения по объемам экспорта и импорта.

Экономические аутсайдеры ЕАЭС – Армения и Киргизия, имеют отрицательное сальдо миграции, играя роль доноров трудовых ресурсов для других стран, в то время как Россия и Казахстан являются не только странами-донорами, но и странами-реципиентами, конкурирующими друг с другом за человеческие ресурсы, прежде всего, из стран СНГ.

Киргизия имеет наиболее высокие темпы роста численности населения за счет относительно высокой рождаемости, что в сложившихся для страны условиях ведет к росту бедности. В то же время, Армения выступает лидером по продолжительности жизни населения. Однако высокая продолжительность жизни населения в Армении означает и высокую демографическую нагрузку на занятое население и требует принятия соответствующих экономических решений.

Существующие диспропорции препятствую проведению единой макрополитики на территории ЕАЭС, которая должна создать правовую и экономическую базу для дальнейшего интеграционного продвижения. В частности, формирования общего электроэнергетического рынка, общего рынка лекарственных средств, общего рынка газа, нефти и нефтепродуктов в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе.

Так как в интеграционных процессах участвуют не просто страны, но и их граждане, которые получают от интеграции больше возможностей для географической мобильности, а значит, выбора места проживания, образования, трудоустройства и пр., важность приобретает вопрос имущественной дифференциации населения стран - участниц. Не смотря на то, что Россия выступает лидером данного интеграционного объединения, она имеет существенные внутренние проблемы, связанные с экономическим расслоением ее граждан, что отражается в высоком значении показателя экономического неравенства. Данное превышение (более 40 %) считается социально опасным. В период бюджетного дефицита поддержание показателя на столь высокой отметке ведет к росту теневого сектора экономики. В данном случае международными организациями и экспертами рекомендуется принимать специальные политические и экономические меры для сокращения имущественного неравенства

А вот Киргизия, являясь аутсайдеров интеграционного объединения, смогла не допустить значительного имущественного расслоения населения, имея низкий показатель Джини, как Белоруссия и Казахстан (табл. 2).

Таблица 2 – Коэффициент Джини в странах ЕАЭС в 2016 г.

Показатель	Значение показателя, %	Страны ЕАЭС
Очень низкий	< 25	-
Низкий	25-30	Белоруссия, Казахстан, Киргизия
Средний	30-35	Армения
Высокий	35-40	-
Очень высокий	> 40	Россия

Источник: Human Development Report 2016 [Электронный ресурс]. URL: www.hdr.undp.org

Одним из факторов провоцирующим неравенство в доходах населения является региональный фактор. В силу отраслевой специфики, инвестиционной активности и государственной политики, регионы той или иной страны могут иметь существенные преимущества, а значит, и различия в экономических показателях. Как правило, развитыми регионами являются столичные регионы, а также регионы, где сохранилась или развивается промышленное производство, сектор услуг или ведется добыча и производство энергетических ресурсов и пр. Наиболее отсталым регионам обычно являются аграрные регионы. Индекс урбанизации в ЕАЭС колеблется от 36 % в Киргизии и до 77 % в Белоруссии.

Политика любого регионального объединения должна быть направлена на преодоление регионального неравенства. В частности, в договоре о Евразийском Экономическом Союзе говорится о необходимости укрепления экономик стран-членов союза и об обеспечении гармоничного развития и сближения, а также о необходимости сокращения разрыва между уровнями экономического развития различных регионов [1].

Средний ВРП на душу населения по объединению ЕАЭС в 2014 г. в Белоруссии, Казахстане, Киргизии и России составил 8574,87 долларов США. При этом 56 регионов из 4-х стран имели ВРП на душу населения выше среднего показателя. В это число попали город Минск Республики Беларусь, 8 из 16 регионов Казахстана и 27 из 82 регионов России.

В России лидерами по ВРП на душу населения выступили Ненецкий автономный округ, входящий в состав Архангельской области, Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ, входящие в составе Тюменской области. Возглавляют рейтинг Сахалинская и Тюменская области России и Атырауская область Казахстана. В десять стран-лидеров вошли 6 российских и 4 казахстанских регионов.

Все регионы Армении, а также 5 из 7 регионов Республики Беларусь и все 9 регионов Киргизии имеют ВРП на душу населения ниже среднего показателя, причем 7 регионов Киргизии замыкают рейтинг. Рейтинг российских регионов замыкают 4 республики Северокавказского федерального округа и новые российские территории – Крым и Севастополь. В соответствии с существующей классификацией применяемой Европейским Союзом, регионы стран-участниц ЕАЭС разделены нами на 3 группы по показателю ВРП на душу населения: развитые, транзитные и развивающиеся (табл. 3).

Таблица 3

ВРП на душу населения по регионам ЕАЭС за 2014 г.*

Показатель	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Количество регионов	7	16	9	82
Развитые регионы (ВРП на душу населения выше 90 %)	2	9	0	38
Транзитные регионы (ВРП на душу 75-90 %)	0	3	0	11
Развивающиеся регионы	5	4	9	33

(ВРП на душу населения ниже 75 %)				
Максимальный ВРП, долл.	10129,79 (г. Минск)	34065,3 (Атырауская обл.)	3162,88 (г. Бишкек)	49572,31 (Сахалинская обл.)
Минимальный ВРП, долл.	5082,9 (Могилев-ская обл.)	3918,73 (Южно-Казахстанская обл.)	549,54 (Ошская обл.)	2030,43 (г. Севастополь)
Средний ВРП, долл.	6598,12	11854,31	1405,43	8890,61

**без Армении, так как в открытом доступе отсутствуют данные по ВРП.*

Источник: Составлено по: Статистическая база данных Федеральной Службы Государственной Статистики [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru; Статистический ежегодник Кыргызской Республики 2010-2014 [Электронный ресурс]. URL: www.stat.kg; Статистический сборник. Регионы Казахстана в 2015 году [Электронный ресурс]. URL: www.stat.gov.kz; Статистический сборник. Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели-2016. Том 1 [Электронный ресурс]. URL: www.belstat.gov.by

Анализ показал, что в Казахстане и России существует значительная разница между самым высоким и самым низким показателем ВРП, хотя в Казахстане развитых регионов больше, чем в России. Разница в экономических показателях между регионами в Белоруссии и Киргизии незначительна, но общий уровень экономического развития Киргизии значительно ниже, чем у других стран интеграционного объединения. На сегодняшний день развивающимися являются все регионы Киргизии.

В ЕАЭС также, как и в других интеграционных объединениях, важным направлением реализации политики по преодолению экономического неравенства между странами-участниками и их регионами является финансовая поддержка. С целью ее осуществления в 2009 г. был учрежден Евразийский фонд стабилизации и развития, выполняющий роль Антикризисного фонда (при ЕврАзЭс). Данный фонд был создан для предоставления финансовых и инвестиционных кредитов, а также грантов правительствам стран для их устойчивого развития и создания возможностей для ускорения интеграции [3]. Государства-участники фонда – страны ЕАЭС и Таджикистан, который считается потенциальным кандидатом на вступление в ЕАЭС. В соответствии с уставом Фонда его участником может быть любое заинтересованное государство или международная организация.

Бюджет фонда в 2017 г. составляет 8,513 млрд. долларов. Формируется Фонд из взносов стран-участниц. Сумма взносов в Фонд распределяется дифференцировано: самая большая доля у России, несколько меньше у Казахстана, по 0,01 % у Армении, Киргизии и Таджикистана. Каждый из участников фонда имеет право на получение средств из Фонда, лимит которых определяется ВНД на душу населения. В случае необходимости, в частности при реализации крупных проектов, государство-участник может принять решение передать часть своего лимита другому государству-участнику Фонда (табл. 3).

Таблица 3

Распределение взносов и лимитов в Евразийском фонде стабилизации и развития в 2017 г.

Участники	Взносы		Лимиты	
	млн. долл.	проценты	млн. долл.	проценты
Армения	1	0,01	1106,69	13
Белорусь	10	0,12	1787,73	21
Казахстан	1000	11,74	2043,12	24
Киргизия	1	0,01	255,39	3
Россия	7500	88,10	3149,81	37
Таджикистан	1	0,01	170,26	2

Источник: Евразийский Фонд Стабилизации и Развития [Электронный ресурс]. URL: https://efsd.eabr.org/members/

Так как лимиты в Фонде распределены более равномерно, чем взносы, то можно констатировать, что Фонд, хотя и не является офицально перераспределительным фондом, но выполняет перераспределительные функции, помогая преодалеть странам-участницам экономическое неравенство между ними.

Финансовые кредиты выделяются фондом на реализацию краткосрочных проектов (до 3 лет), связанные с обеспечением финансовой стабильности, бюджетной устойчивостью, улучшением делового климата и развитием интеграции со странами ЕАЭС. Страны-участницы имеют право на получение кредитов в пределах установленных лемитов. Для стран с низким уровнем дохода, согласно классификаци Всемирного банка, предоставляются стабилизационные кредиты, для стран со средним уровнем дохода – суверенные зайы. Финансовые стабилизационные кредиты для страны с низким доходом предоставляются под фиксированные ставки 1-3 % с 20-летним периодом погашения и 5-летним льготным периодом. Финансовые суверенные кредиты для стран со средними доходами выдаются по ставке ЛИБОР с плавающей маржой, рассчитываемой каждые 6 месяца, с 10-летним периодом погашения и 5-летним льготным периодом. Первые 5 лет действует льготный период. Минимальная сумма финансового кредита – 10 млн. долларов. Финансовый кредит предостовляется единовременно или траншами.

Инвестиционные кредиты выделяются фондом на финансирование важных национальных проектов, прежде всего, в области энергетики и инфраструктуры. Инвестиционные кредиты выдаются странам-участницам либо проектным компаниям по ставке Либор с плавающей маржой, рассчитываемую каждые 6 месяцев с 15-летним периодом погашения для государств и 10-летним периодом погашения для компаний, с начальной единовременной комиссией в 1 % и комиссией за резервирование в 0,5 % и софинанстрованием в размере 20 %. В настоящее время инвестиционный портфель сосавляет 3 470 млн. долларов и включает в себя инвестиционные проекты, реализуемые в Армении, Белоруссии, Киргизии и Таджикистане.

Гранты формируются из прибыли Фонда в размере 1/10 чистой прибыли и предоставляются фондом Армении, Киргизии и Таджикистану для финансирования проектов социальной сферы в области образования, здравоохранения, государственного управления, социального обеспечения и защиты, в том числе продовольственной безопасности. Гранты предоставляются в объемах: от 500 тыс. до 2 млн. долларов со сроком реализации до 1,5 лет, от 2 до 5 млн. долларов со сроком более 1,5 лет [3].

На данный момент реализован один проект стоимостью 70 млн. долларов по поддержке бюджета Таджикистана. Еще один проект стоимостью 1,56 млрд. долларов по поддержке бюджета Белоруссии находится на финальной стадии реализации. Кроме того, подписано 6 соглашений преимущественно по поддержке инфраструктуры, в том числе, в Армении и Киргизии.

Управлением Евразийским фондом стабилизации и развития занимается Евразийский банк развития (ЕАБР), созданный специально для этого в конце 2015 г. Учредителями ЕАБР являются все те же 6 стран, что и в фонде. Уставный капитал ЕАБР составляет 7 млрд. долларов, из них 1,5 миллиарда оплаченный капитал. Объем текущего инвестиционного портфеля на 1 марта 2017 г. составил 2,4 млрд. долларов. В стадии финансирования банка на данный момент находятся 62 инвестиционных проекта [2].

Так как Киргизия вступала в ЕАЭС несколько позже других стран и отставала в развитии по многим показателям, для ее поддержки в развитии экономики в 2015 г. был создан Российско-Кыргызский Фонд Развития. Было одобрено 537 проектов с общей стоимостью 160,8 млн. долларов [4].

Нами предложено создание перераспредилительного фонда для решения проблемы регионального неравенства и финансовой поддержка региональной политики. В отличии от существующего Евразийского фонда стабилизации и развития его участниками должны быть

только станы ЕАЭС. Таким образом, передача перераспределительной функции от Евразийского фонда стабилизации и развития фонду, специально созданному для перераспределения средств экономического развития, сделает работу Евразийского фонда стабилизации и развития более целенаправленной и позволит сосредоточится интеграционному объединению на важной задаче экономическом выравнивании регионов.

© Бедрина Е.Б., Ишуков А.А. Текст. 2017

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержки РФФИ № 16-02-00164-ОГОН «Научно-методический инструментарий измерения, оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России».

Список источников

1. Договор о Евразийском Экономическом Союзе// [Электронный ресурс]. URL: http://www.eaeunion.org/files/history/2014/2014_2.pdf
2. Евразийский Банк Развития [Электронный ресурс]. URL: www.eabr.org Российско-Кыргызский Фонд Развития [Электронный ресурс]. URL: www.rkdf.org
3. Евразийский Фонд Стабилизации и Развития [Электронный ресурс]. URL: www.efsd.eabr.org
4. Российско-Кыргызский Фонд Развития [Электронный ресурс]. URL: www.rkdf.org

Информация об авторах

1. Бедрина Елена Борисовна (Россия, г. Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент кафедры международной экономики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. e-mail: bedrina1967@mail.ru), старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН).

2. Ишуков Александр Александрович (Россия, г. Екатеринбург) – аспирант кафедры международной экономики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. e-mail: alex-xz5@yandex.ru).

E.B. Bedrina, A.A. Ishukov

ECONOMIC INEQUALITY BETWEEN THE COUNTRIES OF EURASIAN ECONOMIC UNION AND HOW TO AVOID IT

. The article analyzes the integration processes in the post-Soviet space. The authors conducted a comparative analysis of socio-economic and demographic indicators of the countries of the Eurasian Economic Union. As a result, the authors conclude that there is a significant intercountry and regional economic inequality. The article considers financial levers for reducing territorial segregation. The authors propose to organize a redistribution fund, formed from the contributions of the member countries of the Eurasian Economic Union

Key words: economic inequality, integration, the Eurasian Economic Union, financial support, redistribution fund

Information about the authors

1. Bedrina Elena Borisovna (Russia, Ekaterinburg) - candidate of economic sciences, associate professor of the department of international economics, FSAEI HE «UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin» (620002, Ekaterinburg, Mira street, 19. e-mail: bedrina1967@mail.ru).

2. Ishukov Alexander Alexandrovich (Russia, Ekaterinburg) - postgraduate student of the department of international economics, FSAEI HE «UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin» (620002, Ekaterinburg, Mira street, 19. e-mail: alex-xz5@yandex.ru:.ru).

УДК: 330.59

Г.В. Белехова

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

В статье рассмотрены современные тренды финансового поведения населения на основе динамического анализа банковских вкладов и кредитов, нормы сбережений и кредитной нагрузки. Проведена оценка взаимосвязи интегрального индекса качества жизни с показателями финансового поведения населения.

Ключевые слова: сбережения, норма сбережений, задолженность по кредитам, качество жизни населения, корреляционный анализ

Дифференциация в уровне и качестве жизни населения вносит существенные коррективы в формирование моделей финансового поведения [1, с. 70]. В то же время объем накопленных сбережений, уровень кредитной нагрузки определяют покупательные возможности населения, являются одними из важнейших характеристик достигнутого уровня и качества жизни. В данной статье предпринимается попытка оценить взаимосвязь финансового поведения и качества жизни населения, а также рассматриваются современные тренды, сложившиеся в сфере использования банковских вкладов и кредитов.

Финансовое поведение населения складывается из совокупности действий граждан непосредственно на финансовом рынке, прежде всего – на рынках вкладов и кредитов физических лиц. Оценить современное состояние финансового поведения россиян можно по следующим показателям: вклады (депозиты) физических лиц; задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам; норма сбережений; кредитная нагрузка. Выбор первых двух показателей обусловлен наличием в открытом доступе необходимой статистики и возможностью межрегиональных сопоставлений. Норма сбережений характеризует склонность населения к сбережению и устойчивость потребления домашних хозяйств к резкому колебанию доходов. Кредитная нагрузка позволяет оценить степень нагрузки кредитной задолженности на располагаемые доходы домохозяйства.

Наибольшие объемы привлеченных средств характерны для регионов Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов, в то время как субъекты Северо-Кавказского занимают последние позиции (табл. 1). Позиции регионов в рейтинге вкладов физических лиц достаточно стабильны.

Таблица 1

Вклады (депозиты) физических лиц, привлеченные кредитными организациями (с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг), на душу населения, руб. в год

Регион*	Год				Ранг**	Изм-е (+/-) 2015 г. к 2010 г., %***
	2010	2013	2014	2015		
г. Москва	225088,4	357695,7	409338,4	494203,5	1	45,5
г. Санкт-Петербург	136336,8	212388,6	247865,6	305188,0	2	49,4
Самарская область	68288,7	113623,8	127982,9	162776,7	3	54,8
Тюменская область	71807,8	117824,7	132782,5	161440,5	4	46,9
Магаданская область	68966,4	111482,3	131272,7	158589,5	5	50,2
…	…	…	…	…	…	…

Регион*	Год				Ранг**	Изм-е (+/-) 2015 г. к 2010 г., %***
	2010	2013	2014	2015		
Карачаево-Черкесская Республика	14073,9	24889,5	23588,4	28355,4	76	40,6
Республика Тыва	10825,2	21843,3	20291,5	23512,2	77	44,2
Республика Дагестан	7521,6	16015,2	15479,0	18819,0	78	69,3
Республика Ингушетия	6134,8	11441,3	9632,7	11696,4	79	36,9
Чеченская Республика	2665,0	6418,6	6201,0	8931,6	80	131,0

Рассчитано автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник / Росстат. – М., 2014. – 900 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.
* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя. Перевод в сопоставимые цены осуществлен по стоимости фиксированного набора товаров и услуг.
** Ранжировано по 2015 г.
*** В сопоставимых ценах 2015 года. Перевод в сопоставимые цены осуществлен по индексу потребительских цен (ИПЦ).

Высокий объем вкладов на душу населения характерен для традиционных финансовых центров (гг. Москва и Санкт-Петербург), а также регионов, имеющих экспортно-ресурсную направленность и являющихся торгово-транспортными центрами – Самарская, Тюменская, Магаданская, Сахалинская, Мурманская, Калининградская области. Регионы-аутсайдеры, несмотря на соответствующий среднероссийским темпам прирост рынка банковских вкладов, неизменны в своем составе.

На рынке институциональных займов наблюдаются похожие тенденции (табл. 2). Большей активностью в использовании кредитов отличаются жители нефтегазодобывающих и экспортно-ресурсных регионов (из Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов), в отличие от населения дотационных субъектов (регионы Северо-Кавказского, Центрального, Северо-Западного федеральных округов). Отмечается снижение кредитной активности в финансовых центрах – Санкт-Петербурге (со 2 на 11 место за 2010–2015 гг.) и Москве (с 7 на 39 место за 2010–2015 гг.), что скорее всего связано с активным освоением данного сегмента рынка потребителями и его более быстрым насыщением, чем в других регионах страны.

Таблица 2

Задолженность по кредитам, предоставленным кредитными организациями физическим лицам (с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг), на душу населения, руб. в год

Регион*	Год				Ранг**	Изм-е (+/-) 2015 г. к 2010 г., %***
	2010	2013	2014	2015		
Тюменская область	49121,9	122858,1	141768,1	134670,8	1	79,2
Иркутская область	38327,6	92333,6	106188,7	98873,2	2	67,9
Московская область	35367,5	81911,2	100365,0	97263,6	3	81,9
Республика Коми	26898,5	79899,8	97991,4	96220,2	4	119,2
Республика Саха (Якутия)	23322,4	76917,5	94100,4	93198,3	5	167,6
…	…	…	…	…	…	…
Карачаево-Черкесская Республика	16197,5	51815,9	51085,5	42168,9	76	81,7
Кабардино-Балкарская Республика	14865,8	45408,1	46528,5	38438,6	77	85,7
Республика Дагестан	5797,3	12205,7	13098,4	12326,9	78	43,9

Регион*	Год				Ранг**	Изм-е (+/-) 2015 г. к 2010 г., %***
	2010	2013	2014	2015		
Чеченская Республика	2105,6	12457,7	13744,3	12091,5	79	295,8
Республика Ингушетия	7084,8	12288,0	11762,6	9777,7	80	-1,0

Рассчитано автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник / Росстат. – М., 2014. – 900 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.
* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя. Перевод в сопоставимые цены осуществлен по стоимости фиксированного набора товаров и услуг.
** Ранжировано по 2015 г.
*** В сопоставимых ценах 2015 года. Перевод в сопоставимые цены осуществлен по индексу потребительских цен (ИПЦ).

В однозначных лидерах по норме сбережений (т.е. склонности населения к хранению средств в финансовых учреждениях) – города федерального значения. Далее идут Калининградская, Ярославская, Владимирская области – это регионы, в которых реализуются программы повышения финансовой грамотности населения (табл. 3). Менее всего склонны сберегать средства в банках жители Сибирского и Северо-Кавказского федеральных округов (например, в Республиках Калмыкия и Ингушетия 17% и 6% соответственно по сравнению с 41% в Ярославской области).

Таблица 3

Норма сбережений (отношение вкладов физических лиц к денежному доходу), %

Регион*	Год						Ранг**
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	
г. Москва	59,8	67,7	74,4	78,0	87,9	98,9	1
г. Санкт-Петербург	48,0	54,2	56,9	59,3	63,4	68,5	2
Калининградская область	30,6	34,7	40,5	41,3	42,1	47,8	3
Самарская область	28,5	32,0	32,2	35,0	40,0	47,8	4
Новосибирская область	26,2	29,6	32,5	35,2	38,6	46,5	5
…	…	…	…	…	…	…	…
Карачаево-Черкесская Республика	9,9	14,1	14,8	13,0	11,8	13,4	76
Республика Тыва	8,3	9,4	10,9	12,7	11,2	11,8	77
Республика Ингушетия	4,4	4,8	5,2	5,6	4,6	5,7	78
Республика Дагестан	3,5	3,9	3,8	5,3	4,8	5,2	79
Чеченская Республика	1,7	2,0	3,3	2,8	2,4	3,1	80

Рассчитано автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник / Росстат. – М., 2014. – 900 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.
* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя.
** Ранжировано по 2015 г.

Согласно исследованиям канадских статистиков, значение кредитной нагрузки свыше 40% от располагаемых доходов свидетельствует о том, что обслуживание долга может стать невозможным для домашнего хозяйства и привести к его банкротству [2]. Соответственно, если в 2010–2011 гг. эта отметка не была превышена ни в одном из регионов (табл. 4), то в 2012 г. повышенная кредитная нагрузка зафиксирована в трех субъектах – республиках Калмыкия (48%), Бурятия (49,8%) и Тыва (39,7%). В 2014 г. население уже 6-ти регионов могло испытывать затруднения при обслуживании займов (республики Калмыкия (61%), Бурятия (55%) и Тыва (45%); Тюменская (48%), Московская (43%) и Иркутская (42%) области. Однако за 2015 г. в связи с повышением требований к заемщикам, более строгим

контролем за выдачей кредитов (в т.ч. ипотечных), развитием альтернативных банковским кредитных продуктов ситуация несколько выровнялась: заметное превышение условной нормы наблюдалось только в Республике Калмыкия (52%).

Таблица 4

Кредитная нагрузка (отношение задолженности по кредитам к располагаемым ресурсам), %

Регион*	Год						Ранг**
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	
Республика Калмыкия	26,6	36,7	48,1	65,0	60,6	51,8	1
Тюменская область	19,8	27,6	35,1	40,9	47,8	41,1	2
Республика Бурятия	27,0	36,2	49,8	57,7	54,8	40,9	3
Республика Тыва	22,1	27,4	39,7	44,1	44,7	38,3	4
Московская область	22,4	28,1	35,1	37,2	42,5	36,4	5
…	…	…	…	…	…	…	…
Ивановская область	13,1	15,2	16,4	20,4	22,1	17,2	76
Камчатский край	8,7	10,6	14,7	19,7	24,1	16,0	77
Республика Дагестан	7,9	10,0	11,5	13,3	12,9	10,1	78
Республика Ингушетия	14,8	20,6	23,3	21,6	15,8	9,6	79
Чеченская Республика	2,1	5,8	10,6	15,5	10,3	8,5	80

* Приведены данные по 10 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя.
** Ранжировано по 2015 г.
Рассчитано автором по : Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник / Росстат. – М., 2014. – 900 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

Для оценки взаимосвязи финансового поведения и качества жизни населения был проведен корреляционно-регрессионный анализ[1]. В роли показателя, характеризующего качество жизни населения, был использован разработанный и рассчитываемый Институтом социально-экономического развития территорий РАН интегральный индекс качества жизни (ИИКЖ). Для построения индекса используется 8 показателей, объединенных в 4 критерия (здоровье населения, уровень жизни, рынок труда, безопасность жизнедеятельности), каждый из которых имеет равнозначный характер. Перечень показателей, референтные точки и формула расчёта интегрального индекса представлены в работе [3].

Как показал анализ матрицы парных коэффициентов корреляции (табл. 5), между ИКЖН и вкладами, задолженностью, нормой сбережений существует прямая умеренная связь; связь ИКЖН с кредитной нагрузкой несущественна. Следовательно, чем выше сберегательная и кредитная активность населения, тем, вероятнее всего, лучше характеристики качества жизни и выше его интегральная оценка.

Таблица 5

Матрица парных коэффициентов корреляции

	ИКЖН	Вклады	Задолженность	Норма сбережений	Кредитная нагрузка
ИКЖН	1	0,424	0,543	0,576	0,075
Вклады	0,424	1	0,851	0,640	0,017
Задолженность	0,543	0,851	1	0,619	0,219
Норма сбережений	0,576	0,640	0,619	1	0,145
Кредитная нагрузка	0,075	0,017	0,219	0,145	1

Расчеты автора.

[1] Анализ выполнен за период с 2010 по 2013 гг., так как именно за данный отрезок времени имеются все необходимые статистические данные для расчета интегрального индекса качества жизни населения.

Анализ коэффициентов детерминации линейных регрессионных моделей, построенных методом принудительного включения, позволил установить, что показатели финансового поведения достаточно плохо объясняют изменение интегрального индекса качества жизни населения и его частных индексов (табл. 6). Наиболее тесная связь частных индексов качества жизни, в особенности индекса «Уровень жизни», наблюдается с задолженностью по кредитам и нормой сбережений. Так, построенная регрессионная модель для индекса «Уровень жизни» и задолженности по кредитам показывает, что почти 40% дисперсии индекса объясняется изменением среднедушевой задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам кредитными организациями. Построенная регрессионная модель для индекса «Уровень жизни» и нормы сбережений устанавливает, что 37% изменения индекса объясняется вариацией склонности населения к осуществлению организованных сбережений.

Таблица 6

Коэффициенты детерминации регрессионных моделей

	Вклады	Задолженность	Норма сбережений	Кредитная нагрузка
ИКЖН	0,180	0,294	0,332	0,006
Индекс «Здоровье населения»	0,070	0,101	0,105	0,000
Индекс «Уровень жизни»	0,221	0,398	0,371	0,007
Индекс «Рынок труда»	0,050	0,094	0,092	0,076
Индекс «Безопасность жизнедеятельности»	0,028	0,036	0,077	0,009
Расчеты автора.				

Проведенный анализ показал, что между финансовым поведением и качеством жизни населения существует умеренная однонаправленная связь. Предсказуема прямая и достаточно тесная связь среднедушевой задолженности и нормы сбережений с одной из составляющих качества жизни – уровнем жизни. Через этот компонент финансовое поведение оказывает влияние и на другие составляющие качества жизни, но уже в значительно меньшей степени. Зависимость качества жизни от кредитной задолженности объясняется тем, что в формирующий качество жизни компонент – уровень жизни – заложена оценка потребительских возможностей населения, которые финансируются в том числе и за счет заемных средств.

Таким образом, корреляционно-регрессионный анализ не подтвердил предположение о существенном воздействии финансового поведения на качество жизни. Вероятная причина состоит в сложности самого качества жизни, существенном влиянии на него разнообразных внешних и внутренних факторов, среди которых не последнюю роль играют особенности русской ментальности.

© Белехова Г.В. Текст. 2017

Список источников

1. Александрова, О.А. Влияние экономических ожиданий на финансовое поведение российского населения [Текст] / О.А. Александрова, А.В. Ярашева // Вопросы статистики. – 2016. – № 5. – С. 70-79.

2. Ниворожкина, Л.И. Воздействие кредитования на потребление домашних хозяйств: экономико-статистическое исследование [Текст] / Л.И. Ниворожкина // Вопросы статистики. – 2016. – № 1. – С. 47-53.

3. Россошанский, А.И. Методика индексной оценки качества жизни населения российских регионов [Текст] / А.И. Россошанский // Проблемы развития территории. – 2016. – № 4 (84). – С. 124-137.

Информация об авторе

Белехова Галина Вадимовна (Российская Федерация, г. Вологда) – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Россия, 160014, Вологодская область, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; тел.: 8 (8172)59-78-10 (доб. 177); e-mail: belek-galina@yandex.ru).

Belekhova G.V.

THE FINANCIAL BEHAVIOUR OF THE POPULATION AND IT'S ROLE IN PROVIDING QUALITY OF LIVING

The article considers modern trends of the financial behavior of the population based on a dynamic analysis of the bank deposits and loans, savings rates and credit load. Also the article assesses the correlation between the integral index of quality of living and indicators of the population's financial behavior.

Key words: *savings, savings rate, credit indebtedness, quality of living, correlation analysis*

Information about the author

Belekhova Galina Vadimovna (Russian Federation, Vologda) – junior scientific associate of the Way and Standard of Living Researching Department, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (160014, Russia, Vologodskaya obl., Vologda, Go'rkogo St. 56a; Tel.: 8 (8172)59-78-10 (доб. 177); e-mail: belek-galina@yandex.ru).

УДК: 338.246

И.С. Важенина, С.Г. Важенин

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ И УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье поднимается вопрос о необходимости социально-экономической суверенизации России. Дается авторская трактовка понятия «социально-экономический суверенитет». Рассматривается комплекс проблем, требующих решения в целях упрочения социально-экономического суверенитета. Предлагается концепция региональной аграрно-промышленной кластеризации, реализация которой позволит существенно поднять уровень и качество жизни населения, будет способствовать росту национального благосостояния, нивелирует соответствующие угрозы национальной безопасности и позволит решить проблему социально-экономической суверенизации России, а также может стать крупнейшим антикризисным проектом.

Ключевые слова: социально-экономический суверенитет, региональная экономика, аграрно-промышленная кластеризация, национальное благосостояние

Под социально-экономическим суверенитетом нами понимается самостоятельность страны в вопросах обеспечения оптимального удовлетворения физических, интеллектуальных и социальных потребностей населения, повышения качества и уровня жизни, максимальная независимость реализации этой стратегии от влияния внешних и внутренних факторов.

Достижение социально-экономического суверенитета предоставляет государству следующие возможности:

- расширение свободы действий по реализации политического суверенитета страны и в проведении независимой внешней и внутренней политики;
- более полное удовлетворение потребностей населения, как в количественном, так и в качественном аспектах;
- формирование оптимальной структуры потребления товаров и услуг;
- физическое оздоровление населения, рост продолжительности жизни, увеличение численности населения;
- рост образовательного и культурного уровня населения, повышение уровня морали и нравственности[2].

Сегодня общепризнано, что *Россия попала в серьезную зависимость от импорта товаров, определяющих не только качество и уровень жизни, но и процесс физического воспроизводства населения и рабочей силы.* То есть, внутреннее производство не способно в полном объеме удовлетворить первоочередные, базовые, самые насущные потребности людей. Экономика страны характеризуется наличием существенного недопроизводства (по сравнению с реальными потребностями) в ряде социально значимых отраслей, что еще более усугубляется недостаточным качеством предоставляемых ими товаров и услуг.

Потребности в питании, жилье, одежде, лекарствах являются первоочередными, базовыми, они находятся в основании «пирамиды потребностей». Следующим по значимости выступает обеспечение физической и экономической безопасности. Самодостаточное государство должно обеспечивать своим гражданам, если не оптимальный, то, по крайней мере, достаточный, уровень удовлетворения этих нужд. В противном случае возникают угрозы социально-экономическому суверенитету, безопасности страны и внутренней стабильности.

1) Россия пока находится в серьезной продовольственной зависимости от импорта, в совершенно недостаточной степени удовлетворяя потребности населения в продуктах питания за счет собственного сельскохозяйственного производства. Провозглашенное на уровне Правительства РФ импортозамещение пока не привело к кардинальным изменением ситуации (табл. 1).

Таблица 1

Доля импорта в объеме товарных ресурсов розничной торговли по Российской Федерации (в %)[1]

	Доля импортных потребительских товаров в товарных ресурсах розничной торговли	Доля импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли продовольственными товарами
2005	45	36
2010	44	34
2014	42	34
2015	38	28
2016		
1 квартал	38	24
2 квартал	36	22
3 квартал	39	22

Следует обратить внимание и на то, что фактическое потребление населения России существенно отстает от рациональных норм по наиболее ценным продуктам питания. Более того, наблюдается снижение производства по ряду именно этих продуктов. Так, в 2016 году в РФ уменьшилось производство рыбы и составило от уровня 2015 года 76,9%, производство

[1] Данные Росстата.

фруктов, ягод и орехов - 84,4%, творога - 99%, масла сливочного - 96,5% и т.д.[1]Если же учесть, что статистика чаще всего демонстрирует среднее потребление, то при наличии существенного неравенства в доходах и соответственно в потреблении, можно с уверенностью говорить о том, что значительная часть населения страны не получает в необходимом объеме наиболее ценные продукты питания[1].

Это непосредственно влияет на состояние здоровья населения (включая репродуктивный аспект), на качество и продолжительность жизни. Рост цен на продукты питания вследствие эмбарго на импорт из стран, которые ввели санкции в отношении России, еще более усугубили данную проблему. Неслучайно, правительство РФ намерено уже в 2017 году ввести продуктовые карточки для малоимущих.

2) В разряд насущных входят потребности в одежде и обуви. Сегодня Россия как никогда зависит от импорта продукции отраслей легкой промышленности: текстильной, обувной, швейного производства и т.д. (табл. 1). Если в 2000 году текстиля, текстильных изделий и обуви было завезено на 2 млрд. долл. США, то в 2015 году – уже на 10,8 (в фактических ценах)[2]. Население страны одевают и обувают Турция, Польша, Италия, Греция, Китай и т.д. Доля импортной продукции на российском рынке одежды превышает 80%. Специалисты утверждают, что даже та обувь, которая производится в России, практически полностью шьется из импортных заготовок, что определяет почти 100-процентную импортозависимость в обеспечении обувью населения страны. За последние годы, к сожалению, существенных изменений к лучшему в текстильной, швейной и обувной отраслях не произошло. Более того, эксперты утверждают, что взятые при вступлении России в ВТО обязательства, наряду с другими факторами, могут привести текстильную и легкую промышленность страны к полному развалу, когда завершится переходный период, оговоренный для этих отраслей. Серьезные меры по возрождению легкой промышленности в этих условиях становятся настоятельной необходимостью.

3) Одной из основополагающих потребностей населения выступает необходимость охраны здоровья, профилактики заболеваний, с одной стороны, и эффективного лечения и поддержания качества жизни заболевших, с другой. Это предполагает не только соответствующий уровень развития здравоохранения, но и высокую степень самообеспечения необходимыми лекарствами, расходными материалами, медицинской техникой. Однако можно утверждать, что в настоящее время Россия находится в опасной зависимости от импорта фармацевтических препаратов и медицинской техники. Если в 2000 году импорт лекарственных средств составил 1,15 млрд. долл. США, то в 2015 – уже 6,9 млрд. долл.[3]То есть, лекарственная зависимость страны усиливается очень быстрыми темпами.

В ответ на санкции Евросоюза Совет Федерации пытался внести предложение о запрете импорта в Россию лекарств и медизделий. Однако решать этот вопрос следует очень осмотрительно. В настоящее время российские медицинские изделия составляют лишь 20% рынка. Это салфетки, пластыри, хирургическое и простейшее диагностическое оборудование. Остальное, включая высокотехнологичное оборудование – это импорт.

Ранее в российском правительстве уже обсуждался вопрос о прекращении поставок импортных томографов и другого высокотехнологичного оборудования. Замещение импортной медицинской продукции отечественными аналогами (заметим, существенно уступающими по качеству), несомненно приведет к ограничению доступа населения к высокотехнологичным медицинским услугам, что крайне нежелательно. А замена импортных лекарств отечественными, на наш взгляд, на данном этапе вообще невозможна и не гуманна вследствие либо отсутствия налаженного производства необходимых лекарств, либо недостаточного их производства, либо низкого качества. Также следует учитывать и то, что значительная часть отечественных лекарств производится из импортных субстанций. До

[1] Данные Росстата.
[2] Россия в цифрах. 2016. Крат. стат. сб. /Росстат. М., 2016. С. 518.
[3] Россия в цифрах. 2016. Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. С.529.

принятия эмбарго на ввоз лекарственных препаратов в России должно быть возрождено собственное фармацевтическое производство. В противном случае значительное число россиян лишится жизненно необходимой лекарственной терапии.

4) В системе удовлетворения базисных потребностей населения велика роль отраслей обслуживания: здравоохранения, социального обеспечения и т.д. Эти жизненно важные для населения отрасли сегодня подвергаются не продуманным реформам, не получают в течение длительного времени достаточных бюджетных средств, обеспечивающих их нормальное функционирование и развитие. Те же финансовые ресурсы, которые выделяются, зачастую расходуются без ориентации на первоочередные нужды людей. Так, например, есть случаи, когда строятся и оборудуются очень дорогие медицинские центры, закупается импортное оборудование, которое затем простаивает из-за отсутствия специалистов или необходимых реактивов и расходных материалов. Показательно, что в 2016 году в рейтинге стран мира по эффективности систем здравоохранения по версии агентства Bloomberg Россия заняла последнее 55 место[10]. В основе рейтинга три ключевых показателя, которые определяют эффективность системы здравоохранения той или иной страны: средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, государственные затраты на здравоохранение в виде процента от ВВП на душу населения, стоимость медицинских услуг в пересчёте на душу населения. За последние годы медицинская помощь в России в целом не стала более доступной и качественной. В то же время быстро растет «образовательный и медицинский туризм», посредством которого наиболее обеспеченные граждане России удовлетворяют потребности в образовании и лечении за рубежом.

5) Жизненно важным является удовлетворение потребностей населения в жилье. Однако строительство жилья в стране осуществляется недостаточными темпами, а то жилье, которое строится, «не по карману» большинству россиян, что, в конечном итоге, не позволяет снять остроту жилищной проблемы.

Все выше названные отрасли и сферы должны обеспечивать удовлетворение основополагающих потребностей населения, без реализации которых невозможно говорить не только о росте уровня и качества жизни, но и о простом «сбережении народа». Некоторое повышение рождаемости в последние три года ситуацию принципиально не меняет. К сожалению, смертность населения по сравнению, например, с 2013 годом растет[1].Следует признать, что для улучшения демографической ситуации в стране необходимо поднимать отрасли, производящие продукты питания, товары первой необходимости, лекарства, а также отрасли, оказывающие населению жизненно важные услуги и т.д.

Неотъемлемой составляющей социально-экономического суверенитета выступает нравственно-культурный суверенитет, который реализуется в процессе удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей населения. Важнейшая роль здесь отводится таким сферам, как образование и культура. Необходимо отметить, что в современной России эти отрасли демонстрируют значительную зависимость от западных стандартов, которые отнюдь не ориентированы на гармоничное развитие личности.

20-25 лет назад наша система образования считалась одной из лучших в мире. Вследствие непродуманного реформирования образования по западному образцу в 2014 году в рейтинге стран по уровню образования Россия заняла 32место[2]. За последующие годы ситуация не улучшилась. Поэтому вопросы суверенизации системы образования России, прекращение разрушительного реформирования в настоящее время стоят очень остро. Так, например, много споров вызывает ЕГЭ, скопированный с западной системы образования. Несомненным плюсом ЕГЭ является то, что прием в высшие учебные заведения по его результатам дает возможность наиболее талантливым выпускникам из любых регионов

[1] Россия в цифрах. 2016. Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. С.82.

[2] Рейтинг стран мира по уровню образования обновляется раз в 2-3 года. Индекс уровня образования в странах мира (EducationIndex) — комбинированный показатель Программы развития Организации Объединённых Наций (ПРООН), рассчитываемый как индекс грамотности взрослого населения и индекс совокупной доли учащихся, получающих образование [9].

России обучаться в самых престижных академиях и университетах страны. Но минусы ЕГЭ весьма существенны. Система тестирования, применяемая на ЕГЭ, ориентирована на зазубривание, она отучает логически мыслить, связно выражать свои мысли и грамотно писать. Вполне понятно, почему предложение о введении сочинения в качестве экзамена вызвало панику среди будущих выпускников.

Наблюдается падение общего уровня образованности и эрудиции, как выпускников школ, так и студентов. Помимо ЕГЭ, это во многом связано, на наш взгляд, с избыточным количеством частных высших учебных заведений, которые зачастую, не давая реального образования и профессиональной подготовки, просто штампуют дипломы. Студентами сплошь и рядом становятся люди, не обладающие необходимыми знаниями, желанием учиться и, как следствие, не собирающиеся работать по специальности. Исследование Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ) и Росстата показало, что среди опрошенных 60 тысяч человек с высшим или средним специальным образованием только половина выпускников вузов и менее трети обладателей дипломов колледжей и ПТУ работают по специальности. Четверть выпускников вузов и половина выпускников ПТУ работают там, где их квалификация вообще не нужна[8]. Думается, что необходимо серьезно поднять требования к качеству преподавания и в государственных, и, особенно, в частных вузах, а также к уровню выпускаемых ими специалистов. А в целях повышения результативности государственных высших учебных заведений и повышения эффективности использования бюджетных средств совсем не лишним стал бы возврат к системе обязательной отработки по распределению, трансформированной с учетом современных реалий.

Западные стандарты глубоко проникли и в российскую культуру, затронув, в том числе, и ее морально-нравственную составляющую. Экраны кинотеатров и телевизоров заполонили голливудские и отечественные боевики и криминальные драмы, изобилующие сценами насилия и кровавых разборок, оказывающие разрушающее воздействие на психику. Множатся фильмы-фэнтэзи и «сказки для взрослых», оторванные от действительности, а также неудачные ремейки ранее снятых фильмов. Налицо кризис в российской киноиндустрии. В доказательство приведем только один пример: в 100 лучших фильмов России (по версии Министерства культуры) вошло всего 2 (!) фильма, снятых после 2000 года (табл.2).

Таблица 2

Фильмы, вошедшие в 100 лучших фильмов России
(по версии Министерства культуры)[1]

Годы	1921-1930 гг	1931-1940 гг	1941-1950 гг	1951-1960 гг	1961-1970 гг	1971-1980 гг	1981-1990 гг	1991-2000 гг	2001-2014 гг
Кол-во фильмов	1	5	-	8	28	32	16	8	2

В нравственно-психологическом тупике находится и российское телевидение, позаимствовавшее у Запада далеко не лучшие образцы телепрограмм и фильмов. Почти на каждом телеканале существуют программы, далеко небезупречные с позиций вкуса и морали, например, Дом-2, дебилизирущий молодежь показом «чернухи» в отношениях, или Comedyclub, практикующий низкопробный юмор «ниже пояса». Не брезгуют этим и федеральные каналы: многие программы из циклов «Пусть говорят» (1 Канал) и «Прямой эфир» (Россия-1) занимаются «перетряхиванием грязного белья», показывая самые отвратительные стороны жизни. Если не работают собственные «нравственные тормоза», внутренняя цензура телеканалов, по-видимому, требуется какое-то внешнее регулирование.

Думается, что в целях воссоздания нравственно-культурного суверенитета России следует продумать систему мер по ограничению показа по телеканалам иностранных фильмов, прежде всего, голливудских и ужесточить систему их отбора, как это ранее сделали

[1] Рассчитано авторами по: [6].

Франция, Польша, Чехия, Южная Корея, Китай и другие страны.Станислав Говорухин, известный российский кинорежиссер считает, что отказ от американских фильмов мог бы повысить культурный уровень зрителя. А образовавшуюся брешь могло бы заполнить кино, снятое в странах с богатой кинематографической культурой, например, в Турции, Корее, Иране, Японии, европейских странах[7].

Западные стандарты также не менее разрушительно реализуются и в шоу-бизнесе, и на подмостках театров, и в художественном творчестве, и т.д. Все это свидетельствует о необходимости восстановления нравственного и культурного суверенитета России, являющегося частью ее социально-экономического суверенитета.

Невозможно предложить одно «лекарство» от всех болезней, названных выше. Думается, что проблемы следует решать комплексно, но, так или иначе, начинать следует с экономики. Сложившаяся в связи санкциями ЕЭС политико-экономическая ситуация может быть охарактеризована как «нет худа без добра»: у России появился исторический шанс восстановить в полном объеме свою экономическую и социально-экономическую суверенность. Мы полностью согласны с Н. Масленниковым, руководителем направления «Финансы и экономика» Института современного развития, в том, что «…Россия сейчас находится в состоянии критической зависимости от Запада. И *российскому руководству крайне важно…срочно создавать ключевые модернизационные институты новой экономики»* [5].

Не вызывает сомнения, что сегодня поиск путей выхода российской экономики из кризиса и «санкционных ловушек», повышения конкурентоспособности экономики[3]. следует осуществлять параллельно с реализацией курса на обеспечение национальной безопасности во всех сферах, повышения благосостояния населения, уровня и качества его жизни. Представляется, что основу для решения данных задач можно создать в процессе диверсификации экономики, развития соответствующих сфер и отраслей народного хозяйства на *новой организационно-экономической и технико-технологической основе.* Одним из вариантов достижения социально-экономической суверенизации России, преимущественно касающийся сферы удовлетворения базисных физических потребностей населения, может стать комплексная программа аграрно-промышленной кластеризации[4]. *Реализация программы аграрно-промышленной кластеризации России, создавая в регионах точки роста экономики, позволит существенно поднять уровень и качество жизни населения, будет способствовать росту национального благосостояния, социально-экономической суверенизации, нивелирует соответствующие угрозы национальной безопасности. Кроме того, программа создания региональных аграрно-промышленных кластеров, обладающая мощным мультипликативным эффектом, может стать крупнейшим антикризисным проектом.*

© Важенина И.С., Важенин С.Г. Текст. 2017.

Список источников

1. Анфиногенова А. Межотраслевой подход к обоснованию национальной программы продовольственной безопасности //Экономист. 2014. № 8. С.40-47.

2. Важенина И.С. Социально-экономическая суверенизация России: проблемы и пути реализации // Журнал экономической теории. 2015. № 2. С 7-16.

3. Важенина И.С., Важенин С.Г. Горизонты территориальной конкуренции в современном экономическом пространстве // Общество и экономика. 2011. № 3. С. 67-85.

4. Важенина И.С., Важенин С.Г. Алгоритм конструирования региональных аграрно-промышленных кластеров в модернизируемой экономике // Экономика региона. 2010, № 1. С. 129-136.

5. Санкционный контрудар. URL: http://svpressa.ru/economy/article/95602/?aam=1 (дата

6. URL: http://www.roskino.com/works/100films.htm (дата обращения 20.03.2017).

7.URL: http://www.ntv.ru/novosti/1215698 (дата обращения 23.09.2014).

8. URL: http://www.hrmonitor.ru/index.php?pname=news&news_id=4866 (дата обращения 26.09.2014).
9. URL: http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info (дата обращения 20.03.2017).
10. URL: http://gtmarket.ru/news/2016/10/08/7306 (дата обращения 20.03.2017).

Информация об авторах

1. Важенина Ирина Святославовна (Россия, г. Екатеринбург) – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, 620014, Г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: isvazhenina@mail.ru
2. Важенин Сергей Григорьевич (Россия, г. Екатеринбург) – кандидат экономических наук, зав. сектором Института экономики УрО РАН, 620014, Г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: svazhenin@mail.ru

Vazhenina I.S., Vazhenin S.G.

SOCIAL-ECONOMIC SOVEREIGNTY AND SATISFACTION OF RUSSIAN POPULATION NEEDS AT THE PRESENT STAGE

In article the question of need social-economic sovereignization of Russia is brought up. The author's treatment of the concept "social-economic sovereignty" is given. The complex of the problems demanding the decision for consolidation of the social and economic sovereignty is considered. The conception of the regional agro-industrial clustering, which realization will allow to lift significantly level and quality of life of the population is offered, will promote growth of national welfare, eliminates the corresponding threats to national security and will allow to solve a problem of social-economic sovereignization of Russia. In addition it can become the largest anti-crisis draft.

Keywords: social-economic sovereignty,regional economy, agro-industrial clustering, national welfare

Information about authors

1. Vazhenina Irina Svjatoslavovna - Doctor of Economics, associate professor, leading researcher of Institute of Economy of the Ural branch of the Russian Academy of Science. 620014, Yekaterinburg, Moscow street, 29., E-mail: isvazhenina@mail.ru
2. Vazhenin Sergey Grigorevich - PhD in Economics, senior research associate, the head of the Center of competitive policy of region of Institute of Economy of the Ural branch of the Russian Academy of Science. 620014, Yekaterinburg, Moscow street, 29., E-mail: svazhenin@mail.ru

УДК: 330.16

П.Л. Глухих, Д.В. Шкурин, Л.В. Воронина

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

По результатам авторского опроса установлено наличие прямой зависимости между сформированностью у молодежи предпринимательского потенциала и активностью по его реализации. Для развития молодежного предпринимательства нужно целенаправленно воздействовать на факторы предпринимательского потенциала.

Ключевые слова: социокультурный подход, молодежное предпринимательство, предпринимательская культура, опрос молодежи

Сегодня развитие молодежного предпринимательства позиционируется как приоритетная задача для экономического роста (например, в Стратегии развития молодежного предпринимательства в РФ на период до 2020 года). Однако формирование

социально-ответственных, устойчивых предпринимателей невозможно без учета сложившегося уровня предпринимательского потенциала молодежи и его характеристик. Именно формирование и реализация предпринимательского потенциала в существующих противоречивых условиях поможет избежать эффекта «скрытого предпринимательства», обеспечит прямую положительную связь между ростом числа малых предприятий и формирования качества населения, а также социально-экономическим развитием.

В настоящее время существуют различные теоретические подходы к оценке наличия у индивида определенных качественных признаков, характеризующих предпринимательский потенциал и склонности к предпринимательской деятельности. К таким качествам Р. Брокхаус [1, 2], М. Кетс де Врис [6] относит высокий уровень интернальности локус контроля; Ч. Ц. Чэнь, П. Дж. Грин, Э. Крик и другие – повышенную самоэффективность [3, 4] (убежденность в собственных возможностях и личной ответственности за происходящее); В.П. Позняков отмечает наличие позитивной мотивации (в частности, преобладание мотивации достижения успеха над мотивацией избегания неудач) [7]; А.Н. Татарко устанавливает взаимосвязь между участием в общественных организациях и ведением собственного дела [8]. Однако существующие научные подходы, недостаточно апробированы в возможностях оценки реализации предпринимательского потенциала, в частности установления соответствия предпринимательских склонностей и активности. Цель данной статьи заключается в выявлении связи между наличием у молодежи качеств (способностей), свойственных предпринимателям и осуществлением ими реальных действий по созданию и развитию своего бизнеса.

Выбор исследовательской стратегии подчинен многометодному подходу, включающему базовые методы исследования, в том числе дистанционный выборочный опрос молодежи (добровольное анкетирование через образовательные организации более чем в 150 городах и населенных пунктах Свердловской области). Объектом исследования выбрана молодежь муниципальных образований (общий размер выборки – 3231 человек молодежи (14-29 лет), 47,6% женского и 52,4% мужского пола). Данное исследование включало следующие этапы: разработка анкеты (май - октябрь 2016 г.), полевой период (ноябрь 2016 – февраль 2017 г.), обработка и анализ данных (февраль - май 2017 г.).

Одним из аспектов, подлежащих оценке путем проведения социологического опроса, являлось влияние материального положения молодежи Свердловской области на их предпринимательский настрой и предпринятые действия (рис. 1).

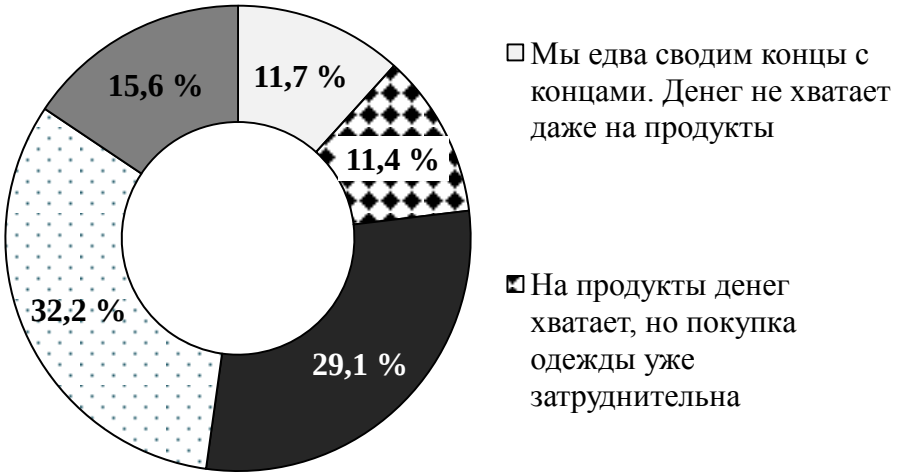


Рис. 1. Материальное положение молодежи Свердловской области

А. Наименее обеспеченная молодежь (группа «Мы едва сводим концы с концами…») несколько более склонна (на 10,6% чаще, чем в целом по массиву) к созданию и развитию собственного бизнеса. Также они считают, что больше всего развитию предпринимательства препятствует недостаток квалифицированных кадров (на 10,1% чаще), но менее склонны видеть в качестве проблем для начала организации и ведения собственного дела - сложность

с доступом к финансированию (на 9,8%), коррупцию (на 7,2%) и недобросовестную конкуренцию (на 7,2%).

Б. Молодежь, которая не считает себя богатой (группа «На продукты денег хватает, но покупка одежды уже затруднительна») на 8,2% чаще, чем в целом по массиву отмечает в качестве проблемы, мешающей развитию бизнеса, высокие налоги. Также среди этой группы на 7,3% больше людей с традиционным типом культуры (по типологии проф. Франц А.С. [9]), т.е. имеющих преимущественно исполнительские личностные качества (готовность быть полезным для общества, приоритет общественных интересов перед личными, готовность трудиться наравне с другими, патриотизм, уважение к старшим, вера в бога, самоотверженность, бдительность, отзывчивость, сдержанность, скромность, совестливость, милосердие, гостеприимство).

В. Молодежь, которая не испытывает финансовых проблем на 7,4% реже пользовалась услугами институтов развития предпринимательства.

Г. Наиболее обеспеченная молодежь считает, что если предприниматель не платит налоги (например, выдаёт зарплату «в конверте»), то у него низкая предпринимательская культура (на 9,1% чаще, чем в целом по массиву).

Таким образом, в процессе анализа данных мы выявили следующую особенность: наименее обеспеченная молодежь больше ориентирована на создание собственного бизнеса, чем ее более обеспеченные сверстники. Данная специфика объясняется тем фактом, что наименее обеспеченная молодежь меньше знакома с реальными предпринимателями через родственные и социальные связи, и, обладая меньшим объемом реальных фактов о предпринимательстве, видит в нем «волшебный» способ решения материальных проблем (общественный стереотип). Более обеспеченная молодежь, напротив, лучше знакома с реальными предпринимателями через систему родственных и социальных связей и знает о «подводных камнях» и трудностях на этом пути (налоги, коррупция, трудности в получении кредитов и т.д.). Следовательно, предпринимательский потенциал малообеспеченной молодежи в основном можно рассматривать как демонстративный – они очень хотели бы с помощью предпринимательства повысить свое материальное положение, но не имеют достаточно ресурсов и знаний для движения по этому пути.

Предпринимательские намерения. Поскольку без осуществления конкретных дел предпринимательский потенциал так и останется нераскрытым, то далее исследовалось, каким образом молодежь Свердловской области планирует его реализовать (табл. 1).

Таблица 1.

Какой ответ наиболее точно отражает
Твое отношение к возможностям самореализации в экономической деятельности?

Значения	Частота	% от ответивших
Я буду искать / нашел хорошее и стабильное место работы	1203	38,6
Я буду создавать / создал собственное дело (бизнес)	1155	37,1
Я стану/стал «фрилансером» и/или инвестором	469	15,1
Меня эти проблемы не волнуют (обеспечивают родители и/или государство)	288	9,2
Итого ответивших	3115	100,0

Молодежь, выбирающая в качестве вида занятости работу по найму, на 7,9% чаще описывает себя как не любящих рисковать и выбирающих ситуации с малым риском.

Те, кто решил «стану/стал фрилансером и/или инвестором», на 10,2% чаще обладают аристократическим (интеллектуально-творческим) типом культуры (по типологии проф. Франц А.С. [9]), т.е. у них преобладают такие склонности как сохранение и развитие собственной индивидуальности, удовольствие от интеллектуально-творческих занятий, духовное самовыражение, стремление к постижению неизвестной истины, признание и

поддержка талантов, честь и достоинство, гордость, оберегающее отношение к людям, бескорыстие, великодушие, бесконфликтность, они спешат придумывать, творить, изобретать.

Молодых людей, указавших, что их обеспечивают родители и/или государство, между собой объединяет еще ряд не предпринимательских характеристик:

- мотивация к предпринимательству у них чаще на 11,2% обусловлена негативными факторами;
- предпочитают ситуации, когда риск полностью отсутствует (на 10,8% чаще других);
- на 8,5% чаще не принимают участие в деятельности различных общественных организаций (спортивные, творческие и т.д.).

Намерения как первая стадия активности. Предпринимательский потенциал населения, в том числе молодежи, а также стимулирующие и сдерживающие факторы его развития определяются также путем изучения активности индивидов к организации и ведению предпринимательской деятельности [5]. Молодежь, думающая о своем бизнесе (группа «Думал (а) о первых бизнес-идеях»), на 9,4% чаще, чем в целом по массиву принимает участие в деятельности различных организаций (рис. 2).

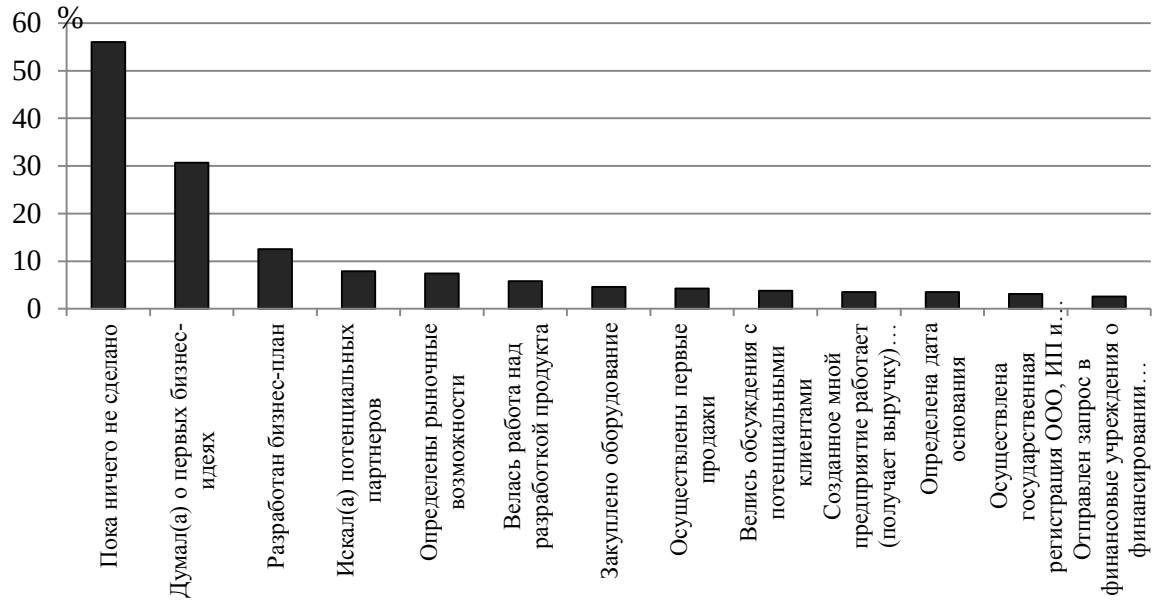


Рис. 2. Предпринимательская активность молодежи Свердловской области

Такая зависимость соответствует тезису, который обосновывает Татарко А.Н., что чем больше количество общественных организаций, в деятельности которых принимает участие человек, тем сильнее его намерение и действия открыть собственный бизнес.

Количество действий по созданию своего бизнеса. Далее проверялась основная цель статьи – наличие влияния степени проявления предпринимательских склонностей и значимости осуществленных молодым человеком действий по созданию своего бизнеса, т.е. приводят ли качества и способности к реальным действиям. Для этого каждый респондент мог оценить объем проделанных им конкретных действий для начала предпринимательства, таких как разработан бизнес-план, определены рыночные возможности, искал(а) потенциальных партнеров, закуплено оборудование, велась работа над разработкой продукта, велись обсуждения с потенциальными клиентами, отправлен запрос в финансовые учреждения о финансировании предприятия, определена дата основания, осуществлены первые продажи, осуществлена государственная регистрация, созданное мной предприятие работает (получает выручку) более 3 лет. По этому признаку молодежь была сгруппирована в соответствующие типы, у которых авторами были выявлены следующие индивидуальные характеристики:

1. Опыт составления бизнес-плана рассматривается как критерий предпринимательской активности. Тот, кто составлял бизнес-план, на 9,8% чаще считает коррупцию и на 9,6% высокие налоги существенными проблемами, мешающими развитию бизнеса, а 17,4% считают, что таких проблем нет (в этой группе их больше на 7,5%). Интересно, что молодежь составляющая бизнес-план, на 8,2% чаще пользовалась помощью институтов развития предпринимательства, а также не склона выполнять порученное дело (т.е. не традиционный тип культуры).

2. Следующая группа (искал(а) потенциальных партнеров), выполнившая больше подготовительных к предпринимательству действий, имеет повышенные к бизнесу склонности: 1) у них существенно выражена склонность брать ответственность за свои успехи и неудачи на себя (на 10,2% чаще чем в целом по массиву), т.е. согласуется с положением Дж. Роттера о более высоком уровне интернальности локус контроля у предпринимателя, т.е. мнении, что они самостоятельно могут контролировать события и принимают на себя ответственность за свои достижения и неудачи; 2) другая характеристика этой группы – большая вовлеченность в деятельности общественных организаций (на 7,4%). Вероятным следствием этого является повышенная активность в использовании услуг институтов развития предпринимательства (на 7,4%).

3. Подтвердилось, что следующая группа молодежи, которая оценила свои предпринимательские действия как «определены рыночные возможности», имеет более выраженные предпринимательские проявления: 1) интернальность у них еще выше (на 13,7% чаще, чем в целом по массиву); 2) также они деятельнее участвуют в судьбе общественных организаций (на 9,1%); 3) у этой группы уже становится заметной такой признак склонности к предпринимательству как преобладание мотивации достижения успеха над мотивацией избегания неудач (на 7,4% чаще); 4) также среди них на 16,1% меньше тех, кто никогда не принимает участие в деятельности различных организаций. Примечательно, что данная степень активности проявляется на 7,9% чаще у тех, кто является наименее материально обеспеченным (группа «мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты»). Эта группа еще активнее прибегает к услугам институтов развития предпринимательства (на 13,4%).

4. Та часть молодежи, которая вышла на следующий этап предпринимательской активности (велась работа над разработкой продукта) еще больше демонстрирует соответствующие склонности: 1) самая высокая из всех групп – интернальность – вера в себя (на 16,7% чаще чем в целом по массиву); 2) они являются наибольшими активистами в деятельности общественных организаций (на 12,5% чаще); 3) у них как у потенциальных предпринимателей преобладает мотивация достижения успеха над мотивацией избегания неудач (на 8,5% чаще), что, как показано ранее, характерно для предпринимателей; 4) они также на 13,1% чаще не склоны выполнять порученное дело (т.е. среди них меньше людей с традиционным типом культуры).

5. Молодежь, купившая для бизнеса оборудование, тем самым продемонстрировав самые серьезные намерения по большинству показателей, еще более способна к бизнесу: 1) мотивация достижения успеха у этой группы еще заметнее преобладает над мотивацией избегания неудач (на 9,2% чаще). Однако у них, как и еще более «предпринимательских» групп ниже самоэффективность, т.е. уверенность в собственных силах, способностях, умениях и навыках на 9,0%. Такая степень активности проявляется на 11,1% чаще у тех, кто является наименее материально обеспеченным (группа «мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты»). Но они активнее всех других групп пользуются услугами институтов развития предпринимательства (на 18,4%).

6. Следующая группа – проявившая особую предпринимательскую активность (отправлен запрос в финансовые учреждения о финансировании предприятия) показывает наивысшее преобладание мотивации достижения успеха над мотивацией избегания неудач (на 13,9% чаще), что характерно для предпринимателей.

7. Молодежь, сделавшая следующее решающее действие к своему бизнесу (группа «осуществлена государственная регистрация ООО, ИП»), заметно отличается только тем, что является рекордсменом по использованию услуг учреждений (организаций), оказывающих помощь будущим и начинающим предпринимателям (на 18,3% чаще).

8. Молодые действующие предприниматели (группа «созданное мной предприятие работает (получает выручку) более 3 лет») ожидаемо продемонстрировали еще больше предпринимательских склонностей: 1) высокая интернальность – на 14,1% больше среднего; 2) существенно активнее других групп участвуют в деятельности общественных организаций (на 12,4%); 3) на 10,3% чаще обладают наиболее рискованным типом поведения («сам стремлюсь к ситуации высокого риска»); 4) менее склонны к традиционному типу культуры (на 10,7% реже). Дополнительными отличиями группы «предприниматели» является, то, что они на 18,0% чаще других пользовались услугами инфраструктуры поддержки предпринимательства, а также на 20,7% чаще предприниматели указывают «мы едва сводим концы с концами …». Еще молодые предприниматели на 12,9% реже собираются уезжать из своего города.

Таким образом, проведенный социологические опрос молодежи свидетельствует об устойчивом существовании прямой зависимости между сформированностью у молодежи предпринимательского потенциала (в частности качеств и способностей, свойственных предпринимателям) и активностью по его реализации (осуществлением реальных действий по созданию и развитию своего бизнеса). Следовательно, для активизации предпринимательского потенциала нужно не только побуждать молодежь к созданию бизнеса, но и целенаправленно воздействовать на факторы, развивающие предпринимательский потенциал (в частности, активнее включать молодежь в деятельность различных общественных организаций).

© Глухих П.Л, Шкурин Д.В, Воронина Л.В. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-32-01281 «Управление ценностно-ориентированными факторами развития предпринимательской культуры молодежи в муниципальных образованиях»

Список источников

1 Brockhaus R. H. The psychology of entrepreneur // Encyclopedia of Entrepreneurship. – N. J. : Prentice-Hall, 1982. – Pp. 39–57

2 Brockhaus R. H. Risk taking propensity of entrepreneurs // Academy of Management Journal. –1980. – Vol. 23. – Pp. 509–520.

3 Chao C. Chen, P.G. Greene and A.Crick Does entrepreneurial self-efficacy distinguish entrepreneurs from managers? // Journal of Business Venturing. – 1998. - Vol. 13. - Issue 4. – Pp. 295-316.

4 DeNoble A. F., Jung D. & Ehrlich S. B. Entrepreneurial self-efficacy: The development of a measure and its relation to entrepreneurial action. In D. Reynolds, et al (Eds.), Frontiers of entrepreneurship research. - Wellesley, MA: Babson College, 1999. - Pp. 73-87.

5 Викулина В.В., Вотчель Л.М. Предпосылки предпринимательской активности индивида и условия их реализации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. - 2017. - № 1 (28). - С. 12-16.

6 Кете де Врис М. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 311 с.

7 Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства: научные исследования и практические приложения. – М.: Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2016. – Т. 1. - №1. – С. 80-104.

8 Татарко А.Н. Социально-психологический капитал личности как фактор успеха в открытии нового бизнеса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т.10. - №4. – С.80-98.

9 Франц А.С. Российская нравственная культура: поливариантность эмпирических моделей : дисс. на соиск. уч. степени доктора культурологии. – Екатеринбург: УрГУ, 2005. – 325 с.

Информация об авторах

1. Глухих Павел Леонидович, Россия, Екатеринбург, к.э.н., н.с. (доцент), Институт экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29), Уральский государственный педагогический университет (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26), Gluchih_P_L@mail.ru

2. Шкурин Денис Вадимович, Россия, Екатеринбург, к.с.н., доцент кафедры Прикладной социологии, УрФУ (620098, г. Екатеринбург, проспект Ленина 51, оф 430), coursepo@rambler.ru

3. Воронина Людмила Васильевна, Россия, г. Архангельск, к.э.н., н.с., Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова (163000, Россия, г. Архангельск, Наб. Северной Двины, 23), Voronina_ljudmila@rambler.ru

Glukhikh P.L., Shkurkin D.V., Voronina L.V.

ENTREPRENEURIAL POTENTIAL OF YOUTH OF SVERDLOVSK REGION (BASED ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL SURVEY)

The results of the author's survey show a direct correlation between the entrepreneurial potential among young people and the activity for its implementation. It is necessary to influence purposefully to the factors of entrepreneurial potential in order to development of youth entrepreneurship.

Keywords: socio-cultural approach, youth entrepreneurship, entrepreneurial culture, youth survey

Information about authors

1. Glukhikh Pavel Leonidovich, Russia, Yekaterinburg, candidate of economic sciences, researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Russia, Yekaterinburg, Moskovskaya St. 29), Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Yekaterinburg, Cosmonauts Avenue, 26), gluchih_p_l@mail.ru.

2. Shkurin Denis Vadimovich, Russia, Yekaterinburg, candidate of sociological sciences, associate Professor of Applied Sociology, UrFU (620098, Yekaterinburg, Lenin prospect, 51), coursepo@rambler.ru.

3. Voronina Lyudmila Vasilievna, Russia, Arkhangelsk, candidate of economic sciences, researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research (163000, Russia, Arkhangelsk, Severnaya Dvina Str., 23), voronina_ljudmila@rambler.ru.

УДК: 316.334.2

Е.Р. Голева, В.С.Каташинских

РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Качество жизни населения – это важнейшая социально-экономическая категория. Одним из ее индикаторов является состояние развития малого и среднего предпринимательства. Самым разным аспектам влияния уровня развития малого и среднего предпринимательства на качество жизни населения и посвящена данная статья.

Ключевые слова: качество жизни, малое предпринимательство, среднее предпринимательство, население, государственная поддержка.

Качество населения представляет собой свойство населения реализовывать себя в социально-экономической и культурной жизни общества. Это сложное, комплексное понятие, учитывающее экономические, социальные, культурные, экологические и другие условия жизни людей. Качество населения является важнейшим условием стабильного и эффективного развития любой территории – государства, региона, муниципалитета.

С понятием «качество населения» тесно связано понятие «качество жизни населения». Качество жизни – это важнейшая социально-экономическая категория, которая характеризует степень удовлетворения человеком своих материальных, социальных и духовных потребностей. Категория качества жизни изучается в рамках нескольких наук – социологии, экономики, медицины и др., поэтому параметры, характеризующие качество жизни, могут быть различными в зависимости от целей проводимых исследований.

Качество жизни в регионах России ежегодно оценивается рейтинговым агентством РИА Рейтинг. Методика расчета рейтинга регионов РФ по качеству жизни включает в себя анализ 72 различных показателей, объединенных в 11 групп [8, с.5]. Одна из групп показателей качества жизни, согласно данной методике, основана на оценке уровня развития малого предпринимательства в регионах.

Состояние развития малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) является одним из индикаторов качества жизни населения. Развитость сектора МСП обеспечивает диверсификацию экономики, свидетельствует о ее гибкости и мобильности, увеличивает наполняемость бюджетов, способствует развитию конкуренции и наполнению потребительского рынка необходимым объемом товаров и услуг, обеспечивает занятость населения за счет создания дополнительных рабочих мест, способствует формированию среднего класса. Также в условиях, когда рынок труда не может предложить соискателям достаточное количество необходимых вакансий, многие направляются в сторону предпринимательства. Именно в кризисные времена появляется значительное количество предприятий малого бизнеса.

Результаты регионов по качеству жизни в 2016 году показывают, что Свердловская область покинула первую десятку рейтинга и занимает 12 место (в 2015 году – 10, 2014 – 9 место). Позиции, которые занимает Свердловская область по отдельным показателям развития сектора малого предпринимательства, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Позиции Свердловской области в рейтинге регионов по качеству жизни по группе показателей «Уровень развития малого бизнеса» (2015-2016) [8]

Показатель уровня развития малого предпринимательства	Год	Позиция Свердловской области в рейтинге	Регион-лидер по данному показателю	Позиция региона-лидера в рейтинге
Оборот малых и микро предприятий и ИП в расчете на одного жителя	2016	4	Г. Москва	1
	2015	4		
Суммарный оборот малых и микро предприятий и ИП	2016	4	Г. Москва	1
	2015	3		

Объем инвестиций в основной капитал малых и микро предприятий и ИП в расчете на одного жителя	2016	75	Тамбовская область	32
	2015	52	Пензенская область	23
Объем инвестиций в основной капитал малых и микро предприятий и ИП	2016	18	Г. Москва	1
	2015	20	Краснодарский край	5
Доля занятых в малом бизнесе и индивидуальном предпринимательстве в общей численности экономически активного населения	2016	11	Костромская область	54
	2015	4	Калининградская область	16

Свердловская область занимает довольно высокие позиции по уровню оборота субъектов малого предпринимательства, причем как по суммарному обороту, так и в расчете на одного жителя, что, безусловно, должно сказываться на общем уровне качества жизни населения. Позиция по доле занятых в секторе малого бизнеса в общей численности экономически активного населения также достаточно высока, однако, значительно ниже уровня 2015 года (снижение с 4 места на 11). В Свердловской области фиксируется относительно высокий уровень объема вложений в МП (18 место, рост на 2 позиции с 2015 года). Однако объем инвестиций в основной капитал в расчете на одного жителя в области низок – 75 место, причем по данному показателю область за год потеряла сразу 23 позиции, что в перспективе может оказать влияние и на другие показатели и ухудшить положение области в целом, в частности, самым прямым образом сказаться на качестве жизни населения.

Следует также сказать, что в Свердловской области в сфере развития малого и среднего предпринимательства наблюдаются такие проблемы, как неравномерность развития МСП (более 70% субъектов МСП сосредоточено в наиболее крупных городах, таких, как Екатеринбург, Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Первоуральск [1]), а также недостаточная дифференциация сектора МСП (в основном это отрасли торговли и бытового обслуживания). Вышеперечисленные обстоятельства в совокупности с важной ролью сектора МСП в развитии экономики регионов [9] обуславливают необходимость и значимость государственной поддержки МСП в Свердловской области, как одного из направлений повышения уровня качества жизни населения.

Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства может быть определена как стимулирование развития МСП путем создания благоприятных экономических и правовых условий для предпринимательской деятельности [2]. Выделяют различные виды государственной поддержки МСП, такие, как:

– законодательная: разработка нормативно-правовых актов, которые регламентируют различные аспекты деятельности МСП;

– финансовая и имущественная: предоставление грантов и субсидий, льготное кредитование, и т.д.;

– информационно-методологическая: обучение начинающих и действующих предпринимателей, создание информационных систем;

– экономическая: государственные и муниципальные заказы. [3]

В России существует трехуровневая система поддержки малого и среднего предпринимательства, которая предусматривает разделение функций между государственными, региональными и местными органами власти [6]. В общем виде структура института поддержки малого и среднего предпринимательства включает нормативно-правовую базу, государственный аппарат, инфраструктуру поддержки МСП и программы поддержки МСП [4, с. 160]. При этом роль составных элементов системы поддержки МСП на различных уровнях власти существенно различается. Исследователи

отмечают, что на федеральном уровне ключевую роль играет нормативно-правовая база «как стержень позиции государства по отношению к малому и среднему предпринимательству» [5, с. 44].

Поддержка МСП в Свердловской области находится в числе приоритетов политики, проводимой органами власти. Так, Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы в качестве одного из направлений выделяет развитие малого и среднего предпринимательства. Цель данного направления развития обозначена как «повышение эффективности системы поддержки малого и среднего предпринимательства в реальном секторе экономики, формирование малых и средних предприятий, играющих значимую роль на российском и в перспективе мировом рынках» [10].

Основным институтом, реализующим политику по развитию сферы МСП в Свердловской области, является Свердловский областной фонд поддержки предпринимательства. Поддержка МСП осуществляется им по различным направлениям: финансовая поддержка (гранты и субсидии, помощь в привлечении заемных средств – поручительства, микрозаймы, льготные кредиты); формирование территориальной инфраструктуры; подготовка и переподготовка предпринимателей и граждан, планирующих открыть свое дело (программы обучения, консультации, практические семинары) [7].

Основные показатели, характеризующие динамику объемов оказываемой областным фондом поддержки, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Динамика развития системы поддержки МСП в Свердловской области

Показатель	2013	2014	2015	2016
Количество муниципальных фондов	41	36	37	40
Количество бизнес-инкубаторов	10	8	9	9
Количество получателей финансовой поддержки (субъектов МСП)	2 054	795	744	922
Сумма, направленная на финансовую поддержку (тыс. рублей)	1 724 954,4	1 074 592, 8	1 259 628	1 809 755, 8
Количество получателей нефинансовой поддержки (субъектов МСП)	8 957	5 827	8 134	6 309
Количество созданных получателями поддержки рабочих мест	1 839	4 049	2 112	2 293
Сумма налогов, уплаченных получателями поддержки в бюджеты (тыс. рублей)	1 911 410, 0	1 005 199, 7	909 287, 61	2 000 000 (плановое значение)
Количество человек, прошедших обучение	10 105	3 932	2 565	2 770
Проконсультировано субъектов МСП	Нет данных	3 260	3 126 27 088 услуг	3 142 13 405 услуг

Из представленных данных видно, что в 2014 году наблюдается значительное снижение большинства показателей, что может быть связано с неблагоприятными внешнеэкономическими условиями. Следует также отметить, что в настоящее время политика предоставления финансовой поддержки связана с использованием

преимущественно возвратных механизмов – кредитов, займов, поручительств. При этом приоритеты поддержки можно проследить на рисунке 1.

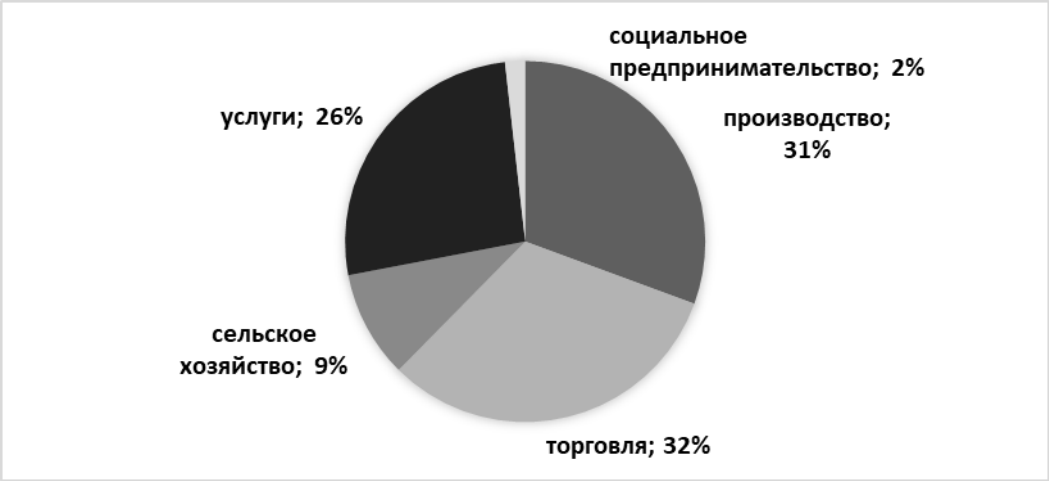


Рис. 1. Распределение получателей финансовой поддержки в 2016 году по сферам деятельности, %

Можно заметить, что финансовая поддержка оказывается в основном организациям тех сфер, в которых осуществляет деятельность большинство субъектов МСП – это торговля и услуги (наиболее востребованы ими такие инструменты, как поручительства, льготные кредиты и микрозаймы). При этом, делая упор на развитии реального сектора экономики области, достаточно большой объем финансовой поддержки предоставляется производственным предприятиям (в основном, это субсидии на модернизацию оборудования и гранты начинающим предпринимателям).

В настоящее время для достижения целей эффективного развития МСП в Свердловской области необходимо решить следующие задачи:

– выравнивание условий предоставления поддержки субъектам МСП на всей территории Свердловской области, что позволит сократить разрыв деловой активности и уровня жизни населения крупных городов и небольших отдаленных территорий;

– возрастание роли субъектов МСП в реальном секторе экономики области;

– развитие среднего предпринимательства, повышение его вклада в экономику региона;

– создание качественных условий для самостоятельного эффективного развития МСП (снижение административных барьеров, налоговой нагрузки).

Поэтапное выполнение данных задач позволит в перспективе увеличить вклад МСП в экономику Свердловской области, что, в свою очередь, положительно скажется на наполняемости бюджета региона, повысит уровень занятости, позволит дифференцировать экономику и сделать ее более гибкой и мобильной, что особенно важно в сложившихся на сегодняшний день неблагоприятных внешнеэкономических условиях. В то же время, когда современное состояние общественного развития характеризуется нестабильностью и противоречивостью, степень развития МСП региона напрямую влияет на качество жизни населения и с точки зрения рынка труда, и с точки зрения благосостояния населения в целом.

© Голева Е.Р., Каташинских В.С. Текст. 2017

Список источников

1. Государственная программа Свердловской области «Повышение инвестиционной привлекательности Свердловской области до 2020 года» : Электронный ресурс. Режим доступа: http://smb.gov66.ru/registry/program/srf/65,2103333/ (Дата обращения:25.03.2017).

2. Дембовский В.Р. Государственная поддержка как необходимое условие формирования конкурентоспособного малого предпринимательства // Вестник российского

экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 3 (7). С. 57-64

3. Какшайская Е.А. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 8 (83). С. 82-87

4. Комарова О.В. Институт государственной поддержки малого предпринимательства и его развитие в России. Екатеринбург: Изд–во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2007. 128 с.

5. Комарова О.В., Онищук Н.М. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса на местном уровне: анализ и направления совершенствования // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2012. – № 3 (20). – С. 43-49

6. Носенко Р.С. Задачи и элементы поддержки малого бизнеса на местном уровне // Фундаментальные и прикладные направления модернизации современного общества: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные аспекты. Материалы международной научно-практической конференции: в 4-х частях. 2015. С. 104-106.

7. Свердловский областной фонд поддержки предпринимательства. – Электронный ресурс. Режим доступа: http://sofp.ru (Дата обращения: 20.03.2017).

8. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2016. Рейтинговое агентство РИА Рейтинг. М, 2017. – 63 с.

9. Речков М.И. Анализ системы мер государственной поддержки малого предпринимательства в регионе (на примере Свердловской области) // Социальные науки. 2015. Т. 1. № 1-1 (4). С. 12-17.

10. Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на 2016 - 2030 годы : Электронный ресурс. Режим доступа: http://strategy2030.midural.ru/sites/default/files/files/_proekt_strategii-2030.pdf (Дата обращения: 22.03.2017).

Информация об авторах

1. Голева Екатерина Романовна – студентка ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (620002 Екатеринбург, Мира, 19, +73433759572, golevakatya@yandex.ru).

2. Каташинских Варвара Сергеевна (Россия, Екатеринбург) – к.соц.н., доцент кафедры социологии и ТГМУ ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (620002 Екатеринбург, Мира, 19, +73433759572, varvarass@bk.ru)

Goleva E., Katashinskikh V.

DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESS AS A FACTOR OF THE QUALITY LEVEL OF POPULATION LIFE

The quality of life of the population is the most important social and economic category. One of its indicators is the state of development of small and medium-sized businesses. This article is devoted to the most different aspects of the influence of the level of development of small and medium-sized businesses on the quality of life of the population.

Key words: quality of life, small business, medium-sized business, population, state support.

Information about authors

1. Goleva Ekaterina R. (Russia, Yekaterinburg) – student of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (620002, Russia, Yekaterinburg, Mira str., 19, +73433759572, golevakatya@yandex.ru).

2. Katashinskikh Varvara S. (Russia, Yekaterinburg) – assist. prof. of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (620002, Russia, Yekaterinburg, Mira str., 19, +73433759572, varvarass@bk.ru).

УДК: 338.1

К.С. Гончарова

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА НА ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ УРФО

В работе представлен анализ оценки влияния экономического роста на неравномерность распределения доходов населения на примере 6 регионов Уральского Федерального Округа. Выявлена типологизация анализируемых зависимостей в разрезе периода: 2000-2014 годов.

Ключевые слова: экономический рост, дифференциация доходов, валовой региональный продукт, индекс Джини.

Вопрос о взаимосвязи роста экономики и дифференциации доходов населения является, на сегодняшний момент, дискуссионным в экономической науке. Споры возникают как при анализе направленности обозначенного влияния, так и о его характере и последствиях.

Целью данной работы является попытка автора дать свою оценку описанным выше явлениям, проанализировав характер их взаимодействия на примере 6 регионов Уральского Федерального Округа: Свердловской, Курганской, Челябинской, Тюменской областей, а так же Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого Автономных округов.

Задачами исследования являются: определение показателей экономического роста и дифференциации доходов населения, а так же анализ и оценка их взаимосвязи.

При решении поставленных задач были использованы методы статистического анализа (корреляционно-регрессионное моделирование), а так же графический анализ, заключающийся в построении точечных диаграмм с полиномиальными линиями тренда второй степени.

Для оценки роста экономики региона автором был выбран статистический показатель валового регионального продукта, являющимся ключевым показателем системы национальных счетов на региональном уровне [1, с.3], для оценки дифференциации доходов населения был использован индекс Джини (индекс концентрации доходов) используемый федеральной службой государственной статистики РФ для характеризации степени отклонения фактического распределения общего объема доходов от их равномерного.

С целью исследования наличия зависимостей между показателями ВРП и индекса Джини в разрезе регионов Уральского Федерального Округа за период: с 2000 года по 2014 год был проведен корреляционно-регрессионного анализ. Были рассчитаны и проанализированы коэффициенты, характеризующие качество модели:

- Коэффициент корреляции (R), полученный в ходе анализа, показывает наличие зависимости между исследуемыми параметрами. Среднее значение коэффициента, за весь анализируемый период, составляет 60%, что можно интерпретировать, как наличие устойчивой умеренной связи между ВРП и индексом Джини в регионах УрФО за весь рассматриваемый период (2000-2014 года). Стоит отдельно отметить наличие сильной (70% и более от общей доли дисперсии) связи в 2011-2012 и 2014 годах.
- Множественный коэффициент корреляции (Множественный R) - оценка совокупной связи независимых переменных с зависимой переменной. Рассчитанное значение множественного коэффициента корреляции принимает значимую величину (от 70%) в 2002-2003 и 2014 годах. В 2001, 2004-2006, 2011-2013 годах связь между

показателями модели можно охарактеризовать, как заметную [2]; В целом среднее значение за период с 2000 года по 2014 год составляет 56%, что говорит о наличии связи между параметрами за весь анализируемый период.

- Критерий Фишера (Значимость F), оценивающий значимость уравнения регрессии в целом. По данным регрессионного анализа критерий Фишера значительно превышает необходимый максимум (5%), что говорит о необходимости расширения выборки статистических данных.
- P-Значение значение плотности вероятности распределения Стьюдента, для коэффициента Y (ВРП) в 2000-2004, 2013-2014 годах принимает допустимые значения (не более 5%), соответственно данный коэффициент в перечисленные периоды статистически значим с надежностью 95%, и может быть включен в модель; Не значимость коэффициента плотности вероятности распределения Стьюдента для коэффициента Y в 2005-2012 годах, а так же за весь наблюдаемый период для коэффициента X (коэффициент Джини) требует отдельного рассмотрения с дополнительной оценкой значимости факторов, в том числе возможна переоценка качества расчетных параметров модели при расширении выборки.
- Коэффициент детерминации (R^2) в среднем за анализируемый период принимает значение 57%, соответственно в среднем в 57% изменение коэффициента Джини приводит к изменению параметра показателя ВРП. В 2002-2003 и 2010-2011 годах значимость коэффициента повышается до 70%, что говорит о высоком качестве регрессионной модели за данный период.

Таким образом, на основании проведенного корреляционно-регрессионного анализа за анализируемый период (2000-2014 гг.) значимость полученных уравнений регрессии можно охарактеризовать как умеренную. При этом можно говорить о наличии связи между показателями ВРП и индекса Джини для регионов УрФО.

На основе рассчитанных, в процессе анализа, функции построим графики зависимости исследуемых показателей. При этом разделим их на 3 типа (согласно поведению кривой на графике):

1. Тип поведения графической кривой - вогнутая, характерная для периода: 2000-2005, 2014 гг. (рисунок 1);
2. Тип поведения графической кривой - выпуклая, характерная для периода: 2006-2008, 2012-2013 гг. (рисунок 2);
3. Тип поведения графической кривой - параболическая (2009-2011 гг.) (рисунок 3).

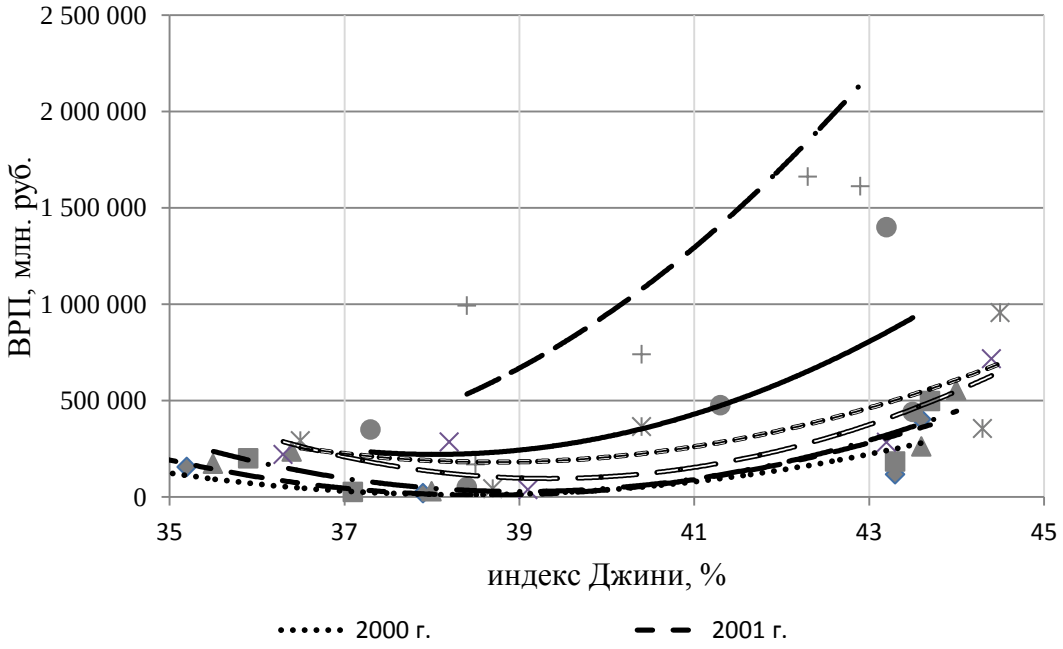


Рис. 1. Тип графической зависимости №1 "Вогнутая " (2000-2005, 2014 года)

На рисунке 1 изображены зависимости ВРП и индекса Джини в периоде с 2000 по 2005, а также 2014 года. Зависимость между показателями 2000-2005 гг. представлена вогнутой полиномиальной линией тренда с обратной зависимостью на первой половине графика и прямой связью на второй половине.

В анализируемый период наблюдается наиболее существенный разрыв (среди прочих типов зависимости) между минимальным и максимальным значением ВРП, которое составляет 51,12 раз, при этом, так же, наблюдается наибольший разрыв между минимальным и максимальным значением индекса Джини, равным 10%.

Для периода 2006-2008, 2012-2013 гг. характерна графическая зависимость, представленная на рисунке 2. В 2006-2008 годах наблюдается смещение графика вниз (снижение ВРП) влево (рост индекса Джини), зависимости здесь преимущественно прямые (с ростом ВРП возрастает показатель коэффициента Джини). Точка перегиба на графике ярко не выражена, но имеется тенденция к появлению обратной зависимости при достижении определенного значения.

В 2012-2013 годах наблюдаются аналогичные зависимости, касающиеся характера взаимосвязей. При этом график смещается вверх по направлению роста ВРП с ярко выраженной точкой перегиба графика. Данные графические зависимости можно отнести к переходным от типа 2 к типу 3 (рисунок 3).

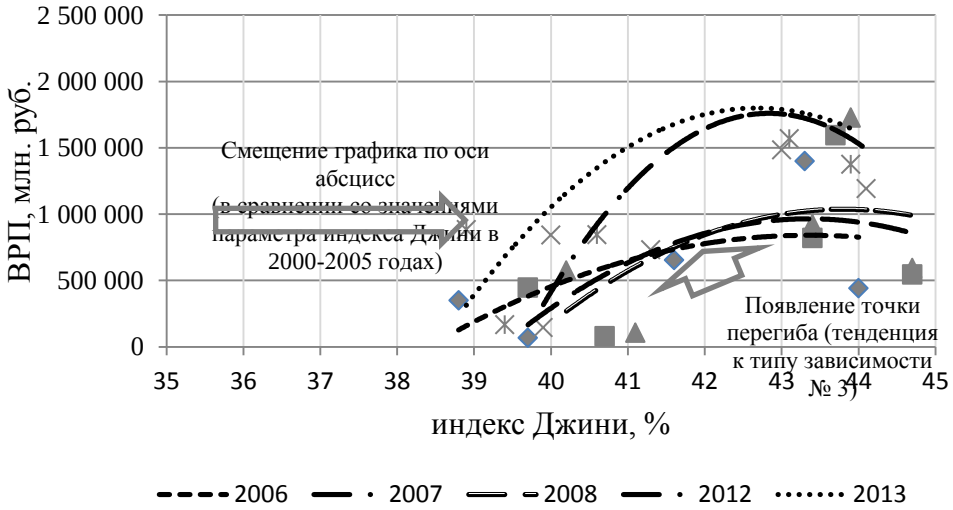


Рис. 2. Тип графической зависимости №2 "Выпуклая" (2006-2008, 2012-2013 года)

В целом по типу зависимости №2 можно сказать, что в отличие от первого типа зависимости происходит смещение графиков по оси абсцисс: сокращается «разброс» значений индекса Джини (до 6%), при этом так же сокращается разрыв между минимальным и максимальным значениями ВРП (до 39,88 раз).

На рисунке 3 разброс значении индекса Джини сужается еще больше, по сравнению с типами зависимостей 1, 2 (разброс значений составляет 4%) при аналогичном сокращении разрыва значений ВРП (22,49 раз). Рост, и последующее снижение линии графика практически перпендикулярно оси абсцисс.

По оси ординат (на рисунке 3) происходит существенный рост значений ВРП до точки максимума (на графике вершина параболы), после чего происходит спад значений данного параметра (в отличие от типов зависимостей 1, 2, где нет значительного понижения параметра ВРП, после точки перегиба кривой).

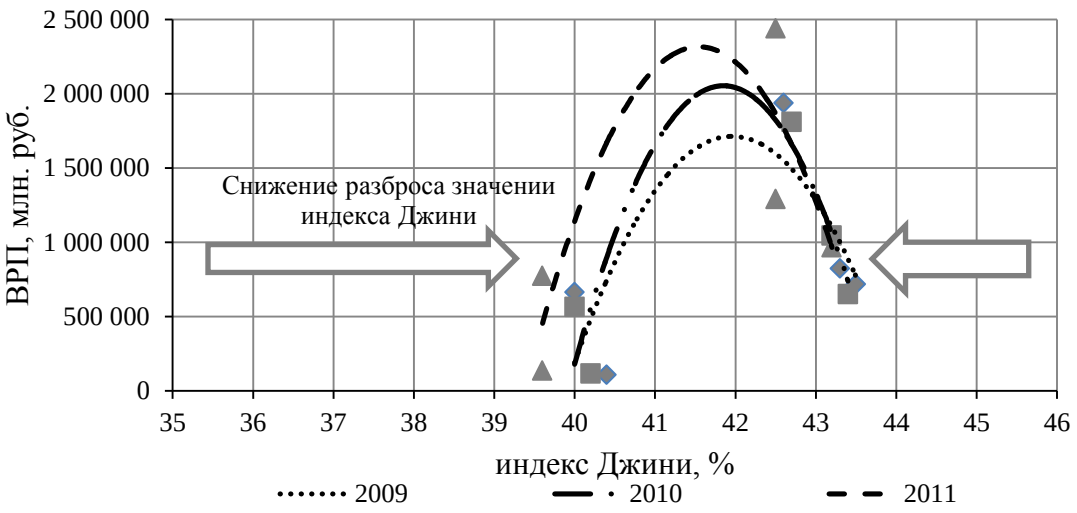


Рис. 3. Тип графической зависисмости №3 "парабаллическая" (2009-2011 года)

После рассмотрения каждого типа зависимостей в отдельности стоит обратить внимание на общую динамику поведения кривых во времени. Здесь обращает на себя внимание цикличность в переходе от одного типа зависимостей к другому: первоначально линии тренда, вытянуты вдоль оси индекса Джини с незначительной динамикой значений по оси ординат (ВРП). Далее происходит сужение графика (по оси абсцисс) до параболической кривой (максимальное значение ВРП в вершине параболы в 2011). В завершении исследуемого периода линии тренда сдвигаются в низ по оси ординат с расширением разброса значений по оси абсцисс (индекс Джини).

Графически данная эволюция представлена на рисунке 4.

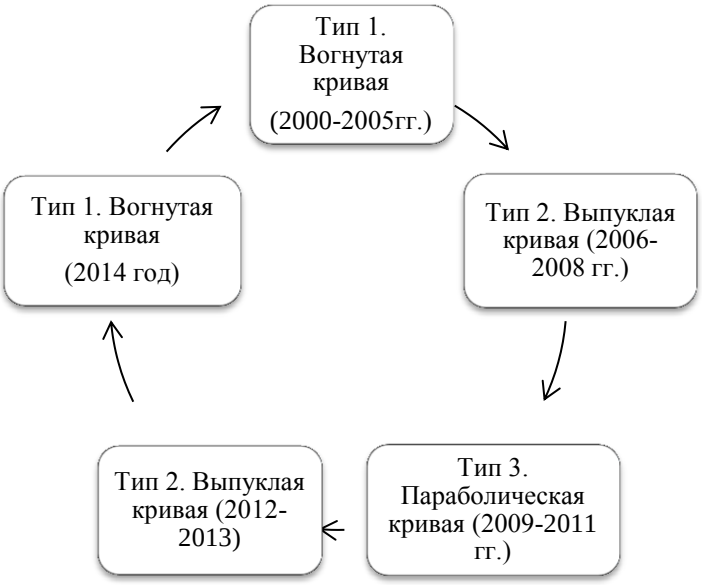


Рис. 4. Цикличность типов зависимостей

Обобщая результаты корреляционно-регрессионной модели, построенной для регионов УрФО, можно предположить о существовании зависимости между показателями: валового внутреннего продукта и индекса Джини, характеризующего степень дифференциации доходов населения. Степень взаимовлияния обозначенных показателей подтверждается значением соответствующих коэффициентов.

Анализ зависимостей изменения показателей (ВРП/индекс Джини) за период 2000-2014 гг. позволил выявить три основных их типа, которые можно описать кривыми со средними коэффициентами значимости:

- первый - вогнутая кривая, для которой характерен высокий разброс между минимальным и максимальным значением показателей: индекс Джини и ВРП, степень расслоения общества в данном периоде возрастает, как со снижением значений показателя ВРП, так и с ростом;
- второй - выпуклая кривая, в которой снижается «разброс» значений ВРП и индекса Джини. Дифференциация доходов здесь, как и при первом типе зависимости увеличивается, при этом характер зависимости - обратный: первоначально индекс Джини увеличивается с показателем экономического роста (ВРП), после чего, достигая определенного максимального значения, ВРП снижается, но сохраняется тенденция к усилению дифференциации доходов в округе;
- третий тип зависимостей (параболическая кривая) характеризуется дальнейшим снижением разброса процента изменения уровня дохода населения и показателя ВРП. Изменение (рост/спад) ВРП не приводит к существенному дифференцированию доходов населения.

Характер и вид выявленных типов зависимостей изменяется по годам, при этом наблюдается определенная цикличность, выражаемая в изменении каждого типа зависимости в среднесрочной перспективе (до 5 лет), в течение которой действие макроэкономических факторов носит устойчивый структурный характер, требующий дальнейшего анализа.

© Гончарова К.С. Текст. 2017

Список источников

1. Бочко В. С. Валовой региональный продукт: оценка развития территории // Известия Уральского государственного экономического университета. 2004. №8
2. Множественный коэффициент корреляции R// [Электронный ресурс]. URL: http://statsoft.ru/home/textbook/glossary/GlossaryTwo/M/MultipleR.htm/ (дата обращения 30.04.2017)

Информация об авторе

Гончарова Ксения Сергеевна (Россия, Екатеринбург) - аспирант I курса Института Экономики Уральского отделения Российской академии наук, e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com

Goncharova K.

EVALUATION OF THE INFLUENCE OF ECONOMIC GROWTH ON DIFFERENTIATION OF POPULATION INCOME IN THE REGIONS OF URALS FEDERAL DISTRICT

The article an analysis of the assessment of the impact of economic growth on the uneven distribution of income of the population by the example of the five regions of the Urals Federal District. The typology of the analyzed dependencies was determined in the context of the period: 2000-2014.

Key words: economic growth, income differentiation, gross regional product, Gini index.

Information about the author

Ksenia Goncharova (Russia, Yekaterinburg) - Postgraduate student of First-year of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК: 314.15

Н.П. Гончарова, А.А. Еремин, Е.В. Тарасова

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Реализация демографической политики становится условием полноценного воспроизводства населения страны и стабилизации демографической ситуации. В научных публикациях внимание в основном акцентируется на оценке отдельных мер демографической политики. Поэтому разработка методики оценки результативности демографической политики становится актуальной научной и практической задачей.

Ключевые слова: демографическая политика, оценка результативности, методика, демографическая ситуация.

Демографическая ситуация, сложившаяся в современной России, характеризуется депопуляцией населения на фоне трансформационных процессов, связанных с переходом на новую модель социально-политического и экономического развития российского государства в конце прошлого века [2, с. 3]. В 1990-е гг. демографическая история, протекавшая с середины XX в. в относительно спокойный послевоенный период, сменилась новыми демографическими трендами, характеризующимися падением рождаемости до уровня, не обеспечивающего простого воспроизводства населения, на фоне исключительно высоких показателей смертности [8, с. 219].

Кризисные явления в демографической структуре нашего общества обусловили необходимость разработки и принятия в 2007 г. Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, реализация которой становится условием полноценного воспроизводства населения страны и стабилизации демографической ситуации [2, с. 3].

Как показывают результаты исследований и статистические данные, реализация новых мер демографической политики уже дала ощутимый результат: с момента вступления в силу Концепции ежегодное число рождений заметно увеличилось, а количество смертей снизилось, что привело к минимизации естественной убыли населения страны [7]. Однако связь и соразмерность произошедших демографических изменений с реализуемыми мерами демографического развития страны проследить довольно сложно: невозможно установить единые индикативные значения показателей эффективности демографической политики, трудно отделить влияние на демографическую ситуацию возрастной структуры от воздействия мер демографической политики, оценить степень воздействия отдельных мер на демографическую ситуацию. Поэтому разработка методики оценки результативности демографической политики как научная и практическая задача до последнего времени не проблематизирована.

В научных публикациях по данной тематике внимание акцентируется в основном на оценке отдельных мер демографической политики (в отношении рождаемости, смертности, заболеваемости, миграции и т.п.), условий ее формирования, особенностях региональных программ демографической политики, необходимости мониторинга демографических процессов. Предлагаются также методические рекомендации по разработке региональных программ демографического развития, методический инструментарий для анализа демографической ситуации, показатели и критерии оценки эффективности мероприятий демографической политики.

В то же время вне поля внимания исследователей остаются вопросы оценки степени управляемости демографических процессов, а также тех изменений демографической ситуации, которые происходят вследствие реализации управленческих решений, разрабатываемых для отдельных демографических задач. Не всегда учитываются внешние,

сторонние факторы изменения демографических параметров, что ставит перед исследователями задачу поиска способов измерения того, что влияет на эти процессы.

Избранный аспект научной проблемы предполагает необходимость опоры на широкий круг источников, среди которых важное место занимают публикации, посвященные проблемам демографического воспроизводства населения и влияния государственной политики на демографические процессы. Этим и другим важным аспектам проблемы в отечественной и мировой науке уделяется значительное внимание.

Большой вклад в разработку теории и методологии исследований демографических процессов внесли как зарубежные исследователи (Г. Беккер, Г. Борстром, Р. Истерлин, Дж. Кейнс, Дж. Колдуэлл, А. Ландри, Ф. Осборн, Р. Пресса, Дж. Роббинс, А. Сови, Г. Тэйлор, У. Фогт, Дж. Хаксли, П. Эрлих, Т. Эспеншейд), так и отечественные ученые – Е.М. Андреев, А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, И.В. Бестужев-Лада, В.А. Борисов, А.Я. Боярский, Д.И. Валентей, А.Г. Вишневский, А.Г. Волков, В.В. Елизаров, С.В. Захаров, Н.В. Зверева, А.Я. Кваша, М.А. Клупт, В.М. Медков, В.И. Переведенцев, Л.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев, А.Б. Синельников, Б.Ц. Урланис, Б.С. Хорев и др.

В настоящее время в российской науке отмечается тенденция к определению новых концептуальных подходов в исследовании современных демографических процессов и повышения эффективности демографической политики с учетом особенностей регионов, входящих в состав Российской Федерации. Значительный вклад в разработку концепций демографической политики России вносят А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, В.В. Елизаров, Л.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев и др. Цели и приоритеты демографической политики России оценивают А.И. Антонов, И.И. Белобородов, И.В. Бестужев-Лада, А.Г. Вишневский, В.В. Елизаров, А.В. Коротаев, Л.Л. Рыбаковский, Д.А. Халтурина.

Д.И. Валентей в своем кратком определении рассматривал демографическую политику как управление воспроизводством населения [5, с. 29]. Высокой теоретической ценностью обладает интерпретация В.Г. Глушковой, в которой демографическая политика названа системой мер, предпринимаемых государством для воздействия на естественное движение населения и достижения определенных демографических результатов [3].

Аргументированным обоснованием самостоятельности демографической политики представляется позиция А.И. Антонова и В.А. Борисова: «Системная демографическая политика, решающая стратегические задачи сохранения целостности государства, охватывает все сферы народного хозяйства, но не передоверяет выполнение ряда задач отдельным министерствам и ведомствам» [1, с. 91].

Большое значение в современных исследованиях отводится специфике российской демографической политики на уровне федеральных округов и субъектов федерации. Это связано с неравномерностью социально-экономического и демографического развития регионов, качественной разнотипностью демографических процессов и ситуаций в этноконфессиональном и урбанизационном ракурсах.

В социогуманитарных науках проявляется тенденция поиска новых концепций демографической политики, более эффективных методов ее реализации. Однако исследований, направленных на разработку методик оценки результативности демографической политики, пока недостаточно [4].

Ключевым вопросом оценки результативности демографической политики многим экспертам представляется вопрос о том, какие изменения являются непосредственными результатами ее реализации. С другой стороны, процедура выявления конкретных мероприятий, приведших к положительным результатам демографической политики, разграничение и отделение друг от друга факторов и причин, приведших к конкретным последствиям, представляет собой задачу огромной сложности. А зачастую такая задача не может быть решена в принципе. В подобных условиях нам представляется приоритетной задача выявления демографических изменений, происходящих на территории, их масштабов, темпов, устойчивости и направленности. Необходимо фиксировать такие изменения как можно точнее, а затем в мониторинговом режиме анализировать взаимосвязь этих

демографических трансформаций с реализуемой политикой в сфере воспроизводства населения, с другими направлениями социальной политики, с общими изменениями в социально-экономической обстановке и динамикой уровня жизни и т.д.

Проблема определения результативности демографической политики по сути своей сводится к нескольким основным моментам: а) определение системы критериев демографической политики и на этой основе – цели демографической политики; б) разработка системы измерителей результативности демографической политики для исследования самого процесса формирования желательного уровня явлений.

На наш взгляд, конкретными критериями (индикаторами) результативности демографической политики на разных территориальных уровнях ее реализации должны быть разные наборы показателей, поскольку страна в целом, регион, уровень городских округов и муниципальных районов и уровень поселений и населенных пунктов в разной степени обеспечены детализированной информацией и имеют разные возможности расчета важных относительных показателей воспроизводства населения. При разработке методики оценки результативности демографической политики будут выбраны и учтены показатели, наиболее адекватно характеризующие демографические процессы, что позволит корректно их использовать при анализе демографической ситуации на разных территориальных уровнях.

Между тем, каждый субъект Российской Федерации уникален по многим, в том числе и геополитическим характеристикам: географическому положению, природным условиям и ресурсам, хозяйственной освоенности и развитости экономики, расселению и структуре населения. При этом по определенным параметрам регионы могут быть сходны между собой и тем самым могут объединяться в те или иные типы территорий. Сходство районов не умаляет их оригинальности, но позволяет, вычленяя с помощью типологизации и районирования общие черты, на основе этого разрабатывать единую стратегию демографического развития [6].

При разработке методики оценки результативности демографической политики будут выделены типичные группы территорий Российской Федерации в зависимости от сложившейся в них демографической ситуации: регионы с низким демографическим потенциалом, мегаполисы и крупные городские агломерации, пограничные регионы, испытывающие миграционное давление со стороны соседних стран, северные районы России (регионы с противоположно направленной (восходящей и нисходящей) демографической динамикой) [6]. Отсюда возникает необходимость сосредоточения внимания на типичных видах территорий, различающихся, главным образом, уровнем экономического развития и степенью демографического благополучия и, соответственно, необходимостью различного обоснования и формулировки целей демографической политики.

Методика оценки результативности демографической политики может строиться на существующих подходах к ее эффективности: 1) выявление собственно демографической эффективности, при которой оценивается степень достижения поставленных демографических целей (сокращение убыли населения, создание предпосылок для стабилизации численности населения, оптимизация возрастно-половой структуры, снижение смертности и рост продолжительности жизни, увеличение рождаемости и укрепление семьи, рационализация внутренней и внешней миграции и т.п.); 2) выявление экономической эффективности (изменение в численности, структуре и территориальном распределении трудовых ресурсов, изменение иждивенческой нагрузки, сокращение безработицы, сокращение экономических потерь от заболеваемости и преждевременной смертности и т.п.); 3) выявление социальной эффективности (повышение престижа семьи и детей в обществе, выравнивание условий для содержания и воспитания детей в семьях разных социальных групп и т.п.); 4) выявление гендерной эффективности (гендерная симметричность реализуемых мер, соблюдение принципа равных прав возможностей для мужчин и женщин и т.п.).

Ожидаемые результаты научного исследования позволят углубить существующую систему знаний о демографических процессах для целого ряда наук, особенно демографии,

социологии и их смежных отраслей, а также будут способствовать совершенствованию понятийного аппарата и методик анализа государственной демографической политики, дальнейшему развитию научных исследований в данной предметной области. Разработка и обоснование методики оценки результативности демографической политики позволит восполнить пробел, заключающийся в недостаточной проработке вопросов оценки программ и проектов демографического развития, мероприятий в сфере демографической политики с учетом территориального многообразия регионов России и в зависимости от сложившейся в них демографической ситуации, ее влияния на демографическое поведение населения, дифференциации этой результативности по разным категориям населения и семей, типам регионов. Это, в свою очередь, послужит предпосылкой реконструирования системы управленческих технологий в демографической политике.

© Гончарова Н.П., Еремин А.А., Тарасова Е.В.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00350 «Методика оценки результативности демографической политики».

Список источников

1. Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Ключ-С, 2006. 192 с.

2. Бутова А.С. Государственное регулирование демографических процессов в регионе: политологический анализ: автореферат дис. … кандидата политических наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2010. 22 с.

3. Демография: Учебное пособие / Под ред. В.Г. Глушковой, Ю.А. Симагина. 4-е изд., перераб. и доп. М., КНОРУС, 2010. 288 с.

4. Кузнецова Е.Д. Демографическая политика Российской Федерации в контексте обеспечения национальной безопасности: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. Армавир, 2012. 256 с.

5. Основы теории народонаселения: Учеб. пособие для экон. спец. вузов / Под ред. Д.И. Валентея. 3-е изд., перераб. и доп. М.: «Высшая школа», 1986. 374 с.

6. Рыбаковский Л.Л. Демография для практических работников: Методические рекомендации для специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-информ, 2014. 254 с. URL: http://rybakovsky.ru/uch1/uchebn.html (дата обращения: 07.05.2017)

7. Рязанцев С.В., Рыбаковский Л.Л., Безвербный В.А. Вопросы демографического развития России в Президентских посланиях: влияние на эффективность демографической политики. URL: http://isprras.ru/pics/File/dem-q.pdf (дата обращения: 07.05.2017)

8. Черепанова А.В. Оценка демографической политики в рамках механизма обеспечения эффективного развития региона // Экономика региона. 2009. № 4. С. 219-223.

Информация об авторах

1. Гончарова Наталья Петровна, Россия, г. Барнаул, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Алтайский филиал РАНХиГС (656008, г. Барнаул, ул. Партизанская, 187, g-natalia@mail.ru).

2. Еремин Алексей Алексеевич, Россия, г. Барнаул, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии, Алтайский государственный университет (656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, eremin.alexey@mail.ru).

3. Тарасова Елена Владимировна, Россия, г. Барнаул, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, Алтайский государственный университет (656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, tarasova_e@rambler.ru).

Goncharova N.P., Eremin A.A., Tarasova E.V.

TO THE QUESTION ABOUT THE EVALUATION METHODOLOGY OF THE DEMOGRAPHIC POLICY PERFORMANCE

The demographic policy implementation becomes a meaningful condition of the country`s population reproduction and demographic situation stabilization. The research papers are focused mainly on the evaluation of the certain demographic policy measures. In this connection the development of the evaluation methodology of the demographic policy performance becomes a topical research and practical aim.

Keywords: demographic policy, performance evaluation, methodology, demographic situation.

Information about authors

1. Goncharova Natalia Petrovna, Russia, Barnaul, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of State and Municipal Administration, Altai Branch of RANEPA (656008, Barnaul, Partizanskaia st., 187, g-natalia@mail.ru).

2. Eremin Alexey Alexeevich, Russia, Barnaul, candidate of geographical Sciences, associate Professor of economic geography and cartography Altai state University (656049, Barnaul, Lenina, 61, eremin.alexey@mail.ru).

3. Tarasova Elena Vladimirovna, Russia, Barnaul, candidate of historical Sciences, the scientific employee of Department of support of scientific research experimental design works, Altai state University (656049, Barnaul, Lenina, 61, tarasova_e@rambler.ru).

УДК: 314.04

И.А. Данилова, Р.В. Дмитриев

ВОЗРАСТНЫЕ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЕАЭС

В статье рассматриваются показатели, характеризующие возрастные структуры населения стран, входящих в Евразийский экономический союз. Проанализированы региональные различия возрастных структур, коэффициенты демографической нагрузки.

Ключевые слова: естественный прирост, рождаемость, миграция, возрастная структура населения, старение, коэффициенты демографической нагрузки.

Возрастная структура населения – распределение населения страны, территории по численности или доле каждой возрастной группы, как правило, отдельно для мужчин и женщин (возрастно-половая структура). Для изучения возрастных структур и анализа структурных сдвигов в возрастных структурах различных территорий, их оценки и сравнения применяют различные стандарты и показатели, что помогает оценить степень отклонения от них возрастной структуры фактического населения [1, с. 123]. Для исследования демографического потенциала страны, региона, территории, структура населения является важнейшей составляющей при оценке тенденций воспроизводства населения, которое зависит от целого ряда социально-демографических и экономических факторов и процессов, характеризующих население. При изучении демографического потенциала стран, в первую очередь, сравнивают численность населения, компоненты ее изменения – показатели естественного и миграционного движения, возрастные структуры населения. Динамика естественного прироста населения, в свою очередь, является результатом соотношения рождаемости и смертности; миграционный прирост или отток – результатом прибытий и выбытий. Общей тенденцией изменения возрастной структуры населения всех стран по мере снижения рождаемости и роста продолжительности жизни является рост доли населения старших возрастов Увеличение численности и, соответственно, доли лиц пожилого возраста называется демографическим старением населения. Старение населения – глобальная тенденция, вытекающая из нового баланса рождений и смертей, который складывается в процессе демографического перехода. Одно из главных проявлений

старения – значительное повышение доли пожилых людей в населении. Оно начинается вследствие снижения рождаемости («старение снизу»), а затем усиливается снижением смертности пожилых («старение сверху») [2, с. 23].

Возрастная структура каждого региона формируется в результате процессов естественного движения населения – рождаемости и смертности, а также миграционных процессов. Интенсивность демографических процессов дифференцируется по возрастам и, следовательно, различные возрастные группы играют разную роль в воспроизводстве населения [1, с. 124]. Интенсивность миграции различных возрастных групп может значительно отличаться в зависимости от конкретных для каждого региона социально-экономических, политических, демографических факторов. В свою очередь, сложившаяся возрастная структура населения оказывает воздействие и определяет региональные особенности протекания демографических процессов.

Тенденции воспроизводственных процессов в странах, ранее входивших в состав СССР, а ныне вошедших в ЕАЭС, в основном сохраняются. Это находит отражение в формировании возрастных структур данных государств и в современный период, и в перспективе. Сложившиеся структуры населения в каждой стране, в свою очередь, влияют на многие составляющие социально-демографических процессов – рождаемость, смертность, образование, занятость, миграцию. В странах с более высокой долей населения старше трудоспособного возраста происходят процессы депопуляции, возрастает демографическая нагрузка на трудоспособное население. Страны с более высокой долей молодежи характеризуются высоким естественным приростом, и, соответственно, в них возрастают потребности в дополнительном обеспечении населения всем комплексом социальных услуг.

В исследованиях возрастных структур населения, как правило, используют одногодичные, пятилетние и более крупные возрастные интервалы [5, с. 16], с выделением трех - четырех групп: лица моложе трудоспособного возраста, трудоспособное население, старшая возрастная группа. Граница старше трудоспособного возраста определяется законодательством стран с учетом национальных особенностей, экономических условий, продолжительности жизни. В статистических сборниках «Демографический ежегодник России», приводятся сведения о возрастных структурах населения стран бывшего Советского Союза по группам населения – моложе трудоспособного возраста (0-14 лет), население в трудоспособном возрасте (15-24, и 25-59 лет), население старше трудоспособного возраста (60 лет и старше).

Для сравнения различий в возрастных структурах населения рассчитывают удельный вес каждой возрастной группы в общей численности населения (в %), коэффициенты демографической нагрузки, в которых отражаются соотношения доли населения в трудоспособном возрасте, младше трудоспособного возраста и старше трудоспособного возраста на 1000 человек (в ‰). Сравнение возрастных структур показывает, что удельные веса возрастных групп имеют значительные различия. Анализ доли различных возрастных групп в численности населения каждой страны позволяет определить характерные особенности развития структур населения и сделать перспективные оценки. Наибольшие различия в возрастных структурах населения, в соотношении доли детских возрастов, доли трудоспособного и старше трудоспособного возраста, на территории всего постсоветского пространства, отмечаются между среднеазиатскими мусульманскими регионами и странами со славянским населением. Значительно отличаются по странам показатели доли населения младше трудоспособного (0-14 лет) возраста. Высокий удельный вес детского населения во всем населении устойчив в странах с молодой возрастной структурой - Киргизии - более 30%, также высок он и в Казахстане - более 26%. В России и Беларуси доля детских возрастов составляет 15-16%, в Армении она несколько выше - 20% (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение населения стран ЕАЭС по возрастным группам за 2015 г., %.[1]

	Население в возрасте, лет, в %				
	0-14	15-24	25-29	15-59	60 и более
Армения	20,00	13,33	50,00	63,33	16,67
Беларусь	15,79	11,58	52,63	64,21	20,00
Казахстан	26,44	15,52	47,70	63,22	10,34
Киргизия	31,03	18,97	43,10	62,07	6,90
Россия	16,68	11,00	52,43	63,43	19,89

В странах с более молодой структурой населения доля старшей возрастной группы в общей численности населения – коэффициент старения (в %), составляют 5-7%, что характеризует все страны среднеазиатского региона. В Киргизии она равна 6,9%. Достаточно низкая доля этой возрастной группы – около 10,34% - в Казахстане. Показатели удельного веса старшей возрастной группы в Армении имеют, как и показатели младшей возрастной группы, средние величины по сравнению со среднеазиатскими и европейскими регионами. Так, доля старшей возрастной группы в Армении составляет 17%, что выше по сравнению со странами среднеазиатского региона, но ниже чем у регионов в европейской части, где доля этой возрастной группы составляет - в России 19,9%, в Беларуси - 20%.

Удельному весу группы старше трудоспособного возраста в населении каждой страны соответствует и величина пенсионной нагрузки (см. табл. 2). Коэффициенты пенсионной нагрузки рассчитываются как отношение численности группы пенсионного возраста к населению в трудоспособном возрасте. Наименьшая пенсионная нагрузка – 111 ‰ приходится на 1000 человек трудоспособного населения в Киргизии. В Казахстане она несколько выше и составляет 163‰. В остальных странах коэффициенты пенсионной нагрузки имеют большую величину - 263‰ в Армении, 311,5‰ – в Беларуси, 313,6‰– в России.

Таблица 2

Коэффициенты демографической нагрузки на 1000 человек, ‰.[2]

	Коэффициенты на 1000 человек в ‰			Коэффициенты в %
	Нагрузки детьми	Пенсионной нагрузки	Общей трудовой нагрузки	Коэффициенты старения
Армения	315,79	263,16	578,95	16,67
Беларусь	245,90	311,48	557,38	20,00
Казахстан	418,18	163,64	581,82	10,34
Киргизия	500,00	111,11	611,11	6,90
Россия	262,93	313,58	576,51	19,89

Отношение населения младше трудоспособного возраста к численности населения в трудоспособном возрасте на 1000 человек называется коэффициентом нагрузки детьми, потенциальной нагрузки или коэффициентом потенциального замещения. В странах с более высокой рождаемостью, которая составляет в Киргизии 27‰, в Казахстане 22,7‰ [4, с. 27-30], и где наиболее велика доля детского населения, коэффициент потенциального замещения составляет, соответственно 500 и 400 детей на 1000 трудоспособного населения. В Армении этот показатель немного ниже, и составляет 316 ‰.

Наиболее низкие коэффициенты, отражающие отношение детской группы к совокупности лиц трудоспособного возраста, в Беларуси – 245 ‰; в России этот показатель составляет 262‰. Коэффициент общей нагрузки равен сумме групп лиц младше

[1] Составлено по: Демографический ежегодник России. 2015. – М., 2015. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (Дата обращения 19 октября 2016). Содружество независимых государств в 2013 году. М., 2014.

[2] Составлено по: Демографический ежегодник России. 2015. – М., 2015. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (Дата обращения 19 октября 2016).

трудоспособного возраста и старше трудоспособного возраста, разделенной на численность населения в трудоспособном возрасте. Эти коэффициенты в странах ЕАЭС составляют 500-600‰, но в странах с более молодым населением эта величина обусловлена большой долей детей в структуре населения, в странах с низкой рождаемостью и невысоким или отрицательным естественным приростом основную часть нагрузки на трудоспособное населения составляет старшая возрастная группа.

Перечисленные выше показатели характеризуют экономическую нагрузку на лиц трудоспособного возраста и могут быть использованы при оценке демографического потенциала, при разработке мероприятий по социальному обеспечению и рациональному использованию трудовых ресурсов в изучаемых странах.

© Данилова И.А., Дмитриев Р.В. Текст. 2017

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-02-00599 «Демографическое развитие постсоветского пространства»

Список источников

1.Демографическая Энциклопедия. ООО «Издательство «Энциклопедия», Москва. 2013.

2.Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. Москва, 2009. Руководители авторского коллектива Вишневский А.Г., Бобылев С.Н.

3.Джанаева Н.Г., Архангельский В.Н. Рождаемость в странах СНГ: тенденции и исследования//Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2. Екатеринбург, 2016.

4. Елизаров В.В., Данилова И. А. Тенденции изменения рождаемости на постсоветском пространстве//Проблемы демографического развития государств Таможенного союза и стратегические подходы к дальнейшему наращиванию демографического потенциала. Материалы Международной научно-практической конференции. М, 2015.

5. Практическая демография. В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, Л.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев. Москва, 2005.

Информация об авторах

1.Данилова Ирина Андреевна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, заведующая сектором Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46; e-mail: irindanilova@mail.ru)

2. Дмитриев Руслан Васильевич (Россия, Москва) – кандидат географических наук, научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46; e-mail: dmitrievrv@yandex.ru

Danilova Irina A, Dmitriev Ruslan V.

THE AGE STRUCTURE OF THE POPULATION IN THE COUNTRIES OF THE EAEU

The article discusses the indicators of age structure of the population of the countries included in the Eurasian economic Union. Analyzed regional differences in the age structures, the age dependency ratios.

Keywords: natural increase, fertility, migration, age structure of population, ageing, age dependency ratios

Information about the authors

1. Danilova Irina A., - PhD (Economic), head of the sector of the Center for Population Studies, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, (119991, Russia Moscow, Leninskiye Gory, 1–46); E-mail: *irindanilova@mail.ru*

2. Dmitriev Ruslan Vasilievich – PhD in Geography, Researcher of the Center for Population Studies, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; MSU, Faculty of Economics, (119991, Russia Moscow, Leninskiye Gory, 1–46); E-mail: *dmitrievrv@yandex.ru*

УДК: 316.1

Л. М.Злотникова

ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

В статье проведен анализ состояния здоровья населения Республики Беларусь в контексте теоретических проблем экономики благосостояния. Обоснована необходимость новой экономической теории. Рыночная экономика, превращая здравоохранение в источник выгоды, стимулирует неравенство доступности его услуг.

Ключевые слова: здоровье, трудоспособный возраст, здоровый образ жизни, заболеваемость, экономика благосостояния.

Демографические проблемы общественного развития давно находятся в центре внимания не только ученых, но и государства. В Республике Беларусь разработана и принята к исполнению государственная программа обеспечения демографической безопасности, которая носит название «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы. Государственная программа нацеливает государственные органы управления на создание условий улучшения здоровья населения на всех этапах жизни, широкой информированности населения о факторах риска, угрожающих здоровье, пропаганды здорового образа жизни, формирования у населения самосохранительного поведения, развития и укрепления семейных ценностей, повышения престижа родительства, улучшения воспроизводства населения, сокращения уровня смертности, прежде всего в трудоспособном возрасте, увеличения ожидаемой продолжительности жизни, повышения качества и доступности услуг здравоохранения, а также оптимизации внутренних миграционных процессов.

Использованные слова на вербальном уровне не вызывают отторжения. Но, наш взгляд, не только провозглашенные цели, способы реализации, но и механизмы ответственности за ее выполнение, носят закономерный характер. Как уже не раз было, разработка подобных программ происходила в отрыве от полномасштабных, системных исследований. Первая программа по улучшению демографической ситуации в Республике Беларусь была утверждена в августе 2011 г. и носила название «Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы». [6] Заказчики и ответственные за исполнение в программе остались прежние, т.е. Министерство здравоохранения, Министерство образования, Министерство труда и социальной защиты. Корректное отношение к результатам выполнения первой программы по обеспечению демографической безопасности позволяет говорить о том, что особых достижений в сфере улучшения здоровья не произошло. Заявленная цель: стабилизация численности населения в 2015 году на уровне 9,44 – 9,45 млн. человек и обеспечение перехода к демографическому росту реализована, но только за счет мигрантов. На конец 2015 г численность населения Республики Беларусь составило 9 504 700 человек. За 2015 год родилось – 91 366 человек; Умерло – 128 905 человек. Естественная убыль населения составила – 37 539 человек или 0,4%. На начало 2017 численность населения Республики Беларусь составила по данным статистики примерно 9 500 000. Образно говоря, тенденция на постоянное уменьшение

численности, проявляет завидную стабильность. Сохранение численности на обозначенном уровне в основном обеспечивается за счет миграции из других республик, прежде всего, Украины. По различным источникам из Украины и других республик СНГ прибыло в Республику Беларусь только в январе – марте в 2016 г. 4158 человек, из них из Украины, России и Казахстана – 3693 человека (88,8%). [7]

Численность населения Республики Беларусь в соответствии с приведенными статистическими данными поддерживается на целевом уровне только за счет внешней миграции. Соответственно встает вопрос о причинах в буквальном смысле слова провала государственных программ. В рамках данной статьи мы хотели бы обратить внимание на некоторые из них. На первое место (ранжирование носит условный характер) мы хотели бы поставить широко распространенное до настоящего времени отождествление понятий и, соответственно, институтов «здоровье», «здравоохранение» и «медицина». О сущности принципиальных различий между ними давно указал лауреат Нобелевской премии 1972 г. по экономике Кеннет Эрроу. Основное внимание ученый уделил проблемам благосостояния. В статье «Неопределенность и экономика благосостояния здравоохранения» обратил внимание на существование принципиальных различий между здоровьем и здравоохранением: «Следует отметить, что предметом рассмотрения здесь является здравоохранение, а не здоровье. Существует много факторов, влияющих на здоровье, и медицинская помощь – только один из них. Другие блага, такие как питание, жилище, уровень санитарии могут быть более важными, особенно при низком уровне дохода». [2, с.293] Приведенная цитата может быть несколько пространной. Но именно слова ученого позволяют представить анализ реальных условий реализации программы по обеспечению демографической безопасности на основе укрепления здоровья человека. В общепринятой медицинской практике здоровье человека подразделяется на два вида – физическое и психологическое. Соответственно каждый из них имеет свою структуру по полу, возрасту, способности к репродукции и т.д. Состояние здоровья определяется по обращаемости. Реальное состояние оценивается косвенными и нередко эмоциональными оценками. Теоретически человек несет полную ответственность за состояние здоровье. В законе о здравоохранении Республики Беларусь, принят 18 июня 1993, статья 2 содержит следующее определение: «профилактика – основанный на личной заинтересованности комплекс медицинских услуг, направленных на снижение вероятности возникновения заболеваний». [5] В программах по обеспечению демографической безопасности широко используется понятие «самосохранительное поведение». При этом отсутствует его четкое толкование, нет ни строчки об организации реальной практики получения профилактических услуг. Гипотетическая ответственность человека о состоянии собственного здоровья усиливается тем положением, что оно отождествляется с личным благом. Однако теоретически и практически (к сожалению, экономическая наука пока не занимается этим) здоровье человека, как уже указывалось, зависит от многих факторов. Подавляющее большинство их отражает реальное отношение общества к ценности жизни и здоровья человека.

В последние годы учреждения здравоохранения оказались под постоянным прессом экономических реформ. Под лозунгом «оптимизации затрат на медицинское обслуживание» проводится сокращение лечебно-профилактических учреждений, ухудшается территориальная доступность получения лечебной помощи. Можно привести большое количество информации о сокращении количества лечебно-профилактических и стационарных медицинских учреждений. Данная информация не позволит раскрыть суть заявленной проблемы. Общепринятое толкование экономики благосостояния базируется на том, что государство реализует системную социально-экономическую политику, в которой ответственность государства распространяется не только на повышение номинального благосостояния конкретного человека, но и обязательное создание условий, которые позволят человеку достигать жизненно важных целей без непосредственного вмешательства государства.

Проблемы благосостояния в последние десятилетия рассматриваются представителями разных наук. В экономической теории широко используются количественные достижения в форме ВВП, ВВП на душу населения, темы роста объемов материального производства и т.д. В 1990 г. ПРООН впервые в истории развития человечества был опубликован доклад, содержащий оценки экономического и социального прогресса. В этом докладе впервые предложена формулировка понятия человеческого развития: «Развитие человека является процессом расширения спектра выбора. Наиболее важные элементы выбора — возможность человека жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни. Дополнительные элементы выбора включают в себя политическую свободу, гарантированные права человека и самоуважение. Предложенная концепция развития человека в настоящее время, на наш взгляд, представляет собой единственную широко используемую форму оценки достижений стран в сфере общественного благосостояния. Информационная система оценки развития человеческого потенциала содержит три важнейших направления: здоровье и долголетие, измеряемые показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении; доступ к образованию, измеряемый уровнем грамотности взрослого населения и совокупным валовым коэффициентом охвата образованием; достойный уровень жизни, измеряемый величиной валового внутреннего продукта на душу населения (по паритету покупательной способности, выраженному в долларах США).

Реализация предложенной международной организацией направлений по созданию максимально благоприятных условий для реализации человеческого потенциала, к сожалению, носит рекомендательный характер, не имеет четких критериев оценки реального состояния демографических процессов. Априори предполагается, что государственные статистические органы, нацелены на предоставление максимально объективной информации. К сожалению, в Республике Беларусь действующая система полной ответственности медицинских учреждений за состояние здоровья, нацеливает их на сокрытие объективной информации. Так, например, международные требования по оценке рождаемости основаны на обязательном учете всех родившихся, в белорусской интерпретации рождение ребенка оценивается по данным ЗАГСа Соответственно, родившийся и умерший до регистрации в ЗАГСе, в буквальном смысле слова пропадает из поля зрения статистики, позволяя показать более высокие результаты.

Развитие человека как показатель уровня благосостояния изучался не только Кеннетом Эрроу, но Гэри Беккером. Гэри Беккер стал лауреатом Нобелевской премии в 1992 «за распространение сферы микроэкономического анализа на целый ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение».».[1] Основная идея всех его исследований может быть изложена следующим образом. Человеческое поведение во всех сферах жизнедеятельности обусловлено экономическими соображениями. Т.е. сознательно или нет, но человек всегда осуществляет выбор, руководствуясь выгодой. Государство, как субъект экономических отношений, по мнению Г. Беккера не является исключением, так представлен конкретными людьми. О новой роли государства в создании условий по формированию реальных источников общественного благосостояния впервые Гэри Беккер обратил внимание в монографии «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ главным образом в области образования».[1] В этой работе ученый предложил доказательства экономической целесообразности и закономерной необходимости вложения средств в человеческий фактор. Человеческий капитал – это не просто имеющийся у каждого запас знаний, навыков и мотиваций, но и четко налаженный процесс его обновления. По мнению Г. Беккера инвестиции в образование, накопление производственного опыта, формирование и поддержание трудоспособного здоровья на протяжении всей жизнедеятельности человека и есть основа общественного благосостояния. По мнению Г. Беккера крупные вложения в подготовку будущих специалистов, медицинское обслуживание, развитие детей и социальные программы, направленные на воспроизводство и расширенное воспроизводство

человеческого капитала равноценно крупным инвестициям в создание или приобретение новых технологий, машин, оборудования. Необходимо отметить, что А.Смит в работе «О природе происхождения богатства неоднократно обращал внимание, что затраты на человека – это вложения в основной капитал. Д. Рикардо, оценивая затраты в образование, делал основной акцент на создание максимальной его доступности для всех. В противном случае, создается серьезная угроза развития бедности и сужению возможностей для прибыльности производства. По мнению Г. Беккера вложения в образование представляются наиболее рациональными и экономически целесообразны. ».[1]

Сегодня в устах политиков, ученых, общественных деятелей используются понятия «социальный прогресс», «инвестиции в человека», «расширения возможностей выбора для человека» и т.д. Сложность оценки прямого влияния человеческого потенциала на повышение благосостояния приводит к тому, что государство все шире продвигает личную ответственность человека за собственное развитие. Индивидуальное благосостояние рассматривается вне зависимости экономических, социальных и политических условий жизнедеятельности. Объем и структура потребления, состояние здоровья, организация свободного времени, создание безопасных условий труда и жизни на протяжении всего периода реформирования экономики отождествляются с личными благами. Рынок и рыночные отношения, которые реформаторы и их последователи наделили сверхестественными регулирующими силами, существует только в абстрактных моделях, ничего общего с механизмами повышения благосостояния не имеют. Организовать условия для ведения здорового образа жизни, поддерживать высокий уровень трудоспособности на протяжении всей жизни человек не в состоянии по ряду причин. Во-первых, человек давно живет в условиях постоянного воздействия внешних условий. К которым мы относим не только природно-климатические, жилищные, производственные, но и социальные. Постоянная и неуправляемая изменчивость климата требует дополнительных затрат на обеспечение их безопасного воздействия на человека. Это, прежде всего соответствующее жилье, питание, одежда и т.д. Во-вторых, производственная среда. Не является секретом, что до настоящего времени около 15% - это вредные и особо вредные условия труда. К ним можно отнести и высокий уровень монотонности. Тот факт, что вредные условия труда оказывают непосредственное влияние на физическое состояние человека, признаются всеми. Организацию защиты интересов в вопросах поддержания здоровья, проведения диспансеризации работники делегируют профсоюзным организациям. Как утверждал Дж. Бьюкенен человек не может отстаивать интересы лично. Для достижения определенных целей и успешного решения задач индивиды стремятся делегировать полномочия не только профсоюзным организациям, но и государству. Это теоретически выступает основополагающим принципом функционирования государственных структур. [3]

Делегирование полномочий в определенных сферах жизнедеятельности человека закономерно сопровождается системой противоречий по формированию общественного благосостояния. Коммерциализация института здравоохранения и образования в пореформенной Беларуси наглядно демонстрирует диверсификацию противоречий по распределению созданного богатства. Проведение необходимой диспансеризации работающих во вредных условиях оплачивает производитель. Профилактические осмотры занятых, как принято считать в нормальных условиях, полностью оплачивает работник. В личные затраты входит не только оплата медицинских услуг, но и затраченное время. Еще сложнее обстоят дела при проведении диспансеризации учащихся средних школ, колледжей и высших учебных заведений. Сложно оценить эффективность проводимой диспансеризации школьников. Часто они проводятся по графику медицинских учреждений, родители и учители крайне редко получают полноценную информацию не только о времени проведения, структуре профилактических услуг, но и полученных результатах. Сложно принять действующий механизм информирования родителей через детей. К сожалению, часто появляющиеся случаи негативных последствий после физической нагрузки могут быть результатом отсутствия эффективно организованной системы информирования учителей и

родителей. В настоящее время отсутствует должным образом организованная система оказания медицинской помощи в учебных заведениях. Во многих школах Республики Беларусь давно сокращены ставки врачей. Особую тревогу вызывает организация медицинской помощи для детей, проживающих в детских домах. Состояние их здоровья в медицинской статистике не выделяется отдельной строкой. В тоже время количество детей остающихся без попечения родителей не сокращается. В соответствии с нормативными документами о структуре типового штатного расписания в детских домах, утвержденных Постановлением Министерства образования Республики Беларусь 24 апреля 2013 г. № 22 в детских домах с численностью воспитанников более 200 человек предусмотрены один педагог-психолог, один социальный педагог и 0,5 ставки руководителя физического воспитания. В малочисленных, т.е. не более 300 человек отсутствуют ставки врачей. Дети, воспитывающиеся в детских домах, получают необходимую медицинскую помощь в детских поликлиниках. Ставка врача с 2014 г. вводится в лечебно-профилактическом учреждении, т.е. детской поликлинике из расчета обслуживания 800 человек. При этом необходимо обратить внимание, что педиатр должен решать проблемы со здоровьем детей в возрасте, условно от 0 до 16 лет. [9] Не меньшую проблему формирования здоровья всех детей составляет организация специализированной помощи. Расчет специалистов проводится до настоящего времени на основе общей численности, а не фактической заболеваемости. Сужение индивидуальных возможностей в доступности всех видов качественной медицинской помощи влечет за собой сокращение реальных возможностей повышения благосостояния. Медицинские работники постоянно обращают внимание на процесс омоложения сердечнососудистой патологии. Смертность по этой причине среди людей трудоспособного возраста занимает первое место и составляет почти четверть от общего количества смертей. Давно потеряли статус возрастных заболеваний «сахарный диабет» и «рассеянный склероз». Состояние трудоспособного здоровья в буквальном смысле слова стало фундаментальной проблемой социально-экономического развития. В Республике Беларусь в соответствии со статьей 35 Постановления Министерства статистики и анализа от 29 июля 2008 г. за № 92 все субъекты обязаны проводить мониторинг потерь рабочего времени по причине болезней, которые оформлены соответствующим образом, т.е. представляются листки нетрудоспособности. [11] Действующая практика позволяет говорить о том, что отсутствие на работе по определенным видам недомогания не всегда носит официальный характер. Происходит это по разным причинам. Во-первых, стандарты оказания медицинской помощи. Во-вторых, заболевания, связанные с психологическими проблемами. Как уже указывалось, монотонная работа до настоящего времени не имеет особого статуса. Между тем монотонность, в условиях все возрастающей ответственности, влечет за собой психологическое истощение. Основным последствием которого медики называют депрессивное состояние. Депрессии оцениваются как расстройство психики, проявляющиеся в снижении самооценки, интереса к жизни, соответственно производительности труда. В настоящее время депрессии признаны самым распространенным заболеванием. По данным ВОЗ каждый десятый в возрасте старше 40 лет страдает психическим расстройством, среди них преобладают женщины. Среди населения в возрасте 65 лет и старше депрессии встречаются в три раза чаще. Наибольшую тревогу вызывает распространение депрессии среди подростков. Именно она часто служит причиной юношеского суицида.

Затяжной социально-экономический кризис оказывает отрицательное воздействие не только на состояние здоровья взрослого населения, но и детей. Растет численность детей с хронической патологией. Особые экологические условия жизнедеятельности населения Республики Беларусь, обусловленные последствиями катастрофы на Чернобыльской атомной станции, широкой распространенностью социального девианта, ограниченными возможностями ведения здорового образа жизни оказывают негативное воздействие на состояние здоровья подрастающего поколения. По данным систематических диагностических обследований школьников хронические заболевания выявляются у 40-45%

школьников. Среди считающихся условно здоровыми у 70% отмечаются различные морфофункциональные нарушения. Численность полностью здоровых не превышает 15%. Однако в последние десятилетия наметилась устойчивая тенденция ухудшения здоровья. К завершению обучения в средней школе только 7% остаются практически здоровыми. [8]

Уменьшение затрат на организацию профилактической помощи, увеличение учебной нагрузки, снижение реальных доходов семей оказывают отрицательное воздействие на создание благоприятных условий формирования здорового образа жизни. Оценка социальной и экономической систем, критериев эффективности, выбор целей и механизмов достижения оптимального сочетания индивидуальных и общественных потребностей становятся важнейшей гуманитарной теоретической проблемой. Необходимо отметить, что теория и практика экономики благосостояния принципиально отличается от абстрактной теории спроса и предложения. Конкуренция как механизм регулирования спроса и предложения не способна обеспечить оптимальные условия создания экономики благосостояния.

© Злотникова Л.М. Текст. 2017

Список источников

1.Беккер Г. Человеческое поведение. М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672с.

2.Эрроу К. Неопределенность и экономика благосостояния здравоохранения //Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т.4./Под общ. ред. А.П. Заостровцева. – СПб. : Экономическая школа, 2004. – с.293 – 338

3. Вклад Дж. Бьюкенена в развитие экономической мысли. //URL. http://topknowledge.ru/istoriya-ekonomicheskikh-uchenij/1844-vklad-dzh-byukenena-v-razvitie-ekonomicheskoj-mysli.html (дата доступа 04. 05. 2017)

4.В Беларусь переехали почти две тысячи украинцев //URL: http://korrespondent.net/world/3675846-v-belarus-pereekhaly-pochty-dve-tysiachy-ukrayntsev (дата доступа 06. 05. 2017)

5. Закон РБ О здравоохранении. //URL: http://belzakon.net/Законы/Закон_РБ_О_здравоохранении. (дата доступа 28. 04. 2017)

6.НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА 2011–2015 ГОДЫ. //URL: http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic00/text670.htm. (дата доступа 27. 04. 2017)

7.Общие итоги миграции //URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/obschie-itogi-migratsii-naseleniya-respubliki-belarus/ (дата доступа 05. 05. 2017

8.Каждый четвертый ребенок в Беларуси болен хроническими болезнями. URL:https://health.ej.by/health/2011/09/28/kazhdyy_chetvertyy_rebenok_v_belarusi_bolen_hronicheskimi_boleznyami.html (дата доступа 03. 05. 2017)

9.О типовых штатах и нормативах численности работников отдельных учреждений общего среднего и специального образования. Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 24.04.2013 N 22. (ред. от 22.05.2015) //URL: https://docviewer.yandex.by/view/38500134/?

10..Состояние здоровья детей в Республике Беларусь. //URL: http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=525951 (дата доступа 02 05. 2017)

11. Об утверждении указаний по заполнению в формах государственных статистических наблюдений статистических показателей по труду. Постановление Министерства статистики и анализа Республики Беларусь 29 июля 2008 г. N 92. //URL: https://docviewer.yandex.by/view/38500134/?(дата доступа 06. 05. 2017)

Информация об авторе

Злотникова Лидия Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации Адрес: 246029, г.Гомель, просп. Октября, 50. Республика Беларусь, 26 e-mail: Lidia_zlotnikova@mail.ru

Zlotnikova L.M.

HEALTH OF THE HUMAN AS A BASIS OF THE WELFARE OF THE SOCIETY

In article the analysis of the state of health of the population of Republic of Belarus in the context of theoretical problems of economy of welfare is carried out. Need of the new economic theory is proved. Market economy, turning health care into a benefit source, stimulates inequality of availability of his services.

Keywords: health, working-age, healthy lifestyle, incidence, welfare economy.

Information about the author

Christie, Lydia M. – candidate of economic Sciences, associate Professor, Belarusian trade-economic University of consumer cooperatives Address: 246029, Gomel, October Avenue, 50. Republic of Belarus, 26 e-mail: Lidia_zlotnikova@mail.ru

УДК 332.1

О.А. Козлова, О.Н. Казмалова

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭФФЕКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

В данной статье анализируется состояние и качество накопление человеческого капитала в нашей стране. Проанализирована роль образования в эффективности человеческого капитала России.

Ключевые слова: человеческий капитал, образование, институт, инновации

Национальные успехи в социально-экономическом росте развитых стран в первую очередь основаны на человеческом факторе, который предполагает, что за счет высокой квалификации и творческой активностью людей, способен воплотить новые технологические идеи в жизнь. Так, и современное развитие нашей страны требует инноваций. В свою очередь инновации зависят от качества человеческого капитала (знания, квалификация, здоровье, креативность, талант, умение и желание рисковать и т.д.).

На накопление человеческого капитала влияет спрос на него. В свою очередь, спрос зависит от структуры экономики и качества институтов (см.рис.1). Структура экономики в России искривлена в сторону ресурсных отраслей, обеспечивающих ренту и нуждающихся в небольшом количестве узкоспециализированных работников.

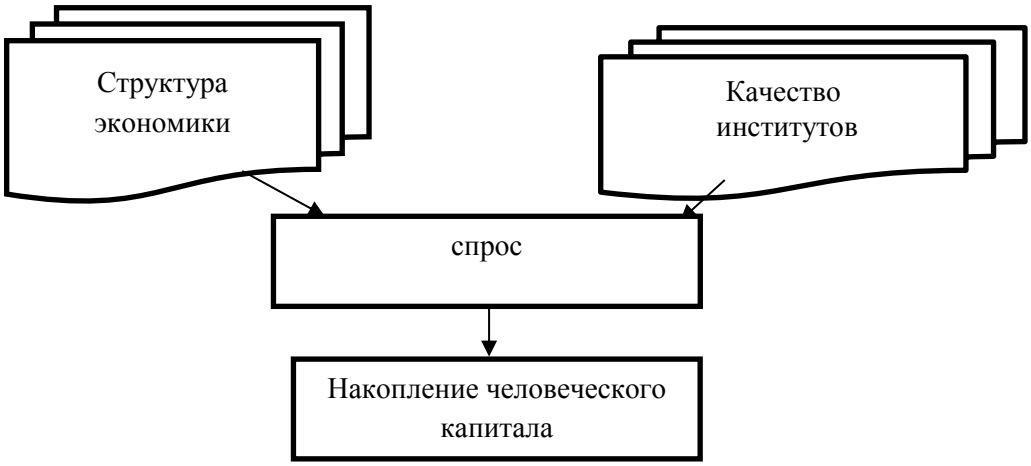


Рис. 1 Основные элементы влияния на накопление человеческого капитала.

Однако не всякий человеческий капитал трансформируется в инновации который поддерживают рост. Направление реализации человеческого капитала, очень сильно зависит от качества институтов страны.

Запас потенциальных предпринимателей в нашей стране более или менее постоянен, но меняется направление которое люди выбирают для реализации своих талантов. Сильные, хорошие институты порождают инновации которые питают экономический рост. Скверные институты заставляют новаторов искать для своих талантов другие сферы применения, так или иначе связанных с борьбой за рентой. Другими словами, дилемма выбора направлений для применения своих способностей между продуктивными инновациями и борьбой за рентой всегда отражает качество институтов.

Сегодня, в нашей стране, одаренный люди выбирают не технические инженерные специальности, а специальности «Экономика и управление» и гуманитарно-социальные в области юриспруденции. Число выпускников высших учебных заведений по указанным направлениям постоянно растет. За 20 лет численность студентов высших учебных заведений за период с 1990/91 до 2014/15 увеличилась почти двукратно – с 2824,5 до 5209 тыс.человек[1.] При этом доля выпускников в 2015 году по группе специальности «экономика и управление» составила около 50% (94,7 тыс.человек) в негосударственных вузах и 30% (331,6 тыс.человек) в государственных вузах. По гуманитарным наукам доля выпускников в 2015 году составила около 39% (73,5 тыс.чел.) в негосударственных вузах и 15% (166,5 тыс.чел.) в государственных вузах. Другими слова доля выпускников специальностей гуманитарных наук и «экономика управление» в общей численности выпускников государственных и негосударственных вузов составила более 51% (666,3 тыс.чел.), а в негосударственных вузах – 88,3% (168,2 тыс.чел.). В тоже время менее 1% выпускников негосударственных вызов получили специальности в области физико-математических (0,1%) и естественных наук (0,1%)[2].

В государственных высших учебных заведениях в 2015 году доля выпущенных специалистов в сфере «металлургии, машиностроения и металлообработки» составила 2,7%, или 30,1 тыс. человек, приборостроения и оптотехники» - 0,7% (7,7 тыс. человек), физико-математические науки -1,9% (21,2 тыс. человек), естественные науки – 2,1% (23,0 тыс.человек), «авиационная и ракетно-космическая техника» - 0,5% (5,4 тыс.человек)[3].

Это пример того как человеческий капитал направляется не в те отрасли которые генерируют инновации и экономический рост.

Таким образом, ключевое значение для реализации человеческого капитала имеет качество институтов. Формальные институты зависят от результата работы государства. На результаты работы государства положительно влияет общество, в котором граждане способны обеспечить необходимую подотчетность. Способность подотчетности государству зависит от особой гражданской культуры. Это тип культуру когда гражданам страны присуще такие характеристики как высокий уровень гражданской ответственности, заинтересованное участие в государственных делах, политическая ответственность, патриотизм, толерантность к различным мнениям, активная жизненная позиция и правовая культура и т. д.[4]. А интерес к политике в широком смысле слова это результат экономического роста, после того как люди удовлетворили свои потребности (в доходах, жилье, автомобиле и т.д.) они начинают все более внимательно присматриваться к качеству

[1]Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] (дата обращения 16.10.2015) URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm

[2] Российский статистический ежегодник. 2016: Стат.сб./Росстат. - Р76 М., 2016 – (725 с.) С.207-208

[3] Там же С.207-208

среды обитания в которой они живут, а именно к качеству образования и здравоохранения, комфортности и безопасности, доступности жилья и т.д.. Это ведет к политизации люде. Такого рода гражданская культура является результатом развития и рано или поздно ведет к повышению качества институтов.

Сегодня уже неоспоримый факт, что главную роль в формировании и накоплении человеческого капитала играет образование. После революции в России 80% населения были неграмотными. И развитие человеческого капитала помогло СССР создать современную индустриальную экономику. Это удалось сделать за счет:

1. ликвидации безграмотности. Так, население в возрасте от 8 до 50 лет не умевшие читать и писать по желанию обязывалось обучаться грамоте на родном или русском языке [1];

2. введения всеобщего начального образования, а в городах обязательное семилетнее[3];

3. увеличения ресурсов на образование (в основном за счет госбюджета) – эта тенденция сохранялась в СССР в 1920-1930 годы, но уже с конца 1940 годов расходы на образование стали снижаться, зато опережающими темпами стали расти расходы на науку [2];

4. создания отечественной системы высшего технического образования.

Тенденции, которые сегодня происходят в нашем образовании требуют особого внимания. Так, с ростом количества высших образовательных учреждений и самих студентов (см.табл.1), ухудшилось качество современного образования [5].

Таблица 1

Образовательные организации высшего образования[1]

Годы	Число образовательных организаций	Численность студентов - всего, тыс.человек	На 10 000 человек населения приходилось студентов
1914	72	86,5	10
1940/41	481	478,1	43
1980/81	494	3045,7	219
1990/91	514	2824,5	190
2000/01	965	4741,4	324
2010/11	1115	7049,8	493
2015/16	896	4766,5	325

Так, с каждым годом увеличивается количество населения имеющие высшие образование. В нашей стране в 2015 году около 33% занятых в экономике имеют высшее образование, а в г.Москве – около 50% (см.табл.2).

Таблица 2

Структура занятых по уровню образования[2]

	Всего	в том числе имеют образование					
		высшее	среднее профессиональное		среднее общее	основное общее	не имеют основного общего
			по программе подготовки специалистов среднего звена	по программе подготовки квалифици-рованных рабочих (служащих)			
Всего – занято в РФ							
2000	100	24,7	30,9	10,1	23,1	8,7	2,4
2015	100	33,0	25,8	19,2	18,4	3,4	0,2

[1] Там же С.203

[2] Российский статистический ежегодник. 2016: Стат.сб./Росстат. - Р76 М., 2016 – (725 с.) С.113

Мужчины							
2000	100	23,0	27,2	11,9	25,4	10,0	2,5
2015	100	28,9	21,9	23,6	21,0	4,2	0,3
Женщины							
2000	100	26,5	34,8	8,3	20,7	7,3	2,3
2015	100	37,2	29,9	14,5	15,6	2,6	0,1
Москва 2015	100	47,8	27,6	17,7	6,4	0,6	-
Пермский край, 2015	100	26,2	24,8	26,7	16,2	5,8	0,3
Свердловская область, 2015	100	28,7	26,5	21,6	17,6	5,2	0,3

Но с другой стороны, при таком росте численности населения с высшим образованием, нет нового качественного скачка в стране за счет существующего в настоящее время образования.

Сегодня, в развитых странах в формирование и накопление человеческого капитала огромную роль играют государственные расходы в области образования и здравоохранения. Россия находится на 98 месте в мире по уровню национальных расходов на образование (см.табл.3) [6].

Таблица 3

Уровень национальных расходов на человеческий капитал (образование) (в % к ВВП, данные ООН, 2012 год, опубликованы в 2014 году)

	Норвегия	Швеция	Финляндия	Бельгия	США	Канада	Германия	Россия
Образование	7,3	7,3	6,8	6,4	5,4	4,8	4,6	4,1

Подсчет расходов на образование в России показывает, что все уровни власти тратят на эти цели порядка 2,6-3% ВВП страны. Так, из 80412 млрд руб, созданного ВВП РФ в 2015 г. на промышленную составляющую пришлось 47969 млрд руб. (или 51% ВВП), на образование 3037 млрд руб. (или 2,6% ВВП), на здравоохранение-6,5%, науку-1,12%, ВПК-4%, остальное- сельское, лесное и рыбное хозяйство, строительство, транспорт, финансовые услуги, чистый экспорт.

Таблица 4

Распределение расходов на образование в России, млн.руб.[1]

Статьи расходов	Федеральный бюджет		в % к ВВП
	2005	2015 г.	2015
Всего, млрд.руб	3115,9	15620,3	80804,3
В том числе на образование, из них :	157769,2	610596,5	0,75
дошкольное	1851,5	34703,4	0,04
общее образование	1736,9	36033,0	0,04
начальное профессиональное	5019,5		
среднее профессиональное	18491,3	9977,5	0,01

[1] Федеральное казначейство. Официальный сайт Казначейства России. Федеральный бюджет годовой отчет 2015 год, Федеральный бюджет годовой отчет 2005 год. [Электронный ресурс] http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/federalnyj-byudzhet/ Библиотечка «Российская газета», приложение к «Российской газете». 2004. Вып.№1-2. С.80; 2003.Вып. №2-3. С.73; Россия в цифрах.2008:крат.стат.сб./Росстат.М.,2008. С.365.

Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации	2291,5	7339,4	0,01
Высшее и послевузовское профессиональное образование	115594,1	498559,2	0,6
Молодежная политика и оздоровление детей	441,7	1590,0	0,002
Прикладные научные исследования в области образования	1751,1	12982,9	0,02
Прочие расходы в области образования	10591,6	9411,1	0,01

Подсчет расходов на образование показывает, что они формируются в федеральном, региональных и местных бюджетах и отражаются в своей совокупности в консолидированном бюджете РФ. Кроме того, федеральное правительство предоставляет разного рода льготы, субсидии, трансферты, дотации территориям на развитие человеческого капитала, а те в свою очередь муниципальным образованиям (на лекарства, школьные завтраки, на проезд, воду, отопление, электроэнергию, обустройство молодых специалистов, материнский капитал, только в 2015 г. их было предоставлено 1 млн 40 тыс. штук.) и т.п.

Таблица 5

Распределение расходов на образование в Свердловской области и Пермском крае

Статьи расходов	Бюджет Свердловской области млн.руб.[1]		Бюджет Пермского края млн.руб[2]	
	2015г.	в %	2015 г.	в %
Всего, млн.руб	192 260,4		104 748, 3	
В том числе на образование, из них:	48 365,2	100	29 388,4	100
дошкольное	15405,4	31,85	9 333,4	31,76
Общее образование	24294,9	50,23	16014,2	54,49
начальное профессиональное	-		-	
среднее профессиональное	6147,4	12,71	2 687,7	9,15
Профессиональная подготовка,переподготовка и повышение квалификации	151,9	0,31	155,1	0,53
Высшее и после вузовское проф.образование	-		5,0	0,02
Молодежная политика и оздоровление детей	1214,0	2,51	512,0	1,74
Прикладные научные исследования в области образования			-	
прочие расходы в области образования	1151,6	2,39	680,9	2,31

[1] Закон Свердловской области «Об исполнении областного бюджета за 2015 год»
[2] Закон Пермского края «Об утверждении отчета об исполнении бюджета Пермского края за 2015 год»;

В регионах основная часть расходов приходится на дошкольное и начальное образование. Например, в Свердловской области и Пермском крае – более 80%, в то же время здесь отсутствуют затраты на высшее образование (однако и здесь есть такого рода расходы, например, предоставление губернаторских стипендий отличившимся студентам ВУЗов). В федеральных расходах обратная тенденция – высшее образование поглощает 56,1% всех расходов на образование.

© Козлова О.А., Казмалова О.Н. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 16-02-00164-а (ОГОН) «Научно-методический инструментарий измерения, оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России»

Список источников

1. Грамотность//Большая Советская Энциклопедия М.: Советская энциклопедия. 1969 – 1978.

2. Диденко Дмитрий Валерьевич. Накопление и использование человеческого капитала в экономическом развитии России и стран. Совместный семинар Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) и Центра трудовых исследований (ЦеТИ). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, 13 октября 2015 г. [Электронный ресурс] URL: https://lirt.hse.ru/data/2015/09/21/1075676497/20151013-Didenko.pdf

3. Зоря Ю. Система образования. История и современность. [Электронный ресурс] URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/sistema_obrazovaniya._istoriya_i_sovremennost

4. Омеличкин О.В. Гражданская культура в России: проблемы формирования /Вестник Кемеровского государственного университета 2015 № 2 (62) Т. 2 [Электронный ресурс] URL: http://www.civisbook.ru/files/File/2015-Omelichkin.pdf (дата обращения 05.01.2017г.)

5. Пальчиков А.Н. канд. воен. наук, Громцев А.С. Проблемы высшего образования, пути их решения Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент» № 2, 2015 [Электронный ресурс] дата обращения 01.03.2017 URL: http://openbooks.ifmo.ru/read_economics/13587/13587.pdf

6. Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование. Гуманитраная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). URL: http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info

Информация об авторах

1. Козлова Ольга Анатольевна – доктор экономических наук, профессор, руководитель центра исследований социоэкономической динамики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики Уральского отделения Российской академии, e-mail: Olga137@mail.ru

2. Казмалова Ольга Николаевна (Россия, Пермь) – преподаватель Пермского филиала Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Пермь, бульв. Гагарина, 50; e-mail: Kaolni@rambler.ru).

Kozlova O.A., Kazmalova O. N.

THE ROLE OF EDUCATION IN THE EFFECTIVENESS OF HUMAN CAPITAL

The article dealswith the analyzes of the state and quality of the accumulation of human capital in our countrythe results allow discussion on the role of education in the effectiveness of human capital in Russia

Keywords: human capital, education, institutions of society, innovations

Information about authors

1. Kozlova Olga – Doctorof Economics, Prof., Centre of Socioeconomic Dynamics Research. Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, e-mail: Olga137@mail.ru

2. Kazmalova Olga (Russia, Perm) – Financial University under the Government of the Russian Federation (Perm, B. Gagarina, 50; e-mail: Kaolni@rambler.ru).

УДК: 331.1

О.А. Козлова, Е.А. Селезенева

ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ДОСТОЙНОГО ТРУДА В РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы становления института достойного труда в России. Анализируются проблемы безработицы и оплаты труда. Приведен сравнительный анализ динамики уровня безработицы в России и США. Рассматривается вопросы формирования и функционирования институтов регулирования социально-трудовых отношений в России и за рубежом. Определены факторы, препятствующие реализации положений концепции достойного труда в практику.

Ключевые слова: достойный труд, качество трудовой жизни, безработица; институты регулирования социально-трудовых отношений.

Труд занимает центральное место в жизни человека на всем ее протяжении. В последние десятилетия экономисты больше внимания стали уделять достойному труду как новому измерению традиционного многогранного понятия «качество трудовой жизни». В настоящее время достойный труд правомерно рассматривать как важнейший параметр качества жизни, позволяющий по-новому взглянуть на проблему условий и возможностей развития человека в сфере труда.

Концепция Достойного труда, разработанная Международной организацией труда (МОТ) [1] содержит положения, реализация которых позволяет обеспечивать широкий круг потребностей работника и его семьи с позиции расширенного воспроизводства рабочей силы и высокого качества трудовой жизни:

– процесс труда должен проходить в безопасной и здоровой производственной среде;

– условия труда должны быть совместимы с благосостоянием и человеческим достоинством трудящихся;

– труд должен открывать человеку реальные возможности для саморазвития личности и служения обществу.

Согласно Концепции, выделяются следующие признаки достойного труда:

– продуктивная деятельность или производительный труд, способный обеспечивать конкурентоспособность страны;

[1] Достойный труд: доклад Генерального директора Международного бюро труда. 87-сессия МКТ, Женева, 1999 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:http://www.ilo.org. (Дата обращения 26.05.2017).

– справедливый доход для работников;

– безопасность на рабочем месте;

– социальная защита (от безработицы, в случае беременности, необходимости ухода за ребенком, пенсионное обеспечение);

– перспективы личностного роста;

– активное участие в принятии важных управленческих решений (через профсоюзы и ассоциации предпринимателей);

– равные стартовые позиции и возможности для обоих полов [5] .

Страны, ратифицировавшие данную концепцию реализовывают на практике выше перечисленные положения. Как отмечается в исследованиях система социально-трудовых отношений многих экономически развитых стран включает следующие элементы:

– повышение содержательности труда на основе совмещения функций основного и вспомогательного производства, осуществления контроля качества продукции, использования метода чередования рабочих мест; группировки кратковременных разнородных операций и т.п.;

– внедрение демократической структуры управления, развитие трудовой демократию с элементами коллективных методов организации труда [1] **.**

Трудовая демократия, является одной из ключевых задач доктрины качества трудовой жизни, которая заключается в расширении прав простого работника, переход от авторитарных форм руководства к коллективным методам в управлении. Наиболее популярной формой трудовой демократии считаются независимые бригады, которым руководство предприятия делегирует ряд функций, например, контроль качества, оплату труда, производственное планирование и т.д. [4].

Внедрение мероприятий по рационализации трудовых и технологических процессов, совершенствование условий труда на рабочих местах способствуют снижению издержек и приносит существенный экономический эффект [3].

Решение такой многосторонней задачи как рост качества труда, в той или иной степени относится к политике государства в социально-трудовой сфере, что в свою очередь отражается на динамике уровня безработицы. На рисунке 1 приведена динамика уровня безработицы в США и России за последнее десятилетие.

Анализируя данные на графике за период 2007-2016гг. можно увидеть, что наиболее высокий процент безработицы в США был в 2010 г. (9,6%), что связано скорее с влиянием мирового финансового кризиса. В России кризис проявился несколько раньше, в 2009г, уровень безработицы составлял 8,3%.

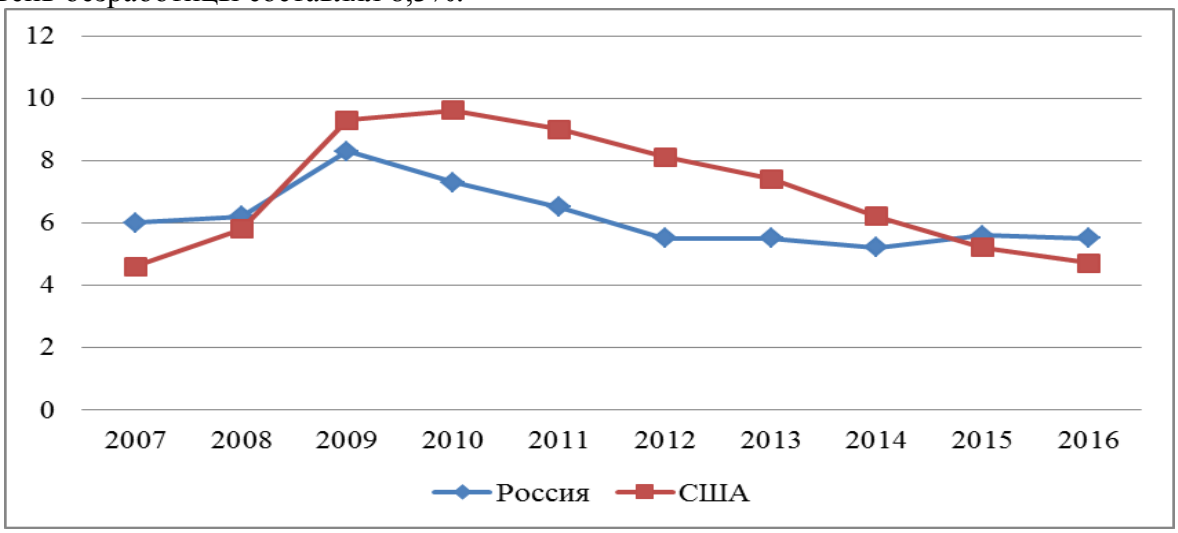


Рис. 1. Уровень безработицы в России и в США за период 2007-2016 гг., %

Источник: Составлено по [7,9]

В последующие годы наблюдалось снижение уровня безработицы в обеих странах за счет реализации мер антикризисной политики и политики, проводимой в социально-трудовой сфере. На протяжении 2007-2016 гг. в России показатель уровня безработицы составлял в среднем чуть более 6%, в США - около 7%.

Например, для улучшения ситуации в сфере занятости в каждом штате США, проводится работа по совершенствованию сети консультативных центров производительности труда. В работе центров участвуют многие региональные и национальные организации, профсоюзные объединения, консультативные фирмы по проблемам управления, научно-исследовательские организации. Центрами проводится большая работа по развитию нормативной базы, факторов роста производительности труда, разработке мероприятий по повышению эффективности использования рабочей силы. Деятельность центров финансируется как местными органами власти, частными компаниями, так и правительственными структурами [2].

Такие центры действуют почти во всех развитых странах. Они обмениваются опытом, объединяются в межрегиональные и международные. Так, например, Европейская ассоциация повышения производительности труда объединяет такие страны как Англия, Финляндия, Бельгия, Австрия, Германия, Нидерланды, Италия, Кипр, Польша, Румыния, Словакия, Турция, Чехия. Азиатская ассоциация повышения производительности труда включает такие страны как Япония, Китай, Лаос, Малайзия, Бангладеш, Камбоджа, Монголия, Индия Иран и многие другие.

В России при Министерстве труда РФ с 1990 г. действовал Всероссийский центр охраны и производительности труда, в 1996 г. он был переименован во «Всероссийский центр охраны труда» с соответственным изменением направлений деятельности. В настоящее время это научно-исследовательское и образовательное учреждение дополнительного профессионального образования, деятельность которого направлена на решение научно-практических проблем охраны труда в Российской Федерации, обучение и повышение квалификации специалистов по охране труда.

Сегодня существует ряд общественных инициатив по созданию центров производительности труда в России. Например, компания «Формула труда» активно реализует консалтинговые услуги предприятиям различных отраслей по повышению. мотивации труда, его производительности, внедрению принципов бережливого производства[1].

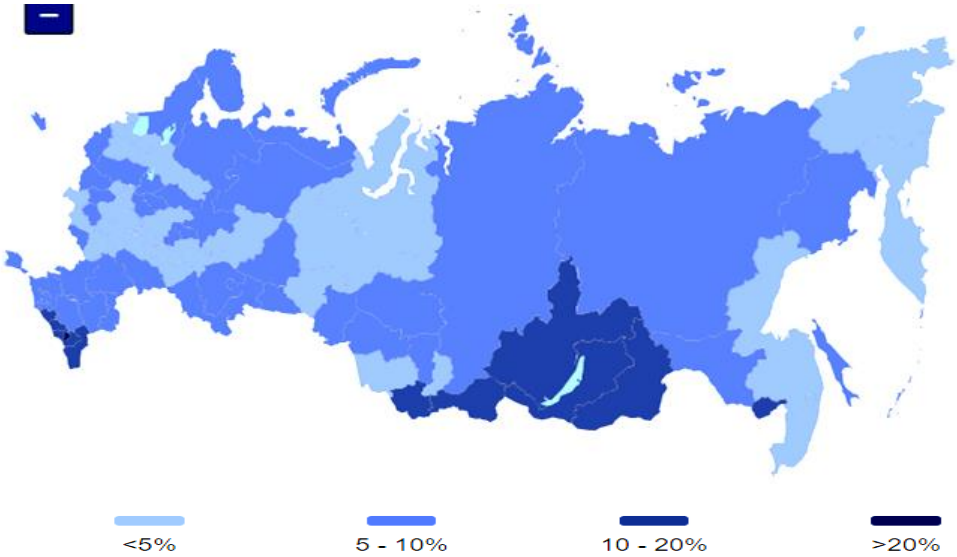


Рис. 2. Уровень безработицы в регионах РФ, 2016 г., % [8]

[1] Формула труда. Операционная эффективность и нормирование[Электронный ресурс] – Режим доступа: http://formula-truda.ru/about/ (Дата обращения 10.05.2017)

В тоже время в России, в отличие от других стран в настоящее время отсутствует структура государственного уровня, которая бы занималась проблемами роста производительности труда.

Прежде всего существует проблема низкой мотивации населения к высокопроизводительному труду в силу его низкой оплаты и сравнительно высокого уровня безработицы в региональном разрезе (рис.2 и 3).

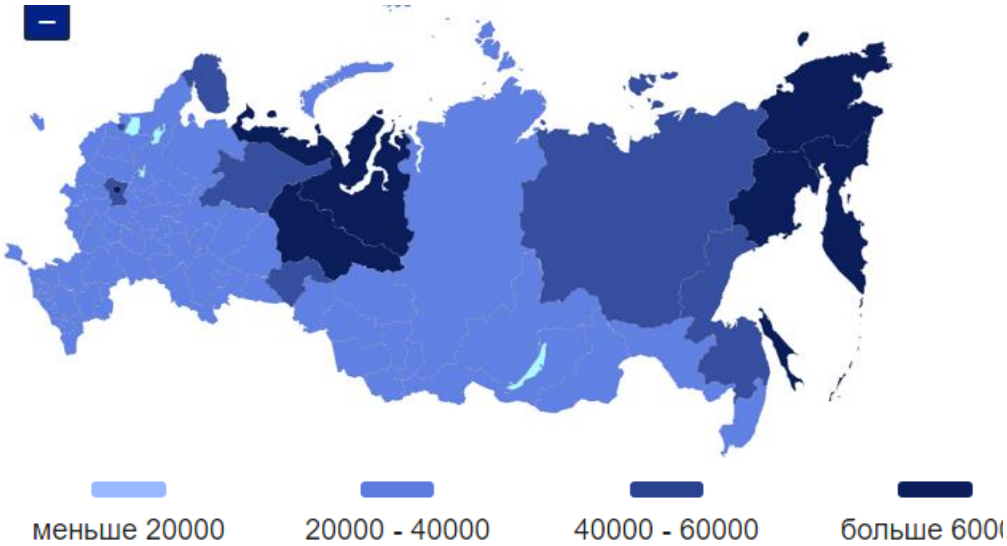


Рис. 3. Уровень средней заработной платы в регионах РФ в 2016 г., % [8]

Анализируя данные , представленные на рис. 2 и 3 можно сделать вывод, что уровень средней зарплаты в регионах Российской Федерации значительно различается. Высокий уровень безработицы наблюдается в регионах с низкой заработной платой.

В каждом регионе Российской Федерации действуют центры занятости, они предлагают безработным гражданам содействие самозанятости. Прошедшим профессиональное обучение или получившим дополнительное профессиональное образование по направлению органов службы занятости, единовременной финансовой помощи при их государственной регистрации в качестве юридического лица, индивидуального предпринимателя либо фермерского хозяйства, а также единовременной финансовой помощи на подготовку документов для соответствующей государственной регистрации. Так же нужно отметить и то, что у рынка труда есть своя специфика,в регионах ищут работников в силу их возможностей и помогают им с обучением.

Но, исходя из статистических данных, значительного снижения уровня безработицы в регионах не наблюдается.

В заключении можно сформулировать круг проблем, которые присутствуют в социально-трудовой сфере российских регионов и затрудняют реализацию положений концепции «достойного труда:

- низкий уровень заработной платы, не отвечающий требованиям качественного воспроизводства рабочей силы;
- условия труда не всегда отвечают санитарно-гигиеническим нормам;
- не везде предоставляется возможность повышения квалификации;
- недостаточный социальный пакет и т.п.

Прежде всего, данные проблемы должны решаться в рамках социального диалога, который позволит достичь общих договоренностей и принять согласованные решения. Одно из направлений решения данных проблем – организация внутрикорпоративного мониторинга трудовых процессов на соответствие их критериям достойного труда.

Так же стоит отметить, что сегодня создание качественных рабочих мест и обеспечение достойного труда должно выступать одной из ключевых задач региональной социально-экономической политики.

© Козлова О.А., Селезенева Е.А. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 16-02-00164-а (ОГОН) «Научно-методический инструментарий измерения, оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России»

Список источников

1. Дейнега, А.Н. Качество трудовой жизни в системе социально-трудовых отношений [Текст] // Технологии качества жизни. – 2005, № 2. – С.19-24.
2. Десслер, Г. Управление персоналом [Текст] / Пер. с англ. — М: «Издательство БИНОМ», 2007.
3. Зайцев, А.К. Качество трудовой жизни [Текст] // Народонаселение. – 2001, №2. – С.155-161.
4. Кононов, С.П. Модель качества трудовой жизни – прогрессивный метод управления персоналом [Текст] // Бизнес консалтинг. – 2007, № 5. – С.32-37.
5. Полин Барет-Рид, Неотъемлемые признаки достойного труда - нормальные условия работы, справедливая зарплата, адекватная социальная защита, отсутствие дискриминации, право голоса [Текст] // Человек и труд. – 2003, №3. – С. 37
6. Цыганков, В.А. Механизм совершенствования условий труда на предприятиях [Текст] // Актуальные проблемы труда и социальной политики: матер. регион. науч. – практ. конф. / Отв. ред. В.Ф. Потуданская. Омск, 2007. – 0,2 / 0,1 п.л.
7. Работа в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trudvsem.ru/
8. Трудовые ресурсы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/
9. VFD.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfd.ru/calendar/details/?id=53

Информация об авторах

1. Козлова Ольга Анатольевна, д.э.н., рук.центра Института экономики УрО РАН, профессор кафедры ЭТ и УП УрГЭУ.
2. Селезенева Евгения Анатольевна, магистрант кафедры ЭТ и УП УрГЭУ

Kozlova O.A., Selezeneva E.A.

QUESTIONS OF FORMATION OF THE INSTITUTE OF DECENT WORK IN RUSSIA

The article deals with the formation of the institution of decent work in Russia. The problems of unemployment and remuneration of labor are analyzed. The comparative analysis of the dynamics of the unemployment rate in Russia and the USA is given. The issues of formation and functioning of institutes of regulation of social and labor relations in Russia and abroad are considered. The factors preventing the implementation of the concept of decent work in practice are identified.

Keywords: decent work, quality of working life, unemployment; institutes of regulation of social and labor relations.

Information about authors

1. Kozlova Olga – Doctorof Economics, Prof., Centre of Socioeconomic Dynamics Research. Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, e-mail: Olga137@mail.ru

2. Selezneva E. A., postgraduate of chair of FL and up the USUE

УДК: 331.6

Т.А. Камарова

ИССЛЕДОВАНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЗАНЯТОСТЬЮ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА КАК ОДНОГО ИХ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА НАСЕЛЕНИЯ

В статье проведено исследование распространенности нестандартной занятости экономически активного населения города Екатеринбурга по их видам, а также удовлетворенности определена эффективность нестандартных форм занятости с точки зрения удовлетворенности работающего населения указанными формами.

Ключевые слова нестандартная занятость, фриланс, дистанционная занятость, самозанятость, сверхзанятость

Современное социально-экономическое развитие характеризуется нахождением оптимальных путей реформирования общей системы для более эффективного развития рыночных связей и отношений. В настоящее время социальный фактор становится определяющим экономическое развитие страны, где главной целью развития общества выступает человек - основной носитель экономических отношений. В условиях рыночных преобразований современной России рассматривается модернизация занятости. Рассмотрим удовлетворенность занятостью как одного их социоэкономического фактора формирования качества населения.

В настоящем исследовании в качестве основного инструмента был использован массовый социологический анкетный опрос экономически активного населения Екатеринбурга, было опрошено 700 человек. Возрастной ценз по отношению к опрашиваемым: от 15 до 72 лет. Основную долю опрошенных составили граждане в возрасте: от 19 до 29 лет (39,1%); от 30- 49 лет (45,2%); 50-54лет (7,3 %). Экономически-активное население охватывает все социальные группы населения Екатеринбурга по признаку категория персонала, также представлена структура по сферам занятости респондентов.

Проведя исследование, было выявлено, что *общий уровень нестандартной занятости в регионе составил 16,7 %*. Расчет проводился по формуле:

$$Унфз_о = \frac{Чнфз}{Чз} \times 100,$$

где, $Ч_{нфз}$ – численность занятых, работающих по НФЗ по данным опроса,

$Ч_з$ – численность занятых всего.

Уровни нестандартной занятости [1, с. 14] на основе самоопределения респондентов представлены в таблице 1. Отметим, что сами респонденты не всегда точно дают оценку своего типа занятости, например, часто люди, работающие более 40 часов в неделю, отмечают, что у них стандартная занятость [2; ст.1]. По нашему мнению, подкрепленному результатами общения с респондентами, такой факт связан с логикой «работаю как все», значит это стандарт.

Таблица 1

Ранжирование структуры видов занятости по основному месту работы, %

Показатель	Екатеринбург
Стандартная (нормальная продолжительность рабочей недели и рабочего дня в соответствии с Трудовым Кодексом, рабочее место на территории организации)	82,5
Сверхзанятость (более 40 часов в неделю)	8,5
Самозанятость (предприниматель, оказываю услуги населению)	3,3
Неполная (сокращенный день или неделя)	2,9

Случайная, разовая	0,6
Удаленная (трудовой договор заключен с одной организацией, а фактическое рабочее место и руководство находятся на территории другой организации. Например, трудовой договор заключен с кадровым агентством, а фактически Вы работаете продавцом в магазине)	1,0
Другая	0,6
Фрилансер (выполнение работы для различных организаций-заказчиков, нет постоянного работодателя)	0,2
Надомная (интернет не использую)	0,2
Дистанционная (работа по интернету)	0,2

Таким образом, опрос показал, что преобладает стандартная занятости, она составила 82,5 % в среднем по области. Однако современная модель занятости резко отличается от распространенного 15-20 лет назад стереотипа «хорошей работы», сложившегося еще в советский период. Когда гражданин был защищен трудовым законодательством, имел гарантии «полной занятости» и достойный социальный пакет, при этом заработная плата могла быть невысокой, но всегда стабильной, а требования охраны труда соблюдались неукоснительно. Поясвились новые формы: дистанционный труд [3, с.22], смартстаффинг фриланс [4]. Особенно высок уровень нестандартной занятости по дополнительному месту работы (табл. 2).

Таблица 2

Ранжирование структуры видов занятости по дополнительному месту работы, %

Показатель	Екатеринбург
Стандартная (нормальная продолжительность рабочей недели и рабочего дня в соответствии с Трудовым Кодексом, рабочее место на территории организации)	25,7
Случайная, разовая	18,9
Неполная (сокращенный день или неделя)	17,5
Самозанятость (предприниматель, оказываю услуги населению)	14,9
Фрилансер (выполнение работы для различных организаций-заказчиков, нет постоянного работодателя)	9,5
Дистанционная (работа по интернету)	6,7
Надомная (интернет не использую)	2,7
Сверхзанятость (более 40 часов в неделю)	4,1
Удаленная (трудовой договор заключен с одной организацией, а фактическое рабочее место и руководство находятся на территории другой организации. Например, трудовой договор заключен с кадровым агентством, а фактически Вы работаете продавцом в магазине)	1,3
Другая	0,8

Было выявлено достаточно высокий уровень дополнительной занятости с учетом внутреннего совместительства, легитимность трудовых отношений в данном секторе рынка труда значительно ниже, уровень общей неформальной занятости составил 26,7%, а уровень неформальной занятости по найму – 15,4%.

Группировка ответов респондентов на вопрос «Укажите продолжительность рабочей недели на основной работе» позволила определить уровень малозанятости и сверхзанятости, которые составили 4% и 12,8%. Если к малозанятости отнести еще группу занятого населения, работающего по сокращенной рабочей неделе, установленной по Трудовому кодексу для соответсвующего возраста и профессии, то показатель малозанятости достигает уровня 11%.

На дополнительной работе режим труда в основном заключается в работе по нескольку дней в неделю. Продолжительность рабочей недели на дополнительной работе в основном характеризуется занятостью в размере до 10 часов в неделю, данные представлены в таблице 3. Уровень дополнительной занятости в регионе составил 10,1%. Поэтому показатель сверхзанятости будет не 12,8%, как было отмечено ранее, а выше - 22,9%.

Таблица 3

Структура продолжительности рабочей недели на дополнительной работе

Показатель	Екатеринбург

До 10 часов в неделю	54,1
От 11до 20 часов в неделю	27,9
Более 20 часов в неделю	18,0

По режиму работы на основном месте уровень нестандартной занятости составил 8,6%. Это сумма доли респондентов, ответивших положительно на вопрос: «Я сам регулирую количество рабочих дней в неделю»; «Я работаю каждый день», и «Другое (укажите количество рабочих дней)», (табл. 4). В основном респонденты отмечали, что работают по стандартной пятидневке с двумя выходными (73,0%), уровень сменной работы составил 9,9%.

Таблица 4

Структура ответов респондентов на вопрос о режиме работы по основному месту работы, %

Показатель	Екатеринбург
Стандартная пятидневка с двумя выходными	73,0
Стандартная шестидневка с одним выходным	7,2
Сменная работа. Укажите график, всего:	9,9
в том числе:	
2 дня через 2 дня	7,5
1 сутки через 3 дня	0,6
другой (укажите)	1,8
Я сам регулирую количество рабочих дней в неделю	7,8
Я работаю каждый день	1,8
Другое (укажите количество рабочих дней)	0,3

Рассмотрим оценку общего показателя степени удовлетворенности работников своей занятостью, показала, что только 55,9% работающего населения однозначно довольны своей работы (табл. 5). Если к ним приплюсовать долю граждан скорее довольных своей занятостью, то значение показателя вырастет.

Таблица 5

Средний уровень удовлетворенности занятостью от общего количества занятых респондентов, %

Показатель	Екатеринбург
Да	55,9
Скорее да, чем нет	32,6
Скорее нет, чем да	9,8
Нет	1,7

В исследовании была рассчитана оценка эффективности применения практики нестандартных форм занятости (НФЗ) по результатам опроса работодателей, где в качестве ориентира эффективности был взят уровень конфликтности, рассчитанный на основе определения доли работодателей, имеющих практику судебных споров в сфере НФЗ и уровень проблем в сфере НФЗ.

Оценка эффективности нестандартных социально-трудовых отношений на основе ответов экономически активного населения проводилась по формуле:

$$УДз = \frac{Чнфзд}{Чнфз} \times 100,$$

где, $УД_з$ - удовлетворенность занятых НФЗ, %

$Ч_{нфзд}$- численность довольных своей работой в группе занятых НФЗ, чел

$Ч_{нфз}$- численность занятых НФЗ, чел

Показатель социальной эффективности применения нестандартных социально-трудовых отношений с точки зрения работников составил 79,6 %. Наиболее низкий уровень

зафиксирован в группе неполной занятости по инициативе работодателя, 70%. Своей дополнительной занятостью довольны 80,5%.

В качестве причин неудовлетворенности занятостью чаще всего отмечают причины экономического характера, связанные с размером заработной платы 34,7% (табл. 6). Считаем, что это основной фактор наличия достаточно высокого уровня дополнительной занятости. Указать можно было несколько причин, поэтому сумма по структуре не равна 100%.

Таблица 6

Ранжирование причин неудовлетворенностью занятостью, в % от количества ответивших на вопрос 17 анкеты.

Показатель	Екатеринбург
Уровень заработной платы	20,9
Сверхзанятость	32,8
График работы	9,0
Условия труда	13,4
Отношение с руководством	10,4
Отсутствие карьерного роста	1,5
Сфера деятельности	2,9

На втором и третьем месте по распространенности причин неудовлетворенностью работой стоят: «сверхзанятость» и график работы. Отметим еще раз, что респонденты, реально работающие с высокой нагрузкой, часто указывали, что они работают стандартно. То есть трудовые договора формально стандартные, а реально нагрузка выше зафиксированной в трудовом договоре.

В среднем по области 21% от занятых граждан занимаются поиском работы 22% - в Екатеринбурге, 52% занимаются поиском основной работы, что говорит о высоком уровне неудовлетворенности трудом, 33% ищут дополнительную работу, порядка 14% хотели бы в идеале работать сами на себя. За последние полгода приработок имели 26% от занятого населения, его структура представлена в таблице 7.

Таблица 7

Ранжирование способа получения приработка, %

Способ приработка	Екатеринбург
Гонорар	15,2
Услуги по ремонту	10,7
Частный извоз	7,9
Тренинги (репетиторство, преподавание)	6,7
Маникюр	12,3
Сетевой маркетинг (мери кей, орифлейм, амвей и пр.)	5,1
Шитье	4,5
Рукоделие (бижутерия, вышивка, подарки и пр.)	5,6
Интернет (работа с сайтами, IT-услуги)	
Массаж	2,8
Другой	29,2

На вопрос об идеальной работе затруднились ответить только 2,2% респондентов, 6,8% предпочитают самостоятельно регулировать свою занятость. Оставшаяся значительная часть опрошенных в основном предпочитает работать меньше, чем полагается по стандарту (менее 40 часов в неделю). Так, работать 4 дня в неделю хотели бы 16,3%; второй по популярности ответ после стандартной продолжительности смены по 8 часов (67,2%) занимает продолжительность в размере 7 часов (14,5%). На территории работодателя предпочитает работать 90% опрошенных, однако 6% хотели бы работать дома, а 4% отметили нестандартную занятость. 17% респондентов в идеале работали бы посменно. В качестве негативного фактора отметим высокую готовность населения работать без формального заключения договоров.

Таким образом, потенциальная готовность работать по гибкому режиму труда и отдыха достаточно высока, иными словами зафиксирована высокая готовность к нестандартным социально-трудовым отношениям.

Уровень готовности к нестандартной занятости в группе работающих граждан составил следующие значения:

малозанятость – 19,3 %;

сверхзанятость – 0,5%;

работа не на территории работодателя (дома; другое) – 9,8%;

гибкий график (нестандартный режим труда и самостоятельное регулирование режима труда) – 13,4 %;

неформальная занятость – 7,8%.

Среди безработных граждан готовность работать неофициально выше, чем в группе занятых (почти 50% от опрошенных). Приработок за последние полгода имели 64% безработных граждан. В настоящее время приработок есть у 63% не имеющих основной постоянной работы граждан.

Интересный разброс ответов в группе безработных получился по вопросу «Какая бы занятость Вас устроила?», ответы представлены в таблице 9.

Таблица 9

Структура ответов безработных респондентов на вопрос «Какая бы занятость Вас устроила», %

Виды занятости	Екатеринбург
Стандартная (нормальная продолжительность рабочей недели и рабочего дня в соответствии с Трудовым Кодексом, рабочее место на территории организации)	26,6
Самозанятость (предприниматель, оказываю услуги населению)	18,8
Фрилансер (выполнение работы для различных организаций-заказчиков, нет постоянного работодателя)	9,3
Неполная (сокращенный день или неделя)	17,2
Сверхзанятость (более 40 часов в неделю)	1,6
Случайная, разовая	9,3
Удаленная (трудовой договор заключен с одной организацией, а фактическое рабочее место и руководство находятся на территории другой организации. Например, трудовой договор заключен с кадровым агентством, а фактически Вы работаете продавцом в магазине)	1,6
Надомная (интернет не использую)	3,1
Дистанционная (работа по интернету)	10,9
Другая	1,6

Отмечается достаточно высокий уровень желающих работать неполный рабочий день, 12,4%. То есть в группе безработных уровень готовности к нестандартным трудовым отношениям выше, чем в среде работающего населения. Средний портрет идеальной работы в сегменте безработных граждан весьма незначительно отличается от описанного выше портрета в группе занятого населения.

Таким образом, уровень готовности к нестандартной занятости в группе безработных граждан составила следующие значения:

малозанятость – 12,4 %;

сверхзанятость – 0,8%;

работа не на территории работодателя (дома; дистанция; удаленная) – 7,4%;

гибкий график (самозанятость, случайная, другая) – 16,8 %;

неформальная занятость – 49,5%.

Общий уровень готовности к нестандартной занятости по видам НФЗ составили: малозанятость – 18,9 %; сверхзанятость – 0,5%; работа не на территории работодателя (дома; дистанция; удаленная) – 9,7%; гибкий график (самозанятость, случайная, другая) – 13,6 %; неформальная занятость – 10,3%.

Таким образом, определены общий уровень нестандартной занятости населения и уровень распространенности нестандартных социально-трудовых отношений по их видам. Систематизированы причины неудовлетворенности занятостью, определена эффективность нестандартных форм занятости с точки зрения удовлетворенности работающего населения указанными формами. Выявлена тенденция потенциального отношения населения к участию в нестандартных социально-трудовых отношениях. На наш взгляд роль государства в сложившихся условиях должна заключаться не в препятствии развитию новых форм занятости, а в контроле за соблюдением выполнения условий трудовых договоров, заключенных сторонами по обоюдному согласию для формирование действенного механизма социально-экономических преобразований в стране.

© Камарова Т.А. Текст. 2017

Список источников

1. Гимпельсон, В. Нестандартная занятость и российский рынок труда [Текст] / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников. – М. : ГУ ВШЭ, 2005. – 36 с.
2. «О занятости населения в Российской Федерации» Закон Российской Федерации [Текст] : федер. закон от 19.04.1991 г. № 1032-1 (в ред. Федерального закона от 20.04.1996 г. № 36-ФЗ, с изм. от 02.06.2013 г., действующая с 01.092013 г.). Гл. 1
3. Что такое "фриланс", или Легко ли быть "вольным художником"? [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://planetahr.ru/publication/1794.
4. Конобевцев, Ф. Дистанционный труд как новая форма занятости [Текст] / Ф. Конобевцев // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2011. – № 9.

Информация об авторе

Камарова Татьяна Александровна, Россия, г. Екатеринбург, ст.преподаватель кафедры Экономики труда и управления персоналом, Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 62, kta@usue.ru.

Kamarova T.A.

STUDY OF SATISFACTION WITH THE EMPLOYMENT OF EMPLOYEES OF EKATERINBURG AS A SOLE SOCIOECONOMIC FACTOR OF POPULATION QUALITY FORMATION

The article studies the prevalence of precarious work of the economically active population of the city of Yekaterinburg according to their types, and also the satisfaction of the effectiveness of non-standard forms of employment in terms of satisfaction of the working population with these forms

Key words: Non-standard employment, freelancing, distance employment, self-employment, overemployment

Information about the author

Kamarova Tatiana, Russia, senior lecturer of Labour Economics and Personal Management Department, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, st. 8 marta, 62, kta@usue.ru.

УДК: 330

О.А. Кислицына

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ФАКТОР УХУДШЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

В статье представлены эмпирические доказательства негативного влияния социально-экономического неравенства на агрегированные показатели здоровья населения, а также описаны основные теории, позволяющие объяснить воздействие социально-экономической дифференциации.

Ключевые слова: неравенство, смертность, социальные проблемы, психосоциальный стресс, социальный капитал.

Тема социально-экономического неравенства актуальна для многих стран, в том числе и для стран ЕАЭС, для некоторых их которых эта проблема имеет особое значение, связанное с «наступлением с обоих флангов»: одновременно с ростом социально-экономического неравенства наблюдалась катастрофическая депопуляция. При этом население не только уменьшалось, но и становилось менее здоровым. Причем рост неравенства произошел очень резко и остается на высоком уровне.

Статистическая связь между социально-экономическим неравенством и здоровьем неоднократно выявлялась на протяжении более трех десятилетий [26], и в научной литературе интерес к этой проблеме значительно расширился с середины 1990-х годов. Сначала исследователи считали эту связь статистическим артефактом [8]. Однако, в последнее время существование этой связи считается установленным фактом, но причины ее все еще не до конца выяснены [15,31].

В данной работе будут представлены эмпирические доказательства влияния неравенства на здоровье, и основные гипотезы, позволяющие объяснить это влияние.

Неравенство и здоровье: эмпирическая связь

Мета анализ 28 исследований, включивший около 60 миллионов участников из Дании, Финляндии, Норвегии, Новой Зеландии, Швеции и США показал, что люди, проживающие в регионах с высоким уровнем неравенства, имеют повышенный риск преждевременной смерти и плохого здоровья независимо от их социально-экономического положения, возраста и пола [15].

Интернациональное панельное исследования, основанное на данных 21 развитой страны за последние 30 лет, установило связь между неравенством и смертностью для мужчин и женщин в возрасте 1-49 лет и пожилых женщин [28].

Анализ около 169 исследований (главным образом проведенных в развитых странах или в штатах и городах США) показал, что зависимость здоровья от неравенства была установлена в 70% случаев: неравное распределение доходов идет рука об руку с низкой продолжительностью жизни, высокой смертностью, в том числе и младенческой, большой долей маловесных новорожденных [30].

Кроме того, установлено, что неравенство также способствует возникновению других отклонений в состоянии здоровья (психические расстройства, ожирение) и различных социальных проблем (убийства, подростковые беременности, недоверие в обществе, количество заключенных в пенитенциарных учреждениях, низкая успеваемость) [30].

Влияние социально-экономического неравенства на здоровье населения было эмпирически доказано на примере стран с переходной экономикой, включая Россию. Например, для мужчин в возрасте 45-54 лет неравенство объясняет около 30% вариации смертности от всех причин и 22% смертности от сердечно-сосудистых заболеваний [1].

Неравенство и здоровье: теоретическая связь

Существует несколько объяснений устойчивой взаимосвязи между здоровьем и социально-экономическим неравенством [1,3,5,16,25].

Согласно *материальной гипотезе или гипотезе абсолютного дохода*, в обществах с высоким неравенством большая доля населения живет в условиях абсолютного социально-экономического недостатка, что, в свою очередь, неблагоприятно влияет на здоровье

вследствие нехватки средств для получения таких фундаментальных условий для хорошего здоровья, как питание, жилье, доступ к услугам здравоохранения и т.п. Т.е. предполагается, что на здоровье индивида оказывает бо́льшее влияние его индивидуальный доход, нежели его место в социально-экономической иерархии. Исследования в США [32], Великобритании [33] и межстрановые сравнения [7] опровергают это предположение, также, как и многие другие многоуровневые исследования, в которых изучалась связь между неравенством и здоровьем и учитывались индивидуальные характеристики, такие как доход и социально-экономический статус [15]. Это говорит о том, что мы, скорее всего, имеем дело с влиянием не абсолютной, а относительной бедности.

Согласно *нео-материальной гипотезе* (гипотезе ресурсов) неравное распределение дохода в стране приводит к неравному доступу различных слоев населения к товарам и услугам, прямо или косвенно способствующим улучшению состояния здоровья [27,10,19]. Высокое неравенство способствует более ограниченным инвестициям в такие общественные программы, как здравоохранение и образование, которые особенно важны для групп с низкими доходами. Однако исследование, проведенное в 30 странах, охватившее 35 тысяч респондентов, не нашло поддержки нео-материальной гипотезы [16]. Более важной оказалась гипотеза психосоциального воздействия.

В соответствии с *гипотезой психосоциального воздействия*, неравенство производит общественную среду, которая, в конце концов, оказывает негативное влияние на здоровье. Различают две версии гипотезы психосоциального воздействия.

Психологический аспект гипотезы психосоциального воздействия приписывает существование различий в здоровье населения прямому или косвенному эффекту стресса, вызванного тем, что индивид занимает относительно более низкую позицию в социально-экономической иерархии или живет в условиях относительного социально-экономического недостатка [20,21,29,30,31]. Исследования связи между беспокойством по поводу статуса и уровнем индивидуального дохода в странах с разным уровнем неравенства установили, что респонденты из стран с высоким неравенством сообщают о бо́льшем беспокойстве по поводу своего статуса, по сравнению с теми, кто проживает в странах с низким неравенством, не зависимо от уровня своих доходов, что оказывает негативное влияние на здоровье за счет отрицательных эмоций, таких как чувство неполноценности, стыд [17]. Таким образом, неравенство является причиной возникновения проблем со здоровьем среди тех, кто находится на нижних ступенях социальной иерархии. Однако стресс и депрессии способствуют тому, что индивид, возможно, станет виновником аварии или совершит преступление [29,31]. И, таким образом, вредное воздействие неравенства может распространиться на все население в целом.

Социальный аспект гипотезы психосоциального воздействия рассматривает разрушение социального капитала (уровень доверия и сплоченности в обществе) как дополнительный механизм, лежащий в основе отношений между неравенством дохода и здоровьем [10,12,14]. Доказано, что в неравных сообществах люди меньше доверяют друг другу, меньше участвуют в жизни общества, в таких сообществах выше уровень насилия. Негативное влияние низкого уровня социального капитала на здоровье давно установлено, в том числе и отечественными исследователями [2,4,6].

Неравенство и здоровье: что важнее материальная или психосоциальная гипотеза?

Материальная и психосоциальная гипотезы не являются взаимно исключающими, обычно невозможно отделить их эффекты друг от друга. Один из способов несколько прояснить вопрос о том, какая из них является наиболее важной – разделить материальные факторы на те, которые оказывают прямое и косвенное воздействие на здоровье. Например, рассмотреть, какое влияние на здоровье оказывает обладание товарами длительного пользования, которые условно можно разделить на «товары, определяющие основные потребности» (например, холодильник) и «товары роскоши» (например, спутниковая антенна). Маловероятно, что отсутствие или недостаток товаров роскоши могут прямо биологически воздействовать на здоровье. Эти предметы являются маркером высокого

статуса и высокого положения в социальной иерархии. Их эффекты наиболее вероятно опосредованы психологическими аспектами гипотезы психосоциального воздействия.

Подобный подход использовался в ряде исследований, проведенных, как за рубежом [9,24], так и в России [3]. Например, в Нидерландах установлено, что недостаток товаров, определяющих основные потребности, тесно связан с психической дисфункцией среди пожилых, в то время как недостаток предметов роскоши не оказывал влияние на здоровье респондентов, что подтверждает важность материальной гипотезы [9]. В Польше и Венгрии, напротив, на самооценку здоровья респондентов 18 лет и старше оказывало воздействие отсутствие товаров роскоши, в то время как влияние товаров первой необходимости утратило свою значимость при одновременном учете товаров обеих групп, что подтверждает важность психосоциальной гипотезы [24]. В России анализ был проведен отдельно для мужчин и женщин старше 18 лет [3]. Установлено, что при одновременном учете товаров обеих групп на самооценку здоровья российских мужчин оказывало негативное влияние отсутствие товаров роскоши (что говорит о важности психосоциальной гипотезы), для женщин, наоборот, выявлено негативное воздействие отсутствия или наличия только лишь одного товара первой необходимости (что говорит о важности материальной гипотезы). Однако, все же, это не означает полного исключения психосоциальной гипотезы для женщин, так как стресс, вызванный чувством стыда от отсутствия, например, холодильника, может быть даже более острым по сравнению с отсутствием DVD проигрывателя или другого предмета роскоши.

Таким образом, тот факт, что ухудшение демографических показателей и здоровья населения в значительной мере обусловлено уровнем социально-экономического расслоения, можно считать доказанным. Поэтому для преодоления негативных тенденций помимо снижения абсолютной бедности, необходимы мероприятия, способствующие снижению социально-экономического неравенства.

© Кислицына О.А. Текст. 2017

Список источников

1. Кислицына О. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. М.: РИНЦ ИСЭПН, 2005.
2. Кислицына О., Ферландер С. Влияние социальной поддержки на здоровье москвичей // Социологические исследования. – 2008. – №4. – С.81–84.
3. Кислицына О.А. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 289–302.
4. Кислицына О.А., Ферландер С. Роль социальных отношений в объяснении социально-экономических различий в состоянии здоровья россиян // Социальные аспекты здоровья населения. – 2015. – Т. 44. – № 4. – С. 4.
5. Римашевская Н.М., Кислицына О.А. Неравенство доходов и здоровья // Народонаселение. – 2004. – № 2 (24). – С. 005–017.
6. Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В. Здоровье и социальный капитал (Опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. – 2010. – №1. С. 87–100.
7. Babones S.J. Income inequality and population health: correlation and causality // Social science & medicine. – 2008. – Т. 66. – №. 7. – P. 1614–1626.
8. Gravelle H. How much of the relation between population mortality and unequal distribution of income is a statistical artefact? // BMJ. – 1998. – 316(7128). – P. 382–5.
9. Groffen D.A.I., Bosma H., van den Akker M., Kempen G.I.J.M., van Eijk J.T.M. Lack of basic and luxury goods and health–related dysfunction in older persons: Findings from the longitudinal SMILE study // BMC Public Health. – 2008. – 8. – P. 242.

10. Kaplan G. A., Pamuk E. R., Lynch J. W., Cohen R. D., Balfour J. L. Inequality in income and mortality in the United States: analysis of mortality and potential pathways // British Medical Journal. – 1996. – 312. – P. 999–1003.

11. Kawachi I., Kennedy B.P. Income inequality and health: Pathways and mechanism // Health Services Research. – 1999. – №34 (1). P. 215–227.

12. Kawachi I., Berkman L. (2000). Social cohesion, social capital and health. / In Berkman L.F., Kawachi I. (Eds.) Social epidemiology. – New York: Oxford University Press, 2000.

13. Kawachi, I., Kennedy, B.P., Lochner, K., Prothrow–Stith, D., 1997. Social capital, income inequality, and mortality // Am. J. Public Health. – 1997. – 87. P. 1491–1498.

14. Kennedy B. P., Kawachi I., Prothrow-Stith D. (1996). Income distribution and mortality: cross sectional ecological study of the Robin Hood index in the United States // British Medical Journal. – 1996. – 312. – P. 1004–1007.

15. Kondo N., Sembajwe G., Kawachi I., van Dam R. M., Subramanian S. V., Yamagata Z. Income inequality, mortality and self–rated health: meta–analysis of multilevel studies // British Medical Journal. – 2009. – 339. – P.4471

16. Layte R. The Association Between Income Inequality and Mental Health: Testing Status Anxiety, Social Capital, and Neo-Materialist Explanations // European Sociological Review. – 2012. – 28 (4). – P. 498–511.

17. Layte R., Whelan C.T. Who Feels Inferior? A Test of the Status Anxiety Hypothesis of Social Inequalities in Health // European Sociological Review. – 2014. – 30 (4). – P. 525–535.

18. Lynch J.W., Smith G.D., Kaplan G.A., House J.S. Income inequality and mortality: Importance to health of individual income, psychosocial environment, or material conditions // British Medical Journal. – 2000. – 3№20. – P. 1200–1204.

19. Lynch J.W., Smith G.D., Hillemeier M.M., Kaplan G.A. Income inequality, the psychosocial environment, and health: comparisons of wealthy nations // The Lancet. – 2001. – 358. – P. 194–200.

20. Marmot M. Status Syndrome: How Your Social Standing Directly Effects Your Health. London: Bloomsbury, 2004.

21. Marmot M.G., Wilkinson R.G. Social Determinants of Health. Oxford: Oxford University Press, 2006.

22. McIsaac S.J., Wilkinson R.G. Income distribution and cause–specific mortality // European Journal of Public Health. – 1997. – 7. – P. 45–53.

23. McPherson M., Smith–Lovi L., Cook J.M. Birds of a Feather: Homophily in social networks // Annual Review of Sociology. – 2001. – №27. P. 415–444.

24. Pikhart H., Bobak M., Rose R., Marmot M. Household item ownership and self–rated health: material and psychosocial explanations // BMC Public Health. – 2003. – 3. P. 38.

25. Pickett K.E., Wilkinson R.G. Income inequality and health: A causal review // Social Science & Medicine. – 2015. – Volume 128. – P. 316–326.

26. Rodgers G. B. (1979). Income and inequality as determinants of mortality: an international crosssection analysis // Population Studies. – 1979. – 33. – P. 343–351.

27. Smith D. G., Egger M. Commentary: understanding it all – health, meta–theories and mortality trends // British Medical Journal. – 1996. – 313(7072). – P. 1584–1585.

28. Torre R., Myrskyla M., 2014. Income inequality and population health: an analysis of panel data for 21 developed countries, 1975–2006 // Popul. Stud. – 2014. – 68. – P.1–13.

29. Wilkinson R.G. Unhealthy Societies: The Afflictions of Inequality. London: Routledge, 1996.

30. Wilkinson R.G., Pickett K.E. Income inequality and population health: A review and explanation of the evidence//Social Science & Medicine. – 2006. – 62(7). – P. 1768–1784.

31. Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. London: Penguin, 2009.

32. Wolfson M., Kaplan G., Lynch J., Ross N., Backlund E., 1999. Relation between income inequality and mortality: empirical demonstration // BMJ. – 1999. – 319. – P. 953–955.

33. Wood A.M., Boyce C.J., Moore S.C., Brown G.D., 2012. An evolutionary based social rank explanation of why low income predicts mental distress: a 17 year cohort study of 30,000 people // J. Affect. Disord. – 2012. – 136. – P.882–888.

Информация об авторе

Кислицына Ольга Анатольевна (Российская Федерация, Москва) – д.э.н., зав. Сектором проблем измерения качества жизни, Институт экономики РАН (117218, Москва, Нахимовский проспект 32, e-mail olga.kislitsyna@gmail.com).

Kislitsyna O.A.

SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY AS A FACTOR OF POPULATION HEALTH DECLINE

The article presents empirical evidence of the negative impact of socio-economic inequality on the aggregated population health indicators and the emergence of social problems, as well as basic theories that explain this association.

Key words: inequality, mortality, social problems, psychosocial stress, social capital.

Information about the author

Kislitsyna Olga Anatolievna (Russian Federation, Moscow) - doctor of economic sciences, head of the Sector of the problems of quality of life measuring, Institute of Economics of Russian Academy of Sciences (117218, Moscow, Nakhimovsky Prospekt 32, e-mail olga.kislitsyna@gmail.com).

УДК: 316

М.А. Ковзиридзе

РОЛЬ УРБАНИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МОТИВАЦИОННЫХ КОМПОНЕНТ ЛИЧНОСТИ

В статье вопрос урбанизации рассматривается в связи с его личностными аспектами. Автором рассматривается роль урбанизации в формировании профессиональных мотивационных компонент личности. Рассматривается влияние трансформации современного российского общества и роста городов на изменение социальных интересов, ценностей и стандартов поведения молодежи.

Ключевые слова: урбанизация, профессиональные компоненты, мотивация, профессиональная деятельность, рыночная экономика.

Понятие «урбанизация» чаще используется с целью описания экологических проблем современности: сток промышленных и коммунальных отходов, выброс газа, увеличение количества автомобилей и, как следствие, рост автомобильных пробок и др. Можно говорить о том, что мегаполисы есть своего рода протест против личностной природы человека. Преодолеть его можно только в рамках новой структуры социальных отношений и ценностей.

Отметим, что город, будучи совокупностью средовых факторов социализации, всегда противоречив по своей сути. В данной статье хотелось бы коснуться вопроса урбанизации в связи с его личностными аспектами [2,с.112-113]. Условия жизни в крупных городах, их дальнейший и безоговорочный рост, во многих смыслах противоречит генетической природе

человека. Эволюционно люди существовали или большими семьями, либо сообществами, взаимосвязи и отношения были гораздо более теснее. Это стало основой психологического единения и основой потребности во взаимопомощи человеческого рода.

Сейчас, когда человечество вступило в XXI век, многие города-миллионеры становятся мегаполисами. К сожалению, данный аспект волнует общественность больше с точки зрения определенных экономических выгод: так проще организовывать производство, торговлю, создавать научные и образовательные комплексы. Однако урбанизация, по мнению автора, представляет собой определенный социальный феномен, оказывающий на человеческую личность нагрузку. Урбанизация как явление ведет к «контакту масок»,обезличиванию, с одной стороны, и с другой стороны, стремлению быть «как все»: порождает некие общие ценности, стремления, стереотипы.

Безусловно, эта мысль не нова и можно много рассуждать о различных социально-психологических феноменах урбанизации. Автору представляется интересным рассмотреть роль урбанизации в формировании профессиональных мотивационных компонент личности.

Мотивация профессиональной деятельности как феномен представляет собой социально-историческую категорию, формирующуюся в процессе общественного разделения труда, и специфический компонент в механизме распределения и перераспределения трудовых ресурсов в различных сферах общественного производства.

В современных условиях социально-профессиональная структура общества во многом определяет рамки свободы выбора профессии. На формирование мотивации профессиональной деятельности студенческой молодежи влияют также региональные особенности социально-профессиональной структуры, отраслевая специализация региона.

Следствием процессов трансформации современного российского общества, ростом городов и изменением их структуры является изменение социальных интересов, ценностей и стандартов поведения молодежи. Изменения направлены в сторону ориентации на рыночные нормы и принципы организации деятельности в соответствии с действием социально-экономических механизмов и законов рынка. Под рыночными стандартами поведения понимается совокупность норм и предписаний, регулирующих поведение индивидов как субъектов экономической жизни общества, реализующих свои частные интересы и потребности в форме обмена деятельностью, товарами и ресурсами.

Профессиональные предпочтения студенческой молодежи формируются под влиянием различных факторов: с одной стороны, субъективных, сводящихся к специфике профессиональной направленности человека (содержание потребностной сферы, специфика жизненных планов и устремлений, индивидуальные склонности), а с другой, объективных, определяющихся внешними условиями формирования молодежи как макрогруппы. Под влиянием данных факторов происходит процесс социально-профессионального становления и самоопределения[1, с.153-154].

Субъективные представления и ожидания могут соответствовать объективной ситуации общественного развития (в т.ч. наличия рабочих мест и вакансий), а могут вступать с ней в противоречие. При этом мотивация профессиональной деятельности индивида может выражать осознанные способности, а может быть следствием завышенного уровня притязаний, не отражающего его ценностно-смысловую сферу. Характер социальных отношений, уровень развития производства, демографическая ситуация, принадлежность молодого человека к той или иной социальной группе обуславливают реализацию субъективных профессиональных склонностей, превращая их в реальный выбор.

Особая роль в этом взаимодействии, по нашему мнению, принадлежит факторам как движущим силам данного процесса, определяющим его характер или отдельные его черты.

Предпосылки вовлечения молодежи в процесс профессионального выбора мы определяем как те возможности, которые были созданы в общественной сфере в результате коренных преобразований всей системы социально-экономических отношений. По нашему мнению, их можно условно подразделить на две группы:

- первая группа (макрофакторы) заключает в себе предпосылки, определяющиеся спецификой социально-экономического строя, особенностями изменения экономики в современных условиях;

- вторая группа (микрофакторы) обусловлена широким развитием инновационных технологий, компьютеризацией производства и управления и, как следствие, усложнением всех видов деятельности.

К макрофакторам мы предлагаем отнести противоречия между: необходимостью реформы системы образования и возможностями государства обеспечить ее необходимыми средствами; ценностями общества в целом и молодежи в частности; требованиями нового производства и невостребованным потенциалом студенческой молодежи; потребностями молодежи в повышении своего благосостояния, обусловленные требованиями современной жизни, и возможностями общества удовлетворить эти потребности.

Остановимся подробнее на макрофакторах, которые оказывают влияние на формирование профессионального выбора и мотивации профессиональной деятельности молодежи.

Материальное положение молодых россиян мало зависит от результатов труда, уровня образования и квалификации. Размер дохода определяется формами собственности, когда, например, рядовые банковские служащие получают в десятки раз больше, чем высококвалифицированные инженеры на госпредприятиях или ученые. В силу указанного обстоятельства, многие молодые люди предпочитают числиться на государственных предприятиях, не обременяя себя работой, а зарабатывать на стороне. Подобное явление свидетельствует о том, что реальная трудовая деятельность молодежи в госсекторе не обеспечивается соответствующими целями.

Следствием процесса урбанизации можно считать изменения условий вступления молодежи в трудовую жизнь. Это хорошо видно из перечисления принципиальных положений, которые свойственны рыночной экономике, характеру ее социально-трудовых отношений. К специфическим особенностям рыночной экономики следует отнести: 1) конкуренцию на рынке рабочей силы, где спрос на способности работника и его услуги определяется конъюнктурой рынка, а вопрос о выборе профессии решается в конкретной ситуации на рынке труда; 2) наличие постоянного излишка рабочей силы, порождающего безработицу; 3) личную ответственность человека в обеспечении себя работой; 4) решение о размерах вознаграждения за труд принимается исключительно работодателем (за исключением бюджетных организаций); 5) социальные гарантии на жилье, медицинское обслуживание и пенсии зависят от успехов в экономической деятельности и размера заработной платы (помимо государственного минимума); 6) невозможность прогнозирования спроса на профессии; 7) неопределенность профессионального будущего: невозможность планирования жизни на отдаленную перспективу, необходимость психологической готовности к возможному изменению профессии, специальности, к постоянному доучиванию.

Традиционными рыночными нормами поведения являются такие социально закрепленные стандарты поведения, как плюрализм идеологических ценностей, ценность собственности и имущественного положения, приоритет индивидуальных интересов, эгоизм, диверсифицированность социальных ожиданий и ролей и т.д. Иными словами, нормы экономического поведения предполагают признание в качестве стандартов таких ценностей, как индивидуализм, готовность к конкуренции, расчетливый прагматизм. При этом формирование рыночных стандартов поведения студенческой молодежи в современных мегаполисах характеризуется рядом противоречий. Так, ярко выражен конфликт между профессиональными ролями и образовательным статусом, выражающийся в резком ослаблении связи между специальностью выпускника, полученной им в вузе, и его дальнейшей карьерой.

Вторая группа (микрофакторы) обусловлена широким развитием инновационных технологий, компьютеризацией производства и управления и, как следствие, – усложнением

всех видов деятельности, а также преломлением влияния макрофакторов через различные социальные институты (семья, школа, вуз).

Анализируя влияние семьи на формирование профессионального выбора, важно учитывать ее особенности: тип, уровень дохода, проживание в городской или сельской местности. Влияние семьи на профессиональное становление молодежи в различных типах семей неодинаково. Например, влияние семьи на профессиональный выбор в сельской местности значительно выше, чем в городской, в силу того, что на селе более действенны морально-этические нормы взаимодействия (обычаи, традиции, характер семейных отношений и т.д.).

Важно указать, что именно через призму социальных стереотипов как части индивидуального и массового сознания происходит восприятие молодежью содержания и характера профессиональных отношений в обществе. Поэтому молодежь стремиться получить собственный социально-профессиональный опыт, более соответствующий современной экономической ситуации. При этом родительский опыт не всегда является для современной молодежи эталоном.

Необходимо уделить внимание развитию города именно через призму социально-личностных отношений. В нашей стране существует опыт комплексного решения экономических и социальных задач именно на уровне города. Но важно понимать, что условия существования многих городов очень отличаются друг от друга. Это является результатом самостоятельного внутреннего развития самого города, отсутствия необходимой нормативной базы.

Например, если внимание городских властей сосредоточить на развитии инфраструктуры и освободить их от некоторых нехарактерных функций, это позволит отойти в сторону от решения производственных задач. Но это потребует реформирования правового положения мегаполиса в целом, но, в свою очередь, создаст благоприятные условия для более гармоничного развития современно мегаполиса и для улучшения социального самочувствия людей.

Человек = природно-био-психо-социо-культурно-духовное существо. При этом его личностная составляющая является неразрывным образом связанной с социо-культурно-духовными компонентами среды. Но эта связь не является исключительно адаптационной и однонаправленной от социума к человеку. Человек не обречён на роль стопроцентной копии среды. Он в той или иной мере сам является субъектом, а не только объектом воздействия со стороны внешних условий и факторов среды. Это обстоятельство касается всех уровней и сфер социума, в том числе и городского.

Таким образом, понимая человека как единство его природно-био-психо-социо-культурно-духовного существа, важно отметить, что его личностная составляющая неразрывным образом связана с социально–культурными элементами среды. Но эта связь не является однонаправленной от социума к человеку. Человек никоим образом не обязан становится копией города. Человек всегда есть субъект, т.е.активный преобразователь среды и социума, агент вторичной социализации.

© Ковзиридзе М.А. Текст. 2017

Список источников:

1. Ковзиридзе М.А Деформация системы ценностных ориентаций и прфессиональной мотивации в современной России Материалы 3-й Международной научно-практической конференции.. 2014. С. 153-155.
2. Сазонова А.Л. Протестный потенциал московской молодёжи в контексте социальной политики Правительства Москвы. Материалы Афанасьевских чтений. 2014. № 1. С. 112-118.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985. С. 736; Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М., 1997. - С. 756.

4. Чередниченко Г.А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологических исследований). – СПб.: РХГИ, 2004. - С. 23-25.

Информация об авторе

Ковзиридзе Манана Акакиевна, Россия, Москва, кандидат социологических наук, доцент, Московский государственный университет путей сообщения императора Николая II (127994, г. Москва, ул Образцова, д 9, стр. 9; www.gi@miit.ru.).

Kovziridze MA

THE ROLE OF URBANIZATION IN FORMING PROFESSIONAL MOTIVATION COMPONENTS OF THE PERSON

In the article the issue of urbanization is considered in connection with his personal aspects. The author examines the role of urbanization in the formation of professional motivational components of the individual. The influence of the transformation of modern Russian society and the growth of cities on changing social interests, values and standards of behavior of young people is considered.

Key words: urbanization, professional components, motivation, professional activity, market economy.

Information about the author

Kovziridze Manana Akakievna, Russia, Moscow, Candidate of Sociology, Associate Professor, Moscow State University of Communications, Emperor Nicholas II (127994, Moscow, 9 Obraztsova Str., Www.gi@miit.ru).

УДК 364.42/.44

С.В. Королев

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКИХ ПОСОБИЙ В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ)

В материалах статьи анализируются проблемы государственной поддержки семьи на примере выплаты детских пособий в Удмуртии в 90-е годы. На основе архивных и отчетных документов приведены статистические данные многомесячных неплатежей, анализ деятельности региональных органов власти по выходу из кризисной ситуации.

Ключевые слова: поддержка семьи, детские пособия, Удмуртия, проблемы.

Состояние российской семьи в значительной степени определялось общей социально-экономической ситуацией, которая сложилась в стране в 90-е годы XX столетия. Радикальные рыночные реформы привели к разрушению производственного и научно технического потенциала, распаду хозяйственных связей, что привело за несколько лет к беспрецедентному в истории сокращению производства – более чем в 2 раза.

В Удмуртской Республике ситуацию усугубляла сверхвысокая милитаризация промышленного производства. Оборонные предприятия в течение долгого времени обеспечивали около 80% поступлений в республиканский бюджет, занятость большей части городского населения, осуществляли жилищное строительство и содержание социальной сферы. В результате сокращения государственного оборонного заказа в 1995 г. объем промышленного производства составил всего 44% к уровню 1990 г. [14, с. 182].

В условиях экономического кризиса выплата детских пособий семье являлась серьезной проверкой государства на предмет взятых на себя социальных обязательств. Выплата единого ежемесячного пособия на детей производилась на основании Указа Президента РФ №2122 «О совершенствовании системы государственных социальных пособий компенсационных выплат семьям, имеющим детей и повышение их размеров» от 10 декабря 1993 г. и Федерального закона №81 «О государственных пособиях гражданам, имеющих детей» от 19 мая 1995 г.

По состоянию на 1 января 1997 года в Удмуртской Республике проживало 435 194 тыс. детей, получающих ежемесячное государственное пособие, из них 71494 детей из особо незащищенных семей, получали пособия через органы социальной защиты населения: дети одиноких матерей – 26 470; разыскиваемых родителей – 343; жен военнослужащих срочной службы – 61; на детей инвалидов – 44 620 [2, с .49].

Анализ исполнения федерального закона свидетельствует, что финансирование указанных выплат осуществлялось со значительными задержками и в неполном объеме. Отчасти этому способствовали федеральные власти, так как сумма трансфертов, получаемая из федерального бюджета, была всегда меньше запрашиваемой республикой на эти цели, поэтому региональные власти направляли финансовую помощь из центра по своему усмотрению. Это мешало обеспечить целенаправленность и эффективность использования выделяемых средств.

Так, на основании отчетных данных Министерства финансов УР, за 1994 г. получено трансфертов из федерального бюджета 38,6 млрд. руб., на выплату пособий на детей направлено средств в сумме 32,2 млрд. руб., (83%), в 1995 г. получено 217,9 млрд. руб., направлено 98,3 млрд. руб., (45%), в 1996 г., соответственно, 346,7млрд. руб., и 209,4 млрд. (60%). (табл. 8).

Таблица 1

Трансферты полученные Удмуртской Республикой из федерального бюджета. (в млн. руб.) [13, с .17].

наименование	1994 г.		1995 г.		1996 г.	
	по плану	по отчету	по плану	по отчету	по плану	по отчету
трансферты	139,2	38,6	354,6	217,9	522,1	346,7
в т.ч. доля пособий	73,7	32,2	98,8	98,3	202,5	209,4
в %	53	83	28	45	39	60

В результате, на 1 января 1996 г. долг по пособиям за 1994-1995 годы составил 105,4 млрд. руб., в том числе: в 1994 г. – 15,1 млрд. руб., в 1995 г. – 90,3 млрд. руб.[15, с.2-7].Особенно тяжелое положение сложилось на крупных промышленных предприятиях республики с многотысячными коллективами, таких как АО «Ижмаш», ГП «Ижевский механический завод», АО «Ижсталь», они еще недавно выплачивали детские пособия своим трудовым коллективам без каких либо затруднений, но в условиях экономического кризиса лишились этой возможности [6, с.38-39].

Пик кризиса неплатежей пришелся на 1996-1997 гг. Председатель профкома ГП «Ижевский механический завод» В.М. Кушко в информационной справке от 8 октября 1997 отмечал, «что пособия на детей в коллективе не получают 5840 человек, а общая сумма задолженности к октябрю 1997 года составила 7,952 млрд. рублей» [14, с.17]. Несмотря на тяжесть положения (на некоторых предприятиях даже заработная плата выплачивается по решению суда) Правительство УР настаивало, чтобы предприятия выплачивали долг по детским пособиям за 1996 год за счет собственных средств. В ответ в органы государственной власти республики поступало большое количество жалоб от трудовых коллективов, общественных организаций, граждан.

Нужно отметить, что сложившаяся ситуация с задержками выплаты ежемесячных детских пособий была характерна не только для Удмуртской Республики, но и для других

регионов страны. Руководители администраций субъектов Федераций основными причинами такого положения называли трудности в исполнении доходной части бюджетов всех уровней, недостаточное поступление средств из федерального бюджета. Распространенным являлось мнение, что положение с выплатой пособий резко ухудшилось в связи с ростом величины пособий из-за неоднократного увеличения минимальной оплаты труда.

В Удмуртской Республике вопрос выплаты детских пособий и пути решения проблемы активно обсуждались на всех уровнях власти. В течение 1996 года депутатами Государственного Совета УР принят ряд решений, которые ставили Правительство УР в жесткие рамки исполнения обязательств. Постановлением Государственного Совета УР №230 «О мерах по погашению задолженности бюджета за 1994-1995 гг. по выплате пособий гражданам имеющих детей», долг по пособиям признавался государственным долгом [6, с.38-39]. Постановлением Государственного Совета УР №350 от 27 декабря 1996 г. погашение внутреннего долга по выплате пособий включено в перечень защищенных текущих расходов бюджета республики, что предусматривало финансирование в полном объеме.

Руководство республики неоднократно обращалось в федеральные органы власти с просьбами о выделении средств для погашения задолженности по пособиям и проведения перерасчетов исходной базы трансферта. Однако, механизм выделения средств целевым назначением не был определен, и возмещение долга не было осуществлено. Правительство УР вынуждено было изыскивать другие источники финансирования и механизмы выплаты пособий.

Постановлением Правительства УР №31 от 9 июня 1995 г. администрациям городов и районов, не имеющим возможности выплачивать пособия в полном объеме, рекомендовалось временно производить выплату по заявительному принципу, в зависимости от доходов семьи. И хотя эта мера была временной, она вызвала бурную реакцию со стороны общественности [1] и была отменена в ноябре этого же года.

Вместе с тем, учитывая необходимость принятия неотложных мер по погашению долга, принято постановление Правительства УР от 5 сентября 1996 г. №676 о погашении задолженности по выплате пособий гражданам, имеющих детей, товарами детского ассортимента, школьно-письменными принадлежностями, продуктами питания. В целях погашения республиканского долга за 1995 г. семьям с детьми, получающим пособия по линии Министерства социальной защиты населения, была произведена компенсация на сумму 15,0 млрд. руб. натуральными продуктами, 48498 семей получили муку и масло [7]. По причине отсутствия «живых денег» Министерство финансов разрабатывает разнообразные цепочки движения безбумажных векселей, которые служили гарантией оплаты в операциях между различными организациями, это отнимало много времени, но было одним из механизмов частичного решения проблемы.

В письме Председателю Комитета по делам женщин, семьи и молодежи Государственной Думы Федерального собрания РФ А.В.Апариной Заместитель Председателя Государственного Совета УР А.Г. Красильников, отмечал, «что существующий в 1996-1997 гг. на федеральном уровне порядок финансирования ежемесячных детских пособий в общей сумме трансфертов не позволяет осуществлять контроль за использованием средств в регионах, необходимо целевое выделение детских пособий отдельной защищенной строкой в бюджетах всех уровней, т.е. законодательное закрепление централизации этих выплат» [13, с.26].

В соответствии с постановлением Правительства РФ №1089 «Об изменении порядка назначения и выплат ежемесячного пособия на ребенка» от 28 августа 1997 г., функции назначения и выплат пособий в Удмуртской Республике начали передаваться в органы социальной защиты населения. По состоянию на 1 сентября 1997 г. отделами социальной защиты тринадцати территорий принято на обслуживание дополнительно 63033 детей, на 1 мая 1998 года приняты личные дела получателей пособий от предприятий, учреждений и организаций, создана единая база получателей пособий в 26 районах республики. Это

позволило обеспечить единое методическое руководство по применению законодательства о пособиях, исключить двойные назначения пособий, обеспечить четкое планирование и строгий контроль за расходованием средств. Однако кардинально улучшить ситуацию не удалось. По состоянию на 1 сентября 1997 г. общая сумма задолженности Правительства УР территориям по детским пособиям составила – 280 879 млн. руб., а фактическая задолженность получателям в районах и городах республики– 315 132 млн. руб. [3]. И это несмотря на то, что общее количество детей (вследствие демографического кризиса) получающих ежемесячные пособия в республике снизилась за три года с 1994 г. по 1997 г. на 38581 человек [4, с.40].

На всех средств не хватало, поэтому в 1998 году было принято решение установить очередность на выплату государственных ежемесячных пособий на ребенка [8]. С этой целью все семьи с детьми были поделены на три категории: граждане, среднедушевой совокупный доход на каждого члена семьи которых ниже прожиточного минимума; граждане, среднедушевой совокупный доход на каждого члена семьи которых составляет от одного до полутора размеров прожиточного минимума; граждане, среднедушевой совокупный доход на каждого члена семьи которых составляет более полутора размеров прожиточного минимума.

К первой категории семей относились самые нуждающиеся, поэтому выплаты им осуществлялись в первую очередь. Пособия выделялись из республиканского бюджета и лишь в 4-х не дотационных районах республики (Воткинский, Каракулинский, Игринский, Як-Бодьинский) детские пособия выплачивались за счет средств районных бюджетов [5, с. 46]. Несмотря на то, что Правительство УР стремилось гасить задолженность, в 1999-2000 году кардинально решить проблему выплаты детских пособий так и не удалось. Экономический кризис, дефолт, борьба за власть в стране и республике этому также не способствовали.

В начале нового столетия государством выделены значительные средства на погашения долгов по детским пособиям. В 2001 г. через органы федерального казначейства в республику поступили денежные средства на выплату ежемесячных пособий в сумме 328,4 млн.рублей, из республиканского бюджета в 2001 г. направлено 178,2 млн. рублей. За счет поступивших средств погашена задолженность по пособиям за 1997-1998 гг., 2000 г. и за период с 1 января по 31 марта 1999 г. [9, с.10].

Выплата текущих пособий в 2002-2003 гг. производилась своевременно, без образования задолженности. По состоянию на 1 января 2004 года задолженность по выплате пособий за 1999 год сократилась почти в 6 раз и составила 16,8 млн. руб. [10, с.13]. Значительную часть средств на погашение задолженности по детским ежемесячным пособиям составляют субвенции из РФ, однако данные отчетов свидетельствуют, что с каждым годом сумма выделенных средств из республиканского бюджета увеличивается (табл.9.)

Таблица 2

Сумма выделенных средств на ежемесячные детские пособия из республиканского и федерального бюджета. (в тысячах рублей.) [11, с.18-23].

Год	2001	2002	2003	2004	2005
Всего:	527 679	372 950	341 171	258 673	241 635
из них субвенции	328 433	302 277	291 171	255 704	11 млн. 657,7

С 1 января 2005 г. выплата детских пособий отнесена к полномочиям субъектов Российской Федерации, в результате, размер пособия зависит от возможностей региональных бюджетов [12, с.72]. А это значит, что возможности по увеличению детского пособия ограничены. Вместе с тем, очевидно, что установленные в республике размеры пособий по уходу за ребенком до 2005 г. 70 рублей, с 2006 г. 100 руб., не отвечали потребностям семьи в содержании и развитии ребенка.

Таким образом, социальные гарантии в области прав материнства и детства в Удмуртской Республике в 1990-е г. значительно снизились: многомесячная задолженность по детским пособиям достигала огромных размеров. Во многом этому способствовали федеральные власти, так как сумма трансфертов, получаемая из федерального бюджета, была всегда меньше запрашиваемой республикой на эти цели, поэтому региональные власти направляли финансовую помощь из центра по своему усмотрению. Это мешало обеспечить целенаправленность и эффективность использования выделяемых средств. В 2005 году выплата детских пособий отнесена к полномочиям субъектов Российской Федерации, в результате, размер пособия во многом зависит от возможностей региональных бюджетов.

© Королев С.В. Текст. 2017

Список источников

1. Гладыш Н. Еще раз о детских пособиях // АИФ в Удмуртии. 1995. 4 августа.

2. Информационно-аналитический материал по проблемам положения детей, обеспечения их прав и интересов в Удмуртской Республике // Архив Администрации Президента и Правительства УР, оп. 3, д. 1060.

3. Информация о ходе выполнения Постановления Правительства УР от 02 февраля 1998 г., № 68 «Об изменении порядка назначения и выплаты ежемесячного пособия на ребенка» // Текущий архив Гос. Совета УР.

4. Информационно-методический сборник: № 20 / Гос. Совет УР. – 1999.

5. Информационно-методический сборник: № 20 / Гос. Совет УР. – 1999.

6. О мерах по погашению задолженности бюджета за 1994–95 гг. по выплате пособий гражданам имеющих детей : постановление от 28.05.96 г., № 230 / Гос. Совет УР // Архив Верхов. Совета УР, ф. Р-620, оп. 1, д. 2379.

7. О выделении продукции АО «Сактон» работникам ГП «Ижевский механический завод : постановление от 8 июля 1996 г., № 528-Р / Правительство УР // Текущий архив Гос. Совета УР; О проведении взаимозачета между республиканским и городским бюджетами и ОАО «Ижмаш» по погашению задолженности по пособиям гражданам, имеющим детей» за период с мая по август 1996 г. [Электронный ресурс] : постановление от 23 дек. 1996 г., № 1021 / Правительство УР // СПС «Гарант».

8. О выплате государственных ежемесячных пособий на ребенка в 1998 году [Электронный ресурс] : постановление от 30 апр. 1998 г., № 326 / Правительство УР // СПС «Гарант».

9. О положении детей в УР в 2001 г. : гос. докл. – Ижевск, 2002.

10. О положении детей в УР в 2003 г. : гос. докл. – Ижевск, 2004.

11. О положении детей в УР в 2005 г. : гос. докл. – Ижевск, 2006.

12. Ростовская Т. Социальные технологии государственной поддержки молодой семьи // Безопасность Евразии. – 2005. – № 3 : Июль-сентябрь.

13. Текущий архив Гос. Совета УР, оп. 1, д. 2401.

14. ЦГА УР, ф. Р-551, оп. 2, д. 6752.

15. ЦГА УР, ф. Р-551, оп. 2, д. 6720.

Информация об авторе

Королев Сергей Владимирович (Россия, Ижевск) – кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (426034 г. Ижевск, ул. Университетская, 1 e-mail:korolevudgu@yandex.ru)

Korolev S.V.

PROBLEMS OF THE STATE SUPPORT OF THE FAMILY AT THE 90th YEARS OF XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF CHILD ALLOWANCES OF THE UDMURT REPUBLIC)

The materials of the article analyze the problems of state support for the family on the example of payment of child allowances in Udmurtia in the 90s. On the basis of archival and reporting documents statistical data of multi-monthly non-payments, analysis of the activities of regional authorities on the way out of the crisis situation are given.

Key words: Family support, child allowances, Udmurtia, problems.

Information about the author

Korolev Sergey Vladimirovich – Ph.D., Associate Professor Udmurt State University, Institute of Social Communications (Izhevsk, Russia)

УДК: 314

А.И. Кузьмин, Т.В. Ломовцева

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМИРОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ПО РАСШИРЕНИЮ ИХ УЧАСТИЯ В МОНИТОРИНГЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье описаны варианты влияния органов местного самоуправления на качество жизни населения. Исследованы отчеты Губернатора Свердловской области. Предложены методы информирования граждан о мониторингах исследования качества жизни населения в рамках муниципалитетов.

Ключевые слова: качество жизни, население, самоуправление, программа

Качество жизни – это системное понятие, определяемое единством его компонентов, характеристик самого человека как биологического и духовного существа, условий и факторов его жизнедеятельности, характеристики, отражающие отношение субъекта к реалиям его жизни.

В соответствии с законодательством местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение вопросов местного значения**.** К числу вопросов местного значения, эффективное решение которых может оказывать наибольшее влияние на качество жизни населения в городском округе, представляется возможным отнести уровень образования и качество жилья. Так, например, из девяти полномочий, которые должны выполнять органы местного самоуправления городского округа согласно Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», более 3 полномочий имеют прямое отношение к воздействию на качество жизни местного сообщества.

Проблема повышения качества жизни населения носит комплексный, межведомственный характер и не может быть решена в пределах одного года, поэтому целесообразно использовать программно-целевой метод решения поставленных задач.

Программно-целевой подход к повышению качества жизни населения предполагает учет полноты и качества услуг, предоставляемых гражданам региональными и муниципальными службами, выбор индикаторов качества жизни, зависящих от непосредственной деятельности органов государственной власти и муниципального управления, направленной на удовлетворение жизненных потребностей населения, оценку эффективности «обратной связи» общества и государства.

Наличие действующих программ, направленных на повышение качества жизни населения делает актуальным регулярную оценку качества жизни населения и роль муниципальных органов управления в повышении качества жизни населения. Предполагает систему периодического сбора, обобщения и анализа информации об условиях жизнеобеспечения жителей Свердловской области, их социального самочувствия, о по-

требностях, ценностях, отношениях к складывающейся ситуации в их природном и социальном окружении и обязательное представление перерабатываемых данных для принятия решений на государственном, региональном и муниципальном уровнях. Регулярное проведение анализа качества жизни населения предоставление информации в органы местного самоуправления о результатах эффективности проводимых программ может обеспечить своевременное выявление причин социальной напряженности местных сообществ в муниципальных образованиях и, соответственно, принимать эффективные решения по стабилизации социально-экономической ситуации.

Одним из инструментов выявления и своевременного реагирования на проблемы, возникающие в процессе управления муниципальным образованиями, является система социально-экономического мониторинга, способная постоянно отслеживать меняющиеся с течением времени потребности населения условия, определять точки наибольшего социального напряжения и проводить программу действий, наиболее мягко преодолевающих имеющиеся в социальной сфере, того или иного муниципального образования, негативные явления.

Главной целью мониторинга качества жизни является сбор, изучение и подготовка информации для анализа и оперативного принятия управленческих решений на различных уровнях социального управления. Это обусловливает целевую направленность изучения качества жизни населения в условиях протекающих социально- экономических процессов и соблюдение максимальной объективности при формировании выводов на каждой стадии переработки данных.

В настоящее время результаты воздействия органов местного самоуправления на качество жизни местного сообщества отчасти может оцениваться на основе анализа ряда показателей, мониторинг которых осуществляется в соответствии с Указом Президента РФ от 28.04.2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»[1] и принимаемыми в соответствии с данным указом иными нормативными актами.

Значения показателей оценки населением эффективности деятельности органов местного самоуправления определяются на основе данных независимых опросов населения. Оцениваются такие показатели как Удовлетворенность населения организацией транспортного обслуживания в муниципальном образовании, удовлетворенность населения качеством автомобильных дорог и удовлетворенность населения жилищно-коммунальными услугами.

В целях эффективной реализации концепции «Новое качество жизни уральцев»[2] предусмотрена подготовка и предоставление по установленным формам ежегодных докладов о проведенных мониторингах в каждом из муниципалитетов Губернатору Свердловской области и о ходе реализации в отчетном году Концепции. В Свердловской области оцениваются 94 муниципальных образования (включая сельские поселения) в том числе и по результатам опросов населения, проводимых с помощью IT-технологий.

Несмотря на существующие меры поддержки и стимулирования органов местного самоуправления по подключению жителей муниципальных образований к участию в мониторинге, их участие крайне низкое. В 2015 году частично принимали участие или не принимали вообще 17 муниципалитетов из 94. Учитывая, что население Свердловской области составляет на 1 января 2015 года 4 327 472 чел, то видно, что в опросах приняло небольшое количество жителей.

Участие по удовлетворенности качеством дорог 0,019% от общего числа жителей Свердловской области, по удовлетворенности транспортным обслуживанием 0,039% от общего числа жителей Свердловской области и по удовлетворенности жилищно-коммунальными услугами 0,014% от общего числа жителей Свердловской области.

В 2016 году частично принимали участие или не принимали вообще 10 муниципалитетов, что на 7 муниципалитетов больше, чем в 2015году. В опросах принимали участие: по удовлетворенности качеством дорог 0,076% от общего числа жителей

Свердловской области, по удовлетворенности транспортным обслуживанием 0,37% от общего числа жителей Свердловской области и по удовлетворенности жилищно-коммунальными услугами 0,12% от общего числа жителей Свердловской области. На основании говорить о низком проценте участников опроса. Возможно, методика сбора информации с помощью IT-технологий эффективна не для всех социальных слоев жителей Свердловской области, а так же возможно говорить о слабой информированности жителей муниципалитетов о мероприятиях, направленных на повышение качества жизни населения и проверке их эффективности.

Однако данные о количестве удовлетворенных жителей сложно принять как репрезентативные, поскольку Параметры оценки, приведенные в Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317[1], п.37 и п.38 не рекомендуют конкретное количество опрошенных жителей муниципалитета от среднегодовой численности постоянного населения.

Необходимо совершенствовать варианты меры и методы поддержки и стимулирования органов местного самоуправления по расширению участия жителей муниципальных образования в мониторинге результатов деятельности органов местного самоуправления Свердловской области. Поскольку анализ количества принимающих в опросах жителей и репрезентативности предоставляемых муниципалитетами данных опросов показывает, что жители не знают об опросах.

Важно обратить внимание на разные социальные слои населения области и адаптировать методы проведения опросов именно для всех категорий граждан. А так же проводить дополнительное информирование жителей об опросах через средства связи, реализуемые в муниципалитете. Это не только информация на сайте муниципалитета, но и на социальных сайтах, например «В контакте», в печатных изданиях муниципалитета, в том числе бесплатных для жителей.

© Кузьмин А.И., Ломовцева Т.В. Текст. 2017

Благодарность

Статья написана при поддержке Гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста»

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 . О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 "Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов" . Режим доступа ГАРАНТ.РУ: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70186210/#ixzz4qU5QaELD дата обращения 22.08.2017

2. Указ Губернатора Свердловской области о концепции повышения качества жизни населения Свердловской области на период до 2030года- «Новое качество жизни уральцев». Режим доступа http://gubernator96.ru/article/show/id/125 Дата обращения 05.10.2017г

3. Отчеты Правительства Свердловской области. Режим доступа http://www.midural.ru/100034/100089/100401 Дата обращения 20.08.2017

Информация об авторах

1. Кузьмин Александр Иванович, Россия, Екатеринбург, доцент социологических наук, профессор кафедры теории и методологии государственного и муниципального

управления института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина. kuz53@list.ru

2. Ломовцева Татьяна Владимировна, Россия, Екатеринбург, магистрант кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина. l.tatyana410@gmail.com

Kuzmin A.I.,Lomovtseva T.V.

IMPROVEMENT OF THE LOCAL SELF-GOVERNING AUTHORITIES OF THE INHABITANTS OF THE MUNICIPALITIES IN THE EXPANDING OF THEIR PARTICIPATION IN THE MONITORING OF THE RESULTS OF THE ACTIVITY OF THE LOCAL AUTHORITY BODIES OF THE SVERDLOVSK REGION.

This article describes the options for the influence of local self-government bodies on the quality of life of the population. The reports of the Governor of the Sverdlovsk region are investigated. Methods for informing citizens about monitoring the quality of life of the population within municipalities are proposed.

Key words: quality of life, population, self-government, program.

Information about the authors

1. Kuzmin Alexander Ivanovich, Russia, Yekaterinburg, Associate Professor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Methodology of State and Municipal Administration of the Institute of Public Administration and Entrepreneurship of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. kuz53@list.ru

2. Lomovtseva Tatyana Vladimirovna, Russia, Yekaterinburg, Master of Science in the Department of Theory and Methodology of State and Municipal Administration of the Institute of Public Administration and Entrepreneurship of the Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin. l.tatyana410@gmail.com

УДК: 314

А.И. Кузьмин, Н.С. Пермякова, А.Н.Третьяк

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ОКРУГЕ Г. НЕФТЕКАМСК

Статья посвящена демографической ситуации и демографическим процессам, происходящим в городском округе город Нефтекамск. Раскрыты демографические процессы такие как, рождаемость, смертность, младенческая смертность, миграция. Приводятся официальные статистические данные демографических процессов, протекающих в городском округе город Нефтекамск. Проведен сравнительный анализ демографических процессов 2016 года по сравнению с предыдущими годами.

Ключевые слова: демографические процессы, население, демографическая политика, рождаемость, смертность, естественный прирост.

На протяжении ряда лет демографическая ситуация в городском округе город Нефтекамск Республики Башкортостан (далее – городской округ) характеризуется положительными изменениями. Итоги последних восьми лет позволяют говорить о том, что Нефтекамск – это уверенно растущий город.

Все это является результатом проведения целенаправленной демографической политики на уровне Российской Федерации, Республики Башкортостан и городского округа.

Комплекс мер, принимаемых в городском округе по развитию экономики, совершенствованию медицинских и социальных услуг населению, развитию физкультуры и спорта, оказывает существенное влияние на качество жизни жителей нашего города, а, следовательно, и на демографические процессы. Реализация данного комплекса мер предусмотрена Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года[1], а также рядом программ и мероприятий, разработанных в городском округе с целью улучшения демографической ситуации, прежде всего – Планом мероприятий по улучшению демографической ситуации в городском округе город Нефтекамск Республики Башкортостан на 2013 – 2025 годы, принятым постановлением администрации № 2606 от 15 июля 2013 года.

Численность населения городского округа на 1 января 2015 года составила 136823 человек, а на конец 2016 года составила 137526 тыс. чел.

Сравнительная характеристика показателей рождаемости, смертности и естественного прироста по городскому округу за 2016 год. Число родившихся за 2016 год - 2139 чел. - это на 217 человек меньше, чем в 2015 (2356 чел). Число родившихся за 2016 год на 1000 человек населения составляет 15,5. Число умерших за 2016 год 1435 человек - это на 17 человек меньше, чем в 2015 году (1452 чел.). Число умерших за 2016 год на 1000 человек населения составляет 10,4. В городском округе город Нефтекамск происходит естественная убыль населения в 2016 г. естественный прирост составляет 704 чел, а в 2015 г. этот показатель равен 904, можно сделать вывод, что в 2016 году произошла убыль в 200 человек.

В городском округе, также как в Республике Башкортостан, и в целом по России, существует высокая диспропорция в численности мужчин и женщин.

Из общего количества жителей в городском округе мужчины составляют около 46 %, женщины – 54 %. Женское население стабильно превалирует над мужским на 10 тысяч человек. При этом надо принимать во внимание, что мальчиков рождается всегда больше, чем девочек. Выравнивание численности мужчин и женщин наступает к 20 годам. В старших возрастных группах трудоспособного населения нарастает превышение численности женщин: чем старше, тем больше.

В городском округе ситуация на сегодняшний день отличается: молодежи чуть больше, чем людей пенсионного возраста, соотношение – 19,4 % и 18 % соответственно.

В тоже время по классификации демографических ситуаций в зависимости от степени развития процесса старения населения берется показатель «население старше 60 лет», в городском округе он равен 14,2 %. А это значит, что городском округе имеет место выраженный процесс старения населения – «демографическая старость» (больше 12 %).

По результатам 2016 года городской округ лидирует, как и в прошлом году, среди городских округов Республики Башкортостан по показателю родившихся на 1000 человек населения, по показателю прироста населения на 1000 человек. В городском округе почти самый низкий показатель количества умерших на 1000 человек населения после городского округа Агидель(Табл. 1.).

Таблица 1

Показатели естественного движения населения за январь-декабрь 2016 года

Городские округа РБ	Человек						На 1000 человек					
	число родившихся		число умерших		естественный прирост (убыль)		родившихся		Умерших		прироста (убыли) населения	
	2016 год	2015 год	2016 год	2015 год	2016 год	2015 год	2016 год	2015 год	2016 год	2015 год	2016 год	2015 год
г. Уфа	18165	18108	12668	12901	5497	5207	16,2	16,2	11,3	11,5	4,9	4,7
г.Агидель	149	202	151	143	-2	59	9,7	12,9	9,8	9,1	-0,1	3,8
г.Кумертау	819	809	908	879	-89	-70	12,6	12,3	14,0	13,4	-1,4	-1,1
г.Неф	2139	2356	1435	1452	704	904	15,5	17,2	10,4	10,6	5,1	6,6

текамск												
г.Октябрьский	1591	1699	1246	1330	345	369	14,0	15,0	11,0	11,8	3,0	3,2
г.Салават	1715	1898	1977	1928	-262	-30	11,2	12,3	12,9	12,5	-1,7	-0,2
г.Сибай	846	893	705	764	141	129	13,6	14,2	11,3	12,1	2,3	2,1
г.Стерлитамак	4014	4315	3156	3299	858	1016	14,3	15,5	11,3	11,8	3,1	3,7

Но эти показатели не должны успокаивать. По прогнозам Федеральной службы государственной статистики (Госстат), рост рождаемости достиг своего пика. Есть основания говорить о начале сокращения рождаемости. Большую роль в решении демографических проблем, безусловно, сыграла Национальная программа демографического развития России. Но нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что на рост рождаемости последних лет повлияла высокая рождаемость в середине 80-х годов прошлого столетия. Сегодняшние матери – это представительницы относительно многочисленного поколения женщин, родившихся в 1980 – 1987 годах.

Неутешительна и статистика по бракам и разводам. На 1000 брачующихся пар приходится 500 разводящихся.

Наблюдается динамика увеличения уровня смертности среди населения трудоспособного возраста. Подавляющее большинство умерших в трудоспособном возрасте – это представители мужского пола – 81,1 %. Уровень мужской смертности ежегодно растет на 1 %, при этом он в 4 раза выше уровня женской (за счет смертности от травм, отравлений, последствий внешних причин и болезней сердечно-сосудистой системы).

Задача снижения смертности населения приобретает в этих условиях первостепенное значение, в связи с этим она обозначена в ряду наиболее важных целей демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года.

В соответствии с Планом мероприятий по улучшению демографической ситуации в городском округе город Нефтекамск Республики Башкортостан на 2013 – 2025 годы, до начала диспансеризации и в ходе его проведения в Государственном бюджетном учреждении здравоохранения Республики Башкортостан Городская больница города Нефтекамск проделана организационная работа[8].

ГБУЗ РБ ГБ г. Нефтекамск утверждены План снижения смертности населения трудоспособного возраста и План снижения материнской и младенческой смертности, в результате которого проводится анализ показателей смертности населения, в т.ч. трудоспособного возраста с принятием соответствующих мероприятий.

Большая работа в городском округе ведется по созданию условий для мотивации к ведению здорового образа жизни, сохранению здоровья населения, укреплению института семьи, возрождению и сохранению духовно-нравственных традиций, семейных отношений. Проводятся мероприятия, направленные на повышение рождаемости, поддержку семей, имеющих детей, обеспечение законных прав и интересов детей. Исполняются федеральные и республиканские законы в части назначения и выплат государственных пособий.

Одним из пунктов Плана мероприятий по улучшению демографической ситуации является организация проведения мониторинга состояния условий и охраны труда, ведения учета травматизма (группового, тяжелого и со смертельным исходом) у работодателей, осуществляющих производственную деятельность[4].

Важная составляющая демографической политики – миграционная политика(рис.1.)

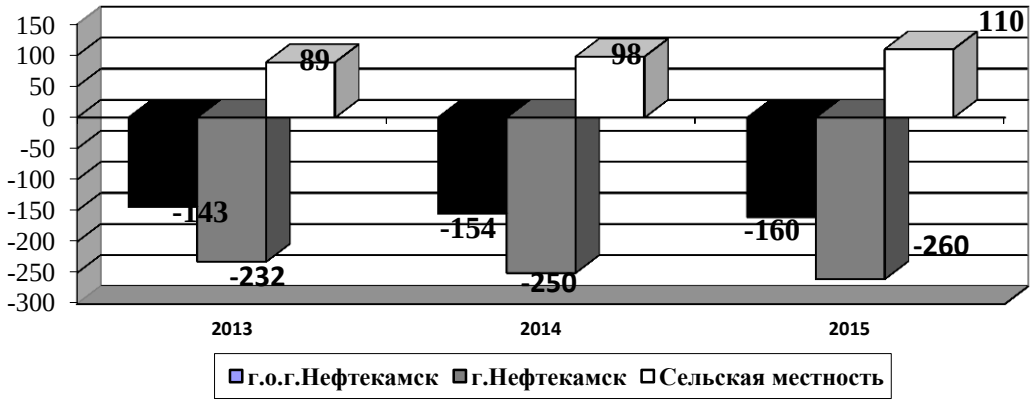


Рис. 1. Динамика миграционного прироста (убыли) населения по городскому округу город Нефтекамск (человек)

Прослеживается миграционная убыль населения, а именно трудоспособного населения. Миграционное сальдо на 01.01.2016г. - минус 44 человека.

Отмечаются так же определенные внешние факторы, обусловленные привлекательностью для жизни и трудоустройства молодежи в крупных городах России после окончания учебы в ВУЗах, части трудоспособного населения на работах вахтовым методом. Сбалансирование численности занятых осуществляется за счет увеличения числа работающих лиц старше трудоспособного возраста, сокращения занятости в неформальном секторе экономики. В силу указанных обстоятельств значительно растет демографическая нагрузка на трудоспособное население в основном за счет лиц пенсионного возраста.

Весомый перечень факторов оттока трудоспособного населения, таких как, малая заработная плата, привлекательность больших городов, недостаточное количество рабочих мест, престижность учебных заведений в больших городах, высокий уровень безработицы. Ситуация в сфере занятости населения городского округа относительно стабильна, уровень безработицы на 1 января 2015 года составляет 0,97% (рис.2.), 74 показатель напряженности рынка труда.

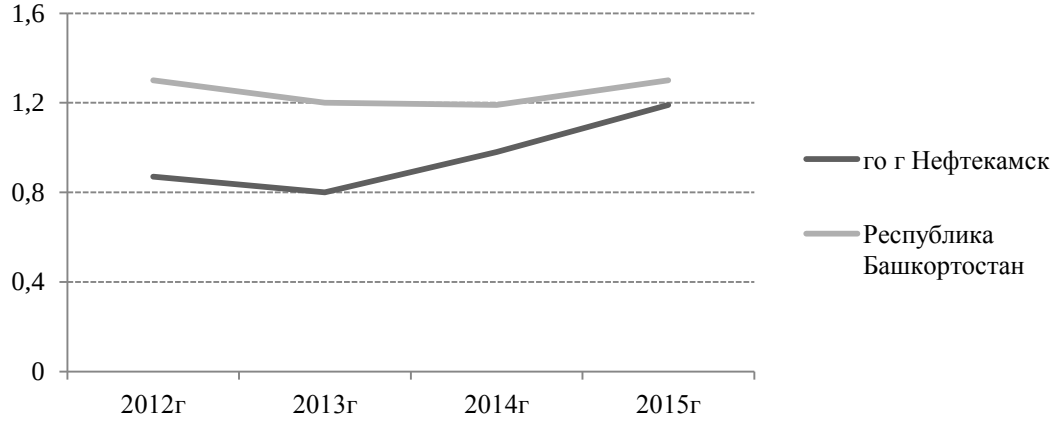


Рис. 2. Уровень безработицы на 1 января 2015 г.

Несмотря на относительно благополучную ситуацию в демографической сфере в городском округе, проблемы все же имеются. Обеспечить рост численности населения можно только комплексом мер и решений, и эта работа в любом случае носит долгосрочный характер. Город медленно сползает в демографическую яму, происходит отток трудоспособного населения и такую тенденцию нужно предотвратить.

При всем понимании первостепенности демографических проблем, все же требуется еще больший разворот в сторону приоритетности демографического фактора при разработке

и реализации программ социального, экономического развития городского округа город Нефтекамск Республики Башкортостан.

© Кузьмин А.И., Пермякова Н.С., Третьяк А.Н. Текст. 2017.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 16-02-00164-а (ОГОН) «Научно-методический инструментарий измерения, оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России»

Список источников

1. Об утверждении концепции демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 г.: указ Президента Республики Башкортостан от 14.07.2008г. N УП-333 [Электронный вариант] – Режим доступа: www/consultant.ru
2. О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 7.05.2012г. №606) [Электронный вариант] – Режим доступа: www/consultant.ru
3. О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения : указ президента РФ от 7.05.2012 г. N 598 [Электронный вариант] – Режим доступа: www/consultant.ru
4. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 9.10.2007 г. N 1351 [Электронный вариант] – Режим доступа: www/consultant.ru
5. О Правительстве Республике Башкортостан : Закон Республики Башкортостан от 14.03.2003 г. №474-з [Электронный вариант] – Режим доступа: www/consultant.ru
6. Об утверждении программы по улучшению демографической ситуации в Республике Башкортостан на 2008-2010гг. : указ Президента Республики Башкортостан от 25.12.2008 г. N УП-746 [Электронный вариант] – Режим доступа: www/consultant.ru
7. 9. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республики Башкортостан [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bashstat.gks.ru (дата обращения: 12.01.17*)*
8. 10. Постановление Правительства РБ от 30.04.2013 N 183 (ред. от 31.12.2014) "Об утверждении государственной программы "Развитие здравоохранения Республики Башкортостан" [Электронный ресурс] – Режим доступа*:* http://www.pravitelstvorb.ru/ (дата обращения: 12.01.17).

Информация об авторах

1. Кузьмин Александр Иванович – д.с.н., к.э.н., профессор, член- корр. РАЕН, в.н.с. Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия, электронная почта: kuz53@list.ru
2. Пермякова Наталья Сергеевна, Россия, г. Нефтекамск, магистрант, Уральский Федеральный Университет, natalya_permyako@mail.ru
3. Третьяк Анна Николаевна – ведущий экономист, Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия

Kuzmin A. I., Permyakova N.S., Tretiak A.N.

THE PECULIARITIES OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION AND DEMOGRAPHIC PROCESSES IN GO G NEFTEKAMSK.

The article is devoted to the demographic situation and the demographic processes taking place in the urban district of Neftekamsk. Disclosed demographic processes such as fertility, mortality, infant mortality, migration. Presents official statistics of the demographic processes in

urban district of Mashhad. A comparative analysis of demographic processes in 2016 compared to the previous year.

Keywords: demographic processes, the population, demographic policy, birth rate, death rate, natural increase.

Information about the authors

1. Kuzmin Aleksandr Ivanovich (Russia, Yekaterinburg) –Doctor of Social Science, Candidate of Economics, Professor, the Leading Researcher, Institute of Economics, UralBranch of the RussianAcademy of Sciences (Russia, 620014, Moskovskaya st., 29; e-mail: kuz53@list.ru).

2. Permyakova Natalya Sergeevna, Russia, Neftekamsk, graduate student, Ural Federal University, natalya_permyako@mail.ru

Tretiak Anna Nikolaevna – senior economist, Institute of Economics, Ural branch of RAS, Ekaterinburg, Russia

УДК: 331.5

Т.В. Кузьмицкая, Т.В. Сергиевич

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЗАНЯТОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассмотрены особенности функционирования рынка труда Республики Беларусь с учетом актуальных демографических тенденций. Раскрыта роль государства в регулировании трудовых отношений. Показаны некоторые направления повышения эффективности рынка труда.

Ключевые слова. Трудовые отношения, инновационное развитие, рынок труда, человеческий капитал, занятость.

Сегодня становится очевидным, что достижение целей инновационного развития экономики Республики Беларусь возможно лишь на основе совершенствования управления трудом, эффективного использования трудовых ресурсов и рынка труда. «Именно трудовые отношения выступают в качестве основы социальной дифференциации и политико-экономической динамики общества» [10, с. 2], что во многом обусловливает экономическое развитие страны. «Перспективы модернизации промышленного комплекса, – как справедливо отмечает В.Л. Гурский, – напрямую зависят от количества и качества рабочей силы, которая может быть использована в этом процессе» [1, с. 36]. В основе эффективного рынка труда лежит эффективная занятость, т.е. занятость на таких предприятиях, продукция которых имеет высокую добавленную стоимость и реальный платежеспособный спрос, а получаемый работниками доход позволяет в полной мере воспроизводить человеческий капитал. Сегодня в условиях изменения места в современной экономике сферы услуг, которая «заключает в себе значительный потенциал общественного развития» [5, с. 254], получение образования и переквалификация становится более доступными, что в конечном итоге повышает эффективность рынка труда. По своей экономической природе спрос на труд является производным, вторичным спросом и определяется совокупным платежеспособным спросом на товары и услуги, предъявляемым предприятиями, домашними хозяйствами и государством. В своем численном измерении спрос на труд представляет собой сумму общей численности занятых и количества свободных вакансий, скорректированных с учетом сальдо движения работников в течение года.

Эффективная занятость во многом обусловлена наличием особой институциональной среды, способствующей инновационной направленности рынка труда, совершенствованием технико-технологической структуры предприятий, а также комплексом социально-трудовых отношений, обеспечивающим необходимые социальные стандарты жизнедеятельности и

воспроизводство человеческого капитала. «Беларусь, – справедливо отмечает С.Ю. Солодовников, – в виду отсутствия у нее мало-мальски значимых природных ресурсов (за исключением месторождений калийных удобрений) сделала ставку на формирование и использование такого специфического экономического ресурса, как инновации. Причем в большинстве случаев – это общественно функциональные, а не технико-технологические инновационные решения» [11, с. 31]. П.С. Лемещенко по этому поводу пишет: «в современных условиях, и тенденция эта усиливается, изменился приоритет влияния того, что называют факторами производства. Можно уже избежать «ресурсного проклятия», освоив научно-информационное поле не только как гносеологическую сферу, но и как бизнес-процессы» [4, с. 53]. Эффективная занятость обеспечивается, в первую очередь, наличием работников, компетенции и мотивация которых позволяют эффективно использовать технико-технологически современные рабочие места в целях производства общественных благ. Эффективность занятости во многом обусловлена эволюцией профессионально-квалификационной структуры трудовых ресурсов. Под профессией при этом понимается «обычное длительное занятие индивида, дающее ему средства к существованию» [7, с. 36]. Обеспечение эффективной занятости является основой развития экономики и совершенствования отношений на рынке труда.

На эволюцию занятости во многом влияют демографические тенденции, в последние годы в Республике Беларусь выражающиеся в сокращении численности трудовых ресурсов, занятого населения, увеличения доли лиц старше трудоспособного возраста в занятом населении. В настоящее время в стране происходит снижение численности трудовых ресурсов, обусловленное спадом рождаемости в начале 90-х гг. прошлого века и массовым выходом на пенсию представителей самого многочисленного поколения, рожденных после Великой отечественной войны. Число лиц младше трудоспособного возраста, занятых в экономике, после пика 1991 г. (25,4 тыс. чел. или 0,423 % от численности всех трудовых ресурсов) неуклонно снижается, составляя сегодня 0,1 тыс. чел. или менее 0,002 % от численности всех трудовых ресурсов. Доля лиц старше трудоспособного возраста, занятых в экономике, напротив, имеет тенденции к увеличению. Минимальное значение доли лиц старше трудоспособного возраста, занятых в экономике, было отмечено в 2003 г. и составило 4,34% или 263,4 тыс. чел., в 2015 г. – выросло до 7,32 % или 429,9 тыс. чел.

Значительная часть населения Республики Беларусь в трудоспособном возрасте не занято трудовой деятельностью (около 1,4 млн. чел.). Так, в 2015 г. численность трудовых ресурсов составила 5 874,8 тыс. чел., в том числе занятое население 4 496 тыс. чел. (76,5%), количество прочего трудоспособного населения в трудоспособном возрасте достигло 1 378,8 тыс. чел. (23,5%). Обследования домашних хозяйств с целью изучения проблем занятости, состояния и динамики рынка труда, проводимые в Беларуси начиная с 2012 г., позволяют проанализировать динамику структуры трудоспособного населения, не занятого в экономике. Как показывают результаты исследований, наибольшее количество трудоспособного населения, не занятого в экономике, составляют учащиеся и лица, находящиеся в отпусках по беременности и родам, по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Их количество в совокупности достигает более половины от всего трудоспособного, но не занятого в экономике населения. Немалую часть составляют безработные, хотя их доля и укладывается в границы естественного уровня безработицы. Уровень зарегистрированной безработицы в Республике Беларусь за последние несколько лет не превышал 1%. В 2015 г. количество зарегистрированных безработных составило 41,3 тыс. чел. или 0,7% от численности трудовых ресурсов. Уровень безработицы, рассчитанный по методологии Международной организации труда (МОТ), в соответствии с которой к безработным относятся лица в возрасте 15-74 лет, которые в рассматриваемый период соответствовали одновременно следующим критериям: не имели работы (занятия, приносящего доход); занимались поиском работы; были готовы приступить к работе, в Беларуси также относительно невысок. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [6], в результате обследования домашних хозяйств с использованием

данной методики в 2015 г. помимо официально безработных было выявлено 202,0 тыс. таких лиц, что в сумме составило 3,4% от численности трудовых ресурсов. Эта цифра в сумме с официально зарегистрированной безработицей показывает уровень безработицы по методологии МОТ и составляет 4,1% (или 243,3 тыс. чел.). Динамика структуры прочего трудоспособного населения, в трудоспособном возрасте за 2012-2015 гг. представлена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика структуры прочего трудоспособного населения в трудоспособном возрасте за 2012-2015 гг.

Прочее трудоспособное население в трудоспособном возрасте, в т.ч.:	2012	2013	2014	2015
безработные, зарегистрированные в органах по труду, занятости и социальной защите	28,5	23,4	22,3	41,3
лица, не имеющие работы, активно ее ищущие и готовые приступить к ней	211,1	212,2	211,6	202,0
лица, находящиеся в отпусках по беременности и родам, по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет	272,5	297,3	303,0	320,7
лица, обучающиеся в учреждениях образования, не совмещающие обучение с трудовой деятельностью	497,4	457,7	434,1	420,3
граждане, получающие пособие по уходу за ребенком-инвалидом, инвалидом I группы либо лицом, достигшим 80-летнего возраста	58,3	59,1	55,2	56,8
лица, содержащиеся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах	16,2	14,6	14,9	13,3
граждане Республики Беларусь, работающие за границей	55,4	63,4	61,6	38,9
лица, ведущие домашнее хозяйство	130,8	123,6	123,0	116,6
лица, считающие, что нет возможности найти работу	42,0	37,1	32,1	27,6
лица, не имеющие необходимость или желание работать	30,2	29,7	33,1	30,6
другие	75,5	92,6	121,5	110,7
Итого	1417,9	1410,7	1412,4	1378,8

Несмотря на устойчивую тенденцию разгосударствления экономики, в Республике Беларусь по-прежнему остается высокой доля работников, занятых на государственных предприятиях (государственный наем). В 2015 г. их удельный вес составил 39,3% [12]. При этом организации, в которых доля государственной собственности составляет менее 50%, относят к частной форме. В таких условиях государственная политика в сфере занятости является одним из определяющих факторов обеспечения высокой трудовой активности, мотивации и производительности труда. «В трансформационных экономических системах, – справедливо отмечает по этому поводу С.Ю. Солодовников, – необходимо, чтобы государство играло ведущую роль в конфигурировании социально-экономических интересов социальных субъектов (для снижения социальной напряженности в обществе, роста социального капитала на общественном уровне, увеличении социального капитала в социальных группах, в том числе в классах, и хозяйственных субъектах в формах и пропорциях не искажающих сущность белорусской социально-экономической модели – социально-ориентированной, устойчивой, рыночной)» [8, с. 17]. Политика, проводимая в настоящее время на рынке труда Республики Беларусь, фактически направлена на поддержание максимальной занятости населения и минимальной дифференциации в доходах. Так как в Республике Беларусь значительная часть трудоспособного населения не вовлечена в трудовую деятельность, в соответствии с ч. 3 ст. 101 Конституции Республики Беларусь был принят Декрет Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2015 г. № 3 «О предупреждении социального иждивенчества», целью которого стало предупреждение социального иждивенчества, стимулирование трудоспособных граждан к трудовой деятельности, обеспечение исполнения конституционной обязанности граждан по участию в

финансировании государственных расходов путем уплаты налогов, пошлин и иных платежей.

В Республике Беларусь с целью сокращения удельного веса населения с уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума (абсолютная бедность) и сохранения низкого уровня неравенства применяется прямое и косвенное регулирование рынка труда по вопросам, касающихся уровня оплаты труда, а также приема и увольнения работников. По результатам обследования домашних хозяйств в II квартале 2015 г., этот уровень малообеспеченности составил 3,5% [6]. Цель поддержания в стране низкого уровня расслоения по уровню доходов также успешно достигается. В соответствии с «Докладом о человеческом развитии 2013» [2], в Беларуси коэффициент Джини составляет 27,2, что примерно соответствует уровню северо-западных европейских стран (Норвегия – 25,8; Германия – 28,3; Швеция – 25,0; Финляндия – 26,9).

Низкая дифференциация в оплате труда имеет и негативные последствия. Зачастую производительность труда на государственных предприятиях значительно ниже, чем в частном секторе, что является неиспользованным ресурсом для роста производительности труда в экономике в целом. Низкая дифференциация в уровне заработной платы затрудняет переток рабочей силы из низкоэффективных предприятий в высокоэффективные, т. к. инвестиции в человеческий капитал (получение дополнительного образования, повышение квалификации, переподготовка) с целью дальнейшего трудоустройства на другом, более производительном предприятии не приносят существенной финансовой отдачи. В результате складывается ситуация, что при наличии в стране формально высокообразованных и квалифицированных трудовых ресурсов предприятия испытывают дефицит работников необходимой квалификации. Низкая мобильность работников и неготовность инвестирования в человеческий капитал в конечном счете препятствуют модернизации предприятий и росту производительности, в то время как «одним из определяющих показателей человеческого капитала является уровень образования, выступающий важным, а иногда и важнейшим фактором социальной активности населения. Высокий уровень образования индивидов способствует созданию самоподдерживающегося климата доверия, отдача от которого увеличивается с ростом среднего уровня образования в стране» [9, с. 96].

Поскольку сегодня проведение модернизации во многом «упирается в нехватку квалифицированной рабочей силы, то на первое место выходят мероприятия по формированию эффективного рынка труда Республики Беларусь, сохранению трудового потенциала и удержанию в стране квалифицированных кадров» [3, с. 113-114]. На решение этих задач направлено развитие нестандартных форм занятости. Начиная с 2010 г. в Республике Беларусь законодательно утверждена возможность привлекать рабочую силу на условиях нестандартных форм занятости, с использованием гибких режимов и графиков работы. Нетипичные формы занятости в отличие от традиционных, позволяют гибко устанавливать продолжительность действия трудового договора, режим рабочего времени, место выполнения и содержание работы по индивидуальной договоренности между работником и работодателем. Значительную роль гибкие формы занятости играют в развитии малого бизнеса. Они выгодны и нанимателям, которые получают возможность мобильно регулировать численность и состав работников на основе текущей рыночной конъюнктуры, обеспечивая необходимый объем производства и оптимизируя при этом свои издержки, и работникам, нуждающимся в дополнительном заработке, но не имеющим возможность работать в стандартном режиме (учащиеся, родители, находящиеся в отпуске по уходу за детьми, в том числе детьми-инвалидами, люди с ограниченной трудоспособностью, инвалидностью, пенсионеры). Вместе с тем гибкие формы занятости в Республики Беларусь пока не имеют широкого распространения. Следует отметить, что сотрудники, работающие на условиях гибкой занятости, получают меньше правовых и социальных гарантий, по сравнению с работниками в условиях обычной занятости. Между тем, более широкое применение нетипичных форм занятости будет во многом способствовать оптимизации издержек на рабочую силу путем изменения численности и

вознаграждения, что повысит возможности адаптации и конкурентоспособность для предприятий в условиях структурных трансформаций; безболезненному сокращению сотрудников (дополнительному найму) за счет использования срочных трудовых договоров (контрактов); повышению трудовой мотивации за счет дифференциации вознаграждения, социального пакета, условий занятости.

Таким образом, нами установлено, что на занятость в Республике Беларусь влияют следующие демографические тенденции: сокращение численности трудовых ресурсов, занятого населения, увеличение доли лиц старше трудоспособного возраста в занятом населении. В стране наблюдается низкий уровень безработицы, сокращение удельного веса населения с уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума (абсолютная бедность) и сохранение низкого уровня неравенства. Сложившаяся ситуация приводит к неэффективному распределению трудовых ресурсов, препятствует структурным сдвигам и модернизации экономики, а также стимулирует к международной трудовой миграции высококвалифицированных работников, ориентированных на высокую производительность труда при условии адекватной оплаты. Вместе с тем, за счет усиления рыночных элементов в экономике; формирования института работников-инноваторов; формирования и развития института общественно-государственно-частного партнерства в сфере трудовых отношений; формирования регулируемого гибкого рынка труда; развития системы непрерывного образования; формирования посткапиталистических трудовых отношений; дальнейшего развития механизмов самозанятости в стране необходимо провести структурное перераспределение трудовых ресурсов между секторами и создать стимулы для увеличения количества высокопроизводительных рабочих мест, в том числе в частном секторе. Построение инновационной экономики требует повышения гибкости рынка труда, при этом необходимо сохранить социальную стабильность и социальные гарантии работникам. Главные направления повышения эффективности рынка труда: регулирование и управление социально-трудовыми отношениями через рынок труда в направлении роста его гибкости; формирование современных институтов рынка труда; рациональное использование трудовых ресурсов на микроуровне; повышение эффективности системы оплаты труда и сохранение социальных гарантий; согласование рынка образовательных услуг и рынка труда.

©Кузьмицкая Т.В., Сергиевич Т.В. Текст. 2017.

Список источников

1. Гурский, В.Л. Эндогенные факторы, обусловливающие развитие промышленной политики Беларуси в современных условиях / В.Л. Гурский // Экономическая наука сегодня. – 2015. – № 3. – С. 245–257.

2. Доклад о человеческом развитии 2013 // Human Development Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2013_RU.pdf. Дата доступа: 01.12.2016.

3. Кузьмицкая, Т.В. Международная трудовая миграция: проблемы оценки и влияние на социально-экономическое и демографическое развитие Республики Беларусь / Т.В. Кузьмицкая, Л.П. Шахотько // Экономическая наука сегодня. – 2014. – № 2. – С. 113-132.

4. Лемещенко, П.С. От стоимости к институциональной ценности / П.С. Лемещенко // Экономическая наука сегодня, 2013. – № 1. – С. 46-67.

5. Мелешко, Ю.В. Трансформация определения понятия «услуг» в контексте концепции постиндустриального общества / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня. – 2016. – № 4. – С. 35–43.

6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://belstat.gov.by/. Дата доступа : 20.04.2017.

7. Солодовников, С.Ю. Категория «социальный класс» в контексте политико-экономического наследия П.А. Сорокина и Л.Н. Гумилева / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2014. – № 2. – С. 24–50.

8. Солодовников, С.Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2013. – № 1. – С. 5-33.

9. Солодовников, С.Ю. Проблемы и перспективы развития социального потенциала в Республике Беларусь / С.Ю. Солодовников // Проблемы управления. – 2012. – № 2 (43). – С. 95-98.

10. Солодовников, С.Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2-9.

11. Солодовников, С.Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2015. – № 3. – С. 23 –35.

12. Статистический бюллетень «Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2015 году» / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2016.

Информация об авторах

1. Кузьмицкая Татьяна Владимировна (Республика Беларусь, г. Минск) – старший преподаватель Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр. Независимости, 65, bntu@bntu.by). E-mail v-t-k@ya.ru

2. Сергиевич Татьяна Владимировна (Республика Беларусь, г. Минск) – аспирант кафедры «Экономика и право», Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр. Независимости, 65, bntu@bntu.by). E-mail serhiyevich@gmail.com

Kuzmitskaya T.V., Serhiyevich T.V.

DEMOGRAPHIC TRENDS AND EMPLOYMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The labour market features in the Republic of Belarus are considered with considering current demographic trends. The role of the state in regulating of labour relations is disclosed. Some directions of increasing labour market efficiency are shown in the article.

Keywords. Labour relations, innovative development, labour market, human capital, employment.

Information about authors

1. Kuzmitskaya Tatsiana Vladimirovna (Belarus, Minsk) – Senior lecturer, Belarusian National Technical University (220013, Minsk, Nezavisimosti str., 65, bntu@bntu.by). E-mail v-t-k@ya.ru

2. Serhiyevich Tatsiana Vladimirovna (Belarus, Minsk) – postgraduate student of the department «Economics and law », Belarusian National Technical University (220013, Minsk, Nezavisimosti str., 65, bntu@bntu.by). E-mail serhiyevich@gmail.com

УДК: 332.1; 711.58; 911.375.6

М.Н. Макарова, Л.Н. Воронина

ДОСТУПНОСТЬ ОБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В МИКРОРАЙОНАХ ГОРОДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ

В статье рассматривается вопрос влияния доступности объектов социальной инфраструктуры и обеспеченности услугами социальной сферы жителей различных микрорайонов крупного города на формирование экономического потенциала населения (на примере Екатеринбурга). Предложена типология микрорайонов на основе учета двух факторов (доступности и обеспеченности) по каждому виду объектов социальной инфраструктуры. Сделан вывод о том, что наблюдаемые значительные внутригородские диспропорции в размещении учреждений социальной сферы и качества их работы усиливают неравенство в формировании и развитии экономического потенциала жителей различных микрорайонов.

Ключевые слова: город, микрорайон, социальная инфраструктура, доступность, обеспеченность, нормативы, неравенство, качество жизни

Различные территории города, вследствие близости или дальности своего расположения относительно общественных мест тяготения, будут всегда неодинаково удобными; могут быть более и менее удобные районы города, районы особенно популярные и, наконец, районы вовсе не популярные, наполнение которых жителями происходит вынужденно вследствие того, что более емкость удобных районов достигает своего предела. Все это формирует неравномерное заполнение и освоение городского пространства, усиливает объективную дифференциацию качества жизни населения города, особенно такого крупного, как Екатеринбург, а также субъективное неравенство восприятия жителями различных микрорайонов города.

Обеспеченность населения услугами социальной сферы оценивается согласно принятым в городе социальным нормативам, составляющим: 15,4 посещений амбулаторно-поликлинических учреждений (АПУ) в смену на 1000 жителей; 55 мест в детских дошкольных учреждениях (ДДУ) на 1000 жителей; 114 учащихся школ (ОУ) на 1000 жителей [2]. Дополнительно проанализирован показатель «обеспеченность местами в ОУ на 1000 жителей», не являющийся нормативным, но при этом более прозрачный (за критерий принято среднее значение по городу).

Компактность города, которой характеризуется Екатеринбург, является одной из основных характеристик, определяющих условия доступности основных объектов тяготения населения города. Вместе с тем, в микрорайонах города наблюдается существенная дифференциация как в обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры (ДДУ, ОУ, АПУ), так и в доступности этих учреждений. При определении средней удаленности населения от объектов социальной инфраструктуры нами использован графоаналитический метод А.М. Якшина [3], предполагающий, что:

на первом этапе определяются территории микрорайонов и численность проживающего населения (для упрощения принимается, что все население микрорайона сосредоточено в его географическом центре);

на втором этапе рассчитывается расстояния от центра каждого расчетного микрорайона до исследуемой точки (для упрощения использована протяженность автомобильных маршрутов по карте 2ГИС);

на третьем этапе вычисляется средняя удаленность населения микрорайона от места тяготения по формуле (1):

$$Bi_{(n)} = \frac{\sum_i^j n_i L_{ij}}{N} \quad \text{где:} \qquad (1)$$

n_i - население расчетного микрорайона, человек;

L_{ij} - расстояние от центра расчетного микрорайона до исследуемого центра, метров;

N- суммарное население города, человек.

В результате выявляется величина, характеризующая удаленность всех жителей микрорайона относительно конкретного места тяготения в метрах.

Территория города Екатеринбурга была разбита на 66 микрорайонов, каждый из которых представляет собой компактную единицу современной городской жилой застройки, включая комплекс жилых домов и учреждений бытового обслуживания, ограниченная естественными (лесные массивы, водные объекты и пр.) или искусственными (автотрассы, железнодорожные пути, промышленные зоны и пр.) объектами городской среды [1, с. 234].

Анализ полученных значений доступности объектов социальной инфраструктуры и сравнение с градостроительными нормативами г. Екатеринбурга [2] показал, что доступность объектов социальной инфраструктуры для населения не удовлетворяет нормативу по детским садам – в 14 жилых микрорайонах; по школам – в 9; по поликлиникам – в 5. Это связано с двумя факторами:

1) большую долю в площади микрорайона занимают нежилые территории (промзоны, пустыри, зеленые насаждения и пр.) – Академический, ВИЗ, Вокзальный, Вторчермет, ЖБИ, Пионерский, Сортировка, Уралмаш, Химмаш, Эльмаш, Юго-Западный;

2) значительная численность населения сосредоточена на компактной территории плотной старой застройки, что не позволяет выполнять современные социальные нормативы – Автовокзал, Центральный, Втузгородок

В таблицах 1-4 представлена типология микрорайонов по выполнению нормативов обеспеченности и доступности объектов социальной инфраструктуры.

Наиболее неблагополучная ситуация по доступности и обеспеченности детскими садами сложилась в 9 микрорайонах, для которых характерна значительная удаленность детских садов от населения, а также низкая обеспеченность местами в ДДУ. Сложно добраться до детских садов в 5 микрорайонах, а получить места рядом с местом жительства – в 17. Кроме того, в 25 микрорайонах муниципальные ДДУ отсутствуют. Таким образом, только в 10 микрорайонах выполняются социальные обязательства по обеспечению доступа населения к услугам детских дошкольных учреждений (табл. 1).

Таблица 1

Показатели доступности и обеспеченности населения жилых микрорайонов г. Екатеринбурга детскими садами

Обеспеченность / Доступность	Удовлетворяет нормативу	Не удовлетворяет нормативу
Удовлетворяет нормативу	Горный щит, Заречный, Исток, Изоплит, Птицефабрика, Северка, Чусовское озеро, Шинный, Шувакиш, Южный	Ботаника, Вокзальный, Елизавет, Кольцово, Компрессорный, Керамика, Лечебный, Парковый, Садовый, РТИ, Синие камни, Уктус, УНЦ, Шабровский, Шарташ, Шарташский рынок, Широкая речка
Не удовлетворяет нормативу	Академический, Вторчермет, ЖБИ, Новая Сортировка, Эльмаш	Автовокзал, ВИЗ, Втузгородок, Пионерский, Сортировка, Уралмаш, Химмаш, Центральный, Юго-Западный

Несколько лучше обстоит дело с доступом населения к школьному образованию. Только в 9 микрорайонах доступность школ превышает нормативное требование 500 метров. Вместе с тем, следует отметить, что в 22 микрорайонах не достигается среднегородское значение по обеспеченности местами в школах на 1000 жителей, а также в 18 микрорайонах превышен норматив по численности учащихся на 1000 жителей. Кроме того, в 28 микрорайонах школы отсутствуют. Все это приводит к переполненности школ и необходимости организовывать обучение во вторую смену (табл. 2-3).

Таблица 2

Показатели доступности и обеспеченности населения жилых микрорайонов г. Екатеринбурга школами (по показателю обеспеченности местами на 1000 жителей)

Обеспеченность / Доступность	Удовлетворяет нормативу	Не удовлетворяет нормативу
Удовлетворяет нормативу	Академический, Ботаника, Втузгородок, Горный щит, Заречный, Новая Сортировка, Птицефабрика, Садовый, Северка, Семь ключей, Совхозный, УНЦ, Шабровский, Южный	Вторчермет, Елизавет, Исток, Кольцово, Компрессорный, Лечебный, Парковый, Пионерский, Синие камни, Уктус, Химмаш, Шарташ, Шарташский рынок, Шинный, Широкая речка
Не удовлетворяет нормативу	Центральный, Юго-Западный	Автовокзал, ВИЗ, Вокзальный, ЖБИ, Сортировка, Уралмаш, Эльмаш

Таблица 3

Показатели доступности и обеспеченности населения жилых микрорайонов г. Екатеринбурга школами (по показателю численность учащихся на 1000 жителей)

Обеспеченность / Доступность	Удовлетворяет нормативу	Не удовлетворяет нормативу
Удовлетворяет нормативу	Втузгородок, Исток, Кольцово, Компрессорный, Лечебный, Парковый, Пионерский, Синие камни, Уктус, Химмаш, Шарташ, Шарташский рынок, Шинный, Широкая речка	Академический, Ботаника, Вторчермет, Горный щит, Елизавет, Заречный, Новая Сортировка, Птицефабрика, Садовый, Северка, Семь ключей, Совхозный, УНЦ, Шабровский, Южный
Не удовлетворяет нормативу	ВИЗ, Вокзальный, ЖБИ, Сортировка, Уралмаш, Эльмаш, Юго-Западный	Автовокзал, Центральный

Показатели доступности АПУ в целом значительно хуже, чем по другим объектам социальной инфраструктуры. Только в 5 микрорайонах доступность поликлиник превышает норматив. При этом следует отметить, что в 31 микрорайоне АПУ отсутствуют. Обеспеченность услугами здравоохранения в жилых микрорайонах также достаточно низкая, только в 12 из них выполняется социальный норматив в данной сфере (табл. 4).

Таблица 4

Показатели доступности и обеспеченности населения жилых микрорайонов г. Екатеринбурга амбулаторно-поликлиническими учреждениями

Обеспеченность / Доступность	Удовлетворяет нормативу	Не удовлетворяет нормативу
Удовлетворяет нормативу	Ботаника, Заречный, Исток, Новая Сортировка, Парковый, Садовый, РТИ, Шарташский рынок, Шинный,	Автовокзал, Академический, Вторчермет, Втузгородок, Горный щит, Елизавет, ЖБИ, Кольцово, Компрессорный, Лечебный, Пионерский, Северка, Семь ключей, Синие камни, Совхозный,

		Сортировка, Уктус, Химмаш, Шабровский, Широкая речка, Южный
Не удовлетворяет нормативу	ВИЗ, Центральный, Юго-Западный	Уралмаш, Эльмаш

Таким образом, по результатам проведенного анализа следует сделать вывод, что объекты социальной инфраструктуры распределены по микрорайонам города Екатеринбурга крайне неравномерно. Помимо этого, дополнительным фактором роста внутригородского неравенства формирования экономического потенциала населения является существенная дифференциация жителей различных микрорайонов по обеспеченности услугами социальной сферы. Предметом отдельного исследования является неудовлетворительное качество оказания услуг муниципальными учреждениями образования и здравоохранения, вынуждающее население прибегать к платным услугам или отказываться от получения услуг социальной сферы при отсутствии финансовых возможностей. Все эти факторы значительно влияют на формирование и дифференциацию экономического потенциала населения в пределах одного города.

© Макарова М.Н., Воронина Л.Н. Текст. 2017

Благодарность

Статья выполнена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН № темы 0404-2015-0021 в ИСГЗ ФАНО «Факторы и механизмы развития и реализации экономического потенциала населения регионов с позиции социокультурного подхода»

Список источников

1. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская Энциклопедия, 1974. – Т. 16: Мёзия – Моршанск.

2. Об утверждении нормативов градостроительного проектирования городского округа МО «город Екатеринбург». Решение Екатеринбургской городской думы от 22 декабря 2015 года №61/44. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/411722924 (дата обращения 11.01.2017)

3. Якшин А.М., Говоренкова Т.М. и др. Графоаналитический метод в градостроительных исследованиях и проектировании – М.: Стройиздат, 1979. — 204 с., ил.

Информация об авторах

1. Макарова Мария Никитична, Россия, Екатеринбург, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики, ФГБУН Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29)

2. Воронина Любовь Николаевна, Россия, Екатеринбург, ведущий экономист Центра исследований социоэкономической динамики, ФГБУН Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29)

Makarova MN., Voronina L.N.

SOCIAL INFRASTRUCTURE AVAILABILITY AT THE NEIGHBORHOODS OF THE CITY AS THE FACTOR OF POPULATION ECONOMIC POTENTIAL CREATING

The article discusses how social infrastructure availability and social services sufficiency for residents of different neighborhoods at a large city influences on the population economic potential creating (the example of Yekaterinburg). The authors proposed typology of neighborhoods

based on two factors (sufficiency and availability) for each type of social infrastructure. In conclusion, they claimed that the observed significant local disparities in the placement of social offices and the quality of their work greatly contributed to the economic potential's inequality between residents of different neighborhoods.

Key words: city, neighborhood, social infrastructure, availability, sufficiency, standards, inequality, life quality

Information about authors

1. Makarova Mariya Nikitichna, Russia, Yekaterinburg, Candidate of Economics, fellow researcher at Centre of socioeconomic dynamics research, Institute of Economics, the Urals branch of Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya st., Yekaterinburg, 620014, Russia)

2. Voronina Lubov Nikolaevna, Russia, Yekaterinburg, senior economist at Centre of socioeconomic dynamics research, Institute of Economics, the Urals branch of Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya st., Yekaterinburg, 620014, Russia)

УДК: 331.5 (476)

Н.В. Маковская

ПРЕКАРИЗИРОВАННАЯ ЗАНЯТОСТЬ ЖЕНЩИН ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В БЕЛАРУСИ

Представлены результаты авторского исследования по выявлению направлений прекаризированной занятости у женщин пенсионного возраста. Исследование проведено на основе белорусских данных. Выявлена специфика прекаризированных форм занятости в национальной экономике Беларуси.

Ключевые слова: женская занятость, пенсионый возраст, прекаризация занятости

Современное экономическое развитие, связанное с появлением не только новых технологий, но и ранее не известных институциональных форм организации и трудовых отношений, изменяет понимание «стандартного рабочего дня», понятий «работник», «работодатель» и «трудовые отношения». Главным принципом становится использование гибкости в социально-трудовых отношениях, который предполагает, с одной стороны – гибкость в организации рабочего времени и политике занятости, с другой – многообразие умений работников и способность работников приспосабливаться к изменениям. Следствием гибкости может стать прекаризированная занятость, возникающая у участников трудовых отношений, и прежде всего, у работников.

Прекаризация (от англ. *precarious* и лат. *precarium* – сомнительный, опасный, рискованный, негарантированный, нестабильный) – трудовые отношения, которые могут быть расторгнуты работодателем в любое время. *Прекаризированная занятость* – это неполноценные отношения между работником и работодателем с ущемлением прав и социальных гарантий работников. Прекариат – социальный слой наемных работников, которые не имеют постоянного заработка, места работы, социальных гарантий, зачастую их трудовая занятость является *неформальной*.

Признаки прекаризации занятости характеризуются экономико-организационными, институциональными и социально-психологическими параметрами. К числу основных признаков прекаризированной занятости следует отнести: время (режим работы), пространство занятости (варианты размещения рабочего места), вид контракта, легитимность, постоянство получения дохода (его волатильность и дискретность), стабильность.

Исследователи выделяют открытую и латентные формы прекаризированной занятости. Латентные формы сопряжены с неинституциализированным риском [2]. К латентным формам можно отнести занятость по коротким контрактам в (бюджетном)

секторе экономики; самозанятость; испытательный срок. В качестве латентной формы неустойчивой занятости можно назвать и моббинг работника в организации (эмоциональное насилие, психологический прессинг, игнорирование, травля, провокации и др.), принимающий разнообразные формы и осуществляемый с целью вынудить работника к увольнению.

Негативный характер прекаризационных форм занятости связан с низким уровнем гарантий и оплаты труда, недоинвестированием в человеческий капитал, отсутствием перспектив карьерного роста и т.п. Эти формы несут в себе новые потенциальные риски для субъектов рынка труда в плане потери социальной защищенности работниками [2], что влечет новое качество социальной политики в части преодоления асимметрии в отношениях работника и работодателя.

Научный интерес к специфике женской занятости связан с ее отличием от мужской занятости. Женщины, как принято считать, зарабатывают меньше, чем мужчины. Во многих странах женщины в меньшей степени включены в оплачиваемую работу, чем мужчины, но в большей степени заняты неоплачиваемым трудом. Женская занятость характеризуется разделением труда по признаку пола, социальными представлениями о гендерной специфике работы и социальной политикой в сфере труда. Социальные ожидания «мужского» и «женского» поведения укоренены в патриархальной системе ценностей, в традиционном разделении труда и способствуют воспроизводству гендерных стереотипов в современном обществе [1]. Но при этом в трудовом процессе у женщин развиваются такие профессиональные компетенции как тщательность и аккуратность в работе, внимательность, четкость, эмоциональность. Отличие женской и мужской рабочей силы обусловлены следующими гендерными различиями:

во-первых, фертильность женского организма является причиной отказа от профессионального обучения и построения карьеры;

во-вторых, ограниченность социально-экономической мобильности у женщин, усиливает гендерную дифференциацию в характере занятости. Это влечет дополнительные затраты по созданию условий для женского туда, что усиливает их дискриминацию у работодателя по сравнению с мужчинами;

в-третьих, некоторые льготы и трудовые гарантии имеют обратный эффект, поскольку не только защищают женщину, но и закрепляют за ней традиционную роль матери и хранительницы очага, ограничивая ее возможности в сфере труда и занятости, преграждая доступ к престижным и высокооплачиваемым профессиям [1].

Идея исследования по формированию гипотезы для определения наличия прекаризационных форм занятости женщин старше 55 лет в Беларуси возникла в связи с тем, что средняя продолжительность непрерывной работы в одной организации для женщин примерно такая же как и у мужчин. При достижении ими пенсионного возраста, возникающее у них желание оставаться занятыми, удовлетворяется. Но, как правило, не всегда на прежнем месте работы. Такое же желание у мужчин работодателем удовлетворяется более охотно с предоставлением работнику-мужчине пенсионного возраста рабочего места в этой же организации.

Следует предположить, что в Беларуси стаж работы в одной организации у женщин и у мужчин никак не влияет на мнение работодателя по поводу приоритетов занятости у мужчин и женщин старше трудоспособного возраста. С одной стороны. С другой стороны, следует предположить, что женская занятость в пенсионном возрасте имеет некоторые прекаризированные формы, так как отношение работодателей к ней имеет вполне определенную экономическую подоплеку (труд менее производителен, квалификация снижена, можно экономить на оплате труда и т.д.). Это может являться предпосылками формирования статистической дискриминации женской занятости в пенсионном возрасте по сравнению с аналогичной занятостью мужчин и с занятостью женщин в трудоспособном возрасте. Следствием этого может стать профессиональная сегрегация в части размера оплаты труда женщин старше трудоспособного возраста.

Эмпирической основой для формирования исследовательской гипотезы по оценке прекаризированной занятости женщин старше трудоспоспособного возраста была разработана анкета для опроса данной категории женщин и социологическая выборка.

1. поскольку данный проект имеет характер пилотного исследования, цель которого формирование исследовательской гипотезы, постольку количество выборки было ограничено 63 женщинами старше 55 лет и занятые в конкретной организации;

2. специфичность выборки характеризуется, в том числе, тем, данная категория работающих женщин в белорусских организациях постоянно сокращается по причине их увольнения по инициативе работодателя;

3. в выборке представлены: работающие женщины в бюджетных организациях таких как учреждения образования и учреждения здравоохранения, в банках, в производственной сфере (предприятия легкой промышленности РБ);

4. средний возраст женщин в выборке 58 лет, максимальный возраст представлен 66 летними женщинами. Причем 2,6% опрошенных женщин имеют несовершеннолетних детей.

5. по профессиональному уровню выборка характеризуется следующими параметрами:

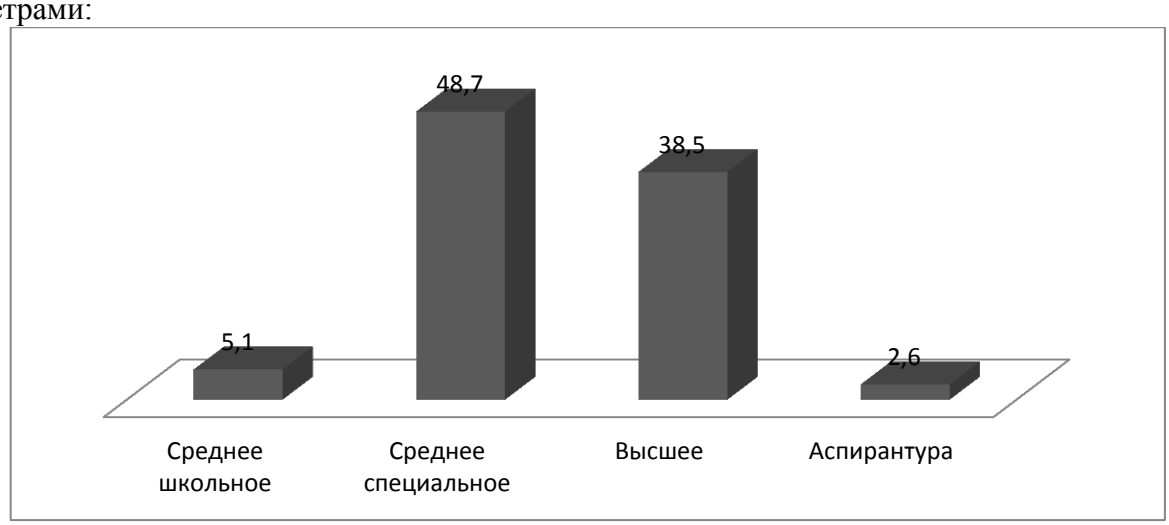


Рис.1-Характеристика выборки по уровню образования, %

Причины, по которым женщины пенсионного возраста продолжают работать и тем самым косвенно соглашаются на возможные условия прекаризированной занятости связаны с социально-экономическими и институциональными факторами. Эти факторы и определяют выбор женщин в пользу статуса занятости.

Анализ таких причин в данной выборке занятых женщин показал, что 57,6% респондентов делают свой выбор в пользу занятости исходя из экономической целесообразности, которая продиктована незначительным размером пенсионного пособия и необходимостью финансовой помощи детям (внукам). Остальные респонденты (более 40%) предпочитают статус занятости исходя из институциональных причин, которые позволяют женщинам пенсионного возраста быт встроенными в социальную жизнь (оставаться в коллективе), ощущать свою значимость и не изменять свой образ жизни. С точки зрения диалектики социального развития наличие институциональных причин, которые объясняют женскую занятость в пенсионном возрасте представляется понятным и объективным.

Так, в выборке 20,5% женщин не довольны своей работой. Следует предположить, что эта доля женщин свою занятость в данной организации считает ущемленной (несправедливой и т.п.).

Причины такой прекаризации могут быть разные. Однако в теории прекарита среди основных причин выделены: количество часов работы в неделю и сверхурочная работа; уровень стресса на рабочем месте; режимы занятости; уровень заработной платы; срок контракта; объем выполняемой трудовой нагрузки; внутрифирменная трудовая мобильность.

Признаки прекризированной занятости в анализируемой выборке характеризуются следующим:

1.В среднем женщины старше 55 лет работают не более 41 часа в неделю. Однако в выборке около 3% респондентов указали на то, что количество часов их работы в неделю вместе со сверхурочными составляет 72 часа. Элемент прикаризации по данному признаку существует.

2.В без стрессовых условиях работают только 17,9% опрошенных женщин. Остальные 79,5% женщин-респондентов работают в стрессовых условиях (из них у 38,5% уровень стресса высокий). Данный признак однозначно характеризует наличие элемента прекаризированной занятости у женщин данной категории. Однако, в данном контексте важно понимать: ощущение стресса в пенсионном возрасте может быть сублимированным и иметь субъективный характер (т.е., те условия которые в ином возрасте воспринимаются как нормальные, в пенсионном возрасте оцениваются как стрессовые).

3. Режимы занятости, определяемые через полную, неполную или почасовую занятость, в рамках данной выборки характеризуются следующими параметрами:

- в режиме полной занятости работают 71,8% женщин;
- в режиме неполной занятости – 10,3% женщин;
- в режиме почасовой занятости – 15,4% женщин.

Так следует полагать, что элементы прекаризированной занятости по данному признаку наблюдаются у ¼ обследованных женщин. Другими словами, данная выборка не исключает наличие этого признака.

4.Прекаризация женской занятости по признаку срока контракта и объема трудовой нагрузки в рамках данной занятости показала, что:

во-первых, данный признак выражен достаточно ярко: более половины всех женщин-респондентов имеет годичные трудовые контракты. Занятость этих женщин характеризуется как краткосрочная и шансы продления таких контрактов, как правило, не велики. Всего чуть более 2% женщин в выборке имеют продолжительную занятость сроком более 5 лет;

во-вторых, при краткосрочности занятости большинства женщин 20,5% указали на то, что уровень их трудовой нагрузки увеличился, а у более 60% она осталась такой же как и была до наступления пенсионного возраста. Только у 10,3% женщин объем трудовой нагрузки был сокращен вместе со сроком контракта и с наступлением пенсионного возраста.

Таким образом, правомерно утверждать, что существует прекаризация занятости женщин старше 55 лет по признаку продолжительности трудовых отношений. Другими словами, пенсионный возраст женщины является причиной непродолжительности трудовых отношений и отсутствие перспектив их планирования.

5. Представление о качестве занятости и о происходящих процессах в трудовых отношениях «женщина пенсионного возраста – работодатель» позволяют получить мнения респондентов по поводу:

- наличия (или отсутствия) внутрифирменной трудовой мобильности. Так, 77% занятых женщин пенсионного возраста остались работать на той же должности, которую занимали до 55 лет, и только у 13% женщин наблюдалась мобильность внутри организации;
- готовности женщин к профессиональному развитию. Мнения женщин по этому поводу не однозначны. Около 40% категорически отказываются от профессионального развития и еще почти 40% готовы это сделать, но при условии последующего повышения заработной платы. Только 18% респондентов готовы к профессиональному развитию;
- изменения отношения со стороны руководства к женщинам после наступления пенсионного возраста. Подавляющее большинство респондентов (почти 83%) указали на то, что это отношение никак не изменилось и осталось прежним;
- собственных планов женщин полностью уйти на пенсию или сохранить статус занятой. В итоге: 51,3% (т.е. больше половины респондентов) не планируют полностью уйти на пенсию, до тех пор, пока их не уволят, 28% женщин планируют работать и быть занятыми еще на протяжении 5 лет.

Таким образом, анализ мнений респондентов и предварительные оценки зависимостей факторов, определяющих возникновение признаков прекаризации занятости женщин старше 55 лет, позволяют сформулировать набор исследовательских гипотез для изучения такого рода женской занятости:

-прекризированая занятость возникает у женщин, которые до выхода на пенсию занимали должности (рабочие места) не высокие по социальному статусу и уровню заработной платы;

- высокий уровень стресса является отличительным признаком прекаризирвоанной занятости женщин пенсионного возраста;

- главный признак прекаризированной занятости – краткосрочный контракт не зависит от профессионально-квалификационных характеристик, уровня заработной платы и т.п. работающей женщины пенсионного возраста;

- степень и характеристика прекаризированной занятости женщин пенсионного возраста зависит от институциональных особенностей (больше чем от социально-экономических) организации и национальной экономики страны.

© Маковская Н.В. Текст. 2017

Список источников

1.Дружилов С.А. Прекариат и неформальная трудовая занятость в России: социально-психологические аспекты // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2015/01/9491 (дата обращения: 12.11.2015).

2. Федорова А.Э., Парсюкевич А.М. Прекаризация занятости и ее влияние на социально-экономическое благополучие наемных работников // http://izvestia.usue.ru/download/49/10.pdf. Дата доступа: 15.04.2016

Информация об авторе

Маковская Наталья Владимировна (Беларусь, Могилев) – доктор экономических наук, профессор, Могилевский государственный университет им.А.Кулешова, maknata@mail.ru

Makovskaya N.

PRECAUZED EMPLOYMENT OF WOMEN OF PENSION AGE IN BELARUS

The results of the author's research on revealing the directions of precarious employment in women of retirement age are presented. The study was conducted on the basis of Belarusian data. Specificity of precarized forms of employment in the national economy of Belarus has been revealed.

Keywords: female employment, retirement age, precarious employment

Information about the author

Makovskaya Natalia Vladimirovna (Belarus, Mogilev) - Doctor of Economics**,** Professor, Mogilev State University named after A. Kuleshov, maknata@mail.ru

УДК: 378.014.61(575.1)

Л.П. Максакова

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР КАЧЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

Образование становится стратегическим фактором развития экономики, оно важно и для государства, и для каждого человека. В Узбекистане создана своя система

образования, обеспечивающая рост образовательного уровня работающего населения. В статье раскрыто состояние высшего образования в Узбекистане и предложены рекомендации по повышению качества подготовки молодых специалистов.

Ключевые слова: образование, высшая школа, качество, проблемы, рекомендации

Глобализации мировых процессов накладывает огромную ответственность на систему высшего образования, которая должна не только формировать современном интеллектуальный потенциал страны, но работать на опережение. Образование становится стратегическим фактором развития экономики и ее конкурентоспособности на мировых рынках. Современной экономике нужны высококвалифицированные специалисты, владеющие инновационными знаниями и технологиями, способные разрабатывать новые идеи и доводить их до внедрения в производство.

Образование, его уровень и качество, важны и для государства, и для каждого человека. Для государства эта значимость выражается в подготовке интеллектуально развитых, творческих, активных личностей, способных осваивать и преумножать общечеловеческие ценности, национальные традиции и культуру. Уровень образования является важнейшей качественной характеристикой человеческого капитала страны. Именно успехи в наращивании интеллектуального потенциала позволили Японии, США, Великобритании, Финляндии, Германии, Швеции и другим развитым странам занять верхние позиции в мировых рейтингах экономического развития, уровня и качества жизни населения [5,с.12-18]. Модернизация экономики становится все более связанной с качеством профессионального образования, науки и разработкой новых идей. Япония, Сингапур, Тайвань, Гонконг, Южная Корея за относительно короткий срок осуществили прорыв на мировые рынки, главным образом, за счет коренного улучшения системы образования [1, с.12].

Для человека как для личности образование является способом приобретения интеллектуального потенциала, повышения профессионализма, расширения возможностей самореализации и карьерного роста. По оценкам экспертов Всемирного Банка, оно способствует повышению уровня жизни, среди людей с высшим образованием во всем мире уровень бедности значительно меньше, чем у других категорий населения [2, с.74]. Это означает, что в современном мире образование, глубокие профессиональные знания выступают важнейшим направлением качественного развития и общества, и личности. Государство может поддерживать высокий интеллектуальный уровень населения страны посредством реализации политики воспроизводства квалифицированных кадров.

За годы независимого развития в Узбекистане создана своя система образования, адекватная происходящим социально – экономическим преобразованиям в республике и отвечающая потребностям нового времени. Реформы обеспечили преемственность перехода от общеобразовательного к профессиональному образованию. После 9 класса школы юноши и девушки стали переходить в системы профессионального образования. К настоящему времени республика практически полностью перешла к новой структуре обязательного среднего специального профессионального образования. В процессе реформирования системы высшего образования введена двухуровневая система подготовки молодых специалистов: бакалавриат (4 года обучения) и магистратура (2 года).

Образовательные реформы внесли много нового в подготовку кадров. Расширена профессиональная номенклатура подготовки, модернизирована материальная база, разработаны новые учебные программы, учебники и учебные пособия на государственном языке, расширились международные связи в вопросах подготовки, переподготовки и повышения квалификации и т.д. В процессе реализации Национальной программы по подготовке кадров происходит рост образовательного уровня работающего населения. За 2010-2015 гг. доля работников с высшим и средним специальным образованием увеличилась

с 69,0 до 77,2%.[1] Это означает, что более трех четвертей занятого населения в настоящее время являются специалистами с высшим и средним профессиональным образованием.

В то же время обозначились определенные проблемы в системах высшего образования. Прежде всего, уменьшились масштабы подготовки. Число студентов вузов сократилось с 340,9 тыс. человек в 1990/1991 учебном году до 264,3 тыс. человек в 2015/2016 учебном году, т.е. на 29%. В расчете на 10 тысяч населения эта динамика особенно заметна - соответственно 167 и 84 человек. Количественное отставание республики происходит даже в пределах центрально – азиатского региона. По расчетам, в последние годы в Казахстане и Кыргызстане в вузах обучается 35 - 40% населения 19-24 лет, в России, Украине - 45 - 47%, а в Узбекистане значительно меньше.

Отставание республики обусловлено главным образом свертыванием системы вечернего и заочного высшего образования. Такие изменение структуры подготовки можно расценивать неоднозначно. С одной стороны, за счет этого происходит относительный качественный рост предложения высококвалифицированной рабочей силы из высшей школы, т.к. вечернее и заочное формы обучения всегда характеризовались более низким качественным уровнем. С другой стороны, сократились масштабы подготовки. Свертывание заочного образования лишило доступа к высшему образованию взрослого населения, не имевшего возможности получить его в более молодые годы. Со временем такая ситуация может привести к ухудшению образовательного уровня занятого населения, сокращению доли работников с высшим образованием в составе совокупной рабочей силы, что противоречит общей стратегии ускорения инновационного развития экономики.

Многие эксперты отмечают снижение качества высшего образования, связывая это с недостаточным финансированием высшей школы [4,с.13], слабым сотрудничеством университетов со стратегическими партнерами, а также более низким уровнем подготовки абитуриентов. По мнению И.М. Кричевера, профессора Колумбийского университета, сотрудника Института теоретической физики имени Л.Д. Ландау, уровень подготовки сегодняшних абитуриентов ниже, чем в 1970-80-х годах прошлого века. Он считает, что это связано с падением интереса к науке, что характерно для России и многих других стран [6].

Проблемы качества вузовского образования имеются и в Узбекистане. Об этом свидетельствуют относительно низкие оценки молодых специалистов в местах их трудоустройства, недостаточные профессиональные знания и навыки самостоятельной работы, полученные в процессе обучения. По данным экспертов Всемирного банка, полученным в результате опросов, в 2013 г. каждый третий работодатель отметил ухудшение качества выпускников как тенденцию. Низкий охват молодежи высшим образованием, слабое развитие вузовской науки, недостаточное сотрудничество со стратегическими партнерами обусловливают отставание Узбекистана в области патентной деятельности.

Образовательный потенциал выпускников вузов используется недостаточно эффективно. Определенная часть их не работают по полученной специальности, многие выпускники инженерно-экономических, аграрных, педагогических и других специальностей трудоустраиваются в торговле, в сферах неофициальной экономики или не работают вовсе. По оценкам экспертов Мирового Банка, уровень трудоустройства по специальности экономистов, медиков, педагогов, инженеров составляет в среднем 60-70%, перелив выпускников идет в строительство, сельское хозяйство, искусство [4,с.42]. Одним из факторов недоиспользования молодых специалистов является их неуверенность в своих профессиональных знаниях и квалификации, полученных в институтах и университетах.

В прошлом экономика Узбекистана осуществляла стратегию роста, ориентированную на производство и экспорт ресурсов, что было достаточно эффективным для того времени. Современная стратегия в большей мере нацелена на модернизацию производства, обеспечивающую не только увеличение экспорта, но и качественное изменение его структуры, повышение в нем удельного веса готовой продукции и технологий. Для ее

[1]Труд и занятость в Узбекистане. 2016.Ташкент, Госкомстат, 2016, с.29.

реализации целесообразно задействовать факторы спроса на внутренних и внешних рынках, в отраслях экономики, особенно в реальном секторе, внедрять инновационные системы и широко использовать знания в целях развития, что требует значительных качественных преобразований и в экономике, и в образовательных системах.

Проведенные исследования показали, что в целом национальная система высшего профессионального образования в Узбекистане в определенной мере является достаточно продвинутой и гибкой. Как известно, формирование и использование интеллектуально – кадрового потенциала определяются стратегией экономического развития государства, системой образования, уровнем профессиональной подготовки кадров и состоянием науки. В последнем десятилетии в Узбекистане в соответствии с избранной стратегией происходят достаточно заметные позитивные сдвиги в реализации экономической и кадровой политики. На государственном уровне принят ряд решений по сохранению и развитию интеллектуальных ресурсов, омоложению научных кадров, привлечению их к инновационной деятельности, что направлено на ускорение позитивных процессов в перспективе.

Однако национальная система высшего образования все еще недостаточно адаптирована к условиям развития рынка и быстро меняющегося спроса на квалифицированную рабочую силу. Современное профессиональное образование должно в большей мере соответствовать переориентации экономики на инновационные пути развития, требующей нового качества совокупного работника, что обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования и модернизации высшего образования. Необходимы более ощутимые качественные сдвиги в профессиональной подготовке молодых специалистов.

Результаты исследований позволяют определить следующие основные направления повышения качества подготовки специалистов в высших учебных заведениях республики:

- качественное улучшение до-вузовского обучения, от которого в дальнейшем зависит качественный уровень профессионального образования;

- увеличение финансирования высшего образования, в т.ч. его научной базы, с использованием государственных и международных грантов, потенциала профильных предприятий, заинтересованных в получении из вузов хорошо подготовленных молодых специалистов, а также спонсорских средств. Как показываем мировой опыт, средства, вложенные в научные исследования, дают неоднократный экономический эффект. Так, в США каждый доллар, вложенный в научные разработки, обеспечивает прирост ВВП на 9 долларов [3, с. 30];

- расширение масштабов высшего образования, в т.ч. за счет возврата системы заочного образования;

- всемерное содействие развитию вузовской науки, более широкое привлечение к научным исследованиям талантливой молодежи, создание и модернизация в вузах специализированных научно-технологических лабораторий, межвузовских научных центров и комплексов. В современных условиях важнейшим условием ускорения инновационного развития страны является способность системы высшего образования работать на опережение, а это возможно лишь в тесном единении образования и науки;

- достижение более эффективного взаимодействия системы высшего образования с рынком труда, тесной увязки специализации подготовки с направлениями и параметрами структурных преобразований в экономике;

- укрепление информационно-технической базы высших учебных заведений, обеспечение их электронной учебно-методической литературой и современными информационно-коммуникационными технологиями и системами, разработка и внедрение электронных образовательных ресурсов, особенно в регионах;

- дальнейшее развитие рыночных принципов организации высшего образования, усиление конкурентной среды, создание реального рынка высших учебных заведений и преподавателей.

В целях повышения качества вузовской подготовки молодых специалистов необходимо также укрепление профессорско-преподавательского потенциала высшей школы. рост квалификационного уровня преподавателей, снижение до оптимального уровня учебной нагрузки преподавателей, освобождение их от излишнего бумаготворчества, от нефункциональных видов деятельности, привлечение к процессу преподавания ведущих ученых и специалистов-практиков из профильных производственных структур и научно - исследовательских организаций..

Для укрепления профессорско-преподавательского потенциала вузов целесообразно создание современной, многоуровневой и более эффективной системы переподготовки и повышения квалификации преподавателей, способствующей внедрению в вузовский учебный процесс передового мирового опыта, прогрессивных педагогических технологий и новаций, современных информационно-технических средств обучения. По различным оценкам, в настоящее время в среднем через 3-5 лет устаревает половина знаний работников. Устаревание интеллектуальных знаний нуждается в их обновлении и развитии. В современных условиях переподготовка и повышения квалификации специалистов обусловлена не только быстрым старением знаний, но и происходящими качественными преобразованиями в экономике, внедрением новых технологий, развитием инновационных видов деятельности, создающих потребность в новых знаниях, осознанием идей непрерывного образования и внедрением их в практику, а также издержками профессионального образования, достаточно распространенной практикой трудоустройства выпускников не по специальностям, полученным в высшей школе. Высшее образование должно в большей мере соответствовать переориентации экономики на инновационные пути развития, требующей нового качества совокупного работника.

В современных условиях государство может поддерживать высокий интеллектуальный уровень труда только посредством успешной реализации политики воспроизводства квалифицированных кадров, увеличения инвестиций в человеческий капитал, повышения качества обучения на всех уровнях общеобразовательной и профессиональной подготовки, улучшения системы переподготовки и повышения квалификации кадров. Такой подход должен определять направления дальнейшего совершенствование системы образования.

© Максакова Л.П. Текст. 2017

Список источников

1. Высшее образование в Узбекистане: состояние и рекомендации. Аналитическая записка UNDP.–Ташкент, 2009. –.№ 1 (12).

2. Высшее образование в Центральной Азии. Отчет Всемирного банка. – Издание Всемирного банка,2007.

3. Патрон А.П. Государственное хозяйствование в США в начале XXI века. США и Канада: экономика и политика и культура. 2004, №4.

4. Узбекистан. Модернизация системы высшего образования. Документ Всемирного банка, июнь 2014,с.42.

5. Экономика знаний: перспективы для Узбекистана. // Экономическое обозрение. – Ташкент, 2008. –№5.

6. Электронный ресурс. URL: http://lenta.ru/. 20.08.2009 г.

Информация об авторе

Максакова Людмила Петровна (г. Ташкент, Республика Узбекистан) - д.э.н., зав. отделом Демографии и социально-экономического развития семьи Республиканского научно-практического Центра «Оила» (Семья), (100017, г. Ташкент, ул. Мустакиллик, 5. e-mail: lyudmila.maksakova@gmail.com, Тел: (998 71) 239 46 27

Maksakova L. P.

HIGHER EDUCATION AS THE FACTOR OF THE QUALITATIVE POPULATION AND ECONOMY DEVELOPMENTS

Education is strategic driving force of economic development, and it is important as for the state as well for every person. Uzbekistan has its own educational system which provides growth of educational level of working population. At same time there are some issues. The article disclosed current situation of high education system in Uzbekistan and proposed recommendations to improve the quality of training of young speacialist.

Keywords: education, high school, quality, issues, recommendations

Information about the author

Maksakova Lyudmila Petrovna (Tashkent, Uzbekistan) - Doctor of Economics, Academician of Labor and Bisiness Academy, Head of department of Demography Centre of the family of Republik of Uzbekistan (Mustakillik str, 5, Tashkent, 100017 Uzbekistan) e-mail: lyudmila.maksakova@gmail.com, Tel: (998 71) 239 46 27

УДК: 330.567.2:332.68

Е.В. Малыш

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО КЛАССА РАНТЬЕ

В статье рассматриваются особенности процесса формирования современного класса рантье в России. Указаны исторические предпосылки развития рентной ориентации субъектов собственности. Проведен анализ численности современных рантье. Выявлены типичные черты современных рантье и обозначены их два основных типа.

Ключевые слова: *рантье, рента, рентные отношения, пассивный доход, рентный доход.*

Слово рантье имеет французские корни – rentier. Интернациональным слово стало в XIX в., сразу приобрело статус финансового понятия. Им стали называть людей, «владеющих ценными бумагами (акции, облигации) и живущие на доходы от этих бумаг. Рантье совершенно не связаны с процессом производства, и их профессией, по выражению В.И. Ленина, является праздность (см. Соч., 4 изд., т. 22, стр. 263)» [1, с.23]. В начале XX в. понятие приобретает более широкий смысл. Под наименованием рантье стали понимать лиц, живущих на не трудовые, но на законные доходы. Законность получения указанных доходов обеспечивалась развитием прав собственности, рантье получали доход за счет владения активами.

Рантье, по мнению обывателей, это лица, присваивающие доход от использования того, что «дает» ренту. Со временем «то, что дает» ренту менялось, это были в разные периоды времени:

- различное имущество;
- земля, вода, лес и другие ресурсы, созданные природой;
- основные средства;
- финансовый капитал и другое.

Ключевой чертой рантье является то, что он никому не платит за использование собственных ресурсов, но получает, тем не менее, доход от их использования. Эти ресурсы либо созданы природой, либо создаются человеком, либо создаются обществом. Рантье получает так называемый пассивный доход, т. е. доход, в «зарабатывании» которого он не принимает никакого участия.

В современной российской действительности вниманию населения предлагаются

порядка 10 источников рентного дохода. Вот, лишь типичные источники, названные популярными сайтами по финансовой грамотности:

1) банковский депозит – классический, надежный источник;
2) использование авторского права, создание информационного бизнеса в сети;
3) создание мелкого бизнеса и последующий наем управляющего для его управления;
4) посреднические услуги;
5) вложение денежных средств в доверительное управление;
6) участие в финансовых пирамидах;
7) ссудные операции;
8) сдача собственного имущества в аренду или в пользование;
9) вендинг с поручением обслуживания автоматов на аутсорсинг;
10) личные инвестиции, сбор инвестиционного портфеля;
11) государственные и муниципальные выплаты и другие.

Рантье – это не вид деятельности, а образ жизни, сейчас, контрпродуктивной жизни.

Рантье, в начале оформления термина, не производили какую-либо предпринимательскую деятельность, не принимали участие в полезной деятельности, как предпринимательской, так и в работе по найму. Для получения подобного дохода рантье не нес дополнительных затрат. Доход рантье раньше тратил преимущественно на потребление.

Капитализм способствовал появлению класса рантье. Капитализм легализовал прибыль, полученную при помощи использования имущества, находящегося в их распоряжении.

Личным мотивом для формирования психологии рантье было стремление к безбедному существованию, на максимизацию текущего дохода. Первыми рантье были землевладельцы. Затем купцы и промышленники, отошедшие от дел. Специфичный доход рантье определил их образ жизни. Рантье, в то время, были исключены из сферы производства и торговли, они не принимали участия в жизни общества. Социально рантье характеризовались обостренным индивидуализмом, боязнь социальных и экономических катастроф вовлекла рантье в строй консерваторов.

Рентный доход всегда зависел от колебаний в экономической сфере и в политике. Поэтому рантье являлись, изначально и много веков подряд, консерваторами. В основном это были пассивные в социальном отношении люди, главным смыслом жизни которых было потребление. По словам американского экономиста и социолога, основоположника институционализма в политической экономии Т. Веблена исторический класс рантье – это прослойка людей, «паразитирующей на реальном производстве» [3]. Т. Веблен в своем знаменитом труде «Теория праздного класса: экономическое исследование институций» (англ. The Theory of Leisure Class, An Economic Study of Institutions, 1899) говоря, по сути, об рантье, ввел термин «праздный класс».

Н.И. Бухарин в 1914 г. в книге «Политическая экономия рантье» указывал на возрастающую роль рантье в процессах развития и роста кредитной экономики [2].

Исторический рантье изначально был связан со сферами обращения: недвижимости (в первую очередь, земли) и ценных бумаг (фондовый рынок). Отношение в обществе к первым рантье было однозначно отрицательным: их бездеятельность противопоставлялась индустриальным капиталистам. Своей главной задачей рантье видел во вложении и сбережении своего капитала.

В России до 1917 г. слой рантье был представлен землевладельцами. Соответственно после революции, когда единственным источником дохода стал признаваться только труд, отношение к рантье стало резко отрицательным. Так, в Большой советской энциклопедии, при определении «рантье» большее внимание акцентируется на получении нетрудовых доходов, что, считалось, чуждо социализму. Отсутствие рантье в советское время в Большой советской энциклопедии связывают с отсутствием рынка ценных бумаг, что, по нашему мнению, не верно, хотя полностью лежит в пределах концепции об узком определении ренты.

Ввиду того, что современная Россия по основным признакам экономических систем стремится к капиталистической системе, то есть смысл привести энциклопедическую трактовку условий возникновения и процветания рантье: «в эпоху империализма повышение концентрации и централизации производства приводит к громадному накоплению денежного и разбуханию фиктивного капитала в связи с быстрым ростом акционерных обществ. В этих условиях быстро растет слой рантье, живущих “стрижкой купонов”» [5, с.455].

Современный класс российского рантье отличается от исторического. Его бурное рождение в нашей стране связывают с восстановлением рынка ценных бумаг и с развитием рынка недвижимости. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики доля населения (в сумме доходов), получающая доходы от собственности в среднем за период с 2000 г. по 2015 г., составила 6,85 %. Только в 1991 г. доля населения, живущая с доходов на собственность, превысила 10 % и составляла 12,8 %, в целом, даже охватывая сведения с 1970 г. указанная доля никогда не превышала 10 %. Это сведения указанные в «суммовом» измерении, но сведений о численности указанной группы населения, к сожалению, можно найти в официальной статистике только на момент переписи.

При Всероссийской переписи населения 2010 г. указали источник средств к существованию: сбережения, дивиденды, проценты - 641055 человек; сдачу внаем или в аренду имущества, доход от патентов, авторских прав - 368675 человек. В качестве основного источника средств к существованию за счет сбережений назвали 287306 человек, за счет аренды и авторских прав – 62726 человек, что составляет соответственно доли от общего числа человек, назвавших указанный вид дохода: 44,82 % и 17,01 %. Прирост числа людей, указавших на сбережения, дивиденды и проценты к числу в 2002 году составил 183,3 %; на сдачу внаем или в аренду имущества, доход от патентов, авторских прав – 164,1 %. Доля людей, показавших, на сбережения, дивиденды, проценты, к общей численности населения, указавших источники средств существования в 2002 году составила 0,2 %, а 2010 году – уже 0,5 %. Аналогичная доля по сдаче имущества в аренду, доходы от патентов, авторские права: 2002 г. 0,2 %; 2010 г. 0,3 %.

По результатам анализа результатов переписи населения 2010 г. численность людей, признавших себя рантье, весьма не велика. Это объясняется многими причинами. Основная причина состоит в том, что какая-то (невыясненная, достаточно сложная в прогнозе) часть населения не считает нужным афишировать свои дополнительные доходы (в особенности «не трудовые»). Тем более, что еще свежи в память предыдущих поколений бывших советских людей, не очень-то удачные способы налогообложения или обязательного страхования имущества, вынимавшие из кармана тотально безденежного населения (в особенности сельского) значительные суммы.

Признать, что по результатам переписи получены не верные, ошибочные сведения, тоже нельзя. За 20 лет, которые прошли после введения права собственности на недвижимость и землю, начала функционирования рынка ценных бумаг, образовалась группа собственников недвижимости и ценных бумаг. Это группа невелика, что соответствует основным тенденциям рентной экономики. Рентная экономика не терпит большого числа собственников, что и демонстрирует (по данным Федеральной службы государственной статистики) статистика.

Современную группу российских рантье некоторые авторы называют «классом» [4] и признают, что это социально активный класс.

Образ жизни современных российских рантье по-своему привлекателен. Сейчас, по опросам социологов, большинство людей мечтают не работать, жить в своё удовольствие и получать при этом хороший доход, не прилагая особых усилий. Используя свои социальные интересы, они образовывают в социальный капитал. Современные рантье формируют особый образ жизни, образ жизни узкого круга лиц, который им позволяет аккумулировать финансовый капитал. Ореол финансовой независимости и возможность заниматься тем, что по душе, а не тем, что востребовано в экономике и в обществе. Активная деятельность

рантье, их активная социальная позиция все больше и больше возбуждает социальные конфликты, сдерживает рост экономики.

Исторический рантье «дал» обществу консерватора, современный – либерала сберегателя-распределителя. Основной метод «функционирования» современного рантье – это регулярное резервирование, накопление, обязательное вложение средств в пассивный капитал, распределение и перераспределение.

Если исторический рантье – это отчасти инвестор, то современный – «сетевик», активно наживающийся на знаниях, действиях других людей. Ему уже не нужна собственность как таковая, ему достаточно иметь, а лучше иметь как можно больше людей в сфере своего влияния, обладающих собственностью на разнообразные ресурсы. При помощи своего властного влияния рантье стремится пользоваться чужими умениями, знаниями, имуществом, ресурсами. Современный рантье – это «собственник» информации о том, как лучше использовать только те ресурсы, которые будут востребованы экономикой завтра и дадут ему, как источнику «знаний», доход. Нынешний рантье – это тот, который «зарабатывает» на распределении всего и вся. Да, и доход ему нужен не для потребления, он ему нужен для дальнейшего «закручивания» рентного «колеса»: имею, знаю куда вложить, распределить, направить, получать доход, истратить на то, чтобы снова получить доступ к «иметь, распределять, получать»…

Быть рантье означает исполнить «американскую мечту» - заработать капитал, вложить его и жить на проценты. Эта мечта «легла» на благодатную почву русского характера – любителей «халявы».

Современные проявления класса рантье в России связаны с философией дауншифтинга. Перечислим типичные проявления народного массового российского рантье:

- отказ от напряжения, связанного с работой, т. е. уменьшение как времени работы, так и интенсивности физических и умственных усилий, связанных с ней;
- борьба за увеличение свободного времени, времени не связанного с выполнением трудовых обязанностей и времени не связанного со сном;
- постоянное стремление по снижению стресса, связанного с характером работы в разнообразных формах: отказ от карьерного роста в пользу «тихого» местечка; намеренная демонстрация своего якобы «не умения» для того, чтобы «отстали»; поиск всевозможных способов уменьшения ответственности за результаты труда; ложная мотивация и другое;
- поведение потребительского минимализма: маленькая семья, маленькая жилплощадь, минимализм в домашнем интерьере, отсутствие потребительских запасов «на черный день» и другое.

По нашему мнению, современный массовый российский рантье, делится на две категории, очень сильно отличающихся по численности.

Первая категория. Они проявляют себя в качестве рантье с разной степенью активности. Рантье-предприниматели связанные с распределением производительной ренты:

1) владельцы-бизнесмены, отошедшие от дел, либо не принимающие активного участия в делах своих предприятий, но требующие для себя достойного вознаграждения, либо действующие через наемный топ-менеджмент;
2) активные и бывшие топ-менеджеры, сумевшие получить доступ к праву собственности своих компаний (законным и незаконным способом);
3) чиновники всех уровней и приближенные к власти, получающие различные виды поддержки от государства;
4) предприниматели-собственники, лица, занимающиеся собственным бизнесом;
5) инвесторы, стремящиеся максимизировать свой доход, путем инвестирования в наиболее доходные инструменты рынков.

Вторая категория. Рантье, связанные с распределением потребительской ренты, массовая группа:

1) мелкие предприниматели, бизнес которых основан на информационных и/или сетевых взаимоотношениях;

2) наемные работники: рантье, устремленные к минимизации как потребления, так и минимизирующие свои трудовые усилия;

3) население: асоциальные рантье, минимизирующие потребности; лица, пребывающие в искусственной виртуальной реальности, отчужденные от самих себя и от своей семьи.

Особенность повседневных практик второй категории рантье состоит в том, что они не воплощаются ни в каком институте, они образуют социальные сетевые организации, взаимодействуют по сети, защищаются от институциональных давлений, формируют особую форму современной свободы, «освобожденной от экономики». Эта категория рантье крайне закрыта и, поэтому, не поддается ни анализу, ни какому-либо управляющему воздействию.

Две указанных группы российских рантье, сформировались за последние 25-30 лет. О способах накопления их капиталов у них никто не спрашивал и спрашивать не будет – очень часто это опасно делать, но всем понятно, что в большинстве случаев за богатством рантье стоит банальное воровство. По образу жизни, рантье, владеющие и живущие с доходов на собственность, отличаются от и крупных собственников, и от мелких предпринимателей, и от работников наемного труда.

Современный рантье, как российский, так и общемировой, становится системным явлением. Рантье постепенно стали превращаться в субъекты рентных отношений. Этому способствовало и само общественное развитие (общеэкономическое развитие), и развитие рентных отношений в направлениях:

1) обоснование и фиксация ренты на различных уровнях хозяйствования;

2) дальнейшее развитие видов рентных отношений;

3) совершенствование форм изъятия ренты;

4) достоверность оценки рентных ресурсов;

5) обоснование методов взимания и учета ренты;

6) преимущества кадастровых способов методов учета и оценки рентных ресурсов;

7) определение методов расчета рентных платежей;

8) формирование и эффективное распределение рентных доходов;

9) разработка и обоснование принципов рентных платежей.

Ключевыми условиями отнесения любого экономического агента к группе рантье-субъектов являются, по нашему мнению, следующие:

- достаточное условие – осуществление рантье экономической власти над субъектами окружающей сферы при эксплуатации ими рентообразующих ресурсов, т. е. *формирование мотивов* (рентоориентированного поведения) *для* минимизации *эксплуатации* рентообразующих ресурсов с целью максимизации наполнения фондов рентных доходов;

- необходимое условие - определенный набор прав собственности на рентообразующие ресурсы, которые позволяет рантье сформировать *целевые установки по расходованию* фондов рентных доходов субъектами окружающей сферы, а именно распределению, присвоению и использованию рентных доходов, при минимальном использовании средств фондов, с максимально положительным эффектом в первую очередь для рантье и только затем, для субъектов окружающей сферы.

© Малыш Е.В. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ИЭ УрО РАН № 0404-2015-0025 «Приоритетные направления трансформации региональных агропродовольственной системы в условиях импортозамещения».

Список источников

1. Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. – М. : Большая советская энциклопедия, 1955. – Том 36. – 672 с.
2. Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы / Н.И. Бухарин. – М. : Орбита, 1988. – 192 с.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. - М. : Прогресс, 1984. – 367 с.
4. Гунина А.А. Современные российские рантье: особенности социального состава и образа жизни / А.А. Гунина // Социологические исследования. – 2011. - № 11. – С. 75-78.
5. Экономическая энциклопедия : Политическая экономия : 4 т. / Гл. ред. А.М. Румянцев. – М. : Сов. энциклопедия, 1972. - (Энциклопедии. Словари. Справочники. Науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (пред.) и др. / Отд-ние экономики АН СССР). – Т. 3: Н - Социологическая школа. - 1979. - 623 с.

Информация об авторе

Малыш Елена Владимировна (Российская Федерация, г. Екатеринбург) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, malysz.elena@mail.ru).

Malysh Y.V.

FACTORS OF FORMATION OF THE MODERN CLASS OF THE RENTIER

In article features of process of formation of a modern class of the rentier in Russia are considered. Historical prerequisites of development of rent orientation of subjects of property are specified. The analysis of number of modern rentier is carried out. Typical lines of modern rentier are revealed and their two main types are designated.

Key words*: rentier, rent, rent relations, passive income, rent income.*

Информация об авторе на английском языке

Malysh Yelena Vladimirovna (The Russian Federation, Yekaterinburg) – Candidate of Economic Sciences, the research associate, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29, malysz.elena@mail.ru).

УДК: 314.172:338.49

Ю.А. Мащенко

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ

В статье охарактеризован медико-демографический потенциал регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов в сравнении с общероссийской динамикой. Показано, что состояние и перспективы развития медико-демографического потенциала регионов определяются возможностями социальной инфраструктуры.

Ключевые слова. Медико-демографический потенциал, социальная инфраструктура, социально-экономические факторы, социальная сфера.

Определяющую роль в процессе формирования постиндустриального общества в России и ее регионах, преодолении последствий экономического кризиса и выхода на траекторию устойчивого экономического роста должен играть человеческий капитал и его важнейший компонент – медико-демографический потенциал. Общими индикаторами медико-демографического потенциала и состояния здоровья населения частично могут

выступать показатели ожидаемой продолжительности жизни, общий коэффициент смертности и коэффициент младенческой смертности (таблица 1). На их значение в целом оказывает влияние широкий спектр факторов, характеризующих не только потенциал здоровья населения территории (половозрастная структура населения и сопряженная с ней стадия демографического перехода, социально-экономическая ситуация, экологическая обстановка, климатические условия и степень адаптированности к ним населения и др.), но на их основе можно сделать предварительные выводы о состоянии здоровья.

Таблица 1

Некоторые показатели демографической ситуации в РФ и регионах Юга России в 2005-2015 году

	2005	2010	2015
Общий коэффициент смертности (число умерших на 1000 человек населения)			
Российская Федерация	16,1	14,2	13,0
Южный федеральный округ	15,6	14,1	13,3
Северо-Кавказский федеральный округ	9,4	8,6	7,9
Коэффициенты младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми)			
Российская Федерация	11,0	7,5	6,5
Южный федеральный округ	11,4	7,1	6,3
Северо-Кавказский федеральный округ	13,0	12,0	10,3
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)			
Российская Федерация	65,37	68,94	71,39
Южный федеральный округ	67,14	70,12	72,13
Северо-Кавказский федеральный округ	69,93	72,19	74,63

Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики РФ [1]

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что показатели ожидаемой продолжительности жизни в РФ и в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах за рассматриваемый период существенно возросли – на 9,2%, 7,4% и 6,7% соответственно. Определенным вкладом в данный прирост стало снижение коэффициента общей смертности - в РФ на 19,3%, В Южном федеральном округе на 14,8%, в Северо-Кавказском федеральном округе на 16%. Значительное снижение коэффициента младенческой смертности в последние годы происходило в основном за счет уменьшения смертности от отдельных состояний, возникающих в перинатальный период, а также от врожденных пороков развития. [2]

Состояние указанных показателей в регионах Юга России в сравнении с другими субъектами наглядно демонстрирует рейтинг регионов по качеству жизни, в том числе состоянию основных параметров здоровья (таблица 2). Экспертами агентства «РИА Рейтинг», входящего в медиагруппу «Россия сегодня», в 2016 году был составлен очередной, четвертый по счету рейтинг на основе объективных индикаторов, для расчета которых использовались данные публикуемой официальной статистики. [3] Среди 73 показателей, объединенных в 11 групп, характеризующих основные аспекты условий проживания в регионе, от уровня экономического развития и объема доходов населения, до обеспеченности населения различными видами услуг и климатических условий, были выделены следующие показатели, характеризующие состояние здоровья населения:

– ожидаемая продолжительность жизни при рождении;

– смертность населения в трудоспособном возрасте;
– младенческая смертность;
– коэффициент перинатальной смертности;
– общая заболеваемость всего населения.

Таблица 2

Позиции регионов Юга России по показателям, входящим в группу «Здоровье населения»

	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Смертность населения в трудоспособном возрасте	Младенческая смертность	Коэффициент перинатальной смертности	Общая заболеваемость всего населения
Астраханская область	20	20	70	79	11
Волгоградская область	10	19	41	41	18
Кабардино-Балкарская Республика	5	4	46	4	3
Карачаево-Черкесская Республика	5	6	64	46	6
Краснодарский край	10	14	16	20	15
Республика Адыгея	10	13	55	13	9
Республика Дагестан	3	2	82	63	25
Республика Ингушетия	1	1	80	83	59
Республика Калмыкия	10	11	73	75	14
Республика Северная Осетия - Алания	5	70	77	75	5
Ростовская область	20	18	44	30	52
Ставропольский край	8	9	70	74	7
Чеченская Республика	8	3	83	81	10

Согласно данным таблицы 2, состояние здоровья регионов Юга России не всегда определяется общепринятыми представлениями о взаимосвязи характеризующих его показателей. Так, ожидаемо, что высокая продолжительность жизни будет сопровождаться низкой общей заболеваемостью; низкое значение показателя общей смертности будет коррелировать с низкими уровнями частных коэффициентов смертности (населения в трудоспособном возрасте, младенческой, перинатальной) и т.д.. В сфере здоровья населения южнороссийских регионов данные тенденции проявляется не столь однозначно.

Все 13 субъектов Юга России входят в первые две десятка регионов по ожидаемой продолжительности жизни населения, однако места данных регионов в рейтинге общей заболеваемости населения значительно ниже (с 3 по 59). При этом наиболее высокие показатели заболеваемости населения (59 и 52 место в общестрановом рейтинге соответственно) регистрируются как в субъекте с самой высокой ожидаемой продолжительностью жизни (ОПЖ) – Республике Ингушетия, так и в субъекте с самым низким значением показателя ОПЖ – Ростовской области. Тем не менее, в большинстве случаев показатель ожидаемой продолжительности жизни в регионе коррелирует с состоянием общей заболеваемости населения, что наиболее очевидно проявляется в близком значении рангов данных показателей у следующих субъектов: Кабардино-Балкарская Республика (5 и 3 место соответственно); Карачаево-Черкесская Республика (5 и 6 место); Республика Адыгея (10 и 9 место); Республика Северная Осетия-Алания (5 место по обоим показателям); Ставропольский край (8 и 7 место); Чеченская Республика (8 и 10 место).

У четырех субъектов разница в рангах данных показателей составляет не более 9; и только для трех субъектов (Республика Дагестан, Республика Ингушетия и Ростовская область) это различие, как отмечалось выше, существенно, что свидетельствует об отсутствии прямой причинно-следственной связи между показателями.

Более устойчивой представляется связь между индикатором ожидаемой продолжительности жизни и смертностью населения в трудоспособном возрасте. Традиционно высокие на Юге России показатели младенческой и перинатальной смертности также в ряде случаев характеризуются существенными различиями ранговых значений. Так, при низком уровне перинатальной смертности в Кабардино-Балкарской Республике (4 место в России) уровень младенческой смертности там достаточно высок – 46 место. Аналогичное расхождение данных показателей характерно и для Республики Адыгея (13 и 55 место соответственно). В целом на Юге России уровень как младенческой смертности (по данному показателю места регионов в рейтинге распределяются от 16 до 83), так и перинатальной смертности (места с 4 по 83) остаются достаточно высокими

Проанализированные выше показатели служат важными индикаторами социального благополучия и развития системы здравоохранения регионов, однако позволяют лишь в общем судить о состоянии здоровья населения. Более точную картину в данной сфере дают показатели заболеваемости населения по основным классам болезней. Статистические данные характеризуют рост заболеваемости населения за период 2005-2015 годы в основном за счет увеличения случаев заболеваний органов дыхания, новообразований. При этом уровень заболеваемости населения в регионах ЮФО остается существенно ниже среднего по стране значения, в регионах СКФО отмечено даже общее снижение значения данного показателя. Так, показатель заболеваемости населения в РФ в 2015 году составил 778,2 заболеваний, в ЮФО – 692,8, в СКФО – 655,3 на 1000 человек.

Более детальный анализ заболеваемости населения показывает, что в целом в регионах Юга России население значительно реже болеет всеми видами болезней (за исключением болезней крови и кроветворных органов). Относительно низкими являются показатели заболеваемости болезнями органов дыхания (60-90% от среднестранового значения показателя, за исключением Ростовской области) – основной причины заболеваемости населения в стране. Однако при этом практически по всем классам болезней отмечаются существенные территориальные различия. Так, экстремально высокими, превышающими среднероссийские значения являются показатели заболеваемости:

- инфекционными и паразитарными болезнями в Республике Ингушетия – 44,8 на 100 человек населения (на 60% выше значения соответствующего показателя в РФ и в 2,1 раза в округе);
- болезнями крови и кроветворных органов в республиках Дагестан и Чечня – 42,7 и 40,9 на 1000 человек населения соответственно (что в 9 раз превышает среднероссийское значение показателя);
- болезнями системы кровообращения в республиках Карачаево-Черкессия и Ингушетия – 63,5 и 62,1 на 1000 человек населения соответственно (что в 2 раза выше среднего показателя);
- болезнями органов пищеварения в Республике Дагестан – 67,9 на 1000 человек населения (193% от среднероссийского значение);
- врожденными аномалиями в Республике Северная Осетия-Алания – 6,7 на 1000 человек населения (что в 3,4 раза выше среднего в РФ значения показателя) и т.д. [3]

Социально-экономическое значение высокого уровня заболеваемости по отдельным классам болезней определяется не только тем, что среди причин смертности населения он может занимать одно из ведущих мест, но и тем, что существенным образом влияет на среднюю продолжительность жизни, размеры невосполнимых потерь населения, экономическую активность и трудовую деятельность, снижает в целом уровень жизни и качество человеческого потенциала.

Таким образом, общее состояние здоровья населения в регионах Юга РФ отличается

достаточно благоприятной динамикой, определяющее значение на которую оказали:

- факторы климато-географического порядка (по общей оценке климата, данной «РИА Рейтинг», регионы ЮФО и СКФО занимают места с 1 по 13);
- относительно омоложенная и сбалансированная половозрастная структура населения в северокавказских республиках;
- меньшая подверженность населения нездоровому образу жизни и склонность к вредным привычкам, распространенность положительных социальных норм и традиций (в том числе религиозных и национальных);
- достаточно благоприятная экологическая обстановка и состояние окружающей среды.

Относительно благополучная динамика показателей, отражающих состояние здоровья населения южнороссийских регионов в значительной степени коррелирует с состоянием окружающей среды. Так, по данным Росстата на регионы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов приходится 788 млн. т выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, что оставляет 4,6% от общероссийского показателя. Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты 1641 млн. куб.м, что составляет 11,4% от общего показателя по стране..

Вместе с тем определенную угрозу состоянию здоровья населения в регионах Юга России представляет инфраструктурное состояние самой отрасли, представленное кадровой, материально-технической, а также финансовой составляющей. Так, в сопоставлении с данными по РФ в ЮФО и СКФО к 2015 году сложились следующие значения некоторых основных показателей системы здравоохранения (таблица 3).

Таблица 3

Состояние системы здравоохранения Южного и Северо-Кавказского федеральных округов

	РФ	ЮФО	СКФО
Число больничных коек на 10000 человек населения	83,4	80,7	73,4
Мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10 000 человек населения, посещений в смену	263,5	240,3	176,7
Численность врачей всех сспециальностей на 10 000 человек населения	45,9	41,7	39,5
Численность среднего медицинского персонала, на 10 000 человек населения	105,8	96,6	91,3

Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики РФ [1]

Налицо общий дефицит квалифицированных кадров, стационарных условий оказания медицинской помощи, что в условиях увеличения потребностей населения в медицинской помощи (в том числе по причине увеличения лиц пенсионного возраста), появления современных высокоэффективных технологий, существенного бюджетного удорожания медицинских услуг может привести к ухудшению состояния здоровья и росту показателей смертности. При этом наличие кадровых, материально-технических, финансовых и других проблем, запаздывающее развитие социальной инфраструктуры и социальной сферы в целом является характерной чертой анализируемой территории.

Юг России также отличается значительными межрегиональными диспропорциями по качеству оказываемых медицинских услуг, доступности высококвалифицированной помощи и эффективности системы здравоохранения в целом. Специализированные современные клиники сконцентрированы преимущественно в нескольких крупнейших городах округа (гг. Краснодар, Ростов, Астрахань, Волгоград), а объем оказываемых услуг также имеет неоднородную структуру по субъектам Российской Федерации. В Северо-Кавказском федеральном округе возможности предоставления высокотехнологичной и специализированной медицинской помощи определяются в основном мощностями многопрофильной Ставропольской краевой клинической больницы и Северо-Кавказского

медицинского центра Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

По нехватке врачей заметно выделяются в Южном федеральном округе Республика Адыгея, Ростовская область и Краснодарский край, в Северо-Кавказском Федеральном округе – Республики Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкессия и Чечня. Недостаточно обеспечены средним медицинским персоналом практически те же регионы – Ростовская область, Краснодарский край, республики Дагестан, Ингушетия и Чеченская, а недостаточность мощностей амбулаторно-поликлинических учреждений испытывают все регионы Юга России, за исключением Астраханской и Волгоградской областей.

Таким образом, анализ состояния здоровья населения регионов Юга России показывает, что при относительно благополучной его динамике на фоне остальных территорий имеющийся в данной сфере «запас прочности», сформировавшийся благодаря климатическим, экологическим, демографическим, поведенческим и другим особенностям данных регионов, может исчерпаться, если не принимать своевременных мер.

Учитывая указанные выше особенности медико-демографического потенциала в вопросах развития системы здравоохранения и социальной сферы в целом в регионах Юга России необходимо сконцентрировать усилия на следующих направлениях:

- совершенствование материально-технического оснащения отрасли, в том числе в виде реконструкции и модернизации многопрофильных больниц и специализированных медицинских центров; совершенствования системы закупок материально-технических средств для учреждений здравоохранения, обеспечение современным медицинским оборудованием и т.д.
- сохранение и укрепление кадрового потенциала учреждений здравоохранения, в том числе путем развития системы непрерывного профессионального образования, социальной и экономической поддержки молодых специалистов с целью их закрепления в региональных и муниципальных учреждениях здравоохранения и др.
- совершенствование структуры оказываемой медицинской помощи на основе развития системы информирования населения о навыках поведения и образе жизни, сберегающих здоровье, возможных опасностях и угрозах; обеспечения функционирования системы выездных бригад врачей – узких специалистов с целью углубленных осмотров населения в отдаленных территориях; развития системы служб и консультаций в части кардиологической помощи, профилактики и лечения онкологических заболеваний; расширения охвата населения профилактическим мероприятиями и др.

Очевидно, что содержание региональной демографической политики и способы ее осуществления необходимо четко дифференцировать в территориальном плане, одновременно не нарушая при этом основных принципов политики общегосударственной. [4] При этом очевидно, что перспективы развития медико-демографического потенциала полностью связаны с возможностями экономического роста и развития социальной инфраструктуры.

© Мащенко Ю.А. Текст. 2017

Список источников

1. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2016 г. / Стат. сб. - . [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

2. Щербакова Е.М. Демографические итоги I полугодия 2016 года (часть II) //Демоскоп Weekly. 2016. № 693-694. URL: http://demoscope.ru/weekly/2016/0695/barom01.php (дата обращения 30.04.2017)

3. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2015. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf (дата обращения 2.05.2017)
4. Садовникова Ю.Ю., Тимейчук Л.Н. Управление демографическим потенциалом региона: оценка состояния и перспектив развития демографической политики в РФ / Управление территориальным развитием: тенденции, проблемы, перспективы: Монография. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУФ РАНХиГС, 2015, с. 132

Информация об авторе

Мащенко Юлия Александровна, Россия, Ростов-на-Дону, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70, www.uriu-ranepa.ru

Mashchenko Yu.A.

INFRASTRUCTURAL RESTRICTIONS OF FORMATOIN THE MEDICAL AND DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE RUSSIA` SOUTH REGIONS

The article describes the medical and demographic potential of the regions of the Southern and North Caucasian federal districts in comparison with the all-Russian dynamics. It is shown that the state and prospects of the development of the medical and demographic potential of the regions are determined by the possibilities of the social infrastructure.

Keywords. Medico-demographic potential, social infrastructure, social and economic factors, social sphere.

Information about the author

Mashchenko Yulia Aleksandrovna, Russia, Rostov-on-Don, PhD in Economics, associate professor, South-Russian Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service, Rostov-on-Don, ul. Pushkinskaya, 70, www.uriu-ranepa.ru

УДК: 314

А.А. Миронова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СИСТЕМА РОДСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

В данной статье рассматриваются последствия демографических изменений для системы частных межпоколенных трансфертов. Выявлены основные демографические факторы частных межпоколенных трансфертов, среди которых: изменение в возрастной структуре населения, распространённость разводов, повторных браков, незарегистрированных союзов, повышение миграционной активности населения, процесс нуклеаризации - а также проанализировано их влияние на систему частных межпоколенных трансфертов.

Ключевые слова: семья, частные межпоколенные трансферты, межсемейные обмены, демографические изменения, домохозяйства.

Взаимная поддержка между поколениями в рамках семьи составляет основу не только семейных отношений, но также и всей системы общественного благосостояния. Так, родители продолжают поддерживать своих детей не только в период взросления, но и когда

те становятся самостоятельными и покидают родительский дом. В свою очередь дети помогают своим родителям в трудных ситуациях – например, заботятся о них во время болезни.

Обмены различными видами благ и услуг между поколениями на безвозмездной основе обозначаются общим термином «трансферты». Особенность частных трансфертов, в отличие от государственных, состоит в том, что ресурсы перераспределяются по неформальным каналам. К неформальным можно отнести родственные каналы, а также каналы дружеской и приятельской поддержки. Принимая во внимания межпоколенный аспект, выделяют нисходящие (от представителей старшего поколения младшему) и восходящие (от младшего поколения старшему) трансферты.

Функционирование системы частных межпоколенных трансфертов обусловлено множеством различных факторов – культурными нормами, уровнем благосостояния населения, системой существующих экономических институтов и т.д. В этой общей системе взаимосвязанных факторов демографические занимают особое место, предопределяя структурные предпосылки частных обменов. Например, в связи со снижением рождаемости, повышением мобильности населения, активностью женщин на рынке труда, а также изменением семейных отношений в связи с разводом и повторным браком «доступность» членов семьи сокращается. С другой стороны, за счет роста выживаемости родственников, усложнения родственных связей в связи с распространённостью повторных браков увеличивается «предложение» межпоколенной поддержки.

Можно выделить три основные группы демографических факторов, влияющих на систему частных межпоколенных трансфертов: изменение в возрастной структуре населения, распространённость разводов, повторных браков, незарегистрированных союзов, процесс нуклеаризации.

Изменение в возрастной структуре населения определяется особенностями режимов рождаемости и смертности. Так, снижение в уровне рождаемости и увеличение продолжительности жизни ведёт к росту числа одновременно живущих в семье поколений (вертикальное расширение семьи), в то время как число представителей одного поколения снижается (горизонтальное сужение). Такие структурные изменения ведут к тому, что, с одной стороны забота о пожилых членах семьи ложится на плечи меньшего числа представителей младшего поколения, а с другой – потенциал поддержки молодого поколения возрастает за счёт роста числа представителей старшего поколения. Как показывают исследования, сужение семьи по горизонтали связано с усилением нисходящего частного межоколенного потока [1].

Вместе с тем в связи с ростом продолжительности жизни родителей все больше откладывается возраст, когда дети получают наследство. Откладывание момента получения наследства изменяет характер взаимодействия младшего поколения со старшим. В традиционных обществах считалось, что перспектива получения наследства или, если более точно, угроза его не получения, действует как стимулирующий механизм, посредством которого глава семьи использует труд своих сыновей в хозяйстве. Зачастую основной предполагаемый наследник оказывался в довольно трудном положении. Как отмечает Р. Зидер [1997], родители требовали от будущего наследника участия во всех хозяйственных вопросах, а также поддержку в старости. С этой точки зрения, увеличение продолжительности жизни главы семьи может снизить ценность наследства как одной из форм межпоколенных трансфертов [19]. С другой стороны, чем дольше живут родители, тем выше размер потенциального наследства, которое они могут накопить, тем дольше они смогут помогать своим детям при жизни. Кроме того, при низкой рождаемости наследство распределятся между одним-двумя наследниками-детьми, а не тремя и более, как было раньше.

В условиях роста ожидаемой продолжительности жизни изменяется структура жизненного цикла человека – увеличивается число лет, прожитых в средних и старших возрастах. Изменяются границы между тремя основными этапами жизненного цикла:

образование, работа, период незанятости. Если рассматривать удельный вес каждого этапа в условиях роста продолжительности жизни, то можно отметить следующие тенденции: длительность периода жизни, связанного с обучением, возрастает; период трудовой активности сокращается; период жизни, проведённый на пенсии, удлиняется. Так, в странах Западной Европы, Северной Америки и Японии люди почти четверть жизни проводят на пенсии. При этом смена этих этапов жизни характеризуется высокой степенью гибкости. Например, на этапе трудовой активности современному человеку часто приходится периодически учиться, подстраиваясь под новые изменения и развивать свои навыки. По достижении пенсионного возраста человек может продолжить работать и оттянуть наступление периода незанятости. Изменение в соотношении соответствующих периодов жизни связано с трансформацией паттернов, касающихся образования, работы, семьи и здоровья – увеличение продолжительности обучения, откладывание родительства, снижение рождаемости, более позднее вступление в трудовую деятельность с полным рабочим днём, меньшая продолжительность занятости, постепенный (плавный) выход на пенсию [14]. Таким образом, жизненный цикл становится более гибким и допускает многовариантность, что связано с появлением дополнительных рисков. Ввиду этого важность родственной поддержки приобретает особую актуальность.

Вместе с изменением границ между этапами жизненного цикла происходит трансформация представлений о порогах наступления того или иного этапа в жизни. Знание людьми своего календарного возраста является достижением индустриальной эпохи, когда произошло законодательное закрепление возрастных норм. Однако представление о социальном возрасте, который связан с определённой стадией жизненного цикла, существовало всегда. Например, старость всегда ассоциировалась с ослаблением физических сил, нетрудоспособностью и потребностью в опеке. Порог старости не остаётся постоянным во времени и одинаковым для разных стран. В процессе демографических изменений восприятие стадий жизненного цикла изменилось. В 1990-е годы английский демограф Питер Ласлетт предложил разделить жизненный цикл современного человека на четыре стадии: детство, взрослость, «третий возраст» и «четвертый возраст» [8, 9]. Современные «Молодые старики» (люди третьего возраста - до 75 лет) характеризуются хорошим для своего возраста здоровьем, относительно высоким уровнем образования и благосостояния (за счёт накопленных средств и получаемых пенсий), энергичностью и активностью. Традиционному образу стариков соответствуют люди «четвёртого возраста», которые испытывают необходимость в поддержке. В России слой людей «третьего возраста» еще не сформировался [17]. Поэтому, если члены семьи стали жить дольше, это не обязательно значит, что теперь старшее поколение дольше обременяет младшее, так как порог старости отодвигается.

В связи с тем, что люди стали жить дольше, всё большее число семей может сохранять свою структуру на протяжении более длительного времени, чем это было раньше. В прошлом трехпоколенные семьи встречались, но существовали недолго из-за низкой продолжительности жизни старшего поколения родственников. В результате значительного роста продолжительности жизни в развитых странах увеличилось время сосуществования представителей трех и даже четырех поколений. В связи с этим в семье происходит трансформация структуры иждивенцев. Так «во все века люди знали, что на их иждивении находятся дети. Стариков было мало, и нагрузка ими была незначительна (в России в 1897 году на одного человека в возрасте 70 лет и старше приходилось 15 детей до 15 лет). Теперь всё изменилось в противоположную сторону. … В прошлом средний возраст детей к моменту смерти одного из родителей составлял 14 лет. Сейчас средний возраст сына к моменту смерти отца приближается к 55-60 годам» [14]. Согласно данным ООН, в 2010 году демографическая нагрузка пожилыми в России составила 17 промилле, к 2030 году прогнозируемое значение этого показателя составит 27 промилле. Одновременно с этим нагрузка детьми имеет тенденцию к снижению. Так, в 1990 показатель демографической нагрузки детьми в России составлял 34 промилле, в 2010 – 21 промилле, к 2045 году – 23

промилле. При этом необходимо отметить, что дети и старики представляют собой качественно разные категории иждивенцев. Можно было бы предположить, что в процессе трансформации структуры иждивенцев, компенсируется снижением доли молодых. Однако А. Сови приходит к выводу, что данное предположение не подтверждается на практике по трём основным причинам: потребности детей меньше потребностей стариков (прожиточный минимум по возрастам), за счёт увеличения продолжительности обучения происходит рост нагрузки детьми (средний возраст выхода на рынок труда), передача средств старикам является естественной, но менее мотивированной семейными узами, по сравнению с затратами на детей [25].

В связи с «вертикальным» расширением семья все чаще сталкивается с необходимостью заботы о пожилых родственниках. Возрастает число пожилых людей, нуждающихся в поддержке, следовательно, растёт и доля потенциальных реципиентов восходящей линии трансфертов. Помимо потребности в материальном обеспечении, которая чаще всего обеспечивается за счет государственных пенсий, пожилые люди нуждаются в эмоциональной поддержке, а с возрастом - в функциональной помощи. Эта потребность в основном реализуется в семье. Как показывают исследования [20], в России слабо распространены объединения пожилых людей, способствующие социализации и противодействующие социальному исключению. Таким образом, на фоне роста демографической нагрузки пожилыми происходит увеличение «спроса» на функциональную, инструментальную и эмоциональную поддержку, которая обеспечивается в рамках семьи (микро уровень). Особую значимость инструментальная поддержка со стороны молодого поколения приобретает в условиях быстрого развития информационных и компьютерных технологий. Пожилым людям зачастую трудно разобраться в новых требованиях, которые выдвигает век информационных технологий. Так, например, чтобы разобраться с оплатой за коммунальные услуги, пожилые люди вынуждены обращаться за помощью к своим детям или внукам.

На фоне роста ожидаемой продолжительности жизни не только увеличивается доля пожилых членов семьи, которые могут нуждаться в поддержке, но также растёт «предложение» межпоколенной поддержки за счёт увеличения выживаемости членов семьи. Например, среди рожденных в 1900 году к возрасту 30 лет только 21% имели в живых хотя бы одного из прародителей, для рождённых в 2000 году вероятность иметь хотя бы одного живого прародителя к 30 годам составит 30,1%. Во всех странах, как развитых, так и развивающихся, пожилые люди сталкиваются с рядом трудностей: нехватка финансовых ресурсов, плохое здоровье, потребность в функциональной поддержке. Однако при этом нельзя однозначно сказать, что пожилые люди всегда находятся в более сложном положении, чем представители других возрастных групп. Например, в Америке уровень бедности среди пожилых людей в 1960 году составлял 35%, а менее чем через 40 лет этот показатель составил всего 10%, что меньше, чем среди не пожилых. В Колумбии, Коста-Рике и Индии уровень бедности среди пожилых людей не выше, а иногда и ниже, чем для всей страны в целом [2]. В России доля малоимущих среди мужчин в возрасте от 31 до 59 лет в 2013 году составила 19,2% (среди женщин в возрасте от 31 до 54 лет – 19,9%), в то время как среди пенсионеров данный показатель значительно ниже: среди мужчин пенсионного возраста - 2,7%, среди женщин-пенсионерок – 7,4%. Самая высокая доля малоимущих в 2013 году зафиксирована среди молодёжи от 16 до 30 лет – 22,5% [23]. Почему пожилые люди зачастую в большей степени защищены с точки зрения материальной обеспеченности, чем представители других возрастов? Во многом это связано с тем, что они меньше, чем молодые, зависят от неустойчивости на рынке труда. Обеспечение пожилых людей, как правило, складывается из личных сбережений, государственных пособий в виде пенсии, а также в некоторой степени из семейных трансфертов. Таким образом, представители старшего поколения (родители, прародители) с точки зрения материального обеспечения зачастую находятся в более выигрышном положении, чем представители младшего поколения (недавно отделившиеся от родительской семьи дети). Однако в то же время

представители старшего поколения испытывают потребность в функциональной поддержке, которую им могут обеспечить молодые члены семьи. Исходя из этого, вполне понятны различия в структуре нисходящего и восходящего потоков частных межпоколенных трансфертов в России: наиболее распространённым видом трансфертов от родителей к детям является денежная помощь (28,8%), а от детей к родителям - помощь по хозяйству (26,5%) и уход во время болезни (24,5%) [21].

Другая группа факторов, влияющих на систему частных трансфертов, связана с *распространением разводов, повторных браков и незарегистрированных союзов*. Как показывают исследования [18], риск прекращения брака в России повышается. Так, по данным переписи 1989 года на 1000 женщин приходилось 84 разведённых (разошедшихся) женщины (для мужчин соответственно 57 на 1000), в то время как в 2010 году - на 1000 женщин пришлось уже 121 разведённая (разошедшаяся) (для мужчин 78 на 1000 соответственно). Разводы, повторные браки, незарегистрированные союзы усложняют семейную структуру и снижают прочности семейных связей [5, 6, 7], что предопределяет специфику межпоколенных обменов. Развод родителей негативно сказывается на отношениях со взрослыми детьми, что ведёт к снижению масштабов межпоколенных обменов [12]. Например, взрослые дети реже помогают своему отцу, если он находится в разводе с их матерью [3]. Для мужчин риск ухудшения отношения с детьми после развода выше, чем для женщин [4], поэтому в старости разведённые отцы подвержены высокому риску остаться без поддержки со стороны детей. Негативные изменения в отношениях, проявляющиеся в снижении частоты контактов и сокращении трансфертных потоков, характерны и для отношений между взрослыми детьми и матерями, повторно вступившими в брак [3]. Кроме того, повторные браки родителей расширяют потенциальную сеть частных трансфертов - мачехи и отчимы могут играть важную роль в жизни неродных детей, которые, повзрослев, будут сохранять с ними связи. За счёт повторных браков изменяется структура «предложения родственников», что ведёт к увеличению числа «stepkin», то есть не кровных родственников, а родственников, опосредованных брачными отношениями. Критика в данном случае связана с тем, что возникают сомнения по поводу качества отношений с «stepkin» после развода и вступления в новый брак. Неочевидно, насколько они будут готовы обеспечивать поддержку.

Одно из последствий развода связано с появлением неполной семьи. В 2010 году в России доля неполных семей, т.е. домохозяйств, состоящих из матери (отца) с детьми составила 14%. Данный тип домохозяйств является вторым по распространённости среди частных домохозяйств, состоящего из двух и более человек. Одна из важнейших проблем неполных семей, заключается в том, что положение детей в таких семьях нестабильно, т.к. снижается уровень их экономической защищённости. Чаще всего одинокий родитель (как правило, мать) не может обеспечить такой уровень благосостояния, который достигается в полной семье. Проживание в неполной семье повышает риск бедности. Неполные семьи выступают активными акцепторами частных трансфертов. Как показывают исследования, более половины таких семей получают материальную поддержку от родственников, 20% из них получают её на регулярной основе [22: 23].

Значительную роль в изменении системы частных межпоколенных трансфертов играет процесс *нуклеаризации*. По данным переписи 2010 года, в России из общего числа домохозяйств, состоящих из одной супружеской пары и других лиц, 79% представляют собой нуклеарные семьи. Преобладание простых нуклеарных семей – одна из главных характеристик семейной структуры российского населения. Нуклеарная семья, состоящая из родителей (одного родителя) и детей, либо только из супругов, как правило, противопоставляется патриархальной семье традиционного типа, которая включает представителей нескольких взрослых поколений. Переход к нуклеарной семье, обусловленный процессами индустриализации и урбанизации, начался в России ещё в 20 веке, однако и в настоящее время нельзя говорить о его завершённости [15]. Одно из объяснений распространения процесса нуклеаризации связано с представлением об

институциональном кризисе семьи. Согласно данному подходу, этот кризис объясняется тем, что многие традиционно семейные функции в современном обществе стали выполняться различными внесемейными социальными институтами. Так при переходе от натурального к рыночному хозяйству, семья перестала выполнять функцию производственного коллектива, функция социализации и воспитания ребёнка во многом перешла от семьи к школе, забота о пожилых всё больше реализуется за счёт системы социального обеспечения. Это во многом связано с переходом от сельского образа жизни к городскому, а также с распространением индустриальных и постиндустриальных форм существования [24].

При этом некоторые исследователи структурную изоляцию членов семьи, их проживание в отдельных домохозяйствах, позиционируют как важнейшую причину отмирания традиционных механизмов родственной межпоколенной поддержки [11: 10–26]. Среди основных характеристик нуклеарной семьи Парсонс [11] отмечает её изолированность. Изолированность проявляется в том, что члены нуклеарной семьи живут обособленно от других родственников, а также ведут независимое экономическое существование. Некоторые исследователи считают, что при такой семейной организации первичными становятся отношения между супругами (представителями одного поколения), а отношения между представителями разных поколений уходят на второй план. В свою очередь нуклеарная семья сокращается в условиях снижения рождаемости, что делает связи внутри неё всё более тесными.

Однако фактически вместо обособленных чисто нуклеарных семей появляется модифицированная расширенная семья, члены которой тесно связаны между собой взаимными обменами помощью [10]. В России неформальные обмены между домохозяйствами являются распространённой практикой. Согласно данным РМЭЗ-ВШЭ, в 2013 году в обменах материальными трансфертами (деньгами или товарами) участвовало 45% домохозяйств. По мнению некоторых исследователей, практика частных обменов является повсеместной для российских домохозяйств. Так, Фадеева О. [1999] отмечает, что «не обнаружилось ни одной семьи, которая бы не была связана отношениями обмена или помощи с другими семьями» [26: 193]. Таким образом, процесс нуклеаризации сопровождается обратным явлением - формированием родственных групп, внутри которых поддерживаются тесные связи [16]. С социологической точки зрения, семья остается семьей и после территориального разделения, если продолжается единая общесемейная деятельность ее членов, которая является одним из основных признаков семьи. Если в семье из трех поколений сохраняются все отношения взаимопомощи, несмотря на то, что представители среднего и младшего поколения проживают отдельно от представителей старшего поколения, то само их разделение можно назвать полной нуклеаризацией семей только в демографическом, но не в социологическом смысле, поскольку территориальная нуклеаризация не сопровождается функциональной.

Семейные группы выполняют две взаимодополняющие функции: организуют жизнедеятельность отдельной семьи и способствуют взаимодействию двух и более родственных семей. При этом взаимодействие семей в рамках семейной группы может быть связано не только с бытовой кооперацией, но и с эмоциональной близостью её членов. Наряду с этим, мотивом непосредственных контактов между родственниками выступает оказание разного рода помощи: уход за детьми и их воспитание, уход за больными, помощь в домашнем хозяйстве.

В результате происходящих демографических изменений (увеличение продолжительности жизни, снижение рождаемости, рост разводимости и повторных браков и др.) происходит существенная трансформация внутрисемейных межпоколенных взаимодействий. В связи с происходящими с середины 20 века демографическим изменениями: межпоколенные связи (в которые теперь вовлечены 3 и более поколений) играют всё более важную роль для отдельных лиц и семей в целом; межпоколенные взаимодействия между членами семейной группы становятся для индивидов важнее, чем

связи в нуклеарной семье; межпоколенные взаимоотношения становятся всё более сложными по структуре и выполняемым функциям.
Изменение демографического контекста межпоколенных отношений (изменение возрастной семейной структуры, увеличение числа одновременно живущих поколений и длительности периода совместного проживания поколений в историческом пространстве) увеличивает возможности и потребности для взаимодействий, поддержки и взаимного влияния между представителями более чем двух поколений. Наблюдается усиление межпоколенной солидарности и увеличение многообразия типов межпоколенной поддержки. Хотя наряду с этим усиливается и проблема межпоколенных конфликтов, что, однако, не снижает прочности семейных связей.

© Миронова А.А. Текст. 2017

Список источников

1. Alter G. C. (2013). Generation to Generation Life Course, Family, and Community // Social Science History. 37 (1): 1–26.

2. Beard J., Biggs S., Bloom D. E., Fried L. P., Hogan P. R., Kalache A., Olshansky S. J. (2012). Global population ageing: Peril or promise? // Program on the Global Demography of Aging (No. 8912).

3. Hogan D. P., Eggebeen D. J., Clogg C. C. (May, 1993). The Structure of Intergenerational Exchanges in American Families // American Journal of Sociology. 98 (6): 1428-1458.

4. Furstenberg F. F., Hoffman S. D., Shrestha L. (1995). The effect of divorce on intergenerational transfers: new evidence // Demography. 32 (3): 319-333.

5. Gaymu J., Festy P., Poulain M., Beets G. (eds.) (2008). Future elderly living conditions in Europe // Les cahiers de l'INED. 162. Paris: INED.

6. Kaneko R. (2007) Population prospects of the lowest fertility with the longest life: The new official population projections for Japan and their life course approaches // Work session on demographic projections, Bucharest, Luxembourg: EUROSTAT Methodology and working papers, Office for Official Publications of the European Communities.

7. Keilman N., Christiansen S. (2010). Norwegian elderly less likely to live alone in the future // European Journal of Population. 26 (1).

8. Laslett P. (1990). A Fresh Map of Life: the Emergence of the Third Age. London.

9. Laslett P. (1996). What is Old Age? Variation over the Time and between Cultures // G.Caselli and A.Lopez (eds.) Health and Mortality among Elderly Populations. Oxford.

10. Litwak E. (1960). Occupational mobility and extended family cohension // American Sociological Review. 25 (3): 385-394.

11. Parsons T. (1955) The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure // Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe: Free Press: 10–26.

12. Pezzin L. E., Schone B. S. (1999) Parental marital disruption and intergenerational transfers: An analysis of lone elderly parents and their children // Demography. 36(3): 287-297.

13. Rozenzweig M. R. (1994). Transfers from parents to their adult children in the developed and the developing countries // Ageing and the family - New York: 195.

14. Вишневский А.Г. (2005). Похвала старению // Отечественные записки. 3 (24).

15. Вишневский А.Г. (2008). Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 7.

16. Волков А.Г. (1986). Семья – объект демографии. М.: Мысль. 271 с.

17. Денисенко М.Б. (2005). Тихая революция // Отечественные записки. 3 (23).

18. Захаров С.В. (2013). Куда движется супружество в России? / URL: http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema06.php (дата обращения: 01.09.2015).

19. Зидер Р. (1997). Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец 18-20 вв.). М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.

20. Лежнина Ю. П. (2010). Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // Социологические исследования. 3: 36-45.

21. Миронова А. А. (2014). Родственная межпоколенная солидарность в России // СоцИс. 10: 136-142.

22. Овчарова П., Прокофьева Л. (2000) Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения. 4(48).

23. Распределение малоимущего населения по основным группам по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств / URL: www.gks.ru (дата обращения: 01.09.2015).

24. Синельников А. (2006). Трансформация семейных отношений и её значение для демографической политики в России // Демографические исследования. №5. / URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=683 (дата обращения: 01.09.2015).

25. Сови А. Общая теория населения. (1997). Том второй. Жизнь населений. Перевод с французского Ф.Р. Окуневой. М.: Прогресс.

26. Фадеева О. (1999). Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос.

Информация об авторе

Миронова Анна Алексеевна, Россия, Москва, к.с.н., младший научный сотрудник Институт социальной политики Центра комплексных исследований социальной политики НИУ ВШЭ (Москва, Славянская пл., д. 4, стр. 2, каб. 118, amironova@hse.ru).

Mironova A.A.

DEMOGRAPHIC TRANSFORMATIONS AND THE SYSTEM OF PRIVATE INTERGENERATIONAL TRANSFERS

This article discusses the implications of demographic changes for the system of private intergenerational transfers. We consider the basic demographic factors of private intergenerational transfers, including changes of the population age structure, the abundance of divorces and remarriages, the high level of migration activity, the process of nuclearization - and analyze its influence on the system of private intergenerational transfers.

Key words: family, intergenerational transfers, interfamily transfers, demographic changes, households.

Information about the author

Mironova Anna Alekseevna, Russia, Moscow, PhD in sociology, junior research fellow in Institute for Social Development Studies NRU HSE (Moscow, Slavyanskaya pl., 4/2, room 118, amironova@hse.ru).

УДК 349.2

Г.Б. Морозов

ОБ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДОВОЙ САМОЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЯХ ДЕПРЕССИВНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Исследуется необходимость и возможность внесения в ряд нормативных правовых актов Российской Федерации внесения изменений, касающихся определения правового статуса такой категории работников как «самозанятые граждане». Доказываются

преимущества введения такого института трудового права, благодаря действию которого на депрессивных территориях страны позитивно решаются проблемы занятости безработного населения.

Ключевые слова: трудовая занятость населения, безработица на депрессивных территориях, самозанятость населения

Проблема занятости населения в стране достаточно актуальна. В больших городах - промышленных центрах, как правило, избыток вакантных рабочих мест[1]. Потому миграционные потоки внутри России и из стран зарубежья направлены в эти населённые пункты. В итоге уменьшается трудоспособное население в средних и малых населенных пунктах, где производственный потенциал практически разрушен. Граждане, проживающие в таких населенных пунктах, по сути, лишены официального трудоустройства.

Государство таких граждан обеспечивает постановкой на учет в службах занятости населения для получения статуса «безработного» и денежного пособия, на что выделяются весомые бюджетные ассигнования. Однако этим проблема трудоустройства не решается. Так, по данным Невьянского центра занятости Свердловской области коэффициент напряженности (число граждан, зарегистрированных в службе занятости, в расчете на вакансию – ч/в) по состоянию на начало 2015г. среди безработных граждан составил 2,5ч/в. В г. Екатеринбурге эта величина была равна 0,16ч/в [5]. Поэтому население вынуждено самостоятельно заниматься трудовой деятельностью, не имея правового статуса работника, официально осуществляющего трудовые отношения.

ТК РФ не устанавливает правовое положение «*граждан, самозанятых трудовой деятельностью*» (далее – самозанятый). Хотя самозанятость существует как форма незарегистрированной трудовой деятельности, которой в стране занята весомая часть трудоспособного населения. При отсутствии государственных гарантий трудовой занятости и социального обеспечения эти люди инициативно обеспечивают свое благополучие, освобождая государство от обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе и трудовых, установленных ч. 1 статьи 45 Конституции России.

С другой стороны, эта деятельность в определенной мере имеет признаки предпринимательской деятельности, нормативное толкование которой изложено в статье 2 п.1 ГК РФ: «Предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицам, зарегистрированными в этом качестве в установленном законном порядке» [4].

В мировой практике самозанятость населения – реально действующий институт комплексного осуществления предпринимательских и трудовых отношений одновременно. Обозначается английским термином фрила́нсер (freelancer — в переносном значении — вольный художник) — частный специалист (внештатный работник). Будучи вне постоянного штата какой-либо компании, он может одновременно выполнять заказы разных клиентов [6].

В чем «плюсы» и «минусы» этой формы занятости населения? ВШЭ вместе с биржей Free-lance.ru провела исследование о фрилансерах-профессионалах, работающих вне офиса по временным контрактам. В «Первой всероссийской переписи фрилансеров» опрошено 13тыс. чел., исследованы их финансовое поведение, мотивы выбора свободной формы занятости, организация труда [7].

По данным исследования, большинство (30%) фрилансеров живет в Москве, меньше — в Санкт-Петербурге (11%) и Московской области (5%). Две трети - мужчины преимущественно молодые и высокообразованные; 78% — люди не старше 30 лет; 80% имеют высшее или неоконченное высшее образование. Большинство специализируются на

[1] Представленные материалы обсуждались в 2015 - 2016 гг. в государственной Думе и Законодательном собрании в Свердловской области. Многие проблемы остались без внимания. Представленные материалы рассматриваются в качестве полемики по материалам конференции « Стратегическое и проектное управление» Пермь, 2015.

программировании и поддержке интернет-сайтов. Среди них чаще встречаются гуманитарии (17%), занятые в основном в медийной сфере, представители экономических (15%) и социальных наук (6%), работающие в сферах маркетинга, рекламы и консалтинга. 32% работает по семь дней в неделю, еще треть — с одним выходным, для 20% актуален десятичасовой рабочий день. Фрилансеры отмечают ряд преимуществ своей работы: 80% респондентов уверены, что их труд хорошо оплачивается. Для 20% фриланс — единственный источник дохода. Половина из них зарабатывает 25 тыс. руб. в месяц, 30% — от 25 тыс. до 50 тыс. руб. и 20% — более 50 тыс. руб.

Отмечаются и недостатки фриланса: нестабильность доходов и высокие риски обмана заказчиком, проблемы поиска заказов, отсутствие социальных гарантий. Тем не менее, самозанятость в стране становится массовой, проникая в депрессивные населенные пункты, где становится вынужденным видом деятельности с целью обеспечения хотя бы минимально возможных жизненных условий. Правда, о реальной деятельности этой категории населения, к сожалению, нет статистических данных и конкретных исследований.

При этом отсутствует какое-либо правовое регулирование деятельности самозанятых граждан. По сути, в России термин «самозанятый» соответствует юридическому статусу «индивидуального предпринимателя без образования юридического лица». Но не все индивидуальные предприниматели являются фрилансерами, так как последний – работник, не заключающий трудовых договоров как работодатель. А предприниматель может иметь работников, выступая в роли работодателя. И его государственная регистрация в налоговом органе осуществляется, прежде всего, как субъекта налоговых правоотношений. Самозанятый ради избегания налоговых обязанностей часто не посильных для него из-за рисков неполучения доходов, сезонности и не стабильности постоянного заработка и по иным, не зависящим от этого причинам, такую регистрацию осуществлять не будет. Тем более, в НК, УК и КоАП РФ, юридическая ответственность за ее отсутствие не установлена.

Но если эта категория субъектов экономических отношений функционирует реально, независимо от того, признало ее государство юридически или нет, важно «самозанятость» ввести как самостоятельный правовой институт трудовой занятости с законодательно установленным кругом субъективных прав и юридических обязанностей, государственных гарантий по исполнению самозанятыми гражданами их правомочий.

Конечно, государство замечает эту категорию граждан. В рамках борьбы с теневым бизнесом Правительство предлагает самозанятым гражданам получить патент по простой схеме, для чего им не надо регистрироваться в качестве предпринимателей. 16.10.2014г. одобрен законопроект, вносящий изменения в НК РФ, в который внесено понятие «самозанятые граждане», что обязывает их сделать страховые выплаты на 20 тысяч рублей [8]. Тем самым, оно рассчитывает получить с микро-бизнеса хотя бы малые средства.

Так, даже если у кого-либо нет наемных работников, и он сам справляется с каким-либо делом, приносящим доход, он может претендовать на получение патента. Достаточно подать заявление в налоговую службу, та учтет этого гражданина как индивидуального предпринимателя, так и как самозанятого. Данный статус сохранится на время действия патента. На категорию самозанятых распространяется действие патентной системы, введенной в 2013г. на срок до 2018г. Патент позволяет заниматься 47 видами деятельности, куда входят мелкая торговля, бытовые, транспортные и медицинские услуги, сдача жилья в аренду. Вместо налогов эти лица оплачивают установленную в регионе патентную ставку.

Пока патентная система в России не работает так, как планировалось. Большинство мелких предпринимателей не желают переходить в этот режим – им проще остаться в тени. Во-первых, патентная ставка в регионах устанавливается одинаковой, как для сельских предпринимателей, так и крупных городов. Во-вторых, граждан смущает необходимость ежегодных выплат во внебюджетные фонды не менее 20 тысяч рублей [8].

В 2014г. завершилось исследование, посвященное анализу тенденций самозанятости в Екатеринбурге [9]. Вот ряд его выводов.

1. Проблема учета: официальная статистика не отражает реальной картины. Весомое число самозанятых работает без официальной регистрации, при этом они могут находиться в статусе безработных, формально числиться где-нибудь на минимальном окладе, не работая, или совмещают самозанятость с работой по найму.

2. В исследовании под самозанятыми понимались лица, работающие на себя в рамках своего дела, так и состоящие в штате у работодателя, но занимающиеся деятельностью, приносящей доход. Исследовался и микроформат предпринимательства в форме ООО (самозанятый, оказывая ремонтные услуги, должен в силу налоговых особенностей регистрировать ООО при оказании услуг юридическим лицам).

3. За этот период численность экономически активного населения Екатеринбурга составила 785,4тыс. из 1,454млн. чел. населения города или 52,3%. Из них около 100тыс. - официально зарегистрированные самозанятые.

4. Среди работающих по найму частичная самозанятость наблюдается в виде хобби, приносящего дополнительный доход, и оказания услуг в частном порядке в сфере своей профессиональной компетенции (программисты, инструкторы, консультанты, юристы, репетиторы и т.п.). Но есть и фактически самозанятые (страховые агенты, которые не являются штатными сотрудниками страховой компании, работающие за долю от продаж страховых полисов, и риелторы). Никто из них не устроен по трудовому договору.

5. Мотивы, по которым опрошенные начали самозанятость: личная свобода, самореализация и отсутствие служебной бюрократии - чрезвычайно важны для самозанятых, что преобладает над чисто денежной мотивацией. 40% респондентов не собирались прекратить самозанятость ни при каких обстоятельствах. Причины: любимое дело и возможность самореализации; «лишняя копейка не помешает».

Иные задачи стоят перед самозанятыми в сельской местности и в поселках депрессивного типа, где экономика практически отсутствует. Если в мегаполисе самозанятость – дополнительная работа к основной, то на таких территориях она практически основной источник существования большинства населения.

Для данной категории населения в депрессивных населенных пунктах, по нашему мнению, следует сформировать иную модель экономического поведения, соответственно закрепив ее нормативно. Идеально опишем модель поведения такого самозанятого, обладающего определёнными талантами. Он имеет заказы на выполнение каких-либо работ и оказание услуг от юридических и физических лиц, и эти работы исполняет по договору или без договора, хотя рисков в данной ситуации много. Работает на себя и все необходимые выплаты для обеспечения себя в будущем, выплачивает сам. В эти выплаты входят пенсионные отчисления для будущей пенсии в пенсионный фонд Российской Федерации и в фонд обязательного медицинского страхования.

Но сначала он должен зарегистрироваться, как самозанятый, для чего он обращается не в налоговый орган, а в районную администрацию. Там его ставят на учет как занятого, при условии, что он встал на учет в пенсионный фонд, куда впоследствии будет делать ежегодные отчисления, что, в свою очередь, станет основанием для исчисления трудового стажа для будущей пенсии. Аналогично встает на учет в фонд медицинского страхования, получив свидетельство о постановке на учет, в соответствии с которым будет самостоятельно перечислять Фонду денежные средства, минимальную величину которых следует установить законодательно. Еще ему нужно в налоговой службе получить патент на ведение своей деятельности, который, в свою очередь, должен быть доступен для самозанятых, имея стоимость не выше 3-х минимальных заработных плат. Но от налоговых обязанностей он в данном случае будет освобождён.

Что в данной ситуации получает государство от такой формы трудовой занятости его граждан? Во-первых, более достоверную информацию о работающем населении страны, что позволяет экономить бюджетные средства на выплатах безработным гражданам. Во-вторых, информация о виде деятельности данных граждан поможет регулировать планы по развитию страны в целом и отдельных её районов. В-третьих, данные люди позитивно повлияют на

уровень жизни граждан вокруг них. В-четвёртых, самозанятые при благоприятных условиях, могут стать индивидуальными предпринимателями, создав малый и средний бизнес, что повлечёт общее улучшение качества жизни и благополучия граждан.

Что получит в этом случае самозанятый? Во-первых, легально реализовать свое право на труд, что повлияет на его рабочий стаж и при выходе на пенсию - на её размер. Во-вторых, получит не облагаемый налогами доход от данной деятельности. Дело в том, что для привлечения его к налоговой ответственности государству придётся затратить куда большую сумму в отличие от той, которую должен выплатить в виде налогов нарушитель. А выплатами в пенсионный фонд и фонд обязательного медицинского страхования гражданин обеспечит себе гарантии на пенсию в старости и медицинское обслуживание. В-третьих, благодаря всему этому, повышается уровень его жизни и уровень реальной социализации. В-четвёртых, при хорошей работе сможет обеспечить расширение и превращение своего «микробизнеса» в малый и средний, обеспечивающий трудовую занятость «окружающих» его людей.

Для наглядности и подтверждения наших утверждений мы приводим данные службы занятости Свердловской области за 2014г. [5]. Кстати, по ряду оценок экономистов, в настоящее время ситуация пока изменяется в худшую сторону.

1. Из числа обратившихся в службу занятости населения области проблемы с трудоустройством - у граждан в возрасте 18-54 - самой активной частью трудоспособного населения, которая готова работать, но не может найти подходящего места работы.

2. Есть трудоустроенные граждане, но решившие поменять место работы. Притом, число безработных в сельской местности в 2,5 раза выше, чем в городе из-за того, что на селе мало вакантных или вообще нет рабочих мест, и жителям села попросту некуда устроиться для официальной работы, чтобы заработать стаж и впоследствии получать хорошую пенсию.

3. Основная масса безработных - граждане, имеющие несовершеннолетних детей. За ними идут люди предпенсионного возраста, инвалиды и люди, стремящиеся возобновить трудовую деятельность. То есть, все те, кто имеет какие-либо пособия, но чего не достаточно для нормальной жизни. И чтобы облегчить социальное бремя для бюджета, следовало бы этим людям создать условия оформления самозанятыми, чтобы они могли работать на себя.

4. Многим гражданам для трудоустройства нужно переезжать и менять привычное для них место жительства, что не всегда для них не благоприятно социально, а также влечёт дополнительные расходы, связанные с вынужденным переселением. Скорее всего, эти люди и смогли бы стать самозанятыми. Такая внутренняя миграция населения не сказывается благоприятно для страны, поскольку население покидает отдалённые населённые пункты, переселяясь ближе к административным центрам, что, в свою очередь, приводит к упадку села и отдалённых районов, неравномерному распределению жителей страны.

В настоящее время понятие самозанятости законодательно не закреплено и используется в контексте предпринимательства. Так, в Законе РФ от 19.04.1991 N 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (ст. 7) эти понятия используются как идентичные в рамках оказания государственного содействия самозанятым предпринимателям. Имеется ряд государственных программ, нацеленных на оказание содействия в осуществлении предпринимательской деятельности, в которых понятие самозанятости понимается также в рамках предпринимательства. Но как самостоятельный вид деятельности самозанятость на сегодняшний день не имеет нормативно-правовых основ.

Для решения проблем нормативно-правовой определенности самозанятости следовало бы внести ряд дополнений следующего содержания в нормативные правовые акты федерального уровня:

1) часть 5 ст. 20 ТК РФ дополнить подпунктом следующего содержания: «…физические лица, самозанятые трудовой деятельностью - физические лица, самостоятельно выполняющие трудовые функции или иные работы вне условий трудового найма»;

2) п. 2 ст. 11 НК РФ дополнить частью 5 следующего содержания: «…физические

лица, самозанятые трудовой деятельностью - физические лица, самостоятельно выполняющие трудовые функции или иные работы вне условий трудового найма»;

3) п. 2 ст. 18 НК РФ дополнить подпунктом 6 следующего содержания: «Система налогообложения для самозанятых трудовой деятельностью лиц», предполагающим освобождение от налогов при доходах, не превышающих, например, пятикратный размер установленного прожиточного минимума».

4) п. 2 ст. 84 НК РФ дополнить текстом: «Налоговый орган, осуществивший постановку на учет вновь заявившегося лица, самозанятого трудовой деятельностью, обязан выдать свидетельство о постановке на налоговый учет»;

5) п. 1 ст. 2 Закона «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991г. № 1032-1 дополнить частью 9 следующего содержания: «Лица, самозанятые трудовой деятельностью - физические лица, самостоятельно выполняющие трудовые функции или иные работы вне условий трудового найма, зарегистрированные в налоговом органе в качестве лица, самозанятого трудовой деятельностью».

И наконец, наиболее эффективно самозанятость себя проявит тогда, когда статус самозанятого будет представлять из себя следующую модель его правомерного поведения:

- зарегистрированный гражданин в качестве самозанятого освобождается от налогов;
- при постановке на учет обязательным условием его регистрации должен быть факт предварительной постановки на учет в пенсионный фонда с обязательной уплатой в течение года минимально установленной законом суммы страхового платежа, что явится основанием этот период включать в официальный трудовой стаж самозанятого;
- аналогично он должен осуществить подобные процедуры при постановке на учет в фонд обязательного медицинского страхования, что позволит ему получать медицинские услуги наравне с иными застрахованными гражданами;
- гражданин снимается с учета в качестве безработного в службе занятости населения.

Думается, что ускоренное решение данной проблемы достаточно эффективно снимет социальную напряженность в стране в целом, и депрессивных регионах и муниципальных образованиях в особенности. И вот почему.

1. Имеющая место теневая самозанятость населения получает правовой статус как уважаемая обществом специфически осуществляемая сфера труда.

2. Даваемое населению право законно не платить налоги при обязательных платежах в фонды пенсионного и медицинского страхования позволяет учитывать таким работникам трудовой стаж для начисления трудовых (а не социальных, как сейчас) пенсий, обеспечивать реальное право на медицинское обслуживание. А это – фактор мотивации граждан на инициативный поиск работы для обеспечения надлежащего уровня жизни их семей.

3. Предлагаемые изменения не требуют больших инвестиционных ресурсов. Достаточно проявить политическую волю законодательной и исполнительной властью страны, отказавшись от возможности получения налоговых доходов от этой категории граждан. Государство получит экономию от отсутствия затрат налоговых органов на дорогие процедуры взимания мизерных налогов с самозанятых, а также от экономии выплат пособий по безработице гражданам, которые в данном качестве пройдут государственную регистрацию.

Хочется, чтобы государство осознало выгодность этих предложений и оперативно отреагировало на их реализацию. Поскольку октябрь 17-го года не за горами. Желательно, чтобы название этого месяца не писалось с прописной буквы, как это было в XX веке…

© Морозов Г.Б. Текст. 2017

Список источников

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001г. N 197-ФЗ (последние редакции).

2. «Налоговый кодекс Российской Федерации», Часть 1 и 2 . от 31.07.1998 N 146-ФЗ

(последние редакции).
3. «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 N 1032-1 (последние редакции).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая.
5. Служба занятости Свердловской области. Электрон. ресурс: http://www.sz-ural.ru/
6. Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/фрилансер.
7. http://www.kommersant.ru/doc/1137168
8. Электронный ресурс: http://www.rabota-enisey.ru/project/DCP/samozan/
9.Электронный ресурс: http://www.delovoysaratov.ru/press-center/themes/ 1089/

Информация об авторе

Морозов Геннадий Борисович, к.э.н., профессор кафедры технологии и экономики ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»,
620151, г.Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 9а. Телефон 7.902.268.63.14. Электронный адрес: mgb@inbox.ru.

Morozov G.B.

ABOUT ECONOMICAL AND LEGAL OPPORTUNITIES ENSURING LABOUR SELF-EMPLOYMENT OF THE POPULATION IN TERRITORIES OF DEPRESSIVE MUNICIPALITIES

Need and a possibility of introduction in a row of the regulations of the Russian Federation of modification concerning definition of legal status of such category of workers as "self-employed citizens" is investigated. Advantages of introduction of such institute of the labor law thanks to which action in depressive territories of the country problems of employment of the jobless population are positively solved are proved.

Keywords: labor employment of the population, unemployment in depressive territories, self-employment of the population

Information about the author

Morozov Gennady Borisovich, PhD Econ., professor of department of technology and economy FGBOOU WAUGH "The Ural state pedagogical university", 620151, Yekaterinburg, K. Liebknecht St., 9a. Phone 7.902.268.63.14. E-mail address: mgb@inbox.ru

УДК: 378.014.61

Ю.Г. Мыслякова, Е.Л. Андреева

О ВЛИЯНИИ ВУЗОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Данная статья посвящена расширению традиционного понимания роли вузов в формировании личности и ценностных ориентиров молодого поколения. Автор кратко представил результаты опросов студентов ведущих университетов уральского региона и сделал выводы, отражающие способность вузов создавать социальный портрет молодежи, адаптированный к неоиндустриальной картине мира и позволяющий ей успешно существовать в ней.

Ключевые слова: вузы, ценности студентов, социально-ценностные ориентиры молодежи, культура и социальный портрет.

Еще Ортега-и-Гассет сказал, что университет среднему человеку пытается дать высшее образование и сделать из него классного специалиста [2]. При этом университет неотделим от науки, которая нужна ни в коем случае не для того, чтобы студенты становились учеными. Главная цель университета – это поставить человека вровень со своим

временем, для того чтобы он это время понимал и ориентировался в нем. Фон Гумбольдт сказал, что университет, будучи в сердце различно организованных обществ в силу разнообразных географических условий и различий исторического развития, является автономным учреждением, которое критическим образом создает и распространяет культуру через научные исследования и образование. Как видите, здесь научные исследования и даже образование являются средством, каналом, а университет — это учреждение, которое критическим образом создает и распространяет культуру, формируя определенные социальные ценности, а значит и социальный портрет студента.

Так, в результате опроса 500 студентов таких вузов, как УРФУ, УрГЭУ, УГГУ, РГППУ, УрГЮУ, УИЭУиП, УрГАУ, УрГУПС, Гуманитарный Университет, ИМС, УГМУ, были получены следующие ответы.

На вопрос: Какие цели вы преследуете, обучаясь в вузе? Самыми популярными ответами стали, см. табл.1.

Таблица 1

Результаты опроса студентов на вопрос: Какие цели вы преследуете, обучаясь в вузе?

Вариант ответа	Доля респондентов в общем количестве респондентов
Занять достойное положение в обществе и трудоустроится на интересную и высокооплачиваемую работу	19.2%
Научиться приспосабливаться к жизни, не бояться, а быть готовым к изменениям	17.5%
Получить современные знания	16.2%
Дальше развиваться	15.4%
Наслаждаться общением со своими друзьями	9%
Приобрести характеристику интеллигентного человека, отражающую его культуру и нравственность	8.1%
Мигрировать за рубеж с приобретенным багажом знаний и устроить жизнь свою там	6%
Изменить мир к лучшему, сделать людей добрее и отзывчивее к проблемам старшего и младшего поколения	5.1%
Найти решения проблем обеспечения экономического роста России	2.6%
Выполнить долг перед отечеством, так как за мной будущее России	0.9%

Большинство респондентов (19,2%) видят четкую корреляцию между уровнем образования и достойным положением в обществе, а также возможностями удачного трудоустройства. 17,5% респондентов считают, что университет помогает им приспосабливаться к жизни, не бояться, а быть готовым к изменениям. 16,2% считают, что уральские вузы дают современные знания, служащие своеобразной платформой для дальнейшего развития личности. Здесь видно, что образование представляет собой не только процесс передачи знаний, но и процесс научения жизни в постоянно меняющихся условиях.

На вопрос: С чем у вас ассоциируется вуз? Самыми популярными ответами стали, см. табл.2.

Таблица 2

Результаты опроса студентов на вопрос: С чем у вас ассоциируется вуз?

Вариант ответа	Доля респондентов в общем количестве респондентов
знание	28.1%
друзья	21.1%
ответственность	18%
работа	17.2%
школа	7%
наставничество	5.5%
помощь	2.3%

патриотизм	0.8%
семья	0%

В результате были получены результаты, свидетельствующие о том, что большинство респондентов (28,1%) склонны ассоциировать вузы с институтом формирования знаний. При этом 32,7% респондентов считают, что доля образовательной и научно-исследовательской функций в общем объеме функций университетов составляет 60%, доля социально-культурной составляет 20% , доля кадровой и международной в сумме также дают 20% от общего объема функций. В качестве наиболее популярных научно-образовательных мероприятий студенты зафиксировали мастер-классы (мнение 26,5% респондентов), а также конференции, телемосты, научные школы (мнение 24,5% респондентов). Встреч с представителями бизнеса проходит значительно меньше, что отражает существующий разрыв между развитием вузов и отечественного бизнеса.

Все это подтверждает мысль, что российские университеты отвечают лишь за образование и научные исследования в условиях отсутствия четкого взаимодействия с российскими предприятиями[3], т.е. возникает вопрос об ответственности, которую несут университеты в процессе обучения студентов, за актуальность, востребованность и значимость передаваемых знаний.

Теперь обратимся к методике Р. Инглхарта, которая отражает взаимное влияние ценностей населения и модернизационных процессов[4]. В результате опроса были получены результаты, представленные в таблице 3 и таблице 4.

Таблица 3

Ценности студентов по методике Р. Инглхарта

	Традиционные ценности	Секулярно-рациональные ценности
Бог играет крайне важную роль в вашей жизни	22.4%	77.6%
В ребенке следует воспитывать, прежде всего, послушание и религиозность, а не независимость и целеустремленность	2%	98%
Аборт не приемлем ни при каких обстоятельствах	26.5%	73.5%
Для Вас характерно сильное чувство национальной гордости	30.6%	69.4%
У Вас высокая степень уважения к власти	22.4%	77.6%

Таким образом, видно, что у нового поколения преобладают секулярно-рациональные ценности, которые сменили традиционные ценности, сковывающие население в своем поведении и потребностях, а также вызывающие сопротивление инновационным преобразованиям.

Из таблицы 4 видно, что у нового поколения преобладают ценности самовыражения. Поэтому можно сказать, что молодое поколение положительно воспринимает индустриальные преобразования, выступая активной ячейкой постиндустриального общества.

Таблица 4

Ценности студентов по методике Р. Инглхарта

	Ценности выживания:	Ценности самовыражения
Вы отдаете предпочтение экономической и физической защищенности перед самовыражением и качеством жизни	36.7%	63.3%
Вы считаете себя не очень счастливым человеком	16.3%	83.7%
Гомосексуализм неприемлем ни в коем случае	26.5%	73.5%

Вы никогда не подписывали и не подпишите никакие петиции	12.2%	87.8%
Следует быть очень осторожным при общении с людьми	73.5%	26.5%

Тот факт, что преобладают ценности самовыражения свидетельствует об активной позиции студентов и готовности участвовать в изменениях своей жизни.

В качестве дополнительных социально-ценностых ориентиров, расширяющих неоиндустриальный потенциал нового поколения, можно выделить следующие, см. таблица 5.

Таблица 5

Результаты опроса студентов о их жизненных ценностях

Вариант ответа	Доля респондентов в общем количестве респондентов
Хорошая семья	85.7%
Здоровье	79.6%
Личная безопасность, безопасность семьи	71.4%
Деньги, материальные блага	61.2%
Успехи в бизнесе, жизни	55.1%
Друзья	53.1%
Дети	51%
Свобода, независимость	51%
Содержательный досуг, развлечения	30.6%
Стремление приносить пользу людям	22.4%

Полученные ответы респондентов свидетельствуют о том, что еще одним институтом формирования социально-ценностных ориентиров молодежи выступает семья, что подтверждает теорию культурной трансмиссии (Bisin, Verdier, 2000), которая говорит о том, что родители передают детям ценности и убеждения, которые приносили успех в предыдущем периоде (несовершенная эмпатия) [1]. Затем дети обновляют культурные установки в ходе случайного взаимодействия с другими людьми (в том числе университетами) и обновленные ценности и убеждения передаются новому поколению. Данная теория отражает влияние и роль взаимодействия институтов семьи и вузов, только в первом случае формирование ценностей является длительным и непрерывным процессом, растянутом на 100 лет (смена поколений), во втором интенсивным, но ограниченным временем пребывания студента в вузе. Поэтому получаем, что новое поколение (современные студенты) сможет привить необходимые неоиндустриальные ценности и сформировать эффективные социальные коды инновационной модернизации, обеспечивающие ее эволюционное развитие на конкретной территории.

В подтверждении мысли об активной жизненной позиции представим ответы студентов на вопрос: Чем Вы планируете заниматься после окончания вуза в течение 3-х лет?, см. табл. 6.

Таблица 6

Ответы студентов на вопрос о планах после окончания вуза в течение 3-х лет

Вариант ответа	Доля респондентов в общем количестве респондентов
устроюсь работать на существующее предприятие	30%
учиться дальше (магистратура/аспирантура)	20.8%
выйду замуж/женюсь	16.7%
создам свой бизнес	11.7%
уеду из страны	9.2%
отдыхать	8.3%

стану домохозяйкой	3.3%
вернусь в родной город	0%

Из таблицы 6 видно, что новое поколение обладает положительным ядерным потенциалом инновационных преобразований и неоиндустриализации в целом. Самыми популярными ответами стали «устроюсь работать на существующее предприятие» (30% респондентов); «учиться дальше (магистратура/аспирантура)» (20,8% респондентов); «выйду замуж/женюсь» (16,7%); «создам свой бизнес» (11,7%).

В заключении хотим вспомнить слова ректора РЭУ им. Г.В. Плеханова П. Новгородцева, о том, что стране, прежде всего, нужны просвещенные деятели, любящие свою страну, верящие в ее неиссякаемые силы и умеющие в самой будничной практической работе видеть осуществление великого долга. Поэтому мы считаем, что университеты должны ставить перед собой и продолжать решать, непрерывно совершенствуясь в способах, механизмах и инструментах, двойственную задачу: формировать не только социально-компетентностные ориентиры неоинудстриализации, способствующие формированию высококвалифицированных кадров, которые в будущем станут элитой профессионального сообщества России и мира, но и такие социально-ценностные коды, как лидерские качества, гражданская зрелость, патриотизм, чувство ответственности, общая культура, которые будут создавать неоиндустриальную картину мира и позволять успешно существовать в ней и процветать.

© Мыслякова Ю. Г., Андреева Е.Л.

Список источников

1. Аузан А.А. Социокультурные коды в экономическом анализе//Журнал НЭА, №1 (17), 2013, с. 173–176.
2. Ортега-и-Гассет, Х. Миссия университета / Х. Ортега-и-Гассет ; пер. с исп. М. Н. Голубевой ; ред. перевода А. М. Корбут ; под общ. ред. М. А. Гусаковского. — Мн.: БГУ, 2005. — 104 с. : ил. — (Universitas).
3. Перфильева О.В. Роль вузов в региональном развитии. Методология оценки социально-экономических эффектов реализации проекта по созданию федеральных университетов в интересах регионов, отраслей, системы образования // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2010. № 3. С. 113.
4. Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values// American Sociological Review. – 2000. – V. 65. – P. 19–51.

Информация об авторах

1. Мыслякова Юлия Геннадьевна, к.э.н., доц. кафедры маркетинга и международного менеджмента, Уральского государственного экономического университета; с.н.с. центра региональных компаративных исследований Института экономики УрО РАН.
2. Андреева Е.Л д.э.н., профессор кафедры мировой экономики Уральского государственного экономического университета, руководитель центра региональных компаративных исследований Института экономики УрО РАН.

Myslyakova Yu.G., Andreyeva E.L.

ABOUT INFLUENCE OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS ON FORMATION OF THE SOCIAL PORTRAIT OF THE MODERN STUDENT OF THE URAL REGION

This article is devoted to expansion of traditional understanding of a role of higher education institutions in formation of the personality and valuable reference points of the younger generation. The author briefly presented results of polls of students of leading universities of the Ural region and drew the conclusions reflecting ability of higher education institutions to create the

social portrait of youth adapted for a new industrial picture of the world and allowing it to exist successfully in it.

Keywords: higher education institutions, values of students, social and valuable reference points of youth, culture and social portrait.

Information about authors

1. Myslyakova Yuliya Gennadyevna, Cand.Econ.Sci., associate professor of department of marketing and international management of the Ural state economic university, senior researcher of the Center regional comparative researches of The Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences (Ural branch)

2. Andreyeva E.L Dr.Econ.Sci., professor of department of world economy of the Ural state economic university, head of the Center regional comparative researches of The Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences (Ural branch).

УДК: 338.1

О.В. Оглезнева, З.А. Марьина

АНАЛИЗ УРОВНЯ ЖИЗНИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ С ПОМОЩЬЮ ФУНКЦИОНАЛЬНО СВЯЗАННЫХ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ

В данном исследовании на примере модели уровня жизни и социального развития Кировской области рассматривается проблема выбора способа прогнозирования (например, в целях улучшения качества прогнозов), а также рассмотрены варианты, когда выбор способа не однозначен.

Ключевые слова математическое моделирование, региональный анализ, анализ данных.

В качестве средства анализа и прогнозирования конкретных экономических процессов на основе реальной статистической информации выступает эконометрическая модель в виде регрессионных уравнений и их систем, либо временных рядов.

Для прогнозирования уровня жизни и социального развития Кировской области составим две модели: модель непосредственного прогнозирования, где показатели факторов будут зависеть только от времени, и модель функционально-связанного временного ряда, где значения факторов будут связаны и функционально, и во времени. Модель, где данные зависят друг от друга лишь функционально может быть использована, но в этом случае речь идет о прогнозах в сослагательном наклонении.

В данном исследовании на примере модели уровня жизни и социального развития Кировской области оказалось, что с точки зрения генезиса существует проблема выбора способа прогнозирования (например, в целях улучшения качества прогнозов).

Для простоты иллюстрации покажем способы прогнозирования на примере парной регрессии. Обратимся к задаче к гипотетической модели генезиса данных. Заложенный в модели алгоритм мы не знаем, нас интересуют возможные варианты генезиса данных с точки зрения выбора варианта прогнозирования. Рассмотрим простейший случай в виде регрессии, представленной в аддитивной (относительно остатков) форме:

$$y = f(x) + \varepsilon, \qquad (1.1)$$

где $f(x)$ - некоторая неслучайная, но ненаблюдаемая функция;

ε - остатки (случайная ненаблюдаемая компонента).

Пусть обе переменные наблюдаются в виде ВР:

$$y(t) = \varphi_y(t) + \delta_y(t), \qquad (1.2)$$

$$x(t) = \varphi_x(t) + \delta_x(t), \quad (1.3)$$

где зависимости (1.2) и (1.3) также представлены в аддитивной форме в функции от времени t, а остатки $\delta_x(t)$ и $\delta_y(t)$ отражают случайные отклонения переменных от соответствующих функций. Выборочные значения x(t) и y(t) в наблюдаемых точках t=1,2,…,n (n-объем выборки) нельзя разделить на ненаблюдаемые компоненты по формулам (1.2) и (1.3).

Тогда для прогнозирования y(t) при t > n возможны 2 варианта:

1. По наблюдаемым данным ВР y(t) аппроксимируем в соответствии с (1.2) неслучайную компоненту $\varphi_y(t)$ подходящей функцией $\hat{\varphi}_y(t)$ и, задаваясь значениями t>n, осуществляем прогнозы $\widehat{y_1}(t) = \hat{\varphi}_y(t)$. Назовём этот способ непосредственным прогнозированием.

2. Ищем сначала оценку неслучайной функциональной компоненты $\hat{\varphi}_x(t)$ для регрессии (1.3) и осуществляем предварительно прогнозы $\hat{x}(t) = \hat{\varphi}_x(t)$. Для прогнозов $\hat{y}(t)$ необходима оценка неслучайной компоненты для регрессии (1.1) в виде функции $\hat{f}(x)$. Подставляя прогнозы $\hat{x}(t)$ в выражение для $\hat{f}(x)$, получим прогнозы для результирующей переменной $\widehat{y_2}(t) = \hat{f}[\hat{x}(t)]$.

Выбранные модели имеют свои преимущества и недостатки. Основным недостатком модели функционально-связанного временного ряда является то, что для прогнозирования по функциональным взаимосвязям необходимо предварительно сделать прогноз по временному ряду, следовательно, в результатах будут присутствовать погрешности предварительных прогнозов по временному ряду, а также погрешность прогноза по функциональным связям. В случае же, когда значения зависят только от времени, погрешность будет связана лишь с результатом этого прогноза. Но в то же время функционально-связанный временной ряд дает нам более полную и объемную модель в отличие от обычного временного ряда, что также может сказаться на результате прогнозирования.

Все расчеты и построения проведены в среде STATISTICA 6 и MS Office Excel 2013.

Рассмотрим модель, объединяющую показатели социальной сферы, уровня жизни населения, занятости.

Исходные статистические данные для нашего исследования с 2000 по 2014 год были взяты с официального сайта Федеральной службы государственной статистики (Кировская область) [1], текущие статистические значения путем дефлирования приводились к 2000 году.

Управляемыми переменными являются следующие показатели:

– x_1 – среднедушевые денежные доходы населения, руб.,
– x_2 – величина прожиточного минимума, руб.,
– x_3 – численность занятых в экономике, тыс.чел.,
– x_4 – уровень безработицы, %,
– x_5 –число родившихся, человек на 1000 населения,
– x_6 – число зарегистрированных преступлений, число случаев,
– x_7 – число заболеваний, зарегистрированных у больных с впервые установленным диагнозом, случаев на 1000 человек населения,
– x_8 – средняя обеспеченность населения площадью жилых квартир, кв.м. на человека,
– x_9 – выпуск специалистов учреждениями высшего профессионального образования, тыс.чел.,
– x_{10} – объем вредных веществ, выбрасываемых в атмосферный воздух стационарными источниками загрязнения, тыс.тонн.,
– x_{11} –валовый региональный продукт, млн.руб.,
– x_{12} – производство продукции промышленности, млн.руб.,
– x_{13} – производство продукции сельского хозяйства, млн.руб.,

В качестве управляющих воздействий в модели участвуют следующие показатели:

– u_1 – уровень инфляции (индекс потребительских цен), %,

– u_2 – инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования, млн.руб.,

Уровень инфляции будет относиться к федеральным управляющим воздействиям, инвестиции – к управляющим воздействиям органов власти субъекта Российской Федерации.

С помощью среды STATISTICA проведен шаговый многофакторный регрессионный анализ для построения системы уравнений. Для проведения анализа были заданы параметры F-включения и F-удаления равными соответственно 2.01 и 2.00 [2]. Такие уровни значимости ведут к более точному прогнозу объясняемого показателя без существенного увеличения доверительных пределов.

Для выбора наилучшего способа прогнозирования нам нужно рассчитать характеристики надежности прогнозов. Для этого разобьём всю выборку данных на две выборки: обучающая – с 2000 по 2010 гг. и контролирующую – с 2011 по 2014 гг. Далее построим по обучающей выборке прогнозы и сравним их с фактическими данными по контролирующей выборке, оценим качество полученных прогнозов с помощью MAPE-оценок.

Для построения прогнозов на 2011-2014 года воспользуемся двумя методами - методом непосредственного прогнозирования и методом прогнозирования по функционально связанным рядам.

Имея зависимость факторов от периода времени, мы можем построить прогнозы методом непосредственного прогнозирования, применив к исходным данным экспоненциальное сглаживание в среде STATISTICA.

Далее, подставив данные в полученные ранее уравнения множественной регрессии, получим следующие прогнозы на 2011-2014 года с помощью функционально связанных рядов.

В настоящий момент имеются данные показателей уровня жизни по Кировской области с 2000 по 2014 года.

Качество прогнозов при имеющейся информации о статистике для построения модели (обучающая выборка) и фактических данных на прогнозируемый период (контролирующая выборка) можно оценить, например, по MAPE-оценкам [3,4], которые вычисляют по формуле:

$$MAPE = \frac{100}{l} \sum_{k=n+1}^{n+l} \left| \frac{(y_k - y_k^*)^2}{y_k} \right|,$$

где

n - объём обучающей выборки;

l - объём контролирующей выборки (для данных прогнозного периода);

y_k - фактические данные по анализируемой переменной;

y_k^* - данные по этой же переменной из прогноза по модели.

Для определения качества прогнозов по каждой из переменных x_1-x_{13} и сравнения методов прогнозирования рассчитаем MAPE – оценки по двум методам прогнозирования.

Таблица1

Точность прогнозов непосредственного прогнозирования

x1	x2	x3	x4	x5	x6	x7	x8	x9	x10	x11	x12	x13
94,6%	82,5%	99,6%	68,6%	97,8%	90,1%	93,7%	99,1%	96,6%	93,4%	89,8%	80,0%	81,0%

Таблица 2

Точность прогнозов функционально временных рядов

x1	x2	x3	x4	x5	x6	x7	x8	x9	x10	x11	x12	x13
94,9%	97,2%	98,1%	93,6%	94,9%	99,1%	99,6%	99,2%	98,6%	92,7%	97,7%	98,6%	98,0%

В результате сравнения точности прогнозов по двум различным методам прогнозирования (табл.3-4) получили:

- для переменных x_3(99,6% > 98,1%), x_5(97,8% > 94,9%) более точными являются прогнозы, полученные с помощью непосредственного прогнозирования;
- для переменных x_1(94,6% <94,9%), x_2(82,5% < 97,2%) более точными оказались прогнозы, полученные с помощью функционально связанных рядов;
- для остальных переменных выбор способа прогнозирования так же оказался различным.

Обычно считают, что если значение точности прогнозов больше 90%, то точность прогнозирования удовлетворительна[5]. Прогнозы по нашей модели на 2011-2014 года можно считать достоверными. Таким образом, исходя из полученных результатов о наилучших способах прогнозирования для каждого фактора модели уровня жизни, построим прогноз на будущий период 2015-2018 гг.

Для сценарно-управляемых переменных u_1-u_2 для 2015-2018 годов сценарные предопределения определим экспертным путем. Наглядно сценарии представлены на рисунках 1-2.

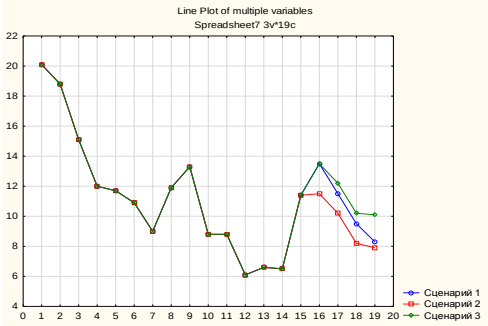


Рис.1. Динамика и прогноз уровня инфляции (%)

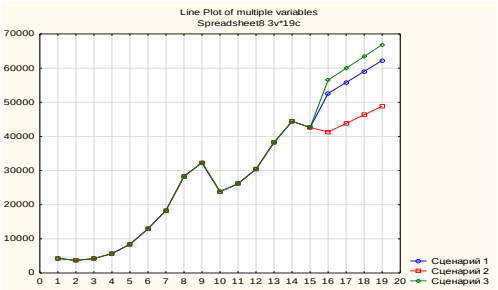


Рис.2. Динамика и прогноз инвестиции в основной капитал в Кировской области (млн.руб.)

В результате исследования была построена модель уровня жизни и социального развития Кировской области, а также составлены прогнозы на 2015- 2018 гг., данные прогнозы могут быть использованы в качестве важной составляющей бюджетного процесса региона.

Также в ходе выполнения работы оказалось, выбор способа прогнозирования даже в простейших случаях неоднозначен. Более надежным является использование обоих способов прогнозирования - либо непосредственно по ВР, либо с предварительными прогнозами факторов по ВР - с последующим выбором по характеристикам надежности.

© Оглезнева О.В., Марьина З.А. Текст. 2017

Список источников

1. Территориальный органа Федеральной службы государственной статистики по Кировской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kirovstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kirovstat/ru/, свободный. - Загл. с экрана. Яз. рус. [20.11.2016];

2. Заречнев В.А. Статистическое моделирование. Методические указания. 2я часть - Киров: Издательство ВятГУ, 2005- 118 стр;

3. Семёнычев В.К., Семёнычев Е.В. Параметрическая идентификация рядов динамики: структуры, модели, эволюция: монография. Самара: СамНЦ РАН, 2011 – 364 стр;
4. Семёнычев Е.В., Коробецкая А.А. Метод параметрической итерационной декомпозиции тренд-сезонных рядов аддитивной структуры // Вестник Самарского муниципального института управления. 2010. №1(12) - 63-74 стр;
5. Елисеева И.И. и др. Эконометрика: учебник/ под ред. И.И.Елисеевой. М.: Финансы и статистика, 2007 – 192 стр.

Информация об авторах:

1. Оглезнева Ольга Вадимовна, Россия, Киров, студент, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет, Институт математики и информационных систем, Факультет компьютерных и физико-математических наук, каф. Математических и инструментальных методов, Россия, 610000, Кировская обл., г. Киров, ул. Карла Маркса, д. 77, e-mail: olya_oglezneva@mail.ru
2. Марьина Зоя Андреевна, Россия, Киров, студент, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет, Институт математики и информационных систем, Факультет компьютерных и физико-математических наук, каф. Математических и инструментальных методов, Россия, 610000, Кировская обл., г. Киров, ул. Карла Маркса, д. 77, e-mail: zoya95@mail.ru

Oglezneva O. V., Maryina Z.A.

THE ANALYSIS OF THE STANDARD OF LIVING OF THE KIROV REGION BY MEANS OF FUNCTIONALLY CONNECTED TEMPORARY RANKS

In this research on the example of model of the standard of living and social development of the Kirov region the problem of the choice of a way of forecasting is considered (for example, for improvement of quality of forecasts), and also options when the choice of a way isn't unambiguous are considered.

Keywords mathematical modeling, regional analysis, analysis of data.

Information about authors

1. Oglezneva Olga Vadimovna, Russia, Kirov, student, "Vyatka state university, Institute of mathematics and information systems, Russia, 610000, Kirov Region, Kirov, Karl Marx St., 77, e-mail: olya_oglezneva@mail.ru
2. Maryino Zoya Andreevna, Russia, Kirov, student, "Vyatka state university, Institute of mathematics and information systems, Russia, 610000, Kirov Region, Kirov, Karl Marx St., 77, e-mail: zoya95@mail.ru

УДК: 316.346.32

Ю.М. Пасовец

МОЛОДЕЖЬ В ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ В ОБЩЕРОССИЙСКОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

В работе на основе анализа данных государственной статистики раскрываются тенденции физического воспроизводства и трансформации возрастной структуры населения России, ЦФО и Курской области в 2000-е гг. Дается характеристика места молодежи в возрастной структуре российского общества в целом, макрорегиона и отдельного региона.

Ключевые слова: Молодежь, возрастная структура населения, демографическое воспроизводство, российское общество, регион.

Молодежь выступает значимым социальным субъектом, который выполняет особую роль в социальном производстве и воспроизводстве [4]. Следует отметить, что ключевая функция молодежи как социальной общности в демографическом воспроизводстве связана с воспроизводством численности населения. В этом плане на формирование типа воспроизводства населения (суженного, простого или расширенного) непосредственное влияние оказывает рождаемость, обусловленная реализацией репродуктивных установок молодых людей и их брачно-семейным статусом. Наряду с этим численность населения напрямую зависит от осуществления миграционных планов основной части молодежи и ее реального участия в миграционных процессах. В свою очередь, значимость социально-демографических характеристик молодежи для функционирования общества и его поступательной динамики связана с формированием на их основе трудового потенциала.

В современных условиях региональная неоднородность российского социума [2] обусловливает специфику социально-экономических и социокультурных условий формирования и жизнедеятельности молодежи как социально-демографической общности в отдельных российских макрорегионах и регионах. В этом плане регион как территориальная единица политико-административной структуры страны (субъект федерации) оказывается той социальной средой мезоуровня [1; 3, с. 16-23], от специфики которой во многом зависят развитие и функционирование молодежи как социально-демографической общности. Это обстоятельство делает необходимым рассмотрение роли молодежи в демографическом воспроизводстве и ее места в возрастной структуре населения в общероссийском и региональном измерении.

Как показывает анализ данных государственной статистики, с середины 2000-х гг. в масштабах всей России наблюдается тенденция к стабилизации численности населения (см. таблицу 1), намечается тенденция к постепенному увеличению численности населения. Однако в большинстве регионов Центрального федерального округа (далее – ЦФО), в том числе и Курской области, наблюдается депопуляция населения, связанная с постепенным сокращением численности населения в течение последних десятилетий. В 2000-х гг. численность населения региона продолжает уменьшаться. В 2013 г. население Курской области насчитывало 1119 тысяч человек, то есть 88,3 % от уровня 2000 г. (см. таблицу 1). На 1 января 2015 г. численность населения региона составляет 1117 тысяч человек; плотность населения – 37,2 человек на квадратный километр[1].

Таблица 1

Численность населения(оценка на конец года, тысяч человек)

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	146304	143236	142865	143056	143347	143667	146267	146545
Центральный федеральный округ	38175	37357	38445	38538	38679	38820	38951	39104
Курская область	1267	1178	1126	1122	1119	1119	1117	1120

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 47; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 37; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – С. 37

В демографическом плане основным фактором, приводящим к сокращению численности населения в Курском регионе и других регионах ЦФО, становится демографическая убыль, связанная с низкой рождаемостью и сохранением значительного уровня смертности.

Таблица 2

Рождаемость, смертность, младенческая смертность

	Общие коэффициенты рождаемости

[1] Статистический ежегодник Курской области. 2015: стат. сб. / Территориальный орган Федерал. службы гос. статистики по Курской области. – Курск, 2015. – С. 22.

	(число родившихся на 1000 человек населения)							
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	8,7	10,2	12,5	12,6	13,3	13,2	13,3	13,3
Центральный федеральный округ	7,4	8,8	10,7	10,7	11,4	11,3	11,4	11,7
Курская область	8,2	8,6	11,1	11,5	12,0	11,6	11,7	11,6
	Общие коэффициенты смертности (число умерших на 1000 человек населения)							
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	15,3	16,1	14,2	13,5	13,3	13,0	13,1	13,0
Центральный федеральный округ	17,0	17,4	15,2	13,9	13,9	13,6	13,6	13,5
Курская область	18,6	19,7	17,6	16,8	16,6	16,1	16,6	16,3
	Коэффициенты младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми)							
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	15,3	11,0	7,5	7,4	8,6	8,2	7,4	6,5
Центральный федеральный округ	13,6	10,0	6,6	6,5	7,8	7,6	6,5	6,0
Курская область	16,4	12,2	7,9	7,7	7,4	8,3	6,4	4,7

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 65, 67, 69; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 50, 51; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – С. 59, 61, 63

Следует отметить, что с середины 2000-х гг. в естественном движении населения наблюдаются общие для всех социально-территориальных образований тенденции, способные при своем нарастании улучшить сложившуюся ситуацию:

– рост рождаемости;

– сокращение общей и младенческой смертности;

– соответственно увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

Тем не менее к настоящему времени в общероссийском и региональном масштабе значения общего коэффициента рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения) не превышают 16 ‰, что свидетельствует о низком уровне рождаемости, не позволяющем обеспечить простое воспроизводство населения. Так, в 2015 г. для России в целом этот показатель составляет 13,3 ‰, для ЦФО – 11,7 ‰, для Курской области – 11,6 ‰ (см. таблицу 2). В Курской области и ряде регионов ЦФО значения общего коэффициента смертности (число умерших на 1000 человек населения) сохраняются на уровне выше 15 ‰, что по данным Всемирной организации здравоохранения, соответствует высокому ее уровню. Между тем в России и ЦФО в целом уровень смертности несколько меньше (см. таблицу 2).

Указанные демографические процессы приводят к существенным изменениям в возрастной структуре региона, макрорегиона и общества в целом по трудоспособности (трудоспособное население – мужчины в возрасте 16–59 лет и женщины – 16–54 лет): сокращению доли молодых возрастов и сохранению значительной по объему доли лиц пожилого возраста (см. таблицу 3). Эти тенденции отражают демографическое старение населения, которое становится значимой характеристикой демографической ситуации в России в целом, ЦФО и Курской области.

Таблица 3

Возрастная структура населения (оценка на конец года, в % от общей численности населения)

	Население моложе трудоспособного возраста					
	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	19,4	16,5	16,2	16,5	16,8	17,2
Центральный федеральный округ	16,5	14,1	13,9	14,1	14,4	14,8
Курская область	18,3	15,2	14,8	15,1	15,4	15,7
	Население в трудоспособном возрасте					
	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	60,2	63,0	61,5	60,9	60,1	59,3
Центральный федеральный округ	59,9	62,5	61,3	60,7	60,0	59,3
Курская область	56,8	60,5	59,6	58,9	58,2	57,4
	Население старше трудоспособного возраста					
	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	20,4	20,5	22,3	22,6	23,1	23,5
Центральный федеральный округ	23,6	23,4	24,8	25,2	25,6	25,9
Курская область	24,9	24,3	25,6	26,0	26,4	26,9

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – С. 70, 72, 74; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. С. 45

Как видно из таблицы 4, за 2000-е гг. в возрастной структуре населения России доля лиц моложе трудоспособного возраста сократилась с 19,4 % от общей численности населения до 17,2 % (или на 2,2 %); в ЦФО – с 16,5 % до 14,8 % (то есть на 1,7 %); в Курской области – с 18,3 % до 15,7 % (или на 2,6 %). Хотя на фоне некоторого роста рождаемости с 2010 г. отмечается тенденция к постепенной стабилизации численности молодых возрастов в составе населения.

Как показывает пример Курской области, снижение рождаемости в 1990-е гг. определило невысокую долю лиц в возрасте 15–19 лет и 20–24 лет в социально-демографической структуре молодежи региона (см. таблицу 4), к которой может быть отнесено население в возрасте 15–34 лет. Здесь поясним, что на основании позиции, закрепленной в нормативно-правовых актах Российской Федерации («Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р); Федеральная целевая программа «Жилище» на 2015–2020 годы (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1050) и др.), верхняя граница молодежи может быть определена возрастом 34–35 лет.

Таблица 4

Распределение численности населения Курской области в возрасте 15–34 лет по возрастным группам (на 1 января, человек)

Население в возрасте, лет	2010	2011	2012	2013	2014	2015
15–19	65397	61086	58765	56094	54389	52071
20–24	86401	83119	78225	72878	68122	64464
25–29	83221	83379	85418	86871	86268	84674
30–34	78012	78275	77335	78096	80266	82102

Источник: Статистический ежегодник Курской области. 2015: стат. сб. / Территориальный орган Федерал. службы гос. статистики по Курской области. – Курск, 2015. – С. 44

В настоящее время в Курской области в составе населения в возрасте 15–34 лет наблюдается численное преобладание лиц в возрасте 25–29 лет (30 % от общего числа населения этого возрастного диапазона) и в возрасте 30–34 лет (29 %). В то время как доли населения в возрасте 15–19 лет и 20–24 лет в социально-демографической структуре молодежи составляют 18 % и 23 % соответственно.

Таким образом, в последние годы физическое воспроизводство населения в России имеет свою региональную специфику: для российского общества в целом характерна

стабилизация численности населения, в то время как для отдельных регионов – депопуляция. Ключевым фактором последнего процесса в Курском регионе и других регионах ЦФО становится демографическая убыль, связанная с низкой рождаемостью и сохранением значительного уровня смертности. Это, в свою очередь, обусловливает трансформацию возрастной структуры населения, определяя в ней сокращение доли молодых возрастов и создавая существенный демографический риск для воспроизводства трудового потенциала региональных сообществ. Как показывает пример Курской области как типичного российского региона, доля лиц моложе трудоспособного возраста в общем составе населения составляет менее пятой части, а социально-демографический портрет региональной молодежи характеризуется численным преобладанием в ее составе возрастных категорий 25–29 лет и 30–34 лет, которые условно можно отнести к так называемым «молодым взрослым».

© Пасовец Ю.М. Текст.2017

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №17-33-01001 а2 «Молодежь в системе социально-трудовых отношений транзитивного общества».

Список источников

1. Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. – 2006. – № 8. – С. 10–25.

2. Пасовец Ю.М. Пространственная асимметрия российского общества: социально-экономическое неравенство и социокультурная дифференциация регионов // Философские науки. – 2016. – № 4. – С. 58–69.

3. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Ин-т философии Рос. акад. наук, Центр изучения социокультурных изменений, Науч.-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». – М.: Academia, 2009. – 808 с.

4. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы / Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. – М.: РИЦ Ин-та соц.-полит. исслед. РАН, 2000. – 116 с.

Информация об авторе

Пасовец Юлия Михайловна, Россия, г. Курск, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (305000 Россия, г. Курск, ул. Радищева, 33; yulia_pasovets@mail.ru).

Pasovets Yu.M.

YOUTH IN AGE STRUCTURE OF THE POPULATION IN THE ALL-RUSSIAN AND REGIONAL MEASUREMENT

In the paper tendencies of physical reproduction and transformation of age structure of the population of Russia, Central Federal District and Kursk region in the 2000th are revealed on the basis of the analysis of the state statistics data. The characteristic of youth's place in age structure of the Russian society, the macro-region and the certain region is given.

Keywords: Youth, age structure of the population, demographic reproduction, Russian society, region.

Information about the author

Pasovets Yulia Mikhailovna, Russia, Kursk, Ph.D. in Sociology, Associate professor of Subdepartment of Sociology and Political Science, Federal State-Financed Educational Institution

of Higher Education «Kursk State University» (33, Radishchev Street, Kursk, 305000, Russian Federation; yulia_pasovets@mail.ru).

УДК: 378.1+314.17

Ю.А. Петров, Г.И. Петрова

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КОНТИНГЕНТА СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Предложена полуэмпирическая корреляционная модель, которая позволяет прогнозировать численность студентов в учреждениях высшего образования. В рамках данной модели возможен также прогноз численности принятых студентов.

Ключевые слова: полуэмпирическая модель, корреляция, прогнозирование, высшее образование, вуз, принято студентов, численность студентов, Российская Федерация.

В настоящее время в Российской системе высшего образования существенно обострились проблемы, связанные с сокращением численности студентов в вузах и с набором контингента студентов. Эти трудности сейчас испытывают практически все вузы: как столичные, так и региональные и как государственные и муниципальные, так и частные.

На рис. 1 показана динамика изменения численности студентов в вузах Российской Федерации и динамика изменения численности принятых в эти вузы студентов (все формы обучения и все формы собственности). Источник данных: официальный портал Государственной статистики – «Единая межведомственная информационно-статистическая система» (ЕМИСС) [1].

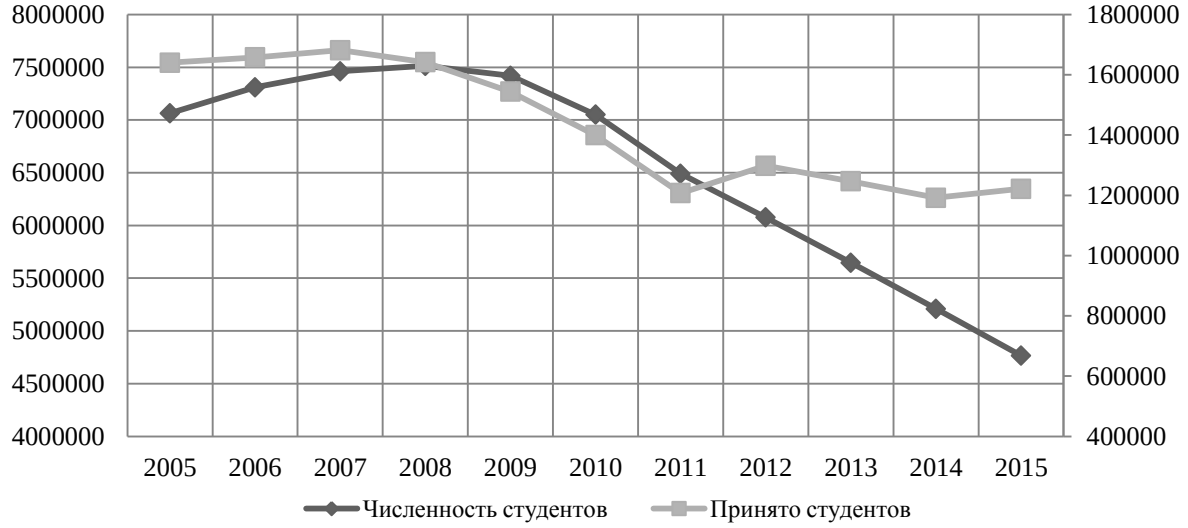


Рис. 1. Динамика общей численности студентов и численности принятых студентов

Как видно из рис. 1, рост численности студентов в российских вузах, достигнув максимума (более 7,5 миллионов человек), прекратился в 2008 году и, начиная с 2009 года и по настоящее время, сменился довольно существенным снижением. И практически так же рост приёма студентов сменился ежегодным его сокращением. В абсолютных цифрах к 2015 году произошло снижение численности студентов на 2,75 млн. человек и сокращение численности принятых студентов на 460 тыс. человек. При этом, если на сокращение общей численности студентов наиболее существенное влияние оказали одновременно 2 фактора: 1) демографический (снижение численности выпускников общеобразовательных школ) и 2) системный (переход на двухуровневую систему высшего образования и сокращение на 1 год

срока пребывания студентов в высшем учебном заведении – с 5 до 4 лет), то на сокращение приёма в вузы наиболее существенное влияние оказал именно демографический фактор.

На рис. 2 показана динамика общей численности населения Российской Федерации, а также численности двух возрастных групп – «0 лет» и «18 лет». Численность возрастной группы «18 лет» оказывает, по-нашему мнению наиболее существенное влияние на численность контингента, принимаемого на обучение вузами РФ. На этом же рисунке представлены результаты прогноза общей численности населения и численности отдельных возрастных групп на ближайшие 20 лет – до 2036 года. При этом из 3 вариантов прогноза общей численности населения и численности выбранных возрастных групп нами был использован средний вариант прогноза. Источник данных: официальный портал Росстата [2] с обновлениями, актуальными на апрель-май 2017 г.

Как видно из рис. 2, рост численности возрастной группы «18 лет», наблюдавшийся на протяжении 1990-х и вплоть до начала 2000-х годов, начиная с середины 2000-х годов, завершился и сменился ежегодным сокращением численности этой возрастной группы. Сопоставив данные, представленные на рис. 1 и рис. 2, можно предположить, что численность студентов, принятых в вузы РФ, находится в определённой взаимозависимости с численностью возрастной группы «18 лет» и что эти численности каким-то образом коррелируют между собой, несмотря на то, что сами по себе эти временные (динамические) зависимости довольно сложные для их математического описания и моделирования.

Аналогично можно наблюдать и корреляцию в динамических зависимостях общей численности студентов и численности, выбранной в качестве реперной, возрастной группы «18 лет». Из рис. 2 также видно, что в ближайшие 2-3 года будет наблюдаться некоторая стабилизация в численности этой группы, но затем и вплоть до начала 2030-х годов ожидается непрерывный рост численности группы «18 лет», который может по среднему варианту прогноза составить в абсолютных цифрах до 640 тыс. человек (с 1,31 млн на начало 2016 года до 1,95 млн, прогнозируемых на начало 2036 года). В более отдалённой перспективе (примерно с середины 2030-х годов) можно вновь ожидать снижение численности этой возрастной группы, что обусловлено ожидаемым в период с 2015 и до 2030 года снижением численности другой реперной возрастной группы – «0 лет».

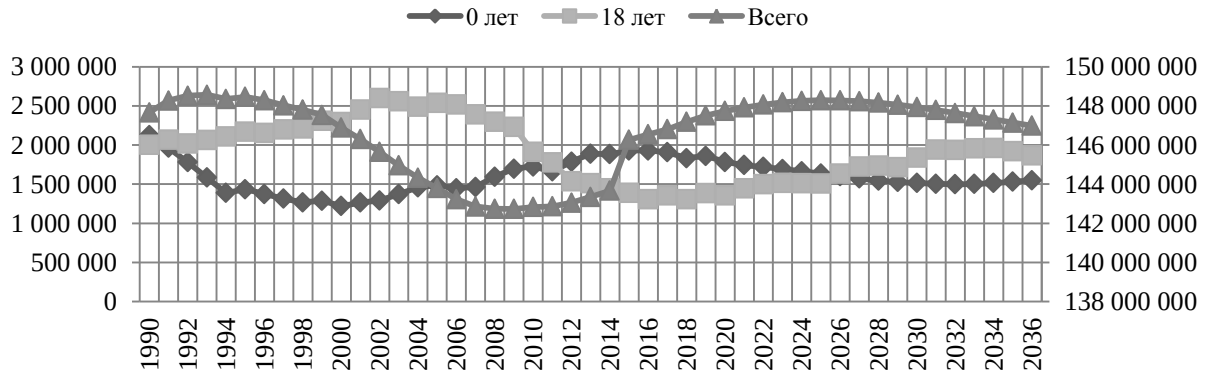


Рис.2. Численность населения Российской Федерации и её прогноз по отдельным возрастным группам до 2036 года

Для решения задачи прогнозирования важных демографических показателей и построения корреляционных моделей нами был использован подход, предложенный ранее и основанный на выявлении зависимостей типа «свойство – свойство» [3]. Такой подход даёт возможность получения корреляционных соотношений в достаточно простой форме и был апробирован нами при моделировании сложных процессов, связанных с некоторыми из основных демографических показателей качества жизни [4, 5], а также с описанием образовательных систем [6-9]. Опуская промежуточные построения, приведём основные корреляционные соотношения, полученные нами и использованные в дальнейших расчётах

по прогнозированию двух основных показателей, представляющих интерес с точки зрения оценки перспектив рынка образовательных услуг высшего профессионального образования.

Соотношение (1) описывает корреляцию между численностью возрастной группы «18 лет» и ожидаемой численностью принятых студентов:

$$Y = 0{,}431*X + 601, \qquad (1)$$

где Y – численность принятых студентов (тыс. человек),
X – численность возрастной группы «18 лет» (тыс. человек).

В этом соотношении численный коэффициент и свободный член имеют достаточно простую интерпретацию: первый связан с долей группы «18 лет» в общей численности принятых студентов, а свободный член определяет минимальную численность принятых студентов (минимальный набор – тыс. человек) при гипотетическом предположении, когда $X = 0$.

В свою очередь, соотношение (2) описывает корреляцию между общей численностью студентов и численностью принятых в данном году студентов:

$$Z = 4{,}487*Y + 30, \qquad (2)$$

где Z – общая численность студентов (тыс. человек),
Y – численность принятых в данном году студентов.

Используя данные прогноза численности возрастной группы «18 лет» и полученные нами корреляционные соотношения (1) и (2), был сделан прогноз численности принятого контингента и общей численности студентов в российских вузах на период до 2036 года. Результаты этих прогнозов представлены на рис. 3 и рис. 4 соответственно.

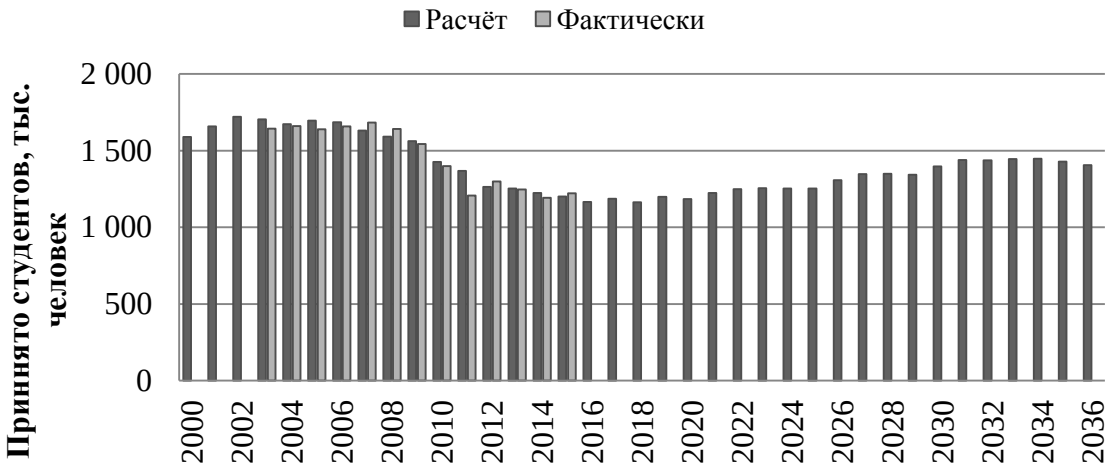


Рис. 3. Прогноз численности принятых студентов в вузах РФ до 2036 года

Как видно из рис. 3, на ближайшие 2-3 года можно ожидать примерно одинакового набора студентов (на уровне 2015 и 2016 годов), но в последующие годы и вплоть до начала 2030-х годов прогнозируется устойчивый рост численности принятых студентов. В абсолютных цифрах этот рост может составить до 250 тыс. человек к 2036 году по сравнению с уровнем набора в 2015 и в 2016 годах.

Прогноз общей численности студентов в российских вузах до 2036 года представлен на рис. 4.

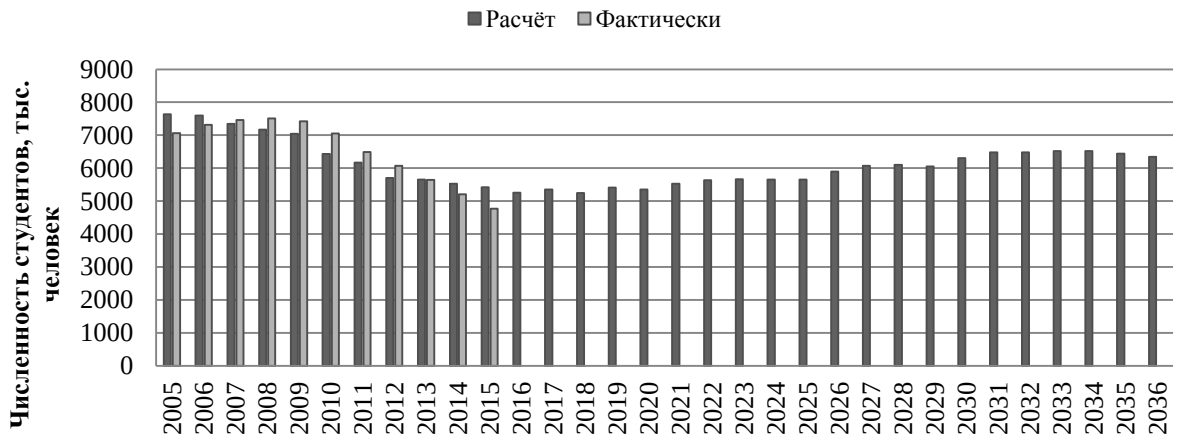


Рис. 4. Прогноз общей численности студентов в вузах РФ до 2036 года

Из рис. 4 видно, что в ближайшие 2-3 года общая численность студентов может стабилизироваться, а в последующем периоде и вплоть до начала 2030-х годов можно ожидать достаточно устойчивый рост общей численности студентов. И хотя роста до максимальной численности прежних лет (7,5 млн в 2008 году) ожидать не приходится, но даже и прогнозируемая в данной модели общая численность студентов до 6,5 млн к 2033 году - это довольно существенный рост по сравнению с показателем 2015 года в 4,7 млн.

Таким образом, общий вывод, который следует из этих прогнозов, заключается в том, что ситуация в Российской системе высшего образования имеет в уже обозримой перспективе хорошие демографические предпосылки не только для остановки происходящих в последние годы негативных процессов, но и имеет все предпосылки для выхода из этого кризиса уже в ближайшие годы. В дальнейшем – есть хорошие демографические предпосылки для роста как численности принятых студентов, так и общей численности студентов.

© Петров Ю.А., Петрова Г.И. Текст. 2017

Список источников

1. Официальный портал «Единая межведомственная информационно-статистическая система» / [режим доступа]: https://fedstat.ru/
2. Официальный портал «Росстата» / [режим доступа]: http://www.gks.ru/
3. Петров Ю.А., Попков А.Ю., Мень А.Н., Камышов В.М., Чуфаров Г.И. О взаимосвязи свойств, описываемых методом кластерных компонентов. // Доклады Академии наук СССР - 1983, т. 272, № 4, С. 906-907.
4. Петров Ю.А., Петрова Г.И. Качество жизни: о взаимосвязи некоторых из основных показателей [Текст]: В сборнике: Академическая наука - проблемы и достижения - Материалы VI международной научно-практической конференции, н.-и. ц. «Академический». - North Charleston, SC, USA, - 2015. С. 36-40.
5. Петров Ю.А., Петрова Г.И. Полуэмпирическая корреляционная модель прогнозирования контингента студентов в вузах Российской Федерации [Текст]: В сборнике: Новые информационные технологии в образовании и науке - Материалы X международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, Российский государственный профессионально-педагогический университет. – 2017, С. 403-409.
6. Петров Ю.А., Петрова Г.И., Фадеева Т.И. Уровни компетентности в аспекте феномена социально-профессиональной мобильности [Текст] : В сборнике: Социально-профессиональная мобильность в XXI веке - сборник материалов и докладов Международной конференции. Под редакцией Г. М. Романцева, В. А. Копнова. - Екатеринбург, 2014, С. 39-42.

7. Петров Ю.А., Петрова Г.И. Матричная модель уровней компетентности [Текст]: В книге: Новые информационные технологии в образовании. Материалы VII международной научно-практической конференции. Российский государственный профессионально-педагогический университет. - Екатеринбург, 2014, С. 449-453.
8. Петров Ю.А., Петрова Г.И. Уровни компетентности: модель, классификация, иерархия [Текст]: // Образовательные технологии (г. Москва). – 2014, № 4, С. 65-70.
9. Петров Ю.А., Петрова Г.И. Образовательная функция в матричной модели уровней компетентности [Текст]: В сборнике: Новые информационные технологии в образовании - Материалы IX международной научно-практической конференции. – 2016, С. 305-311.

Информация об авторах

1. Петров Юрий Александрович - Российская Федерация, Екатеринбург, канд. хим. наук, доцент кафедры менеджмента Института гуманитарного и социально-экономического образования, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11, youri1054@gmail.com
2. Петрова Галина Ивановна – Российская Федерация, Екатеринбург, канд. философских наук, , доцент кафедры менеджмента Института гуманитарного и социально-экономического образования, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11, galinapetrova477@gmail.com

Petrov Yu.A., Petrova G.I.

DEMOGRAPHIC FORECASTING OF CONTINGENT OF STUDENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

A semi-empirical correlation model that predicts the number of students in institutions of higher education. In this model also can forecast the number of admitted students.

Keywords: semi-empirical model, correlation, prediction, higher education, university, accepted students, the number of students, Russian Federation

Information about authors

1. Petrov Youri Alexandrovich – Russian Federation, Yekaterinburg, doctor of chemistry, Associate professor of the department of management, The Russian State Vocational Pedagogical University, Russia, Yekaterinburg, Mashinostroiteley Str., 11, youri1054@gmail.com
2. Petrova Galina Ivanovna - Russian Federation, Yekaterinburg, doctor of philosophy, Associate professor of the department of management, The Russian State Vocational Pedagogical University, Russia, Yekaterinburg, Mashinostroiteley Str., 11, galinapetrova477@gmail.com

УДК: 331.522

А.В. Пеша

ПОКАЗАТЕЛИ ДВИЖЕНИЯ РАБОЧИХ МЕСТ В МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД 2011-2016 годы

В статье рассматривается вопрос движения рабочих мест в Российской Федерации за период с 2011 по 2016 год. Анализ акцентируется на межотраслевой дифференциации рабочих мест и ее показателях: удельный вес созданных рабочих мест, удельный вес ликвидированных рабочих мест, реаллокация рабочих мест, сальдо движения рабочих мест, избыточное перераспределение рабочих мест.

Ключевые слова: движение рабочих мест, межотраслевая дифференциация,

реаллокация, создание рабочих мест, ликвидация рабочих мест.

Управление движением рабочих мест не перестает быть год от года актуальным вопросом для экономики Российской Федерации.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года, в России до 2020 года запланировано создание 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест, из них в Свердловской области – 700 тыс. модернизированных и новых рабочих мест на действующих и вновь создаваемых предприятиях и организациях [2]. Если брать среднесрочный период, то в Свердловской области за период 2012-2016 годов должно быть создано более 270 тыс. рабочих мест [1].

Для анализа показателей движения рабочих мест необходимо раскрыть понятие рабочее место.

Рабочее место согласно методологии Системы национальных счетов – «некий договор в явной или неявной форме, заключаемый между конкретным лицом и институциональной единицей на выполнение определенной работы за оговоренную плату в течение установленного срока или до дальнейшего уведомления» [3, С. 4]… и «рабочее место есть у каждого, кто вне зависимости от вида деятельности и вида труда, включая самозанятость» [8, С. 481].

В статье 209 Трудового кодекса Российский Федерации законодательно закреплено определение понятия «рабочее место», оно в полной мере соответствует общепринятой международной терминологии, определению, данному в Конвенции Международной организацией труда: «прямо или косвенно контролируемые работодателем места, где работник должен находиться или куда ему необходимо следовать в связи с его работой»[1]

В нашей работе мы будем придерживаться определения данного на 18 Международной конференции статистиков труда (Женева, 2008), согласно которому рабочее место – «круг задач и обязанностей, которые выполняются или должны выполняться одним лицом в интересах одной экономической единицы» [7].

На рынке труда Российской Федерации наблюдается несоответствие спроса и предложения в отраслевом, профессионально-квалификационном, территориальном и других разрезах. В настоящее время отмечается высокий дефицит квалифицированной и рабочей силы в промышленности, в данном секторе рынка труда спрос превышает имеющееся предложение от соискателей [6, 4].

Интенсивность движения рабочей силы определяет показатель ее общего оборота, который можно определить через определение суммы принятых и уволенных работников за определенный период и ее отношение к числу работающих в среднем за период. С ростом значения данного показателя определяется возрастание интенсивности структурного обновления занятости.

За период 2011-2015 годов в России по данным Росстата создано 16230,7 тыс. рабочих мест, ликвидировано 17809,2 тыс. рабочих мест.

В данной статье мы большее внимание уделим рассмотрению показателей движения рабочих мест в межотраслевой дифференциации.

«По данным выборочного обследования, проведенного по состоянию на 31 октября 2016 г. Росстатом, общая численность работников списочного состава насчитывала 27,8 млн. человек. Распределение работников по 9 укрупненным профессиональным группам (согласно ОКЗ) показало, что наиболее многочисленными группами занятий являлись специалисты высшего уровня квалификации (7,3 млн. человек), квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий(4,2 млн. человек); операторы производственных установок и машин, сборщики и водители (3,5 млн. человек); неквалифицированные рабочие (3,2 млн. человек); специалисты среднего уровня

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации. от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)

квалификации (3,1 млн. человек)».[1]

При анализе движения рабочих мест целесообразно рассматривать ряд показателей:

1. Удельный вес созданных рабочих мест. В том числе, расчет коэффициента создания рабочих мест, равный процентному отношению числа созданных рабочих мест к числу замещенных рабочих мест за определенный период.

2. Удельный вес ликвидированных рабочих мест и коэффициент ликвидации рабочих мест. Данный коэффициент равен процентному отношению числа ликвидированных рабочих мест к числу замещенных рабочих мест за рассматриваемый период.

3. Валовое перераспределение (реаллокация) рабочих мест. Коэффициент реаллокации можно рассчитать как сумму коэффициентов 1 и 2.

4. Сальдо движения рабочих мест. Рассчитывается как разница коэффициентов 1 и 2.

5. Кроме этого, можно рассчитать избыточное перераспределение рабочих мест как разницу коэффициентов 3 и 4.

При анализе межотраслевой дифференциации показателей движения рабочих мест рассмотрим показатели за период 2011-2016 годы, сформированные на основе данных официальной статистики, представленной на сайте Росстата, масштаб движения рабочих мест в различных отраслях экономики сильно варьируется (таблица 1, рисунок 1)[2].

Таблица 1

Удельный вес числа созданных рабочих мест в числе замещенных рабочих мест по видам экономической деятельности, %

вид экономической деятельности	Удельный вес числа созданных рабочих мест в числе замещенных рабочих мест, %					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	7,4	6,7	6,3	7,2	8,6	7,98
Рыболовство, рыбоводство	5,9	7,0	5,0	6,5	7,7	11,89
Добыча полезных ископаемых	8,7	7,4	6,7	8,6	7,8	6,98
обрабатывающие производства	7,4	6,8	6,4	7,9	6,7	6,15
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	9,0	7,6	8,1	8,4	8,1	7,22
Строительство	16,0	17,6	14,9	15,2	13,5	15,96
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	18,9	16,8	16,4	16,4	15,3	18,7
Гостиницы и рестораны	11,2	12,8	13,4	11,4	14,4	17,82
Транспорт и связь	11,1	8,1	9,2	8,1	7,9	6,89
Финансовая деятельность	12,2	11,0	11,8	15,2	8,5	10,59
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10,6	10,5	10,6	11,6	11,4	12,49
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	9,6	9,2	7,3	7,2	5,9	6,43
Образование	5,0	10,5	9,0	18,5	5,1	7,8
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,6	4,9	7,0	7,1	5,4	8,31
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	7,6	9,6	9,8	10,1	7,2	10,81

[1] О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2016г. (по результатам выборочного обследования организаций). [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/]

[2] Составлено автором на основе данных Росстата. [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://www.gks.ru/

Всего	8,7	9,2	9,0	10,9	7,8	9,04

По данным проведенного анализа показателей удельного веса создания рабочих мест за период 2011-2016 абсолютное лидерство за 5 лет (исключение 2012 год) за оптовой и розничной торговлей, средний темп создания рабочих мест в этом виде деятельности составил 17,08%. В среднем же за период по всем видам экономической деятельности темп создания рабочих мест 9,79%. Кроме того, лидерами в создании рабочих мест являются также предприятия строительной деятельности и гостиничного и ресторанного сервиса. Тренд на увеличение количества рабочих мест наблюдается на в организациях, осуществляющих операции с недвижимым имуществом. Турбулентные движения за 6 лет видны в сфере образования. В 2015 году, по сравнению с 2014 удельный вес создания рабочих мест в сфере образования упал в трое. По данным 2016 года, удельный вес создания рабочих мест в сфере высшего профессионального образования составил 4,54%, по наблюдаемым трендам на оптимизацию численности в этой сфере в 2017 году удельный вес создания рабочих мест может приблизиться к нулевой отметке.

Второй показатель, являющийся наиболее важным наряду с созданием рабочих мест – удельный вес ликвидации рабочих мест организациями по видам деятельности. Результаты анализа представлены в таблице 2[1] и рисунке 1.

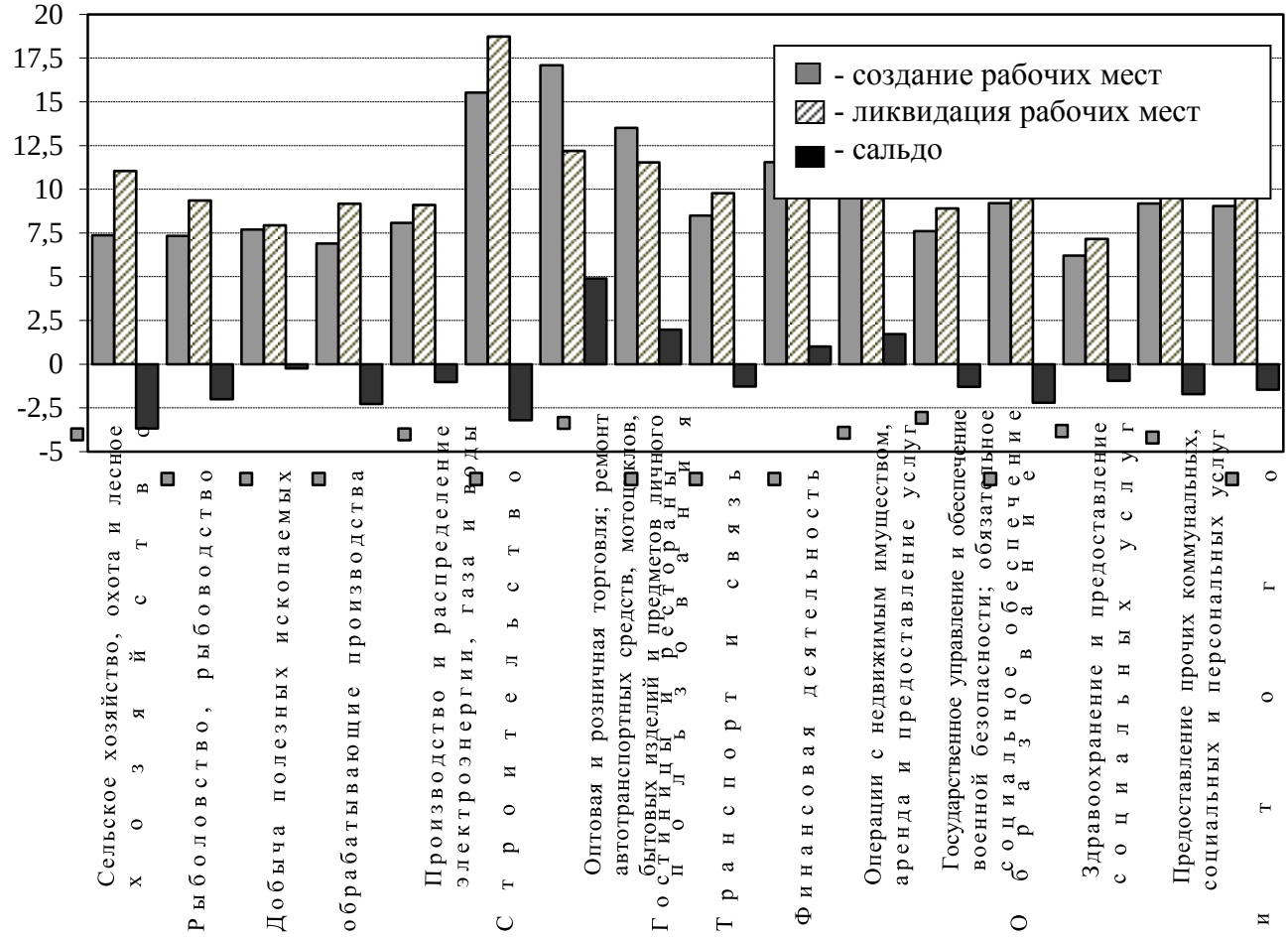


Рис. 1. Удельный вес создания и ликвидации рабочих мест, сальдо движения рабочих мест по видам деятельности в среднем за период 2011-2016гг., %

Таблица 2

Удельный вес числа ликвидированных рабочих мест в числе замещенных рабочих мест по

[1] Составлено автором на основе данных Росстата. [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://www.gks.ru/

видам экономической деятельности, %

вид экономической деятельности	Удельный вес числа созданных рабочих мест в числе замещенных рабочих мест, %						
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	в среднем за период
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	11,5	11,6	12,4	12,1	8,8	9,88	11,04
Рыболовство, рыбоводство	7,9	8,0	11,2	14,3	6,5	8,15	9,34
Добыча полезных ископаемых	7,6	5,7	7,0	10,3	9,2	7,78	7,93
обрабатывающие производства	7,8	8,8	8,9	11,3	9,7	8,47	9,16
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	9,5	7,7	9,0	9,9	8,9	9,57	9,09
Строительство	14,3	13,8	17,2	20,6	23,5	22,97	18,72
Оптовая и розничная торговля	10,4	12,0	10,2	11,1	14,3	15,11	12,18
Гостиницы и рестораны	12,3	10,5	13,1	9,5	13,7	10,08	11,53
Транспорт и связь	11,8	8,7	10,9	9,1	9,7	8,42	9,77
Финансовая деятельность	7,4	6,7	7,6	11,6	14,8	15,19	10,54
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10,4	9,6	8,5	9,7	9,0	9,68	9,48
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	12,8	9,9	8,0	7,4	6,3	9,03	8,9
Образование	7,8	12,5	12,8	21,1	5,3	8,98	11,41
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	5,6	5,6	9,4	7,8	5,6	8,95	7,15
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	10,6	10,7	12,4	12,9	8,2	10,65	10,9
Всего	9,84	9,5	10,57	12,0	10,2	10,8	10,49

Из таблицы 2 мы можем сделать вывод о том, что лидерами среди видов деятельности по показателю ликвидации рабочих мест являются в рассматриваемый период организации строительства – 18,72%. Большой процент ликвидации рабочих мест также наблюдается в сфере услуг – оптовой и розничной торговле (12,18%) , гостиничном и ресторанном бизнесе (11,53), образовании (11,41%). Также, большое число рабочих мест ликвидируется в сельском хозяйстве и финансовой сфере. Наименьшая скорость ликвидации рабочих мест за последние 6 лет фиксируется в сфере здравоохранения и добыче полезных ископаемых (7,15% и 7,93% соответственно).

Посчитав сальдо движения рабочих мест в межотраслевой дифференциации (рисунок 1) можно сделать следующие выводы: в целом, сальдо по видам деятельности имеет слабо отрицательные значения (-1-1,5), в некоторых видах деятельности можно констатировать стабильность: розничная и оптовая торговля (4,9), гостиницы и рестораны (1,97), операции с недвижимостью (1,72), финансовая деятельность 1,01. Самый высокий уровень нестабильности рабочих мест в сельском хозяйстве, где среднее сальдо движения рабочих мест составило -3,68.

Рынок труда Российской Федерации относится к числу развивающихся, так как экономика России характерна для типа развивающихся стран. Широкая вариативность движения рабочих мест в различных видах экономической деятельности зависит и от структуры экономики страны в целом, и от региональных особенностей отраслевого развития.

Тема движения рабочих мест, их обновления и сохранения является актуальной в настоящее время, как с научной точки зрения, так и с точки зрения развития страны.

© Пеша А.В. Текст. 2017.

Список источников

1. Постановление Правительства Свердловской области от 11 июля 2014 № 591-ПП «О Программе модернизации и создания новых рабочих мест на территории Свердловской области на период до 2020 года», «Областная газета» от 19.07.2014, № 128, стр. 2–3 [Электронный ресурс] – http://www.pravo.gov66.ru/media/newspaperpdf/2014-07-19_og_128.pdf
2. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 года N 596 «О долгосрочной государственной экономической политике», стр. 1 [Электронный ресурс] – http://base.garant.ru/70170954/
3. Гимпельсон, В. Е., Жихарева, О. Б., Капелюшников, Р. И. Движение рабочих мест: что говорит российская статистика [Электронный ресурс] /В. Е. Гимпельсон, О. Б. Жихарева, Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школаэкономики». – Электрон. текст. дан. (1,6 МБ). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 46 с.
4. Методическое обеспечение управления человеческими ресурсами /Кулькова И.А., Воробьева Н.В., Плутова М.И., Пеша А.В., Пяткова О.А., Камарова Т.А., Рагозина А.Ю., Силаенкова В.В. /Под редакцией доктора экономических наук, профессора И. А. Кульковой Рекомендовано редакционно-издательским советом Уральского государственного экономического университета / Екатеринбург, 2016. – 144 с.
5. О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2016г. (по результатам выборочного обследования организаций). [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/]
6. Пеша А. В. Движение рабочих мест: особенности учета в российской статистике [электронный ресурс] /А. В. Пеша, В. С. Неволина, А. С. Мороз/ Журнал «Human Progress». – Том 2, № 11 (ноябрь 2016). Режим доступа:
7. Iinternational Labour Organization. 18th International Conference of Labour Statisticians. Resolution I: Resolution concerning the measurement of working time. Report of the Conference. [Электронный ресур] – Geneva, 24. November–5 December 2008. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/ groups/public/-dgreports/stat/documents/meetingdocument/wcms_101467.pdf
8. SNA (2009), European Commission, IMF, OECD, UN, World Bank, “System of National Accounts 2008”, New York, USA. See link: http://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008.pdf.

Информация об авторе

Пеша Анастасия Владимировна - Россия, Екатеринбург, к.э.н., доцент кафедры Экономики труда и управления персоналом ФГБОУ ВО «УрГЭУ», myrabota2011@gmail.com

Pesha A.V.

INDICATORS OF JOB FLOWS IN THE INTER-SECTORAL DIFFERENTIATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PERIOD 2011-2016

The paper addresses the issue of job turnover in the Russian Federation for the period from 2011 to 2016. The analysis focuses on the intersectoral differentiation of jobs and its indicators: the proportion of jobs created, the proportion of eliminated jobs, reallocate jobs, balance the

movement of jobs, the excess reallocation of jobs.

Keywords: gross job flows, inter-industry differentiation, reallocate, the creation of jobs, elimination of jobs.

Information about the author

Pesha Anastasiia Vladimirovna – Yekaterinburg, Ural State University of Economics, Myrabota2011@gmail.com

УДК: 331.526

О.В. Попова

ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ И ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

В статье анализируется динамика, структура и тенденции экономической активности и занятости молодежи Республики Саха (Якутия). Определены особенности занятости различных возрастных групп молодежи в регионе. Выявляются возможности улучшения ситуации с молодежной занятостью.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, экономическая активность, занятость, Республика Саха (Якутия).

Молодое население является наиболее активной и способной к инновациям частью общества. В будущем именно молодые люди станут двигательной силой социально-экономического развития страны. Но, реализация этого потенциала в значительной степени зависит от стартовых условий вступления молодежи в трудовую жизнь – уровня и качества экономической активности и занятости. Для полноценного развития и реализации своих возможностей молодые люди должны быть обеспечены достойной работой.

По определению, принятому в ООН, к молодежи относятся лица в возрасте от 15 до 24 лет. Органы государственной статистики Российской Федерации относят к молодежи лиц в возрасте 15-29 лет. Этот возрастной диапазон, в соответствии со стандартами ООН и рекомендациями МОТ разбивается на три возрастные категории: дети и подростки – 15-19 лет, из них к «детям» относят население в возрасте 15-17 лет; взрослая молодежь – 20-24 лет; молодые взрослые – 25-29 лет [1].

В период с 2000 по 2015 годы численность экономически активной молодежи Республики Саха (Якутия) (далее РС (Я)) снизилась на 11453 человек с 139494 человек в 2000 году до 128041 человек в 2015 году. Произошло это за счет снижения численности экономически активной молодежи в двух возрастных группах – до 20 лет и 20-24 лет. Наибольшее сокращение численности экономически активной молодежи произошло в возрастной группе до 20 лет – 14589 человек (с 19850 человек в 2000 году до 5261 человек в 2015 году). Сокращение по возрастной группе 20-24 лет составило 12048 человек и объясняется достижением молодежного возраста поколения 90-х годов, которое характеризуется демографическим «провалом» (таблица 1). В результате действия демографических факторов в ближайшие пять лет ожидается дальнейшее снижение численности экономически активной молодежи.

Таблица 1

Распределение численности экономически активного населения Республики Саха (Якутия) по молодежным возрастным группам в 2000-2015 годах*

человек

Годы	***Экономически активное население – всего***	***в том числе молодежь***			
		Всего	***до 20***	***20-24***	***25-29***

2000	485112	139494	19850	57428	62216
2005	486045	131424	18399	48594	64431
2010	493621	133727	8589	54733	70405
2011	491993	134160	7229	55274	71657
2012	500280	136716	7840	54103	74773
2013	504553	133213	6815	51535	74863
2014	502918	129479	5740	47520	76219
2015	501257	128041	5261	45380	77400

*Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): Статистический сборник /ТО ФСГС по Республике Саха (Якутия). – Якутск, 2016 – С. 21

Как правило, основной вид занятия для 15 – 22-летних молодых людей – это учеба, что вполне естественно. Учатся и подрабатывают в свободное от учебы время значительно меньшая часть молодых людей указанного возраста. Их трудовая активность стимулируется стремлением решить самостоятельно свои социально-экономические проблемы.

В возрастной группе 23 – 29 лет основным видом занятия становится уже работа, а учеба – дополнительным. Совмещение работы и учебы обусловлено необходимостью повышения своего профессионально-квалификационного уровня, либо приведения в соответствие профессиональных знаний и навыков с требованиями занимаемого рабочего места. Именно в возрастной группе 20-24 лет происходит активное и целенаправленное вступление молодых людей в трудовую деятельность, что наглядно отражается в показателях экономической активности молодежи. Так в возрастной группе 20-24 лет численность экономически активного населения и уровень экономической активности резко возрастает (в среднем в три-четыре раза) по сравнению с предыдущей возрастной группой 15-19 лет [2].

В структуре численности экономически активной молодежи РС (Я) наибольший удельный вес принадлежал возрастной группе 25-29 лет – 60,4 % от общей численности экономически активной молодежи в 2015 году. В распределении численности экономически активной молодежи по полу преобладали мужчины – 55 % от общей численности экономически активной молодежи в 2015 году. Эти тенденции сохранялись в течение всего исследуемого периода.

Уровень экономической активности молодежи составил в 2015 году 58,1 %, что на 12,7 % ниже общего уровня экономической активности населения РС (Я) – 70,8 %.

В течение 2000 – 2015 годов уровень экономической активности 15 – 29-летних граждан колебался в пределах 47,3 % – 59 %. Минимальное значение уровня экономической активности молодежи наблюдалось в 2007 году – 47,3 %, максимальное – 59 % в 2000 году. В среднем в исследуемый период уровень экономической активности молодежи составлял 53-54 %. Если с 2000 по 2007 годы уровень экономической активности молодежи снижался, то с 2008 года он постепенно растет. По сравнению с 2000 годом уровень экономической активности молодежи снизился на 0,9 % с 59 % в 2000 году до 58,1 % в 2015 году.

При этом удельный вес молодых людей в составе экономически активного населения Республики Саха (Якутия) удерживался на уровне 26,5±1%, т.е. молодым был каждый четвертый экономически активный человек в республике.

Численность экономически неактивной молодежи в период с 2000 по 2015 год возросла на 3337 человек с 96893 человек в 2000 году до 100230 человек в 2015 году. При этом рост наблюдался среди 20-29-летней молодежи. А в группе до 20 лет произошло снижение численности экономически неактивной молодежи, связанное с общим сокращением численности населения в этой возрастной когорте.

Наибольший рост численности экономически неактивной молодежи произошел в возрастной группе 20-24 лет: с 18417 человек в 2000 году до 30708 человек в 2015 году. Такая ситуация может объясняться ростом численности учащихся в системе профессионального образования, происходившим в этот период, в частности значительным

увеличением численности учащихся на дневной форме обучения в учреждениях среднего и высшего профессионального образования – с 14912 человек в 2000 году до 30686 человек в 2015 году.

В численности экономически неактивной молодежи в 2015 году доля женщин составила 53,8 %, мужчин – 44,32 %; 58,2 % экономически неактивной молодежи составляли дети и подростки в возрасте 15-19 лет, 30,6 % – молодые взрослые в возрасте 20-24 года, 11,2 % - взрослая молодежь в возрасте 25-29 лет.

Доля молодых людей в общей численности экономически неактивного населения республики составила 48,6 %, в том числе 28,3 % - дети и подростки в возрасте 15-19 лет, т.е. молодежь составляет основную массу экономически неактивного населения.

В целом за 2000-2015 годы по республике наблюдалась тенденция к сокращению численности как экономически активной молодежи, так и численности экономически неактивной.

Удельный вес экономически неактивной молодежи в общей численности населения соответствующей возрастной группы составил в 2015 году 45,5 %, что на 16,3 % выше аналогичного показателя по всему населению (29,2 %). В исследуемый период произошел рост доли экономически неактивной молодежи на 4,5 %: с 41 % до 45,5 % в 2000 и 2015 году соответственно. Показатели экономической неактивности среди мужчин ниже, чем среди женщин. Так в 2015 году экономически неактивны были 41 % молодых мужчин в возрасте 15-29 лет против 50,1 % молодых женщин.

Доля молодых людей в численности населения, занятого в экономике, удерживалась в 2005-2015 годах на уровне 25 %, т.е. молодым был каждый четвертый занятый.

Численность занятой молодежи в республике сократилась на 2824 человек с 116754 человек в 2000 году до 113930 человек в 2015 году за счет сокращения численности занятой молодежи в возрасте 15-24 лет.

В структуре численности молодежи, занятой в экономике, наибольший удельный вес принадлежал возрастной группе 25-29 лет – 63,3 % от общей численности занятой в экономике молодежи в 2015 году; в распределении численности молодежи по полу преобладали мужчины – 53,9 % в 2015 году.

Средний уровень трудовой занятости молодежи в указанный период равнялся 46 %, тогда как средний уровень занятости по всему населению в целом составил 63,5 %. По сравнению с 2000 годом в 2015 занятость молодежи возросла на 2,3 %, при этом в возрастной группе 15-24 лет уровень занятости снижался, а в группе 25-29 лет – возрос. В этот же период уровень занятости по всему населению республики возрос на 3,6 % - с 62 % до 65,5 в 2000 и 2015 годах соответственно.

Уровень занятости молодых мужчин составил в 2015 году 54,4 % и снизился по сравнению с 2000 годом на 4,9 %; уровнь занятости молодых женщин наоборот возрос на 9,6 % и достиг в 2015 году 48,9 %.

Таблица 6

Уровень занятости молодежи по полу и возрастным группам в 2000-2015 годах (в процентах от численности населения соответствующей возрастно-половой группы)*

Годы	***Все население***	***Молодежь, всего***	***в том числе в возрасте***			***в том числе по полу***	
			до 20	***20-24***	***25-29***	***мужчины***	***женщины***
2000	62	49,4	12,7	64,5	78,0	59,3	39,3
2005	61,8	44,2	12,6	48,4	80,3	46,6	41,8
2010	62	44,3	7,6	47,4	76,1	47,5	40,9
2011	62	45,9	6,6	50,3	75,8	50,8	40,9
2012	64,2	47,4	7,4	49,5	77,5	53,0	41,5
2013	65,2	49,2	8,1	52,6	76,7	54,0	44,2
2014	65,4	50,0	6,4	52,9	78,7	54,8	44,9
2015	65,6	51,7	6,7	53,2	81,3	54,4	48,9

* рассчитано автором по данным: Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): Статистический сборник /ТО ФСГС по Республике Саха (Якутия). – Якутск, 2016 – С. 15, 34

В структуре занятости по группам занятий молодежь составляла:

- 67,9 % профессий рабочих промышленности, транспорта и связи, не вошедшие в другие группы;
- 36,7 % продавцов, демонстраторов товаров, натурщиков и демонстраторов одежды;
- 34,8 % работников, занятых подготовкой информации, оформлением документации и учетом;
- 34,5 % специалистов высшего уровня квалификации в области естественных и технических наук;
- 30,1 % прочих специалистов высшего уровня квалификации.

В общей численности занятой молодежи наибольший удельный вес принадлежал следующим группам занятий:

- профессии неквалифицированных рабочих, общие для всех видов экономической деятельности – было занято 11,1 % от общей численности занятой молодежи;
- прочие специалисты высшего уровня квалификации – 11,1 %;
- водители и машинисты подвижного оборудования – 10,6 %;
- работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности – 8,3 %;
- продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды – 7,2 % от общей численности занятой молодежи.[1]

Отраслями, наиболее активно привлекающими молодежь в качестве рабочей силы, то есть с наибольшим удельным весом молодежи в общем количестве занятых в отрасли, в 2015 году являлись:

- финансовая деятельность, где молодежь составляла 40,6 % занятых в отрасли;
- рыболовство, рыбоводство – 32,5 % занятых в отрасли;
- оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – 31,6 % занятых в отрасли.

То есть, если в общем количестве занятых в экономике молодым был каждый четвертый работник, то в вышеперечисленных отраслях – каждый второй-третий.

Наименее молодежь была представлена в таких отраслях как:

- сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, где молодежь составляет 17,5 % занятых в отрасли;
- здравоохранение и предоставление социальных услуг – 20,2 % занятых в отрасли;
- транспорт и связь – 20,5 % занятых в отрасли;
- образование – 22,1 % занятых в отрасли.[2]

То есть показатели молодежной занятости в этих отраслях были ниже среднего по республике – 24,5 %, и здесь имеется определенный резерв для роста занятости молодежи.

В структуре занятости основными отраслями приложения труда молодежи в 2015 году являлись:

- оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, здесь трудилось 16,1 % от общей численности занятой молодежи;
- образование – 14,8 % от общей численности занятой молодежи;
- государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное

[1] рассчитано автором по данным стат. сборника Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): Статистический сборник /ТО ФСГС по Республике Саха (Якутия). – Якутск, 2016 – С. 49-50

[2] Там же, с. 43

страхование – 10,6 % от общей численности занятой молодежи.

Наименьший удельный вес в структуре занятой молодежи имели следующие отрасли:

- рыболовство, рыболовство – 0,2 % от общей численности занятой молодежи;
- гостиницы и рестораны – 1,8 % от общей численности занятой молодежи;
- обрабатывающие производства – 2,7 % от общей численности занятой молодежи.

Молодежь вообще не была представлена в таких видах экономической деятельности как:

- предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства;
- деятельность экстерриториальных организаций.

Таким образом, сокращение общей численности молодежи в возрасте 15-29 лет должно сопровождаться снижением напряженности на молодежном рынке труда и, следовательно, ростом уровня занятости молодежи; поскольку при снижении конкуренции у молодых людей появляется больше возможностей для трудоустройства, в том числе для совмещения учебы и работы на условиях неполной рабочей недели. Однако рост уровня занятости наблюдается только в группе молодежи 25-29 лет, а в группах до 20 и 20-24 лет происходит снижение уровня занятости. Отчасти это может объясняться одновременным снижением уровня экономической активности молодежи в группах до 20 и 20-24 лет, который связан с ростом занятости учебной деятельностью в сфере профессионального образования.

Одним из путей улучшения ситуации с молодежной занятостью могло бы стать повышение доли молодежи в отраслях с низким удельным весом молодых людей в структуре занятых. Так, требуют «омоложения» кадров такие отрасли как «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», «здравоохранение и предоставление социальных услуг», «транспорт и связь». Хотя отрасли «финансовая деятельность» и «рыболовство, рыбоводство» достаточно активно нанимают для работы молодежь, емкость рынка труда этих отраслей недостаточна, чтобы трудоустроить большое количество молодежи, и занятость в данных отраслях не оказывает незначительного влияния на состояние молодежного рынка труда РС (Я). При этом такая отрасль как «образование» является очень емкой и даже при удельном весе молодежи в общей численности занятых в отрасли ниже среднего (22,1 %) является местом работы 14,8 % всей занятой молодежи. Дальнейшее расширение занятости молодежи в этой отрасли (доведение доли молодежи, занятой в отрасли, до средних значений по республике – 24,5 %) могло бы оказать существенное влияние на молодежный рынок труда республики.

© Попова О.В. Текст. 2017

Список источников

1. Молодежь в России. 2010: Стат. сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. – С.8.

2. Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://gks.ru, свободный (дата обращения 10.12.2016).

Информация об авторе

Попова Ольга Васильевна (РФ, г. Якутск) - кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра социальных проблем труда Академии наук Республики Саха (Якутия) (677007, г. Якутск, пр. Ленина, 33, тел. +7(4112)33-57-11, факс +7(4112) 33-57-10, e-mail: popova_olya@mail.ru)

Popova O.V.

DYNAMICS AND TRENDS OF ECONOMIC ACTIVITY AND EMPLOYMENT OF YOUTH IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

In the paper dynamics, structure and trends of economic activity and employment of the youth in the Republic of Sakha (Yakutia) are analyzed. The characteristic features of employment of different age groups of young people in the republic are determined. Ways of improvement of the situation with youth employment are being identified.

Keywords: youth, labor market, economic activity, employment, the Republic of Sakha (Yakutia).

Information about the author

Popova Olga Vasilievna (Yakutsk, Russian Federation) – PhD in Economics, researcher of the Center of social problems of labor, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), 33 Lenin Avenue, 677007, Yakutsk, Russian Federation, tel. +7(4112) 33-57-11, fax +7(4112) 33-57-10, e-mail: popova_olya@mail.ru

УДК: 338.49; 332.142.2

П.А. Пыхов, Т.О. Кашина

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Инфраструктура является одним из элементов формирования качества населения. В статье описаны результаты применения методического подхода к оценке инфраструктурной обеспеченности территории УрФО. Методика основана на методе индикативного анализа. Приведены расчетные данные динамики 2000-2015 гг.

Ключевые слова: качество населения, инфраструктура, энергетическая безопасность, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, коммуникации, здравоохранение.

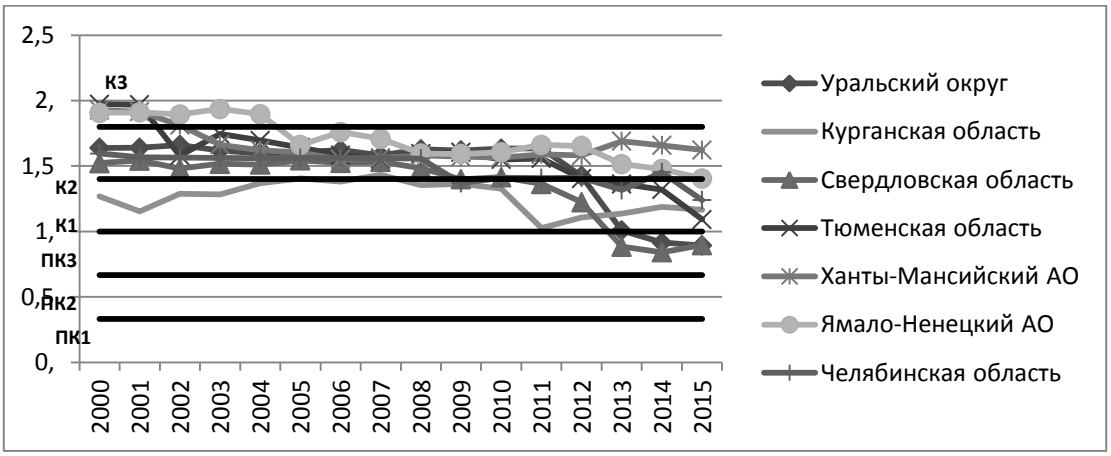
Благосостояние – это сложная социально-экономическая категория, которая объективно характеризует обеспеченность территории жизненно необходимыми благами и степень удовлетворения потребности населения [1] Одним из немало важных факторов формирования благосостояния является инфраструктурная обеспеченность.

Инфраструктура рассматривается как комплекс отраслей экономической и социальной жизни, имеющих подчиненный и вспомогательный характер составной части общего устройства экономической и политической жизни, обеспечивающих основу функционирования и воспроизводства соответствующей системы на макроуровне, совокупность объектов или сооружений, обслуживающих определенную территорию на мезоуровне и совокупность инженерно-технических сооружений, необходимых для функционирования любой фирмы на микроуровне. [2]

По предлагаемой авторами методики оценки инфраструктуры территории регионального уровня был сделан апробационный расчет. Анализ полученных результатов на примере Уральского Федерального Округа (УрФО) представлен ниже [2,3].

Результаты расчетов транспортной обеспеченности в 2000–2015 гг. по территориям УрФО представлены на рис.1. Из графика видно, в последние 5 лет улучшилась обеспеченность автомобильными дорогами большинства входящих в УрФО. Увеличились объемы перевозок грузов по средствам ж/д транспорта, что привело к улучшению индикатора интенсивности использования данной транспортной системы. Индикатор степени износа ОПФ предприятий транспорта не имел однозначной динамики. Износ ОПФ организаций автомобильного транспорта увеличился, железнодорожный транспорт сохранил уровень износа в области нормальных значений, а индикатор износа водного транспорта существенно улучшился в Тюменской области и входящих в нее АО. Последнее связано с освоением Восточно-Тамбейского и Северо-Обского участка в акватории Обской губы. Значения индикатора количества дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими

также улучшились. Все описанные выше тенденции сформировали положительную динамику изменения блока



Примечание. Обозначение состояний по безопасности: Н - нормальное (соответствует нулевым значениям уровня кризисности и на диаграмме не указывается);ПК1 - предкризисное начальное состояние; ПК2 - предкризисное развивающееся состояние; ПК3 - предкризисное критическое состояние;К1 - кризисное нестабильное состояние; К2 - кризисное угрожающее состояние; К3 - кризисное чрезвычайное состояние

Рис. 1. Результаты расчетов транспортной обеспеченности в 2000–2015 гг. по территориям УрФО

Результаты расчетов обеспеченности коммуникациями в 2000–2015 гг. по территориям УрФО представлены на рис.2. Обеспеченность населения услугами связи и передачи данных ситуация в рассматриваемом периоде существенно улучшилась. Охват населения современными средствами и технологиями приблизился к нормальным значениям. В настоящее время можно наблюдать переход от количественного развития систем коммуникации к качественному: отмечается ежегодный рост объемов трафика пользователей сети, увеличивается скорость передачи информации, расширяется спектр услуг.

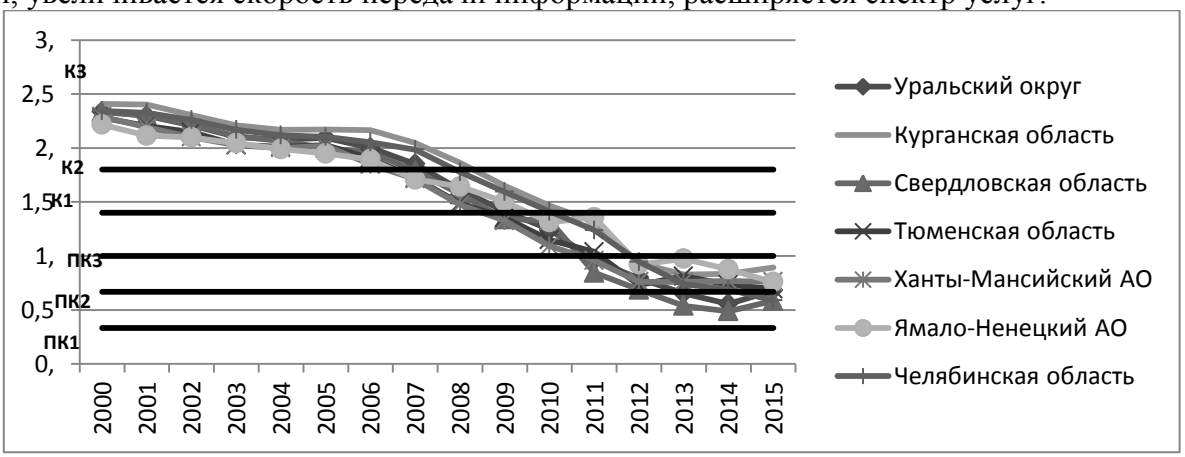


Рис. 2. Результаты расчетов обеспеченности коммуникаций в 2000–2015 гг. по территориям УрФО

Динамика изменения уровня обеспеченности инфраструктурой ЖКХ в 2000–2015 гг. по территориям УрФО представлена на рис.3. На данном графике мы видим, что ситуация существенно улучшилась в Свердловской и Челябинской областях, по остальным областям ярко выраженной динамики за 2000-2015 г не наблюдается. Среди негативных факторов ухудшающих благосостояние можно выделить:

-высокую степень износа сетей водопровода в ЯНАО и Челябинской области;

-высокий уровень износа тепловых сетей и сетей электроснабжения в Курганской области;

-остается высокий удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в ЯНАО и ХМАО;

-недостаточную благоустроенность жилищного фонда (оснащение водопроводом и водоотведением, горячей водой и централизованным отоплением) в Курганской области.

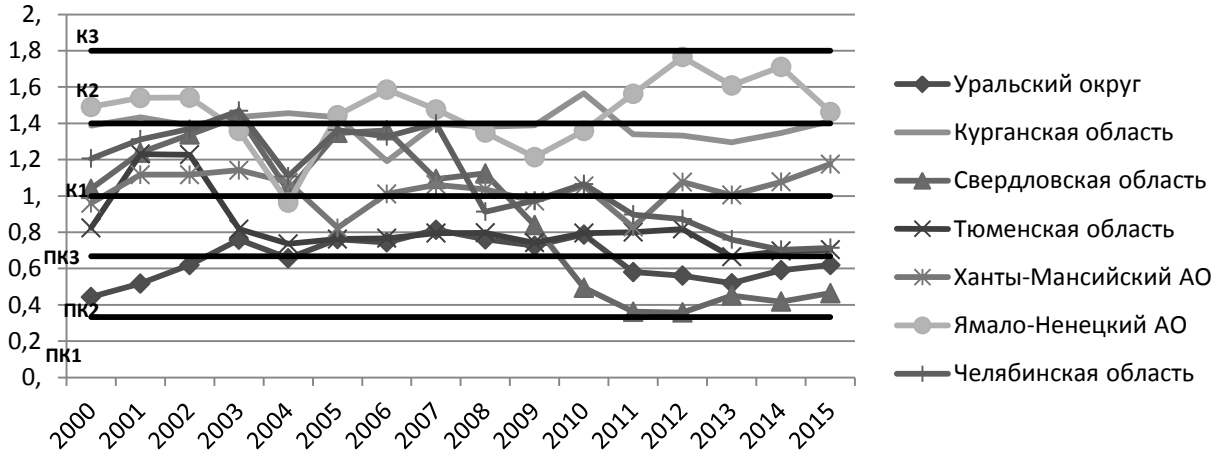


Рис. 3. Результаты расчетов обеспеченности ЖКХ в 2000–2015 гг. по территориям УрФО

Результаты расчетов по блоку здравоохранения в 2000–2015 гг. субъектов УрФО представлены на рис.4. Из графика видно, что существенного улучшения не произошло, ситуация остается на неудовлетворительном уровне. Анализируя индикаторы, входящие в данный блок, отмечаем, что наблюдается устойчивое сокращение числа больничных коек по всем регионам, а также слабую обеспеченность врачами (особенно в Курганской области). Мощность амбулаторно-поликлинических организаций сравнительно низка в Челябинской и Курганской областях. Индикатор отношения бюджетных расходов на здравоохранение к ВРП оказался сильно подвержен негативным экономическим тенденциям, наблюдавшимся в мировой экономике и экономике России в частности [4, 5]. В период первой волны кризиса с 2008-2010 отмечается снижение доли расходов на здравоохранение, после наблюдается некое улучшение, однако с 2013 гг. финансирование медучереждений снова стало снижаться.

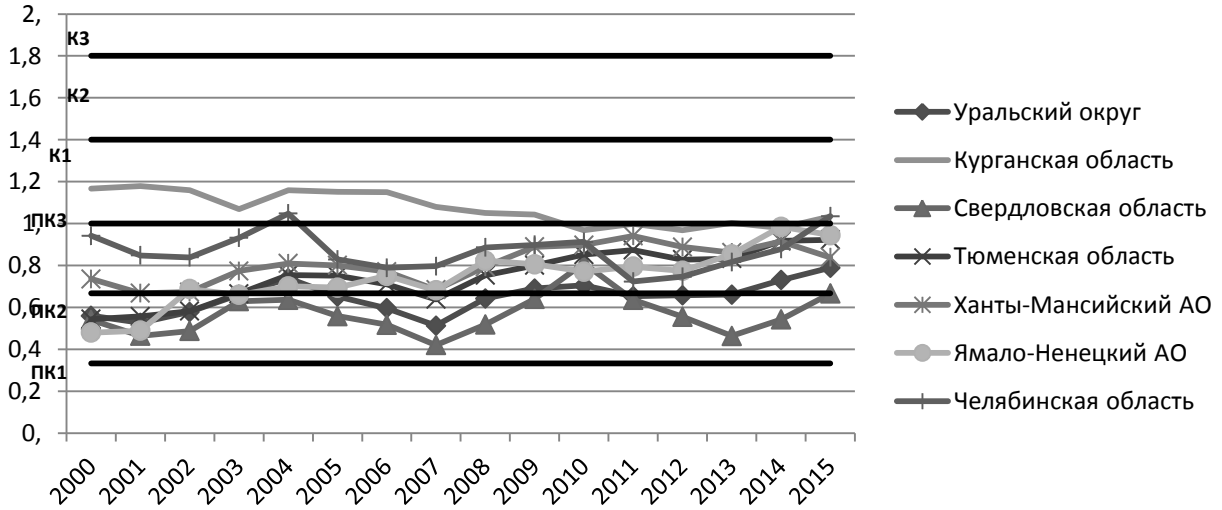


Рис. 4. Результаты расчетов обеспеченности здравоохранения в 2000–2015 гг. по территориям УрФО

Итоговая комплексная оценка инфраструктурной составляющей в 2000–2015 гг. по территориям УрФО приведена на рис.5. На данном графике мы видим, что в целом ситуация улучшается. Наиболее благоприятная ситуация в Свердловской и Тюменской областях. Основное улучшение было обусловлено индикаторами блока коммуникации и в меньшей степени блока транспорта.

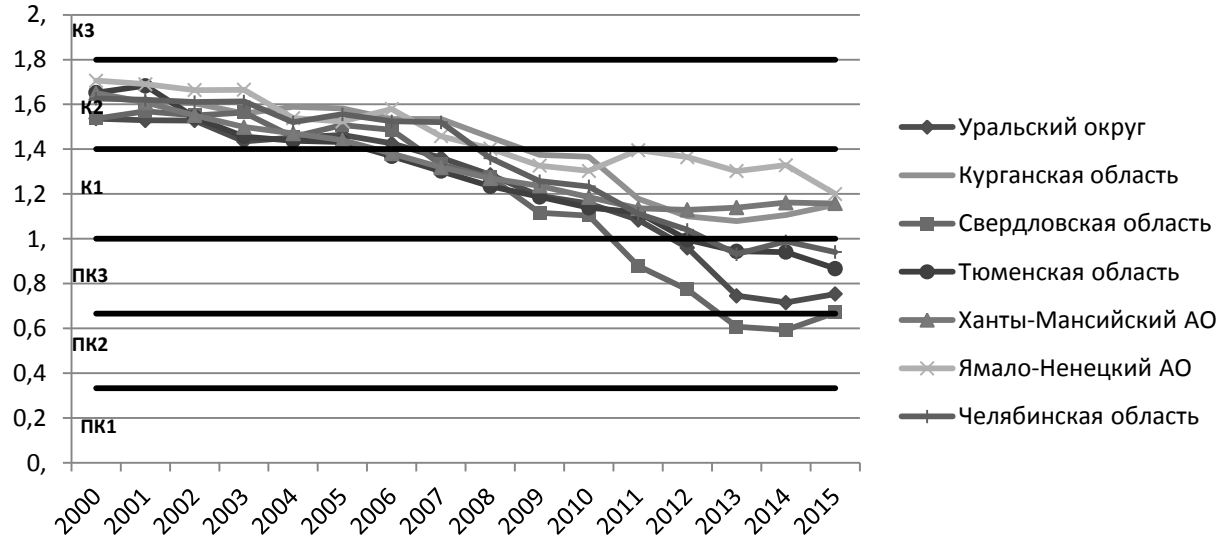


Рис. 5. Суммарные результаты расчетов инфраструктурной обеспеченности в 2000–2015 гг. по территориям УрФО

Полученные результаты исследования показывают, что инфраструктурная составляющая благосостояния территорий Урала находится на недостаточном уровне. При положительной динамике, остается недостаточной плотность автомобильных дорог в регионе. Аналогично, безопасность дорожного движения, повышающаяся в последние годы, все же остается на сравнительно низком уровне. Жилищно-коммунальная структура отличается повышенными износами и, соответственно, низкими технико-экономическими показателями функционирования вследствие физического и морального износа. Неблагоприятная ситуация и в сфере здравоохранения Урала – сложившиеся объемы финансирования не позволяют рассчитывать на увеличение численности медицинского персонала, койко-мест и т.д. Преодоление кризисности в инфраструктурной части благосостояния видится посредством разработки модельного аппарата прогнозирования, который позволит моделировать перспективное состояние элементов инфраструктуры в зависимости от управляющих воздействий по различным сценариям развития. Это позволит создать концепцию развития инфраструктурной составляющей благосостояния, определить наиболее эффективные пути повышения обеспеченности и, в перспективе, создаст базу для экономического роста территорий УрФО.

© Пыхов П.А., Кашина Т.О. Текст. 2017

Благодарность

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭ УрО РАН в рамках направления XI.171. Номер темы в ИСГЗ ФАНО № 0404-2015-0020.

Список источников

1. Куклин А.А., Чичканов В.П., Васильева Е.В., Васильева А.В., Печеркина М.С., Тарасьева Т.В., Кашина Т.О., Найденов А.С., Никулина Н.Л., Пыхов П.А., Наслунга К.С. Комплексная методика диагностики благосостояния личности и территории проживания / под ред. д-ра экон. наук А.А. Куклина, члена-корреспондента РАН В.П. Чичканова. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015 – 136с.

2. Пыхов П.А., Кашина Т.О. Инфраструктура как объект экономических исследований // Журнал Экономической Теории – 2016. – №1. – С.39-46.

3. Пыхов П.А., Кашина Т.О. Инфраструктурная обеспеченность регионов УрФО: методика оценки и результаты диагностики // Экономика Региона. – 2015. – №3. – С.66-77.

4. Куклин А.А., Никулина Н.Л., Печеркина М.С. Взгляд зарубежных исследователей на социально-экономические кризисы: причины, последствий и предупреждение // Журнал экономической теории – 2014. – № 3. – С. 46-57.

5. Гурбан И.А., Печеркина М.С. Поведение экономической системы территории: методология анализа и классификация состояний устойчивости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 1 (334). – С. 61-76.

Информация об авторах

1. Пыхов Павел Аркадьевич, Россия, г. Екатеринбург, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, УрО РАН, г. Екатеринбург , Московская 29, каб. 523, papihov@mail.ru

2. Кашина Татьяна Олеговна, Россия, г. Екатеринбург, ведущий экономист, УрО РАН, г. Екатеринбург, Московская 29, каб. 510, tatianakashina@bk.ru

Pykhov P.A., Kashina T.O.

INFRASTRUCTURAL FACTORS OF POPULATION QUALITY

Infrastructure is one of the elements of the formation of the quality of the population. The article describes the results of applying a methodical approach to assessing the infrastructure security of the territory of the Urals Federal District. The methodology is based on the method of indicative analysis. Four main components of the infrastructure are identified: transport, communications, housing and communal services, and health care. The calculation data for the dynamics of 2000-2015 are given.

Key words: population quality, infrastructure, energy security, transport, housing and communal services, communications, health.

Information about authors

1. Pykhov Pavel Arkadevich, Russian Federation, Ekaterinburg, PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, bld. 29, Moskovskaja str, office 523, papihov@mail.ru

2. Kashina Tatyana Olegovna, Russian Federation, Ekaterinburg, leading economist, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, bld. 29, Moskovskaja str, office 510, tatianakashina@bk.ru

УДК: 314.8

Ю.А. Симагин

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ С БЫСТРЫМ СОКРАЩЕНИЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В статье рассматривается дифференциация городских округов и муниципальных районов России по динамике численности населения за период 2010-16 гг. На основе расчетов по базе данных «Муниципальная Россия» выделена группа наиболее проблемных муниципалитетов с быстрыми темпами депопуляции.

Ключевые слова: демографический потенциал, динамика численности населения, депопуляция, городские округа, муниципальные районы

Демографический потенциал определяется, прежде всего, динамикой численности населения как на уровне страны в целом, так и на уровне ее отдельных частей – субъектов

Российской Федерации и входящих в них муниципальных образований: городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений. Начиная с 2010 года, в противоположность предыдущему периоду почти в два десятилетия, численность населения России стала увеличиваться – в 2010-12 гг. только за счет положительного сальдо миграций, с 2013 года – также и за счет небольшого естественного прироста населения, а в 2014 году – еще и за счет воссоединения Крыма с Россией. На 1 января 2016 г. численность населения Российской Федерации составила 146,5 тыс. человек[1]. То есть прирост численности населения страны в границах 2010 года с момента Всероссийской переписи населения составил к началу 2016 года (фактически за 5 лет, так как перепись проводилась в конце 2010 года) 1,3 млн человек – это 0,9% или в среднем 0,18% ежегодно.

Но на уровне субъектов Российской Федерации преобладающей остается депопуляция. Почти в 2/3 регионов страны в начале 2016 года постоянных жителей было меньше, чем в момент переписи населения 2010 года. На некоторых северных и восточных территориях России (Магаданская область, Республика Коми и др.) численность населения за рассматриваемый период сокращалась сильнее, чем на 1% ежегодно. Это очень высокие темпы сокращения численности населения, при которых можно говорить о существенной угрозе сохранения демографического потенциала таких регионов. Главной составляющей быстрой депопуляции обычно является миграционный отток населения. Но во многих регионах Центральной и Северо-Западной России по-прежнему наблюдаются и очень высокие показатели естественной убыли (5 промилле и более), что даже при относительно незначительном миграционном оттоке также приводит к быстрым темпам сокращения численности населения – часто более 1% ежегодно.

Значительно более сложной является демографическая ситуация, если ее рассматривать на уровне муниципальных образований внутри субъектов Российской Федерации. Сведения о динамике численности населения в них, в том числе по отдельным составляющим, можно получить в «Базе данных показателей муниципальных образований» Росстата[2]. Но эта база, к сожалению, многими региональными подразделениями Росстата, которые отвечают за ее заполнение фактическими данными, формируется фрагментарно (если говорить о рассматриваемой проблеме - по показателям естественного движения и миграций населения). К тому же она в принципе не позволяет проводить сравнительный анализ ситуации на разных территориях и имеет в основном информационный характер – как и большинство первичных статистических данных. Облегчить анализ мог бы доступ исследователям к первичной информации в общедоступных форматах – Word, Excel и т.п.

Анализ демографической ситуации в муниципальных образованиях Российской Федерации первого уровня (городских округах и муниципальных районах) позволяет сделать созданная и постоянно обновляемая в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН база данных «Муниципальная Россия» [1]. Она позволяет выявить дифференциацию основных процессов, связанных с динамикой численности населения на внутрирегиональном уровне, где и идет непосредственная жизнедеятельность людей. Точкой отсчета в базе являются данные Всероссийской переписи населения 2010 года.

Расчеты по базе данных «Муниципальная Россия» показывают, что многие муниципальные образования страны за последние годы отличались крайне высокими темпами депопуляции. Некоторые – более 2% в среднем ежегодно, что говорит об очень высокой степени угрозы сохранения их демографического потенциала и самому существованию. Очень часто муниципалитеты с быстрыми темпами сокращения населения упраздняются путями присоединения к соседним или преобразованием муниципальных районов в городские округа. При этом второй уровень муниципальных образований (городские и сельские поселения), на котором во многих случаях и осуществляется реальное

[1] Здесь и далее без отдельных ссылок: Официальный сайт Росстата. Раздел «Население». – URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения 17.04.2017)

[2] Официальный сайт Росстата. База данных показателей муниципальных образований. – URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения 17.04.2017)

местное самоуправление, исчезает, и органы власти от населения удаляются во всех смыслах – территориально, функционально, психологически и т.д. При этом именно приближение органов власти к людям было провозглашено целью муниципальной реформы, которая началась в Российской Федерации с 2003 года после принятия соответствующего закона [4].

В муниципалитетах, где численность населения по сравнению с 2010 годом увеличилась (Москва и большинство муниципалитетов Московской области, отдельные городские округа и муниципальные районы Краснодарского края и некоторые другие), проживает большинство населения страны, что и обусловило положительную динамику населения по России в целом в последние годы. Но по площади муниципальные образования первого уровня с ростом численности населения занимают лишь 11,3% территории России. То есть почти на 90% территории страны продолжается депопуляция и во многих случаях очень быстрая – более чем на 2% ежегодно, что уже в среднесрочной перспективе приведет к почти полному обезлюдению таких территорий.

На начало 2016 года в России (последние опубликованные официальные данные) в границах страны 2010 года насчитывалось 2328 муниципальных образований первого уровня, в том числе 552 городских округа и 1776 муниципальных районов. В данном случае в качестве городских округов учтены также города Москва и Санкт-Петербург, которые в данные муниципальной статистики не входят, так как считаются субъектами Российской Федерации, но фактически являются городскими округами, и без населения которых демографическая картина страны на муниципальном уровне была бы не полной. Согласно сути закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4], городской округ – это большой город, возможно, вместе с окружающими его сельскими населенными пунктами, и такому определению российские столицы вполне соответствуют. Муниципальный район – это или чисто сельская территория, или сельская территория с относительно небольшими городскими населенными пунктами, которая делится на муниципальные образования второго уровня – сельские и городские поселения.

Полученное распределение муниципалитетов с различной динамикой численности населения за период 2010-16 гг. показано в таблице 1. Видно, что, при росте численности населения страны с 2010 года, подавляющее большинство муниципальных образований первого уровня (78,1%) характеризуются отрицательной динамикой численности населения, в том числе 15,5% - ежегодным средним сокращением более чем на 2%. При этом среди городских округов депопулирующих меньше – 60,0%. А среди муниципальных районов доля таких территорий очень велика – 83,7%. Это соотношение говорит о том, что в России продолжается процесс урбанизации – преимущественного развития больших городов. Хотя в группе муниципальных образований с ростом численности населения количество сельских жителей увеличивалось быстрее, чем городских: +7,4% и +5,3% соответственно при среднем росте по группе +5,7% от численности населения по данным переписи 2010 года.

Таблица 1.

Распределение муниципальных образований России по группам
в зависимости от динамики численности населения за период 2010-16 гг.

Тип муниципального образования (МО)	Группа по динамике численности населения		
	Быстрая депопуляция (более 2% в год)	Депопуляция (до 2% в год)	Рост численности населения
Все МО первого уровня: - количество, единиц - % от всех МО - динамика населения, %	 361 15,5 -13,3	 1457 62,6 -4,1	 510 21,9 +5,7
Городские округа: - количество, единиц - % от всех округов - динамика населения, %	 31 5,6 -13,7	 300 54,4 -3,0	 221 40,0 +5,7
Муниципальные районы:			

- количество, единиц	330	1157	289
- % от всех районов	18,9	65,1	16,3
- динамика населения, %	-13,2	-4,8	+5,7

Источник: База данных «Муниципальная Россия»

Анализ ситуации в муниципалитетах с ростом численности населения, которые могли бы в перспективе стать примером для всей страны, заслуживает отдельного исследования. Такие муниципалитеты есть во всех субъектах Российской Федерации, в том числе в тех, где численность населения сокращается быстрее, чем на 1% ежегодно. Но наиболее проблемными с точки зрения сохранения демографического потенциала являются муниципалитеты с темпами сокращения численности населения более 2% в год. Они концентрируют всего 4,5% населения страны, но занимают 22% площади России или почти 4 млн км^2. Таким образом, огромные территории очень быстро теряют население, что в будущем приведет к их полной социально-экономической деградации.

Из данных таблицы 1 видно, что для городских округов проблема быстрой депопуляции стоит менее остро, чем для районов – таких всего 5,6% от общего количества городских округов России в 2016 году. Причем большинство из них, официально считаясь городскими округами, по сути являются муниципальными районами, поскольку включают в себя большие по площади окружающие сельские территории. Такая ситуация характерна для некоторых северных и восточных регионов страны (Магаданская и Сахалинская области, городские округа Воркута и Инта в Республике Коми), а также для Свердловской области. Эти городские округа в основном были образованы уже после 2010 года из бывших муниципальных районов. Свердловская область в этом отношении была «первопроходцем» - муниципальные районы были разделены здесь на городские округа еще в начале муниципальной реформы, что упростило управление на нижнем уровне (исчезли городские и сельские поселения), но усложнило – на верхнем: пришлось создавать «управленческие округа», которые так и не стали полноценным уровнем внутрирегионального деления.

За период 2010-16 гг. преобразований муниципального района в городской округ было более 30. В итоге количество городских и сельских поселений в стране сократилось более чем на 1000 единиц или на 5,2%. Кроме того, что такие преобразования существенно затрудняют анализ динамики статистических рядов в территориальном разрезе, они негативно влияют и на реально идущие процессы динамики численности населения. Обосновываются подобные преобразования необходимостью экономии бюджетных средств и упрощением системы управления за счет того, что на территории бывших муниципальных районов ликвидируется второй уровень муниципальных образований – городские и сельские поселения. Но при этом исчезает и законодательно зафиксированная необходимость наличия в соответствующих поселках городского типа и сельских населенных пунктах многих объектов сферы обслуживания населения – школ, детских садов, амбулаторий и т.д. После чего эти объекты также закрываются, а население в активном трудоспособном возрасте с детьми начинает массово уезжать из оставшихся без сферы обслуживания населенных пунктов. Это ведет к их полной экономической деградации и, соответственно, сокращению поступлений средств в бюджеты, ради экономии средств которых первоначально все и делалось. Естественно, сокращается также доступность, прежде всего территориальная и институциональная, местного самоуправления для жителей [3].

Быстрыми темпами депопуляции характеризуются также, во-первых, некоторые небольшие городские округа в Центральной России (Кохма в Ивановской области, Мценск в Орловской области и др.), в которых наблюдается старая возрастная структура населения (соответственно, очень высоки показатели естественной убыли при отрицательном сальдо миграций) и, во-вторых, некоторые закрытые административно-территориальные образования (Звездный городок в Московской области, Заозерск в Мурманской области и др.), динамика численности населения которых связана в основном с перемещением или сокращением соответствующих военных частей. Максимальными темпами убыли населения

среди всех городских округов России за 2010-16 гг. выделяется Среднеканский (бывший муниципальный район) в Магаданской области -21,8% за 5 лет, то есть более 4% в среднем ежегодно. В том числе сельское население на этой территории сократилось на 54,6% за рассматриваемый период. Возможно, для таких регионов, как Магаданская область необходима разработка специальных программ по стабилизации численности населения в муниципалитетах для предотвращения их полного обезлюдения. Повторное освоение этих территорий в будущем потребует огромных социальных и материальных затрат.

Очень остро стоит проблема быстрой депопуляции для муниципальных районов – почти в 1/5 из них численность населения сокращается быстрее, чем на 2% ежегодно. Правда, и в этом случае определенный вклад внесли проводившиеся за рассматриваемый период административно-муниципальные преобразования. Так, самым большим сокращением выделяется Ленинский район Московской области – 34,7% (в том числе его сельское население уменьшилось на 51,4%). Но произошло это потому, что большая часть территории этого района в 2012 году была передана в состав города Москвы и на ней был образован Новомосковский административный округ. Сама передача значительной части Московской области в состав города Москвы является спорной по многим аспектам, так как нарушила естественный ход процессов развития Московской агломерации [2]. Но так как подобные преобразования происходят постоянно, их приходится учитывать в статистических наблюдениях и научном анализе, чтобы отследить реально идущие процессы.

К сожалению, быстрое сокращение численности населения характерно и для исторического ядра Российского государства. Большинство муниципальных районов с быстрой депопуляцией в абсолютном выражении находится в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. При этом в худшую сторону выделяются области Псковская, Новгородская, Тверская и некоторые другие, которые характеризуются очень высокими показателями естественной убыли населения, особенно среди сельского населения. Обезлюдение этих территорий является большой угрозой для сохранения национальной культуры. Относительно больше всего депопулирующих территорий на Дальнем Востоке, где дефицит населения и сейчас существенно затрудняет экономическое развитие. При сохранении современных тенденций эта проблема еще больше обострится, и предпринимаемые в настоящее время меры (выделение «дальневостчного гектара», создание территорий опережающего развития и др.) могут замедлить ее развитие, но не решить.

Таким образом, анализ динамики численности населения на уровне муниципальных образований позволяет выделить территории России, наиболее проблемные с точки зрения сохранения демографического потенциала, что важно как на уровне страны в целом, так и региональном уровне. Особенно сложной является ситуация на территориях, где население сокращается быстрее, чем на 2% ежегодно, для которых нужна разработка специальных программ социально-экономического развития и стабилизации численности населения.

© Симагин Ю.А. Текст. 2017

Список источников

1. База данных «Муниципальная Россия». Авторы Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014 г.

2. Гришанов В.И., Симагин Ю.А. Тенденции изменения системы расселения в Московском столичном регионе. // Социально-экономический потенциал территорий и перспективы развития. – Коломна: ГСГУ, 2016. – 450 с. С. 188-193.

3. Симагин Ю.А. Муниципальные образования России: проблемы формирования и перспективы изменения. // Народонаселение, №4, 2013. С. 87-93.

4. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г., № 131-ФЗ. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148889/ (дата обращения 17.04.2017)

Информация об авторе

Симагин Юрий Алексеевич (Россия, Москва) – к.г.н., доцент, зав. лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН» (101000, Москва, Нахимовский проспект, 32, ИСЭПН РАН, yas63@yandex.ru), доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (101000, Москва, Ленинградский проспект, 49, Финансовый университет, YUSimagin@fa.ru).

Yu. A. Simagin

THE MUNICIPALITIES OF RUSSIA WITH FAST THE REDUCTION OF THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL

The article discusses the differentiation of city districts and municipal areas of Russia dynamics of population for the period 2010-16. On the basis of calculations on the database "Municipal Russia" allocated a group of the most distressed municipalities with the rapid pace of depopulation.

Keywords: demographic potential, population dynamics, depopulation, urban districts, municipal districts

Information about the author

Simagin Yuriy Alekseevich (Russia, Moscow) - Candidat of Geography, Head of Laboratory of Institute for Socio-Economic Studies of the Population RAS (101000, Moscow, 32, Nakhimovskiy prospect, ISESP RAS, e-mail: yas63@yandex.ru), associate Professor for The Financial University under the Government of the Russian Federation (101000, Moscow, 49, Leningradskiy prospect, e-mail: YUSimagin@fa.ru).

УДК 330.59

М.А. Симакина

КУЛЬТУРА В ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА НАСЕЛЕНИЯ

В статье рассматриваются формы выражения культурной составляющей качества населения. Проанализировав различные подходы, автор предлагает использовать опыт статистической службы Европейского союза и ведомственные данные Министерства культуры РФ, как наиболее полно отражающие культурную составляющую качества населения.

Ключевые слова: качество населения, развитие человеческого потенциала, культура населения, уровень культуры.

Большинство авторов, исследующих вопросы качества населения, ссылаются на знаменитое высказывание Питирима Сорокина: «Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития… Внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение состава их населения в ту или другую сторону». Сказанные известным социологом в 1922 году в эмиграции в Праге слова действительно производят сильное впечатление и становятся, часто, основаниями для оправдания идей лидерства, особенности некоторых членов общества, идей близких к евгенике. Чтобы четко понимать сущность термина «качество населения», на наш взгляд необходимо не только как можно более активно изучать данное понятие, но и четко определиться с набором критериев и факторов, способствующих его формальной оценке.

В российской части проекта Wikipedia качество населения определяется как «категория, характеризующая определенность населения как субъект социальной

жизнедеятельности, общественного производства и общественных отношений, то есть способность населения реагировать на сложившиеся природные, технические, экономические, социокультурные условия и приспосабливать их к своим изменяющимся потребностям». При этом большинство других определений (Римашевская, Айвазян, Зараковский, Полкова) определяют качество населения скорее через набор измеряемых характеристик. В данной работе мы будем склоняться к тем из определений, что выделяют в качестве значимого фактора качества населения культурные условия. Например, Римашевская Н.М. исследует качество населения в разрезе трех блоков характеристик:

- Здоровье (физическое, психическое и социальное);
- Профессионально-образовательные способности людей, или их интеллектуальный потенциал;
- Культурно-нравственные ценности и духовность граждан, социокультурная активность.

Следует отметить, что в истории становления понятия «качество населения» в разные периоды времени, значимыми становились разные подходы к сущности термина. Современные исследователи выделяют следующие значимые подходы: биологический (С.Томилин, Л.Дарский); генетический (Г.Фэйрчайлд, Й.Ференци); социально-экономический (К.Маркс, Т.Шульц, Г.С.Беккер); институциональный (Г.Мюрдаль, Э.де Сото); психологический (Г.Тард, Г.Катона, О.Уильямсон); глобалистский (Л.Леви, Л.Андерсон, Ю.Бжилянский); концепция «человеческого развития» (эксперты ПРООН); демографический (Л.Кеттле, А.Сови, Б.Урланис, А. Саградов, Д.Валентей, А.Вишневский, В.Медков); социологический (В.Радаев, Я.Рубин, И.Дискин).

Белорусский экономист Я.И.Рубин в работе «Качество населения. О сущности и структуре понятия» пришел к выводу, что сущность понятия «качество населения» складывается из трех главных компонент: характеристик, структур и потенциалов, каждый из которых также разделяется на составляющие. «Характеристики правомерно представить тремя группами: основные, специфические, гарантийные. Основные характеристики - это здоровье, уровни общеобразовательной, профессиональной подготовки, общей культуры (с множеством «подкультур» - труда, политической, нравственной, языковой и т.п.). Специфические характеристики выражают исторически сложившиеся особенности поведенческих устоев народа, нации. Здесь имеются в виду такие хорошо знакомые определения, как немецкая аккуратность, американская деловитость, французская галантность и т.п.» Такой подход еще больше затрудняет количественную оценку качества жизни населения, особенно в параметрах «поведенческих устоев народа». Поэтому современные экономисты все более склонны расширять понятие «качество населения» до понятия «человеческий потенциал». Некоторые исследователи даже считают эти понятия тождественными, определяя человеческий потенциал как метафору системы показателей качества населения. Следовательно, для оценки качества населения используется либо индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), либо модификации данного индекса. Причем, использование ИРЧП оправдывается целями межрегионального и межстранового сравнения.

Следует отметить, что ИРЧП страдает рядом недостатков с точки зрения экономического анализа: проблема обоснованности набора показателей; использование разнотипных показателей; недостаточная статистическая надежность; несоблюдение принципа частичной некомпенсируемости частных показателей; сильный перекос в сторону компонента ВРП.

Для большинства авторов, исследующих вопросы качества населения и человеческий потенциал, связь уровня общей культуры с экономическим богатством нации очевидна. При этом, современные исследователи отмечают особую роль культурного и интеллектуального потенциала в постиндустриальных странах, «где именно интеллект нации как совокупность интеллектов отдельных личностей становится реальным двигателем и определяющим

фактором прогресса».[5,с.34] Предлагается также сосредоточить основные стратегические усилия российского государства на:

а) Улучшение социально-экономических условий жизни населения (увеличение душевого ВВП, продолжительности и качества жизни, качества здравоохранения и т.д.);
б) Повышение интеллектуального и культурного потенциала населения страны (рост числа студентов, школьников, продолжительности обучения, доступ к культурным ценностям, количество ученых и т.д.);
в) Духовно-нравственное совершенствование личности, формирование адекватной ценностной системы у общества и государства.[4,с.242]

Но, в силу сложности статистического или экономического выражения «духовно-нравственного совершенствования личности», фактор культуры сводят к уровню образования в исследуемом обществе или проникновению высшего образования. Примером может служить модель качества жизни С.А.Айвазяна, частью которой является модель качества населения. В структуру качества населения С.А.Айвазян включает:

- Свойства воспроизводства и физического здоровья. Способность изменять свою численность и поддерживать равновесие биологических функций образующих его поколение (рождаемость, смертность, заболеваемость, ожидаемая продолжительность жизни);
- Способность образовывать и сохранять семьи (брачность, разводимость);
- Уровень образования и культуры (доля населения со средним и высшим образованием, средняя продолжительность срока обучения);
- Уровень квалификации или эффективность общественно полезного труда (отражающийся, например, в произведенной в единицу времени величине валового внутреннего продукта, приходящийся на одного работающего и вычисленной с учетом покупательной способности денежной единицы [1,с.38-39].

Сталкиваясь с проблемой статистического выражения культурной составляющей качества жизни, А.Б.Суховеева вводит параметр «число зарегистрированных убийств и покушений на убийство (на 100000 нас.)» и ряд дополнительных параметров: число спортивных сооружений (на 1000 нас.); число посещений музеев (на 1000 нас.); пользование библиотечным фондом (на 1000 нас.); выпуск газет (на 1000 нас.). При этом сам автор отмечает спорность введенных показателей: «Следует сказать, что введение нами последней составляющей КН – культуры – вызывает большое количество споров в связи с тем, как измерить уровень культуры населения. Культура населения связана с его морально-нравственным состоянием и больше других показателей носит субъективный характер. Учитывая недостаточность информационной базы на межрегиональном уровне при отборе показателей для оценки уровня культуры населения, мы использовали показатель количества убийств и покушений на убийство, как крайнюю форму проявления человеческого бескультурья и нравственности».[6,с.1973-1974]

Еще одним примером выражения культурного параметра в системе качества населения является исследование, проведенное в 2013 году авторским коллективом в составе Локосова В.В., Рюминой Е.В., Ульянова В.В. Уровень культурного развития данные авторы выражали через число музеев и театров на 1000 человек населения.[2,с.69] В исследовании В.В.Локосова после выбора показателей проводился кластерный анализ регионов, и в кластер с самым высоким показателем посещений театров и музеев предсказуемо попали две столиц, Москва и Санкт-Петербург. К сожалению, это ничего не говорит о качестве населения этих городов, но очень многое говорит об особенностях культурных практик и культурной политики современной России. Во-первых, существует значительная дифференциация по уровню региональной представленности таких институтов как театры и музеи. Например, данные по региональному распределению театров в РФ в 2016 г. выглядят так (по федеральным округам):

Таблица 1.

Региональное распределение театров в РФ в 2016г.

субъект РФ	театры						всего	в % по ф.о.
	оперы и балета	музкомедии	драматические	юного зрителя	кукол	прочие		
всего	**73**	**10**	**334**	**71**	**106**	**20**	**614**	
федеральное ведение	7	0	11	1	1	2	22	3,6%
местное ведение	66	10	323	70	105	18	592	96,4%
Центральный ф.о.	**18**	**1**	**108**	**24**	**26**	**10**	**187**	**30,5%**
г.Москва	13	1	58	9	5	10	96	15,6%
Северо-Западный ф.о	**13**	**1**	**36**	**6**	**12**	**2**	**70**	**11,4%**
г.Санкт-Петербург	9	1	16	3	4	2	35	5,7%
Южный ф.о.	**6**	**0**	**18**	**4**	**5**	**0**	**33**	**5,4%**
Северо-Кавказский ф	**3**	**1**	**26**	**2**	**4**	**3**	**39**	**6,4%**
Приволжский ф.о.	**12**	**3**	**64**	**20**	**22**	**1**	**122**	**19,9%**
Уральский ф.о.	**6**	**1**	**22**	**4**	**13**	**0**	**46**	**7,5%**
Сибирский ф.о.	**10**	**3**	**41**	**8**	**15**	**2**	**79**	**12,9%**
Дальневосточный ф.	**4**	**0**	**16**	**2**	**8**	**1**	**31**	**5,0%**
Крымский ф.о.	**1**	**0**	**3**	**1**	**1**	**1**	**7**	**1,1%**

Не сложно заметить, что на Центральный федеральный округ (включая столицу), приходится чуть больше 30% всех видов театров.

Во-вторых, в российских условиях на посещаемость театров и музеев влияет поколенческий аспект, особенно если мы говорим о поколении, выросшем в 90-е годы, когда посещение театров и музеев не являлось приоритетной задачей населения и сильно проигрывало задачам экономического выживания. В-третьих, российские театры достаточно жестко были структурированы по возрастным аудиториям. ТЮЗы работали на детский возраст и мало что предлагали подросткам и юношеству. Драматические и музыкальные театры ориентировались в репертуарной политике на старший возраст, музыкальные театры – на интеллигенцию среднего и старшего возраста. Следовательно, категории населения от 0 до 3-х лет и от 10 до 18 лет были слабо охвачены работой культурных институций.

На наш взгляд, следует искать другой показатель, выражающий культурный фактор в системе оценки качества населения. Причем он должен одновременно отражать объективную и субъективную составляющие качества жизни, а также быть удобным для межрегионального и межстранового сравнения.

Статистическая служба Европейского союза предлагает использовать следующие показатели, отражающие восприятие и востребованность культуры населением европейских стран:

1. Занятость в культурной индустрии (по полу, возрасту, уровню образования; количество профессиональных художников, авторов, журналистов и лингвистов);
2. Организации в сфере культуры (количество и величина культурных организаций; уровень доходов; занятость и демографические данные на сотрудников);
3. Международный культурный обмен (по количеству продукта и формам партнерства);
4. Финансирование культуры, досуга и религии (расходы по сферам деятельности: досуг, культура, религия, спорт, телевидение, радиовещание и издательское дело);
5. Участие в культурных мероприятиях и расходы на них (чтение книг, газет, участие в актуальных культурных мероприятиях, активность в сети Интернет,

включая мобильный интернет и облачные технологии, средние расходы домохозяйств на культурные товары по типам товаров).

Министерство культуры РФ опубликовала отчет по исследовательскому проекту «Система целевых показателей и индикаторов развития культуры Российской Федерации». Для оценки степени решения задач программы развития культуры предлагалось использовать следующую систему показателей, установленных формами государственного федерального статистического наблюдения, ведомственной статистики и мониторинга состояния проблем в сфере культуры:

- Доля субъектов Российской Федерации, охваченных мониторингом состояния и использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры);
- Доля представленных (во всех формах) зрителю музейных предметов в общем количестве музейных предметов основного фонда;
- Посещаемость музейных учреждений;
- Доля документов государственных архивов, находящихся в нормативных условиях, обеспечивающих их постоянное (вечное) хранение;
- Повышение уровня комплектования книжных фондов библиотек (на 1000 жителей);
- Количество посещений библиотек;
- Доля учреждений культуры, имеющих свой информационный портал от общего числа учреждений культуры;
- Увеличение количества библиографических записей в Сводном электронном каталоге библиотек России по сравнению с предыдущим годом;
- Доля объектов культурного наследия, информация о которых внесена в электронную базу данных Единого реестра объектов культурного наследия;
- Увеличение количества участников культурно-досуговых мероприятий по сравнению с предыдущим годом;
- Выпуск книжных изданий для инвалидов по зрению;
- Увеличение числа посещений театрально-концертных мероприятий (по сравнению с базовым годом);
- Доля национальных фильмов в общем объеме проката на территории Российской Федерации;
- Доля образовательных учреждений сферы культуры, оснащенных современным материально-техническим оборудованием (с учетом Детских школ искусств);
- Увеличение количества детей, обучающихся в детских школах искусств;
- Увеличение количества российских культурных акций, проведенных за рубежом, по сравнению с предыдущим годом.[3,с.3-4]

Часть представленных в отчете показателей близка скорее к понятию «качество жизни», так как отражает возможность граждан воспользоваться культурными благами. Но такие показатели как посещаемость музеев, концертных залов, театров, библиотек; внимание к культурному наследию со стороны граждан; сохранение этого культурного наследия в архивах сигнализируют как раз о культурной составляющей качества населения. Повторим, что система таких показателей подошла бы для межрегионального сравнения, поскольку основана на постоянно собираемой ведомственной статистике.

© Симакина М.А. Текст. 2017

Список источников

1. Айвазян С.А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы, т.39, №2, 2003. С.38-39.

2. Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Качество населения: связь с экономическим развитием региона //Народонаселение №4, 2016. С. 69.

3. Отчет по договору от 15.11.2011г. №170-01-42/06/11 «Система целевых показателей и индикаторов развития культуры в Российской Федерации». Исполнитель Шульгин П.М. – М., 2011. С.3-4.

4. Полкова Т.В. К вопросу формирования стратегии совершенствования качества населения // Экономика региона. Приложение к №2, 2008. С. 242.

5. Римашевская Н.М. Качественный потенциал населения России: Взгляд в XXI век// Проблемы прогнозирования, 2001, № 3. − С. 34.

6. Суховеева А.Б. Типология регионов Дальнего Востока России по качеству населения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, том 15, №3(6), 2013. С. 1973-1974.

Информация об авторе

Симакина Марина Анатольевна, Россия, г.Москва, - к.э.н., доцент кафедры статистики, маркетинга и бухгалтерского учета Московского гуманитарного университета (111395, г.Москва, ул.Юности, 5/1, kafstat.mosgu@gmail.com,+7(495) 374-79-52; 374-58-60)

Simakina M.A.

CULTURE IN THE ASSESSMENT OF THE QUALITY OF THE POPULATION

The article deals with the form of expression of the cultural component of the quality of the population. After analyzing the different approaches the author offers to use the experience of the statistical service of the European Union and the departmental data of the Ministry of culture of the Russian Federation, as the most fully reflecting the cultural component of the quality of the population.

Key words: population quality, human development, population culture, level of culture.

Information about the author

Associate Professor statistics, marketing and accounting Moscow University for the Humanities, Cand. Sc. (Econ).

УДК: 338:61+330.43

Л.С. Спанкулова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ, СВЯЗАННОЕ СО ЗДОРОВЬЕМ НАСЕЛЕНИЯ ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕГИОНЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Настоящее исследование посвящено анализу влияния социально-экономического статуса на качество жизни, связанного со здоровьем. Анкетный опрос проводился в городе Риддер и в Глубоковском районе Восточно-Казахстанской области (ВКО) Республики Казахстан. Объектом исследования является население Восточно-Казахстанской области. Цель работы – количественно оценить влияние социально-экономического статуса на качество жизни, связанного со здоровьем населения проживающих в условиях экологического неблагополучия. Влияние социально-экономического статуса на качество жизни, связанное со здоровьем признается с эпидемиологической точки зрения как наиболее сильное, длительное и универсальное.

Для проверки гипотезы о взаимосвязи между социально-экономическим статусом и качеством жизни, связанного со здоровьем авторами используется аппарат эконометрического моделирования. Построенные регрессионные модели подтвердили

основную гипотезу исследования о влиянии социально-экономического статуса на качество жизни, связанного со здоровьем.

Ключевые слова: экономика здоровья, качество жизни, связанного со здоровьем, социально-экономический статус, логистическая регрессия, Казахстан.

Описание данных. Общая выборка респондентов по области составила1665 респондентов в возрасте от 18 до 65 лет. Наименьшее количество респондентов отмечается в возрастной группе 18-23 года – 51 человек (3,1%) и наибольшее - в возрастных группах 54-59 лет 377 человек (22,6%) и 60-65 лет – 365 человек (21,9%). Следует отметить, что в целом, только лишь 16,6% опрошенных были младше 36 лет, остальные 83,4% респондентов находились в возрастной категории в промежутке 36-65 лет [Отчет.., 2014].

При этом общее количество респондентов в г. Риддер было больше (60,7%) по отношению Глубоковскому району (39,3%) [Отчет.., 2014].

В качестве базы данных использовались результаты анкетного опроса 1665 респондентов Восточно-Казахстанской области (ВКО) 2014 г. удельный вес респондентов женского пола составил 77,1% (n=1283), мужского - 22,9% (n=382) [Отчет.., 2014].

Менее всего респондентов было отмечено в возрасте 18-23 лет (в Риддере – 3,6%, в Глубоковском – 2,3%) и 24-29 лет (в Риддере – 5,0%, в Глубоковском – 6,9%) и 30-35 лет (в Риддере – 6,6%, в Глубоковском – 9,5%).

Данная характеристика совпадает с общей демографической ситуацией в регионах страны, что связано с миграцией лиц молодого возраста в другие города для учебы и работы.

По длительности проживания респонденты разделились следующим образом: более 84% опрошенных проживают в ВКО свыше 20 лет, 8,6% проживают в данной области - 11-20 лет, 3,9% - 5-10 лет, 2,8% - менее 5 лет и 0,1% не указали длительность своего проживания в данной местности [Отчет.., 2014].

Большинство респондентов в 2-х регионах являются старожилами и проживают в данной местности более 20 лет: в г. Риддер этот показатель равен 89,5%, в Глубоковском районе - 76,9%. Меньше 5 лет проживают в Риддере 2,4%, в Глубоковском районе - 3,3%, опрошенных.

Более половины всех опрошенных жителей ВКО проживало в собственной квартире 61,7%, собственниками дома являлись 32,9%, тогда как отметили, что арендуют жилье всего лишь 5,2% респондентов и еще 0,2% не дали ответа на данный пункт анкеты [Отчет.., 2014].

По отдельным регионам ВКО отмечено, что большая часть респондентов имеют собственную квартиру: 69,8% - в г. Риддер и 49,1% - в Глубоковском районе.

При этом в собственном доме проживало соответственно 24,5%– в г. Риддер и 45,7% - в Глубоковском районе опрошенных и лишь 87 человека из обоих районов проживали в арендуемом жилье [Отчет.., 2014].

Распределение опрошенных жителей ВКО по уровню образования следующее: почти половина опрошенных (47,3%) имели средне специальное образование, 27,5% - среднее, 22,9%- высшее образование, 3,0% – начальное и 0,2% не указали наличие какого-либо образования [Отчет.., 2014].

Из общего числа опрошенных в ВКО, работающий контингент составил 65,1%. На момент опроса 33,4% - не работали, 1,4% респондентов указали своим основным занятием учебу и только 0,1%- не указал свою занятость [Отчет.., 2014].

Свыше 20 лет трудового стажа имели 58,5% респондентов ВКО, 11-20 лет - 19,2%, 5-10 лет - 11,9% и до 5 лет - 10,1% опрошенных. Не указали величину трудового стажа 0,3% респондентов [Отчет.., 2014].

Влияние структурных детерминант (социально-экономический и политический контекст, социальная структура и социально-экономическое положение) и промежуточные детерминанты, которые опосредуют влияние последних, включая биологические и поведенческие факторы, конкретные условия жизни и работы, психологическое состояние являются предметами многочисленных зарубежных исследований. Примерами исследований

по выявлению социально-экономических факторов, определяющих состояние здоровья, являются работы [Kolesniuk et al., 2013; Mackenbach et al., 2008; Ross et al., 2000; Macinko et al., 2003; Judge et al., 2001].

Для исследования социально-экономических детерминант на качество жизни, связанное со здоровьем, в современной экономической литературе используется модель спроса на здоровье Гроссмана [Grossman, 1972]. В данной модели, здоровье входит прямо в функцию потребления индивида, так как люди получают удовлетворение от того, что они здоровы. Как инвестиционный товар, здоровье является частью человеческого капитала или ценности человека, как части производства, и обеспечивает ему возможность заработать.

М. Кропер, развивая модель М. Гроссмана, учел отсутствие полезности, которое вызывает болезнь, и изучил различия в спросе на профилактические и лечебные услуги и динамику спроса в течение жизненного цикла [Cropper., 1977].

А. Лера - Муни отмечает, что образование оказывает существенное косвенное влияние на здоровье, кроме того необходимо учитывать, что в исследованиях обычно отталкиваются от достаточно низкого образования. При таком уровне каждое дополнительное вложение в образование приносит большую отдачу для состояния здоровья [Lieras-Muney., 2001].

Интерпретация результатов. Каждый год жизни увеличивал шансы низкого качества жизни в 1,015 раза. Шансы оценить свое качество жизни как низкое были в 1,2 раза и 2,3 раза выше для холостых и овдовевших респондентов соответственно. Низкий уровень образования напрямую связано с низким качеством жизни (OR=1,39 для переменной «начальное образование»). Наличие детей улучшает качество жизни респондентов (OR=0,822).

Недостаточности денежных средств для удовлетворения потребностей увеличивает шансы низкого качества жизни в 2,57 раза, неудовлетворенность условиями проживания в 1,79 раза. Неудовлетворенность жизнью и своим здоровьем – наиболее негативно влияют на оценку качества жизни, связанного со здоровьем (OR=3,64 и 4,75 соответственно).

© Спанкулова Л.С.

Список источников

1. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Экологические риски и здоровье населения», 2014 г. Карагандинский Государственный Университет, Высшая Школа Общественного Здравоохранения. Министерство Здравоохранения и социального развития РК. Государственный регистрационный номер 0114RK00302.

2. Kolesniuk J.G., Dickinson H.D. tracing the social gradient in the health of Canadians: primary and secondary determinants//Social science and Medicine. 2003.Jul; 57(2).

3. Macenbach J.P., I. Stirbu, A.-J. R.Roskam, M.M. Schaap, G.Menvielle,M. Leinsalu, A.E. Kunst. Socioeconomic Inequalities in Health in 22 European Countries// The New England Journal of Medicine. 2008. 358.p.2468-2481.

4. Ross N.et al. Relation between income inequality and mortality in Canada and the US// BMJ.2000.320.P.898-902.

5. Macinko J. et al. Income inequality and Health: A Critical Review of the Literature// Medical Care Research and review. December 2003.v. 60.4.

6. Jugde K., Paterson I. Poverty, Income Inequality and Health. Treasury Working Paper. 2001.01/29,New Zealand.

7. Ware J.E. SF-36 Health Survey: Manual and Interpretation Guide. Boston: Nimrod Press. 1993.

8. Grossman M. On the concept of health capital and the demand for health //Journal of Political Economy.1972. 80(2). 223–255.

9. Lieras-Muney A. The Casual Effects of Education on Health. Centre for Health and well Being. Princeton University, 2001.

10. Ware J.E., Snow K.K., Kosinski K.K., Gandek B. SF-36 health survey manual and interpretation guide. Boston: New England Medical Center, the Health Institute, 1993.

Информация об авторе

Спанкулова Лазат Сейтказиевна (Казахстан, Алматы) - доктор экономических наук, профессор-исследователь, Университет Нархоз, ул. Жандосова 55, г. Алматы, 050035, Казахстан, e-mail: Lazat.spankulova@narxoz.kz

Spankulova L.S.

THE SOCIO-ECONOMIC STATUS AND QUALITY OF LIFE ASSOCIATED WITH THE HEALTH OF THE POPULATION LIVING IN THE REGION OF ENVIRONMENTAL DISADVANTAGE

This study is devoted to the analysis of the impact of socio-economic status on the quality of life associated with health. The questionnaire was conducted in the city of Ridder and in the Glubokovsky district of the East Kazakhstan region (EKR) of the Republic of Kazakhstan.

The object of the study is the population of the East Kazakhstan region. The purpose of the work is to quantify the impact of socio-economic status on the quality of life associated with the health of the population living in environmental conditions. The impact of socioeconomic status on the quality of life associated with health is recognized from the epidemiological point of view as the most powerful, long-lasting and universal.To test the hypothesis of the relationship between socio-economic status and quality of life, health-related authors use the device of econometric modeling.

The constructed regression models confirmed the main hypothesis of the study on the impact of socioeconomic status on the quality of life associated with health.

Key words: health economics, quality of life related to health, socio-economic status, logistic regression, Kazakhstan.

Information about the author

Spankulova Lazat the Seytkazievna (Almaty, Kazakhstan) - doctor of economic Sciences, Professor-researcher, University Narkhoz, Zhandosova street 55, Almaty, 050035, Kazakhstan e-mail: Lazat.spankulova@narxoz.kz

УДК: 338.4.33

Р.Х. Ташматов

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ - КАК ФАКТОР УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА НАСЕЛЕНИЯ

В данной статье обоснована актуальность обеспечения продовольственной продукции, выявлена динамика производства основных сельскохозяйственных культур в Узбекистане, проведен сопоставительный анализ фактического потребления населением этих видов продукции, выявлены особенность и проблемы, сдерживающих дальнейшее развитие данной сферы, а также предложены меры по их устранению.

Ключевые слова: *продовольственная безопасность, рекомендуемые нормы потреблеия, рацион питания, землепользование и водопользование, холодильные камеры, резерв.*

Обеспечение продовольственной безопасности, несомненно, является первостепенной задачей общества как во всем мире, так и в отдельной стране или регионе. Этому свидетельствуют следующие факты:

- в 2015 году в мире 795 млн. человек или 10,9 процентов от мирового населения не доедают [11];

- в регионе Центральной Азии и Кавказа количество недоедающего населения в 1991 году составило 9,6 млн. чел. (или 14.1 % от общего количества населения). тогда как в 2015 году этот показатель составил)5,8 млн.человек (или 7 %) [7];

- единственная страна в Средней Азии, где большая доля населения недоедает является Таджикистан (33,2 % от всего населения страны) [12];

- по официальным данным Всемирной организации здравоохранения в мире в каждую минуту в среднем 5 детей в возрасте до 5 лет умирают из-за недоедания или отравления, 90 % людей отравляются в результате употребления продовольственной продукции, в котором нарушены микроорганизмы (что в основном происходит при длительной перевозке, неправильном хранении, смене климата и т.д.)[11].

Все это свидетельствует о важности продовольственной безопасности и необходмости осуществления реформ в этой сфере для поддержания нормального образа жизни населения. Нужно сказать, что Мировой продоволсьтвенный кризис заставил страны мира задуматься о необходимости решения проблемы, связанные с промышленной безопасностьюм [3].

Впервые поняитие “продовольственная безопасность” была предложена на Всемирном продовольственном саммите в 1974 году в Риме: “ продовольственная безопасность существует тогда, когда у всех людей есть физический и экономический доступ к достаточной, безопасной и питательной еде” [4].

Как утверждает Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН “продовольственная безопасность - состояние экономики, при котором населению страны в целом и каждому гражданину в отдельности гарантируется обеспечение доступа к продуктам питания, питьевой воде и другим пищевым продуктам в качестве, ассортименте и объемах необходимых и достаточных для физического и социального развития личности, обеспечения здоровья и расширенного воспроизводства населения страны” [3].

Согласно Комитета по всемирной продовольственной безопасности (КВПБ) “продовольственная безопасность считается достигнутой при наличии у всех людей постоянного физического, социального и экономического доступа к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и вкусовые предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни” [5].

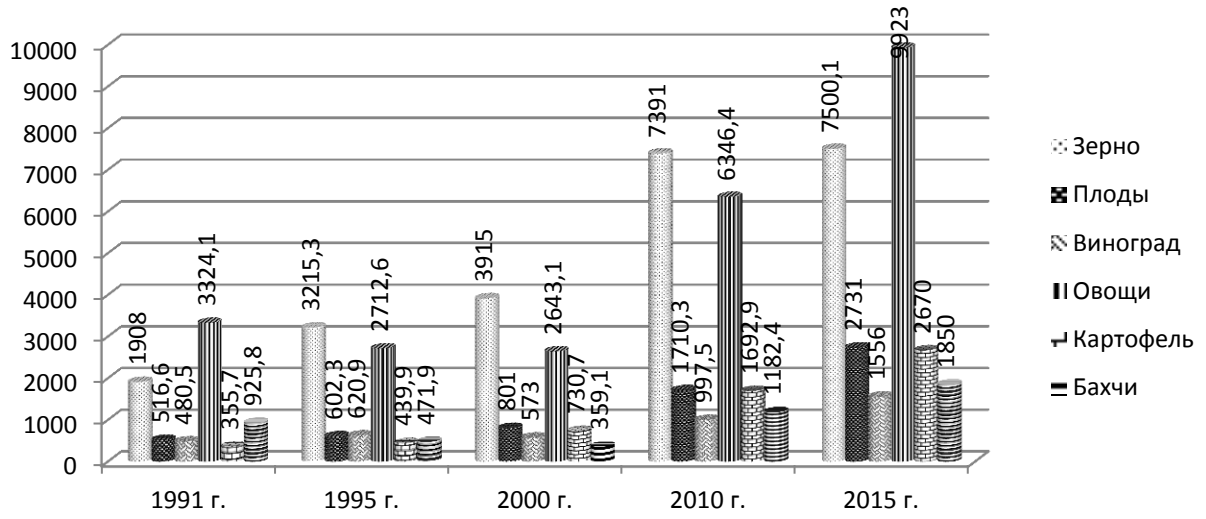
Как изложено в концепции продовольственной безопасности Евразийского экономического сообщества: «Продовольственная безопасность государства – это состояние экономики государства, при котором обеспечивается продовольственная независимость страны и гарантируется физическая и экономическая доступность основных видов продовольствия и чистой питьевой воды для всего населения в количестве и качестве, необходимых для активной и здоровой жизни, обеспечения демографического роста» [6].

Нужно сказать что существуют множетсо понятий и подходов к определению “продовольственная безопасность”. В экономической литературе начала XXI века упоменаются более 200 понятий и 450 показателей по продовольственной безопасности.

Из этих определений можно сделать вывод, что основными критериями продовольственной безопасности считаются достаточность объема продовольственной продукции, соответствие платежеспособности населения, а также качество и безопасность продукции.

Необходимо отметить, что в Узбекистане с первых дней независимости ведется целевая политика по обеспечению продовольственной и зерновой безопасности, локализации производства, кардинальному развитию производства продовольственной и непродовольственной продукции. Принятие в годы независимости более 400 законных и подзаконных актов, регилирующих развитие этой сферы свидетельствует о важности обеспечения продовольственной безопасности и развития производств основной потребляемой продукции. В результате эффективного осуществления мер, указанных в

принятых законодательных актах, полностью обеспечено потребность населения на основную продовольственную продукцию и 80 процентов - на непродовольственную продукцию за счет местных товарных ресурсов. Как видно из рис. 1 в Узбекистане производство зерновых культур увеличилось почти в 4 раза, плодов - в 5,3 раза, винограда - в 3,3 раза, овощей – чуть почти в 3 раза, картофеля – более 7 раз, бахчей – в 2 раза.

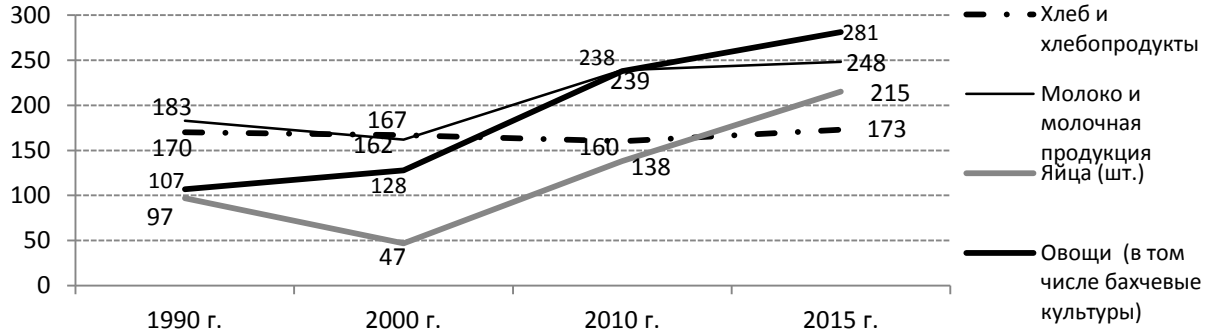


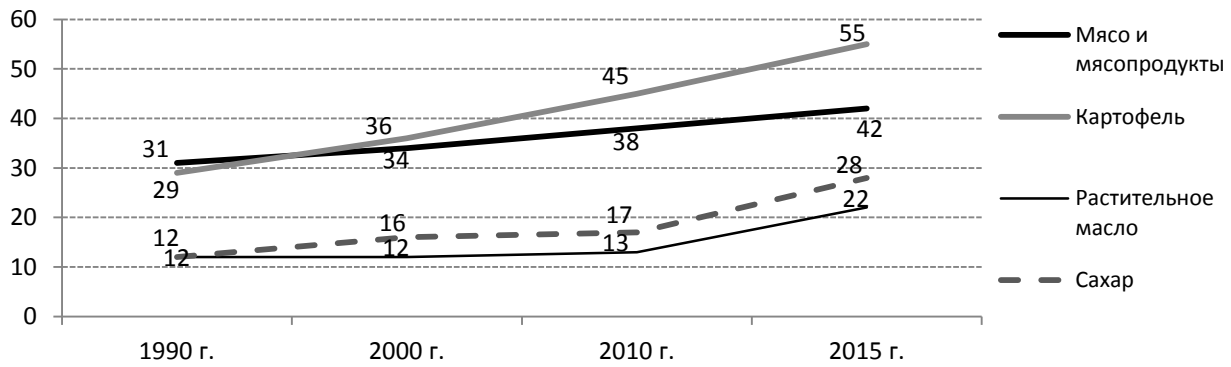
Источник: составлено автором на основе данных Госкомстата РУз.

Рис.1. Динамика производства основной продовольственной продукции в Узбекистане (тыс. тонн)

Все это отразилось на объем потребляемой продукции населением. Из данных рис.2 видно, что в период 1990-2015 гг. фактическое потребление хлеба и хлебопродуктов и овощей (в том числе винограда) увеличилось в 2,6 раза, сахара – в 2,3 раза, яйца – в 2,2 раза, картофеля – в 1,9 раза, растительного масла – 1,8 раза, мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов – в 1,3 раза.

Нужно отметить, что до преобретения Узбекистаном независимости (в 1990 г.) уровень удовлетворения потребностей населения на продовольственную продукцию была следующей: мясная продукция - 46,0%, молочная продукция - 57,0%, сахар - 56,0%, кондитерные изделия - 49,0%, фрукты - 51,0%, картофель - 18,0 %. В то время из-за рубежа в республику завозилась 80 % зерна, 50 % мясной продукции, 60 % молочной продукции, 50 % картофеля, 100 % сахара. Но благодаря глубоко продуманной политике правительства в стране достигнуто не только достижение, но также и превышение нормативно-рекомендуемого потребления, установленным Минздравом Узбекистана, а по некоторым видам продукции – норм рекомендуемого потребления, установленной ВОЗ.

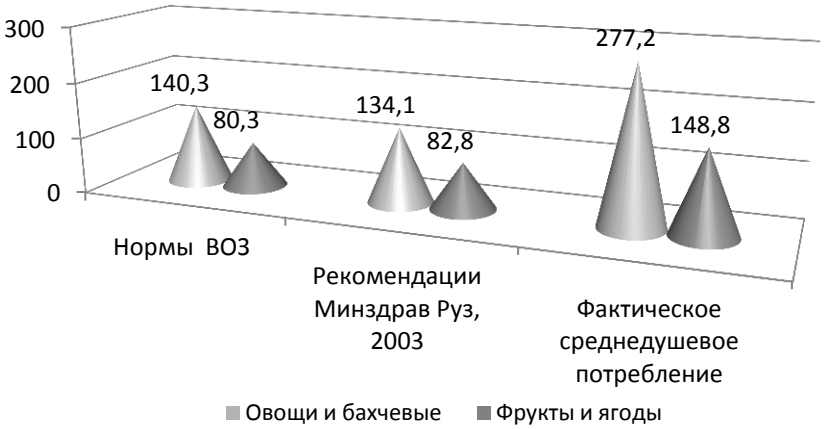




Источник: составлено автором на основе данных Госкомстата РУз.

Рис.2. Изменение показателя фактического потребления населением продовольственной продукции в Узбекистане (кг)

Так, в 2016 году в среднем по Республике фактическое потребление овощей и бахчевых превысило нормативного показателя Минздрава РУз в 2,07 раза и ВОЗ в 1,98 раза. Фактическое потребление фруктов и ягод превысило нормативного показателя соответственно в 1,80 и 1,85 раза. Нужно отметить, что такая ситуация наблюдается во всех регионах страны.



*Источник: составлено на основе данных (1,3)

Рис 3. Соотношение фактического и нормативно предусмотренного (нормы ВОЗ и Минздрав Р.Уз) потребления овощей, бахчевых, фруктов и плодов (кг/год/чел)

Нужно отметить, что овощи и фрукты составляют 40-50 % от общей потребляемой продукции населения страны, т.е. ежедневное потребление на душу населения составляет 400 грамм, а уровень каллорийности продовольственных товаров, которые ежедневно потребляются населением республики, доходит до 2500 ккал. Все эти параметры соответствуют межународным нормам.

Но вместе с тем, в республике встречаются проблемы, которые необходимо решить. К ним можно отнести следующие:

1. Как показывает мировая практика, доля потребления продовольственной продукции в составе потребительских затратов населения не должна быть меньше 50 %, в Узбекистане этот показатель в 2015 году составил 47,3 %, тогда как в 1990 году данный показатель был равен 58,3 %. Поэтому главной задачей перед правительством республики стоит достижение мировых показателей и показателей дореформенного периода;

2. Производство продовольственной продукции в Узбекистане сдерживается такими факторами как ограниченность земельных ресурсов и снижения плодородности земли

(засоление, урбанизация, снижения уровня водообеспечения орошаемых земель, эрозия земли и т.д.);

3. Жесткий стоет вопрос дифицита водных ресурсов (в данный момент республика ежегодно потребляет 51 млрд $м^3$ воды, тогда как потребность составляет 65 млрд $м^3$);

4. Большой объем сельскохозяйственной продцукции (особенно фруктов и плодов) портится в процессе всего цикла начиная от сбора урожая до поставки потребителю (в среднем около 25 % всего урожая);

5. Стремительно увеличивается количество населения и их доходы, что приводит к изменению структуры питания.

Нужно отметить, что эти вопросы в некоторой степени решает принятое Постановление Президента Республики Узбекистан от 29 декабря 2015 года №ПП-2460 «О мерах по дальнейшему реформированию и развитию сельского хозяйства в 2016-2020 гг.». в рамках которого предусмотрено до 2020 года [1]:

- поэтапно сокращать объем выращивания и закупки хлопка-сырца с 3350 тыс. тонн до 3 миллион тонн. За счет этого освободиться 170 тыс. 500 гектар орошаемых земель;
- увеличить производство зерновых культур на 16,4 % и довести его объем до 8 500 тыс. тонн;
- увеличить производство картофеля на 35 %, овощей - на 30 %, плодов и ягод – на 21,5%, мяса – на 26,2 %, молока - на 47,3 %, яиц – на 74,5 %, а также рыбы - в 2,5 раза.
- увеличить объем холодильных камер в 6 раза и довести их емкость до 1186. тыс.т.

Помимо этого требуется проведение следующих мероприятий:

- совершенствование системы использования земельными и водными ресурсами для обеспечения выращивания продовольственной продукции в необходимых размерах;
- создание эффективной системы закупки, подготовки, перераспределения, переработки и продажи сельскохозяйственной продукции;
- разработка и внедрение стандартов и норм питания (в том числе контроль на наличие в пище необходимых микроэлементов и нутриентов, отсутствие вредных для организма веществ, различные пищевые добавки, красители, ароматизаторы, эмульгаторы и т.д.), а также развитие институтов по контролю над качеством питания;.
- распространение необходимой информации через средства массовой информации и информационно-коммуникационных технологий о здоровом питании в целях улучшения модели питания и повышения уровня овседомленности населения в этой сфере..

© Ташматов Р.Х. Текст. 2017

Список источников

1. Постановление Президента Республики Узбекистан от 29 декабря 2015 года №ПП-2460 «О мерах по дальнейшему реформированию и развитию сельского хозяйства в 2016-2020 гг.»

2. Государственная программа по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 — 2021 годах в «Год диалога с народом и интересов человека». Приложение № 8 к Указу Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 года № УП-4947

3. Capone, Bilali, Debs, et al. (2014 b)/ Food System Sustainability and Food Security: Connecting the Dots. Journal of Food Security, 2 (1), 13-22. doi: 10/12691/jfs-2-1-1.

4. World Food Summit, WFS 96 3 – Corr. 1. Rome, Italy, 1996.

5. Двадцать восьмая региональная конференция ФАО для Европы. – Баку, Азербайджан, 19-20 апреля 2012 года.

6. Концепция продовольственной безопасности Евразийского экономического сообщества: решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества, 11 дек. 2009 г.

7. Белугина Т.А. Современные тенденции изменения продовольственного обеспечения в регионах мира. // Теория и практика общественного развития, 2014, № 1. С. 399-405

8. Ковалев М., и др. Анализ продовольственной безопасности республики Беларусь и стран мира. Вестник ассоциации белорусских банков. №34-35. 2014г. - С.8.

9. Среднесуточные рекомендуемые нормы потребления пищевых продуктов для расчета минимального потребительского бюджета населения Узбекистана. СанПиН 0135-03. 11.03.2003

10. Минздрав РФ. Приказ Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. № 614. 19.08.2016.

11. http://politconservatism.ru/blogs/razobla - ООН: в мире голодают 795 миллионов человек. Перенаселение виновато или что-то другое?

12. http://ru.sputniknews-uz.com/economy/20160712/3288131.html - Демографические аномалии Таджикистана

13. http://www.uzbekistan.nsk.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=61%3A2015-10-05-13-45-09&id=2565%3A2015-10-09-05-34-05&Itemid=113 - Тенденции развития плодоовощного сектора в Узбекистане: производство и экспорт.

Информация об авторе

Ташматов Рустам Хусанович, к.э.н., зав.сектором, Научно-исследовательский центр “Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана” при Ташкентском государственном экономическом университете.

Tashmatov R. H.

FOOD SECURITY - AS A FACTOR OF IMPROVING THE QUALITY OF THE POPULATION

In this article the urgency of ensuring food products revealed dynamics of production of main agricultural crops in Uzbekistan conducted a comparative analysis of the actual consumption of these products, the identified features and problems constraining further development of this sector, and proposes measures for their elimination.

Key words: *food security, norms, potrable diet, land and water use, refrigeration, reserve.*

Information about the author

Tashmatov Rustam Husanovich (Uzbekistan, Tashkent) - candidate of economic Sciences, head sector, research center “Scientific bases and problems of development of economy of Uzbekistan” at the Tashkent state economic University (100003, Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan Ave., 49, E-mail: rustam9837@mail.ru)

УДК: 331

Е.С. Филиппова

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ПРИМЕРЕ ООО «УГМК-ТЕЛЕКОМ»

Явление корпоративной культуры существовало всегда, независимо от того, осознавали это или нет ее носители. Важнейшей особенностью управления современной компанией как социальной системой является непрерывный поиск продуктивного компромисса между интересами предприятия и интересами человека.

В данной статье рассмотрена сущность корпоративной культуры предприятия. На основе проведения исследования и анализа существующей корпоративной культуры конкретного предприятия были предложены мероприятия по ее совершенствованию.

Ключевые слова: корпоративная культура, совершенствование корпоративной культуры, управление корпоративной культурой

Для успешного развития компании ей необходима прочная и эффективная корпоративная культура, это связано, прежде всего с тем, что окружающая среда меняется настолько быстро, что даже рядовым исполнителям приходится постоянно принимать решения, так как на ознакомление с ситуацией, принятие решений и доведение их до исполнителей нет времени. Корпоративные планы, процедуры и стандарты устаревают слишком быстро, и не могут служить эффективными инструкциями «на все случаи жизни». Поэтому единственной твердой и неизменной опорой для принятия решений в компании на всех уровнях управления является именно корпоративная культура, то есть система наиболее общих и стабильных ценностей и целей, принципов и правил поведения. Поэтому наличие сильной и устойчивой, но в тоже время гибкой корпоративной культуры является одним из важнейших факторов выживания и успеха российских организаций в наступившем столетии, а также одним из важнейших конкурентных преимуществ. [4]

Исследование проводилось в обществе с ограниченной ответственностью «УГМК-Телеком» в Апреле 2016 года. Свою деятельность УГМК-Телеком начинает с апреля 2006 года и является оператором современных услуг связи, работающий на рынке телекоммуникаций, более чем в 20 населенных пунктах Урала, Сибири, Башкирии и Центральной России. [6]

УГМК-Телеком предоставляет широкий спектр услуг, включая проектирование, подбор необходимых материалов, техническое обслуживание и сопровождение работ. Приоритетные направления деятельности компании – Интернет, IP-телефония и кабельное телевидение. [5]

ООО «УГМК-Телеком» – молодая и активно развивающаяся компания, которая заинтересована в своих кадровых ресурсах. За достаточно короткие сроки, старается уладить имеющиеся проблемы компании, что позволяет ей более быстро адаптироваться к внешним факторам современного рынка. За небольшое время своего существования, данная компания зарекомендовала себя на рынке, как успешно развивающаяся компания с большими перспективами развития в будущем.

Хотелось бы отметить, что ООО «УГМК-Телеком»» достойно выдерживает конкуренцию, привлекает всё больше новых клиентов, что обеспечивает компании популярность, престиж и стабильность. Но, несмотря на такое положение вещей, корпоративная культура ООО «УГМК-Телеком»» имеет ряд как положительных, так и отрицательных моментов, которые необходимо устранить. Рассмотрим их.

1. Компания имеет такие ценности, как люди, экология, духовность, надежность, профессионализм, результативность, доверие, эффективный менеджмент, партнеры и работа в команде. [5]
2. В компании имеется Стандарт «деловой этикет», в котором прописаны этические требования к внешнему виду сотрудников и его поведению, но, к сожалению, не все работники с ними ознакомлены. Это также является недочетом, потому что об этих правилах должен знать абсолютно каждый сотрудник, так как это важно для слаженной работы и доброжелательной обстановке в коллективе. [10]
3. Компания предоставляет множество социально-трудовых гарантий: выплаты при рождении детей, при заключении брака, на юбилейные даты сотрудников; добровольное страхование жизни сотрудников в страховой компании ООО «УГМК-Медицина» и другие. [12]
4. В компании развита социальная политика. Социальная политика для ООО «УГМК-Телеком» – это обеспечение достойного уровня реальных доходов работников

компании, ветеранов труда и пенсионеров, это забота об образовании и профессиональном росте работников, предоставление им максимально широких возможностей для реализации творческого потенциала, это совместное с администрациями городов создание и совершенствование системы социальных услуг, развитие социальной инфраструктуры. [11]

5. За высокопрофессиональное выполнение трудовых обязанностей, повышение производительности труда, продолжительную и безупречную работу и другие успехи в труде применяются различные меры поощрения работников ООО «УГМК-Телеком»: награждение наградами и премирование. [13]

6. В компании присутствует ориентация на потребителя и результат. Это означает, что в компании постоянно улучшается качество, просматривается и чувствуются имидж своей продукции, чтобы соответствовать и превосходить ожидания потребителей. С одной стороны, это правильно, но не стоит забывать и о человеческом факторе. Следует отметить и такой факт, полученный в результате анкетирования, что не все сотрудники имеют четкое представление о миссии, целях и стратегии компании. Ведь грамотные руководители должны посвящать каждого сотрудника в такие моменты работы компании и это является недостатком в их работе.

7. Большое внимание в компании ООО «УГМК-Телеком»» уделяется повышению квалификации кадров. У предприятия есть возможность качественно обучать персонал, ведь от профессионализма работников, от их мастерства зависит результат, а, следовательно, прибыль предприятия.

8. По типологии Камерона-Куинна для ООО «УГМК-Телеком» характерна бюрократическая корпоративная культура, которая характеризуется формализованной и структурированной работой. Лидеры – рационально мыслящие координаторы и организаторы. Важным и главным считается поддержание плавного хода деятельности организации. [1]

Проанализировав корпоративную культуру ООО «УГМК-Телеком» были выявлены и отрицательные моменты, которые имеются в корпоративной культуре компании, рассмотрим их более подробно:

1. Не все сотрудники имеют четкое представление о миссии и истории компании.
2. Не все сотрудники ознакомлены с правилами поведения и этикета, лишь 75,6%. С данными правилами должны быть ознакомлены все сотрудники компании, без исключения.
3. Присутствует недостаточная удовлетворенность уровнем сплоченности персонала, коллектив не считает себя командой-единомышленников.
4. 18,8% опрошенных не намереваются долго работать в ООО «УГМК-Телеком», планируют покинуть компанию в ближайшее время, что говорит о возможности повышения текучести кадров, не смотря на то, что за последние три года процент текучести кадров она значительно снизился.
5. Коллектив компании не удовлетворён существующим типом корпоративной культуру, согласно классификации Камерона-Куинна, и имеет желание об изменении ее типа.

На основе выявленных недостатков было принято решение о совершенствовании лишь основных элементов корпоративной культуры, так как в нашем случае нет необходимости проводить изменения глубинного устройства корпоративной культуры, так как уже имеется четко сформированная миссия и стратегия деятельности организации, у коллектива присутствует единое видение целей компании, существуют определенные корпоративные ценности, и символика, однако в ходе анализа было выявлено, что не все элементы корпоративной культуры удовлетворяют сотрудников компании, и нами было принято решение, о том, что необходимо провести мероприятия по совершенствованию корпоративной культуры предприятия ООО «УГМК-Телеком».

Для того, чтобы улучшить корпоративную культуру, согласно желаниям сотрудников, необходимо провести ряд мероприятий. С помощью данных мероприятий мы сможем

улучшить состояние компании, удовлетворить потребности сотрудников, тем самым повысить шансы на дальнейшее развитие компании.

На первым этапом по совершенствованию корпоративной культуры мы предлагаем внедрить новую штатную единицу в отделе управления персоналом – специалист по внутренним коммуникациям. На рисунке 1 представлена система подчинения отдела управления персоналом после введения новой должности.

Рис. 1. Система подчинения отдела управления персоналом

Главной задачей данного сотрудника будет являться поддержание стандартов корпоративной культуры и развитие лояльности персонала. Должностные обязанности специалиста по внутренним коммуникациям:

– планирование системы внутренних коммуникаций;

– проведение исследований в области корпоративной культуры, участие в разработке мероприятий по повышению мотивации и лояльности сотрудников и поддержанию благоприятного психологического климата;

– информационная поддержка изменений внутри компании;

– развитие и информационное наполнение корпоративного портала, и подготовка внутренних рассылок;

– коммуникационное сопровождение изменений внутри компании;

– организация корпоративных мероприятий, конкурсов;

– участие во внутренних проектах по нематериальной мотивации сотрудников.

Данная должность все чаще входит в штатные расписания крупных предприятий и организаций с большим количеством персонала.

На втором этапе мы предлагаем принять меры по улучшению социально-психологического климата. На данном этапе будет происходить создание игры «Мегабайты успеха» и внедрение административных игр для сотрудников («Образец для подражания», «Лучший отдел», «Герой клуба»), улучшение процесса адаптации нового сотрудника.

Игра «Мегабайты успеха» – это игра, которая дает возможность всем игрокам выигрывать и получить дополнительную премию к зарплате. Причем, эта премия зависит только от самого сотрудника, от его достижений в работе.

Игра нацелена на рост численности игроков с мощным командным духом, взявших на себя повышенную ответственность за достижение высочайших результатов на своем рабочем месте и предприятии в целом, получающих дополнительное вознаграждение за достигнутые победы.

Административные игры («Образец для подражания», «Лучший отдел», «Герой клуба») будут проводиться согласно Положениям

Цели административной игры «Образец для подражания»:

1. Мотивировать каждого сотрудника компании соблюдать стандарты,

Корпоративную политику ООО «УГМК-Телеком и быть самыми успешными;

2. Возложить на каждого сотрудника ответственность за соблюдение стандартов, Корпоративной политики ООО «УГМК-Телеком и в очередной раз подтвердить, что в ООО «УГМК-Телеком» работают самые ответственные, дисциплинированные и успешные сотрудники.

Правила игры: Ежеквартально специалист по внутренним коммуникациям проводит проверки по соблюдению стандартов, положений, приказов, распоряжений ООО «УГМК-Телеком» согласно утвержденного плана.

Ежемесячно начальники участков связи проводит проверки по соблюдению Корпоративной политики внутри участков связи по утвержденным специалистом по внутренним коммуникациям проверочным спискам к стандартам, положениям, приказам, распоряжениям ООО «УГМК-Телеком».

На каждом участке связи проводят не менее 10 (десяти) внутренних проверок в месяц.

В случае выявления нарушений, к сотрудникам, нарушившими правила, применяется депремирование. В случае отсутствия нарушений, работникам начисляется премия.

Таким образом, по результатам данной игры:

1. Каждый сотрудник ООО «УГМК-Телеком» соблюдает Корпоративную политику компании, тем самым становится максимально успешным в достижении результата;

2. Руководители подразделений несут полную ответственность за соблюдение Корпоративной политики сотрудниками своих подразделений.

Цели административной игры «Лучший отдел»:

1. Выявить и наградить отделы, которые добились наибольших результатов за месяц;

2. Создать здоровый дух соперничества между отделами компании.

Правила игры: Один раз в месяц специалист по внутренним коммуникациям утверждает комиссию, где принимается решение о выборе отдела-победителя по следующим критериям:

- общие успехи отдела;
- высокие результаты работы, статистики, производственные показатели;
- отсутствие неэтичных ситуаций, нарушений корпоративной политики сотрудниками отдела;
- безукоризненное выполнение всех поставленных задач перед отделом;
- масштаб и сложно выполнения задач, поставленных перед отделом;
- успешное выполнение дополнительных задач.

Победителей в номинации «Лучший отдел» награждают дипломом и набором сезонных фруктов (подарком) на 700 рублей.

Цель административной игры «Герой клуба»

Выявить наиболее активных и деятельных сотрудников, способствующих своими трудовыми и общественными достижениями развитию клубов «Мегабайтов успеха» и ООО «УГМК-Телеком».

Правила игры:

Ежемесячно до 5 числа капитаны клубов составляют анкету-голосование и направляют ее всем членам клуба, чтобы выбрать претендента на звание «Герой клуба». Героем клуба становятся те участники, которые внесли максимальный вклад в развитие компании и проекта «Мегабайты успеха». Победитель награждается дипломом и сертификатом на сумму 500 рублей.

Улучшение процесса адаптации будет проводится путем разработки Стандарта «Программа по адаптации новых сотрудников». Это необходимо для того, чтобы добиться понимания и согласия с целями компании, организацией работы и сформировать позитивный образ о компании, а так же, чтобы помочь новому сотруднику почувствовать себя более увереннее и комфортнее.

Программа по адаптации проводится для всех новых сотрудников ООО «УГМК-Телеком» и состоит из нескольких мероприятий:

1. знакомство с сотрудником, ответственным за проведение программы адаптации;

2. знакомство с рабочим местом, отделом и коллективом, в котором предстоит работать новому сотруднику;

3. знакомство нового сотрудника с предприятием и представление коллективу предприятия;

4. вводный инструктаж по охране труда, электро- и пожарной безопасности;

5. просмотр фильма о холдинге УГМК;

6. просмотр фильма о социальной деятельности холдинга УГМК;

7. просмотр фильма о компании «УГМК-Телеком»;

8. знакомство с клубом «Мегабайты успеха»;

9. просмотр фильма «Деловой этикет»;

10. изучение должностной инструкции, сдача зачета по ней.

И на заключительном третьем этапе мы улучшить сложившиеся нормы поведения путем:

1. Введения четко выработанной базы по корпоративной культуре: кодекса взаимоотношений с сотрудниками, кодекса корпоративного поведения, положения о деловом поведении и этике и других документов. Данную нормативную базу завести в корпоративный портал, в специально выделенном разделе «Корпоративная политика».

2. Создания стандарта «Информирование персонала» (какая информация, в какой форме, с какой периодичностью, по каким каналам и кем должна доводиться до коллектива). Это необходимо для большей информированности персонала о планах и действиях руководства, что помогает налаживанию доверительных взаимоотношений между руководством и подчиненными и создает у сотрудников ощущение сопричастности и необходимости в данной работе.

Таким образом, мы пришли к решению, что внедрение в компанию разработанных мероприятий по совершенствованию корпоративной культуры приведет к:

– налаженной работе за контролем корпоративной культурой, и ее своевременному совершенствованию, в случае выявления необходимости;

– повышению командного духа, ответственности сотрудников за совершаемые ими действия, дисциплины в компании, лояльности к компании, и уровня сплоченности коллектива;

– созданию здорового духа соперничества;

– снижению риска появления коммуникационных барьеров;

– уменьшению времени адаптации;

– улучшению информированности сотрудников о жизни компании.

Данные предложенные мероприятия вызвали интерес со стороны руководства и имеют научную ценность решаемых проблем, так как позволит улучшить корпоративную культуру в компании, тем самым снизится текучесть кадров, повысится производительность труда, и соответственно, повысится эффективность деятельности предприятия.

© Филипова Е.С. Текст. 2017

Список источников

1 Камерон К. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб., Питер, 2011

2 Александрова Н.А., Машьянова Е.Ю. Организационная культура: поиски алгоритма управления изменениями // Дискуссия. 2012. №10. С.70-77.

3 Соломанидина Т.О. Организационная культура компании: С60 Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007. 624 с.

4 Кандария И.А. Формирование корпоративной культуры в организации/ И.А.Кандария// URL: http://www.kaus-group.ru/knowledge/300-articles/material/789/

5 Официальный сайт ООО «УГМК-Телеком». URL: http://www.ugmk-telecom.ru/company/

6 Исторический очерк ООО «УГМК-Телеком» [Электронный ресурс] / Сайт компании ООО «УГМК-Телеком». – URL: http://www.ugmk-telecom.ru/company/ (Дата обращения 03.04.2016)

7 Правила внутреннего трудового распорядка ООО «УГМК-Телеком», Приложение № 1 к приказу № 246/3 от 24.10.2011г [Электронный ресурс] / Сайт компании ООО «УГМК-Телеком». – URL: http://www.ugmk-telecom.ru/company/ (Дата обращения 12.05.2016)

8 Устав Общества с ограниченной ответственностью «УГМК-Телеком» (ООО «УГМК-Телеком») от 24.12.2013 [Электронный ресурс] / Сайт компании ООО «УГМК-Телеком». – URL: http://www.ugmk-telecom.ru/company/ (Дата обращения 11.05.2016)

9 Корпоративный кодекс Общества с ограниченной ответственностью «УГМК-Телеком» (ООО «УГМК-Телеком») от 12.07.2014 [Электронный ресурс] / Сайт компании ООО «УГМК-Телеком». – URL: http://www.ugmk-telecom.ru/company/ (Дата обращения 25.04.2016)

10 Стандарт «Деловой этикет» №12 от 23.08.2015 [Электронный ресурс] / Сайт компании ООО «УГМК-Телеком». – URL: http://www.ugmk-telecom.ru/company/ (Дата обращения 17.05.2016)

11 Положение о предоставлении социально-трудовых гарантий работникам к приказу №246 от 24.01.2011г. [Электронный ресурс] / Сайт компании ООО «УГМК-Телеком». – URL: http://www.ugmk-telecom.ru/company/ (Дата обращения 19.04.2016)

12 Положение о порядке награждения корпоративными наградами УГМК-Телеком к приказу №268 от 29.03.2015 [Электронный ресурс] / Сайт компании ООО «УГМК-Телеком». – URL: http://www.ugmk-telecom.ru/company/ (Дата обращения 19.04.2016)

13 Положение премировании персонала к приказу №211 от 11.01.2011г. [Электронный ресурс] / Сайт компании ООО «УГМК-Телеком». – URL: http://www.ugmk-telecom.ru/company/ (Дата обращения 09.04.2016)

Информация об авторе

Филиппова Елена Сергеевна (Россий, Серов) - магистрант 1-го курса, УрГУПС (Индекс: 620034, город Екатеринбург, улица Колмогорова 66), ranwow@mail.ru

Filippova E.S.

CORPORATE CULTURE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISE BY THE EXAMPLE OF LLC «UMMC-TELECOM»

The phenomenon of corporate culture has always existed, regardless of whether you realize it or not its carriers. The most important feature of management of the modern company as a social system is a continuous search for productive compromise between the interests of enterprises and interests of people.

In this article considered the essence of corporate culture. Based on the research and analysis of existing corporate culture of a particular company was suggested events for it improvement.

Keywords: corporate culture, corporate culture development, corporate culture management

Information about the author

Filippova Elena Sergeevna (Russia, Serov) - student of the 1st course, USURT (postal code: 620034, Ekaterinburg, Kolmogorova street, 66), ranwow@mail.ru

УДК: 311.2; 316

С.Х. Хакназаров

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОЯРСКОГО РАЙОНА ЮГРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются взгляды жителей Белоярского района на социально-экономические проблемы развития коренных малочисленных народов Югры. В частности рассматриваются экологические проблемы по результатам социологических исследований, проведенных в 2011 и 2014 гг.

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы Севера, социально-экономические проблемы, экологическое состояние.*

Проблема социально-экономического развития северных природно-ресурсных регионов и ареалов проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС) была и остается актуальной для России, около 70% территории которой расположено в зоне Севера. Широкомасштабное освоение природных ресурсов Севера, которое осуществлялось в советский период при полной государственной поддержке, выявило целый ряд проблем экономического, социального и экологического характера [1]. В переходный период значительная часть северных территорий оказалась в депрессивном состоянии, которое было вызвано снижением федерального финансирования, ростом транспортных и энергетических тарифов, отработкой ряда крупных месторождений полезных ископаемых и др. причин.

В целях социально-экономического развития коренных народов Севера Югры, на окружном уровне, принята государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО-Югры) "Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа - Югры на 2016-2020 годы" (№ 398-п., в редакции от 11 ноября 2013 г.) [2].

Цель государственной программы является создание оптимальных условий для устойчивого экономического и социально-культурного развития КМНС ХМАО-Югры на основе рационального природопользования, укрепления социально-экономического потенциала, сохранения исконной среды обитания, традиционной культуры и быта, совершенствования системы государственной поддержки

Задачи государственной программы является содействие развитию экономики традиционных форм хозяйствования коренных малочисленных народов и, как следствие, увеличение занятости населения; повышение уровня и качества жизни коренных малочисленных народов; возрождение и развитие самобытной культуры, языка и промыслов коренных малочисленных народов.

В настоящее время, социально-экономическое развитие общества реализуется в соответствии с моделью, ориентированной на быстрые темпы экономического роста за счет использования природно-сырьевых ресурсов. В этой связи актуальным становится рассмотрение проблем сохранения окружающей среды с макроэкономических позиций, позволяющих определить основные системные причины экологической деградации; выявить те экономические направления, которые влияют на окружающую среду. Такой эколого-ориентированный подход особенно необходим для регионов, имеющих сырьевую специализацию. Многие из таких регионов продолжают играть роль центров по добыче и первичной переработке природных ресурсов, оставляя без должного внимания вопросы экологии.

Округ характеризуется высокой насыщенностью предприятиями топливно-энергетического комплекса и перерабатывающей промышленности, которые являются главными и основными источниками загрязнения окружающей природной среды (атмосферный воздух, водный бассейн и земельные участки).

Общеизвестно, что антропогенное воздействие на окружающую среду вызывает необходимость исследований, ориентированных на выявление и оценивание региональных изменений.

Имеется целый ряд методов оценки экологического состояния территории, отличающихся подходами и приемами, направленными на решение сложившихся проблем и экологически безопасное развитие территории. Несмотря на то, что они исходят из антропоцентрического принципа, недостаточно учитывают мнение и отношение к изменениям в окружающей среде местного населения. Следовательно, важно изучение особенностей восприятия человеком сложившихся условий жизни, источников повышенной экологической опасности и связанных с этим предпочтений в выборе мест проживания и отдыха. Необходимость учета общественного мнения при планировании и использовании природных ресурсов, а также принятия управленческих решений отмечается в ряде законодательных актов федерального и регионального уровня, в том числе в Законе «Об экологической экспертизе».

Краткая характеристика района исследований. Белоярский район расположен на северо-западе ХМАО в таежной зоне. Территория района располагается в низменной части Западно-Сибирской равнины с абсолютными высотами до 201 метра (Сибирские Увалы). Граничит: на западе с Березовским районом, на юге – с Октябрьским, Ханты-Мансийским и Сургутским районами, на севере и востоке – с Ямало-Ненецким автономным округом. Площадь района - 41,65 тыс. км^2. Численность населения - 30,14 тыс. чел. [3]. Численность КМНС (ханты, манси и лесные ненцы) составляет около 2,7 тысячи человек - это около 9 % населения района и 8,6% от общей численности коренных народов Югры. В состав района входят 12 населенных пунктов (включая г. Белоярский). Главными центрами проживания КМНС на территории Белоярского района являются сельские поселения Полноват и Казым.

Согласно информации бывшего Департамента по вопросам малочисленных народов Севера [4], на территории района расположено 33 территории традиционного природопользования КМНС (родовых угодий, общин), общей площадью 1215713 га, где проживает 32 семьи (79 чел.), из них 20 семей-оленеводов из числа КМНС. Основная их деятельность - охота, рыболовство, оленеводство, заготовка растительных дикоросов.

На территории района работает ОАО «Казымская оленеводческая компания», крупнейшее в округе сельскохозяйственное предприятие, занимающееся традиционным хозяйствованием - оленеводством и клеточным звероводством.

На территории района разрабатываются более 10 месторождений углеводородного сырья. Добычу углеводородного сырья в основном осуществляют ОАО «РИТЭКБелоярскнефть» и ОАО «Сургутнефтегаз».

В 2011 и 2014 гг. сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск) с целью изучения современного экологического и социально-экономического состояния КМНС Югры были проведены этносоциологические исследования на территории Белоярского района Югры. Исследования проводились в анкетной форме. Анкеты содержали вопросы с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те ответы, которые они считали приемлемыми. Помимо анкет было много устных бесед по наболевшим проблемам.

В опросах приняли участие:

- в 2011 г. - 155 респондентов, из них: представители КМНС (ханты, манси, ненцы) – 99,4%; другие национальности – 0,6%. Среди них: мужчин – 31,6%; женщин – 68,4%;

- в 2014 г. – 98 респондентов. Из них: мужчины 44,9%, женщины 55,1%. Среди них: ханты – 72,4%, манси – 3,1%, ненцы – 22,4%, русские и другие национальности – 2,0%.

Среди предложенных вопросов были и вопросы, касающиеся социально-экономического характера. В частности нам было интересно узнать взгляд жителей об их финансово-материальном положении.

Задавая вопрос, *«Источники основных доходов КМНС?»,* мы выяснили, что основными источниками доходов представителей КМНС являются (табл. 1):

- заработная плата – 69,7%;
- сдача дикоросов, мяса и рыбы – 67,1%;
- выплаты из социальных фондов – 38,7%;

- продажа продукции традиционных промыслов – 36,8%;
- доход от предпринимательства – 7,1%;
- другие источники – 3,9%,

Как мы видим, основным источником доходов КМНС являются заработная плата, сдача дикоросов, мяса, рыбы, продажа продукции традиционных промыслов собственного производства и выплаты из социальных фондов.

Таблица 1

Основные источники доходов КМНС (n*=155), в % от числа опрошенных

Варианты ответов	**Белоярский р-н**
	2011
Заработная плата	69,7
Выплаты из социальных фондов	38,7
Сдача дикоросов, мяса, рыбы	67,1
Продажа продукции традиционных промыслов собственного производства	36.8
Доход от предпринимательства	7,1
Другие источники	3.9

** n – число респондентов.*

Для сравнения отметим, что по результатам наших предыдущих исследований, основными источниками доходов были примерно так же: заработная плата – 60,00%, сдача дикоросов, мяса и рыбы – 58,82%, выплаты из социальных фондов – 48,24%, продажа продукции традиционных промыслов – 27,06%, другие источники – 10,59%, доход от предпринимательства – 2,35%, Как мы видим, основным источником доходов КМНС являются заработная плата, сдача дикоросов, мяса, рыбы, продажа продукции традиционных промыслов собственного производства и выплаты из социальных фондов [5].

Обращаясь к данным Т.Г.Харамзина, Н.Г.Хайруллиной [6], отметим, что для большинства опрошенных (69,1% в 1993 г., 64,8% в 1995 г., 76,2% в 1999 г., 75,4% в 2001 г., 66,2% в 2004 г.), основными источниками существования КМНС являлись: заработная плата и надбавки к ней; выплаты из социальных фондов, а также бесплатные услуги и дотации предприятий. Как отмечают авторы, уменьшился доход респондентов от продажи продукции традиционных промыслов (мясо, рыба, грибы, ягоды, орехи и др.), что, по их мнению, является тревожным фактом.

Далее нам было интересно узнать, на что тратят основную часть своих доходов представители КМНС (табл. 2).

Таблица 2

Мнение респондентов о том, на что тратят КМНС основную часть доходов, (n=155), в % от опрошенных

Варианты ответов	**Белоярский р-н**
	2011
На питание и одежду	65,2
На лекарство, лечение	26,5
На развлечение	1,3
На образование детей	34,8
Запасные части и средства традиционных видов хозяйственной деятельности	29,0
На другие цели	4,5
Затруднялись ответить	11,6

Как видно из данных, приведенных в табл. 2, представители КМНС основную часть своих доходов тратят на: питание и одежду (65,2%), образование детей (34,8%), лекарство, лечение (26,5%), запасные части и средства традиционных видов хозяйственной деятельности (29,0%). На развлечение респонденты тратят лишь 1,3% своего дохода.

Результаты наших предыдущих опросов показывают, что респонденты на эти же целы тратили чуть больше чем в 2011 году: еду и одежду (71,76%), образование детей (42,35%), лекарство, лечение (35,29%), запасные части и средства традиционных видов хозяйственной деятельности (30,59%) [5].

Ответы респондентов на вопрос *«Получают ли представители КМНС от органов государственной власти и других организаций материальные и финансовые средства на цели их социально-экономического и культурного развития?»,* представлены в табл. 3.

Таблица 3

Мнение респондентов по поводу получения материальной и финансовой помощи от органов государственной власти и других организаций на цели социально-экономического и культурного развития.

Варианты ответов	**Белоярский р-н, в %**	
	2008	**2011**
Да	40,00	32,3
Нет	31,76	54,2
Затруднялись ответить	28,24	13,5

Как показывают данные, приведенных в табл. 3, большинство респондентов (54,2%) отметили, что представители КМНС Белоярского района не получают материальную и финансовую помощь на цели социально-экономического и культурного развития от органов государственной власти и других организаций. Данный показатель в 2008 г. составил 31,76% что говорить об увеличение доля лиц которых не получают материальную и финансовую помощь. Получают материальную и финансовую помощь 32,3% респондентов района. Как заметно уменьшился доля лиц получающих материальную и финансовую помощь по сравнению с 2008 г. (40,0%). Затруднялись ответить на данный вопрос 28,24% и 40,00% респондентов соответственно.

Для сравнения отметим, в отличие от Белоярского района, большинство респондентов (в т.ч. эксперты) (50,90% и 54,55% соответственно) Нижневартовского района отвечая на этот же вопрос, отметили, что представители КМНС получают материальную и финансовую помощь на цели социально-экономического и культурного развития от органов государственной власти и других организаций. Не получают такую помощь лишь 27,03% представители КМНС [5].

Ответы респондентов на вопрос *«Как Вы оцениваете экологическое состояние нашего региона в настоящее время?»* представлены в табл. 4.

Таблица 4

Оценка респондентами экологического состояния региона, в % от числа опрошенных

Варианты ответов	**Белоярский район**	
	2008 (100)	**2014 (98)**
Удовлетворительно	59,61	38,8
Неудовлетворительно	35,29	35,7
Никак	-	14,3
Затруднялись ответить	5,10	11,2

Как показывают данные (2008 г.), приведенные в табл. 4[1], большинство респондентов высказали свое мнений об удовлетворительном состоянии региона (59,61%). А при повторном опросе в 2014 году ответы респондентов распределились примерно поровну: 38,8% – удовлетворительно и 35,7% неудовлетворительно. Как мы видим? уменьшились доля лиц считающие экологическое состояние региона удовлетворительной (с 59,61% до 38,8% соответственно по годам).

В сравнении с этими данными, респонденты Березовского района по результатам двух опросов также считают удовлетворительным экологическое состояние своего региона (59,0%), неудовлетворительным – 40,0%. Это, скорее всего, связано с тем, что в настоящее время в Белоярском и особенно Березовском районах крупномасштабные промышленные разработки по добыче углеводородного сырья не ведутся.

Чтобы выяснить причины неудовлетворительной оценки респондентов, нами был поставлен такой вопрос: *«Если ваша оценка неудовлетворительная, то почему?»*[2]. Как показывают результаты наших исследований, респонденты Белоярского района в качестве основной причины приводят следующее:

- происходит загрязнение рек и водоемов - 57,1;
- уменьшается численность животных, дичи и рыб - 53,1%;
- высыхают и вырубаются леса и выводятся из оборота огромные территории промысловых угодий и оленепастбищ – по 26,5% соответственно.

В заключение, отметим, что социально-экономические проблемы коренных малочисленных народов Севера в настоящее время являются актуальными и требуют поиска путей их решения. Важно отметить, что взгляды респондентов Белоярского района практически совпадают с мнениями респондентов из других районов округа по рассматриваемым вопросам, где были проведены мониторинговые исследования, за исключением небольших расхождений. В дальнейшем необходимо продолжить проведению мониторинговых исследований по исследованию социально-экономических и экологических проблем развития КМНС, чтобы отслеживать динамику изменений их взглядов по рассматриваемым вопросам в ареалах их компактного проживания.

© Хакназаров С.Х. Текст. 2017

Список источников

1. Логинов В.Г. Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Сибири. Екатеринбург: Инс-т экономки УрО РАН, 2007. 311 с.

2. Постановление Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 3 октября 2013 г. N 398-п о государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2016-2020 гг.».

3. Общие сведения о Белоярском районе. URL: http://www.admbel.ru/about/info/ (дата обращения: 20.07.2010).

4. Коренные народы. URL: http://www.admhmao.ru (дата обращения: 22.07.2009).

5. Хакназаров С.Х. Социально-экономические проблемы коренных народов Севера Белоярского района Югры в контексте социологических исследований // Стратегия экономического, политического, социокультурного развития регионов в условиях глобализации: материалы международной науч.-практ. конф. Березники, 2012. С. 111-113.

6. Харамзин Т.Г., Хайруллина Н.Г. Мониторинг социального самочувствия обских угров. СПб.: Миралл, 2006. 200 с.

Информация об авторе

[1] *В опросе 2008 г. вопрос прозвучал таким образом: Как Вы оцениваете состояние окружающей природной среды района Вашего места жительства?*

[2] *В опросе 2008 г. данный вопрос не рассматривалась.*

Хакназаров Саидмурод Хамдамович, Россия, г. Ханты-Мансийск, кандидат геолого-минералогических наук, Зав.отдела социально-экономического развития и мониторинга, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 628011, Россия, Тюменская обл., Ханты-Мансийск, ул. Мира 14-а (ОУИПИиР), S_haknaz@mail.ru

Khaknazarov S. Kh.

PROBLEMS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE BELOYARSK DISTRICT OF UGRA: SOCIOLOGICAL ASPECT

In article views of residents of the Beloyarsk district of social and economic problems of development of indigenous ethnic groups of Yugra are considered. In particular environmental problems by results of the sociological researches conducted in 2011 and 2014 are considered.

Keywords: indigenous ethnic groups of the North, social and economic problems, ecological state.

Information about the author

Khaknazarov Saidmurod Khamdamovich, Russia, Khanty-Mansiysk, Candidate of geological and mineralogical sciences, Manager of department of social and economic development and monitoring, Ob-Ugric institute of applied researches and developments, 628011, Russia, Tyumen Region, Khanty-Mansiysk, Mira 14-a St. (ОУИПИиР), S_haknaz@mail.ru

УДК: 314.174, 311.16

С.В. Чучкалова

МЕТОД ОТБОРА ЗНАЧИМЫХ ФАКТОРОВ ПРИ ОЦЕНИВАНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

В статье рассматривается применение метода анализа иерархий в моделировании качества жизни. Метод позволяет обосновать выбор значимых социально-экономических факторов для расчета интегрального индекса качества жизни населения. Интегральный индекс представляет собой функцию-свертку частных критериев категорий этого понятия.

Ключевые слова: качество жизни, метод иерархий, рейтинг регионов.

Существуют разные подходы в определении оценки качества жизни. Под интегральным индикатором качества жизни населения (или ИИКЖН) понимается специального вида свертка оценок более частных свойств и критериев категорий качества жизни населения. Можно представить ИИКЖН функцией $\hat{y} = f(\tilde{x}_1, ..., \tilde{x}_p)$ для каждой категории в виде

$$\hat{y} = \sum_{j=1}^{p} w_j \tilde{x}_j, \quad (1)$$

где $(\tilde{x}_1, ..., \tilde{x}_p)$ - набор унифицированных частных критериев анализируемой категории КЖН, w_j - весовые коэффициенты. «Удельная значимость $\tilde{v}_j$ каждой из построенных интегральных характеристик $\tilde{y}^{(1)}, ..., \tilde{y}^{(m_0)}$ определяется через долю объясненной ею дисперсии в суммарной дисперсии всех частных критериев $\tilde{x}^{(1)}, ..., \tilde{x}^{(p)}$. Затем $\tilde{v}_j$

нормируются по формуле $v_j = \frac{\tilde{v}_j}{\sum_{j=1}^{m_0} \tilde{v}_j}$. Построение рейтингов осуществляется с помощью формулы евклидова расстояния» [1, 2].

Основные свойства качества жизни населения заключаются в способности адаптироваться к окружающему миру, в способности воспроизводиться, удовлетворять свои потребности.

Базовые компоненты качества жизни определяются из условия, что человек существо биологическое и социальное. Компоненты, образующие среду и систему обеспечения жизнедеятельности населения:

1) Качество населения (ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования, рождаемость, смертность и т.п.);
2) Благосостояние населения (факторы, отражающие степень удовлетворения материальных и духовных потребностей);
3) Качество социальной сферы (факторы, отражающие условия труда, уровень социальной защиты и т.п.);
4) Качество окружающей среды (факторы, характеризующие загрязнение воздушного пространства, почв, воды).

Чаще всего для отбора значимых социально-экономических факторов используют корреляционный анализ. Рассчитываются значения парных коэффициентов корреляции и значения коэффициентов детерминации каждого из частных критериев анализируемого априорного набора по всем остальным показателям этого набора [1, 2]. С помощью такого анализа из тесно связанных групп переменных остается по одной.

Альтернативой корреляционному анализу предлагается метод анализа иерархий. Этот метод состоит из следующих этапов:

1) Проблема представляется в виде иерархии или сети. В самом простом случае построение иерархии начинается с цели, которая размещается в вершине графа.
2) На этом этапе расставляются приоритеты критериев. Оценивается каждая из альтернатив по критериям и определяется наиболее важная из них. Факторы-элементы попарно сравниваются по отношению их влияния на общую для них характеристику. В результате сравнения набора критериев получается обратно симметричная матрица. Разработана шкала Саати для субъективных сравнений пар [4].

Экспертам было предложено создать двухуровневую иерархию факторов, определяющих категории качества жизни населения. В результате экспертами были выбраны четыре группы факторов. Была построена иерархия факторов (рис. 1).

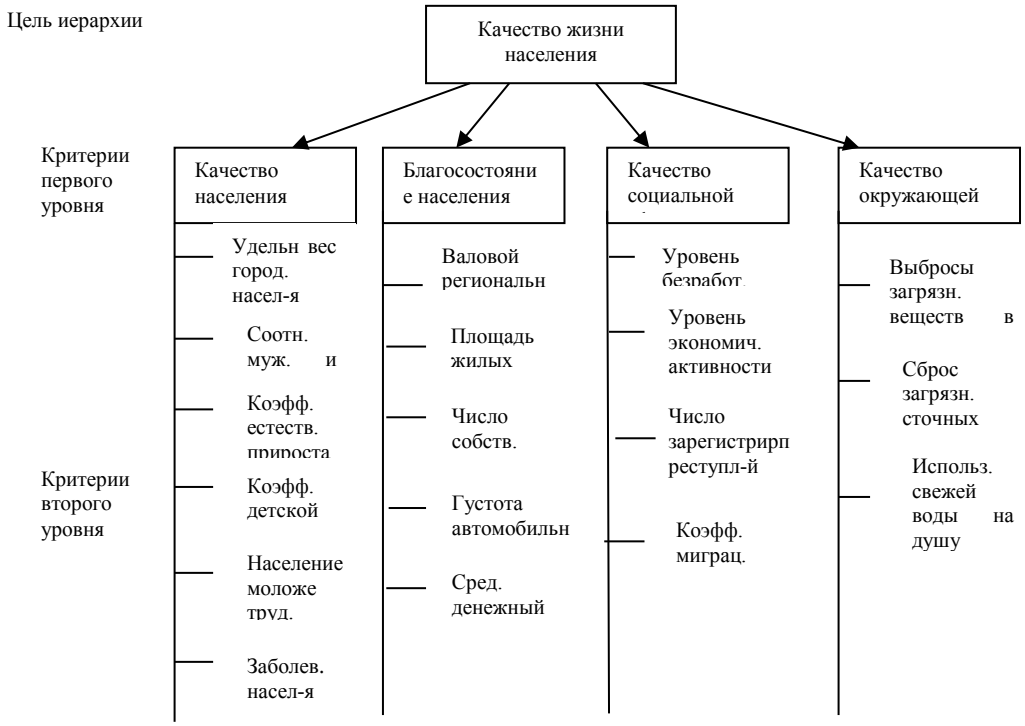


Рис. 1. Иерархия факторов качества жизни

Далее эксперты провели сравнение факторов первого и второго уровней по шкале отношений Саати. Совместная работа экспертов предполагала согласование мнений и выработку единого подхода к проблеме. Например, матрица сравнений пар для первого уровня приведена в таблице 1.

Таблица1

Матрица попарных сравнений для уровня 1

Качество жизни населения	Качество населения	Благосостояния населения	Качество социальной сферы	Качество окружающей среды
	К1	К2	К3	К4
К1	1	9	7	3
К2	1/9	1	4	1/3
К3	1/7	¼	1	1/5
К4	1/3	3	5	1

Матрица сравнений для уровня 2 по качеству населения приведена в таблице 2. Аналогичные таблицы 2-го уровня были составлены для благосостояния населения, для качества социальной сферы, для качества окружающей среды.

Таблица 2

Качество населения (матрица попарных сравнений для уровня 2)

Качество населения	Удельный вес городского населения	Соотношение мужчин и женщин	Коэффициент естественного прироста	Коэффициент младенческой смертности	Население моложе трудоспособного возраста	Заболеваемость населения	Коэффициент брачности
	Н1	Н2	Н3	Н4	Н5	Н6	Н7
1	2	3	4	5	6	7	8
Н1	1	7	1/3	5	1/5	1/3	9

H2	1/7	1	1/6	3	1/5	1/3	3
H3	3	6	1	7	3	4	5
H4	1/5	1/3	1/7	1	1/7	5	1/3
H5	5	5	1/3	7	1	1/5	3
H6	3	3	1/4	1/5	5	1	5
H7	1/9	1/3	1/5	3	1/3	1/5	1

Чтобы определить относительную ценность каждого элемента находят геометрическое среднее. С этой целью надо перемножить n элементов каждой строки и из полученного результата извлечь корень n-й степени. Полученные числа необходимо нормализовать.

В общем случае матрица суждений не согласована, так как суждения отражают субъективные мнения лица, принимающего решение. Поэтому необходимо оценивать степень согласованности при решении поставленной задачи. Метод анализа иерархий позволяет проводить такую оценку. Вычисляя матрицу парных сравнений, мы получаем меру оценки степени отклонения от согласованности. Если найденные отклонения выходят за установленные рамки, то необходимо пересмотреть решение.

Для этого вычисляют индекс согласованности и отношение согласованности. Индекс согласованности в каждой матрице и для всей иерархии может быть приближенно получен вычислениями вручную. Для начала суммируют каждый столбец суждений, затем сумма первого столбца должна быть умножена на величину первой компоненты нормализованного вектора приоритетов. Аналогично сумма второго столбца — на вторую компоненту и т. д. После чего, получившиеся числа складывают. Полученную величину можно обозначить λ_{max}. Для индекса согласованности получаем:

$$ИС=(\lambda_{max} - n)/(n-1), \qquad (2)$$

где n — число сравниваемых элементов [3, 4]. Для обратносимметричной матрицы всегда $\lambda_{max} \geq n$. В Таблице 3 даны средние согласованности для случайных матриц разного порядка.

Таблица 3

Значения случайной согласованности

Размер матрицы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Случайная согласованность	0	0	0,58	0,90	1,12	1,24	1,32	1,41	1,45	1,49

Отношение согласованности (ОС) характеризует насколько точно индекс согласованности (ИС) отражает согласованность суждений. Для этого его сравнивают со случайным индексом (СИ) согласованности, который соответствует матрице со случайными суждениями.

Отношение индекса согласованности (ИС) к среднему значению случайного индекса согласованности (СИ) называется отношением согласованности (ОС):

$$ОС = \frac{ИС}{СИ}. \qquad (3)$$

Векторы приоритетов и отношения согласованности определяются для всех матриц суждений, начиная со второго уровня.

Для определения приоритетов альтернатив необходимо локальные приоритеты умножить на приоритет соответствующего критерия на высшем уровне и найти суммы по каждому элементу в соответствии с критериями, на которые воздействует этот элемент. Это дает составной, или глобальный, приоритет того элемента, который затем используется для взвешивания локальных приоритетов элементов, сравниваемых по отношению к нему как к критерию и расположенных уровнем ниже [4].

Необходимо вычислить приближенный вектор приоритетов, λ_{max}, ИС, ОС для каждой матрицы. В таблице 4 представлен пример вычислений для первого уровня.

Таблица 4

Качество жизни населения: матрица попарных сравнений для уровня 1, решения и согласованность

Качество жизни населения	Качество населения	Благосостояния населения	Качество социальной сферы	Качество окружающей среды	Геометрическое среднее строки	Вектор приоритетов
	К1	К2	К3	К4		
1	2	3	4	5	6	7
К1	1	9	7	3	3,708	0,610
К2	1/9	1	4	1/3	0,620	0,102
К3	1/7	1/4	1	1/5	0,253	0,042
К4	1/3	3	5	1	1,495	0,246
Сумма геометрических средних					6,076	λmax= 4,144; ИС=0,048; ОС=0,053

Аналогично проводятся расчеты для всех категорий второго уровня. В результате для качества населения получаем: λ_{max}=8,883, ИС=0,314, ОС=0,1. Для благосостояния населения: λ_{max}=7,919, ИС=0,153, ОС=0,116. Для качества социальной сферы: λ_{max}=4,279, ИС=0,093, ОС=0,103. Для качества окружающей среды: λ_{max}=3,014, ИС=0,007, ОС=0,012. Так как отношение согласованности во всех случаях получилось < 10-15%, то решение считается достоверным.

Анализируя последний столбец таблицы 4, можно сделать вывод, что качество населения, по мнению экспертов наиболее важный критерий КЖН. Качество населения более важный критерий, чем благосостояние населения. Качество социальной сферы имеет низкий приоритет, который равен 0,042.

С помощью метода анализа иерархий были выявлены наиболее приоритетные показатели категорий качества жизни населения. Используя статистические данные по приоритетным показателям для регионов Приволжского федерального округа за 2015 год[1], были построены интегральные индикаторы КЖН и рейтинги регионов (таблица 5).

Таблица 5

Рейтинг регионов ПФО по качеству жизни за 2015 год

Регион	ИИКЖН	Рейтинг
Республика Башкортостан	5,97	2
Республика Марий Эл	3,32	14
Республика Мордовия	3,4	13
Республика Татарстан	6,48	1
Удмуртская Республика	4,13	10
Чувашская Республика	4,24	9
Пермский край	3,9	11
Кировская область	3,88	12

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog (дата обращения 2.05.17)

Нижегородская область	5,13	4
Оренбургская область	4,39	7
Пензенская область	5,89	3
Самарская область	4,28	8
Саратовская область	4,4	6
Ульяновская область	4,47	5

В пятерку лидеров попали регионы: Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Нижегородская область, Пензенская область, Ульяновская область. Замыкают рейтинг регионы: Удмуртская Республика, Пермский край, Кировская область, Республика Мордовия, Республика Марий Эл.

Применение разных методов формирования апостериорного набора показателей (корреляционный анализ, метод анализа иерархий) дает большую информацию о качестве жизни населения. Понятие «качество жизни» является междисциплинарной категорией и существует много методик его оценивания. Применение разных подходов при моделировании и выборе значимых социально-экономических факторов позволяет лицам, принимающим решения, адекватно оценивать ситуацию в регионе и в случае необходимости менять вектор управленческих решений.

© Чучкалова С.В. Текст. 2017

Список источников

1. Айвазян, С.А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения / С.А. Айвазян // Экономика и математические методы. – 2003. – № 2. - С. 33-53.

2. Айвазян, С.А. Эмпирический анализ синтетических категорий качества жизни населения. / С.А. Айвазян // Экономика и математические методы Т.39 – 2003. - №3. – С. 19-53.

3. Лукиных, И.Г. Основы системного анализа / И.Г. Лукиных. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2005.

4. Саати, Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / Т. Саати. -М.: Радио и связь, 1993. – 320 с.

Информация об авторе

Чучкалова Светлана Владимировна к.э.н, доцент кафедры «Математическое моделирование» факультета компьютерных и физико-математических наук Вятского государственного университета, Россия, 610000, Киров, Московская, 36, тел.: (8332)644816, факс: (8332)350211, e-mail: chuchkalova@mail.ru

Chuchkalova S.V.

METHOD OF SELECTION OF SIGNIFICANT FACTORS AT CALCULATIONS QUALITIES OF A LIFE OF THE POPULATION

In clause application of a method of the analysis of hierarchies in modelling quality of a life is considered. The method allows to prove a choice of significant socio-economic factors for calculation of an integrated index of quality of a life of the population. The integrated index represents function-convolution of private criteria of categories of this concept.

Keywords: quality of a life, a method of hierarchies, a rating of regions.

Information about the author

Chuchkalova Svetlana Vladimirovna, Candidate of Economics, dozent of department «Mathematical modelling» faculty of computer and physical and mathematical sciences of the Vyatka state university, Russia, 610000, Kirov, Moscow street, 36, telephone: (8332) 644816, a fax: (8332) 350211, e-mail:chuchkalova@mail.ru

УДК: 331.5.024.52

Е.А. Шамова

НАЛИЧИЕ РЕСУРСОВ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ПО НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ: РЫНОК ТРУДА

В статье рассмотрены ограничения, накладывающиеся со стороны рынка труда на реализацию проекта по новой индустриализации в Российской Федерации. Выделены основные проблемы, связанные с количественными и качественными характеристиками трудового потенциала страны.

Ключевые слова: рынок труда, новая индустриализация, структурные преобразования в экономике.

Перед современной российской экономикой стоит цель новой индустриализации. Выступая в декабре 2016 г. с посланиемФедеральному собранию, Президент РФ В.В.Путин подчеркнул, что главными причинами торможения экономики являются не санкции западных стран, а недостаток инвестиций, современных технологий, профессиональных кадров, слабая конкуренция российских производителей на мировом рынке и изъяны делового климата. Принятие грамотных решений относительно дальнейшего развития промышленности страны позволит снизить сырьевую зависимость торгового баланса России и решит проблему отраслевых структурных диспропорций.

Кроме определения направлений промышленного развития и механизмов регулирования данного процесса, важнейших и сложнейших вопросов, которые требуют отдельного глубокого исследования, переход к новой индустриализации потребует задействование значительного количества необходимых для этого ресурсов. В данный момент мы имеем существенные ограничения по трудовым ресурсам. В первую очередь это связано со снижением трудового потенциала страны, причем это снижение происходит как за счет количественных показателей, так и качественных. Министерство экономического развития РФ прогнозирует ежегодное сокращение населения в трудоспособном возрасте при одновременном увеличении миграционного прироста. По их расчётам, численность россиян трудоспособного возраста в 2015 году с учетом Крыма составляла 84,8 млн человек, в 2016 году она снизилась до 83,7 млн, и ожидается, что в 2017 она составит 82,8 млн, в 2018 – 81,9 млн, в 2019 году – 81,2 млн [3]. Причем, согласно демографическим прогнозам, в большей мере произойдет сокращение численности работников в возрасте до 35 лет. Частично компенсировать сокращение трудовых ресурсов планируется за счет увеличения экономической активности в отдельных возрастах, в том числе за счет населения околопенсионного возраста, а также посредством реализации мер государственной миграционной политики, направленной на повышение миграционной привлекательности РФ, благодаря чему прогнозируется поддерживать миграционное сальдо на уровне около 300 тыс. человек в год. Однако, тенденция к «старению» трудового потенциала страны положительное сальдо трудовой миграции не сможет компенсировать. Во-первых, проведение новой индустриализации оказывает спрос на более молодую рабочую силу, поскольку зачастую только она обладает современными квалификациями. Во-вторых, в настоящий момент в России не функционирует институт переобучения и повышения квалификации работников старше 50 лет, данное население практически не вовлечено в образовательные процессы. И, наконец, в-третьих, старшее население имеет существенные

ограничения по здоровью, не позволяющие интенсивно трудиться, к тому же этот фактор усугубляется современным положением в сфере здравоохранения, характеризующимся низким уровнем вовлечения населения в профилактические мероприятия и снижением расходов домохозяйств на лечение.

Прогноз о постоянном снижении числа экономически активного населения и ухудшения его возрастной структуры заставляет говорить о необходимости более эффективного использования ресурса труда, в том числе за счет повышения его производительности. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), производительность труда в России в настоящее время находится на достаточно низком уровне и составляет 25,9 долларана человека в час, что вдвое меньше среднего показателя стран еврозоны – 55,9 долларов [1]. То есть в настоящее время мы имеем двукратный потенциал повышения эффективности использования трудовых ресурсов за счет роста производительности труда. Однако, эта возможность серьезно ограничивается качественными характеристиками трудовых ресурсов. По оценкам экспертов, профессионально-квалификационный уровень рабочей силы в РФ существенно уступает требованиям, которые предъявляет международный рынок труда. Также ограничение на рост производительности труда накладывает проблема «старения» работающего населения, уже упомянутая выше.

Если обратиться к отраслевой структуре трудового потенциала с целью выявления перспективного наличия трудового ресурса для проведения структурных экономических изменений, то можно увидеть, что за 2000-2015 гг. в стране произошли существенные изменения, также накладывающие ограничения на реализацию проекта по новой индустриализации. Основываясь на анализе данных о кумулятивном изменении занятости в основных секторах экономики по данным баланса трудовых ресурсов, можно сделать вывод, что за последние 15 лет произошел процесс деиндустриализации экономики. За этот период обрабатывающие производства перестали быть самым крупным сектором экономики России (доля занятых в них сократилась с 19% до 14%), а на первое место вышла торговля, вклад которой в совокупную занятость напротив увеличился с 14% до 19%. Помимо обрабатывающих производств существенное сокращение рабочих мест произошло в сельском хозяйстве (–5 п. п.) и образовании (–1,2 п. п.). Рост доли занятости зафиксирован в деловых услугах (+1,8 п. п.), строительстве (+1,6 п. п.), финансах и государственном управлении (по +1 п. п.). Остальные сектора экономики сохранили свое представительство приблизительно на прежнем уровне. В целом за 2000–2015 гг. доля в общей занятости первичного сектора (сельское хозяйство плюс рыболовство) сократилась с 14,1% до 9,4%, вторичного (промышленность плюс строительство) — с 30,4% до 27,0%, а третичного (сфера услуг) выросла 55,5% до 63,6%. Таким образом, Россию уже нельзя относить к числу сверхиндустриализованных стран, как это было на момент начала рыночных реформ. С точки зрения распределения рабочей силы по отраслям доминирующим сектором российской экономики выступает сегодня сфера услуг, где сосредоточено две трети всех занятых [4, с.53]. Также за это период времени создание новых рабочих мест в обрабатывающих производствах и сельском хозяйстве значительно уступало по интенсивности от средней величины по экономике в целом и составило всего 7% [4, с.65]. Это говорит о том, что за этот период произошло замедление процессов модернизации в производительных секторах экономики страны.

Одной из основных причин «перетекания» рабочей силы из производительных отраслей в сферу услуг объясняется обесценением труда на производстве с одновременным ростом стоимости труда в торговле и отраслях сферы услуг. Некоторые аналитики полагают, что в стране рост реальной заработной платы опережал рост производительности труда, что оказывало негативное влияние на конкурентоспособность российской экономики. Однако, исходя из анализа отраслевых показателей оплаты труда и производительности, проведенного НИУ ВШЭ [4, с.92], данная тенденция сложилась в-основном за счет непроизводительного сектора экономики, в обрабатывающих отраслях промышленности

доля оплаты труда в ВВП снизилась примерно на треть, и находится вблизи исторического минимума, составляя примерно 30%. Это свидетельствует об опережающих темпах роста производительности по сравнению с темпами роста оплаты труда, причем данный процесс затрагивает практически все отрасли. В стране происходит обесценение трудового потенциала. В сопоставимых ценах в 2015 году работодатели в обрабатывающих отраслях затратили на оплату рабочей силы примерно на треть меньше, чем в начале 2000-х годов. Экономия на оплате труда на производстве, вошедшая в определенный тренд за последние 15 лет, с одной стороны, позволила предприятиям снизить издержки производства и решить свои задачи, но с другой стороны, привела к потере мотивационного стимула к росту производительности труда и повышению квалификации рабочими, поскольку на протяжении достаточно долгого времени масса трудящихся не видела взаимосвязи между ростом качества труда и повышением своего материального благосостояния.

Таким образом, оценивая рынок труда как один из важнейших ресурсов для осуществления планов по новой индустриализации, можно выделить следующие основные его проблемные стороны:

1) количественное снижение трудового потенциала, связанное с прогнозным снижением численности экономически активного населения;

3) «старение» трудового потенциала, связанное с прогнозируемым снижением числа работающих в возрасте 35 лет одновременно с планируемым увеличением числа работающих околопенсионного возраста;

3) низкий уровень качества трудовых ресурсов, связанный с:

- несоответсвием имеющейся квалификации новым производственным требованиям,
- низкой производительностью труда,
- низким уровнем корпоративной культуры;

4) основная доля трудовых ресурсов сосредоточена в непроизводственной сфере экономики с тенденцией еще большего уменьшения доли трудовых ресурсов, занятых в промышленности.

Поэтому можно сделать вывод, что без решения данных проблем и улучшения качества ресурса труда в нашей стране, реализация проекта по новой индустриализации столкнется с большими практическими сложностями. Создание новых инновационных рабочих мест в промышленности остро необходимо для нашей экономики, это даст стимул для выравнивания структуры занятости в сторону производственных отраслей. Но этот процесс должен сопровождаться и поддерживаться развитием системы обучения и переквалификации. В данной системе должны быть отражены не только вопросы подготовки новых молодых специалистов для перспективных отраслей промышленности, но и разработаны подходы по переподготовке и повышению квалификации уже занятых на производстве, в первую очередь работников в возрасте старше 40-50 лет. Но одной из основных мер по регулированию рынка труда должно стать повышение престижности производственных профессий и стимулирования населения к работе в промышленности и сельском хозяйстве, а не в торговле и сфере услог, за счет роста заработной платы в этих отраслях. Для этого необходимо пересмотреть налоговую нагрузку производственного сектора экономики в части формирования фондов оплаты труда. В настоящее время эта нагрузка непомерно велика, что приводит к стремлению бизнеса к сокращению доли заработной платы в своих расходах. Здесь требуется непосредственное участие государства как основного регулятора в налоговой системе страны. Но в целом, без комплексной системы государственного регулирования процессов на рынке труда, решение проблемы с формированием ресурсов труда, необходимых для проведения новой индустриализации, не представляется возможным.

© Шамова Е.А. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР Института экономики УрО РАН, тема №0404-2015-0022 в ИСГЗ ФАНО.

Список источников

1. Level of GDP per capita and productivity // URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PDB_LV

2. Авраамова Е.М. Риски снижения уровня благосостояния населения: стратификационный анализ // Общественные науки и современность, 2017, №3, с.42-53.

3. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: http://economy.gov.ru/minec/resources/9dd9931d-3960-454c-a8db-ec6fc1ab4bfc/prognoz_2017_2019.pdf

4. Российский рынок труда: тенденции, институты и структурные изменения / Доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ. - Москва, 2017. – 145 с.

Информация об авторе

Шамова Елена Алексеевна, Россия, г. Екатеринбург, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, 620014, г.Екатеригнбург, ул.Московская, д.29, heleneo@mail.ru.

Shamova E.A.

THE AVAILABILITY OF RESOURCES FOR THE IMPLEMENTATION OF THE PROJECT ON RUSSIAN NEW INDUSTRIALIZATION: LABOR MARKET

The article deals with the limitations imposed by the labor market on the implementation of the project on the new industrialization in the Russian Federation. The main problems related to the quantitative and qualitative characteristics of the country's labor potential are singled out.

Keywords: Labor market, new industrialization, structural transformation in the economy.

Information about the author

Shamova Elena Alekseevna, Russia, Ekaterinburg, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 620014, Ekaterinburg, Moskovskaya st., 29, heleneo@mail.ru.

УДК: 316.614.5

О.Р. Шевелева

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ УРАЛЬСКОГО ИНЖЕНЕРА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

В данной статье рассматривается жизненные планы современной молодежи в отношении создания семьи, а также влияние молодой семьи на профессиональное развитие молодых инженерных кадров. Мнения студентов и молодых инженеров базировались на результатах комплексного социологического исследования проведенного в 2014-2017 гг.

Ключевые слова. Жизненные планы. Инженер. Молодая семья. Профессиональное развитие. Студент ВУЗа. Уральский регион.

В сложившихся социально-экономических условиях российское Правительство с повышенным вниманием разрабатывает комплексы мероприятий по развитию, модернизации инженерного образования, поднятию престижа профессий инженерно-технической направленности и качества подготовки технических специалистов для создания конкурентоспособность на мировых рынках. Быстроменяющиеся условия общественного развития способствуют созданию новых производств, сфер и областей деятельности, которые раскрывают огромные возможности профессиональной деятельности для молодых людей. Как отметил В.В. Путин, сегодня инженер - это «профессионал высокого уровня, который не только обеспечивает работу сложнейшего оборудования, не только конструирует современную технику и машины, но, по сути, и формирует окружающую действительность» [4]. От молодых людей, готовящихся стать инженерами, и развивающихся в своей профессии требуется не просто иметь активную жизненную позицию, быть грамотным и образованным, важно стремиться к развитию и быть успешным, профессионально-мобильным: уверенным в себе, твердо стоять на своих ногах, обладать творческим потенциалом, быть легко обучаемым и профессионально востребованным.

На этапах получения профессионального образования, трудоустройства, адаптации и профессионального становления молодые люди стараются встретить «вторую половику» и создать семью. Процесс создания семьи, рождения ребенка, как ни как влияет на профессиональное развитие молодого специалиста, в особенности это касается молодых женщин. С одной стороны, семья становится гарантом, обладающим ценностями, достоинствами, доступностью к определенным благам, которые становятся привлекательными и заманчивыми для молодых людей, в отличии от холостяцкого образа жизни. С другой стороны, семья это своего система ограничений, препятствий, компромиссов и ущемление своих собственных желаний во благо благополучия всех членов семьи. Для большинства женщин создание семьи и рождение ребенка это «пауза» в профессиональном развитии и продвижении, однако современные семьи в некоторых ситуациях предпочитают поменять роли и заботу о быте семьи и воспитании ребенка перекладывают на «мужские плечи».

В статье использованы материалы ряда комплексных социологических исследований проведенных автором в 2016-2017 гг., в том числе затрагивающих вопросы создания семьи, рождения ребенка и влияние данных показателей на профессиональное развитие молодых специалистов.

1. 2014-2015 гг. опрос по квотной выборке в семи институтах Уральского федерального университета (УрФУ) 500 студенток и 450 студенток соответственно, готовящихся стать инженерами на предприятиях Урала. Анализировались основные проблемы и особенности процесса профессиональной социализации молодых женщин Урале, их потенциальные возможности и намерения в сфере профессионального труда и репродуктивного поведения**.**

2. 2016 г. комплекс исследований: а) ***опрос*** 1100 молодых инженеров и ***опрос*** 100 ***экспертов*** на 9 промышленных предприятиях Свердловской области, таких как: АО «ЕВРАЗ НТМК»; АО «Уралтрансмаш», ПАО «Северский трубный завод»; АО «НПО автоматики»; АО «Группа «СвердловЭлектро», ОАО «Свердловский инструментальный завод» и др.; б) анкетный ***опрос*** 200 инженеров из ряда Институтов отраслевой науки и Институтов УрО РАН; в) ***глубинное интервью*** с 130 экспертами (руководителями) промышленных предприятий, профессорами/ зав.кафедрами двух технических ВУЗов (УрФУ, УрГУПС), учеными академической и отраслевой науки).

3. 2016-2017 г. опрос 1500 студентов и 500 студентов соответственно в шести ведущих ВУЗах Среднего Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск).

Помимо этого, автор имел возможность использовать в своей работе материалы текущего информационного архива сектора социальных инноваций Института экономики УрО РАН (научн. рук. создания и перманентного формирования Архива - вед.н.с. Института, д.филос.н., проф. Павлов Б.С.) и результаты ряда социологических исследования, проведённых на кафедре СБ ФТИ УРФУ в 2012-2017 гг. в рамках «инженерной»проблематики.

По результатам проведенных исследований попытаемся проанализировать влияние семьи (женитьба, «притирка», рождение ребенка, совместные заботы и т.д.) на процесс профессионального становления молодого инженера. Основными этапами профессионального становления и развития по профессии инженера выделим: а) профессиональная подготовка в ВУЗе; б) трудоустройство по профессии; в) адаптация на предприятии; г) профессиональный рост по профессии инженера.

Обратимся к результатам одного из исследований: эмпирическую базу исследования составили опросы 1500 студентов 7 уральских ВУЗов. Студентам был задан вопрос: *«Какие планы у Вас лично после окончания вуза (в течение последующих 3-5 лет)?»* ответы распределились следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Жизненные планы выпускников уральских вузов
(% от общего числа опрошенных по каждому вузу)

	«Технари»			«Педагоги»		Гуманитарии»	
	УрФУ	УрГУПС	ЮУрГУ	ЧГПУ	СГПУ	ЧелГУ	филиал ТюмГУ
Найти хорошее место работы, которое бы устраивало меня по всем позициям	78	82	87	75	78	86	81
Обзавестись семьёй, детьми	**45**	**58**	**52**	**52**	**61**	**54**	**48**
Материально «крепко встать на ноги» (купить квартиру, машину, хорошо зарабатывать и т.д.)	71	85	74	71	73	78	75
Постараться уехать работать и жить в другую страну	20	17	21	20	13	18	10
Серьёзно заняться своим здоровьем	19	12	17	19	13	12	12
Продолжить учиться, освоить другую профессию	19	20	14	32	35	16	21
Сделать политическую (общественную) карьеру	11	9	10	12	10	3	7
Поездить, повидать разные страны	47	43	47	46	47	49	40
Уделять больше внимания своему культурному развитию (чаще ходить в театры, на выставки, читать книги и т.д.)	27	20	24	25	25	28	17
Уйти в науку, попытаться защитить диссертацию	6	4	6	5	11	5	3

Удовлетворение базовых потребностей, а в особенности решение финансовых, жилищных проблем для современной молодежи выходит на первый план. Решая финансово-жилищные вопросы, тем самым создавая «амортизационную подушку», позволяющую обеспечить себя и свою будущую семью молодые выпускники зачастую не идут работать по специальности инженера, в связи с низкой заработной платой. Поэтому получается, что в погоне за «хорошими деньгами» молодой выпускник, возможно еще на этапах обучения понимает, что работать по специальности он не будет [3]. На данном этапе на молодого человека чаще всего влияет родительская семья - на момент опроса (% от 1500 опрошенных студентов: в числителе – мужчин, в знаменателе – женщин) были холосты/не замужем 89/84; женаты/замужем 11/16. Но если уже создана своя молодая семья и «вторая половинка» так, же получает или уже получила инженерную специальность, то возможно оказать поддержку и направить в нужном направлении творческую энергию молодого инженерного таланта.

Молодой человек, получив диплом специалиста, приходит работать на предприятие – проходит период адаптации, приспособления к новым трудовых обязанностям, налаживает межличностные отношения в коллективе и одновременно находится на этапе создания и развития своей собственной семьи. Необходимо адекватно оценивать ситуации и в трудовой жизни и в семейной и справляться с наступающими трудностями. Молодым инженерам (до 35 лет) женатым/замужним с детьми, работающим на предприятиях Свердловской области был задан вопрос: *«Оцените, пожалуйста, как складывается у Вас трудовая и семейная жизнь?»* (% от числа ответивших – 700 человек, трудовая/семейная соответственно): «в целом удачно» – 78/86; «не совсем удачно» - 16/9; «в целом неудачно» – 1/2. По данным показателям действительно можно судить о благоприятной семейной жизни, поскольку инженеры в большинстве своем женаты/замужем – 62% мужчин и 55% женщин и имеют уже детей. А хватает ли времени на развитие в профессиональной деятельности и не обременены ли семейными обязательствами молодые инженеры? Поскольку профессия инженера требует постоянного профессионального развития, творческого потенциала, молодые люди, которые выбирают данную профессию, относятся к категории людей, которые, что-то «умеют делать своими собственными руками, своей собственной головой. Эти молодые люди уже поняли то, что не поняли многие их сверстники: что стране нужны сегодня именно инженеры» [1].

О развитии в профессии можно судить по ответам на следующий вопрос: «Ч*то Вы предпринимаете (делаете) сегодня для более глубокого изучения своей профессии?»(% от числа опрошенных молодых инженеров – 700 человек):*

- читаю литературу по своей специальности	-54
- повышаю уровень образования по своей профессии	-43
- постоянно повышаю квалификацию на различных курсах/семинарах	-34
- занимаюсь активной рационализаторской работой	-15
- участвую в научно-технических конференциях	-13
-изучаю иностранный язык для лучшего понимания иностранных коллег/документов	-8
-осваиваю/освоил(а) другую профессию на предприятии	-8
- пишу/написал(а) диссертацию/монографию	-4
- получаю образование по другой специальности	-3
- я считаю, нет необходимости профессионально развиваться	-1

А также сформировался круг мероприятий, в которых молодые инженеры принимали непосредственное участие, работая на предприятии *(% от числа опрошенных молодых инженеров – 700 человек)*: работа в качестве наставника-46;участие в проектной работе, конкурсах, грантах, тренингах-43; командировки/стажировки, с целью обмена опытом-35; участие в профсоюзных/молодежных движениях-33; работа на других участках/отделах/цехах-32; участие в производственных конкурсах-21; участие в советах мастеров/специалистов-13; внедрение патентов-6.

По результатам проведенного исследования можно сделать выводы о том, что молодая семья не мешает молодым инженерным кадрам, в профессиональном обучении, развитии, трудоустройстве, адаптации и продвижении по специальности. Можно утверждать даже, что состав семьи подстегивает молодого человека в развитии карьеры, материальном обеспечении семьи и создании благоприятных жилищных и социальных условий.

Стоит обратить внимание также на то, что наличие молодой семьи положительно влияет на формирование у молодых людей целеустремленности, ответственности, коммуникабельности, самостоятельности как в отношении своих близких/родных, так и в отношении к трудовому коллективу. Ф. Энгельс отмечал, что «семья даёт нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество» [2, т. 21, с.70]. В компетенции молодой семьи поддерживать, формировать, наставлять и ориентировать своего близкого человека на профессиональную деятельность по профессии

инженера. А в частности: а) создавать благоприятные условия в семье и на отдыхе для максимального освоения той или иной деятельности/профессии, заряжая положительными эмоциями и давая заряд на будущие «победы»; б) способствовать раскрытию потенциала и способностей, всячески подбадривая и поощряя близкого человека; в) собственным примером давать понять, как необходимо трудиться и добиваться цели, но не переусердствовать в своих намерениях дабы не обидеть близкого человека; г) по возможности пытаться принимать участия и включаться в различные, новые, не свойственные до сих пор виды деятельности, тем самым поддерживая молодого инженера.

В заключение хочется заметить, что сегодня российское общество стремиться формировать новую социально-экономическую формацию – общество знаний, которое невозможно себе представить без высокотехнологичного производства, социально-мобильных и интеллектуально развитых молодых специалистов, обладающих способностью эффективного использования и распределения научных знаний и технологий. Меры расширенной социальной политики, учитывающие потребности и интересы молодых инженерных кадров и их семей позволят предприятиям, применяя социальные технологии «управлять» кадровыми ресурсами: мотивировать работника на производственные цели, разрабатывать актуальные предложения и применять новые технологические решения. Также не следует забывать о том, что для молодого специалиста очень важен здоровый семейный образ жизни и оптимальное воспроизводство количественных и качественных параметров потомства.

© Шевелева О.Р. Тектс. 2017

Список источников

1. Интервью Дмитрия Рогозина. [Электронный ресурс]. // Сайт столичное образование. Режим доступа: http://www.stolichnoe-obrazovanie.ru (дата обращения 09.03. 2016 г.).

2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.

3. Павлов Б.С., Сиражетдинова А.А., Разикова Н.И., Степанова А.Ю., Проблемы организации системы подготовки инженерных кадров на Урале, Дискуссия, 2013. № 10 (40), с. 120-127.

4. Стенографический отчёт о заседании Совета при Президенте по науке и образованию 23 июня 2014 год. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента России. Режим доступа: http://kremlin.ru/news/45962 (дата обращения 12.09.14).

Информация об авторе

Шевелева Оксана Раисовна, Россия, Екатеринбург – аспирант кафедры социальной безопасности Физико-технологического института ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург), E-mail: shoksanar@mail.ru.

Sheveleva O.R.

YOUNG FAMILY OF THE URAL ENGINEER AS INDICATOR OF THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE REGION

This article examines the life plans of modern youth in relation to the creation of a family, as well as the influence of a young family on the professional development of young engineering personnel. The opinions of students and young engineers were based on the results of a comprehensive sociological survey conducted in 2014-2017.

Keywords. Life plans. Engineer. Young family. Professional Development. Student of high school. The Ural region.

Information about the author

Sheveleva Oksana Raisovna, Russia, Ekaterinburg - postgraduate, Department of Social Security Institute of Physics and Technology FSAEI VPO "Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin" (Ekaterinburg), E-mail: shoksanar@mail.ru.

УДК: 314.38

М.А. Шишкина

ОЦЕНКА ДОСТУПНОСТИ ЖИЛЬЯ КАК ФАКТОРА ДЕТЕРМИНАЦИИ РОЖДАЕМОСТИ

Представлена оценка доступности жилья в северных регионах России как фактора, влияющего на рождаемость. Рассчитана степень доступности жилья и выявлена роль жилищных условий для реализации желаемого числа детей. Северные регионы России сгруппированы по уровню рождаемости и степени доступности жилья.

Ключевые слова: рождаемость, желаемое число детей, доступность жилья, Микроперепись 2015 г., северные регионы России

Уровень рождаемости территории определяется двумя факторами – возрастной структурой и особенностями репродуктивного поведения населения. В свою очередь, репродуктивное поведение детерминировано потребностью в детях и условиями жизни. Спектр этих условий очень широк, но базовым и основополагающим условием остается наряду с удовлетворенностью материальными условиями тесно связанные с ними жилищные условия.

Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя, и показатель степени доступности жилья - являются индикаторами уровня жизни и учитываются при комплексной оценке качества жизни населения территории [4; 6]. Оценки экспертов Центра социального прогнозирования по уровню обеспеченности населения жильем (без учета качества и комфортности) показали, что «Россия отстает от многих развитых стран мира. В США в среднем на одного человека приходится 70 кв.м, в Великобритании – 62 кв.м, в Германии – 50 кв.м.» [3, с. 418-420]. В 2015 г. в целом по России на 1 человека приходилось 22,4 кв.м. жилой площади, а в северных регионах страны данная величина колебалась от 13,5 кв. м. в Республике Тыва до 29,7 кв.м. в Магаданской области[1].

Как отмечает А.А. Барбасов, «хотя обеспеченность россиян жильем за последние полвека постоянно увеличивалась, таких темпов роста оказывается явно недостаточно для решения стратегических задач, стоящих в настоящее время перед российским государством» [1]. Группировка населения по размерам и качеству жилищной обеспеченности в 1994 и 2010 гг., проведенная В.Н. Бобковым и др. показала, что «в начале капиталистических трансформаций (1994 г.) примерно 80% населения России имели скромные жилищные условия, составляющие по площади от 7 кв.м до 30 кв.м. на человека. За сравниваемые годы эти слои сжались примерно на 20 п.п., зато жилищное неравенство многократно выросло» [2, с. 13].

Г.В. Осипов и С.В. Рязанцев при формировании комплекса приоритетных мер демографической политики акцентируют внимание на том, что благополучное демографическое развитие не возможно без повышения доступности жилья для населения России, особенно для молодых семей. Они приводят исследовани, по результатам которых для россиян жилищный вопрос является одним из основных препятствий на пути реализации репродуктивных установок» [5, с 971].

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели 2002-2016 гг. – Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим досупа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Не зря из всех направлений расходования средств федерального материнского капитала наиболее востребованным является именно улучшение жилищных условий семей с детьми – в целом по России таким образом его использовали 97% семей[1]. Это свидетельствует «об уместности и высокой актуальности данной меры государственной поддержки, ориентированной на разрешение острой проблемы, которую значительная часть семей затрудняется решить самостоятельно, что отражается и на ее демографическом поведении» [7, с. 154].

В данной статье группировка северных регионов России по доступности жилья будет произведена на основе использования объективистского и субъективистского методологических подходов [4, с. 184]. Первый подход будет заключаться в расчете *степени доступности жилья,* которая определяется как «отношение средней стоимости стандартной однокомнатной квартиры на вторичном рынке жилья к среднедушевому годовому денежному доходу семьи» [6, с.45] из двух занятых в экономике человек. Такая методика будет приемлема для расчета степени доступности жилья для молодой семьи без детей или с одним несовершеннолетним ребенком. Для удобства ранжирования регионов произведем расчёт средневзвешенного значения степени доступности жилья за период 2007-2015 гг. В связи с отсутствием данных о стоимости квадратного метра жилой площади на вторичном рынке жилья в Чукотском АО, для данного северного региона применить методику расчета степени доступности жилья не возможно.

Субъективистский методологический подход состоит в исследовании субъективных мнений и оценок населения, полученных в результате Микропереписи 2015 г., в программе которой целый раздел был посвящен рождаемости и репродуктивным планам населения. В случае, если респондент хотел бы иметь больше детей, чем у него сейчас есть, ему адресовался вопрос, где ему предстояло по пятибалльной шкале оценить значимость условий, которые могли бы способствовать рождению желаемого числа детей. Интервьюер показывал Карточку, где были перечислены условия и респонденту нужно было оценить каждое из них, где балл «5» означал, что это условие может сильно повлиять на увеличение рождаемости, а балл «1» - что это условие никак не отразится на рождаемости[2].

В ходе Микропереписи 2015 г. ее участникам предлагалось выбрать из двенадцати альтернативных наиболее существенные меры семейной и демографической политики: «возможность получения ежемесячного денежного пособия (предоставления оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет»; «возможность получения федерального материнского (семейного) капитала»; «возможность получения материнского (семейного) капитала, установленного в соответствующем регионе»; «возможность получения ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка в размере прожиточного минимума ребенка, установленного в соответствующем регионе»; «возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях»; «налоговые льготы работающим родителям»; «предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома»; «возможность иметь гибкий график работы (или неполный рабочий день/неделю или дистанционно, на дому)»; «возможность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до 3-х лет»; «изменение личных обстоятельств»; «повышение уровня жизни семьи»; «возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы».

Ценность для поставленной в нашем исследовании задачи представляет оценка частоты выбора при ответах на данный вопрос таких альтернатив, способствующих увеличению детности семьи, которые направлены на улучшение жилищных условий. Наиболее приемлем и удобен для интерпретации бланк ответов с бальным распределением

---

[1]Материнский капитал станет полностью жилищным // Сообщение РБК от 10 февраля 2014 года. http://top.rbc.ru/society/10/02/2014/904227.shtml

[2] Итоги Микропереписи 2015 г. Рождаемость и репродуктивные планы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

по приоритетности условий, способствующих реализации желаемого числа детей, рассчитанный для женского населения в возрасте 18-44 лет, принявших участие в Микропереписи.

По результатам исследования можно выделить пять групп северных регионов в зависимости от уровня рождаемости и степени доступности жилья. К *первой группе* относятся Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа. В этих регионах высокая рождаемость. В период действия современных мер демографической политики наблюдались значительные приросты в суммарном коэффициенте рождаемости - в Ненецком АО за период 2006-2015 гг. 51,4% (с 1,71 до 2,58), в Ямало-Ненецком АО – 46,1% (с 1,50 до 2,19). А также самая высокая доступность жилья (относительно других северных регионов), рассчитанная на основе статистических данных - показатель степени доступности жилья в Ненецком АО составляет 1,65, то есть, тратя все свои доходы на покупку жилья, семья из двух занятых в экономике человек может за 1,65 года расплатиться за стандартную однокомнатную квартиру на вторичном рынке жилья, в Ямало-Ненецком АО – данный показатель составляет 1,56 (рис. 1).

По итогам Микропереписи 2015 г. для женского населения Ненецкого АО наиболее важными мерами, способствующими рождению желаемого числа детей, являются: «возможность получения материнского (семейного) капитала, установленного в соответствующем регионе», «повышение уровня жизни семьи», а также «возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы». Для жительниц Ямало-Ненецкого АО такими мерами являются - «возможность получения материнского (семейного) капитала, установленного в соответствующем регионе», «возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях», а также «получение беспроцентной ссуды на покупку жилья…».

Как видим, несмотря на объективно более высокую, чем в других северных регионах, доступность жилья, меры по улучшению жилищных условий имеют актуальность в Ненецком и Ямало-Ненецком АО, поскольку в методику расчета степени доступности жилья входят средние статистические показатели по региону и всегда в населении будет доля тех, для кого жилищный вопрос является острым. Особенно с увеличением детности семей он становится значимее в связи с увеличением иждивенческой нагрузки на бюджет семьи, ведущим к сокращению среднедушевых денежных доходов домохозяйства. Высокая значимость выплат региональных материнских капиталов для жителей этих регионов объясняется тем, что они имеют самый высокий размер среди других северных регионов страны – в Ненецком АО он индексируется и составлял на 1 сентября 2016 г. 366 тыс. 356 рублей, в Ямало-Ненецком АО региональный семейный капитал не индексируется и составляет 350 тыс. рублей.

Ко *второй группе* относятся Республика Тыва и Республика Саха (Якутия) – их объединяет высокий уровень рождаемости, но не такая высокая степень доступности жилья как среди регионов первой группы. В Республике Тыва за период действия мер, стимулирующих рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости возрос к 2015 г. очень значительно - на 59,6% (с 2,12 до 3,39), в Республике Саха на 27,1% (с 1,72 до 2,19). В Республике Тыва наиболее низкая доступность жилья по всем северным регионам (5,36), а в Республике Саха (Якутия) она находится на среднем уровне, относительно других северных регионов (3,12) (рис. 1).

Для опрошенных женщин в Республике Тыва наиболее важными условиями, способствующими рождению желаемого числа детей являются «предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома», так как рождаемость там высокая и семей с тремя и более детьми много, а также «возможность получения федерального материнского (семейного) капитала». Для жительниц Республики Саха (Якутия) приоритетными мерами являются «возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях», «возможность при рождении второго или последующего

ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы», а также «возможность получения материнского (семейного) капитала, установленного в соответствующем регионе», немаловажной мерой также является получение федерального материнского (семейного) капитала.

Рис. 1. Степень доступности жилья в Российской Федерации и ее северных регионах (отношение средней стоимости стандартной однокомнатной квартиры на вторичном рынке жилья к СДД семьи из двух человек)

Третью группу составляют Мурманская и Магаданская области. Вместе они характеризуются низкой рождаемостью. В Мурманской области за период стимулирования рождаемости ее суммарный коэффициент возрос на 36,5% (с 1,26 до 1,71), в Магаданской области - на 26,0% (с 1,32 до 1,66). А также более высокой, относительно других северных регионов, степенью доступности жилья по расчетам на основе статистических данных (1,91 и 1,68 соответственно).

Для жительниц Мурманской области наиболее важными мерами, способными повлиять на реализацию желаемого числа детей, являются: «повышение уровня жизни семьи»; «возможность получения федерального материнского (семейного) капитала»; «возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы». Для опрошенных женщин в Магаданской области наиболее важны такие меры, как: «повышение уровня жизни семьи»; «возможность получения беспроцентной ссуды на покупку жилья…» и «возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях».

В *четвертую группу* вошли регионы, где степень доступности жилья близка к среднему по всем регионам значению (2,82). При этом она выше среднего показателя (что свидетельствует о более низкой доступности жилья) в Архангельской области – 3,39, в Республике Саха (Якутия) – 3,12, Сахалинской области – 3,01 и Республике Коми – 2,88 и ниже среднего показателя в Камчатском крае – 2,24 и в Ханты-Мансийском АО – 2,16.
В Республике Коми за период 2006-2015 гг. суммарный коэффициент рождаемости возрос на 44,9% (с 1,38 до 2,00), Архангельской области – на 34,4% (с 1,37 до 1,85), Ханты-Мансийском АО - на 36,7% (с 1,52 до 2.07), Камчатском крае - на 33,1% (с 1,42 до 1,89) и Сахалинской области - на 44,3% (с 1,40 до 2,02).

Женщины, проживающие в Республике Коми по итогам Микропереписи придают наибольшее значение таким направлениями, способным повлиять на рождение желаемого числа детей: «возможность получения федерального материнского (семейного) капитала»; «возможность получения материнского (семейного) капитала, установленного в соответствующем регионе»; «возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях»; «возможность получить беспроцентную ссуду на покупку жилья…». В

Архангельской области и Ханты-Мансийском АО женщины считают основополагающими «возможность получения федерального материнского (семейного) капитала»; «возможность получения регионального материнского капитала»; «повышение уровня жизни семьи»; «возможность получения беспроцентной жилищной ссуды…», в Камчатском крае – «получение федерального материнского (семейного) капитала»; «повышение уровня жизни семьи»; в Сахалинской области – «возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях»; «повышение уровня жизни семьи»; «возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы».

В *пятую группу* вошла Республика Карелия, которая характеризуется низким уровнем рождаемости – за период действия современных государственных демографических инициатив ее суммарный коэффициент увеличился на 33,8% (с 1,32 до 1,77). А также ей свойственна более низкая (на втором месте после Республики Тыва) степень доступности жилья – 3,80. По данным Микропереписи наиболее приоритетными мерами для рождения желаемого числа детей являются: «возможность получения беспроцентной жилищной ссуды…», а также повышение уровня жизни семьи.

Чукотский АО не может быть отнесен к какой либо группе, поскольку степень доступности жилья не может быть рассчитана в виду отсутствия статистических данных. В Чукотском АО в период стимулирования рождаемости был самый низкий прирост в ее суммарном коэффициенте 17,7% (с 1,78 до 2,10). По субъективным оценкам женского населения репродуктивного возраста лучше всего могут воздействовать на увеличение детности семьи такие направления как «возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях»; «повышение уровня жизни населения»; «получение беспроцентной жилищной ссуды семьям после рождения второго или последующего ребенка площадью в размере социальной нормы».

Таким образом, расчет степени доступности жилья в северных регионах России показал, что она наиболее высокая в Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах, Мурманской и Магаданской областях. Самая низкая – в республиках Карелия и Тыва, ниже среднего значения – в Архангельской области, Республике Саха (Якутия), Сахалинской области, Республике Коми. Важно разработать и реализовывать комплекс мер, содействующих повышению степени доступности жилья в регионах, где она ниже среднего уровня. Это вопрос не только увеличения рождаемости, но и повышения качества жизни населения в регионе. В регионах, в которых несмотря на объективно высокую доступность жилья рождаемость низкая, особенно важно осуществлять поиск иных детерминант рождаемости. По итогам Микропереписи 2015 г. опрошенные женщины репродуктивного возраста во всех северных регионах России к главным мерам, способствующим рождению желаемого числа детей отнесли те из них, которые оказывают влияние на улучшение жилищных условий. Следовательно, субъективная оценка отражает большую значимость жилищных условий как фактора детерминации уровня рождаемости. И этому есть объяснение: объективные расчеты показали общую ситуацию с доступностью жилья в регионе, тогда как Микроперепись отразила мнение части населения, которая реализует свои репродуктивные установки и для которой, безусловно, жилищный вопрос является наиболее актуальным.

© Шишкина М.А. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-14-7-6 «Человеческий капитал северного региона: возможности расширенного воспроизводства среднего класса»)

Список источников

1. Барбасов А.А. Жилищные условия и демографическое поведение россиян // Государственное управление. Электронный вестник. – июнь, 2008. - №15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: e-journal.spa.msu.ru›uploads/vestnik…barbasov.pdf
2. Бобков В.Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Мир России. – 2012. - №2. – С. 3-26.
3. Долбик-Воробей Т.А. Российская молодежь: проблемы и решения. - М.: Центр социального прогнозирования, 2005. – 648 с.
4. Козлова О.А., Гладкова Т.В., Макарова М.Н., Тухтарова Е.Х. Методический подход к измерению качества жизни населения региона // Экономика региона. – 2015. - №2. – С. 182-193.
5. Осипов Г.В., Рязанцев С.В. Демографическая политика в России: трансформация, результаты, перспективы // Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т. 84. - №11. – С. 963-972.
6. Татаркин А.И., Куклин А.А., Васильева Е.В., Никулина Н.Л. Качество жизни как системная доминанта повышения экономической безопасности региона // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. - №11. – С. 38-49.
7. Шишкина М.А., Попова Л.А. Исследование репродуктивных установок населения Республики Коми в контексте определения задач демографической политики // Вопросы управления. – 2016. - №3(21). – С. 147-158.

Информация об авторе

Шишкина Мария Александровна, Россия, Сыктывкар, младший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, 167982 г. Республика Коми, Сыктывкар, ГСП-2, Коммунистическая, 26, тел.: 248884, maria-koroleva0018@rambler.ru

Shishkina M.A.

THE ESTIMATE OF ACCOMMODATION AVAILABILITY AS A FACTOR OF BIRTH RATE DETERMINATION

The article describes the estimate of accommodation availability as a factor of birth rate determination. It includes the results of calculation the degree of accommodation availability and Microcensus 2015 about conditions which can contribute to have a desired number of children. After conducted research, five groups of northern Russian regions were formed by the level of birth rate and degree of accommodation availability.

Key words: birth rate, desired number of children, accommodation availability, Microcensus 2015, northern regions of Russia

Information about the author

Shishkina Maria Alexandrovna, Russia, Syktyvkar, Junior researcher of the Federal state budgetary establishment of science Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 26, Kommunisticheskaya Str., Syktyvkar 167982, Komi, Russia, tel.: 248884, maria-koroleva0018@rambler.ru

УДК: 330.59

Н.М. Щербина

БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СОКРАЩЕНИЯ БЕДНОСТИ В БЕЛАРУСИ

В статье рассматриваются методические подходы к оценке благосостояния, анализируются текущие тенденции в благосостоянии населения Беларуси, рассматриваются ключевые меры государственной политики в сфере сокращения бедности.

Ключевые слова *Благосостояние, бедность, доходы, качество жизни, социальная политика*

Благосостояние является ключевой характеристикой качества жизни населения. В системах национального статистического учета, межстрановых сопоставлениях благосостояние населения измеряется показателями денежных доходов населения (ВВП на душу населения, среднедушевые доходы и др.), которые используются для определения уровня бедности, неравенства, условий жизни населения. Наиболее распространены три основных подхода к оценке уровня бедности: определение абсолютной, относительной и субъективной бедности.

Абсолютная бедность оценивается по соответствию доходов населения установленному прожиточному минимуму. Оценка относительной бедности основывается на сопоставлении доходов или расходов групп населения с медианными значениями [1].

Концепция субъективной бедности основывается на оценках населения своего материального положения и предполагает установление черты бедности в соответствии с субъективными предположениями населения о необходимом объеме материальных ресурсов для удовлетворения своих потребностей. Стандарты потребления устанавливаются субъективно в соответствии с индивидуальными стратегиями респондентов и меняются в зависимости от уровня доходов, демографических характеристик, образовательного уровня респондентов. Величина бюджета прожиточного минимума, как правило, не соответствуют оценкам респондентами минимального приемлемого образа жизни, поэтому субъективная бедность превышает показатели как относительной, так и абсолютной бедности. Субъективные оценки бедности отражают субъективное понимание респондентами необходимого уровня доходов и могут быть не связаны с реальным достигнутым уровнем благосостояния.

В большинстве стран на постсоветском пространстве используется абсолютная концепция измерения бедности, в Украине – относительная, в Грузии и Молдове используются обе концепции. В статистическом учете Республики Беларусь оценка бедности осуществляется в соответствии с концепциями абсолютной, относительной и субъективной бедности. Черта абсолютной бедности соответствует бюджету прожиточного минимума; черта относительной бедности – 60% от медианы среднедушевых располагаемых ресурсов. Черта относительной бедности в 1,5 раза превышает черту абсолютной бедности.

Оценка благосостояния только по показателям доходов или расходов недостаточна для полноценного понимания прогресса государства в сфере благосостояния и качества жизни. В настоящее в научной практике активно используются дополняющие концепции абсолютной, относительной и субъективной бедности подходы, основанные на социологических оценках доступа/лишения населения к материальным и нематериальным благам.

Депривационный подход к оценке бедности (бедность по лишениям) основывается на выделении группы бедных домохозяйств (населения), ограниченных в доступе к тем или иным потребительским благам, что не позволяет данной группе поддерживать минимально приемлемый по качественным характеристикам образ жизни. В Беларуси Национальным статистическим комитетом выделены основные группы лишений, которые характеризуют депривации в сфере обеспеченности жильем и жилищных условий; депривации в сфере доступа к материальным ресурсам; депривации домохозяйств с детьми. Значительные расхождения между показателями бедности по доходам (абсолютной и относительной) и бедности по лишениям характерны для многих постсоветских стран, поскольку в группе бедных по доходам зачастую оказываются те, кто имеет невысокий официальный доход при

этом не испытывает ограничений в доступе к благам. В отличие от бедности по доходам (абсолютной и относительной), бедность по лишениям сложнее измерять и оценивать

Помимо количественных показателей бедности важной характеристикой является профиль бедности, показывающий, какие группы населения отличаются повышенным риском и глубиной бедности и кто составляет большинство бедного населения. Оценка профиля бедности осуществляется посредствам анализа совокупности демографических и социально-экономических характеристик бедного населения: возраст, пол, семейное положение, уровень образования, профессиональный статус, национальность, место проживания, доход. Определения профиля бедности позволяет выявить население, в наибольшей степени подверженное риску по бедности, а также наиболее многочисленные группы бедного населения. Изучение групп населения, в наибольшей степени подверженных риску бедности, необходимо для выявления факторов и причин бедности, что позволит разрабатывать и реализовывать целевые программы и эффективные мероприятия по поддержке наиболее уязвимых групп и преодолению бедности.

Можно выделять социальный и экономический профиль бедности. Социальная бедность характерна для домохозяйств, несущих высокую иждивенческую нагрузку (семьи с двумя и более детьми, неполные семьи, семьи с инвалидами), домохозяйства, состоящие из пенсионеров (особенно одиноких пенсионеров). Социальная бедность как правило охватывает длительный период жизненного цикла домохозяйства, выход из группы риска по социальной бедности возможен для семей с детьми по мере взросления последних и неполных семей в связи с изменением семейного положения. Для домохозяйств, в составе которых есть взрослые инвалиды или дети-инвалиды, а также домохозяйств, состоящих из одиноких пенсионеров, риск бедности сохраняется на протяжении всего жизненного цикла данного типа домохозяйства. Меры поддержки социально уязвимых групп населения формируются исходя из необходимости компенсации недополученных доходов в связи с той или иной трудной жизненной ситуацией (социальные пенсии и пособия, государственная адресная социальная помощь, продовольственные, жилищные субсидии и др.).

Экономическая бедность охватывает меньший период жизненного цикла индивида и связана в первую очередь с экономической ситуацией в стране. В периоды кризисов рост безработицы, снижение реальных доходов населения приводят к росту количества бедных не только в странах с переходной экономикой, но и в экономически развитых странах. Группу риска по экономической бедности в странах везде составляет трудоспособное население в трудоспособном возрасте, которое в силу низкой конкурентоспособности на рынке труда и низкой трудовой мобильности в периоды кризисов столкнулось с потерей работы и доходов. Изменение индивидуальной трудовой стратегии либо улучшение экономической ситуации в целом, позволяет представителям группы риска по экономической бедности, в отличие от группы риска по социальной бедности, вернуться к полноценной жизни. Меры поддержки экономически уязвимых групп населения связаны с временной компенсацией потери доходов (пособия по безработице) и созданием условий для самостоятельного повышения доходов (консультирование и помощь в поиске работы, переподготовка и др.).

Применение различных подходов к оценке бедности позволяет получить полномерную картину уровня жизни населения, выявить причины и факторы, влияющие на благосостояние населения, обосновать конкретные меры по сокращению бедности и поддержке доходов населения.

В данном исследовании анализируется изменение благосостояния населения Беларуси за последнее десятилетие. С начала 2000-х годов рост доходов населения происходил на фоне экономического роста в Беларуси. В период 2011-2016 годы на ситуацию с реальными располагаемыми доходами оказали влияние внутренний кризис и девальвация национальной валюты 2011 года, в результате которой реальные доходы населения резко снизились. После кратковременной стабилизации экономической ситуации кризис 2014-2015 годов привел к замедлению экономического роста, который сменился рецессией, связанной как со

структурными проблемами в экономике Беларуси, так и неблагоприятной внешней конъюнктурой.

Таблица 1

Реальные располагаемые доходы населения Беларуси по областям (в процентах к предыдущему году) [2]

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Республика Беларусь	113,8	118,1	114,8	98,9	121,5	116,3	100,9	94,1	92,7
Брестская	117,5	119,9	116	97,7	122,2	116,4	100,7	92,5	92,6
Витебская	114,1	116	115	99,8	121	114	100	92,5	91,1
Гомельская	113,1	115,4	115,7	100	122,6	116,5	100	92,6	91,3
Гродненская	113,2	119,6	114,7	98	121	116,3	100,2	92,9	91,1
г. Минск	114,7	119,7	112,2	97,7	120,8	118,4	102,8	96	94
Минская	106,4	115,5	117	100,4	122	115,5	101,3	95,7	93,8
Могилевская	117,2	119,5	117,1	100,3	122,3	113,6	98,3	92,7	92,3

Темпы сокращения доходов были приблизительно одинаковые во всех областях, и только в столице падение доходов происходило медленнее.

Изменения в структуре доходов населения свидетельствуют о неблагоприятных тенденциях снижения благосостояния в целом. В период с 2000 по 2010 год доля оплаты труда в структуре доходов населения постепенно увеличивалась, тенденция к ее уменьшению наметилась с 2011 года. Параллельно происходило уменьшение доли доходов от предпринимательской деятельности и увеличение доли трансфертов населению.

Таблица 2

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Денежные доходы, всего %	100	100	100	100	100	100	100	100	100
оплата труда, %	59,8	59,8	63,1	65,4	63,9	64,1	62,5	61,7	61,9
Доходы от ппредпринимательской и иной деятельности, приносящей доход, %	15,4	15,4	12,7	10,6	10,5	10,3	8,5	8,2	8,4
Трансферты населению, %	19,4	22,2	20,4	20,0	20,7	21,0	21,1	22,8	23,9
Доходы от собственности и прочие доходы, %	5,4	3,8	3,8	4	4	4,6	7,9	7,3	5,8

Структура денежных доходов населения Беларуси [2]

Последствиями ухудшения экономической ситуации и сокращения доходов населения стало снижение благосостояния домашних хозяйств. Об устойчивых негативных изменениях в благосостоянии домашних хозяйств в Беларуси можно судить на основании анализа изменения уровня малообеспеченности домашних хозяйств.

Таблица 3.

Уровень малообеспеченности домашних хозяйств Беларуси по областям [3]

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Республика Беларусь	35,7	9,3	3,4	5,8	4,6	4	3,4	3,6	4,1
Брестская	43,5	11,5	5,2	7,3	6,1	5,4	4,7	5	5,6
Витебская	42,3	11,7	4,7	7,2	5,6	4,9	3,9	4	4,5
Гомельская	31,5	12,1	4,1	7,2	6,2	6	5,3	5,4	6
Гродненская	42,2	6,8	2,6	4,9	3,7	2,8	2,3	2,6	3,1
г. Минск	18,8	3,6	0,6	1,7	1,4	1,1	0,8	0,8	1,1

Минская	34,7	7,3	3,5	6	4,7	3,7	3,3	3,5	4,0
Могилевская	41,0	12,9	4,3	7,3	5,5	4,7	4,2	4,8	5,1

Уровень малообеспеченности (абсолютной бедности) домашних хозяйств постепенно сокращался до 2010 года (3,4% малообеспеченных домохозяйств), но в результате внутреннего валютно кризиса 2011-2012 годов материальное положение домохозяйств несколько ухудшилось. Следующим переломным моментом в уровне жизни домашних хозяйств стал 2015 год, когда белорусские домохозяйства снова столкнулись с падением доходов и усиливающимся риском бедности. В 2016 году количество малообеспеченных домашних хозяйств составило 4,1%. Наибольшее количество малообеспеченных домашних хозяйств по данным за 2016 год проживает в Гомельской (6%) и Брестской (5,6%) областях. При этом риск попасть за черту бедности наиболее высок в домохозяйствах с детьми. По данным за 2016 год уровень малообеспеченности домохозяйств с детьми в возрасте до 18 лет составил 8,4% (из них в домохозяйствах с одним ребенком – 5,1%, с двумя детьми – 12,9%, с тремя и более детьми – 26,9%).

Рост бедности среди домохозяйств сопровождается ухудшением качества жизни и экономической депривацией, что отражается в субъективных оценках материального положения. По данным обследования домашних хозяйств в 2016 году только 0,1% домохозяйств оценивали свое материальное положение как высокое, 0,3% - несколько выше среднего, 65,5% - среднее, 30% - ниже среднего, 4,5% - низкое. Половина опрошенных домохозяйств указала на наличие материальных деприваций (нехватка средств на удовлетворение материальных потребностей), 40% - на невозможность оплатить крупных расходов в случае непредвиденной необходимости (28,6% по данным обследования за 2014 год).

Меры социальной политики, направленные на снижение риска бедности, прямые трансферты (пенсии, пособия, льготы) и субсидии (на услуги ЖКХ и транспорт) позволяют определенным группам домохозяйств не оказаться за чертой бедности. Поддержка семей с детьми в виде выплат в связи с рождением ребенка и ежемесячных пособий по уходу за детьми являются наиболее эффективным способом сдерживания бедности домохозяйств с детьми. Солидарная пенсионная система на данный момент также позволяет поддерживать уровень дохода пенсионеров, абсолютная бедность среди которых по данным за 2016 год составила менее 2%. При этом чтобы минимизировать негативные последствия шоков следует учитывать группы населения, которые при ухудшении экономической ситуации в стране и сокращении социальных расходов могут перейти за черту бедности. Так, например, повышение тарифов на коммунальные услуги увеличивает риск бедности среди домохозяйств, состоящих из пенсионеров, в особенности, для одиноких пенсионеров. Ситуацию усугубляет то, что действующая методика расчета прожиточного минимума – критерия нуждаемости – никак не учитывает изменение тарифов на коммунальные услуги, таким образом ограничивает возможности получения адресной помощи для домохозяйств, не являющихся малообеспеченными по определению. Постепенное повышение пенсионного возраста, которое, с учетом худших перспектив на рынке труда у людей в предпенсионном возрасте, может привести к значимому увеличению бедности в данной группе населения. Сокращение занятости, рост безработицы и, как следствие, отсутствие доходов от занятости увеличивает риски бедности домохозяйств, в состав которых входит трудоспособное население.

В условиях жестких бюджетных ограничений социальная политика и предпринимаемые меры по предотвращению бедности должны быть обоснованы критериями эффективности и адресности. Проведенные исследования подтверждают, что прямые трансферты являются наиболее эффективной в случае Беларуси формой поддержки благосостояния населения. Для оценки рисков бедности для населения и выработки адекватных мер по ее предотвращению следует выделять уязвимые группы, которые могут не соответствовать критерию малоимущего населения, но являться бедными по критерию

относительной бедности, уровень которой в Беларуси составляет свыше 10%. Необходимо разработать систему мониторинга и раннего оповещения, позволяющую своевременно распознать группы риска по бедности и применить адекватные меры по ее преодупреждению.

© Щербина Н.М. Текст. 2017

Список источников

1. О практике оценки уровня бедности населения в странах содружества. Социология и общество, №2. 2009. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://naukarus.com/o-praktike-otsenki-urovnya-bednosti-naseleniya-v-stranah-sodruzhestva. - Дата доступа: 06.03.2017
2. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь. Статистический сборник. Минск, Национальный статистический комитет, 2016. – 370 с.
3. Основные показатели уровня и качества жизни домашних хозяйств Республики Беларусь (выборочное обследование домашних хозяйств по уровню жизни). Статистический сборник. Минск, Национальный статистический комитет, 2017. – 86 с.

Информация об авторе

Щербина Наталья Михайловна, Беларусь, Минск, зав. сектором социально-демографической политики Институт экономики НАН Беларуси, 220072, Минск, ул. Сурганова 1, к.2, demography@economics.basnet.by

Shcherbina N.

POPULATION WELFARE AND POLICY IN POVERTY REDUCTION IN BELARUS

The article considers methodological approaches to welfare assessment, analyzes current trends in the population welfare of Belarus, examines key measures of state poverty reduction policy.

Key words*:* Welfare, poverty, income, quality of life, social policy

Information about the author

Shcherbina Natallia Head of Sector social and demography policy, Institute of Economics National Academy of Sciences, Minsk, Belarus

5. МИГРАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС

УДК: 314.74

А.А. Бабаев

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В данной статье автором раскрываются современные проблемы трудовой миграции, принявшие за последние десятилетия глобальный характер и с которыми в настоящий период времени сталкивается Республика Таджикистан. Учитывая создавшиеся социально-экономические проблемы и ухудшающее положение трудящихся мигрантов, Таджикистану важно решить вопрос вхождения в ЕАЭС.

Ключевые слова: глобализация, трудовая миграция, трудящийся мигрант, миграционная политика, ЕАЭС, уполномоченный орган.

В XXI в. миграция стала глобальным процессом, охватившим практически все страны и континенты, а также все слои гражданского общества. По данным Организации Объединенных Наций, в 1960-х гг. в мире насчитывалось 65 млн мигрантов. До 2010 г. численность мигрантов в мире возросла до 214 млн чел. и, по прогнозам экспертов ООН, учитывая происходящие политические, экономические, экологические и демографические проблемы во многих странах ближнего и дальнего зарубежья, до 2050 года увеличится в мировом сообществе до 405 млн чел. [1с. 41], что является подтверждением глобализации миграционных процессов.

В условиях преобладающих положительных факторов миграции, которые оказывают все возрастающее влияние на общество, очень важно определить, каким образом государствам необходимо управлять миграцией, чтобы максимально увеличить его положительный эффект и, насколько возможно, свести к минимуму ее негативные последствия. Здесь целесообразно отметить, что для осуществления государственного управления миграцией необходимо обозначить ряд мер эффективного решения проблем миграции на национальном, региональном и глобальном уровнях. Политика, законодательство и административное регулирование миграцией могут способствовать ее лучшей управляемости [2, с. 11]. Некоторые государства, и в большей степени страны – доноры мигрантов, стыдятся своего положения и не уделяют должного внимания существующим проблемам в области миграции, не ставя злободневные вопросы перед государствами приема относительно защиты прав и интересов мигрантов, тем самым ухудшая их и без того тяжелое положение.

В таких странах, как правило, вопросами миграции занимаются некомпетентные органы при неудовлетворительном подборе кадров с низкой квалификацией, и межведомственная координация при этом достаточно слабая и неэффективная, которая не может отвечать реалиям государственной миграционной политики и подрывает авторитет страны на международной арене. Поэтому таким государствам необходимо пересмотреть свое отношение к политике миграции на основании положительного опыта многих стран, добившихся определенных успехов в области миграции и использовавших ее в целях развития общества.

Республика Таджикистан, по оценкам международных экспертов, считается страной с развивающейся экономикой, которая в настоящий период времени испытывает серьезные социально-экономические проблемы:

– слабо развитая сфера промышленности и инфраструктуры села;

– отсутствиемдостаточного количества рабочих мест с достойной заработной платой;

– высокий рост безработицы;

– увеличение численности малоимущих слоев населения;

– миллионная армия внешних трудовых мигрантов с проблемами их социально-правовой защиты.

Эти, а также ряд других актуальных проблем способствуют тому, что Таджикистан будет вовлечен в миграционный процесс со всеми вытекающими из этого последствиями еще не одно десятилетие.

Вопросы межрегионального сотрудничества и государственного управления миграционными процессами являются наиболее важными для Таджикистана, еще и в связи с ежегодно возрастающими миграционными потоками граждан как внутри страны, так и за рубежом. За последние два десятилетия была создана нормативно-правовая база и приняты законы Республики Таджикистан «О миграции», «О беженцах», «О правовом положении иностранных граждан в РТ», «О лицензировании отдельных видов деятельности», Концепция миграционной политики Республики Таджикистан, Концепция трудовой миграции граждан Республики Таджикистан за границу, программы внешней трудовой миграции граждан Республики Таджикистан на период 2003–2005 гг. и 2006–2010 гг., Национальная стратегия трудовой миграции граждан РТ за границу на период 2011–2015 гг., Концепция привлечения зарубежных соотечественников в качестве партнеров развития отечества и ее План мероприятий на 2015–2020 гг., а также ряд других законодательных актов, регулирующих вопросы миграции.

Таблица 1

Данные внешней трудовой миграции граждан Республики Таджикистан за период 2003 – 2016 гг.[1]

Период (годы)	Количество выехавших трудящихся мигрантов (тыс. чел.)	В том числе женщин
2003	347556	18914 (5,4% от общей численности)
2004	420622	19753 (4,2%)
2005	412123	23452 (5,6%)
2006	609316	30034 (4,9%)
2007	573953	36725 (6,3%)
2008	646298	41369 (6,4%)
2009	677414	48365 (7,1%)
2010	736446	62278 (8,5%)
2011	750391	86733 (11,5%)
2012	744360	87015 (11,6%)
2013	799698	100875 (13,8%)
2014	670806	106416 (15,8%)
2015	552596	64667 (11,7%)
2016	517308	81851 (15,6%)

Республика Таджикистан одна из первых среди стран СНГ разработала механизм учета выезда и въезда трудящихся мигрантов посредством внедрения миграционных карточек, которые выдаются гражданам перед выездом из страны и после прибытия на родину. Данные таблицы показывают, что в 2003–2013 гг. наблюдалась тенденция роста внешней трудовой миграции граждан Таджикистана. Но за период 2014–2016 гг. очевидна тенденция спада внешней трудовой миграции, основными причинами которой являются

[1] Агентство по статистике при Президенте РТ. Демографический ежегодник, 201; Отчеты Миграционной службы РТ, 2003 – 2004, 2011 - 2016 гг.; Бобоев А.А. Мухочирати ахоли дар Чумхурии Точикистон, Матбааи хисоби хочагии Вазорати мехнат ва хифзи ичтимоии ахолии Чумхурии Точикистон, Душанбе, 2006.

экономические санкции США и стран Запада по отношению к России, снижение темпов производства и курса российского рубля, а также существенное изменение российского законодательства в области миграции, в результате чего более 300000 граждан Таджикистана были внесены в список «запретников» и не имеют права въезда на территорию России сроком от 3 до 5 лет.

Таким образом, на рынке труда Таджикистана сложилась ситуация, характеризующаяся увеличением количества возвращающихся трудовых мигрантов в страну. Наряду с продолжающимся стабильным ростом предложения рабочей силы в связи с высоким уровнем рождаемости и соответствующим приростом населения, а также отсутствием адекватного предложения рабочих мест такая ситуация приводит к повышению напряженности на внутреннем рынке труда страны [3 с. 7-15].

Денежные переводы определенно являются важным каналом социально-экономической стабильности Таджикистана. Ежегодно из Таджикистана за рубеж в поисках трудоустройства выезжают сотни тысяч трудящихся мигрантов и все они в надежде на то, что государство проявит заботу о них и обеспечит социально-правовую защиту на территории страны трудоустройства. Ни одна сфера народного хозяйства Республики Таджикистан не имеет возможность поддерживать государство и общество в финансовом плане так, как сфера трудовой миграции. Только за последние десять лет сумма денежных переводов трудящихся мигрантов составила 27 022 млн долл. США [4 с. 8], что подтверждает значительный вклад сферы миграциив социально-экономическое развитие Таджикистана.

Республика Таджикистан в целях улучшения межгосударственного сотрудничества и упорядочения миграционных процессов в регионе СНГ подписала ряд межправительственных соглашений в области миграции с государствами, являющимися в настоящее время членами ЕАЭС, а именно: с Киргизской Республикой в 1998 г., с Российской Федерацией в 2004 г., с Республикой Казахстан в 2005 г., с Республикой Беларусь в 2012 г.

Учитывая, что более 90% трудящихся мигрантов Таджикистана ежегодно выезжают на заработки в Россию, к 2013 г. были подготовлены 5 проектов межправительственных соглашений с Российской Федерацией, в том числе о сотрудничестве в области миграции, о реадмиссии, оправовом статусе представительства миграционных служб сторон на территории друг друга, об организованном наборе, о сотрудничестве в области социального обеспечения (пенсионного страхования).

К сожалению, по истечении вот уже 4 лет, ни одно из перечисленных проектных соглашений с Россией не было подписано, и этот факт подтверждает пассивность продвижения вопросов по подписанию столь важных документов для улучшения положения таджикистанских мигрантов со стороны уполномоченного государственного органа в лице Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан.

Инертность уполномоченного миграционного органа Республики Таджикистан подтверждается и другим примером, который также приводит к недопониманию и полному абсурду. Еще в 2010 г. по поручению Правительства Республики Таджикистан была создана межведомственная рабочая группа по разработке двух законопроектов о трудовой миграции и о частных агентствах занятости. Придавая особое значение проблемам трудовой миграции, при непосредственной координации правительства страны названные законопроекты были подготовлены в 2013 г. с учетом всех процедур межведомственного согласования. Однако судьба этих законопроектов (как и названных проектов соглашений с Российской Федерацией) четвертый год неизвестна. И это несмотря на то, что относительно принятия проекта закона о трудовой миграции было особое поручение Президента Республики Таджикистан в его Послании 2015 г., а ранее о нем говорилось в Плане мероприятий по решению проблем в области трудовой миграции от 3 мая 2013 г., утвержденном Президентом страны.

Удивляет тот факт, что за последние годы некоторые чиновники из числа руководящего состава министерств и ведомств Таджикистана считают вопросы трудовой миграции неактуальными, не уделяют серьезного внимания этой проблеме. Продвигая такую позицию, они навязывают свою ошибочную точку зрения о том, что признавая проблемы трудовой миграции актуальными для Таджикистана, мы понижаем имидж государства в глазах мирового сообщества. Такие «больные выводы» могут предлагать только далекие от практики, науки и миграционной политики люди, которые, находясь сегодня на государственных руководящих должностях, не понимая сути вопроса, наносят колоссальный вред и ущерб жизнедеятельности трудящихся мигрантов и членов их семей. А ведь эту категорию граждан представляют сотни тысяч человек, ежедневно ожидающих от своего государства действенной поддержки и понимания.

Проблемы трудовой миграции Таджикистана, как и других государств, прекрасно известны зарубежным и местным экспертам, и это не считается зазорным. Ибо молодая страна имеет избытки трудовых ресурсов и рассматривает известную концепцию спроса и предложения с учетом условий внутреннего и внешнего рынка труда, уделяя при этом особое внимание подготовке квалифицированных и конкурентоспособных рабочих кадров. Поэтому ошибочный и непрофессиональный подход к принятию решений и самообман могут серьезнейшим образом навредить политике государства в сфере миграции, и вследствие этого потерять доверие мигрантов и гражданского общества.

В плане сопоставления деятельности миграционных органов можно привести в пример более активную и продуктивную работу предыдущей Миграционной службы при Правительстве Республики Таджикистан, которая имела право законодательной инициативы и постоянно вносила проблемные вопросы трудовой миграции на рассмотрение правительства страны. За период 2011–2013 гг. при непосредственной поддержке правительства и Президента Республики Таджикистан были подписаны 3 межправительственных соглашения, а именно: Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Республики Беларусь в области трудовой миграции, Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством РФ об освобождении граждан Республики Таджикистан от постановки на учет на территории РФ в течение 15 дней, Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством РФ об осуществлении трудовой деятельности гражданами сторон на территории друг друга сроком до 3 лет.

С ноября 2013 г. уполномоченным государственным органом страны по вопросам миграции является Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан, в структуре которого создана миграционная служба со своими представительствами в регионах республики. Но она не имеет особых полномочий и не может воздействовать на принятие решений. Поэтому за прошедшие 4 года, как было ранее отмечено, не подписано ни одно межправительственное соглашение в пользу улучшения положения мигрантов. Данное министерство перегружено другими также важными сферами деятельности, каковыми считаются вопросы труда, занятости населения, профессионального образования граждан из числа молодежи, обучение и трудоустройство безработных граждан и трудящихся мигрантов, и ряд других сложных вопросов. В этой связи названное министерство не имеет возможности заниматься проблемами в области миграции, которые остаются на втором плане и усугубляют миграционную ситуацию.

Проанализировав миграционную ситуацию в Республике Таджикистан с учетом происходящих перемен в государствах ближнего и дальнего зарубежья, нельзя отрицать факт глобализации миграционных процессов. Таджикистан после приобретения государственной независимости вот уже более двадцати лет занимается проблемами трудовой миграции, и рассматривая тенденцию роста количества безработных граждан в стране, можно сделать вывод, что вопросы трудовой миграции будут сопровождать наше общество еще как минимум 30–40 лет и эта сфера десятилетиями останется актуальной и одновременно проблемной для Таджикистана. Поэтому считается целесообразным выделить миграционную

службу из состава вышеназванного министерства и образовать самостоятельное министерство или комитет по миграции и диаспорам, укрепив его грамотными и высокопрофессиональными кадрами в сфере миграции. Решение этого вопроса однозначно выправит миграционную ситуацию и даст возможность предупреждения негативных последствий и рисков в области миграции населения.

Одной из наиболее эффективных форм решения проблем трудовой миграции, является интеграция в евразийском пространстве. Этот вопрос можно отнести к наиболее важным для улучшения положения трудящихся мигрантов на территории государств – членов ЕАЭС, и прежде всего Российской Федерации. Опыт вхождения Киргизской Республики в ЕАЭС показывает, что пребывание трудящихся мигрантов этой страны на территории России и их социально-правовая защита приняли совершенно иной характер и ситуация с мигрантами намного улучшилась.

Трудящиеся мигранты из Киргизии свободно и без патентов трудоустраиваются в различные сектора экономики России, не тратив при этом большие средства, как это вынуждены делать мигранты из Таджикистана. За последние годы численность мигрантов из Киргизии в России, по сравнению с Таджикистаном ежегодно увеличивается, и они занимают наиболее престижные рабочие места с повышенной заработной платой. В этой связи, денежные переводы трудящихся мигрантов Киргизии также ежегодно увеличиваются, что положительно воздействует на финансовое состояние семей мигрантов и дает им возможность вкладывать средства в развитие малого и среднего бизнеса.

Учитывая ежедневные проблемы, с которыми сталкиваются трудящиеся мигранты Таджикистана, можно перечислить некоторые преференции для мигрантов государств – членов ЕАЭС: свобода движения на территории этих государств, увеличение взаимных потоков трудящихся, повышение уровня социальной защищенности, снижение уровня нелегальной трудовой миграции, освобождение от обязательного приобретения патентов или разрешений на работу, а также от сдачи экзамена на сертификат о знании русского языка, истории и основ законодательства России, и ряд других льгот, которыми не могут пользоваться граждане Таджикистана и испытывают множество проблем.

Перед Республикой Таджикистан стоит выбор – войти или нет в ЕАЭС, и разные слои общества имеют разные мнения по данному вопросу. Но хотелось бы отметить, что государства – члены ЕАЭС являются наиболее близкими во всех отношениях странами по отношению к Таджикистану, их связывает многовековая общая история, культура, дружба народов, сложившиеся торгово-экономические связи, практически схожий менталитет и другие важные для сотрудничества аспекты. Также стоит отметить, что во время нестабильной политической ситуации и гражданской войны в Таджикистане 1990-х гг. именно эти соседние государства пришли на помощь нашей стране и приложили максимум усилий для восстановления мира и национального согласия в Таджикистане, тем самым внеся свою лепту в дальнейшее возрождение спокойной и благополучной жизни народа Таджикистана. Начало деятельности любого сообщества сопровождается некоторыми неурядицами и неотработанными механизмами, но это не может перечеркивать благие намерения государств-партнеров. Во всяком случае, Таджикистан может провести, к примеру, всенародный референдум, заблаговременно опубликовав реальное заключение комиссии о всех плюсах и минусах вхождения страны в ЕАЭС, чтобы окончательно определиться с выбором народа, а народ в решении вопросов достижения благополучия и устойчивого развития страны не ошибается.

В заключение хотелось бы отметить некоторые основные факторы, способствующие развитию евразийской интеграции и вступления Республики Таджикистан в ЕАЭС.

1. Исторически сложившаяся социокультурная близость населения и государств бывшего СССР, отсутствие серьезных проблем у выходцев этих стран в адаптации к языковой и социальной среде.

2. Безвизовый режим и упрощенный порядок въезда на территорию друг друга, правовая основа регулирования миграционных процессов в регионе и институциональные механизмы межгосударственного сотрудничества в области миграции.

3. Большая емкость рынка труда иностранной рабочей силы в ряде отраслей экономики Российской Федерации из-за естественной убыли собственного трудоспособного населения.

4. Сложная социально-экономическая обстановка в ряде стран бывшего СССР и единые цели экономического развития, решение демографических проблем и занятости населения, упорядочение миграционных процессов и обеспечение социально-правовой защиты трудящихся мигрантов и членов их семей.

Единственное, что необходимо сделать при выборе своей позиции, так это вести обоюдные переговоры в духе взаимного уважения и сотрудничества, придав этому процессу открытость, прозрачность, деловитость, профессионализм с использованием аргументированного и доверительного диалога.

© Бабаев А.А. Текст. 2017

Список источников

1. Бабаев А.А., Джуразода Т. Возвращение трудящихся мигрантов – граждан Республики Таджикистан: проблемы и новые вызовы. Душанбе, 2016.- С.41.

2. Мировой опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшие тенденции. Международная организация по миграции, Москва – Алматы. 2004. – С.11.

3. Теоретические основы и практика становления рынка труда в условиях переходной экономики (методологические и институциональные подходы): коллективная монография. – Душанбе: «Торус», 2013.- С.7-15.

4. Газета «ASIA-PLUS» /№17(1201) /02.03.2017 г.

Информация об авторе

Бабаев Анвар Абдулаевич, Таджикистан, г. Душанбе, кандидат экономических наук, --заведующий сектора «Миграция населения» Института экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан, г.Душанбе, ул. С Айни, №44. e-mail: anvar.boboev2016@qmail.com

Babaev A.A.

CONTEMPORARY PROBLEMS OF LABOR MIGRATION IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND NEW APPROACHES TO REGIONAL INTEGRATION

In this article, the author reveals the current problems of labor migration, which have taken on a global character over the past decades and which the Republic of Tajikistan is currently facing. Taking into account the social and economic problems and the worsening situation of migrant workers, it is important for Tajikistan to resolve the issue of entering the Eurasian Economic Union (EEU).

Key words: globalization, labor migration, working migrant, migration policy, EEU, authorized body.

Information about the author

Babaev Anvar Abdulaevich, Tajikistan, Dushanbe, PhD in Economics, head of the sector "Population migration" of the Institute of Economics and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, street Ayni, #44, E-mail: anvar.boboev2016@qmail.com

УДК: 314

И.С. Гилева

МИГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются вопросы миграционных процессов сквозь призму национальной политики современной России, что является актуальным в свете принятия стратегических документов, регулирующих сферу национальных отношений в РФ.

Ключевые слова: Национальные отношения, миграция, национальная политика, гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений

В статье рассматриваются вопросы миграционных процессов сквозь призму национальной политики современной России, что является актуальным в свете принятия стратегических документов, регулирующих сферу национальных отношений в РФ.

Ключевые слова: национальные отношения, миграция, национальная политика, гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений

Уже достаточно долгое время изменяющиеся условия в мировых политических, экономических, социальных системах влияют на миграционные процессы. По оценкам исследователей, в миграционных процессах ежегодно задействованы порядка 1,2 млрд человек [1, с. 75]. Это неизбежно ставит перед любыми государствами вопросы, связанные с организацией и прогнозированием данных процессов, их регулированием и устранением возникающих негативных последствий. И конечно же, такие государственные решения затрагивают, так или иначе, интересы многочисленных групп населения. Таким образом, очевидно, что глобальные миграционные процессы влияют на национальные отношения в обществе.

Состояние межнациональных отношений выступает одним из важных условий и значимым показателем национальной безопасности России. Благополучие в данной сфере является необходимой составляющей общего благополучия государства. Безусловно, государство осознает этот факт. Не случайно в Стратегии государственной национальной политики вопросы межнациональных отношений обозначены в качестве центральных [3]. Но на уровне государственного управления не всегда учитывается, что их конкретный набор и острота различаются в разных городах и субъектах Федерации. Конкретные условия жизни межэтнических сообществ, особенности социально-экономического развития, этнической структуры, миграционных процессов оказывают существенное воздействие на региональную специфику этносоциальных процессов и межнациональных отношений [5, с. 35].

Результаты проводимых социологических исследований также характеризуют эту сферу общественной жизни как неоднозначную, противоречивую и зачастую по-разному воспринимаемую разными группами общественности и населения. Так, например, мониторинговые исследования ФОМ в 2002–2014 гг. [2] демонстрируют тенденции, согласно которым проживание в нашей стране лиц различных национальностей приносит России в целом больше пользы (так считает 44% опрошенных), 25% – считают это явление вредным и опасным для государства. На вопрос «Испытываете ли вы раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности?» подавляющее большинство отвечает отрицательно (74% опрошенных граждан), однако при этом 58% опрошенных считают, что нужно ограничить въезд представителей некоторых национальностей в тот регион, где они живут. Более того, 17% опрошенных все-таки признались, что испытывают неприязнь к представителям той или иной национальности. И среди первоочередных мер по устранению таких напряженных ситуаций в сфере межнациональных отношений, миграции, которая в основной своей массе и приводит к большому национальному разнообразию на отдельных территориях России, граждане называют именно меры по ужесточению миграционной политики нашего государства.

Одним из направлений решения проблем в миграционной сфере является эффективно реализуемая государственная национальная политика Российской Федерации – это деятельность органов государственной власти Российской Федерации и органов местного самоуправления муниципальных образований в сфере укрепления единства многонационального народа Российской Федерации, гармонизации межнациональных отношений и этнокультурного развития народов Российской Федерации [4]. Она частично должна основываться на таком понятии, как «гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений» и выражаться в обеспечении конструктивных и уважительных отношений между представителями разных этнических общностей (народов) в целях недопущения или преодоления межэтнических конфликтов, обретения знаний об истории и культуре собственного и других народов, формирования чувства гражданской ответственности, сотворчества и российской гражданской идентичности.

В мировой практике форм и видов национальной политики, направленной на межнациональную интеграцию, существует множество – успешных и безуспешных, законно обоснованных и стихийных, гуманных и антисоциальных. Можно привести наиболее массовые и известные случаи:

1. Концепция «плавильного котла». Характерна для США периода государственного становления и развития, когда представители десятков наций и народностей превратились в одну нацию – американскую.
2. Этническая миксация. Объединение разных племен и народностей в одну группу. Яркий пример – латиноамериканцы.
3. Ассимиляция. Слияние одного народа с другим, при этом один народ утрачивает национальное самосознание, язык и культуру, и заимствует это у другого. Ассимиляция может быть естественной и насильственной. Пример: негры в США после падения рабовладельческого строя.
4. Аккультурация. Более мягкий вариант ассимиляции, когда ассимилирующий народ сохраняет свой язык, культуру и национальное самосознание. Пример: индейские резервации в США.
5. Мультикультурализм. Один из самых спорных на сегодняшний день видов и форм национальной политики, который изначально являлся и планировался как самый демократичный вид межнациональной политики, который, по своей сути, является антонимом «плавильного котла». Это политика сохранения и поощрения национальной идентичности всех видов этносов, проживающих на территории государства. Можно даже сказать, что мультикультурализм характерен для национальной политики Российской Федерации (особенно в ее документальном воплощении). В России неплохо удерживаются различные религии (православные, мусульмане, иудеи), различные культуры и языки. При этом все граждане считают себя россиянами (и русские, и этнические турки, и кавказцы, и евреи, и представители азиатских народов), и на уровень патриотизма это не влияет. Кроме того, граждане сохраняют два типа национальной идентичности: исконный (согласно происхождению) и приобретенный (россиянин в широком смысле этого слова). Еще один немаловажный аспект: в Российской Федерации за возбуждение вражды по национальному признаку (то есть расистскую, экстремистскую, нацистскую или фашистскую идеологию), а также за провокации конфликтов на межнациональном уровне, согласно статье 282 Уголовного кодекса, предусмотрено уголовное наказание от 300000 рублей или 6 лет лишения свободы.
6. Национализм. Это политика (или идеология) обособления или противопоставления одной нации другим. Если национализм – это любовь к своей нации, то нацизм – это еще и ненависть к остальным. Грань легко стирается, но все же она есть. При всем неагрессивном характере национализма в его чистом виде, большинство социологов не видят особых перспектив развития у государств с националистической идеологией, особенно при высокой вероятности перехода националистических идей в нацистские. Пример: в

Германии национализм возник еще во времена оккупации Наполеоном как реакция на нее. В условиях не самой удачной внешней политики и социальной политики за сто с небольшим лет он превратился в нацизм, а потом захватил правящие круги страны. Так же националистические (по сути не агрессивные, направленные на национальную самоидентификацию) идеи украинских политических деятелей, писателей, поэтов XVIII, XIX вв. и начала XX в. переросли в нацистскую деятельность уже ближе к середине XX в.

7. Шовинизм. В социологии – это агрессивный национализм, синоним нацизма, возможно менее ярко выраженный. Название пришло от Шовена, поклонника завоевательной идеологии Наполеона.

8. Дискриминация. Умаление прав (на юридическом или фактическом уровне) граждан другой национальности. Пример: до 1960-х гг. негры в США не могли получить высшее образование, посещать некоторые заведения и т.д.

9. Сегрегация. Принудительное отторжение некоторых граждан по национальному признаку, частное явление дискриминации. Например, в ЮАР, когда в 1948 г. к власти пришла Национальная партия, «небелых» граждан принудительно переселяли в резервации, отдельно от граждан европейского происхождения.

10. Апартеид. Второе название сегрегации, может иметь более масштабные и антигуманные характеристики, имеющие фашистские наклонности (унижение, уничтожение, издевательства). Пример: перемещение граждан еврейского происхождения в концлагеря в нацистской Германии.

11. Геноцид. Одно из самых тяжких преступлений против человечества. По сути – это шовинизм, дискриминация, сегрегация и апартеид в наиболее агрессивной форме. В нацистской Германии было уничтожено более 6 миллионов евреев. Отсюда возникает еще один вид национальной политики.

12. Холокост. Холокост – это геноцид, основанный на антисемитизме.

13. Сепаратизм. В латыни separatus значит «отдельный». Стремление к обособлению или отделению части государства (автономизация или полное отделение) по национальному признаку. Примеров таких практик достаточно много: баски, сикхи, тамилы, шотландцы, некоторые жители Венеции, Чечни.

14. Ирредентизм. По-итальянски irredento означает «неосвобожденный». Стремление к отсоединению определенной этнической общности от одного государства и присоединению к другому государству по причине большей этнической близости. Пример: значительная доля жителей Донбасса, желающих не только отсоединиться от Украины, но и присоединиться к Российской Федерации.

Что же может стать одним из ориентиров для современных государств в решении вопросов миграции и гармоничной национальной политики? Сегодня в научных, государственно-политических кругах идут оживленные дискуссии. Не так давно инициировалось осуждение закона о российской нации. По мнению специалистов, закон мог бы быть разработан на основе стратегии по развитию межнациональных отношений в России. Законотворцы и исполнители этих законов отмечают тот факт, что нормы права в сфере государственной национальной политики определяются более чем десятком законов и указов, но нет, например, определенного органа, который отвечал бы за социокультурную адаптацию мигрантов. Надо отметить, что история ведомства, отвечающего за национальные отношения в России также очень многостранична и неоднозначна. Федеральное агентство по делам национальностей создано лишь в 2015 г.

Если все же отдалиться от политических дискуссий, можно определить некоторые направления развития национальной политики, в которой, безусловно, должна учитываться миграционная составляющая.

Во-первых, важно принятие региональных, муниципальных программ национального развития в соответствии со Стратегией государственной национальной политики, Методическими рекомендациями Министерства регионального развития и др. Хорошим

стартом может послужить утверждение и успешная реализация государственной программы подобного рода.

Во-вторых, важно закрепление специализированных органов, общественных советов и т. д., целью которых должен стать постоянный мониторинг ситуаций в конкретных регионах, разработка и предложения комплекса мероприятий по стимулированию позитивных практик в сфере национальных отношений, устранению проблем, в то числе тех, которые могут быть вызваны и нерегулируемой миграцией.

Наконец, нельзя забывать и об использовании научного опыта и современных исследований проблем национальной, миграционной политики. Так, необходимо их дальнейшее развитие и стимулирование, особенно в вопросах, связанных с миграцией.

©Гилева И.С. Текст. 2017

Список источников

1. Алешковский И.А., Ионцев В.А. Управление международной миграцией в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. №1. С. 75-87.
2. Межнациональные отношения. Опрос "ФОМнибус" 28-29 апреля 2014 г. 100 населенных пунктов. 43 субъекта РФ. 1500 респондентов. Режим доступа: URL.: http://bd.fom.ru/pdf/d17mo12.pdf (дата обращения: 08.05.2017 г.)
3. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ №1666-УП от 19.12.2012 [электронный ресурс]. Режим доступа: URL.: http://kafioo.edurm.ru/dok/strategiya_nacpolitiki.pdf (дата обращения: 08.05.2017 г.)
4. Об утверждении Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений, их предупреждения и действиях, направленных на ликвидацию их последствий: Приказ Министра регионального развития РФ №444 от 14.10.2013 г. [электронный ресурс]. Режим доступа: URL.:http://docs.cntd.ru/document/499066331
5. Попков Ю. В. Рефлексивная концепция интернационализации как методологическая основа национальной политики // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 35–41.

Информация об авторе

Гилева Ирина Сергеевна, Россия, г.Екатеринбург, к.с.н., доцент кафедры теории и социологии управления Уральского института управления - филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, gill-irina66@yandex.ru

Gileva I.S.

THE MIGRATION DIMENSION OF NATIONAL POLICIES

The article considers the issues of migration through the prism of national policy in modern Russia, what is relevant in the light of the adoption of strategic documents regulating nationality relations in Russia.

Keywords: Ethnic relations, migration, national policy, harmonization of national and inter-ethnic (inter-ethnic) relations

Information about the author

Gileva, Irina, Russia, Ekaterinburg, Ph. D., associate Professor of the Department of theory and sociology of management of the Ural Institute of management - branch RANEPA, RF, Ekaterinburg, street 8 Martha, 66, gill-irina66@yandex.ru

УДК: 314.18

А.Г. Гришанова, Е.С. Красинец

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Актуальность исследования миграционного потенциала стран нового зарубежья для России продиктована необходимостью новых методологических подходов к изучению межгосударственных миграций как вообще, так и на постсоветском пространстве, в частности. Создание таких союзов, особенно – последнего, не просто подразумевает, но настоятельно требует взаимную выгодность во всех отношениях, в том числе, и в сфере миграции населения. Более подробного и специального рассмотрения того или иного сальдового результата межгосударственной миграции населения не только количественно, но и качественно – с каждой конкретной страной.

Ключевые слова: Миграционные процессы, этнополитическое развитие территорий, страны ЕАЭС, межгосударственная миграция.

Актуальность и необходимость изучения миграционных межгосударственных процессов спустя четверть века с момента перехода России к новым социально-политическим и социально-экономическим отношениям, не ослабевает в связи со следующими моментами. Во-первых, межгосударственные миграционные процессы в эти двадцать пять лет, кардинально изменились в связи с распадом Союза ССР. Появилось постсоветское пространство, которое стало доминирующим ареалом для межгосударственного обмена России, которого фактически вплоть до 1985г. в советской России практически не существовало. А в годы так называемой «горбачевской перестройки» хотя и получили объективную основу для своего существования, но количественно, несмотря на их позитивную динамику в эти годы, относительно численности населения страны, оставались малозначимы.

Кардинальные изменения в миграционных процессах, связанные с образованием постсоветского пространства, для России ознаменовались не только, и даже – не столько их количественными, сколько – их качественными характеристиками. Ведь для миграционного взаимодействия и взаимообмена постсоветское пространство было традиционным пространством – в географических координатах, но принципиально ново значимым - в геополитических координатах. Ведь теперь в координатах этого пространство формировались кардинально новые, уже не внутригосударственные, а межгосударственные потоки, с одной стороны, и эти потоки, трансформировавшись, теперь имели принципиально новое значение, с другой стороны. Причем не столько количественно, сколько – качественно, поскольку эти потоки стали играть огромную роль, прежде всего, не столько в демографическом (как это имело место и ранее), сколько - в социально-политическом развитии России, как потоки межгосударственного обмена одного независимого государства России, с другими независимыми государствами, образовавшимися на этом пространстве.

Поэтому бывшие внутрисоюзные потоки, превратившись в межгосударственные потоки, стали играть принципиально новую роль как для российской территории, с одной стороны, так и для новых независимых государств постсоветского пространства – с другой стороны. Они стали важнейшим фактором корректировки в этих государствах их социально-демографического, экономического, этнокультурного, и, последним по перечислению, но не последним по значению, скорее наоборот, первейшим по значению, этнополитическом развитии. В результате трансформации бывших внутренних потоков в межгосударственные, не столько образовались новые по направлениям и масштабам миграционные потоки, сколько – принципиально по-иному значимые для российского государства миграционные взаимосвязи, между Россией и новыми государствами.

Миграционные потоки, которыми продолжились, фактически, прежние и достаточно устойчивые по направлениям и масштабам обмена миграционные взаимосвязи. Но теперь следствия от этих, фактически прежних направлений и, особенно для первых лет после распада Союза ССР – примерно сопоставимых и в количественном плане миграционных потоков, выступило предметом не только и даже не столько дружественных взаимосвязей этих новых независимых государств по отношению к нашей стране, сколько - принципиально новых межгосударственных взаимосвязей. Взаимосвязей уже межгосударственных, где, уже, в определенной степени, стали просматриваться и претензии по отношению к России. Как правило, этого не было в рамках внутрисоюзного обмена. Эти претензии имели многоаспектный характер – от правовых аспектов до социокультурных. Объективной основной для такой трансформации стал факт превращения бывших союзных партнеров – в независимые государства, с одной стороны, и имевшие место в советский период, на наш взгляд, «перекосы» в миграционной общесоюзной политике, как правило, не в пользу России, а в пользу, в первую очередь этих бывших партнеров, с другой стороны. И это особенно важно для понимания современной ситуации в межгосударственном обмене Российской Федерации как вообще – так и на территории постсоветского пространства – в частности, а на нем – в рамках стран-участниц ЕАЭС – в особенности. На территорию, например, Казахстана, союзное советское государство целенаправленно перераспределяло, в основном, как правило, российских граждан. Причем российских граждан, с относительно наиболее благоприятными параметрами как демографических показателей – возраст, здоровье, образование, так и социально-экономическими – не только наиболее высокообразованных, но и профессионально-квалификационным, причем – в ведущих сферах экономики – промышленности, строительстве, связи. И именно этот неравноценный миграционный обмен в постсоветский период, на наш взгляд, и породил объективную основу для зачастую разнонаправленности взаимных интересов в области процессов миграции некоторых государств на постсоветском пространстве,в том числе – и в рамках ЕАЭС.

В настоящее время, представляется необходимым начать разработку для России методологии и методов оценки миграционного потенциала не только в целом во всех странах постсоветского пространства, не только в каждой из них в отдельности, как это в определенной степени делается,[1. С.103-117] в том числе – и авторами настоящего исследования, но и в рамках ЕАЭС. Это необходимо для обоснования масштабов и условий привлечения мигрантов в Россию в рамках ЕАЭС.

Достижение этой цели, прежде всего, предполагает обоснование определения категории «миграционный потенциал», как вообще, так и в рамках ЕАЭС для России, а затем, уже на этой теоретической основе, обоснование методологии и определения методов оценки миграционного потенциала в странах нового зарубежья в начале нового тысячелетия, их практической оценки. Причем с учетом процесса глобализации населения, с одной стороны, и на основе определения экономически целесообразных параметров привлечения мигрантов в Россию из стран-партнеров ЕАЭС, с другой. Значимость первого, теоретического момента: определения категории «миграционный потенциал» состоит в том, что этот момент в большой мере определяет успешность и правильность всего исследования, поскольку решение именно данной проблемы - терминологического определения категории «миграционный потенциал» лежит в основе обоснования выбора методологической и методической базы исследования. А это, соответственно, предопределяет основную точку зрения на характер итоговых выводов, которые можно будет сделать на основе авторской оценки миграционного потенциала стран нового зарубежья. Причем как в первые годы после распада Союза ССР, так и результатов изменения его объемов и структуры в 2015 году, то есть оценке остаточного миграционного потенциала в странах нового зарубежья и условий его вовлечения в миграционные потоки в Россию.

Как свидетельствуют проанализированные нами статистические данные (ежегодно и в целом за период 2011-2015гг), евразийское экономическое сообщество характеризуется

массовыми миграционными потоками. Однако евразийская интеграция представляет собой неоднородное пространство с точки зрения результативности международной миграции. С одной стороны, за счет миграционного прироста население Белоруссии и России увеличивалось. В то время как Армения, Кыргызстан и Казахстан (как в целом за период, так и по отдельным его годам – за исключением Казахстана в 2011г.), имели миграционную убыль в межгосударственном обмене, с другой стороны. Наиболее выгодное для себя положение в межгосударственном обмене стран ЕАЭС, имеет, фактически только одна Беларусь, поскольку здесь наблюдалось почти неуклонное и значимое увеличение (почти удвоение), величины миграционного прироста. В то время как в России, для которой, по-прежнему, как вообще, так и в рамках ЕАЭС, и наблюдается миграционный прирост, но тенденция его динамики явно не желательна, поскольку, наоборот, наблюдается фактически неуклонное снижение параметров ее миграционного прироста.

Что касается стран – членов ЕАЭС с миграционной убылью населения, то здесь, особенно в неблагоприятном положении находится, в первую очередь, Казахстан, поскольку здесь миграционная убыль возрастала особенно быстро (почти в 10 раз за последние 4 года). В Армении эта убыль нарастала в меньшей степени: она абсолютно возросла только почти в 3 раза за тот же период 2012-2015гг. При этом, всегда следует помнить, что даже когда речь идет о динамике параметров межгосударственного сальдо миграции того или иного государства, следует помнить, что нельзя, такую оценку приводить с единым критерием ее оценки. Например, если миграционное сальдо положительно, а тем более – растет, то это позитивное, желательное для данного государства направление развития межгосударственной миграции, и наоборот, если сальдо отрицательно, а тем более – миграционная убыль растет, то это негативное и нежелательное направление.

Учитывая вышесказанное, комментируя приведенные выше цифры, следует отметить следующее. На наш взгляд, несмотря на то, что в 2015г., по сравнению с 2011г., в Кыргызстане было характерно почти 10 кратное уменьшение миграционной убыли населения, конкретно для данной страны, это вовсе не положительная тенденция. И она вряд ли свидетельствует о желательном (а, главное, необходимом с точки зрения и социально-экономического, и социально-демографического развития) векторе развития межгосударственного миграционного обмена. Скорее, об усилении нежелательной тенденции развития межгосударственного миграционного обмена. Поскольку, на наш взгляд, в конкретной социально-экономической ситуации в данной стране, межгосударственная миграционная убыль больше соответствует желательным, чем нежелательным тенденциям развития миграции населения.

Постараемся этот тезис объяснить, опираясь на прогнозные данные демографического департамента ООН,[2]. Понятно, что прогнозы ООН достаточно условны и меняются вместе с изменениями, постоянно происходящими в демографических показателях государств нового зарубежья. Скорее всего, они целесообразны для оценки направления тех или иных демографических трендов. Мы разделяем мнение, что «согласно прогнозам (предположениям) ООН, численность населения стран нового зарубежья к 2020г. должна достигнуть (без учета России) 146,5 млн.человек, но уже к 2050г.может сократиться до 138,5 млн. ,[3. С.108] По этим прогнозам, не только на постсоветском пространстве в целом, так и в рамках государств СНГ, и государств, современных участников ЕАЭС, в целом, к 2050г. прогнозируется снижение численности населения, по сравнению с 2015г., соответственно во всей совокупности государств нового зарубежья, в том числе - совокупности государств СНГ, и совокупности членов ЕАЭС.

Однако в разрезе отдельных стран, только для государств Центральной Азии и еще (из Закавказья), Азербайджана, ООН прогнозирует увеличение численности населения. В свете вышесказанного, с точки зрения анализа миграционных взаимосвязей стран ЕАЭС, только для Казахстана и Кыргызстана ожидается прирост населения, соответственно, в 1,3 и 1,4 раза. В условиях современного финансового кризиса, в Кыргызстане преобладание межгосударственных выбытий, на современном этапе развития, над прибытиями в страну,

скорее следует рассматривать как желательную тенденцию, которая, как свидетельствует тенденция последнего пятилетия, постепенно ослабевает.

Таким образом, в первой половине второго десятилетия текущего столетия, масштабные безвозвратные миграции по-прежнему остаются динамичным и позитивным фактором формирования демографического и трудового потенциалов на евразийском пространстве в целом. Однако параметры его не всегда желательно направлены. Ведь, несмотря на то, что общий миграционный прирост для стран Евразийского экономического союза в 2015г. превысил двести тысяч человек, он характеризуется четкой тенденцией к сокращению.

Поэтому, даже по совокупности стран ЕАЭС, представляется, что в развитии межгосударственного миграционного обмена как в целом для стран ЕАЭС, так и отдельных его участников, в настоящее время преобладают, скорее нежелательные тенденции. За исключением Беларуси – совершенно обоснованно, а Кыргызстана – по нашему мнению, как, впрочем, и по России, где снижение параметров миграционного прироста, представляется, следует рассматривать скорее как нежелательную тенденцию.

© Гришанова А.Г., Красинец Е.С. Текст. 2017

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 17-22-01001

Список источников

1.Гришанова А.Г.,Кожевникова Н.И.,Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал России в новом зарубежье.-М. Изд-во «Экон-Информ», 2016.

2.World Population 1994, 1998, 2002 и 2006. United Nations. PopulationDivision2015.http://www.compassion.com/multimedia/world-population-prospects.pdf

3.Гришанова А.Г.,Кожевникова Н.И.,Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал России в новом зарубежье.-М.Изд-во «Экон-Информ»,2016

Информация об авторах

1. Гришанова Александра Георгиевна (Россия, г. Москва) - к.э.н., в.н.с., Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН) (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, дом 32, gralexandra1949@gmail.com)

2. Красинец Евгений Семенович (Россия, г. Москва) - к.э.н., зав. Лабораторией Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН), (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, дом 32, e_krasinets@mail.ru)

Grishanova A.G., Krasinets E.S.

MIGRATION PROCESSES IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: SOME ASPECTS

The relevance of the study of the migration potential of the countries of the new abroad for Russia is dictated by the need for new methodological approaches to the study of interstate migration both in general and in the post-Soviet space, in particular. Negative parameters of the interstate balance (especially - in the conditions of the Eurasian Economic Union) do not seem to have a unambiguously negative assessment. The creation of such unions, especially the latter, does not simply mean, but urgently requires mutual advantage in all respects, including in the sphere of population migration. More detailed and special consideration of this or that result of interstate migration of the population not only quantitatively, but also qualitatively - with each specific country.

Keywords: Migration processes, ethnopolitical development of territories, the countries of the EAEC, interstate migration.

Information about authors

1. Grishanova Alexandra Georgievna (Russia, Moscow) - Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow, The Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS) (117218, Moscow, Nakhimovsky Ave., house 32, gralexandra1949@gmail.com)

2. Krasinets Evgeniy Semenovich (Russia, Moscow) - Candidate of Economic Sciences, Head. Laboratory The Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS), (117218, Moscow, Nakhimovsky Avenue, 32, e_krasinets@mail.ru)

УДК: 314.18

А.Г. Гришанова, Н.И.Кожевникова

МИГРАЦИЯ В РОССИИ В ФОРМАТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Миграционное взаимодействие Российской Федерации в рамках ЕАЭС на сегодняшний день представляется одним из наиболее важных направлений развития межгосударственного типа миграции. П по итогам последнего пятилетия, и в предшествующие пятилетия в целом, сохраняется роль центров притяжения межгосударственных мигрантов в Белоруссии и России. Однако на фоне положительного миграционного сальдо в этих странах под воздействием факторов экономического развития проявляются разнонаправленные миграционные тренды. С одной стороны, долгосрочная тенденция снижения интенсивности международного миграционного обмена и ослабления миграционного притока в Российскую Федерацию, а с другой – наоборот, усиление миграционного притяжения в Республике Беларусь.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционный потенциал, страны ЕАЭС, иммиграция.

Миграция, как важнейший социально-экономический и социально-демографический процесс, выступает в качестве одной из важнейших сторон проявления процесса глобализации. На сегодняшний день, на государственном уровне, как и еще в начале 1990-х годов, не получила должной поддержки единственно целесообразная, и правильная, на наш взгляд, позиция России в отношении иммиграции на постсоветском пространстве. Она нами и тогда, и сейчас, трактуется как острейшая необходимость создания благоприятных условий для возвращения на историческую родину со всего постсоветского пространства всех желающих. Но особенно, в первую очередь, для русского и русскоговорящего населения. Эта позиция была выдвинута ведущими специалистами в области миграции. Прежде всего, Ж.А.Зайончковской, Л.Л.Рыбаковским, которые с самого распада Союза поразительно точно описывали современную миграционную ситуацию в нашей стране, где проблемы этнической миграции стали на сегодняшний день во главу угла ее проблем, касающихся определения желательных параметров иммиграции в Россию, в том числе – в рамках ЕАЭС. Они лежат в основе методологии определения миграционного потенциала в государствах постсоветского пространства для России как вообще, так и в рамках ЕАЭС.

Актуальность исследования миграционного потенциала стран нового зарубежья определяется, в том числе, как это ни парадоксально, отсутствием необходимого уровня оснащения государственных границ. Особенно с новыми независимыми государствами, которые являются к России сопредельными. Российское государство, по сути, начиная с последнего десятилетия XX века, фактически полностью утратило полный и жесткий контроль над процессами миграции через государственную границу. Особенно это стало

заметно в сравнении с тем, как это было в предшествующие времена советского периода, когда создание «железного занавеса» поддерживалось соответствующей их закрытостью, когда безопасность государственных границ поддерживалась специально созданными для этого пограничными войсками. Так же актуальность миграционного потенциала стран нового зарубежья, а особенно – стран- участниц ЕАЭС, обусловлена тем, что в 2015 году по величине межгосударственного миграционного оборота Россия сохранила свои лидирующие мировые позиции. На наш взгляд, это позволяет (с допустимой в сложившихся условиях степенью обобщения), считать, что в последние два с половиной десятилетия межгосударственная миграция оказала позитивное воздействие для страны на ее социально-демографическое и социально-экономическое развитие.

В то же время межгосударственные миграции не всегда благоприятно и позитивно воздействовали на политические, и особенно - этнокультурные аспекты ее развития, причем не столько для всей Российской Федерации в целом, сколько на региональном уровне. Поскольку для абсолютного большинства регионов, где наблюдается концентрация межгосударственных мигрантов, к сожалению, она сыграла роль скорее катализатора в них негативных моментов, связанных, прежде всего, с обострением на их территориях в первую очередь, межэтнических конфликтов.

С одной стороны, за последние пять лет (2011-1015гг). совокупный миграционный прирост в России составил 1,4 млн. человек, в то время как за весь постсоветский период - 6,9 млн.человек. То есть составил 23% от его величины за 1991-2015гг. Поскольку на 1991-2000гг. пришлось 56%, становится понятным, что в целом, поскольку в предшествующие пятилетия 2000-х годов их доля составила, соответственно, только 5% и 16%, можно считать, что в целом последнее пятилетие – относительно благоприятно. Вместе с тем, динамика величины межгосударственного сальдо миграции для России в эти последние годы, явно нежелательна, поскольку характеризуется фактически неуклонным снижением, в 2015г. по сравнению с 2011г. – в 1, 3 раза.

В разрезе отдельных стран, наблюдается также нежелательная для России тенденция неуклонного снижения результативности межгосударственного обмена. Когда на фоне фактически неуклонного роста прибытий в нашу страну (за исключением Кыргызстана), наблюдалось еще более значимое и уже – повсеместное возрастание числа выбытий (в Кыргызстан в 2015г выбыло в 16,5 раз больше, чем в 2011г). И это – при условии, что 2015г. – это год старта как члена ЕАЭС для Кыргызстана.

В результате, для России и миграционный прирост по отдельным странам имеет общую тенденцию к снижению. Причем в 2015г., специфику этой тенденции представил Узбекистан. Он впервые дал миграционную убыль для России. Это - неблагоприятный момент, поскольку именно в странах Центральной Азии, как отмечалось выше, прогнозируется рост численности населения, которое, в условиях специфики социально-экономического развития входящих в эту совокупность стран Средней Азии, представляется наиболее вероятным поставщиком межгосударственных мигрантов для России на отдаленную перспективу.

В то время как Казахстан, входящий в состав ЕАЭС, с позиций России, характеризуется, в целом, позитивной тенденцией межгосударственного обмена с Россией. Поскольку, хотя, и медленно, и волнообразно, но повышает размер миграционного прироста для России (в 1,2 раза в 2015г по сравнению с 2011г.). Это, для России как вообще, так и в рамках миграционного взаимодействия членов ЕАЭС, явление позитивное, поскольку Казахстан, по мнению многих специалистов по миграции населения, уже сейчас представляет для России серьезную конкуренцию, проводит активную политику привлечения населения. Особенно – с позиций этнического состава, и политика привлечения в последние годы, например, оралманов, во много раз более результативна, а соответственно, эффективна, чем политика России – по отношению к соотечественникам, проживающим за рубежом. Это следует учитывать и перенимать этот позитивный опыт Казахстана.

С другой стороны, за последние пять лет (2011-2015) в Беларуси в результате потоков международной миграции миграционный прирост населения увеличился в 1,9 раза. В России за этот же период, наоборот, произошло снижение данного показателя в 1,3раза, и это предлагается рассматривать как нежелательное направление развития межгосударственного обмена для России, поскольку в региональном миграционном взаимодействии на постсоветском пространстве движение в Российскую Федерацию является главным миграционным трендом с момента распада Союза ССР.

Что касается обмена России с другими членами ЕАЭС, отметим следующее. В обмене с Арменией, характерно неуклонное снижение миграционного прироста для России, более, чем в 1.5 раза. Вместе с тем, данную тенденцию, как вообще для России, так и в рамках ЕАЭС, в частности, следует рассматривать как желательную, поскольку именно Армения потеряла слишком большую долю своего населения в постсоветский период, в том числе – в обмене с Россией, во-первых, и, во-вторых, поскольку в Армении, как и в России по прогнозам ООН до 2050г. ожидается снижение численности населения, то современная ситуация в миграционном взаимодействии с Россией, на наш взгляд, в конкретном случае, представляется как обоюдно желательная.

Вместе с тем, характеризуя результаты ее миграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС, для России следует отметить, что в Россию идет миграционный приток населения абсолютно из всех стран евразийской интеграционной группировки – Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана. Но результативность процесса межгосударственного обмена в рамках ЕАЭС существенно различна, поскольку должна предусматривать иные критерии оценки, кроме традиционных – есть миграционный прирост для России - позитивно, нет - негативно. Здесь следует разработать иные критерии такого взаимодействия.

В рамках постсоветского пространства, в структуре миграционного притока в Россию, в основном, преобладают граждане Украины и Узбекистана. За последнее пятилетие прибытия из Украины составили около 0,5 млн.человек, что соизмеримо с прибытиями только из Узбекистана, где эта цифра примерно в 0,5млн.прибытий, не намного – на 18 тыс. человек больше. Понятно, что «всплеск» и прибытий, и миграционного прироста за счет Украины в 2015г., по сравнению с 2011г., – в 4,5 и 3,9 раз, соответственно, следует объяснять не только и не столько социально-экономической, сколько – социально-политической ситуации, создавшейся геополитической ситуацией на евразийском пространстве, в результате присоединения к России Крыма в 2014г. Поэтому, естественно, в 2014-2015 гг. непосредственное влияние на объемы и направления миграционных потоков в России оказал общественно-политический кризис на Украине. Массовый исход жителей юго-востока Украины под защиту Российской Федерации привел к резкому возрастанию количества въехавших на российскую территорию украинских граждан

В то же время под воздействием экономического кризиса в миграционном взаимодействии России со странами ЕАЭС сохранилась тенденция сокращения результативности миграционных потоков. Так, в миграционном взаимодействии с Арменией миграционный прирост (чистая или нетто-миграция) населения России за 2015 год превысил 20 тысяч человек, что более чем на треть ниже значения показателя за 2011 год. В январе-июне 2016 года по сравнению с соответствующим периодом 2015 года нетто-миграция между Россией и Арменией сократилась в 1,9 раза.

В российском миграционном пространстве миграционный коридор “Центральная Азия - Российская Федерация”, при всем его не только региональном, но, можно с уверенностью сказать - мировом масштабе, в последние годы имеет снижающуюся динамику. Особенно в период 2014-2015 гг., когда обозначились первые признаки к формированию тенденции сокращения количества въехавших в Россию граждан стран центрально-азиатского региона. В результате за последние два года (2014-2015) в миграционном взаимодействии России с Казахстаном нетто-миграция сократилась на 15%.

С Кыргызстаном величина положительного сальдо миграции Российской Федерации в течение 2011-2015 гг. сократилась в 4 раза, однако в 2015-2016 годах в связи с вступлением

республики в ЕАЭС наблюдалось незначительное увеличение числа прибывших в Россию и чистого миграционного притока по данному направлению.

В целом во взаимодействии России со странами ЕАЭС в период 2011-2015 гг. нетто-миграция сократилась с 109,9 тыс. человек до 70,0 тыс. человек, или в 1,6 раза.

В отношении Белоруссии, если в период 2011-2015 гг. положительный баланс в миграционном обмене России с Белоруссией уменьшился в полтора раза, то только за первое полугодие 2016 года в сравнении с соответствующим периодом предыдущего года – еще в 2,3 раза. Аналогичная ситуация - снижение миграционного прироста в 1,5 раза, характерна для миграционного обмена России с Арменией.

О чем все вышеприведенные цифры свидетельствуют? Позитивно, о том, что, хотя Евразийский Союз начал функционировать только с 2015 г., но объемы прибывших в Россию из его участников, имеют (за исключением, Киргизии), картину фактически неуклонного роста прибытий из них по абсолютной численности фактически неуклонно по отдельным годам последнего пятилетнего периода. Во-первых.

Рассмотрев динамику параметров миграционного прироста России, в целом по странам ЕАЭС для России наблюдается, снижение миграционного прироста России за счет этих государств, в 3,5 раза. Это, опять же, в целом, говорит о том, что в настоящий момент для России межгосударственный обмен в рамках евразийской интеграции нельзя назвать наиболее целесообразным и наиболее желательным. Как с точки зрения, с одной стороны, ее «собственного» интереса, так и с позиций, с другой стороны, «союза взаимовыгодного», во-вторых.

В-третьих, снижается результативность миграционного обмена как вообще, так и особенно – в рамках ЕАЭС. Таким образом, в целом, повсеместно в государствах-участниках Евразийского Союза снижается для России миграционный прирост, в абсолютном исчислении – особенно значимо с Киргизией и Казахстаном, в относительном выражении – с Киргизией и Беларусью. Все вышеперечисленные моменты – негативны для России. В итоге, подчеркнем, что, как отмечалось ранее, только с 1 января 2015 года заработал Евразийский союз в вышерассмотренном составе.

Тот факт, что расширяется состав его стран-участниц и партнеров, позитивно, и объективно обусловлено процессами трансформации так называемой «глобальной глобализации» в «регионализацию глобализации». В рамках интеграционных процессов в области миграции введен безвизовый режим въезда для граждан стран-членов Евразийского экономического союза, единые трудовые и медицинские гарантии, что, теоретически, должно в будущем будет отразиться на более успешном развитии интеграционных процессов не только в рамках Союза, но и на всем постсоветском пространстве.

Однако, вышеприведенный анализ свидетельствует, что необходимо сделать более эффективным управление потоками миграции, прежде всего, именно в рамках Евразийского Союза. Сравнения абсолютных и относительных параметров чисел прибывших, выбывших и миграционного сальдо Российской Федерации в целом, с динамикой чисел прибывших, выбывших и миграционным приростом со странами СНГ, но особенно для государств-участников Евразийского Союз подтверждают, следующее. За предшествующие 2011-2015 годы пока не фиксируется тенденция целесообразного для России межгосударственного миграционного взаимодействия России в рамках Евразийского Союза.

© Гришанова А.Г., Кожевникова Н.Г.

Благодарность

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 17-22-01001

Информация об авторах

1. Гришанова Александра Георгиевна (Россия, г. Москва) - к.э.н., в.н.с., Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических проблем

народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН) (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, дом 32, gralexandra1949@gmail.com)

2. Кожевникова Наталия Ивановна (Россия, г. Москва) - к.э.н., в.н.с. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН), (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, дом 32, dema1@mail.ru)

Grishanova A.G., Kozhevnikova N.I.

MIGRATION IN RUSSIA IN THE FORMAT OF INTEGRATION PROCESSES IN THE EURASIAN SPACE

The migration interaction of the Russian Federation within the framework of the EAPS is today one of the most important d irections for the development of the interstate type of migration. According to the results of the last five years, and in the preceding five years as a whole, the role of centers of attraction of interstate migrants in Belarus and Russia remains. However, against the background of a positive migration balance in these countries, under the influence of economic development factors, multidirectional migration trends are manifested. On the one hand, the long-term tendency to reduce the intensity of the international migration exchange and weaken the migration inflow to the Russian Federation, and on the other hand, the increased migration attraction in the Republic of Belarus.

Keywords: Migration processes, migration potential, the countries of the EAEC, immigration.

Information about authors

1. Grishanova Alexandra Georgievna (Russia, Moscow) - Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow. The Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS) (117218, Moscow, Nakhimovsky Ave., house 32, gralexandra1949@gmail.com)

2. Kozhevnikova Natalia Ivanovna (Russia, Moscow) - Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow. The Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS), (117218, Moscow, Nakhimovsky Avenue, 32, dema1@mail.ru)

УДК: 314.7

Н.П. Гуляева

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА МИГРАЦИЮ ИЗ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В работе анализируется отток населения из Сибирского федерального округа. Для объяснения сложившейся ситуации предлагается сравнение условий жизни между регионами России. В качестве критериев сравнения выбраны обеспеченность жильем, услугами здравоохранения и образования. Использованы данные государственной статистики РФ.

Ключевые слова Миграция, Сибирь, условия жизни, жилье, здравоохранение, образование.

Миграция в России сохраняет сложившуюся на протяжении последних двух – трех десятилетий тенденцию: основная масса населения перемещается с Востока на Запад и с Севера на Юг (см. табл. 1). Тем самым усугубляется проблема недостаточности трудовых ресурсов в зауральских регионах, и повышается демографическое давление в европейской

части страны. Все азиатские федеральные округа теряют население, что хорошо видно по данным регионального миграционного прироста (см. табл. 2).

Таблица 1.

Миграционное движение населения России, 2016 г. (по данным Росстат)

В федеральные округа / Из федеральных округов	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный	Крымский
Центральный	733892	54568	38238	20209	58598	15582	19580	11129	6003
Северо-Западный	60102	334251	17957	8203	26880	8410	10472	6461	3015
Южный	54926	20201	217106	19136	13843	10463	10091	6721	5132
Северо-Кавказский	36680	12950	26343	116716	5846	10199	4317	2158	1580
Приволжский	105131	37942	18901	5509	604142	44533	9988	6114	2508
Уральский	27091	15093	17730	8434	43789	262492	16371	2934	1871
Сибирский	37950	21874	22651	4395	12184	19459	481419	16014	2053
Дальневосточный	21593	14691	16326	2386	7753	3585	16797	161160	1786
Крымский	7166	2532	2484	252	921	632	485	570	18257

Таблица 2.

Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения

	2010	2012	2015
Центральный федеральный округ	74	62	57
г. Москва	141	89	92
Северо-Западный федеральный округ	51	58	16
г. Санкт-Петербург	157	148	49
Южный федеральный округ	21	27	34
Краснодарский край	44	87	105
Северо-Кавказский федеральный округ	4	-41	-26
Приволжский федеральный округ	-12	-6	-8
Уральский федеральный округ	-12	19	3
Сибирский федеральный округ	-18	-4	-5
Республика Бурятия	-24	-47	-20
Республика Тыва	-126	-119	-76
Красноярский край	-15	13	10
Иркутская область	-59	-30	-25
Новосибирская область	26	80	45
Омская область	-31	-16	-9
Дальневосточный федеральный округ	-49	-32	-39
Крымский федеральный округ			148

Из приведенных в табл. 2 зауральских территорий только Красноярский край и Новосибирская область отличаются миграционным приростом. Однако для Красноярского края этот прирост является результатом межстрановой миграции, которая перекрывает потери межрегиональной. Так, за 2015 г. превышение уехавших из края над приехавшими в

пределах страны составило 3866, за 2016 г. - 2760 человека. При этом в результате обмена с иными государствами население увеличилось на 6591 и 6126 человек соответственно. Миграция по Новосибирской области отличается положительным балансом, как на международном, так и на межрегиональном уровне. Однако если в 2015г. прирост за счет внутренней миграции составлял 3705 чел., а за счет международной – 8660 чел., то в 2016 – 2618 и 12666 чел. соответственно. Кроме того, следует отметить, что приток идет, в основном, с восточных территорий.

Чем обусловлено такое движение населения? Люди меняют место жительства в поисках лучших условий жизни. Для их оценки демографические показатели не совсем удобны: вариабельность в пределах единого социально-экономического пространства России невелика. Так, ожидаемая продолжительность жизни при рождении на 2015 г. колеблется по всем федеральным округам от 69 до 72 лет; суммарный коэффициент рождаемости – 1,8 – 1,9 (исключение составляют Центральный – 1,58 и Северо-Западный округа – 1,66). На взгляд автора, для определения факторов миграции более уместно сравнение показателей развития социальной сферы как отражающих реальные условия жизни.

В качестве данных для сопоставления были взяты обеспеченность жильем, услугами здравоохранения и образования. Разумеется, такие критерии как структура доходов и потребления, структура питания, доступность/востребованность культурных учреждений, уровень преступности не менее интересны, однако объем настоящей работы не позволяет их здесь привести.

Сопоставление проводится на уровне федеральных округов. При этом выделяются Краснодарский край, Москва и Санкт-Петербург в качестве наиболее востребованных районов прибытия мигрантов из Сибири. В составе Сибирского федерального округа выделены Красноярский край, Иркутская, Новосибирская и Омская области, республики Тыва и Бурятия, как наиболее активные в миграционном отношении.

При анализе обеспеченности жильем и сопутствующими услугами (см. табл. 3 и 4), выявляется, что наибольшее количество квадратных метров приходится на жителей Центрального и Северо-Западного федеральных округов, а наименьшее – Крымского. При этом в Москве размер жилой площади составляет лишь 19,1 кв.м. на человека, что существенно ниже среднероссийского показателя. Однако по структуре расходов на содержание жилья Москва и Санкт-Петербург выглядят привлекательнее остальных территорий. Кроме того, для столицы характерно и достаточно ощутимое предоставление субсидий, размер которых, как и доля получивших домохозяйств, выше, чем в среднем по стране.

Центральный и Северо-Западный федеральные округа (в особенности Москва и Санкт-Петербург) существенно выделяются в лучшую сторону по благоустроенности жилых помещений: обеспеченность водопроводом, канализацией, отоплением подходит к ста процентам. На противоположном полюсе – республики Тыва и Бурятия, для которых данные показатели колеблются в диапазоне от трети до половины.

Таким образом, при относительно более низкой доле расходов на коммунальные услуги, население центральной части России имеет возможность получать их в большем объеме и лучшем качестве.

Наиболее ярко разница между территориями проявляется в доступности услуг образования (см. табл. 6). По Сибирскому федеральному округу фиксируется большой разрыв между охватом детей дошкольным образованием и обеспеченностью местами в дошкольных образовательных учреждениях. Например, в Омской области в детские сады ходят 62% детей, а мест предоставляется только 569 на 1000. Хуже обстоит дело только по Южному федеральному округу (64,2 % и 571 на 1000 соответственно).

Что касается общего среднего образования, то мы видим, что в центре страны доля обучающихся во вторую и третью смены невелика, а для Москвы и Санкт-Петербурга – минимальна. Сибирь – вторая (18,8% учеников), уступив лишь Северному Кавказу (25,1%).

Однако в составе Сибирского федерального округа присутствует такая территория как республика Тыва, где значение данного показателя достигает 32,7%.

Относительно среднего профессионального образования Урал, Сибирь и Дальний Восток составляют тройку лидеров, тогда как центральные области и Крым существенно отстают. Сибирь входит в лидеры по возможности получить высшее образование, проигрывая Центральному и Северо-Западному округам.

Таблица 3.

Обеспеченность жильем и расходы на содержание жилья и коммунальные услуги по округам РФ, 2015 (по данным Росстат)

	общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв.м.	удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг		предоставление гражданам субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг	
		в процентах от общей суммы потребительских расходов	в процентах от общей суммы расходов на оплату услуг	в процентах от общего числа семей	среднемесячный размер субсидий на семью, руб.
Центральный ФО	26,1	10,3	35,5	7,6	1349
г. Москва	19,1	8,3	27,8	13,6	1565
Северо-Западный ФО	25,7	9,2	31,6	4,4	1375
г. Санкт-Петербург	23,6	7,5	24,1	2,2	887
Южный ФО	23,9	9,1	38,6	5,1	1187
Краснодарский край	24,4	8,2	37,8	3,1	1139
Северо-Кавказский ФО	20,3	7,9	39,9	7,2	1281
Приволжский ФО	25,1	9,2	36,4	5,4	951
Уральский ФО	24,2	10,0	34,5	5,5	1189
Сибирский ФО	23,0	9,0	36,1	5,5	1167
Республика Бурятия	19,8	11,2	53,1	7,4	2114
Республика Тыва	21,4	6,9	31,5	18,3	1230
Красноярский край	23,9	9,6	33,1	7,2	1511
Иркутская область	23,1	7,4	32,6	8,1	1193
Новосибирская область	23,7	8,8	41,4	3,1	441
Омская область	23,6	10,4	39,7	1,9	1319
Дальневосточный ФО	23,2	10,1	36,6	7,4	1727
Крымский ФО	16,6	6,6	41,3	0,1	106

Таблица 4.

Благоустройство жилищного фонда в 2015 г. (по данным Росстат)

	Удельный вес общей площади, оборудованной (%)						
	водопроводом	водоотведением (канализацией)	отоплением	ваннами (душем)	газом	горячим водоснабжением	напольными электроплитами
Центральный ФО	84,2	81,3	88,9	76,2	69,7	74,3	21,0
г. Москва	98,8	98,6	99,3	98,1	42,9	94,3	55,4
Северо-Западный ФО	82,4	80,2	82,4	74,6	62,2	73,2	23,8

г. Санкт-Петербург	98,8	98,2	98,6	93,7	62,2	95,0	36,6
Южный ФО	79,8	75,0	82,7	65,9	83,6	65,6	3,7
Краснодарский край	80,8	76,6	77,2	63,1	79,0	65,0	4,9
Северо-Кавказский ФО	81,0	71,9	84,2	65,1	91,1	62,5	4,0
Приволжский ФО	82,2	75,5	89,8	65,1	84,7	66,1	9,0
Уральский ФО	82,0	79,1	84,4	72,1	54,2	70,5	32,3
Сибирский ФО	75,6	68,5	77,9	59,1	29,3	59,4	50,8
Республика Бурятия	47,5	45,5	48,2	36,0	14,8	41,3	66,8
Республика Тыва	35,1	34,3	70,5	30,5	12,5	34,2	28,8
Красноярский край	79,8	73,6	77,1	66,6	13,7	69,2	68,7
Иркутская область	69,0	66,6	69,7	62,8	14,9	63,1	69,3
Новосибирская область	84,9	76,7	91,2	68,8	25,8	64,4	62,7
Омская область	75,4	70,2	90,1	56,1	82,5	58,5	10,2
Дальневосточный ФО	75,1	73,8	81,1	69,5	27,4	61,9	42,4
Крымский ФО	85,6	80,3	75,2	53,5	84,9	52,8	3,7

Оценим обеспеченность медицинскими услугами (см. табл. 5). Основные показатели обеспеченности (врачебным и средним медицинским персоналом, числом больничных коек, мощностью поликлиник) для Сибирского федерального округа сравнимы со столичными и заметно выше Южного, Северо-Кавказского и Крымского округов. Однако диагностируемый уровень заболеваемости по Сибири существенно выше, чем по Центру и Югу России. По этому печальному показателю с зауральскими территориями могут посоперничать Северо-Западный, Приволжский и, с некоторым отставанием, Уральский федеральные округа.

Таблица 5.

Обеспеченность населения медицинскими услугами (по данным Росстат, 2015)

	Обеспеченность мед. персоналом на 10000		Число больничных коек на 10000 чел.	Заболеваемость на 1000 населения	Мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10 000 населения, посещений в смену
	врачи	средний мед. персонал			
Центральный ФО	46,1	97,9	78,5	698,9	271,3
г. Москва	55,7	90,8	67,6	631,4	313,7
Северо-Западный ФО	54,5	111,6	85,9	877,3	304,7
г. Санкт-Петербург	73,8	111,5	85,7	931,5	309,4
Южный ФО	41,7	96,6	80,7	692,8	240,3
Краснодарский край	40,0	90,4	73,9	649,5	224,3
Северо-Кавказский ФО	39,5	91,3	73,0	655,3	176,7
Приволжский ФО	45,0	112	83,3	870,7	261,4
Уральский ФО	43,1	116,2	82,5	806,2	279,4
Сибирский ФО	47,0	113,6	94,1	848,0	275,6
Республика Бурятия	45,6	115,5	88,7	604,5	263,3
Республика Тыва	48,9	144,0	126,5	664,8	328,8

Красноярский край	47,6	118,7	85,7	784,9	318,3
Иркутская область	45,5	111,4	106,0	952,2	281,6
Новосибирская область	51,6	104,4	98,4	751,5	231,5
Омская область	50,6	120,8	81,7	920,8	246,7
Дальневосточный ФО	52,8	113	103,6	779,1	283,0
Крымский ФО	42,6	99	75,4	524,5	179,4

Поскольку получение профессионального образования одним из членов семьи редко оказывает существенное влияние на миграционную подвижность остальных, вряд ли можно считать этот фактор стимулирующим перемещение населения на уровне домохозяйств. В то же время, обеспеченность территории детскими садами, а, следовательно, возможность всем взрослым членам семьи выйти на работу, серьезно влияет на принятие решения о смене места жительства. Вероятно, это один из моментов, объясняющих миграцию сибиряков в Южный федеральный округ преимущественно по завершении трудоспособного возраста. В настоящий момент трудно оценить значение степени развитости инфраструктуры общего среднего образования (о чем свидетельствует показатель доли учеников, занимающихся во вторую и третью смену). Однако, принимая во внимание тот факт, что наиболее благополучные в этом отношении территории являются и наиболее привлекательными как территории прибытия, возможно, это один из важных миграционных мотивов.

Таблица 6.

Доступность образования (по данным Росстат, 2015)

	охват детей дошкольным образованием, % от численности детей	обеспеченность детей дошкольного возраста ДОУ, местами приходится мест на	удельный вес обучающихся общеобразовательных организаций,	студентов среднего профессионального образования на 10 000 чел	студентов высшего профессионального образования на 10 000 чел.
Центральный ФО	66,6	651	6,8	110	372
г. Москва	57,1	572	0,7	82	616
Северо-Западный ФО	76,6	757	5,2	126	335
г. Санкт-Петербург	73,4	683	0,0	126	580
Южный ФО	64,2	571	17,6	150	292
Краснодарский край	63,4	549	22,3	133	237
Северо-Кавказский ФО	42,9	373	25,1	120	264
Приволжский ФО	70,8	667	11,3	156	319
Уральский ФО	73,8	692	17,7	167	294
Сибирский ФО	63,5	595	18,8	158	327
Республика Бурятия	59	524	21,4	224	342
Республика Тыва	42,5	400	32,7	188	158
Красноярский край	61,6	622	12,3	154	313
Иркутская область	64	630	22,4	171	328
Новосибирская область	59	569	17,3	128	399
Омская область	62	569	13,4	179	448
Дальневосточный ФО	68,4	660	17,7	169	290

Крымский ФО	50,0	477	6,7	87	260

Таким образом, по жилищным условиям и обеспеченности услугами дошкольного и общего образования Сибирь проигрывает центру России. Паритет с европейской частью страны наблюдается в отношении медицинского обслуживания. Однако доступ ко всем видам социальных услуг на зауральских территориях осложнен разреженностью сети поселений, низкой плотностью путей сообщения. Так, например, на 2015 г., плотность автодорог с твердым покрытием для Центрального федерального округа составляла 349 км на 1000 кв. км, для Сибирского – 35 км, для Красноярского края – 12; плотность железнодорожных путей соответственно – 262, 28, и 9 км. Следовательно, даже при равных значениях статистических показателей, реальная обеспеченность в области здравоохранения и образования значительно ниже, а расходы на ее получение – выше. При сохранении диспропорций в развитии социальной сферы вряд ли можно ожидать изменения межрегиональных миграционных потоков.

© Гуляева Н.П. Текст. 2017

Информация об авторе

Гуляева Наталья Павловна (Россия, Красноярск) – к. филос. н., доцент, Сибирский федеральный университет (Российская Федерация, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, office@sfu-kras.ru, +7 (391) 244-86-25)

Gulyaeva N.P.

INFLUENCE OF THE SOCIAL SPHERE DEVELOPMENT FOR MIGRATION FROM THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

There is the analysis outflow of population from Siberian Federal District in the paper. Author comparing life conditions in different region of Russia for explanation this process. As comparison criteria selected housing security, medical care and education service according to state statistics.

Keywords: migration, Siberia, life conditions, housing, health care, education.

Information about the author

Gulyaeva Natalia Pavlovna (Russia, Krasnoyarsk) – PhD., Associate Professor, Siberian Federal University (Russian Federation, 660041, Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 79, office@sfu-kras.ru, +7 (391) 244-86-25)

УДК: 314.748

А.С. Дукки

ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются факторы, побуждающие к миграции, структура и динамика трудовой миграции в России, а так же связь миграционных процессов с демографическим потенциалом. Показана роль трудовой миграции в экономике РФ.

Ключевые слова: Трудовая миграция, факторы миграции, численность населения, качественный состав мигрантов

В современных политических условиях всё больше внимания уделяется процессам миграции. Международная миграция влияет на демографическое положение страны, его структуру и динамику. По прогнозам ООН к 2025 г. Россия будет занимать только 17-ое

место в мировом рейтинге стран по численности населения: если в 2005 г. численность населения составляла 143 млн.чел., то по прогнозу к 2025 она сократится до 112 млн.чел. [4, с.110]. В связи с недостаточным демографическим потенциалом страны возникает вопрос о возможностях компенсации процессов депопуляции стимулированием внешней миграции. Трудовая миграция в будущем может стать важнейшим источником увеличения как самого населения, так и трудовых ресурсов.

Основные причины внешней миграции - экономические: различия в уровне оплаты труда и поиск работы, желание улучшить уровень жизни, поэтому с усилением миграционных процессов трудовые ресурсы претерпевают как количественные, так и качественные изменения. Немалую роль играют и политические конфликты.

Экономическая составляющая влияет не только на побуждения мигрантов о переезде, но на социально-экономическое положение стран-доноров и реципиентов. С одной стороны, нагрузка на бюджет государства увеличивается (пособия и социальные выплаты), возникает перегрузка в социальных учреждениях. С другой стороны, увеличивается поступление в бюджет налогов, производство получает новую рабочую силу.

Дж.Хикс в работе «Теория заработной платы» один из первых теоретически обосновал миграцию рабочей силы, рассмотрев в качестве стимула дифференциацию в заработной плате в разных странах [5, с.305]. С течением времени концепция новой экономики миграции попыталась восполнить ограниченность неоклассической теории. Сторонники данной концепции сместили акцент с решений рационального индивида на стратегию поведения семьи или домохозяйства. Постепенно в традиционную модель добавлялись новые факторы, побуждающие к миграции. О.Старк выделил - как фактор - уровень доходов окружающих. Следовательно, решение о миграции чаще всего принимается в странах с наибольшим уровнем дифференциации доходов.

Русский исследователь миграции Переведенцев В.И. рассматривал более широкий спектр детерминирующих факторов. Он выделял объективные - территориальные различия в значимых для человека условиях жизни - и субъективные (общественные) факторы - особенности структуры личности [3, с. 107]. Согласно теории В.И.Переведенцева стремление удовлетворить потребности, а именно противоречие между уровнем развития личности и условиями их удовлетворения - основа для принятия решения о переселении. Российский социолог Т.И.Заславская разработала модель социально-психологического механизма миграции, в котором необходимым компонентом принятие решения служит стимул. Стимул - это ожидаемый эффект от переселения, причём он может быть виден не сразу, а со временем. Какие бы теории и подходы не рассматривались ключевым мотивом остаётся экономический, принимая во внимание только добровольные решения.

В XXI веке Россия столкнулась с важными демографическими проблемами, такими как снижение численности населения и неконтролируемая миграция. На протяжении нескольких лет внешняя миграция покрывала естественную убыль населения. (Таблица 1)

Таблица 1

Демографические показатели за период с 2009 по 2015 гг. в РФ[1]

Год	Численность населения, млн.чел.	Естественный прирост, чел.	Миграция в РФ, чел.	Темп прироста миграции, %
2009	142,7	-248 856	279 907	-0,606
2010	142,9	-239 568	191 656	-31,53
2011	142,9	-129 091	356 535	86,03
2012	143,0	-4 251	417 681	17,15

[1] Демографические показатели Федеральной службы государственной статистики [Электронные ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 29.03.2017).

2013	143,3	24 013	482 241	15,46
2014	143,7	30 336	590 824	22,52
2015	146,3	32 038	598 617	1,32

С начала XXI века рост численности населения в России наблюдался благодаря миграционному приросту. Начиная с 2011 г., число иммигрантов увеличивалось с каждым годом. Резкий скачок пришёлся на 2011 г., тогда численность увеличилась сразу на 86% по сравнению с 2010г. Естественный прирост зафиксирован лишь в 2013 г. впервые после 1992г.

Несмотря на рост численности населения в период с 2009 г., согласно указу Президента РФ по пессимистическому прогнозу предположительная численность населения РФ, рассчитанная на основе динамики демографических процессов в 2000-2005 гг., сократится к 2025 г. и составит 124,9 млн.человек [2]. Такой сценарий развития неблагоприятно скажется на экономическом развитии страны и прежде всего на обеспеченность трудовыми ресурсами. В связи с этим одной из задач в рамках стабилизации численности населения является привлечение мигрантов с учётом необходимости их социальной адаптации и интеграции. Важно стимулировать эмигрантов возвращаться на постоянное место жительства в РФ и содействовать добровольному переселению соотечественников.

Рассматривая миграционные процессы, важно сказать о качественном составе мигрирующих. В 2015 г. приток низкоквалифицированной и неквалифицированной рабочей силы в РФ составил 69,4% (148 905) из общего числа мигрантов. В 2016 г. данный показатель увеличился до 71,9% (107 243). За первые два месяца текущего года доля миграции низкоквалифицированной и неквалифицированной рабочей силы в РФ составила 55,9% (6 269 чел.), что говорит о снижении тенденции, так как за аналогичный период в 2016 г. число низкоквалифицированных и неквалифицированных мигрантов равнялось 10409 чел. Для улучшения качественного состава мигрантов, следует привлекать квалифицированных иностранных специалистов, в том числе и выпускников российских образовательных учреждений на постоянное место жительства.

Таблица 2

Качественный состав мигрантов в РФ[1]

	2015	2016	Январь-февраль 2017
Находится на территории РФ иностранных граждан и лиц без гражданства (по стоянию на конец отчетного периода)	9 990 267	9 747 621	
Оформлено разрешений на работу	214 559	149 013	11 196
В том числе:			
• Высококвалифицированным специалистам	43 555	26 995	3 483
• Квалифицированным специалистам	22 099	14 775	1 444

Несмотря на падение курса рубля и реальных заработных плат, в Россию по-прежнему едут в поисках лучших условий жизни. Даже принимая во внимание кризис и ужесточение миграционного законодательства, поток мигрантов увеличивается. В 2015 году прибыло 598 617 чел., что на 1,32% больше, чем в 2014 году.

По данным Международной организации по миграции Россия занимает 3-е место в мире по количеству принятых граждан других государств. В Россию едут жители бывших союзных республик, в основном трудовые мигранты прибывают из Украины, Казахстана,

[1] Демографические показатели Федеральной службы государственной статистики [Электронные ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 29.03.2017).

Узбекистана, Таджикистана, Белоруссии, Азербайджана[1]. Наибольший приток мигрантов происходит из Украины (194 180 чел. в 2015 г.), Узбекистана (74 242 чел.) и Казахстана (65 750 чел.), чему способствовало упрощение правил въезда гражданам ЕАЭС (Рис. 1).

Рис. 1. Соотношение числа мигрантов прибывших из стран СНГ и дальнего зарубежья[1]

Для мигрантов из СНГ и ряда других государств Россия до сих пор является перспективным рынком труда, так как в их родных странах экономическая обстановка не позволяет реализовать себя.

В современном обществе международная трудовая миграция имеет беспрецедентный характер, что требует совершенствования миграционного законодательства, создания условий для успешной интеграции мигрантов и развития терпимости между местным населением и приезжими из других стран.

Для решения проблем в данной области (рост теневой экономики, увеличение потоков денежных переводов из страны, усиление межнациональной напряжённости) следует совершенствовать законодательную базу: упорядочить режим въезда на территорию РФ с целью работы, ужесточить ответственность за незаконное использование рабочей силы мигрантов, автоматизировать регистрацию мигрантов, ввести льготы для высококвалифицированных работников. Кроме того, для усиления положительного эффекта от трудовых мигрантов, нужно сокращать масштабы нелегальной миграции одновременно с увеличением легальной и совершенствовать информационный обмен с руководством стран, из которых идут наибольшие потоки мигрантов.

© Дукки А.С. Текст. 2017

Список источников

1. Вести экономика. Топ-10 стран с самым большим числом мигранотов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vestifinance.ru/articles/70023?page=4 (дата обращения: 05.04.2017).

2. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/7a46cb13de731db3333fcd77a4f7887e468287e3/ (дата обращения: 05.04.2017).

3. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения// АН СССР, Институт международного рабочего движения. - М.: Наука, 1975. - 231 с.

4. Рязанцев С.В., Айдрус И.А., Письменная Е.В. Демографический потенциал как основа развития системы высшего образования Учебное пособие. - М.: РУДН, 2008. - 258 с.

[1]Демографические показатели Федеральной службы государственной статистики [Электронные ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 02.04.2017).

5. Hicks J. The Theory of Wages. L., 1932. - p.305

Информация об авторе

Дукки Алина Сергеевна (Россия, Екатеринбург) – студент, ФГАОУ ВПО «Уральский Федеральный Университет им. первого президента России Б.Н.Ельцина» (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; 8-800-100-50-44).

Dukki A.S.

EXTERNAL LABOR MIGRATION IN MODERN RUSSIA

The article examines the factors that motivate migration, and structure of labor migration. The role of labour migration in the economy of the Russian Federation.

Keywords: Labor migration, migration factors, the population, the qualitative structure of migrants.

Information about the author

Dukki Alina Sergeevna (Russia, Yekaterinburg) – student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin (620002, Yekaterinburg, Mira street, 19; 8-800-100-50-44).

УДК: 314

А. Г. Злотников, А. К. Смалюга

БЕЛОРУССКАЯ МИГРАЦИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ОТРАЖЕНИИ

Рассматриваются особенности миграционных процессов современной Беларуси. Дана характеристика миграции населения Беларуси в системе ЕАЭС. Анализируются особенности белорусско-российской трудовой миграции. Проанализированы проблемы пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в ЕАЭС.

Ключевые слова: Беларусь, ЕАЭС, миграция, фронтьерская миграция, трудовая миграция.

Демографическая ситуация в Республике Беларусь уже более двух десятилетий характеризуется устойчивой тенденцией уменьшения численности населения. И хотя в последние (до 2017 г.) годы в результате активной социальной политики в репродуктивной сфере в Беларуси наблюдался рост рождаемости, тем не менее, масштабы уменьшения численности населения страны растут. Это связано с повышением степени влияния на демографическую ситуацию Беларуси миграционных процессов.

Отметим, прежде всего, что в отношении ответа на вопрос, положительное или отрицательное сальдо миграции имеет Беларусь, мнения расходятся. Данные текущего национального статистического учета в Беларуси дают основания полагать, что миграционные процессы страны характеризуются положительным сальдо. Контроль данных текущего учета миграции итогами переписей населения Беларуси 1999 и 2009 гг. выявляет иное – устойчивый рост отрицательного сальдо миграции. Так, по данным текущего статистического учета, миграционное движение Республики Беларусь за период между переписями населения (1999–2009 гг.) дало прирост в 54,5 тыс. чел. Перерасчет динамики движения населения после переписи 2009 г. за период 2000–2008 гг. выявляет отрицательное миграционное сальдо в 97,0 тыс. чел. Такая же ситуация была характерна и для оценки тенденций в миграционном движении Республики Беларусь и в предыдущие годы между переписями населения страны 1989 и 1999 гг.

На начало 2016 г. численность населения Беларуси составила 9498,4 тыс. чел., т. е. за почти два десятилетия численность населения страны сократилась почти на 900 тыс. чел. При этом темпы этого сокращения в последнее десятилетие значительно увеличились. Так,

за межпереписные 1989–1999 гг. это сокращение составило 106,6 тыс. чел., а за период 1999–2009 гг. – 541,4 тыс. чел. То есть, за последний межпереписной период это сокращение оказалось в 5 раз большим, чем за предыдущие межпереписные периоды. Рост значимости миграции в негативных тенденциях демографических процессов дает характеристика составляющих демографических факторов. Так, за период 1989–1998 гг. структура людских потерь Республики Беларусь за счет естественного и механического движения населения составляла соответственно 76,3 и 23,7%, а в период 1999–2008 гг. эта пропорция составила 58,1 и 41,9%. Это означает, что за последнее десятилетие сокращение численности населения Республики Беларусь за счет естественной убыли выросло в 3,8 раза по сравнению с предшествующим, а за счет миграционных потерь рост составил 8,8 раза. Это свидетельствует, что существенным фактором современного демографического развития Беларуси стал рост влияния отрицательного сальдо миграции на депопуляционные процессы.

Наибольшие объемы белорусского миграционного обмена с другими государствами приходятся на страны, с которым граничит Республика Беларусь, – Россию, Украину, Польшу, Литву и Латвию. Из них только Россия входит в ЕАЭС. С другими странами евразийского экономического сообщества миграционный обмен последних лет незначительный. Наибольшие масштабы белорусского миграционного движения населения с Казахстаном, Киргизией, Арменией, а также Молдовой, являющейся наблюдателем в ЕАЭС, пришлись на 1990-е гг. Тогда Беларусь из страны, отдающей население, стала страной, принимающей население. Миграционная нагрузка прибывшего за 1990-е гг. населения из стран – бывших республик Советского Союза в Беларусь (в расчете на 10 тыс. населения этих стран) была такова: из Латвии прибыло 199,71, из Эстонии – 50,85, Литвы – 48,23, Казахстана – 29,02, России – 22,62, Молдовы – 19,13, Украины – 18,08, Грузии – 15,91, Армении – 13,13, Туркменистана – 9,83, Таджикистана – 9,83, Азербайджана – 9, 46, Киргизии – 8,58 и из Узбекистана – 5,00 [2, с. 131]. Причем в этнической структуре белорусского иммиграционного движения преобладали русские, белорусы и украинцы. Такая иерархия миграционной нагрузки в 1990-е гг. определялась величиной русскоязычного населения в этнической структуре этих новых независимых государств.

Как видно, преобладают среди них страны, с которыми граничит Беларусь (Латвия, Литва, Россия и Украина). Это обусловлено и тем, что этнические границы белорусов (в отличие от государственных границ Беларуси) пересекаются с этническими границами русского, украинского, польского, литовского и латышского населения. В результате вдоль государственной границы Беларуси имеется полоса одновременно этнических белорусов и этнических русских, этнических белорусов и этнических украинцев, этнических белорусов и этнических поляков, этнических белорусов и этнических литовцев, этнических белорусов и этнических латышей, проживавших ранее и проживающих ныне совместно. Эта полоса представляет совместные этнические границы народов Беларуси, России, Польши, Литвы и Латвии, что существенно влияет и на современные миграционные процессы. Государственные границы Беларуси, России, Польши, Литвы, Латвии проходят внутри этих этнических территорий. Для Беларуси эти этнические границы по линии Брест – Белосток – Сувалки – Вильнюс – Даугавпилс – Опочка – Верхние Луки – Ржев – Брянск – Трубчевск – Городня – Овруч – Брест. И это определяет и масштабы фронтьерской миграции Беларуси.

Высокий коэффициент нагрузки Казахстана в иммиграционном движении населения с Беларусью обусловлен тремя факторами. Во-первых, Казахстан имеет вторую по величине численность населения страны в ЕАЭС – более чем в 1,5 раза больше, чем в Беларуси. Кроме того, в Казахстане численность населения увеличивается, в отличие от Беларуси, где численность населения уменьшается. Во-вторых, в советский период среди всех республик в Казахстане был самый высокий удельный вес русскоязычного населения, и белорусов в том числе. И, в-третьих, из Казахстана, куда в начале Великой Отечественной войны были депортированы граждане немецкой национальности, в Беларусь иммигрировала значительная часть этнических немцев. Мы предполагаем, что Беларусь ими была выбрана как ближайшая страна к Германии, куда значительная часть их впоследствии эмигрировала.

В результате иммиграции граждан немецкой национальности из Казахстана численность немецкой диаспоры в этнической структуре населения Беларуси выросла с 3517 чел. в 1989 г. до 4805 чел. в 1999 г. Однако сказалось социально-экономическое положение Беларуси после развала – приехавшие на этой волне немцы в Беларуси не задержались, они взяли курс на Германию. По переписи населения 2009 г. немцев в этнической структуре Беларуси уже насчитывается 2474 чел. (т. е. их численность уменьшиласьв 2 раза), что даже меньше, чем в 1979 г.

В советский период численность белорусов в этнической структуре Армении и Киргизии в тех регионах (соответственно, кавказского и среднеазиатского регионов, где расположены эти государства) была самой низкой среди других стран ЕАЭС. И потому масштабы белорусской миграции из этих стран оказались незначительными. Но отметим, что в отношении миграционного процесса Армения – Беларусь, как в 1990-х, так уже и в новом столетии, преобладают армяне. Ныне армяне составляют одну из значимых этнических общностей в Беларуси. Армяне в Беларуси появились значительно позже других неславянских этносов (евреев, татар, цыган и немцев), а массово – только в начале XX столетия. Всероссийской переписью населения 1897 г. ни одного представителя армян не было зафиксировано. Немаловажным фактором прибытия армян в Беларусь в 1990–2010-е гг. является торгово-предпринимательская деятельность, а фактором выезда из Армении – один из самых низких в постсоветском европейском пространстве уровней жизни населения этой страны. Наиболее большие масштабы армяно-белорусской миграции пришлись на период развала Советского Союза. Численность армянского этноса в Беларуси за 1989–1999 гг. увеличилась с 4933 чел. до 10191 чел., т. е. более чем в 2 раза. Это самый высокий показатель для титульных этносов бывших советских республик. По переписи населения 2009 г., в Беларуси проживает 8512 армян – это шестое место армянской диаспоры в этнической структуре страны.

Наибольшие масштабы белоруской миграции, естественно, приходится на российский вектор. Однако отметим, что, как в отношении характеристики белорусской миграции (имеет она положительное или отрицательное сальдо в целом), так и в отношении характера белорусско-российской миграции имеются разночтения.

Согласно данных текущего статистического учета Белстатом (Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь), величина международной миграции Республики Беларусь за годы XXI столетия постоянно характеризуется положительным сальдо. К примеру, по этим данным, за 2010–2015 гг. положительное сальдо миграции Республики Беларусь составило: 2010 г. – 10303 чел., 2011 г. – 9900 чел., 2012 г. – 9328 чел., 2013 г. – 11643 чел., 2014 г. – 15722 чел. и в 2015 г. – 18494 чел. Также согласно этим данным положительное сальдо миграции Республики Беларусь со странами бывшего Советского Союза составило соответственно: 2010г. – 10561 чел., 2011 г. – 10048 чел., 2012 г. – 7590 чел., 2013 г. – 10293 чел., 2014 г.– 13943 чел. и в 2015 г. – 15826 чел. Из них, по данным национального текущего статистического учета Белстата, на долю Российской Федерации приходится почти половина положительного сальдо миграции Республики Беларусь, составившее 24755 чел., в т. ч. в 2010 г. – 5031 чел., 2011 г. – 4713 чел., 2012 г. – 3067 чел., 2013 г. – 4772 чел., 2014 г. – 4662 чел. и в 2015 г. – 2700 чел.

Но анализ данных российской статистики о величине безвозвратной белорусско-российской миграции показывает совсем иную тенденцию, значительно отличающуюся от данных Белстата. Российские данные за период 2010–2015 гг. выявляют, что Россия в миграционном обмене с Беларусью имеет положительное сальдо в 35152 чел. Белорусские данные за этот период показывают, что, наоборот, Россия имеет отрицательное сальдо на 24745 чел. (табл. 1). То есть, отклонение составляет 60 тыс. чел. Это не позволяет однозначно утверждать, что белорусское миграционное сальдо положительно.

Таблица 1

Сравнительная характеристика миграционного белорусско-российского обмена, по данным текущего статистического учета Национального статистического комитета Республики Беларусь и Федеральной службы государственной статистики России за 2010–2015 гг. (чел.).

Годы	**Данные Белстата**			**Данные Росстата**		
	Прибыло	**Выбыло**	**Прирост**	**Прибыло**	**Выбыло**	**Прирост**
2010	9268	4237	5031	4894	2899	1995
2011	9666	4953	4713	10182	2622	7560
2012	8560	5493	3067	16564	6315	10249
2013	9150	4378	4772	15748	12031	3717
2014	9131	4669	4462	17878	11156	6722
2015	7837	5137	2700	17741	12832	4909
2010-2015	53612	28867	24745	83007	47855	35152

В этой противоречивой информации, на наш взгляд, за верные можно принять показатели Белстата о численности прибывших из Российской Федерации в Республику Беларусь, а в отношении численности прибывших из Беларуси в Российскую Федерацию – показатели Росстата, ибо и те и другие базируются на данных органов внутренних дел своих стран, фиксирующих реальное их прибытие. Что касается сведений о выбытии в ту или другую страну, то часто мы имеем дело с намерением переехать в эту другую страну. Реальное оформление их в странах прибытия может затянуться надолго, а может и не состояться, но в стране выбытия они уже числятся как эмигрировавшие. Поэтому показатели о численности безвозвратной белорусско-российской миграции за 2010–2015 гг. следующие: прибыло на постоянное место жительства в Беларусь из России – 53612 чел. (данные Белстата), а в Россию на постоянное место жительства из Беларуси прибыло 83007 чел. (данные Росстата). Это значит, что Россия имеет в миграционном обмене положительное сальдо почти в 30 тыс. чел., а Беларусь на эту величину – отрицательное сальдо.

Если взять белорусские показатели текущего статистического учета выбытия граждан Беларуси в Россию, то они зафиксировали данные в 28867 чел., т. е. почти в 2,9 раза меньше, чем российские показатели прибытия белорусских граждан на постоянное место жительства в Россию. Кроме разрыва времени между отъездом из одной страны (т. е. из Беларуси) и оформлением документом как прибывших в другую страну (т. е. в Россию), есть и другие факторы такого значительного превышения численности прибывших граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Росстата) по сравнению с выбытием граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Белстата). Это величина трудовой белорусско-российской миграции, которая, по аналитическим расчетам, в различные периоды колебалась от миллиона (2007–2008 гг.) до 600 тыс. чел. в 2013–2015 гг. белорусских граждан занятых на российском рынке труда.

Важным аспектом проблемы анализа масштабов, структуры и сфер приложения труда различных видов белорусско-российской миграции населения является демографическая структура мигрантов. По данным текущего статистического учета Белстата, в Беларусь из России на постоянное место жительства переезжают этнические (или родившиеся ранее на территории Беларуси) белорусы старших (пенсионных) возрастов, а в Россию из Беларуси переезжает трудоспособное население в активном репродуктивном возрасте. Это негативно сказывается на демографических процессах в Беларуси: резко растет удельный вес нетрудоспособного населения и сокращается репродуктивная база демографического потенциала Беларуси.

В последние годы растет численность эмигрировавших белорусов в западном направлении. По информации Европейского статистического комитета, численность граждан Беларуси, получивших в 2014 г. вид на жительство в европейских странах составила 80 тыс. чел. По общим количественным показателям это больше, чем граждан из России (73 тыс. чел.), но меньше, чем граждан с Украины (302,8 тыс. чел.). Правда, в сопоставимых

величинах от численности населения стран эмиграции процент граждан Беларуси, ставших в 2014 г. резидентами стран Европейского сообщества, оказался больше, чем аналогичный украинский показатель – соответственно 0,84 и 0,67%.

Таким образом, как реальная направленность, так и иммиграционные ориентации белорусского населения свидетельствуют, что за последние четверть века в постсоветском социуме сформировалось молодое поколение с новым менталитетом, которое в миграционной компоненте меньше ориентируется на постсоветское пространство. Российский рынок труда пополняет поколение 1975–1990 годов рождения. Молодое же поколение, воспитанное в новых социально-экономических и политических реалиях, ориентируется на западный вектор миграции. Из России в Беларусь возвращается поколение 1950–1960-х годов рождения. Миграция молодого и зрелого поколения из Беларуси, с одной стороны, и возврат старшего поколения, с другой стороны, усугубляет депопуляционные процессы Беларуси.

Из других государств ЕАЭС наибольшие масштабы белорусской иммиграции приходится на Казахстан, который приносит третью величину (после России и Украины) миграционного прироста Беларуси. Вклад остальных двух государств в миграционный прирост населения Беларуси не только существенно меньший в сравнении, к примеру с Казахстаном (Армения в 6 раз, а Киргизия в 18 раз меньше, чем Казахстан), но и даже значительно меньше в сравнении с другими странами своего региона. Но при этом характерна этническая особенность этой миграции: на постоянное место из Армении в Беларусь в основном прибывают армяне – более 75-79%, казахов – в 6 раз меньше (13-14%), а киргизов – в 7 раз меньше (11-12%), чем армян. На убывших в обратном направлении на одного уехавшего армянина приходится прибывших в такой пропорции 1:4,5 соответственно казаха и киргиза – 1:5,8 и 1:6,75.

В основном белорусская трудовая миграция с такими странами ЕАЭС, как Армения, Казахстан и Кигризия, осуществляется на договорной основе. Только с Россией удельный вес белорусской трудовой миграции на договорной основе в структуре трудовой миграции меньше (табл. 2). Вместе с тем, возникают проблемы в системе трудовых отношений в ЕАЭС. Одни из них связаны с тем, что, к примеру, на рынке труда Беларуси трудовых мигрантов извне государств ЕАЭС намного выше, чем из государств ЕАЭС, за исключением России. Так, в 2016 г. прибыло трудовых мигрантов из Китая – 7549 чел., Украины – 6348 чел., Узбекистана – 612 чел., Литвы – 452 чел., Турции – 386 чел.

Таблица 2

Сведения МВД Республики Беларусь о численности трудящихся мигрантов в Беларуси из государств – членов ЕАЭС, чел.[4].

Страна	**2016**	**2015**	**2014**
Армения	372	383	387
Казахстан	385	653	1034
Киргизия	50	72	48
Россия	2140	2209	4546
Всего	2947	3317	6015

Основные масштабы белорусской трудовой миграции связаны с белорусско-российской миграцией. По аналитическим расчетам в различные периоды колебались от миллиона (2007–2008 гг.) до 600 тыс. чел. в 2013–2015 гг. белорусских граждан, занятых на российском рынке труда. По данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации, в России дано разрешение (поставлено на учет) на трудовую деятельность более 300 тыс. чел. (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о численности граждан Республики Беларусь, поставленных на учет в России по месту пребывания за период с 3 февраля 2009 г. по 31 декабря 2015 г., чел. [3].

Регион	**Всего за период**	**из них:**

	2009-2015 гг.	**за 2015 г.**
Всего по России	1342476	307510
в том числе:		
Центральный федеральный округ	672420	156239
Северо-Западный федеральный округ	339940	86374
Южный федеральный округ	84632	18108
Северо-Кавказский федеральный округ	7195	1564
Приволжский федеральный округ	81812	16997
Уральский Федеральный округ	95925	15402
Сибирский федеральный округ	30331	5575
Дальневосточный федеральный округ	26744	3974
Крымский федеральный округ	3477	3277

Основной поток граждан Беларуси в миграционном движении с Россией ориентирован на Центральный федеральный округ (23,3% прироста) и Северо-Западный федеральный округ (25,4% прироста), из них – прежде всего в Москву и Московскую область, а также в Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Всего в этих двух федеральных округах число граждан республики в общей численности поставленных на учет в России в 2009–2015 гг. составляют более миллиона человек (75,4% общего трудового миграционного потенциала Республики Беларусь в Российской Федерации).

Таким образом, белорусско-российская миграция локализована: она осуществляется преимущественно в приграничных регионах (фронтьерская миграция). Эта ориентация белорусских трудовых мигрантов на близлежащие (т. е. приграничные) регионы России препятствует (создавая конкуренцию) иммиграции из среднеазиатских регионов.

В России белорусские трудовые мигранты не являются в классическом виде трудовыми мигрантами, как мигранты из других стран бывшего СССР. Белорусов в России можно назвать экспатами – теми, кто живет за пределами Беларуси, не меняя гражданства. Тем более, что по менталитету и социокультурным ценностям белорусы близки к русским. Многие из них стараются оформить два паспорта – гражданина Беларуси и России, что может негативно отразиться на демографической ситуации в стране. Это выдвигает на первый план заботу о сохранении своего демографического потенциала республики.

Расширение рынка труда в масштабе ЕАЭС ставит для трудовых мигрантов проблему их пенсионного будущего. В государствах Евросоюза юридически эта проблема урегулирована, хотя и там есть нестыковки в силу различного пенсионного ценза в различных странах. В странах, ранее входивших в состав Советского Союза, эта проблема не урегулирована. В силу этого в странах ЕАЭС, в которых действует единый рынок труда, началась проработка договора о пенсионном обеспечении трудящихся ЕАЭС по экспорту пенсий, учета стажа работы, приобретенного в другом государстве – члене ЕАЭС. Для белорусских трудовых мигрантов решение этих проблем особенно актуально в отношении России, где наиболее велика их доля. В Армении, Казахстане и Киргизии численность белорусских мигрантов незначительна. Более высока в белорусском рынке труда численность армянских трудовых мигрантов.

Таким образом, проблема пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в новых условиях социально-трудовых отношений на постсоветском пространстве ставит многие вопросы, как для граждан, так и для социальных структур, как внутринационального, так и международного характера.

© Злотников А.Г., Самлюга А.К. Текст. 2017

Список источников

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Стат. сб. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – 442 с.

2. Злотников А. Г. Демографическое измерение современной Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2006. – 212 с.

3. Злотников А. Г. Миграция в Беларуси. Тенденции и проблемы оценки // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – № 9. – С. 33-37.

4. (mvd.gov.by/main.aspx&gaid=323453; mvd.gov.by/main.aspx&gaid=263863; mvd.gov.by/main.aspx&gaid=224293 (дата доступа 23.03.2017).

Информация об авторах

1. Злотников Анатолий Геннадьевич (Беларусь, Гомель), кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры сферы услуг и статистики Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (246029, Республика Беларусь, Гомель-29, проспект Октября 50, e-mail: zlot@tut.by).

2. Смалюга Андрей Кондратьевич (Беларусь, Гомель), начальник отдела по гражданству и миграции по Гомельской области при МВД Беларуси, аспирант Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (246029, Республика Беларусь, Гомель-29, проспект Октября 50, e-mail:smalyuga97@mail.ru).

ZlotnikovA.G.,Smalyuga A.K.

BELARUSIAN MIGRATION IN THE EURASIAN REFLECTION

The peculiarities of the migration processes of modern Belarus are considered. The characteristics of the migration of the Belarusian population in the EAEU system are given. The peculiarities of the Belarusian-Russian labor migration are analyzed. The problems of pension provision of labor migrants in the EAEU are analyzed.

Keywords.Belarus, EAEU, migration, frontier migration, labor migration.

Information about authors

1. Zlotnikov Anatoly Gennadievich (Belarus, Gomel), PhD, Associate Professor, professor Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives (246029, Belarus, Gomel-29, prospect October, 50, e-mail: zlot@tut.by).

2. Smalujga A.K.(Belarus, Gomel), Head of the Citizenship and Migration Department of the Gomel Region under the Ministry of Internal Affairs of Belarus, aspirant Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives (246029, Belarus, Gomel-29, prospect October, (e-mail: smalyuga97@mail.ru).

УДК: 31.311.21

Е.С. Кованова

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

В статье анализируются основные причины и тенденции внутренней трудовой миграции населения российских регионов. Рассмотрены последствия внутренней трудовой миграции населения для регионов «доноров».

Ключевые слова: внутренняя трудовая миграция, направления миграционных потоков, российские регионы, уровень жизни населения.

Исследование миграции приобретает все более актуальный и междисциплинарный характер. Проблемы миграции и рабочей силы активно изучаются такими науками, как статистика, демография, мировая экономика, экономика труда, социология и др. Неуклонный рост внимания к проблемам миграции объясняется множеством факторов: усилением влияния миграции на общественные процессы, усложнением причин и последствий миграции.

Причины масштабной миграции многие отечественные и зарубежные исследователи видят в растущей дифференциации по уровню доходов и качеству жизни в различных странах мира [2, с. 74]. Для современной России характерны глубинные миграционные процессы, без которых было бы невозможно нормальное функционирование государства в целом и российских регионов [3, с. 81]. Необходимо отметить стихийный характер межрегиональной и внутрирегиональной миграции населения, который в условиях управленческого бездействия становится источником роста социально-экономических, демографических и других проблем не только отдельных регионов, но и страны в целом [1, с. 99].

Трудовая миграция - сложный объект исследования и включает в себя самые различные направления. Миграционные потоки трудовых мигрантов внутри страны в географически-пространственном отношении чрезвычайно сложны и многообразны. Трудовая миграция влияет на демографическую ситуацию, на развитие рынков труда и их сегментацию, на конкуренцию. В связи с этим исследование последствий трудовой миграции должно быть качественным и детальным.

При исследовании внутренней трудовой миграции важно изучить структуру миграционных потоков по направлениям. Прежде всего, необходимо выделить направления: внутрирегиональная и межрегиональная миграция населения.

Межрегиональная трудовая миграция населения представляет собой сложную систему. Статистико-экономический анализ миграционных процессов между регионами связан с изучением изменчивостью структуры миграционных потоков и изменчивостью ее во времени.

По данным Росстата в миграционных потоках современной России доминируют внутренние перемещения населения: на них в 1994 г. приходилось примерно 81 % миграционного оборота населения в стране, а уже в 2015 г. - 89,7 %. Роль внутренних передвижений в структуре миграции постоянно увеличивалась с середины 1990-х годов, и в результате этого произошло компенсирование миграционных потоков из бывших республик Советского Союза.

В общей структуре внутренних миграционных потоков в России более половины (начиная с 2001 года) всех перемещений населения приходится на внутрирегиональную миграцию, которая, как правило, идет преимущественно из сельской местности в города. В последние годы в структуре внутренних миграционных потоков доля межрегиональной миграции превысила внутрирегиональную миграцию.

Удельный вес внешней миграции населения с 2011 года увеличивается и в 2015 г. этот показатель составил 10,3 % от общего миграционного оборота.

При характеристике направленности и мощности миграционных потоков между регионами страны определяются объемы обмена мигрантами между субъектами РФ. Наибольшим объемом миграционных потоков отличаются Центральный, Приволжский и Сибирский федеральные округа. Наибольший отток населения наблюдается из Дальневосточного региона, Среди субъектов РФ наиболее быстрыми темпами за счет миграционного оттока сокращается число жителей Чукотского автономного округа и Магаданской области, Камчатской области, Сахалинской и Мурманской областей, Республики Коми. Приток населения на российском Севере в отдельные годы имели лишь Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа в Западной Сибири, где развивается мощный нефтегазовый комплекс.

Основными тенденциями современной ситуации по внутренней трудовой миграции можно считать увеличение областей миграционного оттока населения, уменьшение областей миграционного притока и постепенный рост дифференциации регионов страны по результативности миграционных потоков, т.е. происходит изменение региональной структуры внутренней трудовой миграции населения в РФ.

Исследование миграционных процессов, их роли в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации представляется особенно важным в современных условиях кризисного развития экономики регионов. В расширении недостаточной базы данных о внутренней трудовой миграции большое значение имеют специально организованные выборочные исследования.

Рынок труда в Российской Федерации становится более сегментированным и заметно его деление на рабочие места, занимаемые местным населением, мигрантские «ниши» [4, с.142]. Большая часть трудовых мигрантов сконцентрирована лишь в нескольких секторах экономики. Это те сектора, на работу в которые, как правило, сложно привлечь местное население из-за тяжелого, низкооплачиваемого и непрестижного характера работ. Мужчины, в основном, заняты тяжелым ручным трудом в строительстве, добыче и обработке полезных ископаемых, мастерских по ремонту автомобилей и бытовой техники, жилищных коммуникаций, бытовых службах, а также в сельском хозяйстве. Женщины заняты на подсобной работе в частных домах (присматривают за детьми, стариками, занимаются уборкой, приготовлением пищи и т.п.) или же заняты в торговле, работают в отелях и ресторанах, здравоохранении и на социальной работе [3, с.125].

Миграция специалистов лишает многие регионы квалифицированной рабочей силы, на многолетнее образование которой регионами были затрачены значительные средства. В средне - и долгосрочной перспективе потеря квалифицированной рабочей силы может на долгие годы стать преградой для экономического развития регионов и привлечения инвестиций.

Трудовая миграция населения регионов становится стратегией выживания, стабилизирует социально-экономическую обстановку в регионах, но доходы от нее не становятся источником быстрого роста благосостояния семей. Денежные переводы внутренних трудовых мигрантов способствуют скорее развитию текущего потребления и снижают мотивацию к активной занятости среди тех, кто их получает. Они почти не оказывают влияния на увеличение среднедушевых денежных доходов населения регионов и не снижают имущественную дифференциацию населения в регионах.

© Кованова Е.С. Текст. 2017

Список источников

1. Вишневский А.Г. Новая роль миграции в демографическом развитии России // Миграция в России 2000-2012. Хрестоматия в 3 томах / сост.: Н.В. Мкртчян, Е.В. Тюрюканова; отв. ред.: Ж.А. Зайончковская. Т. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. - М.: Спецкнига, 2013. - С. 97-110.

2. Зинченко А.П. Демографическая ситуация в российской деревне // Экономика сельского хозяйства России. - 2010. - №7. - С. 73-77.

3. Эльдяева Н.А., Джабинова Е.С. Опыт проведения переписей населения в Калмыкии // Вопросы статистики. - 2010. - № 3. - С.80-86.

4. Эльдяева Н.А. Проблемы измерения труда в инновационной экономике// В сборнике: Инновационное развитие российской экономики IX Международная научно-практическая конференция. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; Российский гуманитарный научный фонд.- 2016. - С. 142-144.

Kovanova E.S.

ACTUAL TRENDS OF INTERNAL LABOR MIGRATION OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF RUSSIA

The article analyzes the main causes and trends of internal labor migration of the population of Russian regions. The consequences of internal labor migration of the population for the regions of "donors" are considered.

Keywords: internal labor migration, directions of migration flows, russian regions, living standards of the population.

Information about the author

Kovanova Ekaterina Sergeevna, Candidate of Economics Associate Professor of the Department of Economic Security, Accounting and Finance Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. E-mail: ekovanova@yandex.ru

УДК: 314.7, 314.9, 331.5

А.Г. Коровкин, Е.А. Единак, И.Б. Королев

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ И СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ НА БАЗЕ БАЛАНСОВОГО ПОДХОДА

Рассматриваются различные подходы к прогнозированию численности и структуры населения РФ. Приводятся их прогнозные оценки, полученные с учетом структуры и динамики движения населения. Расчеты выполнены на базе различных сценариев рождаемости, тенденций межрегиональной миграции и внешней иммиграции.

Ключевые слова. *Прогнозирование, население РФ, моделирование, территориальное движение, баланс.*

Сокращение численности трудовых ресурсов накладывает существенные ограничения на темп роста экономики при текущем уровне производительности труда. В этой связи актуально исследование сложившихся и перспективных тенденций основных демографических процессов.

Опыт макроэкономического прогнозирования численности и структуры населения. Официальный прогноз, используемый при разработке государственной политики на федеральном и региональном уровнях, разрабатывается Росстатом в трех вариантах (низкий, средний, высокий) с использованием трех возможных сценариев динамики рождаемости, смертности и миграции. Последние формируются с учетом текущих тенденций прогнозируемых показателей, вероятности наступления событий, способных привести к их резким колебаниям, а также опыта других (например, европейских) стран. На сегодняшний день в силу ряда причин Росстат задерживает публикацию актуального расчета предположительной численности населения в разрезе регионов в связи с чем существует потребность в разработке альтернативных вариантов прогноза его численности и структуры.

Альтернативный прогноз разрабатывается, например, в Центре демографических исследований НИУ ВШЭ. Институт разрабатывает и традиционные, и вероятностные прогнозы, как среднесрочные – на 15-20 лет, так и долгосрочные – на 50 и даже на 100 лет. Сочетание различных вариантов развития (высокий, средний, низкий) трех ключевых демографических процессов – рождаемости, смертности и миграции, позволило разработать в 2012 г. 36 вариантов прогнозных сценариев численности и структуры населения РФ до 2030 года. При этом в основу расчетов положены данные Росстата, международных организаций, национальных статистических служб зарубежных стран и собственные расчетные показатели центра.

Другой подход к разработке демографического прогноза был в свое время использован в рамках системы народнохозяйственного прогнозирования. В рамках этой системы прогноз численности и структуры населения являлся лишь частью комплексного прогнозирования динамики и структуры трудовых ресурсов, занятости населения и рабочей силы. Сам комплекс моделей состоял из нескольких последовательных прогнозных расчетов, каждый из которых соответствовал определенной стадии воспроизводства населения. На базе демографического прогноза делались прогноз численности и структуры трудовых ресурсов; прогноз численности занятого населения и его распределения по сферам и отраслям народного хозяйства, прогноз производительности труда; прогноз образовательной и профессионально-квалификационной структуры занятого населения [11]. Все вышеназванные направления в той или иной степени получили свое дальнейшее развитие в рамках проводимых в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН исследований.

Анализ и прогнозирование населения и трудовых ресурсов с учетом динамики и структуры их движения. В настоящей работе рассматривается подход к прогнозированию общей численности населения и трудовых ресурсов, основанный на учете перспективных тенденций их движения, в том числе и территориального. Внутренние миграционные потоки являются важным фактором изменения структуры (состава) населения и трудовых ресурсов в стране и регионах, в то время как на формирование их численности влияют внешние миграционные связи вместе с динамикой рождаемости. Такой подход позволяет проводить исследования в области управления миграционными потоками и изучением его последствий в виде влияния на численность и структуру населения и отдельных его категорий.

В Советском союзе во второй половине 1960-х годов темп прироста населения трудоспособного возраста упал в два раза. На фоне экстенсивного развития промышленности изучение проблем движения населения и трудовых ресурсов вышли на первый план: велась большая работа по построению отчетных балансов движения населения и трудовых ресурсов для Краснодарского края, Латвийской ССР, Азербайджанской ССР, Эстонской ССР; балансов профессионального движения для Краснодарского края, Латвийской ССР; предпринята попытка разработки перспективного баланса отраслевого движения [2, 4, 7, 12]. В настоящее время наблюдается сокращение не темпов, а численности населения в трудоспособном возрасте, что актуализирует изучение вопросов подвижности населения и рабочей силы (см., например, работу [3], несмотря на определенную ограниченность используемого в ней подхода, прежде всего, с точки зрения практических выводов).

Данные о процессе межрегионального движения населения можно представить в виде шахматной таблицы. Система балансов движения населения и трудовых ресурсов, разрабатываемых как за отчетный период, так и на перспективу, на различных уровнях экономики – страна, регион, отрасль – позволяет рассматривать это движение как единый социально-экономический процесс [1, 4, 6]. Это дает возможность, интегрируя разрозненные статистические данные и таблицы, по аналогии с межотраслевым балансом производства и распределения продукта исследовать структуру движения населения и рабочей силы, а также влияние ее изменений на предложение труда в разных структурах с учетом многообразно возникающих взаимодействий и взаимосвязей. Подобные шахматные таблицы могут быть использованы для практического решения целого ряда научных задач (см., например, [4, 6]).

Сложившимися подходами к моделированию движения населения и трудовых ресурсов являются балансовый метод и теория марковских цепей как наиболее соответствующая специфике процесса движения населения. Однако возникает необходимость корректировки традиционного подхода, прежде всего в отношении трактовки исходной информации. В связи с этим была предложена балансовая модель движения населения и трудовых ресурсов, учитывающая неоднократные переходы людей, которая адаптирована под данные предоставляемые российской статистикой [4, 6]. Для случая замкнутой системы из n состояний такая модель строится, исходя из следующих гипотез:

перемещения людей из одного состояния (региона) в другое происходят в течение года t неоднократно и в любое время, причем r-й переход, совершенный индивидом с начала года, будет r-м шагом движения;

человек может в течение года пребывать определенное время в некотором «перевалочном» состоянии (возможно, не в одном) между начальным (на начало года) и конечным (на конец года) состояниями движения;

общее за год t число a_i (t) лиц, числившихся (побывавших) в состоянии (регионе) i, представляет собой сумму n_i (t-1) числа лиц в этом состоянии на начало года t и прибывших в него в течение этого года из всех других состояний (регионов), и переходов, которые совершены в пределах данного состояния (регионов) (например, так называемый внутрирегиональный оборот), т.е.

$$a_i(t) = n_i(t-1) + \sum_{j=1}^{n} b_{ji}(t), \; i = \overline{1,n}, \tag{1}$$

где $b_{ji}(t)$ – число переходов, совершенных в течение года t из состояния j в состояние i ($b_{ii}(t)$ – внутренний оборот людей в состоянии i);

- любой индивид, числившийся в течение года t в состоянии i, остается в нем или в процессе движения переходит в другое состояние (возможно, в то же) с заданными вероятностями соответственно $q_i(t)$ и $m_{ij}(t)$, которые оцениваются в виде:

$$q_i(t) = n_i(t)/a_i(t), \; i = \overline{1,n}; \tag{2}$$

$$m_{ij}(t) = b_{ij}(t)/a_i(t), \; i,j = \overline{1,n}. \tag{3}$$

Введенные оценки вероятностей связаны соотношением

$$q_i(t) + \sum_{j=1}^{n} m_{ij}(t) = 1, \; i = \overline{1,n}. \tag{4}$$

Взаимосвязанную систему структурных параметров модели, например, вероятностей закрепления и перехода, в дальнейшем можно условно называть структурой движения.

Матричная запись выражения (1): $N(t) = A(t)\hat{Q}(t)$, где $\hat{Q}(t) = diag\{q_i(t)\}$, $i = \overline{1,n}$, позволяет записать, что

$$N(t) = N(t-1)(E - M(t))^{-1}\hat{Q}(t) \tag{5}$$

или

$$N(t) = N(t-1)P(t),$$

где $A(t) = (a_1(t), a_2(t), \ldots a_n(t))$ – вектор-строка; $N(t-1) = (n_1(t-1), n_2(t-1), \ldots n_n(t-1))$ – вектор-строка; E – единичная n-матрица; $P(t) = (E - M(t))^{-1}\hat{Q}(t) = D(t)\hat{Q}(t)$ – стохастическая матрица.

Таким образом, структурные параметры, задаваемые матрицами $\hat{Q}(t)$ и $M(t)$, позволяют получить рекуррентное соотношение, связывающее распределение общей численности населения и трудовых ресурсов по n состояниям на начало и конец года с учетом неоднократных в течение этого периода перемещений индивидов.

Существует также и открытый вариант модели (5). В этом случае имеется специфика определения и задания оценок вероятностей m_{ij} ($i = \overline{n+1, n+k}$, $j = \overline{1,n}$) прибытия в систему из n состояний из k внешних источников и оценок вероятностей m_{ij} ($i = \overline{1,n}$; $j = \overline{n+1, n+k}$) выбытия за пределы системы по каждому из k внешних направлений. Это требует специального рассмотрения способа задания и определения этих вероятностей.

Модель (5) позволяет рассчитать рассмотренные характеристики движения населения и трудовых ресурсов, а также применить методы исследования, основанные на моделях межотраслевого баланса и теории марковских цепей. В частности, на основе предпосылок модели можно оценить вероятности итоговых за отчетный год переходов из исходных состояний в конечные ($P = //p_{ij}//$).

Такие оценки позволяют исследовать данные о движении населения и трудовых ресурсов, используя результаты, полученные для дискретных марковских моделей,

например, всевозможные вероятностные величины, выраженные в терминах фундаментальной матрицы [14, 15].

На сегодня наиболее полным с точки зрения наличия требуемой для его построения информации является баланс территориального движения населения. Важнейшим направлением его использования является разработка соответствующих прогнозных балансов на ряд лет в будущем и получением, в том числе, перспективных оценок численности и структуры населения [1, 2, 4].

Оценка перспективной численности и структуры населения РФ с учетом динамики его движения. Лежащая в основе расчетов модель позволяет осуществлять трендовый и факторный прогноз. Пассивный (трендовый) прогноз дает оценку возможного диапазона изменений численности населения РФ и ее регионов с учетом тенденций его межрегионального движения и различных гипотез относительно процессов рождаемости и внешней иммиграции.

Для установления причинно-следственных связей элементов структуры миграционных процессов балансовый подход должен сочетаться с факторными моделями. В рамках этих моделей в качестве объясняющих факторов миграции учитываются абсолютные или относительные показатели (факторы), характеризующие ситуацию на национальном и региональных рынках труда, уровень дохода, доступность жилья, демографические, климатические, географические и др. территориальные различия. Анализ большинства современных факторных моделей выявил, что прогнозируемые показатели миграции чаще всего представлены в виде величин абсолютного миграционного потока, его логарифма, а также коэффициента чистой миграции между двумя территориями. Между тем такой подход обладает существенным недостатком: зависимые переменные не представляют взаимосвязанной системы показателей, что может существенно снизить адекватность их факторного моделирования и прогнозных оценок.

Кроме того, в основе прогнозирования динамики численности и структуры населения на базе балансового подхода может лежать интегрированная факторно-трендовая модель межрегиональной миграции [10, 13]. По одной из ее модификаций расчеты проводятся по факторной (регрессионной) модели, которая представляет собой гравитационную модель, учитывающую социально-экономическое расстояние (соотношение социально-экономических факторов для регионов въезда и выезда). Результаты разработки факторного прогноза с использованием социально-экономического расстояния в качестве объясняющего фактора представлены, например, в [9].

Представленные в данной работе оценки прогнозной численности и структуры населения РФ выполнены на основе методов пассивного прогнозирования. Прогноз был сделан при следующих предположениях: для межрегиональной миграции учитывались ее тенденции, сложившиеся на двух базовых временных периодах (1991-2016 гг. и 1999-2016 гг.). Перспективная динамика рождаемости была основана на официальном прогнозе Росстата с учетом трех сценариев (низкий, средний и высокий); в отношении внешней иммиграции рассматривались два потенциальных сценария: сохранение ее объемов на уровне 2015 г. и ежегодного ее увеличения на 5%. Таким образом, сочетание рассмотренных вариантов развития процессов рождаемости, внешней иммиграции и внутренней межрегиональной миграции в совокупности дает 12 вариантов прогнозных сценариев численности и структуры населения РФ до 2030 года.

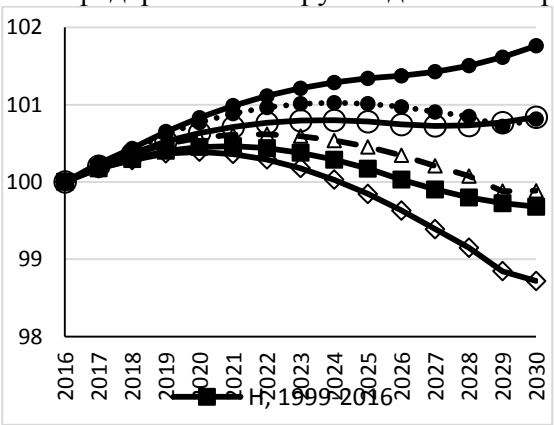
С точки зрения изменения численности населения страны совокупность вариантов можно разбить на две группы, прогнозирующих ее рост и снижение. Рост населения до 145 млн. человек и более, согласно расчетам, может произойти в рамках девяти вариантов (здесь и далее приводятся оценки без учета Республика Крым и г. Севастополь). Они включают в себя 6 сценариев, учитывающих ежегодный рост объемов внешней иммиграции на 5% (при любом из трех сценариев динамики рождаемости), три сценария с учетом объемов внешней иммиграции на уровне 2015 г. и высокого варианта рождаемости, а также среднего варианта рождаемости и пролонгации тенденций

межрегиональной миграции, сложившихся на более коротком базовом периоде (1999-2016 гг.).

Согласно оставшимся вариантам в ближайшие 14 лет население России упадет ниже уровня 2016 г., по худшему из них – до 142,7 млн человек. Это может произойти в рамках развития трех сценариев с нулевым приростом иммиграции, низким вариантом рождаемости и одним средним вариантом рождаемости с учетом пролонгации тенденций межрегиональной миграции, сложившихся на периоде 1991-2016 гг.

На рис. 1 представлена прогнозная динамика темпов роста численности населения на базе различных сценариев рождаемости (Н – низкий вариант, С – средний вариант, В – высокий вариант), тенденций межрегиональной миграции (1991-2016 и 1999-2016) и динамики внешней иммиграции (рис. 1, а – на уровне 2015 г.; рис. 1, б – с учетом ее ежегодного увеличения на прогнозном периоде на 5%).

Анализ прогнозной территориальной структуры населения может быть также выполнен в разрезе федеральных округов и субъектов РФ. Так, в двух из трех сценариев, согласно которым численность населения РФ к 2030 г. снизится, прогнозируется рост численности населения Центрального, Южного и Уральского федеральных округов. Приволжский и Дальневосточный федеральные округа в любом из 12 рассмотренных сценариев теряют население, но с различной интенсивностью. Но в отдельных субъектах этих федеральных округов для некоторых вариантов прогнозируется рост населения.



а)

б)

Рис. 1. Прогнозная динамика темпов роста численности населения по вариантам, %, 2016-2030 гг.

Прогноз динамики численности и структуры населения на базе балансового подхода имеет особую значимость при исследовании вопроса влияния территориального движения населения и трудовых ресурсов на предложение рабочей силы в регионах, на взаимосвязи локальных рынков труда (территориальное движение занятого и безработного населения, мобильность разных групп экономически неактивного населения: учащихся, пенсионеров). Результаты таких исследований важны, поскольку для повышения эффективности функционирования национального и региональных рынков труда требуется детально разработанный и адаптированный к современным условиям инструментарий прогноза развития сферы занятости и рынков труда регионов РФ, учитывающий существующие и перспективные взаимосвязи между ними.

© Коровкин А.Г., Единак Е.А., Королев И.Б. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 16-06-00347 «Прогнозно-аналитическое исследование межрегионального движения населения и рабочей силы на основе балансовых построений».

Список источников

1. Баранов Э.Ф., Бреев Б.Д. Основные принципы построения балансов движения трудовых ресурсов. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1969.
2. Бреев Б.Д. Подвижность населения и трудовых ресурсов. М.: Статистика, 1977. 175 с.
3. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В. «Дороги, которые мы выбираем»: перемещения на внешнем и внутреннем рынке труда [Электронный ресурс]: препринт WP/2016/02/. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). 48с.
4. Коровкин А. Г. Движение трудовых ресурсов: анализ и прогнозирование. М.: Наука, 1990. 208 с.
5. Коровкин А.Г. Согласование динамики вакантных рабочих мест и рабочей силы в России // Проблемы прогнозирования. 1999. № 2.
6. Коровкин А. Г. Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. М.: МАКС Пресс, 2001. 319 с.
7. Коровкин А.Г. Движение населения и трудовых ресурсов: опыт анализа и прогнозирования // Мы и наши планы. М.: Мысль, 1986.
8. Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королев И.Б. Взаимодействие региональных рынков труда: опыт анализа, моделирования и прогнозирования // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин– М.: МАКС Пресс, 2008. с. 543-570.
9. Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королев И.Б., Полежаев А.В. Подходы к факторному прогнозированию внутренней миграции населения и рабочей силы России // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН – М.: МАКС Пресс, 2009. с. 626-658.
10. Коровкин А.Г., Полежаев А.В., Андрюнин А.В. Структурные изменения и взаимодействия региональных рынков труда: методы и анализ // Проблемы прогнозирования. 2002. №4. с. 134-148.
11. Методы народнохозяйственного прогнозирования. Под редакцией ак. Федоренко Н.П., ак. Анчишкина А.И., д.э.н. Яременко Ю.В. М.: Наука. 1985.
12. Перспективный межотраслевой баланс движения населения и трудовых ресурсов: Метод. и методол. вопр. / Отв.ред.Э.Ф. Баранов. М. Наука, 1984.
13. Прикладное прогнозирование национальной экономики: учебное пособие / под ред. В.В. Ивантера, И.А. Буданова, А.Г. Коровкина, В.С. Сутягина. – М.: Экономистъ, 2007.
14. Снелл Дж. Конечные цепи Маркова. М.: Наука, 1970.
15. Феллер В. Введение в теорию вероятностей и ее приложения. М.: Мир, 1964. Т.1.

Информация об авторах

1. Коровкин Андрей Германович (Россия, г. Москва) – доктор экономических наук, зав. лабораторией, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 117418, г. Москва Нахимовский проспект, д. 47, e-mail: ecfor1809@mail.ru

2. Единак Екатерина Александровна (Россия, г. Москва) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 117418, г. Москва Нахимовский проспект, д. 47, e-mail: ecfor1809@mail.ru

3. Королев Иван Борисович (Россия, г. Москва) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 117418, г. Москва Нахимовский проспект, д. 47, e-mail: ecfor1809@mail.ru

Korovkin A.G., Edinak E.A., Korolev I.B.

THE NUMBER AND POPULATION STRUCTURE FORECASTING ON THE BASE OF THE BALANCE APPROACH

Various approaches to forecasting the size and structure of the RF population are considered. Their forecast estimates are obtained, taking into account the structure and dynamics of population movement. The calculations are based on various fertility scenarios, interregional migration trends and external immigration.

Keywords. Forecasting, RF population, modeling, territorial movement, balance.

Information about authors

1. Andrey Germanovich Korovkin, Doctor of economic sciences, Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences, head of the laboratory of labor resources forecasting, 117418, Moscow, Nachimovskij prospect, 47. tel. (495) 1293700, fax (495) 7189771, e-mail: akor@ecfor.ru

2. Ekaterina Alexandrovna Edinak, Candidate of Economic Sciences, Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences, laboratory of labor resources forecasting, Researcher, 117418, Moscow, Nachimovskij prospect, 47. tel. (495) 1293700, fax (495) 7189771, e-mail: ecfor1809@mail.ru

3. Ivan Borisovich Korolev, Candidate of Economic Sciences, Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences, laboratory of labor resources forecasting, Senior Researcher, 117418, Moscow, Nachimovskij prospect, 47. tel. (495) 1293700, fax (495) 7189771, e-mail: ecfor1809@mail.ru

УДК: 314.7

Е.С. Красинец

О МИГРАЦИОННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье проанализированы особенности миграционных процессов в государствах-членах Евразийского экономического союза. Охарактеризовано участие Российской Федерации в миграционном взаимодействии со странами евразийской интеграции. Дана оценка направлениям и структуре миграционных потоков в формате ЕАЭС. Рассмотрены проблемы взаимодействия России с государствами нового интеграционного Союза в миграционной сфере. Особое внимание уделено формированию и реализации миграционной политики на международном уровне в контексте развития интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), евразийская интеграция, международная миграция, миграционное взаимодействие, трудящиеся-мигранты, миграционная политика, регулирование миграции.

К числу важнейших аспектов развития интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) относится международная миграция населения. Для государств евразийской интеграции межгосударственная миграция, как между отдельными странами, так и за пределы евразийского пространства, представляет один из значимых факторов, определяющих их устойчивое экономическое и социальное развитие. Международная миграция оказывает большое влияние на формирование демографического и трудового потенциала евразийской интеграционной группировки. По данным Евразийской

экономической комиссии, в 2015 году общий миграционный прирост населения государств-членов ЕАЭС составил 220,9 тыс. человек и обеспечил более трети (33,4%) увеличения численности населения этого интеграционного объединения.

Евразийский интеграционный проект содержат целый ряд позитивных идей, получивших свою реализацию в миграционной сфере. Важнейшие среди них - свободное перемещение рабочей силы и обеспечение права граждан Евразийского интеграционного объединения осуществлять трудовую деятельность в любой стране Союза без получения разрешения на ее осуществление. Объем прав, которыми трудовые мигранты пользуются на территории стран-участниц евразийского интеграционного объединения, практически равен правам граждан страны пребывания. Равные права обеспечены в сферах образования, имущественных и трудовых отношений (трудоустройство, оплата и условия труда, режим рабочего времени и времени отдыха, охрана труда), социального обеспечения и медицинской помощи. Свобода передвижения и трудоустройства для граждан стран-участниц ЕАЭС является важным стимулом для других государств к присоединению к этому интеграционному проекту.

Согласно официальных данных, в 2016 году в России число поставленных на миграционный учет иностранных граждан из стран, вошедших в ЕАЭС, составило 2,35 млн. человек, в том числе из Армении – 631,7 тыс. человек, или 26,9% от их общего числа, из Беларуси – 345,8 тыс. человек (14,7%), Казахстана – 545,7 тыс. человек (23,2%),, Киргизии – 826,6 тыс. человек, или свыше трети - 35,2% [1].

Весьма важное значение для решения проблем миграции на евразийском пространстве имеет оценка направлений и структуры миграционных потоков. Нетрудно заметить, что Евразийская интеграция представляет собой неоднородное пространство с точки зрения результативности международной миграции населения. Миграционные потоки в рамках ЕАЭС ориентированы прежде всего на Российскую Федерацию. В силу действия современных экономических факторов главным и крупнейшим центром притяжения многочисленных миграционных потоков в регионе является Россия. Кроме того, в качестве другого центра притяжения мигрантов выступает Беларусь.

В последний пятилетний период (2011-2015) демографический потенциал России и Беларуси за счет миграционного прироста устойчиво увеличивался. Миграция выполняла важную компенсирующую роль в депопуляции населения. Однако на фоне положительного миграционного сальдо под воздействием факторов экономического развития в этих странах проявлялись разнонаправленные миграционные тренды – с одной стороны, долгосрочная тенденция снижения интенсивности международного миграционного обмена и ослабления миграционного притока в Российскую Федерацию, а с другой - усиление миграционного притяжения в Республике Беларусь. Так, в Беларуси в этот период в результате потоков международной миграции миграционный прирост населения увеличился в 1,9 раза, тогда как в России произошло снижение нетто-миграции - почти на четверть (табл. 1).

Таблица 1

Сальдо межгосударственной миграции в странах ЕАЭС,
2011-2015, тыс. человек

	2011	2012	2013	2014	2015
Армения	-28,5	-9,4	-24,4	-21,8	-25,9
Беларусь	9,9	9,3	11,6	15,7	18,5
Казахстан	5,1	-1,4	-0,3	-12,2	-13,5
Кыргызстан	-39,4	-7,5	-7,2	-7,8	-4,2
Россия	319,8	294,9	295,9	270,0	245,4

Источник: данные Евразийской экономической комиссии [2].

В международном миграционном взаимодействии Беларусь отличается от России и более высокой результативностью миграции. Несмотря на то, что в чистый миграционный приток населения в Россию по своим масштабам многократно превосходит миграционный прирост Беларуси, по коэффициенту интенсивности чистой миграции Республика Беларусь оказывается впереди. По данным Евразийской экономической комиссии, в 2015 году в результате межгосударственного миграционного обмена в расчете на 1000 жителей Беларусь получила 2,0 человека, в то время как Россия – 1,7 человека.

В рамках ЕАЭС активными участниками миграционных процессов являются Армения, Кыргызстан и Казахстан, которые в последние годы в межгосударственном обмене населением с другими странами характеризовались отрицательными результатами миграции. Причем интенсивнее теряет население Республика Армения. Перекрывая естественный прирост населения, мощный миграционный отток из Армении для демографического развития республики сохраняет отчетливо выраженный кризисный характер. Напротив, в Казахстане и Кыргызстане процессы естественного воспроизводства населения многократно перекрывают его миграционную убыль, что обеспечивает устойчивый тренд роста демографического потенциала в этих странах евразийского пространства.

В настоящее время нестабильное экономическое развитие стали причиной масштабного оттока трудовых мигрантов из Российской Федерации. Однако Россия остается основной «принимающей стороной» трудовых мигрантов из стран евразийского пространства. Наиболее крупным поставщиком рабочей силы на российский рынок труда из государств евразийской интеграции является Кыргы́зская Респу́блика. В 2016 г. на работу в Россию въехали 361,9 тыс. граждан Кыргызста́на, или почти половина (48,8%) от общего числа трудовых мигрантов из государств-членов ЕАЭС [3]. Согласно официальных данных, второе место по абсолютному количеству трудовых мигрантов занимает Армения - 209,9 тыс. человек (28,3%), третье – Белару́сь, из которой на работу в Россию прибыло 97,7 тыс. человек (13,2%). Гораздо менее ощутимым для российской экономики является участие трудовых мигрантов из Казахстана, из которого в течение 2016 года с целью работы на отечественный рынок прибыло 71,6 тыс. человек, или 9,7% от общего количества иностранных работников стран евразийской интеграционной группировки.

Сложность и противоречивость экономических и социально-политических процессов дальнейшего развития евразийского интеграционного объединения закономерно выдвигают на первый план немало конкретных вопросов, касающихся регулирования миграционных потоков в ЕАЭС, в частности, проблемы формирования единого миграционного пространства, общего рынка труда, создания институтов, координирующих трудовую миграцию внутри интеграционной группировки. Важное значение имеет решение задач в области социального страхования и пенсионного обеспечения трудовых мигрантов. Нерешенными остаются вопросы проведения совместных действий по охране границ интеграционной группировки, пограничного и иммиграционного контроля, пребывания и легализации трудовой деятельности незаконных мигрантов. В настоящее время иммиграционная политика в странах Союза осуществляются изолированно, а иногда асинхронно. Каждая страна проводит свою визовую политику в отношении третьих стран и пытается регулировать миграцию исключительно в своих собственных интересах. Посылающие страны стараются отправить за границу максимально возможное количество трудовых мигрантов, чтобы получить от них больше денежных переводов, не стимулируя при этом развитие собственных экономик.

По мнению А.В. Топилина, в настоящее время необходимо цивилизованное перераспределение рабочей силы и более эффективное использование совокупного трудового потенциала стран-членов ЕАЭС [4]. Для решения проблем в миграционной сфере стран евразийского интеграционного объединения можно выделить несколько основных направлений. Важные задачи в этой области связаны прежде всего с принятием мер по гармонизации национальных миграционных законодательств государств ЕАЭС, направленных на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового

регулирования в миграционной сфере, сближение миграционной политики государств-участников нового интеграционного объединения для устойчивого и сбалансированного экономического роста, повышения эффективности использования трудовых ресурсов, правовой и социальной защиты населения, создание бесконфликтных условий переселения населения и трудовой миграции из одних стран в другие [5]. Необходимо принятие отдельного международного договора, регулирующего вопросы пенсионного обеспечения трудящихся-мигрантов и членов их семей.

На международном уровне следует принять конкретные меры по формированию и развитию миграционной инфраструктуры (бирж, рекрутинговых агентств, сети социальных центров поддержки трудящихся стран ЕАЭС и членов их семей и их правовой защиты) для обеспечения информацией о возможностях трудоустройства, занятости и социальной защиты, поиска работы, создания условий для эффективного использования объединенного трудового потенциала государств-партнеров путем организованного перемещения рабочей силы в регионы и страны, испытывающие дефицит работников [6].

К числу важнейших задач интеграционной группировки в миграционной сфере относится координация деятельности участников ЕАЭС в области установления визовых режимов с соседними странами, формирование единой системы иммиграционного контроля, действующей внутри Союза.

Наконец, нельзя не отметить проблему достоверности и полноты статистических данных, которые характеризуют трудовую миграцию в целом по России, в том числе в странах Евразийского экономического союза. Ключевые задачи в этой сфере связаны с решением вопросов учета объемов и структуры трудовой миграции.

В Российской Федерации официальная информация о численности иностранных трудовых мигрантов представляется на основе данных административного учета количества выданных патентов на право занятия трудовой деятельностью и числа выданных разрешений на привлечение иностранной рабочей силы. Однако гражданам стран, входящих в Евразийский экономический союз, на российской территории не требуется получения разрешений на работу и им не нужно получать патенты. В результате в России фактически отсутствует полномасштабный учет трудовых мигрантов. В статистической практике количество трудовых мигрантов из Белоруссии и стран Евразийского экономического союза не учитывается. Не ведется учета распределения иностранной рабочей силы по полу, возрасту и квалификации. Отсутствие учета процессов движения трудовых ресурсов в странах ЕАЭС затрудняет понимание миграционной ситуации и структуры миграционных потоков в целом по Союзу, искажает общие масштабы трудовой миграции и оценки ее воздействия на экономическое развитие стран.

В контексте активизации миграционной политики в формате евразийского интеграционного объединения необходимо развитие системы статистического наблюдения на основе административных систем учета населения и системы выборочных исследований по вопросам международной миграции. Требуется не только отследить межгосударственный учет миграции и наладить взаимообмен информацией о состоянии национальных рынков труда, но и произвести полный внутренний учет миграционных процессов государств. Важное значение имеет создание в рамках Евразийского экономического союза интегрированной автоматизированной информационной системы о миграционных перемещениях населения, формирование единой базы данных регистрационного учета иностранных граждан и лиц без гражданства, налаживание статистического учета всех трудовых мигрантов на пространстве Союза, разработка общей информационной базы данных о незаконных мигрантах.

Без создания механизма сбора достоверной информации о реальных масштабах и структуре миграционных потоков и генерирования надежной информационной базы как основы для разработки миграционной политики невозможно формирование современной эффективной системы регулирования потоков трудовой миграции и принятие решений в

области совершенствования управления миграционными процессами на евразийском пространстве.

© Красинец Е.С. Текст. 2017

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ, проект № 17-22-01001.

Список источников

1. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya (дата обращения: 4 мая 2017 г.). Евразийский экономический союз в цифрах. Статистический ежегодник. Евразийская экономическая комиссия, 2016. С. 48.

2. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya (дата обращения: 4 мая 2017 г.).

3. Топилин А.В. Общий рынок труда и миграция: новые возможности в рамках ЕАЭС // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 10 (132). С. 75.

4. Котляров Н.Н., Левченко Л.В., Алексеев П.В. Проблемы и перспективы свободного движения рабочей силы в ЕАЭС // Экономические науки. 2015. № 12 (133). С. 140. Осадчая Г.И. Россия в контексте евразийской интеграции: социальное измерение // Вестник РУДН. Серия: Социология. Октябрь 2015. Т. 15. № 4. С. 66.

Информация об авторе

Красинец Евгений Семенович (Россия, г. Москва) - к.э.н., заведующий лабораторией миграционных исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН), 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, дом 32, e_krasinets@mail.ru.

Krasinets E.S.

ON MIGRATION INTERACTION OF RUSSIA WITH THE COUNTRIES OF THE EUROASIAN INTEGRATION

This paper analyzes the features of migration processes in member states of the Eurasian Economic Union. There was characterized the participation of the Russian Federation in migration interaction with the countries of the Eurasian integration. The work gives assessment of the directions and structure of migration flows in the format of EEU. There were examined the problems of interaction of Russia with the states of the new integration Union in the migration sphere. Special attention is paid to formation and realization of migration policy at the international level in the context of development of integration processes on the Eurasian space.

Keywords: Eurasian Economic Union (EEU), Eurasian integration, international migration, migration interaction, migrant workers, migration policy, migration regulation

Information about the author

Krasinets Evgeniy Semenovich (Russia, Moscow) - Candidate of Economic Sciences, Head Laboratory of Migration Studies, The Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS), (117218, Moscow, Nakhimovsky Avenue, 32, e_krasinets@mail.ru)

УДК: 314.744

Т. В. Куприна

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ СТРАН ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются проблемы международной миграции стран-участниц ЕАСЭ. Дается сравнительно-сопоставительный анализ исторических событий, способствовавших активизации миграционных потоков, а также современных тенденций, влияющих на перераспределение международных трудовых ресурсов.

Ключевые слова: международные миграционные потоки, страны-участницы ЕАЭС, тенденции развития

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), включающий Россию, Армению, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан, является международной организацией региональной экономической интеграции, обеспечивающей проведение единой политики в отраслях экономики, свободу движения не только товаров, услуг, капитала, но и рабочей силы. ЕАЭС создан для всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик, условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-участников.

В данной статье рассматривается миграционные потоки международного человеческого потенциала, который и обеспечивает модернизацию и инновационное развитие стран-участниц, оказывает значительное влияние на перераспределение международных трудовых ресурсов и разделение труда.

Так, по данным Евразийской экономической комиссии миграционный прирост населения в январе – сентябре 2016 года по сравнению с соответствующим периодом 2015 года в Беларуси сократился в 2,4 раза (январь – сентябрь 2015 года 15 096 человек), в России – увеличился на 16,2%. Миграционный отток населения в Армении уменьшился на 13,4%, в Кыргызстане – на 4,4% (Таблица 1).[1]

Таблица 1

Международная миграция населения в январе – сентябре 2016 года

Страны	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост (отток «-»), человек
Армения	13,400	27,500	-14,100
Беларусь	15, 543	9, 262	6, 281
Казахстан	нет данных	нет данных	нет данных
Кыргызстан	2, 318	5, 470	-3, 152
Россия	425, 977	229,524	196, 453

Среднемесячная номинальная заработная плата в пересчете на доллары США в январе – декабре 2016 года составила в Армении 391 доллар, Беларуси – 363 доллара, Казахстане – 416 долларов, Кыргызстане (в январе – ноябре 2016 года) – 200 долларов, России – 549 долларов. Уровень безработицы в целом по ЕАЭС составил: 5,4% (III квартал 2016 года) численности экономически активного населения, в том числе в Армении – 18,1% (III квартал

[1] О демографической ситуации в государствах – членах Евразийского экономического союза. Январь – сентябрь 2016 года. URL: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/expressdemogr201609.pdf (дата обращения 26.02.2017)

2016 года), Казахстане – 5,0% (декабрь 2016 года), Кыргызстане – 7,6% (2015 год), России – 5,3% (декабрь 2016 года).[1]

Таким образом, продолжает существовать ряд проблем, касающихся международных миграционных потоков и их занятости на территории ЕАЭС. Проанализировав данные, полученные экспертами стран ЕАЭС, можно сделать определенные обобщения, выявить ряд сходств и различий.

Прежде всего, следует отметить те исторические события, которые повлияли на рост миграционных потоков в странах ЕАЭС.

Так, за годы независимости *Армении* наблюдалось три волны эмиграции: первая волна была вызвана распадом СССР, карабахской войной и блокадой. В 1991-1994 гг. уехало около 550 тысяч человек. Вторая волна была достаточно массовой: в 1999-2001 гг. нетто-эмиграция составила 190 тысяч человек. Третья волна, которую мы наблюдаем сейчас, началась в 2008г., и, хотя она менее массовая, чем в 1999-2001 гг. и тем более в 1991-1994 гг., число покинувших Армению велико. Причем число ежегодно покидающих страну имеет тенденцию к росту. В 2010-2011 гг. наблюдался эмиграционный «бум», который, продолжается и сейчас [4].

Миграционные процессы постсоветского периода в *Казахстане* имели не только стихийный, массовый характер, но и беспрецедентные масштабы. Пик внешней миграционной активности в Казахстане приходится на 1994 год: во внешних миграционных процессах участвовало свыше полумиллиона - 547 467 человек: страну официально покинуло 477 068 прежних граждан и прибыло 70 389 иммигрантов. Всего же, только за 9 лет, с 1991 - по 1999 годы, - во внешних миграционных процессах в Казахстане участвовало 3,3 млн. человек [5].

Миграция в *Кыргызстане* также имеет продолжительную историю. В советский период с целью выравнивания уровней социально-экономического развития союзных республик в Кыргызстане велось широкомасштабное строительство предприятий. Однако нехватка специалистов способствовала притоку рабочей силы в республику. После распада СССР рост миграционных потоков снизился, причиной чего послужило снижение темпов индустриального строительства в сочетании с высоким естественным приростом населения и высоким количеством специалистов при закрытии ряда предприятий и сельхозобъединений. Таким образом, республика превратилась в трудоизбыточный регион с высоким уровнем как внешней, так и внутренней миграции [3].

Что касается Республики *Беларусь*, она отличается наиболее стабильным политическим климатом и отсутствием межэтнических конфликтов, что в начале 1990-х годов привлекало большие потоки миграции из бывших советских республик. Пиковым был 1992 год, когда внешняя миграция со странами СНГ и Балтии составила 66,9 тыс. человек, а отток населения в другие страны был незначительным. В настоящее время естественное воспроизводство населения незначительно и выравнивание ситуации возможно за счет миграционных потоков [7].

Основными современными причинами миграции являются социально-экономические: дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы, низкий уровень жизни, поиск сфер приложения труда, увеличение реальных доходов, улучшение жилищных условий.

Так, 93,5% опрошенных в *Армении*, в качестве причин эмиграции, отметили проблемы с занятостью. 46,5% заявили о том, что в стране нет работы, 43% - пожаловались на низкую зарплату. Трудовыми мигрантами являются 13,1% и 1,7% экономически активного мужского и женского населения Армении соответсвенно. Примерно половина из них находится в возрастной группе 21 – 40 лет, другая половина – 41 – 60 лет. Более 75% мигрантов имеет среднее или среднее специальное образование, около 20% – высшее. 93 % трудовых мигрантов выехало на работу в Россию [9].

---

[1] Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза. Январь – декабрь 2016 г. URL: http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Indicators201612.pdf (дата обращения 27.02.2017)

По данным исследования, почти каждая третья семья Армении участвует в миграции. Соответственно, были выделены четыре типа семей (подобную характеристику можно дать и для остальных стран ЕАЭС. – Прим. Т.В.Куприной): семьи, не имеющие трудовых мигрантов; семьи мигрантов, занимающихся кратковременной торговой миграцией (длительность поездок не более месяца), так называемых «челноков»; семьи мигрантов, имеющих работу на долговременной основе (не менее года), так называемых «постоянных» мигрантов; семьи мигрантов, занимающихся среднесрочной трудовой миграцией (длительность поездок от месяца до года), так называемых «сезонных» мигрантов [11].

Среди мигрантов Армении преобладают мужчины - около 78% по всей совокупности. Только в группе «челноков» гендерное распределение уравновешено – примерно по половине. На возрастные группы от 35 до 44 лет приходится основная доля мигрантов – 64,4%. Если возрастные границы раздвинуть от 25 до 55 лет, на них придется 84,8% мигрантов. При этом более «пожилые» группы – это «челноки» и «сезонники»: их средний возраст примерно 50 лет. «Постоянные» мигранты – более молодые: их средний возраст 34 - 35 лет. Причем, Россия однозначно является наиболее успешной страной для мигранта (более половины ответов) [11].

В *Казахстане* наиболее мобильным оказалось поколение 25-40-летних ученых, инженеров, математиков, компьютерщиков, высококвалифицированных рабочих. Наиболее востребованными странами эмиграции стали Россия, Германия, Израиль, США, Канада, Австралия. Наряду с экономическим фактором (развитая экономика, высокий уровень жизни, перспективы саморазвития) учитывались такие факторы как крупная немецкая диаспора в Германии и иммиграционная политика Канады и США, как стран наций-иммигрантов.

Для *Кыргызстана* основными принимающими странами являются Россия, Казахстан (300 тыс. и 50 тыс. кыргыстанцев, соответственно), Узбекистан; из стран дальнего зарубежья – Германия, Израиль, США, как более благополучные экономически и практикующие политику привлечения соотечественников (Германия, Израиль). Во внешней миграции Кыргызстана специалисты с высшем образованием составляют 23%, мигранты со среднем и средне-специальным образованием 66% от общего миграционного потока. Наибольшая часть трудовых мигрантов (около 83%) представлена этническими кыргызами, их них 96% - люди в возрасте 18-45 лет. Существует и реальная угроза сохранению этнической целостности Кыргызстана, т.к. брошенные мигрантами земли и пустующие дома находят спрос у жителей сопредельных государств [3].

Распад семей становится еще одной проблемой международной миграции. Так, в Кыргыстане происходит рост семей с одним родителем или без родителей, в которых дети находятся на попечении родителей или соседей. Это ведет к разрушению семейных ценностей и национальных традиций. В Армении подобную проблему отмечают 84,4% постоянных и 79,1% сезонных мигрантов. Однако более половины «челноков» (52%) считают, что миграционная деятельность не влияет на жизнь семьи [3; 9].

По данным Национального статистического комитета Республики *Беларусь* основная часть мигрантов приходится на страны СНГ (84,4%), а на другие страны – около 15%. Однако общее количество мигрантов превышает фиксированные данные, т.к. часть мигрантов могут жить на территории республики без регистрации (например, российские пенсионеры). Проблемы нелегальной миграции обусловлены географическим положением Республики, через которую пролегают маршруты в Западную Европу. Таким образом, большинство мигрантов рассматривают Беларусь как транзитное государство. Но ужесточение миграционной политики европейских стран приводит к тому, что мигранты, не сумев попасть в желаемые страны, предпринимают попытки осесть в этой стране [2].

Иммигранты с высшим образованием приезжают в Беларусь, в основном, из прилегающих стран (Латвии, Литвы, Украины) и Китая. [1]

Основными причинами эмиграции являются смена места жительства и разница в уровнях оплаты труда. Эмиграция осуществляется, в основном, в страны дальнего зарубежья (Германия, США) и Россию. Основной отток кадров носит временный характер с целью поддержки семей, которые продолжают жить, учиться и работать в республике. Наибольший отток квалифицированных и руководящих работников наблюдается в РФ, что обусловлено более высоким уровнем заработной платы в крупных российских городах и прилегающих к ним областях.

Россия входит в пул государств с самыми высокими показателями численности находящихся на их территории иностранных граждан. В последние десятилетия международная миграция стала для страны важным фактором политического, экономического и демографического развития [14]. Можно сказать, что Россия является связующим звеном для миграционных потоков стран ЕАЭС.

В России иммигранты из Азии и Кавказа чаще всего трудятся на стройках в Москве и других регионах России. А также убирают придомовые территории, участвуют в строительстве дорог, работают в сфере обслуживания, то есть занимают те рабочие места, которые у местного населения спросом не пользуются. В течение года можно наблюдать миграцию по отраслям: зимой мигранты работают в торговых центрах, весной и летом уходят в строительство и сельское хозяйство, осенью – на сбор урожая.

Свердловская область занимает 5 место в России по количеству мигрантов. На учете в ФМС состоит 201 тысяча приезжих. Основные сферы занятости мигрантов – клининг, предприятия общественного питания, подсобные работы, строительство. Самые популярные у работодателей профессии — подсобный рабочий (5755 заявок), водитель (2367) и штукатур (1708). По прогнозу средний размер заработной платы трудового мигранта в 2015 году составит 18 тысяч рублей [10].

Миграция в Россию весьма специфична по сравнению с миграцией в страны Запада. Культурная дистанция между мигрантами из бывших советских республик и основным населением России гораздо меньше, чем в странах Западной Европы. Единая система образования, существовавшая на территории бывшего СССР на протяжении более чем полувека и охватившая несколько поколений, до сих пор обеспечивает хорошее владение русским языком у старшего поколения. Президент В.В.Путин на встрече с президентом Кыргызстана А. Атамбаевым 28 февраля 2017 года в Бишкеке также обозначил значимость русского языка как языка международного общения для стран СНГ и ЕАЭС, что является значительным преимуществом, например, по сравнению со странами ЕС, где лидеры говорят на разных языках.

Кроме того, благодаря высокой мобильности части населения бывших советских республик, сегодняшние мигранты обладают высокой степенью социальной компетенции. Навыки социальной коммуникации, приобретенные этими людьми в советский период (в качестве сезонных рабочих, а также торговцев на рынках в российских городах) позволяют им эффективно функционировать в экономической и коммерческой сфере. Иными словами, их адаптационная способность и, соответственно, способность к интеграции неизмеримо выше, чем способность к интеграции иммигрантов, пытающихся обустроиться в Западной Европе. С другой стороны, проблемы касаются желания самих мигрантов к интеграции.

Следует отметить, что 52% мигрантов, вернувшихся по Программе содействия добровольному переселению соотечественников, поддерживаемой правительством РФ, например, в Екатеринбург и область (в основном из бывших советских республик) имеют высшее образование. Часто устраиваются на работу самостоятельно, среди них инженеры, преподаватели, врачи, программисты [8].

---

[1] Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. URL: http://mvd.gov.by/ (дата обращения 27.02.2017)

Миграция в Россию все в большей степени стала приобретать феминизированный характер. Это может свидетельствовать об изменении социальных установок исходящего общества. «Все чаще женщины вынуждены зарабатывать самостоятельно, в силу различных личных и семейных причин, при этом почти каждая из них признается в том, что готова к выезду за пределы своей страны с целью заработка» [6, с.80-81].

Кроме того, мигрантами создаются неформальные мигрантские сети, с помощью которых они находят работу и жильё, а в их круг общения в России вовлекается значительное число людей. Существенным показателем для адаптации является место (город), куда мигранты планируют приехать. Более отдаленные города оказываются более выгодными, чем, например, Москва, что объясняется более низкими потребительскими расходами и стоимостью жилья.

С другой стороны, наблюдается и отток из России высокопрофессиональных кадров. Наилучшие возможности для нового старта, по мнению россиян, предлагают страны с развитой экономикой (Австрия, Германия, Швейцария — 44%), страны Северной Европы (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция — 42,8%) и Северная Америка (США, Канада — 27%). По данным Exclusive Personnel, российские менеджеры реально востребованы в бывших советских республиках, потому как бизнес там развивается медленнее, чем в России. Кроме того, нет жесткого языкового барьера, который препятствует адаптации в Австралии, странах Европы и Америки [12].

Стоит сказать и о перспективных членах ЕАЭС. В частности, как отмечают эксперты, существует взаимный интерес между странами ЕАЭС и Узбекистаном, что обусловлено следующими причинами: уровнем товарооборота между странами, развитой железнодорожной инфраструктурой и стратегическим положением страны. Вступление Узбекистана в ЕАЭС могло бы упростить и перемещение мигрантов, т.к. присоединение позволит им тратить меньше средств и времени на получение разрешений. С другой стороны, станет проще привлекать в Узбекистан высококвалифицированных специалистов, которые необходимы в промышленности и сфере IT-технологий [13] .

К основным факторам выталкивания (push) Е.Б. Бедрина, Е.Х. Тухтарова относят: этнический, демографический и экономический, который усиливается административными препонами, сдерживающими внутреннюю сельскую миграцию в городские поселения, и экологическими проблемами, имеющими место в Узбекистане. К основным факторам притяжения (pull) относятся: безвизовый режим между странами, разница в уровне доходов на душу населения и наличие свободных вакансий в стране-реципиенте (России), существование исторических связей и относительно низкий языковой барьер, наличие в стране эмиграции родственников или знакомых и возможность изменения социального статуса [1, с. 605-606].

Таким образом, в процесс трудовой миграции вовлечены представители самых разных социальных слоев, национальностей, наиболее производительных возрастных групп, различного статуса в занятости, профессиональной принадлежности.

В настоящее время наблюдается значительный миграционный поток из стран ЕАЭС в Россию, при определенном оттоке высококвалифицированных специалистов. В результате Россия получает категорию мигрантов с иными культурными традициями, что требует их адаптации к новым жизненным условиям. По мнению экспертов, улучшению миграционной ситуации в стране может способствовать социализация мигрантов за счет их успешности в профессиональной сфере, возможность занять трудовые ниши, соответствующие их возможностям, развитие системы подготовки специалистов по востребованным специальностям. Одновременно, существует проблема психологической и социо-культурной адаптации мигрантов. Причем, это процесс двусторонний, т.к. важную роль играет восприятие мигрантов местным населением.

Однако опыт работы за рубежом имеет и свои выгоды, т.к. позволяет приобретать новые навыки как в профессиональной, так и в социальной сфере. Не менее значима проблема социальной адаптации мигрантов, вернувшихся на родину (преодоление

реверсивного кросс-культурного шока – Прим. Т.В. Куприной). Смена жизненных условий требует времени и усилий для встраивания в изменившейся ритм жизни страны и самореализации в этих условиях. Вернувшиеся мигранты могут сталкиваться с рядом проблем гражданско-правового характера, социально-экономической и социо-культурной адаптации.[1]

©Куприна Т. В. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ ОГОН № 16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России».

Список источников

1. Бедрина Е.Б., Тухтарова Е.Х. Мониторинг факторов формирования миграционных потоков из Узбекистана в Россию // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2016. Том 15. № 4. С.589-611.

2. Казак Т.И. Миграционные процессы в Республике Беларусь. УО «Полесский государственный университет», 2015. URL: http://sci-article.ru/stat.php?i=1431633871 (дата обращения 01.03.2017)

3. Киргизия. Трудовая миграция в Киргизии. URL: http://atlasmap.ru/index.php/spr/144798 (дата обращения 25.03.2017)

4. Микаелян Г. Внешняя миграция в Армении: тенденции, направления, численность. URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=6837 (дата обращения 20.03.2017)

5. Мустафаев Н. Миграционная ситуация в Казахстане. URL: http://www.zakon.kz/66494-migracionnaja-situacija-v-kazakhstane.html (дата обращения 25.03.2017)

6. Назарова Е. Гендерные аспекты иммиграции в Российскую Федерацию: проблемы и перспективы изучения // Управление мегаполисом, 2010. №4. С.80-85. URL: http://elibrary.ru/download/44275643.pdf (дата обращения: 2.03.2017).

7. Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси / Отв. редакторы: Палади Г.А., Шахотько Л.П., Гагауз О.Е. Кишинев: Штиинца, 2010. С. 246-270. URL: http://demoscope.ru/weekly/2011/0471/analit03.php (дата обращения 5.03.2017)

8. Переселенцам на Средний Урал выделили 2,3 миллиона рублей по федеральной программе. URL: http://news.mail.ru/inregions/ural/66/society/17530157/?frommail=1(дата обращения: 21.02.2017).

9. Причины миграции из Армении – социально-экономические. URL: https://news.am/rus/news/87404.html (дата обращения 15.03.2017)

10. Свердловская область занимает 5 место в России по мигрантам.URL: http.//new.mail.ru/ integrations/ural/66/society/14292770/?frommail=1(дата обращения: 20.03.2017).

11. Трудовая миграция населения Армении: средство, предотвращающее бедность. URL: http://otherreferats.allbest.ru/sociology/00016572_0.html (дата обращения 20.03.2017)

12. Эмиграция предпринимателей подрывает экономику России. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/19939551/10-rossiyan-gotovyatsya-uehat-iz strany#ixzz2vwPefD7o (дата обращения: 25.03.2017).

[1] Аналитические отчеты. // По итогом исследовании на тему: Условия и состояние социальной реабилитации трудовых мигрантов – граждан Кыргызской Республики после возвращение на родину. Бишкек, 2008. с.7-8

13. Эксперт: Узбекистан может задуматься о вступлении в ЕАЭС после выборов. URL: https://pulseoftheday.ru/article/1412919 (дата обращения 5.05.2017).

14. Якимова О.А. Медиадискурс миграционного процесса в контексте взаимодействия принимающего и иммигрантского сообществ // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал, 2013. №11(31). URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/1120131/pdf_448 (дата обращения: 2.02.2017).

Информация об авторе

Куприна Тамара Владимировна (Россия, Екатеринбург) – канд. пед. наук, доцент Уральского федерального университета, Высшая школа экономики и менеджмента, кафедра международной экономики (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; тел. (343) 375 41 48; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

Kuprina T.V.

FEATURES OF EAEC MIGRATION FLOWS: COMPARATIVE ANALYSIS

The article deals with the problems of international migration of EAEU countries. There is a comparative analysis of historical events contributed to the intensification of migration flows, as well as modern trends affecting the international redistribution of labor resources.

Keywords: international migration flows, the EAEU counties, development trends

Information about the author

Kuprina Tamara (Russia, Yekaterinburg) – PhD, Associate Professor, Ural Federal University, Graduate School of Economics and Management, International Economics Department (Russia; 620002, Yekaterinburg, 19, Mira st., 19; тел. (343) 375 41 48; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

УДК: 911.6+33

В. В. Литовский

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ОЖИДАНИЯ В СФЕРЕ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ПОТЕНЦИАЛ ЕГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЛЯ ЕКАТЕРИНБУРГА

В статье рассматривается потенциал пространственного перераспределения человеческого капитала с учетом его трансформации и ожиданий востребованности для Екатеринбурга.

Ключевые слова: человеческий капитал, востребованность, пространственное перераспределение, инфраструктура, Екатеринбург

Оценивая ближайшие трансформации в сфере человеческого капитала на Российском инвестиционном форуме 2017 г. в Сочи, специалисты во главе с ректором Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) В. А. Мау отмечают возможное сокращение в ближайшие 10 лет от 5 до 10 млн рабочих мест из 76 млн, имеющихся на сегодняшний день. В то же время к 20 млн рабочих мест предполагается изменение требований [1]. А это фактически также предполагает сокращение занимающих их ныне людей и последующую их замену более компетентным персоналом. С учетом приводимых прогнозных данных о безработице в 2017 г. (от 7 до 7,5%, что эквивалентно 5,3-5,5 млн чел.) [2] в России к 2027–2030 гг. можно ожидать образование до 25 млн вакансий и примерно такое же предельное значение безработицы. По данным аналитиков рекрутинговой компании «Superjob», переломным для российского рынка труда является 2017 год. В этот период политика компаний будет сводиться к найму лучших сотрудников, а старым сотрудникам будет предлагаться

уволиться или заняться профессиональным развитием. С 2018 г. ожидается ежегодное сокращение на 5% предложений для сотрудников низкой квалификации с ростом реальной безработицы на ту же величину. А стало быть, при существующих тенденциях общий уровень реальной безработицы в России к 2022 г. может достичь 20–25%, что согласуется с ранее приведенной оценкой. В то же время, спрос на специалистов высокой квалификации продолжит расти. Однако сохранить занятость населения нынешними методами государственной поддержки это вряд ли позволит [3], поскольку нынешняя ситуация усугублена тем, что учебными заведениями Министерства образования РФ продолжается выпуск специалистов, не востребованных рынком труда. От 30 до 60 % из них после окончания учебных заведений вынуждены работать не по специальности. Не внушает оптимизма и ситуация в части деклараций об инновационном сценарии развития страны. Связано это с тем, что ныне при заявленной амбициозной задаче, обнародованной в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию на 2017 год – запустить системную программу развития цифровой экономики, необходимо 3-5 млн IT-специалистов, а наши учебные заведения готовят их в год только 40 тыс. [1]. Таким образом, даже при нынешней потребности в 300-400 тыс. вакансий в IT-сфере реально вузы готовят специалистов на порядок меньше. По другим направлениям ожидается повышение спроса на специалистов в сфере добычи сырья, по разведке и совершенствованию технологий разработки месторождений. С учетом ожиданий новой волны и смены технологического уклада в сфере транспортных коммуникаций и машиностроения в промышленности, судя по всему, окажутся востребованными инженеры-машиностроители, в авиационной промышленности – инженеры-авиатехники, в лесной сфере – технологи-деревообработчики, в пищевой промышленности – технологи-пищевики и т. д. В сфере продаж возрастет востребованность менеджеров по продажам высокотехнологичных продуктов, в банковской сфере – специалистов по работе с залогами и проблемной задолженностью, в юриспруденции – в специалистах по международному и налоговому праву.

По мнении. А. А. Давыдова [4], фундаментальная причина сокращений рабочих мест – их автоматизация и прогресс в сфере цифровой экономики на базе расширения области применения информационных технологий (ИТ). Выгодность этого обусловлена тем, что ИТ-проекты дают быструю отдачу, они окупаются фактически за год, а темпы их роста сдерживаются лишь недостатком должных мощностей и ИТ-специалистов. Результаты же их деятельности налицо – там, где раньше сидели клерки, ныне – электронные госуслуги, бухгалтеров успешно заменяют интернет-сервисы, юристов – семантические программы разбора договоров, диспетчеров такси — сервисы Яндекса и Убера. В преддверии сокращения – водители, кассиры, операторы колл-центров и др. Таким образом, мы оказались в ситуации, когда новых рабочих мест стало меньше, чем старых, примерно на 20%. При этом если на данном этапе автоматизируется преимущественно самый большой сектор занятости – сектор услуг, то в перспективе это ждет и сельское хозяйство с промышленностью, где уже сейчас рабочие места почти не генерируются, а современные заводы малолюдны и автоматизированы. Более того, многие виды бизнеса стали смешанными или гибридными с элементами информационных технологий.

Итак, следует констатировать, что ныне темпы сокращений нарастают с ускорением 25% в год. В 2027 г. это приведет к сокращению около 5 млн рабочих мест, а за 10 лет – 21 млн рабочих мест, затем следует ожидать сходного замедления роста рабочих вакансий с ежегодной убылью в 25%. В итоге за 20-25 лет в статус рабочих мест с информационными технологиями перейдет до 40 млн вакансий [4].

Фактически в условиях автоматизации и компьютеризации производств незатронутыми оказываются лишь те рабочие вакансии, где требуются уникальные знания и исследования (то есть сфера научной деятельности, генерации новых знаний и технологий), а также – сфера воспитания детей, где необходима высокая эмоциональная отдача воспитателя и персонифицированная передача социокультурных и личностных кодов.

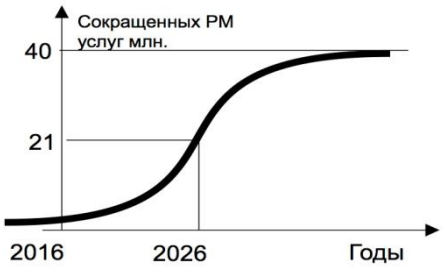


Рис. 1. Сокращение рабочих мест (РМ) по А. А. Давыдову [4]

Что же следует предпринять Свердловской области или Екатеринбургу в условиях ожиданий таких сокращений в России (до 20 млн сокращений рабочих мест)? Очевидно, что невозможность компенсации одним и тем же человеческим капиталом этих вакансий повлечет перемещение невостребованных людей из более затратных для жизни городских районов в менее затратные, а в перспективе – и в загородную (дачную) черту. А это уже сейчас с учетом сформированных у большей части населения городских стандартов проживания и качества жизни требует развертывания поселений (по А А. Давыдову) типа так называемого кантри-полиса (Country*Polis) [5]. Итак, выходом из создавшегося положения могут стать* мегаполисы с пространственно сильно распределенной селитебной зоной (предместьями и деревнями) – кантри-полисы, которые, с одной стороны, «переламывают» тенденции последних лет к сужению экономического пространства на территории России, а с другой – сами нуждаются в специфических эффективных, современных и экологичных транспортных коммуникациях и общественном пассажирском транспорте, обеспечивающих часовую доступность центра мегаполиса для населения кантри-полисов.

Таким образом, кантри-полис – это поселение с комфортными домами малой этажности, развитой современной инфраструктурой и земельными участками – территориальное образование, которое позволяет семьям с относительно невысокими доходами жить с современными благами «на земле», дистанцированно от центральных городских кварталов, но с возможностью быстрого доступа к ним, к торговым и бытовым объектам, равно как и к огороду с природными рекреациями, благодаря наличию современной эффективной транспортной инфраструктуры.

В аспекте формирования членов общества новой генерации кантри-полисы являются своего рода идеальными «заводями» для выращивания и воспитания в экологичных условиях детей, равно как и территориями здоровьесбережения людей старшего поколения, где современные технологии позволяют существенно снижать издержки сельского быта и его трудоемкости, освобождают время взрослого населения для саморазвития, воспитания детей и внуков. Вместе с тем данный подход не следует смешивать с выдвинутой в 2001 г. и получившей очередной импульс в 2016 г. концепцией «Большого Екатеринбурга» как агломерации с условными границами [6-8], нацеленной на слияние экономических потенциалов городов.

Как видно на рисунке, в Большом Екатеринбурге планируется заселение окружности с радиусом 100 км. Что же касается, кантри-полиса – то это, прежде всего, рекреационный буфер с возможностью агрофункций (по И. фон Тюнену).

В работе [9] мною было показано, что сбаланированное развитие Екатеринбурга с учетом выявленных закономерностей между численностью его населения и необходимым приростом территории вводит существенные ограничения на выше приведенную пространственную схему развития города.

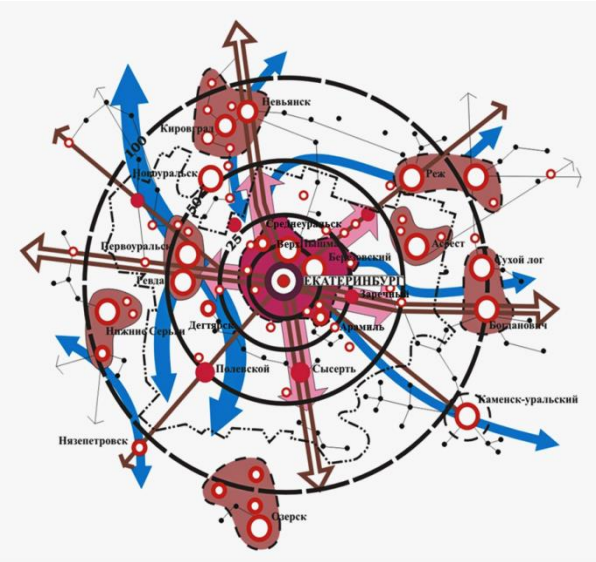


Рис. 2. Пространственная схема Большого Екатеринбурга [6]

Дело в том, что генеральным критерием при переходе от предыдущей схемы расселения к следующей является выполнение условия неизменной плотности заселения территории при численности взрослого населения предшествующего этапа $N_{i,j}$ и исходной площади $S_{i,j}$ к следующим $N_{i,j+1}$, $S_{i,j+1}$:

$$\frac{N_{i,j}}{S_{i,j}} = \frac{N_{i+1,j}}{S_{i+1,j}} = \frac{N_{i,j+1}}{S_{i,j+1}} = const \;\; i = 1,2,3,....k \text{ , } j = 1,2 \text{ (1 – для квадрата, 2- круга) (1) ,}$$

При этом с учетом реальной истории развития Екатеринбурга и использования для него наиболее подходящей модели обеспечения равнодоступности территории посредством сглаживания углов квадратного плана окружностью для каждого этапа эволюции ($i = 1,2,3,....k$, $j = 1,2$) получаем простые соотношения между исходной стороной a квадратного поселения $(i = 1, j = 1)$, его полудиагональю $r_{i,j}$, равной радиусу описанной окружности, площадью поселения и численностью населения:

$$r_{i,j} = \frac{\left(\sqrt{2}\right)^{+i}}{2} \times a \text{ (1)}$$

$$S_{i,j} = \begin{cases} 2^{i-1} \times a^2; \; j = 1 \\ 2^{i-2} \times \pi \times a^2; \; j = 2 \end{cases} \text{ (2)}$$

$$N_{i,j} = \begin{cases} 2^{i-1} \times N_{1,1}; \; j = 1 \\ 2^{i-2} \times \pi \times N_{1,1}; \; j = 2 \end{cases} \text{ (3)}$$

В частности, уравнение (1) позволяет в явном виде оценить ступенчатый рост диагонали (радиуса) поселения для любой генерации жителей, (2) – соответствующую площадь города, а (3) – численность жителей в каждой генерации. Отсюда для исходного поселения размером 1 км х 1км на 25 генерации ($i = 13, j = 1$) получаем, что диагональ вырастает до 64 км, на 27-й ($i = 14, j = 1$) – до 128 км, а на 29-й – до 256 км. В реальности это означает неизбежную дискретизацию системы расселения при самосогласованном росте поселения и занятии пустынных окрестных территорий вокруг него. Другим вариантом является возникновение агломерации за счет слияния с близлежащими населенными пунктами. В итоге расчет показывает, что для дефрагментации саморазвивающегося города требуется от 450 до 500 лет.

В частности, в [9] для сбалансированного саморазвития Екатеринбурга было показано, что при лаге появления очередной генерации в 20 лет доля совершеннолетнего населения к 2023 г. должна составлять 800 тыс. чел. При лаге же в 18 лет настоящему периоду соответствует 17-й шаг итерации (с 2011 г.). В этом случае количество взрослого населения должно было бы составлять не менее 1 млн чел. (1024 тыс. на 2011 г. и 1607 –на 2029 г.).

Таким образом, пространственные схемы расселения необходимо увязывать со сбалансированной для них численностью населения.

В качестве возможной альтернативы для развития транспортной инфраструктуры кантри-полиса в данной работе предлагается исходить не из морально устаревших традиционных коммуникаций, а из активно развиваемой ныне экономичной и экологичной транспортной инфраструктуры второго уровня [10]. В этом аспекте для систем пространственного расселения предложена модель схемы «полярное кружево» (Литовский В. В., 2016), которая позволяет создать высоко связанные автоматизированные и информатизированные коммуникации и системы общественного транспорта с многовариантной логистикой транспортного обслуживания (рис. 3).

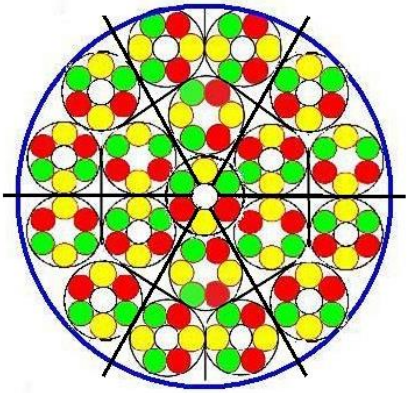


Рис. 3. Схема инфраструктуры второго уровня «полярное кружево» (по В. В. Литовскому, 2016) из шести- и семиколечных модулей с радиальными линейными участкам сети для кантри-полисов, включая «Большой Екатеринбург».

В ней предлагается выделенная система скоростного пассажирского пригородного транспорта, которая обеспечивает доступ к центру города в пределах часа, что решает поставленные требованиями жизни задачи.

©Литовский В. В. Текст. 2017

Благодарность

Работа выполнена в соответствии с Планом НИР ИЭ УрО РАН «Систематизация тенденций, факторов и механизмов современного этапа эволюции процессов регионального пространственного социально-экономического развития и инфраструктурного обустройства», № темы 0404-2015-0024 в ИСГЗ ФАНО»

Список источников

1. Варламов К. В. Человеческий капитал как фактор экономического развития // Российский инвестиционный форум. 27—28 февраля 2017 г. Сочи. [Электронный ресурс]. URL: http://rusinvestforum.org/program/programma-foruma/.

2. Безработица в 2017 году в России. // Персонал Эксперт. – 08.12.2016. [Электронный ресурс]. URL:http://www.perexp.ru/node/204

3. Чернова Н. Безработица-2017:. Как будет вести себя рынок труда, кто неизбежно попадет в зону риска. // Новая газета. – 27.01.2017. [Электронный ресурс]. URL:https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/01/27/71305-belye-serye-chernye

4. Давыдов А. А. ИТ ведут к социальному перелому // Ноев Ковчег. – 04.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://rnk-concept.ru/30073

5. *Давыдов А. А.* Жизненный уклад, кантри-полис, транспорт и машиностроение – все новое // Ноев Ковчег. – 27.03. 2017. [Электронный ресурс]. URL:http://rnk-concept.ru/27434

6. Борисевич П. Александр Высокинский разложил «Большой Екатеринбург» в пять пунктов // РБК. – 13.04.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://ekb.rbc.ru/ekb/13/04/2016/570e43749a794788502a04ff

7. Концепция развития Екатеринбурга. Проект «Большой Екатеринбург». [Электронный ресурс]. URL: http://zemlya96.ru/koncepciya-razvitiya/

8. Спиридонов В. Ю. «Большой Екатеринбург»: обеспечение устойчивого развития системы расселения // Архитектон. - 2005. – №10. [Электронный ресурс]. URL: http://archvuz.ru/2005_2/16

9. Литовский В. В. Моделирование численности населения и роста населенных пунктов при освоении территорий // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сб. мат-лов VI Уральского демографического форума с междунар. участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. – С.71-79.

10. Литовский В. В. Концепция размещения в Арктике производительных сил на базе инфраструктуры второго уровня А. Э. Юницкого и пространственная модель транспортной сети «полярное кружево» для «мобильных поселений» // Вестник Мурманского технического университета. Социально-экономические науки. – 2016. – Т. 19, № 2. – С. 431–442. [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.mstu.edu.ru/v19_2_n66/12_Litovsky_431_442.pdf

Информация об авторе

Литовский Владимир Васильевич (РФ, Екатеринбург), Институт экономики УрО РАН, заведующий сектором размещения производительных сил и территориального планирования, VLitovskiy1@yandex.ru

Litovskiy V.

EXPECTATIONS IN THE FIELD OF TRANSFORMATIONAL HUMAN CAPITAL DEMAND AND ITS POTENTIAL FOR SPATIAL REDISTRIBUTION OF EKATERINBURG

The article examines the potential for spatial redistribution of human capital given its transformation and expectations demand for of Ekaterinburg.

Keywords. Demand for human capital, spatial redistribution, infrastructure, Yekaterinburg.

Information about the author

Litovskiy Vladimir (Russia, Yekaterinburg), Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS, Head of Sector of Productive Forces Distribution and Territorial Planning, VLitovskiy1@yandex.ru

УДК: 314; 338.1

М. Л. Лифшиц

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ СЦЕНАРИЯХ

В статье рассматривается, какими могут быть демографические перспективы России (рождаемость, численность и возрастная структура населения) при различных вариациях цен на нефть, санкций и нетто-миграции. Расчеты сделаны на основании эмпирически найденных закономерностей.

Ключевые слова: рождаемость, численность населения, возрастная структура населения, экономический рост, демографический прогноз, цены на нефть, нетто-миграция

В 2008–2013 гг. среднегодовые темпы экономического роста РФ составляли 1,87% при средних ценах на нефть Brent 95,4 долл/баррель, чистом притоке ежегодных иностранных инвестиций на уровне 3,08% от ВВП страны и практически неизменной численности трудовых ресурсов. Все эти условия в настоящее время изменились в худшую сторону. На иностранные инвестиции влияют санкции, нефть выше 80 долл. в обозримой перспективе можно встретить лишь в самых смелых прогнозах, а численность трудовых ресурсов до 2030 г. неизбежно будет снижаться.

В данной статье рассматривается, какими могут быть демографические перспективы России (рождаемость, численность и возрастная структура населения) при различных вариациях цен на нефть, санкций и нетто-миграции до 2030 г. При этом предполагается, что эмпирически найденные автором закономерности за период с I кв. 1999 г. по I кв. 2017 г. останутся неизменными до конца 2030 г.

Численность родившихся за квартал $t'qborn_t'$ будем оценивать с помощью формулы (1), коэффициенты которой найдены эмпирически за период с I кв. 1999 по I кв. 2017:

$$\Delta qborn2034_{(t;\,t-4)} = 0.265 + 0.0566 \cdot \Delta qgdp.pc_{(t-3;\,t-7)} + \varepsilon, \quad (1)$$

где $\Delta qborn2034_{(t;t-4)}$ — изменение числа родившихся детей на 1000 женщин в возрасте 20–34 лет по сравнению с аналогичным кварталом предыдущего года (АКПГ); $qgdp.pc_t$ — отношение объема экономики за квартал t (тыс. руб. в ценах 2011 г.) к численности населения; $\Delta qgdp.pc_{(t-3;t-7)}$ — прирост значения $qgdp.pc$ в том квартале, когда принимается решение о рождении ребенка, по сравнению с АКПГ; ε — остатки уравнения.

В 1999–2013 гг. на женщин в возрасте от 20 до 35 полных лет приходилось от 79,3 до 83,3% всех родившихся детей,[1] поэтому для формулы (1) использована именно эта возрастная группа. А поскольку численность женщин в возрасте 20-34 лет до 2028 г. будет снижаться (рис. 1), то логично ожидать и снижения числа родившихся детей, масштабы которого будут зависеть от динамики уровня жизни.

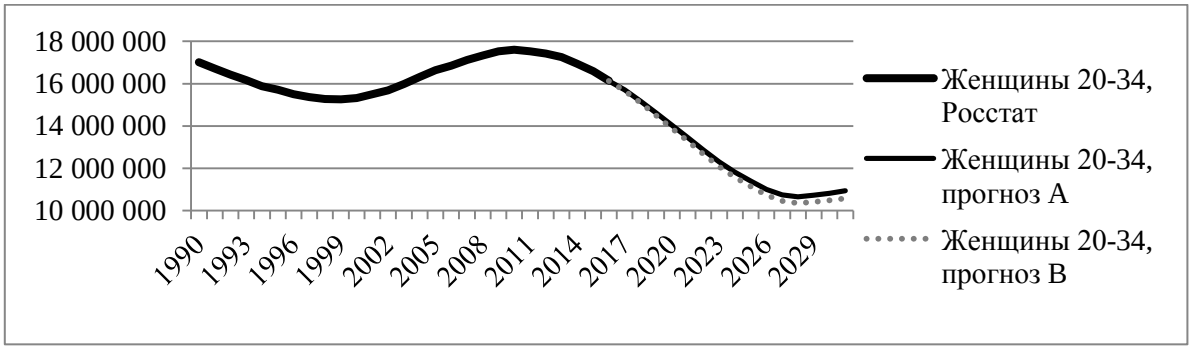


Рис. 1. Численность женщин возрастной группы 20–34 лет на начало года. По 2016 г. – данные Росстата, далее – 2 варианта прогноза автора

Демографические прогнозы *А* и *В* рассчитаны автором следующим образом. Для базового варианта (*А*) коэффициенты передвижки возрастов взяты максимальными из наблюдавшихся в период 2011–2015 гг. Для низкого варианта (*В*) сделано предположение, что международная миграция будет равна нулю, а возрастные коэффициенты смертности будут такими, как в 2014 году.[2] Сравнивая результаты, полученные при использовании прогнозов *А* и *В*, мы сможем оценить влияние миграции на экономические и демографические показатели.

Численность женщин возрастной группы 20–34 по вариантам *А* и *В* различается незначительно, поскольку доля женщин в миграционном приросте населения РФ невелика.

[1] Демографический ежегодник России. 2014. Стат.сб. / Росстат. М., 2014.
[2] Численность жителей Крыма не принимается во внимание.

Гораздо большее влияние международная миграция оказывает на общую численность трудовых ресурсов. Это иллюстрирует рисунок 2, где реальная численность занятых по данным Росстата сравнивается с гипотетической максимально возможной, рассчитанной для двух вариантов демографического прогноза автора при условии, что половозрастные коэффициенты уровня занятости были бы максимальными из наблюдавшихся в период 1992–2015 гг. На рисунке 2 можно увидеть, что текущий уровень занятости имеет потенциал роста по сравнению с 1992 г., однако уже в близкой перспективе снижение численности занятых неизбежно.

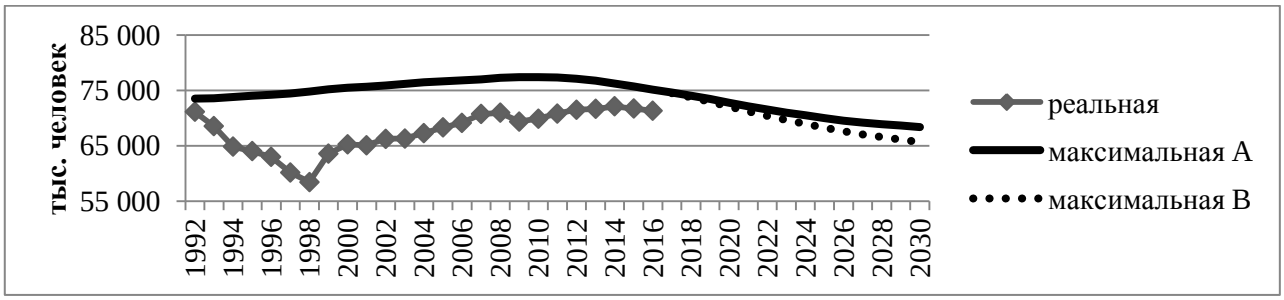


Рис. 2. Реальная (по данным Росстата) и гипотетическая (максимально возможная) численность занятых в экономике (расчеты автора)

В нашей модели экономического роста (табл. 1, столбец *gdpRgr*) численность занятых – один из значимых факторов, наряду с другими переменными, многие из которых обосновываются или используются в той или иной форме как факторы экономического роста в ряде исследований. Это цены на нефть [1, 2, 6, 8], курс рубля (его ослабление влияет на экономический рост положительно через определенный временной лаг) [1], мировая экономическая конъюнктура [3], иностранные инвестиции [7], достигнутый уровень экономического развития [4] и особенности экономической политики [1, 7]. Санкции, мировой экономический рост (прогноз взят из [5]) и цены на нефть являются экзогенными показателями, все остальные – эндогенные. Курс рубля зависит от цен на нефть, санкций, фактора времени, иностранных инвестиций и текущей динамики ВВП, а уровень иностранных инвестиций зависит от цен на нефть и санкций.

В таблице 1 приняты следующие обозначения: *gdpRgr* — экономический рост в РФ по сравнению с АКПГ; рубль/долл. — стоимость рубля в долл., *forinv* — чистый приток прямых иностранных инвестиций, % от ВВП; Δ*income*% — процентное изменение реальных денежных доходов населения; *Constant* — свободный член уравнения; Δ*brentP* — изменение цены нефти Brent (долл.) по сравнению с АКПГ; *brentP* и *brentP*(*t*-1) — цена нефти Brent (долл.) в текущем и предыдущем квартале соответственно; *rublexch* — отношение средней цены доллара в рублях в течение 12 месяцев до начала квартала к соответствующему значению годом ранее; *gdpWgr* — мировой экономический рост, % г/г.; Δ*empl*% — процентное изменение численности занятых в экономике; *gdp$empl*(*t*–4) — отношение объема ВВП в долларах по текущему курсу к численности возрастной группы 18-64, значение за АКПГ; *dummy* — фиктивная переменная, принимающая значение 1 в период III/1999–IV/2003, далее прибавляется 1 в каждом следующем квартале, роль и форма этой переменной подробно объясняются в работе [7]; *sanctions* — еще одна фиктивная переменная, принимает значение 0 при отсутствии санкций, 1 при ослаблении санкций, 2 при санкциях на текущем уровне и 3 при усилении санкций таким образом, что чистый приток прямых иностранных инвестиций будет равен нулю; предполагается также, что при других значениях переменной *sanctions* (0–2) уровень *forinv* не опускается ниже значения, зафиксированного в 2015 г. (0,4867%); *T* — фактор времени, принимает значение 1 в I кв. 1999 г., 2 во II кв. 1999 г. и т.д.; R^2 — коэффициент детерминации уравнения. В скобках приведены стандартные ошибки коэффициентов как случайных величин.

Таблица 1

Параметры эконометрических уравнений для экономического роста, курса рубля и иностранных инвестиций. Источники данных – Росстат, Всемирный банк и ЦБ России, расчеты автора

Факторы	***gdpRgr***	**Рубль/долл.**	***forinv***
Constant	–1,084 (0,807)	29,47 (1,24)	1,409 (0,221)
Δ*brentP*	0,0606 (0,0112)	—	—
brentP(*t*-1)	0,0307 (0,0142)	—	0,0177 (0,0031)
brentP	—	–0,1919 (0,0265)	—
rublexch	2,253 (0,445)	—	—
forinv	0,5103 (0,1662)	–1,056 (0,401)	—
gdpWgr	1,121 (0,165)	—	—
Δ*empl*%	0,7317 (0,2086)	—	—
gdp$empl(*t*–4)	–0,493 (0,383)	—	—
ln(*dummy*)	–1,239 (0,292)	—	—
sanctions	—	6,363 (1,302)	–1,221 (0,195)
gdpRgr	—	0,1185 (0,1057)	—
T	—	0,4381 (0,0623)	—
R^2	0,941	0,952	0,493
Наблюдения	71	70	68
Период	III/1999–I/2017	IV/1999–I/2017	I/1999–IV/2015

Предположим, что цены на нефть будут меняться по 4 вариантам линий, изображенным на рисунке 3. Тогда у нас есть все для расчета 32 вариантов экономического и демографического прогноза.

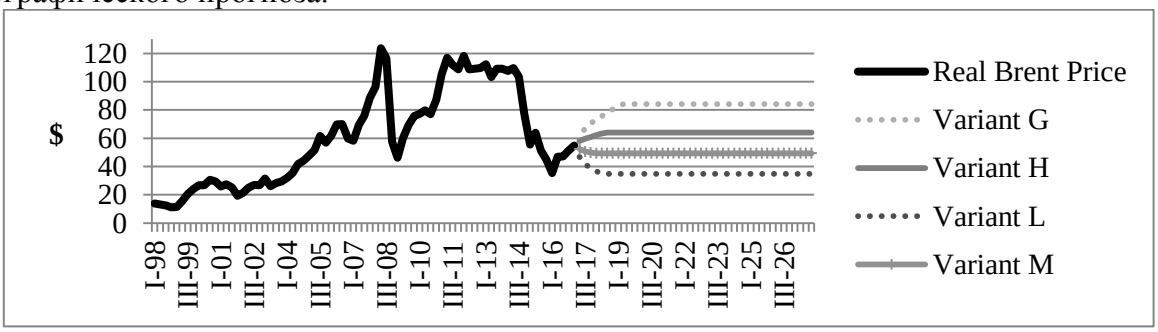


Рис. 3. Реальные цены на нефть Brent и 4 варианта прогноза автора

Результаты расчетов по всем вариантам экономического прогноза показаны на рисунке 4. Черными тонкими линиями показаны варианты при базовом демографическом прогнозе *A*, а серыми, как менее вероятные, – при низком *B*. Реальные значения по 2016 г. и средние значения среди вариантов прибазовом демографическом прогнозе *A* показаны жирной черной линией, так как эти значения можно считать наиболее вероятными, а средние между остальными 16 вариантами – жирной серой линией. Для сравнения показаны также средние прогнозы Минэкономразвития[1] разных лет, они помечены маркерами.

[1] Источник: Прогнозы социально-экономического развития Российской Федерации и отдельных секторов экономики. URL:http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/index

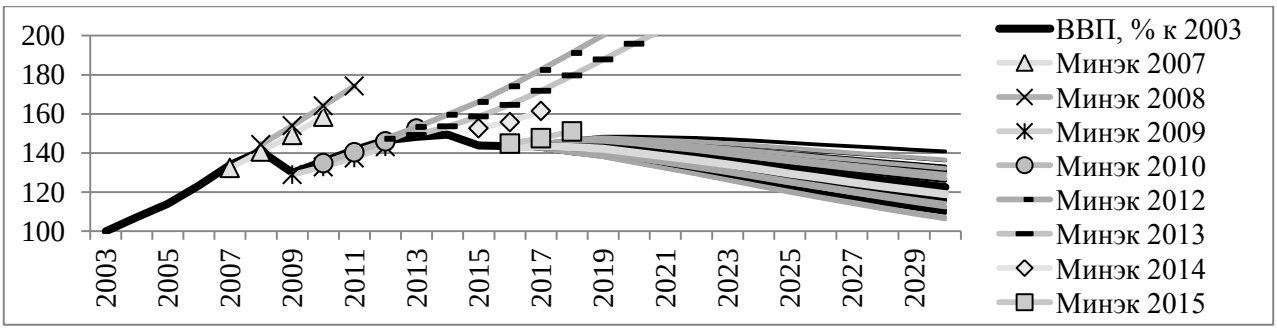


Рис. 4. Реальные значения ВВП РФ (2003=100) и варианты прогнозов Минэкономразвития и автора

К концу 2025 г. численность населения при любом варианте будет меньше, чем по переписи-2010. При нулевой миграции это случилось бы уже к концу 2021 г. (рис. 5). Ни по одному из наших вариантов численность населения без Крыма никогда не достигнет уровня 145 млн чел., запланированного в Концепции демографического развития на 2025 год, а ближе всего к этому показателю будет, скорее всего, в 2019–2020 гг.

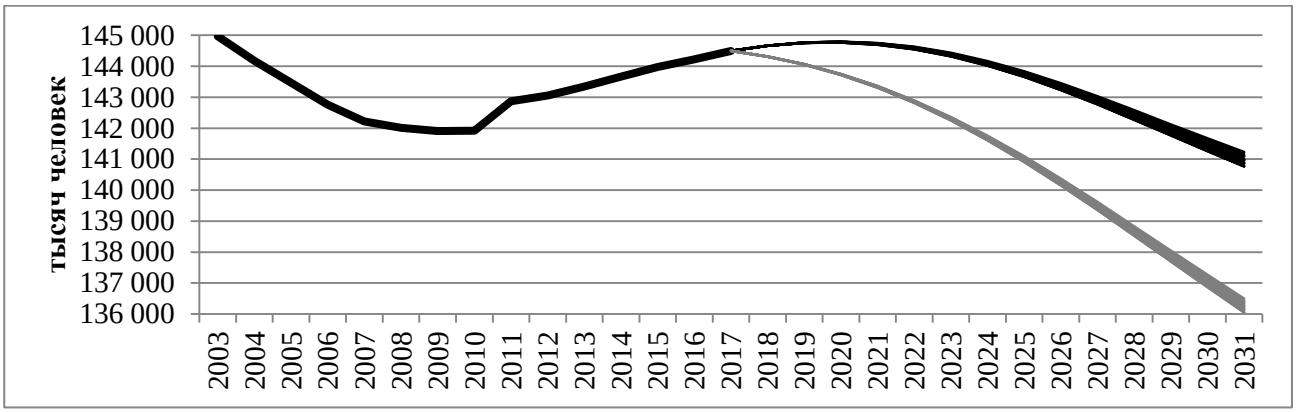


Рис. 5. Численность населения России (без Крыма) (по 2017 г. – данные Росстата, далее прогнозы автора)

Предстоящее снижение численности женщин репродуктивных возрастов и низкие темпы экономического роста приведут к тому, что в 2027 г. родится на 28,8–31,1% меньше детей, чем в 2014, при базовом демографическом прогнозе и на 30,8–33,1% при низком (рис. 6). Важно отметить, что меньшая рождаемость при нулевой миграции вызвана не столько меньшей численностью женщин репродуктивных возрастов, сколько меньшими темпами экономического роста.

Согласно расчетам по построенным моделям, размах демографических волн будет уменьшаться. Однако пока рано утверждать, что численность родившихся не опустится ниже уровня 1999 г., когда она была минимальной. Сомнения возникают из-за резкого снижения числа родившихся в I кв. 2017. На рисунке 7 мы видим, что на I кв. 2017 приходится наименьший по абсолютной величине и наибольший по модулю остаток уравнения (1), и неизвестно, является ли это случайностью или началом разворота тенденции. Для построения более адекватного уравнения пока недостаточно данных.

Миграция оказывает положительное влияние не только на темпы экономического роста и на рождаемость, но и на долю в населении молодежи и людей в возрастах наибольшей экономической активности, снижая демографическую нагрузку на работающих (рис. 8). Хотя по сравнению с размахом демографических волн это влияние, конечно, очень невелико. Однако в перспективе возрастные коэффициенты нетто-миграции могут измениться, если трудовая миграция будет все больше доминировать над процессами репатриации. Тогда омолаживающее влияние миграции может существенно усилиться.

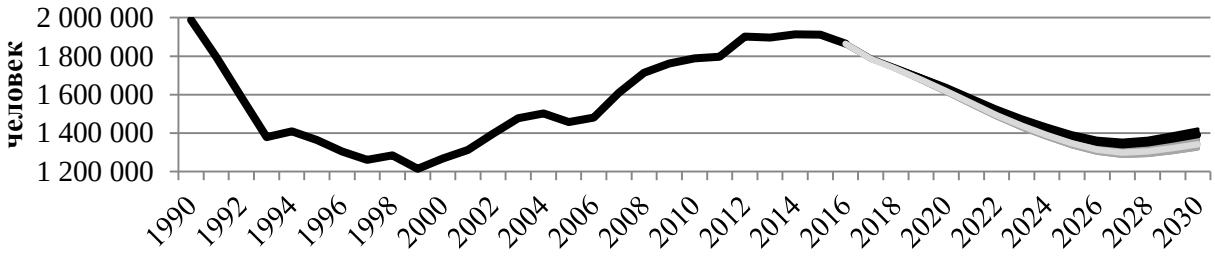


Рис. 6. Численность родившихся в РФ (по 2016 г. данные Росстата, далее варианты прогноза автора)

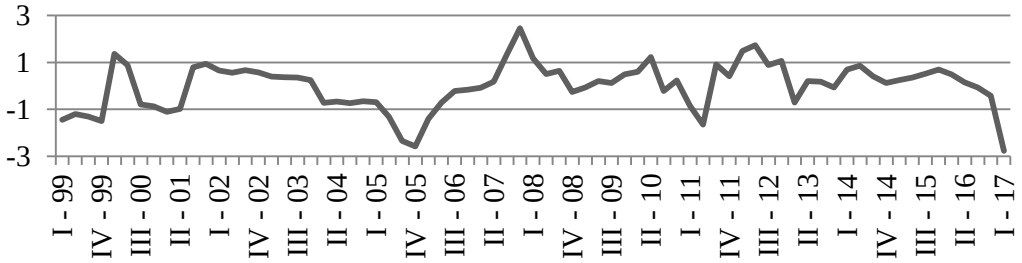
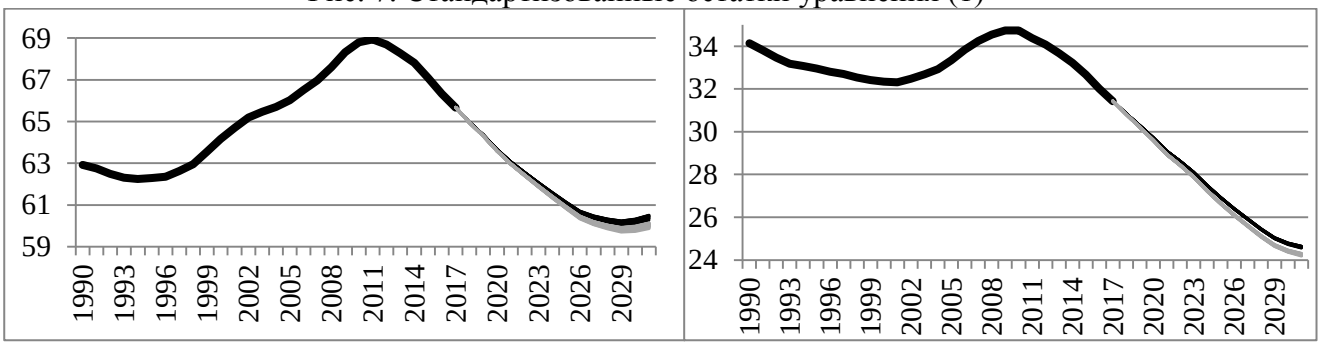


Рис. 7. Стандартизованные остатки уравнения (1)



А **Б**

Рис. 8. Доля в населении возрастных групп 18-64 (**А**) и 18-39 (**Б**) на начало года, % (по 2016 год – данные Росстата, далее варианты прогноза автора)

©Лифшиц М. Л. Текст. 2017

Список источников

1. Макроэконометрическое моделирование экономик России и Армении. II. Агрегированные макроэконометрические модели национальных экономик России и Армении / Айвазян С. А. и др. // Прикладная эконометрика. – 2013. – № 31 (3). – С. 7-31.

2. Барро Р. Дж., Сала-и-Мартин Х. Экономический рост. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. – 824 с.

3. Казакова М., Синельников-Мурылев С. Конъюнктура мирового рынка энергоносителей и темпы экономического роста в России. // Экономическая политика. – 2009. – № 5. – С. 118–135.

4. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики. // Вопросы экономики. – 2014. – №12. – С. 4–36.

4. Barro R.J., Sala-i-Martin X. (2003).*Economic Growth, Second Edition*. The MIT Press, London, 2003.

5. Global economic prospects. Weak investment in uncertain times. January 2017. World Bank Group. URL:https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/25823/9781464810169.pdf

6. Ito K. Oil Price and Macroeconomy in Russia. // Economics Bulletin. 2008. Vol. 17. P. 1–9. URL: https://ideas.repec.org/a/ebl/ecbull/eb-08q40019.html

7. Lifshits, M. Oil prices, labor force, and other factors in the forecasting model of Russia's economy growth. // Applied Methods of Statistical Analysis. Nonparametric Approach – AMSA'2015, Novosibirsk, 14-19 September, 2015: Proceedings of the International Workshop. Novosibirsk: NSTU publisher, 2015.С. 312-319.

8. Rautava J. Oil Prices, Excess Uncertainty and Trend Growth: A Forecasting Model for Russia's Economy. // Focus on European economic integration. 2013. Q4. P. 77–87. URL: https://ideas.repec.org/a/onb/oenbfi/y2013i4b3.html

Информация об авторе

Лифшиц Марина Лазаревна (РФ, Москва), Институт экономики УрО РАН, аспирант, lifmarina@yandex.ru

Lifshits M.

DEMOGRAPHIC PERSPECTIVES OF RUSSIA IN VARIOUS ECONOMIC AND MIGRATION SCENARIOS

The article examines the demographic prospects of Russia (fertility, size and age structure of the population) with different variations of oil prices, sanctions and net migration. Calculations are made on the basis of empirically determined regularities.

Keywords Fertility, population size, age structure, economic growth, population projections, oil prices, net migration

Information about the author

Lifshits Marina (Russia, Moscow), Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS, post-graduate student, lifmarina@yandex.ru

УДК 343.37+338.1(1)

М.И. Масленников

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫГОДЫ И УБЫТКИ ОТ МИГРАЦИИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

В статье анализируются региональные тенденции миграции высококвалифицированной рабочей силы и мера ее влияния на развитие экономики стран, принимающих и предоставляющих мигрантов, в условиях повышающейся конкуренции за привлечение человеческого капитала, выявляется вклад различных стран в формирование миграционных потоков и их распределение по отдельным категориям в различных секторах экономики, а также внутристрановые и региональные экономические выгоды и убытки от «утечки мозгов».

Ключевые слова: международная образовательная миграция, показатели, выгоды и убытки от миграции, высококвалифицированные кадры, Россия, регионы.

Научно-технологические сдвиги в экономике, переход развитых стран в постиндустриальную стадию развития, когда в сфере услуг создается до 80% ВВП страны, в том числе на IT-услуги приходилось до 4,4% ВВП (в США), 2,2% (в России) заставляют правительство, бизнес, интеллектуальную элиту предпринимать не малые усилия по поддержанию и развитию высокого научно-образовательного потенциала. С этой целью используется разнообразный инструментарий привлечения и использования высококвалифицированных специалистов и прежде всего студентов высших учебных заведений, как окончивших, так и продолжающих послевузовское обучение и повышающих квалификацию. В этом плане миграционные процессы приобрели новые черты и особенности, связанные с нарастанием интеллектуальной миграции – миграции

высококвалифицированной рабочей силы (преподаватели, аспиранты, стажеры-исследователи, научные сотрудники, студенты и т.п. категории).

Россия, особенно после 1991 г., стала одним из евроазиатских центров международной миграции. Так, если в 2010 г. в страну прибыло 191,6 тыс. мигрантов, то в 2014 г. – 590,8 тыс. человек. (см.табл.1), а выбыло из страны 33,5 тыс. и 310,4 тыс. человек соответственно.

Таблица 1.

Показатели международной миграции России, тыс. человек[1]

Годы	2010г.	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.
Прибыло в Россию	191,6	356,5	417,6	482,2	590,8
Выбыло из России	33,5	38,7	122,7	186,3	310,4

Растут и суммы денежных переводов мигрантами из России, составшие, например, в Узбекистан 1,6 млрд долл. в 2007 г. и 3,0 млрд долл. в 2015 г., в Таджикистан − 1,6 млрд и 2,2 млрд, Украину −1,3 млрд и 3,0 млрд (2013 г.) и 1,2 млрд (2015 г.), в Киргизию − 0,715 млрд и 1,383 млрд, Армению − 0,943 млрд, 1,597 млрд (2013 г.) и 1,416 млрд (2015 г.), Республика Молдова − 0,806 млрд и 1,261млрд (2013 г.) и 0,617 млрд (2015 г.), в Азербайджан − 0,653 млрд, 1,232 млрд (2013 г.) и 0,826 млрд (2015 г.), в Китай − 0,374 млрд и 1,406 млрд долл., Казахстан − 0,124 млрд и 0,514 млрд, Республика Беларусь − 0,071 млрд и 0,230 млрд долл. (2015г.). [1, С.480].

Рост международной миграции, в том числе и в Россию обусловлен наростанием новой волны кризисных явлений и прежде всего связанных с присоединением Крыма к России и военными конфликтами на Юге Украины и прежде всего в Луганской и Донецкой областях, провозгласивших свою независмость от правительства в Киева, а также в Центрально-Азиатских странах. В 2014 г. только с Украины прибыло в Россию 126,8 тыс. человек, из Узбекистана – 131,2 тыс., из Армении – 46,5 тыс., из Азербайджана –26,3 тыс. человек (см. табл.1).

Нарастающим трендом миграции во всех регионах мира, в том числе и в России, становится привлечение высококвалифицированной рабочей силы, с последующим предоставлением вида на жительство, а порой и оплатой проживания и обучения. В этой связи расходы на образование и НИОКР постоянно растут (см.табл.2).

Таблица 2

Расходы на образование и науку в развитых странах (в % к ВВП, 2014 г.) [2, С. 26]

Страны/ сфера	Австрия	Россия	Бельгия	Канада	Франция	ФРГ	Япония	США	Финлиндия	Швеция	Голландия
Образование	5,5	3,6	6,0	5,2	5,7	5,1	6,2	7,6	5,2	6,3	5,3
НИОКР	2,95	1,2	2,98	1,98	2,23	2,85	3,47	2,73	3,31	3,30	1,78

Основными сферами привлечения интеллектуального капитала все шире становятся такие, как информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, медицина, образование, наука, химия, математика, инженерия, т.е. все то, что формирует современный научно-технологический потенциал страны.

Среди этого миграционного потока все большую долю занимает международная миграция студентов. Так, с 2000 г. по 2012 г. численность студентов, обучающихся за пределами стран гражданства выросла в мире вдвое – с 2,1 млн до 4,5 млн человек, в том числе в странах ОЭСР – с 1,6 млн до 3,4 млн человек, в Северной Америке – с 0,6 млн до 1,0 млн человек (21,2%), в России – с 64,1 тыс. до 173,6 тыс человек, или до 4,0 % всего рынка иностранных студентов [3, С.113-114].

[1] Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб. Ростат.М. 2015. С.95.

Высокий удельный вес иностранных студентов, обучающихся в вузах, отмечен в Австралии (20% от всех обучающихся студентов), в Великобритании (16,8%), Швейцарии (16,2%), Новой Зеландии (15,6%), Австрии (14,7%). Для России этот показатель составлял 2,2% в 2011/12 учебном году и 4,3% в 2014/15 учебном году. (см. табл. 3).

Таблица 3.

Отечественные и иностранные студенты, обучавшиеся в вузах России, тыс. человек (все формы и программы обучения, на начало учебного года)[1]

Учебный год	2010/11	2012/13	2013/14	2014/15
Все студенты российских вузов, из них:	7049,8	6075,4	5646,7	5209,0
иностранных студентов, в том числе из:	153,8	164,8	205,7	221,4
Стран СНГ, Балтии и Грузии	116,7	127,5	156,3	175,5
Европы	1,3	1,3	1,7	1,8
Азии, из них из:	28,1	26,9	28,5	31,7
-Китая	9,8	9,2	9,8	10,9
Северной Америки	0,1	0,1	0,2	0,2
Центральной и Южной Америки	0,9	1,0	1,2	1,3
Африки	6,7	7,9	7,9	9,4
Удельный вес иностранных студентов в общей численности студентов РФ,%	2,2	2,7	3,6	4,3

В 2014/15 г. учебном году 221,4 тыс. иностранных студентов обучалось в российских вузах, причем основная их часть − 175,5 тыс. человек, из стран СНГ, Балтии и Грузии, а из стран Азиатско-Тихоокеанского региона –31,7 тыс. человек, из Северной Америки (США и Канада) − всего 200 человек.

В Свердловской области, как и в стране в целом, идет процесс сокращения обучающихся студентов в вузах − со 175,9 тыс. человек в 2012/13 учебном году до 166,6 тыс. в 2013/14 уч. году, 146,4 тыс. в 2014/2015 уч. году и 135,4 тыс. человек в 2015/16 учебном году,[2] при этом растет количество обучающихся здесь иностранных студентов, например, в Уральском федеральном университете их численность увеличилась за эти годы в 1,5 раза и составила на начало 2016/2017 учебного года порядка 2000 человек (при общем контингенте студентов УрФУ в 35 тыс. человек); в Уральском государственном горном университете обучалось 176 иностранных студентов (при общем контингенте студентов в 8717 человек); в Уральском государственном экономическом университете обучалось 250 иностранных студентов, что вносит не малую лепту в укрепление финансовой базы этих учебных заведений и их внешнеэкономических и иных связей и отношений со странами поставляющими студентов для обучения в отечественных вузах.

Пополнение рынка труда страной приема международных мигрантов может происходить с помощью механизма прямого рекрутирования из-за рубежа, с использованием системы онлайн-образования, франшизы, создания международных кампусов.

Большинство стран предоставляет разнообразные льготы как обучающимся мигрантам-студентам, стажерам, исследователям, так и соискателям работы, окончившим вузы.

Миграционная политика, осуществляемая в различных странах мира, имеет свои специфические особенности и претерпела существенные изменения после 2014 г., когда страны ЕС создали льготные условия для мигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Ирака, Афганистана и других регионов, что позволило привлечь более 1,2 млн мигрантов (в основном в Германию), молодого и трудоспособного возраста.

В данном случае такого рода политика определялась целями государства: необходимостью повышения темпов экономического роста, количества и качества

[1] Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб. Ростат. М. 2015. С. 207, 214.
[2] Свердловская область в 2011-2015 годах: Стат.сб. –Екатеринбург, 2016. С.77.

населения, рождаемости, привлечения квалифицированной рабочей силы в растущие и интеллектуальные сектора экономики (информационные и телекоммуникационные технологии, образование, здравоохранение, здравоохранение, наука, культура, спорт), развитие которых существенно повышает качество жизни населения, а не только для удовлетворения спроса со стороны работодателей о привлечении дешевой рабочей силы, в целях снижения издержек производства и социальных выплат на ее содержание.

В целом, миграция высоквалифицированной рабочей силы, как реальной, так и потенциальной, в Россию и ее регионы порождает множество политических, экономических, религиозных, демографических, социальных и иных проблем. И ныне задача состоит в том, чтобы сбалансировать потери и выгоды вузов, страны и регионов, создать стимулы, обустроить вновь прибывших, сформировать из них квалифицированных специалистов, могущих обеспечить экономический рост как в традиционных, так и новейших отраслях экономики и прежде всего связанных с формированием научно-технологического и инновационного потенциалов, что и обеспечит рост экономики всех ее сегментах, а не только в отраслях, связанных с ВПК.

© Масленников М.И. Текст. 2017

Благодарность

Работа написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-02-00587а.

Список источников

1. Корецкая-Гармаш В.А. Использование труда мигрантов – угроза или преимущество для развития российской экономики//Экономика региона. Т. 12. (вып.2). 2016. С. 471-484.

2. Масленников М.И. Региональные особенности стратегии развития экономики России // Проблемы региональной экономики. 2017. № 1-2. С. 26.

3. Вартанян А. Международная образовательная миграция: региональный аспект// Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 2. С.113.

Информация об авторе

Масленников Михаил Иванович, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, 620014. г. Екатеринбург. ул. Московская, 29. к.513. e-mail: mim1943@ mail.ru, раб.тел. 371-45-36.

Maslennikov M.I.

THE INTERNATIONAL PROFIT AND LOSS FROM MIGRATION OF THE HIGHLY SKILLED LABOR FORCES.

In article the author tries to describe modern trends of international student regions migration labor forces in conditional rises of the financial and social-economic instability, analyses profit and loss, levels and indicators migration in Russian and foreign countries in deferens sector economics as a result development processes international differentiation and globalization of the international student regions migration in Russian.

Keywords: Russian, region, foreign countries, international highly skilled migration, labor forces, profit and loss.

Information about the author

Maslennikov Michail Ivanovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Economics, Professor, Institute of economics, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moscovskaya St.29, e-mail: mim1943@ mail.ru; Tel. 371-45-36.

УДК: 314.748

А.С. Мельникова

ИЗУЧЕНИЕ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ АНКЛАВОВ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСОВ

Национальные анклавы как места компактного проживания мигрантов, характеризующиеся этнической и культурной идентичностью, оказывают серьезное влияние на принимающие территории. Образование мест локального проживания мигрантов так или иначе меняет демографическую структуру, этнический и конфессиональный состав. Национальные сообщества не только сохраняют свои традиции, обычаи, обряды, но зачастую и навязывают обществу чуждые для него ценности. Изучению этих процессов посвящена представленная статья.

Ключевые слова: *мигранты, национальный анклав, адаптация, диаспора, принимающая территория*

Современное построение межнациональных отношений в России характеризуется увеличением масштабов миграции. Эти процессы неотделимы от консолидации иммиграционных этнических обществ. Стремление к социальному, культурному и экономическому объединению воспринимается мигрантами как возможность сохранить свои обычаи, язык, религиозные предпочтения в чуждой для них среде. С этой целью они либо присоединяются к уже существующим диаспорам, либо создают новые. В результате число диаспор в мире непрерывно увеличивается [4].

Процессы образования локальных мест проживания мигрантов в мире приняли значительные масштабы. Происходит взаимное проникновение этнических групп между странами [1]. Некоторые авторы говорят о четком переходе от индивидуальной иммиграции к коллективной, характеризуемой регулированием потоков мигрантов диаспорами, созданными в принимающих странах ранее. В результате чего возникает понятие диаспоральной формы расселения народов.

В этой связи необходимо четкое разделение понятия диапоризации и возникновения национальных анклавов в крупных городах России. Несмотря на кажущееся единство этих процессов, они имеют существенные различия в исходных предпосылках и причинах формирования.

Понятие этнического анклава практически не различается у большинства авторов. Впервые термин «этнический анклав» был применен в ответ на публикацию А.Портес и К. Уилсонам в 1980 г., которые дали определение третьего рынка труда как совокупности малых предприятий кубинских иммигрантов, которые образуют экономику анклава [6].

Этнический анклав обладает следующими признаками: люди, проживающие вне страны своего происхождения; ограниченная часть территории страны пребывания с высокой этнической концентрацией мигрантов; культурной самобытностью; экономической самостоятельностью; возникновением социальных институтов обслуживания мигрантов; временным пребывание части трудовых мигрантов в стране прибытия. Таким образом, можно говорить об этническом анклаве, как о части иммигрантов, прибывающих в страну на постоянное место жительства или временно для получения работы, образующих компактные места проживания этнически однородного населения с созданием характерной культурной и экономической среды, образующей сплоченные устойчивые национальные группы.

Важно понимание причин возникновения этнических анклавов. К ним можно отнести:

- перемещение этнических общностей между странами и территориями;
- стремление к объединению одного этноса на территории чужой страны;
- принудительное территориальное сосредоточение представителей определенной этнической группы.

К побуждающим факторам объединения мигрантов по этническому признаку и, соответственно, созданию районов компактного проживания можно отнести:

- отсутствие или ограниченная информация о доступном жилье, иных возможных районах проживания;
- националистические настроения в местном сообществе, что вынуждает мигрантов сосредоточиться в районах схожего этноса;
- жилищная дискриминация;
- недостаточное знание языка и местных законов.

Также необходимо отметить те факторы, которые условно можно отнести к экономическим. Это наличие финансового капитала у прибывающих в страну иммигрантов, наличие в местах компактного проживания предприятий, принадлежащих ведущему этносу анклава, наличие предприятий обслуживания и социальной инфраструктуры, обеспечивающих спрос на товары и услуги жителей анклава. Перечисленные условия могут создать основу для формирования локальной экономической зоны анклава. Дополнительными факторами, стимулирующими рост локальной экономики анклава, становятся: размер и численность населения анклава, уровень владения предпринимательскими навыками мигрантов, наличие достаточных финансовых средств для развития экономики. На определенной стадии развития успешные анклавы могут достигнуть социальной и экономической самодостаточности, создать институты за счет притока новых иммигрантов, формирования спроса на товары и услуги, предлагаемые на локальном рынке [7]. Такая локализация мест компактного проживания приводит к снижению мотивации иммигрантов к интеграции в местное сообщество, насаждению собственной этнокультуры в общество принимающей стороны, отторжению ценностей местного сообщества, возникновению конфликтов на национальной и религиозной почве.

В российских городах исследователи выделяют ряд причин, ограничивающих локализацию мест проживания мигрантов. Социальная структура и исторический опыт нашей страны сглаживает негативные последствия локализации анклавов, замедляет их рост в крупных городах. В первую очередь, ограничивает рост национальных анклавов низкая мобильность населения страны, во вторую очередь, необходимо отметить социальную неоднородность жителей отдельных районов в городах, которая сформировалась в советский исторический период. Также позитивный опыт проживания «бок о бок» жителей многонациональной страны облегчает интеграцию мигрантов в принимающем сообществе. При этом ранее проведенные исследования показали, что чем меньше и удаленнее от центра территория, тем терпимее относятся местные жители к мигрантам [5]. Еще одной причиной, сдерживающей влияние национальных анклавов на местное сообщество, является относительная малочисленность этнических групп приезжих.

В отличие от этнических анклавов включение в диаспоры происходит не по территориальному признаку, а культурно-этическому объединению людей идентичной национальной принадлежности. И, если этнические анклавы оказывают локальное влияние на сообщество в местах компактного проживания, то диаспоры оказывают более серьезное влияние на принимающие страны и их население в целом. Такое влияние проявляется в создании социальных и экономических институтов, призванных оказывать воздействие на политику и экономику принимающей стороны. Созданные институты могут оказывать влияние на демографическую структуру населения, этический и конфессиональный состав. Диаспоры сохраняют свои традиции, обычаи, обряды, но зачастую и навязывают обществу чуждые для него ценности [3]. Стремительно возрастающее влияние диаспор на экономику и политику принимающих стран, по мнению ряда экспертов, дает основание говорить о «диаспоризации мира», а некоторые из них считают, что современный мир представляет собой «не столько сумму государств… , сколько сумму диаспор» [2]. Это ведет к необходимости диагностики позитивного и негативного влияния национальных сообществ на социально-экономическое развитие принимающих территорий, разработке адекватных миграционных стратегий.

Подводя итог отметим, что этническая миграция создает как национальные анклавы – места компактного проживания, так и диаспоральные сообщества, как объединение людей по национальной идентичности. Приобщение к той или иной диаспоре несет два вектора поведения мигрантов с точки зрения их адаптации. С одной стороны, помощь диаспоры облегчает решение бытовых и административных проблем для мигранта, с другой стороны, часто ведет к разделению для мигранта местного сообщества на «своих» и «чужих». Это ограничивает возможности ассимиляции и включения в этно-культурное пространство принимающей стороны. Таким образом, перед мигрантом ставится выбор – адаптация на основе интеграции или сепарация, как этнокультурное обособление.

В продолжение ранее проведенного исследования, были получены данные, характеризующие, внимание интернет-сообщества к проблемам этнических анклавов и национальных диаспор. В ходе анализа был выбран традиционный метод обзорного контент-анализа через выделение смысловых единиц в соответствии с целями и задачами исследования, содержанием гипотез. При подсчете использованы стандартные приемы классификации по выделенным группировкам, ранжированию и изменению по совокупности смысловых единиц различного содержания. Особенностью предложенного методологического подхода является выбор в качестве информационного источника сети Интернет с использованием поисковых систем. Традиционно автором используется в качестве информационной базы поисковая сеть Яндекс, как наиболее популярная сеть в российском Интернет-пространстве, предоставляющая возможность сделать расширенный поиск встречающихся смысловых единиц. В задачи исследованиям не вошла критическая оценка смысловых единиц, за основу взяты нейтральные слова и словосочетания.

Целью исследования стала оценка внимания российского общества к вопросам возникновения национальных анклавов и диаспор по основным миграционно активным регионам России. Особое внимание уделено территориям с крупными мегаполисами, являющимися центрами притяжения мигрантов и создания этнических анклавов.

Анализ проведен по массивам веб-страниц, доступных в поисковой системе Яндекс как в целом по России, так и по выделенным регионам. Взят период за последние два года с мая 2015 г. по апрель 2017 г., разделенный на шестимесячные периоды для оценки динамики упоминаний. Метод исследования – количественный контент-анализ электронных информационных источников с последующей обработкой данных в Excel. За единицу исследования были выбраны слова и их смысловые сочетания. Расчет проведен исходя из их количественного упоминания за анализируемый период и доле этих упоминаний в общей совокупности доступных веб-источников.

Основными смысловыми единицами в работе выступили понятия «анклав» и «диаспора». Для более объективной оценки в каждый образ были включены по три словосочетания, вариативно характеризующие понятия:

1) понятие «анклав» включило смысловые единицы: «национальный анклав», «район мигрантов», «компактное проживание»;

2) понятие «диаспора» включило смысловые единицы: «диаспора+нет/да», «диаспора+община», «диаспора+группы».

Результат подсчетов представлен в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Динамика упоминаний и их доля в общей совокупности упоминаний на веб-страницах поисковой системы Яндекс смысловой единицы «анклав», смысл.ед.

Территория	*Период*				*Итого*	
	05/2015-10/2015	*11/2015-04/2016*	*05/2016-10/2016*	*11/2016-04/2017*	*смысл.ед.*	*%*
Российская Федерация, в т.ч.:	**4 156**	**5 023**	**5 214**	**5 717**	**20 110**	*100,0*
г.Москва	721	893	850	1 112	**3 576**	*17,8*
Московская область	181	250	352	35	**818**	*4,1*

г.Санкт-Петербург	193	307	286	285	**1 071**	*5,3*
Республика Башкортостан	141	75	71	157	**444**	*2,2*
Краснодарский край	101	107	106	177	**491**	*2,4*
Свердловская область	71	99	180	181	**531**	*2,6*
Тюменская область	17	25	51	66	**159**	*0,8*
Новосибирская область	152	121	117	125	**515**	*2,6*

Таблица 2

Динамика упоминаний и их доля в общей совокупности упоминаний на веб-страницах поисковой системы Яндекс смысловой единицы «диаспора», смысл.ед.

Территория	*Период*				*Итого*	
	05/2015-10/2015	*11/2015-04/2016*	*05/2016-10/2016*	*11/2016-04/2017*	*смысл.ед.*	*%*
Российская Федерация, в т.ч.:	**147 740**	**151 802**	**160 797**	**188 080**	**648 419**	*100,0*
г.Москва	32 724	32 362	34 462	41 839	**141 387**	*21,8*
Московская область	7 355	7 094	7 643	9 741	**31 833**	*4,9*
г.Санкт-Петербург	11 299	12 006	12 366	15 423	**51 094**	*7,9*
Республика Башкортостан	2 070	2 433	2 277	2 776	**9 556**	*1,5*
Краснодарский край	4 253	4 670	5 438	6 130	**20 491**	*3,2*
Свердловская область	4 189	4 288	4 682	5 444	**18 603**	*2,9*
Тюменская область	1 638	1 471	1 597	2 047	**6 753**	*1,0*
Новосибирская область	3 577	3 687	3 632	4 779	**15 675**	*2,4*

В целом по России упоминание понятия «национальный анклав» составляет 3%, тогда как упоминание «диаспора» 97% от суммарных значений. Распределение по выделенным, как зоны притяжения мигрантов, регионам показывает четкую зависимость от численности территории. Чем меньше численность, тем реже упоминания. Наибольший интерес в проблемам национальных сообществ формируется в крупных городах: г.Москва 17,8% и 21,8%, соответственно, г.Санкт-Петербург 5,3% и 7,9%, продолжают список Московская область (4,1% и 4,9%), Краснодарский край (2,4% и 3,2%), Свердловская область (2,6% и 2,9%). Перечисленные области активны в обсуждении проблем возникновения локальных национальных сообществ, поскольку являются полинациональными территориальными центрами и именно в них, помимо г.Москва и г.Санкт-Петербург, формируются наиболее значимые этнические сообщества.

Частота упоминаний выделенных смысловых единиц показывает традиционный интерес к проблемам национальных диаспор, как монокультурных местных сообществ. Эти сообщества формировались еще с советских времен, имеют определенную историю и, в большинстве случаев, уже интегрированы в местные сообщества. При этом упоминание этнических территориальных объединений по ряду территорий встречается лишь эпизодически, и в большей степени характеризует проблемы крупных социально-экономических центров. В этой связи, дальнейшие исследования следует сосредоточить на крупных городах с целью изучения факторов и условий национальных анклавов.

Более глубокое изучение компактного проживания мигрантов на принимающей территории поможет выделить приоритетные задачи для органов власти при построении миграционной политики – взаимодействие с традиционными диаспорами или регулирование отношений с национальными анклавами, часто возникающими спонтанно на принимающей территории. Отдельного внимания заслуживает проблема изучения возникновения локальных экономических зон внутри национальных анклавов.

© Мельникова А. С. Текст. 2017.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ ОГОН №16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария социально-экономического благополучия регионов».

Список источников

1. Арутюнов С. А., Козлов С. Я. Диаспоры. Скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. – 2005. – 23 нояб.
2. Докучаева А. Проблемы диаспоры [Электронный ресурс]. URL: //http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/046/13.shtml (дата доступа: 05.05.2017)
3. Мигранты глазами москвичей / Зайончковская Ж., Полетаев Д., Флоринская Ю., Доронина К. / ДемоскопWeekly. – 2014. – № 605-606.
4. Кондратьева Т. С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm (дата доступа: 15.05.2017)
5. Мельникова А. С. Современные методологические подходы к организации мониторинга трудовой миграции и ее влияние на социально-экономические и демографические параметры территориального развития // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 10-3. – С. 627-631.
6. Portes, Alejandro, and Leif Jensen. Disprovingthe Enclave Hypothesis: Reply // American Sociological Review. Vol. 57. no. 3 (1992): 418—420
7. Современные подходы к оценке влияния потоков трудовых миграций на социально-экономическое благополучие принимающей территории / Бедрина Е.Б., Вандышев М.Н., Струин Н.Л., Неклюдова Н.П., Мельникова А.С., Илинбаева Е.А., Тухтарова Е.Х. коллективная монография / Ответственный редактор Шеломенцев А.Г. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2014.

Информация об авторе

Мельникова Анна Сергеевна (Россия, Екатеринбург) – к.э.н., доцент кафедры экономики труда и управления персоналом, ФБГОУ ВО «Уральский гсударственный экономический университет» (620219, г. Екатеринбург, ул.8-е Марта, 62с.н.с.. Институт экономики УрО РАН (620014, Россия, г.Екатеринбург, ул.Московская 29, anuta_kk@mail.ru)

Melnikova A.S.

STUDYING OF FACTORS OF FORMATION OF NATIONAL ENCLAVES IN THE CONDITIONS OF MEGALOPOLISES

National enclaves as the places of compact accommodation of migrants which are characterized by ethnic and cultural identity have serious impact on the accepting territories. Formation of places of local accommodation of migrants, anyway, changes demographic structure, ethnic and confessional players. National communities often not only keep the traditions, customs, ceremonies, but often and impose to society values, alien for it. The presented article is devoted to studying of these processes.

Key words: Migrants, a national enclave, adaptation, diaspora, the accepting territory.

Information about the author

Melnikova Anna Sergeevna, PhD, associate professor of Labour Economics and Personal Management Department, Ural State University of Economics (62, 8th of March Str., 620219, Yekaterinburg, Russia; Institute of Economics, the Urals Branch of Russian Academy of Science (620014, Moskovskayast., 29, Yekaterinburg, Russia, anuta_kk@mail.ru)/

УДК: 314.74

Н.П. Неклюдова, М.Л. Лифшиц

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАБОЛЕВАНИЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ

Проведен анализ работ, касающихся вопросов влияния миграции на здоровье населения принимающей территории. Сделан вывод о том, что миграция, в том числе трудовая, вносит значительный вклад в распространение социально опасных болезней. Проведен корреляционный и эконометрический анализ статистических показателей заболеваемости социально опасными инфекциями в регионах Российской Федерации с использованием социально-экономических и климатических показателей, а также показателей международной миграции. Согласно анализу, распространение ряда социально опасных заболеваний связано с общим социально-экономическим положением в регионе и практически не зависит от уровня прибытия международных мигрантов. Наиболее тесная положительная связь с занятостью иностранных граждан имеется у заболеваний педикулезом и хроническими вирусными гепатитами. Миграция и легальная занятость иностранных граждан не влияют на показатели заболеваемости ВИЧ.

Ключевые слова: миграция, социально опасные заболевания, благополучие территории

Миграция населения порождает множество экономических, политических и социальных проблем, в том числе проблему влияния миграции на состояние общественного здоровья населения принимающего социума и самих мигрантов.

Ежегодно в России медицинское освидетельствование на наличие (отсутствие) заболеваний, представляющих опасность для окружающих, проходит от 1 до 1,5 млн иностранных граждан [3].

Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации (РФ) от 1 декабря 2004 г. N 715 и включает в себя следующие заболевания: болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), вирусные лихорадки, передаваемые членистоногими, и вирусные геморрагические лихорадки, гельминтозы, гепатит В, гепатит С, дифтерия, инфекции, передающиеся преимущественно половым путем, лепра, малярия, педикулез, акариаз и другие инфестации, сап и мелиоидоз, сибирская язва, туберкулез, холера и чума.

В то же время согласно нормам ФЗ № 115[1] одним из условий легального пребывания иностранных граждан прибывших в Россию с целью работы, получения разрешения на временное пребывание и вида на жительство является состояние их здоровья.

Перечень инфекционных заболеваний, отсутствие которых обязаны подтвердить мигранты Приказом Минздрава РФ от 29 июня 2015 г. № 384н и включает 4 заболевания: туберкулез, лепра (болезнь Гансена), сифилис, ВИЧ.

В нашем исследовании предпринята попытка выявления возможного влияния международной трудовой иммиграции на распространение в регионах России заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

Данная проблема на сегодняшний день исследована недостаточно, однако опыт подобных исследований все же имеется. Так, например, Щербак Н.Я. и Улюкин И.М. проанализировали опыт г. Санкт-Петербурга в плане медицинского освидетельствования иностранных граждан и лиц без гражданства в 2010-2013 гг. и отметили что показатели заболеваемости ВИЧ-инфекцией, туберкулезом, венерическими заболеваниями (в основном, сифилис) иностранных граждан в 1.5 раза превышают показатели заболеваемости этими

[1] ФЗ № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/

инфекционными болезнями жителей города [9]. Рашкевич Е.Е., Фролова Ю.В. и др. установили более высокую частоту латентной туберкулезной инфекции (в 3 раза) и активного туберкулеза (в 10 раз) у детей из семей мигрантов в Смоленской области за период 2014-2015 гг. Дети-мигранты имеют более частый семейный контакт с больными туберкулезом (в 6 раз чаще, чем дети, постоянно проживающие в Смоленской области) и на 25% реже имеют вакцинацию БЦЖ [6]. Исследование Н.С. Мальцевой и др. [5]. свидетельствует о довольно высоком уровне инфицированности вирусами гепатитов иностранных граждан, прибывших на территорию г. Хабаровска по рабочей визе. При этом у 17% обследованных мигрантов обнаружены антитела к гепатиту Е не эндемичному для территории Хабаровского края. Алсалих Н.Д., Сычев Д.А. и др. [1,2] приходят к выводу о том, что значительная доля трудовых мигрантов, прибывающих в Россию, уже инфицированы гепатитом С, что позволяет предполагать высокую вероятность завоза этой инфекции. К выводам о существенном влиянии миграции населения на распространение ВИЧ- инфекции приходят Истомин П.В., Мефодьев В.В. и Бычков В.Г. [4]. С.А.Солонин и др. свидетельствуют о значительном уровне инфицирования гепатитом Е граждан, приезжающих из Китая на заработки на территорию РФ [7]. Анализ исследований (в основном зарубежных), посвященных заболеваемости социальными инфекциями, в том числе, инфекциями, передаваемыми половым путем у мигрантов в различных странах мира, проведенный Н.Л. Струиным и А.С. Шубиной [8], так же подтверждает, что заболеваемость мигрантов этими инфекциями выше, чем у местных жителей. В исследовании ФГБНУ «Центральный научно-исследовательский институт туберкулеза» делается вывод о том, что среди иностранных граждан по сравнению со средними данными по России при проведении обследований выявляемость выше при туберкулезе и ниже при ВИЧ- инфекции [3].

Годовой отчёт по эпидемиологии инфекционных заболеваний, опубликованный 12 июля 2017 г. в Институте Роберта Коха[1], указывает на последствия массового притока мигрантов для здоровья населения Германии, начиная с 2015 года, когда Германия приняла беспрецедентного число мигрантов. В отчете перечисляются болезни, случаи распространения которых увеличились, в том числе: холера, гепатит, СПИД, проказа, малярия, сифилис, туберкулёз. Согласно докладу, количество случаев заболевания гепатитом увеличилось на 300% за последние три года: 3006 случаев было зарегистрировано в Германии в 2016 году, против 755 случаев в 2014 г. В большинстве случаев, причиной заболеваний являлись невакцинированные мигранты из Афганистана, Ирака и Сирии. Мигранты также занесли по меньшей мере, 40% новых случаев СПИДа, выявленных в Германии с 2015 года. В 2016 году было зарегистрировано 5915 случаев заболевания туберкулёзом против 4488 в 2014 году, то есть на 30% больше за аналогичный период. При этом в отчете отмечается, что 40% от патогенов туберкулеза явялются ультраустойчивыми к антибиотикам и такие пациенты представляют высокий риск заражения для населения Германии в целом.[2]

Таким образом большинство ученых сходятся во мнении, о том, что миграция, в том числе трудовая, вносит значительный вклад в распространение социально опасных болезней.

В основу нашего исследования был положен корреляционный и эконометрический анализ статистических показателей заболеваемости социально опасными инфекциями в регионах Российской Федерации с использованием социально-экономических и климатических показателей, а также показателей международной миграции. Результаты исследования показали, что из социально опасных заболеваний наиболее тесная положительная связь с занятостью иностранных граждан имеется у заболеваний педикулезом и хроническими вирусными гепатитами. Иммиграция и легальная занятость иностранных граждан не влияют на показатели заболеваемости ВИЧ. Наркомания занимает промежуточное положение: есть корреляция и с негативными, и с положительными

[1] http://www.rki.de/

[2] Infektionsepidemiologisches Jahrbuch meldepflichtiger Krankheiten für 2016 Robert Koch-Institut, Berlin, 2017. URL: http://www.rki.de/DE/Content/Infekt/Jahrbuch/Jahrbuch_2016.pdf?__blob=publicationFile

показателями. Распространение таких социально опасных заболеваний как туберкулез, сифилис и энтеробиоз тесно связано с общим социально-экономическим положением в регионе (бедностью, неудовлетворительными жилищными условиями, алкоголизмом, низким уровнем занятости) и практически не зависит от уровня прибытия международных мигрантов.

© Неклюдова Н.П., Лифшиц М.Л. Текст. 2017.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ ОГОН №16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария социально-экономического благополучия регионов».

Список источников

1. Алсалих Н.Д., Сычев Д.А., Подопригора И.В. Распространенность вирусного гепатита С среди трудовых мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию // Вестник Здоровье и образование в XXI веке. 2017. №7. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranennost-virusnogo-gepatita-s-sredi-trudovyh-migrantov-pribyvayuschih-v-rossiyskuyu-federatsiyu (дата обращения: 17.10.2017).
2. Алсалих Н.Д., Сычев Д.А., Потемкин И.А., Кюрегян К.К., Михайлов М.И. Распространенность серологических маркеров вирусных гепатитов среди трудовых мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию //Журнал инфектологии. 2017;9(2):80-85.
3. Вопросы доступа мигрантов к мероприятиям по раннему выявлению, диагностике, профилактике и лечению туберкулеза и туберкулеза, сочетанного с ВИЧ-инфекцией в странах СНГ (аналитический обзор) / О.В. Демихова, О.Б. Нечаева. http://mednet.ru/images/stories/files/CMT/migranty.pdf
4. Истомин, П. В.Истомин П. В. Особенности проявления ВИЧ-инфекции в Ямало-Ненецком Автономном округе / П. В. Истомин, В. В. Мефодьев, В. Г. Бычков // Медицинская наука и образование Урала. - Тюмень : . - 2017. -N1. - С. 92-97.
5. Мальцева Н.С., Старостина И.С., Кузнецова С.А. К вопросу о частоте выявления парентеральных и энтеральных вирусных гепатитов среди трудовых мигрантов г. Хабаровска // Дальневост. журн. инфекц. патологии. - 2009. - № 14. - Ст. 16. - С. 63-64.
6. Рашкевич Е.Е., Фролова Ю.В., Ермашова М.А., Виноградова А.Г. Скрининг и верификация туберкулезной инфекции у детей из семей мигрантов // Смоленский медицинский альманах. 2016. №1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/skrining-i-verifikatsiya-tuberkuleznoy-infektsii-u-detey-iz-semey-migrantov (дата обращения: 17.10.2017).
7. Солонин С.А., Мальцева U.С., Троценко О.Е., Исаева О.В., Кюрегян К.К., Михайлов М.И., Попова О.Е., Кожанова Т.В., Ott В.А., Каравянская Т.Н. Циркуляция вируса гепатита Е на территории Хабаровского края // Дальневосточный Журнал Инфекционной Патологии. - 2010. - № 16. - С. 31-36.
8. Струин Н.Л., Шубина А.С. Социальные инфекции у мигрантов, факторы, способствующие заболеваемости: обзор литературы Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 11-5. С. 676-679.
9. Щербак Н.Я., Улюкин И.М. Опыт организации медицинского освидетельствования иностранных граждан и лиц без гражданства в условиях мегаполиса // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2014. №2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-organizatsii-meditsinskogo-osvidetelstvovaniya-inostrannyh-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva-v-usloviyah-megapolisa (дата обращения: 17.10.2017).

Информация об авторах

1. Неклюдова Наталья Павловна, Россия, г. Екатеринбург, канд. экон. наук, научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014 г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, nnp81@mail.ru).

2. Лифшиц Марина Лазаревна, Россия, г. Москва, аспирант, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014 г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, lifmarina@yandex.ru).

Neklyudova N.P., Lifshitz M.L.

The article presents the analysis of papers concerning questions of migration influence on the public health of the accepting territory. The correlation and econometric analysis of statistics of a case rate by socially dangerous infections in regions of the Russian Federation with use of social, economic, and climatic indicators and indicators of the international migration is carried out. According to the analysis, diffusion of some socially dangerous diseases are bound to the general economic and social situation in the region and practically does not depend on the level of arrival of the international migrants. The closer positive connection with employment of foreign citizens is available for diseases of a pediculosis and chronic hepatitis. Migration and legal employment of foreign citizens do not influence HIV case rate indicators.

Keywords: migration, socially dangerous diseases, wellbeing of the territory

УДК: 314.7

В. В. Пациорковский

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ СРЕДНЕГО УРАЛА В 2010–2016 гг.

В работе рассматривается динамика численности населения всех 73 муниципальных образований первого уровня (городских округов и муниципальных районов) Свердловской области в 2010–2016 гг. По этому показателю муниципальные образования разбиты на три группы. В первую группу вошли 15 муниципальных образований, увеличивших численность населения в наблюдаемый период. Во вторую группу вошла основная часть муниципальных образований (53 ед.). В них наблюдается постепенное сокращение численности населения. В третью группу вошли 5 муниципальных образований, быстро теряющих население. По всем муниципальным образованиям представлена динамика общей численности их населения, а также динамика численности городского и сельского населения. Показано, что в рассматриваемый период основной прирост населения пришелся на муниципальные образования, входящие в состав Екатеринбургской агломерации. В то же время утраты населения приходятся на муниципальные образования, находящиеся на периферии основной полосы расселения региона.

Ключевые слова: муниципальные образования, городские округа, муниципальные районы, городское население, сельское население, размещение населения

Движение населения муниципальных образований (МО) служит важным индикатором территориального развития и привлекательности для населения той или иной местности. Действующая система муниципального управления сложилась к моменту последней переписи населения 2010 г. В соответствии с данными переписи в Свердловской области в тот год было 73 МО первого уровня, в том числе 68 городских округов (ГО) и 5

муниципальных районов (МР).[1] Контурная карта с указанием наименования каждого МО (ГО и МР) приведена на рисунке.

Уместно отметить, что до муниципальной реформы на Среднем Урале было 25 городов областного подчинения и 30 административных районов. Сегодня Средний Урал имеет самое большое число МО первого уровня в стране. Два других ближайших к нему по числу МО региона (Алтайский край и Московская область) имеют соответственно по 69 и 68 МО.

Формирование новой системы муниципального управления шло в области в основном в 2004–2005 гг. Оно реализовалось региональной представительной властью путем наделения большого числа городов статусом городского округа, а также наделения этим статусом ряда бывших административных районов или той их части, которая осталась после выделения из них городов – бывших районных центров. Так в системе муниципального управления появились ГО Ирбит и ГО Ирбитский, ГО Каменск-Уральский и ГО Каменский, ГО Ивдельский, ГО Гаринский и др. И только пять бывших административных районов были преобразованы в МР (Байкаловский, Камышловский и др.).

Известной новацией в управлении регионом служит и создание в нем таких административных образований, как управленческие округа. Это система «территориальных исполнительных органов государственной власти Свердловской области с образованием шести управленческих округов, возглавляемых управляющими» [3]. Конкретно эта идея реализовалась в создании пяти управленческих округов: Восточный, Горнозаводской, Западный, Северный, Южный. Последний – Центральный управленческий округ не был создан.

Примечание: Муниципальное деление Свердловской области (на 1 января 2017 года): городские округа (ГО) и муниципальные районы. Обозначения: 1 — Волчанский ГО, 2 — Серовский ГО, 3 — ГО Красноуральск, 4 — Верхнесалдинский ГО, 5 — ГО ЗАТО Свободный, 6 — ГО «Нижняя Салда», 7 — МО г. Алапаевск, 8 — МО г. Ирбит, 9 — Кировградский ГО, 10 — Невьянский ГО, 11 — ГО Староуткинск, 12 — ГО Верхний Тагил, 13 — ГО Верх-Нейвинский, 14 — Новоуральский ГО,

[1] Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 1. Численность и размещение населения. М: ФСГС, 2012. С. 311.

15 — ГО Верхняя Пышма, 16 — ГО Среднеуральск, 17 — Берёзовский ГО, 18 — Малышевский ГО, 19 — ГО Рефтинский, 20 — Асбестовский ГО, 21 — Бисертский ГО, 22 — ГО Дегтярск, 23 — МО «город Екатеринбург», 24 — ГО Верхнее Дуброво, 25 — ГО Заречный, 26 — Белоярский ГО, 27 — МО «посёлок Уральский», 28 — Арамильский ГО.

Рис. Контурная карта муниципальных образований Свердловской области (*источник:* https://ru.wikipedia.org/wiki/Административно_территориальное_деление_Свердловской_области)

Справедливости ради следует сказать, что область была первопроходцем таких глубоких преобразований на региональном уровне управления. В числе лидеров сходных преобразований можно указать и Магаданскую область. К настоящему времени здесь все районы преобразованы в ГО. В Сахалинской области пока еще остается один МР и вновь образовано 18 ГО. В последние три года сходные преобразования набирают все большую силу и в Московской области. К началу текущего года здесь было 29 МР и 39 ГО. В противовес этому такие тяжеловесы как Республики Башкортостан (МР-54, ГО-9) и Татарстан (МР-43, ГО-2), Алтайский (МР-59, ГО-10) и Краснодарский край (МР-37, ГО-7), как видно из приведенных данных, сохраняют преобладание МР в административно-территориальной структуре регионов.

С 2010 г. по 2016 г. численность населения области выросла на 0,8%. При этом численность городского населения увеличилась на 1,6%, а сельского – сократилась на 3,4%.[1] Эти данные приводятся здесь для целей контроля и соотнесения с движением населения на уровне МО, которое рассматривается ниже. По этому показателю все МО могут быть разбиты на три группы.

Первую группу составляют 20,6% МО, которые в наблюдаемый период увеличили численность населения. Динамика населения этих МО представлена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика движения населения муниципальных образований Среднего Урала, показавших рост населения в 2010–2016 гг., %

№/п	Муниципальные образования	Расстояние до Екатеринбурга, км	Динамика роста всего населения	Динамика городского населения	Динамика сельского населения
1.	ГО Арамильский	15	4,437	5,540	-0,435
2.	ГО Березовский	12	7,760	9,555	2,348
3.	ГО Верх-Нейвинский	70	1,805	1,805	-
4.	ГО Верхнее Дуброво	31	5,343	5,343	-
5.	ГО Верхняя Пышма	1	12,441	13,264	8,589
6.	ГО Дегтярск	34	3,572	3,569	4,444
7.	ГО Екатеринбург	-	6,836	7,014	-0,326
8.	ГО Заречный	40	4,771	2,938	21,090
9.	ГО Каменский	100	2,881	-1,352	3,583
10.	ГО Ревда	43	1,038	0,840	9,243
11.	ГО Свободный, ЗАТО	185	4,379	4,379	-
12.	ГО Среднеуральск	16	11,150	10,392	59,317
13.	ГО Староуткинск	89	3,092	3,436	-6,796
14.	ГО Сысерть	50	3,775	2,316	4,525
15.	МР Камышловский	140	1,793	-	1,793

Источник: База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014 г.

[1] База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В. В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014 г.

Уместно обратить внимание на то, что основным источником роста численности населения в МО служит его механическое движение. Естественный прирост сегодня установился на очень низком уровне, а совсем недавно (2010 г.) еще фиксировалась естественная убыль населения. Данные таблицы 1 показывают, что только три МО, нарастивших население (ГО Каменский и Свободный, а также МР Камышловский), находятся за пределами Екатеринбургской агломерации. Еще два ГО (Верх-Нейвинский и Староуткинск) находятся на ближайших подступах к ней или ее периферии. Все оставшиеся 10 ГО и составляют вместе с Екатеринбургом собственно агломерацию. Таким образом, именно сюда пришелся весь прирост населения области в наблюдаемый период.

Прирост населения не коснулся двух основных, после Екатеринбурга, городов – центров опорного каркаса расселения региона, а именно Нижнего Тагила и Каменск-Уральского. И это весьма настораживает. Конурбация Нижний Тагил – Екатеринбург – Каменск-Уральский в данном случае предпочтительнее, надежнее и устойчивее Екатеринбургской агломерации. Она теснее и полнее может связать опорный каркас расселения всего региона.

Во вторую группу вошли МО, постепенно теряющие население в наблюдаемый период (табл. 2).

Таблица 2

Динамика движения населения муниципальных образований Среднего Урала, постепенно теряющих население в 2010–2016 гг., %

№/п	**Муниципальные образования**	**Расстояние до Екатеринбурга, км**	**Динамика сокращения всего населения**	**Динамика городского населения**	**Динамика сельского населения**
1.	ГО Первоуральск	40	-0,300	0,364	-3,689
2.	ГО Уральский, ЗАТО	32	-0,409	-0,409	-
…	……				
52.	ГО Тугулым	267	-8,946	-3,933	-10,760
53.	ГО Ивдельский	535	-9,450	-8,664	-11,521

Примечание: Кроме указанных в таблице в эту группу входят следующие МО: ГО Алапаевск, ГО Алапаевское, ГО Артемовский, ГО Артинский, ГО Асбест, ГО Ачит, ГО Белоярский, ГО Бисерть, ГО Богданович, ГО Верхний Тагил, ГО Верхняя Салда, ГО Верхняя Тура, ГО Верхотурье, ГО Волчанск, ГО Горноуральский, ГО Ивдельский, ГО Ирбит, ГО Ирбитский, ГО Каменск-Уральский, ГО Камышлов, ГО Карпинск, ГО Качканарский, ГО Кировград, ГО Краснотурьинск, ГО Красноуральск, ГО Красноуфимск, ГО Красноуфимский, ГО Кушва, ГО Лесной, ГО Малышева, ГО Невьянск, ГО Нижний Тагил, ГО Нижняя Салда, ГО Нижняя Тура, ГО Новая Ляля, ГО Новоуральск, ГО Пелым, ГО Первоуральск, ГО Полевской, ГО Пышма, ГО Реж, ГО Рефтинский, ГО Североуральск, ГО Серов, ГО Сухой Лог, ГО Тавда, ГО Талица, ГО Туринск, ГО Шаля, МР Байкаловский, МР Нижнесергинский.

Источник: База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014

В данном случае границей постепенных и быстрых потерь служит утрата в наблюдаемый период более 10% общей численности населения МО. В группу, потерявшую в наблюдаемый период до 10% населения, вошла основная часть МО области (72,6%). В целях экономии места их список приведен в примечании к таблице. Тогда как в самой таблице показаны по два МО с минимальными и максимальными потерями населения. В приведенных в таблице 2 примерах обращает на себя внимание, что в этих ГО потери сельского населения значительно превышают потери горожан. Уместно предположить, что формирование многих ГО совершенно не учитывало интересы селян.

Наряду с уже упоминавшимися ранее ГО Каменск-Уральский и ГО Нижний Тагил в эту группу вошли ГО Первоуральск и ГО Уральский, показавшие минимальные потери

населения в наблюдаемый период. При этом ГО Каменск-Уральский показал значительно более высокую отрицательную динамику населения, чем ГО Каменский (табл. 1). Она составила в нем, соответственно, -2,567% для всего населения, -2,558% для горожан и -3,399% для селян. В терминах ушедших времен оба этих ГО находятся в границах бывшей административно-территориальной единицы Каменский район.

В результате муниципальной реформы Каменск-Уральский – большой город, выделился в самостоятельный ГО. А вся остальная – фактически сельская территория района, стала Каменским ГО. И вот теперь выясняется, что в данном случае сельская местность оказывается более привлекательной для населения, чем городская. Не только для региона, но и для страны это довольно редкое явление.

В казалось бы совершенно идентичной с административно-территориальной точки зрения ситуации в ГО Серов и в ГО Сосьва, первый потерял -1,797% населения, тогда как второй ГО потерял – 12,413% населения в наблюдаемый период. Для ГО Ирбит и ГО Ирбитский указанные показатели соотносятся как -2,380 и -4,718% соответственно. Видимо, кроме административного сходства, использованного при принятии решений по преобразованию бывших единиц административно-территориального деления в ГО, полезно было бы учесть и другие факторы.

Наконец, в третью группу вошли МО, быстро теряющие население в наблюдаемый период. За пять лет утрата свыше 10% населения представляет собой действительно большую угрозу для будущего любого населенного пункта и МО.

Таблица 3

Динамика движения населения муниципальных образований Среднего Урала, быстро теряющих население в 2010–2016 гг., %

№/п	**Муниципальные образования**	**Расстояние до Екатеринбурга, км**	**Динамика сокращения населения**	**Динамика городского населения**	**Динамика сельского населения**
1.	ГО Гаринский	501	-15,538	-12,122	-19,009
2.	ГО Махнёво	235	-13,577	-6,678	-19,962
3.	ГО Сосьва	451	-12,413	-12,736	-32,163
4.	МР Слободо-Туринский	294	-11,238	.	-11,238
5.	МР Таборинский	359	-10,828	.	-10,828

Источник: База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014

Как демонстрируют данные таблицы 3, ГО Гаринский является бесспорным лидером рассматриваемого процесса в регионе. В сокращении численности населения в этой группе МО важную роль играют как высокая смертность, так и факторы удаленности, трудной доступности и слабости экономики указанных МО. К примеру, вот что можно узнать из народной энциклопедии о Таборинском МР: «Промышленность отсутствует. Основная часть населения задействована в лесопереработке» [4].

В свое время Л. Гумилев писал об этих краях: «На пространстве Евразии на всей полосе сплошных лесов – тайги от Онежского озера до Охотского моря – не возникло ни одного народа, ни одной культуры. Все, что там есть или было, принесено с юга или севера» [1, с. 231]. Это высказывание подчеркивает бесчисленные трудности и сложности выживания человека в таежной среде. Тем более полезно быть внимательным к нуждам людей, живущих в таких условиях.

Во всех указанных в таблице 3 ГО, во-первых, отток населения в наблюдаемый период заметно выше, чем в двух соседних МР. Во-вторых, отток сельского населения в них значительно превышает отток горожан. Действительно, в трех рассматриваемых ГО центрами являются малочисленные и слабо подготовленные к выполнению функций опорного каркаса расселения ПГТ, а в двух МР вообще нет городских населенных пунктов и

городского населения. Возможно, в том числе и поэтому рассматриваемые МО являют собой пример весьма нежелательного и довольно опасного в социально-экономическом плане перехода от неперспективных деревень к неперспективным территориям.

Судя по всему, расширительная трактовка ГО в качестве территориальных, а не локальных образований вносит свой вклад в эти процессы. Эта трактовка как бы сохраняет букву закона, но расходится с его духом. По результатам его реализации местное самоуправление, как форма осуществления народом своей власти, фактически ликвидируется в большей части городских и сельских поселений. Концентрируясь в центрах бескрайних ГО, она становится также далекой от повседневных забот и интересов населения, как региональная и федеральная власть. Получившие широкую известность события в поселке Сагра (ГО Верхняя Пышма) в 2011 г. и в поселке Серебрянка (ГО город Нижний Тагил) в 2016 г. уместно привести здесь в качестве примеров из жизни, которые подтверждают сформулированное выше утверждение. Вот как отнесся глава государства Владимир Путин к одному из этих случаев: «Обращу на это внимание губернатора, он, надеюсь, отреагирует совместно с местными властями. Это недопустимо. Жаль, что местное руководство, в том числе региональное, самоустраняется от решения подобных вопросов. Люди, где бы они ни жили, должны пользоваться благами цивилизации» [2].

В законодательстве ГО и МР определяются следующим образом: ГО – «городское поселение, которое не входит в состав муниципального района и органы местного самоуправления которого осуществляют полномочия по решению установленных настоящим федеральным законом вопросов местного значения поселения и вопросов местного значения муниципального района» [5].

МР – «несколько поселений или поселений и межселенных территорий, объединенных общей территорией, в границах которой местное самоуправление осуществляется в целях решения вопросов местного значения межпоселенческого характера населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления» [5].

Приведенные определения показывают, что законодатель исходно дал четкое определение МР, и, опираясь на него, ввел понятие ГО. При этом МР исходно понимается как территориальное образование («несколько поселений или поселений и межселенных территорий, объединенных общей территорией»), в то время как ГО – как локальное образование («городское поселение»).

Если согласиться с тем, что три приведенные выше ГО и два МР имеют большое число примерно близких характеристик (уровень экономического развития, этнический состав, численность и плотность населения, рождаемость, смертность и удаленность), то вполне уместно предположить, что наблюдаемая огромная разница в оттоке населения связана со вторым, поселенческим уровнем местного самоуправления. Он есть в МР и полностью ликвидирован в ГО.

Скорее всего, этот поселенческий уровень местного самоуправления и выполняет функцию скреп, которые отсутствуют в условиях слабости опорного каркаса расселения. Разумеется, эта гипотеза нуждается в тщательной эмпирической проверке. Вместе с тем, если она подтвердится, то данное обстоятельство может внести свой вклад в корректировку процесса преобразований МР в ГО, который медленно, но уверенно получает все более широкое распространение в субъектах Федерации.

©Пациорковский В. В. Текст. 2017

Список источников

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М. : Танаис, ДИ-ДИК, 1994. – 544 с.
2. На дорогу в Серебрянку пожаловались Путину. [Электронный ресурс]. URL: https://vsenovostint.ru/2016/12/25/na-dorogu-v-serebryanku-pozhalovalis-putinu-vchera-selo-posetil-ministr-transporta/ (дата обращения 18.04.2017).

3. Правительство Свердловской области. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.midural.ru/100034/100088/ (дата обращения 10.04.2017).
4. Таборинский район // Википедия. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Таборинский_район (дата обращения 15.04.2017).
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 6 октября 2003 г., № 131-ФЗ, Ст. 2, п. 1. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148889/ (дата обращения 17.04.2017).

© Пациорковский В. В. 2017. Текст.

Информация об авторе

Пациорковский Валерий Валентинович (Россия, Москва) – д.э.н., главный научный сотрудник, ФГБУН Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, ИСЭПН РАН: patsv41@gmail.com).

Patsiorkovskiy V.V.

MOVEMENT OF THE POPULATION OF THE MUNICIPAL FORMATIONS ON THE MIDDLE URALS IN 2010-2016

The paper considers the dynamics of the population of all 73 municipal formations (urban districts and municipal districts) of the Sverdlovsk region in 2010-2016. According to this indicator, municipalities are divided into three groups. The first group included 15 municipal entities that increased the population in the observed period. The second group included the bulk of municipalities (53 units). In them, there is a gradual decline in the population. The third group included 5 municipalities, rapidly losing population. For all municipalities, the dynamics of the total number of their population is presented, as well as the dynamics of the urban and rural population. It is shown that in the period under review the main population growth was in the municipal formations that make up the Yekaterinburg agglomeration. At the same time, the main loss of population falls on the municipalities located on the periphery of the main strip of settlement of the region.

Keywords. Municipalities, urban districts, municipal districts, urban population, rural population, population distribution.

Information about the author

Patsiorkovskiy Valery V. (Moscow, Russia) – Doctor of Economics, Chief Researcher, FGBUN Institute of Socio-Economic Studies of epy Population (117218, Moscow, 32, Nakhimovsky prospect, ISESP RAS, e-mail: patsv41@gmail.com).

УДК: 314.7 (476)

Ю.Н. Петракова

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ДЛЯ СТРАН ЕАЭС

В статье рассматривается миграционный потенциал Беларуси, который может быть использован странами-участницами ЕАЭС при формировании иммиграционной политики. Миграционный потенциал рассматривается с точки зрения участия в миграционных процессах лиц определенных национальностей, а также учитываются факторы, влияющие на миграционное поведение населения Республики Беларусь.

Ключевые слова: миграционный потенциал, факторы выталкивания и притяжения, национальный состав.

В 2015 году произошло одно из знаковых событий в развитии внешнеполитического и внешнеэкономического сотрудничества Республики Беларусь – был создан и расширен Евразийский экономический союз. Одной из главных целей ЕАЭС является развитие единого интеграционного пространства, что приведет к повышению национальной конкурентоспособности и, соответственно, будет способствовать увеличению роли данного союза в мировой экономике. Одной из самых серьезных задач, в достижении поставленной цели, станет регулирование взаимных миграционных потоков, интенсивность и направление которых будут различны. Основополагающим документом в сфере регулирования миграционных потоков выступает Договор о Евразийском экономическом союзе [1]. В первую очередь он регулирует вопросы, связанные с трудовой миграцией между странами-участницами, однако объектом исследования данной статьи является иной вид миграции – постоянная, связанная с переменой места жительства на длительный срок. Соответственно раздел 26 Договора «Трудовая миграция» не способен в полной мере установить правовые нормы в отношении лиц, желающих сменить постоянное место жительства в пределах ЕАЭС. Регулирование миграционных процессов, связанных с переменой места жительства/гражданства, остается в юрисдикции каждой страны-участницы и зависит от интересов государства относительно иммигрантов. Чтобы спрогнозировать возможные направления миграционных потоков в рамках ЕАЭС следует изучить миграционный потенциал каждой из стран, оценить вклад всех участников интеграционного образования в формирование миграционного пространства ЕАЭС.

Категорию «миграционный потенциал» активно начали использовать в русскоязычной научной литературе в конце XX века в контексте обсуждения миграционной политики новых независимых государств, и в первую очередь России. Точного определения данного термина в научном сообществе пока не разработано, в самом широком смысле «миграционный потенциал – это наличие миграционных ресурсов, находящихся в странах – возможных донорах для страны реципиента» [3]. Данный термин активно используется при оценке соотечественников, способных переселиться в Россию. При этом в качестве миграционного потенциала принимается либо все русскоговорящее население, проживающее в новом зарубежье, либо только титульные для России национальности, либо те, кто является в этих странах мигрантами из России, либо те, у кого социологические опросы выявили установки на миграцию в Россию и др. [5, С. 156]. Помимо этого следует понимать, что миграционный потенциал зависит от половозрастной структуры, а также от факторов, формирующих миграционную подвижность населения и направленность миграционных потоков страны-донора. По мнению Л.Л. Рыбаковского миграционный потенциал - это та часть населения стран-доноров, которая обладает возможностью мигрировать в государство-реципиент и соответствует по своим характеристикам его требованиям, т.е. геополитически и социально-экономически заданным критериям отбора, предъявляемым к иммигрантам. Основными среди этих критериев, выступают: страновой, устанавливающий количественные границы (параметры) миграционного потенциала, и этнический, определяющий его структурные предпочтения [4].

Исходя из вышеперечисленных критериев, рассмотрим миграционный потенциал Республики Беларусь для стран-участниц ЕАЭС. Основным критерием для определения миграционного потенциала выступит национальная принадлежность потенциальных мигрантов. Однако первоначально следует рассмотреть миграционную ситуацию, сложившуюся в Республике Беларусь в преддверии создания ЕАЭС.

По данным российских экспертов, в Российской Федерации объемы миграции внутри Евразийского союза растут, а между Россией и большинством других стран СНГ – сокращаются. В перспективе это должно привести к окончательному оформлению единого

миграционного пространства внутри ЕАЭС и усилению миграционных барьеров в отношении государств СНГ, которые вступать в него не планируют [2].

В Республике Беларусь картина с международной миграцией несколько иная и утверждать, что создание ЕАЭС способствовало усилению миграционных потоков между странами-участницами пока рано. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, несмотря на заметно увеличившийся в последние несколько лет объем международной миграции, усиления миграционных потоков между странами ЕАЭС и Беларусью не наблюдается. В миграционном обмене между Беларусью и странами ЕАЭС сокращается численность прибывших и одновременно растет численность выбывших, что ведет к значительному сокращению миграционного прироста (табл. 1).

Таблица 1

Динамика миграционных потоков между странами ЕАЭС и Республикой Беларусь

	2000	**2005**	**2010**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**
Прибыли в РБ всего В том числе из:	*25943*	*13031*	*17169*	*18040*	*19435*	*24941*	*28349*	*21038*
Армении	126	181	186	153	196	242	220	145
Казахстана	3590	813	698	963	1112	1408	1577	910
Киргизии	132	111	107	80	68	96	70	40
России	14424	7276	9268	8560	9150	9131	7837	6611
Выбыли из РБ всего В том числе в:	*13812*	*11249*	*6866*	*8712*	*7792*	*9219*	*9855*	*13098*
Армению	15	11	14	23	47	55	34	61
Казахстан	110	125	93	69	81	167	117	172
Киргизию	6	1	0	3	7	5	4	2
Россию	5854	6452	4237	5493	4378	4669	5137	5912

В последние несколько лет доля стран-участниц ЕАЭС в миграционном обмене Республики Беларусь значительно сократилась (рис. 1). Линию тренда в данной группе задает Россия, миграционный оборот с которой в последние годы снизился. Доля Казахстана в миграционном обороте Беларуси упала с 9% в начале 2000-х гг. до 3,5-4% во втором десятилетии XXI века. Доля Армении и Киргизии всегда составляла менее 1% в миграционном обороте.

Все годы после распада Советского Союза основным партнером Беларуси по миграционному обмену являлась Россия, на долю которой приходилось более половины миграционного оборота страны, а также основной миграционный прирост. Однако события последних лет на Украине изменили структуру потоков международных мигрантов из стран СНГ: за последние три года Украина практически догнала Россию по миграционному обороту и значительно превзошла по миграционному приросту. С остальными странами СНГ значительных изменений в миграционном обмене не произошло. Помимо этого в последнее пятилетие наблюдается увеличение миграционного обмена со странами за пределами СНГ, в первую очередь с бывшими союзными республиками Литвой, Латвией и Грузией.

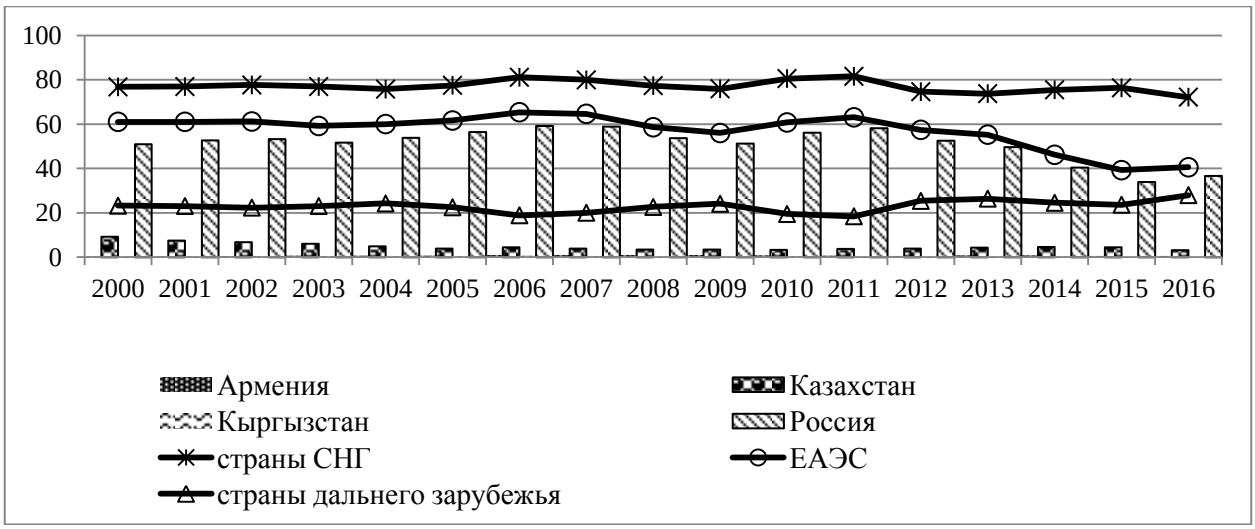


Рисунок 1. Миграционный оборот Республики Беларусь со странами ЕАЭС, СНГ и дальнего зарубежья, %

Таким образом, на протяжении долгих лет основной миграционный обмен Республики Беларусь происходил с Россией, также значительная доля приходилась на Украину и Казахстан, с остальными странами СНГ (в том числе странами-участницами ЕАЭС) миграционный обмен был незначительным. Однако в преддверии создания ЕАЭС миграционная ситуация в Республике Беларусь находилась под влиянием вооруженного конфликта на юго-востоке Украины, что значительно повысило численность и долю мигрантов из Украины, а также способствовало росту трудовой миграции из этой страны.

Если рассматривать миграционный потенциал Беларуси для стран ЕАЭС на основе национальной принадлежности, где потенциальным иммигрантом выступает индивид, принадлежащий к титульной национальности страны-реципиента, то Беларусь обладает миграционным потенциалом для России, незначительным для Казахстана и Армении. По данным последней переписи населения в Беларуси проживало 785084 русских, 8512 армян, 1355 казахов и 95 киргизов[1]. Однако необходимо понимать, что далеко не все проживающие на территории страны представители титульных наций стран ЕАЭС являются потенциальными мигрантами. Во-первых, следует учитывать возрастной состав населения отдельных национальностей. Например, среди русских 32,8% составляют лица пенсионного возраста, мобильность которых, как известно, значительно ниже мобильности лиц трудоспособного возраста. Во-вторых, следует учитывать различия в миграционной подвижности представителей титульных национальностей. Так, за годы после последней переписи из Беларуси выбыло 8233 русских, 108 казахов, 7 киргизов и 211 армян, если соотнести эти данные с численностью населения соответствующей национальности, то интенсивность выбытия составит соответственно 10,5, 79,7, 73,7 и 24,8 на 1000 человек (табл. 2). Несмотря на незначительную численность выбывших казахов и киргизов интенсивность их выбытия в несколько раз выше, чем у русских и армян, численность которых в населении Беларуси больше, соответственно далеко не все проживающие в Беларуси армяне и русские являются потенциальными мигрантами. К тому же следует понимать, что при расчете показателей интенсивности используются данные переписи, а в межпереписной период численность населения основных национальностей может сократиться или вырасти в результате естественного движения, что не отражается в ежегодной статистике.

[1] Население по национальности и родному языку / Перепись населения 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/perepis_2009/5.8-0.pdf - Дата доступа: 14.04.2017.

Таблица 2

Отношение выбывших из Беларуси представителей титульных наций стран ЕАЭС к их численности в Беларуси, в расчете на 1000 человек

национальность	Численность по данным переписи 2009 г.	Выбыло из Республики Беларусь в 2010-2015 гг.	Интенсивность выбывших в 2010-2015 гг.
русские	785084	8233	10,5
казахи	1355	108	79,7
киргизы	95	7	73,7
армяне	8512	211	24,8

В-третьих, не все представители титульных национальностей выбывают из Беларуси в основную страну проживания данной национальности, так же как и миграционный поток в данную страну состоит не только из представителей титульной нации. Исходя из данных таблицы 2 в 2010-2015 гг. Беларусь покинуло 8233 русских, в этот же период численность выбывших в Россию составила 28867 чел., в Казахстан соответственно выбыло 616, в Армению – 205, а Киргизию – 23 человека. Отсутствие статистических данных не дает возможности сопоставить численность выбывших из Беларуси в страны ЕАЭС по национальности, однако, значительное превышение численности выбывших над соответствующими данными по титульным национальностям свидетельствует о наличии в потоках выбывших представителей других национальностей, и в первую очередь белорусов. Значит, на формирование миграционных потоков и миграционного потенциала кроме проживания на территории Беларуси представителей титульных национальностей стран ЕАЭС оказывают влияние и другие факторы.

Решение о миграции принимается под воздействием факторов выталкивания, действующих в стране проживания, и притяжения, исходящих из потенциальной страны эмиграции. При анализе миграционного потенциала Беларуси для стран ЕАЭС необходимо рассматривать факторы, выталкивающие из Беларуси потенциальных мигрантов и притягивающие их в другие страны ЕАЭС. Основными из них будут экономические: низкий уровень доходов, высокий уровень безработицы, невысокий уровень жизни населения. При этом стоит учитывать дифференциацию стран-участниц ЕАЭС по этим показателям (табл. 3).

Таблица 3

Основные показатели уровня жизни населения по странам ЕАЭС[1]

	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
ВВП на душу населения, дол. США, 2015 г.	3489,1	5740,5	10510,0	1103,2	9092,6
Среднемесячная номинальная заработная плата, дол. США, 2015 г.	359	413	568	209	561
Уровень безработицы, %, 2014 г.	17,1	5,9	4,1	8,1	5,1
Уровень бедности относительно национальной черты бедности, 2015 г.	30,0[2014]	5,1	2,7	32,1	13,3

Для Армении и Киргизии характерны самые неблагоприятные показатели экономического развития, соответственно значимость экономических факторов при формировании миграционного потенциала Беларуси для этих стран не высока. Учитывая

[1] По данным Всемирного банка http://data.worldbank.org/ и Статистического комитета СНГ http://www.cisstat.com/

незначительные миграционные потоки между Беларусью и данными странами, можно констатировать, что миграционный потенциал Беларуси для Армении и Киргизии скорее отрицательный, т.е. Беларусь выступает для этих стран реципиентом, а не донором.

Противоположная ситуация складывается относительно миграционного потенциала Беларуси для России и Казахстана: относительно высокие экономические показатели этих стран притягивают потенциальных мигрантов из Беларуси. Невысокие показатели миграционного обмена и низкая численность проживающих на территории Беларуси казахов препятствуют увеличению миграционного потенциала Беларуси для Казахстана, однако целенаправленная иммиграционная политика может способствовать росту численности потенциальных иммигрантов из Беларуси.

Среди всех стран ЕАЭС самый значительный миграционный потенциал в Беларуси сосредоточен для России. Между этими странами складываются многолетние устойчивые миграционные связи, Россия преобладает в миграционном обороте Беларуси, русские составляют вторую по численности национальность после белорусов, наличие протяженной общей границы, рост диспропорций в уровнях доходов между странами – все это способствует увеличению миграционного потенциала Беларуси относительно России. В дальнейшем рост численности иммигрантов из Беларуси может быть обусловлен с одной стороны усилением выталкивающих факторов, с другой – разработкой мер иммиграционной политики, направленных на привлечение выходцев из Беларуси, в первую очередь ориентированных на бывших соотечественников.

© Петракова Ю.Н. Текст. 2017

Список источников

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/. — Дата доступа: 13.06.2016.

2. Подбиралина Г.В. Экономический потенциал и миграционные процессы в ЕАЭС // Россия и Америка в XXI веке. Электронный научный журнал. 2016, № 1 [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.rusus.ru/?act=read&id=494 – Дата доступа : 15.06.2016.

3. Рыбаковский, Л. Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования . – 2011. – № 04. – С. 24-34.

4. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию / Л.Л. Рыбаковский, Н.И. Кожевникова. - М.: ЗАО "Экон-информ", 2010.

5. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: учеб. Пособие / Т.Н. Юдина. - М.: Издательство РГСУ, 2007. – 472 с.

Информация об авторе

Петракова Юлия Николаевна (Беларусь, Минск) – старший научный сотрудник, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (ул. Сурганова, 1 корп. 2, г. Минск, Беларусь 220072; petra13@mail.ru)

Petrakova Y.N.

MIGRATION POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF BELARUS FOR THE EAEU

The article examines the migration potential of Belarus, which can be used by the member countries of the EAEU in the formation of immigration policy. Migration potential is considered from the point of view of participation in the migration processes of persons of certain nationalities, as well as factors influencing the migration behavior of the population of the Republic of Belarus.

Key words: migration potential, push-pull factors, national composition.

Information about the author

Petrakova Yuliya Nikolaevna (Belarus, Minsk) - Senior Researcher, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (Surganova str., 1 build. 2, Minsk, Belarus 220072; petra13@mail.ru)

УДК: 314.74

В.А. Прохода

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Анализируются результаты межстранового социологического исследования. Констатируется, что у россиян доминируют негативные установки по отношению к мигрантам. Выявлено, что готовность к приему мигрантов связана с их национальной и расовой принадлежностью. Низкая готовность приема демонстрируется применительно к мигрантам из бедных стран, расположенных за пределами Европы.

Ключевые слова: миграция; мигранты; иммигранты; внешняя миграция; отношение к мигрантам.

Общепризнано, что миграция является одним из важных факторов формирования демографического потенциала [1; 3]. При этом масштабы миграции определяются комплексом социально-экономических, демографических политических и др. причин. Существенное влияние на адаптацию и интеграцию мигрантов оказывает отношение принимающего сообщества. Оговоримся, что в настоящей работе основное внимание уделено рассмотрению установок населения России применительно к внешней миграции. Особенности восприятия россиянами внутренней миграции остаются вне рамок рассмотрения.

Публикация базируется на результатах седьмой волны межстранового социологического исследования «Европейское Социальное Исследование» (European Social Survey, ESS)», проведенного в 2014 г. «ESS» - проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения европейских стран (Россия участвует в «ESS» с 2006 г.). В России в 2014 г. выборка, репрезентирующая население страны, составила 2445 человек в возрасте от 15 лет и старше. На международном уровне общее управление проектом осуществляли: The Centre for Comparative Social Surveys, City University London, UK; Scientific Advisory Board.

Установки населения по отношению к мигрантам выявлялись в исследовании с помощью серии вопросов характеризующих как готовность россиян к приему мигрантов, так и оценку влияния миграции на условия жизни в стране. В целом можно констатировать, что у россиян доминируют негативные установки по отношению к мигрантам. При этом в сравнении с другими европейскими странами – участницами проекта негативные установки в России широко распространены [4]. Так лишь 8,4% респондентов констатируют, что следует позволять переезжать жить в Россию *многим* людям, чья национальность или расовая принадлежность отличается от большинства населения страны. Одновременно считают допустимым переезд *некоторых людей* другой национальности 29% россиян, *немногих* – 33,8% респондентов. Наконец *никому* не разрешили бы переезжать – 23,5% россиян и это один из самых высоких показателей в Европе. Для сравнения в Швеции оказалось всего 0,6% категоричных противников миграции, в Норвегии – 1,6% респондентов, в Германии – 3,5% опрошенных.

Оценки населения России становятся еще критичней, когда речь заходит о приезжих из более бедных стран, расположенных за пределами Европы. Для россиян миграция из более бедных стран ассоциируется, прежде всего, с приезжими из Средней Азии и Закавказья. Применительно к таким мигрантам россияне демонстрируют минимальную

степень готовности приема. Только 7,1% респондентов согласны с тем, что следует позволить переезжать в Россию *многим* таким мигрантам. Одновременно каждый четвертый (24,2%) опрошенный допускает возможность переезда лишь *некоторых*, а 31,5% *немногих* мигрантов из бедных стран. При этом почти треть населения страны (31%) декларирует необходимость полного запрета (*никому не разрешать*) миграции из бедных стран. Выявленное негативное отношение свидетельствует о существовании сложностей в процессе взаимной адаптации существенной части местного населения и приезжих. Отчасти это подтверждается результатами других исследований, констатирующих наличие социальной дистанции и неготовности довериться приезжим других национальностей [2].

Готовность населения к приему мигрантов тесно связана с оценкой влияния миграции на условия жизни в России. Для выявления зависимости использовались ответы респондентов на следующий вопрос: «*Как Вы считаете, с притоком людей из других стран наша страна как место для жизни становится лучше или хуже?*». Предусматривалась возможность ответа по шкале от 0 до 10 баллов, где «0» баллов означало – «*становится хуже*», «10» баллов – «*становится лучше*». Большинство россиян уверено, что с притоком мигрантов жизнь в стране становится хуже (средний балл - 3,66 балла; середина шкалы – 5 баллов). Оценки россиян оказались пессимистичней оценок жителей других европейских государств. Для сравнения аналогичный показатель в Швеции составил - 6,67 балла, в Дании – 5,68 балла, в Норвегии 5,52 балла. В целом, чем оптимистичней оценка влияния миграции на условия жизни, тем чаще респонденты демонстрируют готовность к приему мигрантов. Это относится как к представителям той же национальности (расы), что и большинство населения (r = -0,30), так и к мигрантам другой национальности (r = -0,43), а также к выходцам из бедных стран за пределами Европы (r = -0,40).

Основные опасения россиян связаны с негативным влиянием миграции на культуру принимающего сообщества и экономику страны. В сознании респондентов приток людей из других стран ассоциируется с разрушением культурного поля России – 3,87 балла (от 0 баллов – разрушает культуру страны до 10 баллов – обогащает культуру страны). Интересно, что в России этот показатель самый низкий среди европейских стран, в которых проводился опрос. Например, в Швеции средний балл составил – 7,28 балла, в Финляндии - 6,86 балла, в Германии – 6,3 балла. Существенная часть россиян уверена, что приезд мигрантов плохо сказывается и на экономике страны - 4,06 балла (от 0 баллов – плохо для экономики до 10 баллов – хорошо для экономики).

Проведенный факторный анализ (анализ проводился методом главных компонент, полная объясненная дисперсия – 77,1%, КМО = 0,73) позволил объединить в интегративный показатель условно названный «отношение к мигрантам» следующие переменные: «*Как Вы считаете, с притоком людей из других стран наша страна как место для жизни становится лучше или хуже?*»; «*Как Вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в нашу страну, в целом хорошо или плохо сказывается на ее экономике?*»; «*Как Вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает, или скорее обогащает культуру нашей страны?*». Исходные баллы по каждой переменной взвешивались с учетом выявленных факторных нагрузок, а затем суммировались. В дальнейшем значение интегративного показателя стандартизировалось от 0 баллов (крайне отрицательное отношение), до 10 баллов (максимально возможное положительное отношение). Интегративный показатель, характеризует отношение россиян к мигрантам.

Отрицательная установка по отношению к мигрантам несколько сильнее проявляется в городах (3,78 балла), нежели в сельских населенных пунктах (3,97 балла). Установки жителей городов существенно различаются в зависимости от размера населенного пункта. Отрицательное отношение чаще демонстрируют респонденты, проживающие в городах с численностью населения от 50 до 99 тысяч человек (3,58 балла) и от 100 до 249 тысяч человек (3,59 балла), а также москвичи (3,67 балла) и жители городов – миллионеров (3,74 балла). При этом россияне, проживающие в городах с населением от 100 тысяч человек,

больше обеспокоены разрушением культурного поля страны, нежели влиянием миграции на экономику.

На уровне российских федеральных округов (ФО) существенных различий не наблюдается. На общем фоне немного выделяются Уральский ФО с минимальным средним баллом – 3,62 балла и Северо-Кавказский ФО с максимальным (средний балл - 4,08) среди российских макрорегионов показателем.

В целом отношение к мигрантам представителей старшей возрастной группы (56 лет и старше) носит более негативный характер (3,59 балла), что отчасти повторяет результаты ESS 2012 г. Для сравнения россияне в возрасте от 31 года до 55 лет – 3,99 балла, представители молодежи – 3,86 балла. Проведенный корреляционный анализ, позволяет констатировать, что отношение к мигрантам статистически значимо связано с самооценкой дохода семьи респондента (r = -0,11). Обеспеченные россияне чаще демонстрируют положительные оценки внешней миграции, что повторяет результаты ESS 2012 года. Отметим отсутствие значимой корреляции между отношением к мигрантам и уровнем образования россиян.

В разрезе основных социально-демографических характеристик крайне негативное отношение к мигрантам демонстрируют следующие группы населения: мужчины в возрасте от 15 до 30 лет, проживающие в небольших городах с численностью населения менее 20 тысяч человек (2,85 балла); мужчины в возрасте от 15 до 30 лет, проживающие в городах с численностью населения от 50 до 99 тысяч человек (2,87 балла); мужчины в возрасте 56 лет старше, проживающие в городах-миллионерах (3,09 балла); женщины в возрасте 56 лет и старше, проживающие в Москве (3,11 балла). Сравнительно лучше других относятся к мигрантам следующие группы россиян: женщины в возрасте от 15 до 30 лет, проживающие в городах с численностью населения от 20 до 49 тысяч человек (4,59 балла); женщины в возрасте от 15 до 30 лет, проживающие в городах с численностью населения от 250 до 499 тысяч человек (4,57 балла); мужчины в возрасте от 31 года до 55 лет, проживающие в сельской местности (4,54 балла).

В заключение отметим, что в предлагаемой публикации рассматриваются лишь некоторые аспекты заявленной проблематики. Требуют дополнительного объяснения мотивы негативного отношения к мигрантам. Перспективным представляется использование процедуры бинарной логистической регрессии с вычислением вероятности попадания в группу, характеризующуюся негативизмом по отношению к мигрантам.

© Прохода В.А. Текст. 2017

Список источников

1. Донец Е.В. Миграция как источник пополнения демографического потенциала в центральном федеральном округе России / Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сб. ст. VII Уральского демографического форума с междунар. участием / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. Т. 2. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. С. 342 – 349.

2. Мигранты на российском рынке труда: за и против [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3072, 2016. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643 (дата обращения: 20.04.2017).

3. Плоских Е.В., Межерицкий В.П. Влияние миграции на демографический потенциал // Вестник КРСУ. 2014. Том 14. № 3. С. 179 – 183.

4. Прохода В.А. Отношение к мигрантам населения европейских стран // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 2. С. 64 – 71.

Информация об авторе

Прохода Владимир Анатольевич, Россия, г. Москва, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49, e-mail: prohoda@bk.ru).

Prokhoda V.A.

ATTITUDE TO MIGRANTS IN MODERN RUSSIA

The results of the intercountry sociological research are analyzed. It is stated that Russians are dominated by negative attitudes towards migrants. It is revealed that the readiness to receive migrants is related to their national and racial identity. The low readiness of admission is demonstrated in relation to migrants from poor countries located outside Europe.

Keywords: migration; migrants; immigrants; external migration; attitude towards migrants.

Information about the author

Prokhoda Vladimir Anatolievitch, Russia, Moscow, candidate degree in sociological science (Ph.d.). Senior Researcher of the Chair «Philosophy of education», Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Associate professor of Department of Sociology of Financial University under the Government of the Russian Federation. 125993, Moscow, Leningradsky Prospect, 49, e-mail: prohoda@bk.ru)

УДК: 911.3

Р.Г. Сафиуллин, А.К. Афанасьев , Р.М.Сафиуллина, М.Р. Сафиуллин

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В статье представлен взгляд на роль человеческого капитала в развитии современных социально-экономических отношений. Дана оценка роли миграционных процессов на формирование человеческого капитала территории, оценка взаимосвязей современных социально-экономических процессов и миграционной активности населения. Представлены территориальные особенности развития миграционных процессов в Республике Башкортостан и выделены их причины. Предложена группировка территорий Республики Башкортостан по взаимосвязи миграционных процессов и особенностей социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: Республика Башкортостан, человеческий капитал, человеческий потенциал, естественное движение населения, механическое движение населения, миграционные процессы, агломерация, территориальная экономическая политика.

До середины XX века, едва ли не единственным источником богатства и социально-экономического благополучия стран оставались природные ресурсы земных недр: полезные ископаемые, лесные, земельные, водные ресурсы, то во второй половине XX века благодаря научно-техническому прогрессу и развитию человеческого потенциала многие страны мира, при отсутствии значительных природных ресурсов, смогли достичь высокого уровня развития экономики, социально-экономических отношений, социального развития и выйти на ведущие мировые позиции по отдельным отраслям и видами экономической деятельности (наиболее яркий пример – «Японское экономическое чудо»).

Миграционные процессы и развитие человеческого капитала. Основу человеческого капитала составляет демографический потенциал, определяемый численностью и возрастно-половым составом населения. В связи с глобализацией мировой

экономики и ростом территориальной мобильности населения в устойчивом развитии стран и регионов важное значение приобретают межгосударственные и межрегиональные миграционные процессы.

Само по себе наличие человеческого капитала не определяет аксиоматично устойчивое социо-эколого-экономическое развитие. Человеческий капитал должен обладать следующими свойствами, выявленными на основе мирового опыта постиндустриального развития, которые обуславливают устойчивое развитие стран и регионов:

концентрация человеческого капитала на территории (плотность населения, его количество);

наличие государствообразующей общности, реализующей политику по развитию человеческого капитала и гражданского общества;

качество человеческого капитала (здоровье, образование, профессиональная подготовка, общественная активность и др.);

наличие условий для развития человеческого потенциала на территории. Это определяется разнообразием и качеством форм и образовательных программ учреждений дошкольного и общего образования, специализации профессиональных образовательных учреждений, форм и сфер при трудоустройстве, наличием условий и возможностей для реализации интеллектуального потенциала, развитыми системами НИОКР, территориальной инфраструктуры жизнедеятельности, систем расселения).

Значение миграционных процессов в росте и развитии человеческого капитала территорий сегодня является зачастую определяющим. Они влияют как на численность население, так и на качественные характеристики человеческого капитала территорий - приток и отток молодых квалифицированных специалистов. Миграционные потоки – это тот человеческий капитал территории, который ищет себе более эффективную реализацию, идет процесс перераспределения талантливых и активных людей между городами и регионами [2-3, 7]. Это объективный процесс, который в России уже активно развивается и дальнейший тренд миграционных процессов будет характеризоваться ростом при проводимой российским правительством политики поляризованного развития [1].

Человеческий капитал Республики Башкортостан и общая миграционная ситуация в регионе. Для Республики Башкортостан, как и для любой другой территории, человеческий капитал сегодня – основной ресурс развития. Различным аспектам исследования этой проблемы посвящены работы Сафиуллина Р.Г., Сафиуллиной Р.М., Фароновой Ю.В., Хамадеевой З.А., Гатауллина Р.Ф. и др. [4-6, 12-13].

Человеческий капитал территории характеризуется основным количественным макроэкономическим показателем – численностью населения. Численность населения Республики Башкортостан на 01.01.2016г. составляет 4 071 тыс. человек и по этому показателю регион занимает 7-ое место в России.

На основании этого регион можно отнести к субъектам России с развитым человеческим капиталом, но ряд дополнительных показателей, характеризующих развитие человеческого капитала региона, свидетельствуют о том, что республика не является регионом с высоким уровнем развития человеческого капитала: это низкая плотность населения в регионе - 28,5 чел. на 1 кв. км (см.таблицы 1 и 2). Данные этих таблиц свидетельствуют о том, какой необходимо сделать технологический и производственный рывок в экономике Республике Башкортостан, чтобы при плотности населения, уступающей развитым странам от 4 до 14 раз, достичь их уровня социально-экономического развития (Японии, Нидерландов, например);

Таблица 1

Плотность населения некоторых стран мира (01.01.2016)

Страны	Плотность населения, чел./кв. км
Нидерланды	410
Индия	390

Израиль	386
Япония	336
Великобритания	255
Германия	228
Италия	202
Швейцария	202
КНР	143
Франция	122
Россия	9

Таблица 2

Плотность населения некоторых субъектов России (01.01.2016)

Субъекты	Плотность населения, чел./кв. км
Московская область	165
Республика Ингушетия	130
Чеченская Республика	89
Республика Сев. Осетия-Алания	88
Республика Крым	73
Краснодарский край	73
Кабардино-Балкарская Республика	69
Чувашская Республика	67
Самарская область	60
Республика Татарстан	57
Республика Башкортостан	29
Республика Саха (Якутия)	0,3

- численность населения большинства регионов развитых стран значительно превышает численность населения российских, даже наиболее населенных регионов (средний размер численности населения штатов США составляет 5-8 млн. человек);

до 40% населения Республики Башкортостан проживает в сельской местности (1 559 тыс. человек - это 3-е место в стране). Если к этому населению прибавить численность населения малых и средних городов (до 100 тыс. жит.), включая печально известные «моногорода», то эта цифра еще значительно возрастет (как правило, уровень образования и интеллектуального развития в сельской местности значительно ниже, чем в крупных городах).

Численность населения Башкирии достигла своего максимума к Всероссийской переписи населения 2002 г. и составила 4 104 тыс. человек. Достижение этого максимума на фоне демографических потерь других регионов в межпереписной период 1989-2002 гг. объясняется следующими процессами:

традиционно высоким естественным приростом населения в регионе ввиду высокой рождаемости;

возвращением большого количества уроженцев региона из стран Ближнего зарубежья после распада СССР;

возвращением уроженцев региона с северных регионов после достижения ими пенсионного возраста;

социально-экономической политикой в Республике Башкортостан в этот период, законсервировавшей развитие сельских территорий, что отсрочило период активизации миграционных процессов из сельской местности в города и другие регионы страны [1].

В первом десятилетии XXI века все эти процессы изменились: ухудшилась демографическая обстановка (долгие годы в регионе демографический прирост был отрицательным), продолжился процесс дезиндустриализации в экономике городов,

городское и сельское население начало покидать Башкирию в поисках более высоких заработков за ее пределами (в первую очередь ХМАО, ЯНАО, города Москва, С.-Петербург, Казань, Сочи и др.). В результате численность населения Башкирии к Всероссийской переписи населения 2010 г. сократилась и составила 4 072 тыс. человек.

В этот же период, реализуемая социально-экономическая политика в Республике Татарстана позволила не только сохранить существующий объем человеческого капитала региона, но и привлечь население с соседних регионов, в результате чего численность населения в Татарстане с 3 779 тыс. человек в 2002 г. выросла до 3 869 тыс. человек на 1 января 2016 г.

Роль миграционных процессов в изменении численности населения региона (концентрации человеческого капитала) весьма значительна. Анализ данных об изменении численности населения 72 территорий Республики Башкортостан (63 муниципальных образований и 9 городских поселений с численностью населения более 30 тыс. жителей, но не являющихся городскими округами) за период между переписью населения 2010 г. и 1 января 2016 г., а также данных миграционного баланса этих территорий за этот же период позволяет выделить территориальные особенности:

- изменение численности населения 19 территорий, то есть концентрации человеческого капитала в 2011-2015 гг., на 100% зависит от механического движения населения (6 городов и 13 сельских территорий), только в трех эти изменения носят положительный характер (прирост численности населения: Иглинский, Стерлитамакский и Туймазинский районы);

- изменение численности населения еще 39 территорий, то есть концентрации человеческого капитала в 2011-2015 гг., в преобладающей степени (на 60,0-90%) зависит от механического движения населения (5 городов и 34 сельских территории), только в трех эти изменения носят положительный характер (прирост численности населения: города Октябрьский и Бирск, Уфимский район);

- в пяти территориях изменение численности населения, то есть концентрации человеческого капитала в 2011-2015гг., в значительной степени (40,0-59,9%) зависит от механического движения населения;

- в девяти территориях изменение численности населения в незначительной степени зависит от механического движения населения (0-39,9%).

Таким образом, территориальная концентрация человеческого капитала, характер и динамика ее изменения в 63 из 72 территорий Республики Башкортостан в 2011-2015 гг. в значительной, преобладающей и абсолютной степени зависят от современных миграционных процессов в регионе.

Территориальные особенности развития миграционных процессов в Республике Башкортостан. Анализ по Башкирии в историческом разрезе с дореволюционных времен и до 2012 года проведен в работах Сафиуллина Р.Г., Сафиуллиной Р.М., Фароновой Ю.В. и др. [8-11]. В последние 5 лет (начиная с 2011 г.) для региона характерна активизация межмуниципальных и межрегиональных миграционных процессов, и складывающаяся неблагоприятная миграционная ситуация в целом: общее миграционное сальдо региона за последние 5 лет составляет -25,8 тыс. человек).

Эти процессы имеют разнонаправленный характер: для одних территорий благодаря активизации миграционных процессов характерен значительный рост численности населения (рост человеческого капитала), в других происходит сокращение численности населения - вымывание человеческого капитала.

На основе анализа данных о миграционной ситуации 72 территорий Республики Башкортостан и данных об особенностях социально-экономического и экономико-географического развития и положения этих территорий нами выполнена группировка территорий по взаимосвязи миграционных процессов и особенностей такого развития (см. рисунки 1 и 2):

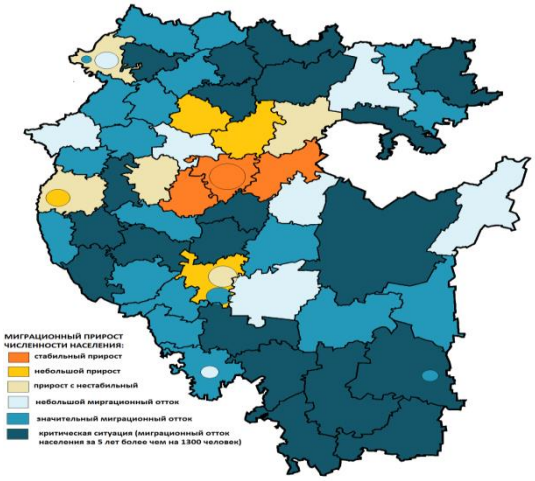


Рис. 1. География миграционной ситуации в муниципальных образованиях Республики Башкортостан за 2011-2015 гг.

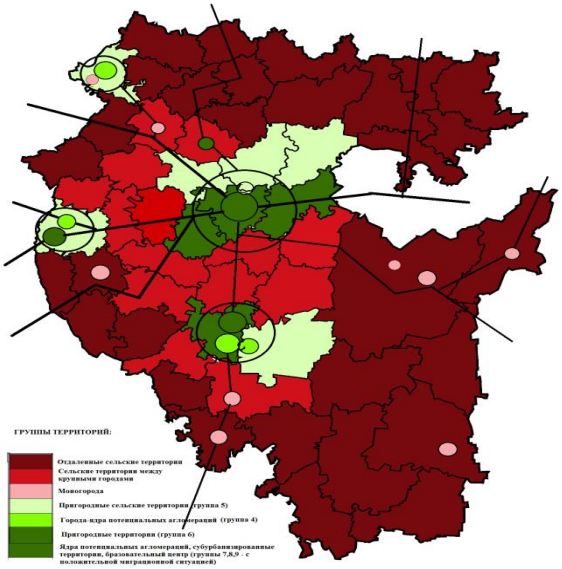


Рис. 2. Группировка территорий Республики Башкортостан по зависимости характера и интенсивности миграционного движения населения в 2011-2015 гг. от социально-экономических процессов и сложившейся региональной системы расселения

Группа 1. Города – ядра потенциальных агломерационных образований с положительной миграционной ситуацией: три города – Уфа, Стерлитамак, Октябрьский;

Группа 2. Пригородные территории, входящие в субурбанизированные зоны агломерационных образований региона с положительной миграционной ситуацией: четыре территории – муниципальных района: Уфимский, Иглинский, Чишминский, Стерлитамакский;

Группа 3. Город - крупный образовательный центр с положительной миграционной ситуацией: один город – г. Бирск с численностью населения более 30 тыс. жителей;

Группа 4. Пригородные территории с пограничной миграционной ситуацией, небольшим миграционным приростом или оттоком населения, находящимися на расстоянии около100 км от г.Уфы: семь территорий - 6 муниципальных районов и 1 городское поселение с численностью населения более 30 тыс. жителей, г. Благовещенск;

Группа 5. Города – ядра потенциальных агломерационных образований, или являющиеся большими городами (с численностью населения 100-250 тыс. жит.), со сложной (миграционный отток за 5 лет составил более -1 000 человек) и близкой к сложной (отрицательный миграционный баланс составил за 5 лет от -500 до -1 000 человек) миграционной ситуацией, всего 4 города – 2 городских округа (Салават, Нефтекамск) и 2 городских поселения с численностью населения более 30 тыс. жителей (Туймазы, Ишимбай);

Группа 6. Города с монопрофильной структурой экономики, или близкой к ней (но не являющиеся ядрами потенциальных агломерационных образований) со сложной (миграционный минус за 5 лет составил более -1 000 человек), и близкой к сложной миграционной ситуацией (отрицательный миграционный баланс составил за 5 лет от -500 до -1 000 человек): девять городов – 3 городских округа, 5 городских поселений с численностью населения более 30 тыс. жителей, ЗАТО Межгорье;

Группа 7. Сельские территории, находящиеся между крупными внутрирегиональными центрами притяжения населения и испытывающие их сильное влияние, со сложной (миграционный отток за 5 лет составил более -1 000 человек) и близкой к сложной миграционной ситуацией (отрицательный миграционный баланс составил за 5 лет от -500 до -1 000 человек): 16 территорий – муниципальных районов, как правило, агропромышленные территории, находящиеся на расстоянии до 150 км от городов региона;

Группа 8. Отдаленные сельские территории со сложной (миграционный отток за 5 лет составил более -1 000 человек) и близкой к сложной миграционной ситуацией (отрицательный миграционный баланс составил за 5 лет от -500 до -1 000 человек): 28 территорий – муниципальных районов.

© Сафиуллин Р.Г., Афанасьев А.К. , Сафиуллина Р.М., Сафиуллин М.Р. Текст. 2017

Список источников

1. Афанасьев А.К., Сафиуллин Р.Г. Основы территориальной экономической политики Республики Башкортостан в начале XXI века. – В сб.: География и регион: материалы междунар.науч.-практ. конф. Т.III: Социально-экономическая география. – Пермь: ПГНИУ, 2015, с.136-146.

2. Гатауллин Р.Ф., Сафиуллин Р.Г., Комаров А.Г. Социально-экономическая эффективность миграционных процессов в регионе. - Проблемы современной экономики. 2014. № 1 (49). С. 193-196.

3. Гатауллин Р.Ф., Сафиуллин Р.Г. Социально-экономическая эффективность привлечения трудовых мигрантов в Республику Башкортостан.–Вестник ВЭГУ, 2014, №4 (72),с.26-37.

4. Доклад о миграционной ситуации в Республике Башкортостан. Стат. сборник. – Уфа: Башкортостанстат, 2015.

5. Салимгареев Н.Г., Сафиуллин Р.Г. Критерии пространственного развития региона. –Регионология, 2009, №3, с.19-27.

6. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Хамадеева З.А., Глухих И.А. География миграционных процессов Республики Башкортостан: содержание, эволюция, политика. - Уфа: УГАЭС, 2012. - 132с.

7. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Ибрагимова З.Ф. Территориально-структурная трансформация города-миллионера: теоретические подходы и методы. - Региональные исследования, №1 (47), - 2015. - С. 18-23.

8. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Территориально-структурная оценка геодемографической ситуации арктических территорий России. - В сб.: Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России. Материалы VI Уральского демографического форума с

международным участием. Отв. редакторы: А. И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург: УО РАН, 2015, с. 349-355.

9. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Геомиграционная ситуация в муниципальных районах Республики Башкортостан: методика территориального мониторинга. - В сб.: Актуальные вопросы университетской науки. Сборник научных трудов. – Уфа: БашГУ, 2016, с. 212-223.

10. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Геодемографическое развитие городов РБ: региональная диагностика.- Успехи современного естествознания. №5 (часть 1), 2016, с.158-168.

11. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Геодемографическая ситуация в Республики Башкортостан: территориальная модель.- В сб.: Актуальные вопросы университетской науки. Часть 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016, с.411-421.

12. Экономическая география и региональное развитие. Под ред. Сафиуллина Р.Г. и Сафиуллиной Р.М. Материалы российской научной конференции. – Уфа: 1997, Ч.1.

13. Safiullin R.G., Safiullina R.M., Zakirov I.V., Faronova J.V. DIE TRANSFORMATION DER TERRITORIALEN STRUKTUR DER WIRSCHAFT UND DER BEVOLKERUNG IN DER REPUBLIK BASCHKORTOSTAN Hallesches Jahrbuch für Geowissenschaften Beiheft. 2003. № 25. С. 105-113.

Информация об авторах

1. Сафиуллин Радик Газизович (Россия, Уфа) - д.г.н., заведующий кафедры экономической географии, профессор, Башкирский государственный университет (450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, http://www.bashedu.ru/).

2. Сафиуллина Роза Маратовна (Россия, Уфа) - к.г.н., доцент кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет (450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, http://www.bashedu.ru/).

3. Сафиуллин Марат Радикович (Россия, Уфа) - к.г.н., доцент кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет (450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, http://www.bashedu.ru/).

4. Афанасьев Антон Константинович (Россия, Уфа) – аспирант кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет (450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, http://www.bashedu.ru/).

Safiullin R.G., Afanasyev A.K., Safiullina R.M., Safiullin M.R.

THE IMPACT OF MIGRATION ON HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The article presents a view of the role of human capital in the development of modern social and economic relations. The estimation of the role of migration processes on the formation of human capital territory, assessment of the contemporary socio-economic processes and the migration activity of the population. Presented territorial peculiarities of migration processes in the Republic of Bashkortostan and highlights their causes.
A grouping of territories of the Republic of Bashkortostan on the relationship of migration processes and features of the socio-economic development of the region.

Keywords: Republic of Bashkortostan, human capital, natural population movement, mechanical movement of the population, migration, agglomeration, territorial economic policy.

Information about authors

1. Safiullin Radik Gazizovich (Russia, Ufa) - Yes.g. Sciences, economic, geographical, head of Department, Professor, Bashkir state University (450076, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa. Ufa, which. Walid shut up, 32, http://www.bashedu.ru/).

2. Rose M. Safiullin (Russia, Ufa) - Qatar.g. D., associate Professor of the Department of economic, geographic, Bashkir state University (450076, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa. Ufa, which. Walid shut up, 32, http://www.bashedu.ru/).

3. Marat Safiullin N. (Russia, Ufa) - Qatar.g. D., associate Professor of the Department of economic, geographic, Bashkir state University (450076, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa. Ufa, which. Walid shut up, 32, http://www.bashedu.ru/).

4. Afanasiev Anton Konstantinovich (Russia, Ufa) – post-graduate student of the Department of economic, geographic, Bashkir state University (450076, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa. Ufa, which. Walid shut up, 32, http://www.bashedu.ru/).

УДК: 378.4

Л.В. Сергеева

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ ИЗ СТРАН ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

В статье рассматривается миграция как характерное явление жизни мирового сообщества, а также ее влияние на демографическую ситуацию в стране. Представлены положительные стороны и выгоды эффективной образовательной миграции для региона и страны в целом.

Ключевые слова: миграция, образовательная миграция, демографическая ситуация, мобильность населения, образовательные мигранты.

Весь временной путь, пройденный человечеством с древнейших времен и до наших дней, всегда сопровождался территориальными перемещениями, переселениями людей в поисках лучших условий для существования. Миграция населения сыграла ведущую роль в развитии человечества. Можно предположить, что такое огромное и чрезвычайно разнообразное население Земли в большой степени создано миграцией. Люди расселились по всей пригодной для проживания территории. Именно в результате миграций возникли многомиллионные города, городские агломерации и конурбации. Многие современные государства (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия) основаны мигрантами. В настоящее время в миграциях ежегодно участвуют сотни миллионов человек, но основу миграционных потоков составляют трудовые мигранты, в меньшей степени – служащие, специалисты и ученые.

Начиная со второй половины XX в., массовая миграция населения стала одним из характерных явлений жизни мирового сообщества. Однако интенсивность, направленности и состав миграционных потоков, ее социальные, экономические и демографические последствия существенно различаются в странах с разными общественными условиями и структурой населения [7, с. 285].

Международная миграция населения многообразна по своим причинам, мотивам, стратегиям, формам, степени воздействия на общество и экономику, последствиям для самих мигрантов. В этом многообразии кроется основная трудность в изучении миграции [3, с. 37].

По мнению профессора политологии из университета Штата Теннеси А. Коробкова, миграция сегодня является всемирным явлением, а трудовая миграция представляет собой важнейший компонент глобального рынка рабочей силы. Согласно данным ООН, в мире насчитывается 231,5 млн. мигрантов, из которых 67,5 млн. находятся в развитых, а 164 млн. – в развивающихся странах. Хотя реальные цифры будут значительно выше, так как данная оценка не учитывает многих нерегулярных мигрантов – как международных, так и внутренних. И в этом смысле российские проблемы в миграционной сфере не слишком отличаются от тех, с которыми сталкиваются другие крупнейшие принимающие мигрантов страны [5, с. 30].

В настоящее время миграционная проблематика является одной из самых актуальных в мире. Интенсивные миграционные процессы стали одним из важнейших факторов, влияющих на национальную безопасность, политику, экономическое развитие, этнокультурный состав населения и демографическую ситуацию практически всех государств мира [12].

В России все большую популярность приобретает точка зрения о том, что именно миграция является одним из важнейших процессов, способных в ближайшие годы исправить современную негативную демографическую ситуацию, переживаемую страной [4, с. 47]. Не секрет, что миграция оказывает огромное влияние на демографические процессы, что приводит к изменениям половозрастной и социальной структуры населения в районах, откуда мигранты уезжают и куда приезжают [8]. С каждым годом мобильность населения мира растёт, увеличиваются объемы миграции, тем самым создавая предпосылки для изучения данной тематики и возникновения новых миграционных теорий [1, с. 41].

Проблемой миграции озабочены все страны мира, в том числе и Россия, поэтому эти процессы требуют к себе постоянного внимания, своевременного регулирования и гибкого реагирования на любые изменения. Это сопряжено со значительным увеличением миграционных процессов в связи с политическими, демографическими, социально-культурными потрясениями в мире [9, с. 153].

По данным Федеральной службы государственной статистики[1] за восемь предыдущих лет (таблица 1) отмечается заметный скачок международной миграции, начиная с 2011 года, в том числе и на территорию Уральского федерального округа и Свердловской области.

Таблица 1

Международная миграция в РФ

Год	Число прибывших иностранных граждан в РФ		Число прибывших иностранных граждан в УрФО		Число прибывших иностранных граждан в Свердловскую обл.	
	Общее число	В т.ч. из стран СНГ	Общее число	В т.ч. из стран СНГ	Общее число	В т.ч. из стран СНГ
2015	598 617	376 282	52 578	34 239	8732	3670
2014	578 511	395 171	48 334	32 859	6246	2263
2013	345 869	306 565	41 524	27 324	4577	1068
2012	283 274	248 734	27 877	25 917	1660	1062
2011	206 206	179 070	21 174	18 971	2500	1428
2010	42 083	39 020	4839	4419	258	150
2009	54 887	51 471	3137	2716	657	495
2008	49 927	47 656	3447	3173	741	655

Из всех видов и форм международной миграции в течение последних десятилетий наиболее динамично развивалась временная трудовая миграция. Но усиливающаяся интернационализация образовательного процесса и расширение услуг в этой сфере сопровождаются активизацией студенческой миграции, относящейся к числу наиболее динамично растущих потоков людских передвижений. За последние 30 лет число иностранных студентов в мире увеличилось в 4,5 раза (по сравнению с 600 тыс. человек в 1975 г.) и растет более быстрыми темпами, нежели общее число студентов [13, с. 48]. Поэтому на сегодняшний день образовательную миграцию следует рассматривать как один из ключевых процессов, влияющих на демографическую ситуацию в стране.

Так, по данным Уральского федерального университета (далее УрФУ) количество поступающих иностранных абитуриентов значительно увеличилось к 2016 году. Если в 1998

[1] Численность и миграция населения Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906.

году поступило всего 3 человека, то уже в 2016 году – 714 иностранцев, в том числе и из стран ЕАЭС. В таблице 2 представлено количество поступивших студентов в УрФУ из стран ЕАЭС за период с 1998 по 2016 годы.

Таблица 2

Поступление студентов из стран ЕАЭС в УрФУ за период 1998-2016 гг.

Годы поступления / Страны ЕАЭС	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Казахстан	2	1	11	12	14	18	13	38	80	54	66	18	24	34	53	74	171	425	281
Армения	-	-	-	-	1	-	2	2	-	3	-	-	-	3	6	1	11	12	26
Кыргызстан	-	-	-	-	-	1	-	-	-	3	2	3	4	9	6	13	17	25	53
Беларусь	-	-	2	-	1	-	-	2	-	2	1	-	1	2	1	-	-	2	1

Из таблицы виден ежегодный стабильный прирост абитуриентов, что свидетельствует о прочном союзе этих стран. Казахстан для УрФУ является лидером среди стран-доноров по количеству поступающих.

Учитывая миграционные факторы формирования демографического потенциала в стране, а также демографическую «яму» в среде российских абитуриентов, привлечение на учебу в Россию как можно большего числа иностранной молодежи, особенно из стран ЕАЭС (знание русского языка большинством абитуриентов, близость культур, страны СНГ), позволит российской системе образования выстоять в сложных экономических условиях [2, с. 42]. Эффективная образовательная миграция может стать одним из механизмов решения проблемы, так как ее экономические, политические и социальные выгоды очевидны. В результате, экспорт образования позволяет стране:

- продавать образовательные услуги на международном рынке;
- не расходовать средства на начальное и среднее образование будущего зарубежного абитуриента;
- использовать финансовые вложения иностранных студентов в процессе обучения в России в интересах местного бизнеса, сферы услуг и местных бюджетов;
- улучшить половозрастную структуру населения за счет привлеченной в страну молодежи репродуктивного возраста;
- получить новых граждан, входящих в российское общество самым выгодным способом – через систему образования, учитывая, что уже в процессе учебы они интегрированы в принимающий социум [6, с. 9].

Признание значительной роли образовательной миграции обусловлено двумя факторами. Первый фактор включает в себя сложную систему параметров, характеризующих, прежде всего, демографическую ситуацию в России. Второй фактор «мягкой силы» связан со стремлением российских университетов стать образовательными и культурными центрами, войти в рейтинги лучших университетов мира, способствовать академической мобильности в целом [10, с. 44].

На сегодняшний день в российском обществе при оценке миграционных явлений позиции крайне разнятся: сторонники и непримиримые противники миграции есть как среди населения, так и среди представителей органов власти и предпринимательских кругов. На этом фоне именно в отношении учебной миграции в обществе наблюдается консенсус: этот вид миграции оценивается максимально положительно. Особенностями учебной (образовательной) миграции являются ее благоприятные характеристики и последствия для принимающей стороны [11, с.39].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что миграционные процессы в стране явление неизбежное, но управляемое. Масштабность миграционных процессов в

современном обществе и их значимость привносят социальные перемены в экономическую, политическую, социокультурную жизнь принимающих стран и народов, а также требуют дальнейшего усиления внимания к их всестороннему изучению и исследованию форм и путей их социальной интеграции с местным населением и возможных последствий этого процесса для общества не только со стороны социологов, но и педагогов, психологов, способных осуществить комплексный анализ миграционных процессов как сложного явления современной жизни.

Одним из важных компонентов миграции является образовательная миграция, имеющая огромный потенциал для региона и страны. Последствия приема иностранных специалистов и студентов практически однозначно позитивные, а вот дивиденды посылающих стран не всегда столь очевидны. Хотя посылающие страны ценой меньших расходов осуществляют подготовку высококвалифицированной рабочей силы по отсутствующим или недостаточно развитым у них направлениям [13, с. 53].

Образовательные мигранты – привлекательный объект для изучения. Они обладают высоким коммуникативным ресурсом и зачастую более привлекательные для принимающего сообщества, чем остальные категории мигранты, так как могут оказать положительное влияние на развитие региона или страны. Таким образом, очевидные экономические, социальные, политические преимущества образовательной миграции должны стать основанием для того, чтобы сделать развитие образовательной миграции важной частью миграционной политики России.

© Сергеева Л.В. Текст. 2017

Список источников

1. Василенко П. В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал, 2013. №16. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnye-teorii-migratsii-naseleniya (дата обращения 08.10.2016).

2. Дементьева С. В. Учебная миграция в Россию в фокусе толерантности // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. № 317. С. 39-46.

3. Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. Москва : Изд-во «Учитель», 2015. № 1. С. 36-51.

4. Ионцев В. А. Международная миграция населения и демографическое развитие России // Международная миграция населения: Россия и современный мир. Москва : МАКС Пресс, 2000. Вып.5. 161 с.

5. Коробков А. Дорог много. Куда идти? // Миграция XXI век. 2014. № 6-7 (26-27). С. 30-36. Korobkov A.

6. Красинец Е. С. Международная миграция населения России в условиях перехода к рынку. Москва : Наука, 2012. 231 с.

7. Куприна Т. В., Сергеева Л.В. Проблемы адаптации учебной миграции в условиях новой межкультурной среды // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода : материалы III Международ. науч.-практ. конф. Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. С. 285-287.

8. Плисецкий Е. Л. Современные миграционные процессы в России // Москва : ИД «Первое сентября», 2003. № 37. URL: http://geo.1september.ru/index.php?year=2003&num=37 (дата обращения: 01.10.2016).

9. Сергеева Л. В. Влияние демографических процессов на развитие образовательной миграции в России // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сборник материалов VI Уральского демограф. форума с межд. участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д-р социол. н. А.И. Кузьмин. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2015. С.153-158.

10. Сергеева Л. В., Куприна Т.В. Международная образовательная миграция: проблемы социально-культурной адаптации и возможные пути их решения // Современные

концепции профессионального образования студенческой молодежи : кол. науч. моногр. Ульяновск : SIM-JET, 2015. С.44-56.

11. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / Под ред. К. А. Гаврилова, Е. Б. Яценко. Москва : Фонд «Наследие Евразии», 2012. 210 с.

12. Федорако А. И. Миграция населения: понятие, причины, последствия // Журнал международного права и международных отношений. Минск : «Развитие», 2012. № 4. URL: http://evolutio.info/content/view/2000/232/ (дата обращения 02.02.2016).

13. Цапенко И. П. Международная миграция ученых и студентов: возможности государственного управления // Вопросы гос. и муниципального управления. Москва : НИУ ВШЭ, 2007. Т. II, № 2-3. С. 37-58.

Информация об авторе

Сергеева Любовь Владимировна, аспирант, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19, e-mail: l.v.chernavskih@urfu.ru.

Sergeeva L.V.

POSITIVE ASPECTS OF ACADEMIC MIGRATION FROM EAEU COUNTRIES IN CONTEXT OF MIGRATION TRENDS

The article considers migration as a characteristic phenomenon of the world community life, as well as its impact on the demographic situation in the country. Positive aspects and benefits of effective educational migration for the region and country as a whole are presented.

Key words: migration, academic migration, demographic situation, mobility of the population, educational migrants

Information about the author

Sergeeva Lyubov Vladimirovna, post-graduate student, Ural Federal University after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira St., Yekaterinburg, Russia, 620002. E-mail: l.v.chernavskih@urfu.ru

УДК: 331.55

М.В. Тимошенко

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГУЛИРУЮЩИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются направления и экономические инструменты регулирования миграции трудовых ресурсов в Беларуси.

Ключевые слова: миграция, трудовые ресурсы, регулирование, инструменты регулирования.

В настоящее время в Республике Беларусь являются весьма актуальными вопросы совершенствования регулирующих воздействий на внутриреспубликанские и внешние перемещения трудовых ресурсов, разработки направлений, методов и инструментов регулирования, соответствующих современным тенденциям территориальной подвижности населения и согласующихся с реалиями структурной трансформации экономики.

Разработка направлений воздействий в общесистемном механизме регулирования миграции связаны с необходимостью решения проблем, продуцируемых миграционной ситуацией в стране на конкретном этапе экономического развития, и причин их

возникновения, выявляемых посредством анализа информации в разрезе проблемно-однородных групп мигрантов, миграционных потоков, территорий и отраслей экономики. Такой подход, по нашему мнению, обеспечивает соблюдение принципов релевантности, взаимосвязи и проблемного подхода системы регулирования трудовых ресурсов.

В силу того, что отдельные стадии миграционных процессов международного характера, протекающие за пределами национальных границ (стадия формирования мобильности для входящего в страну потока, стадия адаптации и интеграции в общество мигрантов для исходящего потока), в меньшей мере подвержены регулирующим воздействиям со стороны конкретного государства, нежели все стадии внутренних перемещений, а также в силу присутствия факта пересечения внешними мигрантами государственной границы, сопровождающегося специфическими процедурными вопросами, предопределяет необходимость выделения двух ключевых векторов регулирования миграции трудовых ресурсов, устремленных на внешние и внутриреспубликанские миграционные потоки.

При этом внутренняя миграционная политика ориентирована на территориальное и межотраслевое перераспределение трудовых ресурсов с учетом их качественных параметров в соответствии с потребностями общественного производства и социального развития без механического изменения общей численности населения страны, внешняя миграционная политика устремлена на изменение численности (увеличение, уменьшение) трудовых ресурсов, обладающих различными качественными характеристиками на основе международного обмена рабочей силой. Данное разграничение, на наш взгляд, является основой выделения двух крупных блоков (подсистем) в системе регулирующих воздействий, которые, несмотря на совокупность отличительных особенностей, имеют:

а) общую основу в виде генеральной цели;

б) тесную взаимообусловленность, базирующуюся на потребностях национальной экономики в трудовых ресурсах.

Характерной особенностью практики регулирования миграционных процессов в Республике Беларусь является обособленность проводимой внутренней и внешней миграционной политики, что, на наш взгляд, требует внимания, поскольку отсутствие единой основы не позволяет скоординировать осуществляемые в данных направлениях усилия государства для решения современных экономических и демографических проблем.

Миграция трудовых ресурсов, как и любое социально-экономическое явление, подвержена прямому и косвенному воздействию со стороны субъекта регулирования. Важность и оправданность использования прямых административно-правовых методов и инструментов воздействия на процессы миграции трудовых ресурсов предопределяются необходимостью обеспечения национальной безопасности Беларуси. Применение косвенных методов позволяет учесть как интересы государства, так и отдельных мигрантов, не противопоставляя их друг другу (рисунок 1). Использование экономических регуляторов имманентно внутреннему содержанию миграции, как социально-экономического явления. Их в определенной мере можно отнести к классу «мягких» воздействий, что органично сочетается с ролью государственного регулирования в рыночной экономике.

Таблица 1

Матрица методов и инструментов регулирования миграции трудовых ресурсов

Инструменты регулирования	
→ формирование благоприятного миграционного климата (позиция органов власти в отношении миграции); → законодательная база; → миграционные фильтры; → лицензирование; → квотирование; → прямые ограничения миграции;	→ прогнозирование социально-экономической динамики и потребностей в трудовых ресурсах; → перспективное планирование размещения производительных сил и территориальное планирование; → инвестиционные программы; → бюджетное субсидирование; → гранты неправительственным

→ организованный набор; → легализация (амнистия) мигрантов; → международные правовые нормы; → административная и уголовная ответственность; → депортация и административное выдворение		организациям под целевые миграционные программы; → кредитование, в т. ч. льготное; → страхование; → налогообложение, в т.ч. льготное; → социальные пособия и льготы; → регулирование сферы оплаты труда
Административно-правовой	Метод	Экономический
Организационный		Социально-психологический
→ аппарат управления, вертикальные и горизонтальные схемы взаимодействия регулирующих органов; → статистический учет; → схемы взаимодействия с неправительственными организациями и хозяйствующими субъектами в сфере миграции; → инфраструктура миграции; → информационное обеспечение; → подготовка кадров в области управления миграцией населения; → пограничный контроль; процедурные нормы – документирование, регистрация, трудоустройство, натурализация; деятельность дипломатических и консульских служб		→ имиджирование страны (региона); → целенаправленные PR-кампании; → нематериальное стимулирование; → молодежная политика; → воспитание патриотизма; → образовательные программы; → имиджирование труда ученых, квалифицированных специалистов; → программы воспитания толерантности, религиозной терпимости, пресечение экстремизма, ксенофобии; → межкультурная коммуникация и диалог этнических общностей; помощь в адаптации и интеграции в общество; психологическая поддержка и консультирование
Инструменты регулирования		

Акцентируя внимание на применении и усилении роли экономических инструментов, представленных в разработанной нами матрице, отметим, что в Беларуси они не в полной мере реализованы, в силу некоторой обособленности проводимой экономической и миграционной политики, а также концентрации ключевых регулирующих функций преимущественно в силовых структурах.

Рассматривая прогнозирование социально-экономической динамики и потребностей в трудовых ресурсах, следует отметить, что современные реалии выдвигают в число первоочередных задачу перехода к стабильному, предсказуемому и эффективному развитию экономики страны, что невозможно без специальных ориентирующих знаний о перспективном развитии белорусского общества. Полагаем, что прогнозирование является одним из ключевых инструментов регулирования территориальных перемещений населения, поскольку позволяет определить будущие тенденции развития экономических, социальных и демографических процессов в Беларуси и в сопредельных государствах и сообразно с ними установить приоритеты миграционной политики. Ожидаемая демографическая ситуация, проработка сценариев изменения внешних и внутренних условий экономического развития страны, прогнозирование динамики развития отраслей национальной экономики, а, следовательно, и их будущей потребности в трудовых ресурсах, должны лечь в основу стратегической ориентации миграционной политики.

Весьма важным инструментом регулирования миграции представляется перспективное планирование размещения производительных сил и территориальное планирование. Государственное планирование размещения производительных сил предполагает решение проблем повышения эффективности национальной экономики, рационального использования

имеющихся и привлекаемых ресурсов, формирования оптимальной структуры и пространственной организации хозяйственных комплексов, обеспечения полной продуктивной занятости населения и его социальной защиты. Планирование территориального развития, включая размещение объектов капитального строительства (сети населенных пунктов, инженерно-транспортного и энергетического обеспечения территорий) позволяет поддерживать государственную целостность, экологическое равновесие, продовольственную безопасность, транспортно-коммуникационное единство. В то же время география территориальной организации общественного производства и распределения трудовых ресурсов, динамика пространственного развития во многом определяют формирование тех или иных миграционных потоков населения. В этой связи перспективное планирование размещения производительных сил и территориальное планирование приобретают важное значение с точки зрения регулирования мобильности населения. При этом целесообразной представляется разработка систем взаимосвязанных планов, учитывающих экономические и социальные нормативы, что позволит обеспечить комплексный подход и реализацию принципов целостности, системности, непрерывности, эффективности, взаимосвязи и баланса интересов.

Необходимо также уделить внимание инвестиционным программам. Данный инструмент регулирования тесным образом взаимосвязан с рассмотренными выше. Реализация инвестиционных программ, учитывающих прогнозные сценарии экономического развития, демовоспроизводственные и миграционные процессы в обществе, расширяет возможности для сглаживания противоречий интересов государства и индивидуальных предпочтений мигрантов, перемещающихся преимущественно в направлении динамично развивающихся регионов с расширяющимся совокупным спросом нанимателей на рабочую силу, что в значительной мере обусловлено объемом и структурой капиталовложений. Реализация инвестиционных программ обеспечивает действие рыночных регуляторов в рамках системы регулирования миграции трудовых ресурсов.

Бюджетное субсидирование в качестве инструмента регулирования миграции населения целесообразно рассматривать на различных уровнях. На региональном уровне оно дает возможность оказания финансовой помощи местным бюджетам, сокращая или компенсируя часть их расходов на развитие производственной и социальной инфраструктуры. Это актуально преимущественно для регионов с высоким оттоком населения и критической ситуацией на рынке труда. Обоснованная государственная поддержка на отраслевом уровне актуальна для хозяйственных комплексов, отраслей экономики и сфер деятельности, испытывающих наиболее значительные потери квалифицированных работников в результате миграции (агропромышленный комплекс, строительство, сфера IT-технологий, наука и др.). Субсидирование на уровне субъектов хозяйствования выступает важным инструментом регулирования территориальных перемещений трудовых ресурсов в моногородах, развитие которых зависит от одного градообразующего предприятия или нескольких организаций, связанных условиями производства. Актуальным, на наш взгляд, является механизм предоставления на конкурсной основе субсидий или грантов неправительственным организациям под целевые миграционные программы. Важно также учесть опыт бюджетного субсидирования миграции на индивидуальном уровне таких стран как Германия, Австралия, персонально финансировавших переезд и обустройство востребованных уникальных и высококвалифицированных специалистов. При этом число иммигрантов, необходимых на различных этапах экономического цикла контролировалось посредством изменения размеров и условий предоставления субсидий.

Кредитование, как инструмент регулирования, наиболее действенен при обустройстве мигрантов на новом месте, их адаптации и интеграции в принимающее общество. Дифференцированные подходы к кредитованию строительства и покупки жилья, развития частного бизнеса и получения образования в регионах-донорах и реципиентах трудовых ресурсов может обеспечить сокращение нерациональных потоков миграции либо активизацию мобильности населения в предпочтительном для сбалансированного развития национальной

экономики направлении.

На наш взгляд, в настоящее время, в период расширения потоков внешней трудовой миграции населения, весьма востребованным является развитие и применение различных схем обязательного и добровольного страхования выезжающих за рубеж белорусских граждан и иностранных лиц, въезжающих в Беларусь. Страховая защита с точки зрения регулирования миграции вызвана объективной потребностью перемещающихся лиц в сохранении их имущественных, личностных и прочих интересов в стране прибытия, а также членов их семей, оставшихся на родине. Ключевую роль, на наш взгляд, играют такие виды личного страхования мигрантов и членов их семей, как страхование жизни, страхование от несчастных случаев, болезней, медицинское страхование и др.

Механизм налогообложения – весьма действенный инструмент регулирования перемещений трудовых ресурсов, применяемый в ряде развитых государств. В данном случае наиболее важными являются регулирующая, стимулирующая и дестимулирующая функции налогообложения, реализация которых позволяет достичь решения конкретных миграционных проблем. Регулирование миграции может осуществляться через широкий спектр налоговых льгот и освобождений малых предприятий, сельхозпроизводителей, организаций, осуществляющих капитальные вложения, и др., что находит отражение в результативности деятельности субъектов хозяйствования и, соответственно в формировании платежеспособного спроса нанимателей на рабочую силу. Льготное подоходное налогообложение работников и индивидуальных предпринимателей может стимулировать приток и сократить либо предупредить отток трудовых ресурсов в определенной местности.

Социальная поддержка – распространенный метод регулирования миграционных процессов в странах, принимающих трудовые ресурсы для выравнивания социального положения мигрантов по сравнению с остальными членами общества. Пособия и льготы в период обустройства мигрантов позволяют им сократить издержки переезда и размещения на новом месте. В странах-донорах трудовых ресурсов, в частности в Филиппинах, система социальных пособий и льгот активно используется для стимулирования возвратных потоков трудовых мигрантов. Обозначим, что данный инструмент требует тщательного обоснования и проработки, поскольку главной угрозой широкой системы социального обеспечения является дестимулирование мигрантов к вступлению в отношения занятости в принимающем регионе и формирование «иждивенческих» настроений.

Нивелирование межрегиональных, межпоселенных и межотраслевых диспропорций размера и динамики заработной платы в Республике Беларусь, на наш взгляд, является важнейшим инструментом для сглаживания существующих в настоящее время в стране нерациональных миграционных потоков центростремительного характера, а также оттока населения из сельской местности в города и выезда востребованных специалистов за рубеж.

С позиции совершенствования системы регулирования внутренней миграции важным представляется создание специализированных территориально-функциональных управленческих и обслуживающих структур (в рамках республиканских и местных исполнительных органов и служб занятости) по регулированию и поддержке перемещений населения в трудодефицитные регионы и населенные пункты. В качестве одной из функций подобных структур должно явиться расширение информированности потенциальных мигрантов об условиях проживания и трудовой деятельности в различных населенных пунктах страны путем создания доступных, регулярно обновляемых информационных баз о состоянии рынка труда, потребности нанимателей в работниках, условиях труда и его оплаты на вакантных рабочих местах, условиях жизнедеятельности в принимающих регионах.

Анализ тенденций и практики управления внешними перемещениями трудовых ресурсов в Республике Беларусь свидетельствуют о необходимости увязки миграционной политики с вопросами демовоспроизводства, размещения производительных сил, регулирования рынка труда и занятости населения, модернизации сферы образования. По нашему мнению, это может быть обеспечено путем, во-первых, возобновления деятельности постоянно действующей Межведомственной комиссии по вопросам миграции при Совете

Министров Республики Беларусь, во-вторых, создания совещательно-консультативного органа при Департаменте по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, включающего государственных служащих, ведущих ученых и общественных деятелей, профессионально занимающихся проблемами миграции населения, его воспроизводства, территориального размещения и занятости.

Предлагаемые организационные решения не потребуют кардинального изменения имеющейся структуры управления миграционными процессами, но создадут институционально оформленную общую основу проводимой внутренней и внешней миграционной политики, позволяющую скоординировать осуществляемые в данных направлениях усилия с регулированием экономики и демографической ситуации в стране, сориентировать миграционную политику на достижение ключевых целевых установок. В то же время, существующее сосредоточение регулирующих функций по обеспечению соблюдения визового режима, документирования, регистрации, учета и контроля пребывания иностранных граждан на территории Беларуси в силовых структурах, располагающих для этого необходимыми ресурсами, позволит соблюсти требования национальной безопасности страны, безопасности государственной границы, выполнить международные обязательства по оказанию помощи вынужденным мигрантам, предотвращению нелегальной миграции и торговли людьми.

Важными представляются разработка и обеспечение доступности для широкой общественности справочных изданий с перечнями трудодефицитных и трудоизбыточных профессий по регионам, населенным пунктам и отраслям экономики; создание информационных баз по вопросам выезда граждан Беларуси за рубеж (в т. ч. с целью временного трудоустройства), оформления необходимых документов, пребывания, регистрации, получения разрешений на трудоустройство, натурализации в разрезе основных стран приема, а также информационных баз для иностранных потребителей (в первую очередь из стран Евразийского экономического союза и СНГ) о состоянии белорусского рынка труда, потребности нанимателей в работниках, условиях труда и его оплаты, условиях жизнедеятельности в стране, а также о порядке прохождения процедурных вопросов, связанных с миграцией и трудоустройством в Беларуси. Целесообразно также организовать на официальном интернет-сайте Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь постоянно действующий web-форум, что расширит возможности консультирования граждан Беларуси и иностранных лиц в сокращенные сроки.

В рамках регулирования миграции трудовых ресурсов в пределах страны необходимо реализовывать мероприятия по:

- → расширению объемов капитальных вложений в развитие производства и инфраструктуры регионов и населенных пунктов с высоким оттоком трудоспособного населения;
- → инвестированию средств в обновление материально-технической базы организаций бюджетных отраслей в сельской местности и малых городах;
- → стимулированию развития предпринимательской инициативы в сельской местности и малых городах путем сохранения налоговых льгот, субсидий, льготных кредитов;
- → предоставлению нанимателями временного жилья, оказания материальной помощи прибывшим работникам, нуждающимся в средствах для аренды и приобретения жилого помещения;
- → выдаче субсидий на переезд, перевозку имущества и обустройство востребованным работникам, переезжающим в трудодефицитные населенные пункты;
- → внедрению дополнительных схем премирования за высокопроизводительный, квалифицированный труд в регионах и отраслях экономики с высоким оттоком кадров;
- → нивелированию межрегиональной, межпоселенной и межотраслевой дифференциации оплаты за труд равной сложности.

В рамках совершенствования регулирования международной миграции трудовых ресурсов в Беларуси представляется целесообразным:

снижение размера госпошлины, взимаемой за выдачу разрешений на трудоустройство и предпринимательскую деятельность иностранцев в депрессивных населенных пунктах, а также по дефицитным специальностям и профессиям;

увеличение размера экономических санкций, применяемых к руководителям организаций и индивидуальным предпринимателям за прием на работу иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих за рубежом, не имеющих специальных разрешений на трудоустройство в Республике Беларусь;

разработка механизма совместного (государственного и частного) финансирования временного выезда за рубеж (страны СНГ) с целью трудоустройства продолжительно ищущих работу лиц, зарегистрированных в службе занятости, на условиях возвратности средств;

постепенное сглаживание дифференциации «ценовых» характеристик труда одинаковой сложности и квалификации, преимущественно в строительной отрасли экономики и промышленности, в странах Евразийского экономического союза, формирующих общий рынок труда.

Таким образом, система регулирования должна обеспечить четкую взаимосвязь проблем, задач, направлений и конкретных мероприятий административно-правового, организационного, экономического, социально-психологического характера, а также, преимущественно для внешней миграции трудовых ресурсов, мероприятий по международному сотрудничеству. Меры по управлению миграционными потоками, количественные и качественные характеристики которых, несут явные или скрытые угрозы экономическому развитию, должны иметь превентивный и сдерживающий (в отдельных случаях – ограничительный) характер. Для потоков, параметры которых расширяют потенциал развития национальной экономики, мероприятия должны обладать поддерживающими и стимулирующими миграцию свойствами.

© Тимошенко М.В. Текст. 2017

Информация об авторе

Тимошенко Мария Владимировна (Республика Беларусь, Гомель) – к.э.н., доцент, заведующий кафедрой мировой и национальной экономики, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации (Беларусь, 246029, г. Гомель, пр. Октября, 50, mv_timoshenko@mail.ru).

Timoshenko M.V.

IMPROVEMENT OF THE REGULATORY SYSTEM OF THE WORKFORCE MIGRATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article considers the main directions and economic instruments of labor force migration regulation in Belarus.

Key words: migration, labour resources, regulation, instruments of regulation.

Information about the author

Timoshenko Maria Vladimirovna (Belarus, Gomel) − PhD, Associate Professor in Economics, Head of the Department of World and National Economy, The Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives (50 Prospect Oktyabrya, 246029, Gomel, Belarus).

УДК 314.74

Е.А. Трушкова

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ВОПРОСАМ ИССЛЕДОВАНИЯ АНКЛАВОВ

В статье проведен анализ научных публикаций по вопросам исследования этнических анклавов как неформальных образований взимоподдержки и адаптации иммигрантов одной этнической принадлежности в стране-реципиенте либо принимающей локальной территории. Ключевая цель исследования - оценка состояния изученности проблемы анклавов и иных форм этнических образований, выявление ключевых направлений по теме исследования. С использованием метода библиометрического анализа проанализировано распределение количества публикаций по вопросам исследования анклавов по годам; по тематическим рубрикам; по авторам и организациям, по журналам; по ключевым словам.

Ключевые слова: библиометрический анализ, анклавы мигрантов, миграционная политика, мигрантские сети, библиотека eLIBRARY, международная миграция

Существующие тенденции в области международной миграции обусловили актуальность исследования проблемы этнических анклавов, как неформального образования для взимоподдержки и адаптации иммигрантов одной этнической принадлежности в стране-реципиенте либо принимающей локальной территории.

Целью исследования – оценка состояния изученности проблемы анклавов и иных форм этнических образований, выявление ключевых направлений по теме исследования.

В качестве основного подхода изучения данного вопроса авторами выделен библиометрический подход, преимущество которого состоит в том, что данный метод позволяет: интегрировать сведения о предметной области в едином информационном ресурсе; получить необходимый объем данных по определенной предметно-ориентированной тематике, обеспечить адекватное отображение состояния предметной области исследования; и также предоставляет возможность проведения анализа с использованием информационных технологий [1, с. 71]. В качестве последнего авторами для проведения библиометрического анализа была выбрана библиотека eLIBRARY.

На сегодняшний момент eLIBRARY.RU является крупной информационной площадкой, предоставляющей возможности для поиска и анализа научных публикаций по многим отраслям знаний. В библиотеке eLIBRARY имеется доступ к более чем 20 млн. научным публикациям.

На первом этапе, для поиск научной литературы в информационной базе были подобраны ключевые слова («поисковые запросы»). Для этого авторами были выбраны словосочетания: «этнические анклавы», «анклавы мигрантов», «неформальные сообщества мигрантов». Исходя из введенных поисковых запросов, системой были предоставлены 356 публикаций, из которых: статей в журналах – 300, из которых 25 – статей в журналах, входящих в Web of Science/ Scopus, 47 – входящих в ядро РИНЦ, 44 – входящих в RSCI. Общее количество авторов в данной предметной области составило 517.

На втором этапе, с использованием метода библиометрического анализа, авторами была поставлена задача проанализировать распределение количества публикаций по годам; по тематическим рубрикам; по авторам и организациям, по журналам; по ключевым словам.

Динамика распределения научных публикаций по поисковым запросам представлена на рис.1. В период с 2004 по 2008 год наблюдается резкий скачек исследований, как и в период с 2011 по 2014 гг. Если обратить внимание на миграционную ситуацию в целом по России, то в период с 2005 по 2014 гг. приток в регион иностранных граждан и лиц без гражданства имел тенденцию к росту, за исключением кризисных периодов 2008 и 2014 гг. С 2010 года в России была введена патентная система, а с 2015 года – обязательное тестирование иностранных граждан на знание русского языка. На наш взгляд, анализ миграционной

ситуации также может свидетельствовать о научном интересе к данной области исследования.

Рис. 1. Распределение количества публикаций по тематике исследования по годам (2002-2017)

Если обратить внимание на распределение научных публикаций по тематическим рубрикам базы данных РИНЦ 2000-2017 гг., то было выявлено следующее (рис.2): к политической области знания отнесены 26% научных публикаций, 19% - к экономическим наукам и социологии, 11% - к области исторических знаний, 10% отнесены к государственно-правовым дисциплинам. Небольшой процент научных публикаций выполнено в области философии, культуры, демографии и комплексного изучения стран и регионов. Такой интерес специалистов различных областей знаний говорит о междисциплинарном характере исследования проблемного вопроса.

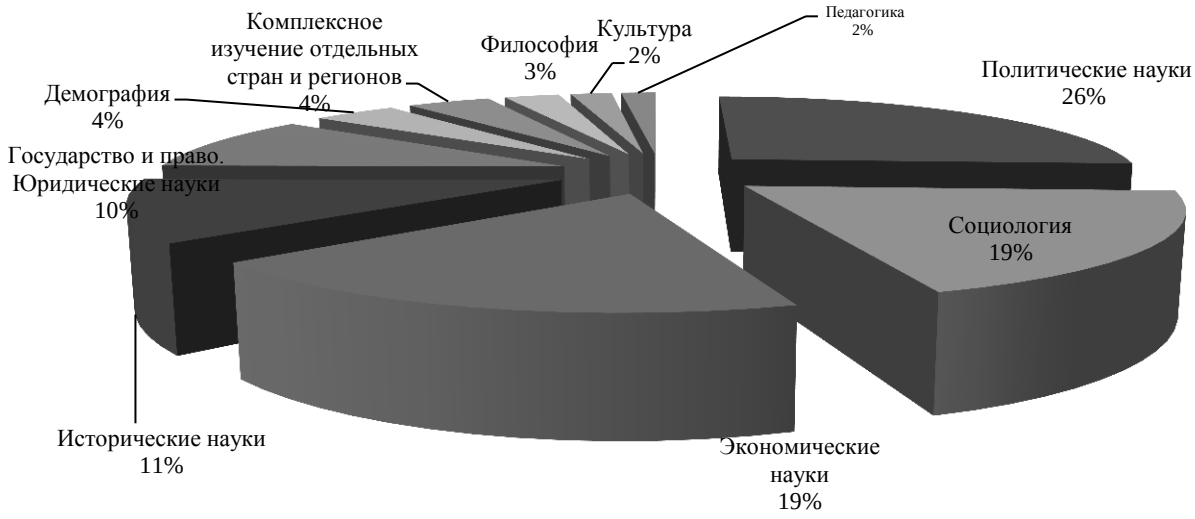


Рис. 2. Распределение по тематическим рубрикам базы данных РИНЦ 2000-2017 гг.

Распределение научных публикаций в привязке к авторам и организациям также представляет интерес. Наибольшее количество публикаций по тематике опубликовано специалистами Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (рис. 3).

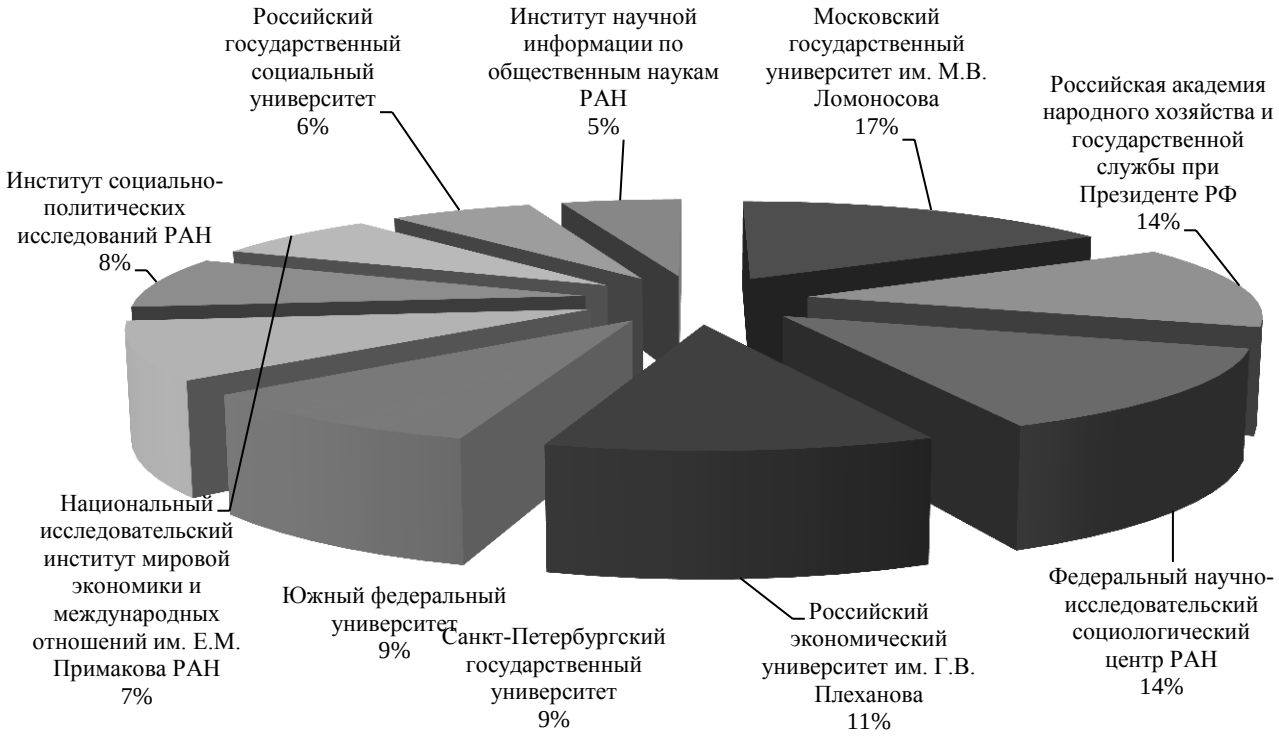


Рис. 3. Распределение по организациям с наибольшим количеством научных публикаций по теме

Также, к исследованиям вопросов, связанных с этническими анклавами обращался широкий круг авторов из различных областей знаний. Наибольшее количество публикаций в разрезе исследования проблемы этнических меньшинств представлено д.э.н., профессором, членом-корреспондентом РАН Рязанцевым С.В. (Московский государственный институт международных отношений (университет), кафедра демографической и миграционной политики (Москва)) (табл. 1). В разрезе предметной области научные публикации автора посвящены вопросам взаимоотношения мигрантов и принимающего сообщества; проблемам экономических анклавов и нелегальной миграции; анализу миграционных каналов и их вклада в социально-экономическое развитие посылающего сообщества; образования диаспор из числа этнических меньшинств. Это не полный перечень вопросов, исследуемых в работах автора.

Таблица 1

Распределение по авторам публикаций из подборки

Автор	Данные организации	Количество публикаций	Рассматриваемые вопросы
Рязанцев Сергей Васильевич, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН	Московский государственный институт международных отношений (университет), кафедра демографической и миграционной политики (Москва)).	9	взаимоотношения мигрантов и принимающего сообщества; экономические анклавы и нелегальная миграция; миграционные каналы и их вклад в социально-экономическое развитие посылающего сообщества; диаспоры
Махова Ольга Анатольевна, к.э.н., доцент кафедры отраслевой и бизнес	Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, кафедра отраслевой и бизнес-статистики (Москва)	5	Интеграция трудовых мигрантов, нелегальная миграция, взаимодействие мигрантов с принимающим сообществом

статистики			

В части распределения научных публикаций по поисковому запросу в журналах, в период с 2000 по 2017 гг. наиболее часто публиковавшие статьи выделены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение публикаций по наиболее публикуемым журналам

№	Название журнала	Статей
1	Россия и мусульманский мир	7
2	Журнал социологии и социальной антропологии	5
3	Актуальные проблемы Европы	5
4	Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология	4
5	Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность	4
6	Россия реформирующаяся	4
7	Актуальные научные исследования в современном мире	4
8	Вопросы политологии	3
9	Вопросы национализма	3
10	Противодействие терроризму. Проблемы XXI века - COUNTER-TERRORISM	3

Распределение по ключевым словам публикаций из подборки «анклавы» отражает все совокупность проблем, касающихся тематики исследования за период с 2000 по 2017 гг. (табл. 3). Как мы видим, слова и словосочетания представлены как на английском, так и на русском языках. К примеру, слово «мультикультуризм» выявлено в 23 публикациях, а «multiculturalism» - в 21, «этнические анклавы - в 5 публикациях, а «ethnic enclaves – в 4; «ethnic entrepreneurship» - в 2, «этническое предпринимательство» – в 3. Также выявлены разнообразные и синонимичные формы – «этнические анлавы», «этнические группы», «языковые анклавы», «диспора», «этнические диаспоры», «этническое предпринимательство», а также «сегрегация» (отделение какой-либо группы).

Таблица 3

Распределение по ключевым словам публикаций из подборки "анклавы"

№	**Ключевые слова и словосочетания**	**Количество публикаций**
1.	миграция	64
2.	migration	50
3.	мультикультурализм	23
4.	мигранты	22
5.	multiculturalism	21
6.	трудовая миграция	18
7.	миграционная политика	16
8.	migrants	15
9.	адаптация	14
10.	adaptation, migration policy, толерантность	13
11.	интеграция	12
12.	tolerance	10
13.	assimilation, illegal migration, диаспора	8
14.	extremism, ассимиляция, идентичность, ксенофобия, нелегальная миграция	7
15.	мигрантофобия, россия, рынок труда	6
16.	diaspora, identity, этническая идентичность, этнические анклавы	5
17.	ethnic enclaves, ethnic identity, labour migration, xenophobia, анклавы	4
18.	conflict, ethnic conflict, ethnic migration, интеграция мигрантов, преступность, принимающее сообщество, сегрегация (политика принудительного отделения какой-либо группы населения), этническое предпринимательство, языковые	3

	анклавы	
19.	adaptation and integration of migrants, adaptation strategies, ethnic culture, ethnic diasporas, ethnic entrepreneurship, ethnic groups, integration of immigrants, integration of migrants, international migration, segregation, адаптация и интеграция мигрантов, адаптация мигрантов, анклав, ассимиляция мигрантов, интеграция и адаптация этнических мигрантов, интеграция иммигрантов, межэтническая напряженность, межэтнические конфликты, межэтнические отношения, преступность мигрантов, социальная адаптация, социальная мобильность, стратегии адаптации, этническая преступность, этнические диаспоры, этнический конфликт, этнофобия	2
20.	adaptation and integration, adaptation of migrants, мигрантские сети	1

Таким образом, проведенный анализ научных публикаций за период с 2000 по 2017 гг. по вопросам исследования анклавов показал:

во-первых, данная область исследования носит междисциплинарный характер, что доказано наличием разнообразия тематических направлений;

во-вторых, наиболее цитируемыми направлениями исследованиями являются публикации по экономической науке;

в-третьих, данной предметной областью исследования занимается широкий круг специалистов различных областей знаний. В целом, распределение публикаций по подборке по авторам выявило общее количество авторов – 517;

в-четвертых, наибольшее количество публикаций опубликовано в 2016 году, в период, когда, по-нашему мнению, поднимаются вопросы поиска моделей адаптации иммигрантов;

в-пятых, к числу журналов, с наибольшим количеством публикаций по проблеме исследования отнесены: «Россия и мусульманский мир», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Актуальные проблемы Европы», Вестник Московского университета», «Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность», «Россия реформирующаяся», «Актуальные научные исследования в современном мире», «Вопросы политологии», и др.

в-шестых, в территориальном аспекте, в анализируемых публикациях исследуются проблемы не только в России, но и в других стран.

И наконец, распределение по ключевым словам выявило различные формы и словосочетания понятия «анклава» - «предпринимательские анклавы», «этнические анклавы», «предпринимательские анклавы», «языковые анклавы».

© ТрушковаЕ.А. Текст. 2017

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ ОГОН №16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария социально-экономического благополучия регионов».

Список источников

1. Даринская Л.А., Гуслина А.С. Библиометрический анализ как способ вхождения в проблему исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. В.3. с. 71-79. с. 71.

Информация об авторе:

Трушкова Екатерина Александровна – канд. экон. наук, младший научный сотрудник сектора региональной предпринимательской политики, ФГБУН Институт экономики

Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; E-mail: trushkova_ea@inbox.ru, тел. 8(343)3711988

Trushkova E.A.

THE BIBLIOMETRICHESKY ANALYSIS OF SCIENTIFIC PUBLICATIONS CONCERNING THE RESEARCH OF ENCLAVES

In article the analysis of scientific publications concerning a research of ethnic enclaves as informal formations of mutual support and adaptation of immigrants of one ethnic origin in the country recipient or the accepting local territory is carried out. A key research objective - assessment of a condition of study of a problem of enclaves and other forms of ethnic educations, identification of the key directions on a research subject. With use of a method of the bibliometrichesky analysis distribution of number of publications concerning a research of enclaves by years is analysed; on thematic headings; on authors and the organizations, according to magazines; according to keywords.

Keywords: bibliometrichesky analysis, enclaves of migrants, migration policy, migrant networks, eLIBRARY, international migration

Information on the author:

Trushkova Ekaterina Aleksandrovna - PhD in Economics Research assistant, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29), E-mail: trushkova_ea@inbox.ru, тел. 8(343)3711988

УДК: 314.7

Е.Х. Тухтарова

КОНКУРЕНЦИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА МЕЖДУ МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ И ИНОСТРАННЫМИ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

В статье проанализировано влияние иностранной рабочей силы на рынках труда в разных регионах России. Сделан вывод о том, что международные трудовые мигранты не оказывают значимого влияния ни на рынок труда, ни на развитие отраслей на тех территориях Российско Федерации, где формируется высокий уровень доходов. Тогда как в регионах с более низким уровнем доходов иностранные мигранты могут оказывать влияние на рынок труда. Между тем, на сами международные мигранты сильно зависимы от состояния российской экономики в целом.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, регионы России, доходы, рынок труда, иностранная рабочая сила, международные трудовые мигранты.

На протяжении четверти века Россия входит в десятку лидеров по числу проживающих в ней мигрантов. Так, по самым актуальным данным в 2016 году Россия спустилась со второго места и заняла 3-е в рейтинге стран, принимающих мигрантов с численностью нахождения в ней 11,6 млн. иностранных граждан [1]. При этом Россия является вторым в мире миграционным «трудовым коридором» после США. Отметим, что если у США один проблемный миграционный коридор по перетоку трудовых ресурсов Мексика – США, то у России их несколько и все они, так или иначе связаны со странами СНГ: Украина – Россия с количеством в 2,9 млн. мигрантов, Казахстан – Россия с 2,5 млн., Таджикистан – Россия с почти 2 миллионами трудовых мигрантов [2], Узбекистан – Россия

около 3 млн. человек, Киргизия – Россия около 1 млн. человек[1].Несмотря на некогда единое историческое пространство народы, населявшие СССР сильно поляризованы как по экономическому развитию, так и имеют серьезные отличия в социокультурном мировоззрении. Поэтому миграционные процессы, оказывают влияние как на принимающую сторону, так и на самих «новых кочевников». Происходит взаимообмен сторон, имеющих как положительные аспекты в реальной жизни, так и отрицательные. Такое влияние на себе испытывают в первую очередь территории притяжения трудовых мигрантов, которые так привлекательны для миграции.

Для изучения данного вопроса мы отобрали несколько территорий притяжения мигрантов, а именно: г. Москва, г. Санкт – Петербург, Московскую, Ленинградскую, Краснодарскую, Свердловскую, Тюменскую и Новосибирскую области, а также Республики Башкортостан и Татарстан. В целом на эти территории приходится до 56% от всех иностранных работников, осуществляющих легально трудовую деятельность на территории России. В виду отсутствия достоверных статистических данных изучение миграционных процессов до 2005 года является весьма проблематичным. Мы полагаем, что реальные темпы прироста иностранных трудовых мигрантов для периода 2000 – 2005 гг. могут быть сопоставимы с масштабами их притока в период 2008 - 2013 гг. Иначе говоря, ежегодный прирост трудовых мигрантов в начале 2000 – х тысячных может колебаться в интервале 20-40% (см. рис.1.).

Рис. 2. Динамика изменения общего количества иностранных трудовых мигрантов в исследуемых регионах России (Москва, Санкт – Петербург, Московская, Ленинградская, Краснодарская, Свердловская, Тюменская, Новосибирская области, Республики Башкортостан и Татарстан) за 2000 – 2016 гг.

Источник: Данные за 2001-2004 гг. получены на основе экстраполяции, 2016 г. – экспертная оценка, 2000, 2005-2015 гг. – Росстат

Анализ динамики трудовых мигрантов показал сильную корреляцию с экономическими циклами российской экономики. К примеру, в период стабильного экономического роста 2005 – 2008 гг. наблюдался ежегодный прирост трудовых мигрантов, тогда как в период спада и кризиса 2009 – 2011 гг. зафиксировано заметно сокращение спроса на иностранную рабочую силу. Между тем, если наложить динамику ВВП на динамику спроса на иностранную рабочую силу (ИРС), то можно будет заметить, что спрос на рынке труда относительно мигрантов имеет некоторую лаговую задержку в один год [3]. Иначе говоря, рынок труда в России имеет некоторую инерцию, и даже щадящий режим

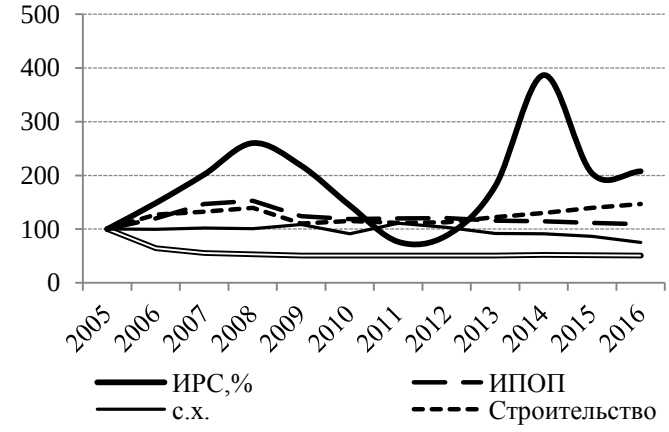
данные Росстата

адаптации в кризисных условиях для иностранных мигрантов. Другим объяснением может быть то обстоятельство, что, как правило, большая часть мигрантов находится в зоне невысокой цены за труд. Более того в российской экономике сформировались полностью мигрантские отрасли, такие как строительство или транспорт. Поэтому, в этом случае нельзя говорить о предпочтении мигрантов по отношению к россиянам на рынке труда, так как российские граждане находятся в другой сфере деятельности и зоне оплаты за труд.

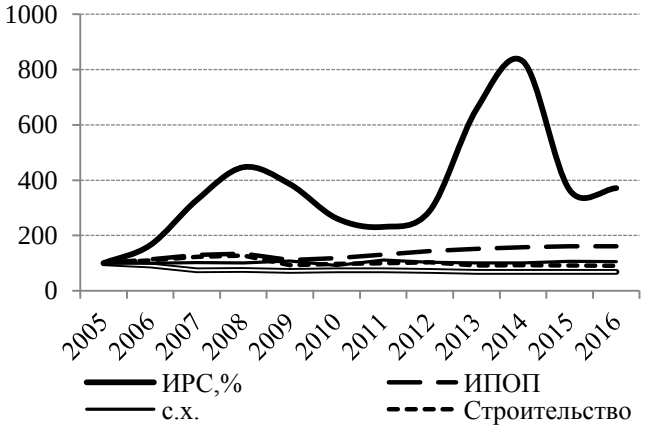
К такому же выводу приходят и некоторые российские исследователи. Так, по мнению Тюрина И.О. и Атискова О.А. на отечественном рынке труда международные трудовые мигранты конкурируют с российскими гражданами весьма опосредовано, особенно это касается тех субъектов РФ, где имеется высокий процент населения с высшим образованием, что предполагает более высокую оплату за труд [4]. Однако в таком случае остается незаполненной ниша низкоквалифицированного или малоквалифицированного труда, именно ее и заполняют иностранные граждане. К таким регионам относятся, прежде всего, Москву и Санкт-Петербург, но в меньшей степени крупные промышленные центры России - Нижний Новгород, Воронеж, Екатеринбург и др.

О том, что иностранная рабочая сила (ИРС) и россияне не конкурируют на рынке труда, косвенным образом подтверждает сопоставительный анализ динамики показателей трудовых мигрантов и индикаторов развития отраслей. Особенно это заметно в регионах с высоким уровнем оплаты. Так, в Москве, Санкт – Петербурге, Московской, Ленинградской областей можно наблюдать значительный рост трудовых мигрантов над уровнем развития отраслей. С одной стороны это свидетельствует о том, что мигранты не оказывают значительного влияния на развитие этих отраслей, а с другой стороны свидетельствует об экстенсивном характере развития тех отраслей народного хозяйства, с которыми связанна международная рабочая сила. Особенно это характерно для Санкт – Петербурга, где иностранная рабочая сила превышает уровень развития строительства почти в 5 раз (см. рис.2). Превышение иностранной рабочей силы над развитием отраслей народного хозяйства в других областях менее значительно.

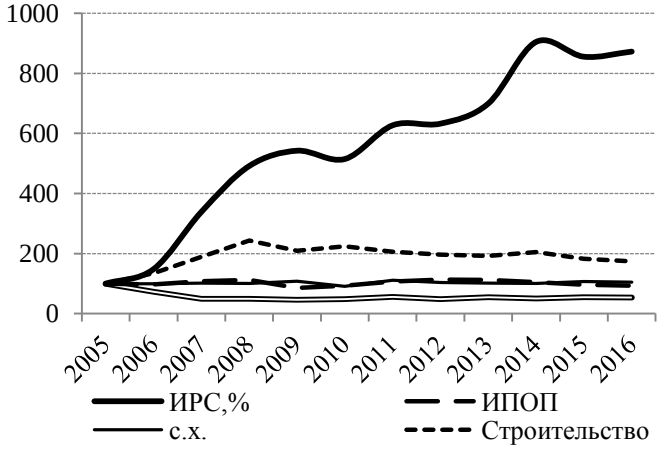
Относительно российских регионов с меньшими доходами, например Татарстан или Краснодарская область, являющиеся также лидерами по привлечению трудовых мигрантов, следует отметить схожие тенденции как в поведении иностранной рабочей силы, так и в некотором влиянии, которые они могут оказывать на сам рынок труда. Особенно это характерно для строительной отрасли в Краснодарской области. Однако это связано с прошедшей Олимпиадой, а потому сокращение спроса на иностранную рабочую силу объясняется снижением необходимости возводить новые строительные объекты. Несмотря на то, что данные регионы не могут похвастаться высоким уровнем оплаты труда, данные территории привлекают трудовых мигрантов, как схожим уровнем социальной культуры, так и привычными климатическими условиями проживания. Справедливо будет отметить о связи ИРС и строительной отрасли для Тюменской области. Так, несмотря на высокий уровень доходов, который формируется в области, произошедшее снижение спроса на иностранную рабочую силу вызвано сокращением строительства в области. При этом никакого давление международные трудовые мигранты не оказывают ни на рынок труда, ни на уровень доходов в области.



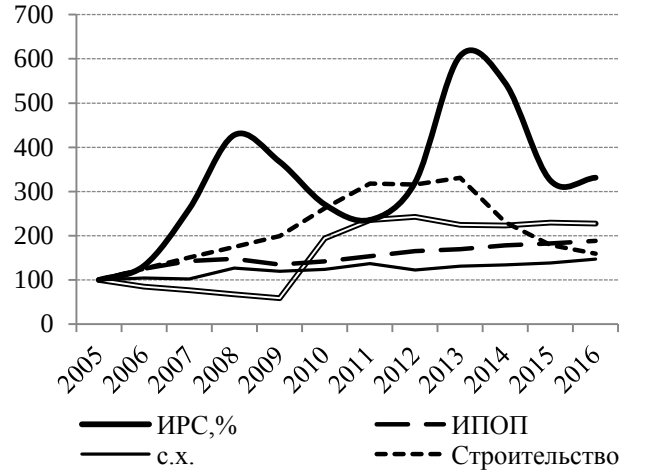
Москва



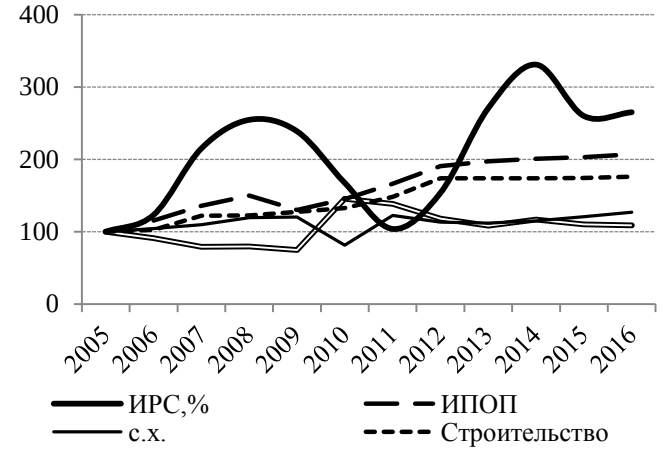
Московская область



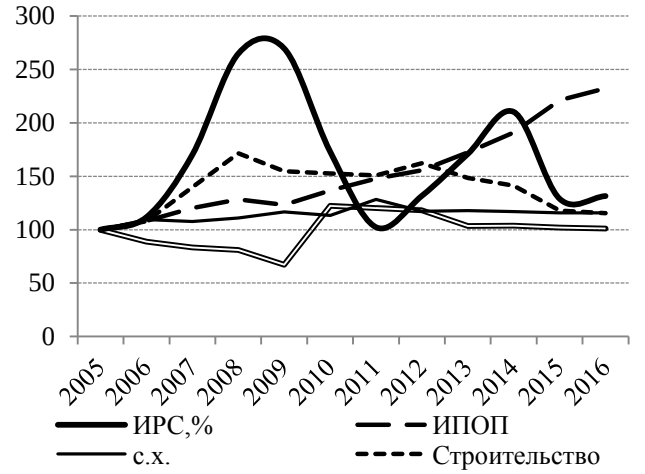
Санкт - Петербург



Краснодарская область



Татарстан



Тюменская область

Рис.2. Динамика прироста ИРС, сельского хозяйства, промышленности и строительства , 2005 = 100%

Однако состояние российской экономики оказывает заметное влияние на спрос на иностранную рабочую силу с некоторой задержкой во времени. Так, во всех исследуемых областях Российской Федерации наблюдается сжатие иностранной силы в период 2011 – 2012 гг., и заметный рост в 2013-2015 гг. с последующим сокращением в 2016 г., что объясняется спадом и ростом российской экономики. Вместе с тем статистический анализ не показывавший влияние международных трудовых мигрантов на экономику регионов России

не позволяет говорить, о том, что это так. Так как существуют метафизические связи людей, которые трудно оцифровать и выявить их взаимовлияние.

© Тухтарова Е.Х. Текст. 2017

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ ОГОН №16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария социально-экономического благополучия регионов».

Список источников

1. Фомченков Т. Россия вышла в лидеры по числу иностранных мигрантов и диаспоры /(Электронный ресурс) URL.: https://rg.ru/2016/01/12/migranti-site-anons.html. (дата обращения: 20.09.2017).

2. Глобальная миграция (откуда, кто и куда мигрирует) /(Электронный ресурс) URL.:http://rosinvest.com/acolumn/blog/jkh/557.html(дата обращения: 20.09.2017).

3.Тухтарова Е.Х. Взаимосвязь экономической модели развития и внешней трудовой миграции // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – №3. – с. 64-73.

4. Тюрина И.О., Атисков О.А. Рынок труда в пореформенной России: к вопросу о роли иностранной рабочей силы в современной российской экономике // Вестник РУДН, серия Социологи – 2012. – №2 – С. 74 – 87.

Информация об авторе

Тухтарова Евгения Хасановна(Екатеринбург, Россия) – ведущий экономист, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29), e-mail: tyevgeniya@yandex.ru

Tukhtarova E.Kh.

TO THE QUESTION OF COMPETITION IN THE LABOUR MARKET IN THE REGIONS OF RUSSIA BETWEEN LOCAL RESIDENTS AND FOREIGN MIGRANT WORKERS

The article analyzes the impact of foreign labour on the labor markets in different regions of Russia. It is concluded that international migrant workers do not have a significant influence on either the labor market or the development of industries in the territories of the Russian Federation, where a high level of income. Whereas in regions with lower income foreign workers can affect the labor market. Meanwhile, international migrants are strongly dependent on the state of the Russian economy as a whole.

Key words: migration, migration processes, regions, incomes, labor market, foreign workers, international migrant workers.

Information about the authors

Tuhtarova Evgenya Khasanovna (Ekaterinburg, Russia) is a leading economist, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, st.Moskovskaya,29, e-mail: tyevgeniya@yandex.ru)

УДК: 314.7

Е. Х. Тухтарова, Н. П. Неклюдова

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В СУБЪЕКТАХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Как свидетельствует экономическая теория и мировой опыт, главным мотивом смены места жительства является формирование неравенство доходов. Общеизвестно, что российские регионы сильно отличаются по уровню развития и формированию доходов, поэтому одни из них являются территориями притяжения для мигрантов, тогда как другие – донорами человеческих ресурсов..

***Ключевые слова**: миграция, пространственная подвижность, УрФО, неравенство доходов*

Свердловская и Челябинская области являются исторически сформировавшимися зонами промышленного развития, что создает неплохие условия для рынка труда и формирования доходов. Тогда как в Курганской области преобладает сельскохозяйственная деятельность, и, несмотря на важность данной сферы, в силу сложившейся экономической модели в России область является депрессивным регионом с низким уровнем формирования доходов. Добывающие регионы на Урале являются лидерами по уровню доходов не только в УрФО, но и в целом по России. Так, по данным Росстата, среднемесячная зарплата за 2015 г. в Ямало-Ненецком автономном округе составила 77272 руб., тогда как, например, в Москве средний уровень зарплаты 64310 руб. (выше только в Чукотском автономном округе). Если сравнивать по уровню ВРП на душу населения, то Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа входят в тройку лидеров России по этому показателю.

Неравномерность развития уральских территорий создала условия для «выталкивания» населения из одних регионов в другие. Тут необходимо отметить, что за последние десятилетие, наряду с внешними миграционными процессами, зафиксировано усиление и внутренней пространственной подвижности населения Уральского федерального округа.

В то же время, миграционные процессы, протекающие в Уральском регионе, характеризуются происходящими структурными сдвигами, что объясняется быстро меняющимися экономическими условиями в стране и мире. Особенно это заметно в Курганской области. Так,. в Курганской области, снизилась доля прибывших из других регионов России почти на 10 п. п. с 64,6 в 2005 до 55,2 в 2015 г (рис. 1). При этом на фоне снижения подвижности населения внутри области зафиксирован миграционный приток из других регионов страны. К примеру, если в 2005 г. из других регионов прибыло 30,2% от всех прибывших, то уже в 2015 г. эта доля составила 37,7%. Тогда как остальные мигранты прибывшие в область составили иностранные мигранты.

Помимо этого, в Курганской области наблюдается приток внешних мигрантов, что может объясняться действием в области программы добровольного переселения соотечественников, а также привлечением иностранной рабочей силы на период сельских работ. Вместе с тем, низкие доходы в области создают условия для оттока местного населения в другие регионы России. Если сравнивать долю прибывших и долю выбывших в другие регионы, то тут разрыв просто колоссален и составляет почти 12 п.п. в 2015 г. (рис. 1). При этом следует отметить, что население, выезжающее за пределы России, включает не только зарубежных мигрантов, но и также включает в себя сильной отток местного населения. Иначе говоря, на фоне накопления иностранной рабочей силы в области происходит процесс утечки мозгов из Курганской области ввиду ее отставания по доходам.

прибывшие *выбывшие*

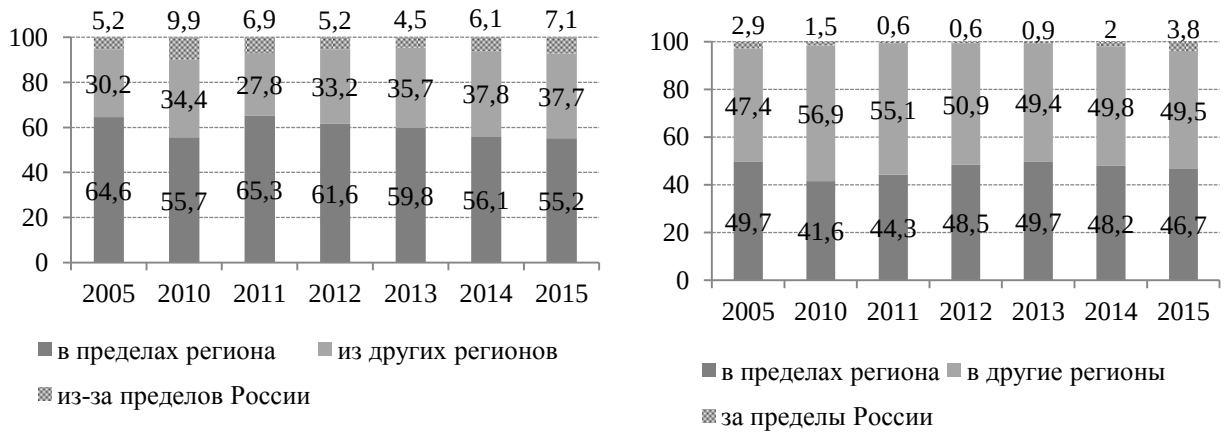
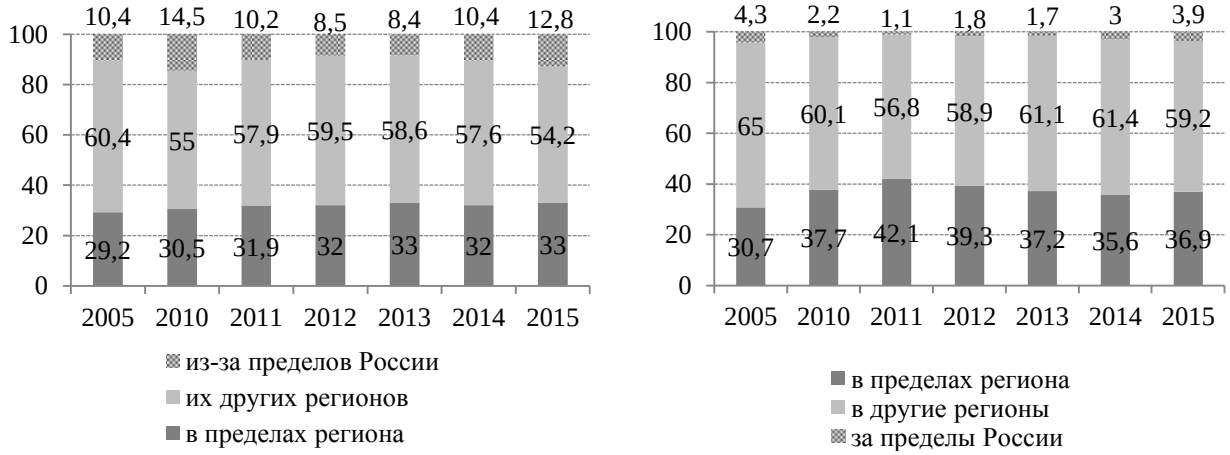


Рис. 1. Структура прибывших и выбывших на территории Курганской области в 2005–2015 гг.

Источник: Росстат, https://www.fedstat.ru/indicators/)

В то же время, в автономных округах Тюменской области в виду высокого уровня оплаты труда наблюдается увеличение миграционных потоков внутри Ханты-Мансийского округа на фоне их снижения из других регионов России. Так, в структуре прибывающих в Ханты-Мансийский округ с 2005 г. по 2010 г. произошло увеличение подвижности населения внутри самого региона на 4 п. п. с 29% до 33% на фоне снижения миграционных потоков из других регионов России на 6 п.п. с 65% до 59%. При этом высокий уровень доходов на территории привлекает и внешних мигрантов.

Важно отметить, что если россияне приезжают на сезонные работы или на работы, связанные вахтовым методом, то иностранные мигранты по большей части мотивированы оставаться на более длительный период. Об этом свидетельствуют данные Росстата о выбытии приезжающих с территории Ханты-Мансийского округа. Так, если количество выбывших превышает количество прибывших российских мигрантов на 3–5 п.п., то количество прибывших иностранных мигрантов на территории округа превышает количество выбывших в 3–4 раза (рис. 2). Как показали наблюдения, иностранные рабочие заняты в трудоемких секторах экономики с тяжелыми условиями – строительство, лесообработка и др. [1], тогда как внутренние мигранты – по большей части квалифицированные кадры, задействованные в нефтедобывающем секторе. При этом, как показали социологические опросы, преобладающей возрастной категорией трудовых мигрантов, как российских, так и зарубежных, является возрастная категория 30–50 лет, иначе говоря, рабочее ядро.



прибывшие в Ханты-Мансийский АО *выбывшие из Ханты-Мансийского АО*

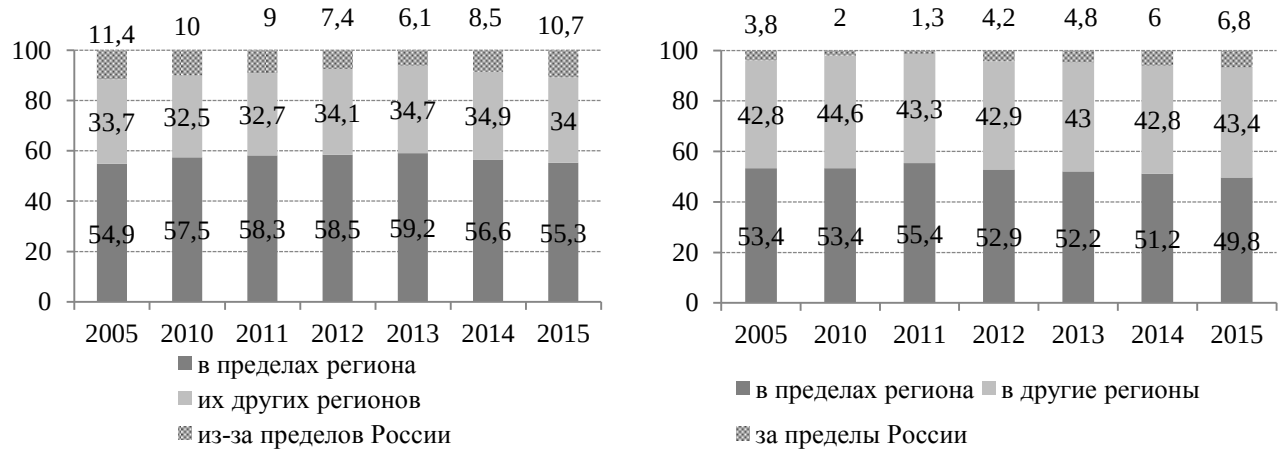
прибывшие в Ямало-Ненецкий АО *выбывшие из Ямало-Ненецкого АО*

Рис. 2. Структура прибывших и выбывших на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов в 2005–2015 гг. (источник: Росстат, https://www.fedstat.ru/indicators/)

В Ямало-Ненецком автономном округе сложилась несколько иная ситуация. С начала анализируемого периода накопленная ранее трудовая сила покидала территорию вплоть до 2014 г. С 2015 г. зафиксирован обратный тренд для россиян из других регионов, когда количество прибывших превысило выбывших, что может свидетельствовать о начале новой миграционной волны для региона и накоплении человеческих ресурсов. Тогда как пребывание иностранных мигрантов в Ямала – Ненецком автономном округе стало менее привлекательным нежели ранее, что свидетельствует об ухудшение экономической ситуации в регионе. При этом за последние несколько лет произошла некоторая стабилизация выбытия местных жителей Ямала – Ненецкого АО.

Относительно промышленной зоны в УрФО следует отметить некоторую схожесть в структуре прибывшего населения как на территорию Свердловской области, так и в Челябинскую область. Тогда как структура выбывших заметно отличается в двух регионах. Так, если структура выбывших и прибывших на территорию Свердловской области приблизительно одинакова, за исключением внешней миграции, то для Челябинской области характерно преобладание в структуре выбывающих в другие регионы, что может свидетельствовать о привлекательности других регионов России по сравнению с Челябинской областью (см. рис.3).

прибывшие в Свердловскую область *выбывшие из Свердловской области*



прибывшие в Челябинскую область *выбывшие из Челябинской области*

Рис. 3. Структура прибывших и выбывших на территории Свердловской и Челябинской областей в 2005 – 2015 гг.

Источник: Росстат, https://www.fedstat.ru/indicators/

Таким образом, следует зафиксировать, неравномерность регионального развития субъектов УрФО является одним из важнейших факторов, который создает условия для усиления миграционных процессов. При этом нефтедобывающие территории становятся зонами притяжения как для внешних, так и для внутренних мигрантов, стягивая на себя как человеческие, так и финансовые ресурсы. Тогда как менее привлекательные зоны, такие как Курганская и Челябинская области становятся поставщиками человеческих ресурсов в другие российские регионы и страны мира. При сохранении такой ситуации в дальнейшем это может привести к самым негативным последствиям, когда территория Урала будет поделена на жилые и нежилые зоны. Где на одних территориях будет сытно и комфортно, тогда как другие будут прозябать в нищете и упадке.

©Тухтарова Е. Х., Неклюдова Н. П. Текст. 2017

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержки РФФИ ОГОН № 16-02-00164 «Научно-методический инструментарий измерения, оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России».

Источники информации

1. Горева О.М., Осипова Л.Б. Анализ миграционных процессов в Ханты – Мансийском автономном округе.

Информация об авторах

1. Тухтарова Евгения Хасановна(Екатеринбург, Россия) – ведущий экономист, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29), e-mail: tyevgeniya@yandex.ru

2. Неклюдова Наталья Павловна (Екатеринбург, Россия) научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29), e-mail: nnp81@mail.ru

Tukhtarova E., Neklyudova N.

MIGRATORY FLOWS IN THE REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

As evidenced by economic theory and international experience, motivation to relocate due to the main reason for that is the inequality of income generation. It is well known that the Russian regions differ greatly in terms of development and income generation, but because some of them are areas of attraction for migrants, while other donors human resources. The Ural Federal Okrug is no exception.

Key words: *migration, spatial mobility, UrFO, income inequality*

Information about authors

1. TuhtarovaEvgenyaKhasanovna(Ekaterinburg,Russia) is a leading economist, Institute of Economics, UralBranch of the RussianAcademy of Sciences (620014, st.Moskovskaya,29, e-mail: tyevgeniya@yandex.ru)

2. Neklyudova Natalya Pavlovna(Ekaterinburg,Russia) Candidate of Economics, researcher, Institute of Economics, UralBranch of the RussianAcademy of Sciences (620014, st.Moskovskaya,29, e-mail:nnp81@mail.ru

УДК: 314.02

О.Г. Черезова

СВОДКИ ТЕКУЩЕГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЕСТЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ И МИГРАЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО УРАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье проанализированы сводные статистические отчеты второй половины XX в., хранящиеся в областных уральских архивах, как источник уникальных сведений о естественном движении (рождаемости, смертности, браках и разводах) и миграциях городского и сельского населения, позволяющий восстановить полную картину демографических процессов.

Ключевые слова: статистический учет, городская и сельская местность, рождаемость, смертность, браки, разводы, миграции

Источники, предоставляющие исследователю сведения о демографических процессах второй половины XX в., довольно многочисленны. Прежде всего, это Всесоюзные переписи населения, проводившиеся в течение данного периода четыре раза: в 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Несомненным достоинством переписей является охват опросом всего населения и единство программы переписи, которая в течение данного периода не слишком значительно изменялась. Недостатком этого источника считается то, обстоятельство, что сведения собирались на основе личного опроса населения без предоставления каких-либо документов. Поэтому информация могла быть не совсем точной, особенно в отношении называемого опрашиваемыми возраста. Однако погрешность при этом была невелика.

В промежутках между проводимыми переписями сведения о численности, составе населения и демографических процессах представлены многочисленными статистическими сборниками, которые публиковались ежегодно, как по отдельным регионам страны, так и в целом по СССР. В статистическим сборниках по Среднему Уралу содержались сведения о численности, возрастном и национальном составе, уровне образования, численности мужчин и женщин по возрастным группам, уровне рождаемости и смертности, естественном приросте населения, количестве заключаемых браков и разводов.

Но основную часть информации содержат сводки текущего статистического учета, к сожалению, не часто используемые исследователями.[1. С.253] Тем не менее, они представляют огромный интерес, т.к. позволяют восстановить полную картину демографических процессов. Поскольку содержащиеся в них статистические данные охватывают практически все процессы, связанные с движением населения. В областных архивах Свердловской, Пермской и Челябинской областей хранятся отчеты за период с 1950 до середины 1970-х гг.[2,3,4] Составлялись эти сводные отчеты на основе данных первичного учета. Сведения, которые они содержат, достаточно точны. Проверки показывают, что неточности главным образом связаны с несвоевременной регистрацией факта рождения или смерти. [3]

Ко второй половине XX в формы учета окончательно сложились и менялись весьма незначительно. Основные изменения касаются группировки населения по возрасту. Если в первой половине 1950-х гг. учет проводился по однолетним возрастным группам, то с середины 1950-х в большинстве форм отчетности происходит укрупнение возрастных групп населения – вместо однолетних появляются пяти и десятилетние.

Сводки текущего статистического учета охватывают практически все демографические процессы – рождаемость, смертность, браки и разводы. Составлялись данные отчеты как по городской, так и по сельской местности, а также по отдельным населенным пунктам. Хотя данные по селу в некоторых формах отчетности до 1960-х гг. были неполными в силу особенностей учета.

Сведения о естественном движении населения представляют исследователю, прежде всего, сводки, составлявшиеся на основе актов гражданского состояния. Они составлялись на основе информации, предоставляемой загсами. Прежде всего, это отчет по форме№1 – сведения о естественном движении населения, форме А - Итоги регистрации актов гражданского состояния и форме №1-а – Общие итоги естественного движения населения. Составлялись эти отчеты ежегодно по городской и сельской местности, а также предоставлялась общая сводка. Подавались сводки и по отдельным населенным пунктам, в частности в Свердловской области, по Свердловску и Нижнему Тагилу. Данные в сводке по форме А располагались по месяцам, содержали сведения о числе загсов, подававших отчеты, численности обслуживаемого ими населения, а также числе зарегистрированных за отчетный период рождений, смертей, браков и разводов. Из сводок по форме 1 можно было также получить сведения о количестве многоплодных родов, числе мертворождений, а также численности умерших по полу, в том числе о числе умерших в возрасте до 1 года. Форма №1-а содержала те же сведения, что и форма 1, только вместо данных по месяцам приводились сведения по всем сельским и городским поселениям области, обслуживаемым загсами.

Интересные и уникальные сведения о рождаемости, которые невозможно получить из статистических сборников и Переписей, предоставляют отчеты по форме №2. - Сведения о родившихся по порядку рождения и матери. На протяжении второй половины XX в. эта форма отчетности практически не изменялась. С середины 50-х гг., как и в большинстве форм отчетности, произошло лишь укрупнение возрастных групп – вместо однолетних для возрастного промежутка 16-50 лет были введены пятилетние. Эта форма отчетности дает весьма подробные сведения о динамике рождаемости в различных возрастных группах. Родившиеся в течение года дети в отчете распределялись по 13 группам по порядку их рождения в семье - с первого по тринадцатого. Эти данные сопоставлялись с возрастными группами женщин, у которых родились дети. Таким образом, довольно легко проследить, изменение рождаемости в различных возрастных группах женщин, динамику сокращения третьих и более высокого порядка рождений и увидеть, как завершается переход к малодетной семье.

Кроме того, уникальные сведения о родившихся, не встречающиеся в других источниках, предоставляют еще два вида сводных отчетов: формы 2-а и 2-б. Первый - Сведения о родившихся у многодетных матерей по порядку рождения и занятиям родителей

позволяет составить социальный портрет многодетных семей. В данной форме отчетности женщины, у которых родился третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый, или одиннадцатый ребенок, были распределены по четырем социальным группам – работающие в государственных и кооперативных учреждениях, работающие в колхозах, домохозяйки. Также была выделена группа «прочие и не указавшие род занятий».

Второй – Сведения о родившихся, в отношении которых отсутствует запись об отце по возрасту и занятию матери содержал сведения о детях, родившихся вне брака. Этот отчет подавался отдельно по городской и сельской местности, а также существовала общая сводка. На протяжении второй половины XX века эта форма отчетности также практически не изменялась, за исключением укрупнения возрастных групп женщин – однолетние заменены на пятилетние со второй половины 1950-х гг. Женщины, у которых родились внебрачные дети, были распределены по четырем возрастным группам - работающие на государственных и кооперативных предприятиях, работающие в колхозах, находящиеся на иждивении и прочие. С середины 1960-х гг. эта форма заполнялась отдельно и для тех детей, у кого в свидетельстве о рождении отсутствует запись об отце и тех, у кого данные об отцовстве указаны. Кроме того, по данным этих отчетов можно получить сведения о брошенных в роддомах детях и подкидышах. Они попадали в графу «неизвестен возраст матери»

Сведения о национальном составе родившихся и умерших предоставляет отчет по форме №3 - сведения о родившихся и умерших по национальностям. Этот отчет подавался отдельно по городу и сельской местности, а также существовала общая сводка. Данные о родившихся и умерших в отчете подавались отдельно для мужчин и женщин. Для родившихся отдельно существовала графа «родившиеся, у которых отец другой национальности, дающие представление о многонациональных семьях, а среди умерших приводились данные об умерших в возрасте до 1 года. В сводку включались сведения о представителях наиболее многочисленных национальностей: русские, украинцы, белорусы, казахи, татары, армяне, евреи, марийцы и башкиры.

Данные о смертности содержат сводные отчеты по форме 4 – Сведения об умерших по возрасту и полу, где умершие распределялись по однолетним, а середины 1950-х - по пятилетним возрастным группам В одной сводке содержались данные по городу и селу в целом по области. Также в за отдельные годы в архивах присутствуют сводки по отдельным населенным пунктам.

Еще боле полную картину дают сводные отчеты по форме № 5 - Сведения об умерших по возрасту, полу и причинам смерти, которые являются основным источником сведений о структуре причин смертности населения. . Эти сводки подавались отдельно по городской и сельской местности. К сожалению, полные отчеты о смертности сельского населения начинают подаваться лишь с 1956/57 гг. До этого по сельской местности имелась лишь выборка по отдельным сельским населенным пунктам, т.к. в сводку могли быть включены лишь данные по свидетельствам о смерти. Для выдачи которого требовалась подпись двух врачей. Следовательно, многие из мелких населенных пунктов, где присутствовал лишь фельдшер, в отчет не попадали. Лишь с 1956 г. отчеты начинают составляться по двум источникам - врачебным свидетельствам и фельдшерским справкам. Анализ данных по этим сводкам связан с определенными сложностями, т.к. эта форма отчетности претерпела за описываемый период наибольшие изменения. Во-первых, во второй половине 1960-х гг. изменилась классификация причин смерти. Увеличился более чем вдвое список причин, поменялось название ряда заболеваний. Изменились и границы некоторых возрастных групп. Наиболее значительно эти изменения затронули возрастной интервал от 5 до 19 лет. Если в отчетах до второй половины 1960-х гг. присутствовали пять возрастных групп (5-6 лет, 7-13 лет, 14-15 лет, 16-17 лет и 18-19 лет), то с середины 1960-хгг - лишь три (5-9 лет, 10-14 лет и 15-29 лет) Это делает практически невозможным сопоставление данных о детской и подростковой смертности за разные годы. Другая сложность в анализе причин смерти связана с данными о производственном травматизме и

насильственных причинах смерти(убийствах и самоубийствах. В середине 1960-х гг. эти данные изымаются из сводок (в сводках по Свердловской области они просто вымараны). А во второй половине 1960-х гг. они были вынесены на отдельный лист вместе со сведениями о смертности от особо опасных инфекций. Но доступа к данным начала 1970-х гг. в ГАСО просто нет.

Кроме этих двух форм отчетности, существовали также сводки по форме 4-а, б и в, также представленные в областных архивах Форма 4-а - Сведения об умерших в возрасте до 1 года по полу, количеству прожитых дней и месяцев и календарным месяцам смерти о рождения позволяет восстановить довольно подробную картину младенческой смертности. Данные по умершим младенцам в возрасте до 1 месяца группировались по 12 возрастным группам, причем 7 из них – однодневные, указывался и календарный месяц рождения и смерти. Форма 4-б составлялась по отдельным причинам смерти. Среди этих причин – корь, коклюш, грипп, дизентерия, крупозная пневмония, токсическая диспепсия, гастроэнтероколит, преждевременное рождение. С 1961 г. в архивах встречается лишь сводка по умершим ль воспаления легких – наиболее распространенной причине смертности детей до года.

Отчетность по форме 4-в – Сведения об умерших в возрасте до 5 лет по поколениям позволяет восстановить картину детской смертности. Данные предоставлялись по пяти возрастным группам отдельно по мальчикам и девочкам.

Данные о браках и разводах содержат отчеты по формам 7 и 8. Эти сводки также подавались отдельно по городу, сельской местности и общая. Форма №7 – Сведения о браках по возрастам брачующихся и 7-а – Распределение числа браков по возрасту вступивших в брак– содержала сведения о количестве вступивших в брак мужчин и женщин по отдельным возрастным группам. В том числе указывалась численность мужчин и женщин, ранее не состоявших в браке. Кроме того, данные отчеты позволяли сопоставить возраст женихов и невест.

Форма №8 – сведения о разводах – содержит данные о возрасте разводившихся. Мужчины и женщины, расторгающие бра распределялись по 8 возрастным группам А также отчеты содержали сведения о продолжительности распадающихся браков. Расторгнутые браки распределялись на 8 групп: продолжительностью до 1 месяца, 1-5 месяцев, 6-11 месяцев, 1-2 года, 3-4 года, 5-9 лет, 10-19 лет, 20 лет и более.

Сведения о миграциях населения содержат отчеты Передвижение населения по форме №1 и Распределение прибывших и выбывших по полу и возрасту. К сожалению, полные данные о миграциях за рассматриваемый период можно получить только по городскому населению. Сводки для сельской местности начинают регулярно подаваться лишь с начала 1960-х гг. Для более раннего периода данные о миграциях селян не представлялись. Данные отчеты позволяют получить сведения о половозрастном составе мигрантов, а также о том, из городской или сельской местности они прибыли и в городскую или сельскую местность выехали. Группировка по возрасту была достаточно подробной. До 1961 г. для мигрантов возрасте до 19 лет выделялись однолетние возрастные группы. От 20 до 60 лет – пятилетние, а также группа «60 лет и старше» С 1061 г. для возрастного интервала до 60 лет выделены однолетние возрастные группы, а для возраста мигрантов от 60 до 90 лет – пятилетние. А также группа « старше 90 лет». Отчеты «передвижение населения» содержат сведения о том, из какой области, республики или страны прибыли (или куда выехали) мигранты, а также о том, с городской или сельской местности связано их прошлое или будущее место жительства. До середины 1960-х гг. список областей и республик располагался в сводке в алфавитном порядке. Во второй половине 1960-х. с введение экономического районирования, республики и области в списке распределяются по экономическим регионам. Определенная сложность для сопоставления данных разных лет связана и с административно-территориальными изменениями. В частности, переходом Тюменской области из Уральского экономического региона в состав Западно-Сибирского и башкирской АССР из состава поволжского в Уральский экономический регион.

Таким образом, сведения, предоставляемые сводками текущего статистического учета, дают исследователю богатый и уникальный материал, позволяющий восстановить полную картину демографический процессов второй половины XX века.

© Черезова О.Г. Текст. 2017

Список источников

1.Баранов Е.Ю. Годовые таблицы движения населения в 1920-1930-х гг.: информативные ресурсы исторического источника (на материалах Урала)// Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения. IV Уральский демографический форум. Екатеринбург. 2013, С.253-261.

2. Государственный архив Пермского края. Фонд р493

3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО) Фонд р1813.

4. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Фонд р485.

Информация об авторе

Черезова Оксана Геннадьевна (Россия, г. Екатеринбург), к.и.н.. доцент. Уральский государственный лесотехнический университет. Адрес: 620032, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37. e-mail: okssch@mail.ru

Cherezova O. G.

SUMMARIES OF THE CURRENT STATISTICHESKOGO ACCOUNTING AS A SOURCE OF INFORMATION ON NATURAL MOVEMENT AND MIGRATION OF THE POPULATION OF THE INDUSTRIAL URALS SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY.

The article analyzes the aggregated statistics for the second half of the twentieth century, kept in the Ural regional archives as a source of unique information on natural movement (births, deaths, marriages and divorces), and migration urban and rural population, allowing to reconstruct the full picture of demograficheskaia.

Keywords: statistics, urban and rural areas, births, deaths, marriages, divorces, migration

Information about the author

Cherezova, Oksana Gennad'evna (Russia, Ekaterinburg), K. I. n.. associate Professor. Ural state forestry University. Address: 620032, Yekaterinburg, Sibirskiy trakt, 37..Cherezova, Oksana Gennad'evna (Russia, Ekaterinburg), K. I. n.. associate Professor. Ural state forestry University. Address: 620032, Yekaterinburg, Sibirskiy trakt, 37. okssch@mail.ru

УДК: 314.7

К. В. Чернова, Е. Б. Бедрина

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ ИЗ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ФАКТОРЫ «ВЫТАЛКИВАНИЯ»

В статье анализируются «выталкивающие» факторы, порождающие миграцию из Казахстана: демографический, экономический, этнический, экологический. Выявлено, что заселение Казахстана в составе СССР сформировало этнические перекосы, после провозглашения независимости привело к высокой миграционной активности его жителей.

Ключевые слова: миграция на постсоветском пространстве, факторы «выталкивания» из Казахстана

Имея низкую плотность населения, схожие с Россией макроэкономические показатели и общие со странами Средней Азии культурно-религиозные ценности, Казахстан на постсоветском пространстве должен был бы стать центром миграционного притяжения трудовых ресурсов. Однако роль Казахстана в миграционных процессах не так однозначна. С одной стороны, он, действительно, наряду с Россией занимает позицию реципиента трудовых ресурсов. С другой стороны, он является одним из крупнейших доноров иностранной рабочей силы, а в силу географического положения, выступает в роли транзитной территории для мигрантов из Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Китая. При этом на протяжении всей истории становления молодого государства, за исключением периода с 2004 г. по 2011 г., сальдо миграции Казахстана было отрицательное. Попробуем разобраться в данном феномене, проанализировав факторы, оказывающие влияние на миграционные настроения жителей Республики Казахстан («выталкивающие» факторы).

Демографический фактор. В СССР проводилась активная политика по заселению территории Казахстана. Рост населения республики происходил за счет депортации народов (1926–1959 гг.), освоения целинных земель (1954–1956 гг.), проведения плановой переселенческой политики. После распада Советского Союза численность населения Казахстана начала стремительно сокращаться, прежде всего, из-за этнической миграции. В 90-е гг. XX в. из страны массово выезжали русские, белорусы, украинцы, немцы, татары, греки, евреи и др. За период с 1994 г. по 2001 г. численность населения Казахстана сократилась на 2142 тыс. чел., или на 12,6 % (рис. 1).

Рис. 1. Динамика численности населения Казахстана за период с 1990 г. по 2016 г.[1]

Особенно быстро в конце XX в. сокращалось население промышленного севера Казахстана, где проживало преимущественно русскоязычное население. Негативная демографическая тенденция потребовала принятия ряда государственных мер. Во-первых, в декабре 1997 г. столица Казахстана была перенесена из Алма-Аты на север страны в Астану. Во-вторых, был задействован еще один ресурс – наличие значительной зарубежной казахской диаспоры, принята миграционная политика, направленная на возвращение (репатриацию) оралманов – этнических казахов, проживающих за рубежом. Согласно официальной статистике, с 1991 г. по 2016 г. в Казахстан прибыло 957,764 тыс. этнических казахов-репатриантов, что составило 5,5% населения страны [4]. На 1 января 2017 г. численность населения Казахстана возросла до 17,927 млн чел., увеличившись за год на 1,47% относительно предыдущего периода. Всего с 1991 г. по 2017 г. общая численность населения республики выросла на 1,569 млн чел., или на 9,59 %.

[1]Комитет по статистике Республики Казахстан [Электронный ресурс].URL: http://stat.gov.kz/faces/homePage/homeDinamika.pokazateli?_afrLoop=18771877615189649#%40%3F_afrLoop%3D18771877615189649%26_adf.ctrl-state%3D1bu1who8wg_50

При этом значительное влияние на рост численности населения оказало репродуктивное поведение жителей Казахстана. Дело в том, что в стране вплоть до 60-х гг.XX в. сохранялась высокая рождаемость, и до средины 90-х гг. XX в. – расширенный тип воспроизводства населения (рис. 2).

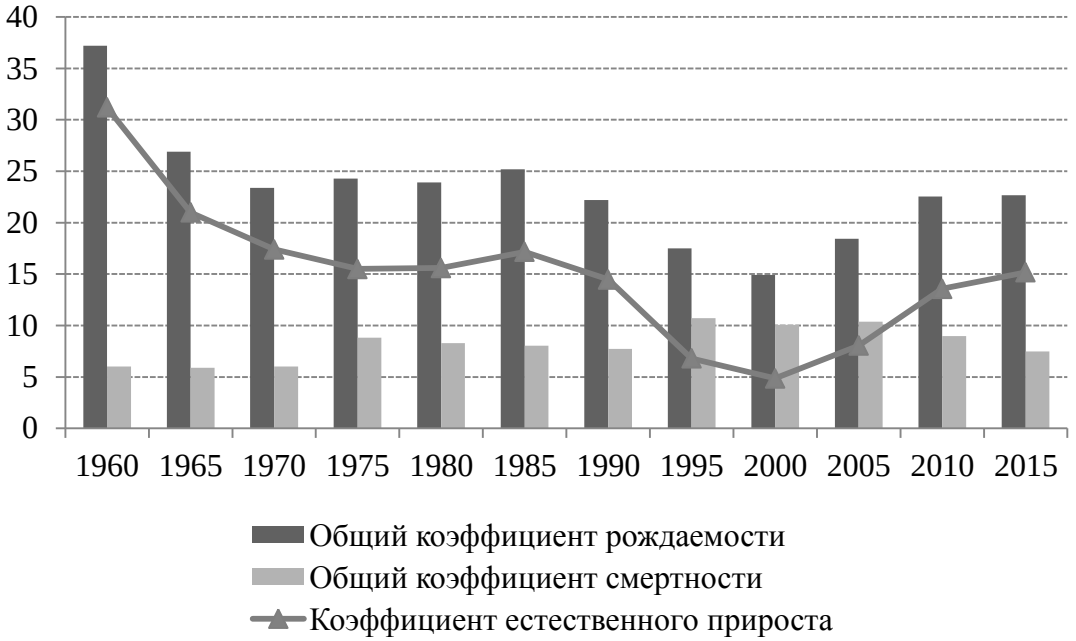


Рис. 2. Динамика показателей рождаемости, смертности и естественного прироста в Казахстане за период с 1960 г. по 2015 г., на 1000 чел.[1]

И хотя в пик роста миграционных настроений (1993–2006 гг.) общий коэффициент рождаемости, согласно шкале Б. Ц. Урланиса, достиг низкого уровня, с 2007 г. он начал расти и имел уже средние показатели, а в 2015 г. достиг уровня 22,7 на 1000 чел. На рост рождаемости повлияли изменения возрастной и этнической структуры населения и программы по поддержке многодетных семей [1]. Положительную лепту в этот процесс внесли оралманы, прибывшие из России, Китая, Монголии, Киргизии, Узбекистана, Туркмении, Афганистана, Пакистана и Ирана. Большинство из них являются выходцами из сельской местности, находятся в молодом возрасте и имеют высокие репродуктивные предпочтения.

Этническая неравномерность заселения территорий Казахстана сказывается на воспроизводственных процессах: высокий естественный прирост за счет показателей рождаемости традиционно имеют южные и юго-западные территории Казахстана, низкий – северные территории. К примеру, в 2015 г. коэффициент рождаемости в Мангистауской области, расположенной в южной части, составил 31,3 рождений на 1000 жителей, а в Костанайской и Северо-Казахстанской, расположенных в северной части, 14,4 и 14,2 соответственно (рис. 3).

[1]Демографические показатели по 15 новым независимым государствам // Приложение Демоскопа WeeklyКазахстан [Электронный ресурс].URL: http://demoscope.ru/weekly/pril.php

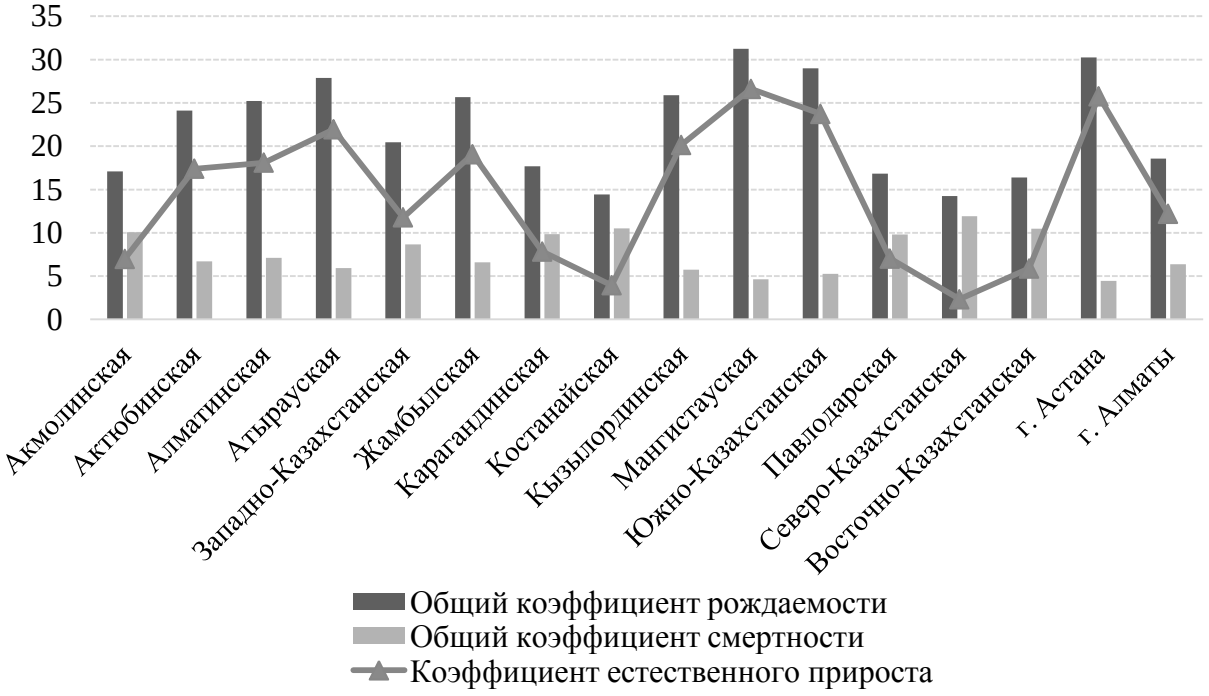


Рис. 3. Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста во всех областях Казахстана за 2015 г., на 1000 чел.[1]

Благодаря достижениям социально-экономического прогресса общий коэффициент смертности уменьшается. Неравномерность демографического развития наряду с высоким естественным приростом населения стимулирует его мобильность.

Экономический фактор. Вследствие миграционной политики и положительного естественного прироста, доля трудоспособного населения Казахстана с 1990 г. по 2015 г. выросла на 8,13%. Однако параллельно с этим происходит рост показателя общей демографической нагрузки (рис. 4), что также может рассматриваться в качестве мотива для экономической миграции.

Рис. 4. Динамика изменения возрастной структуры населения Республики Казахстан

[1]Комитет по статистике Республики Казахстан. [Электронный ресурс].URL: http://stat.gov.kz/faces/homePage?_afrLoop=15729412351928840#%40%3F_afrLoop%3D15729412351928840%26_adf.ctrl-state%3D1az0sow0cf_4

в период с 1990 г. по 2015 г.[1]

Еще одним экономическим фактором миграции выступает высокая дифференциация доходов населения. К примеру, по данным выборочных обследований домохозяйств Республики Казахстан, в IV квартале 2016 г. разница в расходах на продовольственные товары между 10% наименее и 10% наиболее обеспеченного населения составила 4,2 раза, на непродовольственные товары – 7 раз, а на платные услуги – 8,6 раз[2].

Отраслевая специализация регионов и их демографическая дифференциация провоцируют и региональную неравномерность распределения доходов. Так, в IV кв. 2016 г. самый высокий уровень бедности был в Южно-Казахстанской области и составлял 4,6 %, в то время как в Карагандинской области, гг. Астана и Алма-Ата он составил всего 0,6, 0,7 и 0,7 % соответственно (рис. 5).

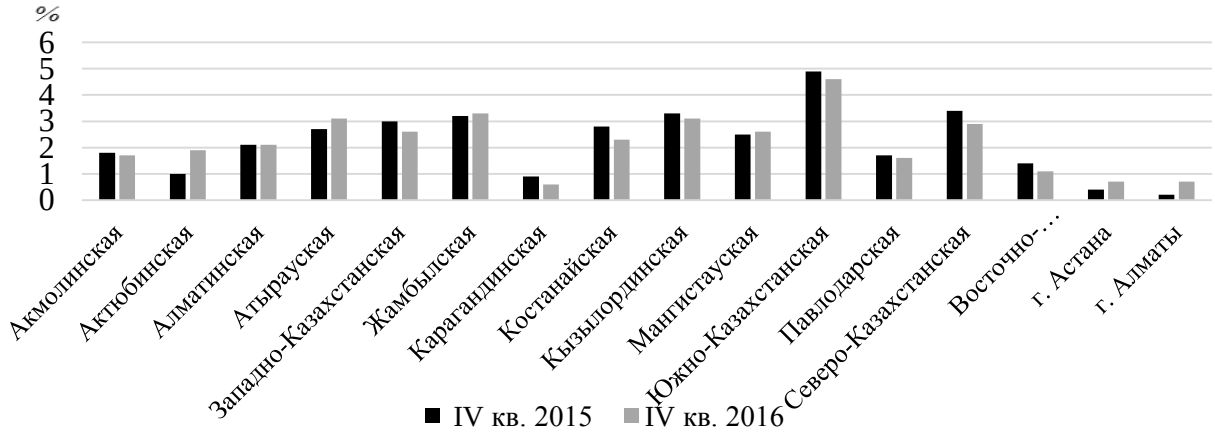


Рис. 5. Показатели уровня бедности населения Республики Казахстан по результатам выборочного обследования населения в IV кв. 2015 г. и IV кв. 2016 г.[3]

Рост трудоспособного населения, демографической нагрузки и значительная дифференциация населения по доходам, в том числе, региональная, также являются мотивом для эмиграции населения Казахстана.

Этнический фактор. Казахстан в составе Советского Союза сформировался как многонациональная республика, в которой проживало более 100 этносов, при этом казахи были «этническим меньшинством». К примеру, по данным переписи населения 1957 г., казахи в Казахстане составляли всего 30 %, в то время как русские – почти 43 % (табл.).

После отделения Казахстана в результате этнической миграции доля казахов начала расти и к 2015 г. составила 66,5%, доля же русских и других национальностей сократилась. Свою лепту в данный процесс внесла принятая в 2008 г. государственная программа «Нурлы Кош», оказывающая содействие в переселении и обустройстве этническим казахам – репатриантам, прибывшим из Китая, Узбекистана, Туркмении, Монголии, Киргизии, России, Афганистана, Ирана, Пакистана и т.д.

Рост казахского населения позволил провести «коренизацию» кадров государственного аппарата, активнее использовать казахский язык в различных сферах общественной жизни. Русские и представители национальных меньшинств ощущают все большие и большие неудобства нахождения в республике. В этих условиях мотивами переезда были сложность адаптации к изменившимся условиям, отсутствие продвижения по карьерной лестнице, снижение сферы применения русского языка.

---

[1]Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=gender-statistics&Type=TABLE&preview=on#

[2] Комитет по статистике Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gov.kz/faces/homePage?_afrLoop=1572941235192884 0#%40%3F_afrLoop%3D15729412351928840%26_adf.ctrl-state%3D1az0sow0cf_4

[3]Там же.

Таблица

Численность населения Казахстана по этносам с 1957 по 2015 гг.[1]

Показатель	1957	1970	1979	1989	1999	2010	2015
казахи, чел.	2787309	4234166	5289349	6534616	7985039	10527210	11748179
казахи, % от общей численности населения	30,0	32,5	36,0	39,7	53,4	64,03	66,5
русские, чел.	3972042	5521917	5991205	6227549	4479620	3752935	3644529
русские, % от общей численности населения	42,7	42,5	40,8	37,8	30	22,83	20,6
другие национальности, чел.	2535390	3252643	3403729	3702299	2488467	2161814	2277871
другие национальности, % от общей численности населения	27,3	25,0	23,2	22,5	16,6	13,15	12,9

Экологический фактор. Неблагоприятные природно-климатические условия Казахстана, расположенного в степях, пустынях и полупустынях, а также нерациональная производственная деятельность, ведущая к ухудшению природной среды, провоцируют экологическую миграцию [2].

Оскудение ландшафтов и деградация земли являются последствиями экстенсивного развития сельского хозяйства. В республике идет процесс опустынивания на площади более 66% [6, с. 25], что приводит к уменьшению плодородия почв и сокращению продуктивности животноводства и растениеводства. Развитие орошаемого земледелия и нецелесообразное использование природных ресурсов повлекли за собой нехватку воды в бассейнах крупных и малых рек юга республики. Площадь Аральского моря сократилась за 10 лет в 2 раза и при сильных ветрах солевая пыль разносится на большие расстояния.

Кроме того, среди стран СНГ Казахстан занимает последнее место по обеспечению населения чистой пресной водой, в стране ощущается ее острая нехватка. Около 200 млн $м^3$ грязных сточных вод выбрасывается в водоемы [4].

Рост количества опасных выбросов в атмосферу связан с несовершенной и устаревшей технологией фильтрации и очистки. Вредоносные отходы поступают от производств нефтехимии и химии, цветной и черной металлургии. На территории государства в результате производственной деятельности скопилось 230 т радиоактивных металлов и 20 млрд т отходов. Большинство токсичных остатков располагается в не предназначенных для их хранения местах. Из-за экологических проблем жители Казахстана подвержены высокому риску появления онкозаболеваний [3, с. 98-99].

Таким образом, можно отметить, что искусственное, а часто – насильственное, заселение территории Казахстана в период вхождения его в Союз Советских Социалистических Республик привело к формированию этнических перекосов и в дальнейшем, после провозглашения независимости – к высокой миграционной активности его населения. В настоящий момент миграционное настроение населения Республики Казахстан формируется под действием не только экономического, но и демографического, этнического и экологического факторов.

[1] Составленное по: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Приложение Демоскопа Weekly [Электронный ресурс].URL: http://demoscope.ru/weekly/pril.php; Комитет по статистике Республики Казахстан [Электронный ресурс].URL: http://stat.gov.kz/faces/homePage?_afrLoop=1572941235192884 0#%40%3F_afrLoop%3D1572941235192884 0%26_adf.ctrl-state%3D1az0sow0cf_4

©Чернова К. В., Бедрина Е. Б. Текст. 2017

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ ОГОН №16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария социально-экономического благополучия регионов».

Список источников

1.Бондарцова Т. М. О тенденциях в численном и национальном составе населения Республики Казахстан // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №1. – С. 1-8

2. Булешева Д. Д. Экологическая миграция: сущность, проблемы и возможные решения // Мир образования – образование в мире. – 2011. – № 4. – С. 50-55

3. Научно-методологические основы формирования экологической культуры у студентов / Жаксыбаева Г. Ш., Гельманова З. С., Ибатов М. К., Смаилова А. А. // Вестник Карагандинского государственного индустриального университета. – 2015. – №2. – С. 97-100

4. Панарина Л. Экологические проблемы Казахстана. [Электронный ресурс]. URL: http://fb.ru/article/43696/ekologicheskie-problemyi-kazahstana

5. Почти 1 мл оралманов прибыли в Казахстан за 25 лет. [Электронный ресурс]. URL: https://www.inaktau.kz/news/1116640

6. Сапаров А. С., Мамышов М. М. Экологические проблемы почвенного покрова Республики Казахстан // Проблемы агрохимии и экологии. – 2008. – № 3. – С. 23-26.

Информация об авторах

1. Чернова Кристина Владимировна (Россия, г. Екатеринбург) – магистрант кафедры международной экономики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. e-mail: chernovakristina555@yandex.ru).

2. Бедрина Елена Борисовна (Россия, г. Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент кафедры международной экономики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. e-mail: bedrina1967@mail.ru), старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН.

K.V. Chernova, E.B. Bedrina

MIGRATION FLOWS FROM THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: PUSH FACTORS

The article examines push factors that cause migration from Kazakhstan: demographic, economic, ethnic, ecological. It is revealed that the settlement of Kazakhstan, as a part of the USSR, formed the ethnic imbalance, after independence it led to high migratory activity of its inhabitants.

Key words: migration in the post-Soviet space, push factors from Kazakhstan.

Information about the authors

1. ChernovaKristina Vladimirovna(Russia, Ekaterinburg) - master student of the department of international economics, FSAEI HE «UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin»(620002, Ekaterinburg, Mira street, 19. e-mail: chernovakristina555@yandex.ru).

2. Bedrina Elena Borisovna (Russia, Ekaterinburg) - candidate of economic sciences, associate professor of the department of international economics, FSAEI HE «UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin» (620002, Ekaterinburg, Mira street, 19.e-mail: bedrina1967@mail.ru);senior researcher, Institute of Economics, Ural branch of the Academy of Sciences.

6.МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ

УДК: 314.42

Е.В. Ануфриева, С.В. Татарева, Л.Н. Малямова, А.В. Казанцева

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СМЕРТНОСТИ ДЕТЕЙ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН

В статье рассматриваются основные тенденции смертности детского населения в различные возрастные периоды и от внешних причин в Свердловской области. Приведены результаты оценки структуры детского травматизм в зависимости от возраста и причин. Предложены основные профилактические мероприятия.

Ключевые слова: детский травматизм, несчастные случаи, травмы, смертность.

Детская смертность является одним из наиболее важных и объективных показателей, отражающих социально-экономическое благополучие общества, качество и доступность медицинской помощи, эффективность государственной политики в целом. Травмы являются основной причиной смерти детей в возрасте старше 5 лет, прежде всего страдают дети из наиболее неблагополучных групп населения. Ведущими причинами непреднамеренных травм являются дорожно-транспортные происшествия, утопления, отравления, ожоги и падения. Все виды травматизма характеризуются одинаковыми причинами и социально-экономическими и средовыми детерминантами [1].Европейское региональное бюро ВОЗ признает травматизм ведущейпричиной детской смертности в Европе, но, несмотря на это, до настоящего времени весь масштаб проблемы травматизма и его бремени на общество во многих странах осознан не полностью [2].

По оценкам специалистов, уровень детской смертности от внешних причин в России - один из самых высоких в мире. Снижение детской и подростковой смертности от этих причин - один из главных резервов снижения всей смертности детей и подростков [3,6]. По мнению главы Минздрава России В.И. Скворцовойвозможно добиться снижения детской смертности в 3 раза. Так, до 75% всех смертей в детском возрасте, особенно после девяти лет, приходится на несчастные случаи, из которых 20% – утопление и 55% – различные травмы [6].При этом, в структуре детской смертности младенческая смертность (МС)**,** является основным демографическим показателем, определяющим репродуктивный и трудовой потенциал будущих поколений и также характеризующим уровень социально-экономического развития и состояние здравоохранения в стране.

Уровень общей детской смертности в России во всех возрастных категориях за последние 10 лет имеет стойкую тенденцию к уменьшению. Однако удельный вес смертей от внешних причин остается по-прежнему высоким, составляя около 20% от уровня всех причин в возрасте до 4 лет, около 50% в возрастной категории от 5 до 14 лет, с максимальным преобладанием до 70-80% у подростков 15-17 лет.

В Свердловской области (СО) за последние 15 лет также отмечается положительная динамика детской смертности - снижение на 42,6% (с 123,3 в 2002 г. до 70,8 случаев на 100 тыс. детского населения в 2016 г. (рис.1). При этом, по данным за 2016 г. в регионе показатели детской смертности ниже чем в целом по РФ на 5,6% (70,8 и 75,0 на 100 тыс.соответственно).

При анализе смертности детей 0-17 лет в разрезе управленческих округов установлено, что неблагоприятная ситуация сложилась в Северном округе, гдена протяжении всего исследуемого периода показатели превышают среднеобластные значения, в среднем на 18%. Вместе с тем, 2016 году наиболее неблагоприятная ситуация отмечена в Восточном округе, превышение областного показателя на 39,4%.

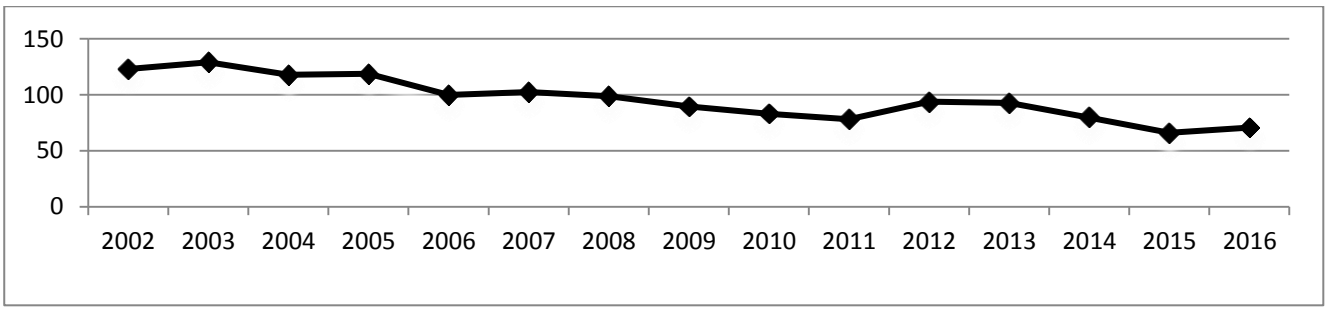


Рис. 1. Динамика уровня смертности детей 0-17 лет в Свердловской области за 2002-2016 гг. (на 100 тыс.)

Показатель младенческой смертности в регионе имеет также положительные тенденции и за последние 15 лет снизился с 11,6‰ в 2002г. до 5,8‰ в 2016г. (рис. 2). Одним из резервов снижения смертности детей является снижение смертности детей в возрасте до 4 лет, однако в нашей стране ему пока не уделяется должного внимания. В динамике показатель смертности детей 0-4 года имел устойчивую тенденцию к снижению.

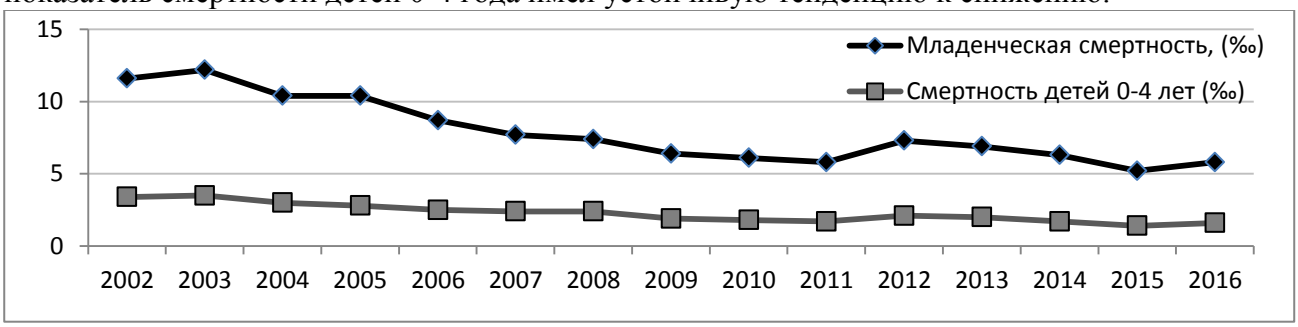


Рис. 2. Динамика уровня младенческой смертности и смертности детей 0-4 лет в Свердловской области за 2002-2016 гг. (‰)

До настоящего времени остаются актуальными вопросы гибели детей от немедицинских причин. Исследования ВОЗ показали, что среди детей число смертей из-за травм намного больше, чем считалось раньше, а в ближайшее время эту проблему могут усугубить такие факторы, как урбанизация и глобализация, экологические изменения и автомобилизация. В то же время успехи развитых стран по снижению детской смертности показывают, что можно предотвратить почти 3 из 4 случаев смерти [1,2]. В структуре детской смертности они занимают ведущие позиции, увеличиваясь прямо пропорционально возрасту детей (в возрасте от 5 до 14 лет занимают о 50% и увеличиваются до 70% всех случаев смерти в возрасте 15-17 лет в СО за 2016 год).

Так, несмотря на значительное снижение смертности детей от немедицинских причин в регионе с 66,1 в 2002 г. до 22,5 на 100 тыс. детского населения в 2016 г., удельный вес смертей от внешних причин остается по-прежнему высоким - 31,7% от числа умерших от всех причин в 2016 году. Стоит отметить, что самый низкий показатель был отмечен в 2015 году 19,5 на 100 тыс. детского населения. Смертность от внешних причин в сельской местности выше, чем в городской, в 2016 году на 35%. При этом наибольшие различия, отмечаются в возрасте 5-17 лет: в городской местности 16,5, а в сельской 38,5 на 100 тыс. детского населения.

Анализ ситуации по округам выявил, что неблагоприятная ситуация сложилась в Западном, Северном и Восточном округах, в последнем гибель от внешних причин в 2016 году на 63,3% выше, чем в среднем по области. Более низкие показатели регистрируются в наиболее развитых, промышленных округах: Горнозаводском, Центральном, Южном. Показатели смертности от внешних причин здесь ниже среднеобластных, в среднем на 20%, и такая тенденция сохраняется на протяжении всего анализируемого периода.

Гибель детей первого года жизни от немедицинских причин составляла 1,1 случая на 1000 родившихся живыми в 2002 г., в 2016 г. – 0,8‰ (на 37,5% ниже), однако наиболее высокие значения показателя были отмечены в 2007 г. – 1,7‰. Анализ ситуации за последние три года

показал, что смертность от травм и отравлений не имеет тенденций к снижению за последние 3 года, а по сравнению с 2012 г.вСО увеличилась на 29%. Так в 2016 г. от немедицинских причин погибло 50 детей (0,8‰), в сравнении с аналогичным периодом 2015 г. – 44 ребенка (0,7‰). На дому в 2016 г. погибло 70 младенцев (1,2‰), в том числе от немедицинских причин 38 детей (54%). За аналогичный период 2015 г., соответственно, – 68 детей (1,1‰), в том числе от немедицинских причин - 36 (53%).

Дети после первого года жизни (и особенно после 5 лет) – самая здоровая часть населения, и меньше, чем представители остальных возрастных групп, умирают от болезней. Таким образом, вклад внешних причин в смертность детей старше 5 лет: дети меньше умирают от болезней, а больше от внешних «немедицинских» причин. При этом, по мнению исследователей, наиболее высока смертность от внешних причин у младенцев младше года и подростков 15-19 лет [1,6].

Анализ данных о случаях гибели детей от немедицинских причин, при которых оказание медицинской помощи не имело значения в наступлении летального исхода показывает, что первое место занимает механическая асфиксия (табл. 1). За 2016 г. в СО эта причина составила 4,9 на 100 тыс. детского населения 67,4% приходятся на смерти детей до года. По сравнению с 2013 г. частота случаев смерти от данной причины снизилась на 15%, по сравнению с 2015 г. – на 3,9%. Основными факторами следует признать недосмотр родителями при действиях ребенка, влекущих риск попадания в дыхательные пути инородных предметов, у детей до года – асфиксию от сдавления – присыпание во время сна ребенка в одной кровати с родителями. Вместе с тем, анализ случаев смертей по данной причине показал, что гибель наступает на дому и чаще всего в семьях высокого социального рискаи указание на алкоголизм. Считаем, что в этом случае должна быть ужесточена правовая оценка семей, допустивших смерть ребенка от внешней причины, с освещением результатов в СМИ. При отсутствии нормативной базы по наказанию таких родителей, отсутствии прецедента по привлечению нерадивых родителей к ответственности мы будем нести такие обидные потери.

Таблица 1

Динамика детской смертности (от 0 до 17 лет) от немедицинских причин в Свердловской области за 2013- 2016 гг. (на 100тыс. детского населения)

Причина	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Механическая асфиксия	6,0	4,8	5,1	4,9
Утопления	3,0	1,7	1,5	4,3
Транспортная травма	1,7	2,0	1,5	3,2
В результате пожара	3,8	4,1	1,8	2,5
В результате падения	2,7	1,7	1,6	1.9
Суицид	2,3	1,6	1,3	1,4
Отравления	1,9	2,3	1,5	1,3
Убийства	1,4	1,6	0,4	0,6
Другие травмы	1,2	1.8	1,5	1,1
Всего	27,3	23,3	19,5	22,5

На втором месте по значимости стоит случайное утопление или погружение под воду. В 2016 г. в регионе отмечено значительное увеличение гибели детей от данной причины - 4,3 на 100 тыс. детского населения. Чаще гибнут дети старше одного года, в связи с их более активным передвижением. Следует отметить, что в динамике за 3 года уровень детской смертности от указанной причины вырос в 2,5 раза. Важно отметить, что во всех управленческих округах СО показатель смертности детей от утоплений отличается стойкой отрицательной динамикой. Анализ показал, что во всех случаях имело место отсутствие контроля со стороны законных представителей за детьми на водных объектах, а также в быту (утопление в бочках -2 случая).

На третьем месте в структуре гибели детей от немедицинских причин находится смерть в результате транспортной травмы. В 2016 году 3,2 на 100 тыс. детского населения, в сравнении с 2015 г. смертность детей от данной причины выросла на 18,8%. В динамике за 3

года отмечается тенденция снижения частоты гибели детей от указанной причины в Восточном (5,3 - 4,2-0 на 100 тыс.) и Центральном (2,0-1,9 -1,5на 100 тыс.) округах.

Четвертое ранговое место занимает смерть в результате пожара – 2,5на 100 тыс. в 2016г. снижение показателя на 39%в динамике за 3 года (с 4,1 до 2,5 на 100 тыс. детского населения).В результате пожаров чаще гибнут дети в сельской местности, что обусловлено особенностями организации отопления, сложность доезда пожарной службы.

Смертность детей в результате падения имеет тенденцию к росту за три года на 12% и составила 1,9 на 100 тыс. детского населения в 2016 г.При этом, 47% смертей детей в результате падения имели место в Центральном округе. Основная доля смертей детей в результате падений произошла в возрастной группе детей старше 1 года – 94,1%.

Отмечено снижение смерти, в результате суицидовна 12,5%в динамике за 3 года. В 2016 г. 1,4 случая на 100 тыс. детей. Чаще такие случаи регистрируются в Восточном (4,1 на 100 тыс.), Северном (2,8 на 100 тыс.), Горнозаводском (2,4 на 100 тыс.) управленческих округах, при этом за 2015 и 2016 гг. не зарегистрировано ни одного случая суицида в г.Екатеринбурге.

Существенное снижения показателя смертности детей от отравления на 43,5% за 3 года (с 2,3 в 2014г. до 1,3 на 100 тыс. детейв2016г.).Все погибшие от указанной причины – дети в возрасте старше 1 года.

Преступления против жизни составили в 2016 году 0,6 случая на 100 тыс. детей. За 3 года по этой причине погиб 21 ребенок. И хотя в динамике этот показатель снизился на 62,5%, следует обратить внимание на данную причину гибели в Южном округе, где за этот период погибло 10 детей.

Анализ причин смерти детей от немедицинских причин за период 2013-2016 годы показал, что в Свердловской области к наименее благополучным управленческим округам следует отнести Северный и Восточный, меньше случаев гибели детей по немедицинским причинам регистрируется в Центральном и Горнозаводском округах.

Снижение смертности от внешних причин будет способствовать значимому влиянию на такие интегральные показатели, как показатели младенческой и детской смертности. Так, расчетный показатель детской смертности в 2016 г. без умерших от немедицинских причин составил бы 48,3 на 100 тыс. детского населения**.**

Результаты проведенного исследования показывают, что случаи смертности от внешних причин лишь косвенно связаны с учреждениями подведомственными органам здравоохранения. Медицинские работники могут лишь констатировать факт смерти, который зачастую (особенно в случая смерти детей до года) связан с недосмотром родителями.

По данным Росстата в других регионах РФ отмечается такая же тенденция, что и в СО: значительная доля смерти детей от внешних причин и отсутствие значительной динамики за последние три года. Одной из причин отсутствия динамики может являться то, что на федеральном уровне органами исполнительной власти практически не проводятся мероприятия по снижению смертности детей от внешних причин, за исключением проводимой ГИБДД акции «Осторожно, дети!».

Таким образом, данная проблема требует комплексного межведомственного взаимодействия, поддержки на всех уровнях государственного управления, выделения необходимых ресурсов, разработки стратегии, а также с привлечением СМИ, общественных организаций и широких слоев населения [5].

Законодательство является мощным инструментом профилактики травматизма. Существуют свидетельства того, как законодательство приводило к увеличению применения профилактических мер и уменьшало детский травматизм в целом ряде сфер. Многие страны имеют особые стандарты или требования для широкого диапазона товаров и услуг (напримерзаконы, требующим защищенной от детей упаковки ядовитых товаров). Важным является не только введение законов, но и то, насколько последовательно они применяются и насколько строго они приводятся в исполнение. Те страны, которые используют комбинацию широких подходов в дополнение к поощрению культуры безопасности, достигли самых значительных успехов в снижении доли детского травматизма [1,2].

В Свердловской области Министерством здравоохранения с целью мониторинга ситуации с детской смертностью и своевременного принятия необходимых решений на базе ГБУЗ СО «ОДКБ № 1» создан центр мониторинга младенческих и детских смертей [4]. Еженедельно Областной комиссией разбирается каждый случай смерти ребенка, отмечаются предотвратимость или непредотвратимость случая, выявленные нарушения и, при наличии таковых, определяются поручения организационного или методического плана.

С целью профилактики гибели детей первого года жизни от механической асфиксии Минздравом СО поручено главным врачам медорганизаций, оказывающим медицинскую помощь детям, организовать предоставление родителям под роспись памяток по соблюдению ими требований, необходимых для сохранения жизни и здоровья детей, где в первую очередь указано на недопустимость совместного сна с ребенком, а также особенности проветривания помещения, недопущение перегрева ребенка, излишне тугого пеленания, курения в помещении, где находится малыш.

Большой блок работы медорганизацийСО связан с детьми из семей высокого социального риска.Мониторинг социально – неблагополучных семей осуществляется в плановом режиме, в том числе на ФАПах, ОВП, ЦРБ специально выделенными медицинскими сестрами. Организуются патронажи в выходные и праздничные дни, госпитализация детей в праздничные дни – как вынужденная мера. Временное помещение детей в дом ребенка по направлению отделов социальной политики.

Для снижения гибели детей от внешних причин осуществляется оказание психологической и реабилитационной помощи несовершеннолетним, пострадавшим от насилия и преступных посягательств или имеющих высокую вероятность таковых, специалистами психиатрических больниц области, осуществляют свою работу через 5 «телефонов доверия» с 2010 года, что решает вопрос доступности экстренной психологической помощи. Работа службы анализируется в ежеквартальном режиме. Также на базе психиатрических больниц организованы 3 кабинета социально-психологической помощи.

Разработан проект трехстороннего соглашения между следственным управлением Следственного комитета РФ по СО, Главным управлением Министерства внутренних дел РФ по СО, Министерством здравоохранения СО о порядке взаимодействия по информированию, выявлению и организации проверок по фактам смерти несовершеннолетних, беременных, рожениц, а также случаев противоправных деяний против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

С 2010 года в Свердловской области организована служба, дружественная к подросткам (КДМ), всего в регионе работает 8 КДМ. Специалистами КДМ осуществляется оказание комплексной медико-социальной и психологической помощи подросткам. Ежегодно проводятся обучающие семинары для медработников и педагогов, на которых в обязательном порядке рассматриваются и вопросы профилактики травматизма, включая гибель детей на водных объектах, вопросы оказания первой медицинской помощи в период летней оздоровительной кампании.

Вместе с тем, считаем целесообразным в рамках межведомственного подхода рассмотреть следующие мероприятия. Предлагаем в критерии эффективности работы на уровне Глав муниципалитетов внести показатель гибели детей на дому и гибели детей от внешних причин. Особая роль должна быть отведена СМИ и Министерству культуры, в т.ч. и по формированию семейных ценностей, здорового образа жизни. При координацией Министерства социальной политики СО рассмотреть вопрос о создании межведомственной мобильной службы экстренного реагирования в случаях выявления детей, находящихся в социально-опасном положении.

Внедрение в практику комплекса мер направленного на уменьшение детского травматизма, поможет снизить расходы на систему здравоохранения, повысит способность еще больше сократить масштабы травматизма и позволит защитить детей, а также даст дополнительный стимул для улучшения демографической ситуации.

© Ануфриева Е.В., Татарева С.В., Малямова Л.Н., Казанцева А.В. Текст. 2017

Список источников

1. Всемирный доклад о профилактике детского травматизма. Available at: http://www.euro.who.int.

2. Европейский доклад о профилактике детского травматизма. Available at: http://www.euro.who.int.

3. режим доступа http://www.medvestnik.ru/content/news/Veronika-Skvorcova-schitaet-vozmojnym-dobitsya-sokrasheniya-detskoi-smertnosti-v-tri-raza.html

4. Приказ Министерства здравоохранения Свердловской области от 27 мая 2016 года № 845-п «О совершенствовании системы мониторинга детской смертности в Свердловской области»

5. Суханова Л.П., Скляр М.С. Детская и перинатальная смертность в России: тенденции структура, факторы риска. Availableat: http://vestnik.mednet.ru/content/view/46/30

6. Шурыгина И.И. Смертность российских детей от внешних причин. ДемоскопWeekly. 2013. № 537 - 538

Информация об авторах

1. Ануфриева Елена Владимировна Россия, г. Екатеринбург, к.м.н., доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО УГМУ Минздрава России, 620014 г.Екатеринбург, ул. Репина 3, elena-@list.ru

2. Малямова Любовь Николаевна Россия, Екатеринбург, д.м.н., заместитель начальника отдела организации медицинской помощи матерям и детям Министерства здравоохранения Свердловской области, 620014, г.Екатеринбург, ул. Вайнера 34б

3. Татарева Светлана Викторовна Россия, Екатеринбург, к.м.н., начальник отдела организации медицинской помощи матерям и детям Министерства здравоохранения Свердловской области, 620014, г.Екатеринбург, ул. Вайнера 34б

4. Казанцева Анна Владимировна г. Екатеринбург, ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО УГМУ Минздрава России, г.Екатеринбург, ул. Репина 3

AnufrievaE.V.,TatarevaS.V., MalyamovaL.N., KazantsevaA.V.

MEDICAL AND SOCIAL ASPECTS OF CHILDREN'S MORTALITY FROM EXTERNAL CAUSES

In the article examines the main trends in the child population's mortality in different age periods and from external causes in the Sverdlovsk region. The results of the evaluation of the structure childhood traumatism are presented, depending on age and causes. The main preventive measures areproposed.

Keywords: children's traumatism, intoxications and traumas, child mortality.

Information about authors

1. Anufrieva Elena Vladimirovna, Russia, Yekaterinburg, PhD, assistant professor of departmentof public health and health care of Ural State Medical University the Department of Health of the Russian Federation, 3 Repina str., Yekaterinburg, 620014, e-mail: elena-@list.ru;

2. MalyamovaLubovNikolaevna, Russia, Yekaterinburg, D, deputy head of the Department of the organization of medical care for mothers and children of the Ministry of Health of the Sverdlovsk Region, 34b Vainerastr.,Yekaterinburg, 620014;

3. TatarevaSvetlanaViktorovna, Russia, Yekaterinburg, PhD, head of the Department of the organization of medical care for mothers and children of the Ministry of Health of the Sverdlovsk Region, 34b Vainerastr.,Yekaterinburg, 620014;

4. Kazantseva Anna Vladimirovna, Russia, Yekaterinburg, assistant of department of public health and health care of Ural State Medical University the Department of Health of the Russian Federation, 3 Repina str., Yekaterinburg, 620014.

УДК: 314.424.2

Л.Н. Банникова, А.С. Фирсова

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПРОФИЛАКТИКИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Одной из первоочередных проблем для решения в рамках «Концепции развития здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года» выделена неблагоприятная демографическая ситуация в стране. Непременным условием для ее преодоления, наряду с повышением уровня рождаемости, является снижение высокой смертности населения. К числу важнейших индикаторов социального благополучия эксперты относят уровень суицидальной активности населения. Особого внимания заслуживает анализ динамики распространенности и причин суицидов среди детского населения. Оперативное реагирование на каждый случай суицидальной попытки, планирование эффективных профилактических и реабилитационных мероприятий – важнейшие направления социально-психологической и медицинской помощи суицидентам и их семьям. Встатье представлены результаты анализа проводимой работы по реализации программы профилактики девиаций, сокращению суицидальной активности детского населения. Особое внимание уделено выявлению проблем, возникших в ходе ее осуществления. Прежде всего, это проблемы кадрового обеспечения и профессиональной подготовки специалистов образовательных организаций: дефицит психиатров и психологов, социальных педагогов, детских сексологов, отсутствие специализированных курсов повышения квалификации кадров. Не менее важно устранение косвенных причин роста суицидального поведения несовершеннолетних, таких как, романтизация самоубийства в средствах массовой информации, на телевидении, в художественных произведениях, кинофильмах, музыкальных клипах и других объектах массовой культуры. Это предполагает решение такой сложной проблемы, как ограничение доступа к сайтам сети Интернет, содержащим вредную и опасную для жизни несовершеннолетних информацию.

Ключевые слова: здравоохранение, девиация, демография, профилактика, суицидальное поведение детей, суициденты, дети.

Одной из первоочередных проблем для решения в рамках «Концепции развития здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года» выделена неблагоприятная демографическая ситуация в стране. Непременным условием для ее преодоления, наряду с повышением уровня рождаемости, является снижение высокой смертности населения. К числу важнейших индикаторов социального благополучия эксперты относят уровень суицидальной активности населения. Особого внимания заслуживает анализ динамики распространенности и причин суицидов среди детского населения. Состояние здоровья общества во многом определяется уровнем здоровья подростков, которые оказывают значимое влияние на здоровье нации в целом и формируют ее культурный, интеллектуальный, производственный и репродуктивный потенциал.

Всемирная организация здравоохранения определяет «самоубийство» как преднамеренный акт убийства самого себя. Причинами самоубийства являются психические нарушения и физические заболевания. [3] Суицид занимает 13-е место среди причин смерти во всем мире. В 2015 году Всемирная организация здравоохранения объявила суицид в тройке самых распространенных причин смерти детей подросткового возраста (в их числе также несчастные случаи и убийства). В научной литературе для характеристики уровня

суицидальной смертности принято использовать показатели уровня суицидов на 100 тысяч населения. Со ссылкой на экспертов ВОЗ отмечают, что уровень, превышающий 20 случаев самоубийств на 100 тысяч населения, считается высоким, от 10 до 20 — средним, а до 10 — низким. Россия находится на третьем месте мире по количеству завершенных зарегистрированных суицидов и на первом месте по числу суицидов среди молодежи (14-24 года). [3]

В психологической и медицинской литературе достаточно детально описаны причины и типы суицидального поведения подростков. Принято разделять все суициды на демонстративные (носящие показательный характер) и истинные, а также завершенные (с летальным исходом) и незавершенные. Соотношение среди подростковых суицидов примерно 1/10 — один завершенный случай на 10 незавершенных. При этом у половины подростков, совершающих попытки самоубийства, эти попытки являются не первыми. [13]

В конце 2016 начале 2017 годов социальные сети буквально захлестнула волна подростковых самоубийств. Печальная хроника семейных трагедий умножила и без того тревожную статистику. За последние годы количество детских суицидов возросло в РФ более чем на 35%. Каждый день в нашей стране в среднем 17 детей сводят счёты с жизнью.[2]

Анализ медико-социальных аспектов подростковых суицидов позволил исследователям сделать вывод о зависимости смертности подростков от суицидов от региона проживания и типов поселений. [11] В Свердловской области в 2013 году было совершено 11 завершенных случаев суицида среди подростков, в 2014-м году – 13, 2015 – 11. В 2016 году зарегистрировано девять таких случаев. Всего в области в среднем ежегодно происходит около 300 суицидальных попыток среди подростков. [7]

На Всероссийском селекторное совещании по проблематике суицидов несовершеннолетнихуполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка А.Ю. Кузнецова выделила основные проблемы в работе по противодействию детским суицидам: несовершенство нормативно-правовой базы и методического обеспечения, бесконтрольный доступ несовершеннолетних к сетевым ресурсам, недостаточную квалификацию специалистов, работающих с детьми.[14]

Проблема недостаточной квалификации специалистов, работающих сдетьми несомненно актуальна, но не менее значимой является проблема недостатка данных специалистов в стране. На сегодняшний день в области психиатрической и наркологической помощи в стране работают примерно 16 тыс. специалистов, среди которых порядка 4,5 тыс. психотерапевтов, 5,5 тыс. наркологов и полторы тысячи социальных работников. Психиатров из них не более 5 тысяч. Ещё в 2011 году Татьяна Голикова, возглавлявшая Минздравсоцразвития, предупреждала о том, что российские спецмедучреждения укомплектованы психиатрами примерно на 65–70%. По оценкам экспертов, сегодня дефицит психиатров стремится к 40–45%. [4]

По мнению специалистов, суицидальное поведение подростков –это в основном проблема «пограничной» психиатрии, то есть области изучения психопатий и непсихотических реактивных состояний на фоне акцентуации характера. Лишь 5% суицидов и попыток падает на психозы, в то время как на психопатии –20–30%, а все остальное – на так называемые подростковые кризы [1]. ВОЗ настоятельно рекомендует странам при разработке национальной стратегии предотвращения самоубийств рассматривать профилактику как мультисекторальный приоритет: не только для сектора здравоохранения, но и для секторов образования, трудовой занятости, социального обеспечения, правосудия и др. В рекомендациях ВОЗ в качестве значимого направления профилактики рекомендуется обучение «вахтеров». «Вахтером» является любой, кто в состоянии определить у человека суицидальные намерения. В число важнейших потенциальных «вахтеров» входят не только работники служб первичной, психиатрической и экстренной медицинской помощи, но и учителя и другие сотрудники школ, лидеры местных сообществ, работники полиции, пожарные и представители других служб. [3]

В рамках реализуемой ныне Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. единственным практическим действием в области предупреждения смертности от самоубийств стала разработка и внедрение плана мероприятий по профилактике суицидального поведения среди обучающихся образовательных учреждений. В то же время, по данным экспертов, в 2016 учебном году 47% школ в России не имели в своем штате педагогов-психолов, в то время как именно их работа заложена одной из основополагающих в системе профилактики суицидов в образовательной среде. [12] Основная нагрузка по профилактической работе в образовательных учреждениях передана и без того загруженным педагогам и классным руководителям.

Большинство суицидальных попыток среди подростков носит демонстративный характер, таким путем дети стараются привлечь к себе внимание близких людей. По статистике, наиболее суицидоопасными в жизни детей и подростков являются трудности в детско-родительских отношениях – непонимание и излишний контроль со стороны родителей или, наоборот, чувство отверженности ребенка, конфликты со сверстниками, сложности в завязывании «любовных» отношений и расставанием, попытки сексуального насилия по отношению к детям. 75% подростков-суицидентов имеют неполные семьи, часто в это число входят дети-сироты. Согласно статистике, 50% подростков, проявляющих жестокость, являются жертвами домашнего насилия: психологическое насилие, чрезмерное давление родителей на ребенка, попустительское отношение. [4]

К сожалению, помимо ежедневного окружения ребенка, его сверстников, друзей, учителей, родных, большое влияние на него оказывает виртуальное пространство. Психологи отмечают, что дети плохо понимают саму смерть и воспринимают ее как что-то временное, обратимое, не испытывают чувства страха перед ней. Уверенность в этом в них подкрепляют сказки, услышанные в детстве, и увиденные в более позднем возрасте фантастические сюжеты в средствах массовой информации. Немаловажное значение на рост девиантного поведения детей оказывают такие, казалось бы, косвенные причины, как романтизация самоубийства в средствах массовой информации, на телевидении, в художественных произведениях, кинофильмах, музыкальных клипах и других объектах массовой культуры.

С 2011 по 2015 год количество самоубийств в стране стабильно снижалось на 10% в год, а в 2016 году наблюдался рост на 57%. [14] Одной из причин роста является лавинообразное распространение "групп смерти" в соцсетях. Большую известность за последние полгода получили, распространяемые через социальные сети, «группы смерти», среди которых: «Синий кит», «Тихий дом», «Море китов», «f57», пропагандирующие «эстетику самоубийства», а также так называемые «зацеперы» с игрой «Беги или умри». Информация о том, что дети по итогам этой игры совершают суицидальные действия, поступает по всей стране, в том числе такие попытки зафиксированы и в Свердловской области.

По данным Роскомнадзора, с мая по декабрь 2016 года в России заблокировано 150 «групп смерти». Совместно с Роскомнадзором и компанией Mail.ru даже была разработана методика по выявлению "смертельного" контента – в течение 2016 года Роспотребнадзор передал в МВД материал о 1297 сайтах, содержащих суицидальную информацию. Работа по торможению распространения данного контента в стране ведется, но полностью эта проблема пока не решена.

Ещё в конце 2010 г. В России в 2010 году был принят Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», согласно п. 2 ст. 5 которого к запрещенной для распространения среди детей информации была отнесена информация, «побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству». [10] В настоящее время обсуждается вопрос о ужесточении уголовной ответственности за склонение несовершеннолетних к самоубийству, одобрена новая редакция статьи 110 «Доведение до самоубийства» Уголовного Кодекса РФ. Кроме того, разработан и готовится к

представлению и обсуждению в Государственной Думе законопроект «О правовом регулировании деятельности социальных сетей», который предполагает строгий порядок доступа и идентификации пользователей и полный запрет допуска к социальным сетям лиц, не достигших 14 лет.

Еще одной немаловажной проблемой является недостаток материального обеспечения для оказания психолого-медицинской помощи пациентам группы риска. Так, например, специализированный кризисный стационар в Свердловской области для детей не предусмотрен, а стационарная помощь детям с суицидальным поведением оказывается в детских отделениях центра психического здоровья детей областной больницы. Также в отделениях часто возникает проблема переполненности и нехватки больничных коек.

В рамках реализации программы «Развитие здравоохранения Свердловской области на 2013-2020 годы», утвержденной постановлением Правительства Свердловской области от08.07.2013 № 867-ПП, в части проведения мероприятий по профилактике суицидов у детей и подростков перечислены указанные проблемы, планируются и реализуются отдельные комплексы мер, но говорить о наличии стратегии профилактической работы с подростками сложно. Комплекс мер по снижению смертности населения Свердловской области от самоубийств, в том числе среди подростков, на период 2017-2020 годы. [8]

Таким образом, основными проблемами в рамках реализации на региональном уровне государственной программы по профилактике суицидального поведения детей можно выделить следующие: недостаток нормативно-правовой базы, недостаток кадрового обеспечения, недостаточная квалификация специалистов, недостаток материального обеспечения, психологические проблемы в семье.

© Банникова Л.Н., Фирсова А.С. Текст. 2017

Список источников

1. Банников Г. С. Потенциальные и актуальные факторы риска развития суицидального поведения подростков (обзор литературы) / Г. С. Банников, Т. С. Павлова, К. А. Кошкин, А. В. Летова // Суицидология – Тюмень, 2015 – Т.6 №4 (21) – С.22.

2. Бойко А. Я. Суицидальное поведение подростков: предпосылки, проблемы, профилактика / А. Я. Бойко, И. В. Савельева // Наука и современность – Москва, 2012 – №19-2. – С. 184-189.

3. Вопросы здравоохранения. Самоубийства [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВОЗ. – Режим доступа : http://www.who.int/topics/suicide/ru/ / (дата обращения 10.03.2017)

4. Выявление и предупреждение суицидального поведения среди несовершеннолетних [Электронный ресурс] : методические рекомендации / Л.Р. Халикова. – Уфа: ИРО РБ, 2012. – Режим доступа : http://www.irorb.ru/files/kafedri/psy/Halikova_viyavlenie_I_pred_suicide.pdf / (дата обращения 12.03.2017)

5. Горевой Р. Страна сходит с ума [Электронный ресурс] / Версия – 2013. – 01 декабря. – Режим доступа : https://versia.ru/v-rossii-do-milliona-shizofrenikov--u-kazhdogo-chetvyortogo-rossiyanina-psixicheskie-otkloneniya--prinuditelnoe-lechenie/ (дата обращения 4.03.2017)

6. Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 г. [Электронный ресурс] / Режим доступа : http:// nrma.ru/Reform/zdr_conception_2020.shtml (дата обращения: 10.03.2017).

7. Насилие и суицид среди уральских подростков: почему дети идут на крайние меры в отношении себя, сверстников и взрослых [Электронный ресурс] / Наша газета – 2016. – 05 декабря. – Режим доступа : http://ngzt.ru/analitics/view/05-12-2016-v-sverdlovskoy-oblasti-ejegodno-proishodit-okolo-300-suicidalnyh-popytok-u-podrostkov-foto / (дата обращения 4.03.2017)

8. Министерство здравоохранения Свердловской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Режим доступа : http://minzdrav.midural.ru/uploads/2017 (дата обращения 4.03.2017)

9. Об утверждении государственной программы Свердловской области «Развитие здравоохранения Свердловской области до 2020 года» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Свердловской области от от 21 октября 2013 г. N 1267-ПП // Официальный сайт компании «Право.ru». – Режим доступа : http://docs.pravo.ru/document/view/51687211/58538422/ / (дата обращения 13.03.2017)

10. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию от 29.12.2010 N 436-ФЗ // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808 / (дата обращения 13.04.2017)

11. О работе органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по профилактике суицидальных действий среди молодежи [Электронный ресурс]: решение очередного заседания областной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав от 26 декабря 2013 года № 33 // Режим доступа : http://kdnzp.midural.ru/files/reshenie_33_2013_.pdf / (дата обращения 29.02.2017)

12. Уровни профилактики суицида в образовательной среде [Электронный ресурс] – Режим доступа :rescentr2008.narod.ru›Suicid1.doc / (дата обращения 12.03.2017)

13. Чернобавский М. В. Медико-социальные аспекты суицидов среди подростков (распространенность, факторы риска и профилактика) [Электронный ресурс] : автореферат на соискание уч. степени канд. мед.наук. / М. В. Чернобавский ; Москва, 2013. – Режим доступа : http://avtoreferat.seluk.ru/at-meditsina/843-1-mediko-socialnie-aspekti-suicidov-sredi-podrostkov-rasprostranennost-faktori-riska-profilaktika.php / (дата обращения 1.03.2017)

14. Чрезвычайное совещание в чрезвычайном министерстве [Электронный ресурс]: Москва, 2017 – Режим доступа :http://deti.gov.ru/display.php?id=7356.php / (дата обращения 13.04.2017)

Информация об авторах

1. Банникова Людмила Николаевна, Россия, г.Екатеринбург, д.с.н., доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления ИГУП, Уральский федеральный университет (Россия, г.Екатеринбург, ул. Ленина, 13б), e-mail: urfu.bannikova@bk.ru

2. Фирсова Анастасия Сергеевна, Россия, г.Екатеринбург, ординатура, кафедра психиатрии, УГМУ (Россия, г.Екатеринбург, Сибирский тракт 8й километр), 1 курс, магистратура «Государственное и муниципальное управление», Уральский федеральный университет (Россия, г.Екатеринбург, ул. Ленина, 13б), e-mail: anastafirs@yandex.ru

Bannikova L. N., Firsova A. S.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE STATE PROGRAMME FOR THE PREVENTION OF SUICIDAL BEHAVIOUR IN CHILDREN

One of the primary problems to solve in the framework of the "concept of healthcare development in the Russian Federation until 2020" highlighted the adverse demographic situation in the country. A precondition to overcome, along with higher birth rate is to reduce the high mortality. Among the most important indicators of social welfare experts attribute the level of suicidal activity of the population. Special attention deserves the analysis of the dynamics of the incidence and causes of suicides among children. Rapid response to every case of suicide attempts, planning effective preventive and rehabilitation measures – the most important directions of social-psychological and medical assistance to suicides and their families. The article presents an analysis of the work undertaken to implement the program of prevention of deviations, reduction of suicidal activity of the child population. Special attention is given to identifying problems arising in the course of its implementation. First of all, it is the problem of staffing and training of specialists of educational institutions: lack of psychiatrists and psychologists, social teachers, child sexologists,

the lack of specialized courses and advanced training. No less important is the elimination of the indirect reasons for the increase in suicidal behavior of minors, such as the romanticizing of suicide in the media, on television, in works of art, movies, music videos and other objects of mass culture. This involves addressing a complex problem as restricting access to sites the Internet contains harmful and dangerous to the life of minors information.

Keywords: health care, deviance, demography, prevention, suicidal behavior, suicides, children.

Information about the authors

1. Bannikova Lyudmila Nikolaevna, Russia, Ekaterinburg, D. S. SC., associate Professor, Professor, Department of sociology and social management technologies IPPA, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg, Lenina str., 13B), e-mail: urfu.bannikova@bk.ru

2. Firsova Anastasia Sergeevna, Russia, Ekaterinburg, residency, Department of psychiatry, USMU (Russia, Ekaterinburg, Sibirskiy trakt, 8th km), 1 course, master program "State and municipal management", Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg, Lenina str., 13B), e-mail: anastafirs@yandex.ru

УДК: 314.4

А.Г. Боброва, А.А. Пилютик

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПОТРЕБЛЕНИЕМ АЛКОГОЛЯ В БЕЛАРУСИ

Потребление алкоголя вносит все больший вклад в негативные тенденции демографического развития Беларуси. При этом значительные потери приходятся на население в активных трудоспособных возрастах. В данной работе оценены масштабы демографических потерь, обусловленных потреблением алкоголя, и их вклад в сокращение ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин.

Ключевые слова: смертность, причины смерти, потребление алкоголя, ожидаемая продолжительность жизни, антиалкогольная политика.

Современная демографическая ситуация представляет собой результат сложного взаимодействия социально-экономических, медицинских, биологических и психологических факторов. Образ жизни обусловливает возрастание частоты жизненных перемен, которые заставляют человека приспосабливаться к постоянно меняющимся в разных направлениях условиям. В такой ситуации усиливается роль источников снятия психоэмоционального напряжения, среди которых наиболее распространен алкоголь. Переплетаясь с образом жизни, ее продолжительностью и качеством, уровень потребления алкоголя становится одним из регуляторов демографического поведения.

Следует учитывать, что негативные демографические тенденции обусловлены не только уровнем потребления, но также динамикой основных экономических показателей его определяющих, в частности цены на алкогольные напитки и структуры потребления.

Государственное регулирование играет ключевую роль в развитии алкогольного рынка и потребления. В Беларуси низкая физическая и ценовая доступность алкоголя обусловила распространение алкогольного потребления. На фоне переломных моментов в экономическом развитии постсоветского периода и последовавшего за ними перманентного реформирования системы здравоохранения, которая практически исключала профилактику как эффективную функцию, активно развивался алкогольный механизм смертности.

Весомую роль в росте потребления алкоголя сыграла финансовая доступность алкогольной продукции. Сопоставление покупательной способности средней заработной платы в бутылках водки и бутылках молока позволяет сделать вывод, что цены на водку

росли меньшими темпами по сравнению с ценами на молочные продукты. При росте доходов в 2010 г. по сравнению с 1994 г. покупательная способность водки была в 7 раз выше, молока – в 3,5 раза. С 2011 г. разница приобрела тенденцию к сокращению.

Поддержание высокой доступности водки со стороны государственной политики обусловило распространение вначале водочного лобби, а затем плодово-ягодного. Игнорирование рекомендаций ВОЗ по переходу от типа потребления крепких алкогольных напитков к слабоалкогольным напиткам, которым последовали все развитые страны, не позволило рационально решить задачу по регулированию потребления алкоголя населением и минимизации негативных тенденций в смертности населения трудоспособного возраста.

Потребление алкоголя в Республике Беларусь уже с 1998 г. превысило относительно безопасный рубеж уровня среднедушевого потребления алкоголя в 8 литров в абсолютном алкоголе и приобрело тенденцию к росту. Параллельно увеличивались показатели смертности населения. Одним их основных факторов роста смертности в Республике Беларусь является именно высокий уровень потребления водки, ликеро-водочных изделий и плодово-ягодных вин. Данные алкогольные напитки, наносящие наибольший вред здоровью, составляют более 80% общего объема потребления алкоголя.

Результаты анализа уровня потребления алкогольных напитков по основным видам позволяют констатировать их аналогию со смертностью населения. Так, высокий уровень последней не приводит к росту смертности, если в структуре потребления преобладают виноградные вина.

В таких странах, как Италия, Хорватия, Испания, Швейцария, несмотря на высокий уровень потребления алкоголя, смертность населения находится на одном из самых низких уровней (500-600 случаев на 100000 населения). Кроме того, в других странах с преимущественным потреблением вина, значения стандартизированных коэффициентов не превышают 1000. В целом страны, в которых наибольший удельный вес в алкогольном потреблении занимает вино или пиво, находятся в средней и ниже средней степени риска. Напротив, страны, в которых в структуре потребления преобладают крепкие спиртные напитки, причем даже при не высоком уровне среднедушевого потребления, подвержены высокому риску. В таких странах уровень смертности не только выше 1000 случаев на 100000, но также отмечен его рост, тогда как в среднем в Европейском регионе в течение 1990-2015 гг. наблюдается постепенное общее снижение числа смертей.

Еще в середине 1980-х годов Республика Беларусь была в середине списка стран Европейского региона по значениям стандартизированных коэффициентов смертности. Ситуация изменилась в начале 1990-х, и Беларусь начала приближаться к аутсайдерам рейтинга.

На фоне роста обеспеченности медикаментами, улучшения и повышения качества медицинских услуг в Беларуси должна была снизиться не только детская, но и общая смертность. Однако статистика свидетельствует об обратном. Существующий уровень смертности в Беларуси обусловлен высокой смертностью населения в возрасте старше 15 лет.

Как видно на графиках 1-2, наибольшую опасность и для женщин, и для мужчин данной группы представляет смертность от внешних причин.

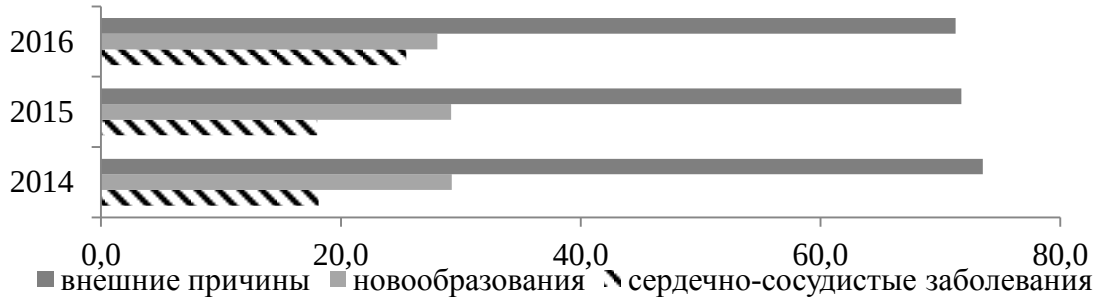


Рис. 1. Динамика доли мужчин в возрасте 15-60 лет в общей численности умерших от 3 наиболее распространенных в Республике Беларусь причин смерти за 2014-2016 гг.

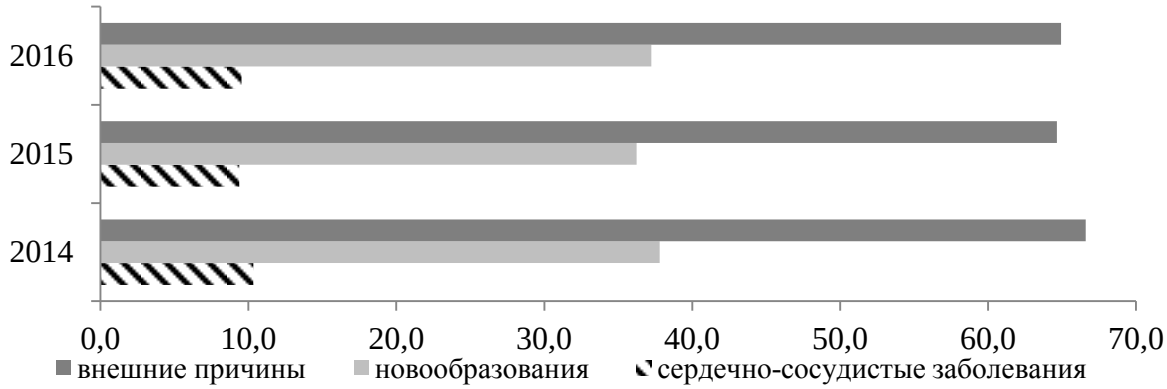


Рис. 2. Динамика доли женщин в возрасте 15-60 лет в общей численности умерших от 3 наиболее распространенных в Республике Беларусь причин смерти за 2014-2016 гг.

Смертность у мужчин в возрасте 15-60 лет от внешних причин составляет более 70%, у женщин – более 60%.

Потребление алкоголя все более усугубляет проблемы сокращения доли трудоспособного населения в Беларуси.

Анализ смертности от алкоголизма, отравления алкоголем и алкогольных психозов по возрастным группам позволяет акцентировать внимание на необходимости и важности сокращения потребления алкоголя ввиду его распространенности среди населения трудоспособного возраста (рисунки 3-4).

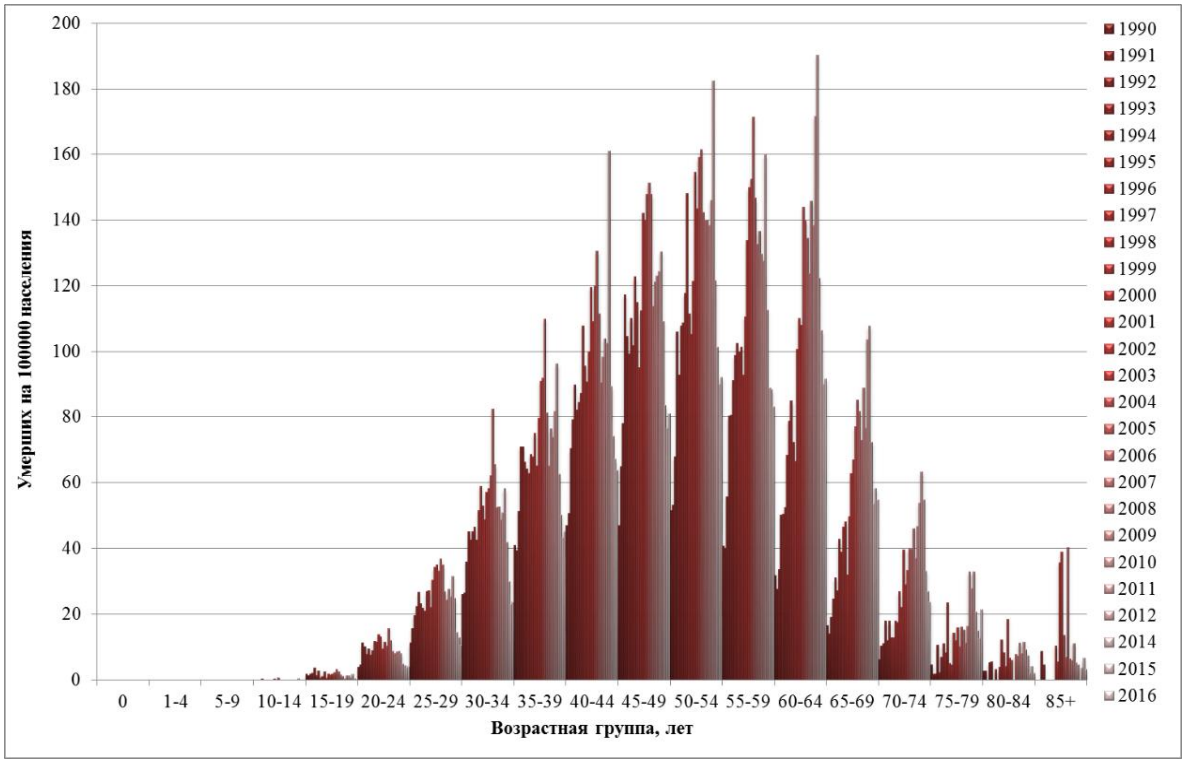


Рис. 3. Динамика суммарных стандартизированных коэффициентов смертности мужчин от алкоголизма, случайных отравлений алкоголем и алкогольных психозов в Республике Беларусь за период 1990–2016 гг., случаев на 100000

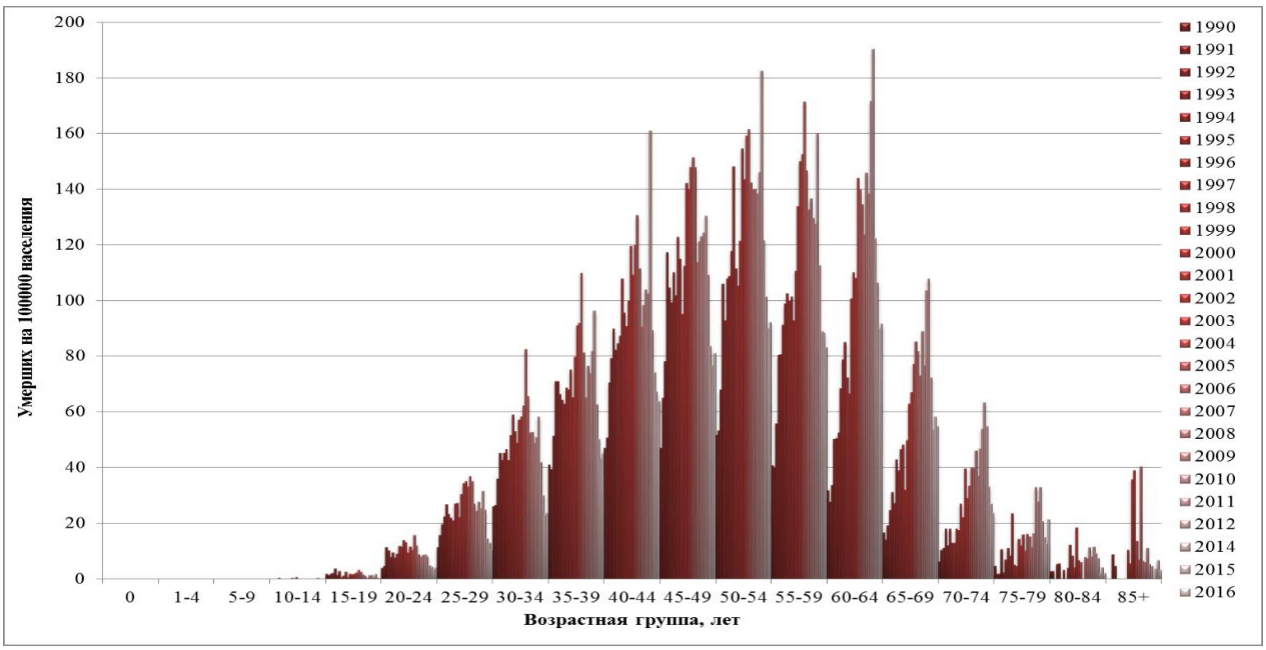


Рис. 4. Динамика суммарных стандартизированных коэффициентов смертности женщин от алкоголизма, случайных отравлений алкоголем и алкогольных психозов в Республике Беларусь за период 1990–2016 гг., случаев на 100000

Концентрация алкоголе-обусловленной смертности в активных трудовых возрастах ставит под угрозу демографическую безопасность, но и экономическую безопасность. Наблюдается также стремительный рост такого рода смертности в возрастной группе 50-75 лет. В значительной степени это является результатом отсутствия политики направленной на формирование здорового образа жизни населения в 1990-е годы и в начале 2000-х годов, которому тогда было 25-50 лет. Тогда как именно развитие широкомасштабной политики охраны здоровья и модификация поведения в сторону витального направления в западных странах обусловило рост ожидаемой продолжительности жизни во второй половине XX века.

Таким образом, алкоголь вносит значительный вклад в снижение численности населения Беларуси. Согласно стандартизированным данным смертность в Беларуси хотя и несколько ниже среднего уровня стран СНГ, но почти в 2 раза выше, чем в странах Европейского. Это различие объясняется высокой смертностью населения ввиду широкого распространения вредных привычек. В республике болеет и умирает значительно больше людей, чем могло бы при современном уровне жизни и состоянии системы здравоохранения. Следовательно, оценка резервов сокращения уровня смертности и увеличения ожидаемой продолжительности жизни приобретает особое значение.

С применением авторской методики на фактических данных доказано, что потребление спиртных напитков в Беларуси находится в неразрывной связи со смертностью от целого ряда причин, а не только алкоголизма, отравлений алкоголем, алкогольных психозов, алкогольной кардиомиопатией и циррозов печени. Апробация позволила выявить такие причины, как циррозы печени, панкреатит, туберкулез и ишемическую болезнь сердца, как связанные с потреблением алкоголя косвенным образом, а также установить долю алкоголе-обусловленной смертности в общем уровне смертности от данных причин. Оценка демографических потерь, обусловленных потреблением алкоголя, была также дополнена числом умерших от внешних причин кроме случайных отравлений алкоголем, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Согласно расчетам за период внесения данной графы в статистическую таблицу С-51, в среднем доля таковых составляет 8,8 % среди умерших мужчин и 7% среди умерших женщин.

Динамика числа умерших мужчин и женщин вследствие потребления алкоголя в Республике Беларусь за период 1990–2016 гг. представлена на русунке 5.

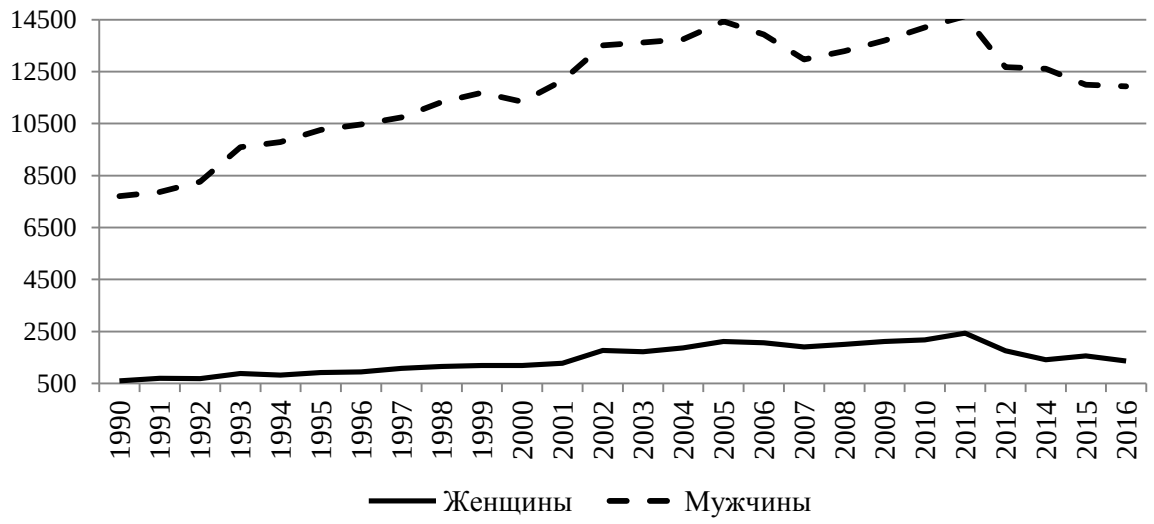


Рис. 5. Динамика числа умерших мужчин и женщин вследствие потребления алкоголя в Республике Беларусь за период 1990–2016 гг., человек

Обострение демографической ситуации вызывает не только наличие алкоголе-обусловленной смертности населения, но и ее рост на протяжении последних двух десятилетий.

Исследование демографических последствий злоупотребления алкоголем проведено в неразрывной связи с оценкой их вклада в изменение ожидаемой продолжительности жизни населения Беларуси.

Гипотетический расчет ожидаемой продолжительности жизни при элиминировании одновременно прямых и косвенных причин позволил установить существенный гипотетический рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении – до 3 лет у мужчин и 2 лет у женщин. Важно отметить, что при элиминировании второй по распространенности причине смерти в Беларуси, от новообразований, получены значения меньше, чем при устранении алкогольной смертности. Таким образом, доказывается ее значительное воздействие на уровень смертности в Беларуси.

В последние годы проблема чрезмерного потребления алкоголя и его влияния на смертность населения все более осознается на государственном уровне. Реализация мер Государственной программы национальных действий по предупреждению пьянства и алкоголизма на 2011 – 2015 гг. еще раз доказала высокую эффективность государственной политики в отношении регулирования объемов потребления алкоголя. Благодаря таким мерам как сокращение объемов производства водки, ограничение на продажу алкоголя по времени, местам распространения и ограничение на рекламу, введение нулевой квоты на низкокачественные плодово-ягодные вина, увеличение ставок акцизов, а также ужесточение ответственности за управление транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения по результатам 2015 г. удалось сократить среднедушевой уровень потребления алкоголя до 9 литров.

© Боброва А.Г., Пилютик А.А. Текст. 2017

Информация об авторах

1. Боброва Анастасия Григорьевна, Беларусь, г. Минск, заведующий отделом человеческого развития и демографии, кандидат экономических наук, ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», nastassiabobrova@mail.ru

2. Пилютик Андрей Антонович, Беларусь, г. Минск, заместитель директора, кандидат экономических наук, ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», pilutic@gmail.com

Bobrova A., Piliutik A.

DEMOGRAPHIC LOSSES CAUSED BY ALCOHOL CONSUMPTION IN BELARUS

The alcohol consumption makes an ever greater contribution to the negative trends of the demographic development of Belarus. At the same time, significant losses are attributed to the population in active working age. This paper assesses the extent of the demographic loss due to alcohol consumption and their contribution to reducing the life expectancy of men and women.

Key words: mortality, causes of death, alcohol consumption, life expectancy, alcohol policy

Information about authors

1. Bobrova Anastacia Grigorievna, Belarus, Minsk, Head of Human Development and Demography Department, Candidate of Economic Sciences, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, nastassiabobrova@mail.ru

2. Piliutik Andrei Antonovich, Belarus, Minsk, Deputy Director, Candidate of Economic Sciences, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, pilutic@gmail.com

УДК: 796

С.С. Гузенко

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

В статье рассматривается основа физической культуры и спорта, к которой автор относит духовно-нравственные факторы.

Ключевые слова: Бог, Любовь, человек, физическая культура, спорт, факторы здорового образа жизни

В связи с проведением в России Чемпионата мира по футболу (2018 г.), в настоящее время у нас один только ленивый не говорит о здоровом образе жизни и спорте.

Федеральным законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» определяются правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в Российской Федерации [1].

Из смысла указанного закона следует, что физическая культура и спорт выступают одним из направлений российской национальной идеи и способов профилактики правонарушений, как неким нравственным регулятором общественных отношений. При этом достигаются и некоторые политические цели, о которых точно было сказано рядом авторов.

Так, например, З.А.Гедугова отмечает, что «Молодые и зрелые спортсмены, их тренеры успешно рекрутируются в спортивную, а затем политическую элиту страны с целью легитимации власти. Многие известные спортсмены становятся депутатами, получают комплекс депутатских прав и обязанностей и вместе с этим – доступ к власти и привилегии. Спортивные и политические деятели, бизнес-элита активно вовлечены в сферу спортивного администрирования, возглавляют национальные спортивные федерации (например, председатель Государственной Думы, экс-глава администрации Президента РФ С.Нарышкин возглавлял Всероссийскую федерацию плавания, теперь ею руководит четырехкратный олимпийский чемпион В. Сальников) и профессиональные спортивные клубы.

Примечательно, что государственная политика в сфере физической культуры и спорта в РФ строится на основе спортивной Хартии Европы, и в ней заложен принцип обеспечения

всеобщего доступа к спорту, запрещения любого вида дискриминации по отношению к спортсменам, непрерывности физического воспитания различных возрастных групп граждан, независимости спорта от политики и др.» [2,с.44-46].

Международный антидопинговый скандал вокруг российских спортсменов, выявление отечественных чиновников-коррупционеров раскрыли нижеуказанные актуальные и слабые стороны существующего спорта, на которые необходимо государству и обществу обратить пристальное внимание.

Во-первых, духовно-нравственный аспект физической культуры и спорта, который не может быть явно решён власть имущими из-за неправильно поставленных приоритетов.

Как нам видится, на законодательном уровне в основу физической культуры и спорта были заложены только экономические, рейтинговые и патриотические основы, преследующие в основном получение политических дивидендов (лат.dividendum – то, что подлежит разделу), денежных вознаграждений и прибылей от спортивных трендов.

Часто спорт ассоциируют с властью и деньгами, а не с высоко духовно-нравственной личностью, человеколюбивым, трудолюбивым и спортивным человеком.

Коммерческий подход затмил главную задачу физической культуры и спорта, связанную с духовно-нравственным воспитанием и развитием человека через физическое развитие.

Во-вторых, духовно-нравственная информационная безопасность, которая не выдерживает никакой критики.

С.И.Ивентьев считает, что «В настоящее время утверждением «своей истины» открыто занимаются некоторые государства и экстремистские образования, доказывая своё превосходство оружием и пропагандой «своих ценностей», что мы повсеместно наблюдаем. К большому сожалению, российское государство ещё не выработало универсальную духовно-нравственную «вакцину» для граждан, повышающую информационный иммунитет…

Проблемной в России является система образования, по которой и наносится удар для изменения молодёжи. Российское государство для защиты молодёжи поставило заслон, провозглашающий спорт и патриотизм, но этого мало, так как этот щит будут пробивать различными путями.

В последнее время в отношении России ведётся агрессивная информационная война, в которой используются провокационная и фальшивая информация. Для чего это делается? Основной целью здесь выступает не только экономический или геополитический интерес, но, как нам кажется очевидным, и самый главный интерес в обладании истины, то есть атрибутом Богообщения, который позволит разобраться в сущности Добра и Зла, получить вечную жизнь (бессмертие), напрямую общаться с Богом, вывести любые народы и государства из духовно-нравственного и экономического кризиса или же укрепиться во власти. Это одна из причин любых региональных конфликтов, но об этом, к большому сожалению, мало говорят» [3,с.165-166].

С.И.Ивентьев предлагает решать назревшие вопросы благодаря четвёртому и пятому поколениям прав человека, которые провозглашают права и свободы человеческой души и духа [3,с.14,165].

К главным факторам здорового образа жизни С.И.Ивентьев, А.Г.Чучканов относят:

1.Духовно-нравственные факторы – духовность, вера, мораль (этика), религия, духовная музыка, молитва, духовная информация, четвёртое и пятое поколение прав человека;

2.Биологические факторы – пол, возраст, конституция, генетика и наследственность;

3.Природные (экологические) факторы – качество окружающей среды, климатические, гелиогеофизические показатели, антропогенное загрязнение и пр.;

4.Социальные (социально-экономические) факторы – образ жизни (питание, физические нагрузки, распорядок сна, режим труда и отдыха, жилищно-бытовые условия),

законодательство, политика, здравоохранение, миграционные процессы, система образования и культуры, спорт, первое-третье поколение прав человека и т.д.;

5.Иформационный фактор – знания, информация, СМИ, Интернет, реклама и т.д. [4,с.23-24;5,с.71-72].

Из вышепоименованного мы видим, что для человека важны духовно-нравственные факторы, влияющие на его духовное и душевное здоровье.

Мы считаем, что основу физической культуры и спорта, любой семьи должны составлять вышеперечисленные духовно-нравственные факторы [6,с. 161-163].

© Гузенко С.С. Текст. 2017

Список источников

1.ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»//Российская газета, № 276, 08.12.2007.

2.Гедугова З.А.Политика и спорт: взаимосвязь политических и неполитических атрибутов российской власти // Грамота. – 2015. – № 9 (59). – Ч.1. – С.44-46.

3.Ивентьев С.И.Истина. – Новосибирск: ООО «Агентство «СИБПРИНТ», 2016. – 386с.

4.Ивентьев С.И., Чучканов А.Г.Главные факторы здорового образа жизни//ФӘН-НАУКА. – 2012. – № 4(7). – С.23-24.

5.Ивентьев С.И.Духовно-нравственный фактор как основа здоровья человека//ФӘН-НАУКА. – 2011. – № 1. – С.71-72.

6.Гузенко С.С.Духовно-нравственные права человека. Семья// Исследовательская деятельность студента как фактор развития и реализации потенциальных и творческих возможностей специалиста: сборник материалов студенческой научно-практической конференции с международным участием/под ред.Л.А.Кочемайкиной. – Омск: Изд-во АНО ВО «Омский экономический институт», 2016. – С.161-163.

Информация об авторе

Гузенко Святослав Сергеевич - Ученик 11 класса Средней русско-татарской общеобразовательной школы № 57 г.Казани

Guzenko S.S.

SPIRITUAL AND MORAL BASIS OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

The article deals with the basis of physical culture and sport, to which the author attributes spiritual and moral factors.

Keywords: God, Love, man, physical culture, sport, healthy lifestyle factors

Information about the author

Guzenko Svyatoslav Sergeevich - Pupil of the 11th grade of the Middle Russian-Tatar school № 57 in Kazan

УДК: 314.44

И.А. Гурбан

О КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА НАРКОСИТУАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЮ НАРКОРЫНКА

В статье приведены применяемые в мировой практике направления противодействия наркобизнесу; обоснован выбор ключевых, приоритетных на сегодня для России

мероприятий в рамках национальной концепции системы мониторинга наркоситуации и противодействия функционированию наркорынка.

Ключевые слова: наркорынок, наркопотребление, мониторинг наркоситуации, противодействие наркоторговле, реабилитационные центры

Национальная система мониторинга наркоситуации и противодействия функционированию наркорынка должна базироваться на эффективных (с точки зрения задачи снижения уровня наркотизации населения) и экономически целесообразных направлениях деятельности.

К проблеме выбора наиболее эффективных инструментов противодействия наркобизнесу и, соответственно, росту наркотизации населения на сегодняшний день существует два разнополярных подхода: частичная легализация наркорынка либо усиление контроля над незаконным оборотом наркотиков (НОН). Несмотря на общность цели – снижение уровня наркотизации населения – подход, предполагающий частичную легализацию наркорынка, в большей мере сконцентрирован на сокращении оборота криминального наркобизнеса и ослаблении влияния преступных сообществ. Возможность применения его в российских условиях рассматривается, например, в работе Д.А. Шестакова [6]. Учитывая опыт стран, в практике борьбы с наркопотреблением которых применяется частичная легализация наркотиков, нельзя говорить о снижении уровня наркотизации населения, в некоторых случаях, напротив, происходит ее рост. Однако значительная часть денежных средств довольно скоро выводится из криминального оборота в легальный.

Подход, ориентированный на усиление контроля над наркорынком, предполагает ужесточение борьбы с криминальной наркоторговлей наряду с увеличением интенсивности направленных на противодействие распространению наркомании профилактических мер. Ужесточение борьбы с наркобизнесом влечет за собой проблему перманентного увеличения объемов финансирования силовых структур, эффект от которого в действительности оценивается как менее значительный, чем эффект от вложения средств в снижение спроса на наркотики. Эмпирическое исследование рынка кокаина США [9], которое сегодня уже можно назвать классическим, доказательно демонстрирует то факт, что эффективность контроля над спросом на наркотики превышает эффективность контроля над их предложением более чем в семь раз. В качестве примера здесь можно привести характеристику наркоситуации в Таиланде, где уголовное преследование за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков предусматривает такие наказания как пожизненное заключение и смертная казнь, и, несмотря на это, наблюдается постоянный рост количества связанных с НОН преступлений и рост численности наркозависимых [8]. В Китае и Лаосе наблюдается похожие тенденции[1].

Если принять за данность гипотезу о том, что как частичная легализация наркорынка, так и постоянное ужесточение борьбы с предложением наркотиков действительно неэффективны, то наиболее действенным способом противостояния наркобизнесу становится прямая и косвенная борьба со *спросом* на наркотики [7]. В свою очередь, спрос на наркотики в большой степени зависим от социально-экономической обстановки в обществе. Исходя из этого, следует сконцентрироваться на профилактических (превентивных) мерах, которые *напрямую* затрагивают сокращение спроса на наркотики среди населения. Меры по снижению спроса на наркотики подразделяются на два направления:

- программы по *реабилитации* наркозависимых
- *пропаганда воздержания* от наркотиков среди не употребляющих наркотики лиц.

При анализе эффективности реабилитации наркозависимых лиц, важно помнить, что в среднем около 80 процентов прошедших стационарное лечение от наркозависимости людей

[1] Office of the Narcotic Control Board, ONCB. Режим доступа: URL: http://en.oncb.go.th/file/information_statistics.html

начинают употреблять наркотические средства в течение первых же месяцев после проведения курса лечения [1, 5]. Исходя из этого, зная стоимость одного курса лечения наркозависимых, можно определить усредненную экономическую эффективность реабилитационных центров.

Большая часть коммерческих, реализующих программы помощи людям с наркозависимостью, реабилитационных центров в России работают по принципам программы «12 шагов». Стоимость их услуг колеблется в пределах 30-200 тысяч рублей в месяц, срок пребывания в центре составляет в среднем 3-6 месяцев, иногда до 12 месяцев. Высокая стоимость предоставляемых коммерческими реабилитационными центрами для наркозависимых услуг объясняется тем, что при всей социальной направленности их работы, это в первую очередь бизнес, основной задачей которого является извлечение прибыли.

В государственных реабилитационных центрах стоимость услуг значительно ниже. В качестве примера можно привести реабилитационный центр «Урал без наркотиков», финансируемый из бюджета Свердловской области. Субсидии на его содержание в 2014 году составили 63 млн рублей[1]. На медицинскую реабилитацию в 2014 году центру выделяется 492 тысяч рублей, при плане в 120 реабилитированных пациентов за год. Таким образом, один реабилитированный пациент центра обходится области примерно в 4100 рублей. Примечательно, что качество и спектр предоставляемых коммерческими реабилитационными центрами услуг выше, а заявляемый процент рецидива ниже, и составляет в среднем около 50 процентов случаев. К тому же, при анализе эффективности деятельности государственного реабилитационного центра здесь не учитываются расходы на содержание его основных фондов, амортизацию оборудования, фонд оплаты труда медицинского персонала и другие сопутствующие расходы, которые так или иначе закладываются в себестоимость реабилитации пациентов коммерческих реабилитационных клиник. Таким образом, обозначенные 4100 рублей можно принять как чистую приведенную стоимость курса реабилитации одного наркозависимого пациента в государственном реабилитационном центре. В итоге можно принять следующий вывод: с учётом 80 процентного уровня рецидивов, сумма в 20,5 тысяч рублей, вложенных государственным центром в курс реабилитации пяти наркозависимых лиц, обеспечит одного (условно) вылеченного пациента. Следуя предложенной логике рассуждений, «реабилитационная политика» является экономически выгодной, поскольку для сравнения, например, один героиновый наркоман может расходовать порядка полумиллиона рублей в год на приобретение наркотиков, источником которых могут, например, преимущественно являться противоправные действия, несущие ущерб широкому кругу лиц. Субсидирование коммерческих реабилитационных центров в этом плане экономически менее эффективно, поскольку даже при 50 процентном уровне рецидивов аналогичные результаты будут достигнуты посредством вложения минимум 180 тысяч рублей (при трех месячном курсе лечения стоимостью порядка 30 тысяч рублей в месяц, при условии, что каждый второй прошедший этот курс реабилитации наркозависимых вернётся к употреблению наркотиков).

При анализе эффективности *пропаганды воздержания* от употребления наркотиков (в том числе пробы), необходимо учитывать, что порядка 70 процентов потребляющих наркотики лиц – это молодёжь в возрасте до 30 лет [4]. Следовательно, социальная реклама воздержания от потребления наркотиков должна распространяться среди учащихся школ, колледжей и студентов университетов, а также в детских домах, приютах, интернатах. Очевидно, что оценка эффективности социальной рекламы такого рода весьма затруднительна. Эксперты некоммерческой организации «Лаборатория социальной рекламы»[2] оценивают эффективность антинаркотической пропаганды среди школьников в 2-

[1] Официальный сайт ГАУЗ СО "Областной специализированный центр медико-социальной реабилитации больных наркоманией «Урал без наркотиков». План финансово-хозяйственной деятельности на 2014 год. Режим доступа: URL: http://uralbeznarkotikov.ru/cat/doki/План%20ФХД.pdf

[2] Лаборатория социальной рекламы. Официальный сайт. Режим доступа: URL: http://www.soclaboratory.ru/index.php

3 процента. Иными словами, всего около 2-3 процентов школьников социальная реклама отказа от потребления наркотиков убедит воздержаться от пробы и потребления психоактивных веществ. Сама концепция антинаркотической пропаганды разрабатывалась и внедрялась органами Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России; служба расформирована в 2016 году)[1]. Однако экономической оценки эффективности антинаркотической пропаганды органами ФСКН России не проводилось[2]. Социологичекие исследования эффективности пропаганды воздержания от употребления наркотиков среди молодёжи [например, 3] позволяют сделать вывод о существовании определенного недоверия *официальной антинаркотической пропаганде* в детско-подростковой среде. Этим объясняется тот факт, что разъяснительные беседы учителей, наркологов, представителей правоохранительных органов и общественных организаций, а также различные буклеты, брошюры и плакаты о вреде наркомании принимают во внимание лишь порядка 15 процентов респондентов. В то же самое время, именно с этими (либо исключительно с ними) формами пропаганды воздержания от потребления наркотиков – по сути, наименее эффективными [2] – сталкиваются более 60 процентов опрошенных школьников. К эффективным формам антинаркотической пропаганды следует отнести проведение встреч учащихся, студентов, воспитанников детдомов и интернатов с бывшими наркоманами, а также активную пропаганду здорового образа жизни (без упоминания наркотиков) с привлечением авторитетных в детско-подростковой среде людей через доступные (возможно игровые) формы.

Таким образом, национальную систему мониторинга наркоситуации и противодействия функционированию наркорынка следует ориентировать на активную работу по *снижению спроса* на психотропные вещества среди населения страны посредством формирования адекватной масштабу проблемы «инфраструктуры» реабилитации наркозависимых лиц и создания эффективной антинаркотической пропаганды (в том числе без упоминания наркотиков). Среди конкретных мероприятий в рамках заданных направлений деятельности в настоящее время необходимо:

1. Увеличение количества и повышение качества оказываемых услуг в государственных реабилитационных центрах для наркозависимых лиц в регионах страны.
2. Создание возможности частичного финансирования на конкурсной основе коммерческих реабилитационных центров для наркозависимых лиц из областного бюджета.
3. Переход к эффективным методам антинаркотической пропаганды с акцентом на рекламу здорового образа жизни.

Здесь приведены довольно упрощенные оценки экономической целесообразности предлагаемых направлений работы в рамках национальной системы мониторинга наркоситуации и противодействия функционированию наркорынка, не принимаются в расчет и затраты на создание и введение в правовое поле законов и сопутствующих реализации указанных мероприятий нормативно-правовых актов. Однако даже в первом приближении подобные оценки призваны продемонстрировать, что общий социально-экономический эффект предлагаемых мер экономически оправдан. Реализация предложенных административных мер на фоне общего улучшения социально-экономического положения регионов приведет к сокращению оборота наркорынка, снижению уровня преступности, улучшению социально-демографической ситуации в стране.

© Гурбан И.А. Текст. 2017

[1] План мероприятий по реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года // http://www.fskn.gov.ru/pages/main/info/official_information/9486/index.shtml

[2] «Концепция оценки эффективности мероприятий антинаркотической пропаганды», Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России), Москва, 2012, С.13

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке РФФИ проект № 15-32-01239а2 «Экономика наркорынка: теоретико-методологические основы и методический инструментарий диагностики и прогнозирования».

Список источников

1. Зиганшин И.М., Китаева С.В., Мухутдинов Д.А. Первые результаты деятельности наркологического реабилитационного центра «Преодоление» // Вопросы наркологии. 2004. №4. С. 62–65.
2. Селиванова О.А. Пути и способы повышения эффективности информационной деятельности школы по профилактике наркомании // Образование и наука. 2008. №8 (56). С. 134–142.
3. Сидоров П.Г., Новиков Ж.Ж. Отношение молодежи Хабаровского края к профилактике наркомании: социологический анализ общественного мнения // Власть и управление на Востоке России. 2013. №1 (62). С.124–128.
4. Тесленко В.М., Воробьёва М.О. Анализ медико-социальной реабилитации и ресоциализации наркозависимых // Антинаркотическая безопасность. 2014. №1 (2). С. 48–55.
5. Шабанов П.Д., Штакельберг О.Ю. Наркомании: патопсихология, клиника, реабилитация. — СПб: Лань, 2000. — 368 с.
6. Шестаков Д.А. Почему бы не ликвидировать наркобизнес? Теоретико-криминологический подход // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. №1. С. 30–34.
7. Шишков Ю.В. Наркобизнес – специфическая глобальная проблема // Мировая экономика и международные отношения. 2011. №2. С. 3–12.
8. Beyrer C., Jittiwutikarn J., Teokul W. Drug Use, Increasing Incarceration Rates, and Prison-Associated HIV Risks in Thailand, AIDS and Behavior, Vol. 7, No. 2, June 2003, pp. 153–161.
9. Rydell, Charles P., and Susan S. Everingham. Controlling cocaine: Supply versus demand programs. Santa Monica, California: RAND, 1994, P. 120.

Информация об авторе

Гурбан Инесса Александровна (Россия, Екатеринбург) – канд. экон. наук, завсектором, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, inessagurban@gmail.com).

Gurban I. A.

ON THE CONCEPT OF A NATIONAL SYSTEM FOR MONITORING THE DRUG SITUATION AND COUNTERING THE ILLICIT DRUG MARKET

The article is devoted to the directions of counteraction to drug trafficking applied in world practice. A selection of the crucial activities in the Russian national system for monitoring the drug situation and countering the illicit drug market is grounded.

Key words: drug market, drug use, drug situation, countering the illicit drug market, rehabilitation of drug addicts

Information about author

Gurban Inessa Alexandrovna (Russian Federation, Yekaterinburg) – Candidate of Economic Sciences, Acting Divisional Manager, Senior Research Fellow, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya str. 29, inessagurban@gmail.com).

УДК: 612.0 (042.4): 613.4(07)

Г.В. Клименков

УНИФИЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К КАЧЕСТВУ ЖИЗНИ, ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ПОТЕНЦИАЛУ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ КАПИТАЛУ С ПОЗИЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ВВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРУ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ)

В статье автором раскрываются основные понятия: качество жизни, человеческий потенциал и человеческий капитал с позиции здоровьесберегающей жизнедеятельности. Изложение представляет собой введение в культуру индивидуального и общественного здоровья и благополучия.

Ключевые слова: *качество жизни, состояния здоровья, виды благополучия, человеческий потенциал, человеческий капитал*

Рассмотрение качества жизни, человеческого потенциала и человеческого капитала с позиции здоровьесберегающей жизнедеятельности является унифицированным подходом, позволяющим выстраивать деятельность самого индивидуума, групп людей, социума, деятельность ведомства (образования, культуры, здравоохранения и др.), интеграцию усилий ведомств, территорий. Объясняется это тем, что в основу качества жизни индивидуума положено рассмотрение состояний здоровья и видов благополучия индивидуума, которые природосообразно адаптируются в качество жизни и благополучие развития групп людей, территорий, стран и т.п.

Анализ понятий для человека, индивидуума целесообразно производить в соответствии с медико-биологическим и социально-ролевым состоянием человека (индивидуума), групп людей и социума, трансцендентного уровня, что позволяет избежать досадных ошибок. Это оправдано и аналогично формированию сети родо-видовых понятий определенной области знаний, которую лучше производить из сети математических понятий, например, функционального анализа [1].

Так, с позиции медико-биологических и социально-ролевых состояний человека (индивидуума) понятия качество жизни, индивидуальное и социальное здоровье и благополучие являются составляющими одного понятия – качества жизни [2, 3]. Другие понятия, такие как человеческий потенциал и человеческий капитал относятся к составляющим понятия видов благополучия – соответственно, функциональной готовности (компетенции, человеческого потенциала) и функциональной активности (компетентности, человеческого капитала) организма (см. рисунок 1). Дополнительно также следует выделить следующее состояния человека – культуру, характеризующую высшую нервную деятельность (ВНД) человека, которая характеризуется мышлением и поведением человека.

Всё это формирует потенциал личности, потенциально подготавливает и повышает отдачу (продукт деятельности), повышает комфорт жизни человека, групп людей, социума, территорий.

Качество жизни.

Качество жизни человека (индивидуума) определяется двумя взаимообусловленными понятиями – состояние здоровья и виды благополучия. Это авторский подход (разработан Клименковым Г.В., докладывался и получил признание на съездах физиологов России [4, 5]), характеризуется единством состояния человека (благополучия) с учетом соподчиненности медико-биологических процессов в организме в направлении развития индивидуума, становления личности и развития индивидуальности, с позиции социальной и профессиональной адаптации, цены адаптации.

Состояние здоровья характеризуется медико-биологическими состояниями – здоров, болен и предболезнь. Целесообразность введения состояния предболезни определяется

объективно – необходимостью оценки состояния человека, индивидуума, которое может привести к состоянию болезни. Это позволяет оценить риски в деятельности человека, обосновать и принять ограничения, ввести виды деятельности, которые позволят систематизировать работу индивидуума и ведомств, например, системы здравоохранения – ввести первичную, вторичную и третичную профилактику организма. Иначе по своей деятельности система здравоохранения превращается в систему болезней и лечит следствие (болезнь), а не саму причину болезни.

Практическое интегрирование профилактико-лечебного направления медицины нашло решение ещё в этапности профилактики в 1980 году (классификация Канадской группы по регулярному медицинскому обследованию Министерства здравоохранения и социального обеспечения, 1980). Согласно этой классификации, исходя из целей, подразделяют 3 этапа профилактики. Для системы здравоохранения формулировки первичной, вторичной и третичной профилактики остаются неизменными.

Первичная профилактика (общая профилактика) подразумевает снижение риска вероятного возникновения изменений или нарушения состояния здоровья за счет т.н. неспецифической (общей) профилактики.

Вторичная профилактика (специальная профилактика) – имеет в виду предотвращение, прерывание, минимизирование процесса заболевания или последствий заболевания и лечения еще до того как возникли необратимые изменения.

Третичная профилактика (лечение болезней, поддержание здоровья больного в состоянии ремиссии) направлена на замедление прогрессирования необратимых изменений и нарушений выявленного заболевания, дополняемое мерами, уменьшающими снижение нетрудоспособности и предельных процессов угроз здоровья и жизни с позиции жизнедеятельности.

В настоящее время врачи в большей степени занимаются не первичной профилактикой состояний здоровья (т.е. предотвращением возникновения факторов риска для здоровья), а вторичной (выявлением начальных фаз заболевания и их лечением) и третичной профилактикой (ограничением значительного снижения нетрудоспособности и инвалидизации). В направлении третичной профилактики (как реакция на случившееся, на предотвращение «предельных» состояний) и действуют основные мероприятия по безопасности. Ущербность такого подхода подчеркнул, в частности, английский специалист К.Тейлор (1982). Тем более с позиции деятельности здравоохранения, т.к. не создаются условия для изменений представления о том, что большинство болезней имеет не кратковременное, а хроническое течение, и ремиссия - это не выздоровление, а лишь временная "передышка", о чем говорил еще М.Н.Кончаловский (1935).

В соответствии с вышесказанным движение в направлении повышения уровня индивидуального здоровья человека включает следующие аспекты. Во-первых, это деятельность, снижающая вероятность ухудшения состояния здоровья и появления заболевания. Во-вторых, прерывание и замедление развития процесса заболевания.

Как упоминалось выше, существуют три уровня профилактики, которые в направлении повышения уровня индивидуального здоровья человека могут быть преформулированы следующим образом.

Задачи первичной профилактики.

1. Предотвращение появления вредных привычек и формирование безопасного поведения.
2. Реализация немедикаментозных подходов (адекватная двигательная активность, рациональное сбалансированное питание, закаливание) для сохранения и повышения уровня здоровья.

Решение этих задач возможно на основе формирования мотивации здорового образа жизни (у детей до 14-15 лет) и формирования мировоззрения, в котором здоровье, во-первых, играет важную роль одной из составляющих успеха в жизни, во-вторых, является необходимым условием достижения успеха (у взрослых).

Задачи вторичной профилактики.

1. Устранение факторов риска развития заболевания.
2. Предупреждение обострений.
3. Сохранение удовлетворительной функции пораженных систем и органов при хронических заболеваниях.
4. Предотвращение прогрессирования заболевания.
5. Сохранение и улучшение здоровья реконвалесцентов после острых заболеваний, травм, оперативных вмешательств.
6. Реабилитация больных.

Эти задачи решает терапия, как медикаментозная, так и немедикаментозная. Известно, что санаторно-курортное лечение является одним из наиболее эффективных путей вторичной профилактики. Однако «коэффициент полезного действия» вторичной профилактики в снижении первичной смертности составляет всего 3-5%.

Задачи третичной профилактики.

1. Замедление процесса прогрессирования заболевания.
2. Уменьшение снижения трудоспособности и жизнеспособности.

На практике профилактическая деятельность медицинских работников может реализоваться со следующих концептуальных позиций:

1) с позиций болезнецентристской парадигмы; в этом случае пациент снимает с себя ответственность за свое здоровье и перекладывает ее на лечащего врача;

2) с позиций здравоцентристской парадигмы; в этом случае индивидуум является главным действующим лицом в решении проблем своего здоровья; реализуется поведенческая профилактика;

3) с позиций интегрирования; в данном случае реализуется профилактико-медицинский, или валеологический подход.

Цель здравоохранения с позиции сопровождения жизнедеятельности: повышение специфической и неспецифической резистентности индивидуума в настоящих и прогнозируемых социальных условиях с учетом половых, возрастных и ролевых этапов и периодов жизни через первичную, вторичную, третичную профилактику и лечение заболеваний.

Виды благополучия индивидуума.

Виды благополучия определяют социально-ролевой статус индивидуума (человека), который складывается уже исходя из структуры личности и индивидуальности – соматического, психического, социально-экономического (ролевого) и духовно-нравственного благополучия («Я-концепции»[6]).

Я-концепция – относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к себе. Я-концепция — целостный, хотя и не лишенный внутренних противоречий, образ собственного Я, выступающий как установка по отношению к самому себе и включающий компоненты: когнитивный — образ своих качеств, способностей, внешности, социальной значимости и т. д. (самосознание); эмоциональный — самоуважение, себялюбие, самоуничижение и т. д.; оценочно-волевой — стремление повысить самооценку, завоевать уважение и т.п.

Определим и поясним каждую из составляющих благополучия организма.

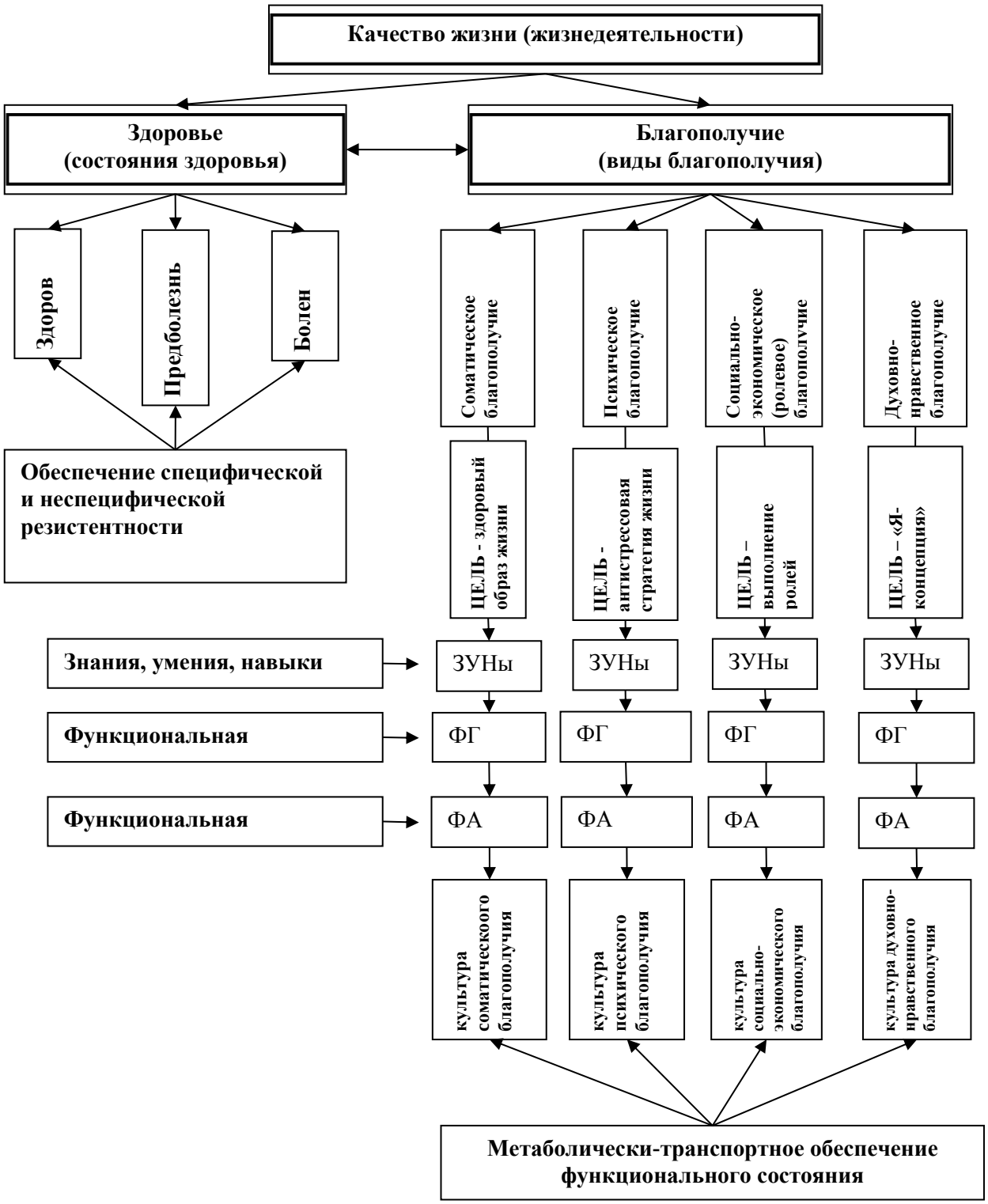


Рис. 1. Качество жизни, состояние здоровья и виды благополучия

Соматическое благополучие (lat. soma – соматика, совокупность мышц, органов и систем организма человека, обеспечивающих исполнение физических действий организма) педполагает освоение и формирование индивидуумом элементов здорового образа жизни человека (ЗОЖ) – через формирование совокупности знаний, умений, навыков (ЗУНов), формирование определенных элементов функциональной готовности (ФГ, компетенции, человеческий потенциал) и функциональной активности (ФА, компетентности, человеческий

капитал) человека, формирование культуры ЗОЖ как составляющей элементов высшей нервной деятельности ВНД[1] (мышления и поведения).

Психическое благополучие (lat. psycho – психика), предполагает формирование и освоение элементов антистрессовой стратегии жизни (АССЖ, прежде всего в направлении исключения диструктивного стресса[2]) через совокупность ЗУНов, формирование элементов функциональной готовности (компетенции, человеческого потенциала) и функциональной активности (компетентности, человеческого капитала) по направлению АССЖ – анализа, синтеза, формирования и использования стратегий, проектов и программ, прогнозирования развития территории, общества, собственной деятельности и т.п. Формирования культуры АССЖ.

Социально-экономическое (ролевое) благополучие человека (организма) – «достойное» исполнение социальных ролей в процессе развития индивидуума, становления личности и развития индивидуальности, социальной и профессиональной адаптации с низкой ценой адаптации (возможность обучения, получения профессии, профессионального роста, достойной заработной платы, социально-экономической поддержки, возможности социальной защиты, развития здравоохранения и т.п. с позиции принципов непрерывности – гуманизации, гуманитаризации, вариативности, доступности, преемственности, интеграция, обновления содержания и технологий, мониторинга качества условий, процесса и результата деятельности ведомств, межведомственной кооперации). В соответствии с этим идёт формирование ролевых ЗУНов, элементов функциональной готовности (компетенции, человеческого потенциала) и функциональной активности (компетентности, человеческого капитала), формирование «достойной» ролевой культуры (мышления и поведения индивидуума).

Духовно-нравственное благополучие (трансцендентный уровень благополучия), которое определяется «Я-концепцией» индивидуума (гуманизм, гражданственность, патриотизм, безопасность, устойчивая «нет» позиция по отношению к социально значимым заболеваниям, опасным явлениям, «интеллигентность» и «гламур», этические и эстетические нормы, религиозные устои, традиции и т.п.). В вершине духовно-нравственного благополучия, оценки и поведения лежит гуманизм (в современном мире человеку репрезентировано ведущее положение, что предполагает умение договариваться, умение соотносить позиции, выделять базовые понятия и позиции для развития страны и мира, интегрировать усилия и т.п.). В этом благополучии международный приоритет отдается понятию порядок с позиции порядка на уровне (1) семьи, (2) предприятия, учреждения, организации независимо от формы собственности, (3) внутригосударственных отношений и (4) межгосударственных отношений в направлении развития органов местного самоуправления и элементов гражданского общества. В направлении духовно-нравственного благополучия также формируются необходимые ЗУНы, компетенции (функциональная готовность, человеческий потенциал) и компетентность (функциональная активность, человеческий потенциал), формируются составляющие культуры духовно-нравственного благополучия (соответствующее мышление и поведение).

Исходя из перечисленных выше состояний здоровья и видов благополучия могут быть сформулированы основные требования к формированию благоприятных условий по качеству жизни, состояниям здоровья, видам благополучия, человеческому потенциалу (компетенциям, функциональной готовности), человеческому капиталу (компетентностям, функциональной активности), по формированию составляющих культуры индивидуума,

---

[1] Исполнение высшей нервной деятельности ВНД организма для человека в целом направлено исключительно на формирование и поддержание активности поперечно-полосатых мышц организма. Деятельность поперечно-полосатых мышц (действия, включающие и мелкую моторику, речь) является сутью реализации ВНД организма человека.

[2] Все стрессы можно условно поделить на две подгруппы – стрессы конструктивные (эвристические, направленные на развитие индивидуума, но не приводящие к появлению болезненных состояний, болезней) и диструктивные (приводящие к появлению болезненных состояния, болезней).

человеческих групп и социума. Всё это позволяет осмысленно определить жизненные приоритеты построения государств, сообществ, мировых альянсов, мироустройства и оценки, обосновать и выстроить механизмы развития России, оценки развития. Определить условия, ограничения и т.п.

Это действительно так, формирование элементов функциональной готовности (компетенции, человеческого потенциала) и функциональной активности (компетентности, человеческого капитала) осуществляется сообразно определения стратегических целей и стратегических задач государством. Формируется в процессе образования (обучения, воспитания, развития), наступает исходя из созданных государством и стимулированием (государством) деятельности учреждений, предприятий и организаций по созданию необходимого количества рабочих мест. Образование осуществляется системой непрерывного образования на протяжении всей жизни (по сути, вся жизнь человека является последовательностью образовательных актов). Поэтому задача государства – создание и развитие системы непрерывного образования в контексте принципов непрерывности – гуманизации, гуманитаризации, непрерывности, преемственности, доступности, вариативности, обновления содержания и технологий образования, формирования мониторинга условий, процесса, результата. Правительство в России до сих пор не соотносило социальный заказ к системе образования, не выступало в качестве заказчика по развитию России в целом (до сих пор в России нет ни одного «документа общественного согласия»: стратегии, стратегического плана, программы, схем территориального развития, генпланирования).

По этой причине и существующие критерии оценки человеческого потенциала, расчета индикатора развития человеческого потенциала (ИРЧП – это базовый показатель ООН [7, с.41]) некорректны, т.к. не учитывают существующие в мире системы мироустройства, управления, формирующиеся и действующие альянсы, скрытую систему мотивации, сговора, изменение статуса территорий и проживающего населения, изменение традиций, устоев, роли религий, соглашательского конформизма (оппортунизма), комплексную систему индикации стран (систему доверия и недоверия в обществе, систему предпочтений, реальный вес национальной валюты и др.) и др.

По этой причине целесообразно учитывать человеческий потенциал и человеческий капитал исходя из изложенной выше концепции качества жизни индивидуума (состояний здоровья и видов благополучия):

- качество жизни определяется двумя взаимообусловленными понятиями – состоянием здоровья и видами благополучия;
- человеческий потенциал определяется функциональной готовностью организма (компетенциями);
- человеческий капитал определяется функциональной активностью организма (компетентностями).

Оценку же развития человеческого потенциала следует осуществлять не только по ИРЧП, но и на основе модульно-рейтинговой технологии оценивания (подобно рейтинговым показателям: индекс Доу-Джонса, индексы деловой активности и т.п.).

Приведенные понятия могут быть распространены на группы людей и на социум, что в целом будет определять качество жизни, человеческий потенциал и человеческий капитал для групп людей (семья, предприятие, учреждение, организация), социума (страна, округ, регион, муниципальное образование, поселение, село, деревня и т.п.). На практике так и происходит, недостающая компетенция (человеческий потенциал) и компетентность (человеческий капитал) складывается за счёт интеграции усилий людей, специалистов (социальный потенциал, социальный капитал). По этой причине будет корректно применять введенные понятия – качество жизни, человеческий потенциал (функциональная готовность, компетенции) и человеческий капитал (функциональная активность, компетентность) для страны, округа, региона, муниципального образования, поселения, села, деревни, семьи, предприятия, учреждения, организации и т.п.

Для нашей страны (при значительных географических размерах, перечне климатических зон, численности населения, ресурсов) нет видимых ограничений на величину введенных понятий. Первое, что должно быть сделано в России – должен быть разработан весь перечень документов государственного планирования и управления с учетом вопросов безопасности страны, должен быть сформулирован социальный, государственный заказ.

© Клименков Г.В. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена и опубликована в рамках выполнения государственного задания № темы 0404-2015-0016 в информационной системе государственного задания.

Список источников

1. Клименков Г.В. Теоретические основы построения родо-видовых сетей понятий в экономике / Журнал Экономической теории №4, 2009, с. 31-37
2. Клименков Г.В., Широковских Е.Г. Повышение качества жизни населения как критерий благополучия развития Пермского края // Известия Уральского государственного экономического университета, № 2 (28), 2010 - с. 88-96
3. Основы здоровьесберегающей жизнедеятельности (введение в валеологию: индивидуальное здоровье): Методическое пособие по курсу "Нормальная физиология" / В.Г. Афанасьев, Е.Г. Офрихтер, Г.В. Клименков, М.Л. Кононова, М.Д. Берг / под общ. ред. проф. В.М. Смирнова. Пермь: Перм. гос. мед. академия, Центр развития образования им. С.О.Ветлугина г. Перми, Пермь, 2002 (1-е издание). – 142 с.
4. Клименков Г.В., Афанасьев В.Г., Белозерова Л.М., Кононова М.Л., Офрихтер Е.Г., Берг М.Д. Подходы к рассмотрению и характеристика жизни человека с позиций закономерностей его функционального состояния / Материалы XVIII Съезда физиологов России (25-28 сентября 2001 г.). Казань: Каз.гос.мед.ун-т., 2001. - с. 140-141
5. Клименков Г.В., Афанасьев В,Г., Офрихтер Е.Г., Берг М.Д. Универсальный подход к анализу факторов здоровья и риска для здоровья человека / Материалы 4-го Сибирского физиологического Съезда. - Новосибирск: Ин-т физиологии СО РАМН, 2002. - с. 45-46
6. Бёрнс Р. Я-концепция и воспитание. - М., 1989. - 169 с.
7. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. Учебное пособие под общей редакцией проф. В.П. Колесова (экономический факультет МГУ), 2-е издание, дополненное и переработанное. – М.: Права человека, 2008. – 636 с.

Информация об авторе

Клименков Геннадий Владимирович, Россия, г.Пермь, к.т.н., доцент, старший научный сотрудник, Пермский филиал ФГБУН Институт экономики УрО РАН (614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 42/2, e-mail: kgv_perm@mail.ru).

Klimenkov G.V.

A UNIFIED APPROACH TO QUALITY OF LIFE, HUMAN POTENTIAL AND HUMAN CAPITAL FROM THE POSITION OF HEALTH-LIFE (INTRODUCTION TO THE CULTURE OF INDIVIDUAL AND COMMUNITY HEALTH AND WELL-BEING)

In the article the author reveals the basic concepts: quality of life, human potential and human capital from the position of health-preserving activity. The presentation is an introduction to the culture of individual and community health and well-being.

Key words: *quality of life, health, well-being, human potential, human capital*

Information about the author

Klimenkov Gennady Vladimirovich, Russia, Perm, Ph. D., associate Professor, senior researcher, Perm branch of Institute of Economics UB RAS (614046, Perm, Baramzinoy str., 42/2, e-mail: kgv_perm@mail.ru).

УДК: 614; 32.001

Р.А. Костромин, Н.Г. Чевтаева

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗДОРОВЬЯСБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Здравоохранению отводится ключевая роль в сохранении и укреплении здоровья населения. Реализация государственной политики в сфере кадрового обеспечения системы здравоохранения напрямую влияет на состояние системы в целом, являясь важным медико-демографическим аспектом здоровьясбережения населения.

Ключевые слова – здоровьесбережение, здравоохранение, государственная политика, кадровое обеспечение

Здоровье, по определению Всемирной организации здравоохранения – это «состояние полного физического, душевного и социального благополучия». В свою очередь, процесс здоровьесбережения представляет собой процесс сохранения и повышения здоровья как каждого отдельного человека в частности, так и населения в целом [6, с. 18]. Не смотря на активное развитие здоровьесберегающих технологий в психологии, образовании и других не медицинских отраслях, ключевая роль отводится системе здравоохранения, включающей в себя как первичную и высокотехнологичную, так и профилактическую и реабилитационную направленность. Именно состояние системы здравоохранения в Российской Федерации во многом определяет уровень здоровья и качество жизни населения страны в целом.

Существование данной системы невозможно без кадрового состава, к которому относятся медицинские и фармацевтические работники, в том числе врачи, средний и младший медицинский персонал. Выработкой и реализацией государственной политики, нормативно-правовым регулированием по вопросам кадрового обеспечения, регулированием труда медицинских и фармацевтических работников занимается Департамент медицинского образования и кадровой политики Министерства здравоохранения Российской Федерации. Таким образом, успешная реализация государственной политики в сфере кадрового обеспечения системы здравоохранения напрямую влияет на состояние системы в целом, являясь одним из важных медико-демографических аспектов здоровьясбережения населения.

Анализируемая политика представлена в рамках реализации Подпрограммы 7 «Кадровое обеспечение системы здравоохранения» Постановления Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения» [2, 1]. Действующая программа рассчитана на период с 2013 по 2020 г. и основной ее целью является обеспечение системы здравоохранения высококвалифицированными специалистами. В Паспорте Подпрограммы 7 «Кадровое обеспечение системы здравоохранения» государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» (Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года N 294) обозначены ответственный исполнитель подпрограммы, а также участники; цель и задачи подпрограммы, целевые индикаторы и показатели подпрограммы, этапы и сроки реализации подпрограммы, объемы бюджетных ассигнований подпрограммы, а также ожидаемые результаты реализации подпрограммы. В рамках реализации гос. политики в сфере кадрового обеспечения в здравоохранении РФ нормативно определены показатели, которые необходимо достигнуть в целом и по регионам в частности к моменту

окончания действия гос. программы. Выделяется определенное финансирование, а также ежегодно формируется план мероприятий и отчет по результатам их реализации. Часть требований представлены в виде ясных и однозначных распоряжений (например, переход на систему «Эффективных контрактов»), в то время как часть требований имеет сложную структуру и не могут быть реализованы конкретным распоряжением или мероприятием. Решения принимаются как на федеральном уровне (МЗ РФ), так и на уровне субъектов (например, МЗ Свердловской области). Некоторые принимаемые позиции (например, касающиеся перехода на новую систему аккредитации медицинских работников) имеют противоречивый традициям характер, однако лежат в ключе современной мировой системы организации медицинского образования.

В настоящий момент гос. программа «Развитие здравоохранения» находится на стадии реализации, соответственно представленные в гос. программе показатели должны быть достигнуты к 2020 году, однако для оценки успешности реализации проекта необходимо отслеживать данные показатели на всем протяжении реализации программы. В целом отчет о выполнении программы отражен в Сводном годовом докладе о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2015 года, проведенного Минэкономразвития России. На основании результатов анализа по основным критериям оценки реализации программы «Развитие здравоохранения» (таблица 1) выявлено, что все основные критерии оценки реализации программы находятся на уровне выше среднего, что свидетельствует об эффективности реализуемой программы. [4, 55]

Таблица 1

Результаты анализа по основным критериям оценки реализации программы «Развитие здравоохранения» [3, 55]

№	Критерии оценки государственной программы	Результат оценки
1	Достижение плановых значений показателей (индикаторов)	90,6% (выше среднего уровня)
2	Эффективность реализации основных мероприятий	93,8 % (выше среднего уровня)
3	Кассовое исполнение расходов федерального бюджета	96,7 % (выше среднего уровня)
4	Эффективность деятельности ответственного исполнителя (Минздрав России)	75,0 % (выше среднего уровня)

Отдельно был рассмотрен Уточненный отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» за 2015 год, который был подготовлен в соответствии с пунктами 31 и 32 Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 588 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2016 г. № 90), и пунктами 76-88 Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации, утвержденных приказом Минэкономразвития России от 20 ноября 2013 г. № 690 [5, 1]. В 2015 году Минздрав России продолжал осуществлять мероприятия по обеспечению системы здравоохранения Российской Федерации медицинскими кадрами на основе программно-целевого метода. Проводимые мероприятия включали реализацию региональных кадровых программ, включающих дифференцированные меры социальной поддержки медицинских работников, в первую очередь наиболее дефицитных специальностей, и направленных на повышение квалификации медицинских кадров, проведение оценки уровня их квалификации, поэтапное устранение дефицита медицинских кадров. На основании анализа сведений о достижении значений показателей (индикаторов) Подпрограммы 7 гос. программы РФ «Развитие здравоохранения» выявлено, что фактически 3 показателя из 7 имеют положительное отклонение (количество подготовленных специалистов по

программам дополнительного медицинского и фармацевтического образования в гос. организациях дополнительного профессионального образования, количество подготовленных специалистов по программам дополнительного медицинского и фармацевтического образования в гос. организациях высшего образования, доля медицинских и фармацевтических специалистов, обучающихся а рамках целевой подготовки для нужд соответствующих субъектов РФ), в 2 показателях отклонения отсутствуют (количество подготовленных специалистов по программам дополнительного медицинского и фармацевтического образования в гос. профессиональных образовательных организациях, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена; количество обучающихся, прошедших подготовку в обучающих симуляционных центрах), в 1 показателе планируемые значения не достигнуты (количество подготовленных медицинских кадров высшей квалификации в интернатуре, ординатуре, аспирантуре по программам подготовки научно-педагогических кадров в гос. организациях дополнительного профессионального образования), и в оставшемся показателе – доля аккредитованных специалистов, началом предоставления данных является 2017 год. Таким образом, реализацию гос. программы в сфере кадрового обеспечения здравоохранения можно признать удовлетворительной.

Причиной успешной реализации данной государственной политики является комплекс предпринятых мер, направленных на комплексное воздействие в медицинской среде как со стороны увеличения количества и качества подготовки медицинских кадров в образовательных учреждениях, профессиональной переподготовки для устранения дисбаланса дефицитных специальностей, повышения заработной платы медицинского персонала, внедрение программ по социальной поддержке, так и путем введение системы непрерывного медицинского образования, влияющей на качество и профессиональную подготовку специалистов [1, 306-312]. Однако, важно отметить сокращение финансирования на реализацию подпрограммы более чем в 2 раза на 2015-2017 годы [2, 2]. Сокращение объема бюджетных ассигнований подпрограммы в 2015 году не отразилось на результатах ее реализации, однако в дальнейшем может иметь тенденцию к снижению фактических показателей.

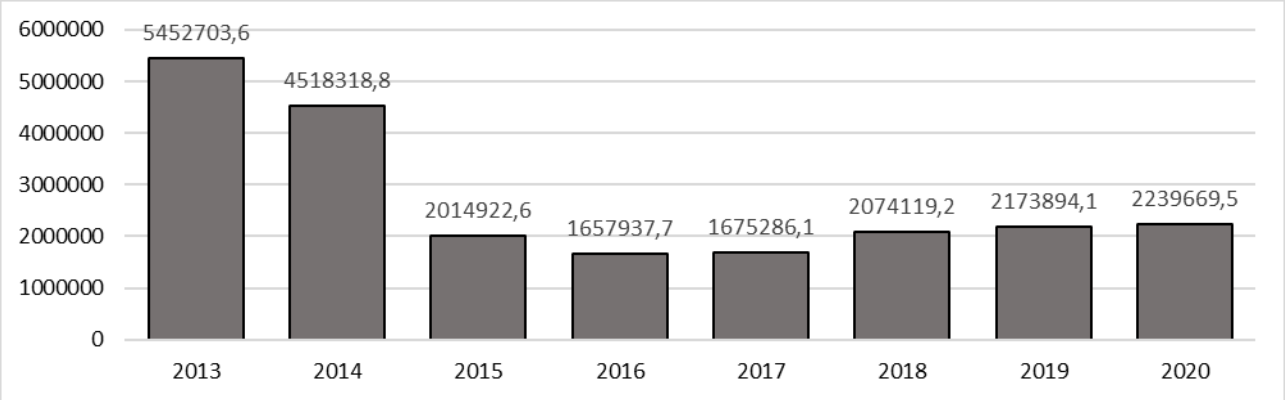


Рис. 1. Объемы бюджетных ассигнований подпрограммы «Кадровое обеспечение системы здравоохранения» [2, 2]

Проанализировав реализацию государственной политики в сфере кадрового обеспечения системы здравоохранения сделан вывод о том, что на настоящий момент успешно реализуются мероприятия, направленные на решение стратегических задач, выявленных Министерством здравоохранения РФ в 2012 году в ходе системного анализа фактического состояния и тенденций, сложившихся в области кадрового обеспечения отрасли (в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года №598 «Совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранени» [3, 1]). На основании сведений о достижении значений показателей государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения", подпрограмм государственной

программы, эффективность реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» в целом и Подпрограммы 7 «Кадровое обеспечение системы здравоохранения» в частности признаются высокими (значение ЭРгп = 0,93), что в свою очередь способствует сохранению и укреплению здоровья населения России.

© Кастромин Р.А., Чевтаева Н.Г. Текст. 2017

Список источников

1. Каграманян И.Н., Семенова Т.В. Отчет о реализации региональных программ кадрового обеспечения системы здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: http://federalbook.ru/files/FSZ/soderghanie/Z_16/Z16-2015-Kagramanyan-Semeno.pdf (дата обращения 10.04.2017).

2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 294 (ред. от 31.03.2017). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

3. О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения: Указ Президента РФ от 07 мая 2012 г. № 598 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2335.

4. Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2015 года [Электронный ресурс] URL: http://government.ru/media/files/cG6nOsmqRzygK01IjvjgXzFxuufA8VPl.pdf (дата обращения 10.04.2017).

5. Уточненный отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» за 2015 год [Электронный ресурс] URL: http://govprograms.ru/Plans2015/ (дата обращения 10.04.2017).

6. Чумаков Б.Н. Валеология: Учеб. пособие. - 2-е изд. испр. и доп. - М.: Педагогическое общество России, 2000 - 407 с.

Информация об авторах

1. Костромин Роман Алексеевич (Россия, Екатеринбург) – магистрант 1 года, Уральский институт управления – филиал Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66), kostromin.r@gmail.com

2. Чевтаева Наталия Геннадьевна (Россия, Екатеринбург) – заведующая кафедрой управления персоналом, д.с.н., профессор, Уральский институт управления – филиал Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66), Che13641@gmail.com

Kostromin R.A., Chevtaeva N.G.

IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE FIELD OF HUMAN RESOURCES OF THE HEALTH SYSTEM AS A MEDICAL AND DEMOGRAPHIC ASPECT OF THE POPULATION HEALTH

The important role in the preservation and strengthening of public health is given to health care. The implementation of the state policy in the sphere of the human resources of the health system is one of the most important medical and demographic aspects of the health status of the population.

Key words – health, public health, public policy, human resources

Information about authors

1. Kostromin Roman Alekseevich (Russia, Yekaterinburg) - magistrant of 1 year, Ural Institute of Management - branch of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation» (620144, Russia, Ekaterinburg, 8 March, 66), kostromin.r@gmail.com

2. Chevtaeva Natalia Gennadievna (Russia, Yekaterinburg) - Head of the Personnel Management Department, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ural Institute of Management - branch of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation» (620144, Russia , G. Ekaterinburg, street 8 March, 66), Che13641@gmail.com

УДК: 338.2

А.В. Мельников

МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ХМАО-ЮГРЫ

Статья посвящена вопросам демографии коренных малочисленных народов Севера, проживающих на западе ХМАО-Югры (Березовский район). Рассматриваются вопросы динамики численности этой группы населения, проблемы здравоохранения, алкоголизма.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, традиционное природопользование, демография, рождаемость, смертность, алкоголизм.

Важнейшая тенденция демографического развития коренных малочисленных народов Севера (КМНС), совпадающая с российскими и мировыми тенденциями, связана с демографическим переходом от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Демографической тенденцией для КМНС в последние десятилетия выступают: снижение показателей рождаемости и смертности, распространение планирования семьи, ряд других демографических процессов. Это, однако, не означает, что данные процессы неизменны. В 80-е годы XX века, например, в связи с мерами демографической политики, направленными на стимулирование рождаемости в стране, совпавшими со структурными особенностями населения того периода, рождаемость повысилась практически во всех регионах России, в том числе и у народов Севера. Вследствие этого у них прослеживался довольно высокий естественный прирост, во многом обусловленный понижением уровня смертности. Но в переломные для России 90-е годы смертность повысилась. Следует отметить, что недоучет в статистике смертей и рождений у северных народов сохраняется и поныне. Тем не менее, исходя из обследований ряда специалистов, заметно относительное благополучие по ряду демографических показателей у коренных народов Севера по сравнению с общероссийской ситуацией. Прирост общей численности аборигенного населения Севера за период между переписями 1959 и 1989 гг. почти в два раза превосходил среднероссийский. У них более чем в два раза был выше уровень рождаемости (в среднем 31,4 на 1000 населения при 14,6 по РФ, а сейчас при резком спаде рождаемости в России с 1992 г. у северных народов этот показатель несколько выше). Поэтому выше и естественный прирост населения: у различных народов Севера — от 5,2 до 29,0 на 1000 населения при 3,9 по РФ [2, 3].

С конца 70-х гг. по конец 80-х гг. средняя ожидаемая продолжительность жизни коренных северян существенно увеличилась (на 10,3 года для обоих полов против 1,8 года по РФ), но все еще была ниже общероссийской, хотя разрыв постепенно сокращается, в том числе и в середине 90-х гг. Положение на Севере было более благоприятным и связано с улучшением медицинского обслуживания населения, что сразу же отразилось на уменьшении смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний. Это же в полной

мере относится и к структуре причин смертности у взрослого населения. Смертность от этих болезней у коренных северян сократилась, но выросла доля смертности от болезней системы кровообращения и от несчастных случаев, что соответствует эпидемиологическому переходу.

За последнее десятилетие по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре общая численность коренных малочисленных народов Севера увеличилась с 30,3 тыс. чел. (2006 г.) до 34,7 тыс. чел. (оценка 2015 г.). Положительный естественный прирост коренных малочисленных народов вырос с +12,1 человека на 1000 населения в 2006 г. до +28,0 человека на 1000 населения в 2014 г., что говорит о положительной тенденции демографических показателей. Рождаемость среди коренного населения автономного округа имеет стойкую тенденцию к увеличению на протяжении многих лет, и в 1,5 раза превышает уровень рождаемости по округу в целом [1]. Данный показатель среди коренных малочисленных народов вырос с 22,0 промилле (родившихся на 1000 населения) в 2005 г. до 31,9 промилле в 2013 г., что в 3 раза выше общероссийских показателей. Показатель общей смертности малочисленных народов снизился: с 10 промилле в 2005 г. до 4 умерших на 1000 населения в 2013 г., что ниже общероссийского в 3 раза и чуть ниже окружного. Естественный прирост коренного населения за период 2005-2013 гг. вырос с 11,8 до 28 человек на 1000 человек населения. Эти показатели значительно выше, чем в целом по Российской Федерации и почти в 2,5 раза выше окружных показателей. Имеет место положительная динамика и по младенческой смертности коренных малочисленных народов: в 2005 г. - 9,2 детей, умерших до 1 года, на 1000 родившихся живыми против данного показателя в 7,5 в 2013 г. (общероссийский показатель - 8,2).

Рассматривая демографическую ситуацию, следует отметить, что недоучет в статистике по северным народам сохраняется и поныне. Тем не менее, исходя из имеющихся данных, заметно относительное благополучие по ряду демографических показателей у коренных народов Севера по сравнению с общероссийской ситуацией.

В западной части Березовского района округа увеличение общей численности населения наблюдалось до начала 1990-х годов. Это было связано с появлением нового населенного пункта (поселок Приполярный) и развитием национального поселка Хулимсунт, обусловленном строительством газопровода в Республику Коми и центральные районы страны и двух газокомпрессорных станций для их обслуживания. В 1980-е гг. здесь наблюдалось увеличение численности населения за счет миграционного притока русскоязычного населения. С середины 1990-х годов начался отток населения с территории в районе села Саранпауль вследствие сокращения объемов геологоразведочных работ на Приполярном Урале. В последующие годы общая численность населения данной территории практически не изменилась. После принятия в 2005 году ФЗ «О принципах организации местного самоуправления в РФ» сельское поселение Саранпауль стало муниципальным образованием, объединившим несколько сел и деревень Березовского района, с административным центром в Саранпауле. В состав сельского поселения Саранпауль вошли такие населенные пункты как Щекурья, Ясунт, Хурумпауль, Хошлог, Ломбовож, Сосьва, Кимкясуй, Сартынья и несколько других. На сегодняшний день численность жителей поселения составляет 4,6 тыс. чел. всего, в том числе 3,1 тыс. чел. в Саранпауле, 0,9 в Сосьве, 0,5 в других населенных пунктах. Этническую разновидность поселения в основном представляют манси, ханты, коми-зыряне, ненцы, русские.

Сельское поселения Саранпауль на сегодняшний день входит в являющийся одним из самых проблемных в округе Березовский район: высокий уровень дотационности бюджета, низкая инфраструктурная обустроенность, значительная безработица и низкие реальные доходы сельского, в первую очередь коренного населения (манси, хантов и ненцев). Перечень проблем Саранпауля включает демографические, этнические, жилищно-коммунального хозяйства, использования биологических и минерально-сырьевых ресурсов, отношений с районом и округом и внутри района с его муниципальными образованиями. Несчастные случаи, отравления и травмы стали основными причинами смертности коренных

северных народов, причем в большинстве случаев это было так или иначе связано с алкоголизмом и пьянством. Именно поэтому наблюдается высокая смертность в трудоспособном возрасте. Сверхвысокая смертность мужчин в трудоспособном возрасте связана с утоплением, замерзанием, отравлением, другими несчастными случаями, суицидами, спровоцированными употреблением алкоголя. Число алкоголезависимых людей в национальных поселках вообще не поддается подсчету. Каждое второе тяжкое и особо тяжкое преступления совершается в состоянии опьянения.

Саранпауль является лидером в районе по уровню детской инвалидности по причинам умственных нарушений (прямой результат алкоголизма родителей, прежде всего беременных женщин) и по уровню детской онкологии. Значительна детская безнадзорность, много детей из неблагополучных семей. В селе много одиноких пожилых людей, для которых необходим социальный приют. Высокий уровень заболеваемости туберкулезом. Сохраняется высокий уровень самоубийств молодых мужчин трудоспособного возраста.

Высокий уровень потребления спиртных напитков в северных регионах России значительно усугубляется спецификой структуры и форм потребления: преобладание крепких спиртных напитков, «ударные дозы», низкое качество вина и водки, значительные объем фальсификатов, недостаточное питание, сопровождающее потребление алкоголя и т. д. Под влиянием указанного обстоятельства и в силу крайне неблагоприятных социально-экономических условий, особенно характерных для северных регионов, а также биологических особенностей северных этносов, последствия неумеренного потребления алкоголя для аборигенных народов оказываются более тяжелыми, а интенсивность их проявлений - более высокой. Приводимые статистические данные не могут быть объективным показателем уровня распространенности пьянства и алкоголизма, поскольку основная часть страдающих этой болезнью не фиксируется никакими службами. Между тем, судя по количеству официально регистрируемых и находящихся под диспансерным наблюдением алкоголиков и наркоманов, можно сделать вывод, что распространение алкоголизма продолжается [4].

Значительной проблемой среди коренных жителей в отдельных районах ХМАО-Югры достигала в 1990 годы явилось заболевание туберкулезом. В связи с отсутствием у местных жителей иммунитета к данному заболеванию оно быстро распространялось до тех пор, пока не были приняты программы по лечению, профилактике и развитию фтизиатрии в округе. Первые положительные сдвиги стали появляться только через несколько лет активной работы медицинских работников и представителей власти. Снизилась заболеваемость, количество запущенных форм и бацилловыделителей. Значительно снизилась и смертность от туберкулеза, первичный выход на инвалидность по фтизиатрии. Снижена и детская заболеваемость, развита прививочная система, ребенок получает ее одним из первых, еще в роддоме, далее ежегодно иммунитет проверяется путем туберкулиновых проб. Дети с виражом подлежат диспансеризации.

Для коренных малочисленных народов Севера характерны показатели преобладания заболеваемости в группе болезней пищеварения. Что связано с краевой патологией описторхозом. На следующем месте стоит заболеваемость органов кровообращения, но она меньше чем в аналогичной группе всего населения. Что также связано с традициями в питании: употребление свежей рыбы, мяса, кедровых орехов и других продуктов, низкое потребление консервантов.

Достаточно высоким является уровень заболеваемости органов дыхания, близок по распространению ко всему населению, что связано с одинаковым воздействием на организмы живущих в условиях Севера холодового фактора.

В последнее время в Саранпауле и его округе остро стоит вопрос с медицинским обслуживанием и лекарственным обеспечением. Постоянно возникает проблема с обеспечением медицинскими кадрами.

Рождаемость у народов Севера тесно взаимосвязана с состоянием семьи и во многом определяется демографическим переходом. В последнее время значительную долю у

коренных народов составляют лица, не состоящие в браке. У женщин это вызвано поздним вступлением в брак и частым вдовством. У мужчин данный процесс дополняется относительно высоким уровнем конечного безбрачия. Основной причиной такого явления, вероятно, служат различия в ориентациях на семью, место работы, что связано с различиями в образовательном уровне (у женщин он выше), в сфере труда (женщины в основном заняты в непроизводительной сфере, мужчины - в традиционных отраслях), зачастую - в местах проживания (женщины — в городах и поселках, мужчины — в тайге, тундре, поселках). Все это в конечном счете приводит к снижению брачности коренных северян-мужчин, к тому, что многие женщины-аборигенки предпочитают браки с приезжими мужчинами. В свою очередь, это ведет к снижению рождаемости, увеличению разводов, причем не только в смешанных семьях.

Таким образом, этносы медленно и постепенно воспринимают привычные для других народов нормы поведения. Уход от работы на оленьих пастбищах, водоемах, охотничьих угодьях прогрессирует. Основная часть этносов предпочитает работать на государственных предприятиях или в акционерных обществах. При этом основная часть коренного населения сохраняет традиционный тип питания и добывает продукты рыбалкой, охотой, сбором дикоросов. Отрицательным следует считать распространенность вредных привычек: высокий уровень алкоголизма населения в том числе женского. Способствует алкоголизму и курению коренного населения высокий уровень безработицы.

В пользу малочисленных народов Севера принимается множество решений: по обеспечению жильем, техническими средствами, в образовании и другие. Но представители малых народов растворены в общей массе населения, что не позволяет эффективно использовать направляемые средства на поддержание этнических групп, сохранение традиций и охрану окружающей среды. Следовательно, необходимо продолжать работу в данном направлении в интересах малочисленных народов.

В 2017-2018 годах в соответствии с государственными программами должна быть продолжена реализация мероприятий по совершенствованию материально-технической базы учреждений социальной сферы, дорожному строительству и стимулированию жилищного строительства, обеспечению благоприятного инвестиционного климата, содействию инновационного развития, развитию института государственно-частного партнерства, по обеспечению гармоничного развития коренных малочисленных народов Севера, по поддержке малого бизнеса, реального сектора экономики, решению кадрового вопроса в медицине и других мероприятий [1].

© Мельников А.В. Текст. 2017

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР Института экономики УрО РАН на 2017-2019 гг. № темы: 0404-2015-0028 МСГЗ ФАНО.

Список источников

1. Государственная программа автономного округа «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2014 – 2020 годы» (Утверждена Постановлением Правительства ХМАО-Югры № 398-п от 03.10.2013 г. (в редакции от 13.01.2017). http://docs.cntd.ru/document/468961118

2. Соколова З.П. Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований / РАН. ин-т этнологии и антропологии им.Н.Н. Миклухо-Маклая. - М., 1994. - с.16-49.

3. Логинов В.Г., Мельников А.В. Трудовые ресурсы и занятость населения ХМАО-Югры: проблемы и перспективы. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. – 78 с.

4. Хайруллина Н.Г. Проблема алкоголизма в среде коренных малочисленных народов севера // Современные проблемы науки и образования. – 2015. № 1 (часть 1). https://science-education.ru/ru/article/view?id=17813

Информация об авторе

Мельников Андрей Васильевич, Россия, г. Екатеринбург, ведущий экономист, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: anvame@mail.ru).

Melnikov A.V.

THE MEDICAL DEMOGRAPHIC ISSUES OF THE INDIGENOUS POPULATION OF THE WESTERN TERRITORIES OF KHMAO-YUGRA

The article is devoted to the demography of indigenous peoples of the North living in the West KHMAO-Yugry (Khanty-Mansiysk district). Addresses issues of population dynamics of this population, health problems, alcoholism.

Keywords: Indigenous peoples of the North, traditional nature management, demography, fertility, mortality, alcoholism.

Information about the author

Melnikov Andrey Vasilievich, Russia, Yekaterinburg, leading economist, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: anvame@mail.ru).

УДК: 613:316.64

М.А. Никулина

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи – актуальная современная проблема. Наблюдается рост значения здоровья как инструментальной ценности, но деятельность по здоровьесбережению носит избирательный характер. По мнению автора, велика роль образовательной среды в обеспечении здоровьесберения молодежи. Статья основана на эмпирических данных социологического исследования.

Ключевые слова: здоровье, образ жизни, здоровый образ жизни, студенческая молодежь.

В условиях снижения показателей здоровья молодежи повышается уровень внимания к здоровому образу жизни студентов. Воспитать у студента жизненную потребность трудиться, желание быть социально активным, совершенствовать свои знания, умение заботиться о здоровье своем и окружающих – одна из главных задач высшей школы [4, с. 164].

А как на самом деле эту задачу решают в вузах? Социологическое исследование «Противоречия и парадоксы социализации студенческой молодежи в условиях транзитивности современного российского общества», проведенное Центром социально-политических исследований Института философии и социально-политических наук ЮФУ (научный руководитель – д.социол.н. В.И. Филоненко) в 2016 г., было направлено на выявление проблем и парадоксов современной модели вузовской социализации в транзитивном социуме. Один из блоков анкеты данного исследования был посвящен анализу отношения студентов к здоровому образу жизни и необходимости его формирования.

Насколько же популярна в настоящее время в студенческой среде идея здорового образа жизни? «Очень популярна», - ответило 55,7% респондентов, 29,7% - считают, что не очень популярна, только 3,9% респондентов утверждают, что совсем не популярна, но 10,7% - затрудняются ответить.

Респонденты-эксперты довольно высоко оценивают сформированность так называемой «воспитывающей среды», т.е. условий, как для развития профессиональной компетентности студентов, так и для их социальной и творческой самореализации. Причем в сельскохозяйственных вузах она сформирована в большей степени по сравнению с естественно-гуманитарными и инженерно-техническими вузами. Настораживает оценка неудовлетворительных условий в естественно-гуманитарных вузах, которая составила 6,3%.

А как оценивают сформированность «воспитывающей среды» студенты вузов? Достаточно равномерно распределились ответы респондентов на довольно сложный вопрос «Согласны ли Вы: Вуз должен дать знания по профессии, а остальное – мировоззрение, образ жизни, стиль поведения – личное дело каждого, никому до этого не должно быть дела?», который в настоящее время снова стал актуальным. С небольшим преимуществом самым популярным ответом стал ответ «Согласен» на всех направлениях подготовки, кроме психолого-педагогических направлений. В большей степени не согласны с этим утверждением студенты сельскохозяйственных и медицинских направлений подготовки – 43,7% и 40,4% соответственно.

Пополам распределилось преимущественное мнение респондентов в зависимости от направления подготовки на вопрос о содержании учебных занятий. Студенты социально-гуманитарных, психолого-педагогических, сельскохозяйственных, медицинских направлений подготовки более чем в 50% считают, что большинство преподавателей, кроме профессионально-учебных вопросов, на занятиях обсуждают и мировоззренческие проблемы, обращаются к вопросам профессиональной этики, ценностям духовной культуры, гражданским чувств. Студенческая молодежь естественнонаучных, инженерно-технологических, экономических направлений подготовки и архитектуры и дизайна в большинстве своем констатирует, что меньшинство преподавателей кроме профессионально-учебных вопросов, на занятиях обсуждают и мировоззренческие проблемы, обращаются к вопросам профессиональной этики, ценностям духовной культуры, гражданским чувств.

Определенный процент респондентов считают, что дисциплины социально-гуманитарного цикла могут быть полезны в определении нравственного, правового, идеологического выбора. Самый высокий процент такого мнения дан студентами-медиками - 30,7%, а вот самый низкий – студентами психолого-педагогических направлений подготовки - 17,7%. Разница в 1,7 раза при ответе на этот вопрос показывает еще одну проблему. Через 1-3 года эти студенты пойдут сами в аудитории, но уже в роли преподавателей. Эта проблема усиливается и результатами еще одного варианта ответа на этот же вопрос. Дисциплины социально-гуманитарного цикла могут быть полезны для формирования мировоззрения, гражданской позиции – так считает 44,8% будущих архитекторов и дизайнеров (это самый высокий процент) и 26,4% будущих педагогов и психологов.

Проведенный краткий социологический анализ проблем формирования здорового образа жизни студенческой молодежи позволяет определить перспективные социализационные траектории студентов в пространстве вузов, формирующие самосохранительное поведение: пропаганда здорового образа жизни и предупреждение негативного влияния вредных привычек, разработка социальных проектов, проведение кампаний, конкурсов; организация в вузах научно-методических профилактических семинаров, бесед, лекций о пользе здорового образа жизни и пагубности вредных привычек; разработка механизма социальных воздействий на образ жизни студентов в рамках обществоведческих дисциплин, на занятиях физической культурой и предмету «Культура здоровья».

© Никулина М.А. Текст. 2017

Список источников

1. Белова Н.И. Парадоксы здорового образа жизни учащейся молодежи // Социологические исследования. - 2008. - № 4. - С. 84–86.

2. Никулина М.А. Биоэтика и социология: институциональный диалог: монография / М. А. Никулина; Южный федеральный университет. - Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015. - 368 с.

3. Патраков Э.В., Токарская Л.В., Гущин О.В. Доступная образовательная среда как фактор социальной ответственности вуза / Э. В. Патраков, Л. В. Токарская, О. В. Гущин; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т, Центр социальной работы, кафедра социальной безопасности ФТИ, Департамент психологии ИСПН. Монография. - Екатеринбург: УрФУ, 2015. - 184 с.

4. Страхова И.Б. Валеологическое образование как фактор восстановления здоровья студентов // Интерэкспо Гео-Сибирь. - 2014. - Т.6. - Выпуск 2. - С.164-169.

5. Tartakovsky, E., Patrakov E., Nikulina M. Motivational goals, group identifications, and psychosocial adjustment of returning migrants: the case of jews returning to Russia. International Journal of Psychology. – 2016. - DOI: 10.1002/ijop.12291. URL: http://www.iupsys.net/app/journal/article/10.1002/ijop.12291/abstract (accessed 27.02.2017).

Информация об авторе

Никулина Марина Алексеевна (г. Ростов-на-Дону, Россия) – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных технологий Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42. E-mail: nikulina_marina@mail.ru

Nikulina M. A.

HEALTHY LIFESTYLE OF MODERN STUDENT'S YOUTH (EXPERIENCE OF THE SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Formation of a healthy lifestyle of student is youth – an urgent modern problem. Growth of value of health as tool value is observed, but activities for a health saving have selective character. According to the author, the role of the educational environment in providing a health preservation of youth is big. Article is based on empirical data of a sociological research.

Keywords: health, way of life, healthy lifestyle, student's youth.

Information about the author

Nikulina Marina (Rostov-on-Don, Russia) - candidate of philosophical Sciences, Department of Social Technologies Institute of Philosophy and Social and Political Studies, South Federal University,. 105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia. E-mail: nikulina_marina@mail.ru

УДК: 314.1

Новоселова Е.Н.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЯ И САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена анализу социально-демографических факторов здоровья и здоровьезбережения населения России. Автор рассматривает влияние на состояние здоровья и отношение к нему таких демографических характеристик как пол, возраст, уровень образования, семейное положение и состав семьи.

Ключевые слова: здоровье, самосохранительное поведение, самооценка здоровья, здоровый образ жизни.

В современных социально-демографических условиях, когда общая численность трудоспособного населения сокращается, растет средний возраст россиянина и население стареет особенно важными становятся вопросы сохранения здоровья населения России т.к. здоровье является одной из главных составляющей человеческого капитала, неотъемлемой частью общественного богатства, фактором национальной безопасности и экономической стабильности, необходимым условием развития государства.

Здоровье - одна из существенных характеристик народонаселения. На сегодняшний день вызывает серьезное беспокойство тот факт, что в динамике здоровья населения России наблюдается нисходящий тренд, а проблемы здоровья передвигаются из более старших возрастных групп к детям и молодежи, что безусловно «противоречит естественным процессам развития человека, когда потери здоровья происходят постепенно, с наступлением старших возрастов» [10]. По данным некоторых исследований численность дошкольников, являющихся практически здоровыми не превышает 10%, у 70% детей имеются множественные функциональные нарушения, за последние десять лет среди дошкольников 2,7 раза (с 15,6 до 5,7%) сократилась численность детей с 1-ой группой здоровья, при этом численность 3-й группы увеличилась в 2,3 раза (с 11,8 до 26,9%) [См.: 9]. Реальное состояние детей еще хуже, чем официальные данные, что может привести к серьезным негативным изменениям качества жизни населения, кроме того в условиях, когда большая часть населения не здорова решить такие демографические задачи как снижение смертности и увеличение рождаемости практически невозможно.

Не вызывает сомнения тот факт, что здоровье новых поколений в немалой степени зависит от состояния здоровья родителей, и вот тут-то и возникает феномен, который Н.М. Римашевская назвала «социальной воронкой» нездоровья [См.:11], когда больные рожают больных, что чревато все более серьезным ухудшение ситуации и падением качества человеческого потенциала в будущем, т.к. сегодняшние больные дети не смогут произвести на свет здоровое поколение. Этот факт делает крайне актуальным исследования, направленные на изучения здоровья, продолжительности и качества жизни населения репродуктивного возраста, будущих и сегодняшних родителей, т.к. именно данная категория населения не только воспроизводит новые поколения, но и формируют у молодежи отношение к здоровью, культуру здоровья, которая является неотъемлемой частью общей культуры человека и формируется в течение всей его жизни. Культура здоровья «подразумевает как определенную систему знаний о здоровье и систему ценностных ориентаций по его поддержанию, так и соответствующее поведение по его сохранению и укреплению, основанное на приобретенных в процессе воспитания нравственных началах» [5]. Таким образом, культура здоровья предполагает здоровьесбережение, т.е. активность людей, направленную на улучшение и сохранение здоровья.

Здоровье человека характеризуется гармоничным физическим, психическим и интеллектуальным развитием, и «не может сводиться лишь к констатации отсутствия болезней, недомогания, дискомфорта, оно – состояние, которое позволяет человеку вести нестесненную в своей свободе жизнь, полноценно выполнять свойственные человеку функции…вести здоровый образ жизни, т.е. испытывать душевное, физическое и социальное благополучие» [4].

Здоровье человека - это результат взаимодействия медико-биологических, социально-экономических и демографических факторов. Доля влияния условий и образа жизни на здоровье человека в современном мире около 50%, генетики и биологии человека чуть больше 20%, окружающей среды - 17-20%, здравоохранения около 10% [См.: 3]. Таким образом, на сегодняшний день здоровье определяется не только и не столько уровнем развития медицины, экологией и генетикой, сколько повседневными практиками самосохранительного поведения, профилактическими мероприятиями, направленными на

сохранение здоровья, т.е. условиями и образом жизни. Образ жизни в свою очередь зависит от ряда характеристик, в том числе: социально-демографических, таких как пол, возраст, образование и т.п., социально-экономических - материальное положение, жилищные условия и т.п., поведенческих - наличие/отсутствие вредных привычек, забота о собственном здоровье или ее отсутствие и т.п.

Единого общепринятого термина, обозначающего поведение, направленное на сохранение и укрепление здоровья, в настоящее время не существует. В российской науке чаще всего «используется понятие «самосохранительное поведение», в западной – «здоровое поведение», «поведение, связанное со здоровьем», «здоровые стили жизни» [8]. В нашей стране впервые термин «самосохранительное поведение» использовал А.И. Антонов в конце 1970-х гг. для описания «системы действий и отношений, направленных на сохранение здоровья в течении полного жизненного цикла, на продление срока жизни в пределах этого цикла» [13]. Отношение индивида к своему здоровью является одним из важнейших элементов самосохранительного поведения. Крайне важно, чтобы население России осознало необходимость заботы о своем здоровье, привыкло к той простой аксиоме, что забота о здоровье должна стать повседневной практикой самосохранительного поведения, некой жизненной стратегией, привычкой здорового образа жизни.

Одним из важнейших факторов, влияющих на здоровья человека являются его родители, его семейное окружение, т.к. здоровье имеет особую зависимость от среды, в которой живет человек. Семья определяет отношение личности к своему здоровью, прививает поведенческие стереотипы, влияющие на составляющие образ жизни человека воздействующие на его здоровье: наличие/отсутствие вредных привычек, вовлеченность в занятие спортом, привычки в питании, отношение к профилактике и лечению заболеваний, взгляд на все другие составляющие здорового образа жизни.

Понятие здорового образа жизни определяется по-разному, в данной статье мы будем исходить из того, что ЗОЖ - это «набор индивидуальных практик, норм и личных поведенческих установок, ведущих к улучшению или ухудшению здоровья» [2]. Безответственное поведение родителей в отношении своего здоровья (курение, чрезмерное употребление алкоголя, неправильное питание, пренебрежение гигиеной, безразличное отношение к физкультуре и спорту и т.д.) может служить серьезным фактором, пагубно влияющим на здоровье детей.

На сегодняшний день родители довольно серьёзно ограничены в средствах укрепления и сохранения здоровья ребенка в семье, причина этого в следующем: у современных родителей не всегда хватает времени на общение с детьми, а иногда и на заботу о их здоровье; родители не всегда обладают достаточными знаниями для воспитания культуры здоровья у ребенка, т.к. культура заботы о собственном здоровье в современной России практически отсутствует; не все родители умеют беречь свое собственное здоровье и, следовательно, не приучают к этому детей.

В основу данной статьи положено исследование кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Института социологии РАН, и Научно-исследовательского центра ФАП и ЦНС проведенное в 2015 году. Основными респондентами выступали женщины репродуктивного возраста, имеющие несовершеннолетних детей (328 респонденток). Для освещения некоторых вопросов были задействованы данные Фонда Общественное Мнение, Всероссийского центра изучения общественного мнения и Всемирной организации здравоохранения относительно здоровья населения России.

Основной акцент в статье сделан на изучении состояния здоровья женщин репродуктивного возраста, а особенно матерей несовершеннолетних детей т.к. роль матери в развитии ребенка несомненно крайне серьезна и важна, «наличие матери в самом начале жизни предопределяет существование ребенка в целом» [Цит. по: 7], здоровье матери – залог здоровья детей, а здоровые дети – залог здорового, счастливого и успешного общества, оно «определяет будущее страны, генофонд нации, научный и экономический потенциал

общества и наряду с другими демографическими показателями является чутким барометром социально-демографического развития страны» [14].

В нашем исследовании мы попытались выяснить собственные оценки и представления женщин репродуктивного возраста о своем здоровье, зафиксировать факты и обстоятельства, которые на эти оценки влияют. Самооценка «здоровья – это оценка индивидом своего физического и психического состояния, ключевой показатель отношения к здоровью» [1]. Еще Гиппократ определял здоровье как субъективно-психологическое ощущение. По данным отечественных и зарубежных исследований самооценка людьми своего здоровья является показателем, довольно явно коррелирующем с реальными показателями здоровья [См.: 6]. Метод самооценок здоровья признан учеными достаточно надежным и рекомендован ВОЗ для мониторинга здоровья. Самооценка здоровья включает в себя как наличие или отсутствия заболеваний, так и психологическое благополучие в целом [15].

Рассмотрим самооценки здоровья нашими респондентами в связке с такими демографическими характеристиками как пол, возраст, уровень образования, семейное положение и состав семьи.

1. *Пол и здоровье, гендерный парадокс здоровья.* Напомним, что в нашем исследовании респондентами выступали женщины репродуктивного возраста, а по данным многих социолого-демографических исследований женщины всегда несколько ниже оценивают состояние своего здоровья и это при том, что в реальности продолжительность предстоящий жизни у российских мужчин значительно ниже чем у женщин: продолжительность жизни российских женщин в 2015 г. достигла своего исторического максимума - 76,5 года, тогда как продолжительность жизни мужчин составила - 65,1 года.

Итак, считая здоровье необходимым условием полноты жизни и благополучие (47,7% полагают, что здоровье главная жизненная ценность), безусловным благом и необходимым элементом счастья (64%), наши респондентки, по большей части, воспринимают его лишь как отсутствие болезней, игнорируя взаимосвязь физического, психического и социального благополучия. Большинство респондентов оценили свое здоровье как удовлетворительное - 53,8%, чуть больше трети определили его как хорошее - 35,4% и 1,5% назвали его плохим. То, что только треть нами опрошенных оценили свое здоровье как хорошее - крайне невысокий показатель в контексте высокой значимости здоровья. При этом, всего 30% респондентов регулярно заботятся о своем здоровье, 38,5% вообще не уделяют времени своему здоровью, 32,6% уделяют до 15 минут в день и лишь 13% уделяют своему здоровью около часа в день.

2. *Возраст и самооценки здоровья.* Вполне естественно, что более всего удовлетворена своим здоровьем наиболее молодая группа наших респонденток 18-30 лет, среди них около 45,8% считают свое здоровье хорошим, и никто не назвал свое здоровье плохим. Возраст и самооценка здоровья находятся в обратной зависимости, количество негативных самооценок с возрастом увеличивается, а положительных уменьшается. При этом наибольшую заботу о своем здоровье проявляю лица крайних возрастных групп 18-30 и 46-60 лет, люди, находящиеся в промежутке между этими возрастными группами, заботятся о здоровье лишь иногда и либо не уделяют ему времени вообще (42,4%), либо уделяют ему не более 15 минут в день (35,6%). Согласно нашему исследованию основная причина, которой респонденты объясняют свое невнимание к собственному здоровью – отсутствие времени (40%).

3. *Уровень образования и здоровье.* Данные нашего исследования лишний раз подтверждают наличие прямой зависимости между уровнем образованием и здоровьем. Так, 43% опрошенных нами женщин, имеющих высшее образование, оценивают состояние своего здоровья как хорошее, среди имеющих среднее общее образование таких 25%, средне специальное – 29%, незаконченное высшее 29%. При этом 98% респонденток с высшим образованием считают, что именно усилия самого человека в наибольшей степени влияют на состояние его здоровья, и 90%, что человек сам хозяин своей судьбы и его действия влияют на то, как складывается его жизнь.

Современные исследования показывают, что люди с различной степенью утраты здоровья имеют неодинаковый уровень образования, причем зависимость эта обратная. Продолжительность жизни же прямо пропорциональна уровню образования человека. И. Денисова на основании данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения продемонстрировала, что высшее образование, при прочих равных условиях, снижает риск смертности на 40%. Каждый дополнительный год образования дает 9% сокращение смертности у мужчин и 7% у женщин. Западные ученые оценили эффекты уровня образования таким образом, что каждый дополнительный год образования снижает вероятность курения и злоупотребления алкоголем [2], что в свою очередь снижает заболеваемость и смертность.

4. *Влияние состав семьи и брачного статуса респондентов на здоровье*. По данным многих исследований именно данный показатель, наряду с доходами семьи и уровнем образования ее членов оказывает наибольшее влияние на состояние здоровья супругов и детей. Наше исследование показало, что матери в неполных семьях оценивают свое здоровье хуже, чем женщины, имеющие мужей. 37,9% женщин, состоящих в зарегистрированном браке, оценили свое здоровье как хорошее, в то время как среди разведенных и разошедшихся данный процент значительно ниже и составляет – 25%. Влияет семейное положение респонденток и на оценку ими состояния здоровья детей – среди состоящих в браке лишь 7% не удовлетворены состоянием здоровья своих детей, в то время как среди разведенных данный процент более чем в два раза выше и составляет - 16,7%.

А влияет ли детность семьи на здоровье ее членов? Наше исследование показало, незначительное влияние количества детей на самооценки матери в отношении своего здоровья. Многодетные матери более склонны считать свое здоровье удовлетворительным (64%), нежели хорошим (35,5%), в то время как одно-двухдетные родительницы считают здоровье хорошим несколько чаще 41%, однако плохим свое здоровье не посчитала ни одна из опрошенных нами многодетных матерей, а вот среди малодетных таковым его считают почти 5% респонденток. При этом, в целом, многодетные больше удовлетворены своим здоровьем - 55,75%, нежели малодетные - 39,75%. Что касается ситуации с оценкой состояния здоровья детей, то более 80% матерей любой детности оно устраивает, с той лишь разницей, что среди малодетных несколько больше полностью удовлетворенных здоровьем собственных чад - 32%, в то время как среди многодетных таких 24% остальные 64% многодетных мам удовлетворены здоровьем детей частично.

Как было отмечено выше, наибольшее влияние на здоровье человека влияет его образ жизни, т.е. то, как он о своем здоровье заботится, и здесь важно определиться с тем, что такое забота о здоровье и что вкладывают в это понятие россияне. Большинство наших соотечественников подразумевают под заботой о здоровье прием витаминов и лекарств, лечение уже существующих болезней. Лишь 13% занимаются спортом, 11% - следят за питанием, 9% - ведут активный, здоровый образ жизни, много ходят, гуляют на свежем воздухе, 9% - избегают вредных привычек или стараются от них избавиться. Получается, что «здоровье ценно и значимо, но к мерам для его поддержания большинство россиян обращаются в случае безысходности здоровый образ жизни - это хорошо, но ведут его не многие» [12].

Воспитание ценностного отношения к здоровью - сложный и длительный социальный процесс, являющийся важнейшей задачей государства, органов здравоохранения, социальной защиты, образования. Многие факторы влияющих на состояние здоровья населения, являются управляемыми, и влиять на эти факторы должен как сам человек, так и общественные институты и организации, усилия которых должны быть направленны не только на диагностику и лечение, что безусловно очень важно, но и на профилактику заболеваний, в противном случае попытки улучшить общественное здоровье и качество жизни населения превратятся в весьма малоэффективные.

© Новоселова Е.Н. Текст. 2017

Список источников

1. Здоровье студентов: социологический анализ. / Отв. ред. И.В. Журавлева; Институт социологии РАН. – М., 2012.

2. Колосницына М., Ситдиков М. Макродетерминанты здорового образа жизни// Мировая экономика и международные отношения, 2012, №2.

3. Ларионов В.Г., Чернова Д.В. Значение экологи городов в формировании здоровья населения // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. 9(107).

4. Лисицин Ю.П., Сахно А.В. Здоровье человека - социальная ценность. 1988.

5. Максимов В.С., Лепихина Т.Л. Факторы эффективной жизнедеятельности студента и их влияние на здоровье // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2017. №1 С.46.

6. Мороз И.Н., Плахотя Л.П. Некоторые медико-социальные аспекты репродуктивного здоровья мужчин // Беларусь: 10 лет после Каирской международной конференции понародонаселению и развитию: тезисы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 27–29 ноября 2003 г.) / ЮНФПА, Мин. труда и соцзащиты РБ. Минск, 2003.

7. Мунтазири Ниййа К проблеме связи между формированием привязанности у детей и здоровьем матери // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4.

8. Ображей О. Н., Подвальская В. С. Актуальность изучения самосохранительного поведения населения // Социологический альманах. 2010. №1.

9. Параничева Т. М., Тюрина Е. В. Динамика состояния здоровья детей дошкольного и младшего школьного возраста // Новые исследования. 2012. №4 (33).

10. Римашевская Н.М. Русский крест // Природа. №6. 1999.

11. Римашевская Н.М. Модернизация России: здоровье россиян и демографическая ситуация // Демоскоп Weekly. № 509 – 510. 2012. URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0509/nauka02.php#1

12. Ситникова С.В. Аксиологические аспекты здоровья современного горожанина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. Выпуск № 4. том 14. 2014.

13. Социология семьи // Под ред. А.И. Антонова. М. 2005.

14. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда. 2010.

15. Шабунова А.А., Шухатович В.Р., Корчагина П.С. Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. №3. 2013.

Информация об авторе

Новоселова Елена Николаевна - кандидат социологических наук, доцент, Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра социологии семьи и демографии, alena_n_@mail.ru, 119 234, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, Социологический факультет

Novoselova E.N.

SOCIO-DEMOGRAPHIC FACTORS OF HEALTH AND SELF-PRESERVING BEHAVIOUR

The article is devoted to the analysis of socio-demographic factors of health and health-preservation among Russian population. The author examines such demographic characteristics as gender, age, level of education, marital status and family composition and their impact on health.

Key words: *health, self-preserving behavior, self-preservation of health, healthy lifestyle.*

Information about the author

Novoselova Elena Nikolaevna - Associate professor, PhD in Sociology, Moscow State University. University, Department of Sociology, Moscow, Russia, Lenin gory, MSU, 1. p. 33, Department of Sociology, alena_n_@mail.ru

УДК: 614.1:314.3/.4

Н.В. Ножкина, Т.В. Зарипова

ПРИЧИНЫ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПОТЕРЬ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлены результаты анализа ситуации по искусственным и самопроизвольным абортам, мертворождаемости младенческой и материнской смертности в Свердловской области за 2007-2015 годы. Установлены современные особенности структуры причин смерти в зависимости от срока рождения.

Ключевые слова: репродуктивные потери, прерывание беременности, мертворождаемость, материнская смертность, младенческая смертность

Введение. Целью демографической политики Российской Федерации является создание условий для роста численности населения [4, ст. 3.]. Благодаря реализуемым мероприятиям по повышению рождаемости и снижению смертности к 2012 году удалось добиться положительного естественного прироста. Однако в условиях нарастающего демографического кризиса по прогнозам ожидается снижение рождаемости [2, с.245], в связи с чем повышается актуальность сохранения беременностей и жизни родившихся детей.

Репродуктивные потери принципиально отличаются от смертности других возрастных групп, поскольку не рожденные дети и умершие младенцы являются безвозвратной потерей человеческого капитала [6, с.154]. При этом уровень и структура репродуктивных потерь являются интегральным критерием оценки качества жизни населения и медицинской помощи [3], что требует их оценки для разработки мероприятий по решению данной проблемы.

Цель исследования – изучить современные региональные особенности причин репродуктивных потерь в Свердловской области.

Материалы и методы исследования. Исследование проведено ретроспективно за 2007-2015гг. Использованы методы эпидемиологического анализа, статистический. Источниками информации служили отчетные формы Федерального статистического наблюдения №13 и №32, информационные бюллетени и справочные материалы Министерства здравоохранения Свердловской области» (всего 25 статистических документов), данные Федеральной службы государственной статистики и Управления по Свердловской области (http://www.gks.ru). К репродуктивным потерям отнесены потери продуктов зачатия (беременностей) на всех этапах развития плода, мертворождения, а также случаи материнской смерти и смерти детей первого года жизни [1; 3; 6, с. 154]. Статистическая обработка проводилась в программе Microsoft Excel, оценка достоверности по критериям Стьюдента и хи-квадрат.

Результаты исследования. В Свердловской области за изученный период репродуктивными потерями завершились 37,3% беременностей, а их частота в 2015 году составила 31,6 на 1000 женщин фертильного возраста. В основном они происходят в первом триместре беременности – 93,9%, реже – во втором (4,1%), третьем (1,1%) и 0,9% составляют потери родившихся в первый год жизни. За последние годы при относительно стабильном уровне рождаемости - в период 2012-2015 годы 14,4±0,08 на 1000 населения, величина репродуктивных потерь на 100 беременностей с 2011 года снизилась в 1,2 раза ($p<0,001$), а удельный вес беременностей, завершившихся родами, повысился в 1,15 раз ($p<0,001$).

В структуре репродуктивных потерь 69,3% составляет искусственное прерывание беременности по желанию женщины и 23,9% - самопроизвольные аборты; удельный вес неутонченных абортов - 3,2%, по медицинским показаниям – 1,6%, мертворождений – 1,1%, смерти детей до достижения возраста 1 года – 0,9%.

Медицинскими абортами по желанию женщины в настоящее время прерывается 25,9% беременностей. Благодаря реализации комплекса мер профилактики, наблюдается снижение частоты этого вида абортов с 2011 по 2015 годы в 1,4 раза - до 21,9 на 1000 женщин фертильного возраста (p<0,001), что обратно коррелирует с охватом женщин оральной контрацепцией – в 2015 году 19,9% (r = - 0,80). В результате показатель среднего числа легальных абортов в жизни женщины (рассчитан с учетом повозрастной частоты абортов по данным ф.№13 и сведений официальной статистики по численности женщин соответствующего возраста) снизился с 1,2 до 0,75, соответственно (p<0,001), что свидетельствует о постепенном снижении роли аборта как средства контрацепции.

Увеличивается частота применения щадящих методик прерывания беременности: в ранние сроки (при задержке менструации не более 20 дней) - до 54,3% (в 1,4 раза, p<0,001), медикаментозного метода – до 35,4% (в 16,1 раза) по сравнению с 2,2% в 2011 г. (p<0,001), что может указывать на повышение уровня медицинской грамотности женщин. Об этом же свидетельствует практически отсутствие с 2012 года медицинских абортов по социальным показаниям (0-1 случая в год) и криминальных абортов - 2 случая по сравнению с 36 в 2007 г.

В возрастной структуре пациенток, завершивших беременность абортом по желанию, в 2015 г. более половины (54,2%) составили женщины в возрасте 25-34 лет и 21,0% - до 24 лет. Как представлено на рисунке 1, частота этого вида абортов наиболее высока в возрастной группе с 20 до 34 лет – более 32 на 1000 женщин, где прерывается каждая четвертая беременность. В группах 35 лет и старше и 15-19-лет частота абортов меньше, однако прерывается каждая третья беременность, а в 40 лет и старше - каждая вторая .

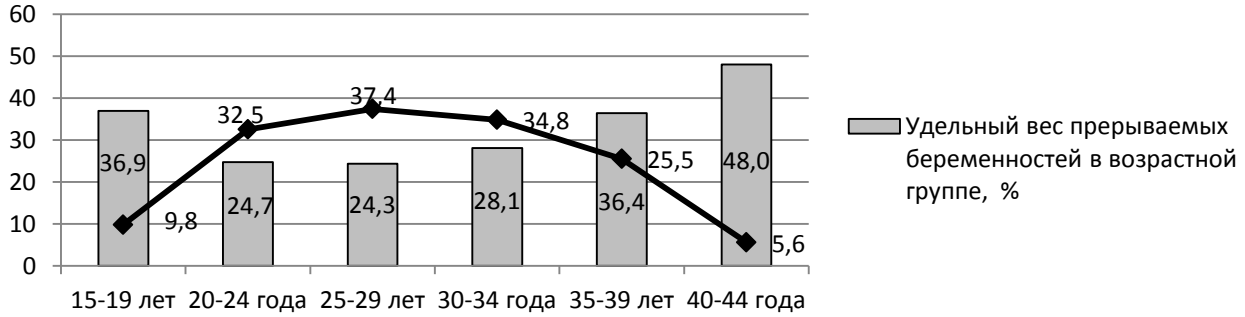


Рис. 1. Повозрастные показатели частоты и удельного веса абортов по желанию женщины, 2015 год

Снижение частоты легальных абортов более характерно для молодежи: в группе 15-19 лет – в 2,0 раза по сравнению с 2011 годом (до 9,8 на 1000 женщин, p<0,001), 20-24 года – в 1,5 раза (до 34,8‰, p<0,001). В результате доля молодых женщин в возрасте до 24 лет в структуре решивших прервать беременность сократилась в 1,4 раза (p<0,001).

В Свердловской области ежегодно увеличивается число беременностей среди женщин с ВИЧ-инфекцией – за анализируемый период на 43,4%. Эта группа беременных характеризуется меньшим социальным благополучием [5], однако благодаря целенаправленной профилактической работе среди них удалось добиться более выраженного снижения частоты абортов, чем в общей популяции. Так, доля прерванных беременностей среди женщин с ВИЧ-инфекцией в 2011 году не отличалась от общей популяции, а в последующие годы снижалась более выраженными темпами – в 1,4 раза по сравнению с 1,2 раза в общей популяции женщин (p<0,001).

Частота искусственного прерывания беременности по медицинским показаниям также снижается, но менее быстрыми темпами – за 2011-2015 годы на 14,3% до уровня 0,49 на 1000 женщин фертильного возраста (p<0,05). С возрастом их доля увеличивается – если среди

женщин 15-29 лет этим методом было прервано 0,47% беременностей, то в возрасте старше 40 лет - 0,87%, а старше 45 лет – 1,2% (p<0,01). К аборту по медицинским показаниям чаще прибегают в сроки гестации 12-21 недели (84,1%) и в 69,6% случаев – по причине выявления врожденных пороков развития (ВПР) плода. Благодаря улучшению антенатальной диагностики, повысилась доля пороков, диагностированных в сроки до 22 недель - в 2012-2015 гг. в среднем 58,9±0,6% по сравнению с 51,2% в 2011 г. (p<0,01). В результате частота прерывания беременностей вследствие ВПР повысилась в 1,4 раза по сравнению с 2011 г. (до 0,34 на 1000 женщин фертильного возраста, p<0,001), а частота ВПР у родившихся детей снизилась в 1,2 раза по сравнению с 2013 г. (до 24,9 на 1000 новорожденных, p<0,001).

Самопроизвольными абортами завершается 12,2±0,7% беременностей, которые планировалось завершить родами, в большинстве случаев в первом триместре (88,5±1,8%). С возрастом самопроизвольное прерывание беременности происходит чаще – 12,5% среди женщин 35 лет и старше по сравнению с 6,9% среди 20-24-летних женщин (p<0,001). Сокращение доли беременностей, осложненных угрозой прерывания в сроки до 22 недель (12,1% в 2011 году до 8,8% в 2015 году), привело к снижению частоты самопроизвольных абортов до 7,5 на 1000 женщин фертильного возраста (на 13,3%, p<0,001).

Случаи материнской смертности в Свердловской области единичны – в период 2012-2015 гг. 6,8±1,5 случаев в год. Материнская смертность снизилась с 33,0 в 2008 г. до 9,6 на 100 тысяч живорожденных в 2015 г. (p<0,01). Среди женщин, умерших от причин, связанных с беременностью, в 2012-2015 гг. 77,8% умерли после 22 недель, от акушерской патологии 86,7%. Сохраняются случаи смерти после абортов – 5 человек за 2012-2015 гг. (18,5% от числа умерших женщин); летальность после аборта составила 0,0025%.

Рождением мертвого ребенка в 2015 г. завершилось 0,66% родов. За анализируемый период показатель мертворождаемости имеет волнообразную динамику. С 2007 по 2011 гг. наблюдалось снижение показателя с 5,2 до 4,1 на 1000 родившихся живыми и мертвыми (p<0,01). С введением новых критериев живорождения в 2012 году показатель вырос до 5,8‰, и в течение последующих лет находится на уровне 6,0±0,3‰ без существенной динамики, что сопоставимо с общероссийским показателем (в 2014 году 6,0‰.). По данным 2015 года, дети, родившиеся мертвыми, в 89,9% случаев погибают внутриутробно до начала родовой деятельности, и только 10,1% - в процессе родов. Уровень мертворождаемости выше среди недоношенных детей: 39,2% на 1000 родившихся живыми и мертвыми в срок от 28 до 37 недель и 317,7‰ - в срок менее 28 недель по сравнению с 1,9‰ среди доношенных детей (p<0,001). Риск гибели во время родов зависит от срока гестации: при рождении в 28-37 недель риск по сравнению с доношенными детьми повышается в 7,6 раз, в 22-28 недель – в 287,8 раз, а если масса ребенка не достигла 749 грамм, то в 471,3 раз (p<0,001).

Показатели смертности детей в возрасте до года в Свердловской области имеют положительную динамику. В 2012 году после введения новых критериев живорождения произошел рост показателей за счет включения в статистику глубоко недоношенных детей, однако к настоящему времени по большинству показателей удалось добиться снижения до уровня 2011 года и даже ниже (рисунок 2).

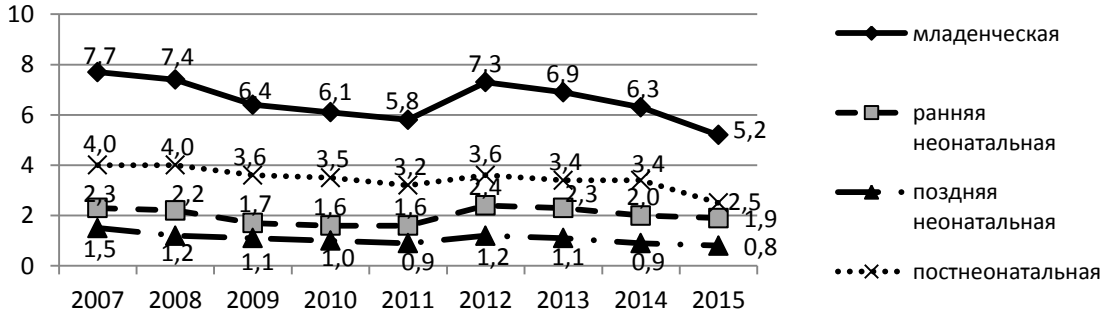


Рис. 2. Динамика показателей младенческой смертности за 2007-2015 годы, на 1000 родившихся живыми.

Так, младенческая смертность с 2012 по 2015 год сократилась в 1,4 раза – до 5,2 на 1000 родившихся живыми (p<0,001), что в 1,15% ниже 2011 года и в 1,25 раз ниже по сравнению с общероссийским показателем (6,5‰, p<0,001). Неонатальная смертность (0-27 суток после рождения) за аналогичный период также сократилась в 1,4 раза – до 2,7‰ (p<0,01); снижение наблюдается как за счет ранней (в 1,3 раза), так и за счет поздней (в 1,5 раза) неонетальной смертности. Постнеонатальная смертность (28 суток – 1 год после рождения) достигла 2,5‰, что в 1,4 раза ниже уровня 2012 года (p<0,001) и в 1,3 раза ниже уровня 2011 года (p<0,05).

В структуре младенческой смертности 51,9% занимает неонатальная, в том числе 36,5% - ранняя неонатальная (0-6 суток после рождения). В Свердловской области удалось добиться более выраженного снижения ранней неонатальной смертности по сравнению с Россией в целом – в 2014 году 2,0‰ по сравнению с 2,8‰ (p<0,001). Уровень ранней неонатальной смертности среди недоношенных детей значительно выше по сравнению с доношенными: среди родившихся в сроке беременности 28-37 недель – в 8,3 раз (9,9‰), в 22-27 недель – в 161,4 раз (194,9‰) по сравнению с 1,2‰ среди доношенных детей (p<0,001). Среди недоношенных детей 43,0% умерших на первой неделе жизни умирают в первые сутки после рождения по сравнению с 24,2% среди доношенных детей (p<0,001).

Среди причин младенческой смертности в 2015 году почти половину составили отдельные состояния перинатального периода (46,2%), на втором месте – травмы и отравления – 17,3%, на третьем – врожденные аномалии – 15,4% (рисунок 3). Негативным фактором является высокая доля в структуре случаев смерти детей до 1 года внешних причин - 17,3% по сравнению с 5,5% в Российской Федерации в целом (p<0,001).

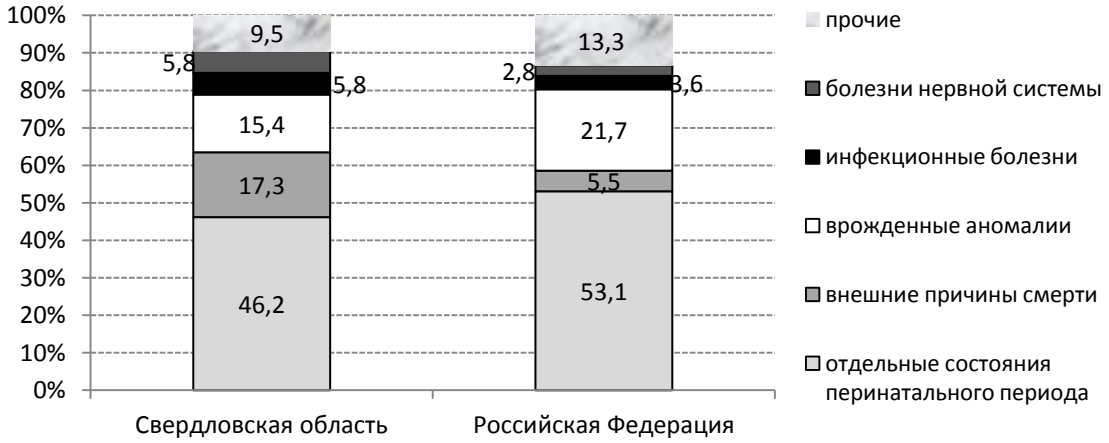


Рис. 3. Структура причин младенческой смертности в Свердловской области и Российской Федерации, %

Особенностью причин ранней неонатальной смертности является преобладание отдельных состояний перинатального периода (84,4%). Как видно из таблицы 1, в структуре причин на первом месте находятся дыхательное расстройство новорожденных (дистресс) и бактериальный сепсис новорожденного (по 18,0%), на втором – врожденные аномалии (14,8%), далее внутрижелудочковые кровоизлияния (14,1%) и внутриутробная гипоксия и асфиксия в родах (13,3%). Дети с экстремально низкой массой тела на первой неделе жизни в 100% случаев умирали от отдельных состояний, возникающих в перинатальном периоде, и в структуре причин смерти среди них выше доля дыхательных расстройств новорожденного (32,1%, p<0,05), внутрижелудочковых кровоизлияний (26,4%) и бактериального сепсиса новорожденных (24,5%).

Таблица 1.

Структура причин ранней неонатальной смертности в Свердловской области в 2015 году, %

Причины смерти	Всего	в т. ч. дети с массой при рождении 500-999 грамм

Дыхательное расстройство новорожденных (дистресс)	18,0	32,1
Бактериальный сепсис новорожденного	18,0	24,5
Врожденные аномалии (пороки развития)	14,8	0,0
Внутрижелудочковые кровоизлияния	14,1	26,4
Внутриутробная гипоксия, асфиксия в родах	13,3	9,4
Прочие	21,8	7,6
Всего	100,0	100,0

Выводы.

Таким образом, в Свердловской области за счет совершенствования системы охраны матери и ребенка наблюдается положительная динамика по репродуктивным потерям, которая выражается в снижении их уровня как в целом (в 1,2 раза за 2011-2015 годы), так и по отдельным составляющим: искусственные абортам по желанию женщины – в 1,4 раза, абортам по медицинским показаниям и самопроизвольным абортам – в 1,1 раза, мертворождаемости – в 1,3 раза, младенческой смертности – в 1,4 раза.

Прерывание беременности по желанию женщины, не смотря на положительные тенденции, остается одним из основных методов предотвращения рождения нежеланного ребенка, завершая каждую четвертую беременность. Позитивные изменения по частоте этого вида абортов более характерны для молодых женщин и женщин, среди которых проводится целенаправленная работа по профилактике нежелательной беременности.

На неизменном уровне остаются репродуктивные потери, связанные с рождением мертвого ребенка (6,0±0,3 на 1000 родившихся живыми и мертвыми), при этом среди недоношенных детей, особенно среди глубоко недоношенных, показатели мертворождаемости и риск гибели во время родов значимо выше по сравнению с доношенными детьми.

Удельный вес отдельных состояний перинатального периода как ведущей причины младенческой смертности (46,2%), среди умерших на первой неделе жизни достигает 84,4%, а среди детей с экстремально низкой массой тела – до 100%. Однако негативным фактором является высокий удельный вес внешних причин смерти детей до 1 года (17,3%). по сравнению с общероссийским показателем.

© Ножкина Н.В., Зарипова Т.В. Текст. 2017

Список источников

1. Бушмелева Н.Н. Репродуктивные потери и пути их снижения в регионе (на примере Удмуртской Республики) // Социальные аспекты здоровья населения : электронный научный журнал. 2014. №4 (38). URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/596/30/lang,ru (дата обращения: 20.04.2017).

2. Демографический ежегодник России. 2015 / Росстат. М., 2015. 263 с.

3. Землянова Е.В. Потери потенциальных рождений в россии из-за проблем, связанных со здоровьем // Социальные аспекты здоровья населения : электронный научный журнал. 2016. №2 (48). URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/742/30/lang,ru (дата обращения: 20.04.2017).

4. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (ред. от 1 июля 2014 г.): утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Лайковская Е.Э., Подымова А.С., Ножкина Н.В., Прохорова О.Г., Белова Н.Б. Организация медико-социальной помощи ВИЧ-инфицированным гражданам в Свердловской области // Уральский медицинский журнал. 2016. № 9 (142). С. 38-44.

6. Стародубов В.И., Суханова Л.П. Репродуктивные проблемы в демографическом развитии России. Москва: ИД «Менеджер здравоохранения»; 2012. 320 с.

Информация об авторах

1. Ножкина Наталья Владимировна (Российская Федерация, г.Екатеринбург) - д.м.н., заведующая кафедрой общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (620028, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3, email: ozo_usma@mail.ru)

2. Зарипова Татьяна Викторовна (Российская Федерация, г.Екатеринбург) - к.м.н., доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (620028, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3, email: ozo_usma@mail.ru)

Nozhkina N.V., Zaripova T.V.

CAUSES OF REPRODUCTIVE LOSS IN SVERDLOVSK REGION

The article presents the results of the situation on induced and spontaneous abortions, stillbirths and infant and maternal mortality in the Sverdlovsk region for 2007-2015 years. It was estimated the modern structure of the causes of infant death.

Key words: reproductive loss, abortions**,** stillbirths, maternal mortality, infant mortality

Information about the authors

1. Nozhkina Natalia Vladimirovna (Russian Federation, Ekaterinburg) - Doctor of Medical Sciences, Head of the Department of Public Health, Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (620028, Russian Federation**,** Sverdlovsk region, Ekaterinburg, St. Repina, 3, email: ozo_usma@mail.ru)

2. Zaripova Tatiana Viktorovna (Russian Federation, Ekaterinburg) - Candidate of Medical Sciences, Assistant Professor of the Department of Public Health, Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (620028, Russian Federation, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, St. Repina, 3, email: ozo_usma@mail.ru)

УДК: 338.48

М.С. Оборин

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КУРОРТНО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Статья посвящена изучению влияния курортно-рекреационной системы на качество жизни населения. Рассмотрены региональные курортно-рекреационные системы как сложные, комплексные образования, состоящие из определенных элементов, взаимосвязанных между собой. Выявлена значимость и структура каждого элемента в развитии санаторно-курортного дела. Охарактеризованы курортно-рекреационный потенциал, социум, управление и организация.

Рассмотрена динамика заболеваемости населения на примере регионов Приволжского федерального округа, которые характеризуются высокой долей промышленности в экономике. Полученные результаты свидетельствуют о высокой значимости региональных курортно-рекреационных систем. Обоснована необходимость применения потенциала курортно-рекреационных систем на уровне региона для развития санаторно-курортного комплекса, поскольку он играет важную роль в повышении качества жизни населения. Приведены показатели деятельности санаторно-курортных организаций Приволжского федерального округа, выявлены тенденции развития в современных условиях.

Ключевые слова: курортно-рекреационные системы, курортно-рекреационная деятельность, санаторно-курортный комплекс, качество жизни, заболеваемость.

Рост качества жизни является одной из приоритетных задач государства. Данное понятие является сложным и многоаспектным, поэтому в контексте курортно-рекреационных систем необходимо выделить повышение здоровья населения, которое осуществляется в условиях санаторно-курортных учреждений.

Курортно-рекреационная деятельность основана на использовании природных лечебных ресурсов в сочетании с медицинскими методами, что повышает эффективность санаторно-курортного лечения. Таким образом, курортно-рекреационная система представляет собой совокупность взаимосвязанных компонентов, направленных на оказание лечебно-оздоровительных и рекреационных услуг, повышающих качество жизни и снижающих заболеваемость. Системный подход позволяет определить основные элементы, связи и особенности их взаимодействия в курортно-рекреационной системе (рис. 1) [1].

Элементы. Основными элементами курортно-рекреационной системы являются курортно-рекреационный потенциал, социум, управление и организация. Курортно-рекреационный потенциал включает природно-лечебные ресурсы, лечебно-оздоровительную рекреацию и туризм, инфраструктурный и управленческий комплекс. Это необходимые элементы для организации лечебно-оздоровительной деятельности любой курортно-рекреационной системы, поскольку их использование направлено на улучшение здоровья населения. Природно-лечебные ресурсы определяют профиль санаторно-курортной организации и использование лечебных методик.

Социум курортно-рекреационной системы включает отдыхающих на территории здравниц, туристов и персонал, который представлен медицинскими сотрудниками, обслуживающими работниками и административно-управленческим аппаратом. Работа медицинского и обслуживающего персонала направлена на оказание качественных санаторно-курортных услуг. Качество санаторно-курортного лечения регулируется федеральным и региональным законодательствами, а также стандартами курортного лечения [2].

Курортно-рекреационная система в соответствии с классификационными признаками систем является сложной, поэтому для управления ею необходимы методы, разработанные специально для этой системы, которые дают возможность оперативно оценивать её состояние и принимать управленческие решения. Управление и организационная структура курортно-рекреационного комплекса играют важную роль во взаимодействии всех элементов здравниц и включают систему административного регулирования.

Структура управления носит иерархический характер. Производственная сфера выполняет функции по качественной организации подготовки природно-лечебных ресурсов к их использованию в санаторно-курортном лечении и оздоровлении, регулированию другими материальными и нематериальными ресурсами, используемыми в лечебно-оздоровительных целях.

Связи. Связи медико-экологического характера позволяют оценивать влияние факторов окружающей среды на здоровье человека. При изучении воздействия среды можно выявлять группы рисков для здоровья. При этом, влияние некоторых из них можно уменьшить на территории здравниц, оказывая на отдыхающих рекреационное воздействие.

Связи социального характера отражают динамику структуры населения, которое лечится и отдыхает на территории санаторно-курортных учреждений. К таковым относятся люди пенсионного возраста, дети, работники производственной и непроизводственной сфер, нуждающиеся в восстановлении, укреплении здоровья и сил. Между всеми элементами социума, представленными в санаторно-курортных организациях, устанавливаются определенные взаимосвязи, которые отражают деятельность здравниц [3].

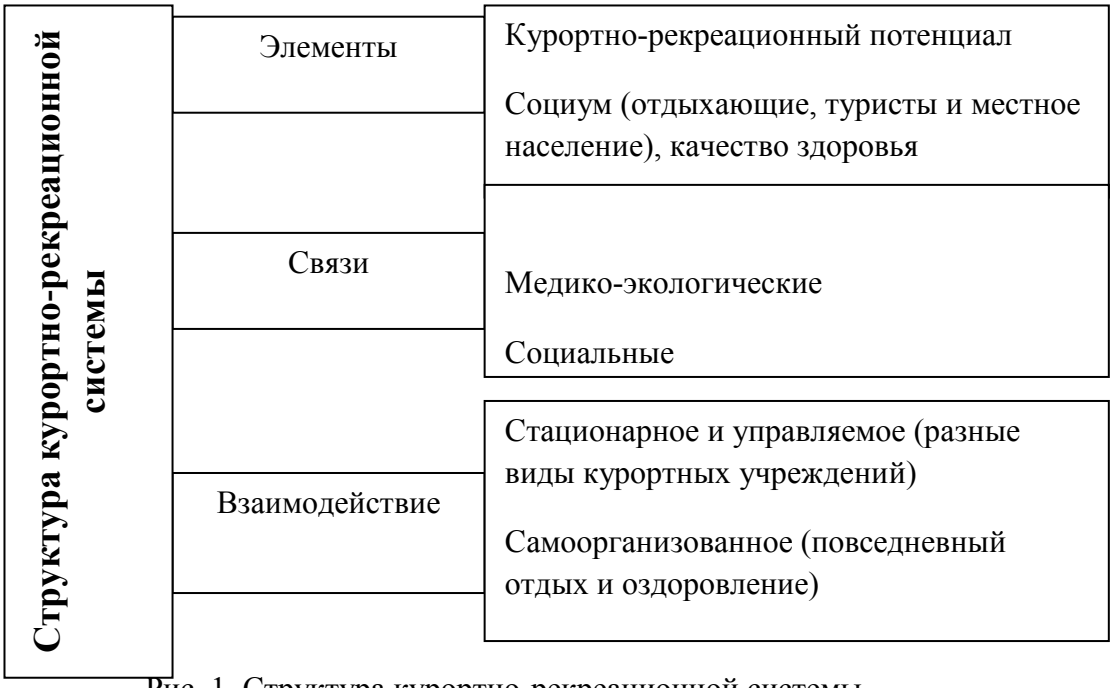


Рис. 1. Структура курортно-рекреационной системы

Связи экономического характера в условиях рынка отличаются многообразием, включают в себя, например, отношения между СКО и отдыхающими в СКО, внешние связи с партнерами, горизонтальные связи внутри системы (между различными подразделениями) и др. В современных условиях рыночные отношения, присущие санаторно-рекреационной системе, характеризуются динамизмом, что необходимо влечет изменение внешней среды и требует соответствующего отклика системы. Для обеспечения быстрой реакции на все изменения необходимо, в том числе, оптимальное управление финансовыми потоками, что требует создания систем обработки оперативной информации и поддержки принятия решений и на их основе прогнозирование изменений и выработку целесообразной для системы стратегии.

Природно-лечебные ресурсы необходимы для организации отдыха, рекреации и лечения, материальные ресурсы важны для благоустройства территории, обеспечения четкого структурного взаимодействия всех компонентов рынка санаторно-курортных услуг. Трудовые ресурсы являются, как и природно-лечебные, важным элементом в организации санаторно-курортной деятельности, так как без них невозможен процесс лечения, оздоровления, выбор реабилитационных программ, а также благоустройство территории, обслуживание клиентов в спальных и лечебных корпусах и т.д.

Взаимодействие. Взаимодействие в структуре курортно-рекреационной системы заключается в том, что между разными видами курортных учреждений устанавливаются стационарные и управляемые взаимоотношения. Повседневный отдых и оздоровление являются самоорганизованными видами рекреации, поскольку как любой человек, так и целая семья могут самостоятельно планировать отдых и досуг, включая нахождение на территории курортов и санаториев. Смешанное взаимодействие (совместно с другими видами туризма и рекреации) может быть организованным заранее на территории курортно-рекреационных систем, так и возникать спонтанно, к примеру, тур выходного дня или краткосрочная реабилитация и рекреация.

Приведенная характеристика курортно-рекреационной системы отражает элементы, связи, взаимодействие целостного комплекса для осуществления отдыха, лечения и рекреации. Основные элементы курортно-рекреационной системы представлены тремя группами: курортно-рекреационный потенциал, медико-социальный блок и управление и

организация. Все они находятся во взаимосвязи друг с другом и определяют работу санаторно-курортных организаций.

Курортно-рекреационный потенциал является основой осуществления санаторно-курортной деятельности, развития инфраструктуры, состоящей из профильных предприятий, оказывающих лечебно-оздоровительные услуги. Потребность в данных услугах, удовлетворение платежеспособного спроса являются основой повышения качества жизни населения [4].

На уровне регионов курортно-рекреационные системы способствуют снижению влияния негативных факторов на здоровье и качество жизни населения: неблагоприятная окружающая среда, концентрация промышленных предприятий, производственные условия, способствующие развитию заболеваний. Рассмотрим на примере промышленных регионов, входящих в Приволжский федеральный округ (табл. 1).

Таблица 1

Динамика общей заболеваемости населения субъектов, входящих в Приволжский федеральный округ с высокой долей промышленного производства в ВРП с диагнозом, установленным впервые (на 1000 человек населения)*

Субъект	2005	2010	2015	Абсолютные		Относительные	
				2015 к 2005	2015 к 2010	2015 к 2005	2015 к 2010
Всего	810,3	867,2	870,7	60,4	3,5	107,5	100,4
Республика Башкортостан	807,0	894,5	849,8	42,8	-44,7	105,3	95,0
Республика Татарстан	804,5	846,2	804,2	-0,3	-42	100,0	95,0
Удмуртская Республика	893,7	958,0	968,2	74,5	10,2	108,3	101,1
Пермский край	894,4	931,3	979,7	85,3	48,4	109,5	105,2
Оренбургская область	891,4	857,0	779,0	-112,4	-78	87,4	90,1

*составлено по данным [5]

Разнонаправленная динамика заболеваемости говорит о том, что развитие лечебно-оздоровительного туризма и санаторно-курортного комплекса становятся важным направлением государственной и региональной политики в области здравоохранения.

Проанализируем рост заболеваемости по основным классам болезней (табл. 2).

Таблица 2

Динамика заболеваемости населения по основным классам болезней субъектов, входящих в Приволжский федеральный округ с высокой долей промышленного производства в ВРП (на 1000 человек населения) *

Субъект ПФО	2005	2010	2015	Абсолютные		Относительные	
				2015 к 2005	2015 к 2010	2015 к 2005	2015 к 2010
Болезни органов пищеварения							
Всего	35,3	35,9	38,0	2,7	2,1	107,6	105,8
Республика Башкортостан	49,9	51,0	55,6	5,7	4,6	111,4	109,0
Республика Татарстан	30,0	34,1	33,3	3,3	-0,8	111,0	97,7
Удмуртская Республика	27,2	31,5	31,5	4,3	0	115,8	100,0
Пермский край	36,5	43,1	51,1	14,6	8	140,0	118,6
Оренбургская область	34,6	32,2	32,8	-1,8	0,6	94,8	101,8
Болезни эндокринной системы							
Всего	10,5	10,7	14,6	4,1	3,9	139,0	136,4
Республика Башкортостан	13,5	10,2	14,2	0,7	4	105,2	139,2

Республика Татарстан	8,1	9,6	10,9	2,8	1,3	134,6	113,5
Удмуртская Республика	5,1	5,5	8,5	3,4	3	166,7	154,5
Пермский край	11,6	11,2	13,3	1,7	2,1	114,7	118,8
Оренбургская область	14,1	12,7	20,0	5,9	7,3	141,8	157,4
Болезни системы кровообращения							
Всего	27,0	29,0	37,4	10,4	8,4	138,5	129,0
Республика Башкортостан	32,1	39,5	40,5	8,4	1	126,2	102,5
Республика Татарстан	37,0	30,7	32,8	-4,2	2,1	88,6	106,8
Удмуртская Республика	17,0	23,3	32,8	15,8	9,5	192,9	140,8
Пермский край	19,6	20,4	28,3	8,7	7,9	144,4	138,7
Оренбургская область	31,0	28,0	38,2	7,2	10,2	123,2	136,4
Болезни органов дыхания							
Всего	307,1	347,1	377,6	70,5	30,5	123,0	108,8
Республика Башкортостан	270,1	319,2	332,1	62	12,9	123,0	104,0
Республика Татарстан	285,8	336,5	345,8	60	9,3	121,0	102,8
Удмуртская Республика	403,0	423,7	459,0	56	35,3	113,9	108,3
Пермский край	345,9	383,8	443,2	97,3	59,4	128,1	115,5
Оренбургская область	315,3	330,5	321,9	6,6	-8,6	102,0	97,3
Болезни нервной системы							
Всего	17,7	20,0	17,7	-	-2,3	0	-12,9
Республика Башкортостан	25,3	27,7	20,6	-4,7	-7,1	81	74,3
Республика Татарстан	16,1	18,6	16,0	-0,1	-2,6	9,3	86
Удмуртская Республика	13,0	17,9	16,8	3,8	-1,1	129,2	93,8
Пермский край	14,1	14,9	15,3	1,2	0,4	108,5	102,6
Оренбургская область	16,5	14,9	15,5	-1	0,4	93	104

* составлено по данным [5]

Динамика заболеваемости является положительной по большинству рассматриваемых видов болезней вследствие вредных производственных условий. Снижение негативного влияния и восстановление трудоспособности наиболее эффективно происходит в условиях лечения в санаторно-курортных учреждениях.

В связи с этим возникает необходимость разработки системной стратегии развития санаторно-курортной отрасли страны, элементы которой в разных регионах являются ядрами развития местных курортно-рекреационных систем и смогут стать основой развития внутреннего лечебно-оздоровительного туризма.

В округе развиты различные виды туризма: активный, культурно-познавательный, лечебно-оздоровительный. Особое значение из-за мультипликативного эффекта для территории приобретает лечебно-оздоровительный туризм, который основывается на услугах профильных предприятий санаторно-курортного комплекса.

Рассмотрим анализ деятельности предприятий рассматриваемого сегмента по Федеральным округам России (табл. 3).

Таблица 3

Анализ деятельности СКО по федеральным округам РФ за 2015 год*

Федеральный округ	Количество СКО (ед.)	Удельный вес СКО (%)	Число размещенных в СКО (чел.)	Удельный вес размещенных в СКО (%)

Южный федеральный округ	255	15	2233002	33,39
Приволжский федеральный округ	399	23	1124695	16,82
Центральный федеральный округ	331	19	992016	14,83
Сибирский федеральный округ	236	13	692501	10,35
Северо-Кавказский федеральный округ	156	9	646329	9,66
Уральский федеральный округ	156	9	394386	5,90
Северо-Западный федеральный округ	144	8	448914	6,71
Дальневосточный федеральный округ	75	4	156335	2,34
Итого	1752	100	6688178	100

* составлено по данным [5]

Можно видеть отрицательную динамику численности предприятия санаторно-курортного комплекса в федеральных округах России, что является негативным фактором.

Таким образом, на качество жизни населения регионов страны оказывают влияние различные факторы. Курортно-рекреационные системы обладают высоким положительным эффектом вследствие потенциала и инфраструктуры, которые задействованы в санаторно-курортном лечении. Курортно-рекреационная деятельность имеет большое социальное значение для улучшения здоровья населения страны, что становится очень актуальным при реализации основного национального приоритета государства демографической проблемы.

© Оборин М.С. Текст. 2017

Список источников

1. Оборин М.С., Фролова Н.В., Нагоева Т.А., Артамонова О.А. Системные методы исследования в моделировании рынка санаторно-курортных услуг и курортно-рекреационных систем// Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2016. № 3 (42). С. 131-144.

2. Оборин М.С. Социальные и экономические особенности лечебно-оздоровительного туризма региона (на примере Пермского края) // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2013. № 5 (31). С. 69-74.

3. Оборин М.С. Региональный анализ изучения рекреационных систем // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Естественные науки. 2013. № 2. С. 35-42.

4. Оборин М.С. Системно-диалектическая методология (системный подход) как инструмент исследования курортно-рекреационных систем разного иерархического уровня // Региональные исследования. 2010. № 3. С. 54-61.

5. Официальный сайт государственного управления статистики. Здравоохранение. Режим доступа http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156. (Дата обращения: 16.02.2017г.).

Информация об авторе

Оборин Матвей Сергеевич (Россия, Пермь) – д.э.н., к.г.н., доцент кафедры экономического анализа и статистики, Пермский институт (филиал) федерального государственного учреждения высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (614070, г. Пермь, ул. бульвар Гагарина, 57, e-mail: perm@rea.ru).

Oborin M. S.

REGIONAL RESORT-RECREATION SYSTEM AS AN EFFECTIVE TOOL TO IMPROVE THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

The article is devoted to the study of resort and recreational system as a complex formation, consisting of certain elements which are interrelated. Identified the importance and structure of each element of the system considered in the development of sanatorium-resort business. Describe the key elements of health resort and recreation system: recreational potential, society, management and organization.

*The dynamics of morbidity of population on the example of Volga Federal district regions, which are characterized by a high share of industry in the economy. The obtained results indicate high importance of regional recreation systems. The necessity to use potential of health resort and recreation system at the regional level for the development of sanatorium-resort complex, since it plays an important role in improving the quality of life of the population. Given the indicators of activity of sanatorium-resort organizations of the Volga Federal district, the trends of development in modern conditions***.**

Keywords: recreational system, recreational activities, health spas, quality of life, morbidity.

Information about the author

Oborin Matvey Sergeevich (Russia, Perm) – Ph. D., associate Professor of the Department of economic analysis and statistics, Perm Institute (branch) of Federal state institution of higher education "Russian economic University G. V. Plekhanov" (614070, Perm, Boulevard Gagarina, 57, e-mail: perm@rea.ru).

УДК: 338.48

М. С. Оборин, И.В. Кожушкина

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНА

В статье обосновано повышение качества жизни как приоритетная задача государства. Проведен анализ медико-демографических процессов региона на примере Пермского края. Рассмотрены показатели структуры и численности населения региона. Охарактеризована динамика рождаемости и смертности и тенденции численности населения на современном этапе.

Выявлена роль предприятий санаторно-курортного комплекса в повышении качества жизни. В работе выявлены особенности влияния социально-экономических условий на развитие лечебно-оздоровительного туризма региона. Сформированные выводы подтверждаются статистическими данными, полученными в ходе анализа проблемы.

Ключевые слова: медико-демографические процессы, рождаемость, смертность, санаторно-курортная деятельность, лечебно-оздоровительный туризм, социально-экономическое развитие.

Повышение качества жизни является основной целью стратегического развития страны и регионов. Медико-демографические показатели характеризуют общие тенденции

изменения населения субъектов: половозрастного состава, естественной убыли или прироста, долю трудоспособного населения. Положительная динамика свидетельствует об эффективности государственной политики, связанной со здравоохранением и оказанием лечебно-оздоровительных услуг на базе санаторно-курортного комплекса, который выполняет важные функции по профилактике заболеваемости и восстановлению психофизического состояния организма.

Пермский край располагается на территории Восточно-Европейской равнины, на западной, северной и средней части Уральских гор. Площадь территории составляет 160 236 км^2. Соседями региона с запада являются республика Удмуртия, востока - Свердловская область, юга – республика Башкортостан и севера - республика Коми. Пермский край входит в состав Приволжского федерального округа и Уральского экономического района, что является благоприятной предпосылкой для развития региона, обусловленной разносторонними отношениями с соседними территориями округа. Численность населения на 1 января 2015 г. составляет 2 637,0 тыс. чел., тогда как в 2014 г. она составляла 2 636, 2 тыс. чел., наблюдается незначительный прирост населения, в то же время сравнении с 2005 годом можно констатировать снижение численности на 3% с 2719 тыс.чел.

На 2014 г. число мужчин составляет 45,9% (1 210 931 чел.), женского населения 54,1% (1 425 223 чел.). Из общей численности населения количество людей моложе трудоспособного возраста составляет в 2014 году 494,0 тыс. чел. (18,7%), в 2015 году уже 19,7%; трудоспособного возраста в 2014 году 1 535, 3 тыс. чел. (57,3%), в 2015 доля снижается до 56,3%; старше трудоспособного в 2014 году 606,8 тыс. чел. (23,5%), в 2015 – 24%. Высокая доля трудоспособного населения создает благоприятный трудовой потенциал для развития различных отраслей региона.

В Пермском крае с 2005 года наблюдается снижение численности населения. Рассмотрим показатели рождаемости (рис. 1) [1].

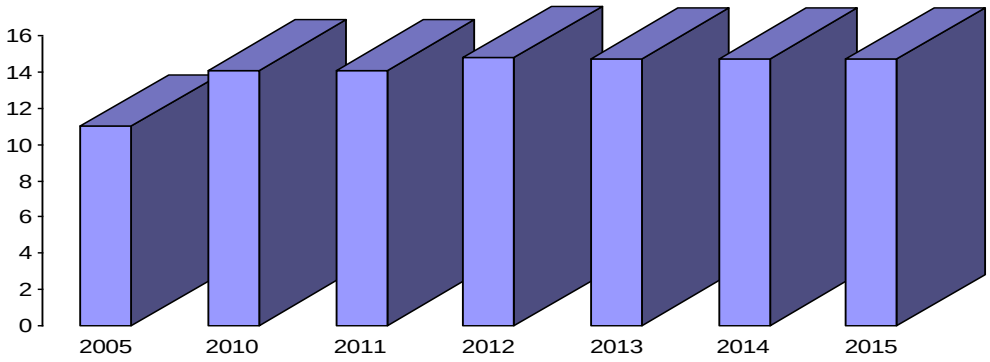


Рис. 1. Число родившихся на 1000 человек населения

За последние три года наблюдается стабильность общего коэффициента рождаемости – 14,7 детей на 1000 человек населения. Пермский край занимает по данному показателю 14 место в Российской Федерации и самое высокое в Приволжском федеральном округе.

Проанализируем общие коэффициенты смертности (рис. 2) [2] .

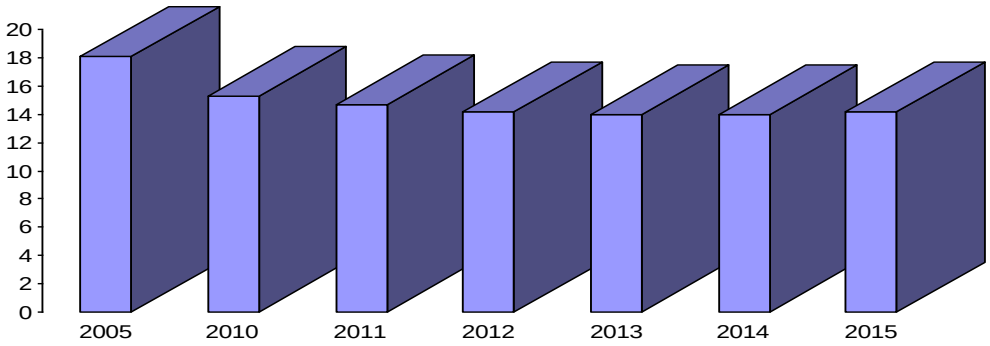


Рис. 2. Число умерших на 1000 человек населения

На диаграмме заметно снижение и стабилизация коэффициента на уровне 14,0-14,2 – незначительный рост в 2015 году по сравнению с 2013-2014 гг. Таким образом, можно видеть сближение показателей рождаемости и смертности, которое отразилось на стабилизации численности населения Пермского края – в 2015 году снижение замедлилось до 0,01%.

Рассмотрим показатели смертности населения по различным причинам. Анализируя данные с 2000-2015 гг. наблюдается их снижение на 7,4% (с 2000 года 1614,8 чел., в 2015 году 1402,7 чел.). Но при этом, показатель смертности по сравнению с регионами-соседями также остается высоким. Среди основных причин смерти в наибольшей степени проявляются болезни системы кровообращения – 778,6 ед. (55,5%), новообразования – 199,7 ед. (14,2%), болезни органов пищеварения – 78,5 ед. (5,5%), болезни органов дыхания – 53,1 ед. (3,7%). Снизить смертность можно путем систематической организации санаторно-курортного лечения, оздоровления и профилактики населения. Кроме этого, при занятии туризмом или проведении рекреационных мероприятий также будут улучшаться показатели здоровья населения.

Охарактеризуем динамику прироста населения края (рис. 3) [3].

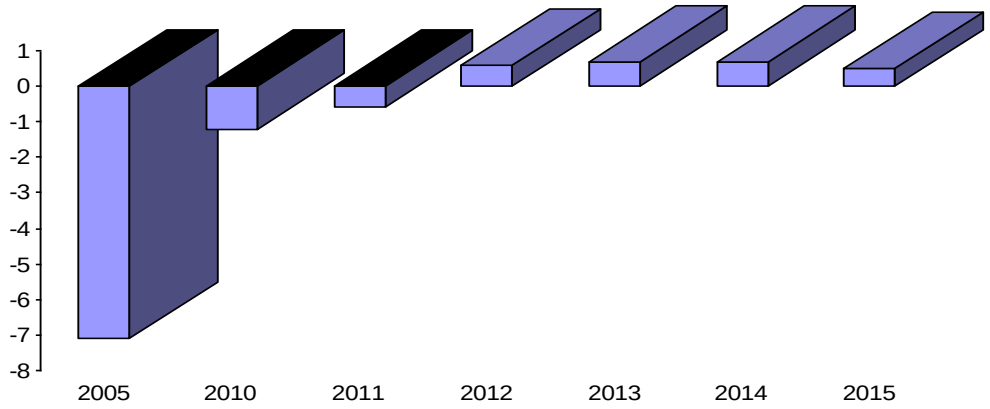


Рис. 3. Естественный прирост на 1000 человек населения

Наблюдается положительная динамика, сформировавшаяся с 2012 года, максимальное значение в 2013-2014 гг. – 0,7; в 2015 году незначительное снижение до 0,5,

Пермский край является многоотраслевым регионом, сочетающим в структуре экономики различные направления. Так, например, отраслью специализации региона являются нефтехимическая, нефтяная и химическая промышленности, а также черная и цветная металлургия, машиностроительный и лесопромышленный комплекс. Развитие всех перечисленных отраслей является каркасом экономики, поскольку в его работе занята большая часть населения. Высокая занятость людей в промышленном производстве

отрицательно сказывается на показателях заболеваемости, смертности и естественного прироста. Постоянная работа без организации планового оздоровления в рамках санаторно-курортных программ, ухудшает здоровье работающих, что приводит к частым болезням и снижению производительности труда.

Охарактеризуем динамику заболеваемости по Пермскому краю на 1000 человек населения (зарегистрировано с диагнозом, установленным впервые в жизни) (рис. 4) [4].

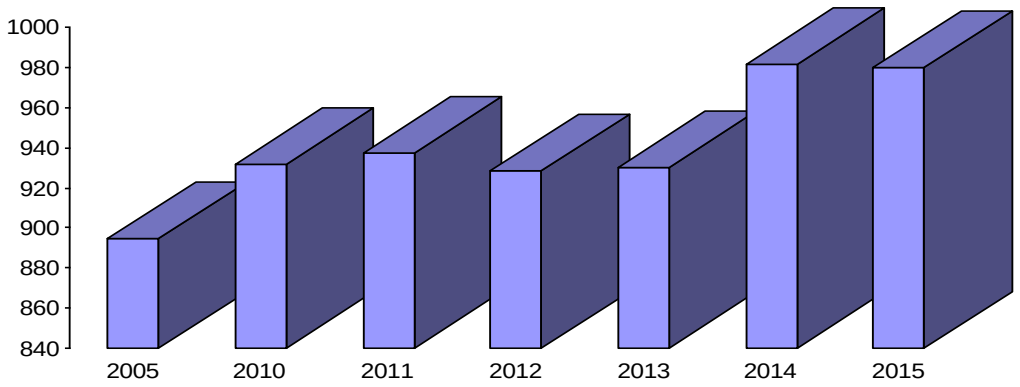


Рис. 4. Динамика выявления первичных случаев заболеваемости в Пермском крае

Можно видеть значительное увеличение роста выявленных первичных диагнозов по сравнению с 2002 годом: увеличение с 894,4 до 979,7 случаев (9,5%). Если обратиться к промежуточным показателям, в 2012-2013 гг. было снижение заболеваемости – 928 случаев, затем последующие два года роста на 66 случаев. Это объясняется реализацией отложенного спроса на услуги санаторно-курортного комплекса в посткризисный период. В настоящее время последовал новый виток снижения реальных доходов и санкционное давление на экономику страны. Показатели заболеваемости по основным классам болезней представлены в таблице 1.

Таблица 1

Динамика заболеваемости населения по основным классам болезней по Пермскому краю (на 1000 человек населения) *

Показатель				Абсолютные		Относительные	
	2005	2010	2015	2015 к 2005	2015 к 2010	2015 к 2005	2015 к 2010
Новообразования	9,5	11,7	13,8	4,3	2,1	145	117,9
Болезни органов пищеварения	36,5	43,1	51,1	14,6	8	140,0	118,6
Болезни эндокринной системы	11,6	11,2	13,3	1,7	2,1	114,7	118,8
Болезни системы кровообращения	19,6	20,4	28,3	8,7	7,9	144,4	138,7
Болезни органов дыхания	345,9	383,8	443,2	97,3	59,4	128,1	115,5
Болезни нервной системы	14,1	14,9	15,3	1,2	0,4	108,5	102,6
Болезни кожи	63,5	55,6	43,8	-19,7	-11,8	68,9	78,7
Болезни костно-мышечной системы	37,7	33,8	35,1	-2,6	1,3	93,1	103,8
Болезни мочеполовой системы	54,0	60,9	56,0	2	-4,9	103,7	93,3

*составлено по данным [5]

Из таблицы 1 следует, что по многим классам болезней растет заболеваемость населения Пермского края. Наиболее значительный рост наблюдается по системе кровообращения (144,4%); новообразованиям (145%); органов дыхания (128,1%); органов пищеварения (140%). Однако, некоторые виды заболеваемости снижаются: болезни кожи и мочеполовой системы. Такая разнонаправленная динамика свидетельствует о том, что наблюдается положительный эффект от оказания лечебно-оздоровительных услуг в регионе, поскольку потребителями услуг предприятий санаторно-курортного комплекса является в том числе и местное население.

Пермский край обладает уникальной базой природно-лечебных ресурсов, которая в настоящее время используется не в полной мере для организации санаторно-курортной деятельности. За последние 12 лет наблюдается тенденция снижения лечебно-оздоровительных организаций на 40% (с 74 организаций в 2002 г. до 45 в 2015 г.), что является тревожной тенденцией в социально-экономическом развитии региона. Деятельность санаторно-курортной отрасли Пермского края способна улучшить качество здоровья населения, формировать здоровый образ жизни, увеличить занятость населения, создавать новые рабочие места, способствовать росту доходов регионального бюджета и т.д. Санаторно-курортный комплекс Пермского края имеет все возможности для стабильного роста и дальнейшего развития, что может позволить ему занять лидирующие позиции среди других регионов России.

Исследуемый субъект имеет все необходимые условия для организации туристско-рекреационной и санаторно-курортной деятельности. Все это может способствовать созданию прочных экономических условий для развития некоторых отраслей экономики. Лечебно-оздоровительный туризм является важнейшим направлением туристско-рекреационной деятельности региона и обладает большим потенциалом дальнейшего развития.

Проведенный системный анализ медико-демографических процессов Пермского края показал, что наблюдается незначительный прирост населения и его омоложение, что положительно сказывается на трудоспособности. Поскольку регион является промышленным, можно констатировать рост заболеваемости по многим классам болезней, однако за последние пять лет динамика замедлилась, а по некоторым видам болезней снизилась. Можно сделать вывод о том, что большую роль в улучшении медико-демографических показателей играет лечебно-оздоровительная деятельность, представленная предприятиями санаторно-курортного комплекса.

© Обоин М.С., Кожушкина И.В. Текст. 2017

Список источников

1. Оборин М.С. Системно-диалектическая методология (системный подход) как инструмент исследования курортно-рекреационных систем разного иерархического уровня // Региональные исследования. 2010. № 3. С. 54-61.

2. Оборин М.С. Социально-экономические условия и функции санаторно-курортной системы региона как фактор создания маркетинговой стратегии развития рынка санаторно-курортных услуг // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2015. № 2. С. 49-56.

3. Оборин М.С. Подходы к определению сущности курортной инфраструктуры региона: теория и практика // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 1 (51). С. 66-71.

4. Оборин М.С. Социальные и экономические особенности лечебно-оздоровительного туризма региона (на примере Пермского края) // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2013. № 5 (31). С. 69-74.

5. Официальный сайт государственного управления статистики. Здравоохранение. Режим доступа

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156. (Дата обращения: 16.02.2017г.).

Информация об авторах

1. Оборин Матвей Сергеевич (Россия, Пермь) – к.г.н., доцент кафедры экономического анализа и статистики, Пермский институт (филиал) федерального государственного учреждения высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (614070, г. Пермь, ул. бульвар Гагарина, 57, e-mail: perm@rea.ru)

2. Кожушкина Ирина Владимировна (Россия, Сочи) – аспирантка, ФГБОУ ВО Сочинский государственный университет (354000, Сочи, ул. Советская, 26А, e-mail: university@sutr.ru).

Oborin M. S., Kosushkina I. V.

SYSTEM ANALYSIS OF MEDICO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REGION

In the article improving the quality of life as a priority task of the state. The analysis of medico-demographic processes in the region on the example of Perm Krai. Considered indicators of the structure and population of the region. Characterized the dynamics of fertility and mortality rates and trends in population at the present stage.

The role of the enterprises of a sanatorium complex in improving the quality of life. In work peculiarities of influence of socio-economic conditions for the development of health tourism in the region. Formed conclusions are supported by statistical data obtained during the analysis of the problem.

Key words: medical-demographic processes, fertility, mortality, sanatorium-resort activities, health tourism, socio-economic development.

Information about the author

1. Oborin Matvey Sergeevich (Russia, Perm) – Ph. D., associate Professor of the Department of economic analysis and statistics, Perm Institute (branch) of Federal state institution of higher education "Russian economic University G. V. Plekhanov" (614070, Perm, Boulevard Gagarina, 57, e-mail: perm@rea.ru).

2. Kosushkina Irina Vladimirovna (Russia, Sochi) – graduate student, FGBOU IN Sochi state University (Russia, 354000, Sochi, Sovetskaya St. 26A, e-mail: university@sutr.ru).

УДК: 159.9.07

Л.В. Оконечникова, М.А. Муртазина

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ МУЛЬТФИЛЬМОВ НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ

В статье проводится обзор зарубежных исследований и литературы по вопросу влияния мультфильмов на психическое здоровье детей. Рассматривается агрессивный контент как фактор оказывающий влияние на детскую психику и поведение.

Ключевые слова: мультфильмы, агрессия, психическое здоровье.

На сегодняшний день является актуальным вопрос о влиянии такого продукта СМИ как мультфильмы на психическое здоровье ребенка. Это становится важным еще и потому, что по данным многочисленных зарубежных исследований отмечается тенденция к уменьшению возраста, в котором ребенок начинает смотреть мультфильмы. Дети смотрят мультфильмы примерно с 2-х лет [4, с.249]. Так же имеется тенденция к увеличению времени просмотра мультфильмов маленькими детьми. Дети в возрасте от 2-12 лет

ежедневно проводят за просмотром мультфильма более 4 часов [4, с.251; 12, с.176; 12, с.174; 9, с.39]. Таким образом, просмотр мультфильмов является одной из ежедневных привычек для наших детей. Множество исследований показывают, что родители приучают детей к мультфильмам с раннего возраста, чтобы отдохнуть, поработать, занять ребенка или уговорить его покушать [4, с.249].

Таким образом, дети начинают усваивать информацию в мультфильмах уже в раннем возрасте и в течение длительного времени. Мультфильмы являются средством развлечения для детей, и начинают играть главную роль в формировании психического здоровья ребенка, его личности, а также оказывают огромное влияние на социализацию, отношения и поведение после просмотра СМИ [9, с.73].

Мультипликация, несомненно, имеет положительный эффект. В социальном контексте содержание мультфильма может прививать ребенку нормы поведения такие как: нужно слушаться родителей, вежливо разговаривать, помогать бедным, пожилым и больным людям, уметь работать в группе [5, с.3]. Ребенок в мультфильмах может находить разные, новые для себя способы решения задач, может учиться думать о последствиях своих действий, может найти для себя любимый вид спорта, а также научиться полезным навыкам. Мультфильмы так же учат жизненному опыту, показывая такие опасности окружающего мира, как высота, огонь, электричество, дорожное движение. Если содержание мультфильма представлено привлекательно, то дети усваивают этот опыт, приобретают важные навыки [2; 4, с.255; 7, с.183]. Мультипликационный герой является для ребенка значимой фигурой, с которой он отождествляет себя, копирует поведение, манеры и усваивает ценности [7, с.183; 8, с.10; 6, с.551, 4, с.255].

С другой стороны, содержание мультфильмов может оказывать негативное влияние на психическое здоровье ребенка. Насилие в мультфильмах - неотъемлемая часть мультипликационного содержания. Многие зарубежные исследования изучают влияние на детей агрессивного контента в мультфильмах [1; 3, с.14; 4, с.263; 6, с.552; 7, с.182; 8, с.17; 9, с.5; 10, с.6; 11, с.2; 12, с.174]. Остро стоит вопрос о том, увеличиваются ли агрессивные действия после просмотра мультфильма с актами насилия (вербального, физического и т.д.).

Несмотря на то, что взрослые порой не считают, что мультфильмы содержат агрессивные проявления, частота насилия в мультфильмах в среднем выше, чем в таких жанрах как драмы и комедии [6, с.548]. Однако есть качественные различия между насильственными действиями в этих жанрах. Мультипликационное насилие, предназначенное для юной аудитории, имеет тенденцию включать незначительные насильственные действия: удары, смерть и кровь показываются нереалистично. Кроме того, в мультфильмах не демонстрируется то, как страдают жертвы [6, с.548]. Существует точка зрения, что более реалистичный мультфильм может повлиять на увеличение агрессивных проявлений.

Чтобы установить влияние агрессии транслируемой в мультфильмах на поведение и психическое здоровье детей проводились различные эксперименты [1; 6, с.552; 12, с.174; 4, с.263; 11, с.2; 8, с.11]. Они включали в себя просмотр мультфильмов различных по уровню агрессии. Затем в наблюдении за детьми, за их взаимодействием подсчитывались акты агрессии (вербальной, физической) по отношению к сверстнику или к игрушке. Данные эксперименты дали противоречивые результаты. Этому имеется ряд объяснений.

Во-первых, присутствие комедийных элементов в мультфильмах, возможно, минимизировало влияние насилия. Хотя результаты дополнительно проведенных исследований показывают, что замаскированное юмором насилие может увеличить появление агрессивных мыслей и желаний. Один из экспериментов [6, с.553] показал, что насилие в форме юмора может увеличить межличностное агрессивное поведение. Таким образом, наличие или отсутствие комедийных элементов во время насилия является важным фактором при оценке последствий просмотра мультфильмов детьми [6, с.549].

Во-вторых, ребенок к концу дошкольного возраста понимает, что агрессия по отношению к сверстнику осуждена обществом, поэтому дети в эксперименте, возможно,

были обеспокоены социальным неодобрением экспериментатора. В результате этого был снижен уровень демонстрируемой агрессии. Но в дальнейшем при наблюдении за ребенком и его действиями с куклой был выявлен повышенный уровень агрессии после просмотра жестоких мультфильмов [6, с.554].

Стоит остановиться еще на одном эксперименте, в ходе которого дошкольники смотрели агрессивные («Бэтмен» или «Супермен») и неагрессивные мультфильмы в течение двадцати минут три раза в неделю, всего четыре недели. В конце экспериментального периода были оценены физическая и словесная агрессия к сверстникам, повиновение правилам и терпимость к медлительности других. В результате было выявлено следующее: дети, смотревшие агрессивные мультфильмы были менее послушными и менее терпимыми к другим. Кроме того, дети, которые показали высокий уровень агрессии до эксперимента, стали более агрессивными, если они смотрели мультфильмы с повышенным уровнем насилия [6, с.553].

Проведено исследование, которое показало, что мультфильм влияет на речь ребенка [8, с.17; 12, с.177; 10, с.70], дети подражают мультипликационным героям, в том числе в вербальной агрессии [8, с.16].

Действительно, хорошо прописанный сценарий, ряд аудио и видео эффектов, характеры героев подталкивают ребенка к подражанию до мельчайших деталей, включая речь, мысли, язык тела и даже одежду [10, с.72; 2; 8, с.10; 12, с.177]. Герой мультфильма может демонстрироваться с негативным отношением к окружающим и антисоциальными манерами. Ребенок, подражая понравившемуся персонажу, меняет свое поведение, усваивает неприемлемые нормы и ценности, что ведет к деформации развития личности и остро ставит вопрос о психическом здоровье ребенка. Смотря мультфильмы, дети разыгрывают роли, таким образом, мультипликация оказывает влияние на социализацию с другими детьми и с миром в целом [4, с.251; 7,с.197; 9, с.73]. Это означает, что мультфильм является одним из основных факторов формирования психического здоровья, мышления и поведения детей.

В результате обзора зарубежных исследований/литературы можно сделать следующие важные выводы:

1) Мультфильм занимает большое место в жизни современных детей и действительно влияет на ребенка с раннего детства.

2) Влияние мультфильмов на ребенка амбивалентно. Они могут как негативно повлиять на психическое здоровье посредством чрезмерной демонстрации насилия, агрессии, сексуального поведения, а могут передать ребенку необходимый жизненный опыт, способствовать формированию важных ценностей и норм поведения.

3) Результаты исследований о влиянии агрессивного контента в мультфильмах на психическое здоровье детей противоречивы, поэтому необходимость в дальнейшем изучении очевидна.

Подводя итог можно сказать, что для профилактики психического здоровья подрастающего поколения необходимо внимательно подбирать мультфильмы, вести работу по сопровождению взрослыми детей во время просмотра мультфильмов, способствовать контролю данного вида СМИ, проводя различные экспертизы данного продукта масс-медиа.

© Оконечникова Л.В., Муртазина М.А.

Список источников

Bapkiewicz, Walter G., Roden, Aubrey H. (1971). The Effect of Aggressive Cartoons: Children's Interpersonal Play. Paper presented at the Annual Meeting of the American Educational Research Association.

Bjorkqvist, K. and Lagerspetz, K. (1985). Children Experience of Three Types of Cartoons at Two Age Levels. International Journal of Psychology, 20, 77-93.

Brotherson, S. (2015). Understanding Brain Development in Young Children. Family Science Specialist, NDSU Extension Service.

Habib, K., Soliman, T. (2015). Cartoons' Effect in Changing Children Mental Response and Behavior. Open Journal of Social Sciences, 3, 248-264.

Iamurai, S. (2009). Positive Cartoon Animation to Change Children Behaviors in Primary Schools.

Kirsh J. S. (2006). Cartoon violence and aggression in youth. Journal of Aggression and Violent Behavior, 11, 547–557.

Klein, H., Shiffman, K. S. (2008). What Animated Cartoons Tell Viewers About Assault. Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma, 16(2) #48, 181-201.

Klein, H., Shiffman, K. S. (2012). Verbal aggression in animated cartoons. International Journal Child Adolesc Health, 5(1), 7-19.

Odukomaiya, E. (2014). Cartoons Influence towards Violence and Aggression in School Age Children in Nigeria. Dissertation Institute of Graduate Studies and Research.

Salome Katumbi Kaula (2015). Language and style in cartoons: a case study of Ben 10. Dissertation for the Award of the Degree of Master.p.105.

Stieger, S., Formann Anton K. (2014). Are Aggressive Cartoons Really Funnier? Sage Open, 4, 4.

Yousaf, Z., Shehzad, M., Hassan, S. A. (2015). Effects of Cartoon Network on the Behavior of School Going Children. International Research Journal of Interdisciplinary & Multidisciplinary Studies (IRJIMS), 1, 173-179.

Информация об авторах

1. Оконечникова Любовь Викторовна, Россия, г. Екатеринбург, канд психол.наук, доцент, УрФУ, г. Екатеринбург, ул. Мира 19. dokonechnikov@mail.ru

2. Муртазина Мария Ашотовна, Россия, г. Екатеринбург, магистрант, УрФУ, г. Екатеринбург, ул. Мира 19. mariasarg94@mail.ru

Okonechnikova L. V., Murtazina M. A.

FEATURES OF THE INFLUENCE OF CARTOONS ON CHILDREN'S MENTAL HEALTH

The article presents a review of international research and literature on the impact of cartoons on children's mental health. Considered aggressive content as a factor influencing the child's psyche and behavior.

Keywords: cartoons, aggression, mental health.

Information about authors

1. Okonechnikova Lubov Viktorovna, Russia, Yekaterinburg, PhD in psychology.Sciences, associate Professor, Urfu, Yekaterinburg, Mira St. 19. dokonechnikov@mail.ru

2. Murtazina Maria Ashotovna, Russia, Yekaterinburg, Master's degree, Urfu, Yekaterinburg, Mira St. 19. mariasarg94@mail.ru

УДК: 338.2

И.А. Поплавская

ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Стратегия российской медицины в отношении оказания помощи пациентам дифференцирована в соответствии с платежеспособностью разных социальных слоев. Обеспечение доступности медицинскими услугами всех категорий граждан – главная обязанность правового и социального государства согласно Конституции РФ

Ключевые слова: здоровье нации, бедность, лекарственные препараты, доступность медицинских услуг

Здоровье граждан российского общества связано с социальным неравенством в социально-экономическом измерении. Согласно *шкале субъективной оценки материального статуса*, по мнению специалистов Института социальной политики Высшей Школы Экономики, в 2016 году более 50% населения РФ смело могут быть отнесены к категории бедных. Эксперты подсчитали, что примерно 20 млн. россиян находятся в зоне относительной депривации, что означает неспособность граждан удовлетворить свои основные социальные потребности в доступе к здравоохранению [1].

Большинство современных россиян — это общество бедных людей. Речь идет не о голоде, а о структуре потребительских расходов и ожиданий. Страна беднеет, и это отражают события первостепенной важности для общества – смертность и продолжительность жизни, с изменением которых меняются заданные общекультурные параметры общества.

На фоне сокращения бюджетного финансирования здравоохранения Минздрав РФ ухудшил прогноз показателей смертности и продолжительности жизни россиян к 2020 году. Согласно принятой в 2016 году госпрограмме «Развитие здравоохранения» следует, что смертность от всех причин, без учета старения нации, будет составлять 13 случаев на 1000 человек. Согласно предыдущей госпрограмме считалось, что смертность от всех причин должна постепенно снижаться с 12,3 случая на 1000 человек в 2016 году до 11,4 случая на 1000 человек в 2020 году.

Средняя продолжительность жизни в РФ к 2020 году должна составить от 72 лет (низкий вариант) до 74,4 лет (высокий вариант). Для сравнения: в Испании, Италии и Сингапуре – по 83, Кипре, Израиле, Финляндии и Греции – по 81. В Колумбии и Кубе – по 79, в Чили – 81. По данным ООН за 2015 г. Россия находится на 124 месте по ожидаемой продолжительности жизни в сравнении со странами - лидерами.

Человек среднего и ниже среднего достатка может попасть в категорию бедных, потеряв здоровье. В России 780 из 1000 человек имеют серьезные заболевания, причем за последние 25 лет число впервые заболевших увеличилось на 25 млн. чел[2].

Другая категория бедных – безработные. Их число за последние 25 лет редко опускалось ниже 5 млн. человек. Среди них преобладают женщины – до 46% и лица, проживающие в сельской местности – до 40%. Многие из них не обладают крепким здоровьем, часто берут медицинские справки и поэтому являются реальными кандидатами на увольнение. Риск стать безработным велик в условиях стагнации экономики или символического прироста ВВП менее 1%. Особенно значителен риск стать безработным, а затем бедным у молодежи до 30 лет.

Крайняя степень потери здоровья является инвалидность. По данным Росстата-2016 в России 12,94 млн. инвалидов, что составляет 9% населения страны. Последние 20 лет ежегодно признаются инвалидами около миллиона человек, из которых треть – люди трудоспособного возраста. Государственная поддержка таких граждан кроме профессиональной реабилитации состоит в социальной их адаптации: создании для них достойных условий жизни и приемлемой инфраструктуры.

Особенную обеспокоенность вызывает увеличение числа детей-инвалидов в возрасте до 16 лет. За последние 20 лет число детей, получающих социальные пенсии, увеличилось в 4,5 раза, а за последние 30 лет эта цифра превысит 10 раз.

---

[1] *Население России в 2016 году*: *доходы, расходы и социальное самочувствие*. Мониторинг НИУ ВШЭ. Итоги года. [Электронный ресурс] – URL: http//www.isp.hse.ru (дата обращения 22.04.17)

[2] Здесь и далее: *Росстат, Федеральная служба государственной статистики РФ* [Электронный ресурс] – URL: http//www.gks.ru.

По словам директора Научного центра здоровья детей РАМН вице-президента А. Баранова, за последние 20 лет у детей сократились показатели мышечной силы, а каждый пятый ребенок в России имеет дефицит или избыток веса

Ускорение социокультурной динамики социума напрямую связано с его представлениями о правильных или неправильных способах питания. Культурные нормы и авторитеты, сопутствующие процессу питания, за последние годы в массовом сознании молодых людей очень изменились. Но проблема заключается не столько во вкусовых качествах пищи, сколько в потенциально возможном дисфункциональном воздействии на пищеварительную и иммунную системы молодого человеческого организма. Скоростные потоки продуктов преодолевают барьеры открытых стран и континентов, образуя под воздействием глобализационных процессов *космополитическую еду* – чипсы, пепси и кока-кола, пицца, суши, алкогольные и безалкогольные напитки и т.д. Она беспрепятственно находит большое число потребителей среди молодежи, т.к. усиленно воздействует на вкусовые рецепторы за счет увеличения в ней сахара, соли, жиров и пищевых добавок, стимулирующих аппетит. Высокая калорийность, финансовая доступность, сопричастность к устоявшимся брендам привлекает молодых людей, но несет в себе уязвимости, отложенные во времени. Серьезную обеспокоенность специалистов вызывает рост инфекционных заболеваний, увеличение уровня ожирения, сахарного диабета и сердечно-сосудистых заболевания среди молодежи. Ненадлежащие пищевые привычки и постоянно нарушаемые правила традиционно здорового питания увеличивают риск и частоту хронических заболеваний среди подростков и молодежи. Так, по оперативным данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, общая заболеваемость детей до 14 лет с 1996г. выросла на 14,5%. У подростков 15-17 лет общая заболеваемость увеличилась за этот период на 27,9% и в настоящее время состояние здоровья подростков неблагополучно. В возрасте 12-18 лет среди юношей и девушек только 10,1% здоровых, а 32,8% имеют полиорганную патологию.

Обеспечивает ли российское здравоохранение и социальная система здоровье нации? Согласно ежегодного опроса Левада-центра (проведен 23-26 августа 2016 г.) 67% россиян не верят в возможность получить хорошее медицинское обслуживание. Уверенных в том, что медицина может поправить здоровье – 2%. По оценке 39% опрошенных качество медицинских услуг не меняется к лучшему, более половины респондентов не видят качественного прогресса в медицине на протяжении многих лет, хотя за это время был реализован национальный проект «Здоровье».

Около 50% опрошенных считают коррупцию причиной многих проблем в России. Она отвлекает огромные средства от целей общественного развития и усиливает социальную, интеллектуальную и биологическую деградацию общества. Коррупция разрушает жизненно важные сферы, в том числе здравоохранение: она не только вынуждает пациента «давать», чтобы решать медицинские проблемы, но и вынуждает врача «брать», чтобы ему было из чего «давать», решая свои проблемы.

Состояние здравоохранения можно рассмотреть в отношении лечения конкретных видов заболеваний, наиболее распространенных в России. К ним относятся болезни органов кровообращения и болезни сердца. Ведущий кардиохирург Л. А. Бокерия отмечает, что в стране лечат только каждого десятого больного - сердечника. На оставшихся 90% больных у государства нет возможностей. Ежегодно в России проводится более 50 тысяч операций на сердце и сосудах, но это лишь 20% от необходимых. Из 10 человек, обратившихся по поводу болей в сердце, на дальнейшее обследование направляется только один. Получается, что стратегия российской медицины в отношении бесплатной для пациента помощи состоит в том, чтобы задерживать больного на уровне поликлиники как можно дольше, лечить его бесполезными лекарствами и советами, не давая ему направление в кардиологический центр. При наличии денег необходимую помощь пациент может получить в специализированных учреждениях, а при наличии больших денег медицинскую помощь мирового класса он получает в госпиталях Западной Европы и США.

Согласно мировой статистике, в большинстве стран мира около 57% населения умирает от сердечно-сосудистых заболеваний. В России немногим меньше – 56% . Но только в европейских странах и Японии от инфарктов и инсультов умирают после 75 лет жизни, а в России – после 55 лет.

Обеспечение лекарствами заболевших граждан могло бы облегчить их положение. Однако согласно новой стратегии лекарственного обеспечения граждан страны, разработанной в 2012 году и намеченной ко внедрению в 2017 году, главным будет «лекарственное возмещение». Но попытки найти оптимальную модель такого возмещения не приводит даже к частичной компенсации стоимости лекарства от социального статуса больного. Поэтому всеобщее лекарственное обеспечение не будет введено в ближайшее десятилетие. По мнению министра здравоохранения В. Скворцовой, в этой области существует «резерв», состоящий в том, что «в лекарственном обеспечении нуждается в среднем лишь половина льготников».

Относительно качества лекарственных препаратов на российском рынке - картина не утешительная. Фармацевтические компании сетуют на то, что выводить на российский рынок дорогостоящие лекарства очень сложно в виду неплатежеспособности большинства российских граждан. Именно поэтому российские фирмы практически не принимают участия в разработке новых препаратов. Так, ежегодно на фармацевтический рынок выводится около 50 новых кардиологических препаратов, каждый из которых разрабатывается в среднем 15 лет и стоит порядка миллиарда долларов. Среди этих препаратов нет ни одного российского. Такая же тенденция наблюдается в области разработки антибиотиков: количество российских разработок неуклонно снижается.

Учитывая данную ситуацию на фоне высокой степени заболеваемости населения, не поддается объяснению сокращение числа больничных учреждений: за 20 лет их стало вдвое меньше. Если принять концепцию «оптимизации» медицины, то она как раз требует увеличения числа медицинских учреждений, больничных коек и числа врачей.

Положительной тенденцией можно считать увеличение числа врачей. В России их работает более 600 тысяч. При 145 млн. населения Россия имеет один из самых высоких показателей количества врачей на душу населения. Но при этом уменьшается число педиаторов, число ренгенологов и радиологов, число врачей хирургического профиля и терапевтов. Зато увеличивается число неврологов, число психиаторов и наркологов, растет число стоматологов. Такая переориентация говорит о том, что без достаточного медицинского наблюдения и своевременной помощи детям и старикам, трудно добиться снижениях смертности и обеспечения здоровьем молодого поколения. Увеличение же числа специалистов неврологов, психиаторов и наркологов означает попытку нормализовать психическое состояние все увеличивающегося числа людей и уменьшить употребление наркотиков.

Пробелы рынка медицинских услуг в сочетании с ценностными представлениями граждан в отношении медицинской помощи обуславливает необходимость участия государства в организации и контроле сферы здравоохранения. Главное, что должно государство в соответствии с Конституцией РФ – обеспечить доступность медицинских услуг всем группам населения и, в первую очередь, особо нуждающимся: детям, пожилым гражданам, тяжело больным, а также тем, кто не имеет средств для оплаты лечения. Государство должно распределять ресурсы в сфере здравоохранения с учетом эффектов потребления медицинских услуг. Оно должно контролировать возможности производителей медицинских услуг извлечения выгоды из информационной асимметрии и своего монопольного положения, приводящих к ущербу интересов пациентов.

Общемировой тенденцией в организации медицинской помощи населению, особенно бедного, является возрастание роли государства. Государство участвует в производстве медицинских услуг, обеспечивает санитарно-эпидемиологический надзор, предоставляет населению разные виды медицинской помощи, финансирует лечение разных категорий граждан по мере необходимости. Во всех странах мира государство регулирует деятельность

в сфере здравоохранения, ведет лицензирование, устанавливает стандарты качества медицинской помощи, лекарственных средств, медицинской техники, контроль за их соблюдением, отслеживает условия получения населением медицинской помощи и обеспечения лекарственными средствами. Прослеживается закономерность: с ростом ВВП в расчете на душу населения увеличивается доля совокупных расходов на здравоохранение в ВВП и растет доля государства в этих расходах. В России эта закономерность не наблюдается. Доля расходов на здравоохранение составляет около 4% от ВВП, что вдвое меньше этой величины в ведущих странах мира, и продолжает уменьшаться. Руководство страны заинтересовано в наиболее дешевой модели здравоохранения, поэтому на ключевые командные посты усаживаются чиновники, которым вменяется в задачу пропаганда успехов отечественного здравоохранения. Медицинская бюрократическая «вертикаль власти» пытается убедить руководство страны и ее население в том, что отечественная медицина достигла мирового уровня, а по некоторым направлениям мир опережает.

На самом деле, то небольшое число врачей, которое практикует в России медицину мирового уровня, является исключением, и достигает высокого уровня профессионализма не благодаря, а вопреки существующей системе.

Современный уровень медицины требует от медработников высокой квалификации и персональной ответственности. Подготовка квалифицированного кардиохирурга, анестезиолога, специалиста интенсивной терапии занимает от 4 до 10 лет ежедневной 10ти часовой работы в день под руководством опытных специалистов в условиях хорошо организованного многопрофильного госпиталя западноевропейского или американского типа. С медицинской точки зрения Россия находится в списке стран третьего мира, в первую очередь, из-за отсутствия квалифицированных врачей. При нынешнем положении дел здоровье нации находится в опасности.

© Поплавская И.А. Текст. 2017

Информация об авторе

Поплавская Ирина Анатольевна, РФ, г. Москва, кандидат социологических наук, доцент, социологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, Ленинские горы, д.1, e-mail: tabirina@live.ru

Poplavskaya I.A.

THE HEALTH OF THE NATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL INEQUALITY

The strategy of Russian medicine in the provision of patient care are differentiated according to ability to pay of different social strata. Ensure the availability of medical services to all categories of citizens is the main duty of a legal and social state under the Constitution of the Russian Federation

Keywords: health, poverty, drugs, availability of medical services

Information about the author

Poplavskaya Irina A. , of the Russian Federation, Candidate of sociological Sciences**,** the sociology faculty Lomonosov Moscow state University, Leninskie Gory, G1 e-mail: tabirina@live.ru

УДК: 316.356.2(470.12)

И.Н. Разварина, Л.Н. Нацун

МЕДИЦИНСКАЯ АКТИВНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ

На здоровье детей влияет характер поведения его социального окружения. В работе представлены результаты исследования здоровья детей, проведенного специалистами ИСЭРТ РАН в Вологодской области в 2016 году. Одна из задач – анализ влияния медицинской активности родителей на здоровье детей.

Ключевые слова: здоровье детей, заболеваемость, медицинская активность семей.

В условиях демографического старения населения сохранение и укрепление здоровья детей становится вопросом национальной безопасности. Сокращение численности детского населения, высокая младенческая смертность, ухудшение здоровья детей, в целом, оборачиваются масштабными экономическими потерями для территорий [3]. В перспективе нескольких поколений потери здоровья нынешних детей означают растущие в геометрической прогрессии экономические потери вследствие снижения репродуктивного потенциала населения и увеличения расходов государства и общества на здравоохранение [1]. Перечисленные явления становятся предпосылками снижения трудового потенциала подрастающего поколения вследствие дополнительных издержек времени и ресурсов на коррекционное воздействие и лечение. Актуальность исследования определена возрастанием роли родителей в здоровьесбережении детей, мотивации к здоровому образу жизни и повышению медицинской активности. Согласно данным государственного статистического наблюдения, заболеваемость детей в возрасте 0–14 лет в период с 2000 по 2015 гг. выросла в 1,34 раза, причем на протяжении периода с 2000 по 2014 гг. заболеваемость в Вологодской области была значительно выше средней по России. В целом по стране рассматриваемый показатель за 2000–2014 гг. вырос в 1,25 раза (рис. 1).

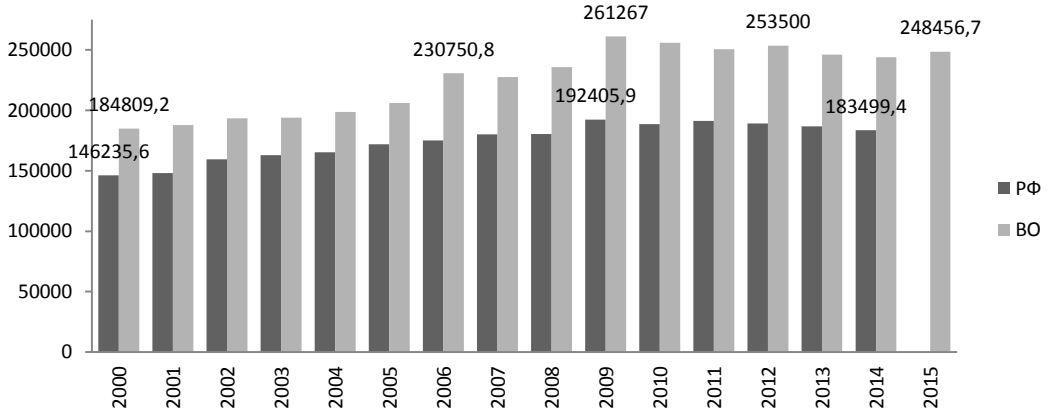


Рис. 1. Заболеваемость детей в возрасте от 0 до 14 лет (на 100 тыс. населения соответствующего возраста)

Источники: Федеральная служба государственной статистики — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#; Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 1999–2015 гг.: стат. сб. — Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, ГУЗ ДЗ ВО «МИАЦ», 1999–2016.

В структуре причин заболеваемости детей лидируют связанные с действием управляемых факторов риска, что даёт основание полагать, что профилактические мероприятия, реализуемые в настоящее время, не охватывают все сферы жизнедеятельности детей, либо их характер неадекватен природе рисков ухудшения здоровья.

Существует множество классификаций факторов формирования детского здоровья. Они делятся на экзогенные и эндогенные, управляемые и неуправляемые. Их действие может сочетаться, снижая адаптационный потенциал детского организма, его функциональные резервы и повышая вероятность возникновения и развития болезни. Всемирная организация здравоохранения выделяет такие факторы, как образ жизни и социально-экономические и природные условия, генетические особенности, качество здравоохранения.

В рамках нашего исследования, мы придерживались гипотезы о том, что влияние на здоровье детей оказывают экономические условия и образ жизни семьи: наличие вредных привычек, качество питания, пищевые привычки, стрессовые ситуации, двигательная активность, материально-бытовые условия, межличностные отношения, уровень образования и общей культуры, обращаемость за медицинской помощью [2].

Специфика формирования здоровья детей состоит в наличии дополнительных рисков его утраты вследствие более высокой чувствительности к внешним факторам и зависимости от родительской модели поведения [4]. Для оценки этих рисков наряду с анализом статистических данных используются социологические методы.

В мае 1995 г. Институтом социально-экономического развития территорий РАН (далее ИСЭРТ РАН) совместно с Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН и при поддержке Правительства Вологодской области было начато лонгитюдное панельное исследование условий жизни, влияющих на здоровье и развитие детей. Данные, полученные за весь период проведения мониторинга (1995 – 2016 гг.), позволили оценить воздействие различных факторов на здоровье детей. Причем они подразделялись в соответствии с возрастом: младенчество и раннее детство, дошкольный и школьный возраст. Отметим, что в числе наиболее распространенных факторов, негативно влияющих на детское здоровье, в исследовании выявлены: неудовлетворительные жилищные условия, неблагоприятные экологические условия в районе проживания, низкий достаток семьи, ослабленное здоровье детей в раннем детстве, низкая медицинская активность семьи.

В данной работе подробнее остановимся на оценке влияния медицинской активности на здоровье детей. Под медицинской активностью понимают деятельность людей в области охраны, улучшения индивидуального и общественного здоровья в определенных социально-экономических условиях. Она включает: наличие гигиенических навыков, выполнение медицинских рекомендаций, участие в оздоровлении образа жизни и окружающей среды, умение оказывать первую доврачебную помощь себе и родственникам, использовать средства народной, традиционной медицины и др. [2].

По результатам предыдущих лет исследования установлено, что около 70% родителей в обследуемых семьях всегда обращаются к врачам в случае проявления острых симптомов заболеваний у ребенка и полностью выполняют рекомендации докторов. Примерно четверть родителей признались, что не всегда выполняют рекомендации, данные врачом. Особенно часто такая тенденция прослеживается в неполных семьях. В других семьях прибегают к самолечению, средствам народной медицины или же обращаются за медицинской помощью только при тяжелом состоянии ребенка

Данные очередного этапа мониторинга 2016 года[1] подтвердили результаты предыдущих лет исследования. Знания и представления родителей о состоянии здоровья ребенка не всегда соответствуют действительности и не всегда совпадают с мнением врачей. Результат сопоставления показал: родители детей раннего возраста в 3 раза, детей 12-15 лет в 1,5 раза и чаще, чем педиатры, оценивают здоровье детей как «хорошее» (табл. 1). Это можно объяснить, в том числе, низким уровнем медицинской активности родителей.

[1] В 2016 году объём выборочной совокупности для проведения мониторинга составил 359 семей, из них в г. Вологде – 155 семей, г. Череповце – 138 семей, в районах области – 66 семей. Тип выборки: панельная. Сбор эмпирических данных производится посредством опроса семей в городах Вологде и Череповце и в трех районах области: Великоустюгском, Кирилловском и Вожегодском.

Таблица 1

Сопоставление оценки здоровья детей родителями и педиатрами, 2016 г. (в % от числа опрошенных)

Оценка здоровья ребенка родителями (*в % от числа опрошенных)*		Оценка здоровья ребенка педиатрами (*в % от числа наблюдаемых детей)*	
Когорта 2001 г.			
Хорошее	26,0	15,4	Хорошее (1 группа зд.)
Удовлетворительное	72,0	67,3	Удовлетворительное (2 гр. зд.)
Плохое	2,0	17,2	Плохое (3, 4 группа зд.)
Когорта 2004 г.			
Хорошее	29,8	16,0	Хорошее (1 группа зд.)
Удовлетворительное	63,8	64,0	Удовлетворительное (2 гр. зд.)
Плохое	0,0	18,0	Плохое (3, 4 группа зд.)
Когорта 2014 г.			
Хорошее	64,2	14,9	Хорошее (1 группа зд.)
Удовлетворительное	34,2	81,9	Удовлетворительное(2 гр. зд.)
Плохое	0,5	3,1	Плохое (3, 4 группа зд.)

Источник: здесь и далее, если не указано иное, результаты мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 2016 г.

Достаточно информированными по вопросам здорового образа жизни, гигиены и физиологии ребенка считают себя 72% родителей детей двухлетнего возраста, 60% – 15-летнего и только 43% родителей детей 12-летнего возраста (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что достаточно информированы о состоянии здоровья своего ребёнка?», 2016 г. (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Дети 2014 г.р. (2 лет)	Дети 2004 г.р. (12 лет)	Дети 2001г.р. (15 лет)
Да, полностью	71,6	42,6	60,0
Да, частично	27,4	53,2	38,0
Нет	1,1	4,3	2,0

Этот факт подтверждают и данные исследования, проведенного специалистами ИСЭРТ РАН в рамках договора с БУЗ Вологодской области «Медицинский информационно-аналитический центр» по теме «Факторы здоровья детей школьного возраста на примере г. Вологды и г. Череповца». Начиная со среднего школьного возраста, внешний контроль взрослых за здоровьем ребенка ослабевает и усиливается в выпускных классах. Важно, что недостаточная информированность родителей о факторах риска здоровья детей и слабая мотивация на проведение здоровьесберегающих мероприятий может являться одной из причин ухудшения здоровья детей.

Основную информацию об особенностях состояния здоровья и организации ухода за своим ребенком родители получают от врача (75–87%), а также из медицинской карты ребенка (15–39%). Не в меньшей мере в семьях стараются читать специальную литературу по здоровью детей (13–30%; табл. 3). Причем, по сравнению с 2014 годом исследования, эти показатели увеличились на 5 п.п, 11 п.п. и 9 п.п. соответственно. Таким образом, значительную помощь системе здравоохранения в распространении культуры здоровья могут оказать средства массовой информации, система просвещения и пропаганды здорового образа жизни и правильного питания, профилактики заболеваний.

Таблица 3

Источники, из которых родители получают информацию об особенностях состоянии здоровья и организации ухода за детьми; 2016 г. (в % от числа опрошенных)

Источник	Дети 2014 г.р.	Дети 2004 г.р.	Дети 2001 г.р.

	(2 лет)	(12 лет)	(15 лет)
От врача	82,6	74,5	86,0
Из медицинской карты ребенка	38,9	14,9	18,0
Из специальной литературы	29,5	12,8	28,0
От медсестры	7,4	23,4	26,0
Из других источников (знакомые, ТВ, радио, газеты)	26,8	12,8	32,0

Выявлено, что чем старше дети, тем реже родители обращаются за медицинской помощью в случае наступления острых заболеваний у ребенка (табл. 4). Анализируя данные мониторинга можем отметить, что такая тенденция сохраняется на протяжении пяти последних лет исследования.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Всегда ли при острых заболеваниях ребенка или обострениях хронического заболевания Вы обращаетесь к медикам?», 2016 г. (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Дети 2014 г.р. (2 лет)	Дети 2004 г.р. (12 лет)	Дети 2001 г.р. (15 лет)
Всегда	78,4	83,0	70,0
Не всегда, сначала пытаетесь лечить ребенка сами	13,7	12,8	24,0
Только при тяжелых состояниях ребенка	6,3	4,3	6,0

Медицинскую активность родителей косвенно может характеризовать и данные о профилактических прививках ребенку соответственно возрасту. Процент привитых детей выше в когортах 2001 и 2004 года рождения. В когорте 2014 года процент привитых детей снизился на 20 п.п. Увеличивается и число отказов родителей от плановой вакцинации: у пятнадцатилетних детей – нет отказов, в 12 летнем возрасте – 10%, в 3-х летнем возрасте – 18,3%.

По данным исследования «Факторы здоровья детей школьного возраста на примере г. Вологды и г. Череповца» доля родителей, признающих собственную ответственность за ухудшение здоровья ребёнка, не превышает 7% по всем классам заболеваний. Чаще среди причин заболеваемости детей называются наследственная предрасположенность и условия в школе (от 27 до 38% и от 12 до 14 % соответственно).

Это говорит о том, что родители склонны недооценивать вклад семейного воспитания в формирование здоровья детей. Также избегание оценки меры собственной ответственности – маркер некомпетентности родителей в вопросах сохранения и укрепления здоровья детей. Кроме того родители считают, что в школе на недостаточно высоком уровне проводится профилактика заболеваний. Отводя влиянию школы значительную часть в формировании здоровья ребенка, родители выше оценивают свою роль в профилактике заболеваний. В то же время, родители признают слабую коммуникацию со специалистами школы, что снижает эффективность оздоровительной работы среди обучающихся. Перекладывание ответственности на педагогов, школьных медицинских работников приводит к тому, что по мере взросления ребенка внешний контроль соблюдения правил здоровьесбережения со стороны родителей ослабевает, что при несформированности у него навыков здоровьесберегающего поведения может привести к снижению здоровья.

Несмотря на высокую значимость медицинской активности родителей и здоровьесберегающих практик семьи для здоровья ребенка, родители не всегда проявляют

интерес к состоянию здоровья своих детей, не всегда контролируют назначения врачей-специалистов при прохождении диспансеризации, недостаточно активно взаимодействуют с медицинским работником школы в вопросах профилактики и лечения заболеваний. Именно поэтому для сохранения и укрепления здоровья детей, важно совершенствовать инструменты повышения медицинской грамотности и активности родителей. Для этого необходимо:

1. При определении уровня медицинской активности и грамотности родителей учитывать степень их готовности к укреплению здоровья детей, предотвращению возможных заболеваний.
2. Информировать родителей о факторах риска развития заболеваний в рамках семейного воспитания, школьного обучения.
3. Использовать современные формы и методы коммуникации с родителями по взаимодействию с медицинским работником, классным руководителем, специалистами школы.
4. При формировании здоровьесберегающих программ предусмотреть мероприятия, помогающие родителям осознать непреходящую ценность собственного здоровья и здоровья своих детей, потребность личного участия в его сохранении и укреплении, ответственность не только за свое здоровье, но и за здоровье детей.

Выполнение данных рекомендаций – неотъемлемая часть формирования среды здоровьесбережения в семье и образовательных организациях. Её создание позволит повысить результативность работы по сохранению и укреплению здоровья детей.

© Разварина И.Н., Нацун Л.Н. Текст. 2017

Список источников

1. Здоровье детей России (состояние и проблемы) / под ред. акад. РАМН, проф. А.А. Баранова. – М., 1999. – 273 с.
2. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник / Лисицын Ю.П. – 2-е изд. – 2010. – 512 с.,
3. Шабунова А.А. Общественное здоровье и здравоохранение территорий: монография / А.А. Шабунова, К.Н. Калашников, О.Н. Калачикова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 286 с.
4. Шабунова, А.А. Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга: монография / А.А. Шабунова, М.В. Морев, Н.А. Кондакова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 262 с.

Информация об авторах

1. Разварина Ирина Николаевна (Россия, Вологда) - инженер-исследователь отдела исследования уровня и образа жизни населения ИСЭРТ РАН, Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а E-mail: irina.razvarina@mail.ru
2. Нацун Лейла Натиговна (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения ИСЭРТ РАН, Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а E-mail: leyl.fachradova2014@yandex.ru

Razvarina I. N., Natsun L.N.

PARENTS' MEDICAL ACTIVITY AS A FACTOR FOR CHILDREN'S HEALTH FORMATION

Children's health is affected by the character of behavior in their social environment. The paper presents the results of a children's health study carried out by the ISEDT RAS specialists in Vologda region in 2016. One of the study's tasks is to analyze the impact of parents' medical activity on children's health.

Key words: children's health, morbidity, families' medical activity.

Information about the author

1. Razvarina Irina Nikolaevna (Russian Federation, Vologda)- Research Engineer at the Department for the Studies of Lifestyles and Standards of Living. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences, 56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: irina.razvarina@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

2. Natsun Leila Natigovna (Russian Federation, Vologda) – Junior researcher at the Department for the Studies of Lifestyles and Standards of Living. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences, 56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: leyl.fachradova2014@yandex.ru Phone: +7(8172) 59-78-10.

УДК: 314.44

Н.Е. Русанова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ «ЭПИДЕМИИ НЕИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ» В РОССИИ

Быстрое распространение «эпидемии неинфекционных заболеваний» (инфарктов, инсультов, злокачественных новообразований, астмы, диабета и проч.), возникающих в молодости, приводит к неблагоприятным демографическим последствиям (преждевременная смерть, инвалидность, снижение репродуктивных возможностей).

Ключевые слова. Неинфекционные заболевания, преждевременная смертность, инвалидизация, демографические последствия

Одной из главных проблем здоровья населения во всем мире сегодня являются неинфекционные заболевания (НИЗ), обычно незаразные, хронические и медленно прогрессирующие. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объединяет их в четыре группы: сердечно-сосудистые заболевания (болезни системы кровообращения - инсульт, инфаркт и проч.); злокачественные новообразования (онкологические заболевания); хронические респираторные заболевания (болезни органов дыхания - хроническая обструктивная болезнь легких, астма и проч.); диабет; в Европе к ним добавляют проблемы психического здоровья и болезни опорно-двигательного аппарата.[1]

Таблица 1

Заболеваемость и смертность от основных НИЗ в России, 2015 г.

	Зарегистрировано заболеваний у пациентов всего*		Умерло от**		Показатель относительной интенсивности (частоты) смертности
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	
1	2	3	4	5	6 (гр. 5/гр. 3)
Все болезни	235008,1	100	1908,5	100	-
Болезни системы кровообращения	34002,8	14,47	930,1	48,73	3,37
Новообразования	6472,5	2,75	300,3	15,73	5,72
Болезни органов дыхания	55872,5	23,77	78,8	4,13	0,17
Сахарный диабет	4174,8	1,78	-	-	-

Источник. Рассчитано по: [2, с. 29-30]; [3, с. 31]

НИЗ являются причиной почти 2/3 всех смертей в мире, [4] они все чаще возникают в молодости и длятся много лет, приводя к преждевременной смерти либо потере трудоспособности. В России в 2015 г. 42,77% всего населения жили с НИЗ, но 68,59% умерших ушли из жизни именно после НИЗ, причем интенсивность смертности от разных НИЗ различна (табл. 1). Это значит, что НИЗ дифференцируются не только по летальности, но и по вкладу в общую смертность: например, злокачественные онкологические заболевания оставляют в полтора раза меньше шансов на долгую жизнь, чем болезни системы кровообращения, и в 33 раза меньше, чем самая многочисленная по заболеваемости группа НИЗ - болезни органов дыхания.

Одной из причин этого является коморбидность НИЗ, т. е. взаимодействие и усиление друг друга: диабет провоцирует развитие сердечно-сосудистых заболеваний, тяжелая депрессия наблюдается у трети онкологических больных и пациентов с гипертензией и четверти больных диабетом [1, с. 6-7]. Существует выраженная корреляция между физическим и психическим здоровьем, поскольку во многом они зависят от жилищных условий, питания, образа жизни, имеют общие факторы риска и возможности профилактики. Современные службы здравоохранения более ориентированы на лечение острых, а не хронических заболеваний, в результате не реализованы возможности раннего выявления НИЗ: у 50% страдающих сахарным диабетом болезнь может оставаться необнаруженной, а у 50% больных с установленным диагнозом лечение недостаточно, несмотря на то, что почти 80% страдающих диабетом умирают от сердечно-сосудистых заболеваний.

Заболеваемость НИЗ растет быстрее, чем другими болезнями: 104,88% и 103,91%, соответственно, за 2010-2014 гг.; более всего это касается сахарного диабета (123,59%) и новообразований (110,7%) [2, с. 80], особенно злокачественных, в группе 20-39 лет (108,91% для впервые установленных диагнозов) [2, с. 38].

Гендерные характеристики НИЗ свидетельствуют о зависимости между полом, формой протекания и смертностью от НИЗ (табл. 2).

Таблица 2

Умершие по основным классам причин смерти и полу в 2015 г.

	мужчины			женщины		
	тыс. чел.		%	тыс. чел.		%
	всего	16-59		всего	16-54	
От всех причин всего	964,8	367,1	38,05	943,7	95,2	10,09
В том числе от:						
Болезней системы кровообращения	426,8	113,8	26,66	503,3	22,1	4,39
Новообразований	159,7	46,2	28,93	140,6	21,9	15,58
Болезней органов дыхания	51,0	16,8	32,94	24,8	3,6	14,52

Источник. Рассчитано по: [3, с. 31]

У женщин и мужчин различается структура заболеваемости НИЗ: не менее 35% мужчин в возрасте 60 лет и старше страдают двумя или более хроническими болезнями, причем их число с возрастом постепенно увеличивается, а у женщин это явление наблюдается чаще, чем у мужчин [1, с. 6]. В трудоспособном возрасте мужская смертность от всех НИЗ в несколько раз превосходит женскую (95,2 тыс чел. и 367,1 тыс чел соответственно), особенно это касается болезней системы кровообращения, где превышение шестикратное [3, с. 31]. Однако наибольшую тревогу вызывает ситуация с заболеваемостью злокачественными новообразованиями, динамику которых за последние годы нельзя назвать

благоприятной: число этих заболеваний, зарегистрированных у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, за 2005-2014 гг. выросло на 20,84%, достигнув 566970 чел. (табл. 3).

Таблица 3

Динамика заболеваемости населения злокачественными новообразованиями по полу и возрастным группам за 2005-2014 гг. (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, 2005 г. - 100%)

	всего	15-19	20-39	40-59
мужчины	118,41	60,65	118,47	104,61
женщины	122,97	63,60	130,53	112,40
оба пола	120,84	62,03	126,35	108,84

Источник. [2, с. 38]

Такая ситуация характерна для всех групп трудоспособных возрастов, за исключением самых молодых, где налицо существенное снижение. Одной из причин позитивных изменений могут быть институциональные реформы, направленные на создание системы специализированной онкологической помощи детскому населению (0-18 лет), которые способствовали выявлению заболеваний в более раннем возрасте, когда профилактические осмотры проводятся достаточно регулярно и централизовано. Другая причина может быть связана с длительной диагностикой, которая усложняется физиологической спецификой пубертатного периода, и окончательный диагноз устанавливается в более взрослом возрасте. Максимальный рост зафиксирован в группе женщин молодого трудоспособного возраста (20-39 лет), что вызывает особые опасения в связи с ее повышенной репродуктивной активностью: именно в этом возрасте большинство россиянок рожает детей.

Включение соответствующих мер в программу реформирования отечественной медицины привело к определенным успехам, поскольку сократило число смертей от основных НИЗ, но иногда способствовало росту инвалидности от них: доля населения в возрасте 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами в результате злокачественных онкологических заболеваний, выросла за 2011-2014 гг. на 4,34% при общем снижении этого показателя для всех причин инвалидности на 13,47%, а для инвалидности после всех НИЗ — на 14,08% [2, с. 80]. При этом почти половина инвалидов находится в трудоспособном и репродуктивном возрасте (из них 36% женщин) [2, с. 80, 3, с. 60], что требует изменения подхода к занятости инвалидов, которая должна учитывать возможности современного непрерывного образования, а также к внедрению новых медицинских технологий, позволяющим избежать снижения репродуктивных возможностей.

Спецификой России является региональная дифференциация заболеваемости НИЗ. Так, низкая по сравнению со среднероссийской (17,3%) доля выявленных активно со злокачественными новообразованиями от числа больных с первично установленным диагнозом наблюдается в Брянской и Калининградской областях (7,6% и 8,8% соответственно), а в Иркутской области зафиксирован высокий процент выявляемости злокачественных новообразований на поздних (III и IV) стадиях (48,5% против 42,4% в среднем по стране) [5].

Таблица 4

Смертность населения в трудоспособном возрасте от основных НИЗ (2016 г.)

Причины	%
Все причины	100
Болезни системы кровообращения	29,51

Злокачественные новообразования	14,76
Болезни органов дыхания	4,3

Источник. [6]

Проводимая уже несколько лет реформа российского здравоохранения, направленная, в том числе, на изменение подхода к лечению НИЗ в условиях их хронизации, способствовала снижению смертности от некоторых из них, однако принципиально общую ситуацию не изменила (табл. 4). Заболевания и их причины неравномерно распределены среди населения, так как наибольшая их концентрация наблюдается среди самых бедных и уязвимых его слоев. Представители групп самого низкого социально-экономического уровня подвержены, по меньшей мере, удвоенному риску серьезного заболевания и преждевременной смерти по сравнению с лицами с более высоким социально-экономическим статусом. Растущая концентрация факторов риска в группах более низкого социально-экономического статуса ведет в дальнейшем к увеличению разрыва в показателях здоровья, однако уже сегодня заметны основные положительные демографические результаты борьбы с НИЗ: рост продолжительности жизни (72 года в 2016 г.), снижение смертности во всех возрастных группах, а также материнской (8,3‰) и младенческой (6,0‰), рост рождений с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (>1%).

© Русанова Н.Е. Текст. 2017

Список источников

1. Курс на оздоровление. Европейская стратегия профилактики и борьбы с неинфекционными заболеваниями. ВОЗ-2006 http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0010/76528/E89306R.pdf?ua=1
2. Здравоохранение 2015. Статистический сборник. М., 2015, с. 29-30 http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/zdrav15.pdf.
3. Мужчины и женщины России. 2016. Стат. сб./Росстат. - М., 2016. – с. 3
4. ВОЗ. Вопросы здравоохранения. Неинфекционные заболевания… http://www.who.int/topics/noncommunicable_diseases/ru/
5. Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» https://www.rosminzdrav.ru/ministry/programms/health/info
6. Смертность населения в трудоспособном возрасте (январь-декабрь 2016 г.) http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/smert.htm
7. Wilkinson R., Marmot M., eds. Социальные условия и здоровье: убедительные факты. Второе издание. Копенгаген, Европейское бюро, 2003. http://www.euro.who.int/document/e81384R.pdf

Информация об авторе

Русанова Нина Евгеньевна, Россия, г. Москва, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32. info@isesp-ras.ru

Rusanova N. E.

DEMOGRAPHIC RESULTS OF THE "EPIDEMIC OF NONCOMMUNICABLE DISEASES" IN RUSSIA

The rapid spread of the "epidemic of noncommunicable diseases" (heart attacks, strokes, cancer, asthma, diabetes, etc.), occurring in youth, leads to adverse demographic consequences (premature death, disability, reduced reproductive capabilities).

Key words. Noncommunicable diseases, premature mortality, disability, demographic consequences

Information about the author

Rusanova Nina E., Russia, Moscow, Doctor of Economics, Leading researcher, Institution of Socio-Economic problems of population RAS

УДК: 314.44

С.В. Соболева, Н.Е. Смирнова, О.В.Чудаева

ДИНАМИКА ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В 1995-2014 ГГ.

В статье представлена динамика заболеваемости населения Сибири в контексте российских тенденций по федеральным округам. Акцент сделан на заболеваемость болезнями системы кровообращения и новообразованиями, вносящими основной вклад в структуру смертности и инвалидизации населения.

Ключевые слова: заболеваемость населения, структура смертности, болезни системы кровообращения, новообразования, ожидаемая продолжительность жизни

Успех государства почти во всех сферах тесно связан с устойчивым демографическим развитием, обеспечивающим обществу воспроизводство человеческого потенциала. Демографический потенциал государства в немалой степени зависит от качественных характеристик населения, из которых важнейшее значение имеет показатель здоровья. Учитывая разнообразие факторов, влияющих на формирование общественного здоровья и его значимость как одного из важнейших ресурсов, можно сказать, что здоровье – это интегральный показатель благополучия территории, отражающий социально-экономическое положение населения, состояние экологии и медицинской помощи, оказываемой населению, а также генетический груз самого населения, с одной стороны, а с другой – это объективный критерий успешности проводимых политических, социальных и экономических реформ.

На протяжении 1992-2014 гг. в постсоветской России наблюдалась тенденция роста заболеваемости населения[1] с некоторой стабилизацией в 2009-2014 гг. (рис. 1). Позиции Сибирского федерального округа (СФО) по заболеваемости ухудшились с предпоследнего места среди федеральных округов в 1997-1998 гг. до второго места после Приволжского федерального округа в 2013-2014 гг. С 2000 г. округ превосходил среднероссийский уровень заболеваемости, и разрыв постоянно увеличивался: в 2010 г. заболеваемость населения в СФО уже на 5%, а в 2014 г. – на 9% выше, чем в среднем по России. В 2014 г. она составила 861 на 1000 человек населения и выросла с 1992 г. на 34% (в РФ – на 28%).

Среди субъектов СФО особо выделяется Алтайский край, где в 2014 г. уровень заболеваемости на 26% выше, чем в среднем по СФО (рис. 2). Выше средних по округу показатели заболеваемости в Омской и Иркутской областях. На общем неблагоприятном фоне несколько лучше выглядит ситуация с заболеваемостью в Республике Тыва и Республике Бурятия, а также в Забайкальском крае, что связано, в том числе, с более молодой возрастной структурой населения за счет более высокой рождаемости в этих регионах.

Особый интерес вызывает анализ трендов заболеваемости по классам, вносящим основной вклад в показатели смертности и инвалидизации населения. Среди основных классов причин смертности первое место – порядка половины всех смертей – принадлежит смертности от болезней системы кровообращения. В 2014 г. в СФО она составила 47,2% всех смертей (в РФ – 49,9%), второе место занимают новообразования – 15,8% (в РФ – 15,4%). В 2014 г. эти два класса причин в сумме составляли в СФО 63%, в РФ, соответственно, – 65% всех смертей. Аналогично для инвалидизации эти же два класса причин в сумме составили также больше половины всех случаев: в СФО – 56%, в РФ – 62%.

[1] Здесь и далее: зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения.

Наиболее быстро в период 1995-2014 гг. росла заболеваемость именно болезнями системы кровообращения: всего по РФ она выросла в 2,2 раза, а по СФО – в 2,7 раза (по другим округам – в 1,8-2,3 раза). В результате, если в 1995 г. СФО и РФ практически не различались по уровню заболеваемости по данному классу, то в 2014 г. округ превосходил РФ по заболеваемости болезнями системы кровообращения на 23%. Кроме того, начиная с 2003 г., исключая 2013 г., СФО занимал первые места среди округов РФ по этому классу заболеваемости. Причем происходило это при более молодой, чем в федеральных округах центральной части страны, структуре населения в СФО.

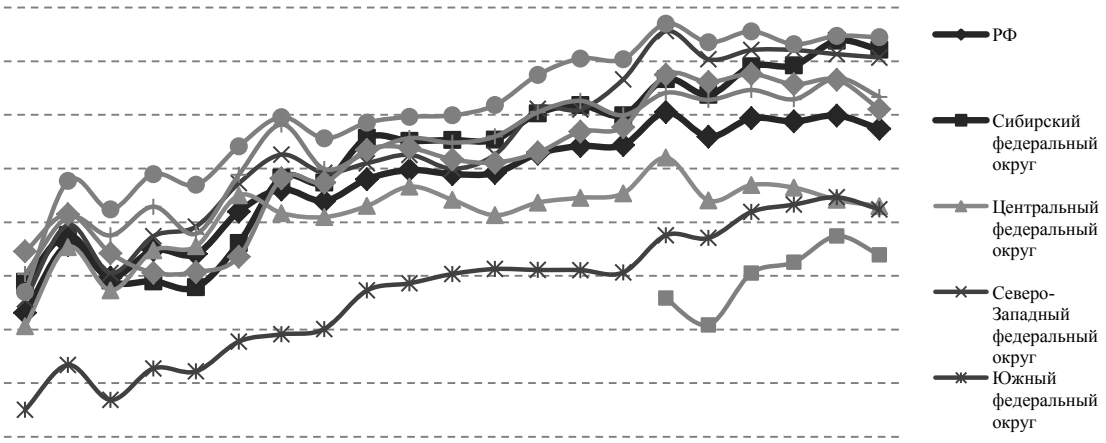


Рис. 1. Динамика заболеваемости населения по федеральным округам РФ, 1992-2014 гг. (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения)
Источник: Здравоохранение в России, 2001-2015, Москва, Росстат

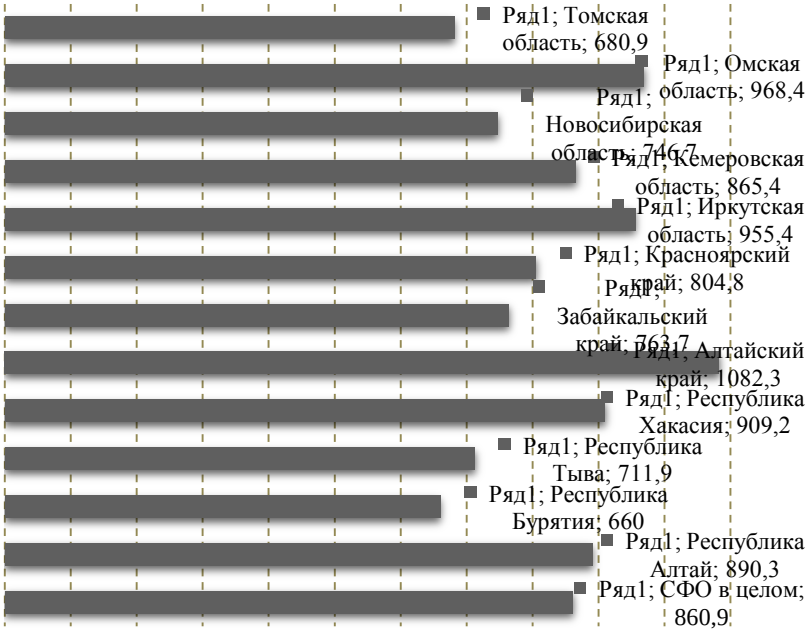


Рис. 2. Заболеваемость населения в субъектах СФО в 2014 г. (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения)
Источник: Здравоохранение в России, 2015, Москва, Росстат

За период 1995-2014 гг. заболеваемость болезнями системы кровообращения выросла в Кемеровской области в 5,3 раза, в Республике Хакасия в 4,8 раза, в 3-3,4 раза увеличилась она в Новосибирской и Иркутской областях, а также в Красноярском крае (рис. 3).

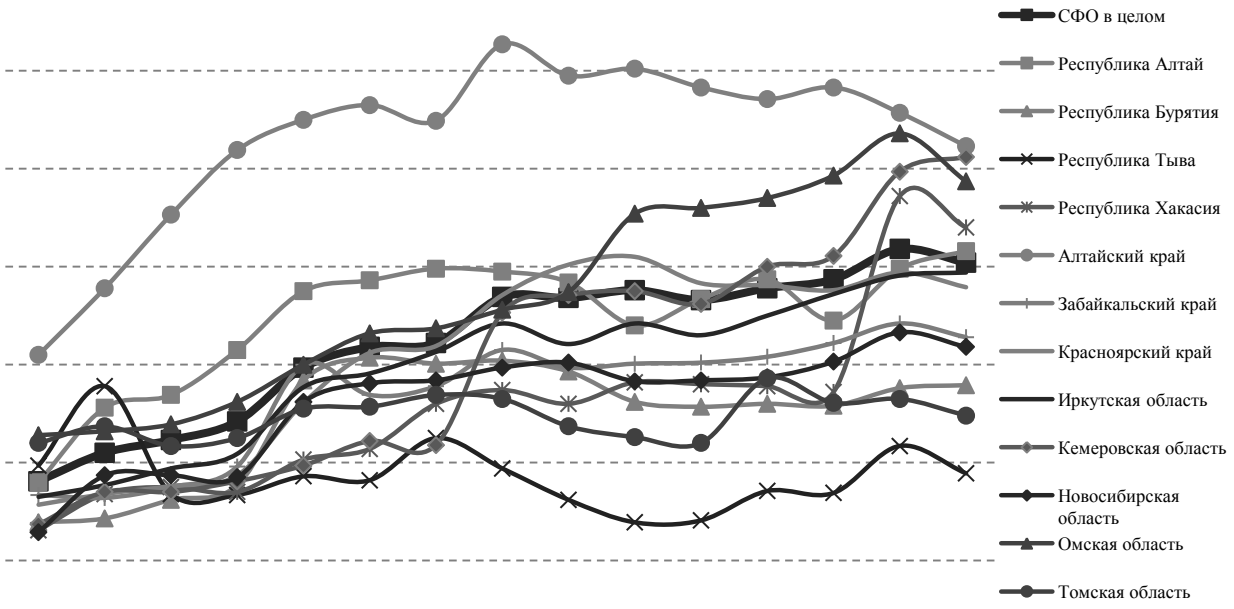


Рис. 3. Динамика заболеваемости болезнями системы кровообращения в субъектах СФО, 1995-2014 гг. (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения)
Источник: Здравоохранение в России, 2001-2015, Москва, Росстат

На протяжении всего периода Алтайский край прочно занимал первое место по заболеваемости болезнями системы кровообращения среди субъектов СФО. Но, если в 1995 г. Алтайский край превосходил средний уровень данной заболеваемости в округе почти в 2 раза, то в 2010 г. – на 69%, а в 2014 г. – на 34%, т.е. разрыв сокращается. В 2014 г. Кемеровская область практически приблизилась к Алтайскому краю по данному классу заболеваемости. Омская область также имеет высокую заболеваемость болезнями системы кровообращения. Начиная с 2008 г., она занимает второе место (в 2014 г. – третье). Ситуация наиболее благоприятна в Республике Тыва, где заболеваемость по этому классу даже снизилась за рассматриваемый период на 5%. В Республике Тыва, а также в Томской области и Республике Бурятия заболеваемость болезнями системы кровообращения существенно ниже, чем в среднем по СФО.

Второе место среди причин смертности в СФО занимают новообразования. За 1995-2014 гг. заболеваемость новообразованиями в СФО возросла в 2,3 раза, а в РФ – в 1,8 раза. В 2014 г. округ превосходил РФ по заболеваемости новообразованиями на 20%, при этом в 1995 г. значение показателя было даже ниже, чем в среднем по РФ. Положение СФО по отношению к другим округам постоянно ухудшается, а в период 2012-2014 г. он – первый среди округов РФ по уровню заболеваемости новообразованиями.

Снова выделяется в худшую сторону Алтайский край, занимающий на протяжении почти всего рассматриваемого периода первое место среди субъектов СФО и превосходящий в 2014 г. средние по округу показатели заболеваемости новообразованиями на 45%, а также Красноярский край и Иркутская область – превышение по ним составляет 17% (рис. 4). В лучшую сторону выделяются республики Тыва, Бурятия, Алтай, а также Забайкальский край.

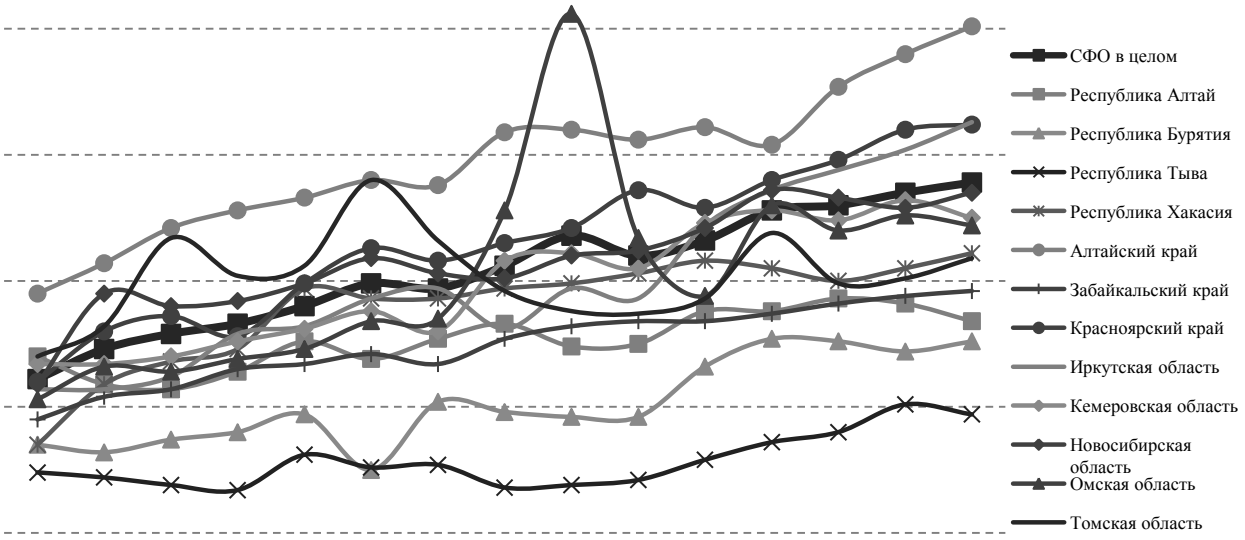


Рис. 4. Динамика заболеваемости новообразованиями в субъектах СФО, 1995-2014 гг. (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения)
Источник: Здравоохранение в России, 2001-2015, Москва, Росстат

Подводя итоги, можно констатировать, что несмотря на рост ожидаемой продолжительности жизни в последние годы, ситуация с заболеваемостью в стране продолжает оставаться напряженной. Причем увеличение заболеваемости происходило по сравнению с 1995 г., взятым за базу, который сам характеризуется резким ростом смертности и заболеваемости относительно периода до распада СССР и проведения либеральных реформ в России. Особенно плохо выглядит на общем фоне СФО – второе место среди всех федеральных округов по заболеваемости населения, а также первые места по многим основным классам заболеваний, и в первую очередь по вносящим наибольший вклад в смертность и инвалидизацию населения. В самом СФО резко выделяется в негативную сторону Алтайский край с самым высоким уровнем заболеваемости, на протяжении длительного времени удерживающий первые места по заболеваемости болезнями системы кровообращения и новообразованиям. Причем в СФО первые места по заболеваемости этими двумя классами болезней сочетаются с более молодой возрастной структурой населения, чем в среднем по России, и особенно в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Старение населения может еще больше усилить негативные тенденции.

Раньше существовало понятие «сибирское здоровье», означавшее хорошее, крепкое здоровье, с большим запасом прочности. В настоящее время первоначальный смысл этого понятия совсем не соответствует действительности. Уровень здоровья сибиряков один из самых низких в стране, и по ожидаемой продолжительности жизни ситуация хуже только в Дальневосточном федеральном округе (рис. 5). В СФО этот показатель был ниже среднероссийского в 2015 г. на 2 года. Заметим, что чем дальше на восток, тем хуже положение с ожидаемой продолжительностью жизни населения.

Таким образом, на фоне депопуляции в недавнем прошлом снижалось не только количество населения, но и его качество за счет роста заболеваемости и старения. Все вместе это создает неблагоприятные условия не только для воспроизводства населения, но и для экономики страны.

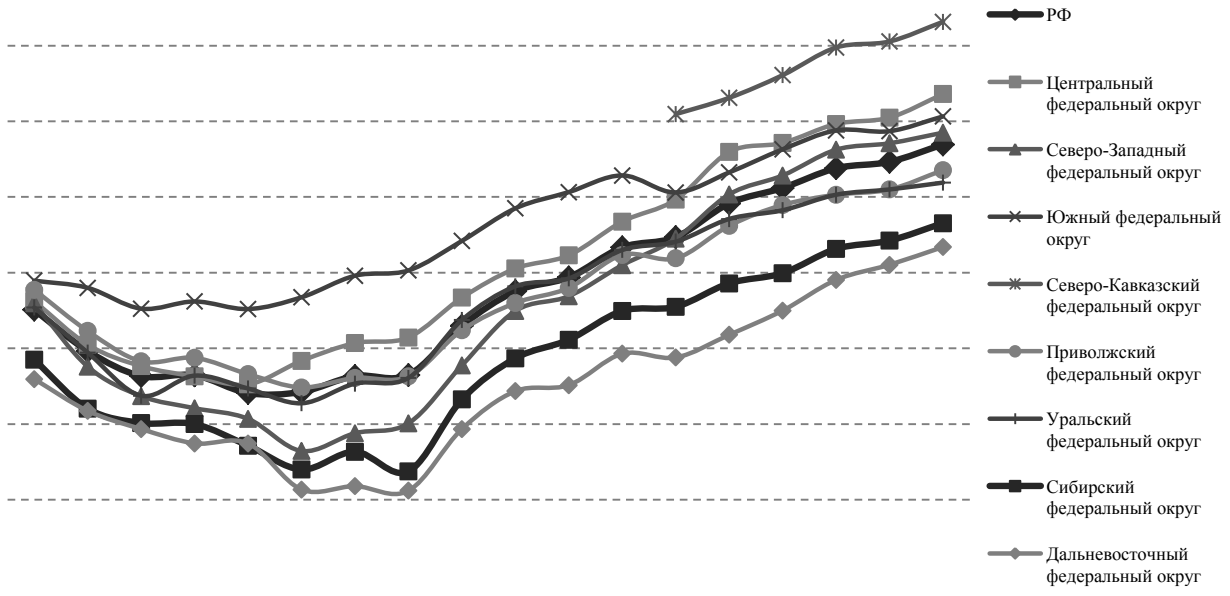


Рис. 5. Динамика ожидаемой продолжительности жизни в федеральных округах РФ в 1998-2015 гг., лет

Источник: Демографический ежегодник России, 2001-2015, Москва, Росстат; Регионы России. Социально-экономические показатели, 2016, Москва, Росстат

Повышенная заболеваемость тесным образом связана с низким уровнем жизни, плохими социально-бытовыми и экологическими условиями, хроническим стрессом в результате постоянных кризисов, которому подвергается население, старением населения и не всегда доступной медициной. В связи с этим мы считаем, что сбрасывание социальных гарантий и коммерциализация здравоохранения недопустимы в условиях России, только недавно вышедшей с большими усилиями из многолетнего состояния депопуляции. Особенно это касается восточных регионов страны с тяжелыми природно-климатическими условиями и низкой плотностью населения, которые имеют огромное геостратегическое значение.

Здоровье населения вместе с его численностью – важнейшие составляющие демографического потенциала. Здоровье человека – это не только его личное достояние, но и достояние его семьи, всего государства. Оно влияет на состояние экономики, обороноспособность, само существование государства при остающейся угрозе возобновления депопуляции. Поэтому государство должно обеспечить доступную и эффективную систему здравоохранения, так как это имеет прямое отношение к национальной безопасности.

© Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Текст. 2017

Информация об авторах

1. Соболева Светлана Владимировна (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН (630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17, e-mail: soboleva@ieie.nsc.ru)

2. Смирнова Наталья Евстафьевна (Россия, Новосибирск) – научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН (630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17, e-mail: soboleva@ieie.nsc.ru)

3. Чудаева Ольга Владимировна (Россия, Новосибирск) – научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН (630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17, e-mail: soboleva@ieie.nsc.ru)

Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V.

DYNAMICS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT POPULATION MORBIDITY IN 1995-2014

The article presents the dynamics of Siberian population morbidity in the context of trends in Russian Federal districts. Emphasis is placed on the incidence of diseases of the circulatory system and neoplasms, the main contributors to population mortality and disability.

Keywords: morbidity, structure of mortality, diseases of the circulatory system, neoplasms, life expectancy

Information about authors

1. Soboleva, Svetlana Vladimirovna (Russia, Novosibirsk) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: soboleva@ieie.nsc.ru)

2. Smirnova, Natalia Evstafievna (Russia, Novosibirsk) – Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: soboleva@ieie.nsc.ru)

3. Chudaeva, Olga Vladimirovna (Russia, Novosibirsk) – Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: soboleva@ieie.nsc.ru)

УДК: 314.424 (571.56)

Туманова Д. В.

ОСОБЕННОСТИ СМЕРТНОСТИ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматриваются трансформационные процессы в сфере смертности населения в Республике Саха (Якутия), анализируются особенности смертности северного населения, дается оценка значимости смертности от внешних причин смертности в потерях жизненного потенциала населения региона.

Ключевые слова*: смертность населения; причины смерти; внешняя смертность; потери жизненного потенциала; Республика Саха (Якутия)*

Негативный характер демографической ситуации в России в настоящее время во многом определяется повышенным уровнем смертности от внешних причин. В обеспечении эффективного воспроизводства демографического потенциала процессы смертности населения имеют для районов Севера ключевое значение. Как и в других северных субъектах, в Республике Саха (Якутия) ситуация со смертностью населения имеет ряд достаточно негативных проявлений [5, с.114-116].

В общей структуре умерших внешние причины устойчиво занимают 2 место после болезней системы кровообращения, определяя более 17% всех потерь населения. За 1990-2015 гг. число умерших снизилось почти на 24,2%. Однако, коэффициенты смертности находятся практически на уровне 1990 г. Вместе со снижением абсолютного числа умерших от внешних причин за 1990-2015 гг. отмечается и положительная динамика в сокращении доли этих причин смерти в общем числе умерших. После «пика» в 2000 году этот показатель сократился к 2015 году до 17,05%. Отмечая позитивные тенденции в смертности от внешних

причин, необходимо заметить, что можно говорить только о возврате к уровню 90-х годов прошлого столетия. Кроме того, в ряде арктических районов республики этот класс причин смерти выходит на 1-е место [8, с.290]

Ситуация в России со смертностью от внешних причин, к сожалению, не сравнима с положением дел в развитых странах. «В США, стране с населением в 2,2 раза большим, чем в России, в 2012 г. внешние причины унесли меньше жизней (190 тыс. против 194 тыс. в России)» [2, с.70].

В структуре причин насильственной смертности преобладают самоубийства и убийства, в совокупности составляя 47% общего числа умерших от внешних причин (2015 г.). Подобная ситуация отмечалась и в ранее проведенных исследованиях [4, с. 113].

За 1990-2015 гг. был отмечен рост коэффициента смертности от самоубийств в 1,4 раза. Число случаев смерти от убийств напротив имеет тенденцию к снижению – в 1,2 раза. Также необходимо отметить снижение в 1,5 раза числа смертей от случайных отравлений алкоголем. Наиболее благоприятна динамика смертей в результате дорожно-транспортных происшествий (сокращение более чем в 2,5 раза).

Почти 25% в общий коэффициент смертности от внешних причин вносят самоубийства, сменив на 1-м месте смертность в результате дорожно-транспортных происшествий. Несомненно, сокращение вклада дорожной смертности является позитивным фактом, однако рост доли самоубийств, как одного из моментов социального самочувствия населения, вызывает серьезные опасения.

Смертность от внешних причин наиболее характерна для трудоспособного населения (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициенты смертности населения в трудоспособном возрасте
по различным причинам в Республике Саха (Якутия),
на 100000 человек в трудоспособном возрасте

Причины смерти	2000	2005	2010	2015
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	18,6	17,5	12,5	14,1
Новообразования	78,4	79,0	64,2	63,3
Болезни системы кровообращения	193,2	264,2	260,3	188,6
Несчастные случаи, отравления и травмы	324,2	291,7	252,9	192,2
Из них:				
Самоубийства	68.9	67,0	56,1	49,6
Нападения (убийства)	74,8	70,5	47,7	30,5
Всего умерших	732,9	773,6	725,5	542,9

Доля умерших в трудоспособном возрасте среди мужчин составляет 60%. Продолжает сохраняться превышение коэффициентов смертности у мужчин по сравнению с аналогичными показателями у женщин, особенно в группе трудоспособных возрастов [7, с.40-44]. Около четверти всех умерших женщин находится в трудоспособном возрасте. В разрезе отдельных причин смерти наиболее высокие показатели в целом по населению отмечаются среди умерших в результате внешних причин.

Кроме возрастных различий присутствуют и различия по полу. Сравнительный анализ гендерной структуры причин смертности населения в Республике Саха (Якутия) показал заметное изменение вклада основных причин смерти по полу. Так, если в 1990 г. в структуре смертности мужского населения республики преобладали внешние причины, составляя 33,5%, то к 2015 г. этот класс причин смерти отступил на вторую позицию после болезней системы кровообращения, на долю которых пришлось 45,4% всех смертных случаев.

На протяжении 2002-2014 гг. вклад внешних причин смерти у мужчин Якутии был намного больше по сравнению с РФ и Дальневосточным федеральным (рис.1). По сравнению

с Дальним Востоком и Россией сокращение вклада внешних причин в общую смертность в республике было наименьшим.

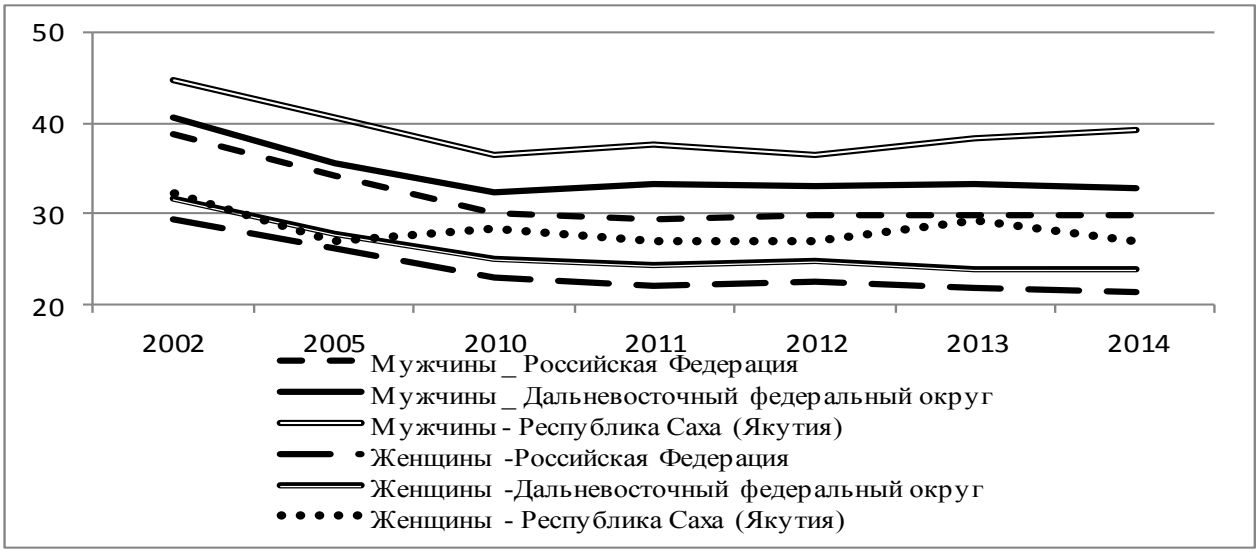


Рис. 1. Вклад смертности от внешних причин в общий коэффициент смертности мужчин и женщин, %

Сверхсмертность мужчин свойственна в целом для процессов смертности, во внешних же причинах смерти проявление ее еще более отчетливо. Причем превышение не только не сокращается, но и остается стабильным. В 2000 году превышение по общему коэффициенту смертности составляло 1,66, по смертности от внешних причин – 4,51 раза; в 2015 году соответственно 1,55 и 4,57 раза.

Существенная региональная специфика наблюдается и по отдельным причинам внешней смертности. По смертности от случайных отравлений алкоголем и от транспортных травм наблюдается наименьший разрыв с коэффициентами смертности в России и на Дальнем Востоке (рис. 2).

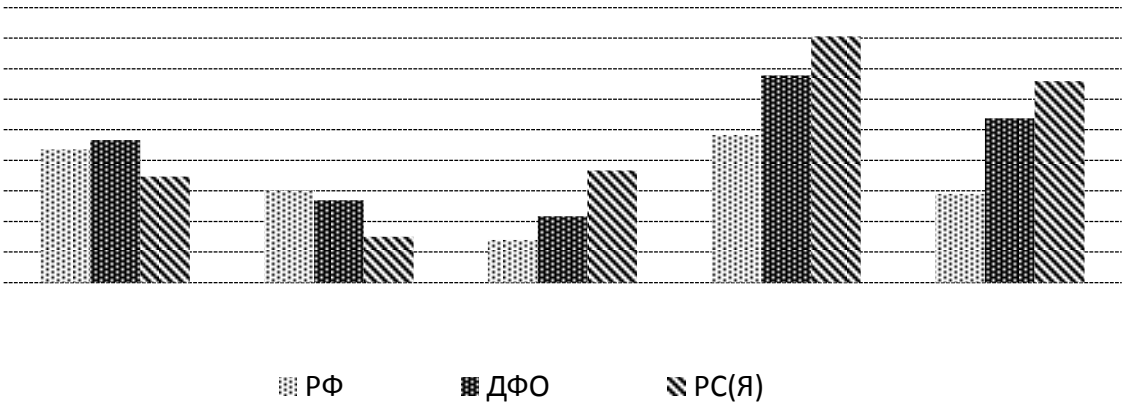


Рис. 2. Коэффициенты смертности от различных причин внешней смерти на 100 тыс.чел. в Республике Саха (Якутия), Российской Федерации и Дальневосточном федеральном округе (в среднем за 2000-2015 гг.)

Проблемы внешней смертности характерны и для других стран, как развитых, так и развивающихся. Для сравнения, в Китае коэффициент смертности у мужчин от причин внешней смертности в 1991-1999 гг. составлял 72,3, у женщин – 44,4 на 100 тыс.чел [10, с.22] (для сравнения в Якутии на 2000 год соответственно 403,6 и 89,5). Однако даже при таком уровне смертности от внешних причин исследователи считают, что внешние причины смертности стали одной из основных проблем общественного здравоохранения в Китае, а также полагают, что обоснована необходимость разработки комплексной национальной программы по предотвращению смертности от внешних причин в Китае.

В исследовании проблем смертности важным моментом является анализ потерь жизненного потенциала, что позволяет оценить резервы снижения смертности и соответствующей корректировки мер социально-демографической политики.

В 1990 году наибольшие потери жизненного потенциала были обусловлены болезнями системы кровообращения, как у мужчин, так и у женщин. Причины внешней смерти располагались на втором месте у мужчин, тогда как у женщин они находились на третьем месте. К 2008 году внешние причины смерти у мужчин переместились на 1-е место в потерях жизненного потенциала, а среди женщин переместились на 2-е место. Кроме того, и у мужчин, и у женщин потери жизненного потенциала от причин внешней смерти возросли. Для мужчин 39,8% и для женщин 22,5% потерь жизненного потенциала создают причины внешней смерти, что объяснимо высокой смертностью от этих причин у населения молодого, активного возраста [1, с.152].

Эти данные подтверждают вывод о том, что смертность должна оцениваться не только статистическими коэффициентами смертности, но расчетами по оценке того вклада, который вносят преждевременные и устранимые причины смерти в сокращение демографического потенциала. Анализ смертности в разрезе причин, показывающий отсутствие устойчивой положительной динамики, обусловливает актуальность дальнейших исследований в определении потерь жизненного потенциала населения региона.

Негативная тенденция сохранения высоких потерь жизненного потенциала в дальневосточных регионах присутствует уже достаточно давно. По уровню потерь жизненного потенциала Якутия занимала в 1989 году 71 место среди 73 исследованных регионов, в 1992 году – 72 место, в 1994 году – 55 место. Для сравнения, на последнем месте находилась Тыва, на протяжении всего исследуемого периода занимавшая последнее 73-е место [9, с.268].

Наибольшие потери потенциальной жизни в трудоспособном возрасте образуют внешние причины смерти наряду с двумя другими основными причинами смертности – болезнями системы кровообращения и злокачественными новообразования. По материалам исследования Б.А.Коробицына с соавторами, выполненного по состоянию на 2010 год, Республика Саха (Якутия) занимала 1-е место по потерям потенциальной жизни от внешней смертности у мужчин и 3-е место у женщин по сравнению с другими дальневосточными регионами.

Внешняя смертность определяет не только демографические потери; она значима и в аспекте экономических последствий. Как показывают исследования, наибольший вклад в экономический ущерб вносят такие причины, как болезни системы кровообращения и внешние причины смерти. Они составили в течение 2006-2011 г. в структуре потерь от основных причин смерти в среднем по годам 38,2 и 30,0% соответственно [6, с.22-23]. Экономический ущерб от преждевременной смертности в республике составил 978,3 млн.руб. в 2006 г., 1112,4 млн.руб. в 2007 г., 1438,1 млн.руб. в 2008 г., 1469,9 млн.руб. в 2009 г., 1764,4 млн.руб. в 2010 г., 2080,1 млн.руб. в 2011 г. [6, с.23].

Объемы недополученного ВРП в результате потерь потенциальной жизни в трудоспособном возрасте в наибольшей степени определяются внешними причинами смерти. В Республике Саха (Якутия) они дают 5,3% недополученного ВРП. Среди регионов Дальнего Востока по этому показателю Республика Саха (Якутия) разделяет 5-6 места с Хабаровским краем. Чукотский АО и Еврейская автономная область имеют еще больший процент недополученного ВРП в результате потерь потенциальной жизни в трудоспособном возрасте в результате внешних причин смерти (табл. 2).

Таблица 2

Недополученный ВРП в результате потери лет потенциальной жизни в трудоспособном возрасте вследствие трех основных причин смертности [3, с.49]

	Болезни системы кровообращения		Злокачественные новообразования		Внешние причины	
	Млн.руб.	% от ВРП	Млн.руб.	% от ВРП	Млн.руб.	% от ВРП

Приморский край	57012	12,3	3974	0,86	19566	4,2
Хабаровский край	45560	13,0	2873	0,82	18538	5,3
Амурская область	25257	14,1	1407	0,78	10666	5,9
Камчатская область	14765	14,5	905	0,89	3691	3,6
Магаданская область	7538	13,0	557	0,96	2607	4,5
Сахалинская область	67337	13,7	5068	1,03	30074	6,1
Чукотский АО	9103	21,7	481	1,15	3565	8,5
Республика Саха	42193	11,0	2768	0,72	20519	5,3
Еврейская автономная область	4607	14,2	272	0,83	2036	6,3

Таким образом, с точки зрения сокращения потерь демографического потенциала в Республике Саха (Якутия) внешние причины смертности имеют такую же значимость, как и болезни системы кровообращения. Исследование региональных особенностей смертности населения от внешних причин смерти показывает, что значительные потери демографического потенциала складываются именно вследствие этих причин смертности. Анализ смертности от внешних причин еще раз подтверждает, что далеко не все аспекты здоровья и смертности зависят от здравоохранения и профилактической работы в его рамках. На наш взгляд более тесное взаимодействие субъектов демографической политики с целью укрепления мер социальной профилактики будет более эффективно в снижении масштабов смертности населения от внешних причин.

© Туманова Д.В. Текст. 2017

Список источников

1. Будущее Республики Саха (Якутия): в 5 книгах. Кн.2. Процессы демографического воспроизводства и задачи социально-демографической политики. Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета. – 2015. - 220 с.
2. Кваша Е.А., Харькова Т.Л., Юмагузин В.В. Смертность от внешних причин в России за полвека // Демографическое обозрение. – 2014. – Том 1. – №4. – С.70.
3. Коробицын Б.А., Куклин А.А., Никулина Н.Л. Ущерб от основных причин смертности для субъектов Российской Федерации и оценка приоритетов по увеличению продолжительности жизни // Народонаселение. – 2014. – №3. – С. 42-56.
4. Мостахова Т.С. , Туманова Д.В. Демографическая безопасность региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. №14 (107). – С.111-115.
5. Мостахова Т.С., Туманова Д.В. Арктика: проблемы освоения и воспроизводства населения (на примере Республики Саха (Якутия) // Экономика, социология и право. 2015. – 1. –.114-116.
6. Тимофеев Л.Ф., Иванова А.А., Линденбратен А.Л., Гришина Н.К. Экономические аспекты смертности населения в Республике Саха (Якутия) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. – №3. – С.20-23.
7. Туманова Д.В. Современное состояние сверхсмертности мужчин в Республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 17(248). С.40-44.
8. Туманова Д.В. Динамика смертности населения Республики Саха (Якутия) в условиях социально-экономических трансформаций // Современные проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений. Издательство: Издательско-информационно-технологический центр «Алаас». Якутск. 2016. С. 289-291.
9. Флоринская Ю.Ф. Потери жизненного потенциала населения регионов России // Мир России. 1998. №1-2. С.257-271.

10. Rebholz Casey M., Dongfeng Gu, Wenjie Yang, Jing Chen, Xigui Wu, Jian-feng Huang, Ji-chun Chen, Chung-Shiuan Chen, Tanika N Kelly, Xiufang Duan, Lydia A. Bazzano, Jiang He. Mortality from suicide and other external cause injuries in China: a prospective cohort study // Rebholz et al. BMC Public Health 2011, 11:56 http://www.biomedcentral.com/1471-2458/11/56 DOI: 10.1186/1471-2458-11-56

Информация об авторе

Туманова Дарья Викторовна, Россия, Якутск, специалист-аналитик отдела региональных экономических и социальных исследований, Якутский научный центр Сибирского отделения РАН, 677000 г.Якутск, ул.Петровского, д.2, e-mail: dasha-tumanova@mail.ru

Tumanova D. V.

FEATURES OF MORTALITY FROM EXTERNAL CAUSES IN THE NORTHERN REGION

The article analyzes the transformation processes taking place in the mortality in the Republic of Sakha (Yakutia), features of mortality among the Northern population are analyzed, the assessment of the significance of mortality from external causes of death in the loss of vital potential of population in the region is given.

Key words: *mortality; causes of death; external mortality; loss of life's potential; the Republic of Sakha (Yakutia)*

Information about the author

Tumanova Daria Viktorovna, Russian Federation, Yakutsk , specialist-analyst, Department of regional economic and social research, Yakutsk scientific center, Siberian branch of RAS, Yakutsk, Petrovskogo str., 2, e-mail: dasha-tumanova@mail.ru

УДК: 314.4

С.В. Февралева

ВЕРОЯТНОСТНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В МОНИТОРИНГЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

В работе рассматривается возможность использования показателей потенциальной демографии для оценки здоровья населения. Выводы иллюстрированы показателями потенциальной демографии Хабаровского края.

Ключевые слова: потенциальная демография, средняя продолжительность предстоящей жизни, гендерный «выигрыш, возрастной ценз, предотвратимые причины, опережение смертности, демографическое старение, квартильный возраст.

Общепризнано, что средняя продолжительность предстоящей жизни населения является одним из показателей здоровья населения. Поскольку сегодня ответственность за здоровье населения возлагается не столько на систему здравоохранения, сколько на все органы управления, призванные мобилизовать массы на активное сохранение, поддержание своего здоровья, то его включение в перечень оценочных показателей эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, вполне обоснован [3].

Хабаровский край характеризуется относительно высоким уровнем этого показателя в ДФО. Повторяя в целом общероссийский характер изменения показателя, но отставая от него на 2-3 года, край не может быть отнесённым к благополучным регионам, что видно на

рисунке 1.

Рис.1. Соотношение средней продолжительности предстоящей жизни населения Хабаровского края и субъектов РФ[1]

Не смотря на то, что с 2010 года уровень смертности стал формировать положительный тренд, а с 2012 года начинается восстановительный период роста средней продолжительности предстоящей жизни к уровню 1990 года, край входит в группу территорий, в которых, скорее всего, не будет выполнен целевой показатель её увеличения до 75 лет к 2025 году [1]. По расчетам Минэкономразвития вследствие снижения значимости Хабаровского края в пространственном развитии Российской Федерации, средняя продолжительность жизни при рождении с учетом использования природных ресурсов, географического положения и пространственных факторов может составлять 67 лет. Использование не только названных факторов, но и научно-образовательного, инновационного потенциала края увеличит среднюю продолжительность жизни до 72 лет [4].

Официальная статистика смертности Хабаровского края фиксирует большие потери по причине болезней системы кровообращения – 43-50%, внешних факторов – 18–22% и онкологической заболеваемости – 14 – 18%. В совокупности трех ведущих причин смерти ежегодно выбывает из сферы экономики от 75% до 90% населения в самом экономически активном в возрасте[2].

Большая роль в росте средней продолжительности предстоящей жизни населения принадлежит сокращению уровня смертности, в том числе по предотвратимым причинам. По нашим расчетам за 2003 - 2015 г.г. ограничивали рост средней продолжительности предстоящей жизни 30% смертей, которые можно было предупредить методами первичной, вторичной профилактики, а также путем повышения качества предоставляемых медицинских услуг[3] вообще или в молодом возрасте.

Статистически доказано существование половой дифференциация демографических показателей здоровья населения, что является результатом различного воздействия природных, экономических факторов, тактики самосохранительного поведения, а также гендерной предрасположенностью и уязвимостью. Проблематичной зоной является трудоспособный возраст, в котором различия в уровне смертности мужчин превышает уровень смертности женщин от 3 до 3,5 раз.

[1] Построено по данным ф.3ТС Хабаровскстат за 2003 – 2015 г.г

[2] Рассчитано по ф. С51 Хабаровсстат

[3] Рассчитано по ф.С51 Хабаровскстат

В крае, как и по всей РФ, разрыв женских и мужских показателей значительно превосходит биологически заданный разрыв в 5 лет, что свидетельствует о наличии женского гендерного «выигрыша». И только в возрасте 62 - 65 лет разрыв становиться менее 5 лет [6. с.39]. Наличие гендерного перевеса в пользу женщин объясняется, в том числе и особенностями структуры смертности.

В качестве одного из методов углубленного исследования здоровья населения являются показатели потенциальной демографии, для построения которых используются таблицы смертности. Ряд расчетных показателей позволяет расширить и конкретизировать выводы об особенностях формирования уровня жизнеспособности половозрастных групп населения, в том числе в территориальном разрезе.

Обобщая таблицы смертности Хабаровского края можно отметить появление положительной динамика вероятностных показателей здоровья населения, основные количественные характеристики которого представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики вымирания населения Хабаровского края[1]

Вероятностные показатели продолжительности жизни, лет	год		
	2003	2010	2015
вероятная продолжительность предстоящей жизни населения	63,4	69,2	72,3
в том числе мужчин	50,3	61,6	65,4
женщин	73,6	77,1	78,7
Верхний квартильный возраст населения	76,4	80,3	82,5
в том числе мужчин	68,7	73,2	75,9
женщин	82,0	84,7	85,8
Нижний квартильный возраст населения	50,3	54,5	58,4
в том числе мужчин	45	48,2	52,7
женщин	60,5	64,9	67,4
Возраст демографического старения населения	59-60	63-64	64-65
в том числе мужчин	52-53	56-57	58-59
женщин	63-64	66-67	67-68

Возрастной ценз 50%-ой выживаемости имеет тенденцию к росту. Но в дальнейшем этот рост замедляется. По хронологии это совпадает с началом активной оптимизации здравоохранения. Аналогично ведут себя и возрастные показатели 75%-ой выживаемости и 25%-ой выживаемости. Если в 2003 году половина мужчин доживала до 50,3 года, то каждая вторая женщина – до 73,6 года. В 2015 году эти показатели соответственно составили 65,4 года и 78,7 года. ¾ мужчин перешагнут рубеж в 45 лет, а женщин – 60,5 года в начале изучаемого периода и в конце периода – 52,7 года и 67,4 года соответственно. Для 25% мужчин вероятная продолжительность предстоящей жизни - 68,7года и 75,9 и женщин - и 82,0 года и 85,8 года соответственно за период изучения.

Вероятностная модель интенсивности вымирания имеет положительный тренд. Для мужчин, родившихся в 2003 году, возраст 25 %-ой выживаемости превышал возраст 75 %-ой выживаемости в 1,527, для родившихся в 2010 году – уже в 1,519 раза и для родившихся в 2015 году – в 1,440 раза. Характер женской выживаемости – аналогичен, но менее интенсивный. Соотношение нижних и верхних возрастных критериев выживаемости сокращается с 1,355 до 1,273 в соответствии с годом рождения. Наметившееся оздоровление приближается к уровню и характеру вымирания в наиболее благополучном 1990 году.

Для населения Хабаровского края свойственно демографическое старение. Вероятностные меры демографического старения имеют ярко выраженную дифференциацию, аналогичную различиям средней продолжительности предстоящей жизни населения. Если учесть, что возраст, в котором ожидаемая продолжительности жизни равна

[1] Рассчитано по ф.3ТС Хабаровскстат.

15 годам, что, по мнению демографов соответствует возрасту вступления в старость [4,с.16], то можно отметить, что мужчины стареют до выхода на пенсию.

Трудовой потенциал является одним из индикаторов экономического развития. Косвенной оценкой его величины можно считать долю населения в рабочем возрасте. Начиная с 2003 года в Хабаровском крае, численность населения в трудоспособном возрасте имеет четко выраженную тенденцию к сокращению с 64,4% до 59,6 % к началу 2016 года[1]. Потенциальные характеристики сохранения трудового потенциала представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Характеристики сохранения трудового потенциала населения Хабаровского края[2]

	мужчины			женщины		
	2003	2010	2015	2003	2010	2015
доля доживающих до начала трудоспособного возраста, %	97,1	97,8	98,6	97,9	98,4	98,9
доля доживающих до конца трудоспособного возраста из числа доживающих до начала трудоспособного возраста, %	47,3	54,5	62,9	83,5	90,2	88,7
доля доживающих до 49 лет из числа доживших до 30 лет	73,9	79,3	89,4	91,0	92,4	93,3
Сокращение рабочего периода, лет	3,1	2,7	2,3	1,7	1,6	1,5

Согласно таблицам смертности населения Хабаровского края доля доживающих до начала трудоспособного возраста практически одинакова. Естественная убыль сокращает фонд рабочего времени, которым располагает население, так как некоторая часть населения, вступивших в рабочий возраст, не доживает до его верхнего предела. Показатели доживаемости до конца трудоспособного возраста различаются весьма существенно. Для детей, родившихся в 2015 году, при сохранении повозрастных уровней смертности перейдут в рабочий возраст 98607 мужчин и 98935 женщин из 100 тыс. родившихся, что несколько больше, чем в 2003 году. Потери трудового потенциала среди мужчин имеют тенденцию оздоровления за счет устойчивого сокращения уровня смертности с 15,3‰ до 9,4‰[3]. Женский трудовой потенциал не имеет таких существенных приростов, в том числе по причине изначально более высоких показателей продолжительности жизни и более низких уровней смертности в трудоспособном возрасте.

С точки зрения общественной эффективности наиболее производительным является средний возрастной сегмент населения в рабочем возрасте. Обобщение расчетов доли населения, доживающих до 49 лет из числа доживших до 30 лет, позволяет констатировать существование гендерных различий в сохранении трудового потенциала и, как результат, различия в сокращении продолжительности рабочего периода. Результатом новой государственной политика сохранения населения является сокращение потерь трудового потенциала. При потенциальном ресурсе трудовой жизни в 20 лет для среднего возрастного сегмента, продолжительность трудового периода для мужчин 30-49 лет из числа родившихся в 2003 году, может сократиться на 15,5%, для женщин – на 8,5%. Для родившихся в 2010 году трудовые потери мужчин, женщин вследствие преждевременной смертности составят на 13,5% и 8% соответственно. Для родившихся в 2015 году –11,5% и 7,5% соответственно. Выявленная пропорциональность изменения продолжительности

[1] Рассчитано по: Половозрастной состав населения Хабаровского края за 2004-2015 г.г.. Стат.сб./Хабаровскстат – г. Хабаровск, 2004-2015.

[2] Рассчитано по ф.3ТС Хабаровскстат.

[3] Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю URL: http://habstat.gks.ru (дата обращения: 07.05.2017).

трудового периода оценивает определенные успехи государственных и региональных программ демографического оздоровления. Но длительный мониторинг продолжительности трудового периода сложившуюся положительную, но замедляющуюся тенденцию, однозначно оценивать не позволяет. Расчетный показатель сокращения пока еще не достиг уровня 1990 года, когда потери составляли 2,1 года для мужчин и 1,1 года для женщин[1].

Сегодня актуальным является использование в анализе здоровья показателя жизненного потенциала, под которым понимается число человеко-лет жизни, которое проживет в будущем население. Оценка влияния потерь в продолжительности жизни и потерь, связанных с изменением возрастной структуры населения, позволяет определить основные компоненты изменения жизненного потенциала населения. Населению Хабаровского края, родившемуся в 2003 году, предстоит прожить 46 млн человеко-лет жизни, потенциальные возможности для населения 2010 год рождения - больше всего лишь на 0,4%. «Запас человеко-лет» для населения, родившегося в 2015 году, увеличивается на 3%. Меньшая жизнеспособности мужчин при их перевесе в численности в возрасте до 40 лет (около 9%) являются причиной женского перевеса в жизненном потенциале (около 10%). Динамика гендерного совокупного жизненного потенциал и влияние на него средней продолжительности предстоящей жизни представлено таблице 2.

Таблица 3

Динамика жизненного потенциала населения Хабаровского края

Изменение жизненного потенциала, %	2003-2010		2010-2015	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин
-общее	+1,4	-0,4	+6,5	+0,3
в том числе за счет:				
- средней продолжительности предстоящей жизни	+15,5	+10,5	+7,3	+3,3
- возрастной структуры	-3,9	-9,9	-0,7	-2,9

Динамика жизненного потенциала носит разноречивый характер. При общем его росте у мужчин на 8% жизненный потенциал женщин незначительно сократился. Однозначно можно отметить, что фактором, способствующим росту жизненного потенциала всего населения, послужило увеличение качественной составляющей - средней продолжительности жизни. Но влияние этого благоприятного фактора к концу рассматриваемого периода сокращается на 7-8 п.п. Демографическое старение населения является фактором, способствующим сокращению жизненного потенциала, причем среди женщин это влияние гораздо сильнее, чем среди мужчин. Наши выводы еще раз подтверждают вывод, сделанный в научной литературе о том, что мужской организм более отзывчив к изменение социально –экономических условий жизни, образа жизни.

В целом гендерная потенциальная демография является мощным информационным ресурсом для разработки и оценки эффективности социальной политики, направленной на создание благоприятных региональных демографо-экономических условий развития.

© Февралева С.В. Текст. 2017

Список источников

1. Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года [электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации №1351 от 9 октября 2007 года URL: http://base.garant.ru (дата обращения: 1.05.2017).

2. О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации [электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года N 606 URL: http://base.garant.ru (дата обращения: 1.05.2017).

[1] Рассчитано по ф.3ТС Хабаровскстат

3. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) [электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. N 1199 URL: http://base.garant.ru/70217848/#ixzz4ft06eTw0 (дата обращения: 2 мая 2017г).

4. О стратегии социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года (с изменениями на 26 мая 2011 года) [электронный ресурс]: постановление правительства Хабаровского края от 13 января 2009 года N 1-пр URL: http://docs.cntd.ru (дата обращения: 1.05.2017).

5. Вишневский А., Васин С., Рамонов А. Продолжительность жизни и возраст выхода на пенсию [электронный ресурс]: URL: http://.ru//www.demoscope.ru/weekly/2012/(дата обращения: 7.05.2017).

6. Февралева С.В. Оценка гендерных различий смертности населения Хабаровского края. В кн. Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практик. V Международная научно-практическая конференция. Сборник статей. – Пенза: РИО ПГСХА, 2016.С.101.

Информация об авторе

Февралева Светлана Викторовна, Россия, г. Хабаровск, кандидат экономических наук, доцент, Хабаровский государственный университет экономики и права, (680042 г. Хабаровск, ул. Тихоокенская, д.134, shurshum_86@mail.ru)

Fevraleva S.

REPRODUCTIVE AND DEMOGRAPHIC RESOURCES OF KHABAROVSKY KRAI

This paper examines the possibility of using indicators of potential demography for assessing the health of the population. The conclusions are illustrated by indicators of potential demographics of the Khabarovsk territory.

Key words: potential demography, the average life expectancy, gender "winning, age limit, preventable causes, the ahead mortality, demographic aging, age quartile.

Information about the author

Fevraleva Svetlana (Russia, Khabarovsk), Russia, Khabarovsk, vice-doctor, associate professor, Khabarovsk State University of Economics and law (680042 Khabarovsk, st. Pacific, 134, shurshum_86@mail.ru)

УДК: 332.13

Е.В. Чистова

ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СТАДИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье рассматривается понятие «демографическое старение». Представлены факторы формирования старения населения и обзор подходов к определению его уровня. Предложена методология оценки масштабов старения населения региона, включающая таких параметров, как уровень, глубина, факторы и скорость старения.

Ключевые слова: демографическое старение, уровень старения, глубина старения, факторы старения, скорость старения

Под демографическим старением понимается сдвиг возрастной структуры населения к старшим возрастам. Такой сдвиг обусловлен процессом демографического перехода, когда улучшение качества здравоохранения, охраны окружающей среды, повышение доступности образования, развитие гендерного равенства, повышение благополучия населения позволяют

увеличить продолжительность жизни и снизить смертность, но приводят к сокращению рождаемости населения. Комбинация этих двух тенденций – снижение рождаемости и смертности населения, ведет к устойчивому росту относительной численности пожилых людей, что и характеризует сам процесс старения населения. Однако необходимо отметить, что сокращение смертности становится весомой причиной старения населения только при достаточно низком уровне рождаемости. Если снижение рождаемости однозначно ведет к старению населения, то влияние смертности зависит от возрастной группы. Снижение смертности в ранних возрастах может способствовать омоложению населения. Ввиду этого принято различать «старение снизу», происходящее благодаря снижению уровня рождаемости населения, и «старение сверху», вызванное сокращением смертности в старших возрастах. Помимо тенденций смертности и рождаемости населения, среди причин возникновения демографического старения называют миграционные процессы. Молодое население более мобильно, и именно они «омолаживают» возрастную структуру территорий въезда.

Демографическое старение определяется удельным весом пожилых людей в общей численности населения территории:

$$k_x = \frac{P_{x+}}{P} \cdot 100$$

где k_x – коэффициент старения населения;
x– возраст (граница) начала старости, лет;
P_{x+}– численность лиц в возрасте xлет и старше, чел.;
P– общая численность населения, чел.

Возраст начала старости населения x является условной границей, величина которой обычно принимается за 60 или 65 лет. Для интерпретации значения коэффициента старения населения разработаны ряд шкал в зависимости от доли пожилого населения в общей численности населения.

Наиболее широкое распространение среди них получила шкала Ж. Боже-Гарнье – Э. Россетом. Согласно этой шкале, страны, в которых доля лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения составляет свыше 12%, относятся к демографически «старым». По шкале ООН население считается старым, если доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляет 7% и выше. Сопоставление этих двух шкал представлено в таблице 1.

Таблица 1

Сопоставление шкал демографического старения

Шкала демографического старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета		Шкала демографического старения ООН	
Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Шкала старения	Доля лиц в возрасте 65 лет и старше, %	Шкала старения
менее 8	Демографическая молодость	менее 4	Молодое население
8-10	Первое преддверие старости	4-7	Население на пороге старости
10-12	Собственно преддверие старости		
более12	Демографическая старость	более 7	Старое население

12-14	Начальный уровень демографической старости		
14-16	Средний уровень демографической старости		
16-18	Высокий уровень демографической старости		
более18	Очень высокий уровень демографической старости		

Обе шкалы были разработаны в 1950-х гг., в этот период население даже европейских стран было относительно молодым. В сегодняшних условиях, когда большинство стран перешли отмеченные возрастные границы, эти шкал требуют пересмотра и уточнения.

Более сложные подходы к определению уровня демографического старения населения основаны на анализе возрастной структуры населения. Шведский демограф А. Сундберг предложил выделять прогрессивный, стационарный и регрессивный типы возрастной структуры населения, различающиеся удельными весами детей и пожилых людей. В зависимости от типа возрастной структуры численность население увеличивается, сокращается либо остается стабильной.

Однако на формирование возрастной структуры населения существенное влияние оказывают экзогенные факторы (такие, как войны, стихийные бедствия), которые надолго приводят к деформации возрастной пирамиды в результате убыли населения молодых возрастов, резкому снижению рождаемости и миграции.

Такого рода исторические изменения в возрастной структуре населения были учтены сербским ученым Г. Пеневым в предложенных им стадиях демографического старения (таблица 2). На основе значений пяти индикаторов каждая популяция может быть отнесена к одной из семи стадий: от ранней демографической молодости (первой стадии) до стадии глубочайшей демографической старости (седьмая стадия).

Таблица 2

Стадии демографического старения по Г. Пеневу [1]

Стадии старения	Индикаторы демографического старения населения				
	Средний возраст населения, лет	Доля лиц в возрасте 20 лет и моложе, %	Доля лиц в возрасте 40 лет и моложе, %	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Индекс старения
1. Ранняя молодость	менее 20	более 58	более 85	менее 4	менее 0,07
2. Молодость	20-25	50-58	75-85	4-7	0,07-0,14
3. Зрелость	25-30	40-50	65-75	7-11	0,14-0,28
4. Порог старости	30-35	30-40	58-65	11-15	0,28-0,50
5. Старость	35-40	24-30	52-58	15-20	0,50-0,83
6. Глубокая старость	40-43	20-24	45-52	20-25	0,83-1,25
7. Очень глубокая	более 43	менее 20	менее 45	более 25	более 1,25

старость					

Примечание: средний возраст населения – сумма произведений значений возраста на численность населения в этом возрасте; индекс старости – отношение числа пожилых к числу детей в возрасте до 15 лет.

Экзогенные факторы демографического развития территории оказывают влияние не только на смену типа возрастной пирамиды, но, что немаловажно, и на скорость изменения возрастной структуры населения. Для иллюстрации уровня старения и динамики процесса З. Длугосз разработал индекс старения, который рассчитывается по формуле [2]:

$$W_{SD} = \left[U_{(0-14)t} - U_{(0-14)t+n}\right] + \left[U_{(>65)t+n} - U_{(>65)t}\right],$$

где W_{SD} – индекс старения;
$U_{(0-14)t}$ – доля населения 0-14 лет в начале анализируемого периода;
$U_{(0-14)t+n}$ – доля населения 0-14 лет в конце анализируемого периода;
$U_{(>65)t+n}$ – доля населения 65 лет и старше в конце анализируемого периода;
$U_{(>65)t}$ – доля населения 65 лет и старше в начале анализируемого периода.

В качестве графического решения значение индекс старения населения З. Длугосз предлагает рассмотреть систему координат, где по оси ординат представлены значения изменения доли молодого населения, а по оси абсцисс – значения изменения доли пожилого населения. Дополнительно в систему координат им были введены две диагонали для более точного определения зависимости между этими двумя показателями. Определив точку на основе пересечения значений указанных переменных, рассматриваемое население можно отнести к одному из восьми теоретическим типам.

Для определения уровня демографического старения населения также используются традиционные показатели, основанные на соотношении возрастных контингентов. Среди них наиболее употребительными являются:

- индекс глубины старения, отражающий долю населения в старческом возрасте среди всего пожилого населения;
- коэффициент долголетия населения, который показывает, сколько из каждых ста человек, доживших до, достигнет возраста долголетия;
- коэффициент демографической нагрузки пожилым населением, показатель экономического анализа, который рассчитывается как отношение числа лиц старше трудоспособного возраста к численности трудоспособного населения, умноженное на 100.

С помощью традиционных показателей старение населения рассматривается с позиции анализа хронологического возраста, при таком измерении население старше 60 или 65 лет попадает в категорию пожилых людей. В системе показателей, основанной на проспективном подходе [3], граница старости определяется не числом прожитых от рождения лет, а числом лет предстоящей продолжительности жизни. Как и в случае с традиционным показателем, выбор этого значения произвольный. Сейчас в качестве такого рубежа принимают 15 лет [4].

На основе проведенного обзора можно сделать вывод, что доля пожилых в общей численность населения является наиболее распространенным и очевидным показателем в измерении демографического старения, но не достаточным для выявления глубины, факторов и скорости данного явления. Адаптация и сочетание представленных подходов к описанию процессов демографического старения позволит оценить его масштабы на региональном уровне и создаст предпосылки для формирования механизма приспособления экономики к последствиям. В связи с этим предлагается подход к определению стадии демографического старения населения на региональном уровне.

В методологию определения масштабов демографического старения населения на региональном уровне заложены четыре положения. Во-первых, стадии старения населения

определяется на основе разработанной пороговой системы показателей (таблица 3), которая включает такие параметры оценки, как уровень старения, его глубина, факторы и скорость. Если показатели уровня и глубины старения описывают текущую ситуацию, то показатели факторов и скорости характеризуют тенденции и перспективы данного явления в регионе.

Во-вторых, поскольку граница старости является понятием условным, в разработанном подходе она устанавливается на уровне возраста выхода на пенсию, для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет. Такое допущение облегчает сбор и обработку данных из официальных статистических источников и упрощает экономическую интерпретацию результатов. Для определения глубины старения населения применяются следующие возрастные границы:

- старческий возраст – от 75 лет и старше (для мужчин и женщин);
- возраст долголетия – от 90 лет и старше (для мужчин и женщин) [5].

Таблица 3

Матрица стадий демографического населения

Параметр	Индикатор	Значение индикатора	Стадии			
			I	II	III	IV
Уровень старения населения	Коэффициент старения населения, %	менее 15	■			
		15-20		■		
		более 20			■	■
	Средний возраст населения, лет	менее 30	■			
		30-40		■		
		более 40			■	■
	Коэффициент демографической нагрузки пожилым населением	менее 300	■			
		300-450		■		
		более 450			■	■
	Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни мужчин, достигших 60 лет, лет	менее 15	■			
		15-20		■	■	
		более 20				■
Глубина старения населения	Индекс глубины старения, %	менее 15	■			
		15-25		■	■	
		более 25				■
	Коэффициент долголетия населения, %	менее 2	■			
		2-5		■	■	

		более 5				■
Факторы старения населения	Темп прироста коэффициента рождаемости населения, %	менее 100		■	■	■
		более 100	■			
	Коэффициент естественного прироста населения, чел./10000 чел.	менее 0,0	■			
		более 0,0				■
	Коэффициент миграционного прироста населения, чел./10000 чел.	менее 0,0		■	■	■
		более 0,0	■	■		
Скорость старения населения	Темп прироста коэффициента старения населения, %	менее 100	■			
		более 100		■	■	■
	Динамика старения населения, %	менее 33	■			
		33-66		■	■	
		более 66			■	■

Такая периодизация используется в докладах ООН, ВОЗ и является наиболее распространенной схемой в России [6], принятой в 1965 г. на VII Всесоюзной конференции по проблемам возрастной морфологии, физиологии и биохимии [7].

В-третьих, население каждого региона на основе значений показателей соотносится с одной из четырех стадий демографического старения:

- I стадия – молодое население;
- II стадия – стареющее население;
- III стадия – старое население;
- IV стадия – глубоко старое население.

Теоретически число комбинаций значений рассматриваемых показателей предполагает наличие большего числа стадий (например, «молодеющее население»), но в рамках данного подхода они не рассматриваются. Данное допущение сделано на основе общепризнанного положения, что старение населения является неизбежным процессом [8], а влияние мер по стимулированию деторождение (даже эффективных) и увеличение числа мигрантов на предполагаемую степень старения населения являются весьма скромными [9].

В-четвертых, для оценки динамики демографических процессов регионов фактические значения показателей сравниваются с уровнем значений 1990 г., что оправдано исходя из следующих доводов:

- процессы воспроизводства населения инерционны в своем развитии, поэтому, чтобы оценить динамику, необходим достаточно большой временной период, но существенно не превышающий длину поколения;
- сопоставление значений показателей со значениями в 1990-х гг. исказит реальную картину, т.к. с 1992 г. Россия вошла в явной форме в наиболее острый и опасный этап демографического кризиса;
- согласно теории поколений, примерно за 20-25 лет [10] появляется новое поколение, ценности и поведение (включая репродуктивные установки, образ жизни) которого отличаются от их предшественников [11].

Таблица 3 представляет собой матрицу определения стадии демографического населения, которая включает перечень показателей и их пороги для каждой из стадий. На основе соотнесения фактических значений показателей с матрицей производиться определение стадии демографического населения определенного региона.

© Чистова Е.В. Текст. 2017

Благодарность

Исследование выполнено в соответствии с планом НИР ИЭ УрО РАН. Номер темы в ИСГЗ ФАНО №0404-2015-0020.

Список источников

1. Пенев Г. Становништво по старости и полу. Становништво и домаћинства СР ЈугославијепремаПопису 1991. Уредник Светлана Радовановић. Београд: Савезни завод за статистику и Центар за демографскаистраживања ИДН, 1995.С. 155-178.
2. Dlugosz Z. The level and dynamics of population ageing process on the example of demographic situation in Europe //Bulletin of Geography. Socio-Economic series. 2003. № 2. P. 5-15
3. Sanderson W., Scherbov S. (2005). Average Remaining Lifetimes Can Increase as Human Populations Age // Nature. Vol. 435. P. 811-813.
4. Вишневский А.Г., Васин С.А., Рамонов А.В. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни. Вопросы экономики. 2012. № 9. С. 88-109.
5. Покровский В.И. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М.: Медицина, 2005. 1592 с.
6. Лукьянова И.Е., Овчаренко В.А. Антропология / под ред. Е.А. Сигиды. М.: ИНФРА-М, 2008. 237 с.
7. Материалы Седьмой научной конференции по вопросам возрастной морфологии, физиологии и биохимии. [Апрель 1965 г.] / Науч.-исслед. ин-т возрастной физиологии и физ. воспитания. Акад. пед. наук РСФСР. Москва, 1965. 522 с.
8. Щербакова Е. Дальнейшее старение населения неизбежно // Демоскоп Weekly.2007. №291-292. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0291/barom02.php
9. Обзор мирового экономического и социального положения, 2007 год. Развитие в условиях старения населения мира. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2007. URL: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf
10. ИгнатоваТ.В. Преемственность и конфликт поколений // Образование и общество. URL: http://www.jeducation.ru/3_2005/100.html
11. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. NewYork: WilliamMorrow&Company, 1991. 538 p.

Информация об авторе

Чистова Елена Витальевна, Россия, Екатеринбург, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул .Московская, 29, elvitvas@ya.ru).

E.V. Chistova

THE APPROACH TO DEFINING THE STAGE OF DEMOGRAPHIC AGING OF THE POPULATION OF REGION

The paper discusses the concept of "demographic ageing". The paper presents the factors of population ageing and the survey of approaches to determine it. The methodology for the assessment of the extent of population ageing of region is proposed, including such parameters as level, depth, factors and rate of aging.

Key words: demographic ageing, the level of aging, the depth of the aging, of aging, rate of aging

УДК: 304.3

А.А. Шабунова, А.В. Короленко

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ: МЕСТО ПРОФИЛАКТИКИ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

В статье рассматриваются поведенческие практики современного человека по формированию своего образа жизни и поддержания здоровья, физической и медицинской активности. Анализ проведен на материалах социологического мониторинга, проводимого в Вологодской области. Определено, что ценность здоровья и установка на долголетие существенно изменяют самосохранительные практики населения.

Ключевые слова: здоровье, физическая активность, социологический опрос, профилактика, самосохранительное поведение, вредные привычки.

Здоровье – стратегический ресурс благополучия не только каждого отдельного человека, его семьи, но и населенного пункта, региона, страны в целом. Исследование посвящено анализу современных здоровьсберегающих практик населения Вологодской области, для анализа использованы результаты мониторингового исследования общественного здоровья, проводимого Институтом социально-экономического развития территорий РАН на территории региона.

В сфере укрепления здоровья достигнуты заметные результаты – ожидаемая продолжительность жизни в России за последние 15 лет увеличилась на 6 лет и составила 71,4 года. Россия по величине ОПЖ входит в группу стран со средней продолжительностью жизни, ее уровень сопоставим со среднемировым значением и на 10 лет уступает среднему по странам Евросоюза (81,0 года в 2015 году).

По уровню ожидаемой продолжительности здоровой жизни отставание России от ведущих развитых государств мира ещё значительнее – более чем на 10 лет, гендерный разрыв в её величине выше в 2 – 3 раза (9 лет против 3–5; табл. 1).

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении по некоторым странам мира (число лет)

Страны	2000 г.			2015 г.			Изменение 2015 к 2000, лет		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
Весь мир	*58,5*	*57,0*	*60,1*	*63,1*	*61,6*	*64,6*	*+4,6*	*+4,6*	*+4,5*
Некоторые страны мира									
Япония	72,7	70,1	75,2	74,9	72,5	77,2	+2,2	+2,4	+2,0
Швейцария	69,9	67,9	71,8	73,1	71,7	74,3	+3,2	+3,8	+2,5
Германия	69,7	67,1	72,4	72,6	70,7	74,4	+2,9	+3,6	+2,0
Италия	69,7	67,1	72,4	72,6	70,7	74,4	+2,9	+3,6	+2,0
Канада	69,8	68,2	71,3	72,3	71,3	73,3	+2,5	+3,1	+2,0
Норвегия	69,3	67,3	71,2	72,0	70,6	73,4	+2,7	+3,3	+2,2
Швеция	69,7	68,3	71,1	72,0	71,1	73,0	+2,3	+2,8	+1,9
Великобритания	68,6	67,0	70,1	71,4	70,3	72,5	+2,8	+3,3	+2,4
Франция	68,7	66,5	70,8	71,3	69,7	72,8	+2,6	+3,2	+2,0

Дания	67,9	66,4	69,4	71,2	70,0	72,3	+3,3	+3,6	+2,9
США	67,2	65,5	68,9	69,1	67,7	70,4	+1,9	+2,2	+1,5
Бразилия	61,9	59,3	64,5	65,5	63,1	67,8	+3,6	+3,8	+3,3
Беларусь	61,2	57,0	65,6	65,2	60,7	69,6	+4,0	+3,7	+4,0
Украина	60,6	56,2	65,2	64,1	60,2	67,8	+3,5	+4,0	+2,6
Россия	***58,3***	***53,3***	***63,9***	***63,4***	***59,0***	***67,8***	***+5,1***	***+5,7***	***+3,9***
Индия	54,2	53,9	54,5	59,6	58,8	60,4	+5,4	+4,9	+5,9
Источник: World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository. – URL: http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en									

Здоровье человека существенно зависит от образа жизни. Именно здоровый образ жизни – это основа качественной жизни и увеличения количества прожитых здоровых лет. В первую очередь, ЗОЖ – это отказ от «вредных привычек», полноценное питание, физическая активность, гигиена, режим труда и отдыха, психологическое благополучие. И если элементы ЗОЖ может назвать практически каждый школьник, то в реальной жизни по данным социологических исследований ИСЭРТ РАН[1] не более 10% населения утверждают, что ведут здоровый образ жизни.

Важно понимать, как формируется образ жизни. База и гарант заботы о здоровье – его ценность, потребность в здоровье и хорошем самочувствии, желание жить активно и долго, основанные в том числе на медико-гигиенической грамотности населения. Исходя из своих представлений, полученных знаний и опыта, условий жизни человек осознанно или неосознанно выбирает линию поведения, набор повседневных практик. ЗОЖ – это оптимальный для здоровьесбережения вариант самосохранительного поведения.

Установка на долголетие – сильный стимул ведения ЗОЖ. Анализ ответов на вопрос о желаемом количестве прожитых лет, которое хотел бы прожить человек при самых благоприятных условиях, показал, что для большей части населения идеальная продолжительность жизни составляет 70-80 (21%) и 80-90 лет (22%). При этом ожидаемая продолжительность жизни, обозначенная в ответах респондентов, оказалась несколько ниже, чем желаемая и составляет чаще 70-80 лет (в 20% случаев при ответе на данный вопрос).

Сопоставление представлений жителей области о желаемой и ожидаемой продолжительности жизни не выявило значительных гендерных и возрастных отличий. Однако анализ в территориальном разрезе позволил установить, что среди сельских жителей, установки как на желаемое, так и на ожидаемое долголетие (от 90 лет и более) значительно ниже по сравнению с жителями крупных городов.

Кроме того, было выявлено, что установка на долголетие (желание прожить более 90 лет) характерна для молодежи до 30 лет, людей с высшим образованием и высоким уровнем дохода, горожан. Именно в этой группе присутствует потенциал развития здоровьсберегающих практик, повышения ожидаемой продолжительности жизни.

При анализе самосохранительного поведения населения очень важно рассматривать и его ценностную составляющую. Как показывают результаты мониторинга общественного здоровья ИСЭРТ РАН, здоровье стабильно входит в число жизненных приоритетов населения Вологодской области (рис. 1). Однако если в 2009-2010 гг. лишь около 50% жителей региона определяли его как ключевую жизненную ценность, то в 2016 г. – уже 78%. В настоящее время здоровье занимает лидирующее место в системе ключевых ценностей населения региона наряду со счастливой и дружной семьёй и материнством/отцовством. Примечательно, что жители районов области по сравнению с респондентами из крупных городов чаще отмечают здоровье в качестве главной жизненной ценности (82% против 75% в г. Вологде и 74% в г. Череповце). Если говорить о социологическом портрете человека,

[1] Мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области проводится на территории гг. Вологды, Череповца и восьми районов Вологодской области. Объем выборки – 1500 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная. Ошибка выборки не превышает 5%.

который ценит здоровье, то это в основном люди старшего возраста, женщины старше 55 лет, одинокие и проживающие в сельской местности.

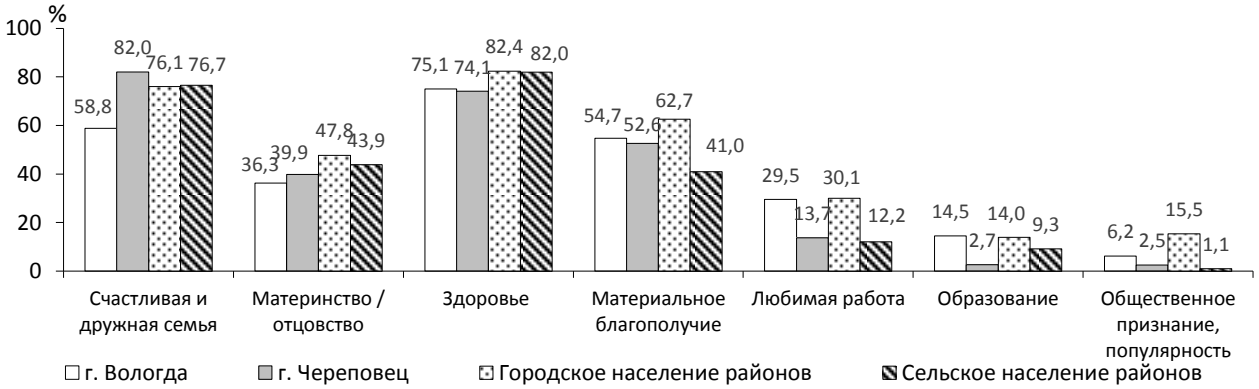


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Что для Вас является главной ценностью?» (в % от числа ответивших), 2016 г.

*без «другое» и «затрудняюсь ответить».

**вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа, поэтому их сумма не равна 100%.

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области

Заботиться о своем здоровье респондентов чаще всего сподвигают потребность в хорошем самочувствии, стремление хорошо выглядеть и нежелание доставлять неудобства близким (рис. 2). В меньшей степени жители области руководствуются желанием иметь здоровое потомство, быть примером для детей и близких, ухудшением состояния здоровья, болезнью и стремлением достичь успехов в работе и учёбе. В 2016 г. по сравнению с 2012 г. в качестве побуждающих мотивов при заботе о собственном здоровье респонденты чаще стали отмечать такие варианты, как наличие болезни, страх заболеть, стремление к долголетию и стремление быть примером для детей и близких. В то же время тревожным является факт того, что среди опрошенных увеличилось число тех, кто совсем не заботится о своём здоровье. При этом доля подобных ответов оказалась особенно велика среди сельского населения районов области (24%) по сравнению с жителями г. Вологды (15%) и г. Череповца (6%). Данный факт подтверждает ранее сделанный вывод об особом отношении к собственному здоровью населения районов (в частности, сельских жителей), проявляющемся в удовлетворённости текущим состоянием здоровья и в нежелании что-либо менять в нём.

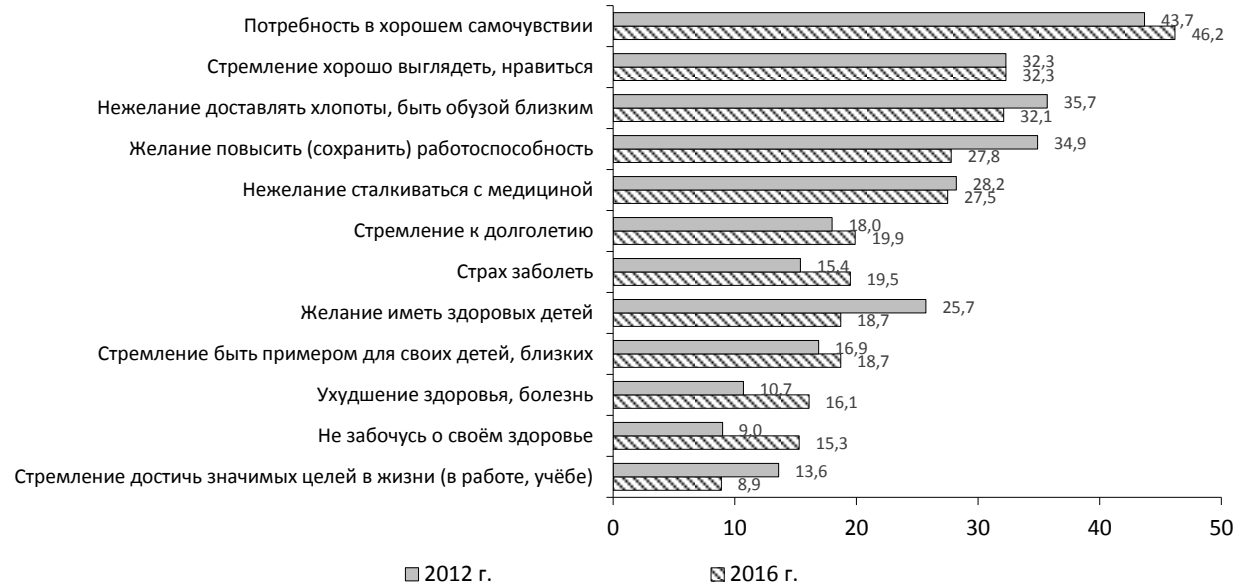


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Что побуждает Вас заботиться о своём здоровье?» (в % от числа ответивших)*

*вопрос задаётся с 2012 г.
** вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа, поэтому их сумма не равна 100%.
Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области

Кроме традиционных экологических, материальных факторов в оценках жителей региона заметно понимание важности семьи, собственного поведения в формировании здоровья (табл. 2). Причём за период исследования их значимость возросла. Это может свидетельствовать о росте личностной ответственности, осознания самоценности здоровья.

Для большинства населения Вологодской области обращение к врачу чаще обусловлено болезнью (40%), однако следует отметить рост доли жителей региона, контролирующих состояние здоровья и посещающих медучреждения с профилактической целью (с 13,9% в 2012 г. до 15,8% в 2016 г.). Медицинская активность профилактической направленности характерна в основном для женщин от 30 до 60 и старше 60 лет.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие из перечисленных факторов, на Ваш взгляд, в наибольшей степени влияли на Ваше здоровье в последние 12 месяцев?» (% от числа ответивших)

Факторы	**Негативно влияющие на здоровье**		**Благоприятно влияющие на здоровье**	
	2012 г.	**2016 г.**	**2012 г.**	**2016 г.**
Экологические условия	72,3	49,9	10,3	26,4
Материальное положение	26,2	41,7	32,5	27,1
Качество питания	33,6	38,0	36,1	34,0
Качество медицинской помощи	31,2	32,5	24,1	25,3
Условия труда и учёбы	28,1	30,2	9,4	23,1
Биологическая наследственность	29,5	16,0	18,7	35,2
Отношения на работе	18,3	18,7	10,7	29,1
Условия отдыха	7,8	15,9	33,3	45,3
Отношения в семье	11,1	11,1	40,6	55,9
Жилищные условия	15,8	11,0	20,1	41,8
Собственное поведение	12,7	18,2	34,3	40,1
Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области				

Актуальной остаётся проблема низкой физической активности населения. Самым распространённым среди респондентов её видом стала пешая ходьба в течение 30 и более минут (рис. 3). Остальными видами нагрузок, такими как занятия физкультурой и спортом, бег, езда на велосипеде и утренняя зарядка большинство опрошенных занимаются лишь несколько раз в месяц.

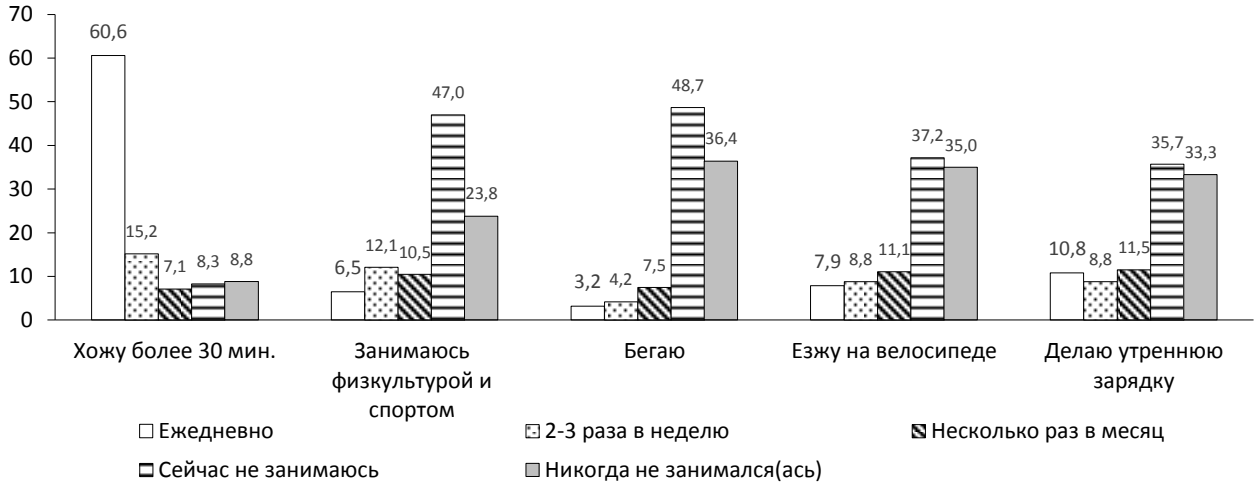


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Охарактеризуйте Вашу физическую активность» (в % от числа опрошенных), 2016 г.
Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области

В качестве основных причин низкой физической активности респонденты чаще всего видят недостаток свободного времени, а также лень и личную неорганизованность. И, как следствие, необходимым для повышения своей физической активности население считает наличие навыков самоорганизации (31%) и увеличение дохода (доля таких ответов выросла более чем на 10 п.п. и составила 38%).

Важной составляющей ЗОЖ является отказ от «вредных привычек». В 2016 г. доля респондентов, употребляющих алкоголь, составила порядка 60%. По сравнению с 2012 г. в 2016 г. заметно увеличилась доля тех, кто употребляет алкогольные напитки по выходным: пиво – на 11 п.п., не крепленое вино – 4 п.п., крепкое вино – на 2 п.п., крепкие спиртные напитки – на 5 п.п. (табл. 3). Удельный вес тех, кто ежедневно употребляет алкоголь, практически не меняется. Основной мотив употребления алкогольных напитков – это компанейство и способ расслабиться.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы употребляете алкогольные напитки, то как часто? (в % от тех, кто употребляет алкогольные напитки»)

Варианты ответа	Вид и доза алкогольного напитка							
	Пиво (более 1 бутылки)		Не крепленое вино (более 200 мл)		Крепкое вино (более 100 мл)		Крепкие спиртные напитки (более 50 мл)	
	2012 г.	2016 г.	2012 г.	2016 г.	2012 г.	2016 г.	2012 г.	2016 г.
Ежедневно	2,3	2,4	0,5	0,3	0,3	0,2	0,6	0,5
По выходным	25,8	37,4	4,5	7,9	2,5	4,5	5,3	10,0
По праздникам	11,3	9,6	39,9	32,2	28,8	25,0	42,8	46,6
До 3-х раз в месяц	11,4	12,6	8,3	8,4	8,9	6,9	9,7	8,7
Не употребляю	47,7	38,0	45,3	51,1	57,9	63,3	39,6	34,3
Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области								

Распространенность курения среди жителей региона составляет примерно 30%. Мотивы обращения к этой вредной привычке те же, что и употребления алкоголя – это способ успокоиться/расслабиться, для поддержания компании.

Важной компонентой здоровья человека является психологическое состояние и его нормализация. Несмотря на то, что понимание этого, системное изучение психосоматических

состояний началось не так давно («стресс», «депрессия» относительно новые понятия для неспециалистов), порядка 80% респондентов осознают, что находились в стрессовом состоянии. Проблема «вредных привычек» осложняется тем, что они применяются для «выхода» из стресса (курение, употребление алкоголя, «заедание» стресса). 21% опрошенных отметили отсутствие навыков преодоления стресса, а у 14% тех, кто испытывал стресс, косвенно можно диагностировать депрессию – они не хотели вернуться к нормальному состоянию.

Питание – это так же важная характеристика ЗОЖ и именно тот фактор, который напрямую зависит от выбора и усилий человека. Почти 90% населения оценивают своё питание как полноценное или нормальное. Самые распространенные меры организации правильного питания – контроль объема и качества употребляемой пищи, отказ от фастфуда.

Переходя к современной модели построения здорового образа жизни, стоит отметить, что самой распространённой здоровьесберегающей практикой является отказ от курения. Во многом это объясняется действием масштабной антитабачной кампании, в том числе ужесточением антитабачного законодательства. Кроме того, популярными оказались и такие меры, как посещение бани и сауны, умеренность в потреблении алкоголя, использование водоочистительных приборов. По сравнению с 2011 г. в 2016 г. жители Вологодской области в целях улучшения собственного здоровья чаще стали обращаться к врачу при первых признаках болезни, прибегать к организации своего времени с пользой для здоровья, контролировать свой вес и психическое состояние, что может свидетельствовать о повышении личной ответственности за здоровье. Вместе с тем в оценках населения региона выросла доля тех, кто специально ничего не предпринимает в целях здоровьесбережения, что может говорить о распространении попустительского отношения к собственному здоровью.

Установка на долголетие и высокая самоценность здоровья для человека во многом определяет его поведение. Среди населения, главной ценностью которого является здоровье (78% населения), наиболее частыми мерами, предпринимаемыми для сохранения и укрепления своего здоровья, являются отказ от курения (порядка 46-50% ответов), посещение сауны и бани (32-37% ответов), ограничение употребления алкоголя (30-35% ответов), стремление употреблять чистую питьевую воду (табл. 4). Так же важными для поддержания здоровья является контроль веса и частое совершение пеших прогулок. Такие поведенческие практики в большей степени характерны для населения, которое имеет установку на долголетие.

Кроме того, для человека, который ценит свое здоровье и осознает свою ответственность за его состояние, более выражено стремление организовать свое время таким образом, чтобы трудовые нагрузки оптимально сочетались с отдыхом, а свободное время проходило с пользой для здоровья, самореализации и саморазвития.

В то же время, даже среди тех, кто высоко ценит здоровье, 27% ничего специально не предпринимают для его укрепления. Менее выражены в практиках населения такие меры по укреплению здоровья, которые связаны с регулярными медицинскими осмотрами, прохождением курсов лечения в санаториях, занятиями физической культурой и закаливанием организма.

Таблица 4

Поведенческие практики населения в зависимости от ценности здоровья

	Население, для которого здоровье – главная ценность (78% ответов)	Остальное население (22% ответов)
Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья?		
Не курю	48,8	33,9
Посещаю баню, сауну	33,2	22,6
Соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя	31,6	24,8

Использую чистую воду (очищаю, покупаю)	30,8	23,5
Стараюсь больше ходить пешком, совершаю прогулки в местах отдыха	29,2	17,1
Контролирую свой вес	25,6	19,0
Стараюсь оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых	23,4	14,1
Стараюсь организовать своё свободное время с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации	21,8	13,5
Стараюсь контролировать своё психическое состояние	17,9	9,8
Ничего специально не предпринимаю	*26,5*	*37,6*
Что именно Вы делаете для того, чтобы питание было правильным?		
Соблюдаю режим питания, правила приема пищи	31,5	18,0
Слежу за качеством продуктов для питания	41,3	25,1
Что Вы обычно предпринимаете для преодоления стресса?		
Курю	12,1	20,2
Занимаюсь любимым делом, хобби	20,6	14,7
Гуляю на свежем воздухе	28,7	20,5
Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области		

Среди людей, ценящих здоровье, более выражены положительные оценки своего питания и стремление его улучшить благодаря бо́льшему вниманию качеству продуктов (41% против 25% тех, для кого здоровье не основная ценность), редкому употреблению фастфуда и полуфабрикатов (37% против 20% респондентов, менее ценящих здоровье). Кроме того, для людей, ценящих здоровье, более выражены здороьесберегающие способы борьбы со стрессом: занятия спортом, переключение на любимое дело или хобби, прогулки на свежем воздухе.

Заключая вышесказанное отметим, что широкому распространению ЗОЖ и здоровьесберегающих практик препятствуют вредные привычки населения, низкая физическая и медицинская активность.

Население испытывает трудности по самоорганизации в ведении ЗОЖ, прибегает к деструктивным методам борьбы со стрессом, среди инструментов поддержания и укрепления собственного здоровья редко используются занятия спортом и физическая активность, регулярный медицинский осмотр. Вместе с тем в последние 5 лет наметилась положительная тенденция увеличения обращений ко врачу с профилактической целью и для прохождения профосмотра.

Ценность здоровья и желание прожить долгую здоровую жизнь во многом определяет поведение человека, обращает его к здоровьесбережению, борьбе с вредными привычками. Наиболее высокие установки на долголетие сформированы у молодых людей до 30 лет, проживающих в городах. В этой социально-демографической группе кроется потенциал улучшения здоровья населения, повышения ОПЖ. Необходимо целенаправленно работать с ними для укрепления ценностных установок и расширения здоровьесберегающих практик, формируя так же инструменты и для остальной части населения.

Основными направлениями повышения роли профилактики в здоровом образе жизни могут выступить следующие:

1. Работа с установками, мотивами и ценностями населения.
2. Активная пропаганда, просвещение с целью повышения медико-гигиенической грамотности.
3. Продолжение работы по повышению доступности услуг медицины, физкультуры, туризма, активного досуга.

4. Продолжение работы по развитию системы медико-психологического консультирования.

5. Научное сопровождение, мониторинг результативности мероприятий по укреплению общественного здоровья и распространения здорового образа жизни.

© Шабунова А.А., Короленко А.В. Текст. 2017

Список источников

1. Европейская база данных «Здоровье для всех» [Электронный ресурс]. – URL: http://data.euro.who.int/hfadb/shell_ru.html

2. Здоровье молодежи: сравнительное исследование Россия, Беларусь, Польша [Текст] : монография / А.А. Шабунова, М.В. Морев, Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, М.А. Головчин, А.Н. Гордиевская. – М. : Экон-Информ, 2016. – 214 с.

3. Калачикова, О.Н. Основные тенденции самосохранительного поведения населения региона [Текст] / О.Н. Калачикова, П.С. Корчагина // Проблемы развития территорий. – 2012. – № 5 (61). – С. 72 – 82.

4. Калачикова, О.Н. Факторы риска в сфере общественного здоровья: образ жизни [Текст] / О.Н. Калачикова, П.С. Корчагина // Регион: экономика и социология. – 2015. – №1. – С. 108 – 123.

5. Соловьева, Т.С. Уровень физической активности и мотивированности городского населения к занятиям физической культурой и спортом [Текст] / Т.С. Соловьева // Проблемы развития территории. – 2016. – № 3. – С. 119 – 136.

Информация об авторах

1. Шабунова Александра Анатольевна – Россия, Вологда, д.э.н., доцент, врио директора, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56А, тел.: 8 (8172) 59-78-03, e-mail: aas@vscc.ac.ru)

2. Короленко Александра Владимировна – Россия, Вологда, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56А, тел.: 8(8172) 59-78-10 (доб. 305), моб.: 8-963-353-37-91, e-mail: coretra@yandex.ru)

Shabunova A.A., Korolenko A.V.

CONTEMPORARY MODEL OF HEALTHY LIFESTYLE: PROPHYLAXIS IN THE DAILY ROUTINES OF THE REGION'S POPULATION

The article discusses the behavioral practices of a modern human regarding forming lifestyle and supporting health, physical and mental activity. The analysis is based on the materials of sociological monitoring carried out in Vologda region. The author concludes that the value of health and attitude to longevity considerably change self-preserving routines of the population.

Key words: health, physical activity, social survey, prophylaxis, self-preserving behavior, harmful habits.

Information about authors

1. Shabunova Alexandra Anatolievna – Russia, Vologda, Doctor of economics, associate professor, interim director of the Institute of socio-economic development of territories of Russian academy of sciences (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo Str. 56A, tel.: 8 (8172) 59-78-03, e-mail: aas@vscc.ac.ru)

2. Korolenko Aleksandra Vladimirovna – Russia, Vologda, junior researcher, Institute of socio-economic development of territories of Russian academy of sciences (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo Str., 56A, tel.: 8 (8172) 59-78-10, 8-963-353-37-91, e-mail: coretra@yandex.ru)

УДК: 614:613.6:312

А.С. Шастин, В.Г. Газимова

МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИИ

Начало 21 века характеризуется прогрессирующей трудонедостаточностью и ростом демографической нагрузки в Российской Федерации. Требуется принятие и реализация системных мер по сохранению качества здоровья работающего населения, в первую очередь, работников, занятых во вредных условиях труда.

Ключевые слова. Трудонедостаточность, качество здоровья, вредные условия труда.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция) ставит амбициозные цели перед национальной экономикой. Качество здоровья и состояние работоспособности трудящихся в существенной мере определяют возможность достижения поставленных целей.

В разделе 1.4 Концепции в числе шести направлений перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития на первом месте указано развитие человеческого потенциала страны, как основного фактора экономического развития. И, в то же время, отмечен дефицит квалифицированных инженерных и рабочих кадров, что при сохранении сложившейся тенденции угрожает привести к резкому замедлению темпов экономического роста.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683, прогрессирующая трудонедостаточность отмечена в качестве одной из главных стратегических угроз национальной безопасности в области экономики. Аналогичная оценка трудовым ресурсам страны была дана и в Указе Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года №537 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года".

С 2005 года в России на фоне общей депопуляции наблюдается устойчивая тенденция снижения доли населения в категории «трудоспособный возраст» [1].

Таблица 1

Численность трудоспособного населения РФ (млн. чел.)

2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013г.	2014г.	2015г.	2016
90 099	90 157	90 058	89 745	89 342	87 983	87 847	87 055	86 137	85 162	85 415	84 199

Согласно данным Федеральной службы статистики доля населения трудоспособного возраста в долгосрочной перспективе останется на стабильно низком уровне.[1].

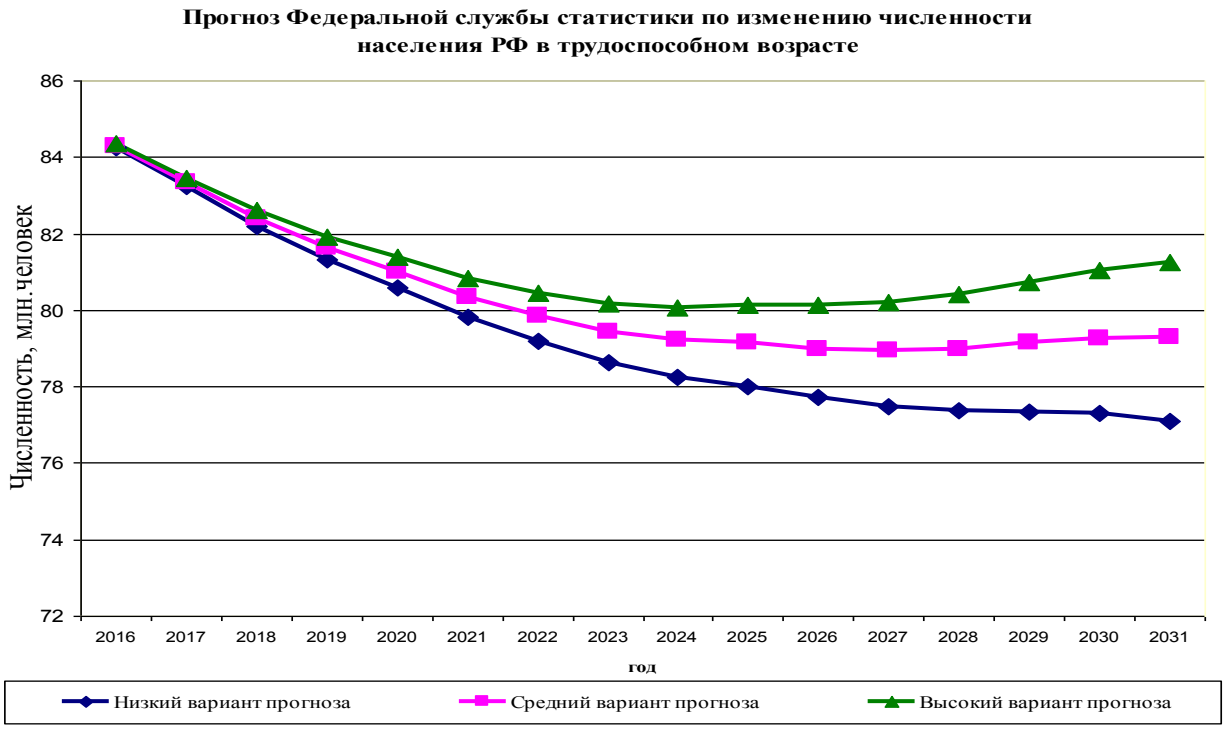


Рис.1. Прогноз Росстата по изменению ичсленности населения РФ в трудоспособном возрасте

Устойчивая тенденция депопуляции частично компенсировалась государственной системой мер поддержки семей, имеющих детей.

С 1999 года показатель рождаемости в РФ демонстрировал стабильный рост. И в 2013 году, впервые за два десятилетия, уровень рождаемости в стране превысил уровень смертности (соответственно 13,2 на 1000 населения и 13,0 на 1000 населения). Отмечается, также, увеличение коэффициента рождаемости [1].

Эффективность репродуктивного процесса является одним из важнейших условий обеспечения демографической безопасности страны.

Специалистами ФБУН «Центральный НИИ организации и информатизации здравоохранения» МЗ РФ осуществлялся мониторинг демографически значимых перинатальных показателей за период с 1991 по 2009 год. В 2010 году специалистами данного НИИ дана оценка: перинатальная ситуация в современной России не может оцениваться как благоприятная, способствующая росту репродуктивного потенциала страны.

Масштаб нарушений здоровья новорожденных и высокий уровень перинатальной патологии, несмотря на рост деторождений, не позволяют рассчитывать на воспроизводство репродуктивного потенциала пропорционального увеличению рождаемости [2]. В Свердловской области среди всех возрастных категорий тенденции в состоянии детей являются самыми неблагоприятными [3].

Таким образом, позитивные тенденции 2000-2010-х годов в рождаемости не гарантируют решения проблемы трудонедостаточности и воспроизводства трудового потенциала в долгосрочной перспективе.

Снижение численности населения в категории «Трудоспособное население» в общей возрастной структуре населения России сопровождается изменением структуры доходов ФФОМС (в соответствии с Законами РФ об утверждении отчетов ФФОМС за 2012-2015 г.г.). Доля платежей за работающее население в структуре страховых взносов в ФФОМС в период с 2012 по 2015 году уменьшилась с 67,3% до 60,0%.

Можно констатировать, что финансовая сбалансированность программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи достигается за счет увеличения нагрузки на федеральный бюджет.

Учитывая вышеизложенное, качество здоровья работающего населения не может рассматриваться лишь как социальная или медицинская проблема, а обретает стратегический для России социально-экономический характер.

Состояние здоровья работающих в России к началу 2000-ых годов характеризовалось значительным ухудшением, существенным ростом заболеваемости лиц трудоспособного возраста болезнями сердечно-сосудистой, желудочно-кишечной, нейроэндокринной систем, опорно-двигательного аппарата, ухудшением репродуктивной функции, увеличением скорости старения организма [4].

При этом, значительная часть работающего населения занята на работах с условиями труда, угрожающими здоровью [5].

Таблица 2

Удельный вес работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, по федеральным округам и субъектам Российской Федерации в 2012-2015 гг., %

Федеральные округа Российской Федерации	Удельный вес работников, занятых в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда		Удельный вес работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда	
	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	31,8	32,2	39,7	39,1
Центральный федеральный округ	24,0	24,6	31,2	30,0
Северо-Западный федеральный округ	31,2	31,1	39,4	40,9
Южный федеральный округ	27,8	27,3	34,6	33,9
Северо-Кавказский федеральный округ	18,2	19,1	25,9	25,9
Приволжский федеральный округ	31,9	32,3	41,6	40,7
Уральский федеральный округ	38,5	38,8	44,8	44,5
Свердловская область	41,2	42,5	47,6	46,6
Сибирский федеральный округ	40,5	41,9	49,4	49,2
Дальневосточный федеральный округ	40,1	41,4	48,4	48,5

Данные Федеральной службы в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека свидетельствуют о сохранении значительной доли промышленных предприятий, рабочие места на которых в большинстве своем не соответствуют требованиям сани-тарно-эпидемиологических норм и правил [6].

Таблица 3

Распределение объектов надзора по группам санитарно-эпидемиологического благополучия

группы	Удельный вес объектов надзора, %		
	2013 год	2014 год	2015 год
1 группа (удовлетворительное)	26,03	26,38	27,59
2 группа (неудовлетворительное)	64,54	64,83	64,54
3 группа (крайне	9,44	8,79	7,87

неудовлетворительное)			

Особого внимания требуют работники, занятые на работах с вредными и (или) опасными условиями труда. Дополнительную значимость охране здоровья этой категории работников придает доказанное влияние вредных производственных факторов на здоровье последующих поколений [7-9 и др.].

Негативная демографическая ситуация и сокращение доли трудоспособного населения, несущие стратегические угрозы экономике страны, сохранение высокого уровня рабочих мест с вредными факторами рабочей среды требуют специальных системных мер реализации декларируемых приоритетов профилактической медицины для предупреждения возникновения и развития профессиональных и производственно обусловленных заболеваний.

Актуальность реализации системных подходов к охране здоровья работающего населения, управления рисками возникновения и прогрессирования профессиональных и производственно обусловленных заболеваний, продления трудового долголетия многократно отмечалась специалистами [10-12 и др.].

Значительная часть центров профессиональной патологии в субъектах РФ располагает условиями и технологиями, необходимыми для проведения реабилитационных мероприятий на донозологическом этапе [13,14].

Инвестиции в раннюю реабилитацию работников групп повышенного риска развития профессиональных заболеваний, позволят продлить их трудовое долголетие и сохранить квалифицированные кадры на своих рабочих местах и соответствуют «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года».

© Шастин А.С., Газимова В.Г. Текст. 2017

Список источников

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения 05.05.2017).

2. Суханова Л.П., Кузнецова Т.В. Перинатальные проблемы воспроизводства населения России (по данным анализа статистических форм №№ 13, 32) // Социальные аспекты здоровья населения. 2010. Т.16, № 4. С. 1–33.

3. Ануфриева Е.В., Казанцева А.В., Ножкина Н.В. Медико-демографические аспекты здоровья детского населения в Свердловской области // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: Сб. статей VII Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2016. С. 220–224.

4. Измеров Н.Ф. Национальный проект «Здоровье» – роль медицины труда // Медицина труда и промышленная экология. 2007. № 12. С. 4–8.

5. Результаты общероссийского мониторинга условий труда за 2015 год. URL: http://www.rosmintrud.ru/ (дата обращения 05.05.2017).

6. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2015 году: Государственный доклад. М., 2016.

7. Измеров Н.Ф. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. («Стратегия 2020») и сохранение здоровья работающего населения России //Медицина труда и промышленная экология. 2012. № 3. С. 1–9.

8. Рослый О.Ф., Тартаковская Л.Я., Базарова Е.Л., Ошеров И С., Бабенко А.Г., Шевелева Н.В. Влияние вредных производственных факторов на репродуктивное здоровье работниц производства титановых сплавов // Санитарный врач. 2016. № 12. С. 36–48.

9. Измеров Н.Ф., Сивочалова О.В., Фесенко М.А., Денисов Э.И., Голованева Г.В., Проблема сохранения репродуктивного здоровья работников при воздействии вредных

факторов производственной и окружающей среды // Вестник Российской академии медицинских наук. 2012. № 12. С. 47–53.

10. Стародубов В.И. Сохранение здоровья работающего населения – одна из важнейших задач здравоохранения // Медицина труда и промышленная экология. 2005. № 1. С. 1–7.

11. Бакиров А.Б. Проблемы сохранения здоровья работающего населения в Республике Башкортостан // Медицина труда и экология человека. 2016. № 4. С. 5-11.

12. Башкирева А. С., Хурцилава О.Г. Концептуальные основы профессионального долголетия трудовых ресурсов в России // Медицина труда и промышленная экология. 2013. № 12. С. 4–11.

13. Гурвич В.Б., Плотко Э.Г., Газимова В.Г., Рузаков В.О., Рослый О.Ф., Жовтяк Е.П., Милованкина Н.О., Пироговский М.Л. Инновационные подходы по профилактике профессиональной заболеваемости на предприятиях Свердловской области // Медицина труда и промышленная экология. 2015. № 9. С. 46.

14. Быковская Т. Ю., Пиктушанская Т. Е., Пиктушанская И. Н., Шабалкин А. И. Профессиональные заболевания, актуальные вопросы профилактики и медицинской реабилитации // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2012. № 5 (87). Ч. 2. С. 123-126.

Информация об авторах

1. Шастин Александр Сергеевич – кандидат медицинских наук, научный сотрудник отдела организации медицины труда ФБУН “Екатеринбургский медицинский - научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий” Роспотребнадзора (ФБУН ЕМНЦ ПОЗРПП Роспотребнадзора), (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Попова, 30, e-mail: shastin@ymrc.ru).

2. Газимова Венера Габдрахмановна – кандидат медицинских наук, заведующий отделом организации медицины труда ФБУН “Екатеринбургский медицинский - научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий” Роспотребнадзора (ФБУН ЕМНЦ ПОЗРПП Роспотребнадзора), (Россия, 620014, г. Екатеринбург ул. Попова, 30).

Shastin A.S., Gazimova V.G.

MEDICAL AND DEMOGRAPHIC ASPECTS OF THE ECONOMICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN INDUSTRIAL ENTERPRISES

The beginning of the 21st century is characterized by increasing labour force insufficiency and growing dependency ratio in Russia. A system of measures must be adopted and implemented to improve the health-related quality of life of the productive part of the population, especially, workers exposed to harmful working conditions.

Keywords: labour force insufficiency, health-related quality of life, harmful working conditions

Information about authors

1. Aleksandr Sergeyevich Shastin, Candidate of Medical Sciences, Researcher at the Occupational Medicine Management Department, Ekaterinburg Medical Research Center for Prophylaxis and Health Protection of Industrial Workers, Rospotrebnadzor (30 Popov St., Ekaterinburg, 620014, Russia, email: shastin@ymrc.ru).

2. Venera Gabdrakhmanovna Gazimova, Candidate of Medical Sciences, Head of the Occupational Medicine Management Department, Ekaterinburg Medical Research Center for Prophylaxis and Health Protection of Industrial Workers, Rospotrebnadzor (30 Popov St., Ekaterinburg, 620014, Russia)

УДК: 338.23

И.П. Шибалков

СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В РОССИИ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Определены основные факторы формирования здоровья населения на различных этапах эпидемиологического перехода. Предложен дифференцированный региональный подход к поиску оптимальных управленческих решений, направленных на улучшение состояния общественного здоровья.

Ключевые слова: общественное здоровье, эпидемиологический переход, факторы здоровья, смертность, структура смертности, региональная дифференциация смертности.

В настоящее время проблема оценки такого важного показателя качества населения как состояние общественного здоровья, в том числе для выявления наиболее значимых факторов формирования здоровья и разработки специфической социально-экономической политики, учитывающей воздействие данных факторов, представляется особенно актуальной, поскольку в субъектах Российской Федерации наблюдается существенная дифференциация по основным показателям здоровья населения, и в целом уровень здоровья населения (ожидаемая продолжительность жизни, уровень смертности) оценивается как недостаточно высокий по сравнению с развитыми странами.

Причины и тенденции формирования здоровья населения в контексте социально-экономических условий наиболее полно описывает теория эпидемиологического перехода, предложенная A. Omran в 1971 г. [4], которая изначально выделяла три исторических этапа эпидемиологического перехода, но затем была расширена до пяти [5].

На протяжении первого этапа (период эпидемий и голода) доминирующей детерминантой смертности считается экобиологическая - эпидемии инфекционных заболеваний были одинаково опасны для представителей любой социальной страты. На втором этапе (период снижающейся пандемии) продолжительность жизни определяется уже в большей степени социально-экономической детерминантой - на фоне изменения экономических отношений (переход от аграрного общества к индустриальному) начинает формироваться и расширяться средний класс. Ему стали доступны достаточное питание, благополучные бытовые и санитарные условия, доступ к здравоохранению и образованию. Третий этап (период дегенеративных и профессиональных заболеваний) стал возможен благодаря открытию и массовому распространению антибиотиков и некоторых других препаратов, которые позволили контролировать распространение инфекционных заболеваний. Снизилась материнская и детская смертность, среди причин смертности доминирующими стали сердечно-сосудистые заболевания и новообразования. Несомненно, ведущей детерминантой в этот период стала медицинская. Однако социальная детерминанта не утратила своего значения: именно высокий уровень социального развития позволил большей части населения получить доступ ко всем видам медицинской помощи, а достаточный уровень образования и дохода обеспечил высокую эффективность профилактических мер и массовой пропаганды здорового образа жизни. На четвертом этапе (период отложенных дегенеративных заболеваний) обе детерминанты – социально-экономическая и медицинская – сохраняют за собой доминирующее положение. Темпы социально-экономического роста и развития косвенно влияют на общественное здоровье, а система здравоохранения напрямую позволяет вырабатывать и внедрять в практику инновационные методики лечения и профилактики различных заболеваний, охватывая самые широкие слои населения всеми видами медицинской помощи. Пятый, «футуристический» этап еще недостаточно описан в научных трудах, однако можно предположить, что радикальных изменений в структуре факторов, формирующих здоровье населения, не

произойдет. Интересно, что социальная детерминанта здоровья становится доминирующей уже со второго этапа эпидемиологического перехода и, по прогнозам исследователей, сохранит свою позицию в будущем. В 1995 году для того, чтобы объяснить, почему связь между социально-экономическим статусом (СЭС) и смертностью сохранилась, несмотря на радикальные изменения в заболеваниях и факторах риска, B.G. Link и J.C. Phelan разработали теорию фундаментальных причин [2], которую впоследствии значительно уточнили и расширили K. Lutfey и J. Freese [3]. B.G. Link и J.C. Phelan предположили, что устойчивая связь появляется потому, что СЭС воплощает множество ресурсов (таких как деньги, знание, престиж, власть и полезные социальные связи), которые помогают сохранить здоровье независимо от того, какие механизмы действуют в любой данный момент времени.

Таким образом, на различных этапах эпидемиологического перехода доминирующую роль играли различные детерминанты. Это позволяет сделать вывод, что степень влияния каждого из факторов, формирующих здоровье населения, определяется уровнем социально-экономического развития того или иного общества, а не является фиксированной величиной. Соотношение этапов эпидемиологического перехода, определяющих его детерминант и групп факторов, влияющих на здоровье населения, представлено в Таблице 1.

Таблица 1

Соотношение этапов эпидемиологического перехода, определяющих его детерминант и групп факторов, влияющих на здоровье населения

Этап эпидемиологического перехода	Доминирующие детерминанты	Группы факторов, влияющих на здоровье населения
1. Период эпидемий и голода	Экобиологическая	Состояние окружающей среды
2. Период снижающейся пандемии	Экобиологическая, социальная	Состояние окружающей среды, условия и образ жизни
3. Период дегенеративных и профессиональных заболеваний	Социальная, медицинская	Условия и образ жизни, медицинское обеспечение
4. Период отложенных дегенеративных заболеваний	Социальная, медицинская	Генетические, условия и образ жизни, медицинское обеспечение
5. «Футуристический»	Социальная, медицинская	Генетические, условия и образ жизни, медицинское обеспечение

Данные тенденции говорят о необходимости детального изучения демографической ситуации при осуществлении государственной политики в сфере охраны здоровья населения, особенно в России, где можно говорить скорее не о завершенности трех основных этапов эпидемиологического перехода, а об их многоукладности и, следовательно, о существенных отличиях в важности тех или иных групп факторов формирования здоровья населения, с учетом социально-экономических параметров отдельных регионов.

Структура смертности в России и динамика основных причин смерти в целом в начале XXI века соответствует логике модели демографического перехода: уменьшается младенческая смертность, смертность от инфекционных и паразитарных заболеваний и смертность от экзогенных (внешних) причин, резкий скачок которой наблюдался в 1990-х годах, смертность от квазиэндогенных причин (болезни кровеносной системы - БСК, новообразования) пока сохраняется на высоком уровне, но в то же время доля молодежи и людей средних возрастов, умерших от этих классов причин, постепенно снижается (за 10 лет - с 2004 по 2014 год - доля трудоспособного населения среди умерших от БСК снизилась с 17,5% до 15,12%, от новообразований – с 26,9% до 23,22%). Однако значение общего коэффициента смертности заметно различается по регионам России, и структура причин смертности также крайне неоднородна (Таблица 2).

Таблица 2

Смертность от основных причин в субъектах Российской Федерации в 2016 году (по оперативным данным Росстата)

Доля умерших от:	РФ	Субъекты РФ с наиболее	Субъекты РФ с наиболее

		низкой долей	высокой долей
Внешних причин	8,13%	4,86% (г. Москва), 5,02% (г. Санкт-Петербург)	25,55% (Тыва) и 21,75% (Чукотский а.о.)
Инфекционных заболеваний	1,73%	0,28% (Белгородская область); менее 1% - в 30 субъектах РФ	5,37% (Тыва), 5,20% (Иркутская область)
БСК	47,67%	30,50% (Мордовия), 34,58% (Тыва)	63,36% (Северная Осетия), 62,20% (Республика Крым)
Злокачественных новообразований	15,65%	менее 12% (Новгородская, Тамбовская, Тюменская обл.)	21,84% (г. Санкт-Петербург), 21,21% (г. Москва)

Наиболее территориально однородна смертность от новообразований: только в 10 субъектах РФ этот показатель отклоняется от общероссийского более чем на 30%, причем в меньшую сторону, - это Ингушетия, Дагестан, Чечня, ЯНАО, ХМАО, Тыва и некоторые другие регионы. Превышение среднего по России уровня от 25% до 30% наблюдается в Тверской, Курганской, Тульской, Орловской областях, г. Санкт-Петербург. Не такой большой разброс наблюдается и в региональной структуре смертности от БСК: на 30% и более этот показатель выше общероссийского только в 12 регионах (максимально – на 73,6% - в Псковской области), ниже общероссийского – в 10 регионах (максимально – на 75,8% – в Ингушетии). Более чем в трети регионов отклонение не превышает 10%.

Смертность от внешних причин превышает среднероссийский уровень более чем на 50% в 9 регионах России, причем в Тыве, Чукотском автономном округе и Амурской области – в 2 раза и более. Наименьшие показатели наблюдаются в республиках Ингушетия (на 78,0% ниже показателя по России), Чечня, Дагестан, а также в г. Москва и г. Санкт-Петербург. В целом отклонение более 30% в ту или иную сторону от среднероссийского наблюдается в 36 регионах.

Смертность от инфекционных и паразитарных болезней – самый неоднородный показатель (отклонение более 30% от среднероссийского - в 59 регионах, от 10% до 30% - в 18). Средний уровень по России он превышает более чем в 2 раза в 7 регионах: это Иркутская и Кемеровская области, Тыва, Алтайский край и др. Обратная картина наблюдается в Орловской, Липецкой, Белгородской областях, Карачаево-Черкессии, Дагестане - здесь смертность от инфекционных и паразитарных болезней меньше, чем в среднем по России, в 4 и более раз.

Однако есть и регионы, в которых общая структура смертности выглядит аномально архаичной: так, в Республике Тыва показатель смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний превышает общероссийский на 135,9%, от внешних причин – на 138,7%, в то время как смертность от БСК и новообразований меньше российских показателей на 44,9% и 41,2% соответственно. Похожая ситуация наблюдается в Чукотском автономном округе. В Еврейской автономной области смертность от всех основных причин превышает среднюю по России: от инфекционных болезней – на 73,7%, от внешних причин – на 59,2%, от БСК – на 33,8%, от новообразований – на 14,8%.

Исходя из социально-экономических и демографических характеристик, регионы России можно объединить в несколько групп:

1) Относительно благополучные регионы Центральной России, Поволжья, Северо-Запада, а также промышленно развитые регионы Урала, Сибири, Дальнего Востока, наиболее близкие к завершению эпидемиологического перехода. Для них характерен средний уровень жизни и её ожидаемой продолжительности (в исключительных случаях –

высокий, как в г.Москва (76,77 лет в 2015 году при среднероссийском показателе 71,39) и г.Санкт-Петербург (74,42)).

Большая доля смертей приходится здесь на причины, сильно связанные с возрастом, т.е. рост ожидаемой продолжительности жизни должен обеспечиваться в основном за счет повышения среднего возраста смерти от различных причин (например, с применением методологии предотвратимой смертности, выделяющей три группы предотвратимых причин смерти по уровню профилактики [1]). Наиболее эффективной стратегией формирования здоровья населения для этих регионов представляется сосредоточение усилий на сокращении предотвратимых потерь средствами медико-социальной профилактики и реабилитации, внедрение высокотехнологичных методов лечения, активизация деятельности по оздоровлению образа жизни, в частности, среди населения трудоспособного возраста, особенно мужчин.

Одно из главных потенциальных направлений роста средней ожидаемой продолжительности жизни заключается в возможности увеличения этого показателя у населения трудоспособного возраста, в частности, у мужчин. Фактическое положение дел таково, что российская система охраны здоровья, основанная на решительном приоритете лечения, а не профилактики, фактически отдает приоритет интересам тех, кто не достиг трудоспособного возраста или из него вышел. Проводимые профилактические мероприятия часто формальны, слишком осторожны и недостаточны ни по содержанию, ни по объему финансирования. Важно поднять медицинскую профилактику на уровень, адекватный ее роли в возможном снижении заболеваемости и смертности в сравнении с собственно медицинской помощью. Также во многом на проблему сверхсмертности мужчин трудоспособного возраста способно повлиять и снижение масштабов злоупотребления алкоголем. Особое внимание мы рекомендовали бы обратить на структуру потребления алкоголя в России, ведь именно высокий уровень потребления крепких алкогольных напитков ведет к столь высокой алкогольной смертности россиян. Также известно, что люди с низкими доходами потребляют больше алкоголя, чем с высокими и средними доходами, и точно такая зависимость потребления существует с уровнем культуры и образования [6], т.е. основным источником депопуляции в России являются люди с низким образованием и доходами. Поэтому важно изучить социальные и экономические обстоятельства, которые приводят к опасному злоупотреблению алкоголем, перед внедрением в практику оценить эффективность применения известных способов психологического воздействия и лечения, направленных на снижение злоупотребления алкоголем; определить потенциальный вклад различных ведомств в борьбу с алкоголем и курением, в том числе здравоохранения, образования, охраны правопорядка, управления торговлей и рынком труда.

2) Проблемные регионы различных округов страны, которые находятся на том же этапе эпидемиологического перехода, что и регионы первой группы, однако имеют некоторое отставание в развитии – более низкий, чем у соседей, уровень жизни и/или более низкую ее продолжительность (Новгородская, Оренбургская, Псковская, Тверская области и др.).

Регионам, имеющим при среднем уровне развития более высокую смертность, чем в среднем по России, необходимо путем экспертного анализа выявить основные «узкие места» в структуре смертности (по причинам, половозрастным группам) и при разработке демографической политики и политики в сфере здравоохранения сконцентрировать внимание на них.

3) Республики Северного Кавказа – регионы с уникальными для России природно-климатическими условиями жизни. Для них характерна высокая ожидаемая продолжительность жизни, несмотря на низкий уровень жизни населения.

У коренного населения Кавказского региона наблюдается естественная исторически повышенная концентрация долголетних людей, названная феноменом группового долгожительства. Для дальнейшего роста продолжительности жизни необходимо повышение качества жизни, культурного уровня населения, развитие сферы здравоохранения,

образования, физкультуры и спорта, а также выравнивание муниципальных образований по уровню и качеству жизни.

4) Регионы Сибири, Дальнего Востока и других округов, сильно отстающие в своем развитии от среднероссийского уровня. Для данных регионов характерна низкая ожидаемая продолжительность жизни (отклонение от средней по России до 11,6% (Республика Тыва – 63,13 лет в 2015 году)) и низкий уровень жизни, а также явная незавершенность эпидемиологического перехода.

Смертность от внешних причин в регионах данной группы обусловливает существенные демографические потери. Она обусловлена как поведенческими, так и средовыми факторами риска. Непременными условиями снижения являются уменьшение уровня бедности и неравенства, организация безопасных условий труда, отдыха, передвижений, развитие инфраструктуры, создание социальной среды с возможностью выбора и достижения достойных условий жизни, укрепление полицейской и судебной системы, а также социально-экономическое и культурное развитие в целом. Профилактика поведенческих факторов риска должна включать меры по формированию витального поведения у населения (пропаганда здорового образа жизни, соблюдение техники безопасности, профилактика рискового, агрессивного поведения, программы по снижению стресса, по развитию социальных навыков, телефоны доверия), проведение антиалкогольной политики и др. Одним из эффективных инструментов борьбы в снижении смертности от внешних причин является также применение Матрицы Хэддона [7].

Также в регионах данной группы крайне высокая смертность от инфекционных и паразитарных заболеваний. Она в значительной мере зависит не только от санитарно-эпидемиологического благополучия территории, но и от социально-экономических факторов - неблагоприятные условия проживания, низкий уровень доходов, отсутствие работы и т.п. Именно социальная и имущественная дифференциация населения в конечном итоге является важнейшим механизмом распространения инфекционных заболеваний. Поэтому, наряду с такими точечными мерами, как улучшение организации медицинской помощи, усиление надзора за биологической безопасностью продовольственного сырья, продуктов питания, воды, а также за социально обусловленными инфекционными и паразитарными заболеваниями и инфекциями, имеющими приоритетное значение (вирусные гепатиты, туберкулез и др.), необходимо комплексное социально-экономическое развитие территории.

Таким образом, при разработке научно обоснованных мероприятий по совершенствованию государственной демографической политики и политики в области здравоохранения и социальной защиты населения для каждого субъекта Российской Федерации необходимо провести анализ процесса формирования здоровья населения на его территории и выявить доминирующие факторы, влияющие на состояние здоровья. При обсуждении социально-экономической политики на федеральном уровне должна также учитываться проблема неравенства в отношении здоровья, которая является весьма актуальной для современной России и зачастую снижает эффективность принимаемых мер на различных уровнях управления.

Список источников

1. European Community Atlas of Avoidable Death / ed. by Holland W.W. – Commission of EC Health Services Research Series, Oxford University Press, 1988. – № 3. – 198 p.

2. Link B.G., Phelan J. Social Conditions As Fundamental Causes of Disease // Journal of Health and Social Behavior. Extra Issue: Forty Years of Medical Sociology: The State of the Art and Directions for the Future. – 1995. – Pp. 80-94.

3. Lutfey K., Freese J. Toward Some Fundamentals of Fundamental Causality: Socioeconomic Status and Health in the Routine Clinic Visit for Diabetes // American Journal of Sociology. – 2005. – Vol. 110. – № 5. – Pp. 1326-1372.

4. Omran A. R. The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // The Milbank Memorial Fund Quarterly. – 1971. – №49 (4). – Pp. 509-538.

5. Omran A. R. The epidemiologic transition theory revisited thirty years later // World Health Statistics Quarterly. – 1998. – Vol. 51. – Pp. 99–119.

6. Немцов А.В. Алкогольная смертность в России и пути снижения алкогольных потерь // Демографические перспективы России и задачи демографической политики: Материалы научно-практической конференции. – М., 2010. – С. 66-74.

7. Юмагузин В.В. Матрица Хэддона как инструмент снижения смертности от внешних причин // Материалы XV апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. – М., 2015. – Кн. 3. – С. 92-101.

Информация об авторе

Шибалков Иван Петрович (Россия, Томск) - аспирант кафедры экономики ИСГТ ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет» (634034, г. Томск, пр. Ленина, 30, e-mail: shibalkov.ivan@yandex.ru).

Shibalkov I.P.

SOCIOECONOMIC FACTORS OF PUBLIC HEALTH AND TERRITORIAL DIFFERENTIATION IN RUSSIA FROM THE POSITION OF EPIDEMIOLOGICAL TRANSITION THEORY

We identified the main factors of public health at different stages of the epidemiological transition and proposed a differentiated regional approach to the search for optimal management decisions aimed at improving the state of public health.

Key words: public health, epidemiological transition, health factors, mortality, mortality structure, regional differentiation of mortality.

Information about the author

Shibalkov Ivan Petrovich (Russia, Tomsk) - post-graduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (634034, Russia, Tomsk, Lenin avenue, 30, e-mail: shibalkov.ivan@yandex.ru).

УДК: 911.3: 314.18

А.С. Щукина

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ – 2015 В РОССИИ

В статье дается оценка результатов достижения Целей развития тысячелетия, направленных на улучшение медико-демографической ситуации как на уровне страны в целом, так и на уровне регионов. Анализируются значительные территориальные различия в достигнутых показателях, адаптированных для России. Отмечается, что вместо намеченной тенденции к сокращению ВИЧ/СПИДа, наблюдается обратная тревожная тенденция.

Ключевые слова*:* цели развития тысячелетия, демографические процессы, территориальные различия.

В Декларации тысячелетия ООН (2000 год) были сформулированы восемь целей в области развития человека. Для оценки эффективности действий по достижению этих целей разработана система индикаторов достижения этих целей, указаны конкретные задачи и количественные измерители. Из восьми важнейших целей три (4,5,6) направлены на улучшение медико-демографической ситуации в странах мира. В Целях развития на пороге тысячелетия (ЦРТ), адаптированных для России, были поставлены следующие задачи:

-повысить продолжительность жизни,

-снизить смертность от основных причин,

-снизить детскую и материнскую смертность,

-остановить распространение ВИЧ/СПИДа и положить начало тенденции к сокращению заболеваемости,

-остановить распространение туберкулеза и других социально обусловленных инфекционных заболеваний и значительно сократить заболеваемость ими,

-повысить ориентацию общества на здоровый образ жизни.

Устойчивое сокращение показателей смертности в нашей стране началось лишь с 2006 года. Целый ряд целевых показателей, в том числе ключевых, были досрочно достигнуты. Достаточно сказать, что основной показатель, используемый при анализе тенденций в смертности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличился за пятнадцатилетний период у мужчин на 6,89 года, у женщин на 4,45 года. Предполагалось также, что сократится сверхбольшой разрыв между показателями ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин с 13,2 до 10 лет, но реальный результат несколько меньше (10,79). Также за счет большего роста показателей городского населения несколько увеличился разрыв в показателях ожидаемой продолжительности жизни городского и сельского населения (у женщин с 0,8 до 2,5 лет, у мужчин с 1,21 до 1,71 года). Географическая картина фактически не изменилась. Ожидаемая продолжительность жизни в европейской части страны увеличивается с севера на юг, достигая максимума в республиках Северного Кавказа, и сокращается при движении на восток. Но и в центральных районах страны соседствуют регионы с очень разными показателями(Москва – 80,36 лет у женщин, 72,96 у мужчин и рядом Тверская область соответственно 74,85 и 63,33 года, Санкт-Петербург – 78,38 и 69,83 года и рядом Псковская область соответственно 74,27 и 63,08 года).В одних целевые показатели давно достигнуты, в других требуется достаточно времени для того чтобы к ним приблизиться. В 2015 году показатель ожидаемой продолжительности жизни женщин был в 50 регионах ниже среднероссийского, у мужчин в 58 регионах. Значительное снижение показателей смертности наблюдалось, прежде всего, от болезней органов кровообращения и внешних причин. Необходимо также отметить значительное снижение показателей младенческой смертности. В 2015 году показатель сократился до 6,5 на 1000 родившихся, что значительно лучше целевого показателя. При этом показатели в целом ряде регионов находятся на уровне западноевропейских стран.

Таблица 1

Целевые показатели ЦРТ (2015 год)

Показатели	Значение показателя в 2000г.	Значение показателя в 2015г.	
		целевой	достигнутый
Ожидаемая продолжительность жизни мужчин при рождении	59,03	65	65,92
Ожидаемая продолжительность жизни женщин при рождении	72,26	75	76,71
Стандартизованный коэффициент смертности от ишемической болезни сердца	395 на 100 000	300	265,5
Стандартизованный коэффициент смертности от цереброваскулярных болезней	307 на 100 000	200	156,1
Стандартизованный коэффициент смертности от внешних причин	230 на 100 000	150	118,5
Младенческая смертность	13 на 1000	менее 9	6,5

Источник: Россия в 2015 году: цели и приоритеты развития. М.,2006 г. и данные Росстата.

Таким образом, если в целом по стране целевые показатели были достигнуты, то во многих регионах этого не произошло. Наша страна не только очень большая по площади, но и очень разная по многим позициям.

Таблица 2

Параметры межрегиональных различий в целевых показателях ЦРТ-2015

Целевые показатели	В среднем по стране	Максимальное значение	Минимальное значение	***Размах вариации***	***Количество регионов с показателем выше целевого***
Ожидаемая продолжительность жизни мужчин при рождении	65,92	76,51	58,05	18,46	47
Ожидаемая продолжительность жизни женщин при рождении	76,11	83,02	68,29	14,73	18
Стандартизованный коэффициент смертности от ишемической болезни сердца	265,5	466,1	103,6	362,5	31
Стандартизованный коэффициент смертности от цереброваскулярных болезней	156,1	260,0	36,7	223,3	10
Стандартизованный коэффициент смертности от внешних причин	118,5	342,6	28,7	313,9	27
Младенческая смертность	6,5	16,0	3,7	12,3	9

Источник: Медико-демографические показатели Российской Федерации в 2014 году. Минздрав, 2015 и данные Росстата.

Особенности демографического развития регионов формируются под влиянием целого ряда факторов, среди которых социально-экономические условия жизни, экологическая ситуация, структурные характеристики населения и конечно его поведение по отношению к собственному здоровью.

Одновременно с улучшением целого ряда целевых показателей осложняется эпидемиологическая ситуация по ВИЧ-инфекции и несколько стабилизируется по туберкулезу (Цель 6). Социологические опросы населения показывают, что, с одной стороны, здоровье является главной базовой жизненной ценностью, с другой, многие люди относятся к своему здоровью безответственно, легко воспринимают отрицательные нормы поведения. Изменения в структуре заболеваемости взрослого населения в последние десятилетия связаны в значительной степени с отсутствием традиции самосохранительного поведения. В настоящее время все более серьезной проблемойстановится рост заболеваемости ВИЧ-инфекцией. На начало 2015г. в стране было зарегистрировано 907607 ВИЧ-инфицированных больных. Случаи ВИЧ-инфекции зарегистрированы во всех субъектах Российской Федерации. Пораженность ВИЧ-инфекцией в стране на конец 2014 г. составила 494,6 на 100 тыс. населения. Среди наиболее пораженных (более 1000 живущих с ВИЧ на 100 тыс. населения) 7 регионов – Иркутская (1438,6) , Свердловская(1391,1), Самарская (1337,7), Кемеровская (1295,1), Оренбургская (1068,0), Ленинградская (1057,0) области, Ханты-Мансийский автономный округ (1033,7). Либо каждый 70-й житель как в регионах-лидерах, либо каждый 100-ый в остальных. Еще в 16 регионах во главе с Санкт-Петербургом он составляет от 500 до 1000 человек на 100 тыс. населения. В этих регионах проживает около 38% населения страны.

За анализируемый период изменилась возрастно-половая структура инфицированных ВИЧ. Произошло смещение в более старшие возрастные группы. В 2015 году наибольшая пораженность ВИЧ-инфекцией наблюдалась в возрастных группах 25-29 лет (1,13%), 30-34 года(2,08%) и 30-35 лет (1,7%). Выросла до 36,6% доля ВИЧ-инфицированных женщин.

Таблица 3

Динамика заболеваемости ВИЧ-инфекцией
в Российской Федерации (на конец года), чел.

Го-ды	Число инфицированных ВИЧ					из них больны СПИДом			
	всего	детей	детей от ВИЧ инфицирован-ных матерей	из них умерло		всего	детей	из них умерло	
				всего	детей			всего	детей
1999	30646	411	15	1765	144	839	188	615	124
2000	89808	618	21	3452	148	1002	191	741	126
2014	907807	9125	7385	162931	708	43584	443	40389	324

Источник: данные Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом.

Таким образом, наше исследование показало, что задачи, поставленные в Целях развития тысячелетия на 2015 год, достигнуты лишь частично. Прежде всего, это касается шестой цели (Борьба с ВИЧ/СПИДом, туберкулезом и другими инфекцинными заболеваниями). Скорость распространения ВИЧ-инфекции требует экстренных мер. Будущее страны связано с решением этой проблемы Необходимы дополнительные усилия, как со стороны власти, так и со стороны самого населения по улучшению медико-демографической ситуации в стране.

© Щукина А.С. Текст. 2017

Список источников

1.Россия в 2015 году: цели и приоритеты развития. М.,2006.

2.Щукина А.С.Географический анализ современных демографических процессов.// Вестник Тверского государственного университета. Серия: «География и экология». 2015. № 2. С.44-56.

Информация об авторе

Щукина Анна Сергеевна (Россия, Тверь) – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета. Тверь, ул. Прошина д.3, корпус 2, тел.77-84-18. e-mail: socgeo2@mail.ru., shchukanser@gmail.com

Shchukina A.S.

THE SPATIAL DIMENSIONS OF ACHIEVING THE MILLENNIUM DEVELOPMENT GOALS IN RUSSIA

This article assesses the results of achieving the millennium development goals aimed at improving the medical and demographic situation at the country level as a whole at the regional level. It is noted that, instead of the planned downward trend in HIV/AIDS there is a reserse alarming trend.

Keywords: Millennium Development Goals, demographic processes, territorial differences.

Information about the author

Shchukina Anna Sergeevna (Russia, Tver) – associate professor, candidate of geographical sciences, Tver State University, Proshina d. 3, c. 2, 77-84-18, e-mail: socgeo2@mail.ru., shchukanser@gmail.com

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА»

УДК: 314.01

О.М. Шубат

РАЗВИТИЕ АНАЛИТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В статье показаны возможности развития методики исследования демографического потенциала на основе теории нечетких множеств. Отмечены особенности применения этого инструментария в российских исследованиях. Раскрыты особенности демографического потенциала как объекта исследования.

Ключевые слова: демографический потенциал, теория нечетких множеств, функция принадлежности, инструментарий исследования, российский индекс научного цитирования.

Демографический потенциал становится все более популярным объектом научных исследований. Анализ публикаций, проиндексированных в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), показал следующие особенности частотности использования этого термина российскими авторами. Во-первых, в последние годы число публикаций, где в качестве ключевых слов указывается термин «демографический потенциал», заметно увеличилось – за период с 2013 по 2016 годы таких публикаций стало в 2,7 раза больше. Во-вторых, рост числа таких публикаций происходил более быстрыми темпами, чем увеличение общего числа публикаций в РИНЦ (табл. 1). Кроме того, по данным системы Google books NGram Viewer, с середины 1990-х годов в российском сегменте этого ресурса наблюдается заметный рост частоты встречаемости N-граммы «демографический потенциал» (рис. 1).

Таблица 1

Динамика числа публикаций в РИНЦ, где в качестве ключевого слова указан термин «демографический потенциал»*

Годы		2013	2014	2015	2016
Публикации, в которых термин «демографический потенциал» указан в качестве ключевого слова	общее число	19	32	43	52
	годовой темп прироста, %	–	68,4	34,4	20,9
Полнотекстовые публикации	общее число	18225372	19751347	21736336	24086992
	годовой темп прироста, %	–	8,4	10,0	10,8
Число публикаций, в которых термин «демографический потенциал» указан в качестве ключевого слова (на 1 000 000 полнотекстовых публикаций)		1,0	1,6	2,0	2,2

* расчеты автора на основе данных Российского индекса научного цитирования. URL: http://elibrary.ru/defaultx.asp (дата обращения 25.04.2017).

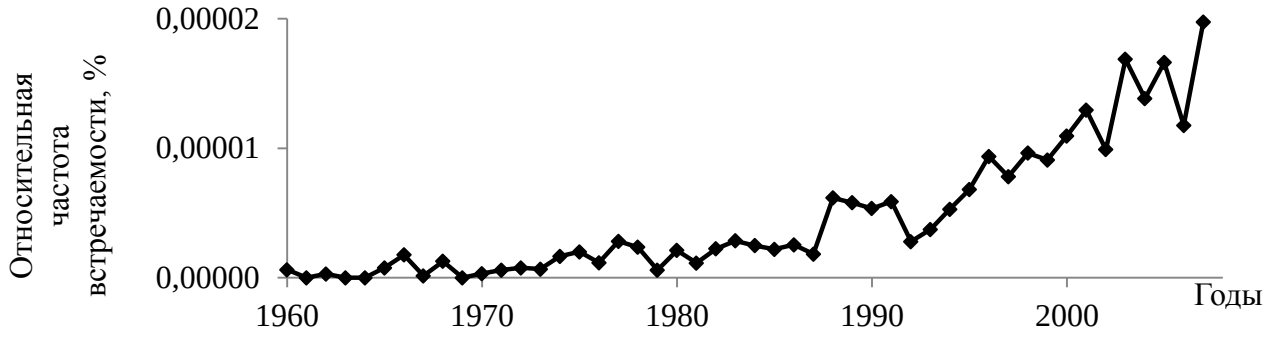


Рисунок 1. Встречаемость N-граммы «демографический потенциал» в Google books NGram Viewer (URL: https://books.google.com/ngrams (дата обращения 28.04.2017))

Вместе с тем, необходимо отметить, что демографический потенциал является одной из тех научно-исследовательских категорий, в отношении которой не сложилось ни однозначной трактовки, ни единой методики исследования. Так, В. В. Фаузер отмечает, что большинство авторов имеют собственную трактовку этого понятия, а демографический потенциал часто отождествляют с трудовым потенциалом или с человеческим потенциалом (человеческим капиталом) [5, с. 70]. М. В. Игошев и Ж. А. Мингалева на основе анализа научной литературы выделили четыре подхода к определению демографического потенциала:

- как общая численность населения страны;
- как репродуктивные возможности общества, которые определяются численностью репродуктивного контингента и его детородной активностью;
- как жизненный вероятностный потенциал, измеряемый числом людей с учетом прожитого ими совокупного времени;
- как количественный и качественный потенциал воспроизводства населения определенной территории и оцениваемый показателями общей численности населения, его половозрастного состава, динамикой роста населения, миграционными процессами и др. [1, с. 25-26].

Разнообразие трактовок демографического потенциала неизбежно приводит к многообразию применяемых для его исследования методов и приемов. Вместе с тем, можно отметить одну общую для большинства исследований черту – как правило, демографический потенциал оценивается не через какой-то один демографический показатель, а посредством целого набора социально-демографических, экономических индикаторов. Таким образом, постулируется комплексность и многоаспектность этой категории.

Учитывая возрастающий научный интерес к изучению демографического потенциала, а также значимость его оценки для решения проблем экономического, социально-демографического будущего страны, развитие аналитического инструментария исследования демографического потенциала представляется актуальной задачей. При этом в качестве одного из наиболее релевантных и востребованных методов статистического анализа может быть предложена теория нечетких множеств.

Появление этой теории в середине 1960-х годов связывают с именем профессора Калифорнийского университета Л.А. Заде, который предложил новый подход к описанию сложно формализуемых объектов и систем [7]. Этот подход основан на том, что для более реалистичного моделирования поведения таких объектов и систем необходимо несколько отойти от использования стандартных и общеизвестных количественных методов и ввести в процесс анализа так называемые лингвистические переменные. Такие переменные допускают возможность использования в качестве своих значений не только чисел, но и слов или предложений, что позволяет учесть неопределенность, «размытость», «нечеткость» отражения человеком окружающей действительности. Таким образом, теория нечетких множеств представляет собой инструмент формализации неопределенности. Инструментальная особенность применения в исследованиях этой теории заключается в

определении так называемой функции принадлежности – функции, с помощью которой задается субъективная оценка степени принадлежности какого-либо понятия к определенному нечеткому множеству. Такая функция описывает сложные состояния объекта исследования, которые не зависят от частоты повторяемости явлений (в этом состоит принципиальное отличие теории нечетких множеств от классической теории вероятностей). При этом для определения функций принадлежности в практике преимущественно используются экспертные оценки.

Применение инструментария теории нечетких множеств на практике часто реализуется посредством программного продукта MATLAB (приложение fuzzyTech). Используется стандартный алгоритм, предполагающий выполнение следующей последовательности действий [3]:

1. Формирование набора правил для нечеткого вывода (обычно это когнитивные правила вида «если А, то В», которые отражают знания экспертов об особенностях изучаемого объекта, специфике его функционирования в различных условиях).

2. Фазификация (этап, на котором определяется функция принадлежности; исходные данные ставятся в соответствие со значением функции принадлежности).

3. Агрегирование (этап, на котором определяется степень истинности условий по каждому определенному ранее правилу).

4. Активизация (здесь определяется степень истинности каждого из подзаключений правил).

5. Дефазификация (на этом этапе для каждой выходной лингвистической переменной получают количественное значение).

Исследователи истории науки отмечают, что методы нечетких множеств уже с конца 70-х годов XX века стали активно применяться в экономических исследованиях. В России же интерес к данной теории появился только в конце 1990-х годов [2]. Следует отметить, что аналитический инструментарий нечетких множеств очень редко используется в демографических исследованиях. Так, в Российском индексе научного цитирования в тематике демографических исследований нашлось только 5 публикаций, авторы которых применяют данную теорию. Интересно, что в близких научных направлениях теория нечетких множеств используется заметно активнее (табл. 2).

Таблица 2

Публикации с применением аппарата теории нечетких множеств, проиндексированные в РИНЦ*

Тематическое направление публикации	Число публикаций
Демография	5
Психология	25
Социология	31
Экономика	470

* расчеты автора на основе данных Российского индекса научного цитирования. URL: http://elibrary.ru/defaultx.asp (дата обращения 23.04.2017)

Вместе с тем, представляется, что возможность и необходимость применения теории нечетких множеств в анализе демографических данных предопределяются спецификой объектов демографических исследований. Действительно, в процессе анализа демографической динамики широко используются слабо формализуемые показатели. Так, ранее уже отмечалось, что при исследовании демографического потенциала территории, как правило, применяют целую систему социально-демографических показателей. Эти показатели могут иметь совершенно разную природу – от объективно сложившихся и хорошо измеряемых событий и явлений до слабо формализуемых индикаторов. К числу первых можно отнести, например, число родившихся, численность женщин фертильного

возраста и т.п. Слабо формализуемые индикаторы представлены целым набором субъективных оценок, суждений, репродуктивных установок и потребностей. Такие индикаторы все чаще рассматриваются в качестве детерминант демографической динамики (см., например, [4]). Помимо этого, сама категория «демографический потенциал» является слабо формализуемой. Действительно, на сегодняшний день не выработано общепризнанных подходов, которые бы позволяли квантифицировать этот феномен. Не существует и всеми признаваемых, обоснованных подходов к классификации (категоризации) демографического потенциала – например, высокий, средний, низкий.

Кроме того, в оценке демографической ситуации и составлении демографических прогнозов часто используются методы экспертного оценивания. При этом в описании экспертами таких терминов, как, например, «удовлетворенность мерами государственной поддержки рождаемости» могут отсутствовать точные числовые параметры. Вместе с тем, такие оценки можно определить лингвистическими переменными – например, через термины «низкая-высокая». Таким образом, в процессе оценки демографической динамики исследователи сталкиваются с нечеткой информацией, алгоритмы и техники работы с которой разрабатываются в русле теории нечетких множеств.

Еще одним обстоятельством, актуализирующим применение методики работы с нечеткими числами в демографии, является задача разработки интегральных показателей демографического состояния общества. Инструментальная возможность обобщения разнородной информации (часть из которой представлена в виде многоуровневых нечетких описаний) и сведения ее в единый индикатор хорошо разработана в теории нечетких множеств. В рамках данной теории предусмотрена возможность выполнения операций над нечеткими числами посредством преобразований над функциями принадлежности. Отметим также, что междисциплинарность исследовательских подходов и обращение социально-гуманитарных наук к методам естественных, математических наук является мейнстримом в развитии современной научной методологии (см., например, [6]).

В целом, инструментарий теории нечетких множеств позволяет анализировать сложные, многосоставные социально-экономические, демографические структуры, для которых не разработано простой математической модели. Такой анализ возможен также с учетом их динамики под воздействием как объективных, так и субъективных факторов.

©Шубат О.М. Текст. 2017

Список источников

1. Игошев М. В., Мингалева Ж. А. Факторы формирования позитивных демографических тенденций. Формирование современного демографического потенциала как основа структурной модернизации экономики // Российское предпринимательство. 2011. № 2-1. С. 24-31.

2. Костикова А. В. Исторические аспекты развития теории принятия решений // Философия науки. 2012. № 4 (55) С. 85-98.

3. Леоненков А. В. Нечеткое моделирование в среде MATLAB и fuzzyTECH. СПб.: БХВ-Петербург, 2005. 736 с.

4. Рощина Я. М., Меркасова А. Г. Дифференциация факторов рождаемости для различных социально-экономических категорий российских женщин // SPERO. 2009. № 10. С. 159-180.

5. Фаузер В. В. Демографический потенциал северных регионов России – фактор и условие экономического освоения Арктики // Экономика региона. 2014. № 4. С. 69-81.

6. Чикова О. А., Оболенская А. Г. Методы естественных наук в социально-гуманитарных исследованиях // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (16). С. 66-75.

7. Zadeh L. A. Fuzzy sets // Information and Control. 1965. № 8 (3). Pp. 338-353.

Информация об авторе

Шубат Оксана Михайловна (Россия, Екатеринбург) – к.э.н., доцент, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина» (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, email: o.m.shubat@urfu.ru)

Shubat O.M.

DEVELOPMENT OF ANALYTICAL INSTRUMENS OF DEMOGRAPHIC POTENTIAL RESEARCH

The article presents the possibilities of developing a methodology for studying the demographic potential based on the theory of fuzzy sets. Specific features of the application of this toolkit in Russian studies are noted. The features of the demographic potential as an object of research are revealed.

Keywords: demographic potential, fuzzy sets theory, membership function, research tools, Russian Index of Scientific Citation.

Information about the author

Oksana Shubat (Ekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (620002, Ekaterinburg, Mira Street, 19, email: o.m.shubat@urfu.ru)

УДК 325.2 (575.2) (04)

А.А. Саякбаева

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье рассматриваются отдельные вопросы социально-демографического развития Кыргызской Республики, в частности, естественный прирост населения, материнская смертность, в том числе ее основные причины, миграция населения и ее феминизация, браки и разводы,
бедность и крайняя бедность населения и др.

Ключевые слова: рождаемость, миграция, смертность, разводимость, брачность, бедность

Развал СССР и хаосный переход к рыночной экономике резко повысил уровень бедности населения Кыргызстана (КР), Так, при проведении первого мониторинга уровня жизни Нацстаткомитетом КР при технической поддержке Всемирного банка уровень бедности населения составил порядка 63,7% (рис. 1). Естественно, мероприятия, проводимые государством по повышению уровня жизни населения, постепенно снизили уровень бедности населения республики: за 1996-2014 годы с 63,7% до 37,0% и уровень крайней бедности населения с 30,7% до 2,8%. Однако с 2015 года данный индикатор качества жизни вновь стал возрастать из-за внешних и внутренних факторов (рис. 1).

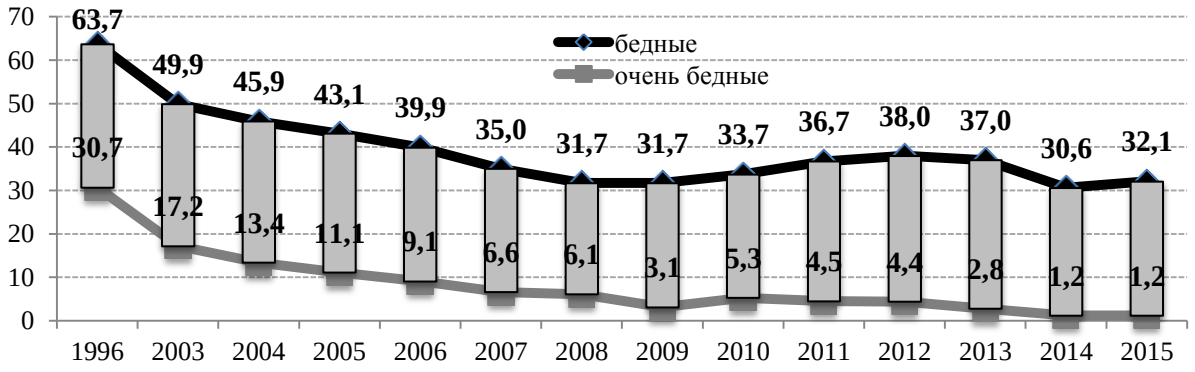
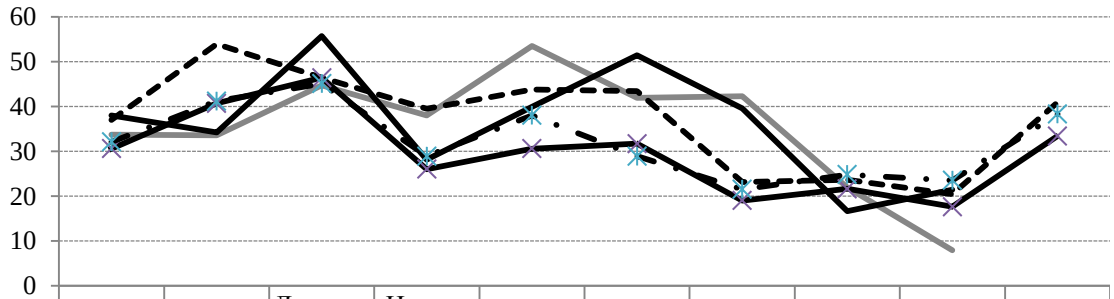


Рис. 1. Динамика уровня бедности и крайней бедности населения Кыргызстана за 1996- 2015 гг., % [1; 2, 3, 4, 5, 6]

Уровень бедности населения территорий Кыргызской Республики *(кроме г. Бишкек, Таласской области)* остается высокой (рис. 2). Можно констатировать, что бедное население депрессивных территорий Кыргызстана, а также регионов, расположенных в горных и предгорных местностях страны (рис. 2) вынуждены эмигрировать из-за отсутствия сфер приложения труда. Последнее оказывает отрицательное влияние на деморазвитие страны.

В настоящее время демографическое развитие Кыргызстана характеризуется некоторым снижением смертности населения, ростом рождаемости (рис. 3, 4), а также повышением ожидаемой продолжительности предстоящей жизни и миграции населения. Рост миграции населения, особенного коренного, оказывает определенное влияние на развитие таких демопроцессов как повышение разводимости и снижение брачности. Последнее вызывает сокращение количества рожденных детей и числа детей в семье и далее приведут к снижению рождаемости и переходу к простому воспроизводству населения, что для таких малочисленных стран как Кыргызстан грозит национальной безопасностью.



	КР	Баткенская	Джалал-Абадская	Иссык-Кульская	Нарынская	Ошская	Таласская	Чуйская	г. Бишкек	г.Ош
2010	33,7	33,6	44,7	38	53,5	41,9	42,3	21,9	7,9	
2012	38	34,2	55,7	28,1	39,9	51,4	39,6	16,6	21,4	
2013	37	53,9	46,4	39,5	43,8	43,4	23,1	23,6	20,4	40,9
2014	30,6	40,7	46,4	26	30,6	31,7	19	21,6	17,6	33,4
2015	32,1	41,2	45,1	28,9	38	28,9	21,5	24,8	23,5	38,3

Рис. 2. Уровень бедности населения территорий Кыргызстана, % [1 2,3,4,6]

Для простого замещения поколений коэффициент рождаемости должен быть не ниже 2,15. За период 2010-2015 годы суммарный коэффициент рождаемости в мире достиг уровня 2,36, в то время как в первой половине 50-х годов XX века он составлял 4,95 (табл. 1). Самый высокий суммарный коэффициент рождаемости в мире – в Нигере – 6,76 (на 2015 год), а самый низкий – в Сингапуре – 0,81 (на 2015 год); в 2015 году; по данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости в России составил 1,78. [8]

В 2016 году среднегодовой прирост численности населения Кыргызстана составил 2,1% против 1,9% в 1980 году (рис. 3), что связано и снижением уровня смертности и повышением уровня рождаемости населения. Так как миграционный баланс в Кыргызстане характеризуется превышением числа эмигрантов над иммигрантами, прирост численности населения осуществляется в основном за счет естественного прироста населения.

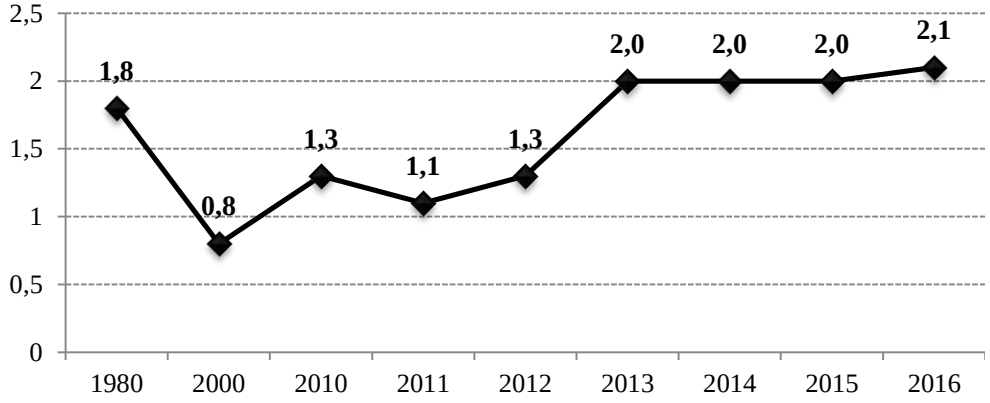


Рис. 3. Среднегодовой прирост численности населения Кыргызстана, % [1; 4]

Численность населения Кыргызской Республики на 1.01.2016 год составила 6 140,2 тысяч человек, или за последний шестидесятишестилетний период (1950 г. -1 740 000 чел.) увеличилась более чем в 3,5 раза. Большая часть населения Кыргызской Республики проживает в Ошской области (20,9%), а меньшая, соответственно,– в Таласской области (4,2%) и в (рис. 4).

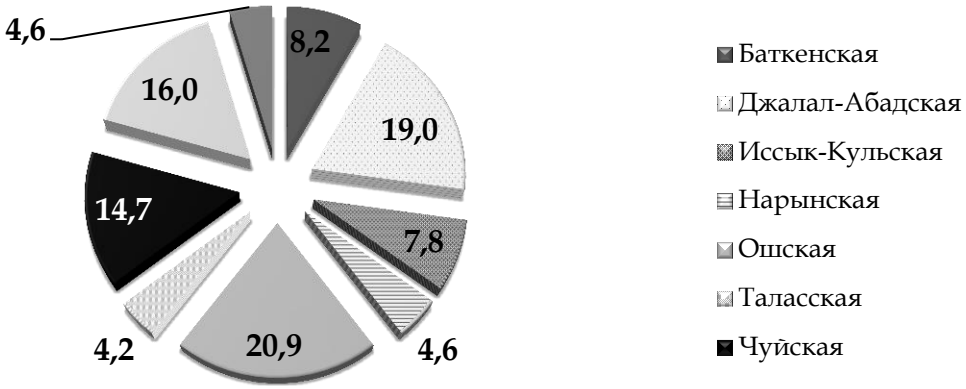


Рис. 4. Доля численности населения территорий Кыргызстана в 2016 году [1]

Уровень смертности населения по республике в целом имеет тенденцию к снижению (общий коэффициент смертности в 2015 г. составил 5,8 промилле против 7,1 промилле в 2007 г.). Однако демофакт, что в отдельных регионах республики уровень смертности остается высоким. Так, например, в Нарынской, Чуйской и Иссык-Кульской областях (в Джети-Огузком районе *8,1 промилле; в Иссык-Кульском и Тюпском районах 8,0 промилле*) общий коэффициент смертности в 2015 году составил 7,4 промилле против 5,8 промилле в среднем по КР и др. Высокий уровень смертности связан с низким уровнем предоставления медицинских и санитарных услуг, а также недоступностью основного населения данных регионов к качественной медицинской помощи из-за их бедности, высоким размером формальных и неформальных выплат за отдельные виды медицинских услуг (родовспоможение, МРТ и др.).

Материнская смертность в целом по республике за 2007-2015 годы сократилась на 10%, хотя в Джалалабадской и Ошской областях данный показатель, наоборот, вырос в 1,6 раз (рис. 5).

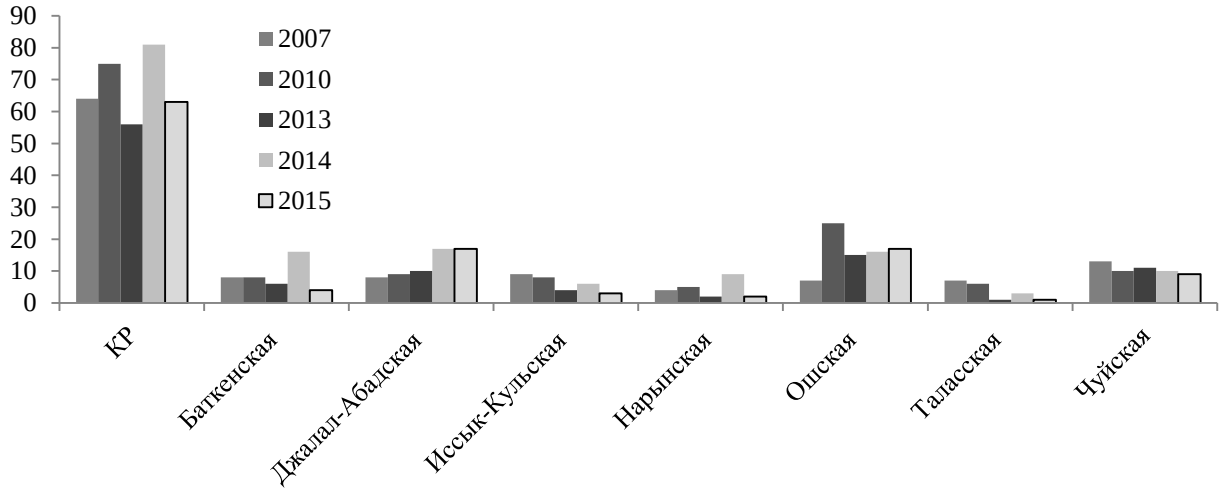


Рис. 5. Динамика материнской смертности в Кыргызстане и ее регионах, *человек* [1, 3,4]

Основные причины материнской смертности это отсутствие профилактической помощи беременным женщинам в организациях здравоохранения, особое внимание которой уделялось в условиях СССР, низкое качество медицинских услуг, а также человеческий фактор, эндогенные и экзогенные факторы, высокая текучесть и эмиграция квалифицированных медицинских работников, бедность населения, ограничивающая доступность к качественным медуслугам, а, следовательно, и роды на дому, высокая заболеваемость женщин анемией, низкое качество родовспоможения и дородовой профилактики и др. [1,2,3,4,5]

Младенческая смертность – основной индикатор уровня благополучия той или иной страны, несмотря на снижение по республике в целом (за 2007-2015 годы младенческая смертность снизилась, соответственно, до 19,9 промилле против 30,6 промилле) остается относительно высоким против показателя экономически развитых стран. Причины младенческой смертности, в основном, идентичны причинам материнской смертности, включая и отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде; врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения, болезни органов дыхания и др.

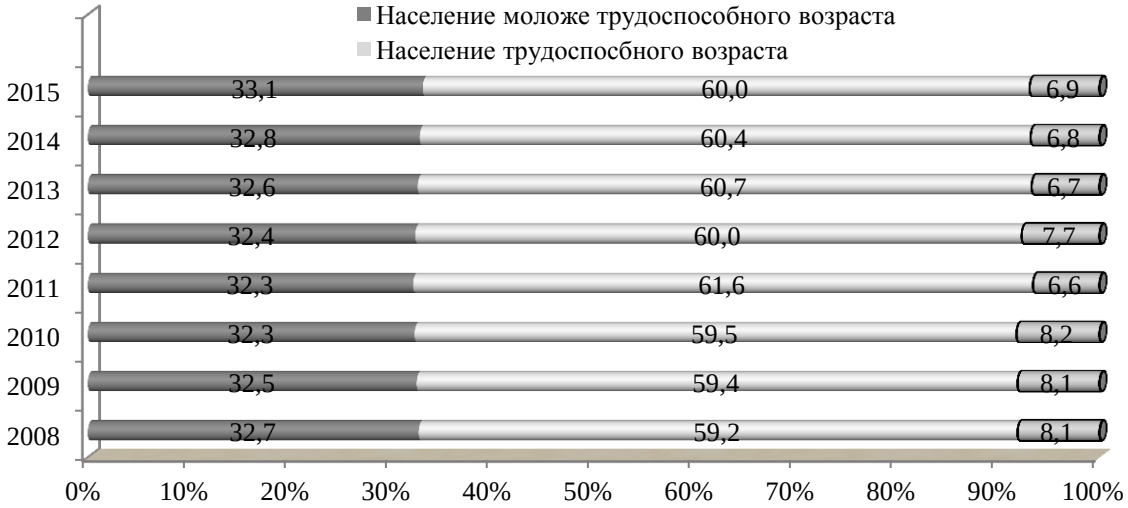


Рис. 6. Доля населения Кыргызстана по основным возрастным группам, % [1,3,4]

В Кыргызской Республике сохраняется прогрессивный половозрастной состав населения, являющийся одним из доминирующих социально–экономических характеристик населения, определяющий ресурсный потенциал страны: доля молодого населения высока (33,1%), хотя это и предопределяет большую экономическую нагрузку на трудоспособное население. [1,4]

Средний возраст населения Кыргызской Республики постепенно увеличивается и на 1.01. 2016 года составил 27,4 лет для обоих полов, мужчин – 26,4 лет и женщин – 28,3 лет. [1]

Показатель ожидаемой продолжительности жизни – как индикатор качества жизни имеет также тенденцию к повышению, хотя по данным ООН Кыргызстан стоит на 133 месте. Так, в республике за 2015 год ожидаемая продолжительность жизни составила 70,6 лет против 69,3 лет, в том числе для женщин, соответственно, 74,8 и 73,3 лет против 66,7 и 65,3 лет мужчин. Более низкая ожидаемая продолжительность жизни мужчин против женщин, объясняется генетическими особенностями мужчин, высокого их травматизма, предрасположенности к сердечно-сосудистым заболеваниям, слабой социально-психологической приспособляемостью к изменениям внутренней и внешней среды общества и др. [3,4, 5]

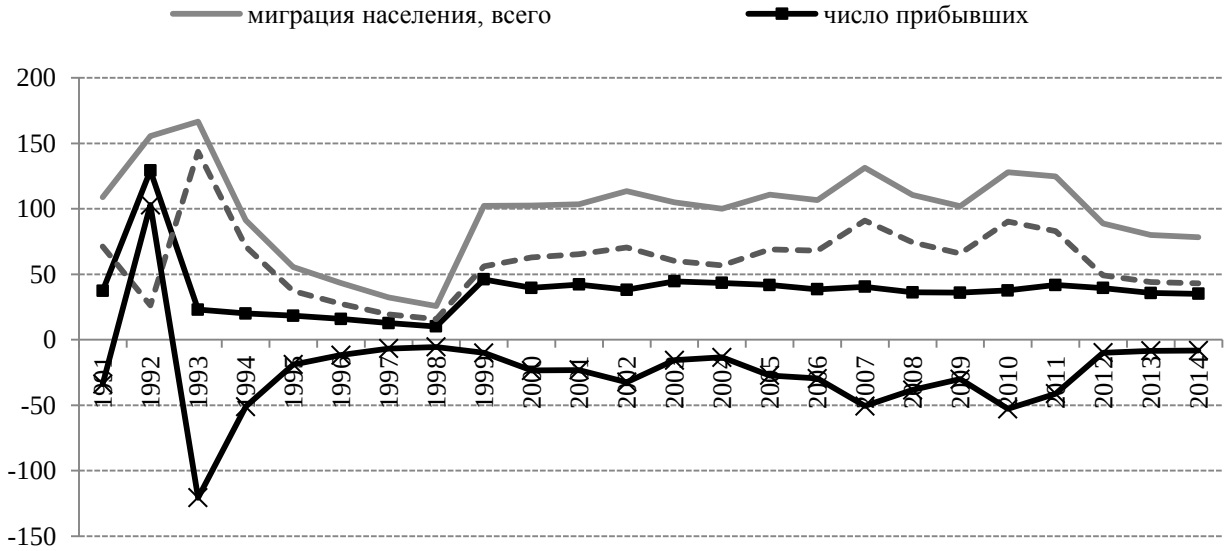


Рис. 7. Миграция населения Кыргызстана, человек [1; 3; 4]

Распад СССР и развал всех секторов экономики в Кыргызстане, даже стратегических, повлек за собой резкий рост миграционной подвижности населения (рис. 7) и ее феминизацию, а глобализация демопроцессов, понижение роли детей в семье, связанных с социально-экономическими и психологическими факторами рыночной экономики и др. вызвали определенные проблемы в процессах образования и распада супружеских пар в республике (табл. 1). [2, 3,4, 5]

Таблица 1.

Динамика числа браков и разводов в Кыргызстане, *человек* [1; 2; 3]

	Число браков, *человек*									*изменения за 2007-2015*	Число разводов, *человек*									*изменения за , 2007-2015*
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	*2015*		2007	2008	2009	2010	2011	2012	201	201	*201*	
Кыргызская Республика	44392	44258	47567	50362	56509	55176	53578	54942	*52 043*	*117,2*	7371	7419	7381	8155	8705	8698	9052	9235	*8 588*	*116,5*

Так, за 2007-2015 годы число браков возросло соответственно на 17,2% против 23,7% за 2007-2014 годы, а число разводов увеличилось на 16,5% против 25,3% за 2007-2014 годы (табл. 2). Интересен тот факт, что в России отмечается аналогичная ситуация по бракам и разводам (см. табл. 2).

Таблица 2.

Естественное движение населения за 2014-2015 годы в России [9]

	тысяч			На 1000 человек населения		
	2015	2014	прирост, снижение (-+)	2015	2014	2015г. в % к 2014г.
Родившихся	1940,6	1942,7	2,1	13,3	13,3	100,0
Умерших	1908,5	1912,3	3,8	13,0	13,1	99,2
в том числе детей в возрасте до 1 года	12,7	14,3	1,6	6,52	7,42	87,8
Естественный прирост, убыль (-)	32,1	30,4		0,3		0,2
Браков	1161,1	1226,0	-64,9	7,9	8,4	94,0
Разводов	611,6	693,7	-82,1	4,2	4,8	87,5

Таким образом, исследование социально-демографического развития Кыргызской Республики показало, что, несмотря на отдельные позитивные тенденции в демопроцессах, к требующим разрешения проблемам относятся: смертность населения, особенно младенческая и материнская, высокая миграция населения, особенно женщин, влияющая на тенденцию снижения числа браков и увеличения уровня разводимости, относительно низкий уровень средней продолжительности жизни населения, особенно мужчин в трудоспособном возрасте и др., зависящие, главным образом, от уровня развития здравоохранения, доступности населения к качественным медицинским услугам, особенно бедных и социально-уязвимых групп и др. [2, 3, 4,5]

Следовательно, позитивное развитие народонаселения Кыргызской Республики требует от государства демографическую политику возвести в ранг приоритетных по позитивному опыту отдельных стран, в том числе и России, но с учетом социально экономического развития страны.

Список источников

1. Демографический ежегодник Кыргызской Республики. 2007-2015гг. – Бишкек: Нацстатком КР, 2016. – 319 с.
2. Саякбаева А.А., Токторбаева К.А. Потребности населения в социальной защите в период трансформации экономики. - Минск// Научные стремления. – 2016. -№ 1 (17)- С. 96-103.
3. Саякбаева А.А., Кенжекараева А.Ж. Некоторые аспекты социально-демографического развития Киргизской Республики и Нарынской и Чуйской областей // Вестник РАЕН. – М., 2016. - № 1. – С. 105-110.
4. Саякбаева А.А., Дженалиева М.А. Демографические особенности развития Кыргызстана и ее регионов. Евразийское Научное Объединение. Наука и современность 2017. XXIII Международная научная конференции Евразийского Научного Объединения. – М.: ЕНО, Январь 2017, часть 2. -№ 1 (23). – С. 134-137.
5. Саякбаева А.А. Социальная защита населения. – Бишкек: КНУ им. Ж.Баласагына, 2006. –226 с.
6. Уровень жизни населения Кыргызской Республики 2006-2015. – Бишкек: Нацстатком КР, 2016. – 129с.
7. https://ru.wikipedia.org/wiki /UNdata: Total fertility rate (children per woman)
8. http://www.gks.ru/
9. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez2203.pdf

Информация об авторе

Саякбаева Айганыш Апышевна - д.э.н., профессор, заслуженный экономист Кыргызской Республики, Кыргызский национальный университет им.Ж.Баласагына, зав. кафедрой «Финансы»

Sayakbaeva A.A.

SOCIO-DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE KYRGYZ REPUBLIC

This article discusses some issues of the socio-demographic development of the Kyrgyz Republic, in particular, natural population growth, maternal mortality, including its underlying causes, and feminization of migration, marriage and divorce, poverty and extreme poverty and etc.

Keywords: fertility, migration, mortality, nuptiality, divorce, poverty

Information about the author

Sayakbaeva Aiganysh Apysheva - doctor of Economics, Professor, Honored economist of Kyrgyz Republic, Kyrgyz National University by the name of Jysyp Balasagyn, head of finance department.

УДК 314.145.2 (98)

В.Г. Логинов

РОССИЙСКАЯ АРКТИКА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В статье выполнен ретроспективный анализ демографических процессов и рассмотрены вопросы воспроизводства населения в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ). Выявлены причины изменения численности населения в динамике с советских времен до настоящего времени.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, регион, субрегион, заселение, воспроизводство населения, миграционные процессы, урбанизация.

В состав Арктической зоны России входят 4 субъекта Федерации (региона): Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа и частично 4 субъекты Федерации (субрегионы): республик Коми и Саха (Якутия), Красноярского края и Архангельской области. В этих рамках арктические районы занимают около 3,7 млн кв. км, или 31,7% от площади Севера, с численностью населения около 2,4 млн чел. (2016 г.) [1-2].

В освоении и заселении АЗРФ активное участие принимали представители бывших союзных республик и регионов России. Интенсивный процесс ее освоения шел в 1970-е и 1980-е годы. За этот период возникли многие города и рабочие поселки, была создана промышленная и транспортная инфраструктура. Пик заселения территории пришелся на начало 1990-х гг. В последующие годы шел процесс снижения численности населения, обусловленный экономическими, социальными и политическими причинами (табл.1).

Таблица 1

Динамика численности населения регионов Арктики, тыс. чел.

Регион Арктики	1989 г. ВПН	2010 г. ВПН	На 01.01		2016 г. в % к	
			2015 г.	2016 г.	1989 г.	2010 г.
Арктика, всего	3425,5	2429,9	2391,6	2378,2	*69,4*	*98,2*
Европейский	2323,4	1598,9	1547,7	1540,3	*66,3*	*96,3*
Уд.вес, %	*67,8*	*65,8*	*64,7*	*64,8*	*-3,0*	*-1,0*
Уральский	494,8	522,8	540,0	534,1	*107,9*	*102,2*
Уд.вес, %	*14,5*	*21,5*	*22,6*	*22,45*	*7,95*	*0,95*
Сибирский	359,5	229,3	227,2	227,5	*63,3*	*99,2*
Уд.вес, %	*10,5*	*9,4*	*9,5*	*9,55*	*-1,0*	*0,15*
Дальневосточный	247,8	78,9	76,7	76,3	*30,8*	*96,7*
Уд.вес, %	*7,2*	*3,3*	*3,2*	*3,2*	*-4,0*	*-0,1*

Рассчитано по источникам: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г.; Данные Всероссийской переписи населения 2010 г.; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 и 2016 гг. М.: Росстат, 2015-2016.

За период между переписями 1989 и 2010 гг. численность населения Арктики сократилась на 28%, а к 2016 г. на 30,6%. Максимальная относительная убыль населения наблюдалась в дальневосточных районах – 69,2%, абсолютная – 783 тыс. чел. в европейской части Арктики. Основной причиной стал отток населения, в европейской части к этому добавился отрицательный естественный прирост. Единственным регионом, где наблюдался прирост населения оставался Ямало-Ненецкий автономный округ, но и здесь он был получен благодаря естественному воспроизводству, и только в отдельные годы – положительному сальдо миграции.

Промышленно-ресурсная специализация экономики Арктики обусловила высокий уровень урбанизации территории. В городах и поселках городского типа (пгт.) проживает около 90% населения (табл.2). При этом 93% урбанизированного населения сосредоточено в городах. Всего в пределах АЗРФ располагается 37 городов, в том числе 26 за Полярным кругом с общей численностью свыше 1 млн чел. (52,3% горожан), в т.ч. такие крупные города как Мурманск и Норильск.

Таблица 2

Динамика численности населения Арктики, чел.

Субъект Федерации регион/субрегион*	1989 г.		2010 г.		На 01.01. 2016 г.	
	Всего	в т.ч. городское	Всего	в т.ч. городское	Всего	в т.ч. городское
Мурманская обл.	1164586	1070970	796117	739008	762173	704954
Республика Коми*	218467	216847	95866	95253	81442	80970
Архангельская обл.*	802852	768574	664280	613991	652867	605464
Ненецкий АО	53912	34336	42628	28660	43838	31738
Европ. Арктика	**2239817**	**2090727**	**1598891**	**1476912**	**1540320**	**1423126**
Уд.вес городского, %		*93,3*		*92,4*		*92,4*
Ямало-Ненецкий АО	494844	385614	522798	442944	534104	446902
Красноярский край*	379008	340404	229348	206235	227546	205668
Р-ка Саха (Якутия)*	83883	63874	28317	14635	26107	13155
Чукотский АО	163934	118986	50530	32738	50157	34720
Азиатская Арктика	**1121669**	**908878**	**830993**	**696552**	**837904**	**700445**
Уд.вес городского, %		*81,0*		*83,8*		*83,6*
Районы Арктики	3361486	2999605	2429884	2173464	2378224	2123571
Уд.вес городского,%		*89,3*		*89,4*		*89,3*

Примечание. 1989 г. – Итоги Всесоюзной переписи населения; 2010 г. – данные Всероссийской переписи населения. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (проект) [Электронный ресурс] URL: fu.ru/development/Stategy_arctic.pdf (дата обращения 26.06.2016 г.). *субрегион (часть субъекта Федерации).

При снижении общей численности населения за период с 1989 по 2015 гг. в городах на 507,8 тыс. чел. численность жителей заполярных городов снизилась на 457,6 тыс. чел. При этом 59% убыли пришлась на Мурманск и Норильск, численность населения которых сократилась на 36 процентов (табл.3).

Таблица 3

Динамика городских поселений Арктики по данным переписей, чел./ед.

Регион	1989 г.	2010 г.	Уд. вес населения городов, %

	города	пгт.	города	пгт.	1989 г.	2010 г.	2016 г.
Мурманская обл.	929649/11	141321/21	664886/16	74122/12	86,8	90,0	91,3
Республика Коми*	115329/1	101518/12	70551/1	24702/8	53,2	74,1	73,2
Архангельская обл.*	751195/5	17379/5	606551/5	7440/3	97,7	98,8	98,8
Ненецкий АО	20012/1	14324/3	21296/1	7364/1	58,3	74,3	77,3
Европейская Арктика	**1816185/18**	**274542/41**	**1363284/23**	**113628/24**	**86,9**	**92,3**	**93,1**
Ямало-Ненецкий АО	301595/5	84019/9	407821/8	35123/5	78,2	92,1	93,8
Красноярский край*	333555/5	13888/3	203691/3	2544/3	96,09	98,8	99,4
Р-ка Саха (Якутия)*	-	63874/11	-	14635/6	0,0	0,0	0,0
Чукотский АО	30959/2	88027/18	22718/3	10020/5	26,0	69,4	72,3
Азиатская Арктика	**666109/12**	**249808/41**	**634230/14**	**62322/19**	**72,7**	**90,1**	**92,6**
Районы Арктики	2482294/30	524350/82	1997514/37	175950/43	82,6	91,9	93,0

Рассчитано по источникам: 1989 г. – Итоги Всесоюзной переписи населения; 2010 г. – данные Всероссийской переписи населения.

Примечание: под чертой число городов и поселков городского типа (пгт.), ед.

Более высокими темпами шло снижение численности населения поселков городского типа (на 71,6%) и их относительной доли среди городского населения (с 17,4 до 7,0%). Оно было обусловлено их закрытием в связи с отработкой месторождений полезных ископаемых, или с переводом в сельские населенные пункты из-за резкого снижения числа проживающих. Общее число поселков городского типа за период 1989-2015 гг. снизилось с 82 до 39 ед. Количество городов за этот период увеличилось с 30 до 37 единиц при снижении численности проживающих в них на 30,5%. Рост городов был вызван получением более высокого статуса поселков городского (4 города) или сельского типов (1 город), и снятием запрета на публикацию сведений о закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО, 4 города). Снижение количества городов в Красноярском крае с 5 до 3 было обусловлено объединением городов Норильской агломерации (Норильска, Кайеркена и Талнаха) в один город (табл.4).

Таблица 4

Структура населения городов Арктики, 1989/2015 гг.

Показатель	Св.300	100-300	50-99	20-49	10-19	Менее 10
К-во городов, ед.	2/2	3/4	8/2	13/15	3/7	1/7
Численность населения, чел.	889086/ 656218	548950/ 584644	578430/ 117766	413184/ 480334	47660/ 103804	4984/ 40564
Уд. вес, %	*35,8/33,1*	*22,1/29,5*	*23,3/5,9*	*16,6/24,2*	*1,9/5,2*	*0,3/2,1*
Средняя величина города, чел.	444543/ 328109	182983/ 146161	72304/ 58883	31783/ 32022	15887/ 14829	4984/ 5795

Более половины населения АЗРФ в настоящее время проживает в 6 городах св. 100 тыс. жит. На каждые 100 тыс. кв. км территории приходится 1 город и 1 поселок городского типа.

Сравнительная характеристика крупных городов и центров субъектов Федерации Арктической зоны по основным социально-экономическим показателям приведена в таблице 5.

Таблица 5

Основные социально-демографические показатели арктических городов

Город	Естественный прирост, на 1000 чел.	Средне-месячная зарплата*	Средний размер пенсий**	Уд.вес пенсионеров, %	Общая площадь жилья на 1

									жит., м^2	
	2008	2013	2008	2013	2008	2013	2008	2013	2008	2013
Мурманск	-2,2	0,1	95,6	95,4	69,4	70,6	32,2	34,4	22,5	23,3
Архангельск	-1,7	0,4	71,9	**73,6**	63,5	**65,7**	31,3	32,1	22,2	22,4
Северодвинск	-2,0	0,4	**66,7**	76,1	**68,7**	71,3	**35,9**	**37,8**	21,8	22,1
Нарьян-Мар	3,6	7,0	151,9	128,1	80,2	88,8	28,8	31,6	22,8	22,9
Салехард	8,6	**13,1**	157,4	162,6	79,7	81,6	20,7	21,6	21,2	22,0
Н.Уренгой	**8,9**	12,5	**185,9**	163,5	82,2	82,9	**14,7**	**20,3**	**15,8**	**18,3**
Ноябрьск	7,7	11,4	133,5	128,7	77,6	78,6	19,8	26,1	17,8	18,8
Норильск	6,1	9,0	147,4	137,0	94,4	92,8	18,4	22,3	21,5	24,5
Анадырь	8,2	6,1	**188,5**	**167,7**	**100,0**	**100,0**	23,7	22,9	23,9	20,2

Рассчитано по источникам: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2009: Стат.сб. /Росстат. М., 2009. 397 с.; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014: стат.сб. /Росстат. М., 2014. 433 с.

Примечание: жирным шрифтом выделены минимальные и максимальные значения отдельных показателей.

* В процентах к средней зарплате по Северу (48611 – 2013 г.).

** В процентах к самой высокой пенсии в субъекте Федерации Севера (Чукотский АО – 19482,8 руб. – 2013 г.)

Снижение численности населения АЗРФ продолжается, но в настоящее время оно идет на фоне положительного естественного прироста населения, в различной степени компенсирующего миграционный отток по отдельным арктическим регионам и субрегионам (табл.6). Самый высокий показатель естественного прироста был в Ямало-Ненецком автономном округе, где он составил в среднем за 2010-2015 гг. 11 промилле, или 35,6 тыс. чел., что в 1,4 раза выше величины миграционного отрицательного сальдо населения. Самое низкое его значение имела европейская часть Арктики. Тем не менее, это явилось уже достижением, так как до 2012 года на протяжении двух десятилетий естественный прирост имел здесь отрицательное значение. Этому способствовали два разнонаправленных потока – незначительный рост рождаемости, коэффициенты которой остаются еще достаточно низкими, и такой же невысокий показатель снижения смертности. Более благоприятным демографическим состоянием выделяется Ненецкий автономный округ, где естественный прирост составил 6 промилле, но из-за небольшой численности проживающего населения (около 44 тыс. чел.) он не смог оказать существенного влияние в целом на ситуацию в этой части Арктики.

Таблица 6

Коэффициенты естественного воспроизводства населения в регионах Арктики, промилле

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Европейская часть						
Рождаемость	11,9	11,6	12,2	12,1	12,1	12,3
Смертность	12,3	11,8	11,4	11,3	11,4	11,6
Естественный прирост	-0,4	-0,2	0,8	0,8	0,7	0,7
Ямало-Ненецкий АО						
Рождаемость	15,8	15,6	16,8	16,6	16,9	16,6
Смертность	5,5	5,4	5,4	5,1	5,1	5,3
Естественный прирост	10,3	10,2	11,4	11,3	11,8	11,3
Красноярский край						
Рождаемость	14,5	14,7	15,5	15,1	15,7	15,3
Смертность	8,3	8,4	7,3	7,2	7,3	7,0
Естественный прирост	6,2	6,3	8,2	7,9	8,4	8,3
Республика Саха (Якутия)						
Рождаемость	13,9	18,2	16,6	17,6	18,5	17,2

Смертность	12,0	13,7	12,0	12,3	10,2	11,2
Естественный прирост	1,9	4,5	4,6	5,3	8,3	6,0
Чукотский АО						
Рождаемость	14,7	13,6	14,0	13,1	13,7	13,6
Смертность	13,8	11,1	11,4	10,5	10,9	9,5
Естественный прирост	0,9	2,5	2,6	2,6	2,8	4,1
Арктическая зона РФ, всего						
Рождаемость	13,1	12,9	13,6	13,5	13,6	13,6
Смертность	10,5	10,1	9,7	9,5	9,6	9,6
Естественный прирост	2,6	2,8	3,9	4,0	4,0	4,0

Рассчитано: База данных показателей муниципальной статистики и по данным Федеральной службы государственной статистики; Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000-2013 годах; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 года. М.: Росстат, 2016. Естественное движение населения по субъектам РФ. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_106/Main.htm (дата обращения 15.01.2017 г.).

В краткосрочном периоде основном источником роста населения в арктических районах остается естественный прирост населения при условии превышения его над оттоком населения за их пределы. Однако расширенное естественное воспроизводство населения пока характерно только для Ямало-Ненецкого автономного округа, и то пока оно обеспечивается сложившейся половозрастной структурой населения

В период с 2011 по 2016 гг. численность населения АЗРФ уменьшилась на 49,5 тыс. чел., главным образом, за счет сокращения его в европейской части Арктики, где этот показатель составил 54,6 тыс. чел. (снижение численности на 3,4%). Значительно меньше она снизилась в арктических районах Красноярского края (на 1,5 тыс. чел.), Саха (Якутии) (на 2,55 тыс. чел., но при этом последняя имеет самый высокий относительный показатель – минус 8%), фактически не изменилась в Чукотском автономном округе (-198 чел.) и увеличилась в Ямало-Ненецком автономном округе (на 9,1 тыс. чел.).

На динамические показатели численности населения Арктики повлияли изменения в направлениях миграционных потоков и их количественных характеристик, связанных в основном с экономическими причинами: реструктуризацией промышленного производства, сокращением объемов нового строительства, отработкой крупных месторождений полезных ископаемых, конъюнктурой мирового сырьевого рынка.

Целенаправленности данного процесса способствовала разработка федеральных, региональных и корпоративных программ по переселению избыточного населения. Пионером в решении проблемы переселения жителей арктических районов в более комфортные для проживания территории страны является г. Норильск. Еще в советское время (1985 г.) Норильский комбинат начал осуществлять социальные программы, начав строительство жилья для ветеранов, чтобы стимулировать выезд населения, численность которого в то время достигла 266,6 тыс. чел., из них почти половину составляли работники комбината [3]. В том же году на «материк» уехало 20 тыс. чел. В следующие три года по 16-17 тыс. чел. Население Норильского промышленного района стало постепенно уменьшаться. В 1990-е годы число уезжающих сократилось до 13,8 тыс. чел. в 1992 г., в 1995 г. – 10 тыс. чел. Свои переселенческие проекты имеют и все другие субъекты Федерации, а также отдельные муниципальные образования АЗРФ, в частности ГО Воркута.

Возросший во втором десятилетии XXI века миграционный оборот населения арктических районов имеет отрицательное сальдо даже в таком благополучном регионе как Ямало-Ненецкий автономный округ (табл.7).

Таблица 7

Естественное и механическое движение в регионах и субрегионах Арктики, чел.

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.

Европейская Арктика						
Естественный прирост	-610	-252	1126	1303	967	1092
Сальдо миграции	-13132	-11193	-13568	-16959	-8674	-4384
Общий прирост	-13742	-11445	-12442	-15656	-7707	-4108
Ямало-Ненецкий АО						
Естественный прирост	5390	5384	6181	6183	6382	6091
Сальдо миграции	-4953	6249	-1127	-8124	-6068	-8479
Общий прирост	437	11633	5054	-1941	314	-7387
Красноярский край						
Естественный прирост	1421	1436	1896	1815	1910	1894
Сальдо миграции	-3619	338	-2210	-3837	-3198	-1553
Общий прирост	-2198	1774	-314	-2022	-1288	341
Республика Саха (Я)						
Естественный прирост	50	126	128	141	218	155
Сальдо миграции	-784	-368	-1032	-907	-471	-242
Общий прирост	-734	-242	-904	-776	-253	-87
Чукотский АО						
Естественный прирост	48	128	131	129	139	206
Сальдо миграции	-853	515	-336	-354	-154	-589
Общий прирост	-805	643	-205	-225	-15	-383
Арктическая зона РФ, всего						
Естественный прирост	6299	6822	9462	9571	9616	9438
Сальдо миграции	-23341	-4459	-18273	-30181	-18565	-22835
Общий прирост	-17042	2363	-8811	-20610	-8949	-13397

Рассчитано по источникам: База данных показателей муниципальной статистики и по данным Федеральной службы государственной статистики; Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000-2013 годах; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 года. М.: Росстат, 2016. Естественное движение населения по субъектам РФ. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_106/Main.htm (дата обращения 15.01.2017 г.). Общие итоги миграции по субъектам РФ. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_106/Main.htm (дата обращения 15.01.2017 г.).

Суммарный оборот миграции АЗРФ с 2011 по 2015 гг. увеличился в 1,3 раза (с 204,1 до 260,8 тыс. чел). Данный рост был обусловлен тем, что с 2011 г. в статистический учет долгосрочной миграции населения были включены дополнительно лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, и лица, снятые с регистрационного учета по месту пребывания в связи с окончанием срока пребывания.

Среднегодовые объемы прибытия в этот период составляли 94,4 тыс. чел., выбытия – 134,5 тыс. чел. при отрицательном сальдо 40,1 тыс. чел., которое только на 22,4%, а в 2015 г. на 41,2% компенсировалось положительным естественным приростом населения. При этом относительные показатели суммарного оборота миграции возросли с 84 до 109 промилле. Данные показатели значительно дифференцированы по отдельным регионам и субрегионам АЗРФ, что было обусловлено историей их освоения, особенностями природно-ресурсного потенциала, природно-климатическими условиями и другими причинами. Наиболее динамичны миграционные процессы шли в Чукотском и Ямало-Ненецком автономных

округах, где суммарный оборот миграции составил в 2014 г., соответственно 193,7 и 171,5, в 2015 г. – 186,2 и 155,7 промилле. В европейской части Арктики эти показатели были значительно ниже – соответственно 83,6 и 86,0 промилле (самый низкий – в арктических районах Архангельской обл. – 53,4 и 57,8 промилле).

Социальными последствиями миграционного оттока населения являются, одной стороны, появление многочисленных «мертвых» поселков с брошенными объектами социальной инфраструктуры, зачастую находящиеся в рабочем состоянии, с другой стороны, положительные изменения в половозрастной структуре оставшегося населения в случае преобладания в потоке выезжающих лиц пенсионного возраста.

Сохранению отрицательного сальдо миграции способствует и превалирующий подход к освоению новых месторождений полезных ископаемых, которые располагаются в прибрежной и шельфовой зоне, когда большая часть квалифицированных работников привлекается межрегиональным вахтовым методом без создания стационарных поселений, то есть без соответствующего роста постоянного населения, что позволяет экономить на социальной инфраструктуре, обходясь вахтовыми и трассовыми поселками. Об этом свидетельствует сложившаяся практика реализации инвестиционных проектов в природно-ресурсных районах Севера, предполагающая вахтовый метод привлечения рабочей силы, где при создании объектов социальной инфраструктуры учитываются только затраты на обустройство вахтовых поселков.

На долю занятых в экономике влияет половозрастная структура населения: соотношение между лицами до трудоспособного, трудоспособного и старше трудоспособного возраста. Эти показатели имеют существенные различия между отдельными субъектами Федерации и их частями. Рост рождаемости во втором десятилетии текущего века обусловил увеличение абсолютной и относительной численности детей до 16 лет, а продолжающийся процесс старения населения – пенсионеров. В результате с каждым годом возрастает нагрузка лиц пенсионного возраста на население, занятое в экономике, даже в благополучных в демографическом отношении субъектах Федерации (табл.8).

Таблица 8

Численность пенсионеров на 1000 чел. населения и занятых в экономике, приходящаяся на одного пенсионера, на 1 января

Субъект РФ	Численность пенсионеров на 1000 чел. населения				Численность занятых в экономике, приходящаяся на 1 пенсионера, чел.			
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Р-ка Коми*	323,3	329,5	334,4	338,8	1,62	1,58	1,55	1,51
Архангельская обл.*	344,4	349,5	354,2	358,8	1,45	1,43	1,42	1,40
Ненецкий АО	289,0	292,8	296,1	299,7	2,61	2,58	2,60	2,61
Мурманская обл.	311,8	315,7	318,6	323,2	1,77	1,72	1,70	1,68
ЯНАО	211,9	216,7	219,9	230,0	3,37	3,26	3,18	3,11
Красноярский край*	274,6	277,1	279,3	282,1	1,86	1,84	1,82	1,78
Р-ка Саха (Якутия)*	255,1	261,3	265,4	269,6	2,00	1,96	1,92	1,83
Чукотский АО	276,9	278,5	284,4	289,6	2,56	2,43	2,31	2,21

*в целом по субъекту РФ.

Источник: Российский статистический ежегодник. М.Росстат,2013. С.155-156; Источник: Российский статистический ежегодник. М.: Росстат,2014 С.142-143.

Самая высокая нагрузка на занятых в экономике, приходящаяся на одного пенсионера, – в староосвоенных районах европейской части Арктики (республика Коми,

Архангельская и Мурманская обл.), самая низкая – в Ямало-Ненецком автономном округе. Общая нагрузка между этими регионами в незначительной степени нивелируется за счет детей до 16 лет, доля которых наиболее высока в автономных округах АЗРФ.

Реализация программ по переселению излишнего населения и пенсионеров из-за недостатка финансирования в настоящее время не позволяет в полной мере решить эту проблему, в связи с чем во всех регионах и субрегионах Арктики идет процесс постепенного увеличения доли лиц пенсионного возраста.

Ресурсная направленность развития арктических территорий обусловливает нестабильность социально-экономической обстановки и определяет задачи региональной социальной и экономической политики. Сдвиг процесса промышленного освоения в периферийные районы Арктики, отличающиеся высоким уровнем экстремальности природно-климатических условий, меняет структуру занятого населения АЗРФ, в которой повышается доля временного проживающих в результате использования вахтового метода, что, в свою очередь, способствует стабилизации или оттоку постоянного населения в более благоприятные для проживания районы страны.

© Логинов В.Г. Текст. 2017

Список источников

1.Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» Пост. Правительства РФ №366 от 21 апр.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2014/04/24/arktika-site-dok.html (дата обращения 17.12.2015).

2. Об сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации. Указ Президента РФ №296 от 2 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://docs.pravo.ru/dokument/view (дата обращения 17.12.2015).

3. Логинов В.Г., Балашенко В.В. Срединный арктический регион: ресурсы, социум, экономика и экология. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – 291 с.

Информация об авторе

Логинов Владимир Григорьевич (Екатеринбург, Россия) – доктор экономических наук, заведующий сектором регионального природопользования и экологии, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г.Екатеринбург, ул.Московская, 29), e-mail:log-wg@rambler.ru

Loginov V.G.

RUSSIAN ARCTIC: A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES

This article gives a retrospective analysis of demographic processes and address the issues of population reproduction in the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF). Reasons for the population change in dynamics from Soviet times to the present time have been identified

Keywords: Arctic, region, sub-region, settling, reproduction, migration, and urbanization

Information about authors

Loginov Vladimir Grigorevich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Economics, Head of the Sector for Regional Environmental Management and Ecology, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moscovskaya st., Yekaterinburg, 620014), e-mail:log-wg@rambler.ru).

УДК: 331

А.Р. Рахимов

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОЦЕНКИ ПЕРСОНАЛА

В условиях рыночной экономики одной из самых главных кадровых технологий признается деловая оценка персонала. Деловая оценка, служа инструментом, позволяющим оценивать индивидуальные особенности работников, их сильные и слабые стороны, мотивационные потребности и потенциальные возможности, выступает средством реализации как целей кадровой политики, так и целей деятельности всей организации.

Роль оценки в системе кадрового менеджмента заключается в том, что по ее результатам руководство компании имеет возможность принимать управленческие решения о поощрениях, продвижении, обучении сотрудников, результатах испытательного срока, изменении заработной платы или премировании. Оценка в том или ином виде проводится на каждом этапе работы с персоналом: подбор кандидата на вакантную должность; прохождение испытательного срока и выполнения текущей деятельности; обучение сотрудника; перевод в другое структурное подразделение; формирование кадрового резерва; увольнение. Важное значение деловой оценки заключается в том, что она связывает, объединяет все элементы системы управления персоналом в единое целое. [1]

Ключевые слова: персонал, оценка персонала, деловая оценка, методы оценки, критерии оценки, технология оценки персонала.

Для исследование системы деловой оценки персонала было выбрано кадровое агентство «Kelly Services», которое было проведено в апреле 2016 года. Данное предприятие является крупнейшей международной компанией, предоставляющей решения по управлению персоналом с 1946 года в мире, и с 1993 года в России.

Кадровое агентство имеет офисы и представительства в многочисленных городах страны. Ежегодно компания Келли Сервисез устраивает на работу до 5000 постоянных и предоставляет более 15000 временных сотрудников по всей стране и более 550,000 сотрудников по всему миру. Оборот компании в 2014 году составил $ 5.9 млрд. долларов США.

Благодаря обновляющейся базе кандидатов по всей стране и профессиональной специализации консультантов, компания Келли Сервисез подбирает начинающих и опытных специалистов, менеджеров среднего звена, руководителей и топ-менеджеров практически во всех сферах бизнеса: финансы и банковская сфера; информационные технологии (IT); нефтегазовая промышленность (NaturalResources); логистика, производство; фармацевтика, медицинское оборудование; клинические исследования (LifeScience); телекоммуникации, производство; маркетинг; продажи; юриспруденция; управление персоналом и многие другие.

В Екатеринбурге отделение открыто в 2004 году и предоставляет экспертизу по подбору персонала в областях: FMCG, Торговые сети (Retail), Фармацевтика, B2B, Финансы, Банки, Продажи, IT, Логистика. Компании, с которыми сотрудничает Келли Сервисез (г.Екатеринбург): Мегафон, Сбербанк, MSD, Bayer, Lhoist, Ehrmann, Unilever, Johnson&Johnson, Metro, Mars, Google.

Организационная структура аппарата управления - форма разделения труда по управлению производством. Каждое подразделение и должность создаются для выполнения определенного набора функций управления или работ. Для выполнения функций подразделения их должностные лица наделяются определенными правами.

Организация является сложной системой, которая включает в себя множество взаимосвязанных элементов различной степени важности, влияния на организацию, ресурсоемкости, продуктивности и так далее. Анализ системы управления персоналом

любого агентства позволяет составить представление о том, каким образом действует эта организация, выявить слабые места в организационной структуре и принять меры по их устранению. [2]

Результатом анализа организационной структуры становится схема управления компанией, которая дает четкое представление о том, кто перед кем отчитывается и кто кому подчиняется.

В кадровом агентстве структура управления имеет линейный вид. Линейная структура управления компанией может быть отнесена к самому простому способу построения организационной системы, в которой воплощается принцип централизма.

У руководителя имеются все виды полномочий, полная власть и единоличное осуществление руководства. Лежащий в основе линейного устройства предприятия организационный принцип вполне адекватен для данного вида деятельности. Он позволяет вести непрерывное совершенствование процессов и технологии, что необходимо для достижения качества кадровых услуг. Каждый сотрудник выполняет свою функцию, что приводит к четкому и отлаженному процессу работы, экономии времени, улучшению результатов.

Из анализа численности следует, что общая численность организации уменьшилась на 1 человека. Коллектив организации на 100% женский, процент текучести не превышает 10%. В данной организации в связи с низкой текучести сотрудников, редко случается подбор на вакантные места. Если возникает внутренняя вакансия, предложение рассылается среди сотрудников Келли. Если же найти человека внутри не удается, вакансию опубликовывают в интернете.

Образование – получение систематизированных знаний и навыков.[3] По данным за 2015 года в организации все специалисты имеют высшее образование – оно является обязательным для каждого сотрудника организации. Это контингент высококвалифицированных специалистов – люди, непосредственно занимающиеся качественным поиском и подбором персонала, а также решающие вопросы трудоустройства обратившегося соискателя.

Таким образом, организация «Келли Сервисез СИ-АЙ-ЭС» имеет сплочённый коллектив из высококвалифицированных сотрудников, который очень редко меняется, потому что в компании достаточно хорошие условия и каждый сотрудник заинтересован в своей работе и личном вкладе в развитии компании. Во главе этого коллектива стоит территориальный директор, который принимает почти все решения, включая подбор персонала как услугу, так и внутреннюю потребность.

Качественный подбор персонала является одним из базовых элементов успешного бизнеса, так как только сплоченная команда, обладающая высоким уровнем подготовки и желанием добиться успеха, способна привести компанию к занятию лидерских позиций. В любой небольшой организации важен вклад каждого работника, особенно когда речь идет о подборе персонала, то количество сотрудников, которое приведет специалист по подбору персонала, будет являться одним из важнейших показателей качества самой услуги.[4]

Из анализа подобранных кандидатов по вакансиям был сделан вывод, что количество замен находится на достаточно высоком уровне. Таким образом, у каждого сотрудника существует ряд замен, которые ведут к убытку не только их заработной платы, но и всей организации, что в свою очередь приводит к ухудшению качества услуги.

Для оценки качества работы с персоналом используют также отзывы работодателей и соискателей. По результатам проведенного контент - анализа, направленного на изучение отзывов о качестве подбора персонала, в кадровом агентстве Kelly Services выявлены следующие отзывы: 41 % положительных и 59% отрицательных оценок дали работодатели, 44% положительных и 56% отрицательных оценок распределились между соискателями. Цель отзывов — отразить объективное мнение работодателей и соискателей о качестве работ в кадровом агентстве. Компания Kelly ни первый год занимается подбором персонала, как услугой. Многолетний опыт их сотрудников позволяет агентству решать даже самые

срочные и сложные задачи и хоть и в целом компания ведёт довольно успешный рост всей организации и старается оказать свои услуги на высшем уровне , количество отрицательных отзывов всё же присутствует в большом количестве, что также доказывает о существующей проблеме в организации.

Все кадровые агентства обещают оказывать услуги высокого качества, и, очевидно, стремятся закрыть как можно больше вакансий. Большинство агентств искренне стремится сделать так, чтобы заказчик остался доволен сотрудничеством.[5] Однако одного лишь желания не достаточно. Анализ рейтинга по количеству закрытых вакансий Екатеринбургских кадровых агентств за 2015 год показал, что на сегодняшний день рынок российских рекрутинговых услуг представлен агентствами самых разнообразных профилей. Существуют агентства, которые, помимо своих обычных обязанностей, занимаются организацией различных тренингов, семинаров, лекций на тему трудоустройства, то есть, дополнительно занимаются образовательной деятельностью. Особого внимания у работодателей заслужило учреждение «Kelly Services», которые используют в своей работе нетрадиционные методы поиска. Но при всех своих плюсах компания занимает шестое место в рейтинге лучших компаний Екатеринбурга, стоит сделать вывод, что компании нужны доработки в целях повышения качества предоставляемых услуг, которые позволят улучшить конкурентоспособность организации, а также в целом улучшит работу каждого специалиста агентства, потому как они занимают всего лишь 5 место в рейтинге лучших кадровых агентств.

На основе вышесказанного, видно, что действующая система отбора персонала достаточно хорошо себя зарекомендовала, однако, в связи с полученными данными о положении дел в организации как внутри (количество замен), так и снаружи (отзывы клиентов и рейтинг среди других кадровых агентств) можно сделать вывод, что система отбора нуждается в дополнении, поэтому было проведено также исследование качества услуги по подбору и оценки персонала.

В ходе исследования нами было проведено полуформализованное интервью с представителями работодателя. Выборка составила 20 руководителей, занятых в различных сферах деятельности. Исследовались такие аспекты удовлетворенности работодателя как скорость обратной связи, профессионализм, вежливость, постоянство контакта, а также удовлетворенность кандидатом.

Скорость обратной связи показывает нам как быстро отреагировал специалист по подбору персонала на запрошенную вакансию. По данному вопросу 70,2% опрошенных работодателей отметили, что скорость обратной связи в компании Kelly Services находится на высоком уровне: «если мне понадобится специалист, я обязательно обращусь в Kelly из за быстрой реакции» (работодатель №13).

Профессионализм говорит о том, что был ли подобран кандидат по составленным формализованным критериям и на сколько он подходил на данную вакансию. Соответствие этому критерию также показало хороший результат, а именно 79,3% были довольны подобранными кандидатами с точки зрения подбора качественных кандидатов, удовлетворяющих формальные признаки.

Соблюдение элементарных правил вежливости на рабочем месте позволяет разрешать быстро и успешно даже самые, казалось бы, сложные ситуации, возникающие между специалистом и работодателем. «Каждый мой разговор со специалистом проходил в хорошем тоне, он был вежлив и аккуратен» (работодатель №8) . С мнением данного респондента согласились 86,7 % участников интервью, что свидетельствует о том, что между работодателем и специалистом не возникало конфликтных ситуаций. Нами так же исследовался такой аспект работы с работодателем, как наличие постоянной обратной связи. Опрошенные работодатели отметили, что специалисты кадрового агентства регулярно сообщали им о ходе работы по поиску кандидатов. При этом информация поступала вовремя и содержала количественный характер, а именно: сколько людей подобрано, сколько

осталось и когда будет окончательно закрыта вакансия. Из опрошенных данным критерием остались довольными, также подавляющее большинство – 76,1%.

Из анализа зависимости уровня удовлетворенности от сложности закрываемой вакансии видно, что чем сложнее подобрать вакансию, тем больше негативных отзывов поступало, а значит кандидату было труднее пройти по социально-психологическому критерию. Лишь 11,4% опрошенных с сложным уровнем вакансии были удовлетворены качеством подбора, отсюда можно сделать вывод о том, что кандидаты, не прошедшие период испытательного срока испытывали некие проблемы связанные с адаптацией в коллективе, а возможно и вовсе никак ему не подходили. Также нами было проведено анкетирование с соискателями, не прошедшими испытательный срок. Выборка состояла из 120 участников, тех же самых сфер, что и руководители.

Были рассмотрены такие критерии как скорость обратной связи, постоянство контакта, качество работы специалиста по подбору, а также причины, по которым кандидаты не прошли испытательный срок.

По схожему критерию, такому как скорость обратной связи, соискатели оценили работу агентства как положительную (83,9 % респондентов), а значит в целом были удовлетворены работой.

Для кадрового агентства «Kelly Services» постоянство контакта с соискателями не менее важно, чем с работодателями. По данному критерию соискатели также отметили высокий уровень и качество работы агентства. Так, 83,2% опрошенных отметили, что уровень и качество обратной связи на отличном уровне. Менее 5% ответивших отметили его как низкий. Чуть больше 12% затруднились с ответом на этот вопрос. По всей видимости, для этих соискателей наличие постоянного контакта не требуется.

При оценке качества подбора кандидатов на закрытие вакансии выяснилось, что они были отобраны согласно установленным формальным признакам и именно такую работу они хотели. С таким мнением согласилось 81,9% опрошенных.

Анализ причин неудачного прохождения испытательного срока показал, что основными причинами непрохождения испытательного срока являются такие причины как особенности взаимоотношений в коллективе (65,4%), стили руководства (43,2%), а также методы работы (29,2%).

В меньшей степени повлияли такие формализованные факторы, как не соответствие кандидата квалификации (9,8%) . Не справляются со своими обязанностями (9,3%). Это говорит о том, что соискатели тоже столкнулись с проблемой адаптации в новом коллективе.

Таким образом, проведенное исследование показало, что специалисты справляются с подбором персонала по формальным признаками, но та процедура оценки кандидатов, которая принята в компании не учитывает социально – психологических особенностей будущих работников и препятствует их адаптации на новом месте работы.

Исследования уровня удовлетворенности качеством услуги с позиции работодателя показало, что на высоком уровне такие аспекты как скорость обратной связи, вежливость, профессионализм и постоянство контакта, в то же время наиболее проблемной является такой аспект и критерий как подбор кандидата с учетом его социально-психологических особенностей и учет этих особенностей будущего коллектива.

Исследование мнения работников, непрошедших испытательный срок также подтвердило результаты, полученные в ходе опроса работодателей.

Соискатели вакансии удовлетворены скоростью обратной связи, качеством подбора вакансии специалистов, а также постоянством контакта. При этом респонденты показали, что испытывали сложности при адаптации к новому коллективу.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о качестве предлагаемой услугой в компании Kelly Services. Данная услуга находится на среднем уровне, поэтому требует доработок, а именно нужно разработать рекомендации, которые главным образом будут помогать выявить социально – психологические особенности кандидата, которые будут подходить существующему коллективу.

На основании проведенного исследования деятельности кадрового агентства была выделена такая проблема как несоответствие социально - психологических особенностей кандидатов, проходящих испытательный срок в компаниях работодателей условиям труда, что порождает замедление адаптации либо вовсе ее неудачный исход.

Для решения данной проблемы нами предлагается внедрение Assessment – центра (один из методов комплексной оценки персонала, основанный на использовании взаимодополняющих методик, ориентированный на оценку реальных качеств сотрудников, их психологических и профессиональных особенностей.

Соответствия требованиям должностных позиций, а также выявление потенциальных возможностей специалистов), который будет сфокусирован на работников высшего и среднего звена.

Учитывая значимость любых оценочных процедур, особенно важно, что результаты ассессмент-центра очень убедительны как для руководства компании, так и для всех участников. Поэтому на основании доверия к данной процедуре кандидаты, отобранные данной методикой с определенными социально - психологическими особенностями, будут лучше всего подходить к существующей организационной структуре коллектива, а также соответствовать существующей корпоративной культуре.

Предложения по улучшению технологии оценка персонала могут быть применены в кадровом агентстве «Kelly Services», а также и в других компаниях.

© Рахимов А.Р. Текст. 2017.

Список источников

1. М.И. Королевский. – Поиск и отбор персонала. – М: Бизнес-школа Интел-Синтез, 2014. – 254 с.

2. М.И. Бухалков, Н.М. Кузьмина, О.А. Бабордина. – Управление персоналом на предприятии. – М: Экзамен, 2015. – 318 с.

3. А.Я. Кибанов. – Основы управления персоналом: Учеб. – М: Инфра-М, 2014. – 304 с.

4. Ю.Г. Одегов, П.В. Журавлев. – Управление персоналом. – М: Дело, 2012. – 290 с.

5. Е. Борисова. – Критерии оценки персонала. Рецепт для тех, кому некогда / Персонал-Мик. – 2013. - №3. – С. 5-6

Информация об авторе

Рахимов Артем Рафаилович (Россий, Серов) - магистрант 1-го курса, УрГУПС (Индекс: 620034, город Екатеринбург, улица Колмогорова 66), ranwow@mail.ru

Rakhimov A.R.

RESEARCH OF THE TECHNOLOGY OF STAFF ESTIMATION

In the conditions of a market economy, one of the most important personnel technologies recognizes the business valuation of personnel. Business assessment, serving as a tool to assess the individual characteristics of employees, their strengths and weaknesses, motivational needs and potential opportunities, serves as a means of implementing both the objectives of personnel policy, and the objectives of the activities of the entire organization.

The role of evaluation in the personnel management system is that, based on its results, the company's management has the opportunity to make managerial decisions on the promotion, promotion, training of employees, the results of the trial period, changes in wages or bonuses. Evaluation in one form or another is carried out at each stage of work with personnel: selection of a candidate for a vacant position; Passing the trial period and performing current activities; Employee training; Transfer to another structural unit; Formation of the personnel reserve;

Dismissal. The important value of a business valuation is that it connects, integrates all the elements of the personnel management system into a single whole.

Keywords: personnel, personnel assessment, business evaluation, evaluation methods, evaluation criteria, personnel assessment technology.

Information about the author

Rakhimov Artem Rafailovich (Russia, Serov) - Master of 1 course, USURT (Post code: 620034, city of Ekaterinburg, Kolmogorova street 66), ranwow@mail.ru

УДК: 314.7(470.1/.2+571)

В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ЭТНИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА РОССИИ

Рассматривается динамика численности и этническая структура населения Севера России. Особое внимание уделено этносам, имеющих национально-территориальные образования. Делается вывод, что под влиянием миграций изменился этнический состав населения принимающих территорий.

Ключевые слова. Север России, этническая структура, миграции населения, национальность

В научной литературе достаточно работ, раскрывающих влияние миграции на общую численность населения и его демографические структуры. Менее изученными остаются вопросы взаимосвязи миграции и этнических процессов окраинных территорий. По мнению Л.Л. Рыбаковского и Н.В. Тарасовой, освоение новых территорий сопровождалось «расселением представителей одних этнических групп среди других, численно преобладающих» [5, с. 28]. Однако данное утверждение справедливо лишь для начального этапа освоения. В последующие годы численность пришлого населения становится преобладающей, что в корне меняет соотношение между местным и пришлым населением, между этническими группами [7, с. 10].

Представляется важным дополнить работы по миграции и этнопроцессам последних лет, выполненных по России в целом [4] или по крупным административным образованиям [6]. Необходимо оценить тесноту и последствия взаимосвязи миграции и этнических процессов, в первую очередь, для территорий проживания коренных северных этносов. Влияние миграции на этнические структуры наиболее заметно проявилось на отдаленных территориях (северных и восточных) в результате заселения их пришлым населением с целью вовлечения в экономический оборот природных ресурсов.

Основной исследовательский замысел статьи – проанализировать и раскрыть два момента взаимосвязи миграции и этнических процессов. Во-первых, как представлены наиболее многочисленные этносы России в национальной структуре населения Севера. Во-вторых, как миграции изменили представительство коренных этносов в национальных регионах. Для анализа взят период с 1939 по 2010 г. 1939 г. выбран в качестве «стартового», поскольку к этому времени все северные этносы оформили свои территориально-национальные образования (исключение Тыва, 1944) и еще не были подвержены массовым принудительным миграциям [8].

Общая характеристика Севера России и его населения. Север России богат природными ресурсами. Здесь сосредоточено: 80% запасов всех полезных ископаемых России, в т.ч.: 93% газа, 90% алмазов и платиноидов, 83% серебра, 72% нефти и газового конденсата, 63% золота, 43% угля [2]. Территория занимает 11 млн. 931,1 тыс. кв. км, или

69,7% территории Российской Федерации. Большая часть площади Севера приходится на Азиатский Север – 61,8%, Европейский Север занимает 7,9% территории РФ. По плотности населения картина противоположная: на обширной территории Азиатского Севера она составляет всего 0,6, в то время как на Европейской части – 2,5 человека на кв. км. С 2014 г. в составе Севера выделены сухопутные территории Арктики, их площадь составляет 3651,7 тыс. кв. км, или 21,3% площади России. На 1 января 2016 г. там проживало 2 млн. 378 тыс. человек. Плотность населения низкая, примерно как на Азиатском Севере – 0,651 человек на кв. км [10].

В Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним, входит 294 городских округа и муниципальных района. Из них 132 (44,9%) расположены в районах Крайнего Севера, а 162 (55,1%) – в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера. Средняя площадь административной единицы, расположенной на Севере, составляет 40,6 тыс. кв. км, в том числе в районах Крайнего Севера – 66,7 тыс. кв. км, а в местностях приравненных – 19,3 тыс. кв. км. На Севере России расположено восемь национально-территориальных образований. В них проживают титульные этносы: карелы, коми, манси, ненцы, тувинцы, ханты, чукчи и якуты.

На 1 января 2016 г. на территории, относящейся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, проживало 9 млн. 971 тыс. 129 человек, или 6,80% населения России. На территории, полностью относимые к Крайнему Северу и местности, приравненные к ним, проживало 7 млн. 859 тыс. 053 человека, или 5,36% населения России. С 1990 по 2016 г. население Севера уменьшилось на 1 млн. 872 тыс. человек, в том числе на Европейском – на 1 млн. 384,6 тыс. человек и на Азиатском Севере – 487,4 тыс. человек (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям в 1990-2016 гг., тыс. человек

Регионы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Российская Федерация	**147665,1**	**148459,9**	**146890,1**	**143801,0**	**142833,5**	**146544,7**
Север России	**9731,1**	**9047,8**	**8454,5**	**8162,1**	**7943,6**	**7859,1**
Европейский Север	**4807,6**	**4492,5**	**4124,8**	**3828,6**	**3598,0**	**3423,0**
Республика Карелия	791,7	770,7	735,5	689,6	648,7	629,9
Республика Коми	1248,9	1156,8	1057,9	982,9	912,0	856,8
Архангельская область	1575,5	1498,2	1390,3	1299,2	1237,5	1174,1
Ненецкий АО	52,0	44,5	41,2	41,9	42,1	43,8
Мурманская область	1191,5	1066,9	941,1	856,9	799,8	762,2
Азиатский Север	**4923,5**	**4555,3**	**4329,7**	**4333,5**	**4345,6**	**4436,1**
Республика Саха (Якутия)	1111,5	1037,2	962,5	953,2	958,3	959,7
Республика Тыва	312,6	303,5	306,2	304,1	307,3	315,6
Камчатский край	476,9	421,6	372,3	343,9	323,2	316,1
Магаданская область	390,3	266,9	202,0	173,9	159,0	146,3
Сахалинская область	714,0	659,4	569,2	529,8	501,3	487,3
Ханты-Мансийский АО – Югра	1267,0	1293,0	1359,6	1462,2	1521,2	1626,8
Ямало-Ненецкий АО	489,2	478,0	496,3	514,6	524,1	534,1
Чукотский АО	162,1	95,8	61,6	51,8	51,2	50,2

По абсолютным потерям по мере убывания регионы распределились так: Мурманская область – 429,3 тыс. человек (36,0% от численности 1990 г.); Архангельская область – 401,4 тыс. человек (25,5%); Республика Коми – 392,1 тыс. человек (31,4%); Магаданская область – 244,0 тыс. человек (62,5%); Сахалинская область – 226,7 тыс. человек (31,8%); Республика Карелия – 161,8 тыс. человек (20,4%), Камчатский край – 160,8 тыс. человек (33,7%);

Республика Саха (Якутия) – 151,8 тыс. человек (13,7%); Чукотский АО – 111,9 тыс. человек (69,0%); Ненецкий АО – 8,2 тыс. человек (15,8%). В трех регионах наблюдался рост населения: в Ханты-Мансийском АО – Югра – 359,8 тыс. человек (128,4%), Ямало-Ненецком АО – 44,9 тыс. человек (109,2%) и Республике Тыва – 3,0 тыс. человек (101,0%).

Численность титульных национальностей Севера России. Масштабное привлечение населения на Север страны (добровольно или принудительно) было связано с реализацией крупных промышленных проектов [9]. Миграции населения из всех территорий Союза ССР на Север и Восток отразились на изменении этнической структуры осваиваемых/заселяемых территорий, ареалов проживания северных этносов. Больше всего подверглись миграционному влиянию такие титульные нации как: карелы, коми, манси, ханты и ненцы (в Ямало-Ненецком АО). Два народа – тувинцы и якуты остаются пока не только достаточно многочисленными титульными этносами на своих территориях, но они также занимают значительную долю в этнической структуре населения своих республик. Рассмотрим, как менялась структура коренных этносов за 1939-2010 гг. Республика Тыва представлена с 1959 г., что связано с вхождением в состав СССР 17 августа 1944 г. Все коренные/титульные этносы северных регионов России показывают разнонаправленную динамику по занимаемой доле в этнической структуре населения своих регионов (табл. 2).

Таблица 2

Доля титульного этноса в национальных регионах Российского Севера по данным переписей населения 1939-2010 гг., %

Регионы	Год образования	Титульный этнос	Годы						
			1939	1959	1970	1979	1989	2002*	2010*
Республика Карелия	1920	карелы	23,2	13,1	11,8	11,1	10,0	9,2	7,4
Республика Коми	1921	коми	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,3	23,7
Республика Саха (Якутия)	1922	якуты	56,3	46,4	43,0	36,9	33,4	45,7	49,9
Республика Тыва	1944	тувинцы	-	57,0	58,6	60,5	64,3	77,0	82,0
Ненецкий АО	1929	ненцы	11,8	10,9	15,0	12,8	11,9	19,0	18,6
Ханты-Мансийский АО	1930	манси	6,2	5,0	2,5	1,1	0,5	0,7	0,8
		ханты	13,1	9,0	4,5	1,9	0,9	1,2	1,3
Чукотский АО	1930	чукчи	56,3	21,4	10,9	8,1	7,3	24,0	26,7
Ямало-Ненецкий АО	1930	ненцы	29,3	22,4	22,0	11,0	4,2	5,3	5,9

* в процентах к численности лиц, указавших национальную принадлежность

В 1939 г. общая численность северных этносов, проживающих в национальных регионах России, составляла 970 тыс. 999 человек, из них 622 тыс. 318 человек (64,1%) проживало на этнической родине. По переписи населения 2010 г. численность северных этносов в России увеличилась до 1 млн. 134 тыс. 829 человек, или на 16,9% по отношению к 1939 г. На этнической территории проживало 1 млн. 36 тыс. 298 человек (91,3%). Как видим за прошедшие 72 года северные этносы стали жить компактнее, что может одновременно свидетельствовать как о патриотических чувствах – желании жить на своей родине, так и социальном исключении, когда возможности за пределами своих сообществ остаются недоступными [3]. Анализируя данные табл. 2 можно также отметить, что для отдельных этносов – карелов, коми и чукчей переломным был 1959 г., когда их доля в составе населения сократилась примерно в два раза (к 1939 г.). Шло плавное уменьшение/рост доли в этнической структуре населения у якутов. Наиболее «пострадавшими» от миграций стали манси, ханты и ненцы из ЯНАО. Только тувинцы показывали завидную динамику роста как абсолютно, так и относительно.

Заметим, для того чтобы получить достаточно полную и достоверную картину динамики северных этносов, необходим развернутый анализ развития каждого народа. К аналогичным выводам пришел Д.Д. Богоявленский. Он отмечает, что поскольку такой прирост (очень разный – В.В.) наблюдался далеко не у всех народов Севера, и «недемографические» рост или убыль у них сильно разнятся, правильно разобраться с современной этнодемографической ситуацией у народов Севера можно, только рассматривая

ее по каждому народу и по отдельным территориям расселения. Ведь объединяя народы Севера в одну группу и оперируя этим термином, мы нередко забываем, что это очень разные народы [1, с. 59]. Уменьшение/рост абсолютной и относительной численности северных народов объяснить только демографическими факторами нельзя. Здесь, скорее всего, играли не последнюю роль факторы ассимиляции и факторы самоопределения себя с той или иной национальностью, в зависимости от «политической и экономической полезности» национальности [11, с. 8-10]. Теперь рассмотрим, как менялась численность и этническая структура населения в местах традиционного проживания коренных/северных этносов.

Карелы. С 1939 по 2010 г. численность карелов, проживающих в Российской Федерации, уменьшилась с 249855 до 60815 человек, в том числе проживающих в Республике Карелия с 108571 до 45570 человек. В 1939 г. на этнической родине проживало 43,5% от их общей численности в РФ, в 2010 г. уже 74,9%. За этот период времени заметно уменьшилась доля карелов в общей численности населения республики с 23,2 до 7,4%.

Коми. С 1939 по 2010 г. численность коми, проживающих в России, уменьшилась с 415173 до 228235 человек, в том числе проживающих в Республике Коми с 231301 до 202348 человек. В 1939 г. на этнической родине проживало 55,7% от их общей численности в стране, в 2010 г. уже 88,7%. За этот период времени заметно уменьшилась доля коми в общей численности населения республики с 72,5 до 23,7%.

Манси. С 1939 по 2010 г. численность манси, проживающих в России, увеличилась с 6295 до 12269 человек, в том числе проживающих в Ханты-Мансийском АО с 5768 до 10977 человек. В 1939 г. на этнической родине проживало 91,6% от их общей численности в стране, в 2010 г. уже 89,5%. За этот период времени в разы уменьшилась доля манси в общей численности населения округа с 6,2 до 0,8%.

Ненцы. С 1939 по 2010 г. численность ненцев, проживающих в России, увеличилась с 24716 до 44640 человек, в том числе проживающих в Ямало-Ненецком АО с 13454 до 29772 человек; в Ненецком АО с 5602 до 7504 человек. В 1939 г. на этнической родине проживало ненцев в Ямало-Ненецком АО 54,4% от их общей численности в стране, в 2010 г. уже 66,7%, в Ненецком АО соответственно 22,7% и 16,8%. За этот период времени в Ямало-Ненецком АО доля ненцев в общей численности населения округа уменьшилась с 29,3 до 5,9%; в Ненецком АО доля ненцев увеличилась с 11,8 до 18,6%.

Тувинцы. С 1959 по 2010 г. численность тувинцев, проживающих в Российской Федерации, увеличилась с 99864 до 263934 человек, в том числе проживающих в Республике Тыва с 97996 до 249299 человек. В 1959 г. на этнической родине проживало 98,1% от их общей численности в стране, в 2010 г. меньше – 94,5%. За этот период времени значительно увеличилась доля тувинцев в общей численности населения республики с 57,0 до 82,0%.

Ханты. С 1939 по 2010 г. численность хантов, проживающих в России, увеличилась с 18447 до 30943 человек, в том числе проживающих в Ханты-Мансийском АО с 12238 до 19068 человек. В 1939 г. на этнической родине проживало 66,3% от их общей численности в стране, в 2010 г. уже 61,6%. За этот период времени в десять раз уменьшилась доля хантов в общей численности населения округа с 13,1 до 1,3%.

Чукчи. С 1939 по 2010 г. численность чукчей, проживающих в России, увеличилась с 13830 до 15908 человек, в том числе проживающих в Чукотском АО с 12111 до 12772 человек. В 1939 г. на этнической родине проживало 87,6%% от их общей численности в стране, в 2010 г. уже 80,3%. За этот период времени в два раза уменьшилась доля чукчей в общей численности населения округа с 56,3 до 26,7%.

Якуты. С 1939 по 2010 г. численность якутов, проживающих в России, увеличилась с 241889 до 478085 человек, в том числе проживающих в Республике Саха (Якутия) с 233273 до 466492 человека. В 1939 г. на этнической родине проживало 96,4% от их общей численности в стране, в 2010 г. уже 97,6%. За этот период времени незначительно уменьшилась доля якутов в общей численности населения республики с 56,3 до 49,9%.

Этнический состав населения России и ее северных регионов. Для раскрытия взаимосвязи миграционных процессов и этнических структур сделаем следующее допущение. Представители всех этносов России имели примерно одинаковую интенсивность миграции, как за пределы своих национальных образований, так и в северные регионы России. В таком случае наиболее многочисленные этносы должны быть представлены в национальной структуре населения Севера согласно своей доле в составе населения России. Чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутое допущение рассмотрим национальный состав населения России, выделив в нем десять наиболее многочисленных национальностей, на долю которых в 2010 г. приходилось 91,94% (табл. 3).

Таблица 3

Национальный состав населения России по переписям населения 2002 г. и 2010 г., микропереписи населения 2015 г.

Национальность	Человек		% от указавших национальную принадлежность		Справочно, микроперепись населения 2015 г.	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	национальность	% от указавших
1. Русские	115889107	111016896	80,64	80,90	1. Русские	81,92
2. Татары	5554601	5310649	3,87	3,87	2. Татары	3,27
3. Украинцы	2942961	1927988	2,05	1,40	3. Чеченцы	1,07
4. Башкиры	1673389	1584554	1,16	1,15	4. Чуваши	0,94
5. Чуваши	1637094	1435872	1,14	1,05	5. Украинцы	0,93
6. Чеченцы	1360253	1431360	0,95	1,04	6. Башкиры	0,74
7. Армяне	1130491	1182388	0,79	0,86	7. Армяне	0,61
8. Аварцы	814473	912090	0,57	0,66	8. Осетины	0,58
9. Мордва	843350	744237	0,59	0,54	9. Мордва	0,56
10. Казахи	653962	647732	0,46	0,47	10. Ингуши	0,55

В число десяти наиболее многочисленных национальностей вошли представители трех этносов, представляющих сегодня независимые государства: Украину, Армению и Казахстан (украинцы, армяне и казахи). Доля указанных этносов в национальном составе населения России в 2010 г. составляла 2,73% (в 2002 г. – 3,30%). Пять этносов проживают в своих национальных республиках: татары, башкиры, чуваши, чеченцы, мордва – 7,65% (2002 г. – 7,71%). Аварцы проживают в своем большинстве в Республике Дагестан – 850011 человек (93,2% от общей численности, проживающих в России), на их долю приходится 29,4% населения республики. В национальной структуре населения России они увеличили свою долю на 0,09 п.п. Микроперепись населения 2015 г. зафиксировала иной состав наиболее многочисленных национальностей (табл. 3). Восьмое место «заняли» осетины, десятое ингуши; аварцы и казахи переместились на 11 и 13 место. Якуты стали занимать 12 позицию.

Теперь рассмотрим национальный состав населения Севера России. Также для анализа возьмем десять наиболее многочисленных этносов. Анализируя национальный состав населения Севера России можно отметить следующее. В национальном составе населения Севера РФ присутствует Украина. В структуре национальностей она и по России, и на Севере занимает третью позицию. Национальный состав Севера представляют еще два суверенных государства, но уже другие, в отличие от России: республики Беларусь и Азербайджан. Вместе с Украиной на их долю приходится 5,72% (в 2002 г. – 7,77%). Из приведенных цифр следует, что в национальном составе населения Севера украинцев, белорусов и азербайджанцев в 2010 г. стало на 2,05 п.п. меньше, чем было в 2002 г. (табл. 4).

Таблица 4

Национальный состав населения Севера России по переписям населения 2002 г. и 2010 г.

Национальность	человек		% от указавших национальную принадлежность	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
1. Русские	5798139	5359227	70,39	71,10

2. Якуты	433210	467321	5,26	6,20
3. Украинцы	456561	297495	5,54	3,95
4. Тувинцы	235735	249704	2,86	3,31
5. Коми	275548	216379	3,35	2,87
6. Татары	189245	175628	2,30	2,33
7. Белорусы	129233	80235	1,57	1,06
8. Азербайджанцы	54625	53728	0,66	0,71
9. Башкиры	52893	50661	0,64	0,67
10. Карелы	68787	47444	0,84	0,63

Из десяти этносов, проживающих на Севере, шесть представляют свои национальные республики: якуты, тувинцы, коми, татары, башкиры и карелы. Их доля в национальной структуре населения Севера составляет 16,01% (в 2002 г. – 15,25%). Можно отметить, что указанные этносы увеличили свое представительство на 0,76 п.п. Четыре этноса представляют республики, чьи территории относятся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям: якуты, тувинцы, коми и карелы. На их долю приходится 13,01% (в 2002 г. – 12,31%). Как видим северные народы увеличили свое представительство на 0,7 п.п. за счет якутов и тувинцев. Однако в абсолютном исчислении с 2002 по 2010 г. произошло уменьшение этих этносов с 1 млн. 013 тыс. 280 человек до 980 тыс. 848 человек, абсолютная убыль составила 32 тыс. 432 человека. Здесь также можно добавить, что одиннадцатую позицию в структуре национальностей населения Севера занимают ненцы – 39 тыс. 940 человек, в том числе из них проживали на Европейском Севере – 8 тыс. 676 человек и на Азиатском Севере – 31 тыс. 264 человека (2010 г.)

Рассмотрев национальную структуру населения России и Севера РФ можно отметить следующее. Из десяти многочисленных этносов России на Севере РФ в первой десятке представлены четыре: русские, украинцы, татары и башкиры. Остальные шесть этносов по своей доле в этнической структуре населения Севера занимают следующие места: чуваши – 13, армяне – 21, мордва – 27, чеченцы – 28, казахи – 31 и аварцы – 37 (табл. 5).

Таблица 5

Место, занимаемое отдельными этносами в национальной структуре населения России и Севера России по переписи населения 2010 г.

Национальности	Российская Федерация	Север России	Европейский Север	Азиатский Север
1. Русские	1	1	1	1
2. Татары	2	6	6	5
3. Украинцы	3	3	3	4
4. Башкиры	4	9	16	6
5. Чуваши	5	13	8	14
6. Чеченцы	6	28	32	27
7. Армяне	7	21	12	21
8. Аварцы	8	37	35	34
9. Мордва	9	27	14	26
10. Казахи	10	31	29	30

По-разному представлены эти этносы на Европейском и Азиатском Севере. Европейским регионам отдали предпочтение чуваши, армяне и мордва; Азиатскому Северу – башкиры. Частично объяснить эти предпочтения можно расстоянием между территориями обмена мигрантами и схожестью отраслевой специализации отдающих и принимающих сторон. Этническая специализация зависит от стажа миграции между территориями и от укорененности диаспоры в принимающей среде [6, с. 212].

В заключение отметим, что на всем протяжении освоения, а затем и обживания Севера России, миграции вносили существенные изменения, как в численность, так и в демографические структуры населения. Особенно заметно это отразилось на этнических структурах тех регионов, где население было сформировано миграциями. Как результат

коренные этносы стали составлять незначительный удельный вес в составе населения своих национально-территориальных образованиях. Из наиболее многочисленных этносов России только русские, украинцы, татары и башкиры принимают активное участие в заселении северных регионов. Чтобы сгладить негативные последствия миграций (утрата национальной культуры и родного языка аборигенным населением) региональным правительствам необходимо проводить целенаправленную национальную политику, призванную сохранить культуру и язык аборигенного населения.

© Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Текст. 2017

Благодарность

Работа выполнена при поддержке комплексной программы УрО РАН, проект № 15-19-7-2 «Миграционные процессы на Российском Севере: между ассимиляцией и мультикультурализмом» (2015-2017 гг.).

Список источников

1. Богоявленский Д.Д. Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. 2005. №8. С. 55-61.

2. Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930-1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Том XIX. №1 (84). С. 90-109.

3. Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар. 2014. №3 (19). С.144-151.

4. Рыбаковский Л.Л. Депопуляция и ее этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. №4. С. 18-28.

5. Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В. Взаимодействие миграционных и этнических процессов // Социологические исследования. 1982. №4. С. 27-34.

6. Соболева С.В., Октябрьская И.В., Антропов Е.В. Человеческий потенциал городов Сибирского федерального округа: оценка этнических рисков в контексте развития миграции // Регион: экономика и социология. 2013. №4(80). С. 198-220.

7. Фаузер В.В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Серия препринтов «Научные доклады» / Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, 1992. Вып. 293. 32 с.

8. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Принудительные миграции советского периода: хронология и масштабы // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сб. матер. VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д. социол. наук А.И. Кузьмин. Том I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. С. 124-131.

9. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2015. №3. С.151-168.

10. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. №2. С. 40-50.

11. Фаузер В.В. Финно-угорские народы: история демографического развития. Сыктывкар, 2005. 24 с.

Информация об авторах

1. Фаузер Виктор Вильгельмович (Российская Федерация, Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем,

заведующий лабораторией демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: fauzer@iespn.komisc.ru, http://vvfauzer.ru).

2. Лыткина Татьяна Степановна (Российская Федерация, Сыктывкар) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: tlytkina@yandex.ru).

3. Фаузер Галина Николаевна (Российская Федерация, Сыктывкар) – научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru).

Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N.

THE MIGRATION IMPACT ON POPULATION' S ETHNIC STRUCTURE IN THE RUSSIAN NORTH

The dynamics of population and the ethnic structure in the Russian North are considered. Special attention is paid to ethnic groups with national-territorial entities. It is concluded that the population's ethnic structure of the host territories has changed under the migrations influence.

Keywords. Russian North, ethnic structure, migration, nationality

Information about authors

1. Fauzer Victor Vilgelmovich (Syktyvkar, Russia) – PhD, Professor, the head of the department of socio-economic problems and the laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian academy of sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, the Komi Republic, Russian Federation, 167982, e-mail: fauzer@iespn.komisc.ru; http://vvfauzer.ru).

2. Lytkina Tatyana Stepanovna (Syktyvkar, Russia) – PhD, senior researcher of laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian academy of sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, the Komi Republic, Russian Federation, 167982, e-mail: tlytkina@yandex.ru).

3. Fauzer Galina Nikolaevna (Syktyvkar, Russia) – researcher of laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian academy of sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, the Komi Republic, Russian Federation, 167982, e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru).

УДК: 316

Т.С. Лыткина, В.В. Фаузер

РОДИТЕЛЬСТВО ГЛАЗАМИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

На основе мониторинга репродуктивных установок студенческой молодежи рассматриваются различные оценки родительства: материнства, совместного проживания родителей с детьми, ожидание помощи от детей в старости. Приводятся ценностные ориентации молодежи, оценивается влияние детей на их жизнедеятельность.

Ключевые слова. Родительство, дети, материнство, семейные стратегии, иерархия ценностей

Совсем недавно термин «родительство» использовался редко. В последнее время ему уделено достаточно много внимания. Его появление связано с фундаментальными работами в области брачно-семейных отношений: Антонова А.И., Волкова А.Г., Голода С.И., Гурко Т.А., Дарского Л.Е., Елизарова В.В., Клецина А.А., Кона И.С., Мацковского М.С., Овчаровой Р.В., Панкратовой М.Г., Синельникова А.Б., Сысенко В.А., Харчева А.Г, Хоменко А.П., Черновой Ж.В. и др. Много близких к этой тематике работ по психологии и педагогике родительства, в которых поднимаются вопросы о природе родительских чувств, об их отсутствии или неразвитости, а также об их динамическом развитии в исторической ретроспективе [6]. Наряду с «традиционными» (классическими) представлениями о родительстве, как о биологической и социальной связи между супругами и детьми, появились «современные», представляющие родительство как новый тип солидарности, формирующийся на основе разделения идеологии ответственного родительства для решения конкретных проблем [12]. В то же время в условиях трансформации института семьи исследований оценки родительства сквозь призму системы жизненных ценностей населения (особенно молодежи) явно недостаточно. Остаются открытыми вопросы: «Как в условиях трансформации семьи и гендерных ролей меняется отношение к родительству у молодежи?», «Насколько они готовы к созданию семьи и рождению детей?».

Для постановки проблемы и первичного анализа использованы материалы социологических опросов, направленных на изучение репродуктивных установок студентов, которые, на наш взгляд, тесно связаны с родительством. С описанием выборки можно ознакомиться в работах [5, с. 36-38; 10]. Отталкиваясь от «традиционных» представлений о сущности родительства, основные вопросы анкеты были сфокусированы на ценностях создания семьи, потребности в рождении детей, их подготовке к самостоятельной жизни (социализации), особое внимание уделено изучению роли и значимости супружества, а также возможности совместного проживания разных поколений.

Одно из распространенных мнений среди ученых сегодня – это рассуждения по поводу «кризиса» семьи в современном мире, без которого традиционная реализация «родительства» невозможна. Чтобы стать родителем, необходимо выполнить минимум два условия: создать семью и родить ребенка, Желание создать семью и родить ребенка во многом зависит от того, как молодежью оценивается «материнство». Отвечая на вопрос: «Является ли материнство основной целью каждой женщины?», студенческая молодежь ответила следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Является ли материнство основной жизненной целью каждой женщины», 2011-2013 гг., %

Оценка материнства:	2011 г.	2012 г.	2013 г.
безусловно, да (без выполнения роли матери женская судьба вообще не состоится)	42,9	45,6	39,5
одна из жизненных задач	26,7	26,5	28,3
каждая женщина вправе сама решать вопрос о материнстве	30,4	27,9	32,2

Как видно из ответов, большая часть респондентов считает «безусловно, да, без выполнения роли матери женская судьба вообще не состоится» – 39,5% (2011 г. – 42,9%, 2012 г. – 45,6%). Иными словами, институциональное требование к каждой женщине «быть матерью», особенно актуальное в советское время, сохраняется и сегодня. В обществе, по-прежнему, доминирует мнение, что материнство – одна из жизненных задач женщины. Однако уже сегодня каждый третий респондент «предоставляет» женщине возможность самой решать, становится ей матерью или нет. Несмотря на распространение принципа

индивидуализма и потребительских настроений среди россиян, потребность в детях остается одной из важнейших жизненных ценностей. Так после желания «иметь хорошее здоровье» – 81,6% (2011 – 80,7%, 2012 – 74,0%), «материальное благополучие» – 74,6% (2011 – 79,7%, 2012 – 72,3%), дети занимают третье место и составляют 64,9% (2011 – 62,5%, 2012 – 59,3%). На четвертом месте «хорошие жилищные условия» – 58,2% (2011 – 60,1%, 2012 – 55,9%).

Иерархия ценностей молодежи логична и оправдана современными условиями жизни. Имея хорошее здоровье (1), материальное благополучие (2) можно родить первенца (3), ну а потом приобрести хорошее жилье (4). Не менее значимыми факторами для реализации родительства, но в то же время одно из важнейших условий материального благополучия, молодежь выделяет фактор – достижение успехов в работе 53,8% (2011 – 55,4%, 2012 – 47,6%). Важность стабильного брака поддерживает примерно половина респондентов – 51,7% (2011 – 47,9%, 2012 – 43,3%); необходимость «реализовать себя в различных сферах жизни» видят 41,4% (2011 – 40,2%, 2012 – 36,8%) юношей и девушек. Несмотря на то, что наличие детей находится в рейтинге самых значимых жизненных ценностей, создание семьи как необходимого условия для родительства, – не является ведущим. Оно занимает лишь восьмую позицию, ее осознают 37,3% (2011 – 38,3%, 2012 – 33,7%) респондентов. Далее по значимости следует «интересно проводить досуг» – 25,4% (2011 – 27,4%, 2012 – 25,0%). Приоритеты молодежи в пользу материального благополучия и профессиональной самореализации могут свидетельствовать не только о формировании потребительского общества и возможностей самореализации молодежи, но и ответственного родительства. Для многих студентов отцовство и материнство представляется очень тяжелым трудом. Родительский труд предполагает самоотверженность, стойкую выдержку и много усилий. В глазах молодых людей это выглядит действительно обременяющим фактом [9, с. 259].

Таким образом, сознание молодежи оказывается «зажато» между традиционными представлениями о родительстве, формирующимися потребительскими предпочтениями и осознаваемыми трудностями жизненных ситуаций, связанных с созданием семьи и рождением детей. Неудивительно, что после окончания учебы более половины респондентов заинтересованы в поиске работы – 53,8%; около трети студентов планируют продолжить учебу и параллельно работать – 28,9%; продолжить учебу (пойдут на другую специальность, магистратуру, аспирантуру) – 14,9%. Планируют родить ребенка и заняться его воспитанием – 13,4%. Пойдут в армию – 10,1%. Имеют возможность создать семью и не работать – 1,9% (Коми, 2013 г.). Студенты Уральского федерального университета, отвечая на вопрос: «Какие планы у Вас лично после окончания вуза (в течение последующих 3-5 лет)? отдали предпочтение: найти хорошее место работы, которое бы устраивало меня по всем позициям – 64%; материально «крепко встать на ноги» (купить квартиру, машину, хорошо зарабатывать) – 63%; выйти замуж – 57%; родить ребенка – 46% [7, с. 300]. В опросе принимали участие только девушки, поэтому семья и дети занимают более значимые позиции, чем у студентов Коми. Но и работа, и материальное благополучие тоже стоят на первом месте.

Материальные и жилищные проблемы являются основными препятствиями при создании семьи. Приведем ответы на вопрос «Если Вы встречаетесь с молодым человеком/девушкой и намерены создать семью, то что Вам мешает это сделать?»: отсутствие собственного жилья представляется наиболее значимым препятствием для 44,2% молодежи, нет материальных возможностей – 41,2% и 39,9% респондентов смущают не столько жизненные трудности, связанные с материальным достатком, сколько неуверенность в чувствах партнера. Поэтому прежде чем создать семью, они сначала предпочитают пожить совместно в гражданском браке. Для 31,1% создание семьи во время учебы является помехой, а 2,2% респондентам запрещают родители, по всей видимости, по той же причине – необходимости окончания учебы до создания семьи (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы встречаетесь с молодым человеком/девушкой и намерены создать семью, то что Вам мешает это сделать», 2011-2013 гг., %

Варианты ответов, что мешает создать семью:	2011 г.	2012 г.	2013 г.
нет материальных возможностей	36,6	42,5	41,2
отсутствие собственного жилья	43,8	49,9	44,2
запрещают родители	2,5	2,8	2,2
сначала нужно пожить вместе, проверить свои чувства	32,6	35,5	39,9
учеба и все, что с ней связано	31,8	30,9	31,1
другое	2,6	3,1	5,3

Следует отметить лояльность молодежи к гражданскому браку. В своем большинстве студенты считают, что «сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем регистрировать брак» – 56,5%, «регистрация брака желательна, но не обязательна» – 28,4%, «супружеские отношения возможны только после регистрации брака» – 13,7%. Привлекательность гражданского брака заключается в том, что он дает возможность не только проверить чувства влюбленных, готовность к совместному проживанию и решению проблем, накопить опыт «супружеских» отношений, но и разорвать отношения в любое удобное время для партнеров. В последнем случае предполагается сохранение личной свободы и независимости при наличии постоянного партнера в сексуальных отношениях. Распространение гражданского брака респонденты чаще всего связывают с неуверенностью в брачном партнере. Двадцать семь лет назад для студентов Республики Коми материальные и жилищные проблемы также стояли на первом плане, а желание личной свободы, трудности и ошибки в возможном выборе спутника жизни отходили на второй план. Примечательно, что для 38% девушек не хватало женихов [11, с. 24]. Возможно, сегодня проявляется и собственная нерешительность или нежелание прикладывать усилия молодых людей при выборе спутника жизни. Среди причин распространения гражданского брака не последнее место занимает ослабление социального контроля [1, с. 272-273]. Действительно, довольно часто гражданский брак выступает в наше время как возможность проверки чувств, в то время как раньше такой возможности практически не было, даже если женщина уже имела детей, она была вынуждена выйти замуж или отказаться от замужества вовсе [4, с. 58; 3]. В советские времена сожительство без регистрации брака обществом не приветствовалось, порицалось.

Признавая важность института материнства, необходимо учитывать, что рождение детей изменит личную жизнь молодой семьи (матери и отца ребенка), придаст ей новые черты, наложит ответственность за жизнь и благополучие ребенка. Рассмотрим, как оценивают респонденты возможные перемены в личной жизни, связанные с рождением детей. Более половины опрошенных студентов считают, что рождение детей не ухудшит их материальное положение – 57,7%, не ограничит свободу и возможность самореализации – 58,5%, не будет препятствовать карьерному росту – 57,6%. В то же время нельзя не учитывать мнение тех, кто считает, что рождение детей ухудшит качество их жизни, их доля составляет от 20 до 30% (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Скажите, в какой степени Вы согласны со следующими суждениями», 2011-2013 гг., %

С какими суждениями согласны:	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Рождение детей ухудшает материальное положение семьи			
согласны	29,5	24,1	26,6
не согласны	56,5	61,2	57,7
затруднились ответить	14,0	14,7	15,7
Рождение детей ограничивает свободу, возможность самореализации личности			
согласны	28,7	27,2	26,5

не согласны	59,8	58,3	58,5
затруднились ответить	11,5	14,5	15,0
Рождение детей препятствует карьерному росту родителей			
согласны	23,6	22,4	20,7
не согласны	58,0	59,1	57,6
затруднились ответить	18,4	18,5	21,7

В ходе опроса, не задавая прямого вопроса, было выяснено, почему многие семьи не хотят иметь много детей (2013). На первое место студенты поставили: трудности материального порядка, т.к. содержание детей становится все дороже – 74,7%; считают, что у них плохие жилищно-бытовые условия – 56,4%; неуверенность в завтрашнем дне – 40,5%. С 2011 по 2013 г. значимость жилищного и материального факторов возросла, а неуверенности в будущем стали придавать меньшее значение. Важными являются еще три причины: боятся трудностей, связанных по уходу за детьми – 24,9%; не уверены в прочности своей семьи – 18,9% и страх остаться без работы – 16,2% (2013 г.). Меньше среди опрошенных стало тех, кто считает, что дети помешают им жить так, как хочется: их доля уменьшилась с 14,9% в 2011 г. до 10,8% в 2013 г. (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, почему некоторые семьи не хотят иметь много детей», 2011-2013 гг., %

Варианты ответов о том, что мешает иметь много детей:	2011 г.	2012 г.	2013 г.
считают, что у них плохие жилищно-бытовые условия	53,4	51,1	56,4
не уверены в прочности своей семьи	19,4	19,2	18,9
боятся трудностей ухода за детьми	28,0	27,4	24,9
чувство неуверенности в завтрашнем дне	46,2	43,1	40,5
женщины стали слабее здоровьем	7,8	8,9	8,6
страх остаться без работы	18,0	16,8	16,2
трудности материального порядка, т.к. содержание детей становится все дороже	71,8	64,5	74,7
супруги считают, что дети помешают им жить так, как хочется	14,9	12,1	10,8
другое	2,2	1,2	0,9

Характерной чертой эпохи индустриализации и урбанизации общества был распад родственных связей и нуклеаризация семьи. Несмотря на процессы трансформации института семьи, родительство предполагает установки на совместное/раздельное проживание и оценки вероятности помощи детей в старости. Проблема эта не нова и имеет богатую историю, не останавливаясь на ней подробно, отошлем к работе [8]. Рассмотрим два аспекта этой проблемы: совместное проживание сегодня и на старости лет.

Современная молодежь считает предпочтительным вариантом, когда молодые супруги с детьми живут в одном населенном пункте с родителями, но на разной жилплощади – 80,0%, незначительная часть считает лучшей альтернативой, когда жизнь проходит в разных населенных пунктах – 8,1% и совсем мало тех, кто отдает предпочтение совместному проживанию дети-родители – 4,5% (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос о вариантах проживания молодых семей с родителями, 2011-2013 гг., %

Варианты ответов на совместное проживание:	2011 г.	2012 г.	2013 г.
вместе, в одной квартире, коттедже	4,0	6,1	4,5

в одном населенном пункте, но на разной жилплощади	76,5	69,9	80,0
лучше в разных населенных пунктах	12,5	12,2	8,1
это не имеет значения	7,0	11,8	7,4

Привязанность молодежи к родителям (жить раздельно, но не далеко) объясняется как детоцентризмом старшего поколения, готового помогать своим детям практически до зрелости детей, так и ориентацией самих детей на помощь родителей в сложных реалиях российского рынка.

Как и в ответах на предыдущий вопрос, современная молодежь в старости предпочтет жить без взрослых детей, состоящих в браке, четвертая часть не определилась и только незначительная часть студентов готова на совместное проживание (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы на старости лет проживать вместе с детьми, состоящими в браке», 2011-2013 гг., %

Варианты ответов на совместное проживание:	2011 г.	2012 г.	2013 г.
да	3,4	4,5	4,3
нет	73,7	70,6	70,0
трудно сейчас сказать	22,9	24,9	25,7

Ориентация на детоцентризм сохраняется и у самой молодежи. Так, более половины респондентов надеются на помощь детей в старости – 67,8%; десятая часть хотела бы, но не уверена в ее оказании – 9,3%, незначительная доля опрошенных надеется только на себя – 7,1% (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Надеетесь ли Вы на поддержку детей в старости», 2011-2013 гг., %

Варианты ответов о поддержке детей в старости:	2011 г.	2012 г.	2013 г.
да, надеются	67,5	63,8	67,8
хотели бы, но не уверены в этом	10,9	11,6	9,3
нет, надеются только на себя	6,9	8,1	7,1
не думали об этом	14,7	16,5	15,8

На возможность стать родителем и иметь детей оказывает влияние состояние здоровья у молодежи. Опрос показал, что, несмотря на молодость, только 70,8% опрошенных отметили, что у них хорошее здоровье и особых жалоб нет; каждый пятый (21,1%) считает, что в последнее время здоровье стало хуже; страдают хроническими заболеваниями – 5,5%; постоянно себя плохо чувствуют – 2,6%. Продолжая тему здоровья можно отметить, что отвечая на вопрос: «Есть ли у Вас какие-либо заболевания, препятствующие рождению детей?» – 76,4% ответили – нет; не знают – 19,2% и только 4,4% знают о своей проблеме (2013 г.). Согласно статистике в России 15% семейных пар не могут иметь детей. Всемирная организация здравоохранения говорит о 5% бесплодного населения. Как видим для России бесплодие – проблема номер один. Фактически людей, которые не хотят или не могут иметь детей, гораздо больше. Подсчитать их количество невозможно.

Таким образом, несмотря на рост ценностей индивидуализма, гедонизма, потребительства в российском обществе ценность родительства сохраняется [2]. Отсроченное родительство не только (и возможно не столько) связано с ростом рыночных идеалов, но и ответственностью в решении жизненных проблем своих и своей семьи. Еще раз подчеркнем, что сознание современной молодежи оказалось «зажато» между традиционными представлениями о родительстве, формирующимися потребительскими предпочтениями и осознаваемыми трудностями жизненных ситуаций, связанных с созданием семьи и рождением детей. В то же время нельзя не отметить низкую значимость

семейных отношений, как крепкой стабильной семьи, ориентированной на рождение и воспитание детей, их социализацию в общество.

© Лыткина Т.С. Фаузер В.В. Текст. 2017

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №16-03-00078.

Список источников

1. Барашкова А.С., Стручкова Е.С. Гражданский брак в Якутии: мнения студенческой молодежи // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сб. ст. VII Уральский демографического форума с междунар. участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д-р социол. наук А.И. Кузьмин. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. С. 271-275.

2. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 164 с.

3. Лыткина Т.С. Институциональные контексты одинокого материнства в России // Историческая демография. 2010. №2 (6). С. 67-71.

4. Лыткина Т.С. Распределение власти в семье как фактор стратегий занятости и организации домохозяйства // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2001. №16-17. С. 50-65 [http://vvfauzer.ru/lab/lytkina/Power_Distribution.pdf (дата обращения: 14.04.2017)].

5. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер, В.А. Залевский; отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с. (Б-ка демографа, вып. 17).

6. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 496 с.

7. Павлова В.И., Павлов Б.С., Сарайкин Д.А., Степанова А.Ю. Семья и семейная жизнь в сознании и жизненных планах студенток уральских вузов // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сб. ст. VII Уральский демографического форума с междунар. участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д-р социол. наук А.И. Кузьмин. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. С. 299-306.

8. Семья, дом и узы родства в истории / Под общ. ред. Т. Зоколла, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбома; Отв. ред. О.Е. Кошелева; Пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона, пер. с франц. Л.А. Пименовой. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2004. 285 с. (Серия «Современные направления в исторической науке: серия переводов». Т.2).

9. Фарафонова А.И., Амбарова П.А. Репродуктивные установки студенческой молодежи: проблемы и способы формирования // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сб. ст. VII Уральский демографического форума с междунар. участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д-р социол. наук А.И. Кузьмин. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. С. 257-261.

10. Фаузер В.В. Репродуктивные установки студенческой молодежи: социологическое измерение // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: Сборник материалов IV Уральского демографического форума с международным участием (23-24 мая 2013 г., г. Екатеринбург). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. С. 171-176.

11. Фаузер В., Харитонова Н. Студенческая семья // Вестник политической информации. 1990. №12. С. 23-24.

12. Чернова Ж.В. Родительство в современной России: политика государства и гражданские инициативы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 1. С. 51-61.

Информация об авторах

Лыткина Татьяна Степановна (Российская Федерация, Сыктывкар) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: tlytkina@yandex.ru; http://vvfauzer.ru/lab/lytkina).

Фаузер Виктор Вильгельмович (Российская Федерация, Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем, заведующий лабораторией демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: fauzer@iespn.komisc.ru, http://vvfauzer.ru).

Lytkina T.S., Fauzer V.V.

PARENTHOOD THROUGH THE STUDENTS' EYES

Using the monitoring of reproductive attitudes of students, the article examines various assessments of parenthood, that include motherhood, the problems of living in the same household with parents, expecting help from children by parents in old age. The article shows value orientations of young people and the impact of having children on their livelihoods.

Keywords. Parenthood, children, motherhood, family strategies, hierarchy of values

Authors

Lytkina Tatyana Stepanovna (Syktyvkar, Russia) – PhD, senior researcher of laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian academy of sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, the Komi Republic, Russian Federation, 167982, e-mail: tlytkina@yandex.ru; http://vvfauzer.ru/lab/lytkina).

Fauzer Victor Vilgelmovich (Syktyvkar, Russia) – PhD, Professor, the head of the department of socio-economic problems and the laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre Ural Branch of the Russian academy of sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, the Komi Republic, Russian Federation, 167982, e-mail: fauzer@iespn.komisc.ru; http://vvfauzer.ru).

Научное издание

Демографический потенциал стран ЕАЭС

VIII Уральский демографический форум
(г. Екатеринбург, 8-9 июня 2017 г.)

Том II

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол № 7 от 19.09.2017 г. Рег. № 34 (17)

Технический редактор Е. Х. Тухтарова

Подписано в печать 2.10.2017. Формат 60x84/16.
Усл. п. л. 31. Уч. – изд. л. 35. Тираж 500 экз. Заказ № …

Отпечатано в типографии ООО Издательский Дом «Анжур»
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54